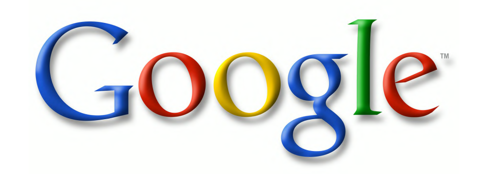

SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE RI TAS

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1907.

ІЮЛЬ.—АВГУСТЪ.—СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Надежда», Морская, 65.
1907.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVIII-й. ІЮЛЬ. 1907 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Надежда», Морская, 65.

1907.

VII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюля 1907 года.

Библіографическій листокъ.

Е. С. Шумигорскій. Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованіе. С.-Петербургъ. 1907 годъ.

Среди дѣятелей по наукѣ русской исторіи у насъ выработались разнообразные типы писателей. Одни—представители университетской науки, воспитанные въ соотвѣтственной обстановкѣ, дѣлаютъ въ своихъ трудахъ всесторонній обзоръ цѣлымъ эпохамъ, изслѣдуютъ по различнымъ періодамъ правовые институты, даютъ наконецъ полные курсы; ограничиваясь ранѣе тщательнымъ анализомъ матеріаловъ, за послѣдніе годы они обращаются уже и къ крупнымъ научнымъ обобщеніямъ; вниманіе ихъ устремлено главнѣе всего на народно-хозяйственные, юридическіе и культурно-бытовые вопросы. Ихъ можно назвать академиками въ первоначальномъ смыслѣ, создателями истинно научной литературы. Лучшіе изъ таковыхъ въ наши дни Ключевскій.

Изъ ряда другихъ категорій—исторіографовъ, бытописателей и т. п. —выдѣляется одна, въ коей наиболѣе яркой величиной былъ покойный Н. К. Шильдеръ. Не профессора, не каѳедральные ученые, они горячо любятъ свое дѣло и, полюбивъ, изучаютъ настолько, что заслуженно пріобрѣтаютъ почетное званіе историковъ. И здѣсь мы часто встрѣчаемъ тонкій анализъ, критическую провѣрку новыхъ матеріаловъ, добросовѣстную архивную работу, но рамки ихъ изысканій уже иныя: по большей части ихъ плѣняетъ исторія правителей,—народъ и вопросы, связанные съ его существованіемъ, отодвигаются, уступая мѣсто изученію личныхъ характеровъ царствовавшихъ и ихъ приближенныхъ: придворная жизнь, внѣшнія сношенія пріобрѣтаютъ важное значеніе. Польза дѣятельности такихъ писателей не нуждается, разумѣется, въ доказательствахъ, все же сказанное служитъ лишь для уясненія объема и характера требованій, кои могутъ быть предъявлены къ этимъ изслѣдованіямъ; сюда именно относится предложенная для разсмотрѣнія книга.

Е. С. Шумигорскій—авторъ весьма замѣтный въ своей сферѣ и, занявшись главнымъ образомъ царствованіемъ Императора Павла I, далъ уже работы, посвященныя изученію лицъ близкихъ къ нему, какъ напр. „Императрица Марія Ѳеодоровна“, „Екатерина Ивановна Нелидова“. Настоящій томъ разсчитанъ на широкій кругъ читателей и ограничиваясь важнѣйшими фактами даетъ интересующемуся должное представленіе о жизни и дѣятельности „мальтійскаго рыцаря на русскомъ престолѣ“, стремившагося, подобно Іосифу II австрійскому, къ созданію образцоваго полицейскаго государства; всѣ рецепты европейскихъ теоретиковъ—полицеистовъ были обращены въ дѣйствіе, дабы осуществить искомый идеалъ государственнаго благоденствія. Философіей были проникнуты первые опыты Екатерины, философіей же, но иного рода, руководился въ своей дѣятельности и Павелъ. Жизнь обывателей должна была сплошь передѣлываться по новымъ фасонамъ. „Воспрещено было употребленіе круглыхъ шляпъ, отложныхъ воротниковъ, фраковъ и т. п.: все это были моды „развратной,“ революціонной Франціи; зато всѣмъ обывателямъ изъ дворянъ и чиновниковъ велѣно было носить пудру и косичку, или гарбейтель, а волосы зачесывать назадъ, а отнюдь не на лобъ. Для уничтоженія роскоши указано было число лошадей для выѣзда, сообразно рангамъ владѣльцевъ“. Гатчинскія дѣйствія Павла и его подчиненныхъ слѣдовали быстро и рѣшительно подобно голландскимъ распоряженіямъ Петра.

„На другой же день послѣ восшествія Павла на престолъ человѣкъ 200 солдатъ и драгунъ, раздѣленныхъ на три или на четыре партіи, бѣгали по улицамъ и, во исполненіе повелѣнія, срывали съ проходящихъ круглыя шляпы и истребляли ихъ до основанія; у фраковъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1907 годъ,

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъдокументовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, насколько они доступны для частнаго человѣка, конечно имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, и матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простого обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА“, имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, вступая въ 1907 году на тридцать восьмой годъ своего существованія, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду измѣнившіяся условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала. Сохраняя своихъ прежнихъ, многочисленныхъ, сотрудниковъ, редакція получила согласіе на помѣщеніе въ журналѣ трудовъ слѣдующихъ лицъ: П. Я. Дашкова, П. А. Ефремова, А. Ѳ. Кони, С. Ф. Платонова, М. А. Поліевктова, В. И. Саитова и С. М. Середонина.

Въ 1907 году будутъ напечатаны: изъ автобіографическихъ воспоминаній ...фа Л. Н. Толстого, записки генерала Зотова, записки основателя „Рус... й Старины“ М. И. Семевскаго, де-Санглена, Тургенева, Петрушевскаго, ...рскаго, Никитина, Золотарева, графа Головкина, Каразина и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты ...ающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. ...налъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по ...к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

и

Историческая библіотека.

До послѣдняго времени множество историческихъ сочиненій, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, полныхъ научныхъ достоинствъ, появлявшихся въ западной Европѣ въ разное время, были совершенно недоступны для русской интеллигенціи. Наиболѣе замѣчательные ученые труды иностранныхъ историковъ, пользующихся повсюду европейскою извѣстностью, даже въ оригиналѣ, на иностранныхъ языкахъ, допускались только для немногихъ привилегированныхъ лицъ. Нынѣ, для пополненія этого важнаго пробѣла въ исторической литературѣ, при редакціи журнала „Русская Старина“ будутъ издаваться историческія сочиненія извѣстныхъ авторовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, въ полномъ ихъ объемѣ и безъ пропусковъ. Нынѣ готовится къ печати соч. Луи Блана—Исторія французской революціи; Дебидура—Дипломатическая исторія Европы отъ Вѣнскаго конгресса 1814 г. до Берлинскаго 1878 г.; Альберъ Сорель—Европа и французская революція и др.

Сочиненіе Л. Блана начнетъ выходить съ іюня мѣсяца; объемъ каждаго тома будетъ въ 30 листовъ формата „Русской Старины“ (480 страницъ). Цѣна 3 р. за томъ; съ перес. 3 р. 50 к.

Подписчики журнала „Русская Старина“ пользуются уступкою: подписавшіеся на Историческую библіотеку при подпискѣ вносятъ за первые два тома, вмѣсто 6 р., пять, а остальная сумма уплачивается по 2 р. 50 к. впередъ за каждый послѣдующій томъ; послѣдній же томъ высылается безплатно.

1 ноября 1907 г. льготная подписка прекращается и цѣна каждаго тома будетъ 3 р. и 3 р. 50 съ пересылкой.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Русская Старина“, Фонтанка, 145.

Баронъ Артуръ Павловичъ Моренгеймъ и его роль во франко-русскомъ сближеніи

въ воспоминаніяхъ Ю. Ганзена [1]).

1884—1898.

(Окончаніе).

V.

Арестъ русскихъ революціонеровъ во Франціи.—Посѣщеніе Кронштадта французской эскадрой.—Заключеніе союзнаго договора.—Впечатлѣніе, произведенное этими событіями въ Европѣ.—Привѣтственныя рѣчи.—Роль Ю. Ганзена въ переговорахъ.

22 февраля 1889 г. Флоке уступилъ мѣсто Тирару, сформировавшему новый кабинетъ; при немъ отношеніе императора Александра къ Франціи было по-прежнему дружественное. По этому поводу одно лицо, весьма близко освѣдомленное о настроеніи императора, писало Ганзену 17 сентября 1889 г. изъ Фреденсборга:

„Впечатлѣніе остается по-прежнему благопріятное. До тѣхъ поръ пока во Франціи будетъ существовать тотъ же режимъ, чувства искренней симпатіи останутся къ ней неизмѣнны въ будущемъ, также какъ и въ прошломъ. Здѣсь хорошо понимаютъ взаимное положеніе обѣихъ странъ, поэтому нельзя допустить, чтобы измѣнили отношеніе, дабы доставить удовольствіе нашимъ общимъ врагамъ“.

Спюллеръ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, былъ вполнѣ освѣдомленъ о томъ, какія услуги оказывалъ русскому военному вѣдомству его сотоварищъ Фрейсине, но нѣкоторымъ газе-

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. іюнь.

тамъ доставляло особенное удовольствіе изображать Спюллера врагомъ барона Моренгейма; въ исходъ 1889 г. они всячески старались поссорить ихъ, но это имъ не удавалось и въ газетахъ появилась въ это время слѣдующая замѣтка, написанная несомнѣнно по иниціативѣ русскаго посланника.

„Съ недавнихъ поръ нѣкоторыя парижскія газеты стараются распространять слухи о „недоразумѣніяхъ", яко бы происходящихъ между Спюллеромъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, и посланникомъ одной изъ великихъ державъ, аккредитованномъ при французской республикѣ. Но старанія черезчуръ ревностныхъ газетъ не поведутъ ни къ чему, такъ какъ распространяемые ими слухи лишены всякаго основанія и слова, которыя онѣ передаютъ, никѣмъ произнесены не были".

Мартъ мѣсяцъ 1890 г. ознаменовался для Франціи двумя важными событіями, которыя имѣли огромное вліяніе на обще-европейскую политику и главнымъ образомъ на отношенія Франціи къ Германіи. 17 марта былъ сформированъ кабинетъ Фрейсине, въ которомъ портфель иностранныхъ дѣлъ перешелъ къ Рибо; а на слѣдующій день пришло извѣстіе объ увольненіи въ оставку Бисмарка,—извѣстіе вызвавшее въ Европѣ чувство большого облегченія. Во Франціи всѣ радовались наступленію новой эры и концу той вѣчной тревоги, въ которой ее держала политика Бисмарка. Наконецъ-то Франціи не приходилось болѣе опасаться со стороны германскаго канцлера противодѣйствія къ осуществленію франко-русскаго союза; это значительно облегчало задачу французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ.

Сближенію петербургскаго и французскаго правительствъ не мало способствовало также одно обстоятельство, случившееся въ исходѣ мая мѣсяца 1890 г.: французскими властями были арестованы русскіе революціонеры, которые намѣревались произвести рядъ покушеній въ Россіи съ бомбами, изготовленными въ Парижѣ.

Русское правительство было извѣщено своими агентами о намѣреніяхъ революціонеровъ, и въ совѣтѣ министровъ было рѣшено, что баронъ Моренгеймъ долженъ потребовать отъ французскаго правительства, чтобы эти лица были арестованы по списку и указанію, которые будутъ даны ему русскимъ посольствомъ. Вслѣдъ за свиданіемъ барона Моренгейма съ Констаномъ, французскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, послѣдній отдалъ начальнику охранной полиціи приказаніе подготовить арестъ этихъ революціонеровъ. Но это было выполнено лишь послѣ совѣщанія между барономъ Моренгеймомъ, Фрейсине и Рибо.

29 мая 1890 г., около полуночи, человѣкъ двѣнадцать револю-

ціонеровъ были арестованы, заключены въ тюрьму, а ихъ бумаги захвачены, послѣ тщательно произведеннаго обыска. Это былъ шагъ огромной важности, такъ какъ французское правительство знало, что онъ долженъ былъ вызвать неудовольствіе радикальной партіи, относившейся всегда неодобрительно къ репрессивнымъ мѣрамъ, принимаемымъ противъ революціонеровъ. Въ Петербургѣ этотъ фактъ вызвалъ большое удовлетвореніе въ правительственныхъ кругахъ, которые видѣли въ немъ серьезное доказательство дружескихъ чувствъ со стороны французскаго правительства. Александръ III повелѣлъ выразить оффиціальную признательность французскому правительству и „все даетъ поводъ думать", говоритъ Ганзенъ, „что послѣ этого императоръ рѣшилъ окончательно заключить союзъ, подготовлявшійся съ обѣихъ сторонъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ".

Нѣсколько времени передъ тѣмъ былъ поднятъ вопросъ о посѣщеніи Кронштадта французской эскадрой. Французскій посланникъ въ Петербургѣ, Лабулэ, былъ очень озабоченъ этимъ вопросомъ. Были начаты переговоры, и въ результатѣ посланникъ сообщилъ своему правительству, чтъ „царь изъявилъ согласіе принять французскую эскадру въ концѣ іюля 1891 г.".

25 іюля французская эскадра, подъ командою адмирала Жерве, вошла на кронштадскій рейдъ, гдѣ ее посѣтилъ Александръ III съ императрицей и всей царской фамиліей. Это незабвенное событіе произвело огромное впечатлѣніе какъ во Франціи, такъ и въ Россіи и во всей Европѣ.

Подъ впечатлѣніемъ этого событія, одно лицо писало 27 іюля 1891 г. Ганзену изъ Петербурга:

„Я присутствовалъ эти дни на трогательномъ и грандіозномъ зрѣлищѣ, которое совершенно не согласуется съ нравами и темпераментомъ русской публики, относящейся обыкновенно весьма холодно и безучастно къ тому, что трогаетъ и волнуетъ народъ въ иныхъ странахъ. Я видѣлъ, какъ тысячи петербуржцевъ, которые обыкновенно съ трудомъ отрѣшаются отъ своихъ нѣсколько автоматичныхъ привычекъ, вставъ, разъ въ жизни, въ то время когда они обыкновенно ложатся спать, устремились съ ранняго утра на пароходы всевозможныхъ размѣровъ, чтобы отправиться навстрѣчу французской эскадрѣ; и затѣмъ, съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ привѣтствовали французскую эскадру при ея входѣ на великолѣпный кронштадтскій рейдъ.

„Я видѣлъ, какъ наши бюрократы стряхнули съ себя обычную сдержанность и встрѣтили французскихъ моряковъ какъ старыхъ товарищей; я слышалъ, какъ наши офицеры затянули хоромъ, на одномъ общественномъ собраніи, марсельезу, тогда какъ до сихъ

поръ они едва рѣшались произнести это слово. Я видѣлъ, какъ сама царская фамилія слушала марсельезу, исполненную вслѣдъ за русскимъ гимномъ, стоя съ непокрытой головою. Я видѣлъ, какъ огромная толпа „настоящаго" народа неистово привѣтствовала двѣсти французскихъ моряковъ, пріѣхавшихъ въ Петербургъ на концертъ знаменитаго хора Славянскаго и на Марсовомъ полѣ; энтузіазмъ публики шелъ все crescendo".

Это событіе было только внѣшнимъ проявленіемъ весьма важныхъ рѣшеній, принятыхъ въ то время петербургскимъ и парижскимъ правительствами. Вслѣдъ за переговорами, начатыми нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Фрейсине и Рибо со стороны Франціи и барономъ Моренгеймомъ со стороны Россіи, Лабулэ обмѣнялся съ Гирсомъ мыслями о своевременности заключенія союза. Императоръ Александръ III, уважавшій Лабулэ, былъ не прочь заключить этотъ союзъ. Въ началѣ августа 1891 г., онъ вызвалъ въ Петербургъ Моренгейма для редактированія союзнаго договора. 12 августа, баронъ Моренгеймъ, получилъ отъ Гирса телеграмму, приглашавшую его, по повелѣнію царя, немедленно прибыть въ Петербургъ. Пріѣхавъ 16 августа, онъ былъ посвященъ Гирсомъ во всѣ подробности дѣла и день спустя получилъ аудіенцію у императора, который одобрилъ редакцію союзнаго договора и разрѣшилъ отвезти этотъ актъ въ Парижъ.

22 августа 1891 г. Моренгеймъ былъ принятъ въ Парижѣ Рибо, и ими былъ подписанъ договоръ, коимъ Россія и Франція обязались поддерживать другъ друга въ случаѣ нападенія извнѣ; такимъ образомъ, Франція и Россія вышли изъ своего одиночества.

Хотя самый фактъ заключенія договора долго держался въ тайнѣ, но торжественная встрѣча, оказанная французской эскадрѣ въ Кронштадтѣ, и послѣдовавшая затѣмъ поѣздка въ Петербургъ барона Моренгейма произвели въ Европѣ огромное впечатлѣніе; это историческое событіе обсуждалось на всѣ лады въ канцеляріяхъ и въ дипломатическихъ кругахъ. Бисмаркъ, уже бывшій въ отставкѣ, также вставилъ свое слово и увѣрялъ, что все это было не болѣе какъ „флиртъ" между Россіей и Франціей. Заинтересованныя правительства держались стойко и ничѣмъ не удовлетворяли всеобщаго любопытства. Императоръ Александръ III выразилъ желаніе, чтобы условія союзнаго договора остались тайными, дабы не возбуждать подозрѣній державъ и въ частности Тройственнаго Союза, но во Франціи баронъ Моренгеймъ, Фрейсине и Рибо произнесли по поводу послѣднихъ событій оффиціальныя рѣчи, въ которыхъ, не говоря ничего опредѣленнаго, они намекали, однако, на великое значеніе этихъ событій. Моренгеймъ, вернувшись въ Cauterets, гдѣ онъ про-

водилъ лѣто, былъ предметомъ восторженныхъ овацій со стороны публики; отвѣчая, 31 августа 1891 г. на привѣтственную рѣчь депутата округа, маркиза де Бретейля, русскій посланникъ сказалъ между прочимъ слѣдующее:

„Вамъ извѣстно, гг., что я отсутствовалъ нѣкоторое время изъ вашей среды. Но тѣ приготовленія, которыя были сдѣланы вами для моей встрѣчи, даютъ мнѣ право думать, что я какъ бы присутствовалъ все это время невидимо среди васъ. Правду говорятъ, что разстояніе не всегда разъединяетъ людей; часто самая разлука можетъ, напротивъ, сблизить ихъ.

„Вы упомянули, г. префектъ, о томъ, что Россія и Франція охвачены изъ конца въ конецъ чувствомъ взаимной симпатіи и что вашъ департаментъ также пожелалъ выразить ее и, скажу смѣло, сдѣлалъ это горячо и единодушно. Не мало было причинъ, и при томъ самыхъ вѣскихъ, которыя могли вызвать эту симпатію; укажу лишь на одну изъ нихъ, повторивъ слова одного изъ вашихъ геніальныхъ писателей: „сердце руководствуется такими доводами, какихъ не знаетъ разсудокъ!“ и эти доводы, господа, весьма вѣски; благодаря имъ мы такъ прекрасно понимаемъ другъ друга.

„Мы можемъ быть въ этомъ увѣрены; ибо я вижу, что вами руководитъ одно общее чувство и, говоря словами г. префекта, вы составляете какъ бы одно сердце, я имѣлъ счастье убѣдиться въ этомъ по тому единодушію и тѣмъ восторженнымъ возгласамъ, какими вы привѣтствовали тостъ, предложенный за здоровье Е. И. Величества, Его августѣйшаго семейства и русскій народъ. Я вдвойнѣ признателенъ вамъ за это, господа, такъ какъ вы этимъ возложили на меня драгоцѣнное право и обязанность выпить за здоровье французскаго народа, его уважаемаго главы, доблестнаго президента республики и ея просвѣщеннаго правительства, которое руководитъ нынѣ судьбами вашей великой страны. Да будетъ ему дано долго, долго, выполнять свою благородную задачу“.

Нѣсколько дней спустя, 10 сентября, президентъ совѣта и военный министръ Фрейсине произнесъ замѣчательную рѣчь въ Вандеврѣ, гдѣ онъ далъ, по случаю большихъ маневровъ восточной арміи, завтракъ генераламъ и военно уполномоченнымъ. Особенно были отмѣчены слѣдующія мѣста его рѣчи, имѣвшія выдающееся значеніе:

„Будемъ непрестанно совершенствовать и усиливать нашу армію. господа, сказалъ онъ. Это одинъ изъ элементовъ, и при томъ не маловажный, нашего мірового вліянія. Арміи принадлежитъ своя доля въ событіяхъ, коими гордится вашъ патріотизмъ. Ея успѣхи, за коими слѣдитъ Европа и коими восторгается Франція, внушаютъ од-

нимъ довѣріе, другимъ уваженіе: эти успѣхи свидѣтельствуютъ, сверхъ того, о томъ, что правительство республики, несмотря на перемѣны въ личномъ составѣ, способно настойчиво преслѣдовать свои планы, что оно вноситъ въ осуществленіе національныхъ дѣлъ духъ послѣдовательности, не уступая въ этомъ ни одной монархіи. Въ настоящее время никто не сомнѣвается въ томъ, что мы сильны; докажемъ, что мы мудры. Мы съумѣемъ сохранить въ новой обстановкѣ спокойствіе достоинство, и чувство мѣры, которыя въ дни печали подготовили наше возрожденіе".

29 сентября, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Рибо, присутствуя на церемоніи открытія памятника генералу Федербу (Faidherbe), обрисовалъ въ слѣдующихъ словахъ новое положеніе вещей, о которомъ говорилъ Фрейсине:

„Европа, нѣкоторое время бывшая въ нерѣшительности, отдала намъ, наконецъ, справедливость; дальновидный и твердый въ своихъ намѣреніяхъ монархъ, столь же миролюбивый, какъ и мы, выразилъ открыто ту глубокую симпатію, которая связываетъ его страну съ нашей. (Рукоплесканія и восторженные клики: „Да здравствуетъ царь! Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Россія!" прервали оратора, который не могъ нѣсколько минутъ продолжать своей рѣчи). Русскій народъ присоединился къ своему монарху въ выраженіи къ намъ чувствъ искренней дружбы. (Ораторъ снова былъ прерванъ рукоплесканіями и кликами). Вамъ извѣстно, какую взаимность вызвали въ насъ эти чувства (восторженные возгласы: да, да!). Событіе, совершившееся въ Кронштадтѣ, нашло откликъ въ самомъ маленькомъ изъ нашихъ мѣстечекъ, въ самой маленькой изъ нашихъ деревушекъ.

„То, что справедливо по отношенію къ внутренней политикѣ, еще болѣе справедливо по отношенію къ внѣшней; результаты не являются самопроизвольно, они бываютъ слѣдствіемъ долгаго ряда усилій и, становясь очевидны, они вызываютъ удивленіе лишь въ томъ, кто не слѣдилъ внимательно за цѣлымъ рядомъ фактовъ, которые подготовили событія въ тишинѣ.

„Я говорю, гг., не только о нынѣшнемъ министерствѣ, но обо всѣхъ министерствахъ, которыя смѣнялись одно за другимъ въ республикѣ за послѣднія двадцать лѣтъ. Всѣ они были вѣрны традиціи, всѣ содѣйствовали успѣху національнаго дѣла. Каковы бы ни были раньше наши внутреннія несогласія, наше нынѣшнее единеніе говоритъ о величіи Франціи; наша единственная заслуга въ томъ, что мы явились продолжателями того, что было начато нашими предшественниками, и въ томъ, что мы поняли, что настало время воплотить ихъ мечты, согласовавшіяся съ желаніями страны.

„Это создало для насъ, какъ справедливо говорятъ, новое положеніе, но это не значитъ, что оно требуетъ новой политики. Тотъ путь, какимъ мы шли, былъ слишкомъ благопріятенъ для насъ, чтобы оставить его въ тотъ день, когда его выгоды становятся очевидны для всѣхъ, и когда мы начинаемъ пожинать его плоды“.

„Уѣзжая изъ Cauterets, баронъ Моренгеймъ говорилъ мнѣ“, пишетъ Ю. Ганзенъ, „что добрая часть дѣла сдѣлана, но что оно еще не закончено. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поблагодарилъ меня за оказанныя ему полезныя и вполнѣ безкорыстныя услуги“.

О томъ въ чемъ именно состояли эти заслуги, Ганзенъ говоритъ слѣдующее:

„Имѣвъ честь познакомиться съ барономъ Моренгеймомъ въ то время, когда онъ былъ посланникомъ въ Копенгагенѣ, съ 1869 по 1882 г., я имѣлъ возможность узнать во время нашихъ частыхъ съ нимъ бесѣдъ его политическіе взгляды; мнѣ было извѣстно, какъ онъ смотрѣлъ на Бисмарка и на государственныхъ людей, руководившихъ политикой въ Англіи. Я зналъ, что, не будучи поклонникомъ республиканскаго образа правленія, онъ тѣмъ не менѣе любилъ Францію, ея литературу и искусство. Я зналъ, что это былъ человѣкъ высоко образованный, желавшій и способный совершить великое политическое дѣло. Онъ былъ назначенъ въ Парижъ для того, чтобы содѣйствовать сближенію Францій съ Россіей. Будучи, со своей стороны, убѣжденнымъ сторонникомъ франко-русскаго союза, я, весьма естественно, предложилъ Моренгейму, когда онъ пріѣхалъ въ Парижъ, свое содѣйствіе въ предпринятомъ имъ дѣлѣ, какъ бы это содѣйствіе ни было скромно. Единственное условіе, поставленное мною, было не получать ни отъ него, ни отъ правительства никакого денежнаго вознагражденія.

Мои близкія отношенія къ французскому министерству иностранныхъ дѣлъ дали мнѣ возможность оказать услуги какъ посланнику, такъ и французскому правительству, сообщая тому и другому свѣдѣнія, которыя, не нося оффиціальнаго характера, имѣли въ то же время всю цѣнность оффиціозныхъ сообщеній. Я оказалъ барону Моренгейму также нѣкоторыя услуги во французской прессѣ, гдѣ у меня были дружескія связи. Мнѣ удавалось не разъ устранять недоразумѣнія и препятствія, возникавшія весьма естественно между двумя великими державами, которыя стремились къ взаимному сближенію.

Но моя роль этимъ не ограничивалась. Положеніе барона Моренгейма было крайне щекотливое. Ему приходилось бороться противъ происковъ его политическихъ недруговъ въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ, поэтому онъ зачастую не рѣшался брать на себя

инициативу и отвѣтственность за нѣкоторые шаги, изъ опасенія, что они не встрѣтятъ одобренія императора.

Чтобы помочь ему въ этомъ случаѣ, я придумалъ посылать время отъ время донесенія непосредственно самому императору. Мнѣ было извѣстно, что барономъ Моренгеймомъ одобрялись дѣлаемыя мною предложенія. Посланникъ оказывалъ мнѣ этимъ большое довѣріе; въ его положеніи весьма многіе не пожелали бы имѣть такого сотрудника, но Моренгеймъ былъ горячій патріотъ и для блага родины съумѣлъ пожертвовать своимъ самолюбіемъ.

Для передачи этихъ донесеній императору нужно было имѣть посредника; я нашелъ таковаго въ лицѣ Рачковскаго, агента министерства внутреннихъ дѣлъ при иностранныхъ посольствахъ.

Съ нимъ я познакомился въ Парижѣ, въ русскомъ посольствѣ, и вскорѣ убѣдился, что онъ былъ такъ же какъ и я, сторонникомъ союза Россіи съ Франціей и такъ же былъ готовъ работать для этого. Онъ часто переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто; такъ напр. онъ всегда сопровождалъ императора Александра III во время его продолжительныхъ поѣздокъ въ Данію. Въ Фреденсборгѣ Рачковскій познакомился съ оберъ-гофмаршаломъ и личнымъ другомъ царя, княземъ Оболенскимъ, и снискалъ его довѣріе.

Зная это, я просилъ его взять на себя трудъ передавать мои секретныя донесенія Оболенскому, съ просьбою докладывать ихъ императору; впослѣдствіи этимъ путемъ я часто сообщалъ Александру III желанія французскаго правительства. Такимъ образомъ Рачковскій оказалъ въ періодъ съ 1887 по 1896 г. видныя услуги.

Какъ примѣръ того приведу слѣдующее: видя, какъ во Франціи всѣ были удивлены тѣмъ, что президентъ республики и министры, спеціально вѣдавшіе дѣла съ Россіей, не получили отъ русскаго императора никакихъ знаковъ отличія, я послалъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1890 г., объ этомъ донесеніе, прося Рачковскаго передать его министру, для доклада государю. Александръ III одобрилъ сдѣланное представленіе и повелѣлъ Гирсу дать дѣлу дальнѣйшій ходъ; въ результатѣ, нѣсколько времени спустя Карно, Фрейсине и Рибо получили знаки отличія: Карно—Андрея Первозваннаго, а Фрейсине и Рибо—Александра Невскаго.

Филиппъ Крозье, который былъ правою рукою Рибо во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся Россіи, еще раньше получилъ русскій орденъ.

VI.

Мысль о необходимости заключить военную конвенцію.—Записка, составленная объ этомъ Ганзеномъ. — Его поѣздка въ Данію. — Переговоры съ Гирсомъ.—Визитъ в. кн. Константина Константиновича президенту Карно.—Обстоятельства, замедлившія заключеніе конвеціи.—Нападки на Моренгейма.—Посѣщеніе Тулона русской эскадрой. — Казиміръ Перье и Гирсъ подписываютъ союзный договоръ.

Положеніе, создавшееся, благодаря сближенію Франціи съ Россіей, вызвало въ обѣихъ странахъ всеобщее удовольствіе. Всѣ были довольны тѣмъ, что внѣшняя безопасность, такъ долго внушавшая тревогу, была наконецъ обезпечена. Во Франціи повсемѣстно происходили радостныя патріотическія манифестаціи; барона Моренгейма и министровъ привѣтствовали, когда они проѣзжали по улицамъ Парижа или появлялись въ провинціи. Но нѣкоторые политическіе дѣятели, опасаясь за будущее, находили, что въ дополненіе къ союзному договору было необходимо заключить военную конвенцію, какъ это сдѣлано въ 1888 г. державами, заключившими тройственный союзъ. Особенно настаивалъ на этомъ Фрейсине, который во время своего долгаго управленія военнымъ министерствомъ старался создать связь между главными штабами русской и французской арміи. Такъ напр. переговоры, веденные имъ съ русскимъ военно-уполномоченнымъ въ Парижѣ, барономъ Фредериксомъ, привели къ тому, что онъ получилъ разрѣшеніе приготовить для Россіи полмилліона ружей на ружейномъ заводѣ Шательро. Онъ же разрѣшилъ русскимъ офицерамъ войти въ сношенія съ французскимъ главнымъ штабомъ для изученія способа перевозки и продовольствія войскъ и находился въ постоянной перепискѣ съ военнымъ министромъ генераломъ Ванновскимъ, также сторонникомъ тѣснаго союза между обѣими державами. Что касается военной конвенціи, то Фрейсине былъ извѣстенъ взглядъ императора Александра III, заявившаго, что онъ смотритъ на заключеніе этой конвенціи, какъ на дѣло, коимъ слѣдовало заняться самымъ внимательнымъ образомъ. Желая выяснить этотъ важный вопросъ, Фрейсине далъ мнѣ въ исходѣ августа 1891 г. порученіе въ Фреденсборгъ, гдѣ въ то время находился русскій императоръ.

Переговоривъ съ министромъ, я набросалъ памятную записку, которой и долженъ былъ руководствоваться при переговорахъ съ нѣкоторыми лицами, находившимися въ Даніи.

Въ этой запискѣ говорилось:

„Въ настоящее время всѣ настроены миролюбиво, но можно ли надѣяться, что это будетъ продолжаться всегда? Россія и Франція

ни на кого не нападутъ, по своей собственной инициативѣ, но есть основаніе опасаться, что наши враги постараются объявить войну, чтобы выйти такимъ образомъ изъ создавшагося для нихъ затруднительнаго положенія, и можно быть увѣреннымъ, что для того, чтобы начать непріязненныя дѣйствія, они изберутъ наиболѣе благопріятный для себя моментъ. Между тѣмъ въ настоящее время тройственный союзъ имѣетъ передъ нами неоспоримое преимущество: союзники связаны военными конвенціями, въ коихъ все заранѣе предусмотрѣно. Въ тотъ моментъ, когда глава тройственнаго союза, т. е. германскій императоръ, объявитъ мобилизацію, въ Вѣнѣ и въ Римѣ будетъ одновременно приступлено къ мобилизаціи. Уже одинъ этотъ фактъ даетъ нашимъ противникамъ огромное преимущество по сравненію съ Франціей и Россіей; союзники, зная, чего они хотятъ и куда имъ надлежитъ двинуть свои войска, могутъ нанести рѣшительный ударъ раньше, нежели мы будемъ въ состояніи оказать имъ сопротивленіе.

„Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ пока между Парижемъ и Петербургомъ не будетъ заключено военной конвенціи, въ которой будутъ предусмотрѣны всевозможныя случайности, можетъ произойти слѣдующее: въ Россіи будутъ думать, что державы тройственнаго союза сосредоточиваютъ свои войска единственно противъ Франціи, тогда какъ во Франціи будутъ предполагать, что онѣ угрожаютъ только Россіи.

Для того чтобы предупредить подобную случайность, которая можетъ угрожать серьезной опасностью и можетъ имѣть послѣдствіемъ то, что Франція и Россія будутъ разбиты по-одиночкѣ, имъ крайне необходимо заключить какъ можно поспѣшнѣе военную конвенцію, главнымъ пунктомъ которой должно быть, что при первомъ извѣстіи о мобилизаціи войскъ тройственнымъ союзомъ, Россія и Франція мобилизуютъ немедленно свои силы.

Помимо этого между русскимъ и французскимъ главными штабами должно быть выработано соглашеніе относительно одновременнаго сосредоточенія и движенія корпусовъ сообразно съ могущими представиться обстоятельствами.

Когда таковая конвенція будетъ заключена, Россія и Франція могутъ спокойно взирать на будущее и выжидать событій, заботясь о поддержаніи мира. И если, что весьма важно, эта конвенція будетъ держаться въ строгой тайнѣ, то она дастъ намъ, въ свою очередь, огромное преимущество передъ нашими противниками. Въ самомъ дѣлѣ, когда они, ничего не подозрѣвая, увидятъ неожиданныя для нихъ передвиженія русскихъ и французскихъ войскъ, коихъ цѣль будетъ для нихъ непонятна, то ихъ мобилизаціонный

планъ невольно будетъ этимъ разстроенъ. Отъ этого будетъ зависѣть наша побѣда".

„1-го сентября я отправился въ Данію, а 4 числа я былъ уже у князя Оболенскаго, помѣщавшагося въ Фреденсборгскомъ замкѣ надъ покоями, занятыми государемъ. Князь принялъ меня въ высшей степени любезно. Разспросивъ меня о положеніи дѣлъ въ Парижѣ и о цѣли моего пріѣзда, онъ прочиталъ привезенную мною записку и, оставивъ ее у себя, обѣщалъ представить ее немедленно на благовоззрѣніе императора. Я увидѣлъ князя вторично на слѣдующій день; онъ передалъ мнѣ отвѣтъ государя: „г. Ганзенъ можетъ передать г. Фрейсине, что императоръ принялъ его вопросъ во вниманіе, онъ придаетъ ему серьезное значеніе и займется имъ тотчасъ по своемъ возвращеніи въ Петербургъ".

6 сентября я уѣхалъ обратно въ Парижъ, гдѣ отдалъ Фрейсине отчетъ о результатѣ своей миссіи.

Нѣсколько недѣль спустя, въ октябрѣ 1891 г., Гирсъ, получивъ по болѣзни отпускъ, отправился за границу. Рибо очень желалъ, чтобы онъ посѣтилъ Францію; и, за отсутствіемъ барона Моренгейма, находившагося въ то время въ Біаррицѣ, поручилъ мнѣ разузнать о намѣреніяхъ Гирса. Я обратился къ его сыну, первому секретарю русскаго посольства въ Парижѣ, который написалъ мнѣ 30 октября 1891 г., что его отецъ пріѣдетъ во Францію во второй половинѣ ноября. Дѣйствительно, министръ прибылъ 19 ноября и остановился въ домѣ русскаго посольства, гдѣ черезъ день, 21 ноября, состоялось продолжительное и въ высшей степени важное совѣщаніе между нимъ, барономъ Моренгеймомъ, Фрейсине и Рибо, на которомъ между прочимъ обсуждался вопросъ о плаваніи русской эскадры, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ Средиземномъ морѣ. По словамъ барона Моренгейма, французскими министрами были сдѣланы заявленія величайшей важности, все сказанное Фрейсине въ особенности было такъ ясно и опредѣленно, что онъ передалъ его слова какъ бы стенографически въ донесеніи, посланномъ имъ императору Александру III о своемъ свиданіи со французскими министрами".

„Въ тотъ же день, продолжаетъ Ганзенъ, я имѣлъ честь быть принятымъ г. Гирсомъ въ частной аудіенціи. Министръ особенно настаивалъ на миролюбивомъ характерѣ союза, заключеннаго между Франціей и Россіей, главной цѣлью котораго было возстановленіе пошатнувшагося европейскаго равновѣсія. На мой вопросъ о возможности военной конвенціи съ Франціей, Гирсъ отвѣчалъ, что это вопросъ очень щекотливый, который императоръ предполагаетъ обсудить лично въ Петербургѣ, и что его надобно зрѣло обсудить прежде,

нежели принять окончательное рѣшеніе. 22 ноября Гирсъ уѣхалъ обратно въ Петербургъ. Таково было положеніе вещей въ концѣ достопамятнаго 1891 года".

18 февраля 1892 г., во Франціи снова произошла перемѣна министерства; въ новомъ кабинетѣ, во главѣ котораго сталъ Лубе, Фрейсине и Рибо сохранили свои портфели. Фрейсине, озабоченный заключеніемъ военной конвенціи, не получая никакихъ извѣстій изъ Петербурга, просилъ Ганзена обратиться письменно къ императору Александру III, который находился въ то время въ Даніи, по случаю празднованія золотой свадьбы короля Христіана IX и королевы Луизы.

„Въ этомъ письмѣ, пишетъ Ганзенъ, я объяснилъ императору вторично желаніе французскаго правительства скрѣпить франко-русскій союзъ заключеніемъ военной конвенціи и испрашивалъ его согласія на то, чтобы французское правительство послало въ Петербургъ одного изъ высшихъ чиновъ военнаго вѣдомства для выработки проекта конвенціи совмѣстно съ военнымъ министромъ и начальникомъ главнаго штаба.

„Это письмо было послано мною г. Рачковскому, сопровождавшему императора въ Данію. Въ отвѣтъ на это я получилъ нижеслѣдующую телеграмму:

„Копенгагенъ, 5 іюня 1892 г., 10 часовъ 32 мин. утра. Письмо получено и сообщено. Будемъ ожидать результата".

10 іюня я получилъ окончательный, утвердительный отвѣтъ.

Нѣсколько времени спустя, генералъ Буадефръ выѣхалъ въ Петербургъ съ проектомъ военной конвенціи, составленнымъ Фрейсине. Осенью того же, 1892 г., генералъ Ванновскій извѣстилъ Фрейсине, что конвенція подписана ad referendum генералами Буадефромъ и Обручевымъ.

„Весьма довольный ходомъ дѣла, Фрейсине поблагодарилъ меня за мое содѣйствіе. Несомнѣнно, сказалъ онъ, вы работали дѣятельнѣе и настойчивѣе всѣхъ надъ осуществленіемъ франко-русскаго союза и ваша увѣренность въ его возможность не обманула васъ".

„Дѣло было такъ хорошо налажено, что французскіе министры надѣялись довести его до конца во время вторичнаго посѣщенія Франціи Гирсомъ. Онъ пріѣхалъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1892 г., въ Экслебенъ, но чувствовалъ себя нехорошо. Баронъ Моренгеймъ, Фрейсине и Рибо отправились въ Экслебенъ, чтобы переговорить съ нимъ. Къ несчастью, онъ чувствовалъ себя въ это времи такъ худо, что о переговорахъ не могло быть и рѣчи. Но приступить къ нимъ было необходимо какъ можно скорѣй, такъ какъ Александръ III желалъ точнѣе оформить соглашеніе, заключенное въ августѣ 1891 г.,

и подписалъ новый союзный договоръ одновременно съ военной конвенціей. Было рѣшено отложить окончательные переговоры до тѣхъ поръ, пока Гирсъ, совершивъ, для укрѣпленія силъ, поѣздку на Ривьеру, былъ бы въ состояніи пріѣхать въ Парижъ".

Въ началѣ іюня 1892 г., въ то время, когда президентъ Карно находился въ Нанси, вмѣстѣ съ Лубе, великій князь Константинъ Константиновичъ, бывшій тогда въ Контрексевилѣ, запросилъ барона Моренгейма телеграммой, не встрѣтится ли препятствія къ его посѣщенію президента республики.

Моренгеймъ отвѣтилъ, что лично онъ не имѣетъ ничего возразить противъ этого, но желалъ бы снестись по этому поводу съ государемъ, который находился въ Копенгагенѣ. 5 числа вечеромъ была получена телеграмма, разрѣшавшая великому князу этотъ визитъ. Увѣдомленный о томъ, великій князь на слѣдующее утро отправился въ Нанси, гдѣ онъ имѣлъ самое дружеское свиданіе съ Карно. О политикѣ между ними не было рѣчи. Впослѣдствіи, нѣкоторыя лица сплели вокругъ этого посѣщенія цѣлую сѣть сплетенъ относительно вмѣшательства великаго князя Константина Константиновича въ заключеніе франко-русскаго союза. Всѣ эти разсказы не имѣютъ ничего общаго съ истиной.

Императоръ Александръ III никогда не поручалъ членамъ своей фамиліи веденія переговоровъ о заключеніи союза съ Франціей.

Къ тому же, печальныя событія, происшедшія въ 1892 во Франціи—разоблаченія Панамскаго дѣла и недостойная кампанія, начатая французской прессой противъ барона Моренгейма—прервали, какъ разъ въ это время и къ сожалѣнію довольно на долго, всякіе переговоры относительно заключенія новаго союзнаго договора.

Дѣло въ томъ, что нѣкоторая часть популярности, какою пользовалось въ это время во Франціи имя императора Александра III, должна была отразиться, весьма естественно, и на личности его представителя въ Парижѣ. Дѣйствительно, когда Моренгейму случалось посѣтить какой-нибудь провинціальный городокъ Франціи, то онъ становился предметомъ самыхъ восторженныхъ овацій со стороны населенія, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ выдалъ свою старшую дочь (въ 1890 г.) за французскаго офицера, виконта de Sèze; но высокое положеніе, занятое барономъ въ политическомъ мірѣ, создало ему враговъ и вызвало во многихъ зависть. Вслѣдствіе тайныхъ происковъ, исходившихъ изъ тѣхъ странъ, гдѣ были недовольны ролью, которую онъ игралъ въ дѣлѣ сближенія Россіи и Франціи, начались ожесточенныя нападки на него со стороны нѣкоторыхъ органовъ французской прессы. Они имѣли цѣлью, очевидно, поколебать франко-русское сближеніе, результаты котораго

начинали чувствоваться за границей. Тотъ фактъ, что кое-кто изъ французовъ согласился содѣйствовать этимъ проискамъ, въ высокой степени прискорбенъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1892 г., въ одной, впрочемъ мало извѣстной, французской газетѣ, „la Défense Nationale“, появилась оскорбительная для барона Моренгейма статья. Въ ней говорилось, что посланникъ въ глубинѣ души нѣмецъ, что ему нельзя довѣрять, что онъ получилъ 500.000 марокъ отъ Бисмарка и столько же отъ французскаго правительства и т. д.

Клевета была настолько явна и груба, что посланникъ не счелъ даже возможнымъ обидѣться.

Вотъ что онъ писалъ по этому поводу Ганзену 12 апрѣля 1892 г.

„Любезный Ганзенъ, обращаю ваше вниманіе на пятничный номеръ газеты: „la Défense Nationale“, на который мнѣ только-что указали; отнюдь не желаю этимъ доставить вамъ непріятное волненіе, а просто хочу доставить вамъ пріятное развлеченіе. Вотъ какъ при третьей республикѣ обращаются публично съ посланниками. Я не посылаю вамъ газеты, такъ какъ она предназначена къ отсылкѣ въ Петербургъ, гдѣ оцѣнятъ по достоинству этотъ милый образчикъ французской учтивости въ лѣто 1892 г. по Рождествѣ Христовѣ“.

4 апрѣля, весьма извѣстный французскій публицистъ, Жакъ де-Боннефонъ, напечаталъ, по случаю бракосочетанія второй дочери барона Моренгейма съ графомъ Бутурлинымъ, очень ядовитую статью противъ посланника и его семейства, вслѣдствіе которой редакторъ „Petit journal“, Жюде, вызвалъ автора этой статьи на дуэль, которая и состоялась 10 іюня. Жюде опасно ранилъ своего противника въ бедро. „Я былъ въ этомъ случаѣ свидѣтелемъ, разсказываетъ Ганзенъ, великодушныхъ чувствъ и религіозности барона Моренгейма. Я прогуливался съ нимъ около церкви св. Клотильды въ тотъ моментъ, когда происходила дуэль. Посланникъ, оставивъ меня, вошелъ въ церковь, чтобы просить Бога пощадить жизнь двухъ людей, подвергавшихъ ее опасности въ дѣлѣ, которое касалось его, и онъ былъ истинно счастливъ нѣсколько минутъ спустя, услыхавъ, что дуэль не имѣла смертельнаго исхода“.

Къ послѣдующимъ, не прекращавшимся на него нападкамъ, посланникъ отнесся не столь хладнокровно. „Что вы скажете объ этой новой негодной выходкѣ?“ писалъ онъ Ганзену по поводу коварныхъ инсинуацій, пущенныхъ однимъ русскимъ публицистомъ, принявшимъ французское подданство.

„Что за коварство! и какъ во всѣхъ этихъ медоточивыхъ словахъ чувствуется змѣиное жало. Я, лично, вполнѣ увѣренъ, что все это

проистекаетъ изъ русскаго источника, который надобно искать въ настоящее время въ Парижѣ. Это цѣлая сѣть гнусности и лжи,— къ сожалѣнію разсчитанная на то, чтобы возможно больше повредить мнѣ въ Петербургѣ. Такова очевидно была цѣль писавшаго.

„Мнѣ все это омерзительно; этого господина слѣдовало бы высѣчь публично, сказавъ ему, что онъ не имѣетъ права прятаться за французской національностью, такъ какъ его происхожденіе бросается въ глаза“.

Дѣло приняло серьезный оборотъ, когда имя посланника было публично замѣшано въ скандалѣ, вызванномъ разоблаченіями о Панамскомъ дѣлѣ.

Въ январѣ 1893 г. баронъ Моренгеймъ былъ сильно озабоченъ угрозою маркиза Мореса повторить напечатанное имъ въ „Libre Parole“ въ сентябрѣ 1892 г. по поводу разговора, который онъ будто бы имѣлъ съ посланникомъ. Моресъ утверждалъ, будто Моренгеймъ передавалъ ему по секрету, что нѣкоторыя французскія газеты подкуплены великобританскимъ посланникомъ лордомъ Дюфферином̀ъ, чтобы агитировать въ пользу Англіи. Моренгеймъ сказалъ мнѣ, что если Моресъ исполнитъ свою угрозу и повторитъ этотъ разговоръ въ печати, или дастъ подобное показаніе передъ слѣдственной комиссіей по Панамскому дѣлу, въ коей предсѣдательствовалъ Бриссонъ, то императоръ Александръ III, безъ того недовольный всѣмъ происшедшимъ во Франціи, отзоветъ своего посланника и постъ оффиціальнаго представителя Россіи во Франціи надолго останется вакантнымъ.

Слѣдовательно, надобно было доказать Моресу, что, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ совершилъ бы поступокъ не только недостойный французскаго дворянина, но и антипатріотичный.

„Я рѣшилъ поступить такъ, говоритъ Ганзенъ: я просилъ Бриссона черезъ депутата de Kerje'gu запретить Моресу дать показаніе передъ слѣдственной комиссіей, что онъ и обѣщалъ. Затѣмъ, я добился того, что нашъ общій другъ Ганри Лоренъ, переговорилъ съ Моресомъ и просилъ его молчать, на что Моресъ какъ будто согласился. Это успокоило барона Моренгейма.

Между тѣмъ затѣянная противъ него враждебная кампанія не прекращалась: не только въ нѣкоторыхъ органахъ прессы, но и въ извѣстныхъ политическихъ кругахъ былъ распущенъ слухъ, будто знаменитый X., фигурировавшій въ Панамскомъ дѣлѣ, былъ никто иной, какъ баронъ Моренгеймъ и что онъ получилъ отъ прославленной компаніи взятку въ 500.000 франковъ. Дипломатическій корпусъ былъ взволнованъ этимъ слухомъ: нѣкоторые посланники грозили

уѣхать изъ Парижа, гдѣ, какъ они говорили, они ничѣмъ не гарантированы отъ ложныхъ нападокъ прессы.

Какъ вдругъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1893 г. Рибо затронулъ неожиданно этотъ вопросъ въ палатѣ депутатовъ, осудивъ въ произнесенной имъ рѣчи ничѣмъ необъяснимыя нападки на Моренгейма, котораго онъ оправдывалъ въ возведенной на него коварной лжи.

Заступничество Рибо произвело на общество сильное впечатлѣніе. Въ дипломатическомъ корпусѣ мнѣнія относительно выступленія президента совѣта министровъ раздѣлились, и самъ Моренгеймъ былъ этимъ не особенно доволенъ.

Одновременно, по распоряженію правительства, въ газетахъ было помѣщено оффиціозное сообщеніе слѣдующаго содержанія:

„Въ виду распускаемыхъ въ настоящее время клеветъ и диффамацій, особенно прискорбно видѣть, что нападки направлены противъ представителей иностранныхъ державъ, и что, въ частности, въ нѣкоторыхъ французскихъ газетахъ повторяются инсинуаціи, направленныя противъ посланника державы, связанной съ Франціей узами тѣсной дружбы. Эти инсинуаціи заимствованы изъ иностранной газеты, выходящей въ странѣ, которая принадлежитъ къ тройственному союзу. Въ этомъ нельзя не видѣть извѣстной политической уловки.

„Предсѣдатель совѣта, г. Рибо, приказалъ арестовать парижскаго корреспондента венгерской газеты „Budapesti Hirlap,“ г. Селеки. Въ этой именно газетѣ появилась корреспонденція якобы изъ Парижа, содержащая диффамацію по отношенію къ барону Моренгейму, котораго она изобличаетъ въ томъ, будто его имя замѣшано въ Панамскомъ дѣлѣ.

Сегодня утромъ Селеки былъ арестованъ и препровожденъ къ комиссару Кошеферу, который допросилъ его и конфисковалъ его бумаги. Селеки будетъ высланъ за границу.

„Рибо выразилъ г. Моренгейму свое сожалѣніе по поводу того, что эти оскорбительные намеки могли быть повторены хотя бы небольшимъ числомъ французскихъ газетъ“.

Нѣсколько дней спустя, 31 марта 1893 г., Девель, въ то время министръ иностранныхъ дѣлъ, просилъ Ганзена передать барону Моренгейму слѣдующую письмо:

„Парижъ, 31 марта 1893 г. Г. посланникъ, честь имѣю препроводить вамъ при семъ извлеченіе изъ протокола засѣданія слѣдственной комиссіи палаты депутатовъ (отъ 28 марта).

„Барту. — Г-нъ Андріе сейчасъ заявилъ намъ, что онъ не хочетъ или не можетъ назвать имя того, кто скрывается подъ буквою X. Можетъ ли онъ сказать намъ положительно, что заявленія,

помѣщенныя имъ въ газетахъ, не касаются нѣкоторыхъ лицъ, именв коихъ были здѣсь произнесены!

„Андріе.—Я сдѣлаю это съ большимъ удовольствіемъ и считаю себя обязаннымъ сдѣлать это въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ, о коихъ было упомянуто безъ всякаго повода и совершенно несправедливо, снявъ съ нихъ такимъ образомъ всякое подозрѣніе. Впрочемъ, я уже заявилъ печатно все то, что было сказано мною слѣдователю подъ присягою, а именно, что въ спискѣ, бывшемъ у меня въ рукахъ, не значилось имени ни одного изъ представителей дружественной намъ державы и вообще не было упомянуто именъ ни одного изъ членовъ дипломатическаго корпуса...

„Такимъ образомъ, г. посланникъ, нелѣпость коварныхъ обвиненій, которыя были названы г. президентомъ совѣта съ высоты каѳедры, гнусными и нелѣпыми и которыя были направлены нѣкоторыми органами иностранной прессы противъ васъ, подтвердилась еще разъ. Эти гнусныя клеветы не могли коснуться васъ; онѣ уже осуждены здравымъ смысломъ общества.

„Рѣшительное осужденіе, которое онѣ вызвали во всѣхъ классахъ общества, свидѣтельствуетъ о чувствахъ почтительной симпатіи и признательности, коими пользуется у насъ представитель его императорскаго величества и вы лично, такъ какъ ваше имя пользуется у насъ вполнѣ заслуженной популярностью.

„Я считаю, тѣмъ не менѣе, долгомъ подтвердить вамъ еще разъ искреннее сожалѣніе правительства по поводу того, что ваше имя такъ коварно было примѣшано къ полемикѣ, вызванной Панамскимъ дѣломъ. Примите и проч.“

Получивъ это письмо, баронъ Моренгеймъ сказалъ Ганзену: „Лично, я могу считать себя удовлетвореннымъ, но я являюсь представителемъ русскаго императора, а что скажетъ онъ, узнавъ, что имя его представителя такъ было опозорено печатью? Для того чтобы императоръ счелъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, необходимо, чтобы въ дѣло вмѣшалось кто-либо изъ высокопоставленныхъ лицъ Франціи, настолько пользующееся авторитетомъ, чтобы его лояльное и откровенное заявленіе могло удовлетворить его величество“.

На слѣдующій день министры просили президента республики написать письмо императору Александру III, разъяснивъ случившееся, а нѣсколько дней спустя, Шишкинъ, управлявшій въ то время министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, телеграфировалъ Моренгейму, что императоръ удовлетворенъ и считаетъ дѣло оконченнымъ.

Благодаря твердости императора Александра III, противники франко-русскаго союза не достигли такимъ образомъ своей цѣли, но все же переговоры, возникшіе между петербургскимъ и парижскимъ

кабинетами о заключеніи военной конвенціи и расширеніи союзнаго договора, заключеннаго въ 1891 г., на нѣкоторое время какъ бы застыли.

Прискорбныя событія, взволновавшія въ это время Францію, произвели крайне непріятное впечатлѣніе на Гирса и князя Лобанова, которые въ теченіе зимы 1893 г., имѣли по этому поводу продолжительныя бесѣды съ дипломатами въ Италіи, куда Гирсъ ѣздилъ для поправленія своего здоровья. Вслѣдствіе этихъ совѣщаній Гирсъ рѣшилъ не ѣздить въ Парижъ, какъ было условлено до разоблаченій по Панамскому дѣлу, и переговоры между французскимъ и русскимъ правительствами были временно пріостановлены. Ихъ удалось возобновить только лѣтомъ 1893 г.

Императоръ Александръ III понялъ, что Панамское дѣло, какъ бы оно ни было прискорбно, не должно было повліять на международныя отношенія Франціи и такъ какъ онъ не оставлялъ, въ сущности, мысли о союзѣ, то онъ повелѣлъ возобновить переговоры. Карно, со своей стороны, принялъ живое участіе въ редактированіи новаго франко-русскаго союзнаго договора и часто совѣщался по этому повому съ барономъ Моренгеймомъ.

Въ исходѣ 1893 г. совершилось событіе, которому суждено было возымѣть самое благотворное вліяніе на отношенія Франціи и Россіи.

Послѣ Кронштадтскихъ торжествъ между союзными правительствами было условлено, что русская эскадра посѣтитъ одинъ изъ военныхъ портовъ Франціи въ отвѣтъ на посѣщеніе Кронштадта французскими моряками; но точнаго срока этого посѣщенія не было указано; французскому министру иностранныхъ дѣлъ хотѣлось знать по этому поводу намѣренія императора Александра III, и онъ обратился, въ исходѣ іюля, къ Гаензену, съ просьбою снестись съ Петербургомъ.

„4-го августа я получилъ отвѣтъ отъ Рачковскаго“ (находившагося въ то время въ Дижонѣ), говоритъ Ганзенъ; онъ писалъ: сію минуту получилъ изъ Петербурга извѣстіе о томъ, что ваши донесенія относительно плаванія русскаго флота въ Средиземномъ морѣ и посѣщенія русскою эскадрою Тулона были доложены императору. Его величество назначилъ командующимъ эскадрой адмирала Авелана и повелѣлъ ему отдать въ октябрѣ мѣсяцѣ въ одномъ изъ французскихъ портовъ визитъ, сдѣланный французской эскадрой въ Кронштадтъ въ 1891 г.

Это письмо было немедленно сообщено Ревуалю, который въ то время завѣдывалъ канцеляріей Девелля и оказывалъ министру дѣятельное содѣйствіе въ происходившихъ переговорахъ.

Получивъ одновременно изъ Петербурга оффиціальное извѣстіе о томъ, что посѣщеніе Франціи эскадрой адмирала Авелана состоится въ октябрѣ, французское правительство начало готовиться къ тѣмъ достопамятнымъ празднествамъ, которыя предполагалось устроить по этому случаю.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, Шарль Дюпюи, совѣщался съ барономъ Моренгеймомъ относительно всѣхъ подробностей. Посланникъ велъ отдѣльно переговоры съ муниципальными совѣтами Парижа, Ліона, Тулы и Марселя. На этихъ совѣщаніяхъ было рѣшено, что празднества не будутъ носить никакого политическаго характера, такъ какъ императоръ желалъ, чтобы патріотическія манифестаціи, при встрѣчѣ русскихъ моряковъ, не имѣли вызывающаго характера по отношенію къ противникамъ Франціи и Россіи. Послѣдніе, собственно итальянцы, начинали уже волноваться по поводу появленія русской эскадры въ Средиземномъ морѣ; слѣдовательно, надобно было дѣйствовать весьма осторожно. „Надобно отдать справедливость французскому министру, которымъ были приняты всѣ мѣры, обезпечившія полный порядокъ и спокойствіе въ Парижѣ и другихъ большихъ городахъ, гдѣ готовились празднества по случаю пріѣзда русскихъ моряковъ. Эти празднества произвели огромное впечатлѣніе въ Россіи и во всей Европѣ. Въ эти достопамятные дни французы дали удивительныя доказательства такта и сдержанности. Императоръ, котораго озабочивалъ этотъ вопросъ, былъ очень доволенъ донесеніями, полученными имъ изъ Парижа, и заявилъ своимъ приближеннымъ, что онъ доволенъ тѣмъ, какъ себя держали французы, и убѣдился, что на нихъ можно положиться. Карно получилъ отъ императора слѣдующую телеграмму:

„Гатчина, 27 октября, 11 ч. 35 м. вечера.

„Его превосходительству, г. президенту французской республики. Парижъ.

„Въ ту минуту, когда русская эскадра покидаетъ Францію, мнѣ хотѣлось бы выразить вамъ, насколько я тронутъ и признателенъ за горячій и великолѣпный пріемъ, оказанный нашимъ морякамъ повсемѣстно въ предѣлахъ Франціи.

„Свидѣтельства живѣйшей симпатіи, еще разъ проявившіяся такъ краснорѣчиво, прибавятъ новое звено къ тѣмъ узамъ, которыя соединяютъ наши страны, и надѣюсь будутъ содѣйствовать упроченію всеобщаго мира, что составляетъ предметъ нашихъ постоянныхъ усилій и желаній. Александръ“.

Въ тотъ же день, 27 октября, президентъ республики, ѣздившій въ Тулонъ, чтобы посѣтить русскую эскадру, предложилъ на банкетѣ слѣдующій тостъ:

„Послѣ столь единодушныхъ, дружескихъ и мирныхъ манифестацій, какія были вызваны посѣщеніемъ нашими эскадрами Кронштадта и Тулона, я хотѣлъ бы поблагодарить русскій и французскій флотъ за то, что они достойнымъ образомъ выполнили свою благородную роль быть выразителями симпатій, одушевляющихъ оба народа.

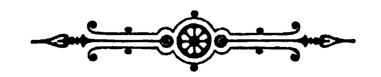
„Къ тосту, который я имѣю честь предложить за здоровье ихъ величествъ императора Александра III и императрицы, я присоединяю тостъ, отвѣчающій всеобщимъ желаніямъ: за дружбу обѣихъ великихъ націй, а черезъ нихъ за всеобщій миръ!"

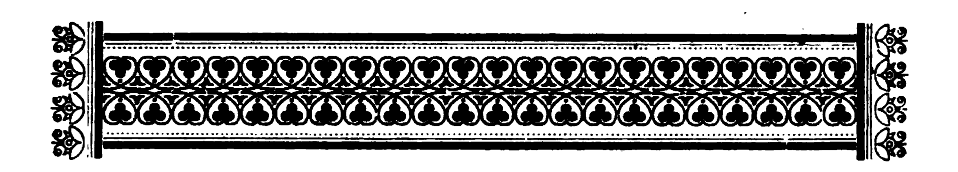
По случаю пріѣзда адмирала Авелана и русскихъ моряковъ баронъ Моренгеймъ далъ въ русскомъ посольствѣ парадный завтракъ, на которомъ, кромѣ адмирала, присутствовали всѣ офицеры, члены посольствъ, многіе русскія высокопоставленныя лица, бывшія въ то время въ Парижѣ и изъ французовъ: Дюпюи, Девелль, Делькассе, Молларъ и Ю. Ганзенъ. На этомъ историческомъ завтракѣ были провозглашены два тоста: первый былъ предложенъ Дюпюи за императора Александра, царскую фамилію и Россію, второй— барономъ Моренгеймомъ за президента республики и за Францію.

Все это ясно свидѣтельствовало о дружескомъ сближеніи, происшедшемъ между обѣими націями. Что касается императора Александра, то онъ желалъ очевидно убѣдиться еще разъ на дѣлѣ въ тактѣ и сдержанности французскаго народа, прежде нежели заключить съ нимъ окончательный союзъ; ибо, тотчасъ по отплытіи русской эскадры изъ Тулона, онъ повелѣлъ окончить какъ можно скорѣе затянувшіеся пероговоры.

Русскій и французскій министры иностранныхъ дѣлъ поспѣшили завершить редакцію вновь выработаннаго союзнаго договора. Переговоры были фактически окончены въ ноябрѣ мѣсяцѣ, но Дюпюи и Девель, предвидя близкое паденіе кабинета, предпочли выждать сформированіе новаго кабинета. Такимъ образомъ честь подписать союзный договоръ выпала на долю Казиміра Перье, который сформировалъ министерство 3 декабря 1893 г.

Гирсъ, по повелѣнію царя, подписалъ договоръ въ Петербургѣ въ тотъ же день, какъ онъ былъ подписанъ Карно въ Парижѣ. Такъ завершился одинъ изъ важнѣйшихъ дипломатическихъ актовъ XIX вѣка.

Тюрьмы и госпиталя въ Россіи въ 18-мъ вѣкѣ, по наблюденіямъ Уилльяма Кокса [1]).

Извѣстный англійскій путешественникъ и историкъ, Уилльямъ Коксъ, посѣтилъ Россію въ 1778 г. и благодаря особому покровительству, оказанному ему императрицей Екатериной II, имѣлъ возможность осмотрѣть и близко познакомиться не только со многими общественными учрежденіями, но также съ тюрьмами и госпиталями, въ Москвѣ, Твери, Вышнемъ-Волочкѣ, Новгородѣ, Петербургѣ и Кронштадтѣ.

Результатомъ этого путешествія былъ изданный имъ въ 1781 г., незначительный по объему, но содержащій не мало любопытныхъ свѣдѣній „Отчетъ о тюрьмахъ и госпиталяхъ въ Россіи", съ которымъ читатели познакомятся на слѣдующихъ страницахъ; года три спустя появилось объемистое, въ 5 томахъ сочиненіе Кокса: „Путешествіе въ Польшу, Россію, Швецію и Данію", которое выдержало за границей въ короткое время нѣсколько изданій и было переведено на многіе иностранные языки.

Оно содержитъ весьма цѣнныя наблюденія Кокса, касающіяся внутренней, бытовой стороны современной ему Россіи, русской жизни и нравовъ, и по своему легкому, талантливому и добросовѣстному изложенію не утратило интереса до настоящаго времени.

Въ ближайшихъ книгахъ „Русской Старины" будетъ помѣщенъ полный переводъ этого сочиненія, которое не появлялось до сихъ поръ полностью на русскомъ языкѣ. Въ краткомъ извлеченіи изъ него, помѣщенномъ въ „Русской Старинѣ" изд. 1877 г. № 2 и 5, г-жа Бѣлозерская сообщила обстоятельныя біографическія данныя

---

[1]) Account of the prisons and Hospitals in Russia, Sweden and Denmark with occassional remarks on the different modes of punishments in those countries. London. 1781.

объ Уилльямѣ Коксѣ и перечень его трудовъ; не повторяя здѣсь этихъ данныхъ, отсылаемъ читателей интересующихся личностью Кокса къ вышеупомянутой статьѣ.

I.

Объ уголовныхъ наказаніяхъ, примѣняемыхъ въ Россіи. — Кнутъ.—Отмѣна пытокъ.—Ссылка въ Сибирь.—Каторжныя работы.—Законъ о несостоятельныхъ должникахъ.

Много говорятъ о гуманности русскихъ уголовныхъ законовъ на томъ основаніи, что, со времени восшествія на престолъ императрицы Елисаветы, смертной казнью наказуются только одни государственныя преступленія. Какъ бы мы ни смотрѣли на этотъ вопросъ, съ точки ли зрѣнія гуманности, считая, что смертная казнь примѣняется слишкомъ часто, во всякомъ случаѣ, большимъ недостаткомъ русскаго уголовнаго законодательства является то, что самыя ужасныя преступленія, какъ напр. предумышленное убійство, не наказываются смертью; тѣмъ болѣе, что несравненно болѣе легкое, повидимому, наказаніе влечетъ за собою нерѣдко смерть, и, хотя по точному смыслу закона, смертная казнь въ Россіи отмѣнена, и примѣняется только въ вышеуказанномъ случаѣ, на самомъ же дѣлѣ это не совсѣмъ такъ: случается, что преступникъ приговаривается за какое-нибудь важное преступленіе къ столькимъ ударамъ кнута [1]), что онъ испускаетъ духъ во время самаго наказанія или вскорѣ послѣ него.

Главнѣйшія наказанія, налагаемыя за уголовныя преступленія, суть кнутъ, клейменіе, вырываніе ноздрей, ссылка въ Сибирь на поселеніе и на каторжныя работы и сѣченіе розгами. Виновные въ государственныхъ преступленіяхъ обезглавливаются или присуждаются къ пожизненному заключенію.

Кнутъ представляетъ собою ремень изъ сыромятной кожи, толщиною въ крону и шириною около трехъ четвертей дюйма, суживающійся постепенно къ концу; онъ привязанъ къ толстому кнутовищу, который прикрѣпляется къ ремешку, замѣняющему веревку; все это прикрѣплено къ толстой деревянной рукояткѣ. Преступника обна-

---

[1]) Причиною смерти бываетъ не столько количество ударовъ, получаемыхъ преступникомъ, сколько тотъ способъ, какимъ они наносятся; ибо палачъ можетъ убить его тремя или четырьмя ударами по ребрамъ. Въ бытность мою въ Петербургѣ, одинъ человѣкъ, обвиненный въ убійствѣ, получилъ 333 удара кнута: я видѣлъ его три недѣли спустя въ тюрьмѣ; онъ почти совсѣмъ оправился и казался совсѣмъ здоровымъ.

Въ 1778 г. умерло три человѣка, наказанные кнутомъ.

жаютъ до пояса и кладутъ на спину другому человѣку, привязавъ ему къ ногамъ гири. Палачъ ударяетъ его по спинѣ плоскимъ концомъ кнута.

Кнутъ самъ по себѣ не считается достаточнымъ наказаніемъ за уголовныя преступленія; имъ наказываютъ за менѣе важные проступки [1]); въ уголовныхъ преступленіяхъ кнутъ представляетъ собою лишь одинъ изъ видовъ наказанія; въ тѣхъ случаяхъ, когда по старымъ законамъ преступникъ осуждался на смертную казнь, теперь его клеймятъ, рвутъ ему ноздри и ссылаютъ въ каторжныя работы въ Сибирь.

Въ прежнее время виновныхъ въ уголовномъ преступленіи или въ государственной измѣнѣ наказывали слѣдующимъ образомъ: скрутивъ преступнику руки за спину и привязавъ къ нимъ веревку, накручивали ее на блокъ, такъ что тѣло повисало въ воздухѣ; при чемъ плечи, само собою разумѣется, вывихивались; въ этомъ положеніи несчастнаго били кнутомъ. Но это ужасное наказаніе, а равно и всѣ другіе виды пытокъ [2]), уничтожены нынѣ царствующей императрицей, которая произвела большія и благодѣтельныя реформы въ управленіи своей обширной имперіи и въ особенности въ судопроизводствѣ: реформы столь же гуманныя, какъ и справедливыя, которыя дѣлаютъ не менѣе чести этой великой монархинѣ, какъ и самыя славныя дѣянія ея царствованія.

---

[1]) Кнутомъ наказываютъ за кражу 20 рублей и болѣе.

[2]) Хотя русская императрица и пользуется неограниченной властью въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, но мысль о необходимости пытокъ до того укоренилась съ незапамятныхъ временъ въ умѣ русскаго народа и такъ вошла въ обычай (а женщина законодательница всегда бываетъ склонна уважать предразсудки, какъ бы они ни были нелѣпы и неразумны), что императрицѣ приходилось дѣйствовать съ величайшей осторожностью, чтобы не вызвать неудовольствія поспѣшной отмѣной этого безчеловѣчнаго обычая. Осторожность, съ какою онъ отмѣнялся, свидѣтельствуетъ о правильности ея сужденія и о ея благоразуміи.

Въ 1762 г., вскорѣ по восшествіи императрицы на престолъ, высочайшимъ указомъ было воспрещено низшимъ судамъ вынуждать у виновныхъ сознаніе пыткою; ранѣе они страшно злоупотребляли этимъ правомъ.

Въ 1767 г. воеводамъ и судьямъ нѣсколькихъ губерній было разослано секретное предписаніе, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда они найдутъ нужнымъ пробѣгнуть къ пыткѣ, чтобы вынудить у виновнаго сознаніе, они представляли дѣло на разсмотрѣніе намѣстника, изложивъ письменно всѣ пункты обвиненія, вмѣстѣ и улики, намѣстникамъ же было повелѣно давать свое заключеніе, сообразуясь со смысломъ десятой главы наказа, утвержденнаго ея величествомъ для составленія новаго свода законовъ, въ коемъ примѣненіе пытки называется обычаемъ жестокимъ и безполезнымъ. Такимъ образомъ это было какъ бы молчаливой отмѣной пытокъ.

За маловажныя преступленія [1]) виновныхъ сѣкутъ, ссылаютъ въ Сибирь на поселеніе и на опредѣленное число лѣтъ въ каторгу.

Послѣ наказанія кнутомъ и наложенія клеймъ на лобъ и щеки преступники отсылаются иногда въ острогъ въ Кронштадтъ, Вышній-Волочекъ и другіе города; но чаще всего ихъ ссылаютъ пожизненно въ Сибирь, на каторжныя работы, въ Нерчинскъ.

Они отправляются туда два раза въ годъ, а именно весной и осенью, изъ разныхъ мѣстъ Россіи, изъ Петербурга, Москвы [2]) и другихъ городовъ, гдѣ находятся окружные суды.

Отдѣльныя партіи преступниковъ сходятся по пути въ назначенныхъ для этого городахъ. Ихъ везутъ частью водой, частью сухимъ путемъ, скованныхъ по-парно и связанныхъ вмѣстѣ длинной веревкой; ночью веревку отвязываютъ и ихъ разводятъ по разнымъ домамъ, гдѣ они ночуютъ подъ карауломъ конвойныхъ солдатъ.

Виновные въ маловажныхъ проступкахъ и бродяги ссылаются вмѣстѣ съ каторжными, такъ же точно, какъ и крестьяне [3]), ссылаемые по просьбѣ помѣщиковъ, которые имѣютъ право наказывать ихъ, указавъ лишь на то, какое ими совершено преступленіе.

Каждому изъ сосланныхъ назначается на содержаніе по двѣ копѣйки въ день.

По прибытіи партіи арестантовъ въ Тобольскъ, губернаторъ получаетъ списокъ съ ихъ именами и съ отмѣтками о томъ, за какое преступленіе они сосланы, и распредѣляетъ ихъ по мѣстамъ, оставляя тѣхъ, кто знаетъ какое-нибудь ремесло, въ городѣ, и опредѣляя ихъ въ разныя мастерскія; нѣкоторые отсылаются имъ въ окрестности Тобольска, а остальные—въ Иркутскъ, гдѣ губернаторъ также

---

[1]) Помимо кнута для наказанія употребляются плети и кошки; тѣ и другія суть многохвостые ремни съ тою разницей, что кошки бываютъ на концѣ осмолены; кошка употребляется главнымъ образомъ для наказанія матросовъ; плетью наказываютъ за болѣе легкіе проступки.

За маловажные проступки наказываютъ также батогами; это тонкія палки, которыми бьютъ по пятамъ.

[2]) Передъ самымъ моимъ пріѣздомъ въ Москву оттуда было отправлено въ Сибирь на каторгу и на поселеніе 248 человѣкъ; ихъ не всѣхъ судили въ Москвѣ: нѣкоторые были присланы туда изъ Петербурга, Твери и другихъ городовъ, такъ какъ Москва служитъ сборнымъ пунктомъ для преступниковъ. Мнѣ говорили, что, по приблизительному подсчету, изъ Москвы отправляется въ Сибирь ежегодно около 500 человѣкъ.

[3]) Въ Россіи всѣ крестьяне крѣпостные, и помѣщикъ можетъ безконтрольно распоряжаться ихъ жизнью и собственностью; онъ можетъ своей собственной властью наказывать ихъ какъ угодно, но, по буквѣ закона, не можетъ лишать ихъ жизни. Если крестьянинъ умретъ въ теченіе трехъ дней послѣ того, какъ онъ былъ наказанъ по приказанію помѣщика, то послѣдній считается виновнымъ въ его смерти.

оставляетъ однихъ по своему усмотрѣнію въ городѣ, а прочихъ распредѣляетъ по уѣздамъ.

Осужденные на каторжныя работы препровождаются въ Нерчинскій округъ, гдѣ они работаютъ въ серебряныхъ рудникахъ и на разныхъ заводахъ. Каторжниковъ бываетъ среднимъ числомъ отъ 1.600 до 2.000 чел. Большая часть живутъ въ казармахъ, за исключеніемъ женатыхъ: послѣднимъ разрѣшается строить возлѣ рудниковъ избы для себя и для своей семьи.

На каждаго арестанта отпускается извѣстное количество ржаной муки, около 70 фунтовъ въ мѣсяцъ, и полторы копѣйки въ день, когда они работаютъ. Они получаютъ казенную одежду. Каждый каторжникъ обходится казнѣ около 35 руб. въ годъ; за эти деньги могъ бы быть нанятъ свободный землепашецъ.

Если принять во вниманіе, сколько преступниковъ умираетъ подъ кнутомъ, сколько ихъ погибаетъ отъ усталости во время продолжительнаго путешествія въ Нерчинскъ, и тяжелыя условія жизни въ рудникахъ, то окажется, что уголовные законы въ Россіи далеко не такъ гуманны, какъ утверждаютъ нѣкоторые писатели. Если бы сдѣлать общій подсчетъ, то оказалось бы, можетъ быть, что, несмотря на всю кажущуюся мягкость уголовныхъ законовъ, въ Россіи обрекается на смерть не меньшее число преступниковъ, какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ смертная казнь установлена закономъ.

Законы, касающіеся должниковъ, таковы: несостоятельные должники считаются въ Россіи рабами и могутъ быть проданы купцомъ или сосланы на каторжныя работы на опредѣленное число лѣтъ, сообразно суммѣ ихъ долга. Поэтому несостоятельнаго должника стараются прежде всего продать частному лицу, которое могло бы кормить и одѣвать его, и давало бы ему кромѣ того 24 рубля въ годъ, которые идутъ его кредиторамъ въ уплату его долга. Если никто не купитъ его на этихъ условіяхъ, то его ссылаютъ въ каторжныя работы вмѣстѣ съ остальными преступниками. Въ такомъ случаѣ, казна выдаетъ въ уплату за его трудъ 24 р. въ годъ; половина этой суммы идетъ на содержаніе заключеннаго, а остальная на уплату его кредиторамъ. Число лѣтъ, на которое несостоятельный должникъ осуждается на каторгу, зависитъ отъ размѣра его долга; если долгъ великъ, его приговариваютъ на каторгу пожизненно; или, что сводится къ тому же, на 80 или на 200 лѣтъ; т. е. до тѣхъ поръ, пока долгъ не будетъ покрытъ ежегодными взносами; если долгъ не великъ, то онъ получаетъ свободу скорѣе, какъ только будетъ уплачена сумма, за которую онъ былъ заключенъ въ тюрьму.

Таковы законы, касающіеся должниковъ; но они не всегда со-

блюдаются въ точности. Осматривая тюрьмы, я видѣлъ нѣсколько человѣкъ, которые давно уже сидѣли въ долговомъ отдѣленіи за самый маленькій долгъ. Но подобныя злоупотребленія случаются только тамъ, гдѣ еще дѣйствуетъ старое законодательство. Тамъ же, гдѣ введены выработанные, по повелѣнію нынѣ царствующей императрицы, новые законы, тамъ эти злоупотребленія устранены.

Впрочемъ съ этимъ закономъ тѣсно связано одно злоупотребленіе, устранить которое весьма трудно; такъ напр. купецъ объявляетъ себя несостоятельнымъ должникомъ и на этомъ основаніи подлежитъ продажѣ; пріятель покупаетъ его за двадцать четыре рубля въ годъ и немедленно отпускаетъ его на свободу. Путемъ такого обмана купецъ можетъ задолжать крупныя суммы, которыя должны бы идти его кредиторамъ; а онъ обязанъ уплачивать ежегодно только 24 рубля, за которые поручился его пріятель. Подобнаго рода случай былъ не такъ давно, но губернаторъ, заподозрѣвъ обманъ, настоялъ на томъ, чтобы купецъ былъ сосланъ на каторгу; угроза подѣйствовала, и онъ уплатилъ значительную часть долга; иначе онъ бы утаилъ эти деньги.

II.

Тюрьмы и госпиталя въ Москвѣ.—Тюрьма для солдатъ.—Острогъ.—Тюрьма для неисправныхъ должниковъ.—Воспитательный домъ.—Императорскій госпиталь.—Екатерининская больница.—Тюрьмы въ Твери и Вышнемъ Волочкѣ.

Изложивъ въ общихъ чертахъ примѣняемыя въ Россіи наказанія, я опишу теперь тюрьмы и госпитали, которые я осмотрѣлъ во время моего пребыванія въ этой странѣ.

Когда, вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1778 г., я обратился къ губернатору, князю Волконскому, съ просьбой разрѣшить мнѣ осмотрѣть тюрьмы, въ которыя вообще не допускаютъ иностранцевъ, то этотъ вельможа съ величайшей готовностью разрѣшилъ мнѣ это и прислалъ своего адъютанта, которому было поручено сопровождать меня и служить мнѣ переводчикомъ.

Бутырская тюрьма, куда заключаютъ солдатъ, стоитъ на открытомъ, ровномъ мѣстѣ, приблизительно въ двухъ миляхъ отъ города. Большое пространство обнесено деревянной стѣною высотою приблизительно въ 25 футъ. Посреди него стоитъ деревянный домъ, занимающій около 30 кв. футъ и состоящій изъ одной камеры, въ которой находилось 48 арестантовъ: комната была вышиной около 15 футъ, вдоль стѣнъ шли въ нѣсколько рядовъ широкія нары, на которыхъ арестанты спятъ; имъ не дозволяется имѣть ни постели,

ни одѣялъ, ни соломы. Днемъ имъ разрѣшается гулять по двору, на ночь ихъ запираютъ въ домѣ; по закону въ тюрьмѣ не позволяется продавать водки. По отношенію къ арестантамъ это правило соблюдается вообще строго; но въ большинствѣ случаевъ, имѣя деньги, они легко могутъ получить водку. Когда арестанты заболѣютъ (исключая каторжныхъ, которыхъ лѣчитъ тюремный врачъ въ самой тюрьмѣ), ихъ отсылаютъ въ военные госпиталя. По близости отъ тюрьмы, внѣ тюремной ограды, находится колодезь, откуда двое арестантовъ, въ сопровожденіи конвойнаго, берутъ воду для всѣхъ остальныхъ.

Острогъ находится въ одномъ изъ предмѣстій. Огромное четыреугольное пространство обнесено высокой стѣною; передъ ней возвышается каменное зданіе для тюремныхъ служителей. Внутри этого огороженнаго пространства находится нѣсколько дворовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого также деревянными стѣнами. Въ каждомъ дворѣ—четыре, шесть или восемь деревянныхъ домовъ; въ каждомъ домѣ одна большая камера. Ихъ всего двадцать пять; въ каждой камерѣ помѣщается не болѣе двадцати пяти или тридцати арестантовъ. Въ каждый домъ ведутъ желѣзныя ворота, которыя запираются на ночь; днемъ арестантамъ дозволяется гулять по двору.

Въ одномъ дворѣ было 97 арестантовъ, а во всѣхъ домахъ было одновременно около 800 заключенныхъ.

Такое распредѣленіе камеръ въ нѣсколькихъ дворахъ весьма цѣлесообразно, такъ какъ это даетъ арестантамъ возможность быть ежедневно на воздухѣ.

Въ одномъ изъ дворовъ находится колодезь, изъ котораго арестанты по-двое изъ каждой камеры могутъ по вечерамъ брать воду.

Въ настоящее время каторжники, не осужденные еще преступники и арестованные за маловажные проступки заключены всѣ вмѣстѣ. Но предполагается построить отдѣльный острогъ, для ссылаемыхъ въ Сибирь. Каторжные были закованы въ кандалы по-двое; они уже были наказаны кнутомъ и т. п. и ожидали отправки въ Сибирь. Осужденные получаютъ на содержаніе 1 копѣйку въ день; тѣ же, коимъ еще не вынесенъ приговоръ, ничего не получаютъ и должны питаться подаяніемъ; разъ въ недѣлю между ними дѣлятъ все, что для нихъ собрано; самое большее, на долю каждаго заключеннаго приходится 50 коп., самое меньшее—пять коп.; въ среднемъ—15 коп. въ недѣлю. Ржаной хлѣбъ, который ѣстъ народъ, очень дешевъ; 1 фунтъ хлѣба стоитъ копѣйку. Всѣ арестанты были повидимому вполнѣ здоровы и не имѣли вида голодныхъ людей. На первый дворъ впускаютъ крестьянъ, которые продаютъ арестан-

тамъ хлѣбъ и сбитень. Одинъ изъ дворовъ предназначенъ для женщинъ, которыя незакованы въ кандалы.

Въ Россіи женщинъ рѣдко заковываютъ въ кандалы, но уголовнымъ надѣваютъ иногда на ноги колодку.

На мой вопросъ, много ли женщинъ приговорено къ тюремному заключенію за убійство незаконнорожденныхъ дѣтей, съ тѣхъ поръ какъ основанъ воспитательный домъ, мнѣ отвѣтили, что прежде это случалось часто, но съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ это учрежденіе, подобные случаи весьма рѣдки; въ болѣе отдаленныхъ уѣздахъ Московской губерніи женщины часто совершали это преступленіе; но въ настоящее время въ городѣ это вещь почти неслыханная; это служитъ, какъ мнѣ кажется, наилучшимъ доказательствомъ полезности этого превосходнаго учрежденія.

Въ этомъ острогѣ сидитъ помѣщикъ, который одинъ не пользуется правомъ прогулки; это наказаніе едва-ли соотвѣтствуетъ его преступленію, заключающемуся въ томъ, что онъ засѣкъ нѣсколькихъ крѣпостныхъ до смерти. Это показываетъ, какой властью пользуются помѣщики надъ своими крестьянами, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что подобнаго рода преступленія, если они обнаружены, не всегда остаются безнаказанны. Не могу умолчать объ одномъ фактѣ, который, не имѣя прямого отношенія къ разсматриваемому вопросу, не можетъ не заинтересовать всякаго мало-мальски гуманнаго человѣка. У самыхъ воротъ тюрьмы, въ которой заключенъ этотъ несчастный, семидесятилѣтняя старуха соорудила жалкій навѣсъ, едва защищающій ее отъ непогоды: она живетъ тутъ изъ состраданія къ заключенному, котораго она нянчила и не покидаетъ его, чтобы оказывать ему всѣ услуги, какія только возможно. Подобную преданность трудно гдѣ-либо встрѣтить; она дѣлаетъ это совершенно безкорыстно, такъ какъ преступленіе, совершенное помѣщикомъ, такъ велико, что нѣтъ ни малѣйшей надежды на то, что онъ будетъ освобожденъ, и она не можетъ ожидать никакой награды за то, что дѣлается ею только изъ привязанности къ нему: когда я далъ этой бѣдной женщинѣ какую-то мелкую монету, она тотчасъ отдала ее заключенному.

Въ острогѣ нѣтъ отдѣльной комнаты для больныхъ, они остаются въ общей камерѣ, но въ случаѣ заразительной болѣзни ихъ переводятъ въ отдѣльный домъ, построенный для арестантовъ, болѣвшихъ чумою, которая свирѣпствовала тутъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Нѣкоторые заключенные сидятъ въ острогѣ уже три года; это показываетъ, съ какими проволочками совершается судопроизводство въ этой странѣ; нынѣ царствующая императрица въ своемъ Наказѣ указываетъ на это зло и старается устранить его.

Въ этой и во всѣхъ другихъ русскихъ тюрьмахъ нѣтъ особаго

тюремщика; смотрѣть за арестантами и охранять ихъ обязаны по очереди унтеръ-офицеры и сержанты.

Въ стѣнахъ тюрьмы находится маленькая церковь, построенная нѣсколько лѣтъ тому назадъ на деньги, пожертвованныя съ этой цѣлью арестантамъ, у которыхъ осталась отъ постройки церкви довольно значительная сумма. Въ этой церкви каждое воскресенье совершается богослуженіе.

Въ Москвѣ нѣтъ настоящаго исправительнаго заведенія; бродяги и люди распутнаго поведенія, совершившіе какой-нибудь проступокъ, назначаются на извѣстный срокъ на работы въ больницу св. Екатерины; туда же господа посылаютъ для наказанія своихъ слугъ, впрочемъ не болѣе какъ на двѣ недѣли. На содержаніе каждаго арестанта отпускается три копѣйки въ день. Я видѣлъ ихъ за работой: одни рыли ровъ, другіе снимали насыпь и уносили вырытую землю, третьи работали въ огородѣ; лѣтомъ они работаютъ съ семи часовъ утра до двѣнадцати и съ часу до восьми; зимой рубятъ дрова и разбиваютъ камни.

Распутныя женщины заключаются въ Андреевскій монастырь, стоящій въ одномъ изъ предмѣстьевъ на берегу Москвы рѣки. Для нихъ отведена комната въ нижнемъ этажѣ. Онѣ живутъ тамъ недѣли двѣ или три и вьютъ веревки для адмиралтейства. На ихъ содержаніе отпускается по три копѣйки въ день. Когда я былъ въ Москвѣ, тамъ не было ни одной женщины.

Въ томъ же монастырѣ находится пріютъ для солдатскихъ вдовъ; императрица даетъ на каждую женщину по четыре копѣйки въ день; въ пріютѣ девяносто вдовъ; имъ варитъ кушанье и прислуживаетъ женщина, получающая за это жалованье и одежду.

Тюрьма для несостоятельныхъ должниковъ (долговое отдѣленіе) находится посреди города; это каменное, одноэтажное зданіе, съ нѣсколькими камерами для заключенныхъ; мужчины и женщины помѣщаются въ отдѣльныхъ комнатахъ, но днемъ имъ разрѣшается быть вмѣстѣ; заключеннымъ не дается ни кровати, ни постели, ни соломы, они спятъ на голыхъ нарахъ, устроенныхъ вдоль стѣнъ; въ каждой камерѣ есть печка.

Кредиторы и казна ничего не даютъ на содержаніе заключенныхъ: имъ разрѣшается ходить по улицамъ, въ сопровожденіи конвойнаго и собирать милостыню.

Нѣкоторые отсиживаютъ за самую ничтожную сумму; такъ напр. одна женщина была посажена въ тюрьму на три мѣсяца всего за два рубля. Въ тюрьмѣ было всего 37 несостоятельныхъ должниковъ.

Воспитательный домъ въ Москвѣ заслуживаетъ болѣе подробнаго

описанія, нежели я въ состояніи дать. Онъ основанъ нынѣ царствующей императрицей и существуетъ на „доброхотныя подаянія“ и на деньги, жертвуемыя и завѣщаемыя благотворителями. Для поощренія къ пожертвованіямъ въ пользу этого учрежденія, императрица даетъ жертвователямъ нѣкоторыя привилегіи и чины соотвѣтственно сдѣланному пожертвованію. Такимъ образомъ образовался значительный капиталъ. Богатый купецъ Демидовъ пожертвовалъ на постройку этого зданія и на другія благотворительныя цѣли болѣе 700.000 рублей.

Воспитательный домъ построенъ въ здоровой части города, на маленькомъ пригоркѣ, близъ Москвы рѣки. Это обширное зданіе четыреугольной формы; оно еще не достроено.

Въ настоящее время въ немъ помѣщается 3.000 подкидышей, но оно разсчитано на 8.000 дѣтей. Ихъ приносятъ привратнику, и они принимаются безъ всякаго допроса и рекомендаціи [1]). Число, день и часъ, въ который принесенъ ребенокъ немедленно записывается также какъ и его полъ; какъ только его окрестятъ, записывается его имя: его переодѣваютъ во все казенное и передаютъ кормилицѣ; каковыя всегда имѣются наготовѣ. Кормилица никогда не кормитъ болѣе одного ребенка.

При осмотрѣ воспитательнаго дома меня сопровождалъ директоръ; я былъ очень этимъ доволенъ, тѣмъ болѣе, что для меня ничего не было приготовлено, я заѣхалъ случайно, и меня тотчасъ, безъ всякаго затрудненія, допустили къ осмотру дома. Я былъ такъ пораженъ этимъ благотворительнымъ учрежденіемъ, что во время моего пребыванія въ Москвѣ посѣтилъ его четыре раза.

Питомцы раздѣляются на четыре разряда по возрасту. Младенцы остаются на рукахъ у кормилицы не болѣе двухъ лѣтъ, затѣмъ ихъ переводятъ въ низшій классъ; мальчики и дѣвочки живутъ вмѣстѣ до семилѣтняго возроста, по достиженіи котораго ихъ отдѣляютъ. Всѣ они учатся читать, писать и считать.

Мальчиковъ учатъ плести сѣти, чесать пеньку, ленъ и шерсть, затѣмъ опредѣляютъ на заводы. Дѣвочки учатся вязать, плести кружева и разнымъ другимъ рукодѣльямъ; онѣ стряпаютъ, пекутъ хлѣбъ и исполняютъ разныя домашнія работы. Четырнадцати лѣтъ питомцы переходятъ въ старшій классъ и имѣютъ право избрать ремесло; съ этой цѣлью въ воспитательномъ домѣ устроены различныя мастерскія, въ нихъ дѣлаютъ шелковые чулки, ленты, кружева, вы-

---

[1]) Въ воспитательномъ домѣ есть комнаты для родильницъ, куда женщины принимаются, по желанію, въ маскахъ, и разрѣшаются отъ бремени, не будучи обязаны отвѣчать ни на какіе вопросы.

шивки, перчатки, пуговицы, столярныя и токарныя работы и разную домашнюю утварь, даже музыкальные инструменты [1]) и т. п. Для каждаго ремесла имѣется особая мастерская.

Нѣкоторые питомцы учатся по-французски и по-нѣмецки; нѣсколько мальчиковъ обучаются латинскому языку; другіе учатся музыкѣ, рисованію и танцамъ.

Когда они выучатся какому-нибудь ремеслу или достигнутъ двадцати-лѣтняго возраста, имъ предоставляется устроиться какъ они хотятъ; съ этой цѣлью каждому питомцу и питомицѣ выдается извѣстная сумма денегъ, и разрѣшается производить торговлю въ любомъ мѣстѣ Россійской имперіи; это большая привилегія въ Россіи, гдѣ всѣ крестьяне—крѣпостные и не могутъ уѣзжать изъ деревни безъ разрѣшенія помѣщика.

Если питомецъ женится на питомкѣ, имъ дается въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ помѣщеніе въ воспитательномъ домѣ и позволяется заниматься своимъ ремесломъ.

Комнаты въ воспитательномъ домѣ очень высокія, большія; спальни отдѣлены отъ мастерскихъ; въ послѣднихъ полъ каменный, въ первыхъ досчатый; спальни хорошо провѣтриваются, и кровати разставлены свободно; у каждаго питомца отдѣльная желѣзная кровать; простыни мѣняются каждую недѣлю, а носильное бѣлье три раза въ недѣлю.

Проходя по комнатамъ, я былъ пораженъ ихъ уютностью и чистотою; дѣтскія содержатся необыкновенно чисто, въ нихъ не замѣчается ни малѣйшаго непріятнаго запаха. Люлекъ нѣтъ, и качать дѣтей строго воспрещается; для каждаго ребенка стоитъ маленькая кроватка. Дѣтей не пеленаютъ, какъ это принято въ Россіи; они одѣты въ распашенкахъ.

Я обошелъ всѣ комнаты и видѣлъ питомцевъ за работой; (когда мы вошли) дѣти подбѣжали къ директору, окружили его; одни брали его за руку, другіе дергали за фалды; нѣкоторые цѣловали ему руки; всѣ видимо были очень довольны. Эти естественные и непритворные знаки любви лучше всего свидѣтельствовали о его добротѣ, ибо если съ дѣтьми обращаются дурно, то они обыкновенно трепещутъ передъ тѣми, кто смотритъ за ними. При бѣгломъ осмотрѣ воспитательнаго дома я не могъ судить о томъ, хорошо ли дѣти обучены и соблюдаются ли въ точности всѣ предписанія; но по тому, какъ они держали себя, я увѣренъ, что они, въ общемъ, счастливы и довольны; судя же по ихъ наружности, можно было сказать, что они очень здоровы; это послѣднее обстоятельство надобно припи-

[1]) Я видѣлъ нѣсколько арфъ, сдѣланныхъ очень недурно питомцами.

сать той удивительной чистотѣ, съ какой содержатся комнаты и сами дѣти.

Дѣвочки перваго класса носятъ бѣлыя холщевыя платья; остальныя—полосатыя; мальчики одѣты въ полосатыя холстинковыя куртки и короткіе штаны.

При воспитательномъ домѣ имѣются бани, предметъ роскоши, безъ котораго русскіе не могутъ обходиться, и который они считаютъ необходимымъ для здоровья.

Второй разъ, когда я былъ въ воспитательномъ домѣ, я видѣлъ питомцевъ въ церкви и за обѣдомъ: дѣвочки и мальчики обѣдали отдѣльно. Большія сводчатыя столовыя помѣщаются въ нижнемъ этажѣ отдѣльно отъ мастерскихъ. Первый классъ сидитъ за столомъ, прочіе стоятъ; маленькимъ подаютъ служанки; питомцы перваго и второго класса прислуживаютъ по очереди другъ другу. Обѣдъ состоялъ изъ мясной и бараньей похлебки съ рисомъ; я пробовалъ ту и другую, онѣ были замѣчательно вкусны; хлѣбъ тоже очень вкусный; онъ печется дома самими питомцами. Каждому полагается салфетка, оловянная тарелка, ножъ, вилка и ложка; салфетки и скатерти смѣняются три раза въ недѣлю. Питомцы встаютъ въ шесть часовъ, обѣдаютъ въ одиннадцать, ужинаютъ въ шесть. Маленькимъ дѣтямъ даютъ кромѣ того хлѣбъ въ семь часовъ и въ четыре часа. Въ то время когда они не заняты своей обычной работой, ихъ выпускаютъ какъ можно больше на воздухъ. Въ общемъ все это произвело на меня самое благопріятное впечатлѣніе; дѣти казались въ высшей степени довольны и счастливы.

Вечеромъ я присутствовалъ на спектаклѣ, разыгранномъ питомцами. Было представлено „Honnête Criminel“ (честный преступникъ) и комическая опера „Le Devin du Village“ (Деревенскій колдунъ) въ переводѣ на русскій языкъ; любопытно, что сцена сооружена самими питомцами; ими же написаны декораціи; оркестръ составленъ также изъ питомцевъ, за исключеніемъ первой скрипки, которую игралъ ихъ учитель музыки. Въ оркестрѣ, который былъ очень недуренъ, было нѣсколько скрипокъ, двѣ віолончели и литавры; на этихъ инструментахъ играли старшіе мальчики; мальчики лѣтъ десяти играли на охотничьихъ рогахъ, гобоѣ и флейтѣ. Піесы, какъ я уже сказалъ, были разыграны прекрасно. Въ оперѣ было нѣсколько пріятныхъ голосовъ, все представленіе прошло очень гладко. Балета не было, но намъ говорили, что питомцы хорошо исполняютъ танцы.

Если можно указать на одинъ недостатокъ этого учрежденія, то онъ заключается несомнѣнно въ томъ, что питомцамъ позволяютъ играть на сценѣ и танцовать, что несомнѣнно должно отвлекать ихъ

отъ занятія ремеслами; я слышалъ впослѣдствіи, что это такъ и бываетъ съ тѣми, которые участвуетъ въ спектакляхъ.

Въ общемъ, я никогда не видалъ лучшаго и болѣе совершеннаго благотворительнаго учрежденія, и я долженъ замѣтить еще разъ,—и объ этомъ слѣдуетъ постоянно напоминать,—что наружный видъ дѣтей вполнѣ соотвѣтствуетъ той особой заботливости, съ какою пекутся объ ихъ здоровьи; на это обстоятельство я невольно обратилъ особенное вниманіе [1]).

Госпиталь, основанный Петромъ I, оштукатуренное кирпичное зданіе, стоитъ на небольшомъ холмикѣ, въ здоровой мѣстности, недалеко отъ Яузы. Оно предназначено для больныхъ солдатъ и разсчитано на 1.000 человѣкъ: въ настоящее время ихъ всего 463 человѣка. Кромѣ главнаго корпуса есть нѣсколько деревянныхъ флигелей, въ которыхъ живутъ врачъ, хирургъ, аптекарь и ассистенты, въ другихъ флигеляхъ устроены пріемные покои для больныхъ, которые за недостаткомъ мѣста не могутъ быть помѣщены въ главномъ зданіи.

Главный лазаретъ состоитъ изъ двухъ большихъ палатъ, каждая длиною въ 36 ярдовъ, шириною въ 16 ярдовъ и соотвѣтственной вышины; въ каждой палатѣ 120 кроватей; для каждаго больного полагается отдѣльная кровать; въ одной изъ палатъ было 117 горячечныхъ больныхъ, зловоніе и жара въ этой палатѣ были невыносимыя, достаточно было провести тамъ сутки, чтобы захворать какой-нибудь заразной болѣзнію.

Въ другой палатѣ было девяносто больныхъ, преимущественно цынготныхъ и страдавшихъ разными язвами.

Палаты для сифилитиковъ устроены въ отдѣльномъ зданіи: въ палатѣ съ семидесятью кроватями лежало семьдесятъ три больныхъ.

Отдѣльный флигель предназначенъ для солдатъ, которые присылаются сюда изъ тюремъ: ихъ было тридцать четыре человѣка.

Всѣ палаты слишкомъ тепло отапливаются и плохо провѣтриваются. Каждому больному дается деревянная ложка, двѣ тарелки, кружка, туфли, матрасъ, шерстяное одѣяло и простыня. Каждому больному отпускается (съ разрѣшенія врача) ежедневно фунтъ мяса или два фунта баранины и полфунта хлѣба, для питья дается обыкновенно пиво и квасъ, вино прописывается въ случаѣ надобности.

При госпиталѣ состоятъ врачъ, одинъ старшій и пять младшихъ хирурговъ и десять ассистентовъ, аптекарь и его помощникъ.

---

[1]) Прекрасный результатъ этого заботливаго ухода и чистоты сказался нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда въ Москвѣ свирѣпствовала чума: ею не заболѣлъ никто изъ питомцевъ.

При этомъ госпиталѣ студенты обучаются на казенный счетъ физикѣ, хирургіи, ботаникѣ, химіи.

Екатерининская больница находится въ здоровой мѣстности въ слободѣ. Она состоитъ изъ одноэтажнаго деревяннаго зданія и нѣсколькихъ флигелей для врача, хирурга, аптекаря и т. д.; посреди находится дворъ.

Эта больница построена на средства, пожертвованныя нынѣ царствующей императрицей; въ ней помѣщается 150 больныхъ, но она разсчитана на 200 чел., въ палатѣ, занимающей пространство въ шестнадцать квадратныхъ футъ, помѣщается не болѣе девяти больныхъ, у каждаго—отдѣльная кровать, комнаты оклеены хорошенькими обоями, у кроватей—холщевыя занавѣси. Каждому больному полагается бумажное одѣяло, ночной колпакъ, подштанники, носки и туфли, оловянная кружка и стаканъ; между кроватями стоитъ столикъ со звонкомъ, на каждой кровати лежитъ матрасъ, шерстяное одѣяло и простыня, простыни мѣняются два раза въ мѣсяцъ, бѣлье—два раза въ недѣлю. Въ каждой комнатѣ виситъ придѣланный къ стѣнѣ оловянный тазъ съ жолобомъ для умыванья, тутъ же виситъ большое полотенце, которое мѣняется два раза въ недѣлю: въ каждомъ окнѣ устроенъ небольшой вентиляторъ.

Въ дальнемъ концѣ двора находится палата для прививки оспы, въ ней можетъ помѣщаться до 200 дѣтей.

Павловскій госпиталь основанъ и построенъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, онъ стоитъ въ концѣ предмѣстья, по ту сторону Москвы-рѣки; это деревянное, одноэтажное зданіе содержитъ двѣнадцать палатъ, лабораторію, аптеку и двѣ комнаты для аптекаря; докторъ и хирургъ помѣщаются въ отдѣльныхъ зданіяхъ.

Эта больница разсчитана на пятьдесятъ два человѣка, въ самой большой палатѣ, длиною въ 47 футъ и шириною 22 ф., стоитъ десять кроватей, въ боковыхъ комнатахъ помѣщается по четыре и по шести кроватей, смотря по величинѣ комнаты, въ каждомъ окнѣ сдѣланы маленькіе вентиляторы. Всѣ комнаты оклеены обоями, у постелей—холщевыя занавѣси; занавѣси и одѣяла стираются разъ въ мѣсяцъ, бѣлье смѣняется каждую недѣлю, каждому больному дается рубашка, подштанники, туфли, халатъ, носки, ночной колпакъ; подлѣ каждой кровати стоитъ столикъ, накрытый скатертью, и виситъ полотенце, которое смѣняется разъ въ недѣлю; больнымъ дается оловянная тарелка, ложка, ножъ и вилка, оловянная кружка и чашка, они получаютъ отличный бѣлый и черный хлѣбъ, тѣ, которымъ прописана одинаковая діэта, обѣдаютъ вмѣстѣ, прочіе обѣдаютъ отдѣльно, въ каждой комнатѣ виситъ на стѣнѣ оловянный умывальникъ съ подставленнымъ подъ нимъ мѣднымъ ведромъ. Въ

больницѣ было 45 мужчинъ и 15 женщинъ, послѣднія помѣщаются отдѣльно. На каждыхъ пять человѣкъ полагается двѣ сидѣлки.

Двѣ послѣднія больницы обставлены прекрасно, онѣ болѣе походятъ на частные дома, нежели на госпитали.

Въ Твери, всѣ арестованные до окончанія судебнаго разбирательства работаютъ на валахъ и въ самомъ городѣ. Послѣ приговора каторжные и другіе, приговоренные къ ссылкѣ на поселеніе, отсылаются по большей части въ Вышній-Волочекъ, гдѣ они остаются до отправки въ Сибирь.

Каторжнымъ надѣваютъ на ноги кандалы, другимъ — колодки. На ихъ содержаніе полагается три копѣйки въ день. Въ настоящее время ихъ запираютъ на ночь всѣхъ вмѣстѣ въ острогъ, по ту сторону Волги, но, по повелѣнію императрицы, въ крѣпости строится тюрьма, по образцу которой будетъ построено нѣсколько тюремъ во вновь образованныхъ губерніяхъ, но она еще не достроена, зданіе будетъ каменное, двухъ-этажное, съ нѣсколькими камерами, гдѣ мужчины и женщины будутъ содержаться отдѣльно и распредѣляться по категоріямъ, смотря по совершеннымъ ими преступленіямъ.

По повелѣнію императрицы, во всѣхъ вновь образованныхъ губерніяхъ, губернаторомъ будетъ назначаться особое лицо, обязанное посѣщать тюрьмы каждую среду въ сопровожденіи врача. Этому лицу предоставляется право дѣлать перекличку арестантамъ, оно обязано доносить губернатору о здоровьи арестантовъ и въ особенности слѣдить за тѣмъ, въ должной ли мѣрѣ соблюдается чистота. Въ случаѣ какой-нибудь заразной или дурной болѣзни, больного отдѣляютъ отъ остальныхъ и лѣчатъ на казенный счетъ.

Я видѣлъ въ зданіи суда одного несостоятельнаго должника, который былъ купленъ городомъ Тверью, городское управленіе уплатило его долги и предполагало послать его вмѣстѣ съ рекрутами въ армію.

Въ Вышнемъ-Волочкѣ преступники исполняютъ разныя обязательныя работы, главнымъ образомъ ихъ заставляютъ углублять и очищать каналъ, коимъ Тверца соединяется въ этомъ мѣстѣ со Мстою.

Тутъ отбываютъ принудительныя работы три разряда преступниковъ: 1) Лица, посылаемыя въ эту тюрьму вмѣсто исправительнаго дома и заключенныя на извѣстный срокъ. Въ случаѣ болѣзни ихъ лѣчитъ на казенный счетъ городской врачъ, при чемъ расходъ на лѣченіе не долженъ превышать трехъ рублей въ мѣсяцъ.

2) Должники, получающіе двадцать четыре рубля въ годъ, изъ коихъ половина идетъ на ихъ содержаніе, а остальное на уплату кредиторамъ. Таковыхъ сидитъ въ настоящее время семь человѣкъ, изъ нихъ два новгородскихъ купца, собиравшіе акцизъ съ соли и задолжавшіе казнѣ, они сидятъ въ тюрьмѣ съ 1770 г., черезъ два

года ихъ долгъ будетъ уплаченъ ежегодными двѣнадцати рублевыми взносами, и они будутъ освобождены.

3) Каторжные; нѣкоторые изъ нихъ должны оставаться въ тюрьмѣ до отправки въ Сибирь, другіе осуждены къ тюремному заточенію пожизненно, двое убійцъ скованы вмѣстѣ, у другихъ на ногахъ кандалы. На ихъ содержаніе отпускается по три копѣйки въ день.

Эти послѣдніе помѣщаются въ двухъ маленькихъ камерахъ.

Въ Новгородѣ тюрьма для уголовныхъ находится въ Кремлѣ. Это старая башня въ крѣпостной стѣнѣ; пространство вокругъ нея обнесеио высокой стѣною; восемь каторжниковъ помѣщаются въ одной комнатѣ нижняго этажа, куда свѣтъ проникаетъ лишь въ маленькое отверстіе въ дверяхъ, ихъ никогда не выпускаютъ на воздухъ. Прочіе арестанты помѣщаются въ верхней камерѣ и могутъ гулять по двору, у нихъ надѣты на ноги деревянныя колоды, волосы на головѣ и борода на половину обриты для того, чтобы ихъ можно было легко узнать въ случаѣ побѣга, на ихъ содержаніе отпускается двѣ копѣйки въ день. Женщины сидятъ въ особой комнатѣ, смежной съ караульной, во всѣхъ этихъ тюрьмахъ нѣтъ смотрителя, сержанты и капралы по очереди надсматриваютъ за арестантами и наблюдаютъ за тюрьмой.

III.

Тюрьмы и госпиталя въ Петербургѣ.

Арестованные заключаются сперва въ двухъ комнатахъ нижняго этажа въ зданіи суда, на Васильевскомъ островѣ, гдѣ ихъ пытаютъ; одна комната предназначена для мужчинъ, другая для женщинъ, онѣ смежныя и такъ какъ между ними нѣтъ дверей, то онѣ могутъ сообщаться, если этому не препятствуетъ конвойный. Преступниковъ доставляютъ туда немедленно по арестованіи, каждую пятницу производится допросъ, въ этомъ арестномъ домѣ сидитъ не болѣе тридцати человѣкъ, прочихъ отсылаютъ въ крѣпость. Я видѣлъ тутъ двухъ мальчиковъ, лѣтъ четырнадцати, заключенныхъ за то, что бѣжали изъ деревни вмѣстѣ со своими родителями: у одного изъ нихъ была надѣта на шеѣ цѣпь и ошейникъ, вѣсомъ въ 252 англ. фунтовъ. Я посѣтилъ эту и нижеописанныя тюрьмы въ январѣ мѣсяцѣ 1779 г.

Крѣпостные казематы представляютъ собою помѣщенія, длиною въ тридцать футъ и шириною въ двадцать со сводами; по срединѣ каждаго каземата стоитъ печка; они очень сухія; въ одномъ казематѣ помѣщается не болѣе тридцати человѣкъ; преступники были

закованы въ кандалы. Ихъ было всего шестьдесятъ четыре человѣка, девятнадцать въ одной камерѣ, восемнадцать въ другой; шестнадцать въ третьей и одиннадцать въ четвертой; женщины были заключены въ отдѣльныхъ камерахъ, ни одна изъ нихъ не была закована въ кандалы; но у всѣхъ совершившихъ какое-нибудь важное уголовное преступленіа была надѣта на шеѣ цѣпь, вдѣланная въ деревянную колоду. Заключенные содержатся всѣ вмѣстѣ безъ раздѣленія на разряды; камеры часто окуриваются можжевельникомъ. Правительство не отпускаетъ на содержаніе заключенныхъ ни денегъ, ни съѣстныхъ припасовъ; они существуютъ только на подаянія, которыя собираются для нихъ въ городѣ или опускаются въ кружки, прибитыя подъ окнами тюрьмы.

Я подробно разспрашивалъ о томъ, свирѣпствовали ли когда-нибудь въ Россіи среди арестантовъ тюремная лихорадка или другія эпидеміи, но о подобныхъ заболѣваніяхъ здѣсь не слышно. Существуетъ нѣсколько причинъ благодаря которымъ заключенные избавлены отъ этого ужаснаго бича, уносящаго не мало жертвъ; главныя изъ нихъ слѣдующія: тутъ очень слѣдятъ за тѣмъ, чтобы тюрьмы не были переполнены: арестантовъ пускаютъ въ баню, тюрьмы строятся въ здоровой мѣстности, за городомъ, и при нихъ имѣются дворы, гдѣ арестантамъ дозволяется гулять днемъ; поддержанію здоровья способствуютъ суровые морозы, которые продолжаются нѣсколько мѣсяцевъ, а также квасъ, очень распространенный въ Россіи напитокъ, который считается прекраснымъ противоцынготнымъ средствомъ, и черный хлѣбъ, который считается кровоочистительнымъ средствомъ. Къ этому надобно прибавить обычай окуривать камеры можжевельникомъ. Надобно упомянуть еще о томъ, что въ случаѣ малѣйшаго эпидемическаго заболѣванія арестанта тотчасъ отдѣляютъ.

Долговое отдѣленіе помѣщается близъ рынка, среди города, камеры для арестованныхъ помѣщаются въ нижнемъ этажѣ и состоятъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ комнатъ съ печкою въ каждой. Всѣхъ арестованныхъ было при мнѣ восемьдесятъ три человѣка; иностранцы сидѣли отдѣльно въ нѣсколькихъ смежныхъ комнатахъ; русскіе помѣщались вмѣстѣ. Самая маленькая сумма, за которую былъ посаженъ одинъ должникъ, была тринадцать рублей. Ни кредиторы, ни правительство ничего не даютъ на ихъ содержаніе, такъ что тѣ, которые не имѣютъ средствъ, существуютъ подаяніемъ. Я видѣлъ тутъ изумительно варварскій обычай. Въ долговомъ отдѣленіи сидѣло два мальчика, четырнадцати и пятнадцати лѣтъ; они были посажены туда вмѣсто родителей, ибо въ Россіи смотрятъ на дѣтей какъ на полную собственность родителей; отецъ одного изъ

этихъ мальчиковъ недавно скончался; онъ былъ долженъ 500 рублей; и такъ какъ его жена была обязана уплатить этотъ долгъ, то она посадила вмѣсто себя въ тюрьму своего сына; другой мальчикъ сидѣлъ въ тюрьмѣ вмѣсто отца.

Въ Петербургѣ два госпиталя, одинъ для солдатъ, другой для матросовъ; они построены при Петрѣ I и находятся подлѣ самой Невы, на Выборгской сторонѣ. Оба госпиталя двухъ этажные, каменные [1]): каждый устроенъ на 800 больныхъ.

Въ военномъ госпиталѣ было 330 больныхъ, онъ содержался очень грязно; у каждаго больного отдѣльная кровать, но простыни не полагается. Въ госпиталѣ двадцать пять палатъ, въ которыхъ, смотря по ихъ величинѣ, стоятъ нѣсколько рядовъ кроватей; въ самой большой палатѣ пятьдесятъ кроватей; въ самой маленькой двадцать.

Морской госпиталь содержится чище и въ большемъ порядкѣ; больнымъ даются простыни, которыя, также какъ и носильное бѣлье, смѣняются каждую недѣлю.

Въ обѣихъ госпиталяхъ палаты натапливаются слишкомъ жарко; въ нихъ не устроено вентиляторовъ, и въ окнахъ сдѣланы только крохотныя форточки, черезъ которыя можно провѣтрить комнату.

Въ Кронштадтѣ, гдѣ стоитъ флотъ, арестанты заняты чисткою гавани, исправленіемъ доковъ и другими тяжкими работами; эти каторжники состоятъ изъ:

1. Матросовъ и дезертиръ, которые три раза наказывались розгами и приговорены на каторжныя работы пожизненно или на извѣстное число лѣтъ.

2. Купцовъ, отбывающихъ наказаніе за долги.

3. Лицъ виновныхъ въ растратѣ общественныхъ денегъ.

4. Бѣглыхъ крестьянъ и лицъ виновныхъ въ маловажныхъ проступкахъ: имена этихъ лицъ публикуются въ газетахъ въ то время, какъ они отбываютъ наказанія, работая въ Кронштадтѣ, куда помѣщики присылаютъ за ними; это даетъ поводъ къ слѣдующему злоупотребленію: иной разъ публикація не попадетъ на глаза помѣщику, и крестьяне остаются въ Кронштадтѣ много лѣтъ, иногда всю жизнь.

Здѣсь не дѣлаютъ различія между этими четырьмя категоріями

---

[1]) Такъ какъ читателямъ извѣстно, что въ Россіи большая часть зданій деревянная, то здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что эти зданія построены изъ кирпича. Петръ I всячески поощрялъ своихъ подданныхъ строить дома изъ кирпича или изъ камня; нынѣ царствующая императрица, какъ въ этомъ такъ и въ другихъ случаяхъ, слѣдуетъ примѣру своего великаго предшественника.

каторжныхъ; всѣ они исполняютъ однѣ и тѣ же работы и содержатся одинаково.

Имъ дается ежемѣсячно извѣстный паекъ, около двухъ пудовъ ржаной муки, шесть фунтовъ перловой крупы и извѣстное количество соли; позволяется самимъ печь хлѣбъ въ особыхъ печахъ, устроенныхъ при камерахъ. Каждому арестанту дается ежегодно халатъ изъ грубаго сукна, сапоги, шапки и рукавицы и каждые два года новый тулупъ.

Этотъ острогъ помѣщается за городомъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ камеръ, въ которыхъ помѣщается отъ десяти до двадцати арестантовъ въ каждой. Они работаютъ каждый день, кромѣ перваго дня Рождества и дня коронаціи императрицы, другихъ праздниковъ у нихъ не бываетъ.

Въ острогѣ было 250 арестантовъ.

Кронштадская госпиталь для матросовъ и солдатъ гарнизона основана Петромъ I. Заслуживаетъ вниманія тотъ пунктъ устава, по которому одинъ изъ офицеровъ гарнизона обязанъ посѣщать госпиталь каждую недѣлю и наблюдать за тѣмъ, какъ содержатся больные. Но это правило не соблюдалось самымъ безсовѣстнымъ образомъ: поэтому госпиталь содержался отвратительно: когда въ Кронштадтъ былъ назначенъ нынѣшній губернаторъ, адмиралъ Грейгъ, онъ первымъ долгомъ посѣтилъ этотъ госпиталь, и, найдя его въ самомъ запущенномъ видѣ, приказалъ одному изъ подчиненныхъ ему офицеровъ осматривать его каждую недѣлю, какъ полагалось по уставу, утвержденному великимъ основателемъ госпиталя. Но офицеръ, считая эту обязанность ниже своего достоинства, уклонился отъ ея исполненія; тогда адмиралъ сказалъ ему совершенно спокойно: „Ну такъ я буду посѣщать его самъ“. Это деликатное замѣчаніе подѣйствовало на офицера сильнѣе самаго строгаго выговора: убѣдившись изъ даннаго ему адмираломъ урока въ томъ, что строгое исполненіе долга человѣколюбія не только не унижаетъ, а напротивъ возвышаетъ человѣка, онъ также усердно сталъ просить чтобы ему разрѣшили посѣщать госпиталь, какъ раньше отъ этого отказывался. Нѣтъ надобности говорить, что съ тѣхъ поръ за госпиталемъ существуетъ строгій надзоръ, и больные испытываютъ благодѣтельное вліяніе этого надзора.

Въ Шлиссельбургѣ датчанинъ Лиманъ основалъ фабрику набивнаго ситца. Туда высылаются безпаспортные мужчины и женщины, которые работаютъ на фабрикѣ по указанію г. Лимана. Онъ ихъ одѣваетъ, кормитъ и даетъ имъ помѣщеніе.

Императрица своимъ геніальнымъ умомъ обращаетъ вниманіе на мельчайшія подробности, которыя клонятся ко благу ея поддан-

ныхъ; видя многочисленные недостатки и злоупотребленія, присущія русскимъ тюрьмамъ, она набросала планъ преобразованія и усовершенствованія ихъ. Эта великая монархиня, будучи знакома съ моими изслѣдованіями по вопросу о тюрьмовѣдѣніи, не только разрѣшила мнѣ осмотрѣть нѣсколько тюремъ въ Петербургѣ и обратиться къ наиболѣе свѣдущимъ губернаторамъ, но со свойственной ей снисходительностью соблаговолила познакомить меня съ ея собственными взглядами на этотъ предметъ и даже разрѣшила мнѣ представить вице-президенту адмиралтейства, графу Ивану Чернышеву, записку, содержавшую рядъ вопросовъ, на нѣкоторые изъ нихъ соблаговоливъ отвѣтить лично. Изъ этихъ вопросовъ, на которые мнѣ даны были самые обстоятельные отвѣты, я почерпнулъ разнообразныя свѣдѣнія и имѣю возможность познакомить читателя со нижеслѣдующимъ планомъ преобразованія тюремъ, который будетъ вводиться по высочайшему повелѣнію во всѣхъ вновь образованныхъ императрицею губерніяхъ.

IV.

Проектъ устройства русскихъ тюремъ.

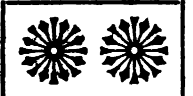
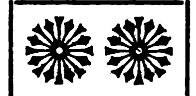
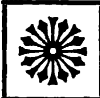
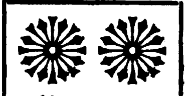
Тюрьма должна строиться за городомъ въ здоровой мѣстности, по возможности по близости отъ рѣки. Въ каждой тюрьмѣ должно быть два отдѣленія: мужское и женское. Въ каждомъ изъ нихъ еще три отдѣленія:

1. Для уголовныхъ преступниковъ.

2. Для лицъ, приговоренныхъ въ тюрьму на опредѣленный срокъ.

3. Для преступниковъ, осужденныхъ на каторгу, ссылку, на поселеніе въ Сибирь и заключеніе въ тюрьмѣ пожизненно. При каждой тюрьмѣ долженъ быть лазаретъ, больные лѣчатся на казенный счетъ; особое лицо, по выбору губернатора, назначается для наблюденія за тюрьмами и обязано посѣщать ихъ еженедѣльно. Оно имѣетъ право дѣлать перекличку всѣхъ арестантовъ и обязано наблюдать за соблюденіемъ чистоты и т. п., какъ сказано выше, при описаніи тюрьмы въ Твери.

Марина Мнишекъ и второй самозванецъ [1]).

VII.

Димитрій рѣшаетъ вынудить Москву къ сдачѣ голодомъ.—Осада Троицкой Лавры.—Тушинскій лагерь.—Недоразумѣнія, возникшія между Димитріемъ и войскомъ.—Юрій Мнишекъ отъѣзжаетъ въ Польшу.

Послѣ побѣды, одержанной подъ Болховомъ, самозванецъ надѣялся, что столица скоро будетъ въ его рукахъ, но эта надежда не сбылась. Ни одержанныя имъ побѣды, ни пріѣздъ въ Тушино Марины, ни признаніе ею Димитрія своимъ мужемъ не заставили москвичей перейти на его сторону.

Войско, сосредоточенное подъ Москвою, при всей своей численности не было въ состояніи взять ее штурмомъ; поэтому въ Тушинскомъ обозѣ было рѣшено обложить столицу и, прекративъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ, принудить ее къ сдачѣ голодомъ.

Дороги на Тверь и Смоленскъ были уже отрѣзаны. Почтовый трактъ, шедшій на Тулу и Калугу, соединялъ столицу съ мѣстностью, которая была центромъ мятежнаго движенія противъ Шуйскаго; слѣдовательно, ихъ не было надобности охранять. Главное вниманіе слѣдовало обратить на дороги, соединявшія Москву съ Ярославлемъ, Суздалемъ, Коломной и Рязанью; особенно важно было прервать всякое сообщеніе съ Троице - Сергіевской Лаврой и другими укрѣпленными мѣстами; для выполненія этого плана былъ посланъ значительный отрядъ, подъ предводительствомъ Льва Сапѣги.

Этотъ отрядъ состоялъ изъ „полковъ“ [2]) Сапѣги, Стравинскаго,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1907 г.

[2]) Тогда это слово не имѣло того значенія, какое придается ему въ настоящее время, т. е. оно не означало извѣстной, совершенно опредѣленной численности солдатъ одного и того же рода оружія. «Полкомъ» назывался въ то время значительный отрядъ войска, въ составъ котораго входили обыкновенно солдаты разнаго рода оружія, главнымъ образомъ тяжелая и легкая конница, пѣхота и артиллерія. Такъ напр. все войско, приведенное Сапѣгой, называлось «полкомъ». *Прим. автора.*

Виламовскаго, Микулинскаго и Лисовскаго. У Лисовскаго было шесть орудій. Общая численность этого отряда составляла 10.120 человѣкъ солдатъ [1]). Шуйскій выслалъ противъ Сапѣги отборную часть своего войска, подъ командою своего брата Ивана.

Въ дневникѣ Сапѣги численность „отборной конницы", выступившей противъ него, опредѣляется въ 15.000. Въ другихъ польскихъ источникахъ эта цифра показана значительно больше; Будзило пишетъ, что въ этомъ отрядѣ было 24.000 чел.; въ другихъ польскихъ реляціяхъ говорится, что „Шуйскій выслалъ 20.000 отборнаго войска".

Поляки и московиты сошлисѣ подъ селомъ Рахманцевымъ; не будемъ подробно останавливаться на всѣхъ перипетіяхъ происшедшей тутъ битвы, такъ какъ подробности этихъ военныхъ дѣйствій хорошо извѣстны; напомнимъ только, что „битва продолжалась долго, съ перемѣннымъ счастьемъ и что побѣда склонилась въ концѣ концовъ на сторону Сапѣги, хотя во время боя онъ былъ не разъ на волосъ отъ пораженія и даже самъ едва не попалъ въ плѣнъ".

На другой день послѣ этой битвы Сапѣга обложилъ монастырь и приказалъ „копать шанцы. Поставивъ въ нихъ въ тотъ же вечеръ два орудія, онъ велѣлъ пожелать изъ нихъ чернецамъ спокойной ночи".

Но прежде нежели приступить къ правильной осадѣ Лавры, Сапѣга сдѣлалъ попытку склонить гарнизонъ къ сдачѣ, пославъ съ этой цѣлью письма къ архимандриту Іоасафу и къ командовавшимъ гарнизономъ воеводамъ Долгорукому и Голохвастову, коимъ онъ обѣщалъ въ случаѣ сдачи щедрую награду, а въ противномъ случаѣ угрожалъ смертью. Но ни обѣщанія, ни угрозы не подѣйствовали.

Осада Троицкой Лавры такъ много разъ была описана со всѣми подробностями, что было бы мало интересно повторять ихъ здѣсь; поляки, подойдя къ монастырю, на другой же день, 16 октября, начали обстрѣливать его, но тогдашнія орудія не могли пробить каменныя стѣны Лавры, толщиною въ три сажени; убѣдясь въ томъ, что его орудія не причиняли крѣпости никакого вреда, Сапѣга рѣшилъ, въ исходѣ октября, взять его штурмомъ. Съ этой цѣлью было произведено ночью на крѣпость неожиданное нападеніе, но бодрствовавшій гарнизонъ отбилъ всѣ атаки. Не удался также и задуманный Сапѣгою подкопъ подъ одинъ изъ бастіоновъ крѣпости; о чемъ

---

[1]) Численность отряда, посланнаго къ Троицкому монастырю, приводится согласно точнымъ цифрамъ, приведеннымъ въ дневникѣ Сапѣги. Соловьевъ ошибается, говоря, что въ этомъ отрядѣ было „до 30.000 человѣкъ". (Исторія Россіи 3 изд. т. VIII, стр. 211). *Прим. автора.*

осажденные узнали своевременно отъ взятаго ими въ плѣнъ казака.

Духъ мужественнаго гарнизона поддерживался слухами о чудесныхъ видѣніяхъ, бывшихъ монастырской братіи: не только нѣкоторымъ чернецамъ, но и самому архимандриту являлся св. Сергій и даже самъ Михаилъ архангелъ, которые обѣщали ему свою помощь, если они будутъ стойко защищать св. обитель отъ бусурмановъ.

Однако, несмотря на всѣ неудачи, преслѣдовавшія Сапѣгу, когда разнеслась вѣсть о побѣдѣ, одержанной имъ подъ Рахманцевымъ, Димитрію тотчасъ поддался рядъ городовъ и къ концу 1608 г. въ его рукахъ была почти вся сѣверная часть Московскаго государства, а еще въ началѣ октября въ его обозъ прибыло нѣсколько человѣкъ изъ слободы Александровской „цѣловать крестъ царю Димитрію"; въ то же время на его сторону перешло нѣсколько знатнѣйшихъ бояръ: князь Касаткинъ - Ростовскій, Трубецкіе, Дмитрій Черкасскій и др. Шуйскаго покинуло также не мало боярскихъ дѣтей, изъ коихъ одни возвратились по домамъ, а другіе ушли въ Тушинскій лагерь на поклонъ къ новому царю. Москва пустѣла, положеніе Шуйскаго все ухудшалось, но и самозванцу пришлось призадуматься: осада Москвы затянулась такъ долго, что тѣмъ временемъ настала зима. Надобно было позаботиться о соотвѣтствующемъ помѣщеніи для солдатъ. До тѣхъ поръ войско Димитрія помѣщалось въ палаткахъ.

Тушинскій лагерь былъ хорошо укрѣпленъ: онъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ валомъ и частоколомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были возведены укрѣпленныя башни и ворота, но въ лагерѣ не было ни одного дома, даже Димитрій и Марина жили въ палаткахъ. Только „съ наступленіемъ зимы", говоритъ Мархоцкій, „когда уже запорошилъ снѣгъ, мы начали обсуждать вопросъ, гдѣ и какъ перезимовать".

„Нѣкоторые совѣтовали раздѣлить войско на нѣсколько отрядовъ и расквартировать ихъ въ окрестностяхъ столицы. Но другіе возстали противъ этого, говоря, что было бы опасно разбиться въ непріятельской землѣ на нѣсколько отрядовъ. Кончилось тѣмъ, что мы рѣшили зимовать на томъ же мѣстѣ, начали рыть землянки и ставить въ нихъ печи, устроили изъ хвороста конюшни для лошадей, которыя были покрыты соломой".

Окрестное населеніе, перешедшее на сторону Димитрія, доставляло въ лагерь самозванца, по выраженію Мархоцкаго „чего только душа хотѣла"; „къ намъ подходило иной разъ по тысячѣ и по полторы тысячи подводъ въ день; намъ было очень хорошо".

„Мы перевезли изъ ближайшихъ селъ дома и поставили ихъ въ

обозѣ; у иного изъ насъ было по двѣ и по три избы, а посреди лагеря былъ поставленъ просторный домъ для царя, для царицы и для воеводы. Нашъ лагерь отстроился, какъ городъ".

Тушинскій лагерь и въ другихъ отношеніяхъ походилъ на большое поселеніе. По тогдашнему обычаю, туда стали стекаться со всѣхъ сторонъ купцы. Однихъ польскихъ купцовъ наѣхало до трехъ тысячъ; въ ихъ лавкахъ можно было достать все, чего не доставляли плѣннымъ полякамъ „пристава". Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи, по выраженію Мархоцкаго, „эта война была очень счастливая". „Господамъ солдатамъ" не доставало одного—денегъ.

Желая привлечь въ свое войско какъ можно больше поляковъ, самозванецъ обѣщалъ платить за службу въ войскѣ и въ два и въ три раза больше, чѣмъ они получали въ Польшѣ. Въ разсчетѣ на такое хорошее вознагражденіе, подъ его знамена стеклись разные авантюристы и всякая голь. Димитрій былъ такъ тароватъ на обѣщанія, что „по евангелію, онъ всѣхъ равнялъ по службѣ"; однако у него были любимцы, относительно которыхъ онъ былъ особенно щедръ. Однимъ изъ нихъ былъ князь Адамъ Вишневецкій. Войско, все еще не получавшее жалованіе, было такъ озлоблено неумѣстной щедростью Димитрія, что Вишневецкому было даже воспрещено находиться въ обозѣ.

Уже въ томъ мѣсяцѣ войско такъ настойчиво требовало уплаты денегъ, что самозванецъ обложилъ податями Сѣверскую землю и другія передавшіяся ему земли, но большой суммы ему не удалось собрать; „намъ досталось всего по тридцати золотыхъ", говоритъ Мархоцкій.

Къ концу года долги Димитрія возрасли до огромной цифры. Согласно современной реляціи, „войско заслужило за это время четырнадцать милліоновъ злотыхъ". По тому времени это была громадная сумма. Въ половинѣ октября солдаты еще рѣшительнѣе стали требовать уплаты жалованья. Войско, осаждавшее Троицкую Лавру, прислало просить о томъ особыхъ уполномоченныхъ. „Царь просилъ повременить еще"; благоразумные люди также совѣтовали быть терпѣливыми, но въ виду расточительности самозванца, которая всѣхъ озлобляла, всѣ убѣжденія были напрасны.

Желая какъ можно скорѣе получить свои деньги, солдаты „явились однажды въ канцелярію Димитрія и заставили его подписать грамоту, коей разнымъ городамъ повелѣвалось выдать имъ подати земельныя и торговыя. Съ этими грамотами были посланы въ каждый городъ по одному поляку и одному московиту".

Но Димитрій только для вида изъявилъ на это согласіе; на самомъ дѣлѣ онъ рѣшилъ обуздать своихъ солдатъ и не допустить

выполненія ихъ замысла. Съ этой цѣлью онъ разослалъ тайно письма, въ которыхъ повелѣвалъ „своимъ подданнымъ“ не платить податей тѣмъ, кто явится за сборомъ, и совѣтовалъ даже „потопить сборщиковъ“.

Такого рода письма очень скоро попали въ руки полякамъ; въ началѣ января 1609 г. они ходили по рукамъ даже въ Тушинѣ. Когда объ этомъ узнали, въ обозѣ вспыхнуло страшное волненіе и „тогда какъ въ началѣ всѣ были проникнуты преданностью къ царю, теперь всѣ единодушно возстали противъ него“ и были крайне озлоблены. Послѣ этого Димитрій окончательно утратилъ всякое уваженіе и всякую симпатію поляковъ.

Въ то же время возникли недоразумѣнія и съ отцомъ Марины. Его заподозрѣли въ томъ, что онъ присвоилъ довольно большую сумму денегъ, собранныхъ во Псковѣ. Раздраженіе противъ него по этому поводу было такъ велико, что когда воевода, желая возвратиться въ Польшу, „собирался въ началѣ января 1609 г. въ дорогу, то войско прислало сказать, ему чтобы онъ не уѣзжалъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ возвращены деньги 50.000 р., которыя, какъ было извѣстно, собраны во Псковѣ“.

Мнишеку пришлось покориться. Четыре дня спустя 10-го января „были привезены изъ Пскова деньги“. Но и послѣ этого солдаты „не хотѣли отпустить его“. Войсковое коло совѣщалось по этому поводу цѣлыхъ два дня. Наконецъ, 17 числа ему дано было разрѣшеніе уѣхать изъ Тушина.

Онъ уѣхалъ въ тотъ же день. Царь и начальствующія лица устроили ему торжественныя проводы, и ему было дано для охраны полторы сотни донскихъ казаковъ.

Изъ поляковъ, бывшихъ въ Ярославлѣ одновременно съ Мариной, въ обозѣ Димитрія остались послѣ этого весьма немногіе. Въ Тушинѣ остался съ нею только ея братъ Станиславъ и „старуха Казаковская съ нѣсколькими прислуживавшими ей женщинами“.

VIII.

Старанія друзей Димитрія расположить въ его пользу короля польскаго и папу.—Миссія Лопухина.—Переписка съ Римомъ.—Разбои и своеволіе польской челяди.—Переговоры съ войскомъ объ уплатѣ жалованія.—Бѣдственное положеніе самозванца.—Жизнь Марины въ Тушинскомъ обозѣ.

Передъ отъѣздомъ изъ Тушина Юрія Мнишека, въ лагерѣ происходили важныя совѣщанія, для чего въ концѣ января туда пріѣзжалъ Янъ Петръ Сапѣга, который провелъ въ обозѣ самозванца нѣсколько дней. Совѣщались о томъ, какъ дѣйствовать далѣе, ка-

кимъ образомъ оказать поддержку Димитрію. Было рѣшено домогаться снова поддержки со стороны короля польскаго и апостольской столицы.

Самозванецъ возлагалъ большія надежды на Мнишека, который отправился съ этой цѣлью въ половинѣ декабря 1608 г. въ Варшаву. Два дня спустя послѣ его отъѣзда изъ Тушина, Димитрій писалъ ему, прося его „дѣйствовать усердно“ и „возможно скоро извѣстить его о результатѣ“; вмѣстѣ съ тѣмъ самозванецъ подтверждалъ свое обѣщаніе щедро вознаградить его.

Недѣлю спустя польское войско, оставшееся при „царькѣ“, отправило пословъ въ Варшаву съ порученіемъ просить Сигизмунда „не препятствовать осуществленію его замысловъ“. Имъ было кромѣ того поручено объяснить королю, какимъ образомъ войско „пошло на Москву безъ его разрѣшенія“, а равно выговорить для тѣхъ, кои подлежали рекрутской повинности, отсрочку, чтобы они, по возвращеніи въ Польшу, не подверглись наказанію.

Вмѣстѣ съ этими послами самозванецъ отправилъ одного изъ своихъ секретарей, Өедора Лопухина. Ему было поручено предложить Сигизмунду и Рѣчи Посполитой, отъ имени самозванца „вѣчную дружбу и добрососѣдскія отношенія“, и обѣщать королю весьма существенныя выгоды въ томъ случаѣ, ежели имъ будетъ оказана помощь Димитрію. (По донесенію московскихъ шпіоновъ, онъ предлагалъ Польшѣ Смоленскъ и всю Сѣверскую землю). Чтобы побудить Мнишека дѣйствовать какъ можно энергичнѣе, Марина со своей стороны писала отцу, усердно прося его поддержать ходатайство этого посла.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Юрій Мнишекъ исполнилъ эту просьбу, такъ какъ онъ могъ получить все обѣщанное ему Димитріемъ лишь въ томъ случаѣ, если бы самозванцу удалось возсѣсть на московскій престолъ. Но въ послѣднее время отношеніе Сигизмунда и его ближайшихъ совѣтниковъ къ самозванцу совершенно измѣнилось. Они убѣдились на опытѣ, какъ обманчивы были надежды, которыя можно было возлагать на такихъ авантюристовъ.

Съ другой стороны Сигизмундъ имѣлъ уже въ виду воспользоваться московской смутой несравненно болѣе выгоднымъ для себя образомъ. Поэтому, когда Лопухинъ пріѣхалъ въ Варшаву, „король не только не далъ желаемаго отвѣта, но Лопухину пришлось даже уѣхать изъ Польши, не получивъ аудіенціи и не успѣвъ выполнить своего порученія“.

Между тѣмъ въ Тушинѣ съ нетерпѣніемъ ожидали благопріятныхъ вѣстей изъ Варшавы, но прошло два мѣсяца и никакихъ извѣстій не получалось. Димитрій, потерявъ терпѣніе, отправилъ въ

половинѣ апрѣля въ Польшу новаго посла, а именно „своего канцлера и полковника“ Валентина Валавскаго, но и эта миссія осталась безъ результата.

Также безрезультатны были всѣ попытки самозванца и его друзей добиться помощи со стороны папы.

Папа Павелъ V очень заинтересовался въ началѣ этимъ дѣломъ и лелѣялъ даже надежду, что еще удастся достигнуть всего, что было обѣщано первымъ самозванцемъ. Для второго самозванца было весьма важно, чтобы апостольская столица оставалась въ убѣжденіи, что вновь появившійся Димитрій былъ именно тотъ самый, который въ Краковѣ такъ торжественно отрекся отъ ереси.

Съ этой цѣлью жена Юрія Мнишека послала въ исходѣ 1607 г. въ Римъ своихъ младшихъ сыновей, Николая и Сигизмунда. Принятые папой въ Ватиканѣ, они передали ему письмо отъ матери, въ которомъ она не задумалась написать, что ею было получено недавно письмо отъ перваго самозванца.

Въ началѣ 1609 г. семейство Мнишекъ пыталось еще разъ войти въ сношеніе съ Римомъ. Какъ разъ въ это время туда отправился, во исполненіе даннаго обѣта, одинъ изъ приближенныхъ Мнишека, нѣкій Абрамъ Рожнятовскій. Марина воспользовалась случаемъ, чтобы завязать переписку съ апостольской столицей. Въ данномъ ему рекомендательномъ письмѣ къ папѣ она писала, что хотя она еще не имѣла возможности поставить св. отца въ извѣстность относительно всего съ нею происшедшаго, но какъ только Господь поможетъ ей возсѣсть на престолъ, она тотчасъ пошлетъ посольство въ Римъ, „а пока“, продолжала она, „мы усердно поручаемъ всѣ наши дѣла покровительству вашего святѣйшества, и признаемъ, что всѣми, до нынѣ одержанными нашимъ войскомъ, побѣдами и преимуществами мы обязаны милости Божіей и молитвамъ вашего святѣйшества, поэтому мы и впредь просимъ ваше святѣйшество не отказать намъ въ вашемъ благословеніи. Мы же торжественно обѣщаемъ выполнить съ величайшей готовностью все то, что вы отъ насъ потребуете письменно или чрезъ своихъ пословъ, во славу Божію и для распространенія св. католической вѣры“.

Двѣ недѣли спустя, Марина писала тогдашнему папскому нунцію въ Польшѣ, Франциску Симонетти, и просила его не отказать ей въ своемъ благоволеніи и поддержкѣ, какую оказывалъ ей его предшественникъ Клавдій Рангони.

Князь Рожинскій со своей стороны старался расположить папу въ пользу самозванца, и въ особенности подавалъ ему надежду, что поляки, находившіеся въ войскѣ Димитрія, сражались для защиты католической вѣры и что побѣда, одержанная ими, имѣла бы чрез-

вычайно важное значеніе для апостольской столицы. Съ той же цѣлью онъ послалъ въ исходѣ февраля въ Римъ пространное письмо, въ которомъ распространялся о своемъ намѣреніи перейти въ лоно римско-католической церкви (что онъ впослѣдствіи и исполнилъ).

Но всѣ эти заявленія необычайной преданности къ католической вѣрѣ не произвели въ Римѣ желаемаго впечатлѣнія, и всѣ старанія семейства Мнишекъ и Рожинскаго заручиться поддержкою апостольской столицы совершенно не достигли цѣли. Павелъ V, послѣ неудачнаго выступленія Димитрія, рѣшилъ дѣйствовать выжидательно. Повидимому даже, ни Марина, ни Рожинскій не получили отвѣта на свои письма.

Дѣла Димитрія и его сторонниковъ шли во всѣхъ отношеніяхъ плохо; въ исходѣ 1608 г. его звѣзда стала рѣшительно клониться къ закату.

Какъ извѣстно, осенью этого года въ рукахъ самозванца была почти вся сѣверная часть Московскаго государства. Эта богатая мѣстность, не разоренная еще войной, должна была доставлять ему средства для дальнѣйшей войны съ Василіемъ Шуйскимъ. Онъ разослалъ во многіе города своихъ довѣренныхъ людей для сбора податей, но подати, которыми онъ обложилъ населеніе, были такъ велики и при сборѣ ихъ были допущены такія злоупотребленія, что это возбудило всеобщее неудовольствіе.

Еще большее неудовольствіе вызвало безобразное поведеніе той польской челяди, которая посылалась изъ-подъ Троицы и изъ Тушинскаго лагеря за съѣстными припасами. „Собравшись за Волгой", пишетъ Діаментовскій въ своемъ дневникѣ, „эти люди начали чинить страшные грабежи и разбои и болѣе не возвратились къ своимъ господамъ; къ нимъ присоединялись ежедневно новые лодыри, бѣжавшіе изъ обоза, а также не мало московскихъ людей, которые стали предводительствовать ими, такъ что по большимъ дорогамъ начались страшные разбои". Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ пишетъ, что „на большихъ дорогахъ происходили кровопролитныя побоища и валялись трупы людей, убитыхъ этой своевольной челядью, которая грабила бояръ, поповъ и цѣлыя деревни и чинила всякія безчинства".

Такое поведеніе польской челяди, къ которой примкнули многіе мѣстные жители, имѣло огромное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій. Хотя Сапѣга и прочія начальствующія лица старались прекратить своеволіе своихъ слугъ, но достигнуть этого имъ не удалось, да кажется, при тогдашнемъ способѣ продовольствованія войска и веденія войны, это было невозможно, въ особенности въ тогдашнее смутное время. „Новые подданные" самозванца очень скоро убѣди-

лись въ томъ, какъ тяжело было бы его управленіе, и захотѣли быть снова подъ властью Шуйскаго.

Движеніе въ пользу Шуйскаго началось уже въ ноябрѣ и охватило вскорѣ почти всю сѣверную часть Московскаго государства, сосредоточившись по преимуществу въ Галичѣ, Костромѣ и Вологдѣ.

Самозванецъ отлично понималъ, какою опасностью ему угрожало это движеніе, и старался подавить его. Для усмиренія этихъ „измѣнниковъ", былъ посланъ изъ Тушина Ланцкоронскій, а изъ-подъ Троицкой лавры Эразмъ Стравинскій съ нѣсколькими стами солдатъ, и наконецъ Лисовскій съ двумя тысячами донцовъ, и другіе отряды. Эти войска и главнымъ образомъ польская конница разбили отряды повстанцевъ; тѣмъ не менѣе движеніе разросталось.

Положеніе Димитрія было тѣмъ хуже, что польское войско снова настойчиво требовало уплаты жалованья. 7 февраля 1609 г., читаемъ въ дневникѣ Сапѣги, „собралось войсковое коло, царь прислалъ для переговоровъ думныхъ бояръ князя Григорія Шаховскаго, Михаила Салтыкова и Ѳедора Андронова, которымъ было поручено узнать, сколько уполномоченные собрали денегъ въ тѣхъ городахъ, которые перешли на сторону царя. Чрезъ этихъ бояръ полковники и ротмистры послали сказать царю, чтобы онъ непремѣнно уплатилъ войску жалованье, согласно своему обѣщанію, за двѣ четверти года, ибо иначе войско отказывается служить".

Переговоры велись нѣсколько дней, но не привели ни къ чему. „Видя, что царь не держитъ своего слова, они просили гетмана Сапѣгу, Зборовскаго и гг. ротмистровъ сообщить царю, что войско рѣшило прослужить еще три недѣли и если, въ теченіе этихъ тр недѣль, царь не уплатитъ ему жалованія, то они попросятъ гетмана увести ихъ обратно въ Польшу. Выслушавъ рѣшеніе кола, посланные отправились къ царю съ отвѣтомъ, что войско отказывается ему служить".

Самозванецъ, весьма этимъ опечаленный, старался оправдаться передъ ними и въ заключеніе сказалъ:

— При всемъ моемъ желаніи, мнѣ нечѣмъ заплатить вамъ, господа, ибо вы все отняли у меня! Мнѣ самому едва хватаетъ на пропитаніе!

Положеніе его было дѣйствительно до того критическое, что онъ рѣшилъ, въ ночь на 11 февраля, тайно бѣжать изъ обоза, для чего уже было все приготовлено, „лошади были запряжены и осѣдланы", но Сапѣга, узнавъ объ этомъ въ послѣднюю минуту, помѣшалъ побѣгу.

Два дня спустя, Димитрій, кажется, еще разъ пытался бѣжать изъ Тушина, ибо „ночью въ обозѣ была тревога".

Когда въ дѣло вмѣшались друзья Димитрія, то недоразумѣніе съ войскомъ было улажено; они согласились остаться, и самозванецъ далъ торжественное обѣщаніе, что кромѣ условленнаго жалованья онъ „щедро вознаградитъ каждаго по заслугамъ“.

Между тѣмъ военныя дѣйствія приняли для Димитрія крайне неблагопріятный оборотъ; несмотря на побѣды, одержанныя его войсками, мятежники быстро собрались съ силами и неоднократно нанесли ему пораженіе. Для усмиренія ихъ то и дѣло надобно было посылать новые отряды, что ослабляло войско, находившееся въ Тушинскомъ лагерѣ и подъ Троицкой Лаврой.

Осада Лавры велась крайне неудачно: въ монастырѣ было свыше 300 монаховъ и довольно многочисленный гарнизонъ; кромѣ того въ немъ искали убѣжища окрестные жители. Съ наступленіемъ зимы отъ большой скученности людей въ осажденномъ монастырѣ развились эпидемическія болѣзни; ежедневно умирало человѣкъ двадцать, тридцать и болѣе, смертность была такъ велика, что къ концу осады у Лавры оказалось всего двѣсти человѣкъ защитниковъ, всѣ были такъ слабы, что еле волочили ноги; въ началѣ апрѣля осажденные извѣстили Шуйскаго, что они не въ состояніи долѣе держаться.

Не смотря на столь бѣдственное положеніе, гарнизонъ продолжалъ храбро обороняться, производилъ частыя вылазки, съ цѣлью поддержать сообщеніе со столицей.

Послѣ перваго неудачнаго нападенія на крѣпость, Сапѣга не спѣшилъ предпринять новый штурмъ, главнымъ образомъ изъ-за недостатка осадныхъ орудій, но въ началѣ іюля, когда прибыли наконецъ изъ Ельца орудія большаго калибра, было рѣшено штурмовать Лавру, но гарнизонъ не допустилъ осаждавшихъ ни приставить лѣстницъ, ни подвести къ стѣнамъ тарановъ, и поляки, понеся значительный уронъ, должны были отступить.

Мѣсяцъ спустя, третья попытка овладѣть монастыремъ штурмомъ также окончилась неудачей.

Между тѣмъ, Василій Шуйскій, узнавъ о томъ, что недовольство противъ Димитрія росло и что его войско порѣдѣло, рѣшилъ дѣйствовать энергичнѣе и 3 іюня далъ самозванцу сраженіе, которое было несчастно для поляковъ; они были обращены въ бѣгство [1]).

Въ это время къ столицѣ подходили свѣжія войска: съ востока

---

[1]) Костомаровъ ошибается говоря, что, эта битва была послѣдней попыткой самозванца взять столицу приступомъ (Историч. Монографіи, т. I, стр. 257); изъ разсказа Будзилы и дневника Сапѣги вытекаетъ несомнѣнно, что это была скорѣе попытка со стороны Шуйскаго напасть на Тушинскій лагерь. *Прим. автора.*

шелъ Шереметевъ, съ сѣвера—шведское и московское войско, подъ предводительствомъ Михаила Скопина-Шуйскаго.

Какъ извѣстно, Шуйскому удалось еще въ февралѣ 1609 г. заключить договоръ съ королемъ шведскимъ, въ силу котораго послѣднiй обѣщалъ ему, за извѣстныя преимущества, дать вспомогательное войско для войны съ Димитрiемъ. Въ исходѣ апрѣля въ Новгородъ дѣйствительно пришло 15.000 отборнаго войска. Между тѣмъ и Скопину удалось собрать значительныя силы; эта армiя была страшна для самозванца, такъ какъ ею предводительствовалъ человѣкъ молодой, смѣлый и необыкновенно даровитый.

Димитрiй былъ между двухъ огней: съ одной стороны ему угрожалъ московскiй гарнизонъ, съ другой—войско Шереметева и Скопина; Скопинъ занялъ сильную позицiю и сталъ на лѣвомъ берегу Волги у Калязинскаго монастыря. Тутъ, подъ Калязиномъ, у него происходили незначительныя стычки и перестрѣлки съ отрядомъ Сапѣги, не имѣвшiя рѣшающаго значенiя, но, какъ видно изъ дневника Сапѣги, съ которымъ вполнѣ согласуется разсказъ Будзилы и Мархоцкаго, настоящаго сраженiя тутъ не произошло, такъ какъ, несмотря на все старанiе Сапѣги выманить Скопина въ открытое поле, это ему не удалось [1]), а поляки не были расположены брать приступомъ укрѣпленiя, за которыми засѣлъ Скопинъ.

Тѣмъ временемъ изъ „главнаго обоза“ были получены вѣсти о новыхъ намѣренiяхъ короля польскаго, которыя до того взволновали все польское войско, служившее самозванцу, что оно не хотѣло болѣе ни сражаться, ни слушаться своихъ начальниковъ, такъ что Сапѣга былъ вынужденъ отступить отъ Калязина. Онъ тотчасъ возвратился къ Троице-Сергiевой Лаврѣ, а Зборовскiй со своимъ „полкомъ“ ушелъ въ Тушинскiй лагерь; это новое осложненiе поставило Димитрiя и Марину въ самое критическое положенiе.

Марина не принимала до тѣхъ поръ почти никакого участiя въ дѣлахъ политики и ограничилась только отправкою тѣхъ двухъ писемъ къ папѣ и къ папскому нунцiю въ Польшѣ, о коихъ говорено выше. До 1610 г: ея роль была такимъ образомъ совершенно пассивная: она была только жертвою корыстолюбiя своихъ родныхъ и своего собственнаго безумнаго честолюбiя.

Ея положенiе ухудшалось тѣмъ, что послѣднiя событiя и неудачи, преслѣдовавшiя самозванца, которому очевидно угрожало крушенiе всѣхъ его замысловъ, должны были произвести на нее самое

---

[1]) Поэтому Костомаровъ (тамъ же, стр. 269—270) и Бестужевъ-Рюминъ ошибаются, говоря, что „тушинцы, коими предводительствовалъ самъ Сапѣга были разбиты подъ Калязиномъ“. *Прим. автора.*

удручающее впечатлѣніе и преисполнить ее тревогою и грустью. Какъ же ей жилось въ общемъ въ Тушинскомъ лагерѣ? Нѣкоторый свѣтъ бросаетъ на это ея переписка.

Хотя Марина повиновалась внушеніямъ отца, признала Димитрія своимъ мужемъ и осталась въ Тушинѣ, но очевидно она рѣшилась на это только послѣ тяжкой душевной борьбы и очень тяжелыхъ и непріятныхъ объясненій съ воеводой сендомірскимъ; это можно думать потому, что когда Мнишекъ уѣхалъ 17 января 1609 г. изъ Тушинскаго обоза, то онъ простился съ дочерью такъ холодно, что воспоминаніе объ этомъ оставило горестный осадокъ въ душѣ несчастной молодой женщины. Весьма краснорѣчиво въ этомъ отношеніи ея письмо, посланное ею въ скоромъ времени отцу:

„Не знаю, что писать вамъ въ печали, которую имѣю, какъ по причинѣ отъѣзда вашего отсюда, что я осталась въ такое время безъ васъ, милостиваго государя моего и благодѣтеля“, писала Марина, „такъ и потому, что съ вами я не такъ простилась, какъ проститься хотѣла, а паче я надѣялась и весьма желала, чтобы изъ устъ государя моего батюшки благословеніе получить, но видно того я была недостойна. Нынѣ, чрезъ сіе письмо, припадая къ стопамъ, во-первыхъ, въ томъ прощенія покорнѣйше прошу, что если я когда-нибудь по неосторожности, съ умысла, по глупости, молодости или злости чѣмъ-нибудь васъ прогнѣвала, благоволили бы, милостивый государь мой батюшка, теперь мнѣ все оное отпустить и послать благословеніе дочери своей, въ печали и разлукѣ оставшейся, что я величайшимъ счастіемъ почитать буду. При семъ всепокорно прошу, дабы вы, милостивый государь мой батюшка, забывать не изволили, какъ меня, такъ и дѣлъ моихъ, имѣющихся тамъ въ Польшѣ, равно и тѣхъ, которыхъ сами вы, уѣхавъ, не кончили; пиша къ его царской милости, упоминали бы обо мнѣ, прося его о томъ, дабы я у него почтеніе и милость имѣть могла, а я также, милостивый государь мой батюшка, обѣщаюсь вамъ исполнить все то, что вы мнѣ поручить изволили, и такъ поступать, какъ вы мнѣ повелѣли“.

Такой же грустью проникнуто одно изъ послѣдующихъ писемъ Марины, писанное два мѣсяца спустя, въ исходѣ марта того же года. На приложенной къ этому письму запискѣ, какъ Марина имѣла обыкновеніе писать самыя конфиденціальныя вещи, она писала: „о дѣлахъ моихъ не знаю что писать. Кромѣ того, что только отлагательство со дня на день; нѣтъ ни въ чемъ исполненія, со мною поступаютъ такъ же, какъ и при васъ, не такъ, какъ было обѣщано при отъѣздѣ вашемъ родительскомъ“.

Въ этомъ же письмѣ она жалуется на большой недостатокъ въ

деньгахъ, такъ что она не „могла даже своихъ людей“ послать въ Польшу (т. е. особаго нарочнаго).

Ее не мало огорчало равнодушіе отца, который съ самаго отъѣзда изъ Тушина какъ бы забылъ про нее и ничего не отвѣчалъ на ея письма. „Исполняя свою обязанность“, писала Марина 10 августа, „я не опускаю случая, чтобы не освѣдомиться о здоровьи милостиваго государя моего батюшки. По сей день мною уже отправлено десять писемъ, на которыя никакого отвѣта не получила и въ самыхъ важныхъ для меня вещахъ—чему я очень удивляюсь, такъ какъ при теперешнемъ моемъ мученіи, не зная еще, чѣмъ кончатся московскія дѣла, для меня ничего не могло быть утѣшительнѣе, какъ получать частыя письма отъ милостиваго государя моего батюшки“.

Равнодушіе отца, вѣчный недостатокъ въ деньгахъ, одиночество, а главное совмѣстная жизнь съ человѣкомъ „грубымъ и отвратительнаго нрава“, должно было чрезвычайно угнетать ее, тѣмъ болѣе, что для нея съ каждымъ днемъ выяснялась все болѣе и болѣе призрачность ея надеждъ и честолюбивыхъ плановъ.

IX.

Намѣреніе Сигизмунда воевать съ Москвою.—Негодованіе, вызванное этимъ слухомъ въ Тушинскомъ лагерѣ.—Перемѣна въ отношеніи къ Димитрію.—Побѣгъ самозванца изъ лагеря.—Московскіе послы въ лагерѣ Сигизмунда.

Въ Польшѣ давно уже поговаривали о томъ, что слѣдовало воспользоваться московскими событіями, чтобы возвратить земли, отнятыя Москвою. Этотъ вопросъ обсуждался очень оживленно на сеймикахъ. Объ этомъ же писали королю Сапѣга и задержанные Шуйскимъ польскіе послы Олесницкій и Госѣевскій.

Подъ вліяніемъ этихъ совѣтовъ и убѣжденій своихъ приближенныхъ, Сигизмундъ еще въ августѣ 1608 г. рѣшилъ начать войну съ Шуйскимъ, но, дѣйствуя по обыкновенію неумѣло и нерѣшительно, онъ не сдѣлалъ своевременно надлежащихъ приготовленій; тѣмъ не менѣе въ исходѣ марта 1609 г. онъ завелъ переговоры съ Жолкѣвскимъ и другими лицами, которымъ онъ хотѣлъ ввѣрить начальство надъ войскомъ. Въ Польшѣ къ замысламъ короля отнеслись не сочувственно. Друзья Юрія Мнишека и всѣхъ тѣхъ, кои сражались въ арміи самозванца, говорили, что король хочетъ воспользоваться тѣмъ, что они добыли „проливая кровь“.

Съ другой стороны вѣсти о замыслахъ Сигизмунда, дошедшія до Тушина въ началѣ 1609 г., вызвали въ обозѣ Димитрія большое волненіе; поляки справедливо опасались, что они могли помѣшать осу-

ществленію широкихъ политическихъ замысловъ самозванца, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишили бы ихъ наградъ, обѣщанныхъ имъ по достиженіи престола.

Поэтому Мнишекъ поспѣшилъ въ половинѣ января на сеймъ въ Варшаву, чтобы разстроить королевскіе планы. Съ этой же цѣлью польское войско отправило на сеймъ и своихъ пословъ. И нмъ казалось, что они успѣли въ частной аудіенціи убѣдить Сигизмунда, въ томъ, что его вмѣшательство въ московскія дѣла могло имѣть самое пагубное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій и сыграло бы въ руку Шуйскому.

Однако вскорѣ послѣ ихъ возвращенія въ Тушино, въ исходѣ августа, было получено извѣстіе, что Сигизмундъ приближается съ большой арміей къ границѣ Московскаго государства и идетъ на Смоленскъ. Это подняло въ Тушинскомъ лагерѣ цѣлую бурю!

„Солдаты“, пишетъ въ своемъ дневникѣ Будзило, „потерявъ вѣру въ дѣло, которое съ приближеніемъ королевскихъ войскъ потеряло всякій смыслъ, не хотѣли болѣе ничего дѣлать, перестали слушаться своего начальства“. Въ Тушинѣ и подъ Троицей цѣлый мѣсяцъ только и было разговору о томъ, какъ бы получить скорѣе жалованье за понесенные труды.

Особенно волновались въ главномъ обозѣ, гдѣ не малую роль играли соображенія политическаго свойства. Въ концѣ концовъ въ Тушинѣ рѣшили энергично противодѣйствовать Сигизмунду и потребовать, чтобы „онъ ушелъ изъ предѣловъ Московскаго государства“; чтобы подкрѣпить свои слова дѣйствіемъ, поляки составили конфедерацію и обязались подъ присягою не оставлять Димитрія и помогать ему и впредь „отвоевывать престолъ своихъ предковъ“.

Совершенно особнякомъ держался въ этомъ дѣлѣ Сапѣга: какъ намъ уже извѣстно, имъ руководили главнымъ образомъ личныя побужденія; онъ втайнѣ сносился съ Сигизмундомъ, вначалѣ отказывался присоединиться къ конфедераціи, а затѣмъ примкнулъ къ ней безъ сомнѣнія только для того, чтобы имѣть возможность вліять на конфедератовъ.

Положеніе Димитрія становилось день ото дня непріятнѣе. Въ Тушинѣ почти никто не сомнѣвался въ его самозванствѣ, но его не покидали, надѣясь при его помощи достигнуть своихъ личныхъ или политическихъ цѣлей. Случалось, что ему открыто выказывали пренебреженіе и презрѣніе; особенно открыто дѣлалъ это главнокомандующій войскомъ князь Романъ Рожинскій.

Слѣдующій случай ясно показываетъ, какъ онъ обращался съ самозванцемъ.

Однимъ изъ любимцевъ Димитрія былъ, какъ мы знаемъ, князь

Адамъ Вишневецкій, который одинъ изъ первыхъ поспѣшилъ къ нему на помощь, часто бывалъ въ его обозѣ и всегда старался что-нибудь выпросить у него.

17 января (1609 г.), — сообщаетъ одна современная реляція,— „Вишневецкій, которому уже не разъ было запрещено показываться въ войскѣ, снова пріѣхалъ изъ Польши". Онъ тотчасъ пошелъ къ царю, съ которымъ всю ночь бражничалъ. Я присутствовалъ при томъ, когда гетманъ прислалъ къ нему Зборовскаго, Тышкевича и Коморовскаго съ требованіемъ, чтобы Вишневецкій немедленно уѣхалъ.

„Царь въ ту же ночь подарилъ ему бѣлый кафтанъ, обшитый роскошными соболями и расшитый жемчугомъ, коня съ богатой сбруей и роскошную саблю, о чемъ узнавъ, солдаты тотчасъ пошли жаловаться гетману на царя, говоря, что онъ „дѣлаетъ подарки сплетникамъ и лгунамъ, а мы ничего не получаемъ". Тогда гетманъ самъ отправился къ царю и спросилъ Вишневецкаго: „что ты дѣлаешь тутъ, лжецъ? Ты получаешь за свои сплетни то, что заслужено нами кровью. Другіе кровь проливаютъ, тратятъ свои силы, а ты никому изъ нашихъ ничего не даешь". Тутъ онъ выхватилъ изъ рукъ Вишневецкаго палку, на которую тотъ опирался...

„Димитрій, въ присутствіи котораго происходила эта сцена, не сумѣлъ или не рѣшился прекратить ее. Онъ спрятался въ сосѣднюю комнату и навѣрно тогда же рѣшилъ бѣжать изъ Тушина, ибо три дня спустя, 20 января, онъ „заявилъ о своемъ желаніи совершить прогулку въ окрестностяхъ Москвы", и несмотря на то, что приближенные всячески старались помѣшать этому и даже „заперли лошадей", ему все же удалось уѣхать въ сопровожденіи 400 донцовъ и московскаго солдатъ. Но князь Рожинскій пустился имъ въ догонку и „принудилъ ихъ вернуться въ лагерь".

Эта неудача не заставила самозванца отказаться отъ своего намѣренія; въ ближайшіе дни, видя желаніе конфедератовъ войти въ соглашеніе съ Сигизмундомъ, онъ еще болѣе остановился на этой мысли. При данныхъ обстоятельствахъ только побѣгъ изъ Тушина могъ вывести его изъ затруднительнаго положенія; 6 января (1610) вечеромъ, ему удалось выполнить свой замыселъ.

Болѣе всего ему были преданы донскіе казаки, въ сопровожденіи коихъ онъ ушелъ никѣмъ не замѣченный изъ своего дома. „Затѣмъ, насколько извѣстно", пишетъ Станиславъ Стадницкій въ письмѣ отъ 6 января того же года, „онъ взялъ лошадь у одного преданнаго боярина и ускакалъ къ атаману Донскаго войска", гдѣ „казаки положили его въ сани, накрыли берестою и, сѣвъ поверхъ нее, увезли

его въ Калугу". Вмѣстѣ съ ними, какъ потомъ оказалось, уѣхало нѣсколько „самыхъ преданныхъ ему поляковъ".

Когда объ этомъ стало извѣстно, въ войскѣ поднялась буря негодованія. Солдаты кинулись къ дому, въ которомъ жилъ Димитрій, „изодрали и истрепали всѣ принадлежавшія ему вещи", и растащили ихъ; „при этомъ досталось и нѣкоторымъ богатымъ боярамъ". — На другой день собралось коло; „одни поносили кн. Рожинскаго, говоря, что онъ нагналъ на Димитрія страхъ своимъ пьянствомъ; другіе бранили польскихъ пановъ, которыхъ считали причиною его побѣга". Судили и рядили до вечера.

На утро снова собралось коло, передъ которымъ „оправдывался Рожинскій", а польскіе послы „не желая далѣе слушать такихъ нападковъ, собрались уѣхать". Это много способствовало успокоенію умовъ, но конфедераты „просили ихъ повременить дня три, обѣщая дать имъ посланіе къ королю".

Помимо побѣга Димитрія на настроеніе войска повліяли происки пословъ, прибывшихъ въ Тушино съ цѣлью склонить поляковъ на сторону Сигизмунда; особенно старательно дѣйствовалъ ген. Збарасскій; онъ не жалѣлъ ни щедрыхъ подарковъ, ни обѣщаній отъ имени короля. Въ особенности онъ старался склонить на свою сторону наиболѣе знатныхъ полковниковъ и ротмистровъ, понимая, что за ними и другіе перейдутъ на сторону короля. Королевскіе послы завязали также переговоры съ знатными московскими боярами, прибывшими въ Тушино.

Во главѣ этой мятежной противъ Шуйскаго партіи стоялъ митрополитъ ростовскій Филаретъ—родоначальникъ дома Романовыхъ—который былъ взятъ войскомъ Димитрія въ плѣнъ въ октябрѣ 1608 г. при осадѣ Ростова и привезенъ въ Тушино. Кромѣ него большимъ вліяніемъ пользовались въ тушинскомъ лагерѣ князья: Шаховской, Трубецкой, Троекуровъ, Семенъ Звенигородскій, Даніилъ Долгорукій, Михаилъ Салтыковъ-Морозовъ и атаманъ донскихъ казаковъ Иванъ Заруцкій.

Послѣ побѣга Димитрія эти „бояре явно стали говорить о своемъ желаніи предложить корону королю польскому, и польскіе послы, узнавъ о томъ, пригласили ихъ въ коло. На это совѣщаніе Филаретъ явился съ духовенствомъ, Заруцкій съ военными людьми, Салтыковъ съ думными боярами и дворянами".

„Русскіе вошли въ соглашеніе съ поляками; обѣ стороны обязались твердо держаться данной присяги и не принимать сторону ни Димитрія, ни Шуйскаго и ни одного изъ московскихъ бояръ".

Между тѣмъ самозванецъ, прибывъ въ Калугу, сожалѣлъ о томъ, что онъ бѣжалъ изъ Тушина, старался снова поладить съ предво-

дителями польскаго войска и съ этой цѣлью отправилъ письма имъ и Маринѣ, увѣдомляя ихъ, что онъ только ѣздилъ на охоту и съ удовольствіемъ возвратился бы въ Тушино, „если бы они снова присягнули ему и измѣнники московиты были казнены". Съ этими письмами пріѣхалъ въ Тушино Казимірскій и успѣлъ нѣкоторыя изъ нихъ раздать, но его происки вскорѣ обнаружились, у него отобрали остальныя письма, а равно и тѣ, которыя уже были розданы, и сожгли ихъ, а Казимірскому подъ страхомъ смерти запретили заниматься „подобнымъ дѣломъ".

13 января королевскіе послы уѣхали изъ Тушина обратно въ Смоленскъ; вмѣстѣ съ ними „на 150 лошадяхъ" отправились посланники отъ московскихъ бояръ, „въ числѣ которыхъ было 24 знатныхъ особы", между прочимъ Михаилъ Салтыковъ со своимъ сыномъ Иваномъ, князь Рубецъ-Масальскій, Мещерскій, Хворостининъ, Левъ Плещеевъ и думный дьякъ Иванъ Грамотинъ.

Подъ Смоленскомъ, гдѣ стоялъ съ войскомъ Сигизмундъ, имъ была устроена торжественная встрѣча, и три дня спустя они получили аудіенцію у короля, которая была обставлена весьма торжественно.

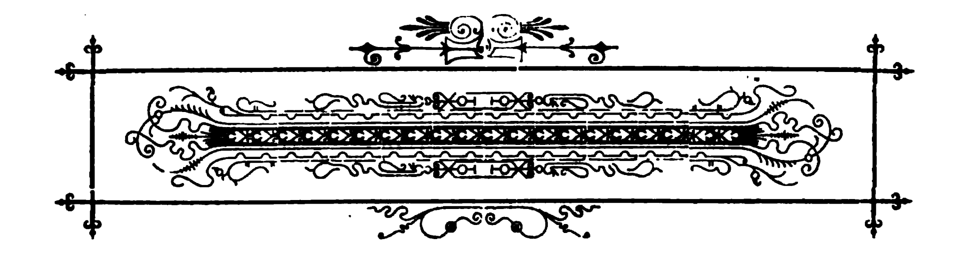
Послѣ длинныхъ привѣтственныхъ рѣчей, произнесенныхъ Михаиломъ Салтыковымъ, его сыномъ Иваномъ и княземъ Масальскимъ, дьякъ Грамотинъ „объявилъ отъ имени думныхъ бояръ и всѣхъ сословій о ихъ желаніи имѣть на престолѣ королевича Владислава".

Начавшіеся по этому поводу переговоры завершились заключеннымъ 14 февраля союзнымъ договоромъ и обѣщаніемъ Сигизмунда, что Владиславъ, вступивъ на престолъ, будетъ короноваться „по стародавнему обычаю", т. е. приметъ причастіе изъ рукъ патріарха; при томъ было обѣщано, что православная вѣра останется неприкосновенной, что строго будетъ соблюдаться автономія Московскаго государства и т. д.

По окончаніи переговоровъ въ честь московскихъ пословъ былъ устроенъ пиръ; Сигизмундъ, принимавшій въ немъ участіе, сидѣлъ за столомъ, поставленнымъ на возвышеніи. По тогдашнему московскому обычаю, онъ подзывалъ къ себѣ каждаго посла отдѣльно и собственноручно подавалъ ему чарку съ виномъ или медомъ, которую послы осушали, провозглашая здравіе короля, королевы и королевича Владислава.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Чердынская Уставная грамота

Царя и Велик. Князя Ивана Васильевича 1553 г.

Что мнѣ били челомъ Пермича Данилко да Гришка Ивановъ отъ всѣхъ градскихъ людей и сельскихъ о томъ — — — — — — что была у нихъ Наша — — — — — — — и по сей у нихъ Государя Грамотѣ — — — — — — въ Перми наши Намѣстники судили — — — — и та у нихъ наша грамота сгорѣла лѣта 7061 [1]) году апрѣля въ тридесятый день, въ церкви Варлаама Чудотворца на посадѣ [2]), и нынѣ де у нихъ въ Перми нашей Намѣстники и ихъ Тіуны и доводчики безъ нашія жалованиыя грамоты безъ уставной Пермичъ безъ суда и безъ исцовъ — — — — и судятъ ихъ безъ цѣловальниковъ, а доводчики де ихъ ѣздятъ по погостамъ, да въ какомъ въ одномъ дѣлѣ скольких людей дадутъ на поруки; а ѣздные на нихъ емлютъ разные — — — — по головамъ, да славлянаго по гривнѣ, а дальнихъ де ихъ погостскихъ людей верстъ за 50 и за 60 даютъ поруки; а сроки де имъ чинятъ стать въ городъ предъ тіуны на завтра и который де изъ тѣхъ людей не станетъ въ городѣ на тотъ срокъ предъ тіуномъ, и они де ихъ тѣмъ винятъ.

Да и ваши-же де Пермскіе Намѣстники посылаютъ по Пермской землѣ своихъ людей, тіуновъ и доводчиковъ, луковъ писати и кормовъ брати и Намѣстничіе-де люди приписываютъ у нихъ многіе луки лишніе, и Пермичамъ-де въ тѣхъ лишнихъ лукехъ чинятъ продажи и убытки великіе, дани — — — — имъ продажи отъ мѣстниковъ, и отъ ихъ людей отъ тіуновъ и отъ доводчиковъ: живутъ вели-

[1]) 7061 — 5508 = 1553 г.

[2]) Церк. Варлаама Чудотворца была въ г. Чердыни, но уничтожена пожаромъ въ 1553 г. и послѣ не возобновлена.

кіе не по грамотѣ и они де въ томъ отъ Нашихъ Намѣстниковъ и отъ ихъ людей отъ тіуновъ и отъ доводчиковъ охудали и опустѣли, и впередь имъ прожити безъ нашія грамоты уставныя не можно, и мнѣ-де Пермичъ пожаловати Грамотой жаловальной уставной снимка съ старой Грамоты, что у нихъ Наши прежніе Намѣстники съ тоя уставной грамоты списывали.

И мы, Великій Государь, слышавъ ихъ Данилки и Гришки Иванова челобитья, всѣхъ людей Пермскія земли пожаловали ——— ——————— возъ ——— Намѣстнику ——————— въ верхнемъ городкѣ ————————— да дву доводчиковъ въ городкѣ подводъ — ——— Намѣстнику ——— и тіуну ————————— цѣловальниковъ и по Иванову письму Боброва. Съ пятнадцати сотъ луковъ, со шти сотъ сорока пяти луковъ, на Рождество Христово за тысячу четыреста бѣлокъ, четырнадцать рублевъ, по двѣ деньги за бѣлку.

А на великъ день Намѣстнику корму и его тіуну и доводчикамъ за семьсотъ бѣлокъ 7 рублевъ.

А на Петровъ день Намѣстнику корму и ево тіуну и доводчикамъ за семь сотъ бѣлокъ семь рублевъ, по двѣ же деньги за бѣлку.

Да съ варницы Вишерскія соль имати по пяти сапецъ [1]) соли по старинѣ, то ему во весь годъ и съ тіуномъ и съ доводчики. А опричь того Намѣстнику и ево тіуну и доводчикамъ съ нихъ пошлины нѣтъ. А берутъ кормъ Намѣстничъ и тіуновъ и доводчиковъ наборъ старосты и люди добрые Пермяки сами, да отдаютъ корму Намѣстнику и съ тіуны и доводчики въ городѣ, а сами намѣстники и тіуны и доводчики по погостамъ луковъ писати и кормъ брати не ѣздятъ; а разметываютъ Пермяки межъ себя кормъ по сохамъ, по дани, а Намѣстникъ Нашъ тіуновъ и доводчиковъ до году не перемѣняетъ, а доводчикомъ изъ погоста въ погостъ не переѣзжати; который-же доводчикъ ѣздитъ въ своемъ погостѣ, а ѣздитъ доводчикъ по погостамъ съ однимъ паробкомъ безъ простые лошади — —— а гдѣ ѣстъ, тутъ нѣка ——— а у котораго Перметина хлѣба или волога какова лучится, что самъ ѣстъ, тѣмъ и доводчики кормитъ; а тіуны и ————————————— у соли силою песта —— ——————————————— то онъ даетъ въ лѣсъ лѣсовать ——— ——————————————— и Намѣстнику не является, а хотя кто —— ———————————: исто собольиное ———————, а кто пріидетъ съ полузимы ——————————— Намѣстнику и тіуну —————— денегъ ——————————————————— а кто пріидетъ излишніе ограбленъ или ————————————————————— и съ того Намѣстнику по ——————————.

---

[1]) Сапецъ = 6 пуд. (древн. мѣра емкости).

А случится судъ въ займехъ, или въ бою или въ лаѣ, а досудится виноватой, и Намѣстникъ Нашу пошлину емлетъ на виноватомъ, съ рубля по гривнѣ, на сколько кто взыщетъ, то ему и съ тіуномъ опричь хоженаго, и ѣзды и правду.

А досудится до поля, а у поля не ставъ помирится, и Намѣстникъ емлетъ пошлины по тому жъ расчету, съ рубля по гривнѣ.

А сведется у нихъ поле, да у поля стоявъ помирятся, и Намѣстнику пошлины имать гривенные-жъ, на сколько кто взыщетъ, съ рубля по гривнѣ, а опричь того Намѣстнику съ дѣла полевыхъ пошлинъ полъ пошлины, то ему и съ тіуномъ; а доводчику искати свое хоженое, и ѣздъ и правду.

А побьются на полѣ въ займахъ, или въ бою или въ грабежехъ, и Намѣстникъ Нашъ велитъ на убитомъ доправити. А Намѣстнику полъ-полтины, а доводчику десять бѣлокъ, опричь хоженаго и ѣзду и правды.

А побьются въ полѣ въ душегубствѣ и татьбѣ, и пожегѣ и разбоѣ и въ ябедничествѣ, и Намѣстникъ нашъ на убитомъ велитъ истцова доправшивати, а убитой въ казни и въ продажѣ Намѣстнику.

А доведутъ на кого татьбу и ябидничество, или пожегу, а будетъ вѣдомой лихой человѣкъ, и Намѣстникъ Нашъ велитъ того лихова казнити смертною казнію; а исцова велитъ ——————— изъ его статка, а что у статка останетъ, ино то Намѣстнику и его тіуну имати себѣ, а не будетъ у котораго лихача статковъ съ истцово, и Намѣстнику его исцу во гибели не выдати, велѣти его казнить смертною казнію.

А погосца ихъ ————— людей Намѣстнику и его тіуну судить по воскресеньямъ, отъ недѣли въ недѣлю, и доводчикомъ въ недѣлю; а посадскихъ людей, гдѣ кто какъ самъ живетъ; а въ которой день дѣла ———————— тогда и судятъ, а Намѣстнику и его тіуну безъ цѣловальниковъ и безъ старосты ————— и безъ лучшихъ людей суда не судить.

А цѣловальниковъ Пермяки выбираютъ у себя сами, кто имъ любъ, а хожаное приставу бѣлка въ городѣ, а ѣзду на двѣ версты бѣлка, а на правдѣ вдвое; а не люба приставу бѣлка ино за бѣлку по двѣ деньги.

А на коихъ людей въ однемъ дѣлѣ приставъ на поруку дастъ и объемлютъ ѣздъ одинъ, а пристава Намѣстническаго на поруку дадутъ и они отъ поруки ставленнаго не дастъ ничего.

А случится у нихъ душегубство, а не доищутся душегубца, то Намѣстнику вѣры 400 бѣлокъ; а не люба бѣлка, ино за бѣлку по двѣ деньги.

А кто утонетъ или сгоритъ, или озябнетъ, или кого возомъ ка-

стретъ, или дерево убьетъ, или кто отъ своихъ рукъ утеряется, а обыщатъ того безъ хитрости, ино въ томъ Намѣстнику виры и продажи нѣтъ. А самосудъ Намѣстнику 400 бѣлокъ, а не любо бѣлка, що ино за бѣлку по двѣ деньги [1]).

А самосудъ то, кто поймаетъ татя съ поличнымъ до отпуститъ, а опречь того самосуда нѣтъ.

А выймутъ у кого поличное, да сведетъ себя сводомъ до коликихъ не буди, и до пошлаго татя и своднаго нѣтъ, и поличное то, что у кого вымутъ; а вымутъ у кого поличное —————————— ——————————————— въ этой хороминѣ не за замкомъ, и въ томъ поличнаго нѣтъ; а кто у кого пере ———— еже ——— и Намѣстнику за баранъ шесть бѣлокъ ————.

У Пермичъ, Устюжанъ и Вятчанъ Намѣстники и ихъ тіуны и доводчики ——————————на стады своими поженъ ихъ не травятъ.

А кто дочерь дастъ за мужъ на Вологду, на Устюгъ и на Вятку и Намѣстнику за выводную куницу шесть бѣлокъ, а въ одной волости кто дочерь дастъ за мужъ, и Намѣстнику за убрусъ три бѣлки, а не люба бѣлка, ино за бѣлку 2 деньги.

А кто пріидетъ Вогулетинъ въ Пермь торговать или инымъ которымъ дѣломъ, и онѣ Намѣстнину и ево тіуну являются, а не явивъ Вогулетина Намѣстнику, Пермяку и Усольцу не торговати, и не хоронить его у себя въ той никому; а кто не явитъ, а кого вымутъ, и Намѣстникъ заповѣди возьметъ двѣсти бѣлокъ; а не люба бѣлка, ино за бѣлку по двѣ деньги.

А о земляхъ и о рѣкахъ и озерахъ и всякихъ угодьяхъ, судъ за 3 года; а далѣ того земляхъ не судити: и первыхъ судовъ и грамоты князей Пермскихъ не посуживати.

А Десятильнику даютъ отъ знамени съ холосца по двѣ бѣлки, да третья бѣлка записная, а съ со вдовца Десятильнику отъ знамени 4 бѣлки, да записнаго бѣлка; а не люба бѣлка, ино за бѣлку двѣ деньги.

А учинитъ Десятильникъ надъ ними какову силу, и Намѣстникъ Нашъ на Десятильника дастъ пристава, да ево судитъ и управу чинитъ.

Да Пермяки же били челомъ мнѣ Царю и Великому Князю о томъ, который нашъ Намѣстникъ въ Перми у нихъ будетъ на на-

[1]) По Двинской Уставной Грамотѣ сказано; съ самосуда 4 руб., т. е. тѣ же 800 денегъ.

шемъ желованьѣ, и они де посылаютъ къ волоку Тюменскому, и въ Вогуличи, и въ Сылву своихъ людей съ Пермскимъ со всякимъ товаромъ торговати, а въ кою-де пору Намѣстничіе люди въ тѣхъ мѣстахъ торгуютъ, а которые Пермичи въ тѣ мѣста пріидутъ со своимъ товаромъ торговати, и Намѣстничи люди Пермичемъ торговати не велятъ дотолѣ доколѣ они сторгуются своимъ товаромъ, и Пермичемъ-де имъ въ томъ убытки великіе.

Да и въ рыбную ловлю у Пермичъ Намѣстники вступаются въ ихъ ловлю; и Азъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи Пермичъ пожаловалъ, который Нашъ Намѣстникъ въ Перми у нихъ будетъ, и онъ въ Пермскія угодья и къ волоку Тюменскому, и въ Вогуличи, и въ Сылву съ Пермскимъ товаромъ своихъ людей торговати не посылаетъ, и въ рыбную ловлю въ ихъ Пермскую не вступаются у нихъ ни во что.

Да Пермича же посадскіе люди мнѣ били челомъ о томъ чтобъ мнѣ имъ пожаловати освободити къ которому празднику помолитись, или родителей помянути канунъ доспѣти пивца сварити или медку разсытити; и Азъ Царь и Великій Князь Пермичъ посадскихъ людей пожаловалъ: велѣлъ есми имъ кануны обѣтные и родительскіе держати по старинѣ; а коли Пермитину которому человѣку случится къ которому празднику или по родителехъ канунъ доспѣть, пиво сварить и медъ разсытити; и они Намѣстнику явятъ, а Намѣстники Наши Пермичемъ канунъ чинить освобождаютъ, и явки Намѣстникъ возьметъ съ пива, съ сопца по четыре деньги, а съ меду съ сопца по четыре жъ деньги.

Да сверхъ того, есми Пермичъ пожаловалъ, далъ есми имъ въ году три недѣли питья варити и пити[1]), недѣля Великодневная, другая недѣля въ осень Дмитріевская, третья недѣля въ зимѣ Рождественская; и тѣмъ тремъ недѣлямъ вино пити доспѣти безъ явки, опречь посадскихъ людей. А посадскіе люди къ праздникамъ и по родителемъ кануны чинятъ по-старинѣ, какъ напредь того у нихъ было.

А Намѣстничьи люди, или иной кто опричиной человѣкъ къ Пермичемъ на пиръ или на братчины не званы, пить да не ходятъ; а кто къ нимъ на пиръ или въ братчину не званъ пріидетъ и они того человѣка изъ пиру или изъ братчины вышлютъ вонъ отъ себя безъ пенно.

---

[1]) Это служитъ доказательствомъ словъ Флетчера и Олеарія, что въ Россіи дозволялось народу пить вино только въ нѣкоторые дни.

А кто у нихъ въ пиру или въ братчинѣ учнетъ пити сильно, и какову у него учинитъ гибель, и они на томъ человѣкѣ ту гибель возьмутъ безъ суда.

А кто у нихъ въ Перми будутъ лихіе люди тати и разбойники, душегубцы, зажигательники, ябедники и поклепцы, и наши Пермскіе Намѣстники на тѣхъ людей Пермичемъ пристава даютъ; да велятъ ставити предъ собою съ Пермичи съ очей на очи, да ихъ съ ними судятъ. И на которыхъ людей Пермичи предъ Нашимъ Намѣстникомъ доведутъ, а скажутъ на него человѣка 5 или 6 людей добрыхъ, по нашему крестному цѣлованію, что онъ лихой человѣкъ; и Намѣстникъ Нашъ того лихаго человѣка велитъ бить кнутьемъ; да изъ земли его Пермичемъ велитъ выслать вонъ, безъ пенно.

Такъ же если пожаловалъ Великопермцовъ и Усольцовъ гостинскимъ въ Пермь великую и къ соли изъ городовъ Московскія земли, изъ Новгородскія земли и изъ Тверскія земли торговати, и съ оными никакими дѣлы не ѣздятъ ни кто опричь Устюжанъ и Вычегжанъ и Вятчанъ. А Устюжана и Вычегжана и Вятчана ѣздятъ къ нимъ торговати со всякимъ товаромъ по своей грамотѣ пожалованной по уставной по Устюжской, и возятъ отъ нихъ товаръ всякой и соль, куда хотятъ съ ними. Пермичи и Усольцы товаровъ въ Московскіе городы возятъ продавать, а таемъ — — — — — къ нимъ въ Пермь или къ Соли торговати изъ городовъ Московскія земли, Новгородскія земли и изъ Тверскія земли, и Намѣстникъ нашъ у того станетъ — — — — — — — — — а его даетъ на поруки, да пришлетъ его ко мнѣ Царю и Великому Князю; а кто взыщетъ Великопермецъ или Усолецъ на гостехъ на Устюжскихъ, или на Вычегжанинѣ или на Вятчанинѣ или на Вогуличахъ или на Остякахъ, или на иномъ какомъ ни буди, и Намѣстникъ на тѣхъ пристава дастъ и судить и управу чинить его тіунъ или доводчики, и они на нихъ наметываютъ сроки сами во всѣхъ дѣлехъ предъ меня Царя и Великаго Князя на Оспожино заговѣнье; а настанетъ срокъ, Пермской или Усолецъ на Намѣстника или на его тіуна или на доводчиковъ въ каковѣ дѣлѣ Пермитяна или Усольца, и тому Пермитину или Усольцу къ сроку ѣхати. А Пермитину и Усольцу на Пермитина и Усольца сами сроковые на наметываютъ и ни въ которомъ дѣлѣ — — — — — — — — — — — — — — а которые Пермитинъ или Усолецъ напишетъ срокъ на Оспожино заговѣнье, и тому Пермитину и Усольцу къ тому сроку ѣздити не велятъ; а хотя оную Грамоту возьметъ, и то безъ судная не въ безсудную, и чрезъ сію мою грамоту и съ тѣхъ на нихъ кто возметъ, или чѣмъ изобидитъ, и тому быть отъ меня Царя и Великаго Князя въ казни. А сія имъ грамота дана таковая-жъ, какова

у нихъ была прежняя уставная грамота — — — — — — — — — — — — — — — — — — — дана грамота сія въ Москвѣ лѣта 7062 [1]) (1553) декабря въ 26 день.

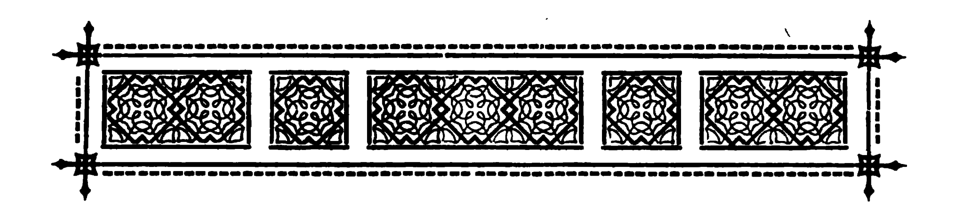
Приказали дати казначей Иванъ Петровичъ Головинъ, да Өедоръ Ивановичъ Сукинъ, а казначей имъ говорилъ Царевымъ Великаго князя словомъ. Окольничей Алексѣй Өедоровичъ Дашевъ. Царевъ и Великаго княза Діакъ Петръ Васильевъ сынъ Таракановъ.

На подлинной грамотѣ подписи Государей Царей и Вел. Княз. таковой на оборотѣ.

Сообщилъ Н. Санинъ.

[1]) До 1700 г., какъ извѣстно, лѣтосчисленіе у насъ велось отъ сотворенія міра (нов. годъ начинался съ 1 сент.). 7062 — 5509 = 1553 г. отъ Р. Х.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 г.г. [1])

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Рѣшивъ наступленіе на Измаилъ, Мейндорфъ далъ мнѣ приказаніе слѣдовать за нимъ. Приказаніе это я получилъ 13 февраля, а 14 уже выступилъ въ походъ. Я долженъ былъ направить свое движеніе на с. Каракуртъ, но я рѣшительно не зналъ, гдѣ находится это селеніе, такъ какъ у насъ не было другихъ картъ Бессарабіи, кромѣ тѣхъ, которыя составилъ генералъ Бауэръ еще въ 1771 г., временъ фельдмаршала Румянцева; о примѣненіи карты временъ Потемкина никто и не подумалъ. На картѣ Бауэра были довольно вѣрно обозначены горы, рѣки и озера, но деревни были перепутаны. Я самъ составилъ небольшую карту страны, а Мейндорфъ, съ своей стороны, тоже начертилъ свою, но обѣ наши карты оказались не вѣрными; а такъ какъ я получилъ копію съ карты Мейндорфа уже послѣ нашего свиданія, то я никакъ не могъ слѣдить, гдѣ онъ находился и куда направился.

Я пробылъ въ пути 14, 15 и 16 февраля, идя почти на удачу: единственнымъ моимъ руководителемъ былъ компасъ, по которому я и слѣдовалъ; по дорогѣ же я не встрѣтилъ ни одной души, отъ которой можно было бы узнать дальнѣйшее направленіе пути. Взятые изъ Киліи проводники не узнавали больше мѣстности и совершенно терялись въ этихъ огромныхъ равнинахъ, гдѣ всѣ деревни были разрушены. Такимъ образомъ, мы съ Мейндорфомъ долго искали другъ друга, и только 17-го февраля наши развѣдчики встрѣтились, и въ тотъ же вечеръ мы соединились.

---

[1]) См. „Русская Старина" 1907 г., іюнь.

Въ Киліи я оставилъ полковника Ферстера съ 2 баталіонами, въ Акерманѣ остался 1 баталіонъ, въ Бендерахъ три, да я имѣлъ съ собой 4 баталіона, 5 эскадроновъ, 2 полка казаковъ и 1 полкъ волонтеровъ.

Несмотря на всѣ мои старанія и ходатайства въ пользу тѣхъ турокъ, которые оставались въ сдавшихся намъ крѣпостяхъ; несмотря на человѣчность и правосудіе, требовавшія милосердія къ сдавшимся, Михельсонъ и Мейндорфъ, послѣ объявленія войны Портой, приказали, чтобы къ нимъ относились какъ къ военноплѣннымъ, отняли бы у нихъ оружіе и отправили бы ихъ внутрь Россіи. Эти несчастные, которые такъ хорошо приняли насъ, кормили и даже предлагали стать съ нами въ ряды для защиты отъ враговъ, отъ насъ же терпѣли страшныя жестокости. Ихъ оторвали отъ ихъ родины, земли и отправили въ Россію какъ преступниковъ. При этомъ они потеряли множество вещей, изъ коихъ многія были дерзко похищены, а съ другими они должны были разстаться по неволѣ, продавая ихъ по самой низкой цѣнѣ, такъ какъ имъ было отказано въ перевозкѣ, а на сборы дали только одинъ день.

Хитрово и Ловейко, всегда трусившіе всего, а можетъ быть желавшіе воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ этихъ несчастныхъ, писали безсчетное число рапортовъ о той опасности, которая будто бы грозила намъ, если бы эти турки были оставлены среди нашей арміи. Они также намекали на открытіе ими какого-то заговора, существовавшаго развѣ только въ ихъ воображеніи или въ воображеніи грековъ и молдаванъ, которыхъ раздражало положеніе турокъ. Сначала у нихъ отняли оружіе, на что ими не было оказано никакого сопротивленія, хотя оружіе ихъ поразительно по своей роскоши и часто составляетъ все ихъ богатство. Оружіе это, частію расхищенное, частію переданное волонтерамъ, не принесло никакой пользы. Причиною переселенія турокъ можно считать и то обстоятельство, что для Измаила требовалось много войскъ, а присутствіе при арміи турокъ требовало наряда войскъ и оставленія ихъ въ крѣпостяхъ.

Хотя мнѣ и удалось не надолго оставить килійскихъ турокъ у ихъ очаговъ, но все же, въ концѣ концовъ, я получилъ приказаніе отправить ихъ. Мнѣ тѣмъ болѣе печально было это приказаніе, что я не вѣрилъ ни грозящей опасности, ни заговорамъ, существовавшимъ только въ головахъ Хитрово, Ловейко и Мейндорфа, а потому у меня не было никакихъ причинъ удалять этихъ добрыхъ и миролюбивыхъ жителей. Я имъ, по возможности, протежировалъ и они очень были мнѣ благодарны. Среди нихъ были и очень богатые, но и они, были доведены до судьбы самыхъ несчастныхъ бѣдняковъ.

По соединеніи моихъ войскъ съ отрядомъ Мейндорфа, нашъ корпусъ состоялъ: изъ 19 баталіоновъ полнаго комплекта, 20 эскадроновъ драгунъ, 4 полковъ Донскихъ казаковъ, 1 полка волонтеровъ, 24 двѣнадцати-фунтовыхъ пушекъ, 4 пушекъ Донской артиллеріи и 30 полковыхъ пушекъ. Всего у насъ было 14—15 тысячъ человѣкъ.

1-го марта мы начали свое наступленіе въ боевомъ порядкѣ, тремя колоннами, изъ которыхъ двѣ пѣхотныхъ двигались въ головѣ первой линіи, а остальныя во второй. Въ первой линіи, подъ моей командой было 4 каре: одно малороссійскихъ гренадеровъ, одно новгородскихъ стрѣлковъ, одно изъ полтавскаго баталіона и одно изъ ладожскаго. У меня подъ начальствомъ были генералъ-маіоры: Жераръ, Рѣпнинскій и Билла, и также? 18 пушекъ. Второй линіей командовалъ генералъ-лейтенантъ Ротовъ; она состояла также изъ 4-хъ каре: одно изъ двухъ баталіоновъ послѣднихъ двухъ полковъ, одно изъ 11-го егерскаго полка, одно изъ Нашебургскаго и одно изъ Бутырскаго и Александропольскаго полковъ. Этими каре командовали: полковники: Рагоцкій, Либгартъ и подполковникъ Будбергъ. Вся же кавалерія состояла подъ начальствомъ Засса и при немъ были генералы Войновъ и Гамперъ и полковники Денисьевъ и Челищевъ. Въ составъ кавалеріи Засса входили: Сѣверскій, Смоленскій, Стародубовскій и Переяславскій драгунскіе полки, затѣмъ Донскіе казаки Янова, Мартынова и Протопопова, Бугскіе казаки и Шеліотскіе волонтеры. Изъ Каракурта мы двинулись на Бабанъ, деревню, расположенную близъ Измаила. Намъ снова пришлось идти по необозримымъ равнинамъ, на которыхъ произошло нѣсколько стычекъ между нашими аванпостами и турецкой кавалеріей.

На другой день, т. е. 2 марта, когда турки уже успѣли собрать всѣ свои силы, мы двинулись на нихъ въ боевомъ порядкѣ. Пегливанъ со всѣмъ своимъ гарнизономъ, состоящимъ изъ 8 тысячъ, изъ коихъ 6 тысячъ было конницы, началъ насъ атаковать. Сильнымъ подкрѣпленіемъ ему служили татары, которыхъ онъ самъ такъ неосторожно и неудачно направилъ на насъ. Пегливанъ не боялся вывести изъ Измаила весь свой гарнизонъ, такъ какъ оставленные тамъ татары отвѣчали ему за порядокъ въ городѣ.

Мы продолжали наше движеніе, все время отбивая нападенія турокъ, на протяженіи 7 верстъ. По мѣрѣ нашего наступленія турки отступали, но все еще держались въ порядкѣ. Тогда я въ первый разъ увидалъ турецкія регулярныя войска, извѣстныя подъ названіемъ низамъ-дундисъ. Они состояли изъ двухъ пѣхотныхъ линей-

ныхъ полковъ, имѣющихъ, также какъ и мы, въ центрѣ два знамени. Эти знамена краснаго и желтаго цвѣтовъ были невѣроятныхъ размѣровъ и почти совсѣмъ новыя; издалека, съ отражающимися на нихъ лучами, производили впечатлѣніе какихъ-то пылающихъ домовъ. Эти полки держались все время очень далеко отъ насъ и отступали въ порядкѣ.

Пегливанъ хорошо сдѣлалъ, что не взялъ съ собою пушекъ, такъ какъ онѣ, все равно, были бы отняты; но за то когда мы подошли совсѣмъ близко къ городу, онъ уже не могъ бояться за нихъ. Онъ выставилъ свои 9 пушекъ и внезапно открылъ такой огонь, что причинилъ намъ много потерь. Въ это время, я выставилъ 12 пушекъ на большомъ курганѣ, вправо отъ насъ и въ 1½ верстѣ отъ города, на томъ самомъ курганѣ, на которомъ стоялъ Суворовъ въ 1790 г., и моя батарея въ одну минуту заставила замолчать 8 турецкихъ пушекъ, которыя и были увезены обратно въ городъ. Наша конница нѣсколько разъ со всѣхъ сторонъ кидалась въ атаку на конницу турокъ и Пегливанъ, послѣ 8 часового боя, потерявъ нѣсколько сотъ человѣкъ, въ 4 часа вечера, заперся въ Измаилѣ.

Мы потеряли 120 человѣкъ. Донскаго войска маіоръ Протопоповъ былъ сильно раненъ выстрѣломъ изъ пистолета; многіе изъ нашихъ казаковъ были ранены татарскими стрѣлами и между ними мой ординарецъ, офицеръ Павловъ, Бугскій казакъ. Стрѣла пролетѣла мимо меня и вонзилась ему въ руку; по всѣмъ вѣроятіямъ стрѣла была отравлена, потому что рука страшно вздулась, и его спасли только тѣмъ, что прижгли больное мѣсто.

Собственно это сраженіе, само по себѣ ничтожное, заслуживаетъ вниманія тѣмъ идеальнымъ порядкомъ, который господствовалъ среди нашихъ войскъ. 7 верстъ войска двигались съ боемъ, какъ на ученьи, не теряя дистанціи, а кавалерія атаковала развернутымъ фронтомъ, безъ малѣйшаго безпорядка или колебанія въ строѣ.

Мейндорфъ могъ бы сдѣлать прекраснѣйшее донесеніе объ этомъ дѣлѣ, оно навѣрное бы стоило всѣхъ прочихъ описаній нашихъ побѣдъ надъ турками, но онъ ограничился, сказавъ только, что турки вышли навстрѣчу, а мы ихъ опрокинули. Это уже было очень скромно, но что было совсѣмъ лишнее такъ это его прибавленіе, что на слѣдующій день онъ собирается взять приступомъ Измаилъ, какъ это сдѣлалъ Суворовъ. Этотъ рапортъ былъ напечатанъ, но такъ какъ Мейндорфъ конечно былъ далекъ отъ мысли, чтобы исполнить свое обѣщаніе, то лучше было бы его и не объявлять.

2 вечеромъ мы отошли версты за двѣ отъ валовъ крѣпости и расположились лагеремъ въ боевомъ порядкѣ.

Большой курганъ оставался отъ нашего фронта всего въ 800 шагахъ, и я разсчиталъ, что такъ какъ онъ не занятъ, то ночью я приказалъ выстроить сильное укрѣпленіе и поставить тамъ орудія. Мейндорфъ, который совершенно упустилъ изъ вида это обстоятельство, очень благодарилъ меня за эту мысль. Если бы мы не выстроили этого редута на курганѣ, то навѣрное турки заняли бы его, а если бы они поставили на немъ орудія большого калибра, то мы бы были принуждены перенести нашъ лагерь на далекое разстояніе отъ города.

3 марта, вмѣсто того, чтобы начать приступъ, Мейндорфъ раздѣлилъ свой корпусъ на три отряда, первый, подъ начальствомъ Ротова, поставилъ на правомъ флангѣ; свою главную квартиру Мейндорфъ расположилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была квартира Суворова въ 1790 г. Но бѣдный Мейндорфъ только и сдѣлалъ, что сталъ на это мѣсто, но не совершилъ подвига, который бы сдѣлалъ его героемъ Россіи. Зассу поручено было командованіе отрядомъ лѣваго фланга, а Войнову—центральнымъ. Я же долженъ былъ отправиться въ Килію, собрать флотилію, привезти ее и занять островъ Четань.

Намъ нужно было двигаться всю ночь, чтобы занять намѣченныя мѣста. Погода все время стояла великолѣпная, но въ 5 часовъ вечера вдругъ полилъ сильнѣйшій дождь, продолжавшійся до 10 часовъ, а затѣмъ повалилъ снѣгъ, при 10° мороза. Шинели нашихъ солдатъ, промокшія отъ дождя, совершенно заледенѣли и стали тверды, какъ желѣзо. Этотъ ужасный ураганъ и снѣжная мятель продолжались всю ночь и какъ бы соотвѣтствовали предшествующему дню. Мейндорфъ все-таки былъ принужденъ продолжать начатое движеніе, но тутъ произошла ужасная путаница, генералы не могли найти своихъ полковъ, тѣ не знали, гдѣ ихъ начальники и офицеры, и поэтому творилось что-то невообразимое! потерянные крики слышались всю ночь. Войновъ сталъ слишкомъ близко къ правому флангу, а Зассъ дошелъ до своей позиціи только 4 марта въ 8 ч. утра, когда уже нѣсколько разъяснилось. Но тутъ на него напали турки, отразить нападеніе которыхъ ему стоило не мало труда, такъ какъ лошади и люди были прозябши, а ружья не могли дать ни одного выстрѣла.

4 марта я отправился въ Килію. Мнѣ дали конвой изъ 50 Бугскихъ казаковъ, но послѣ того какъ на меня нападали нѣсколько разъ въ дорогѣ турецкіе наѣздники, я принужденъ былъ присоединиться къ Зассу. Когда же турки ускакали обратно въ городъ, я сталъ продолжать свой путь, но мои казаки встрѣтили на дорогѣ стада скота, покинутаго татарами, и занялись ими гораздо больше, чѣмъ мной, такъ что я долженъ былъ возвратиться въ Килію одинъ.

Во время урагана, всѣ волонтеры Шеміотскаго полка растеря-

лись и онъ, много времени спустя, съ трудомъ могъ собрать только половину.

Измаилъ, какъ я уже замѣтилъ, сталъ много меньше, но за то сильнѣе, чѣмъ онъ былъ въ 1790 г. Тогда онъ имѣлъ въ окружности 6—7 верстъ; вдоль Дуная не было построено никакихъ ретраншаментовъ, а на возвышенности, налѣво отъ нея, гдѣ находилось Молдаванское предмѣстье, было сооружено укрѣпленіе. Это предмѣстье, почти такое же большое, какъ и самый городъ, отдѣлялось отъ него оврагомъ, по которому протекалъ маленькій ручей. Этотъ ручей составляетъ теперь одну изъ преградъ города; а на мѣстѣ огромныхъ земляныхъ укрѣпленій, на половину обсыпавшихся, съ плохо поставленнымъ полисадомъ, не представлявшихъ намъ серьезныхъ препятствій, при штурмѣ 1790 г., выстроена правильная каменная аивелопа, тянущаяся вдоль Дуная, которая никакимъ образомъ не можетъ быть взята приступомъ. Обстоятельство это Мейндорфъ долженъ былъ знать прежде, чѣмъ объявлять о приступѣ, на который онъ тѣмъ не менѣе не рискнулъ—и хорошо сдѣлалъ. Каменный бастіонъ, построенный на берегу Дуная, вправо отъ города, стоившій намъ столькихъ жертвъ въ 1790 г., существуетъ и теперь и въ томъ же состояніи, какъ и прежде.

Измаилъ построенъ на лѣвомъ берегу Дуная; четверть города лежитъ иа одномъ уровнѣ съ рѣкой, а остальная часть поднимается амфитеатромъ, такъ что валы, окружающіе городъ, съ нашей стороны значительно выше уровня рѣки.

Городъ находится между озерами Янпухомъ и Сафьяно; направо отъ города лежитъ глубокая долина, гдѣ Дунай, разливаясь, образуетъ озеро, называемое Броска. Далѣе протекаетъ небольшая рѣчка Распида, которая представляетъ не что иное какъ каналъ, соединяющій озеро Калолони съ озеромъ Кагуломъ. Берега Распиды покрыты тростникомъ и болотами; между рѣчкой и озеромъ Броска находятся возвышенности, на которыхъ Мейндорфъ расположилъ свой отрядъ праваго фланга. Войновъ занялъ равнину, въ 3 верстахъ отъ правофланговаго отряда, такъ что его правый флангъ былъ въ верстѣ отъ озера Броска. Зассъ былъ въ 5 верстахъ отъ Войнова, на возвышенностяхъ, защищаемыхъ глубокой долиной, а его лѣвый флангъ былъ въ двухъ верстахъ отъ Дуная. Такъ какъ турки имѣютъ привычку строить свои дома на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ были постройки раньше, но были разрушены непріятелемъ, то вся низменная часть города, вдоль Дуная, была болѣе всего заселена, дома и улицы тамъ были очень скучены, но въ 1807 г., какъ и въ 1790 г., между городомъ и укрѣпленіями, построенными на возвышенностяхъ, оставалось пустое пространство.

Дунай у Измаила имѣетъ 280 или 300 фут. ширины и версты двѣ выше города дѣлалъ поворотъ. Въ 5 верстахъ онъ раздѣляется на два рукава, протекающіе: одинъ у Киліи, а другой у Сулина; этотъ послѣдній рукавъ дѣлится еще на 2 рукава, образуя, въ 5 верстахъ ниже Тульчи, Георгіевскую вѣтвь.

Между Килійскимъ и Сулинскимъ рукавами находится островъ Четалъ, почва котораго очень низка, болотиста, весной совершенно затапливается и во многихъ мѣстахъ прорѣзана каналами, а влѣво отъ Измаила имѣетъ озера и рѣчку Шутъ. Въ 1790 г., когда мы атаковали Измаилъ, островъ былъ совершенно сухой, и потому я думалъ, что онъ будетъ такимъ же и въ 1807 г. Это предположеніе сильно вліяло на всѣ мои планы предстоящихъ дѣйствій къ овладѣнію островомъ и Тульчей, прежде приступа къ Измаилу.

Это доказываетъ, что военному начальнику не только необходимо знать мѣстность, гдѣ происходитъ война, но также и вліяніе времени года на мѣстность и послѣдствія дождливыхъ и сухихъ годовъ.

Въ 1807 г. островъ Четалъ былъ почти совсѣмъ непроходимъ, исключая прибрежной полосы Дуная, гдѣ была проложена дорога, идущая черезъ небольшое возвышеніе, менѣе подверженное наводненіямъ и по почвѣ болѣе твердой, чѣмъ внутренность острова. По этой дорогѣ были построены редуты.

Осада Измаила могла быть произведена только послѣ занятія острова Четала; осада эта, долгая и трудная сама по себѣ, затруднялась еще тѣмъ, что турки всегда могли снабжаться припасами черезъ Тульчу, откуда легко могли прибыть къ нимъ и войска.

Для того чтобы произвести правильную осаду, необходимо имѣть осадную артиллерію, но такъ какъ таковой у насъ не было, то замѣнить ее можно было бы пушками изъ Киліи; но все это возможно было бы только тогда, если бы мы имѣли болѣе рѣшительнаго и предпріимчиваго начальника, чѣмъ Мейндорфъ, который боялся приступа такого противника, какъ Пегливанъ, могущаго взять наши пушки въ траншеяхъ. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ было оставаться передъ Измаиломъ, если взятіе его считалось невозможнымъ?

Между Измаиломъ и Тульчею 18 верстъ, соединяющая ихъ дорога идетъ по побережью Дуная; въ 9 верстахъ отъ города дорогу пересѣкаетъ каналъ, называемый Старо-Дунайскій, черезъ который построенъ мостъ, въ 300 футовъ длины, сдѣланный изъ крѣпкихъ дубовыхъ досокъ.

Полнѣйшій недостатокъ воды также составлялъ одну изъ трудностей осады Измаила со стороны Бессарабіи, и центральный отрядъ.

для того чтобы поить своихъ лошадей, долженъ былъ водить ихъ за 10 верстъ отъ лагеря, къ р. Рапидѣ.

Турки, наученные опытомъ 1790 г., не замедлили укрѣпить ос-въ Четалъ и Тульчу. Они построили: одинъ редутъ противъ лѣвой части Измаила, одинъ направо, противъ р. Рапиды, одинъ ниже и четвертый по рединѣ острова Четала; кромѣ того было построено три редута передъ Тульчей и три вдоль праваго берега рѣки.

Кто знаетъ съ какимъ ожесточеніемъ турки защищаютъ свои укрѣпленія, тотъ можетъ судить, на сколько трудно овладѣть этими десятью редутами.

Не будучи въ состояніи исполнить свой планъ по занятію Тульчи и овладѣнію о. Четалемъ, я задумалъ измѣнить его и предполагалъ: или занять весь островъ Четалъ (это оказалось невозможнымъ по случаю разлитія Дуная) или же, спустившись съ частью флотиліи внизъ по рѣкѣ, утвердиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ Дунай раздѣляется на 2 рукава, верстахъ въ 5—6 выше города. Оттуда я бы могъ силою занять деревянный мостъ на Тульчинской дорогѣ и, такимъ образомъ, отрѣзать всѣ пути сообщенія между этимъ городомъ и Измаиломъ. Я такъ мало сомнѣвался въ успѣхѣ этого предпріятія, что приказалъ приготовить въ Киліи 10 канонерскихъ лодокъ и нагрузить на нихъ 10 восемнадцати фунтовыхъ пушекъ и все необходимое для постройки укрѣпленія вправо отъ города.

Въ 1790 г., наша флотилія, въ которой служилъ и я, не только преградила рѣку передъ Измаиломъ, но еще стали на шпрингъ, въ 40 футахъ отъ того мѣста на берегу, гдѣ стояли 103 пушки и 30 военныхъ судовъ подъ покровительствомъ огня этихъ пушекъ, и оставались тамъ: первый 4 часа, а второй 6 часовъ, отстрѣливаясь огнемъ. То же самое собирался сдѣлать я и въ 1807 году. Но разница та, что въ 1790 г., къ счастью для насъ и къ славѣ Рибаса, у него было только 2—3 офицера императорскаго флота (которые во всѣхъ операціяхъ все-таки вооружали противъ себя Рибаса), а въ 1807 г. командирами судовъ были только эти господа, весьма осторожные и методичные. Я нисколько не стѣсняюсь сказать, что русскіе моряки кажутся какъ будто бы другой націи и служащими другому царю, чѣмъ сухопутные офицеры.

Я оставался въ Киліи до 11 марта. 6-го произошло довольно серьезное дѣло въ Войновскомъ отрядѣ. Турки напали на него съ ожесточеніемъ, но Войновъ былъ не такой человѣкъ, чтобы позволилъ бы побить себя во второй разъ. Собравъ весь свой отрядъ, Войновъ отразилъ нападеніе, хотя и понесъ при этомъ много потерь. Въ этомъ дѣлѣ особенно отличилась кавалерія. Смоленскій полкъ поддержалъ свою славную репутацію, созданную имъ въ польскую

войну 1792—1794 гг. 4 эскадрона этого полка, вмѣстѣ съ четырьмя эскадронами Стародубовскаго полка, храбро напали на турокъ и гнали вплоть до самыхъ валовъ города. Мы потеряли при этомъ подполковника Бреммера, четырехъ офицеровъ и около 80 нижнихъ чиновъ.

Это было одно изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ этой войны, гдѣ кавалерія такъ отличилась. 700 драгунъ напали на 3.000 турокъ и хотя эти послѣдніе потеряли только 150—200 человѣкъ, но Пегливанъ былъ страшно опечаленъ этими потерями, такъ какъ въ числѣ убитыхъ погибли почти всѣ энергичные и предпріимчивые изъ его любимцевъ.

Всѣ три наши отряда были удалены другъ отъ друга, и поэтому явилась необходимость въ укрѣпленіяхъ; тогда начали строить ретраншаменты, которые, увеличиваясь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, мало по малу, образовали изъ нашего лагеря цѣлую крѣпость съ очень глубокими рвами. Численность войскъ также увеличилась. Къ намъ прибыли кирасиры ея величества (которые, впрочемъ, не долго оставались здѣсь), три пѣхотныхъ полка волонтеровъ, кавалерійскій полкъ графа Д'Орурка, два баталіона милиціи, одинъ баталіонъ Алексопольскаго полка, одинъ Нижегородскаго, одинъ Бутырскаго и одинъ Пензенскаго, прибывшаго изъ Хотина; но эти войска замѣстили собой лишь то, что намъ стоили ежедневныя потери и больные. Генералы Хитрово и Ловейко тоже прибыли къ намъ въ лагерь, но они не составили для насъ большаго подкрѣпленія.

11 марта я приказалъ капитанъ-лейтенанту Машину, командовавшему флотиліей, приготовить суда, которыя я предполагалъ поставить передъ Измаиломъ, но онъ не послушался меня, объясняя, что это невозможно, такъ какъ всѣ суда будутъ разстрѣляны и затоплены. Тогда я очень энергично выразилъ ему свое неудовольствіе и отнялъ у него командованіе. Самый старшій послѣ него, кому я собирался передать начальствованіе, былъ тогда мертвецки пьянъ; я посадилъ его подъ арестъ, а самъ обратился къ Мейндорфу, прося его насильно заставить провести флотилію, при чемъ я предложилъ, что самъ проплыву вмѣстѣ съ ней. Мейндорфъ, всегда нерѣшительный и медлительный, никакъ не могъ согласиться на такое приказаніе. Тогда я отправился къ нему, чтобы склонить его на такое рѣшеніе, но онъ потребовалъ отъ Машина письменнаго объясненія. Машинъ выставилъ въ рапортѣ всѣ тѣ причины, которыя заставили его не исполнить моего приказанія; но причины эти, для меня, рѣшительно ничего не значили. Между тѣмъ, Мейндорфъ призналъ ихъ основательными и, несмотря на всѣ мои доводы, я не только не

могъ убѣдить его не раздѣлять заблужденій Машина, но онъ приказалъ мнѣ совершенно отказаться отъ моего плана дѣйствій.

Послѣ этого я убѣдился, что Измаилъ уже не будетъ нашимъ и что я сдѣлалъ большое упущеніе, не приведя въ исполненіе мой планъ взятія Тульчи и рукавовъ Сулина, еще въ январѣ, не ожидая на то разрѣшенія. Исполнить это тогда было легко, теперь же представлялось все больше и больше затрудненій.

И такъ, Мейндорфу оставался только одинъ способъ взятія Измаила, хотя онъ стоилъ бы много крови, но навѣрное бы удался: нужно было выбрать пунктъ атаки и начать наступленіе правильными траншеями, хорошо защищаемыми закрытыми редутами.

У насъ, правда, не было осадной артиллеріи (въ Россіи ея очень мало), а паркъ, находившійся въ Кіевѣ, былъ очень старъ, не имѣлъ полнаго состава и въ данное время исправлялся (онъ присоединился къ арміи только черезъ 2 года), но мы могли замѣнить его, взявъ 24 восемнадцати-фунтовыхъ пушекъ изъ Киліи и Бендеръ, что̀ мы и сдѣлали. Но взявъ 20 пушекъ, мы ихъ помѣстили въ редутахъ и, такимъ образомъ, онѣ служили намъ скорѣе для защиты, чѣмъ для атаки. Лафеты этихъ пушекъ были ужасно скверны, а колеса изъ совсѣмъ сырого дерева, такъ что они были ужасно тяжелы и двигать ихъ стоило неимовѣрныхъ трудовъ.

Я хотѣлъ организовать осадную артиллерію въ Одессѣ, взявъ нѣсколько пушекъ изъ крѣпостей, и герцогъ Ришелье готовъ былъ намъ усердно помогать, но такъ какъ у него не было выработано никакого плана для такой организаціи, а Михельсонъ и Мейндорфъ не воспользовались моей идеей, то она такъ и осталась невыполненной.

Флотилія была расположена вдоль лѣваго берега Дуная, и мы нѣсколько дней оставались спокойны, не высаживаясь на островъ и никуда не двигались. Турки же каждый день производили вылазки, нападая на аванпосты всѣхъ трехъ нашихъ отрядовъ.

12 марта они появились съ 4 орудіями на островѣ Четалѣ и начали обстрѣливать мою флотилію, тогда всѣ суда, отойдя отъ лѣваго берега, также стали обстрѣливать турецкую батарею, желая заставить ее замолчать, а затѣмъ прогнать. Огонь продолжался цѣлый день и даже послѣ того, какъ исчезли турки.

Всѣ мои усилія прекратить этотъ безполезный огонь не имѣли успѣха. Моряки записывали каждый выстрѣлъ, такъ какъ считали, что чѣмъ больше они выпустятъ снарядовъ, тѣмъ больше будутъ имѣть успѣха. Результаты этого мелочнаго тщеславія были тѣмъ болѣе печальны, что у насъ было мало зарядовъ, а многія суда израсходовали даже всѣ свои запасы.

Прибывшій изъ Николаева съ новыми лодками капитанъ-лейтенантъ Попандопуло, грекъ по національности, былъ старше Машина и потому принялъ командованіе флотиліей.

Мейндорфъ, видя, наконецъ, но уже слишкомъ поздно, что необходимо занять Тульчу и устья Сулина, собралъ, на одной изъ канонерскихъ лодокъ, военный совѣтъ, на которомъ присутствовалъ и я. Рѣшеніе совѣта вполнѣ одобрило мое предложеніе, чтобы посадить баталіонъ Бутырскаго полка, подъ командою храбраго маіора Баркова, на 25 канонерскихъ лодокъ и приказать Попандопуло выйти изъ Дуная черезъ Килійскій рукавъ и снова войти въ него черезъ Сулинскій. Редутъ, защищающій Сулинскій рукавъ, долженъ быть взять пѣхотою. Попандопуло былъ хотя и болѣе предпріимчивъ, нежели Машинъ, но все-таки въ немъ недоставало той рѣшимости, какая требовалась для этого предпріятія; да и войскъ для этого было назначено слишкомъ мало. Было бы не лишнимъ назначить еще пять баталіоновъ, которые Мейндорфъ смѣло могъ отдѣлить изъ своего корпуса, но я сдѣлалъ большую ошибку, не попросивъ ихъ у него.

Въ продолженіе всей этой, памятной по своей безразсудности, осады, мы не сдѣлали ни одного разсчитаннаго шага, не имѣли ни одного послѣдовательнаго плана, мы жили событіями дня. Это тривіальное выраженіе вполнѣ представляетъ всю нескладность нашихъ операцій, хотя мы сражались ежедневно.

Попандопуло вышелъ 16 марта, а наканунѣ мы опять перенесли страшнѣйшій ураганъ; если бы онъ продолжался 2 дня, я увѣренъ, мы были бы совсѣмъ занесены снѣгомъ. Въ продолженіе 24 часовъ немыслимо было выйти изъ палатокъ; а въ это время двое турокъ, изъ ведета, что близъ города, вмѣсто того, чтобы возвратиться къ себѣ, попали въ лагерь Засса и произвели довольно комичный переполохъ. Наши солдаты, полузамерзшіе и ослѣпленные снѣгомъ, никакъ не могли отыскать тѣхъ траншей, которыя они должны были занимать.

17 марта турки снова появились на островѣ Четалѣ, противъ нашей флотиліи, и имѣли намѣреніе строить укрѣпленіе; но къ счастью они прибыли днемъ, такъ какъ если бы они выстроили этотъ редутъ ночью и на томъ мѣстѣ, которое они такъ удачно выбрали, тогда я уже никакимъ образомъ не могъ бы оставаться на островѣ, и наша флотилія также должна была отойти. Какъ только я замѣтилъ турокъ, приготовлявшихся работать, я тотчасъ же высадилъ на островъ, волонтеровъ - запорожцевъ съ 3-хъ фунтовыми фальконетами, но турки прогнали ихъ и отняли фальконеты. Тогда я двинулъ на турокъ маіора Бетцеля съ двумя баталіонами Алексо-

польскаго полка и инженернаго поручика Голковича, они выгнали турокъ и отняли у нихъ наши факольнеты, забравъ множество разнаго инструмента [1]).

Наконецъ, 28 марта, я высадился на островъ, вмѣстѣ съ генераломъ Ловейко, двумя баталіонами Алексопольскаго полка и однимъ баталіономъ 11-го егерскаго, подъ командою полковника Сандерса, человѣка храбраго, но нѣсколько сумасшедшаго, однимъ полкомъ волонтеровъ и 300 запорожцевъ. Я утвердился въ 2 верстахъ отъ города, вдоль небольшаго ручья, какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ 20 лѣтъ тому назадъ я соединился съ генераломъ Арсеньевымъ, командовавшимъ отрядомъ, очень много рисковавшимъ передъ осажденнымъ городомъ.

Такъ какъ берега Дуная были покрыты вѣтвистыми деревьями и фруктовыми садами, а середина острова—очень высокимъ камышемъ, мнѣ стоило большихъ трудовъ расчистить все мѣсто вокругъ лагеря, который я окружилъ сильными укрѣпленіями. Въ 800 шагахъ впереди лагеря былъ построенъ редутъ, а въ 250 шагахъ отъ него флешъ [2]). Съ другой стороны Дуная, на болотистомъ берегу, отдѣляющемъ отрядъ Засса отъ рѣки, я выстроилъ новый редутъ, чтобы помѣшать туркамъ спуститься къ рѣкѣ и появиться между мною и Зассомъ.

Флотилія была расположена по обѣимъ сторонамъ рѣки.

Желая изучить мѣстоположеніе середины острова, я отправилъ, 30 марта, маіора Бетцеля съ 300 чел. произвести рекогносцировку. Онъ достигъ большаго моста по Тульчинской дорогѣ, гдѣ напалъ на 50 татаръ, защищавшихъ мостъ, многихъ перебилъ, а остальныхъ заставилъ разбѣжаться. Но вскорѣ я увидѣлъ, что дальнѣйшее движеніе будетъ невозможно, такъ какъ тѣ 10 верстъ, которыя они должны были пройти по колѣна въ водѣ и грязи, доказали мнѣ, насколько трудно попасть на противуположную сторону острова; особенно тяжело и неудобно было тащить съ собою пушки, которыя въ то время были намъ необходимы, чтобы утвердиться на назначенномъ пунктѣ. Другая сторона берега была защищена редутомъ и укрѣпленіями и потому также не была удобна для движенія.

27 марта Сулинъ былъ занятъ. Отправившись въ плаваніе, Попандонуло, 16 марта, былъ уже въ открытомъ морѣ. Ему все время

[1]) Бетцель получилъ георгіевскій крестъ за это дѣло. Заслужилъ онъ его очень дешево, но надо отдать ему справедливость—онъ себя прекрасно велъ.

[2]) Тамъ были помѣщены татары, чтобы помѣшать дезертирству жителей Измаила. Для того же, чтобы попасть въ Тульчу сухопутно, другой дороги не было.

мѣшалъ противный вѣтеръ, такъ что онъ былъ принужденъ высадить Баркова съ его баталіономъ на пустынномъ берегу, между устьевъ Киліи и Сулина. Барковъ, имѣя знакомыхъ среди жителей этихъ мѣстъ, которые могли указать ему дорогу, воспользовался ихъ помощью и двинулся по тростникамъ и кустарникамъ, сильно затруднявшимъ его путь. Проходя черезъ одну изъ покинутыхъ деревень, онъ увидалъ тамъ двѣ маленькія лодки, которыми и рѣшилъ тотчасъ же воспользоваться. Приказавъ перенести ихъ на рукахъ къ Дунаю, на протяженіи 7 или 8 верстъ ниже устья Сулина, онъ въ два дня, на этихъ лодкахъ, переплылъ въ этомъ мѣстѣ Дунай и, не будучи замѣченъ турками, 27 марта, до разсвѣта, направился къ непріятельской батареѣ, находившейся на правомъ берегу. Турки были очень далеки отъ того, чтобы ожидать какого-либо нападенія съ этой стороны; они всѣ были въ кофейняхъ, находившихся въ верстѣ отъ батареи, и совершенно спокойно пили свой утренній кофе. Замѣтивъ нашихъ, они бросились бѣжать къ своей батареѣ, но Барковъ былъ уже тамъ, и прежде, чѣмъ они успѣли предпринять что-либо для обороны, батарея была взята. Ударомъ въ штыки, баталіонъ Баркова положилъ на мѣстѣ 125 турокъ, 154 некрасовца и самого начальника батареи Ибрагима-Агу.

Этимъ подвигомъ Барковъ выказалъ свое мужество, рѣшимость и свой характеръ, замкнутый, но твердый. Баталіонъ велъ себя прекрасно. Офицеры, съ саблями въ рукахъ, первые ворвались на батарею и собственноручно побили многихъ турокъ. Они взяли у непріятеля 8 пушекъ, забрали много плѣнныхъ и освободили 2-хъ русскихъ матросовъ. Матросы эти, два дня тому назадъ, шли на канонеркѣ и были захвачены турками. Начальникъ ихъ, будучи пьянъ, принялъ Сулинское устье за Килійское и, войдя туда, принужденъ былъ сдаться. Турки отправили его, со всѣмъ экипажемъ, какъ плѣнниковъ, сначала съ Измаилъ, а оттуда въ Константинополь, оставивъ при себѣ этихъ двухъ матросовъ съ цѣлію получить отъ нихъ свѣдѣнія о движеніи судовъ на морѣ.

Барковъ въ этомъ дѣлѣ потерялъ только 11 человѣкъ; онъ получилъ георгіевскій крестъ, который трудно было заслужить лучше [1]).

Въ этотъ же день Попандопуло подошелъ къ батареѣ, а 29 марта вошелъ въ Дунай и приблизился къ Тульчѣ. Если бы онъ захотѣлъ

---

[1]) Баталіонъ бутырцевъ взялъ батарею одинъ, безъ всякой помощи со стороны флотиліи; но если ему принадлежитъ честь этого дѣла, то на долю моряковъ досталась вся выгода. Имъ заплатили (очень дорого) за взятыя пушки, смотря по калибру—это уже такой обычай у моряковъ. Попандопуло, получивъ эти наградныя деньги, ничего не выдѣлилъ изъ нихъ для Бутырскаго баталіона.

тамъ быть скорѣе и вообще приложилъ бы къ этому предпріятію больше энергіи, онъ могъ бы захватить Тульчу, такъ какъ турки и не подозрѣвали о нашемъ движеніи, а Тульча не имѣла гарнизона. Замѣтивъ наше намѣреніе, Пегливанъ тотчасъ же отправилъ войска въ Тульчу и, такимъ образомъ, взятіе ея сдѣлалось затруднительнымъ.

По приказанію Мейндорфа, 4 апрѣля, я отправилъ сухимъ путемъ баталіонъ Ладожскаго полка, подъ начальствомъ маіора Афонасьева, на помощь Попандопуло. Чтобы достигнуть цѣли своего движенія, этотъ баталіонъ перенесъ много трудностей; они пробыли очень долго въ дорогѣ, много страдали при переходѣ ручьевъ и болотъ, но все-таки догнали Попандопуло на половинѣ пути, движенію котораго все время препятствовалъ противный вѣтеръ.

Михельсонъ присылалъ мнѣ одно приказаніе за другимъ, предписывая мнѣ занять островъ Четалъ; и всѣ его указанія были правильны и дѣльны, но Мейндорфъ исполнялъ ихъ очень дурно.

Видя, что занятіе Измаила стало невозможнымъ, Мейндорфъ желалъ свалить на меня всю отвѣтственность за этотъ неуспѣхъ. Я былъ въ немилости и вообще мое положеніе было очень не прочно, особенно съ такимъ начальникомъ, какъ Мейндорфъ, который ежедневно присылалъ мнѣ нѣсколько разнорѣчивыхъ приказаній.

Поправшійся отъ болѣзни герцогъ Ришелье прибылъ ко мнѣ, и мы провели нѣсколько дней вмѣстѣ. Однажды, утромъ, когда мы съ нимъ шли съ острова къ лагерю Мейндорфа, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ я по дорогѣ получилъ отъ моего начальника семь приказаній, изъ нихъ въ четырехъ отмѣнялись самыя незначительныя вещи.

Мейндорфъ каждый день составлялъ по 20 проектовъ, изъ коихъ одинъ былъ нелѣпѣе другого. Однажды у него явилась мысль перенести по сушѣ всѣ лодки флотиліи до рѣки Рапиды. Въ продолженіе двухъ дней мы разрабатывали это предположеніе, а на третій оно уже было забыто.

Въ Галацѣ находилось много вооруженныхъ турецкихъ судовъ, взятыхъ нами у непріятеля. Мейндорфъ отправилъ за ними генерала Жерара съ нѣсколькими моряками, имѣя намѣреніе переправить черезъ Дунай цѣлый отрядъ, для движенія на Исакчу и Тульчу. Конечно это былъ проектъ минуты, но изъ всѣхъ другихъ онъ былъ лучшимъ. Суда эти оказались слишкомъ малыми и требующими починки, а потому проектъ былъ заброшенъ, какъ и другіе. Тѣмъ не менѣе, Мейндорфъ потребовалъ девять маленькихъ баркасовъ къ правому флангу своего расположенія; суда эти болѣе исправныя, чѣмъ другія, были готовы въ три дня. Съ этими судами Мейндорфъ хотѣлъ запереть входъ въ Дунай около Исакчи, но это было бы со-

вершенно безполезно, такъ какъ 9 маленькихъ судовъ было недостаточно, чтобы привести въ исполненіе предположенный планъ, и они навѣрное достались бы непріятелю. Правый берегъ Дуная принадлежалъ туркамъ, и они, очевидно, не допустили бы этимъ маленькимъ суденышкамъ держаться на назначенномъ пунктѣ и, при первой возможности, захватили бы ихъ, что̀ они и сдѣлали на самомъ дѣлѣ.

29 марта эти лодочки, подъ начальствомъ мичмана Иванова, подошли къ Измаилу. Турки, высадившись на островѣ Четалѣ, открыли такой сильный огонь изъ пушекъ и ружей, что несчастные баркасы наши должны были сдаться; они были отправлены въ Измаилъ. Самъ Ивановъ былъ опасно раненъ выстрѣломъ изъ ружья. Пегливанъ извѣстилъ объ этомъ Мейндорфа, который сейчасъ же послалъ къ нему хирурга, но Иванова уже нельзя было спасти, и онъ на другой день умеръ.

Черезъ нѣсколько дней возвратился Жераръ, не найдя никакой возможности перейти Дунай у Галаца.

Турки имѣли обстрѣлъ изъ своихъ батарей острова Четаля и, кромѣ того, въ устьѣ Рапиды и на лѣвомъ берегу Дуная они имѣли 2 канонерскія лодки и пѣхотный постъ. Лодки эти часто поднимались вверхъ по рѣкѣ и обстрѣливали правый флангъ лагеря Мейндорфа. Ночью, 2 апрѣля, маіоръ Здекускій (дежурный штабъ-офицеръ при Мейндорфѣ), съ 100 волонтерами, напалъ на этотъ постъ, перебилъ всѣхъ турокъ и захватилъ обѣ лодки съ ихъ пушками.

За это дѣло Здекускій получилъ георгіевскій крестъ. Хотя по статуту онъ и имѣлъ право на эту награду, но при всемъ томъ какъ-то печально было видѣть такой крестъ на его груди.

Мейндорфъ, зная хорошо, на какое далекое растояніе стрѣляютъ турецкія пушки, при томъ способѣ, какъ они ихъ заряжаютъ, расположилъ свой лагерь на разумной дистанціи. Отвести лагерь дальше значило увеличить разстояніе, отдѣляющее одинъ его отрядъ отъ другого, а пространство это и такъ было довольно значительно. Несмотря на это, турецкіе снаряды все-таки достигали до насъ, а снаряды большого калибра нерѣдко даже перелетали нашъ лагерь.

Мейндорфъ былъ ужасно этимъ недоволенъ, но такъ какъ самъ онъ, лично, былъ очень мужественъ, а чувство чести не позволяло ему отодвинуть свой лагерь, то мы, вслѣдствіе этого, въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ, простояли на одномъ мѣстѣ, подвергаясь опасности отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, которые, впрочемъ, не такъ много убили у насъ людей, какъ мы того боялись. Въ началѣ, эти пролетающіе снаряды заставляли молодыхъ солдатъ наклоняться, движеніе весьма естественное для тѣхъ, кто не бывалъ подъ огнемъ,

но затѣмъ къ этому настолько привыкли, что солдаты подъ огнемъ совершенно спокойно обѣдали, учились, играли и бѣгали.

Зассъ, имѣвшій слабость къ монументамъ, придумалъ выстроить какое-то возвышеніе, на которомъ красовался бельведеръ. Послѣ обѣда, онъ поднимался туда, любовался городомъ и курилъ. Это возвышеніе или холмъ, очень широкій въ своемъ основаніи и высокій, въ общемъ, походилъ на Вавилонскую башню въ маленькомъ видѣ. Турки скоро замѣтили этотъ холмъ и выставили противъ него 12 орудій большого колибра. Однажды, когда мы обѣдали у Засса въ палаткѣ, находящейся у подножія холма, семь пролетѣвшихъ снарядовъ потревожили нашъ обѣдъ, но мы все-таки изъ самолюбія не пожелали его прерывать и только обошлись безъ кофе. Вскорѣ Зассъ принужденъ былъ уничтожить свою затѣю, а палатку перенесъ на другое мѣсто. Въ другой разъ снарядъ 24-хъ фунт. пушки пролетѣлъ около самаго моего барака, гдѣ я въ то время игралъ въ бостонъ, а моя жена подавала гостямъ чай. Бомба упала въ 20 шагахъ отъ насъ и какъ разъ по срединѣ, между 20-ти зарядныхъ ящиковъ, наполненныхъ картечью, которые я такъ неосторожно оставилъ въ лагерѣ. Если бы турецкій снарядъ задѣлъ ихъ, что было весьма возможно, то мы бы всѣ были взорваны; но изъ насъ никто не испугался, даже моя жена, часто присутствовавшая на аванпостныхъ стычкахъ, была спокойна; единственно, полковникъ Стенье, командиръ Бутырскаго полка, игравшій съ нами въ бостонъ, такъ перепугался, что запрятался подъ столъ! Весьма остроумная предосторожность, особенно когда снарядъ уже пролетѣлъ. Молодой лѣсокъ, покрывавшій островъ Четалъ, чрезвычайно благопріятствовалъ турецкимъ стрѣлкамъ, которые ежедневно приходили туда и затѣвали перестрѣлку съ нашими егерями.

Отъ моего лагеря до флешн и до редута я устроилъ для прогулки что-то въ родѣ англійскаго парка и когда къ намъ пріѣзжали гости изъ другого лагеря: графъ Венансонъ, Термонте, графъ Рошешуартъ, офицеры генеральнаго штаба, аташе при герцогѣ Ришелье и присланные имъ для службы въ моемъ отрядѣ, мы вели гостей своихъ въ этотъ паркъ, откуда можно было слѣдить за перестрѣлкой. Моя жена ни разу не пропустила ни одной изъ такихъ прогулокъ, и когда она, однажды, идя вмѣстѣ съ нами, взяла подъ руку одного изъ егерей, чтобы перейти ручей, вдругъ спутникъ ея упалъ, убитый наповалъ пулей. На слѣдующій день поручикъ Фрейтагъ получилъ рану въ то время, когда онъ подавалъ ей букетъ, нарванный имъ подъ пулями и ядрами. У насъ также было въ модѣ и считалось хорошимъ тономъ, чтобы при проѣздѣ изъ лагеря Мейндорфа въ лагерь Засса не объѣзжать редуты вокругъ, и

мы обыкновенно ѣздили прямой дорогой, идущей такъ близко отъ Измаила, что намъ рѣдко удавалось проскочить безъ обстрѣла непріятельскими выстрѣлами. Для того, чтобы изъ лагеря Засса пріѣхать на островъ Четалъ, нужно было дѣлать большой объѣздъ, чтобы миновать возвышенности, находящіяся на лѣвомъ берегу острова Четаля, но обыкновенно мы сокращали эту дорогу, пересѣкая болота, которыя, надо сказать, такъ близко примыкаютъ къ городу, что мы были принуждены мчаться галопомъ мимо турецкихъ пикетовъ, въ 30 человѣкъ, которые постоянно въ это время въ насъ стрѣляли. Одинъ разъ они такъ усердно меня преслѣдовали, что я чуть было не попался имъ и спасся единственно благодаря быстротѣ моей лошади. Скача отъ настигавшихъ меня 5 или 6 турокъ, я домчался наконецъ до нашего редута, построеннаго на лѣвомъ берегу Дуная, но офицеръ, бывшій въ редутѣ, никакъ не ожидавшій меня съ этой стороны, сначала принялъ за турка и чуть было не началъ стрѣлять. Всѣ эти безразсудства, достойныя скорѣе молодыхъ волонтеровъ, чѣмъ старыхъ генераловъ, принудили Мейндорфа дать намъ строжайшій приказъ избѣгать этихъ опасныхъ путей.

Измаилъ защищался самыми энергичными разбойниками: Базкіатомъ-агой, Гусейномъ-агой и Джіауромъ Исманомъ (этотъ послѣдній былъ молдованскимъ священникомъ ренегатомъ); эти разбойники, привыкшіе въ продолженіе 20 лѣтъ сражаться между собой, имѣли постоянное желаніе продолжать всякаго рода стычки. У насъ также, стоящіе во главѣ не отличались особымъ благоразуміемъ; Зассъ, Балла, Сандерсъ, Ферстеръ, графъ Д'Олонъ и особенно Войновъ, всѣ они, не будучи казаками, любили иногда принимать ихъ роль; всѣ драгунскіе офицеры также не проводили ни одного дня безъ того, чтобы не начать перестрѣлки съ турками передъ городомъ.

Чтобы начать дѣло съ ними, не нужно многаго: выѣзжали 5 или 6 всадниковъ, за ними около 20 другихъ; наши тоже выходили съ подкрѣпленіями и вскорѣ втягивалось въ дѣло 3—4 тысячи человѣкъ. Такія шутки происходили у насъ каждый день; но все же эти шутки стоили обѣимъ сторонамъ не мало людей. Генералы были всегда среди этихъ головорѣзовъ; но все это не заслуживаетъ похвалы и не достойно подражанія. Въ продолженіе этой осады у всѣхъ было такое приподнятое настроеніе, что я никогда не забуду всѣхъ этихъ глупостей, сдѣланныхъ съ отчаянною смѣлостью и весельемъ. Въ общемъ я могу сказать, что я никогда не проводилъ такъ пріятно время на войнѣ. Въ нашихъ лагеряхъ проживали красивыя женщины, всего у насъ было въ изобиліи, въ каждомъ лагерѣ было много лавокъ, гдѣ можно было найти всевозможные товары; у насъ были и кафе, и бильярдныя, и все это подъ пулями. Хотя нѣсколько

лавокъ и были разрушены, но все-таки желаніе получить побольше барышей заставляло торговцевъ продолжать продавать намъ вино и другіе предметы роскоши и удовольствія, испытывая въ то же время опасность. Женамъ генераловъ и офицеровъ, пріѣхавшимъ къ своимъ мужьямъ, были сдѣланы прелестные бараки изъ тростника и листьевъ, и все это было украшено цвѣтными матеріями и шалями. Задавались ужины, балы, дѣлались визиты, словомъ, жизнь въ лагеряхъ текла совсѣмъ по-городскому. Танцы и игры происходили подъ пулями, и только когда которая-нибудь изъ нихъ пролетитъ слишкомъ близко отъ дамъ, онѣ немного наклоняли головы и затѣмъ, вслѣдствіе своей человѣчности, спрашивали: не убила ли кого эта пуля?

Независимо отъ этихъ стычекъ, на которыя смотрѣли уже какъ на обычное вечернее зрѣлище, въ теченіе лѣта произошло также нѣсколько серьезныхъ дѣлъ.

Въ концѣ марта, турки, узнавъ о прибытіи въ отрядъ Войнова кирасиръ ея величества и не давъ имъ даже времени устроить себѣ прикрытіе, напали на нихъ въ числѣ 3 тысячъ человѣкъ. Нападеніе было такъ неожиданно для кирасиръ, что они едва только успѣли вскочить на коней, какъ турки уже были около нихъ. Но несмотря на внезапность этой атаки, полкъ прекрасно повелъ дѣло. На помощь кирасирамъ прискакалъ Войновъ съ другими полками и, ударивъ во флангъ турокъ, заставилъ ихъ отступить.

Жена командира кирасирскаго полка г-жа Ласкина, желая спастись изъ этой сумятицы, побѣжала къ своему бараку и потеряла свои хорошенькія розовыя туфли, одну изъ которыхъ подняли турки и какъ трофей привезли съ собой въ Измаилъ.

Какъ только Зассъ окончилъ постройку редута передъ лѣвымъ флангомъ своего лагеря, на вершинѣ возвышенностей, окружавшихъ его, турки рѣшили атаковать его, соединивъ всѣ силы своей пѣхоты и кавалеріи. Для защиты редута Зассъ отправилъ 4 баталіона пѣхоты; турки напали на это подкрѣпленіе и заставили отступить къ самому лагерю. Затѣмъ, они ворвались въ лагерь черезъ лѣвый флангъ, менѣе укрѣпленный, чѣмъ центръ и правый флангъ, и самымъ разбойническимъ образомъ стали грабить казачій лагерь. Я въ это время возвращался отъ Мейндорфа и хорошо видѣлъ нападеніе турокъ на лагерь Засса. Такъ какъ онъ самъ въ это время находился въ дѣлѣ, то я принялъ на себя всѣ распоряженія и приказалъ одному баталіону Алексопольскаго и одному Бутырскаго, находившимся въ резервѣ, а также баталіону Нашебургскаго полка двинуться впередъ, на перерѣзъ туркамъ, и атаковалъ ихъ въ штыки. Сумятица была ужасная, но, наконецъ, турки не выдержали и отсту-

пили, оставивъ на мѣстѣ много убитыхъ. Мы также потеряли много народу; генералъ Балла былъ раненъ въ плечо; опасно ранены подполковникъ Будбергъ и маіоръ Корицкій.

4 апрѣля, турки, подъ руководствомъ одного дезертира Нарвскаго полка, на разсвѣтѣ, подошли къ редуту, расположенному въ долинѣ, между лагеремъ Мейндорфа и Войнова, для защиты колодца, бывшаго единственнымъ нашимъ источникомъ, и атаковали его. Къ счастію, защита этого редута, въ этотъ день, была поручена одному капитану Нарвскаго полка съ двумя баталіонами этого же полка. Капитанъ этотъ всегда отличался храбростью и до того былъ осторожен, что его распоряженія всегда вызывали насмѣшки товарищей, никогда не принимавшихъ никакихъ предосторожностей. Дѣйствительность показала, что подсмѣивавшіеся надъ нимъ служили хуже его. Турки, подкравшіеся до редута незамѣченными, бросились на штурмъ вразсыпную, но на редутѣ уже все было готово для встрѣчи ихъ. Они были приняты такъ, что уже не явится у нихъ желанія испытать нападенія во второй разъ. Нѣкоторымъ изъ турокъ хотя удалось взобраться на брустверъ и убить двухъ канонировъ, бывшихъ у пушекъ, но они тотчасъ же были отбиты ударами штыковъ, а затѣмъ, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, должны были отступить. На мѣстѣ нападенія турки оставили 200 убитыхъ. По возвращеніи въ городъ они сейчасъ же умертвили дезертира, предложившаго имъ эту вылазку.

Мейндорфъ, наконецъ, объявилъ мнѣ, что онъ непремѣнно хочетъ отрѣзать туркамъ дорогу въ Тульчу, и для этого я долженъ сначала взять турецкій редутъ, находящійся налѣво отъ города или другой, построенный на Дунаѣ, въ 2 верстахъ ниже перваго. Никто никогда не составлялъ болѣе неразумнаго и невозможнаго по исполненію плана.

Первый изъ этихъ редутовъ былъ расположенъ подъ огнемъ турецкой флотиліи и русской канонерки, взятой въ Сулинѣ. Послѣ взятія его, тамъ нельзя было оставаться безъ того, чтобы не быть разстрѣленнымъ. Для того же, чтобы взять второй редутъ, нужно пройти подъ огнемъ перваго и если предположить, что намъ удастся его занять, то является вопросъ: какими средствами возможно будетъ доставить туда разные жизненные припасы? Турки, отрѣзавъ ту часть острова, которая была затоплена, помѣшали этимъ подать помощь гарнизону редута, и онъ принужденъ будетъ черезъ два или три дня сдаться плѣннымъ.

Я представлялъ Мейндорфу сильнѣйшіе доводы всей безразсудности подобнаго предпріятія и даже отправилъ ему, по этому поводу довольно дерзкій рапортъ, но все было безполезно. Мейндорфъ (ко-

торый, какъ мнѣ кажется, никогда не выказывалъ такой рѣшительной настойчивости, какъ въ этотъ единственный разъ) послалъ мнѣ сказать, что онъ это приказываетъ и хочетъ, чтобы до Пегливана дошелъ слухъ объ этомъ.

Хотя я и сдѣлалъ все возможное, чтобы формально протестовать противъ такого плана, но все-таки я долженъ быть послушнымъ и исполнить это приказаніе, заставившее насъ понести большія потери.

Никогда еще не было болѣе несчастнаго дѣла, а главное—я все это предвидѣлъ и обо всемъ предупреждалъ. Я льстилъ себя надеждою, что по крайней мѣрѣ редутъ будетъ взятъ, и что намъ хватитъ времени срыть его, а на его мѣстѣ поставить пушки; это было все, на что я могъ надѣяться, но и это мнѣ не удалось.

Я поручилъ эту атаку генералу Ловейко (ошибка, за которую можно меня упрекнуть), назначивъ ему: баталіонъ его Алексопольскаго полка, 200 егерей подъ начальствомъ полковника Сандерса и 100 волонтеровъ подъ командой капитана Гельфрейха. Баталіонъ Алексопольскаго полка былъ однимъ изъ лучшихъ во всей арміи; командиръ его, прекрасный солдатъ и настоящій гатчинецъ, обожалъ свой баталіонъ и страшно его баловалъ и портилъ. Прекрасно обученный, этотъ баталіонъ, какъ и всѣ слишкомъ хваленыя и сберегаемыя войска, ничего не стоилъ на войнѣ. Ловейко тоже стоилъ не больше этого баталіона; но тогда я еще сомнѣвался въ этомъ, тѣмъ болѣе, что онъ всегда выказывалъ много усердія.

Наканунѣ этого дѣла, Зассъ, ночью, выдвинулъ къ городу 12 пушекъ, большаго калибра, изъ которыхъ открыли огонь съ лѣваго берега Дуная. Хотя снаряды и долетали до редута, но турки такъ удачно прятались за насыпи, что среди нихъ не было не только убитыхъ, но даже ни одинъ не былъ раненъ.

Мейндорфъ сдѣлалъ мнѣ, однако, замѣчаніе за то, что я не воспользовался этимъ огнемъ, чтобы на слѣдующій день атаковать и занять редутъ. Подобный упрекъ былъ крайне смѣшонъ.

8 апрѣля, въ часъ утра, я собралъ свои войска для штурма. Я заставилъ людей снять тесаки, перевязи, верхнюю одежду и оставилъ при нихъ только по 10 патроновъ, которые они уложили въ карманы мундировъ. Я по опыту зналъ, что во время приступа самое худшее, когда солдаты стрѣляютъ. Зная также, что Ловейко не всегда умѣлъ владѣть собой, я весь вечеръ не упускалъ его изъ виду, но какъ только моя колонна начала свое движеніе, онъ какъ-то ускользнулъ отъ меня и сейчасъ же направился въ свою палатку, гдѣ и выпилъ большой стаканъ водки, совершенно его опьянившій. Сдѣлано это было, какъ онъ говорилъ, для приданія себѣ храбрости; очень жаль, что для этого требуются такія возбуждающія средства.

Когда колонна подошла къ редуту, турки зажгли бочку смолы, помѣщенную на жерди, и черезъ это я понялъ, что мы были открыты. Съ разсвѣтомъ дня, войска атаковали редутъ. Запорожцы довольно живо напали на лѣвый флангъ, но въ это время ихъ начальникъ, молодой Гельфрейхъ, былъ убитъ, и они, безъ своего предводителя, разсыпались въ безпорядкѣ. Егеря ворвались въ редутъ, но къ крайнему своему изумленію нашли тамъ второй ретраншаментъ, заставившій ихъ остановиться. Всѣ турки, находившіеся между этими двумя укрѣпленіями, были убиты, но несмотря на это мы все же не могли перейти это неожиданное препятствіе.

Алексопольскій баталіонъ повелъ дѣло крайне неудачно; хотя офицеры и храбро жертвовали собой только для того, чтобы показать примѣръ, гренадеры все-таки запрятались въ ровъ и скорчившись тамъ стрѣляли на воздухъ, выпустивъ, такимъ образомъ, то небольшое количество патроновъ, которыми я ихъ снабдилъ. Турки же съ своей стороны, оставаясь за брустверомъ, стрѣляли по прицѣлу въ каждаго, кто только отдѣлялся отъ толпы.

Я былъ въ резервѣ, состоящемъ изъ баталіона Бутырскаго полка. Ловейко обратился ко мнѣ за помощью, и я далъ ему двѣ роты, которыя возобновили атаку, но оба капитана были убиты, а солдаты съ большими потерями отступили [1]).

Въ это время я подходилъ съ двумя другими ротами не для того, чтобы начинать новую атаку, отъ которой я не ожидалъ успѣха, но чтобы помочь отступленію своихъ, которымъ я приказалъ такъ поступить вслѣдствіе донесеній, полученныхъ мною отъ Венансона и Рошешуарта; они извѣщали меня о всѣхъ происшедшихъ событіяхъ и сообщали, что турки, въ большихъ массахъ, собираются высадиться на островъ недалеко отъ редута.

Отступленіе произведено было въ большомъ безпорядкѣ. Я собралъ всѣхъ не раненыхъ и построилъ ихъ позади двухъ ротъ Бутырскаго полка, остававшихся у меня въ полномъ порядкѣ, и двигаясь впередъ, такимъ образомъ удержалъ нѣсколько натискъ турокъ. Я собралъ также всѣхъ раненыхъ, но еще имѣвшихъ силы двигаться; остальные же были замучены турками, особенно некрасовцами, самымъ ужаснымъ образомъ. Когда они излили всю свою жестокость на этихъ несчастныхъ, они имъ отрѣзали головы, а тѣла бросили въ Дунай. Я въ продолженіе цѣлой недѣли съ состраданіемъ глядѣлъ, какъ передъ моими глазами плыли эти изувѣченные трупы.

---

[1]) Въ этомъ виноватъ отчасти Ловейко, который, не имѣя ни малѣйшаго военнаго опыта и будучи совершенно пьянъ, вмѣсто того, чтобы атаковать въ колоннахъ, развернулъ обѣ роты и повелъ въ атаку на редутъ захожденіемъ къ центру своихъ обоихъ фланговъ.

Мы взяли 2 знамени—трофеи, стоившіе намъ такъ дорого! Одинъ артиллерійскій офицеръ заклепалъ пушку, но потерялъ ухо, которое ему отрѣзалъ турокъ саблей. Наши потери въ этомъ несчастномъ дѣлѣ заключались: убитыми 8 офицеровъ и 158 солдатъ, ранеными: генералъ Ловейко, 16 офицеровъ и 220 солдатъ, всего 403 человѣка, изъ коихъ 200 было изъ баталіона Алексопольскаго полка. Турки потеряли 200 человѣкъ изъ 600, бывшихъ въ редутѣ; а Мейндорфъ, еще наканунѣ, увѣрялъ, что ему отлично извѣстно черезъ шпіоновъ, что тамъ ихъ не больше 150 человѣкъ.

Подозрѣвая, что такой человѣкъ, какъ Мейндорфъ, способенъ донести на меня, я сознаЛъ, что мнѣ ничего болѣе не остается, какъ оградить себя отъ подобныхъ выходокъ съ его стороны. Для этого я написалъ донесеніе, въ которомъ подробно и точно объяснилъ ему свое поведеніе, а также изложилъ, что онъ, по моему мнѣнію, долженъ былъ сдѣлать. Это донесеніе конечно его очень компрометтировало; онъ почувствовалъ и понялъ, съ какою цѣлью я это сдѣлалъ. Я просилъ его передать мой рапортъ генералу Михельсону, но онъ этого не сдѣлалъ, и Михельсонъ могъ узнать истинное положеніе дѣла черезъ меня нѣсколько времени спустя. Было положительно жутко служить подъ начальствомъ такого генерала, противъ котораго приходилось принимать такія предосторожности.

Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, бывшихъ въ началѣ этой войны, наши офицеры выказали необыкновенныя способности, но иногда я переставалъ узнавать старыхъ солдатъ 1790 г. [1]).

---

[1]) (1827 г.) Но я узналъ ихъ опять въ 1812, 1813 и 1814 гг.; они всегда считались и будутъ считаться лучшими солдатами всей Европы; вполнѣ понятно, что подъ Аустерлицемъ и въ 1807 г. они нуждались въ опытности; они были храбры, но всему удивлялись.

Прежде, русская пѣхота составлялась только изъ великоруссовъ, малороссы же считались негодными для пѣхоты, но прекрасными кавалеристами. Со временъ Павла все было перепутано и въ составъ пѣхоты вошли также: 1) поляки—хорошіе солдаты у себя, но не съ особеннымъ усердіемъ сражавшіеся за Россію; 2) финны, ливонцы, и вся эта смѣсь только портила русскую пѣхоту. Солдатъ утомляли и отвращали отъ службы совершенно безполезными ученьями или заставляли ихъ дѣлать именно то, что обыкновенно не дѣлается, да и не можетъ дѣлаться на войнѣ. Суворовъ—единственный русскій генералъ, высокій геній котораго такъ хорошо зналъ и судилъ духъ своей націи, Суворовъ, на котораго должно смотрѣть какъ на величайшаго генерала, бывшаго когда-либо въ Россіи, практиковалъ свои войска обученіемъ вымышленныхъ сраженій, дѣлавшихъ ихъ непобѣдимыми. Онъ заставлялъ ихъ взбираться на укрѣпленія, производилъ настоящія атаки кавалеріи на пѣхоту, пропуская первую сквозь раздвинутые ряды второй. Эти упражненія были настоящими сраженіями, во время которыхъ нерѣдко бывали и раненые, но за то, такимъ образомъ, онъ пріучилъ своихъ солдатъ

Для отвлеченія вниманія отъ истиннаго направленія атаки на редутъ, я приказалъ сдѣлать сначала фальшивое нападеніе на нижній редутъ.

Порученіе это я возложилъ на Шеліота съ его волонтернымъ полкомъ, состоявшимъ тогда изъ 300 человѣкъ.

Люди эти отступили назадъ, въ городъ, въ страшномъ безпорядкѣ, но Шеліота съ ними не было, и я думалъ, что онъ убитъ.

Дней черезъ десять послѣ этого, мы какъ то замѣтили въ камышахъ вооруженнаго человѣка, съ трудомъ двигавшагося и жалобно стонавшаго. Я приказалъ привести его въ лагерь и, къ нашему удивленію, этотъ человѣкъ оказался Шеліотомъ; онъ былъ раненъ, босъ, съ ранами на ногахъ, одежда въ лохмотьяхъ. Мы ухаживали за нимъ, лѣчили его и, черезъ нѣсколько дней, онъ настолько поправился, что могъ говорить. Исторія, которую онъ намъ разсказалъ, такъ необыкновенна, что я не могу не занести ее сюда.

Онъ разсказалъ намъ; какъ онъ подошелъ къ редуту, когда турки уплыли на лодкахъ, какъ двое татаръ, остававшіеся передъ укрѣпленіемъ, выстрѣлили изъ ружей, и всѣ его волонтеры обратились въ бѣгство. Онъ самъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, гдѣ съ нимъ очень дурно обращались въ продолженіе 6 дней, а главное—очень мало кормили. Встрѣтившись случайно, среди турокъ, съ однимъ татариномъ, которому онъ, нѣкогда, оказалъ какую-то услугу въ Одессѣ, онъ воспользовался его помощью, которую тотъ изъ благо-

---

къ виду войны и выучилъ ихъ, какъ надо брать приступомъ, разсѣиваться, собираться и т. д.

Со временъ же Павла, войска упражнялись только ружейными пріемами, пустяшными, но въ то же время очень утомительными; еще болѣе пустяшной гарнизонной службой и мирными маневрами, гдѣ требовалась геометрическая точность, что̀ на войнѣ конечно немыслимо.

Но если солдаты со временъ Екатерины стали гораздо ниже, офицеры этого періода значительно поднялись противъ прежнихъ. Образованіе въ Россіи сдѣлало большіе успѣхи, и многіе молодые люди, еще до поступленія на службу, въ своей семьѣ проникались идеями образованія, которое, до этихъ поръ, не приходило имъ въ голову. Затѣмъ, во время царствованія Екатерины, всякій болѣе или менѣе достаточный дворянинъ записывался въ гвардію, гдѣ всегда находилось отъ 8 до 10 тысячъ сверхштатныхъ офицеровъ. (См. подробности Русской Арміи). Теперь же въ гвардію принимали только по штату, а остальные дворяне, желающіе служить, принуждены были поступать въ армейскіе полки. Въ настоящее время, во всѣхъ корпусахъ, среди офицеровъ, можно найти молодыхъ людей изъ хорошихъ семей, воспитанныхъ и образованныхъ, тогда какъ прежде встрѣчались только неучи, изъ крестьянъ, просидѣвшихъ 10—15 лѣтъ въ нижнихъ чинахъ и обладающихъ всѣми пороками ихъ происхожденія и общимъ недостаткомъ образованія и принциповъ.

дарности къ нему предложилъ, онъ, ночью, бѣжалъ. 5 дней онъ бродилъ по болотамъ, питаясь однимъ тростникомъ и, наконецъ, онъ набрелъ на нашъ лагерь.

Вся эта исторіи была тѣмъ менѣе правдоподобна, что при немъ оставались его часы и кошелекъ, которыхъ, конечно, турки не оставили бы у него, если бы онъ дѣйствительно находился въ плѣну. Всѣ турки, которымъ я говорилъ о немъ, во время перемирія, увѣряли меня, что они ничего не слышали объ этомъ анекдотѣ; а затѣмъ, что у нихъ принято оставлять нѣсколькихъ плѣнныхъ офицеровъ, будь они ранены или нѣтъ, у себя. Такихъ плѣнниковъ они посылаютъ своимъ начальникамъ, а тѣ уже отсылаютъ ихъ въ Константинополь. Съ другой стороны, какой интересъ былъ Шеліоту мучить себя и, оставаясь безъ пищи, бродить 10 дней по болотамъ. Исторія эта остается загадкою для всѣхъ.

Шеліотъ былъ полякъ, аташе при герцогѣ Ришелье; его братъ завѣдывалъ одной изъ его канцелярій. Это былъ умный и дѣятельный человѣкъ. Онъ получилъ орденъ св. Владиміра и если все, что онъ разсказывалъ, правда, то полученный имъ крестъ пріобрѣтенъ дорогой цѣной.

Неудача этого нападенія очень меня опечалила и привела Мейндорфа въ крайне затруднительное положеніе. Его реляція объ этомъ дѣлѣ была очень тонко запутана, но все же она обманула Михельсона и весь дворъ, и офицеры получили награды.

30 апрѣля, Зассъ захотѣлъ выстроить редутъ передъ своимъ фронтомъ, недалеко отъ города для того, чтобы помѣшать выходить туркамъ. Если бы для этого редута выбрать другое мѣсто, то онъ былъ бы очень полезенъ, но полковникъ Ферстеръ, когда намѣчалъ его, былъ по обыкновенію пьянъ и построилъ его въ верстѣ отъ лагеря и въ 250 футахъ отъ крѣпости.

Въ 6 час. утра турки открыли его и атаковали. Огонь продолжался до 8 ч. вечера. Зассъ выслалъ Нижегородскій и Ладожскій полки въ помощь рабочимъ, которые одни никакъ не могли окончить своей работы.

Эти четыре баталіона были построены въ оврагахъ, бывшихъ прежде рвами городскихъ стѣнъ, и такъ столпились тамъ, что можно было пройти по головамъ солдатъ. Редутъ отстояли; турки потеряли много народа, также какъ и мы, но все это было совершенно безполезно. Зассъ приказалъ срыть этотъ злосчастный редутъ, который лучше бы и не строить.

Во время дѣла, одна турецкая бомба попала въ середину редута; тогда одинъ офицеръ Одесскаго греческаго баталіона, по фамиліи Скори, служившій въ сформированной Зассомъ конной артиллеріи,

бросился плашмя, животомъ, на эту бомбу и, потушивъ собою огонь фитиля, бросилъ ее въ ровъ. Этотъ Скори держалъ въ Одессѣ кабакъ, но храбрости былъ невообразимой! Онъ получилъ Владимірскій крестъ, но по статуту заслужилъ Георгіевскій, который ему не дали изъ-за его ремесла.

Генералъ Мейндорфъ взялъ у меня Ловейко и Алексопольскій полкъ. Онъ хотѣлъ назначить мнѣ, вмѣсто него, Нижегородскій полкъ, но командиръ полка, Хитрово, боялся переправиться въ лодкахъ черезъ Дунай. Вотъ это дѣйствительный храбрецъ!

Мнѣ прислали прекрасный Нашебургскій полкъ, подъ командою генерала Ермолова, человѣка умнаго, хладнокровнаго, храбраго и прекраснаго начальника.

Теперь только Мейндорфъ увидѣлъ, но уже поздно, что нельзя взять Измаила, не занявъ Тульчи. Недовольный Попандопуло, который, какъ онъ находилъ, былъ слишкомъ медлителенъ во всѣхъ своихъ операціяхъ, онъ послалъ на его мѣсто, Микронкова, капитана 2 ранга, недавно прибывшаго изъ Николаева, чтобы командовать флотиліей. Онъ былъ не болѣе предпріимчивъ, чѣмъ другіе, но пожалуй дѣятельнѣе ихъ.

Я далъ ему 2 роты Бутырскаго полка и послалъ ихъ ему по рѣкѣ Шутѣ; этотъ путь я открылъ при помощи одного инженера Голковіуса, очень дѣятельнаго и умнаго офицера.

Рѣка Шута пересѣкаетъ остр. Четалъ, протекая съ востока на западъ, а въ 7—8 верстахъ ниже Тульчи, впадаетъ въ Дунай. Рѣка Шута очень узкая, и берега ея покрыты развѣсистыми ивами, низко склоняющимися надъ водой. Чтобы имѣть возможность проѣхать по рѣкѣ, надо срѣзать всѣ эти вѣтви. Въ пяти верстахъ отъ устья рѣки, встрѣчаются болотистыя озера, соединенныя между собою каналами, которые ведутъ къ самому Дунаю.

Въ 10 верстахъ отъ Дуная, войска высадились у Казачьяго поста, чтобы снова сѣсть на лодки передъ самой Тульчей. Дорога эта и не удобна и не вѣрна, такъ какъ, если бы турки послали по Дунаю или по сушѣ небольшой отрядъ, по направленію этихъ озеръ, то они легко могли бы захватить все, что имъ встрѣтилось. Затѣмъ, путь этотъ самъ служитъ только для маленькихъ лодокъ или рыбачьихъ челноковъ, а для переправы одного баталіона понадобится такихъ лодокъ 50 или 60.

Несмотря на это, я все-таки, мало по малу, переправилъ цѣлый баталіонъ и даже, благодаря ловкости офицеровъ Греческаго баталіона и дѣятельности Черноморскихъ казаковъ, нашелъ возможность снабдить ихъ, въ достаточномъ количествѣ, провизіей. Мнѣ даже удалось перевезти имъ нѣсколько 12 фунт. пушекъ, предварительно

снявъ ихъ съ лафетовъ. Можно себѣ представить всѣ трудности, съ которыми сопряжена была эта переправа! Микронковъ доложилъ Мейндорфу, что онъ не только не можетъ взять Тульчу, но что онъ не можетъ даже и думать объ атакѣ ея (и онъ былъ вполнѣ правъ). Тогда Мейндорфъ послалъ черезъ Шуту генерала Жерара съ баліономъ Бутырскаго полка и полкомъ волонтеровъ, а затѣмъ я прислалъ ему еще два баталіона Малороссійскаго и три Нашебургскаго полковъ и одинъ волонтерный, подъ начальствомъ Ермолова. Вслѣдствіе этихъ передвиженій, мой отрядъ на островѣ сократился до трехъ баталіоновъ, чтò заставило меня уменьшить мой лагерь и сузить защиту укрѣпленій.

Тульча расположена на правомъ берегу внѣшняго рукава Дуная, въ 18 верстахъ отъ Измаила. Она поднимается какъ бы амфитеатромъ вдоль рѣки, и въ верстѣ отъ города тянутся горы, покрытыя лѣсами.

Мѣстоположеніе Тульчи очень живописно; она вся окружена садами и фруктовыми деревьями, тянущимися вдоль Дуная, а немного ниже города находится островъ, также покрытый садами. Около Тульчи Дунай течетъ очень быстро; въ этомъ мѣстѣ имѣются водовороты, которые мѣшаютъ подниматься вверхъ, помимо военныхъ препятствій.

Въ верстѣ выше города, у локтя, который образуетъ Дунай, турки имѣли два хорошо укрѣпленныхъ редута, одинъ въ 5 верстахъ ниже другаго, у раздѣленія рукавовъ Сулина и св. Георгія.

Городъ былъ окруженъ турецкимъ укрѣпленіемъ, а въ серединѣ возвышался каменный дворецъ съ башнями.

Пегливанъ, видя прекрасно изъ Измаила, какъ мы отправляли наши войска, съ своей стороны, дѣлалъ то же самое, но только по болѣе короткой дорогѣ. Такъ какъ Тульча окружена возвышенностями со всѣхъ сторонъ, исключая той, гдѣ течетъ Дунай, Пегливанъ велѣлъ быстро выстроить укрѣпленный лагерь, на плато. Этотъ лагерь соединялся съ городомъ. Въ городѣ находилось до полуторы тысячи войскъ, чего было болѣе чѣмъ достаточно противъ нашихъ предпріятій.

Наша флотилія все болѣе и болѣе увеличивалась; она состояла тогда болѣе чѣмъ изъ 100 судовъ и еще около 60 таковыхъ было около Тульчи; въ числѣ коихъ было 25 канонерскихъ лодокъ Черноморскихъ казаковъ, прибывшихъ съ Кубани и съ Азовскаго моря и имѣвшихъ 12 ф. пушки и 24 ф. каронады. Эти казаки, старые запорожцы, поселились на другомъ берегу Чернаго моря, вдоль рѣки Кубани, которую они такъ усердно защищаютъ съ моря и съ суши отъ черкесовъ. Они находятся подъ вѣдѣніемъ герцога Ришелье и для него

очень полезны. Привыкшіе къ малой войнѣ, которую они постоянно ведутъ съ черкесами, они вслѣдствіе этого храбры, смѣлы и смышлены и, если бы они были съ нами, когда мы подходили къ Измаилу, они бы навѣрное взяли городъ. Жераръ встрѣтилъ флотилію у развѣтвленія двухъ рукавовъ Сулина и св. Георгія, двинулъ ее впередъ, разрушилъ турецкій редутъ, защищающій фарватеръ, и послѣ того подошелъ къ Тульчѣ. Онъ поставилъ флотилію у входа въ городъ, подъ прикрытіемъ о-ва, находящагося на серединѣ Дуная. Онъ также отдалъ приказаніе войскамъ расположиться бивакомъ на островѣ, рядомъ съ флотиліей. Осмотрѣвъ Тульчу, онъ увидѣлъ, что порученное ему предпріятіе далеко не такъ легко, какъ то воображалъ Мейндорфъ. Онъ нѣсколько разъ пробовалъ высаживаться около Тульчи, но всякій разъ безуспѣшно; онъ потерялъ много народу, но все-таки никакъ не могъ утвердиться въ садахъ, гдѣ турки такъ отчаянно защищались. Онъ хотѣлъ высадиться ниже, но въ тотъ моментъ, когда всѣ шлюпки спѣшили къ мѣсту своего назначенія, вдругъ поднялся страшнѣйшій шквалъ, часто повторяющійся на Дунаѣ, и разогналъ всю флотилію. Одна изъ лодокъ, управляемая начальникомъ Черноморскихъ казаковъ, подполковникомъ Поливадовымъ, налетѣвшимъ вѣтромъ была отброшена въ сторону и наскочила на мель. Турки сейчасъ же явились къ ней, взяли ее, убили Поливадова и 40 гренадеръ Ладожскаго полка, оставя въ живыхъ только одного сына Поливадова, молодого человѣка 15 лѣтъ, котораго Пегливанъ увелъ съ собой, и мы его уже больше никогда не видали. Жераръ оставался, такимъ образомъ, около мѣсяца передъ Тульчею, не будучи въ состояніи ничего предпринять. Мейндорфъ былъ въ отчаяніи. Я предложилъ ему поѣхать туда и все осмотрѣть самому; онъ согласился, и 14 мая я уже былъ около Тульчи. Я увидѣлъ, что надежда на взятіе Тульчи положительно немыслима безъ огромныхъ потерь и даже съ этими потерями мало было надежды на удачу. Сначала надо было снести укрѣпленный лагерь, а для этого необходимо высадиться за 15 верстъ ниже, въ рукавѣ св. Георгія, около деревни некрасовцевъ, взять редутъ, только-что построенный турками, затѣмъ дойти до возвышенностей, пройти 20 верстъ, обойти укрѣпленный лагерь и атаковать его по Бабадагской дорогѣ. Въ то же время флотилія обстрѣливала бы городъ, а другой отрядъ атаковалъ бы другіе два редута, построенные выше [1]).

Я и Жераръ сдѣлали всѣ нужныя распоряженія для этой гене-

---

[1]) Почему-то опасались нападенія со стороны турецкой флотиліи на этотъ пунктъ, но это опасеніе лишено всякихъ основаній. Турки не имѣли никакого превосходства на морѣ, и ихъ флотъ, а тѣмъ менѣе флотилія не рискнула бы на это предпріятіе.

ральной атаки, и я поѣхалъ къ Измаилу, чтобы сообщить о всѣхъ своихъ приказаніяхъ Мейндорфу, но его тамъ не нашелъ; вмѣсто него командовать войсками прибылъ самъ Михельсонъ.

Михельсонъ, недовольный Мейндорфомъ и наскучившись этой вѣчной осадой Измаила, прибылъ изъ Валахіи, чтобы посмотрѣть, не будетъ ли онъ счастливѣе своего подчиненнаго, и попробовать исправить его ошибки.

Мейндорфъ уѣхалъ въ Яссы, мотивируя свой отъѣздъ болѣзнею. Михельсонъ, которому я донесъ о позиціи турокъ и о всѣхъ трудностяхъ этого предпріятія, рѣшился отказаться отъ этого плана и вернулъ Жерара и всѣ войска обратно. Часть флотиліи осталась около Тульчи, а другая часть была отправлена къ устью Сулина, гдѣ я приказалъ выстроить сильное укрѣпленіе на лѣвомъ берегу ея. Такъ какъ почва въ этомъ мѣстѣ песчаная и часто затопляема, то постройка этого редута на сваяхъ съ балками и древесными вѣтками стоила намъ очень много труда.

Михельсонъ привелъ съ собой 5 эскадроновъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка и пѣхотный Одесскій полкъ. Онъ размѣстилъ свою главную квартиру на томъ же мѣстѣ, гдѣ была квартира Мейндорфа, и передалъ командованіе лѣвымъ флангомъ генер.-лейтенанту князю Гика, который замѣнилъ Ротова, уѣхавшаго въ Дубоссары навѣстить свою больную жену [1]).

Подъ начальствомъ Михельсона осада, или вѣрнѣе сказать, наше положеніе передъ Измаиломъ, оставалось все по прежнему. Сражались каждый день безъ всякаго смысла и цѣли. Старый маршалъ князь Прозоровскій, прибывшій на югъ Россіи для инспектированія формировавшейся тогда милиціи, находившейся подъ его начальствомъ, пріѣхалъ также и къ намъ въ началѣ іюня, посмотрѣть на эту знаменитую осаду. Его пріѣздъ не понравился Михельсону. Злобный старикашка сильно прохаживался и острилъ на счетъ расходовъ, произведенныхъ Мейндорфомъ и Михельсономъ. Михельсонъ разсердился, и между ними произошла довольно крупная сцена. Прозоровскій хотѣлъ посѣтить всѣ наши отряды и остаться 3—4 дня въ нашемъ лагерѣ, но турки, видѣвшіе какъ подъѣхалъ его огромный экипажъ, выставили всѣ свои пушки, крупнаго калибра, противъ главной квартиры и начали адскую канонаду. Часовой, стоявшій у палатки Михельсона, былъ убитъ. Бомбы со всѣхъ сторонъ падали въ лагерь, и Прозоровскій быстро собрался и на другой же

---

[1]) Это путешествіе было для него роковымъ. Князь Прозоровскій, проѣзжая черезъ Дубоссары, увидѣлъ его и, сознавая важное значеніе порученнаго ему дѣла передъ Измаиломъ, сталъ его подозрѣвать въ неблагородныхъ замыслахъ и никогда не могъ ему этого простить.

день уѣхалъ, говоря, что онъ не для того пріѣхалъ сюда, чтобы быть такъ глупо убитымъ; и онъ былъ правъ.

16 іюня Михельсонъ выстроилъ два редута вправо отъ своего лагеря, противъ рѣки Рапиды. Это доказывало что онъ ожидаетъ сраженія и оно дѣйствительно произошло. Турки толпами вышли изъ своего лагеря и сражались съ нашими въ продолженіе 6 часовъ на равнинѣ. Огонь изъ полевыхъ пушекъ и изъ редутовъ былъ такъ силенъ, что казался одной огневой линіей. Къ вечеру всѣ разошлись къ себѣ, и это совершенно безполезное сраженіе кончилось только тѣмъ, что съ обѣихъ сторонъ убили около 400 человѣкъ. Подполковникъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка Ставровичъ былъ раненъ двумя снарядами, изъ которыхъ одинъ 18 фунт., вырвалъ ему кусокъ бедра, а другой попалъ ему въ правую руку и раздробилъ его саблю, которую онъ держалъ въ это время въ рукѣ. Черезъ три мѣсяца я видѣлъ этого офицера совершенно поправившимся и танцующимъ на балу въ Одессѣ.

24 іюня, въ день ангела Михельсона, онъ велѣлъ произвести генеральную канонаду, на которую турки отвѣтили выстрѣлами изъ всѣхъ городскихъ пушекъ и, такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ совершенно безполезно истратили 2.000 снарядовъ.

25 іюня Михельсонъ велѣлъ выстроить новый редутъ, флеши и траншеи на правомъ флангѣ. Какъ и нужно было ожидать возгорѣлось новое дѣло, очень живое и кровопролитное. Турки напали на работавшихъ; тогда Михельсонъ самъ направился къ мѣсту постройки, взявъ съ собой Бѣлорусскій и Одесскій полки. Командиръ послѣдняго генералъ-маіоръ Ушаковъ былъ раненъ въ бедро. Командиръ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, храбрый генералъ-маіоръ Кутузовъ атаковалъ турецкую конницу и гналъ ее вплоть до самыхъ стѣнъ города. Пѣхота вела себя также достойно. Одесскіе стрѣлки подошли къ лѣвому флангу и собирались завладѣть турецкимъ редутомъ, выстроеннымъ передъ отрядомъ Войнова, и уже покинутымъ турками, какъ вдругъ Михельсонъ далъ приказаніе безъ всякой причины отступать, также какъ онъ, безъ всякой необходимости, вдругъ началъ это дѣло. Задуманный имъ фортификаціонный проектъ былъ внушенъ ему бригадъ-маіоромъ Здекускимъ, и цѣль его, какъ говорятъ, была завязка сношеній. Эти сношенія стоили намъ 400 чел., а туркамъ 600 чел.

Михельсонъ уже раскаявался въ своемъ прибытіи передъ Измаиломъ и попалъ въ такое же затруднительное положеніе, какъ и Мейндорфъ. Онъ вскорѣ увидѣлъ, что взятіе крѣпости было невозможно, а чтобы произвести правильное движеніе противъ Тульчи,

нужно было вызвать новыя войска; но, во-первыхъ, таковыхъ войскъ, которыми мы могли бы располагать, въ Валахіи не было, а во-вторыхъ, одно событіе заставило насъ совершенно измѣнить ходъ дѣла.

Великій визирь, пріѣхавъ въ Силистрію, началъ угрожать, что онъ перейдетъ Дунай; эта неожиданность вывела Михельсона изъ его труднаго положенія и заставила прекратить нашу печальную осаду. Генералы были очень довольны, такъ какъ отъ этой осады они не предвидѣли никакой славы, а напротивъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, вѣроятно должны были ожидать самаго постыднаго отступленія, послѣ 7 мѣсячнаго пребыванія передъ крѣпостью 4 класса, которую Михельсонъ называлъ дурно укрѣпленнымъ мѣстомъ. Онъ былъ совершенно неправъ, но все-таки, по крайней мѣрѣ, это не былъ Гибралтаръ. 27 іюля, князь Никита Волконскій, флигель-адъютантъ государя и состоящій при Михельсонѣ, отправленный 7 недѣль тому назадъ изъ Бухареста въ польскую армію съ двумя депешами государю, возвратился назадъ вмѣстѣ съ однимъ французомъ инженернымъ офицеромъ Геламино [1]). Они привезли намъ роковое извѣстіе и еще болѣе дурное изъ Тильзита. По нѣкоторымъ даннымъ этого мира, мы должны были заключить перемиріе съ турками и очистить провинціи, занятыя нашими войсками. Михельсонъ сообщилъ объ этомъ Пегливану, а г. Геламино, 29 іюля, вмѣстѣ съ поручикомъ Гельмерсеномъ, корпуса инженеровъ, уѣхалъ въ Силистрію, чтобы предупредить великаго визиря. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ осмотрѣлъ всѣ наши траншеи и если онъ дѣйствительно свѣдущъ въ своемъ дѣлѣ, то онъ, вѣроятно, не вынесъ высокаго мнѣнія о талантахъ нашихъ инженеровъ.

Переговоры съ Пегливаномъ окончились обоюднымъ соглашеніемъ на перемиріе и уже въ тотъ же вечеръ весь Измаилъ былъ въ нашемъ лагерѣ; онъ былъ полонъ турками, отъ которыхъ мы не знали, какъ отвязаться. Боснякъ-Ага, Гусеинъ-Ага, Дусіатръ-Иманъ уже не выходили отъ насъ; они очень полюбили нашъ пуншъ, который называли шербетомъ. Только одинъ Пегливанъ ни разу не посѣтилъ насъ. Онъ прекрасно принималъ всѣхъ русскихъ офицеровъ, ѣздившихъ въ Измаилъ (а число ихъ было очень велико), но будучи очень недовѣрчивымъ и подозрительнымъ, онъ не хотѣлъ совсѣмъ оставлять себя въ нашихъ рукахъ.

---

[1]) Теперь (1827 г.) онъ генералъ-лейтенантъ на службѣ у французскаго короля, графъ, посланникъ въ Константинополѣ. Онъ былъ въ Испаніи начальникомъ главнаго штаба арміи, командуемой дофиномъ.

Въ это время великій визирь Мустафа-Чемба переправился черезъ Дунай и разбилъ лагерь у Калараша. Это была превосходная позиція, откуда можно было проникнуть внутрь Валахіи и отрѣзать насъ отъ Бухарестскаго отряда.

Михельсонъ, несмотря на содѣйствіе Геламино, очень опасался такого оборота дѣла и поэтому онъ, 10 августа, взялъ съ собою 3 полка и много артиллеріи и отправился въ Валахію. Наши силы были и такъ уже значительно уменьшены болѣзнями, и мы остались теперь передъ Измаиломъ крайне немногочисленными. Если бы миръ не былъ заключенъ, Пегливанъ ни за что бы не оставилъ насъ въ покоѣ. Михельсонъ послалъ въ Яссы предупредить Мейндорфа о своемъ отъѣздѣ, приказавъ ему возвратиться и принять снова командованіе войсками, находящимися передъ Измаиломъ. До его пріѣзда, я, какъ старѣйшій, долженъ былъ принять это командованіе, но Михельсонъ, имѣвшій секретное предписаніе отъ государя не поручать мнѣ больше одной бригады (я ничего не подозрѣвалъ объ этомъ приказаніи, да оно и никому не было извѣстно), былъ въ очень затруднительномъ положеніи и, наконецъ, рѣшилъ раздѣлить временное командованіе войсками между мной и княземъ Гика. Гика получилъ правый флангъ, т. е. его отрядъ и войска Войнова, а я— лѣвый, т. е. отрядъ мой и Засса. Такъ какъ я не зналъ причины этого страннаго положенія дѣла, оно мнѣ и показалось именно такимъ, какимъ оно и было, т. е. очень смѣшнымъ. У меня съ Михельсономъ, передъ его отъѣздомъ, произошла сцена, которую я конечно бы избѣжалъ, если бы я только зналъ, что онъ не могъ поступить иначе, и что я его видѣлъ тогда въ послѣдній разъ [1]). Къ счастію, чтобы прекратить это раздѣленіе командованія, Мейндорфъ прибылъ черезъ три дня. Онъ встрѣтился по дорогѣ съ Михельсономъ и между ними произошла ужасная сцена, во время которой Мейндорфъ вызвалъ Михельсона на дуэль, она была бы довольно смѣшна между двумя генералами 72 и 60 лѣтъ. Михельсонъ, чтобы покончить

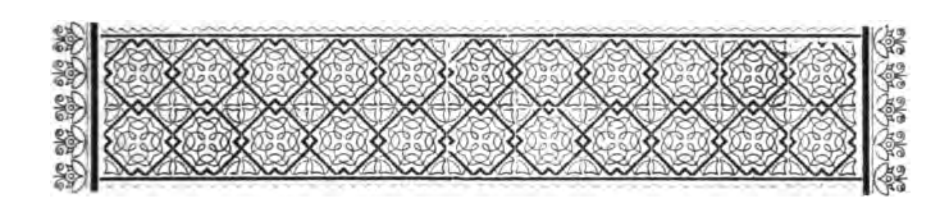
[1]) (1827). Я узналъ объ этомъ приказаніи государя только черезъ 4 года послѣ этого, когда я уже командовалъ арміей. Я нашелъ его въ секретныхъ бумагахъ, которыя я долженъ былъ пересмотрѣть. Я былъ очень удивленъ, что государь меня снова беретъ въ свою армію и не хотѣлъ поручить мнѣ командованіе, на которое я имѣлъ право по своему чину. Если бы Михельсонъ не сохранилъ бы это въ такомъ секретѣ и сообщилъ бы мнѣ это приказаніе, я бы навѣрное тотчасъ же покинулъ Россію и моя судьба была бы иная. Тѣмъ не менѣе, все-таки важно замѣтить, что повелитель поручаетъ въ 1811 году командованіе арміей въ 100.000 человѣкъ такому генералу, которому, въ 1807 г., онъ не хотѣлъ дать бригады.

съ этимъ инциндентомъ, вскочилъ въ свою коляску и уѣхалъ, хотя лошади еще не были вполнѣ запряжены.

Михельсонъ поѣхалъ сначала въ Бузео, но затѣмъ, видя, что со стороны турокъ намъ рѣшительно нечего опасаться и что великій визирь соглашается снова перейти Дунай и возвратиться въ Силистрію, направился прямо въ Бухарестъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Несостоявшаяся дуэль Пушкина въ 1827 году.

Не всѣмъ моментамъ жизни Пушкина посчастливилось у біографовъ и изслѣдователей, и будущему составителю жизнеописанія нашего великаго поэта предстоитъ разобраться въ цѣлой грудѣ матеріала, изъ которой онъ сможетъ извлечь немало интереснаго. Одною изъ наиболѣе выдающихся чертъ Пушкина—простого смертнаго, того Пушкина, который не разъ бывалъ „межъ дѣтей ничтожныхъ міра, быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй“, является бреттерство. О дуэли онъ говорилъ и въ прозѣ, и въ стихахъ, и самъ не разъ появлялся съ пистолетомъ въ рукѣ у барьера и безстрашно смотрѣлъ въ глаза смерти. Судьба щадила его вплоть до роковой пули Дантеса. Исторія столкновеній Пушкина, доводившихъ его до поединка, и всѣхъ его дуэлей была бы очень любопытна,—тѣмъ болѣе, что при изученіи этихъ эпизодовъ жизни поэта становится яснѣе и понятнѣе внутренняя сущность пушкинской натуры, такой бурной и порывистой. Замѣчательно, что годы не вліяли на Пушкина съ этой стороны „остепеняюще“, и незадолго до своей смерти тридцатисемилѣтній отецъ семейства звалъ къ барьеру молодого графа В. А. Соллогуба и юношу С. С. Хлюстина со всей запальчивостью вѣтренаго „кишиневскаго“ Пушкина, готоваго драться когда угодно и съ кѣмъ угодно. Безъ столкновеній прошло у него, кажется, только время его невольнаго уединенія въ Михайловскомъ, вдали отъ общества, хотя и тамъ онъ упражнялся въ стрѣльбѣ въ цѣль, готовясь къ дуэли со своимъ стариннымъ непріятелемъ графомъ Ѳ. И. Толстымъ, извѣстнымъ подъ прозвищемъ „Американца“ (М. И. Семевскій, „Прогулка въ Тригорское“—„С.-Пбургск. Вѣдом.“ 1866 г., № 139). Привезенный изъ деревни въ Москву и представленный государю Николаю Павловичу 8 сентября 1826 г., Пушкинъ въ

тотъ же день вызвалъ на дуэль графа Ѳ. И. Толстого. Этотъ „ночной разбойникъ, дуэлистъ“, какъ охарактеризовалъ его Грибоѣдовъ въ „Горѣ отъ ума“, имѣлъ серьезный поводъ ненавидѣть Пушкина, который еще въ 1820 году написалъ на него злую эпиграмму:

Въ жизни мрачной и презрѣнной
Былъ онъ долго погруженъ,
Долго всѣ концы вселенной
Осквернялъ развратомъ онъ.
Но, исправясь понемногу,
Онъ загладилъ свой позоръ
И теперь онъ, слава Богу,
Только что картежный воръ.

Въ 1821 году Пушкинъ писалъ о немъ (въ посланіи Чаадаеву), что онъ „въ прежни лѣта развратомъ изумилъ четыре части свѣта“, но потомъ „загладилъ свой позоръ, отвыкнулъ отъ вина и сталъ картежный воръ“. Къ счастью для Пушкина, дѣло обошлось безъ поединка съ этимъ замѣчательнымъ дуэлистомъ, отличавшимся необыкновеннымъ хладнокровіемъ и уже не одного противника отправившимъ къ праотцамъ (см. „Русск. Архивъ“ 1865 г., 2-е изд., 1240, 1351). Пушкина и Толстого помирили, и они стали друзьями. Толстой даже былъ сватомъ Пушкина и просилъ для него у Н. И. Гончаровой руки ея дочери.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ столкновенія съ графомъ Толстымъ, и Пушкину снова едва не пришлось драться на дуэли. На этотъ разъ не онъ вызвалъ противника на поединокъ, а самъ былъ вызванъ. Разсказъ объ этомъ эпизодѣ сохранился въ статьѣ М. И. Семевскаго „Къ біографіи Пушкина“, напечатанной въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1869 г., ноябрь, стр. 81—85. Весною 1827 года „Пушкинъ, жившій тогда въ Москвѣ, часто бывалъ въ домѣ князя А. М. Урусова, куда его привлекали радушіе хозяевъ и блестящая красота трехъ княженъ“. Къ одной изъ нихъ, Софіи Александровнѣ (впослѣдствіи княгинѣ Радзивиллъ), относятъ приписываемый Пушкину мадригалъ: „Не вѣровалъ я Троицѣ донынѣ“... Другъ Пушкина князь П. А. Вяземскій не рѣшился признать Пушкина авторомъ этого мадригала („Старина и Новизна“, т. VIII. М., 1905 г., стр. 38) и сообщилъ, что Пушкинъ былъ влюбленъ въ ея сестру, вышедшую замужъ за графа Мусина-Пушкина. Къ одной изъ сестеръ Урусовыхъ былъ—разсказываетъ Семевскій—очень неравнодушенъ „родственникъ княгини Урусовой, артиллерійскій офицеръ С., человѣкъ образованный, хорошо знавшій англійскій языкъ, угрюмый поклонникъ поэзіи Байрона и скромный подражатель ему“. Пушкинъ проводилъ у Урусовыхъ вечера и „бывалъ весьма веселъ, остеръ и словоохот-

ливъ; въ разсказахъ, импровизаціяхъ и шуткахъ бывалъ въ это время неистощимъ". Пушкинъ сблизился съ С., которому подарилъ сочиненія Байрона съ очень дружественною надписью. „Тѣмъ не менѣе, легко было замѣтить, что ревнивый и крайне самолюбивый С., чѣмъ чаще сходился съ Пушкинымъ у князя Урусова, тѣмъ становился угрюмѣе и холоднѣе къ своему пріятелю. Особенное вниманіе, которое встрѣчалъ Пушкинъ въ этомъ семействѣ, и въ особенности вниманіе молодой княжны, предмета сокровеннаго обожанія со стороны С., возбуждало въ немъ сильнѣйшую ревность. Такія напряженныя отношенія должны были привести къ вспышкѣ; она скоро произошла и при томъ, какъ большею частью бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, произошла изъ-за самой пустой причины". Пушкинъ разсказалъ что-то смѣшное о графинѣ Б. Прослушавъ весь разсказъ, С. придрался къ Пушкину:

— Какъ вы смѣли отозваться неуважительно объ этой особѣ?— задорно сказалъ онъ.—Я хорошо знаю графиню, это во всѣхъ отношеніяхъ почтенная особа, и я не могу допустить оскорбительныхъ объ ней отзывовъ.

— Затѣмъ же вы не остановили меня, когда я только начиналъ разсказъ?—отвѣчалъ Пушкинъ.—Почему вы не сказали мнѣ раньше, что вы знакомы съ графиней Б.? А то вы спокойно выслушали весь разсказъ и потомъ какимъ-то Донъ-Кихотомъ становитесь въ защитники этой дамы и берете ее подъ свою протекцію...

Дѣло было въ присутствіи лица, разсказавшаго Семевскому объ этой исторіи, имени его Семевскій не называетъ и обозначаетъ его инціаломъ: „М". На другой день, рано утромъ, къ М. является Пушкинъ и передаетъ ему, что только-что получилъ отъ С. письменный вызовъ на дуэль. Пушкинъ, не медля ни минуты, отвѣтилъ С. запиской:

A l'instant, si vous désirez, venez avec un témoin.

A. P.

15 avr.

Пушкинъ разсказалъ М., что у него уже былъ секундантъ С., Алексѣй Васильевичъ Шереметевъ, и онъ направилъ его для переговоровъ къ М., котораго поэтъ и просилъ быть секундантомъ. Пушкинъ уѣхалъ, и сейчасъ же къ М. явился Шереметевъ; это былъ товарищъ С., тоже артиллерійскій офицеръ. М. рѣшилъ предотвратить грозившую Пушкину опасность и сталъ склонять Шереметева употребить всѣ усилія къ тому, чтобы не дать произойти дуэли. Онъ изобразилъ тотъ позоръ, который падетъ на головы секундантовъ, если поэтъ будетъ убитъ или раненъ, и было рѣшено примирить враждующія стороны. Въ то же утро Шереметевъ при-

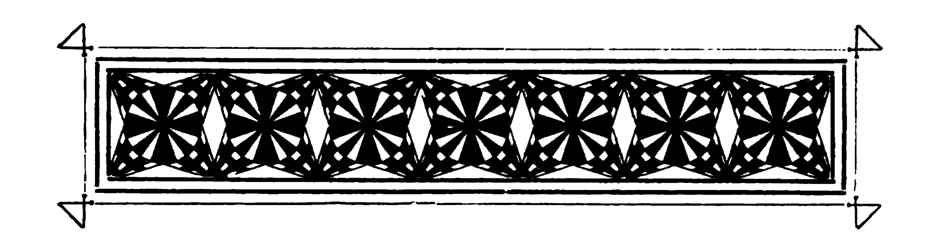
везъ С. къ другу Пушкина, С. А. Соболевскому, у котораго жилъ поэтъ (на Собачьей площадкѣ, въ домѣ Ренкевичевой). Сюда же пришелъ М., и секунданты помирили противниковъ при дѣятельномъ участіи Соболевскаго, угостившаго всѣхъ роскошнымъ завтракомъ. „Русскій Архивъ" однажды спрашивалъ (1894 г., I, 127), ссылаясь на сообщеніе Семевскаго, „какъ звали этого Шереметова, и кто такіе—графиня Б. и гг. М. и С.". Отвѣтъ на первый вопросъ заключается въ самой статьѣ Семевскаго, гдѣ (стр. 84) ясно сказано, что Шереметева звали Алексѣй Васильевичъ.

Противникъ Пушкина С. былъ В. Д. Соломирскій. Приведенная выше записка Пушкина къ нему отъ 15 апрѣля 1827 г., напечатанная еще въ 1869 г., не была внесена издателями Пушкина ни въ одинъ изъ сборниковъ писемъ поэта. Она фигурировала въ 1899 г. въ числѣ экспонатовъ на пушкинской юбилейной выставкѣ, устроенной Академіей Наукъ (см. „Каталогъ" этой выставки, Спб., 1899 г., стр. 1, № 2). П. А. Ефремовъ заявилъ въ своемъ изданіи писемъ Пушкина („Сочиненія А. С. Пушкина", изд. А. С. Суворина, т. VII, Спб., 1903 г., стр. 289), что ему записка къ Соломирскому „была недоступна". М., какъ можно догадываться по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ о пребываніи Пушкина въ двадцатыхъ годахъ въ Москвѣ, его пріятель еще петербургскихъ лѣтъ А. А. Мухановъ, которому онъ иногда писалъ и о которомъ не разъ упоминаетъ въ своей перепискѣ. На вопросъ, кто такая графиня Б., въ слѣдующей книжкѣ „Русс. Архива" (ibid., 286) послѣдовалъ анонимный отвѣтъ, что это—графиня Анна Владимировна Бобринская, рожденная Унгернъ-Штернбергъ. Съ Соломирскимъ Пушкинъ сошелся очень дружески, и они говорили другъ другу ты. (Пушкинъ, впрочемъ, со многими сходился на ты съ непонятною человѣку нашего времени легкостью). Впослѣдствіи Соломирскій жилъ въ Сибири; оттуда онъ писалъ 17 іюля 1835 года („Русск. Архивъ" 1894 г., III, 455—456) Пушкину, который просилъ его собирать свѣдѣнія о Ермакѣ, покорителѣ Сибири. Умеръ Соломирскій сравнительно недавно, надолго переживъ своего геніальнаго противника и пріятеля,—въ 1884 году, не оставивъ по себѣ ничего, кромѣ слабаго слѣда въ біографіи Пушкина.

Исторія пушкинскихъ ссоръ и дуэлей очень занимательна. Она отражаетъ интересныя бытовыя черты давно минувшей эпохи и отчасти рисуетъ ту сѣть подчасъ тяжелыхъ, почти всегда ненужныхъ и безплодныхъ отношеній, въ которой билась и изнемогала душа великаго человѣка.

Н. Лернеръ.

Пережитое [1].

(Отрывочныя воспоминанія за 25 лѣтъ службы).

Въ началѣ 1862 года произошли перемѣны въ личномъ составѣ штаба 2 пѣхотной дивизіи. Капитанъ Ямунтъ былъ уволенъ въ отставку, а вмѣсто него, на должность квартирмейстера, прибылъ причисленный къ генеральному штабу 8 артиллерійской бригады капитанъ Александръ Константиновичъ Гейнсъ (впослѣдствіи губернаторъ, директоръ департамента общихъ дѣлъ министерства путей сообщенія и, подъ конецъ, генералъ не у дѣлъ).—Вмѣсто генерала Довбышева, уволеннаго отъ службы, начальникомъ 2-й дивизіи назначенъ былъ генералъ Захаръ Степановичъ Манюкинъ, прибывшій въ Плоцкъ изъ Житоміра, гдѣ въ то время жила извѣстная дѣвица Пустовойтова, бывшая въ 1863 году адъютантомъ „диктатора“ Лангевича и, какъ говорили, приходившаяся племянницею генералу Манюкину.

Внутри ограды каждаго костела въ Плоцкѣ установлены были статуи Богоматери („Matki Boskiej“), украшенныя цвѣтами и разноцвѣтными лентами, а по вечерамъ освѣщаемыя нѣсколькими фонарями, утвержденными на столбахъ; передъ этими статуями толпы народа (блузники, интеллигентныя лица, дамы иногда элегантно одѣтыя, гимназисты и пр.) при тайномъ а, случалось, и явномъ участіи католическаго духовенства, собирались преимущественно по

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. іюнь.

вечерамъ и, стоя на колѣняхъ, пѣли упомянутые выше революціонные гимны.

На усиленіе мѣстнаго гарнизона прибыли нѣсколько сотенъ 7 Донскаго казачьяго полка, коимъ командовалъ полковникъ Гречановскій.

Безпорядки и безчинства въ городѣ все болѣе и болѣе учащались, но объявленіемъ военнаго положенія почему-то медлили и рѣшительныхъ мѣръ не принимали. Неоднократно были случаи всяческаго глумленія надъ военными на улицахъ, но почти всегда оставались безнаказанными, ибо офицерамъ даже внушалось по возможности не прибѣгать къ дѣйствію своимъ „безобиднымъ“ оружіемъ (тупою полусаблею), дабы не „раздражать беззащитныхъ“ жителей. Случаи глумленія и издѣвательства были напр. слѣдующіе: идущаго по тротуару офицера толкнутъ какъ бы невзначай и не извинятся, бросятъ изъ окна кирпичемъ въ проходящій патруль, „случайно“ выльютъ изъ окна помои на тротуаръ, и попадутъ при этомъ „нечаянно“ въ проходящаго офицера или солдата и т. д.; все это молчаливо терпѣлось до времени, но озлобленіе въ рядахъ войскъ противъ жителей вслѣдствіе этого росло не по днямъ, а по часамъ.

Между прочимъ образована была подъ предсѣдательствомъ городскаго коменданта полковника Позняка слѣдственная комиссія для допросовъ жителей, захваченныхъ во время манифестацій на улицахъ и у костеловъ; членами этой комиссіи было нѣсколько офицеровъ и въ числѣ ихъ нѣкоторое время я, а дѣлопроизводителемъ полковой аудиторъ Залѣсскій, вполнѣ заправлявшій ходомъ дѣлопроизводства комиссіи, члены коей, видя зачастую полную безрезультатность допросовъ, относились къ дѣлу пассивно, аккуратно лишь подмахивая постановленія, при чемъ аудиторъ всегда предусмотрительно предупреждалъ, говоря: „вотъ здѣсь подписывайте, только не запачкайте“. Одно могу сказать—бумаги и чернилъ изведено было много.

Захватятъ, напримѣръ, нѣсколько человѣкъ, замѣченныхъ въ пѣніи у костеловъ революціонныхъ гимновъ, и приводятъ въ комиссію для допроса, начинавшагося конечно сначала на русскомъ языкѣ, при чемъ почти всегда получался отвѣтъ „я ницъ не розумемъ по русску“; тогда волею неволею переходили къ допросу на польскомъ языкѣ, спрашивая: „спѣвалъ ли панъ въ костелѣ „Боже цожъ польска“? на что обыкновенно спрашиваемый—даже съ оскорбленнымъ видомъ—отвѣчалъ: „Бронь Боже, панъ пулковникъ, я спѣвалемъ только модлитвы“. Тѣмъ допросъ сплошь и рядомъ кончался и большинство арестованныхъ отпускалось домой, что конечно не было общимъ

правиломъ и случались частые аресты, основанные на положительныхъ данныхъ [1]).

По примѣру Варшавы расклеены были распоряженіемъ губернатора объявленія, коими указывалось, между прочимъ, жителямъ начиная съ 7 часовъ вечера выходить на улицы не иначе какъ съ фонарями (Latarkami), что конечно и исполнялось, но при этомъ появились самые разнообразные фонари, начиная съ ручныхъ и кончая миніатюрными, прикрѣпленными къ шляпѣ, борту чамарки или къ кожанному поясу, а одинъ мѣстный интеллигентъ, по фамиліи Гинчъ, появился какъ-то на улицѣ, держа на плечѣ длинный шестъ, на верхнемъ концѣ коего висѣлъ обыкновенный большой городской фонарь; придраться нельзя было, и эта глупая выходка осталась безнаказанною. Тѣми же объявленіями воспрещалось жителямъ имѣть огнестрѣльное или холодное оружіе и указывалось немедленно сдавать его въ комендантское управленіе и полицейскіе участки; отобранное оружіе партіями отправлялось въ крѣпость Новогеоргіевскъ.

Бургомистромъ города былъ родовитый шляхтичъ, носившій между прочимъ по тогдашней формѣ каску особаго образца, схожаго съ германскою артиллерійскою каскою; багровое одутловатое лицо его и особенно носъ краснорѣчиво свидѣтельствовали о прочномъ знакомствѣ съ „старою вудкою“ и другими спиртными лекидами; по своей должности онъ имѣлъ не малое значеніе въ городѣ и, лебезя передъ военными властями, во всемъ держалъ руку поляковъ. Губернатора почти никогда не было видно, онъ отсиживался у себя дома и его примѣру слѣдовалъ комендантъ полковникъ Познякъ, посѣщавшій только засѣданія упомянутой пресловутой комиссіи и городскую гауптвахту, гдѣ во время манифестацій обыкновенно и находился, чувствуя себя тамъ въ безопасности.

Выше сказано, что старо-польскіе костюмы (кунтуши съ откидными рукавами) и конфедератки съ прикрѣпленнымъ къ нимъ иногда польскимъ одноглавымъ орломъ, появились во множествѣ и первоначально власти относились къ этому маскараду снисходительно. Припоминаю шутовскую и безцѣльную мѣру, принятую во время одной манифестаціи днемъ на городской площади, гдѣ находилась гауптвахта съ карауломъ отъ Либавскаго полка. По приказанію коменданта начали выхватывать изъ шумѣвшей толпы то того, то другаго, бывшаго въ конфедераткѣ, вели на гауптвахту, гдѣ,—на

---

[1]) Въ концѣ октября арестованъ былъ ксендзъ за возмутительную проповѣдь въ костелѣ; когда его хотѣли отправить въ тюремный замокъ, онъ заявилъ о своей болѣзни; будучи тотчасъ же освидѣтельствованъ, ксендзъ оказался въ сильной степени больнымъ сифилисомъ. (По сохранившемуся письму моему изъ Плоцка 4 ноября 1861 года).

платформѣ,—обрѣзавъ портняжными ножницами углы конфедератокъ,—отпускали по добру по здорову; толпою это было конечно подмѣчено и шутники одинъ за другимъ начали подбѣгать къ платформѣ гауптвахты съ словами, обращенными къ плацъ-адъютанту: „еще мнѣ прòше, пане капитàне“, то есть прося обрѣзать углы конфедератки; эта глупая затѣя желаемыхъ послѣдствій не имѣла и конфедератки продолжали носить безпрепятственно.

Похоронныя процессіи не рѣдко служили поводомъ для манифестацій; появляется, напримѣръ, такая процессія иногда почему-то съ важно шествующимъ во главѣ ея бургомистромъ; все идетъ сначала какъ-будто обычнымъ порядкомъ, мирно, затѣмъ толпа за гробомъ постепенно увеличивается проходящими по улицѣ и приливомъ публики изъ сосѣднихъ переулковъ и улицъ; сверхъ сего, изъ костеловъ по пути, а иногда и изъ частныхъ домовъ выносятся хоругви, знамена и значки краснаго и чернаго цвѣтовъ, съ надписями революціоннаго характера и начинается уже многотысячною толпою пѣніе революціонныхъ гимновъ въ перемежку съ подходящими погребальными молитвами; тогда, по приказанію коменданта, вызывается нѣсколько ротъ и когда это толпою замѣчено, она постепенно рѣдѣетъ, пѣніе революціонныхъ гимновъ разомъ прекращается, знамена и значки куда-то исчезаютъ и налаженная манифестація заканчивается, обращаясь снова въ обыкновенную похоронную процессію. Подобныя затѣи сначала оставляли въ покоѣ, какъ бы по безвредности ихъ, а между тѣмъ бездѣйствіе властей и бездѣятельность вызываемыхъ войсковыхъ частей только увеличивали зло, разжигая страсти и давая поводъ къ повтореніямъ манифестацій.

Наконецъ, въ концѣ октября, къ общему удовлетворенію военныхъ, объявлено было во всемъ царствѣ Польскомъ военное положеніе, развязывавшее руки властямъ и ставившее хотя нѣкоторый предѣлъ дальнѣйшему развитію безпорядковъ и глумленій надъ военными, пока остававшихся въ большинствѣ случаевъ безнаказанными [1]).

На углахъ улицъ расклеены были объявленія, гласившія между прочимъ, что если послѣ троекратнаго барабаннаго боя толпа не разойдется, будетъ употреблено въ дѣло оружіе. По улицамъ круглыя сутки высылались патрули и разъѣзды, но манифестаціи все же не прекращались, хотя и заканчивались обыкновенно скоро, безъ кровопролитія, не считая конечно особо усердныхъ и упрямыхъ манифестантовъ, помятыхъ прикладами солдатскихъ винтовокъ и, случалось, довольно сильно.

---

[1]) На укомплектованіе полковъ до военнаго состава объявленъ былъ призывъ безсрочно-отпускныхъ и они начали прибывать въ Плоцкъ партіями съ половины октября 1861 года.

Съ объявленіемъ военнаго положенія манифестаціи производились за рѣдкими исключеніями всегда одинаково,—по шаблону. Собирается, напримѣръ, понемногу на городской площади сначала небольшая толпа, состоящая частью изъ гимназистовъ, мальчишекъ и пр.; постепенно толпа растетъ и среди нея появляются не только взрослые люди съ дубинами въ рукахъ, но и женщины, иногда щеголевато одѣтыя; то тамъ, то здѣсь начинается гамъ и свистъ и въ сравнительно короткое время не только площадь, но и часть прилегающихъ къ ней улицъ почти запруживаются народомъ, при чемъ шумъ и свистки усиливаются. Тогда вызывается караулъ гауптвахты и спѣшно, иногда даже бѣгомъ, прибываютъ на площадь нѣсколько ротъ съ сотнею или полусотнею казаковъ. Роты располагаются покоемъ, выдѣливъ ½ взводы къ выходамъ изъ прилегающихъ къ площади улицъ.

Наконецъ прибываютъ командиръ полка и упомянутый выше бургомистръ. Губернаторъ обыкновенно въ сихъ случаяхъ отсутствуетъ, а комендантъ, прибывъ на гауптвахту, отправляется въ офицерское помѣщеніе ея, гдѣ и выжидаетъ въ безопасности окончанія манифестаціи. Роты стоятъ, держа ружья у ноги, и солдаты перуругиваются съ выдвигающимися изъ толпы смѣльчаками (коими случались иногда и дамы), удаляя достаточно невѣжливо не въ мѣру ретивыхъ ударами прикладовъ на почтительное разстояніе, при чемъ, офицеры, входя въ положеніе солдатъ, оскорбляемыхъ криками и руганью, а иногда и бросаемымъ щебнемъ, умышленно отворачиваются, какъ бы не замѣчая ударовъ прикладами и, проходя отъ времени до времени вдоль фронта, успокаиваютъ солдатъ, прося манифестантовъ не подходить близко къ строю, за что, конечно, на офицеровъ сыпятся изъ толпы насмѣшки и нецензурныя выраженія, при чемъ крикуны тотчасъ исчезаютъ съ глазъ долой и затираются толпою.

Помню, проходитъ такъ вдоль фронта роты очень малаго роста офицеръ Либавскаго полка Ярошевичъ; вдругъ одна впереди толпы стоявшая дама, указывая на него зонтикомъ, кричитъ: „патшайте, панове якій то купый офицеръ", на что, конечно, сейчасъ же раздался хохотъ изъ толпы и свистки. Послѣ празднаго увѣщанія, бьется наконецъ барабанщиками „дробь", тогда толпа нѣсколько отступаетъ, шумъ стихаетъ, и бургомистръ, стоя возлѣ командира полка, сиплымъ,—очевидно съ перепою,—голосомъ начинаетъ читать по-польски объявленіе о военномъ положеніи, при чемъ чтеніе его прерывается иногда криками и свистками. Барабанщики бьютъ „дробь" вторично, послѣ чего уже самъ командиръ полка, частью по-русски, частью немилосердно коверкая польскія слова, предлагаетъ

толпѣ немедленно разойтись по домамъ, предупреждая, что послѣ третьяго боя „дроби" произведена будетъ стрѣльба, но до этого дѣло, однако, никогда не доходило. Начинаются, къ сожалѣнію, иногда неумѣстные переговоры съ толпою и, въ концѣ-концовъ, шумъ и свистки окончательно прекращаются, манифестанты начинаютъ расходиться, частью подгоняемые казачьими нагайками, площадь пустѣетъ и вызванныя роты, простоявъ на мѣстѣ такъ сказать зря зачастую часъ или болѣе,—возвращаются съ пѣснями въ свои казармы.

Вотъ, въ общихъ чертахъ образчикъ производившихся манифестацій въ Плоцкѣ.

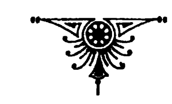
Несмотря на объявленное военное положеніе, подлежащія власти въ своихъ дѣйствіяхъ и мѣропріятіяхъ, все же продолжали быть до нельзя щепетильными и слабыми, что агитаторамъ было вполнѣ на руку; даже войскамъ, вызывавшимся по тревогѣ для дѣйствій противъ толпы манифестантовъ, указывалось отнюдь не заряжать ружей до приказанія. Очевидно, все еще надѣялись на мирный исходъ, ну и дождались—мятежа, вспыхнувшаго спустя полгода.

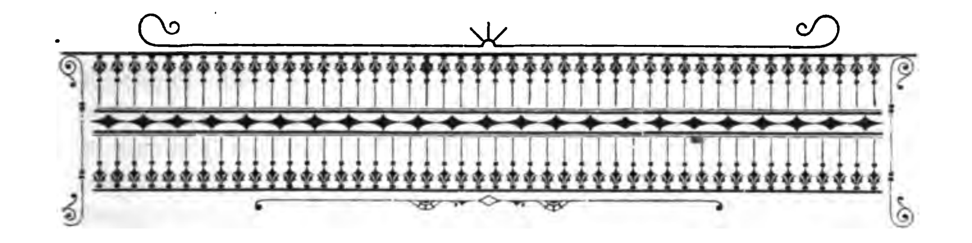
Порядочная сумятица произошла во время одной ночной манифестаціи. Какъ замѣчено выше, солдаты были сильно озлоблены противъ жителей за частые вызовы по тревогѣ, насмѣшки, ругательства и ушибы каменьями, и вотъ, благодаря темнотѣ, вызванныя ночью роты, разгоняя съ площади манифестантовъ, весьма усердно помяли многихъ изъ нихъ прикладами, а кой-кого и штыками; раненые, однако, благоразумно скрылись и умолчали о полученныхъ ранахъ и побояхъ. Впослѣдствіи оказалось, что съ началомъ вооруженнаго возстанія, главные крикуны на демонстраціяхъ разомъ притихли, обратившись въ самыхъ мирныхъ гражданъ.

О возможности мятежа тогда ни у кого и въ мысляхъ не было, а между тѣмъ, какъ событія показали, онъ былъ подготовленъ вполнѣ и не знали лишь тѣ, кому о семъ знать надлежало.

Л. Д.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Безуміе перваго духовнаго публициста.

Въ 1836 г. П. Я. Чаадаевъ обнародовалъ первое свое „философическое письмо“. Эта статья, по выраженію Герцена, потрясла всю Россію и провела черту въ нашемъ разумѣніи о себѣ [1]). Письмо обсуждалось, хотя бы и съ ненавистью большинства къ автору, нарушившему сладкій сонъ самообольщенія. Причина понятна. Онъ увидѣлъ то, чего не замѣчали другіе, и не видѣлъ того, чѣмъ восхищались они. „Въ Москвѣ, конкретно говаривалъ онъ, каждаго иностранца водятъ смотрѣть большую пушку и большой колоколъ. Пушку, изъ которой стрѣлять нельзя, и колоколъ, который свалился прежде, чѣмъ звонилъ“...

Скорѣе другихъ нашло выходъ изъ создавшагося непріятнаго инцидента попечительное начальство. „Появившаяся статья, объясняло оно въ оффиціальной бумагѣ, выраженными въ ней мыслями возбудила во всѣхъ безъ исключенія русскихъ чувства гнѣва, отвращенія и ужаса, въ скоромъ, впрочемъ, времени смѣнившіяся на чувство состраданія, когда узнали, что достойный сожалѣнія соотечественникъ, авторъ статьи, страдаетъ разстройствомъ и помѣшательствомъ разсудка. Принимая въ соображеніе болѣзненное состояніе несчастнаго, начальство въ своей заботливой и отеческой попечительности, предписываетъ ему не выходить изъ дому и снабдить его даровымъ медицинскимъ пособіемъ, на который конецъ мѣстное начальство имѣетъ назначить особеннаго изъ подвѣдомственныхъ ему врача“.

Тотъ же кризисъ, въ ту же переходную эпоху, захватилъ и

[1]) Сочиненіе, т. V, 346.

наиболѣе чуткія натуры изъ среды духовенства. И они съ трепетомъ увидѣли подъ блестящимъ оффиціальнымъ покровомъ церковной жизни „сожженный виноградникъ“. Лишенные же всякой возможности огласить путемъ печати свои думы и чувства, они пытались излить ихъ со всею откровенностью въ полуоффиціальныхъ запискахъ. И что же? Въ необычайномъ ихъ трепетѣ и ужасѣ власти могли лишь съ увѣренностью констатировать ясные признаки душевнаго разстройства.

Для выясненія сущности даннаго кризиса и той обстановки, въ которую попадало тогда пророческое слово, цѣннымъ матеріаломъ можетъ служить „дѣло о священникѣ рязанской епархіи „Бенедиктовѣ“ и о представленномъ имъ на высочайшее имя сочиненіи [1]).

Какъ видно изъ письменнаго объясненія, представленнаго Бенедиктовымъ консисторіи, „въ 1839 году, на седьмомъ году его священства, въ лѣтнее время, возникла у него мысль о многочисленности живущихъ исключительно для плоти христіанъ, невѣдущихъ имени Пресвятой Троицы, незнающихъ о благодатномъ дѣйствіи божественныхъ таинствъ и о христіанской крестной обязанности“. Вслѣдствіе этого онъ, на первый разъ, сталъ собирать приходскихъ юношей и взрослыхъ для наставленія ихъ въ христіанскомъ ученіи и благочестіи.

Однако на этомъ ревность Бенедиктова о просвѣщеніи христіанъ и очищеніи церкви отъ нераскаянныхъ и нерадивыхъ не остановилась. Онъ обратился къ мѣстному преосвященному о разрѣшеніи нѣкоторыхъ пастырскихъ недоумѣній. Осенью же „породился въ немъ страхъ смерти и трепетъ будущей муки“. Въ частности онъ приведенъ былъ въ ужасъ и совершенное самоотверженіе по поводу умноженія въ церкви Божіей нечестивцевъ. Наконецъ, во время зимы, страхъ и ревность увеличились въ немъ до крайней степени слухомъ о появленіи въ мірѣ апокалипсическаго звѣря. Онъ сталъ искать, чѣмъ бы оказать услуги предъ Богомъ прежде кончины. Въ результатѣ „хотя изступленія въ себѣ не ощущалъ, но нечаянно началъ писать о чистотѣ церкви на основаніи св. писанія съ полнымъ самоотверженіемъ“. При этомъ взошло ему на мысль описать все, казавшееся для него неблагопристойнымъ среди членовъ церкви, начиная отъ мелкихъ вѣтвей до самыхъ коренныхъ ея розгъ. Какъ смертнаго грѣха, опасался онъ опустить что-либо и поспѣшилъ свой трудъ представить на видъ „всей высочайшей власти“.

Первое прошеніе объ освобожденіи церкви Божіей отъ скверны было отослано Бенедиктовымъ въ Синодъ въ началѣ 1840 года. Не

[1]) Архивъ Св. Синода 1840 г., 7.

получивъ отвѣта, онъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, дерзнулъ вторично утруждать вниманіе высшей церковной власти своимъ произведеніемъ, подъ названіемъ „Свидѣнія Господни".—Нельзя не привести подробныхъ выписокъ [1]) изъ этого замѣчательнаго по духу ревности сочиненія.

„Спасительная церковь", писалъ Бенедиктовъ, была и будетъ всегда воюема отъ князя міра сего... Были кровопролитныя гоненія,—опаснѣйшее изъ нихъ—Юліаново. Но и подобные волки въ овечьихъ кожахъ не могли истребить церкви, потому что не были впущены чрезъ дверь крещенія и не участвовали въ таинствахъ. Нынѣ же настала война самая опаснѣйшая... Члены церкви нашей, подобно Израилю, предавшись обольщенію князя міра сего, наполнили ее блудницами. Даже самые храмы сдѣлались сборищемъ рядниковъ, надменныхъ невѣждъ, противниковъ и всякихъ любодѣевъ. Пастыри церкви, въ исповѣди всякихъ беззаконниковъ довольствуясь однимъ объясненіемъ и безъ всякаго исправленія, пріобщаютъ ихъ ко всѣмъ таинствамъ...

Хотя истинно и вѣрно, что прощенные на землѣ грѣшники прощаются на небеси, но тогда только, когда кающійся оставляетъ грѣхи... Въ самомъ дѣлѣ, если-бы какой-нибудь царь издалъ извѣстное узаконеніе, и хотя бы этотъ указъ непрестанно повторяемъ былъ чиновниками, но ни сами чиновники его не исполняли, ни нарушителей его не только не наказывали бы, но и царской милости не лишали бы, то вѣдь это послужило бы поводомъ къ совершенному презрѣнію даннаго узаконенія, насмѣшкою надъ нимъ... А вѣдь именно такъ поступаютъ нынѣшніе пастыри съ узаконеніемъ Божіимъ. Проповѣдуютъ слово о любви, о терпѣніи обидъ, научаютъ презирать честь, славу, богатство, но злѣйшихъ притѣснителей человѣчества, изнѣженныхъ, принимаютъ въ члены церкви и въ самомъ храмѣ разряженнымъ рядникамъ даютъ преимущество предъ наготующими.

Если взглянуть на множество единокровныхъ собратій нашихъ въ теченіе всей своей жизни принимающихъ таинства, но до самой смерти лишь въ большую вражду противъ Бога углубляющихся, то какого христіанина сердце не воспалится жалостью о гибельномъ распоряженіи нынѣшнихъ священниковъ? Всѣ великороссійскіе города и веси и каждый человѣкъ въ частности, безъ всякаго исключенія мнимыхъ христіанъ, считаются истинными членами церкви; между тѣмъ вездѣ вражда, вездѣ убійства, пьянство, воровство, же-

---

[1]) Съ незначительными стилистическими исправленіями и съ опущеніемъ множества ссылокъ на св. Писаніе.

стокости, тиранства, пышность, роскошь, игрища, танціи и всякія беззаконія...

Вмѣстѣ съ умноженіемъ и видимымъ просвѣщеніемъ пастырей, повидимому умножается всякое беззаконіе и невѣжество въ членахъ церкви. Стражи дома Божія допускаютъ туда воплощенныхъ чадъ діавола, иногда изъ корыстолюбія, или похвалы, а иногда, можетъ быть, боясь лишиться дневного пропитанія. Собираютъ приданыя дщерямъ своимъ и снаряженіе сыновьямъ своимъ, увеличиваютъ зданія домовъ своихъ, веселясь на всякъ день свѣтло... Обольстившись же духомъ міра, пастыри дѣлаются опаснѣйшими врагами и истребителями истиннаго благочестія „Аще бы врагъ поносилъ“...

Если не прекратится описанное гоненіе благочестія, то все это, какъ молодые листья, предвѣщающіе весну и жатву, будетъ неоспоримымъ признакомъ кончины вѣка. Христосъ обѣщался быть до скончанія вѣка съ облекающими и облеченными въ жизнь крестную, но съ отвергшимися силы истиннаго благочестія быть не обѣщался. Когда мы видимъ окружающихъ насъ смиренными, горняя мудрствующими, а не земная..., мы поистинѣ разумѣемъ, яко съ нами Богъ... Если же имѣемъ образъ благочестія, силы же его отверглись, то, по увѣренію ап. Павла, вѣрно и надежно можно сказать, что Христосъ уже отъ насъ удалился и дни послѣдніе. Христосъ съ Веліаромъ общенія имѣть не можетъ...

Если же бы всѣ такіе беззаконники на своемъ дѣлѣ изгоняемы были изъ храма, и безъ исправленія, т. е. плода покаянія, никогда не были допускаемы до св. таинствъ, то они, видя себя несомнѣнно погибающими, всѣ бы почти устрашась суда огня геенскаго, обратились отъ беззаконія дѣлъ своихъ и спасли бы вѣчно душу свою...

Еще издавна есть опредѣленіе въ нашей церкви, чтобы, когда вторгнется въ храмъ Божій песъ,—хотя по натурѣ животное безгрѣшное, но по свойству своему служащее изображеніемъ злости и ненависти,—для показанія нетерпимости въ храмѣ такого характера,—оный вновь былъ освящаемъ, то именемъ Господа Іисуса Христа всепокорнѣйше прошу ваше святѣйшество повелѣть воплощенныхъ псовъ изгнать изъ дома Божія, и, на основаніи запрещенія Спасителя, запретить строжайше подавать имъ таинства. Если свинья, по натурѣ также животное невинное, но, по свойствамъ своимъ служащее изображеніемъ крайняго невѣжества, жадности и противленія, не терпима въ храмѣ, то благоволите изгнать изъ дома Божія воплощенныхъ свиней, для которыхъ Богъ чрево и слава ихъ въ позорѣ ихъ..., чтобы духъ ихъ былъ спасенъ.

Если же не благоволите на такое очищеніе церкви, то и сами

пастыри вѣчно погибнуть, по слову св. Іоанна Златоустаго: „Надлежитъ и вамъ то же сказать, чтобы вы съ великимъ тщаніемъ и прилежнымъ разсматриваніемъ сіе (т. е. таинства) раздавали. Не малое васъ ожидаетъ мученіе, если вы, зная, что кто-либо одержимъ беззаконіемъ,—къ причащенію трапезы сія приступить допустите: его кровь истязана будетъ отъ рукъ вашихъ.

Переходя затѣмъ къ изображенію свойствъ истинныхъ христіанъ, священникъ Бенедиктовъ пишетъ: членомъ церкви долженъ быть только тотъ, кто отрекся отъ себя, оставилъ похоть плоти, взялъ крестъ свой. Путемъ исполненія заповѣдей Божіихъ мы становимся сынами Божіими, а терпѣніемъ бѣдности, наготы, гоненія за дѣла Христовы—членами Тѣла Его, состраждущими съ Нимъ. Если же этого нѣтъ, присоединяемся къ распинающему Его духу міра сего... „Кто не собираетъ со мною, расточаетъ“. Кто ищетъ богатства и славы отъ человѣкъ, тотъ не принадлежитъ къ членамъ церкви, вѣрующимъ во Христа. Христосъ посылалъ учениковъ на проповѣдь пѣшими, говоря: не стяжите злата... Весьма хорошо въ нашей церкви устроено, что пресвитеры не имѣютъ въ виду никакого пропитанія, но, показывая собою примѣръ терпѣнія и бѣдности, должны уповать на Бога. Свято поступитъ пресвитеръ, если будетъ заботиться исключительно о руководствѣ стадомъ Христовымъ, безъ всякаго за это ожиданія награды и похвалы. Но, если дать пресвитерамъ жалованье, или другое постоянное содержаніе, то въ чемъ же на самомъ дѣлѣ обнаружится ихъ вѣра и надежда на Бога? Въ содержаніи себя и семействъ они тогда будутъ имѣть въ виду данное имъ постоянное содержаніе. „Упованіе же видимое нѣсть упованіе: еже бо видитъ кто, что и уповаетъ“. Не видя, но вѣруя, должно надѣяться на Бога по Его словамъ („ищите прежде царствія Божія и достоинъ дѣлатель мзды своей“). Проповѣдующимъ должно питаться отъ дѣла проповѣди. Истинно просвѣщенные усердіемъ своимъ не оставятъ ихъ безъ пищи и одежды. Пресвитеръ имѣетъ нужду въ строжайшемъ подтвержденіи и надзорѣ: во-первыхъ, чтобы ни за что ни отъ кого не требовать (ибо обучать бѣдности при мздоимствѣ невозможно). Во-вторыхъ, чтобы всякій пріобщаемый св. тайнъ зналъ все, что нужно для христіанина и велъ жизнь въ собственномъ смыслѣ слова по-христіански...

Къ сожалѣнію, однако, многіе изъ пресвитеровъ, не имѣя въ виду ни одного лишь дневного пропитанія и потребностей для семейства, по малодушію своему, оставивъ просвѣщеніе прихожанъ, усиліями и хитростями испрашиваютъ у нихъ мзду земную. Ибо многіе изъ пресвитеровъ не знаютъ, что должность ихъ не какъ должность царя земного: они не должны жить для земной награды,

но для награды небесной, иначе „мзды не имутъ отъ Отца небеснаго“...

Но какъ въ терпѣніи, такъ и въ обращеніи съ прихожанами, словомъ, во всей крестной жизни и просвѣщеніи себя и прихожанъ, пресвитеры имѣютъ нужду видѣть образецъ въ епископахъ. Если и всякій христіанинъ и пресвитеръ, то тѣмъ несравненно болѣе епископъ долженъ служить примѣромъ терпѣнія, примѣромъ бѣдности и поношенія, примѣромъ вѣры и надежды на Бога...,—епископъ, оставившій міръ и удалившійся какъ бы въ пустыню именно для претерпѣнія креста Христова. Епископы должны жить по примѣру Христа, не имѣя, гдѣ главу подклонить. Одежду должны имѣть самую скудную,—пищу самую недостаточную, чужды должны быть всякой земной славы и похвалы. Ибо они, какъ и апостолы, должны во всю жизнь свою терпѣть голодъ, жажду, наготу, страданія, не принимая отъ человѣка никакой мзды и награды.

Если же епископъ, вмѣсто бѣдности и терпѣнія, соблазнится вести жизнь свою въ пышности и честолюбіи, то во всемъ христіанствѣ ослабѣетъ духъ креста Христова. „Писано бо есть: поражу пастыря и разыдутся овцы стада“. Если духъ міра овладѣетъ душею епископовъ, то они будутъ буи и слѣпы... Скажутъ, что епископы, живя въ пышности и чести, не прилагаютъ къ сему сердца. Но посему и блудникъ скажетъ, что не прилагаетъ сердца къ блудницѣ и пьяница къ вину. И богатый юноша не примѣчалъ въ себѣ пристрастія къ богатству, но, когда небесный Врачъ повелѣлъ ему расточить его, то онъ отыде скорбя...

Если вдовый пресвитеръ, для избѣжанія соблазна, не имѣетъ права держать въ домѣ своемъ молодыхъ женщинъ, то не соблазнительнѣе ли для всѣхъ христіанъ самому епископу публично величаться пышностью и знаками отличія, общими князьямъ вѣка сего? Если всякій, имѣющій двѣ одежды, долженъ отдать неимущему, то не беззаконно ли епископу проѣзжать въ пышной каретѣ между угнетенными христіанами? Не стыдно ли образцу христіанства проходить въ дорогихъ одеждахъ между нагими. Если тѣсенъ путь ко спасенію, то какъ можетъ быть терпима въ самыхъ епископахъ такая жизнь, на которую и самые сластолюбивѣйшіе изъ воплощенныхъ князей міра сего съ полнымъ желаніемъ согласятся...

Если епископы, безсемейные, примѣромъ своей жизни не показываютъ терпѣнія бѣдности и вѣры въ Бога, то какъ могутъ они налагать все это на пресвитеровъ и прочихъ, связанныхъ семействами и въ сравненіи съ ними членовъ нѣжнѣйшихъ... Поистинѣ о пышныхъ епископахъ можно сказать, что они возлагаютъ бремена тяжкія и неудобоносимыя, увѣщеваютъ пресвитеровъ къ терпѣнію,

сами же расширяютъ хранилища своя, украшаютъ воскрилія ризъ своихъ, во внѣ являются человѣкомъ праведными, внутри же полны лицемѣрія и беззаконія. Если закваска фарисеевъ возобладала епископами, то въ комъ безквасіе? Это уже или: Богъ страждетъ, или конецъ міра наступаетъ. Если сами епископы, дыша сребролюбіемъ, самые приходы для пресвитеровъ дѣлаютъ не должностью паствы, но имѣніемъ, даже наслѣдственнымъ..., то это означаетъ совершенное удаленіе и уничтоженіе истинныхъ пастырей, пекущихся о спасеніи душъ христіанскихъ... Если судебныя, военныя и другія мірскія должности, по смерти исправляющаго ихъ въ качествѣ имущества не достаются оставшимся послѣ него сиротамъ, то какъ можно должность пресвитера,—труднѣйшую и необходимѣйшую изъ всѣхъ мірскихъ должностей, предоставлять не для исполненія, а для корысти земной дѣтямъ малолѣтнимъ... Какое разореніе церкви! Если гдѣ не нуженъ пресвитеръ или причетникъ, то онъ никогда не нуженъ. Если же нуженъ, то какъ можно оставлять безъ пастыря овецъ, при томъ ради земного интереса?.. Этимъ епископы рѣшительно доказываютъ пресвитерамъ, что обязанность ихъ состоитъ не въ просвѣщеніи душъ человѣческихъ, но въ обогащеніи себя земною мздою. Посему достойнѣйшимъ, по ихъ мнѣнію, ввѣряютъ не больнѣйшихъ овецъ, но даютъ приходы богатѣйшіе.

Истинный епископъ, подобно Іисусу Христу, непрестанно врачуетъ и исцѣляетъ всѣхъ страждущихъ различными недугами, изгоняетъ духовъ словомъ и не воспрещаетъ приходить къ себѣ для возложенія рукъ всѣмъ, даже и младенцамъ духовнаго возраста, не на лица взирая. Онъ не только приходящихъ къ нему больныхъ принимаетъ, но и самъ ходитъ по домамъ, собираетъ расточенныхъ овецъ Христовыхъ и обвязываетъ ихъ струпы, трудясь подобно волу молотящему. Пресвитеровъ же не только безъ доклада принимаетъ во всякое время и даетъ имъ потребное наставленіе, но и часто посѣщаетъ ихъ домы, подавая житейское наставленіе, подобно Христу, омывшему ноги, остерегаетъ ихъ отъ частнаго малѣйшаго проступка и помогаетъ имъ въ трудахъ ихъ служенія, совѣтуя имъ, какъ друзьямъ своимъ истиннымъ. А посему и исповѣдываться пресвитерамъ надлежало бы у своихъ епископовъ.

Но, если епископъ, подобно свѣтскимъ князьямъ и судіямъ, не только не ищетъ больныхъ и расточенныхъ овецъ, но и приходящихъ къ нему овецъ и даже самихъ пресвитеровъ не только безъ доклада и долговременнаго ожиданія не допускаетъ предъ лице свое, но и прошенія о исцѣленіи, наставленіи и просвѣщеніи душъ, какъ пресвитеровъ, такъ и овецъ, всегда оставляетъ безъ вниманія и представленныя ему вѣдомости о душахъ, гибнущихъ въ отдаленіи

отъ Бога, оставляетъ безъ разсмотрѣнія; безъ доклада и во всякое время принимаетъ только пышныхъ, воплощенныхъ князей міра сего, совѣтуясь съ ними, какъ съ друзьями своими истинными о пышностяхъ міра сего, и занимается одною лишь формою судебныхъ дѣлъ..., то это не истинный пастырь Христова стада,—но, въ отношеніи къ обращенію съ людьми, онъ воплощенный князь міра сего, а въ отношеніи къ церкви—фармазонъ, лицемѣрно-вѣрующій. Когда епископъ своею резолюціею запрещаетъ пресвитеру заботиться о болѣзни душъ человѣческихъ и повелѣваетъ оставлять ихъ безъ всякаго вниманія, то, значитъ, заставляетъ пресвитеровъ, по примѣру своему, домогаться только пышности міра сего, пріобрѣтать богатства и заслуживать знаки отличія отъ человѣкъ. „Оле пастыри! Се млеко ядите и волною одѣваетеся и тучное закалаете, а овецъ моихъ не пасете: изнемогшаго не подъясте, и болящаго не уврачеваете, и сокрушеннаго не обязасте, и погибшаго не взыскасте и крѣпкаго оскорбисте трудомъ и властію наказасте я съ поруганіемъ“.

Таковые епископы весь животъ свой не Христу Богу предали, но блудницѣ—князю міра сего. Когда они, проѣзжая по епархіи, собираютъ вмѣстѣ множество пресвитеровъ и причтовъ, и, спрашивая отъ нихъ знаніе закона и проходя молчаніемъ незнающихъ, не обращаютъ никакого вниманія на души христіанъ, заѣзжая лишь въ домы богатѣйшихъ для пированія, то подобный объѣздъ ихъ подаетъ христіанамъ только большій повсемѣстный соблазнъ своею пышностью и пированіемъ. Христіанинъ, живущій въ отдаленіи отъ верховнаго пастыря, вождя христіанства, никогда бы не видалъ примѣра, въ чемъ состоитъ истинное христіанское благочестіе. Если епископъ пресвитера, незнающаго закона Божія, проходитъ молчаніемъ, то этимъ доказываетъ, что никому изъ христіанъ не нужно знанія закона. Развѣ пасутъ пастыри самихъ себя, не овецъ ли пасутъ пастыри? Военачальники осматриваютъ ли командировъ? Не солдатъ ли осматриваетъ военачальникъ? „Но такъ какъ нѣтъ пастырей и не искали пастыри овецъ моихъ, но пасли самихъ себя, а овецъ моихъ не пасли, то вотъ Я на пастырей, и взыщу овецъ моихъ отъ рукъ ихъ; отставлю ихъ отъ паствы овецъ моихъ, и отниму овецъ моихъ изъ устъ ихъ, и болѣе не будетъ имъ на изъяденіе“.

Заканчивались „Свидѣнія Господни“ такимъ грознымъ пророчественнымъ словомъ:

„Слезно объяснивъ настоящее разореніе церкви, пока не постигъ насъ гнѣвъ Господень, именемъ Господа Нашего Іисуса Христа, всепокорнѣйше прошу Св. Прав. Синодъ вашимъ благораспоряженіемъ уничтожить въ церкви всѣ указанныя беззаконія и установить порядки, направленные къ соблюденію ея чистоты и непорочности.

Если же сего не благоволите сдѣлать, то не дайте мнѣ жить и смотрѣть на таковое разореніе церкви. Повелите вмѣстѣ съ тѣломъ Христовымъ предать тѣло мое на растерзаніе псамъ и любодѣямъ, „да не причащуся грѣхомъ ихъ и отъ язвъ ихъ да не повредится душа моя". (Апок. XVII). Невозможно твари быть покойной, видя Творца страждущимъ, а особенно намъ, мнимымъ членамъ тѣла Его. Если солнце „лучи потаило, и земля трепещущи тряслась, и камни распадались, и мертвецы не улежали: то какъ умолчать и стерпѣть живому, если сердце его не будетъ тверже камня? Если безразсудная тварь ужасомъ многимъ содрагалась, то какъ стерпитъ разумная? Если оставите все это безъ разсмотрѣнія, то не премину всеподданнѣйше просить великаго монарха, не приложитъ ли онъ равноапостольныхъ трудовъ для очищенія запаленнаго винограда Христова, пока Богъ не отъялъ огражденіе его и не далъ въ разграбленіе народу лицемъ безстудну, яко львамъ".

Какъ первое, такъ и второе посланіе Бенедиктова были препровождены Синодомъ на заключеніе тогдашняго рязанскаго епископа Гавріила съ предписаніемъ „обратить вниманіе какъ на сочиненіе, такъ и на сочинителя, поступивъ съ нимъ далѣе по своему благоусмотрѣнію". Гавріиломъ, для составленія подробнаго отзыва, былъ учрежденъ трибуналъ изъ духовныхъ особъ - членовъ консисторіи— Ильдомскаго, Тихомірова и Родосскаго.

Судьи-рецензенты нашли слѣдующее. Бенедиктовъ, во-первыхъ, погрѣшаетъ противъ догматовъ вѣры, утверждая, что церковь должна состоять только изъ однихъ чистыхъ и безгрѣшныхъ... Говоря, что святость существа Божія ограничивается грѣхомъ или что грѣхъ положитъ конецъ безконечной Его благости, Бенедиктовъ погрѣшаетъ противъ ученія о Богѣ, представляя Его существомъ ограниченнымъ въ своихъ безконечныхъ свойствахъ. По существу Богъ не ограниченъ... и не можетъ ограничиться... Во-вторыхъ, Бенедиктовъ говоритъ противъ уставовъ православной церкви, требуя публичнаго наказанія или степеней покаянія и изгнанія изъ церкви всякаго согрѣшившаго. Сіе противно 14 пункту регламента, и св. Василій Великій запрещаетъ явными творить согрѣшившихъ. Въ-третьихъ, авторъ поступилъ вопреки своей грамотѣ, коей обязанъ онъ въ неудоборазрѣшимыхъ случаяхъ обращаться къ своему архіерею, а онъ безразсуднымъ сочиненіемъ утруждаетъ Св. Синодъ, миновавъ свое непосредственное начальство. Наконецъ, въ-четвертыхъ, вопреки своему долгу и званію пастыря церкви, онъ съ самонадѣянностью и дерзостью судитъ объ уставахъ самой церкви, о распоряженіяхъ духовной власти и власти верховной.

Допуская, что догматическія заблужденія Бенедиктова, перечисленныя въ первомъ и второмъ пунктахъ, требуютъ лишь вразумленія, соединеннаго съ испытаніемъ въ монастырѣ, члены консисторіи гораздо строже судили о второй группѣ его проступковъ. Что же касается, писали они, до третьяго и четвертаго пунктовъ, то онъ, Бенедиктовъ, подлежитъ суду, какъ нарушитель своихъ обязанностей, какъ дерзкій и самонадѣянный оскорбитель власти. А такъ какъ въ православномъ священникѣ трудно предполагать незнаніе первыхъ обязанностей своего званія и дерзкое, самонадѣянное сужденіе о распоряженіяхъ духовной и верховной власти: то, можно думать, что Бенедиктовъ писалъ сочиненіе не въ здравомъ умѣ и совершенномъ сознаніи. Къ этому же ведетъ и одностороннее сужденіе его о Богѣ, котораго онъ представляетъ только святымъ и нигдѣ не называетъ Его милосердымъ къ грѣшникамъ, сіяющимъ солнце свое на злыхъ...

Будучи вызванъ въ консисторію и изложивъ приведенныя выше обстоятельства и мотивы составленія „Свидѣній", Бенедиктовъ, по словамъ консисторскаго протокола, такъ заключилъ свое объясненіе. Самыя непріятныя для власти выраженія и мысли, казавшіяся для него сходными съ духомъ св. писанія или съ духомъ древней христіанской апостольской церкви, онъ болѣе, чѣмъ что другое, страшился не помѣстить, опасаясь грѣха противъ вѣры, какъ умолчанія или утонченія св. писанія, духа древней церкви и долга самоотверженія... Почему и нынѣ въ непреложности всего писаннаго ручаться не можетъ. Но, прибѣгая къ богобоязни всей высшей власти, всепокорнѣйше проситъ все, изъ написаннаго имъ, найденное несходнымъ съ св. писаніемъ и духомъ чистоты и непорочности первенствующей церкви, истребить и его въ томъ благоснисходительно вразумить. Отъ найденнаго же сходнымъ съ св. писаніемъ и духомъ древней церкви, онъ, будучи одержимъ страхомъ Божіимъ, отказаться предъ Богомъ не можетъ. Но таковыя истины желаетъ утвердить, если угодно, лишеніемъ всего земного спокойствія и даже жизни.

Въ результатѣ, консисторія постановила: „священника Бенедиктова, какъ сомнительнаго въ правомысліи, удалить отъ занимаемаго имъ мѣста и отослать на полгода въ архіерейскій домъ для вразумленія двумя духовниками. Епископъ Гавріилъ утвердилъ это опредѣленіе, добавивъ съ своей стороны, что помѣщенныя Бенедиктовымъ клеветы на пастырей, дерзкія сужденія и укоризненныя выраженія о властяхъ духовныхъ... показываютъ въ немъ или разстройство умственныхъ способностей или жестокость сердца его безъ свойственной пастырю кротости, поддерживаемую въ немъ опасными

заблужденіями и прельщеніями. Но, подвергнутый испытанію въ архіерейскомъ домѣ, Бенедиктовъ, по отзывамъ духовниковъ, не обнаружилъ ничего вольномысленнаго и дерзновеннаго, отличался образцовымъ поведеніемъ, въ словахъ показалъ себя скромнымъ и къ завѣдыванію приходомъ благонадежнымъ.

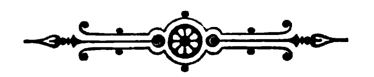
Въ концѣ же срока испытанія экономъ архіерейскаго дома имѣлъ удовольствіе заявить въ своемъ рапортѣ: Что же касается до сочиненія, то онъ (Бенедиктовъ), во время нахожденія въ архіерейскомъ домѣ, почувствовавъ свои погрѣшительныя сужденія, самъ нынѣ признаетъ ихъ несогласными съ правилами церкви, и при томъ писанными въ разстроенномъ отъ болѣзни духѣ и необдуманно, о чемъ искренно жалѣетъ и подаетъ несомнѣнную надежду, что впредь ничего подобнаго съ нимъ не случится.

Дѣйствительно, Бенедиктовымъ было подано и прошеніе, въ которомъ онъ просилъ простить его въ злонамѣренной дерзости, относительно прошеній, поданныхъ въ Св. Синодъ и на имя его императорскаго величества,—написанныхъ послѣ болѣзни, разстроившей силы его тѣлесныя. Сознавался онъ, что помѣстилъ въ нихъ много излишнихъ, несообразныхъ и даже дерзкихъ сужденій.

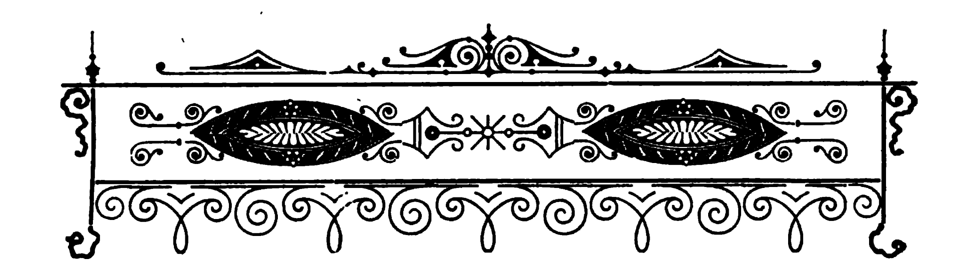
Ввиду такого раскаянія Бенедиктова, епархіальная власть нашла возможнымъ предоставить ему другой приходъ, оставивъ его лишь на годъ подъ надзоромъ благочиннаго. Синодъ согласился, съ порученіемъ, однако, благочинному имѣть за нимъ бдительный надзоръ, не ограничиваясь годичнымъ срокомъ, но и далѣе, на неопредѣленное время.

Трудно возстановить подлинную психологію этого возвращенія отъ „разстроеннаго болѣзнью“ пророчествующаго духа въ нормальное, обыденное состояніе. Очень возможно, что пророкъ убоялся, смалодушествовалъ. Однако, принимая во вниманіе тогдашнія условія, сковывавшія проповѣдь живого слова, остается лишь повторить то, чѣмъ Герценъ защищалъ соблазнявшее другихъ малодушіе знаменитаго въ свое время Полевого: Признаюсь вамъ, писалъ онъ Чернышевскому, въ слабости: когда я читалъ, какъ Полевой говорилъ Панаеву о томъ, что онъ, обремененный семьей, боится квартальнаго, я не смѣялся, а чуть не плакалъ [1])...

Ал. Котовичъ.

[1]) Т. V, 347.

Къ исторіи Грузіи.

Печатаемые при семъ документы относятся къ положенію дѣлъ на „Кавказской линіи“ въ началѣ 19-го столѣтія, а именно къ тревожному на „линіи“ 1804 году, когда „Кавказской линіею“ управлялъ ген.-лейт. *Глазенапъ* [1]), а въ Закавказьѣ начальствовалъ князь *Циціановъ*.

Гражданское и военное управленіе этихъ частей Кавказа было тогда еще раздѣлено, и обѣ части находились въ независимомъ другъ отъ друга положеніи.

Послѣ персидскаго похода графа *Зубова*, командующимъ войсками на линіи нѣкоторое время оставался графъ *Гудовичъ*, а въ 1798 г. назначенъ графъ *Морковъ*, счастливо соединявшій разумъ съ геройскимъ духомъ,—„храбрый и непобѣдимый офицеръ“, по свидѣтельству самого *Суворова*. Графъ *Морковъ* благоразумно повелъ было дѣло и уже продвинулъ кордонъ за р. Малку, но впалъ въ немилость императору Павлу, былъ отставленъ и замѣненъ ген.-лейт. *Кисилевымъ*; за Кисилевымъ быстро слѣдовали князь *Ураковъ* и *Кнорринъ 2-ой*.

Къ счастью, въ этотъ періодъ частой смѣны начальниковъ на линіи было еще сравнительно спокойно.

Съ появленіемъ за Кавказомъ князя Цициіанова, перенесшаго резиденцію въ Тифлисъ, 13 ноября 1803 г. начальникомъ кавказ-

---

[1]) Печатныя данныя о Глазенапѣ и эпохѣ его дѣятельности на Кавказской линіи имѣются въ журналѣ „Славянинѣ“ за 1827 годъ, № XXV, стр. 412, письма отъ 18 и 25 мая (18 мая къ генералу В. изъ лагеря въ Кабардѣ на р. Чегемѣ) и № XXVI, стр. 447, письма отъ 2 и 6 іюня и за 1828 г., № XI, стр. 104, письмо отъ 16 авг. того же 1804 года.

С. Новонеселовъ въ своемъ трудѣ—жизнеописаніе ген.-лейт. Г. И. Глазенапа—пользовался главнымъ образомъ этими источниками — письмами, превосходно рисующими бытъ и боевую подготовку кавказской арміи того времени.

Наконецъ слѣдуетъ сослаться еще и на труды В. А. Потто, начиная съ исторіи Нижегородскаго драгунскаго полка.

ской линіи былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Григорій Ивановичъ Глазенапъ, прошедшій отличную школу Екатериненскихъ войнъ, при образованіи, соединявшій разумное отношеніе къ дѣлу съ твердостью и рѣшительностью.

Григорій Ивановичъ Глазенапъ принадлежалъ къ лифляндскому дворянству, родъ его вышелъ изъ Помераніи (одна линія этого рода носила графское достоинство), родился въ 1751 году, получилъ блестящее по времени образованіе и въ 1764 году (на 14-мъ году возраста) поступилъ на службу рядовымъ въ 3-й гренадерскій полкъ, въ тотъ же годъ произведенъ въ сержанты, а въ 1770 въ прапорщики съ переводомъ въ Симбирскій мушкетерскій полкъ, въ строю котораго участвовалъ въ турецкой кампаніи подъ начальствомъ Румянцева, сражаясь при „Рябой могилѣ", Ларгѣ и Кагулѣ. Въ 1773 г. Глазенапъ переведенъ въ лейбъ-кирасирскій полкъ, продолжая участіе въ кампаніи вплоть до Кучукъ-Кайнарджинскаго мира, послѣ чего получаетъ чины—ротмистра и сек.-маіора, а съ 1789 г. принимаетъ участіе во второй турецкой войнѣ, командуя отдѣльными отрядами у различныхъ начальниковъ и, въ томъ числѣ, у своего дяди извѣстнаго Михельсона, получивъ въ 1792 г. чинъ подполковника.

Перемѣнивъ затѣмъ попеременно службу въ Орденскомъ кирасирскомъ, Нѣжинскомъ карабинерномъ и Ямбургскомъ кирасирскомъ полкахъ, Глазенапъ въ 1797 году производится въ полковники и въ генералъ-маіоры.

Назначенный въ 1799 году шефомъ вновь сформированнаго своего имени полка, Глазенапъ, за его расформированіемъ, въ 1800 г. уволенъ со службы.

Въ 1800 г., Глазенапъ вновь принятъ на службу „съ состояніемъ по арміи", а 30 марта назначенъ шефомъ Нижегородскаго драгунскаго полка, о сформированіи котораго изъ пяти эскадроновъ Нарвскаго драгунскаго полка въ тотъ же день состоялось Высочайшее повелѣніе, при чемъ новому полку повелѣно состоять на Кавказской линіи.

13 ноября 1803 года Глазенапъ назначенъ инспекторомъ кавалеріи Кавказской инспекціи и командующимъ линіею и войсками, тамъ расположенными, съ оставленіемъ шефомъ Нижегородскаго драгунскаго полка.

Переѣхавъ изъ Екатеринограда въ Георгіевскъ, Глазенапъ всецѣло отдался устройству обширнаго края, служа своимъ подчиненнымъ образцомъ неутомимой дѣятельности, содержа войска въ той высокой степени боевой готовности, которую самъ характеризовалъ въ требованіяхъ „сторожкости, недреманности, искусныхъ стрѣлковъ и наѣздниковъ".

Въ распоряженіи Глазенапа было 4 пѣхотныхъ и 4 драгунскихъ полка и сверхъ того,—Терско-Семейное, Кизлярское, Гребенское казачьи войска и 4 линейныхъ казачьихъ полка, къ которымъ онъ самъ вскорѣ присоединилъ еще 5-й, имъ вновь сформированный Кавказскій полкъ, образованный имъ изъ вновь имъ заселенныхъ остатками Екатеринославскаго казачьяго войска станицъ—Темишбеевской, Казанской, Ладовской и Тифлисской.

Трехлѣтнее управленіе Глазенапомъ линіею было полно тревогъ

и боевыхъ опасностей и достойными его помощниками, начальниками опредѣленныхъ кордонныхъ участковъ, были извѣстные тогда на Кавказѣ своими боевыми подвигами полковые командиры—Мейеръ, Лихачевъ и Сталь [1]).

Нижеслѣдующіе документы заключаютъ въ себѣ 1804 годъ и рапортъ Глазенапа Государю Императору отъ 16 авг. превосходно обрисовываетъ положеніе дѣлъ на Кавказской линіи.

Здѣсь онъ говоритъ объ единодушіи всѣхъ горскихъ народовъ, объ агитаціи, распространяемой среди мусульманъ; упоминаетъ о поднявшемъ возстаніе Адиль-Гиреѣ, о его подвигахъ и суровой жизни; объ удаломъ Дударукѣ, которому покровительствуетъ самъ грузинскій царевичъ Александръ. Положеніе наше оказывается незавидное, и онъ проситъ подкрѣпленія войсками. Всѣ прочіе документы, относящіеся приблизительно къ тому же времени, связаны со слѣдующимъ рапортомъ Глазенапа на Высочайшее имя. Посланный генераломъ Глазенапомъ въ Грузію отрядъ подъ командою генералъ-маіора Несвѣтаева, дойдя до деревни Бальты, не могъ продолжать пути въ виду того, что получилъ извѣстіе о прибытіи съ большимъ войскомъ грузинскаго царевича Парнаоза, который прислалъ ему письмо, прося „возвратиться туда, откуда прибыли". Письмо царевича Парнаоза, печатаемое съ оригинала и въ переводѣ, представляетъ довольно любопытный документъ, такъ какъ указываетъ на истинныя отношенія къ Россіи царствовавшей династіи и ту степень подчиненія, которую могъ допустить по отношенію къ себѣ грузинскій народъ. Письмо маіора Казбека подтверждаетъ фактъ прибытія грузинскихъ войскъ. Всѣ эти документы—рапортъ генерала Несвѣтаева и письма царевича Парнаоза и Казбека, генералъ Глазенапъ представилъ на Высочайшее воззрѣніе. Въ дополненіе къ этому—онъ прилагаетъ письмо анапскаго паши Селима-Гусеина (въ подлинникѣ и переводѣ) и переводъ на него своего отвѣта. Послѣдніе документы проливаютъ свѣтъ на отношенія между двумя государствами—Россіей и Портою Оттоманскою, а сдержанный тонъ и замалчиванія Гуссеина-паши предательски вскрываютъ то мѣсто, гдѣ зарыта собака. Отдѣльно отъ послѣдняго донесенія генерала Глазенапа стоитъ рапортъ шефа Казанскаго мушкетерскаго полка генералъ-маіора Мейера. Послѣдній доноситъ генералу Глазенапу о результатѣ своей экспедиціи на р. Малку, что также имѣетъ свой интересъ, такъ какъ генералъ Мейеръ со всѣми подробностями описываетъ весь ходъ экспедиціи, имѣвшей благопріятный исходъ.

Ред.

---

[1]) Въ 1804 г. войска Кавказской линіи составляли слѣдующія части: *Казанскій*, Суздальскій и Вологодскій пѣхотные, 16-й егерскій и Нижегородскій, Борисоглѣбскій, Владимирскій и Таганрогскій драгунскіе полки; линейные казачьи—Моздокскій, Волжскій, Хоперскій и Кубанскій полки, къ которымъ, впослѣдствіи, присоединился еще и Кавказскій. Генералы Мейеръ и Лихачевъ командовали, первый Казанскимъ и второй — 16 егерскимъ, а полковникъ Сталь — Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ.

Копія.

Его Императорскому Величеству

Инспектора кавалеріи Кавказской инспекціи генералъ-лейтенанта Глазенапа.

РАПОРТЪ.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше имѣлъ счастіе доносить 6-го числа сего мѣсяца, что я отправилъ въ Грузію два Донскіе полка, шесть мушкетерскихъ ротъ, двѣ роты артиллеріи и пятьсотъ старыхъ вооруженныхъ рекрутъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Несвѣтаева; съ количествомъ сего войска они должны пробиться сквозь всѣ ущелія отъ великихъ засадъ, облегающихъ ту дорогу бунтующими народами, и, конѐчно, достигъ бы скоро желаемаго предмета, и какъ я полагалъ въ 20 дней, но дошедъ до деревни Бальты, откуда прислалъ ко мнѣ рапортъ, что обстоятельства въ горахъ становятся теперь не тѣ отъ пришествія съ великими войсками грузинскаго царевича Парнаоза, который прислалъ ему письмо, и вмѣстѣ съ онымъ прислалъ и маіоръ Казбекъ, которыя Вашему Императорскому Величеству съ рапортомъ генералъ-маіора Несвѣтаева всеподданнѣйше оригиналами, а грузинскія и съ переводами представляю. Ваше Императорское Величество простите моей дерзости, что я всякое до меня доходящее свѣдѣніе открываю, я есть вѣрноподданный Вашъ и имѣю священный долгъ ничего предъ Вами не таить, можетъ быть извѣстія маіора Казбека о войскахъ подъ Эриванью не справедливы, но я давно не имѣю свѣдѣнія ни отъ генерала-отъ-инфантеріи князя Циціанова, ни отъ генералъ-лейтенанта князя Волконскаго о положеніи Грузіи; посланные отъ меня шпіоны съ Высочайшими повелѣніями Вашего Императорскаго Величества и прочими депешами въ Грузію и давно бы должны возвратиться, но о сю пору ко мнѣ не прибыли, и о сю пору неизвѣстенъ я, прошелъ ли благополучно Донской полкъ Рышкина съ осемьюдесятью рекрутами по Куртацкой дорогѣ, отправленный изъ Владикавказа подполковникомъ Максимовичемъ, по предписанію генералъ-лейтенанта князя Волконскаго; въ прочемъ распоряженіе мое объ отрядѣ генералъ-маіора Несвѣтаева осталось таково, что я послалъ ему провіантъ и когда онъ имъ достаточно запасется, слѣдовалъ бы наипоспѣшнѣйше къ Тифлису.

Безпокойства по линіи Кавказской отъ кабардинцевъ, закубанцевъ и прочихъ народовъ о сю пору продолжаются, но всякое ихъ

покушеніе стоитъ имъ дорого. Малочисленность войскъ на линіи столь велика, что гарнизонами распоряжаюсь по постамъ граничнымъ, и что останавливаетъ въ скорости привесть все въ успокоеніе, я нетерпѣливо ожидаю полкъ, Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ команду мою изъ Крымской инспекціи назначенный— Троицкій мушкетерскій, тогда приступлю къ успокоенію закубанцевъ и наказанію ихъ за дерзость, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія Вашего Императорскаго Величества вмѣстѣ съ содѣйствующими мнѣ десятью полками Черноморскаго войска.

По Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, полученному мною 23 числа настоящаго мѣсяца, приготовилъ я въ Грузію въ команду генералъ-лейтенанта князя Волконскаго Таганрогскій драгунскій полкъ, Ваше Императорское Величество повелѣли мнѣ отправить его немедленно, сказавъ, что коммуникація должна быть открыта съ Грузіею, но какъ еще свободной дороги нѣтъ, то и не смѣю подвергнуть гибели какъ людей, такъ и лошадей, а особливо лошадей—по неимѣнію въ ущеліяхъ фуража, тогда я поспѣшу отправить его, когда пройдетъ съ отрядомъ генералъ-маіоръ Несвѣтаевъ, долженствующій открыть коммуникацію съ Грузіею, что сопряжено съ великою трудностью.

Ваше Императорское Величество взамѣнъ драгунскаго полка повелѣли мнѣ требовать полки отъ Донского войска, теперь долженъ открыть предъ Вами, что Донское войско, особливо вновь пришедшіе полки, отъ неимѣнія хорошаго вооруженія да и лошадей противъ здѣшнихъ народовъ, упражняющихся всегда въ военномъ дѣйствіи, совершенно неудобны, кромѣ какъ въ успокоеніе содержать кордонъ и то при каждомъ нападеніи всегда бываетъ важный уронъ съ нашей стороны однихъ только Донскихъ казаковъ, какъ неимѣющихъ особливой способности дѣйствовать противъ здѣшняго народа; тѣ только полки хороши, которые прослужили здѣсь два года и, будучи всегда въ военной практикѣ, изъ необходимости исправились сами хорошимъ вооруженіемъ.

Открывъ теперь хотя вкратцѣ положеніе Грузіи чрезъ слухи, можетъ быть и невѣрные, Вашему Императорскому Величеству дерзаю донесть, что чрезъ могущій несчастный случай войскъ грузинскихъ нужно принять на линіи сильныя мѣры, чтобъ содѣйствовать Грузіи. Сейчасъ получилъ я письмо отъ Анапскаго Гусеинъ-паши въ отвѣтъ на мое ему отношеніе, о которомъ я имѣлъ честь доносить Вашему Императорскому Величеству; при семъ случаѣ всеподданнѣйше осмѣливаюсь подносить оное въ оригиналѣ, изъ содержанія коего усматриваю я явиую понаровку Закубанскому народу и что онъ въ письмѣ своемъ на мои пункты ни слова не упоминаетъ,

говоря объ одной вольности того народа, но не пишетъ, что они взяты отъ насъ вооруженною рукою Закубанцами, какъ народомъ, живущимъ подъ покровительствомъ Оттоманской Порты; не пишетъ и о тѣхъ наглостяхъ, которыя дѣлали Закубанцы, въѣзжая въ великихъ силахъ на нашу сторону, убивали людей, оттоняли скотъ. Въ доказательство представить могу Вашему Императорскому Величеству и то, что и присутствіе присланнаго отъ паши чиновника Закубанскому народу ни чуть не умѣряетъ ихъ наглости, они ни мало не разъѣзжаются, а стоятъ въ великихъ силахъ на противной сторонѣ и не отлагаютъ своего намѣренія о нападеніи въ границы наши для произведенія хищничества и для выгона силою остальныхъ ногайцевъ, нехотящихъ послѣдовать ихъ желанію. Въ обязанности поставляю поднести у сего Вашему Императорскому Величеству мой отвѣтъ пашѣ Анапскому на письмо его.

Обязаннымъ долгомъ поставляю здѣсь присовокупить Вашему Императорскому Величеству и то, что усмиреніе дерзновенности Закубанскаго народа неминуемо надлежитъ выполнить такъ, чтобъ войскамъ непремѣнно переправиться за рѣку Кубань.

Подписалъ: генералъ-лейтенантъ Глазенапъ.

Въ благополучномъ Георгіевскѣ, Кавказской губ. Сентября 25 дня 1804 г.

Господину генералъ-лейтенанту и кавалеру Глазенапу.

Шефа Саратовскаго мушкетерскаго полка, генералъ-маіора Несвѣтаева.

РАПОРТЪ.

По повелѣнію Вашего Превосходительства отрядъ сего сентября 13-го числа ко мнѣ прибылъ, а именно: двѣ роты артиллеріи, 6 ротъ Казанскаго мушкетерскаго полка, въ коихъ не болѣе числомъ, какъ 500 человѣкъ, рота Владикавказскаго гарнизона, двѣ партіи рекрутъ въ 500 человѣкъ и два казачьихъ полка; со всѣмъ вышеозначеннымъ отрядомъ выступилъ я, съ первой половиной онаго, сего же мѣсяца 17 числа, прибылъ подъ деревню Бальта, а 19 числа намостивъ два моста, по намощеніи оныхъ сдѣлалъ отрядъ изъ трехъ ротъ Казанскаго мушкетерскаго полка при г. маіорѣ Непопаловѣ и изъ 600 казаковъ донскихъ и линейныхъ съ г. полковникомъ Быхоловымъ при трехъ орудіяхъ, которыя съ крайнимъ трудомъ и немалымъ урономъ Бальтинское ущелье отъ хищниковъ очистили, которые имѣли по обѣимъ сторонамъ ущелья великія засады, состоящія изъ народовъ, какъ-то: тагаурцевъ, мапальцевъ и жараховъ,

коихъ неминуемо по очищеніи уже сего ущелья должно истреблять. Здѣсь же прилагаю къ Вашему Превосходительству полученную мною бумагу отъ грузинскаго царевича Парнаоза, прибывшаго уже съ войсками къ Казбеку, равно и письмо отъ маіора Казбека, по которымъ обстоятельствамъ изволите видѣть—можно ли мнѣ дѣлать скорый маршъ, гдѣ неточію остановка отъ мостовъ и отъ трудныхъ проходовъ, но и отъ вящаго удержанія превосходящихъ противъ меня хищническихъ силъ. При первомъ очищеніи Бальтинскаго ущелья ранено: г. маіоръ Непопаловъ, Донскаго казачьяго подполковника Аханова полка хорунжій Кузнецовъ, Казанскаго мушкетерскаго полка рядовой 1, казакъ убитъ 1, ихъ же ранено 14 человѣкъ. На таковыя обстоятельства и медленный проходъ до Тифлиса взято со мною провіанта было только на 20 дней, изъ коего уже вышло на три, а остается на 17 дней, но какъ видно по обстоятельствамъ, чрезъ прибытіе съ войсками царевича Парнаоза, неминуемо слѣдуетъ мнѣ около Казбека или еще Ларса имѣть весьма важное дѣло въ разсужденіи его большого количества войскъ, а болѣе всего трудныхъ проходовъ, чтобъ не обезпеча себя доставкою довольнаго количества провіанта, не нахожу способовъ вдаваться далѣе въ ущелье, дабы не быть отрѣзанному отъ Владикавказа и отъ неимѣнія провіанта не привести бы въ крайнее изнуреніе войскъ, ибо до самаго Ананура, есть-ли и успѣю силою оружія пробраться, не имѣю никакой надежды имѣть гдѣ-либо провіантъ, то и не могу я назначить времени, насколько должно мнѣ стать онаго, а уповаю, что съ симъ провіантомъ и при самыхъ счастливѣйшихъ обстоятельствахъ едва-ли можно будетъ сдѣлать мосты и дойти до Казбека; почему и прошу Ваше Превосходительство приказать сдѣлать наискорѣйшее за мною въ слѣдъ изъ Владикавказа доставленіе провіанта, а какъ по отбытіи моемъ изъ онаго едва я могъ въономъ набрать и на 20 дней, то и не могло бы отъ сего произойти крайней остановки въ продовольствіи людей. А какъ я слышалъ отъ провіантскихъ чиновниковъ, что слѣдующій провіантъ во Владикавказъ остановленъ г. Моздокскимъ комендантомъ полковникомъ Протопоповымъ въ Моздокѣ, коему и изволите Ваше Превосходительство приказать доставить оной какъ можно наискорѣе, равно и овса для артиллерійскихъ лошадей, коего только и отпущено было на 10 дней, да и на счетъ полковыхъ и казачьихъ лошадей, кои требуютъ отъ меня безотступно взачетъ сдѣлать имъ отпускъ хотя по одному гарнцу въ сутки, дабы не привесть все сіе въ крайнее изнуреніе, почему и прошу Ваше Превосходительство — кому слѣдуетъ приказать доставить.

Покупки же изъ отпущенной суммы до Казбека никакой имѣть

не можно, съ крайней нуждой можно доставать только до онаго одно сѣно или траву.

За всѣмъ тѣмъ, видя таковыя обстоятельства, я не могу учредить въ дефиле коммуникацію, хотя бы самъ съ отрядомъ и прошелъ до Казбека, то пѣхоты весьма мало и постовъ сильныхъ оставлять я не могу. На все сіе имѣю ожидать отъ Вашего Превосходительства скорѣйшей резолюціи.

Подписалъ: генералъ-маіоръ Несвѣтаевъ.

№ 16. Въ лагерѣ при деревнѣ Бальтѣ.
Сентября 20 дня 1804 г.

Переводъ съ грузинскаго письма.

Письмо маіора Гавріила Казбека шефу Саратовскаго мушкетерскаго полка, генералъ-маіору Несвѣтаеву.

Милостивый Государь

Петръ Даниловичъ!

Сего сентября 17 числа его свѣтлость царевичъ грузинскій Парнаозъ прибылъ ко мнѣ въ домъ со своими князьями и дворянами, сверхъ сего въ тіулетѣ (sic) такъ же многихъ князей и дворянъ оставилъ, въ тѣсные переходы между Кавказскими горами укрѣпляютъ и войска свои разстанавливаютъ отъ Дударукова до самаго моего владѣнія, при томъ говорятъ, что де Александръ царевичъ съ двѣнадцатью тысячами воинами прибудетъ въ гор. Тифлисъ, а шахъ съ многочисленнымъ войскомъ окружилъ князя Ціціанова, а князь же Ціціановъ не имѣетъ у себя ни провіанта даже, ни лошадей, а изъ здѣшней стороны всѣ въ готовности находятся при царевичѣ Парнаозѣ, а онъ хочетъ часть войска разстановить по ущеліямъ и въ тѣсныхъ переходахъ между горами, прочее же войско отправляетъ въ Тифлисъ, къ Александру царевичу,—въ прочемъ пребуду

Вашему Превосходительству покорнымъ слугою.

Подлин. подпис. Гаврила Казбекъ.

Свѣрялъ: Генералъ-лейтенантъ Глазенапъ.

Сент. 18 дня 1804 г.

Письмо карталинскаго царевича Парнаоза генералъ-маіору Несвѣтаеву.

Переводъ съ грузинскаго письма.

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь
Петръ Даниловичъ!

Увидѣвъ письмо Вашего Высокопревосходительства, писанное къ Дударукѣ, весьма удивительно представилось мнѣ, поелику владѣніе наше есть и желаемъ мы съ усердіемъ нашимъ служить всемилостивѣйшему Государю непоколебимо и союзно съ подданными дому нашего; теперь по милости и помощи Всемогущаго Бога прибыли мы во владѣніе свое Казбекъ съ войскомъ своимъ, тому бывъ причиною манифестъ Государя Александра Перваго, въ которомъ изъяснено, что будто народъ пожелалъ вмѣсто насъ покровительство Его. Я же изъясню вамъ, высокопревосходительный господинъ, что тогда народъ отказу намъ отъ царства не желалъ, а Его Императорскаго Величества покровительства; но нѣкоторые нижніе особы, кои противъ владѣнія и царства нашего поступали, тѣ и объявили о нецарствованіи намъ у высочайшаго двора будто съ согласія всего нашего общества, теперь милостію Божіею общество пожелало наслѣдника и привело въ царство и владѣніе насъ, а посему и не печитесь ни о чемъ, Ваше Высокопревосходительство, отколь прибывъ, туда жъ возвратитеся; буде жъ желаете какихъ-либо надобностей въ пути или въ чемъ-нибудь прислугъ, то какъ я здѣсь имѣю пребываніе наслѣдникъ объявите мнѣ обо всемъ, Ваше Высокопревосходительство, но до другихъ власти не имѣйте, да и онѣ противу меня ни въ чемъ не войдутъ и не исполнятъ, когда я здѣсь пребываю наслѣдникъ, въ прочемъ же естьли увижу какихъ-либо противниковъ мнѣ, то истреблю родъ ихъ съ сего свѣта, ибо я пребываю отвѣтчикомъ великимъ и малымъ. За симъ какихъ Вамъ изъ сей стороны дѣлъ или извѣстій угодно, должны Вы узнать отъ того, который пребудетъ искреннимъ своимъ къ вамъ почтеніемъ Вашего Высокопревосходительства, милостиваго государя доброжелательный другъ.

Подлинный подписалъ: карталинскій царевичъ Парнаозъ.

Свѣрялъ: Генералъ-лейтенантъ Глазенапъ.

Сентября 18 дня
1804 года
Казбекъ.

Письмо анапскаго паши Селима-Гуссеина генералъ-лейтенанту Глазенапу.

Переводъ съ турецкаго письма.

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь!

По засвидѣтельствованіи дружбы моей и почитанія, желаю Вамъ многолѣтняго здравія.

Небезизвѣстно Вашему Превосходительству, что по замиреніи державъ высокой Порты Оттоманской и Россійской Имперіи,—въ мирныхъ трактатахъ, между обѣими державами заключенныхъ, внесена и слѣдующая статья „народы, находящіеся между обѣими вышерѣченными державами, властны по своему желанію принимать покровительство и быть въ подданствѣ у Государя ими больше желаемаго". По сей причинѣ извѣстные кабардинцы, ногайцы и прочіе, не бывъ тогда довольны нашимъ правительствомъ, уклонясь отъ высокой Порты, повергли себя державѣ Россійской Имперіи, и оставались тамъ долго; нынѣ же, по извѣстнымъ имъ самимъ больше причинамъ, не пожелавъ сего болѣе, хотятъ паки возвратиться Портѣ. Ежели Ваше Превосходительство разсудили силою оружія принудить ихъ—кабардинцевъ и прочихъ народовъ—къ приклоненію себѣ подъ власть Россійской Имперіи, то не оставьте безъ уваженія и то, что невозможно никакъ приступить къ сему безъ нарушенія тѣхъ постановленій между обѣими Имперіями, принятыхъ за свято какъ съ одной, такъ и съ другой стороны.

Вслѣдствіе чего прошу Ваше Превосходительство: 1-е) донесть о семъ Государю Императору Всероссійскому, равно какъ и я донесъ уже Его Султанскому Величеству Государю моему и 2-е) дать напроизволъ, до полученія Высочайшихъ соизволеній, упомянутымъ народамъ жить тамъ, гдѣ они пожелаютъ, въ тишинѣ.

Сообщеніе Вашего Превосходительства получилъ я, и, желая сдѣлать все, что только возможно для прекращенія неудовольствій, не преминулъ дать нужныя къ тому мои повелѣнія. А для лучшей связи согласія нашего и дружелюбія между обѣими державами, отправляю къ Вашему Превосходительству нашего тюфенхти-баши господина Аджи Махмета.

За симъ честь имѣю быть съ искренностію вашъ доброжелатель и покорный слуга Селимъ Гуссеинъ-паша.

Свѣрялъ: генералъ-лейтенантъ Глазенапъ

Сообщилъ Н. Затворницкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Письмо Андрея Искры о награжденіи деревнями.

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ" (1882 г., декабрь, 718—719 стр.) было помѣщено одно письмо Андрея Искры, писанное въ 1794 г. Въ томъ письмѣ Искра жалуется на медленное рѣшеніе его дѣла по награжденію деревнями. Ниже приводится предшествующее письмо Искры, писанное за три года до перваго. Отецъ Андрея Искры—Яковъ былъ надворнымъ совѣтникомъ и предводителемъ Переяславльскаго дворянства („Русск. Арх.", 1875, III, 300).

„Всемилостивѣйшая Государыня!

Сорокъ восемь лѣтъ переходило изъ мѣста въ другое и вездѣ поспѣло прошеніе отца моего надворнаго совѣтника Якова Искры о воздаяніи за неповинную казнь, коей коварство вѣроломнаго Мазепы, за открытіе измѣны его, подвергнуло предка нашего полковника полтавскаго Ивана Искру, за претерпѣніе мщеній сего изверга надъ всей фамиліей нашей и за пожертвованіе дѣдомъ моимъ Климентіемъ Искрою всѣмъ имѣніемъ своимъ на той сторонѣ Днѣпра, переселясь по волѣ всепресвѣтлѣйшаго государя императора Петра Великаго въ Малую Россію, но едва настоящаго года марта 26 вашего императорскаго величества Правительствующимъ Сенатомъ учиненъ о томъ всеподданнѣйшій докладъ.

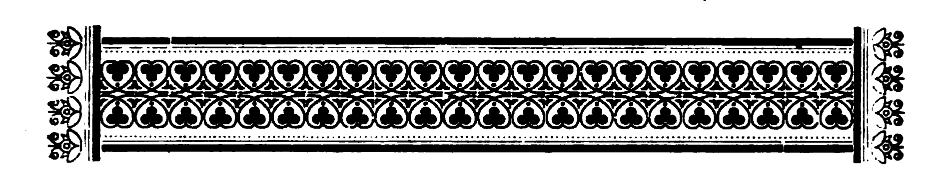
Всемилостивѣйшая государыня! Не такъ время, какъ бѣдность, отягощающая насъ, извлекаетъ смѣлость повергнуться предъ престоломъ вашего императорскаго величества. Сіе бремя тѣмъ прискорбнѣе, что семидесятилѣтній отецъ самъ до старости и одинъ изъ четырехъ сыновей его, кои всѣ на службѣ, въ послѣднее при Анапѣ дѣло, до увѣчья продолжалъ оную, съ многочисленнымъ семействомъ нуждаются въ насущномъ. Оно со слезами исторгаетъ всеподданнѣйшее прошеніе, что, ежели предки отъ вѣрности къ службѣ и приверженности къ престолу, лишались жизни и имѣній въ началѣ столѣтія сего, то въ окончаніи онаго на потомковъ ихъ, въ ревности и усердіи имъ подражающихъ, да изліется щедрота матерняго милосердія великія Екатерины.

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный
преміеръ-маіоръ Андрей Искра".

Сообщилъ Михаилъ Соколовскій.

Декабря 29 дня.
1791 г.

Учебныя воспоминанія [1].

(Окончаніе).

Какъ же шло наше, старое ученіе въ гимназіи? Шло оно въ нашей гимназіи, какъ я думаю и во всѣхъ прочихъ, „ни шатко, ни валко“, а скорѣе вяло, „спустя рукава“, какъ говорится. Едва-ли хотя половина учащихся относилась къ ученію съ достаточнымъ вниманіемъ и смысломъ, о ниспосланіи котораго молились гимназисты передъ каждымъ урокомъ (лишь въ концѣ моего пребыванія въ гимназіи введено было чтеніе молитвы передъ началомъ и окончаніемъ классовъ лишь по одному разу въ день). Кстати сказать, спѣшное болтанье молитвы передъ началомъ и окончаніемъ каждаго урока истребляло въ ученикахъ всякое молитвенное настроеніе, обращаясь чуть не въ кощунство, благодаря слишкомъ частому повторенію.

Учителя наши относились къ своему дѣлу, нельзя сказать, чтобы всѣ очень усердно. Нельзя было не видѣть, что нѣкоторымъ изъ нихъ вовсе не доставляло удовольствія изъ года въ годъ зудить одно и то же, браниться съ лѣнтяями и озорниками, изматывать свои нервы въ борьбѣ съ лѣностью, тупостью, нежеланіемъ сдѣлать учителю пріятное и часто—стремленіемъ чѣмъ-нибудь ему досадить... Не поощряли къ усердію и скудное жалованье за тяжелый трудъ, и скупость начальства относительно наградъ. Старшіе учителя получали всего, кажется, по 400 р. с. при казенной квартирѣ, а младшіе—по 300 р.; приблизительно таковы были, кажется, и пенсіи, только безъ квартиръ. Награды, даже ничтожныя, въ родѣ какого-нибудь Станислава въ петлицу, были большой рѣдкостью; а извѣстно, какъ цѣнятся въ провинціи даже и Станиславы и какой гор-

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 іюнь.

достью преисполняютъ „пожалованныхъ“. Можетъ быть, предполагалось, что учебному персоналу не подобаетъ быть честолюбивымъ, что его высшею наградою должно быть чувство самоудовлетворенія при видѣ успѣховъ учениковъ...

Но скудость вознагражденія за тяжелый трудъ педагога можно было объяснить, пожалуй, скудостью государственнаго бюджета старыхъ временъ. И неудивительно, что учителя охотно мѣняли свое педагогическое поприще на гражданско-служебное, разъ, что это послѣднее лучше оплачивалось; переходили въ чиновники особыхъ порученій къ губернаторамъ, въ совѣтники разныхъ губернскихъ палатъ и т. п... Ходившіе иногда слухи о злоупотребленіяхъ, о взяткахъ или иныхъ неблаговидныхъ продѣлкахъ учителей не служили, конечно, къ ихъ чести; но эти ихъ поступки имѣли свое оправданіе въ мизерности средствъ къ жизни, особенно трудной людямъ семейнымъ. Пусть бы напримѣръ учитель, завѣдывавшій продажею учебныхъ книгъ, передѣлывалъ означенныя на нихъ казенныя цѣны въ болѣе высокія (напр. 94 к. за таблицы логарифмовъ стоющія 24 к. или $2^1/_2$ р. за физику, стоившую 90 к.). Но вѣдь это были люди злосчастные, особенно если не имѣли уроковъ въ городѣ... и, я думаю, что на томъ свѣтѣ эти прегрѣшенія ихъ не будутъ имъ поставлены въ большую вину...

Я сказалъ, что ученіе шло вяло; напр. на первыхъ же порахъ по моемъ поступленіи, на урокѣ французскаго языка былъ продиктованъ русскій текстъ для перевода на французскій; я къ слѣдующему уроку и приготовилъ этотъ переводъ; оказалось, что переводомъ займутся только черезъ недѣлю; но и тутъ были только продиктованы французскія слова, нужныя для перевода; и только опять черезъ недѣлю приступили къ самому переводу изъ пятаго въ десятое, съ помощью учителя-француза, очень плохо понимавшаго по-русски... И вышло, что на ничтожныя строкъ 30 перевода мы употребили больше мѣсяца. Правда, что въ промежутки между „переводами“ было вызубрено нѣсколько правилъ изъ грамматики, большинству учениковъ совсѣмъ непонятныхъ на французскомъ языкѣ и заученныхъ ими по образцу попугая.

Другой примѣръ: на урокѣ географіи учитель приказалъ, чтобы къ слѣдующему уроку каждый ученикъ начертилъ себѣ карту Россіи. Я, никогда не упражнявшійся въ черченіи картъ, скопировалъ требуемую карту изъ атласа и даже раскрасилъ ее, какъ было въ немъ. Оказалось, что кромѣ меня никто карты не приготовилъ, что я напрасно поспѣшилъ, при чемъ неумѣлое мое произведеніе подверглось общей критикѣ и посмѣянію. Позже я начертилъ другую карту, уже проще, безъ раскраски, мнѣ неудававшейся, и эта моя

карта, какъ наиболѣе ясная и точная, служила потомъ всему почти классу при отвѣтѣ уроковъ. А еще вотъ учитель исторіи, приступая къ исторіи Греціи, приказалъ, чтобы у всѣхъ была начерчена карта древней Греціи и что же? Оказалось, что только 2—3 человѣка приготовили эту карту!

Словомъ, по мѣрѣ того, какъ я осваивался съ гимназическомъ бытомъ, я все больше и больше убѣждался, что чуть-ли не большинство учителей занималось „медленно спѣша", относясь къ своему дѣлу именно „спустя рукава", съ видимой скукой, лишь бы отбыть свой часъ. Ученики же, видимо имъ сочувствуя, то и дѣло спрашивали шопотомъ или мимикой, счастливцевъ съ часами „сколько осталось?" до звонка, конечно, что для лѣнивыхъ имѣетъ особенно важное значеніе въ томъ отношеніи—успѣетъ ли или нѣтъ учитель спросить ихъ до конца урока.

Не обладая особымъ педагогическимъ рвеніемъ, иные учителя очень охотно проводили часъ урока въ бесѣдахъ съ учениками о томъ, о семъ и обо всемъ, кромѣ лишь самаго предмета урока. Такъ напр. учитель русскаго языка (И. О. Лапшинъ) вмѣсто разъясненія 4-му классу смысла и случаевъ употребленія знаковъ препинанія, очень любилъ разговаривать объ охотѣ, о собакахъ, о музыкѣ, объ игрѣ на флейтѣ и кларнетѣ,—своихъ любимыхъ инструментахъ, и о многомъ другомъ; а за нѣсколько минутъ до звонка вдругъ спохватится и вызоветъ кого-нибудь отвѣчать „о запятой"... Звонокъ—и запятая остается къ слѣдующему уроку. Такъ за весь годъ мы и остались при запятой; а къ экзамену приготовились по трудно-перевариму „Востокову". Надо сказать, что учитель этотъ былъ человѣкъ очень милый,—не менѣе чѣмъ и учитель нѣмецкаго языка (А. Ф. Поратъ), тоже очень любившій бесѣдовать во время уроковъ обо всемъ, кромѣ нѣмецкаго языка. Хорошо бы еще, если бы бесѣды велись по-нѣмецки; но онъ предпочиталъ разговаривать по-русски, благо хорошо зналъ русскій языкъ. У него однако часть учебнаго времени все-таки употреблялась на дѣло. Эти учительскія бесѣды имѣли впрочемъ и свою хорошую сторону, хотя и въ ущербъ программамъ ученія: онѣ до нѣкоторой степени способствовали расширенію умственнаго горизонта учащихся; получались понятія о вещахъ,—не худыхъ конечно,—о которыхъ учебники ничего не сообщали. Выработана была даже особая система вовлеченія учителей въ бесѣды: только-что учитель начнетъ спрашивать, какъ кто-нибудь изъ тѣхъ, что посмѣлѣе или къ кому учитель больше благоволилъ, задавалъ ему вопросъ, повидимому, находившійся въ связи съ предметомъ урока; а затѣмъ разговоръ искусно переводился на всевозможныя посторонніе темы, анекдоты, и пр. Главною цѣлью было,

конечно, не стараніе узнать отъ учителя что-нибудь новое, а просто желаніе отвлечь его отъ спрашиванія урока, въ интересахъ слабыхъ учениковъ, каковыхъ было большинство. Пріемъ этотъ удавался иногда и съ батюшкой—законоучителемъ (В. И. Сахаровъ, потомъ В. Н. Лаврскій): вдругъ кто-нибудь притворится непонявшимъ самаго понятнаго текста или слова и т. п., или начнетъ препираться насчетъ какого-нибудь евангельскаго событія,—батюшка увлечется, примется разъяснять и—цѣль достигнута; звонокъ; незнающіе урока спасены. Продѣлывалось это и съ учителемъ географіи (Н. Т. Навроцкій). Съ преемникомъ его (А. И. Мартыновъ) это уже не удавалось. Разумѣется, штуки эти удавались только съ тѣми учителями, въ которыхъ чуткій школьническій нюхъ чуялъ слабость и податливость уклоняться въ сторону отъ дѣла. Съ учителемъ исторіи напр. никому и въ голову не пришло бы заговорить о какихъ-нибудь пустякахъ. Учитель этотъ (И. П. Жуковъ) былъ человѣкъ очень серьезный, прекрасно знавшій свой предметъ и строго относившійся къ познаніямъ учениковъ. Попалъ онъ въ Нижній изъ Казани, гдѣ, состоя помощникомъ инспектора, былъ въ то же время преподавателемъ арабскаго, турецкаго и персидскаго языковъ и словесности; что заставило его промѣнять университетскую каѳедру на гимназическую—неизвѣстно. Онъ обладалъ хорошимъ даромъ слова и очень любилъ разсказывать объ историческихъ событіяхъ, особенно воодушевляясь, когда говорилъ о Востокѣ. Но старанія его дѣлиться съ учениками своимъ знаніемъ плохо оцѣнивались нами: едва-ли не большинство дремало въ нетерпѣливомъ ожиданіи звонка. Надо замѣтить еще, что, не принимая никакихъ мѣръ для поддержанія порядка въ классѣ, учитель этотъ такъ импонировалъ своей серьезностью, что никому и въ голову не приходило нарушать порядокъ. Къ сожалѣнію онъ оставилъ гимназію еще до окончанія мною курса, перейдя въ чиновники особыхъ порученій при губернаторѣ, подобно своему предшественнику, писателю П. И. Мельникову (Печерскому), вѣроятно, ради бо̀льшаго оклада содержанія и будущей карьеры, которой впрочемъ и не достигъ, такъ какъ умеръ въ молодыхъ еще годахъ, послѣ довольно неудачнаго супружества.

Съ уходомъ этого даровитаго преподавателя, гимназія довольно долго оставалась безъ учителя исторіи; предметъ этотъ былъ временно порученъ старшему учителю словесности (Е. С. Протасовъ), который дальше учебника конечно не шелъ, имѣя притомъ на своихъ рукахъ всю словесность съ 4 класса до 7 (т. е. реторику, исторію словесности, славянскій языкъ, ученическія сочиненія, разборы классическихъ литературныхъ произведеній), не имѣлъ и вре-

нени особенно вдаваться въ исторію, чтобы устно знакомить учениковъ съ подробностями историческихъ событій. Кажется, уже въ предпослѣдній годъ пребыванія моего въ гимназіи присланъ былъ изъ Казани новый учитель (В. Х. Хохряковъ) прямо съ университетской скамьи, не обладавшій ни даромъ слова, ни достаточнымъ знаніемъ предмета. Онъ слѣдилъ только, чтобъ отвѣчали по книжкѣ, не фантазируя. А книжки-то у насъ были довольно основательныя: это былъ учебникъ Смарагдова — три большіе тома (исторія древняя, средняя и новая)—для 4, 5 и 6 классовъ. Проштудировавъ эти три тома, гимназистъ получалъ все-таки больше знанія исторіи, чѣмъ въ позднѣйшее время получается изъ учебниковъ Иловайскаго, слишкомъ краткихъ для того, чтобы заинтересовать учащихся историческою жизнью народовъ, и представляющихъ собою неособенно даже искусное переложеніе на русскій діалектъ краткаго нѣмецкаго учебника Andräe, съ кое-какими добавленіями. Учебники Смарагдова, какъ ихъ ни критиковали. нѣкоторые, все-таки давали учащимся болѣе цѣльное представленіе объ историческихъ фактахъ, чѣмъ краткіе наброски, почти конспекты, по которымъ изучается исторія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ настоящее время. Въ 7 классѣ, на закуску, изучалась русская исторія, по очень краткому, деревяннымъ слогомъ написанному учебнику профессора Устрялова. Почтенный профессоръ, какъ ученый, какъ изслѣдователь былъ, конечно, безупреченъ; но какъ составитель учебниковъ едва-ли могъ бы заслужить премію. Его учебникъ русской исторіи приходилось, чтобы не терять нити разсказа, зубрить фразу за фразой, наизусть, вродѣ долбленія катехизиса.

Кстати сказать, насколько судьба учителей, обязанныхъ отслужить казнѣ за свое образованіе, зависѣла (а можетъ быть и доселѣ зависитъ) отъ произвола начальства, это можно было видѣть на томъ же нашемъ новомъ учителѣ исторіи: едва успѣлъ онъ нѣсколько войти въ свой предметъ, освоиться достаточно съ его преподаваніемъ, какъ его перевели въ Вятку учителемъ словесности. Тщетно онъ заявлялъ, что словесность уже почти улетучилась изъ памяти, что онъ все время съ назначенія въ Нижній занимался исторіей, попечитель нашелъ полезнымъ для службы отечеству перемѣстить его на словесность.

Что касается до нашего учителя словесности (Е. С. Протасовъ), съ которымъ мы проходили въ 4 классѣ славянскій языкъ и реторику (предметъ,. впослѣдствіи преданный посмѣянію, а собственно преподаваемый и нынѣ, только подъ другимъ названіемъ), въ 5 и слѣдующихъ классахъ исторію словесности и пр., то этотъ учитель былъ назначенъ въ нашу гимназію, кажется, въ самый годъ моего

поступленія. Это былъ молодой человѣкъ, энергичный, старавшійся, по мѣрѣ силъ, развивать въ ученикахъ желаніе учиться; но энергія его, повидимому, нерѣдко притуплялась при столкновеніи съ апатіей учениковъ, изъ которыхъ большинство, пожалуй, смотрѣло на все ученіе въ гимназіи, какъ на отбываніе непріятной повинности, при чемъ сердце ихъ „далече отстояло", говоря словами Библіи. Въ томъ же родѣ, при отсутствіи въ доброй половинѣ учащихся желанія заниматься, шли и уроки математики. Симпатичный младшій учитель математики (Е. П. Мухачевъ) прямо приходилъ иногда въ отчаяніе отъ невниманія и непонятливости своихъ учениковъ. А занимался онъ съ нами въ 4 классѣ упражненіями въ рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ (взамѣнъ латинскаго языка) и алгеброй. Параллельно преподавалась и геометрія—старшимъ учителемъ математики (Ю. О. Оземблозскій). И этотъ добрѣйшій учитель-полякъ тоже иногда выходилъ изъ терпѣнія отъ нерадѣнія и невниманія учениковъ, но вообще волновался меньше, чѣмъ его товарищъ—младшій учитель.

Этотъ старшій учитель математики былъ довольно оригинальная личность, человѣкъ, видимо любившій учениковъ, не смотря на то, что они нерѣдко злоупотребляли его снисходительностью и потѣшались надъ его польскимъ акцентомъ и его манерою обращаться съ учениками.

Покончивъ ариѳметику и алгебру съ младшимъ учителемъ, гимназисты проходили прочія части средне-учебной математики (геометрію, логариѳмы, тригонометрію), космографію и физику уже со старшимъ учителемъ [1]). Тутъ для многихъ изъ учащихся камнемъ

[1]) Кстати: странно это дѣленіе учителей на старшихъ и младшихъ—по какому-то неясному признаку. Почему, напр. учитель, преподающій въ младшихъ классахъ считается младшимъ и меньше получаетъ, а преподающій въ высшихъ классахъ, называется старшимъ и получаетъ больше? Оба должны были пройти университетскій курсъ, чтобы получить званіе учителя; и нерѣдко, можетъ быть, попавшій въ младшіе лучше знаетъ предметы или способнѣе своего коллеги старшаго, а между тѣмъ, по предмету своему и по классу, въ которомъ преподаетъ, все остается младшимъ! Было бы еще понятно, если бы старшинство давалось числомъ лѣтъ службы,—куда ни шло. Ну, а какъ пришлось бы назвать старшаго учителя, если бы ему поручили исполнять обязанности младшаго (напр. за выходомъ этого или болѣзнью) и наоборотъ младшаго, если бы ему пришлось преподавать въ старшемъ классѣ? Вѣдь все-то дѣло въ названіи и въ разницѣ содержанія! Параллель этому дѣленію представляетъ дѣленіе профессоровъ на ординарныхъ и экстраординарныхъ: тѣ и другіе несутъ совершенно одинаковыя обязанности, а содержаніе получаютъ разное. Правда, что въ послѣдніе годы университеты, по снисхожденію министерства, изобилуютъ «исправляющими должность» безъ требуемой уставомъ ученой степени. Но это аномалія, которой, надѣемся, будетъ наконецъ положенъ конецъ.

преткновенія были логариѳмы и тригонометрія. Не многіе впрочемъ преуспѣвали и въ алгебрѣ, какъ и въ геометріи. Нѣсколько интересовалось юношество космографіей, но всего болѣе физикой—не формулами ея конечно, а опытами. Учитель однако очень рѣдко водилъ классъ въ физическій кабинетъ и даже не часто приносилъ въ классъ физическіе инструменты или модели,—все это, вѣроятно, изъ боязни отвѣтственности за порчу казенныхъ вещей, которую могли причинить ученики. Такимъ образомъ, значительную часть инструментовъ и опытовъ мы познавали по разсказамъ учителя и по описаніямъ въ книгахъ...

Начиная съ 4 класса чающіе университета занимались латинскимъ языкомъ (греческаго языка въ нашей гимназіи не было). Учитель (А. В. Вальдъ) былъ преподаватель очень тяжелый для учащихся по своему характеру и почти полному незнанію русскаго языка. Этотъ сухопарый, длинный, нѣмецъ былъ къ тому же очень подозрителенъ и придирчивъ, къ чему, впрочемъ, сказать правду, подавало поводъ и отношеніе къ нему учениковъ, безъ зазрѣнія совѣсти несшихъ ему всякую чушь въ своихъ отвѣтахъ и переводахъ. Латинскія сочиненія были до крайности плохи, такъ что онъ иногда перечеркивалъ ихъ сплошь, какъ негодныя; чаще же писались они съ помощью болѣе преуспѣвшихъ товарищей, тоже писавшихъ не безъ крупныхъ ошибокъ, при чемъ болѣе слабый подкупая товарища бутербродомъ или пирожкомъ, просилъ написать не очень хорошо, чтобы незамѣтно было, что „я не самъ писалъ". Случалось и мнѣ, хотя и не „латинисту", по долгу товарищества, поправлять и писать эти сочиненія, иногда,—что грѣха таить,—даже злоупотребляя почти полнымъ незнакомствомъ просящихъ съ языкомъ Цицерона и прочихъ римлянъ—и приводя учителя въ недоумѣніе вздоромъ, оказывавшимся въ этихъ сочиненіяхъ, изложенныхъ однако правильнымъ языкомъ. Помимо занятія латынью этотъ учитель занимался еще составленіемъ грамматики черемисскаго языка. О результатѣ его элукубрацій не знаю. Надо сказать, что и всѣ другія сочиненія, требовавшіяся по программѣ, писались только лучшими учениками добросовѣстно, безъ посторонней помощи; большею же частію и тутъ работалъ альтруизмъ болѣе способныхъ товарищей и не всегда безкорыстно, а за пирожокъ или т. п. Да и вообще всякаго рода школьническія уловки, шпргалы, подсказываніе, чтеніе черезъ столъ съ книжки товарища, сидящаго впереди, списываніе рѣшеній задачъ и пр. были въ полномъ ходу. Рѣдко кто, кромѣ двухъ-трехъ лучшихъ учениковъ, вызванный отвѣчать урокъ, не обращался къ обоимъ сосѣдямъ, съ просьбой: „подскажи" или „покажи". Отлично помнитъ это, конечно, и мой почтеннѣйшій соученикъ П. Д. Бобо-

рыкинъ. Даже вызванному отвѣчать къ доскѣ, напр. изъ геометріи, показывалось знаками или крупно написанными буквами, что слѣдуетъ изобразить на доскѣ, или же показывались чертежи. Разумѣется, все это продѣлывалось въ тотъ моментъ, когда учитель, ходя по классу, повертывался спиной; или же вниманіе его отвлекали какимъ-нибудь вопросомъ, будто бы очень интересующимъ вопрошающаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что учителя все это не подозрѣвали только, но хорошо знали и понимали, что ихъ морочатъ,—какъ сами прошедшіе въ дѣтствѣ эту школу обмановъ и всяческихъ школьныхъ уловокъ; почему и смотрѣли они на это сквозь пальцы, какъ на нѣчто неизбѣжное, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ, и сердясь только тогда, когда штуки были уже слишкомъ грубы и очевидны. Все это не мѣшало, однако, сколько теперь соображаю, правильной оцѣнкѣ познаній; плохому ученику рѣдко доставался хорошій баллъ.

Должно быть достаточно убѣдившись въ трудности правильной оцѣнки знанія уроковъ большинствомъ учениковъ при отвѣчаніи съ мѣста, преподаватель законовѣдѣнія (К. И. Садоковъ, сдѣлавшійся законовѣдомъ изъ учителя латинскаго языка; впослѣдствіи помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа) заставлялъ всѣхъ своихъ учениковъ—и плохихъ, и хорошихъ (чтобы не было обидно первымъ), отвѣчать стоя у каѳедры. Тутъ подсказывать было уже невозможно. Да и предметъ это былъ такой, что приходилось заучивать наизусть статьи свода законовъ. Вся очень краткая теоретическая часть этого курса законовѣдѣнія состояла у насъ изъ выборки нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ обзора Сперанскаго; а далѣе шла сплошная долбежка свода законовъ. Сначала учитель давалъ записки, мало впрочемъ уклонявшіяся отъ свода (для списыванія которыхъ намъ приходилось оставаться въ гимназіи еще послѣ классовъ), а потомъ перешелъ къ руководству проф. Рождественскаго, состоящему изъ сплошной перепечатки статей свода (безъ нумераціи), примѣнительно къ данной министерствомъ программѣ.

Всѣ, доселѣ мною названные учителя были люди, въ общемъ довольно добрые и снисходительные къ глупымъ выходкамъ и невниманію юношества, совсѣмъ почти не прибѣгавшіе къ сильнымъ мѣрамъ воздѣйствія, вродѣ напр. ставленія на колѣни или записи въ журналъ за шалости; ограничивались обыкновенно выговорами, внушеніями. Рѣзко отличался отъ всѣхъ учитель французскаго языка (А. Н. Савенъ), превзошедшій въ мѣрахъ воздѣйствія даже учителя латыни. Онъ тоже едва смыслилъ по-русски и въ отношеніяхъ къ ученикамъ былъ не столько требователенъ, сколько безтолковъ и золъ.

Рѣдкій урокъ у него проходилъ безъ того, чтобъ каѳедра его не была окружена цѣлымъ вѣнкомъ изъ поставленныхъ на колѣни; въ классномъ журналѣ графа неисправныхъ и шалившихъ была у него всегда заполнена. Тѣмъ не менѣе ученіе шло плохо; нѣкоторые такъ и не выучивались правильно читать по-французски, не говоря уже о произношеніи и достаточномъ пониманіи. И все-таки, тѣмъ не менѣе, учили грамматику по-французски, зубрили даже разговоры въ царствѣ мертвыхъ—какого-то писателя 18 столѣтія, зачѣмъ-то рекомендованные министерствомъ для гимназій.

Итакъ ученье наше шло, что называется, „черезъ пень—колоду". Учителя задавали уроки, ученики учили ихъ, кто какъ могъ или желалъ; большею частію въ надеждѣ дочитать въ „перемѣну", или что „подскажутъ". Въ каждомъ классѣ, изъ 25—30 ч. въ высшихъ классахъ и до 60 ч. въ низшихъ, было человѣкъ 5—6 учениковъ болѣе способныхъ или если и не очень способныхъ, то добросовѣстныхъ „зубрилъ",—какъ въ насмѣшку называли ихъ товарищи. Затѣмъ шла небольшая нейтральная часть среднихъ по успѣхамъ, хотя иногда и весьма способныхъ, но лѣнивыхъ; остальную часть класса составляли тупицы и окончательные лѣнтяи. Я думаю, это дѣленіе на три группы и теперь можно провести въ любой гимназіи. Припоминая личности своихъ товарищей всѣхъ разрядовъ, изъ которыхъ съ нѣкоторыми я былъ довольно близокъ, между прочимъ, по званію „цензора", т. е. спрашивающаго уроки (для доклада учителю) у особенно слабыхъ учениковъ,—могу сказать, что лѣность тутъ была, кажется, не столько лѣностью, сколько результатомъ плохого пониманія, слабости вниманія и неимѣнія возможности получать у себя дома разъясненіе непонятаго; а также—и отсутствія достаточнаго контроля и внушеній со стороны родителей и старшихъ. А разъ человѣкъ началъ лѣниться, даже въ зрѣломъ, сознательномъ возрастѣ, онъ легко и совсѣмъ погружается въ эту нирвану, въ эту обломовщину,—а о дѣтяхъ и говорить нечего, какъ легко они поддаются влеченію ничего не дѣлать... Притомъ и многіе изъ родителей смотрѣли и смотрятъ, пожалуй, на ученіе своихъ дѣтей, такъ: „лишь бы кончилъ какъ-нибудь гимназію или университетъ", получилъ бы „права". А съ какимъ запасомъ знаній онъ оставилъ учебное заведеніе, это для многихъ совсѣмъ безразлично; „какъ-нибудь, куда-нибудь, дастъ Богъ, пристроится". Кажется, что и въ настоящее время многіе смотрятъ на гимназическое ученіе съ точки зрѣнія: „какъ-нибудь проскочить на экзаменѣ, перейти въ классъ, получить аттестатъ"; цѣлью ученія ставится не знаніе, а аттестатъ. Многіе держатся этихъ воззрѣній и въ университетѣ, сколько мнѣ извѣстно по многолѣтнему опыту.

Что касается до контроля и внѣшней обстановки тогдашняго нашего ученія, то надо сказать, что дѣло это очень хромало; въ 4-хълѣтнее мое пребываніе въ гимназіи директоръ очень рѣдко заглядывалъ въ классы; а попечитель ея (князь Чегодаевъ) являлся въ нее только на торжественные акты, вовсе не любопытствуя посмотрѣть, какъ учатъ и какъ учатся, при какой обстановкѣ, несмотря даже на то, что въ гимназіи учился въ то время его сынъ. Окружной инспекторъ И. А. Сахаровъ за 4 года моего нахожденія въ гимназіи не былъ въ Нижнемъ ни разу, или можетъ быть былъ проѣздомъ, въ вакаціонное время, когда не было налицо учениковъ, да вѣроятно и многихъ изъ учителей. Попечитель учебнаго округа генералъ В. П. Молоствовъ былъ раза два проѣздомъ изъ Казани (тогда Нижегородская губ. принадлежала къ Казанскому учебному округу) и заходилъ въ классы. Къ визиту его подтягивались — и начальство гимназіи, и учителя; подтягивали и учениковъ. Инспекторъ внушалъ намъ при видѣ попечителя мгновенно вытянуться въ струнку и закричать „здравія желаю, Ваше Превосходительство“! а директоръ пояснялъ, что это не долженъ быть громкій крикъ, а „murmur“. Учителя на случай прихода попечителя задавали особые уроки, преимущественно изъ тѣхъ частей своихъ наукъ, которыя казались лучше усвоенными; а отвѣчать вызывали при немъ, разумѣется, только лучшихъ учениковъ.

Однажды, помню, Молоствовъ обратилъ вниманіе на губку, находившуюся при классной доскѣ; обыкновенно для стиранія съ доски намъ служили мокрыя, грязныя, вонючія тряпки, хорошо умѣщавшіяся на узенькой полочкѣ внизу доски; а тутъ, къ приходу попечителя положены были губки, которыя никакъ не удерживались на узкой дощечкѣ и падали на полъ. Добродушный старецъ посовѣтовалъ поэтому сдѣлать полочки шире, на что начальство гимназіи отвѣчало, что будетъ исполнено; а съ уходомъ попечителя губки мгновенно замѣнились противными тряпками. Да, кажется, и губки-то были вродѣ знаменитаго аракчеевскаго жаренаго поросенка у военныхъ поселянъ и переходили вмѣстѣ съ попечителемъ и сопровождавшими его директоромъ и инспекторомъ изъ класса въ классъ!

Кажется, осенью 1852 г. посѣтилъ нашу гимназію, вѣроятно, проѣздомъ въ Казань, министръ народнаго просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ. Къ пріѣзду этого довольно древняго сановника все въ гимназіи подтянулось, конечно, еще больше; директоръ и инспекторъ особенно усердно внушали ученикамъ не сбиться въ привѣтствіи и не закричать „превосходительство“, вмѣсто „сіятельство“. Классныя доски получили, конечно, опять губки вмѣсто тряпокъ и приличные куски мѣлу... Въ часъ посѣщенія министромъ въ

моемъ классѣ шелъ урокъ рисованія и, хотя нѣкоторые ученики уже не занимались рисованіемъ, переставшимъ, кажется съ 1851 г., быть обязательнымъ предметомъ, однако ученики были собраны въ классъ всѣ и всѣмъ розданы для копированія новые рисунки большого формата, то и дѣло соскальзывавшіе съ партъ, не имѣвшихъ для нихъ никакихъ приспособленій. Высокій гость поглядѣлъ на нѣкоторые изъ нихъ и, помнится, сказалъ, что надо бы устроить пюпитры. Впрочемъ, вѣроятно, онъ понялъ, что „это было только для него", такъ какъ при наличныхъ условіяхъ рисовать съ этихъ оригиналовъ было невозможно; да и вообще, едва-ли кто изъ учениковъ былъ въ состояніи копировать съ такихъ трудныхъ рисунковъ, какіе были намъ даны. Обыкновенно же учитель рисованія, онъ же и чистописанія (Н. Тр. Дмитріевъ) давалъ оригиналы маленькіе, частью литографированные, частью изъ оставшихся у него произведеній прежнихъ учениковъ и вообще, нетрудные. Кстати сказать, этотъ добрякъ-учитель, отецъ многочисленнаго семейства, человѣкъ недальній, былъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ и дураченья; ученики звали его, заочно разумѣется, не иначе, какъ „Трошка" (отъ отчества „Трофимычъ") и разсказывали про него всякій вздоръ.

Помимо уроковъ рисованія, черченія и чистописанія къ обязанности его относилось подбирать учениковъ въ пары въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ водили къ обѣднѣ въ ближайшій къ гимназіи Благовѣщенскій соборъ; въ соборѣ этомъ директоромъ гимназіи сооружена была икона св. Іоанна Богослова изъ остатковъ отъ сбора съ учениковъ „на свѣчу" этому апостолу и евангелисту, считавшемуся покровителемъ нашей гимназіи.

Что касается до обращенія съ нами начальства, то слѣдуетъ сказать, что оно было довольно патріархальное; педагогическія мѣры были почти тѣ же, что и у учителей. Инспекторъ (Егоръ Тимоѳ. Лѣтницкій) довольно охотно ставилъ на колѣни, или просто заставлялъ стоять за партой („стань столбомъ!"); больше, конечно, въ низшихъ классахъ; а въ высшихъ и онъ, и директоръ больше ограничивались выговорами и угрозами „отдать въ солдаты", что въ тѣ времена было возможно и въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ случалось. Съ учениками низшихъ классовъ инспекторъ обращался даже совсѣмъ патріархально; плюхами, правда, не угощалъ; но очень любилъ, изловя какого-нибудь шалуна, отвести его въ классъ за вихоръ или за ухо, чтобы тамъ поставить на колѣни. Сѣченія, щедро примѣнявшагося при вышеупомянутомъ Сахаровѣ, я уже не засталъ. Только однажды примѣнено оно было, по приговору педагогическаго совѣта гимназіи, къ одному отчаянному озорнику и лѣнтяю, ученику 3-го класса. О событіи этомъ директоръ счелъ нужнымъ оповѣстить, должно быть

для острастки, всѣхъ учениковъ, собравъ ихъ въ одну изъ залъ. При этомъ онъ, какъ бы намекая на моральную пользу такого воздѣйствія на мягкія части юношей, сообщилъ, что, по окончаніи экзекуціи, оперированный поцѣловалъ ему руку, благодаря за „науку“ и обѣщая исправиться. Исправился ли онъ и окончилъ ли курсъ—не знаю.

Весьма непріятнымъ наказаніемъ было, разумѣется, такъ называемое оставленіе безъ обѣда, какъ дававшее родителямъ учениковъ знать, что „дитè“ ихъ провинилось въ чемъ-то. Если ученикъ былъ оставленъ за незнаніе урока, то долженъ былъ, выучивъ его, заявить инспектору, который и выслушивалъ его или поручалъ это жившему у него пансіонеру. А когда мы, гимназическіе „юристы“—оставались послѣ уроковъ для списыванія записокъ законовѣдѣнія, то это выслушиваніе часто возлагалось на меня. Покончивъ со списываніемъ, я шелъ по классамъ, спрашивалъ уроки у остальныхъ и докладывалъ инспектору, что „знаютъ“, „выучили“, нерѣдко кривя при этомъ душой, чтобы дать оставленнымъ возможность поскорѣе идти обѣдать.

Приходилось, сознаюсь, кривить душой и передъ учителями благодаря системѣ цензорства, когда лучшимъ ученикамъ класса поручалось спрашиваніе уроковъ у плохихъ. Разумѣется, учителя очень сердились на цензоровъ, если при провѣркѣ знаній цензуруемыхъ оказывалось, что они аттестованы цензорами неправильно, съ поблажкой. А иные цензора вѣдь не прочь были и отъ взятокъ, въ видѣ пирожковъ, бутербродовъ и т. п.

Въ числѣ „мѣръ“ полагался и карцеръ; но наказанію этому въ мое время никто не подвергался; да и самаго карцера не существовало; было только преданіе, что для него отведено даже мѣсто въ подвалѣ, подъ директорской квартирой.

Иногда, въ „большую перемѣну“, мы бѣгали по нижнему подвальному корридору въ эту часть зданія гимназіи и со страхомъ заглядывали въ предполагаемое тюремное помѣщеніе, рискуя нарваться на директора, спускающагося изъ своей квартиры. Такимъ же проблематическимъ дѣломъ, какъ учрежденіе карцера, было и предполагавшееся обученіе гимназистовъ военному строю и маршировкѣ, предписанное, кажется, всѣмъ учебнымъ заведеніямъ государемъ Николаемъ Павловичемъ. Наша гимназія пріобрѣла для этой цѣли пустопорожнее мѣсто, находившееся позади нея. Оно было расчищено и выровнено; но до маршировки такъ дѣло и не дошло при насъ. Не хватило ли средствъ на наемъ „инструктора“, или просто это была безпечность начальства, откладываніе въ дальній ящикъ—не могу сказать. Гимназисты же были, конечно, этому рады,

какъ радовались обыкновенно и неявкѣ учителя въ классъ, и всякому случайному прекращенію урока, напримѣръ, изъ-за дымящей печки и т. п.

Когда я впослѣдствіи пріѣзжалъ въ Нижній, то видѣлъ, что на углу нашего „учебнаго плаца", выходящемъ къ Тихоновской церкви, появился домикъ съ питейнымъ въ немъ заведеніемъ не въ дальнемъ разстояніи отъ того конца зданія гимназіи, въ которомъ находилась квартира директора; а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ другого конца, того, съ котораго ученики входили въ гимназію, появилась кофейня, одно изъ тѣхъ заведеній, которыхъ такъ много возникло въ 70-хъ гг. въ провинціи, благо „права" на кофейное заведеніе стоили дешевле, чѣмъ на питейное; а подъ фирмой кофе или чая можно, какъ это и дѣлается, подавать крѣпкіе напитки—такъ называемый „холодный чай".

Сосѣдство для учебнаго заведенія, не совсѣмъ приличное и притомъ запрещенное правилами акцизнаго устава.

Красивое зданіе гимназіи поставлено очень хорошо, между двухъ улицъ, Варварской и Тихоновской, фасадомъ на площадь, какъ разъ противъ Благовѣщенскаго собора, стариннаго зданія, испорченнаго позднѣйшими „исправленіями", по прихоти и фантазіи невѣжественныхъ старостъ, да и самого духовенства, какъ это обыкновенно дѣлается въ провинціи съ историческими зданіями. Въ наше время главы и колокольня этого собора были покрыты зеленой (изразцовой?) чешуей, что̀ придавало зданію очень типичный видъ. Потомъ эту покрышку замѣнили бѣлой жестью... Могъ бы я кое-что сказать и о другихъ „улучшеніяхъ" нижегородскихъ церквей, но это выходитъ уже изъ предѣловъ моей темы.

На той же Благовѣщенской площади находится и духовная семинарія, и почтовая контора, и гостиный дворъ, во второмъ этажѣ котораго, между прочимъ, пріютился окружный судъ. Противулежащая всѣмъ этимъ зданіямъ сторона площади занята кремлевскою стѣною съ нѣсколькими башнями, изъ которыхъ въ Дмитріевской устроенъ теперь музей нижегородской старины, а раньше помѣщался архивъ губернскаго правленія.

Главный подъѣздъ гимназіи, по серединѣ фасада, въ наше время открывался только въ торжественныхъ случаяхъ; ученики же входили обыкновенно съ бокового входа, что̀ противъ зданія почты. Въ этомъ подъѣздѣ витая чугунная лѣстница, всегда хорошо натертая графитомъ, вела прямо въ бель-этажъ, гдѣ классы; но намъ по ней ходить не дозволялось; а ходили мы черезъ холодный (зимою, разумѣется) корридоръ 1-го этажа, до маленькой деревянной лѣстницы, ведущей тоже въ классный корридоръ; изъ него проходили въ „сборную", комнату съ 7-ю (по числу классовъ) большими шкафами для

верхняго платья и галошъ. Въ нижнемъ этажѣ зданія помѣщались, кажется, канцелярія — и затѣмъ квартиры нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ гимназіи, а въ подвальномъ корридорѣ—квартиры служителей, куда гимназисты бѣгали покурить и побалагурить. Въ корридорѣ 1-го этажа находились квартиры инспектора и учителей. Часть учителей помѣщалась и въ 3-мъ этажѣ. Середину бель-этажа занимаетъ актовый залъ въ два свѣта, съ розой вѣтровъ на плафонѣ, которой соотвѣтствуетъ флюгеръ надъ крышей зданія, съ обозначеніемъ странъ свѣта. За этимъ заломъ находились, какъ вѣроятно и теперь находятся,—библіотека и физическій кабинетъ,—предметъ желаній и зависти учениковъ младшихъ классовъ, когда они видѣли, что учитель физики повелъ туда старшіе классы. Далѣе слѣдовала квартира директора и при ней красиво обставленная комната для пріѣзда „особъ". Эта часть зданія была намъ мало извѣстна, такъ какъ забравшійся туда ученикъ легко могъ наткнуться на директора и получить головомойку за шатаніе, гдѣ не слѣдуетъ. Для склонныхъ къ шатанію удобнѣе было, отпросившись изъ класса („позвольте выйти" просто или съ приложеніемъ платка къ носу, якобы „кровь пошла") слоняться по корридору, а еще лучше бѣжать внизъ, гдѣ они и болтались, сколько находили нужнымъ, чтобы избѣжать отвѣчанія урока. Зимній холодъ и то, что „извѣстное мѣсто", составлявшее будто бы, цѣль ухода изъ класса, было самаго примитивнаго устройства и находилось на дворѣ, ничѣмъ незащищенное отъ холода, нисколько не пугали „отлынивающихъ". Въ тѣ времена въ провинціи и въ поминѣ не было тѣхъ приспособленій (да и въ столицахъ они были еще за рѣдкость), о которыхъ такъ неодобрительно отзывается Толстовскій Акимъ въ „Власти тьмы". Люди тогда не были еще избалованы; жили въ простотѣ; да и здоровьемъ были покрѣпче; простудъ не боялись, въ англійскихъ выдумкахъ не нуждались.

Классныя комнаты наши, по тогдашнему числу учениковъ, были довольно просторны, хорошо освѣщены (хотя нѣкоторымъ ученикамъ приходилось сидѣть спиною къ свѣту); а стѣны ихъ, не знаю, согласно ли это съ требованіями нынѣшней педагогіи, были хорошо выбѣлены. Въ двухъ простѣнкахъ между окнами висѣли, въ одномъ „золотая доска", т. е. красная доска въ золоченой рамѣ — для изображенія бѣлой краской именъ и фамилій лучшихъ учениковъ, — а въ другомъ—„черная доска", на которой, сколько помнится, красной краской писались имена и фамиліи самыхъ негодныхъ учениковъ. Эта доска была, впрочемъ, большею частію чиста, по добротѣ-ли начальства, не желавшаго позорить своихъ, хотя бы и очень худыхъ, питомцевъ, — или же ради того, чтобы не получать замѣчаній отъ высшаго начальства (иногда заглядывавшаго въ заведеніе), за неу-

мѣніе внушить всѣмъ воспитанникамъ принципы благонравія и прилежанія. Прилежаніемъ же, какъ я выше замѣтилъ, отличались только немногіе, болѣе добросовѣстные и болѣе способные изъ числа учащихся. Насколько же вообще большинство тяготилось классами, можно было видѣть изъ вопросовъ, передававшихся, какъ я уже выше сказалъ, словесно и знаками съ разныхъ партъ ученикамъ, имѣвшимъ часы: „сколько осталось?“ Классные часы имѣлись только въ 7-мъ классѣ; по ихъ указанію давался звонокъ, нетерпѣливо ожидаемый какъ учениками, такъ и учителями, вродѣ какъ бы избавителя отъ тяжкой, непріятной повинности.

Экзамены не представляли ничего особеннаго, производились они у насъ довольно поздно, въ половинѣ іюля, обыкновенно подъ предсѣдательствомъ директора, причемъ учителя играли почти пассивную роль. На экзаменъ изъ Закона Божія обыкновенно приглашался архіерей. Награды отличившимся въ видѣ книгъ, похвальныхъ листовъ и книгъ съ придачею похвальныхъ листовъ раздавались осенью; тутъ иногда присутствовалъ и попечитель гимназіи.

Такъ тянулось ученье, годъ за годомъ, обращаясь для нѣкоторыхъ изъ тогдашняго 7-ми-лѣтняго курса въ болѣе продолжительный, иногда съ очень долгимъ сидѣніемъ въ одномъ и томъ же классѣ, такъ какъ срока пребыванія въ классахъ тогда, кажется, не было еще установлено, какъ не существовало и изобрѣтеннаго въ министерство графа Д. А. Толстого—увольненія за „безуспѣшность“. Прежніе педагоги стыдили и бранили плохихъ и лѣнивыхъ учениковъ, употребляли даже суровыя мѣры, чтобы сдѣлать ихъ „успѣшными“; держали ихъ по нѣсколько лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ,—все въ надеждѣ, что съ годами ихъ способности разовьются и они подъ вліяніемъ имѣющаго, наконецъ, проявиться сознанія вреда лѣности—дотянутся какъ-нибудь до окончанія курса. Словомъ—старались и изъ малоспособныхъ и лѣнтяевъ сдѣлать людей, на что-нибудь годныхъ, въ предѣлахъ ихъ способностей. Исключеніе за безуспѣшность, прямо выбрасывая юношей на мостовую, создаетъ изъ нихъ контингентъ недовольныхъ, можетъ быть, не рѣдко—революціонеровъ—пушечное мясо анархіи. Въ былое время малоспособные и лѣнивые, особенно изъ средняго рода людей, оставляли гимназію въ половинѣ курса и куда-нибудь пристраивались, кто въ гражданскую службу, кто въ лавку, кто въ юнкера, какъ сказалъ я выше; такъ что недовольныхъ и ропщущихъ не было: „система“ ихъ не создавала. Въ этомъ было большое преимущество уваровскихъ гимназій передъ толстовскими.

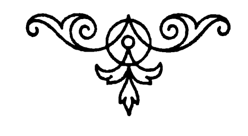
Кончили мы курсъ и разбрелись въ разныя стороны: кто пошелъ въ университетъ, кто на гражданскую службу, кто—въ Крымъ,

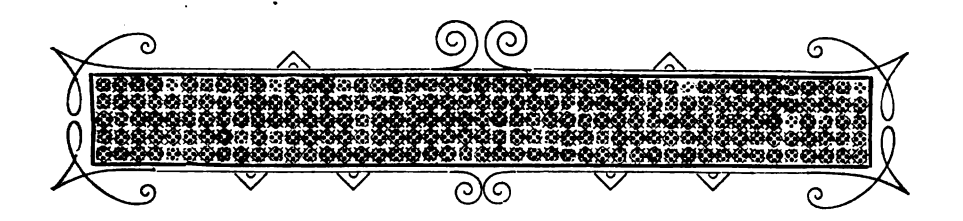
добровольцами, поступивъ въ полки дѣйствующей арміи, кто въ ополченіе, тогда формировавшееся. Товарищи, принимавшіе участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, всѣ вернулись здравы и невредимы, офицерами, съ медалями, нѣкоторые съ Аннами „за храбрость". Одинъ изъ товарищей сидѣвшихъ со мною рядомъ 4 года (Л. Л. Цвейфель) поступилъ въ Московскій университетъ и былъ потомъ полковымъ врачемъ; другой (Д. А. Вѣнскій)—въ Казанскій университетъ и былъ потомъ очень извѣстнымъ врачемъ въ Н.-Новгородѣ. Наиболѣе же выдвинулся изъ числа моихъ однокашниковъ П. Д. Боборыкинъ, уже съ 6 или 7 класса проявившій писательскій талантъ, къ удивленію товарищей и учителя словесности, никакъ не ожидавшаго, что на нивѣ его преподаванія возрастетъ такой цвѣтокъ, который не только обогатитъ своими плодами русскую беллетристику, но даже получитъ кресло въ Академіи Наукъ.

Нѣкоторые изъ товарищей умерли въ молодыхъ лѣтахъ, ничего хорошаго не успѣвъ получить отъ жизни, къ которой готовила ихъ гимназія... Меня, послѣ нѣкоторыхъ перипетій и исканія пристани, судьба привела на университетскую каѳедру.

В. Лебедевъ.

1 дек. 1906 г.

Значеніе испанскихъ архивовъ для русской исторіи.

Хотя до настоящаго времени изъ архивовъ Испаніи извлечены лишь весьма немногочисленные матеріалы, служащіе для объясненія русской исторіи, такъ какъ еще никто не занимался спеціально ихъ розысками,—однако и то, что извлечено, представляетъ значительную важность: такъ, напр., М. М. Ковалевскій „совершенно случайно“, по его собственнымъ словамъ, нашелъ въ архивѣ Алкола́ де Эноресъ интересное сообщеніе испанскаго агента Гримальди о пребываніи Петра В. въ Парижѣ („Рус. М.“ 1884, № 1); онъ же въ архивахъ Пальмы, Хероны, Барселоны и Валенсіи отыскалъ данныя о русскихъ и вообще о православныхъ рабахъ въ старинной Испаніи („Юр. Вѣстникъ“ 1886 г. № 2). Священникъ Кустодіевъ извлекъ въ 1868 г. изъ семейнаго архива герцоговъ де Лиріа и д'Альба чрезвычайно важныя полныя записки испанскаго посланника герцога де Лиріа при Петрѣ II и Аннѣ Ивановнѣ (Бартеневъ, „XVIII в.“, т. I и II). Новыя и интересныя подробности о восшествіи Екатерины II, о Павлѣ Петровичѣ въ то время, о современныхъ слухахъ, ходившихъ въ публикѣ, также обязаны испанскому источнику. Этотъ документъ отыскался въ бумагахъ Людерса, русскаго представителя при англійскомъ дворѣ, и попалъ къ нему изъ испанскаго посольства въ Лондонѣ („Древ. и Нов. Рос.“, 1872, № 2). Продолжительныя сношенія Испаніи съ Россіей даютъ полное основаніе предполагать, что въ испанскихъ архивахъ, особенно семейныхъ, еще хранится въ неизвѣстности не мало совершенно неизвѣстныхъ данныхъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ русской исторіи. Еще изъ „Дневника Марины“ видно, что какіе-то испанскіе монахи въ смутное время попали въ Россію и были тамъ даже въ заточеніи. Въ испанскихъ архивахъ должны быть подробныя свѣдѣнія о первомъ русскомъ посольствѣ стольника Потемкина въ Испанію въ 1667 г. Какъ

извѣстно, первые русскіе послы оставили сами очень обширныя записки о своемъ путешествіи въ Испанію, еще не изданныя. Несомнѣнно, это посольство оставило слѣды въ испанскихъ архивахъ, если припомнить тѣ затрудненія, которыя оно встрѣтило послѣ высадки въ Кадиксѣ и при своемъ приближеніи къ Мадриду. Масальскій въ „Сынѣ Отеч.“ 1850 г. вкратцѣ передалъ содержаніе записокъ русскихъ пословъ.

Несомнѣнно, въ испанскихъ архивахъ должны находиться слѣды поѣздки въ Испанію Виніуса въ 1673 г., кн. Долгорукова 1688 г., а также сношеній, которыя велъ съ испанскимъ правительствомъ кн. Щербатовъ въ 1717 г. въ Кадиксѣ, въ 1723 г. „Легаціансъ-ратъ“ кн. Голицынъ въ Мадридѣ и съ 1726 г. опять кн. Щербатовъ. Испанское правительство въ то время имѣло преувеличенное представленіе о силѣ и средствахъ Россіи и потому чрезвычайно настойчиво хотѣло войти съ ней въ союзъ, а Петръ В., со своей стороны, желалъ воспользоваться Испаніей, какъ посредницей для заключенія болѣе выгоднаго мира съ Швеціей. Кардиналъ Альберони очень желалъ этого союза, и Беретти, испанскій посланникъ въ Гаагѣ, велъ переговоры съ кн. Куракинымъ о союзѣ Испаніи съ Россіей противъ Англіи и Австріи. Въ Парижѣ испанскій посолъ Сельямиръ, при Филиппѣ Орлеанскомъ, также велъ переговоры съ русскимъ посломъ Шлейницемъ о сближеніи съ Россіей, такъ какъ Испаніи угрожалъ тогда четверной союзъ Франціи, Англіи, Австріи и Голландіи. Въ 1719 г. эта мысль не была чужда и кн. Куракину, какъ видно изъ его писемъ („Архивъ кн. Куракина“, т. I). Въ это время шла даже рѣчь о вступленіи царствующихъ домовъ Россіи и Испаніи въ родственный союзъ: прибывшій въ Россію патеръ Арсели велъ переговоры о бракѣ испанскаго инфанта Фердинанда съ дочерью Петра В., царевной Натальей. Самъ Петръ В. смотрѣлъ на испанскій флотъ, какъ на лучшую школу для гардемариновъ, которыхъ онъ и назначилъ для службы на испанскихъ галерахъ. Это видно и изъ писемъ его кн. Куракину въ 1718 г., и особенно изъ записокъ Неплюева („Рус. Арх.“ 1871): 22 человѣка русскихъ гардемариновъ провели въ Кадиксѣ болѣе 7 мѣсяцевъ съ 5 іюля 1719 г. по 17 февраля 1720 г., при чемъ одинъ изъ нихъ, кн. Алексѣй Бѣлосельскій, умеръ, а другой, Иванъ Аничковъ сошелъ съ ума и былъ запертъ „въ костелѣ, понеже дѣлалъ всякіе безпорядки и говорилъ вздоръ“. Семимѣсячное пребываніе цѣлаго гнѣзда второстепенныхъ птенцовъ Петра В. должно было, конечно, оставить слѣдъ въ испанскихъ архивахъ. Сопровождавшій герцога де Лиріа доминиканецъ Рибейра, который такъ интересовался русскими церковными событіями того времени, что даже написалъ особое сочиненіе

въ защиту „Камня вѣры“ Стефана Яворскаго, направленное противъ Буддея, конечно, могъ сообщить своему духовному начальству многія интересныя свѣдѣнія о Россіи, которыя и таятся теперь въ архивѣ какого-либо испанскаго монастыря. Нѣтъ сомнѣнія, что въ архивѣ испанскаго министерства иностранныхъ дѣлъ имѣются любопытныя донесенія испанскихъ посланниковъ о временахъ Анны, Елизаветы, Петра III, Екатерины II, Павла, Александра I. Въ испанскихъ архивахъ находятся, конечно, свѣдѣнія и о тѣхъ корабляхъ, которые Испанія такъ неудачно пріобрѣла у Россіи для подавленія возстанія въ Южной Америкѣ, и о томъ давленіи, которое Александръ I, черезъ своего посланника Татищева, оказывалъ на Испанію, особенно послѣ Веронскаго конгресса, въ томъ смыслѣ, чтобы испанская конституція была измѣнена или даже совершенно отмѣнена. Наконецъ, въ семейныхъ архивахъ лицъ, предки которыхъ были членами испанскихъ посольствъ въ Петербургѣ въ разныя времена, конечно, можно найти интересныя письма, дневники, могущіе дать матеріалъ для характеристики русскаго общества, быта и нравовъ за соотвѣтствующее время. Выше приведенныя общія соображенія о значеніи испанскихъ архивовъ для русской исторіи вполнѣ подкрѣпляются слѣдующими словами проф. Иконникова: „Если до сихъ поръ мало извлечено матеріаловъ, относящихся къ исторіи Россіи, изъ архивовъ Испаніи, то это не объясняется ихъ полнымъ отсутствіемъ; напротивъ, то, что извлекалось, не лишено своего значительнаго интереса и важности („Опытъ рус. исторіогр.“, гл. I, кн. II, стр. 1502).

П. Головачевъ.

Изъ прошлаго.

Фельмаршала Гурко многіе считали суровымъ начальникомъ, тогда какъ въ дѣйствительности это былъ добрѣйшій, сердечный, отзывчивый человѣкъ, правда весьма требовательный по службѣ. Суровость если и была, то внѣшняя, выражавшаяся преимущественно въ голосѣ, въ которомъ иногда бывало, какъ выражался самъ Іосифъ Владимировичъ, преобладаніе „басовыхъ нотъ“. Къ этому надо прибавить и характерную краткость рѣчи, при замѣчаніяхъ по службѣ. Пишущему эти строки памятенъ одинъ случай не крупный, но характерный.

На одномъ изъ объѣздовъ полковъ по окончаніи маневра, заключившаго спеціальный кавалерійскій сборъ, г. Гурко замѣтилъ очень малое число офицеровъ во фронтѣ и спросилъ о причинахъ. Объясненія начальника дивизіи были слабы: болѣзнь, отпуски и т. д. Г. Гурко ограничился краткой замѣткой; не возвышая голоса, скорѣе понизивъ его, съ замѣтнымъ преобладаніемъ басовыхъ нотъ, онъ сказалъ: „а 20-го числа всѣ на лицо“?...

П. Паренсовъ.

Собственноручная записка И. И. Дмитріева по жалобѣ кіевскаго дворянства, поданная генералъ-прокурору князу Куракину о неправильномъ выборѣ судей въ Кіевскомъ уѣздѣ.

Двадцать перваго числа сего мѣсяца вступила въ третій Сената департаментъ жалоба отъ надворнаго совѣтника Кирилова по уполномочію дворянства уѣзда Кіевскаго, бывшаго доселѣ Малороссійскимъ, на польскихъ дворянъ той части, которая причислена къ уѣзду Кіевскому, что они при наступленіи первыхъ выборовъ судей по новому штату избрали между собою повѣтовымъ маршаломъ своего соотечественника Росцишевскаго, а сей, будучи подкрѣпляемъ отъ нихъ, всѣ мѣста наполнилъ польскими дворянами и даже такими, которые ни чиновъ, ни собственности въ томъ уѣздѣ не имѣютъ, а поссесоры токмо аренды; россійскіе же дворяне, имѣющіе право избирать и быть избираемыми, коихъ въ городѣ Кіевѣ и уѣздѣ находится болѣе тридцати, а всѣхъ вообще до ста фамилій, вопреки сенатскаго 1797 года указа, были отъ выборовъ удалены, кромѣ только одного, да и сей назначенъ былъ для одного вида, какъ то впослѣдствіи оказалось; что гражданскій губернаторъ и губернскій прокуроръ хотя и старались отвратить такой безпорядокъ, но не имѣли успѣха; что дворянскій новоизбранный предводитель послалъ списокъ новоизбранныхъ судей въ Сенатъ прямо отъ себя, а не чрезъ губернское правленіе; что производство дѣлъ. отправляется ими на польскомъ языкѣ, въ противность сенатскому предписанію, дабы въ городахъ Кіевѣ и Васильковѣ отправлять оныя на русскомъ, потому что жители оныхъ суть русскіе; въ заключеніи кіевское дворянство проситъ, чтобъ повелѣно было изслѣдовать поступки маршала повѣта кіевскаго, равно какъ и дворянъ польскихъ, которые лишаютъ ихъ, древнихъ подданныхъ, правъ ихъ и преимуществъ; чтобъ учредить у нихъ повѣтовый судъ

и другіе уряды и уничтожа, наконецъ, незаконно учиненный выборъ, произвесть оный вновь, съ допущеніемъ къ тому и дворянъ кіевскихъ.

По деликатности прописанныхъ здѣсь обстоятельствъ и дабы третій департаментъ, не зная, подтвержденъ ли будетъ или нѣтъ представленный въ Герольдію списокъ избранныхъ судей, не положилъ противной резолюціи, за долгъ поставилъ предварительно донести о семъ вашему сіятельству.

Правящій должность оберъ-прокурора Дмитріевъ.

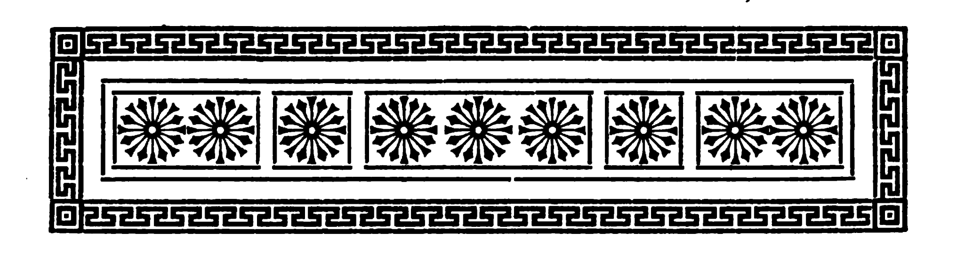
1798 февраля 27 дня.

На эту записку 15 марта князь Куракинъ сообщилъ Ивану Ивановичу Дмитріеву, что онъ отнесся къ герольдмейстеру кн. Щербатову „чтобы до времени, пока учинено будетъ въ Сенатѣ по упомянутой жалобѣ разсмотрѣніе, удержался онъ докладомъ о спискѣ, доставленномъ въ Герольдію о выбранныхъ по Кіевскому уѣзду дворянахъ“, Дмитріеву же рекомендовалъ „поспѣшить докладомъ Правительствующему Сенату по жалобѣ дворянства и, по важности существа оной, настоять о законномъ и рѣшительномъ постановленіи какъ на сей, такъ и на предбудущіе таковаго рода случаи“.

Въ рапортѣ князю Куракину отъ 17 марта Дмитріевъ писалъ, что „вышеозначенная жалоба сего числа Правительствующему Сенату докладывана и послѣдовала резолюція, чтобъ Кіевскому губернскому правленію предписать: 1) учиненный по оной губерніи выборъ въ кандидаты, для помѣщенія въ главный судъ и въ Кіевскій и Васильковскій повѣтовые суды предсѣдателей отмѣнить, а учинить вновь согласно высочайшей его императорскаго величества воли, изображенной въ посланномъ изъ Сената отъ 29 октября прошлаго 1797 г. указѣ, къ которому допустить и малороссійскихъ дворянъ чиновниковъ; 2) всѣхъ помѣщенныхъ изъ поляковъ въ кандидаты, кои не имѣютъ помѣстья, а только содержатъ на арендѣ чужія деревни, исключить и къ выборамъ ихъ не допускать; 3) какъ въ самомъ Кіевскомъ и Васильковскомъ повѣтахъ жители обитаютъ по большой части малороссійскіе, не знающіе польскаго языка, то согласно самого главнаго суда требованію и на оное отъ Сената прошлаго жъ 1797 года декабря 14 дня предписанію должно производить дѣла на россійскомъ языкѣ, то при баллотированіи въ выборахъ польскимъ дворянамъ преимущество давать тѣмъ, которые знаютъ россійскій языкъ.“

Н. А. Мурзановъ.

Изъ воспоминаній бывшаго крымскаго помѣщика.

Въ 1858—1859 годахъ и началѣ шестидесятыхъ въ Крыму совершились два важныхъ событія. Обанкротилось французское общество Трона, намѣревавшееся провести желѣзную дорогу отъ Θеодосіи до Харькова, и совершилось переселеніе степныхъ татаръ въ Турцію. Я былъ свидѣтелемъ этихъ обоихъ событій, проживая въ то время въ Θеодосіи.

О переселеніи крымскихъ татаръ въ Турцію писали и говорили и теперь пишутъ и говорятъ много, даже очень много. Я съ моей стороны не въ силахъ сказать ничего новаго, но не могу не замѣтить, что большинство писателей о переселеніи крымскихъ татаръ въ Турцію ошибаются. Не религіозный фанатизмъ былъ причиною эмиграціи крымскихъ татаръ въ Турцію, какъ продолжаютъ утверждать нѣкоторые писатели, а безысходное положеніе татаръ-пролетаріевъ въ экономическомъ отношеніи. И вотъ самое лучшее этому доказательство. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ одно лѣто крымскихъ степныхъ татаръ переселилось болѣе 400.000 душъ, между тѣмъ какъ горскіе татары-собственники не тронулись съ своихъ мѣстъ. И въ продолженіе этого долгаго 40-лѣтняго періода времени крымскіе татары, хотя и не въ такомъ большомъ количествѣ, какъ въ началѣ 60-хъ годовъ, продолжаютъ эмигрировать въ Турцію. Горскіе же татары-собственники, повторяю, не трогаются съ своихъ мѣстъ.

Въ знаменательную эпоху проведенія желѣзно-дорожнаго пути отъ Θеодосіи до Харькова я былъ въ Θеодосіи. Это время дѣйствительно было замѣчательное и прибавлю между прочимъ къ величайшему изумленію многихъ о нашествіи французской компаніи на Θеодосію писали черезчуръ мало. Между тѣмъ это нашествіе

чрезвычайно характерно. Я напомню читателямъ, что маленькій уѣздный городокъ Ѳеодосія мирно прозябалъ нѣсколько столѣтій, оживляясь лишь въ ту эпоху, когда Ѳеодосія называлась Каффой и служила невольничьимъ рынкомъ. Затѣмъ въ послѣдніе годы Ѳеодосія мало по малу вошла въ общую колею уѣздныхъ городовъ Россіи, впрочемъ сохранивъ греко-татарскій характеръ. Въ этотъ городъ въ лѣтніе мѣсяцы собиралось много пріѣзжихъ, привлекаемыхъ двумя обстоятельствами: дешевизной жизни и прекраснымъ морскимъ купаньемъ въ бухтѣ. Граждане Ѳеодосіи жили мирно, вставали рано, обѣдали въ полдень, конечно послѣ обѣда почивали, вечеромъ пили чай и въ лѣтнюю пору передъ закатомъ солнца непремѣнно отправлялись на бульваръ, лежащій около бухты, посмотрѣть на пріѣзжихъ и узнать новости. На бульварѣ стояла обширная ротонда, гдѣ по воскресеньямъ играла музыка, состоящая изъ скрипки, віолончели и флейты; ѳеодосійскія барышни пускались въ танцы съ мѣстными молодыми чиновниками, а еще лучше съ пріѣзжими кавалерами, танцовали самые модные въ то время танцы: лансье, польку-транбланъ и т. д., потомъ, конечно, обмахиваясь вѣерами, отправлялись съ кавалерами гулять по бульвару или отдыхали на уединенныхъ скамеечкахъ, любуясь морскимъ прибоемъ. Такъ мирно протекало время, какъ вдругъ прошелъ слухъ, окончательно ошеломившій мирныхъ ѳеодосійцевъ. Говорили, что французская компанія Трона получила концессію на проведеніе желѣзной дороги отъ Ѳеодосіи до Харькова. Все въ мигъ засуетилось. Прежде всего цѣнность на недвижимую собственность возрасла до чрезвычайныхъ размѣровъ, потомъ на все остальное, какъ-то: на квартиры, хозяйственные продукты и проч. Такъ, напримѣръ, за деревянный домикъ въ одинъ этажъ, стоющій самое большое двѣ-три тысячи рублей, хозяинъ спрашивалъ 30 тысячъ; за квадратную сажень земли вмѣсто 25 коп., какъ это было прежде, теперь уже назначалось 25 рублей; на берегу бухты, противъ бульвара воздвигнулись каменныя палаты Кочубея съ отдѣльными аппартаментами, магазинами и кондитерской. Словомъ сказать, все пришло въ движеніе. Въ то же время, въ 1858 году пріѣхали въ Ѳеодосію главный директоръ желѣзно-дорожнаго дѣла де-Манже и съ нимъ вмѣстѣ толпа неудавшихся парижскихъ ремесленниковъ: перчаточниковъ, тамбуръ-мажоровъ, мусорщиковъ, обанкротившихся рантьеровъ и прочаго люда, наименованныхъ „*инженерами*“. Бывали по истинѣ курьезныя сцены. Нѣкто Десмонъ, бесѣдуя за стаканомъ вина, откровенно говорилъ своему знакомому:

— Помилуйте, какой же я инженеръ. Я вѣдь перчаточникъ съ Итальянскаго бульвара, а объ инженерномъ искусствѣ не имѣю по-

нятія, и вотъ благодаря моей маленькой протекціи попалъ въ инженеры. Чортъ возьми!—прибавлялъ откровенно парижанинъ—это для меня во всякомъ случаѣ очень лестно.

Тамбуръ-мажоръ Бертрэнъ, познакомившись съ одной изъ пріѣзжихъ—княгиней и ея дочкой, заинтересовалъ ихъ своимъ парижскимъ выговоромъ до такой степени, что княжна влюбилась въ тамбуръ-мажора и сочеталась съ нимъ законнымъ бракомъ. Здѣсь кстати сказать, что союзъ этотъ былъ не особенно счастливъ, тамбуръ-мажоръ, хотя и обладалъ парижскимъ выговоромъ, но велъ себя по отношенію своей супруги хуже всякаго русскаго сапожника, тамбуръ-мажоръ былъ грубъ съ женой до полнаго свинства. Вообще пріѣздъ французскихъ quasi-инженеровъ произвелъ великій переполохъ среди ѳеодосійскихъ барышенъ. Кромѣ вздорожанія недвижимой собственности и другихъ продуктовъ, сразу поднялся въ цѣнѣ кизильникъ, который употребляли ѳеодосійскіе барышни для кринолиновъ. Одна очень богатая престарѣлая дѣва влюбилась въ парижскаго обанкротившагося рантьера по фамиліи Шарпантье, также названнаго инженеромъ, и сочеталась съ нимъ законнымъ бракомъ. И этотъ бракъ былъ несчастливъ. Послѣ нѣсколькихъ дней свадьбы Шарпантье застрѣлился. Одна молоденькая жена чиновника, хотя и не знала французскаго языка, но также влюбилась въ quasi-инженера, бросила мужа и убѣжала къ французу на линію строющейся желѣзной дороги. Но я не буду пересчитывать всѣхъ курьезовъ по случаю пріѣзда въ Ѳеодосію французскихъ *инженеровъ*; курьезовъ этихъ безчисленное множество. Лучше повести рѣчь о директорѣ де-Манже.

Этотъ господинъ представлялъ изъ себя типъ чиновника-авантюриста второй имперіи. Высокій ростомъ, среднихъ лѣтъ, худощавый, съ лицомъ очень суровымъ, никогда не улыбающимся, онъ дѣйствительно внушалъ если не уваженіе, то боязнь всѣмъ своимъ подчиненнымъ, не исключая и сына Трона, щеголявшаго по бульвару въ конно-артиллерійскомъ мундирѣ при саблѣ. Послѣднее обстоятельство приводило въ неистовый восторгъ всѣхъ ѳеодосійскихъ шерочекъ, и эти барышни единогласно рѣшили, что молодой Тронъ—*„душка“*. Но обратимся опять къ директору де-Манже. Этотъ вельможа второй имперіи, не сдѣлавъ никому изъ ѳеодосійскихъ гражданъ визита, разослалъ всѣмъ приглашеніе на костюмированный балъ. Къ моему крайнему изумленію, ѳеодосійскіе граждане и гражданки, несмотря на то, что де-Манже третировалъ ихъ съ величіемъ бюрократа, явились на балъ.

Двери трехъ довольно обширныхъ комнатъ, залы, гостиной и диванной были растворены настежь. Въ передней помѣщался оркестръ музыки: віолончель, скрипка и флейта. Самъ любезный хозяинъ,

директоръ, на порогѣ гостиной въ залъ принималъ костюмированныхъ, разнообразіе которыхъ дѣйствительно было замѣчательно. Өеодосійскіе граждане и по преимуществу гражданки изъ тарлатана, плиса, коленкора, разноцвѣтныхъ бумажекъ и картона создали дѣйствительно что-то необычайное. Въ залъ директора толпами входили рыцари, пастушки, амуры, кавказскіе горцы, турецкіе паши, крестьянки и даже вспорхнула въ залъ темная южная ночь, пріѣзжая русская княжна подъ ручку съ своимъ женихомъ тамбуръ-мажоромъ, одѣтымъ рыцаремъ. Гости отъ души веселились, танцовали кадрили, лансье и, разумѣется, польку-транбланъ. Время отъ времени гостей подчивали мороженымъ и фруктами, виноградомъ, яблоками и грушами. Чрезмѣрное веселье костюмированныхъ, само собой разумѣется, развило въ нихъ большой аппетитъ. Всѣ эти рыцари, амуры, ночи, крестьянки и т. д. и т. д. весьма оживленно посматривали на дверь, выходившую въ корридоръ, и ждали если не торжественнаго приглашенія въ столовую къ ужину, то по крайней мѣрѣ появленія офиціантовъ съ подносами, на которыхъ стояли бы чашки бульона, но, увы! ожиданія жаждущихъ и алчущихъ костюмированныхъ гостей господина директора не увѣнчались успѣхомъ: ни ужина, ни бульона имъ не было предложено. Въ третьемъ часу ночи гости стали разъѣзжаться, проклиная скупость французовъ. Здѣсь я этимъ и ограничусь. Болѣе подробное описаніе костюмированнаго бала де-Манже вовсе не такъ интересно, чтобы о немъ распространяться, поговоримъ лучше о главномъ.

Заполучивъ концессію на проведеніе желѣзной дороги отъ Өеодосіи до Харькова, агенты Трона разсыпались по селамъ губерній: Тульской, Орловской, Курской, Черниговской, Полтавской и Екатеринославской и при помощи волостныхъ писарей, въ ту эпоху полныхъ властелиновъ крестьянскаго люда, наняли 6.000 человѣкъ рабочихъ, въ особенности изъ недоимочныхъ. Между условіями, заключенными, конечно, словесно, а не на бумагѣ, стояло обязательство повѣренныхъ Трона выслать семьямъ рабочихъ на подати извѣстное количество рублей каждой. Наемъ рабочихъ состоялся тотчасъ же послѣ Святой на Өоминой недѣлѣ. Въ концѣ апрѣля всѣ артели рабочихъ уже прибыли къ Сивашу, гдѣ ихъ ожидали французскіе quasi-инженеры, и работы начались съ проведеніемъ полотна, т. е. насыпи.

Рабочихъ помѣстили частью въ баракахъ, на-скоро сколоченныхъ изъ барочныхъ досокъ, и въ землянкахъ. Русскій крестьянинъ вообще не прихотливъ. Скученные въ баракахъ, съ крышъ которыхъ проходилъ дождикъ, и въ сырыхъ землянкахъ безъ всякаго приспо-

собленія къ отдыху, рабочіе покорились своей участи и усердно работали, но когда подрядчики г. Трона стали кормить рабочихъ хлѣбомъ съ пескомъ, ржавой селедкой и солониной съ червями, рабочіе начали роптать, но на это по обыкновенію никто не обращалъ вниманія. Такъ проходило время до іюля мѣсяца, когда въ одно прекрасное утро рабочіе получили письма отъ своихъ родныхъ, извѣщавшія ихъ, что къ Петрову дню они не получили обѣщанныхъ денегъ, а потому и не были въ состояніи во-время уплатить податей, вслѣдствіе чего въ села и деревни явился становой и судебный приставъ, описали весь ихъ крестьянскій скарбъ, самовары, лавки, посуду, а также овецъ и свиней. Все это, писали изъ деревень рабочимъ, назначено въ продажу. Эти письма изъ деревень были похожи на горящую головню, брошенную въ пороховой погребъ. Всѣ рабочіе, въ количествѣ 6.000, побросали тачки и лопаты и прекратили работы. Господа французскіе quasi-инженеры всполошились и поскакали къ исправнику, умоляли его прекратить *бунтъ рабочихъ*. Ѳеодосійскій исправникъ, конечно, тотчасъ же поскакалъ на линію, силился уговорить рабочихъ, но это ни къ чему не повело.

— Они тебѣ, ваше благородіе,—говорили рабочіе—сказывали, что намъ были предъявлены квитки (почтовыя росписки), но вѣдь эти квитки были не настоящія, а старинныя, воля милости твоей, а работать мы не согласны,—рѣшили рабочіе.

При этомъ со стороны рабочихъ было заявлено исправнику и о продовольствіи. Эта претензія рабочихъ была высказана въ самой оригинальной формѣ.

— Вотъ хоть бы въ Петровскій постъ,—говорили они,—вѣришь ли, ваше благородіе, на сельдѣ заморилъ французъ; будь онъ проклятъ! А ты самъ знаешь, какое тутъ пойло-то: вода соленая, горькая, ну, у насъ у всѣхъ животы-то и подвело.

Господинъ исправникъ, конечно, не производилъ дальнѣйшаго разслѣдованія *„о квиткахъ“* и *„сельдѣ“*. Исправникъ главнымъ образомъ имѣлъ намѣреніе прекратить *„бунтъ рабочихъ“*, но такъ какъ ему этого не удалось, рабочіе рѣшительно отказались работать, вслѣдствіе чего исправникъ поѣхалъ въ Симферополь и доложилъ обо всемъ губернатору Жуковскому. Его превосходительство въ свою очередь всполошился. Прекратить бунтъ 6.000 рабочихъ требовались солдаты, а солдатъ въ то время въ Крыму не было въ достаточномъ числѣ. При томъ же полки, баталіоны, роты и взводы были размѣщены на очень далекомъ разстояніи Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерній. Въ виду такихъ обстоятельствъ губернаторъ Жуковскій, желая прекратить *„бунтъ“* рабочихъ въ самомъ началѣ, отправился къ Сивашу съ своимъ адъютантомъ Фроловымъ

и двумя казаками. Около насыпи уже были выстроены контора проводимой желѣзной дороги и кладовая, для храненія провизіи. Подъѣхавъ къ конторѣ, губернаторъ не зашелъ въ нее, а отправился прямо къ насыпи, на которой сидѣли рабочіе. При появленіи губернатора они встали, снявъ шапки, почтительно поклонились ему и начали заявлять свои претензіи. Къ сожалѣнію, эти претензіи заявлялись всѣми разомъ, такъ что губернаторъ ровно ничего не могъ понять, въ чемъ дѣло, чего хотятъ рабочіе. Желая ихъ усовѣстить, губернаторъ подошелъ къ одному изъ рабочихъ, очень мирно положилъ свою руку ему на плечо и сталъ уговаривать. Между тѣмъ рабочему показалось, что губернаторъ хочетъ его ударить.

— Ты что же это, ваше благородіе,—крикнулъ рабочій, отшатнувшись назадъ—въ зубы што-ль хочешь заѣхать? За починомъ дѣло!

Среди рабочихъ раздался гулъ, похожій на звѣриное рычаніе, и Жуковскій поспѣшилъ скрыться въ контору.

— Что тутъ дѣлать,—говорилъ онъ,—шести тысячъ буяновъ нельзя же унять двумя казаками, а войска пока у меня нѣтъ.

Тогда одинъ изъ присутствующихъ въ конторѣ, именно губернаторскій адъютантъ Дмитрій Тихоновичъ Фроловъ, сказалъ:

— Простите, ваше превосходительство, прекращеніе работы рабочими я еще не считаю бунтомъ. Смѣю увѣрить васъ, здѣсь есть какое-нибудь недоразумѣніе. Я бы рекомендовалъ вамъ послать кого-нибудь въ экономію Ивана Петровича Лотова, онъ мой хорошій знакомый, пригласить его пріѣхать сюда въ контору, пусть онъ переговоритъ съ рабочими; Лотовъ, какъ я слышалъ, очень популяренъ среди рабочихъ. Хотя и пользуется репутаціей политически неблагонадежнаго; впрочемъ, послѣднее до насъ не касается.

— Я совершенно раздѣляю вашъ образъ мыслей—согласился губернаторъ, и за помѣщикомъ Лотовымъ, жившимъ тутъ же не вдалекѣ, былъ посланъ гонецъ.

Я долженъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ Лотовѣ, съ которымъ былъ давно знакомъ и очень друженъ. Лотовъ, дѣйствительно, пользовался не особенно хорошей репутаціей у земскаго исправника, становогo пристава и у всѣхъ господъ чиновниковъ уѣзднаго суда.

Причина послѣдняго мнѣ неизвѣстна, но я зналъ лишь то, что рабочіе всѣ безъ исключенія, какъ русскіе, такъ и татары очень любили Лотова; онъ, кажется, былъ кандидатъ Московскаго университета физико-математическаго факультета и не такъ давно пріѣхалъ въ Крымъ, наслѣдовавъ имѣніе послѣ умершаго своего отца. Лотовъ былъ молодой человѣкъ, высокій ростомъ, очень не дурной собой, съ густою свѣтлаго цвѣта шевелюрой. Войдя въ контору,

гдѣ былъ губернаторъ и все общество, Лотовъ очень небрежно поклонился и спросилъ, что угодно его превосходительству? Жуковскій очень любезно пожалъ ему руку, пригласилъ сѣсть и просилъ, нельзя ли какъ-нибудь унять разбушевавшихся рабочихъ? По тонкимъ губамъ Лотова промелькнула едва замѣтная, ироническая улыбка, и онъ отвѣчалъ:

— Едва-ли мнѣ удастся сдѣлать что-нибудь. По всей вѣроятности, волненія у рабочихъ есть какая-нибудь причина со стороны г. Трона, впрочемъ, попробую, прибавилъ Лотовъ и направилъ свои шаги къ двери. Рабочіе въ это время,—цѣлой массой сидѣли на насыпи, между ними шелъ весьма оживленный разговоръ или скорѣе гулъ, изъ котораго трудно было понять что-либо. Лотовъ, приподнявъ свою сѣрую англійскую шапочку, привѣтствовалъ рабочихъ и спросилъ ихъ, чего они галдятъ? Тутъ раздались такіе крики со всѣхъ сторонъ, что уже не было никакой возможности понять что-либо. На это Лотовъ адресовалъ рабочимъ самую внушительную русскую брань и просилъ рабочихъ, чтобы они отдѣлили изъ своей среды депутатовъ, съ которыми можно было бы поговорить толкомъ. Брань молодого помѣщика нисколько не оскорбила рабочихъ, напротивъ, имъ будто понравилось, что молодой баринъ ихъ прямо огорошилъ по-русски, и они тотчасъ же, посовѣтовавшись между собой, отдѣлили человѣкъ десять пожилыхъ мужиковъ изъ Курской артели.

— Ну вотъ такъ-то давно бы, сказалъ Лотовъ, въ чемъ дѣло? говорите толкомъ!

Мужики почесали въ затылкахъ, сдѣлали очень энергичное движеніе плечами, и одинъ изъ выборныхъ передалъ Лотову, что главная претензія рабочихъ заключается въ томъ, что повѣренные Трона не исполнили условій, заключенныхъ при наймѣ, и харчи во всей линіи изъ рукъ вонъ плохи.

— Ты самъ подумай, отозвался одинъ изъ депутатовъ, каково намъ терпѣть такую неправду? Когда насъ нанимали по волостямъ, кой кому въ то время повѣренные Трона выдали задатки, а писарь отобралъ всѣ деньги, я, говоритъ, зачту задатки за подати, а вамъ, ребята, вотъ пока на дорогу, и одѣлилъ насъ пятаками, а какъ же, въ то время мы говорили, вотъ опять къ Петрову дню надо будетъ платить подати. Ладно, возразилъ писарь, до Петрова-то дня еще далеко, г. Тронъ къ этому времени вышлетъ вашимъ семьямъ деньги на подати.—Ну, коли вышлютъ на подати и толковать нечего. Такъ и было рѣшено, а на повѣрку дѣло-то вышло совсѣмъ не такъ, денегъ-то онъ не прислалъ, а за подати, какъ намъ пишутъ изъ дома, описали нашъ скарбъ и овецъ и свиней. Такъ-то, прибавилъ рабочій, энергично почесавъ затылокъ.

— А на счетъ харчей,—вскричалъ другой рабочій—тоже дѣлаетъ не по закону. Въ Петровкѣ сельдей заморилъ, а пойло-то тутъ ты самъ знаешь какое, вода соленая, горькая, а на счетъ солонины и толковать нечего, ты погляди-ка въ чанъ, гдѣ лежитъ солонина, чанъ стоитъ вонъ тамъ въ кладовой,—указывалъ рабочій на отдѣльное зданіе.

Выслушавъ претензіи рабочихъ, Лотовъ сказалъ:

— Ну хорошо, пойдемте въ контору,—обратился онъ къ выборнымъ,—а вы, ребята,—прибавилъ Лотовъ,—чуръ, не галдѣть, сидѣть смирно.

— Намъ чего галдѣть,—вскричали сидѣвшіе на насыпи рабочіе,—намъ только былъ бы законъ соблюденъ, мы навсегда готовы работать.

Лотовъ и человѣкъ десять выборныхъ рабочихъ направили шаги къ конторѣ.

— Ну вы, братцы, маленько повремените тутъ, пока я переговорю съ губернаторомъ.

Выборные рабочіе остались на дворѣ, а Лотовъ вошелъ въ контору. Вскорѣ Жуковскій, сопровождаемый всей свитой, вышелъ на дворъ.

— Ну еще разъ здравствуйте, братцы,—ласково привѣтствовалъ губернаторъ выборныхъ,—Иванъ Петровичъ передалъ мнѣ ваши претензіи, будьте покойны, я разберу все дѣло.

Затѣмъ губернаторъ повторилъ то, что слышалъ отъ Лотова, и, обращаясь къ выборнымъ спросилъ:—вѣрно ли Иванъ Петровичъ передалъ ихъ претензіи?

— Вѣрно, ваше благородіе, вѣрно!—вскричали въ одинъ голосъ выборные.—Толковать нечего, одна обида!

Губернаторъ, возвратившись въ контору, началъ внимательно пересматривать шнуровую книгу. Въ графѣ расходовъ четко были написаны имена рабочихъ, семьямъ которыхъ контора Трона посылала деньги.

— Мнѣ бы хотѣлось,—обратился губернаторъ къ бухгалтеру,—взглянуть на почтовыя росписки.

Бухгалтеръ засуетился, выдвигалъ ящики, растворялъ всѣ шкафы, всюду искалъ почтовыя росписки, но таковыхъ нигдѣ не оказалось. Тотчасъ же, по приказанію губернатора, былъ составленъ протоколъ, который гласилъ, что почтовыхъ росписокъ нигдѣ не оказалось, хотя въ шнуровой книгѣ и были записаны суммы денегъ, посланныхъ конторой семьямъ рабочихъ.

— Затѣмъ—сказалъ губернаторъ—я бы желалъ взглянуть на

продовольственные продукты, какъ-то: хлѣбъ, крупу, солонину и сушеную рыбу.

— Слушаюсь,—отозвался старшій бухгалтеръ,—я побѣгу за артельщикомъ, у него ключи отъ кладовой.

Съ этими словами старшій бухгалтеръ вышелъ. Губернаторъ и всѣ присутствовавшіе, выйдя на дворъ, направили свои шаги къ кладовой. Это было каменное зданіе, покрытое черепицей, съ массивной дверью, на которой висѣлъ замокъ.

— Гдѣ же артельщикъ? — спросилъ губернаторъ.

Но артельщика нигдѣ не могли отыскать.

— По всей вѣроятности,—робко замѣтилъ, прибѣжавшій бухгалтеръ, — артельщикъ отлучился въ городъ.

— Странно,—на это замѣтилъ губернаторъ,—артельщикъ отлучается въ городъ и увозитъ съ собой ключъ отъ провизіи. Дѣлать нечего,—улыбаясь, прибавилъ губернаторъ,—надо сломать замокъ.

По распоряженію исправника, тотчасъ же явился рабочій съ ломомъ, и замокъ былъ сбитъ.

Всѣ вошли въ кладовую. Это былъ довольно обширный сарай; кругомъ лежали кожи воловьи и бараньи, вяленая вобла, печеный хлѣбъ и пр. По серединѣ сарая стоялъ огромныхъ размѣровъ чанъ, покрытый рогожами; когда рогожи были сняты, глазамъ присутствующихъ представилась необыкновенная картина: въ чану было болѣе червей, чѣмъ солонины. Миріады этихъ паразитовъ кишѣли въ чану; всѣ съ ужасомъ отшатнулись отъ этой неприглядной картины. Дальнѣйшій осмотръ провизіи былъ уже излишенъ — достаточно было одной солонины или скорѣе чана съ червями. Всѣ возвратились въ контору. По приказанію губернатора, червивая солонина тотчасъ же была сожжена, а изъ залоговыхъ денегъ Трона посланы условленныя при наймѣ суммы денегъ. О томъ и другомъ исправникъ и Лотовъ торжественно объявили рабочимъ, которые низко поклонились и мирно пошли на работу. Такимъ образомъ этотъ инцидентъ, только благодаря случайности, кончился безъ кровопролитія и даже въ полицейскихъ актахъ не былъ названъ бунтомъ. Здѣсь я долженъ сказать о дальнѣйшей судьбѣ проведенія желѣзной дороги отъ Ѳеодосіи до Харькова. Компанія Трона, какъ извѣстно, обанкротилась. Все имущество, кромѣ рельсовъ, было продано съ аукціоннаго торга за 19.001 руб.

Теперь я буду говорить о переселеніи крымскихъ татаръ въ Турцію, весной и лѣтомъ въ 1860-мъ году. Выше я уже замѣтилъ, что переселеніе крымскихъ татаръ въ Турцію было вслѣдствіе безвыходнаго экономическаго положенія крымскихъ степныхъ татаръ.

Съ ранней весной турецкіе эмиссары, конечно муллы, наводнили Крымъ и по мечетямъ всѣхъ городовъ и деревень проповѣдывали о необходимости переселенія всѣхъ мусульманъ подъ знамена турецкаго падишаха; такъ означено въ коранѣ, добавляли муллы. Почва для пропаганды была чрезвычайно благодарная. Степные крымскіе татары дѣйствительно были страшно угнетены, болѣе чѣмъ крѣпостные рабы минувшаго времени. Каждый поселенецъ - татаринъ обязанъ былъ платить помѣщику по одному рублю за крупный скотъ и по 30 коп. съ головы за мелкій; кромѣ всего этого поселенецъ отдавалъ десятый снопъ съ жатвы, снопъ этотъ долженъ былъ обмолотить, свезти въ портовый городъ и, главное, безусловно зависѣлъ отъ прихоти помѣщика, который могъ его, поселенца, прогнать во всякое время дня и ночи, а посѣвы прогнаннаго оставить въ свою пользу. Выше мною было замѣчено, что среди помѣщиковъ было множество грековъ, караимовъ, армянъ, малороссіянъ и мурзаковъ. Послѣдніе въ особенности во всѣ времена и вѣки отличались своимъ варварствомъ. Еще при Екатеринѣ II, когда Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи, мурзаки, надѣясь, что всемогущій Потемкинъ населитъ Крымъ русскими помѣщиками и что отъ того земли мурзаковъ значительно возрастутъ въ цѣнности, подбивали простыхъ татаръ переселяться въ Турцію, увѣряя ихъ, что русское правительство переселитъ всѣхъ крымскихъ татаръ въ Сибирь. Татары, разумѣется, повѣрили мурзакамъ и всѣ эмигрировали въ Турцію; между тѣмъ сами мурзаки остались на своихъ мѣстахъ. Здѣсь къ слову слѣдуетъ замѣтить, что мурзаки, эта страшная язва края, вскорѣ должны были разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ: Крымскія земли не возрасли въ цѣнности, а большая ихъ часть попала въ руки разныхъ проходимцевъ: грековъ, армянъ, малороссіянъ и, конечно, нѣмцевъ. Послѣднимъ въ особенности покровительствовала сама императрица Екатерина II. Достаточно сказать, что каждое нѣмецкое семейство, переселившееся въ Крымъ, получало земельнаго надѣла по 60 десятинъ на душу, по 100 рублей на семейство единовременнаго пособія и освобожденіе отъ податей на 25 лѣтъ. Всѣмъ извѣстно, какъ благотворно повліяли нѣмцы на экономическій бытъ Крымскаго полуострова, устроивъ въ своихъ колоніяхъ нѣчто вродѣ государства въ государствѣ. Обращаясь снова къ дѣятельности помѣщиковъ мурзаковъ, мы должны придти къ убѣжденію, что всѣ эти *„восточные человѣки“* всегда жили внѣ закона. Крымскій мурзакъ, одѣтый въ полукавказкій, полуевропейскій костюмъ, съ ногайкой въ рукахъ, билъ ею каждаго переселенца, не взирая на полъ и возрастъ; но кромѣ того, какъ сейчасъ было замѣчено, мурзакъ могъ прогнать по своему капризу любого изъ переселенцевъ. Лишнее

говорить, что между крымскими татарами и помѣщиками, на земляхъ которыхъ они были поселены, никогда не существовало никакихъ письменныхъ условій. Вотъ почему крымскіе степные татары были кротки и послушны до рабскаго униженія. Всѣ эти обстоятельства, сложившіяся въ продолженіе многихъ лѣтъ, и пропаганда турецкихъ эмиссаровъ, обѣщавшихъ татарамъ великія блага въ Турціи, и были причиною того, что въ 1860-мъ году въ одно лѣто изъ Крыма переселилось въ Турцію 420 тысячъ душъ. Татары побросали свои посѣвы (а въ тотъ годъ былъ замѣчательный урожай), почти за ничто, распродали скотъ и ушли въ Стамбулъ. Достаточно сказать, что въ то время пшеница, поднявшаяся въ апрѣлѣ уже въ полчеловѣка, продавалась максимумъ за десятину 5 рублей. Большихъ, кормленныхъ воловъ пара—20 рублей. Лошадь съ арбой за 3 съ полтиной, овца за 25 копѣекъ. Понятное дѣло, что въ 1860 г. въ Крымъ наѣхала масса авантюристовъ; каждому желательно было на рубль нажить другой рубль, а можетъ быть и болѣе. Въ то время я купилъ десятинъ 200 посѣянной пшеницы, множество воловъ и нѣсколько табуновъ лошадей. При этомъ не могу не указать на весьма прискорбный фактъ. Несмотря на то, что покупки мои посѣянной пшеницы, воловъ и табуновъ лошадей были крайне выгодны, татары, продававшіе мнѣ свое имущество, по столь для меня выгодной цѣнѣ, считали меня чуть не благодѣтелемъ; такъ какъ много татарскаго имущества было брошено, а господа армяне и греки, пользуясь этими обстоятельствами, покупали татарское имущество чуть-ли за ничто. Такъ, напримѣръ, десятина густой, высокой, околосившейся пшеницы, которая обѣщала дать самъ-двадцать, покупалась армянами за 50 коп. Но обратимся къ главному.

Покупка 200 десятинъ посѣва, скота и лошадей заставила меня серьезно позаботиться о рабочихъ рукахъ. Изъ Россіи тогда наканунѣ эмансипаціи рабочихъ выписать было положительно невозможно. Всѣ ждали, что вотъ-вотъ будетъ объявленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ и они получатъ отъ правительства разныя льготы, а потому, никто изъ рабочихъ не хотѣлъ заняться отдѣльнымъ промысломъ. Положеніе было дѣйствительно критическое. 200 десятинъ пшеницы на корню требовали рабочихъ рукъ, не говоря уже о рогатомъ скотѣ и табунахъ лошадей. Въ это время, когда я жилъ въ Ѳеодосіи, меня посѣтилъ бывшій управляющій генеральши Хрущевой, нѣкто губернскій секретарь Петръ Семеновичъ Савинковъ, и предложилъ мнѣ слѣдующія условія: съ 1-го апрѣля кончался срокъ рабочихъ на керченской батареѣ, Савинковъ имѣлъ намѣреніе взять этихъ рабочихъ въ числѣ 175 душъ и перевезти въ мою экономію съ условіемъ, что я обязанъ буду платить

въ извѣстные сроки по 65 рублей до Введенія, т. е. до ноября мѣсяца за каждаго рабочаго. Я конечно съ радостью согласился на всѣ эти условія, и между мной и Савинковымъ былъ заключенъ формальный нотаріальный договоръ, при чемъ я обязалъ Савинкова принять на себя всю администрацію по отношенію къ рабочимъ и такъ какъ Савинковъ кромѣ этого долженъ былъ вести все мое хозяйство, то я обязался, какъ онъ этого пожелалъ, платить ему 50 рублей въ мѣсяцъ жалованья. Заключивъ это условіе, мы ударили по рукамъ и на другой же день отправились въ Керчь. Остановившись въ гостиницѣ Молчанова, Савинковъ узналъ, что срокъ найма рабочихъ на керченской батареѣ окончился наканунѣ.

Я просилъ его пригласить рабочихъ на другой день, гдѣ по распоряженію хозяина Молчанова утромъ былъ поставленъ столъ, конечно, чернильница и перо и когда мы съ Савинковымъ, напившись чаю, вышли на дворъ, то уже вся артель рабочихъ насъ ожидала. Савинковъ, вооружившись перомъ и большимъ листомъ бумаги, подзывалъ къ столу каждаго рабочаго, объявлялъ ему условія найма и записывалъ выданный мною рабочему задатокъ. Но я не могу не сказать слова, что это были за рабочіе, представленные мнѣ Савинковымъ. Прежде всего меня поразили ихъ костюмы. Одинъ былъ одѣтъ въ какую-то женскую кофту, холщевые штаны, съ опорками на ногахъ. Другой—въ куцомъ пиджакѣ, поверхъ посконной рубашки. Третій—въ такомъ костюмѣ, который и описать невозможно и такъ далѣе и далѣе. Здѣсь были и буфетчики изъ увеселительныхъ заведеній, и бывшіе ямщики, и маляры пропойцы, и половые, и самое незначительное число, кажется около 15 человѣкъ, курскихъ крестьянъ. Но дѣлать было нечего. Я долженъ былъ покориться обстоятельствамъ и нанять всю эту босую команду. На другой день рано утромъ рѣшено было отправиться—артели рабочихъ на ѳеодосійскую степь.

— Не знаю, какъ вы справитесь съ этими босяками, сказалъ я Савинкову, когда мы вошли въ занятый номеръ.

— Трудненько-то, трудненько будетъ мнѣ съ ними ладить,— улыбаясь, отвѣчалъ мнѣ Савинковъ:—ну, попробую.

На другой день, когда я еще спалъ, Савинковъ разбудилъ меня и ради Бога просилъ моего содѣйствія чрезъ градоначальника Спицына побудить рабочихъ отправиться на косовицу.

— Что прикажете дѣлать?—говорилъ Савинковъ,—рабочіе разбрелись всѣ по кабакамъ, не могу ихъ собрать. Пожалуйста, помогите!

Я скоро одѣлся и мы отправились. Было еще очень рано, такъ, что горожане едва начали показываться на улицахъ. Ѣхали телѣги

съ овощами, баба съ ведрами спѣшила по-воду, дворники лѣниво мели тротуары, но кабаки несмотря на раннее утро всѣ были отворены, изъ нѣсколькихъ кабаковъ слышалось пѣніе пьяныхъ. Мы съ площади свернули въ переулокъ. Только-что сдѣлали нѣсколько шаговъ, Савинковъ, взявъ меня за руку, шепнулъ:

— Смотрите, смотрите! Вотъ идетъ бывшій ямщикъ Бабѣевъ, которому вы вчера дали 3 рубля задатка.

Вскорѣ мы поравнялись съ Бабѣевымъ. Савинковъ остановилъ его и сказалъ:

— Бабѣевъ, ты куда же. Иди въ сборню. Время не ждетъ, пора ѣхать въ степь на косовицу.

— Въ сборню,—заплетавшимся языкомъ отвѣчалъ Бабѣевъ:—въ сборню я не пойду, сперва пропью въ кабакѣ данный мнѣ задатокъ.

— Нѣтъ, милый человѣкъ, такъ нельзя,—возразилъ Савинковъ,—знаешь пословицу—нанялся, продался.

— Ну, что ты мнѣ ни пой, а я все-таки въ кабакъ пойду,—ломался Бабѣевъ.

— Но не пойдешь же ты въ кабакъ!—настаивалъ Савинковъ,—я тебѣ толкомъ говорю: иди въ сборню.

— А я тебѣ толкомъ говорю: не пойду въ сборню, а пойду въ кабакъ,—отвѣчалъ Бабѣевъ.—Что жъ ты меня силкомъ что-ли возьмешь,—куражился Бабѣевъ, подбоченясь.

— А хоть бы и силкомъ,—отвѣчалъ Савинковъ,—подступая къ бывшему ямщику.

— Ой! А вотъ это ты видалъ,—вскричалъ Бабѣевъ, протягивая кулакъ къ лицу Савинкова.

— Какъ не видать! Вотъ ты мнѣ показываешь, я и вижу. А теперь я тебѣ покажу,—говорилъ Савинковъ и съ этими словами нанесъ такой ударъ Бабѣеву по лицу, что онъ упалъ, какъ подкошенный.

Здѣсь интереснѣе всего то, что бывшій ямщикъ Бабѣевъ не только не обидѣлся за нанесенную ему обиду, но, напротивъ, опоэтизировалъ ловкій ударъ Савинкова.

— Ну-жъ и хлестокъ же ты, Петръ Семенычъ,—говорилъ Бабѣевъ, подымаясь и околачивая шапку отъ пыли; затѣмъ, будто ни въ чемъ не бывало, отправился уже не въ кабакъ, а въ сборню.

— Зачѣмъ вы употребили такія крайнія мѣры,—замѣтилъ я Савинкову.

— Вѣрьте мнѣ,—отвѣчалъ послѣдній,—если бъ я не сбилъ Бабѣева съ ногъ, онъ бы меня непремѣнно ударилъ.

Къ сожалѣнію, съ послѣднимъ доводомъ Савинкова нельзя было

не согласиться. При содѣйствіи отчасти полиціи, отчасти артельщиковъ моя босая команда, наконецъ, была собрана и отправилась за городъ въ степь. Дальнѣйшія мелкія подробности я упущу, а буду говорить лишь о главномъ. Артель рабочихъ, нанятая мною, расположилась въ степи, устроивъ себѣ шалаши. Помѣщеніе это, хотя и не было особенно роскошно, но въ виду наступившей теплой погоды было чрезвычайно удобно. Рабочіе въ шалашахъ расположились на мягкомъ душистомъ сѣнѣ, гдѣ не было ни клоповъ, никакихъ паразитовъ, ни спертаго казарменнаго гнилого воздуха. Каждая артель устроила себѣ земляную кухню, для которой доставлялся кизякъ. Ежедневно нѣсколько рабочихъ каждый вечеръ отправлялись за провизіей въ Акобекъ, гдѣ была моя резиденція. Признаюсь чистосердечно, я нѣсколько трусилъ, былъ вполнѣ убѣжденъ, что моя артель въ одно прекрасное утро разсыпется во всѣ стороны, тѣмъ болѣе, что нѣмецкіе колонисты, крайне нуждаясь въ рабочихъ, платили поденному по 3 рубля въ день. Однако на дѣлѣ вышло совсѣмъ иное. Надо сказать, что, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ въ Крыму и россійскихъ губерніяхъ, я пришелъ къ убѣжденію, что рабочіе выше всего ставятъ продовольствіе—харчи, а потому вовсе не въ силу моихъ гуманныхъ тенденцій, а прямо на основаніи коммерческаго разсчета я сталъ продовольствовать рабочихъ не только обильно, но скажу, даже роскошно и въ результатѣ получилъ огромный выигрышъ. Рабочіе у меня утромъ получали чай съ хлѣбомъ, на завтракъ мясное блюдо или яичницу, на обѣдъ, въ первомъ часу дня щи, мясное блюдо и непремѣнно кашу. Каждый изъ нихъ ежедневно получалъ манерку водки или по желанію стаканъ вина, въ полдникъ имѣли чай, а на ужинъ, часу въ восьмомъ, мясное блюдо, водка или вино и жидкая кашица; въ постные дни давалась свѣжая рыба, какъ, напримѣръ, осетрина или бѣлуга.

Выигрышъ хорошаго продовольствія рабочихъ не замедлилъ проявить себя. Человѣкъ 6 изъ моей артели, какъ они выражались, *„пятки подмазали“*, т. е. убѣжали и нанялись къ нѣмецкимъ колонистамъ, но спустя менѣе недѣли возвратились обратно въ артель и принялись за работу. Савинковъ по моему предложенію не штрафовалъ этихъ дезертировъ за прогулъ, а только подсмѣивался надъ ними въ присутствіи другихъ рабочихъ.

— Что, братцы,—говорилъ онъ бѣглецамъ,—знать, у нѣмцевъ-то не солоно хлебали?

— Будь они прокляты, эти басурманы!—ворчали бѣглецы,—на счетъ харча у нихъ совсѣмъ погано. Все снятымъ молокомъ кормили, да и хлѣба давали въ обрѣзъ.

Съ этихъ поръ побѣговъ не было; несмотря на то, что въ артели

рабочихъ Савинкова было 22 человѣка безъ паспортовъ, но ни одинъ изъ послѣднихъ не ушелъ. Фактъ многознаменательный, на который я бы рекомендовалъ обратить вниманіе гг. сельскихъ хозяевъ и фабрикантовъ, продовольствующихъ рабочихъ иногда буквально хуже собакъ, да кромѣ того штрафующихъ рабочихъ за прогулъ не по ихъ жалованью, такъ, напримѣръ, вмѣсто 20, 30 копѣекъ 3 рублями. Послѣднее не есть выдумка или голословное обвиненіе господъ сельскихъ хозяевъ и фабрикантовъ, но фактъ не разъ доказанный. Администрація московскихъ фабрикъ до сихъ поръ содержится на счетъ штрафныхъ денегъ. Но обратимся къ дѣлу. У меня ничего подобнаго не было; артель рабочихъ получала прекрасные харчи, а за прогулъ почти никогда не вычиталось. Если же и случалось что-либо подобное, то Савинковъ штрафовалъ провинившихся по количеству получаемаго ими жалованья. И все это, повторяю, я дѣлалъ не ради гуманныхъ тенденцій, а прямо изъ коммерческаго разсчета. Моя артель *босяковъ*, вполнѣ довольная своимъ содержаніемъ, работала, прежде всего, гораздо лучше, чѣмъ рабочіе въ другихъ экономіяхъ, и самое главное, какъ я сейчасъ замѣтилъ, не было побѣговъ, несмотря на то, что по выселеніи крымскихъ татаръ весь край буквально былъ пустъ. На соленыхъ озерахъ рабочіе получали по 5 руб. въ день...

Правда, болѣе 10 дней или 2 недѣль рабочій не въ состояніи былъ работать, такъ какъ на его ногахъ образовывались раны, но эти раны нисколько не были злокачественнаго свойства и заживали въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Такимъ образомъ рабочій, заработавъ 50—70 рублей, свободно могъ недѣлю отдохнуть. Я вынужденъ еще констатировать этотъ несомнѣнный фактъ, что рабочіе продовольствіе цѣнятъ выше жалованья. Такъ, напримѣръ, рабочій нанятый на срокъ получаетъ 25—30 коп. въ день, между тѣмъ на поденной работѣ онъ добываетъ 3 рубля въ день,—разница громадная; между тѣмъ хорошее содержаніе для него гораздо лучше, чѣмъ самое жалованье.

Въ моей артели босяковъ, само собой разумѣется, не все было благополучно,—иногда случались весьма прискорбные факты; такъ, напримѣръ, въ одно изъ воскресеній, артель рабочихъ, человѣкъ въ 6, отправились въ кабакъ, стоящій за рѣкой *пропустить* по шкалику. Эта одуряющая влага, само собой разумѣется, потемнила головы рабочихъ,—они горланили пѣсни, изъявляли другъ другу чувства дружбы, обнимались, цѣловались и даже дрались. Выйдя изъ кабака, проходя по мосту, одинъ изъ рабочихъ, именно бывшій ямщикъ Бабѣевъ, извѣстный забіяка, за что-то поспорилъ съ другимъ рабочимъ изъ курской артели Бубновымъ. Послѣдній былъ

мужчина среднихъ лѣтъ, большого роста и отличался необыкновенной силой. Бабѣевъ же, совершенно напротивъ, былъ тщедушный, лѣтъ 30-ти, парень, ниже средняго роста, но какъ я сейчасъ замѣтилъ, отличался своей придирчивостью и нахальствомъ. Онъ прямо наступалъ на Бубнова, сучилъ кулаки подъ носомъ послѣдняго, наконецъ, схватилъ за воротъ Бубнова и порвалъ на немъ рубашку. Долго кроткій Бубновъ отстранялъ отъ себя Бабѣева, но, наконецъ, не вытерпѣлъ,—ударилъ его кулакомъ по головѣ. Бабѣевъ упалъ тутъ же на мосту и умеръ.

— Братцы мои,—сказалъ одинъ изъ рабочихъ, подходя къ лежащему Бабѣеву,—гляди-кось, онъ померъ.

Бубновъ, убѣдившись въ томь, что онъ убилъ Бабѣева, поблѣднѣлъ какъ полотно и только прошепталъ:

— Вотъ грѣхи то! Царица Небесная, что же я теперь буду дѣлать?

Одинъ изъ свидѣтелей этой сцены сказалъ:

— Что дѣлать? Померъ, молъ, Бабѣевъ,—на то воля Божія; мы тутъ ни при чемъ. А о томъ, что была драка, говорить нечего.

Такъ и было рѣшено. Въ то время Савинковъ былъ въ экономіи. Бубновъ прямо отправился къ нему и, войдя въ контору, гдѣ за письменнымъ столомъ сидѣлъ Савинковъ, повелъ къ нему такую рѣчь:

— Воля Божья, Петръ Семенычъ, пошли мы въ кабакъ малость выпить; возвращаясь обратно, Бабѣевъ вдругъ упалъ на мосту и померъ.

Савинковъ прекрасно зналъ русскаго рабочаго, ему, Савинкову, хорошо былъ извѣстенъ и забіяка Бабѣевъ. Савинковъ тотчасъ смекнулъ, что Бабѣевъ нападалъ на Бубнова и тотъ въ дракѣ убилъ его. Откинувшись на спинку кресла, Савинковъ долго пристально смотрѣлъ на Бубнова; въ выраженіи лица Савинкова было ясно, что онъ не вѣритъ баснѣ Бубнова.

— Говори, подлецъ, какъ ты его убилъ!—вдругъ совершенно неожиданно вскричалъ Савинковъ.

Это точно ошеломило Бубнова. Онъ опустился на колѣни и прошепталъ:

— Прости, Христа ради, Петръ Семеновичъ! Бабѣевъ больно налѣзалъ на меня, вотъ и воротъ рубашки разорвалъ. Я только пхнулъ его, видитъ Богъ—убивать не хотѣлъ.

— Ладно,—сказалъ Савинковъ,—ты не убивалъ его, Бабѣевъ умеръ своей смертью, можешь идти въ курень. Да чуръ мнѣ пустого не болтать, такъ и ребятамъ скажи. Понялъ, аль нѣтъ?

На эти слова Савинкова Бубновъ не далъ отвѣта. Онъ сталъ утирать своимъ корявымъ кулакомъ слезы, струившіяся по его за-

горѣлымъ щекамъ, и тихо вышелъ изъ конторы. Вскорѣ изъ Ѳеодосіи прибылъ уѣздный врачъ С. и далъ свидѣтельство, что рабочій Бабѣевъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Само собой разумѣется, этотъ достойный эскулапъ получилъ отъ Савинкова надлежащую *„мзду“* въ размѣрѣ 50 рублей, и убитый забіяка Бабѣевъ былъ преданъ землѣ.

Здѣсь интереснѣе всего то, что исторію убійства Бубновымъ Бабѣева знала вся артель рабочихъ, но никто изъ нихъ изъ избы сору не вынесъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ на рабочихъ. Никто изъ нихъ не сомнѣвался, что Бубновъ не хотѣлъ убить Бабѣева, но былъ вынужденъ ударить его потому, что послѣдній налѣзалъ на него. Между тѣмъ рабочіе прекрасно знали процедуру судопроизводства того времени. „Пока судъ да дѣло“, говорили рабочіе, Бубнова посадили бы въ острогъ и долго бы ему пришлось тамъ сидѣть, а у Бубнова въ деревнѣ 8 душъ дѣтей малъ мала меньше. Вотъ отъ этого-то несчастья, прибавляли рабочіе, Петръ Семенычъ и избавилъ Бубнова. Да еще и 50 рублей, данные доктору, не будутъ вычтены изъ жалованья Бубнова.

Вообще этотъ фактъ, повторяю, имѣлъ громадное значеніе. Затѣмъ не могу не передать одного эпизода, бывшаго со мной лѣтомъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Какъ-то разъ, объѣзжая въ шарабанѣ поля, я замѣтилъ подъ копной лежащаго рабочаго. Я подъѣхалъ близко къ копнѣ и спросилъ рабочаго, почему онъ не работаетъ?

— Не могу, — отвѣчалъ онъ мнѣ, приподымаясь: — лихорадка замучила.

Это былъ парень, лѣтъ подъ 40, съ солдатской физіономіей, блѣдный и истощенный.

— Какъ прозываешься?—спросилъ я.

— Петръ Семенычъ въ книгѣ отмѣтилъ меня Карпомъ Николаевымъ,—отвѣчалъ мнѣ рабочій.

— Поѣдемъ въ экономію, — сказалъ я, отодвигаясь:—садись рядомъ со мной.

Карпъ Николаевъ надѣлъ солдатскую шинель въ рукава, сѣлъ со мной рядомъ, и мы отправились въ экономію.

При помощи нѣсколькихъ хинныхъ порошковъ и соблюденія самыхъ простыхъ гигіеническихъ условій Карпъ Николаевъ быстро поправился и объявилъ мнѣ, что можетъ идти на работу. Въ то время, когда Карпъ Николаевъ жилъ въ экономіи, я замѣтилъ, что онъ очень дѣльный, распорядительный парень. Въ это время заболѣлъ тифозной горячкой мой ключникъ, котораго я долженъ былъ

отправить въ ѳеодосійскую больницу. Я предложилъ Карпу Николаеву занять мѣсто заболѣвшаго ключника.

— Что же, если ваша милость прикажетъ,—отвѣчалъ мнѣ Карпъ Николаевъ,—я буду состоять при этой должности.

Такъ Карпъ Николаевъ и остался у меня съ этихъ поръ ключникомъ. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ онъ велъ себя чрезвычайно исправно. Вся провизія, какъ-то: чай, сахаръ, вино, водка, мясо, рыба и пр. было у него на рукахъ, и ни я ни Савинковъ не замѣтили, чтобы Карпъ Николаевъ воспользовался хотя чѣмъ-нибудь. Савинковъ не разъ посылалъ Карпа Николаева въ городъ за разными покупками, и онъ былъ всегда аккуратенъ и безукоризненно честенъ, водки нашъ новый ключникъ не пилъ, отъ вина всегда отказывался. Словомъ сказать въ лицѣ Карпа Николаева я пріобрѣлъ прекраснаго ключника. Такъ проходило время, наступала осень, работы на степи шли самымъ энергичнымъ образомъ.

Савинковъ спѣшилъ обмолотить пшеницу до ненастной погоды. Къ моему великому горю Савинковъ не послушалъ моего совѣта выписать изъ Харькова молотильную машину и обмолачивалъ пшеницу первобытнымъ способомъ табунами.

— Помилуйте,—говорилъ онъ,—начто намъ молотилка, я запущу сразу лошадей 100 и въ одинъ взмахъ у меня будетъ тысяча четвертей пшеницы; иное дѣло вѣялки, ихъ пожалуй надо прибавить.

Но разсчетъ Савинкова, какъ мы увидимъ, не удался. Я былъ со вершенно правъ, предлагая выписать изъ Харькова молотилку.

Вскорѣ пошли дожди и вѣять пшеницу было уже нельзя, по той простой причинѣ, что молотьбу пришлось прекратить. Но не будемъ забѣгать впередъ. Одинъ разъ вечеромъ случилось такое происшествіе, которое поставило въ тупикъ и меня и Савинкова.

Надо знать, что мои купленные посѣвы были разсѣяны по разнымъ татарскимъ деревнямъ. Главный центръ работъ былъ въ деревнѣ Аликечи. Обыкновенно я пріѣзжалъ въ разоренную татарскую деревню и останавливался въ пустой хатѣ, куда выносили желѣзную складную кровать и сундукъ изъ тарантаса. Мой кучеренокъ Никитка, мальчикъ лѣтъ 16, отпрягши лошадей, уводилъ ихъ куда-то въ конецъ деревни и, задавъ имъ корму, разумѣется, ложился спать. И въ тотъ вечеръ, о которомъ рѣчь идетъ, случилось то же. Когда кровать и сундукъ были внесены въ хату, я сѣлъ къ столу и сталъ заниматься чтеніемъ и письмомъ. Проходило время, ночь давно настала, а самовара мнѣ не подавали. На это обстоятельство я увлекшись въ чтеніе не обратилъ особеннаго вниманія.

Между тѣмъ послышались голоса рабочихъ, пріѣхавшихъ со степи за провизіей. Сначала черезъ закрытое окно трудно было разобрать

въ чемъ дѣло, всѣ голоса сливались въ одинъ общій гулъ, но вотъ отдѣлился рѣзкій крикъ ключника Карпа Николаева, я бросилъ книгу и поспѣшилъ выйти на крыльцо. Глазамъ моимъ представилась картина, поистинѣ поразившая меня. Нѣсколько рабочихъ пріѣхавши изъ степи резонились съ ключникомъ.

— Какъ же такъ,—говорили рабочіе,—стало быть, мы должны завтра голодать, коли ты не отпускаешь намъ провизіи.

— А мнѣ какая надобность,—кричалъ Карпъ Николаевъ,—по мнѣ хотя бы вы всѣ съ голоду передохли, мнѣ все равно. Развѣ не видите, я загулялъ, ну и шабашъ.

Еще разъ повторяю, я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Всегда кроткій, послушный Карпъ Николаевъ преобразился въ какого-то дикаго звѣря. Глаза его горѣли, румянецъ пылалъ на щекахъ, картузъ слѣзъ на затылокъ, влажные волосы торчали прядями.

— Однако, Карпъ Николаевичъ,—обратился я къ нему,—если ты загулялъ, то вовсе нѣтъ резона рабочимъ быть голодными; давай ключъ отъ кладовой, я самъ выдамъ провизію рабочимъ.

— Ни вамъ, никому не отдамъ ключа,—кричалъ пьяный Карпъ Николаевъ,—сказано, загулялъ, ну шабашъ!

— Однако,—сказалъ я, подступая къ Карпу,—нельзя же людямъ быть голодными потому, что ты загулялъ; давай сюда ключи!

Карпъ Николаевъ прыгнулъ отъ меня къ телѣгѣ, какъ раненый тигръ; глаза его горѣли, точно двѣ свѣчки. Я все болѣе и болѣе изумлялся и не могъ рѣшить, что сдѣлалось съ моимъ кроткимъ ключникомъ. Эхъ! наконецъ, вскричалъ Карпъ Николаевъ, бросилъ ключи отъ кладовой и убѣжалъ въ степь. Одинъ изъ пріѣхавшихъ рабочихъ роздалъ людямъ провизію, а я пошелъ къ себѣ въ хату. Признаюсь, въ жизни моей я часто видалъ разные курьезы среди рабочихъ, но то, чему я былъ только-что свидѣтелемъ, мнѣ не доводилось никогда видѣть. Главное, что меня поразило въ рѣзкой перемѣнѣ Карпа Николаева, это неожиданность превращенія человѣка, въ какого-то лютаго звѣря. Повторяю, Карпъ Николаевъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ велъ себя примѣрно, ни водки, ни вина не пилъ, несмотря на то, что и водка и вино были у него на рукахъ. Раздумавъ обо всемъ этомъ и не придя ни къ какому заключенію, я мало-по-малу занялся другимъ, взялъ книгу и сталъ читать. Ночь уже давно настала, кругомъ царила полная тишина. Рабочіе, пріѣзжавшіе за провизіей, давно уѣхали, въ деревнѣ даже не слышно было лая собакъ, онѣ всѣ куда-то разбѣжались. Я сидѣлъ за моей книгой одинехонькой; на услуги загулявшаго Карпа Николаева, въ это время всегда угощавшаго меня бифштексомъ, конечно, разсчитывать было нельзя, приходилось волей-не-волей по-

кориться своей участи. Надо знать, что деревянный столъ, за которымъ я сидѣлъ, стоялъ у окна близъ входной двери, въ углу около самой двери стояло двухствольное ружье. Было уже далеко за полночь. Я снова углубился въ чтеніе, какъ вдругъ, для меня совершенно неожиданно, тихо отворилась дверь, и въ комнату вошелъ Карпъ Николаевъ, ставъ спиною къ углу, гдѣ было ружье. Посмотрѣвъ на вошедшаго, я опять впалъ въ невольное удивленіе. Передо мной стоялъ какъ будто-бы Карпъ Николаевъ, но выраженіе лица было не его. Блѣдный, съ сверкавшими глазами, растрепанной прической, онъ меня прямо поразилъ своимъ видомъ. Но, не желая себя выдать, я очень хладнокровно его спросилъ, что ему нужно? Конечно, не касаясь давишняго инцидента.

— Что нужно?—грубо повторилъ мои слова Карпъ Николаевъ,—пришелъ сказать, что ухожу, вотъ, что нужно.

— Ну и уходи съ Богомъ,—хладнокровно продолжалъ я.—Утромъ пріѣдетъ Петръ Семеновичъ, ты получишь отъ него свой паспортъ и разсчетъ.

— Мнѣ нечего получать паспорта,—дерзко отвѣчалъ Карпъ Николаевъ—да и разсчетъ, то у меня короткій; я еще въ переборѣ десять рублей, да вотъ это верблюжье пальто, жилетъ и брюки, тоже ваши.

— Ну, когда паспорта у тебя нѣтъ и ты въ переборѣ, стало быть, и толковать не объ чемъ. Ступай себѣ съ Богомъ на всѣ четыре стороны.

— Позвольте, господинъ,—чуть не заоралъ во все горло Карпъ Николаевъ,—да знаете ли вы, кто у васъ служилъ четыре мѣсяца артельщикомъ.

— По списку ты значился отставнымъ матросомъ Карпомъ Николаевымъ, исполнялъ свое дѣло исправно, а остальное, милый человѣкъ, до меня не касается.

— Эко дѣло, не касается—куражился Карпъ Николаевъ, продолжая заслонять спиною ружье,—былъ Карпъ Николаевъ, да весь вышелъ, а теперь передъ вами стоитъ бѣглый каторжникъ Ѳедулъ Андреевъ.

Каторжникъ очевидно разсчитывалъ на эффектъ, но онъ ошибся; я продолжалъ разыгрывать роль вполнѣ хладнокровнаго человѣка и, обратившись къ вошедшему, сказалъ:

— Вотъ что, другъ мой, не знаю, какъ тебя величать Карпомъ ли Николаевичемъ или Ѳедуломъ Андреевичемъ, но вѣдь я не попъ и ты пришелъ ко мнѣ не на исповѣдь, отставной ли ты матросъ или бѣглый каторжникъ,—для меня безразлично. Я знаю, что ты во все время велъ себя прекрасно, за что и объявляю тебѣ мое

дружеское спасибо. Затѣмъ, милый человѣкъ, вотъ тебѣ Богъ, а вотъ тебѣ порогъ,—прибавилъ я, вставая со стула и пристально слѣдя за движеніями каторжника. Мое хладнокровіе совсѣмъ сбило съ толку Ѳедула Андреева, онъ невольно долженъ былъ понизить тонъ.

— Оно конечно,—сказалъ Ѳедулъ Андреевъ,—хозяевамъ только наша служба нужна, а кто у нихъ служитъ, про то долженъ знать становой приставъ.

— Ты совершенно правильно разсуждаешь, продолжалъ, я и мнѣ по закону слѣдуетъ скрутить тебѣ руки назадъ и представить въ станъ.

— Что же, попробуйте,—злобно улыбаясь, сказалъ каторжникъ.

— И пробовать не хочу,—отвѣчалъ я, кто ты такой долженъ знать Савинковъ, а не я. Повторяю, ступай на всѣ четыре стороны съ Богомъ.

— Эхъ, баринъ, баринъ,—иронизировалъ каторжникъ,—не знаете вы, когда у нашего брата душа разыграется. Вотъ намедни Петръ Семеновичъ посылалъ меня въ Ѳеодосію за покупками, въ то время мнѣ уже тошна была моя доля; душа просилась на свободу. Ѣхалъ я ночью изъ Ѳеодосіи, на дорогѣ встрѣтилъ колониста; онъ спалъ въ дилижанѣ мертвымъ сномъ; сначала мнѣ приходило въ голову укокошить нѣмца, но потомъ я сообразилъ, что этого дѣлать нельзя, сейчасъ подозрѣніе падетъ на нашу артель. Скажутъ, что кто-нибудь изъ рабочихъ убилъ колониста, и пойдутъ таскать всѣхъ по острогамъ; такъ я дѣло это и бросилъ. Но все же мнѣ хотѣлось пошарить въ дилижанѣ у нѣмца. Подъѣхавъ ближе, я соскочилъ съ своего дилижана и началъ глядѣть, что было у нѣмца; онъ спалъ, какъ убитый. Я нашелъ въ его дилижанѣ небольшую голову сахару, фунта два сальныхъ свѣчей и два мѣшочка: одинъ съ порохомъ, другой съ дробью. Все это, разумѣется, я забралъ къ себѣ въ дилижанъ и погналъ своихъ лошадей. Отъѣхавъ верстъ, должно-быть, съ 8, меня и взяло раздумье, зачѣмъ, молъ, мнѣ этотъ сахаръ, свѣчи, дробь и порохъ, дома у насъ этого добра довольно. Такъ и рѣшилъ побросать все награбленное въ „*ставъ*“.

— Скажи, пожалуйста, зачѣмъ ты мнѣ все это разсказываешь? Знать хочешь, чтобы я считалъ тебя совсѣмъ дуракомъ?

— Какъ такъ?

— Да разумѣется, ну ты подумай самъ. Ограбилъ сонного человѣка и все ограбленное побросалъ въ ставъ, ну какъ же не дуракъ?

— Оно положимъ, ваша рѣчь и справедлива, — возразилъ каторжникъ, — да вотъ насчетъ зуды-то вы и не имѣете понятія.

— Какой зуды? — удивился я.

— А такой, что придетъ часъ, когда вотъ словно, какъ тебя кто толкаетъ: ограбь, убей. Вы думаете, что и мнѣ не приходило въ голову покрасить вамъ горлышко? приходило, да и не разъ. Я помню, должно быть дня три тому назадъ, вы вотъ въ этомъ сундукѣ привозили Савинкову для разсчета съ рабочими нѣсколько тысячъ рублей. Соблазнъ былъ великъ.

— Что-жъ не покрасилъ горла? — сказалъ я, — стало быть, труса спраздновалъ?

— Нѣтъ, не труса, а вспомнилъ, какъ вы меня изъ-подъ копны-то взяли почитай мертваго, ну и махнулъ рукой.

— Ну если такъ, то и толковать нечего. Будетъ куражиться, Ѳедулъ Андреевичъ, — сказалъ я.

— Что мнѣ куражиться, я такъ только къ слову. Ну коль пальто не хотите сымать, я и пойду. Прощайте!

Съ этими словами Ѳедулъ Андреевъ взялся за ручку двери, намѣреваясь выйти.

— Погоди, — остановилъ я его: — а деньги есть ли у тебя?

— Какія деньги?—огрызнулся каторжникъ.—Было рублей семь, ребята изъ артели забрали по мелочамъ. Я ожидать отъ нихъ получки не хочу. Счастливо оставаться.

На этотъ разъ Ѳедулъ Андреевъ отворилъ дверь и уже переступилъ порогъ.

— Погоди,—остановилъ я его опять:—возьми вотъ на дорогу,— прибавилъ я, протягивая ему 10-ти рублевую бумажку.

— Ладно, давайте,— воротился Ѳедулъ Андреевъ, взялъ у меня деньги и небрежно сунулъ ихъ въ жилетку, даже не поблагодаривъ меня.

Между тѣмъ меня и это не сконфузило. Я обратился къ Ѳедулу Андрееву съ словами:

— Что-жъ ты бѣжишь отъ меня, какъ отъ чумы. Мы вѣдь съ тобой четыре мѣсяца хлѣбъ-соль водили, давай поцѣлуемся.

— Какъ такъ—съ бѣглымъ каторжникомъ-то цѣловаться?—вскричалъ Ѳедулъ Андреевъ.—Ну ужъ это зачѣмъ же,—и убѣжалъ вонъ изъ комнаты.

Слѣдя за событіями съ полной послѣдовательностью, я долженъ на нѣкоторое время оставить Карпа Николаева—Ѳедула Андреева, о судьбѣ котораго сообщу впослѣдствіи. Черезъ нѣсколько дней, я получилъ изъ Одессы весьма важную телеграмму, по которой непремѣнно требовалось мое немедленное присутствіе. Собравшись наскоро, я выѣхалъ изъ Ѳеодосіи на пароходѣ Русскаго общества „Аргонавтъ" и на третій день благополучно прибылъ въ Одессу. Тамъ я остановился въ лондонской гостиницѣ, разсчитывая покон-

чить дѣла въ 2—3 дня, но оказалось это невозможнымъ; дѣла мои затянулись, и я былъ принужденъ прожить въ Одессѣ почти цѣлый мѣсяцъ. Одинъ разъ вечеромъ, возвратясь въ гостиницу, я получилъ телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Пріѣзжайте немедленно. Савинковъ арестованъ и все ваше движимое имущество секвестровано". Получивъ эту депешу, признаюсь, я былъ крайне изумленъ и поспѣшилъ возвратиться въ Крымъ. Тамъ я узналъ слѣдующее. Родной братъ Савинкова, служа въ курскомъ общественномъ призрѣніи, укралъ два бланка и поддѣлалъ ихъ, одинъ на 9.000 рублей, а другой на 7.000. Первый онъ успѣлъ размѣнять и затѣмъ вскорѣ умеръ, оставивъ въ наслѣдство своему брату другой банковый билетъ въ 7.000 рублей. Правительство, конечно, не знало, что существуетъ еще фальшивый банковый билетъ, такъ бы это дѣло и кануло въ вѣчность, если бы не одно обстоятельство, въ которомъ самъ Петръ Савинковъ былъ виновенъ. Нуждаясь въ деньгахъ, Савинковъ заложилъ этотъ билетъ въ 7.000 ѳеодоссійскому караиму Самуилу Абрамовичу Крыму (впослѣдствіи городской голова). Забывъ о залогѣ, Савинковъ не возвратилъ денегъ Крыму во-время. Между тѣмъ братъ послѣдняго, уѣзжая въ Харьковъ, предложилъ размѣнять въ Курскѣ заложенный Савинковымъ билетъ. Самуилъ Крымъ согласился на это и вручилъ банковый билетъ на имя неизвѣстнаго своему брату. Вотъ тутъ-то и произошелъ курьезъ довольно печальнаго свойства. Лишь только Крымъ предъявилъ банковый билетъ, онъ былъ арестованъ, и полетѣла депеша объ арестѣ имущества Савинкова. Ничего не зная о происшествіи въ Курскѣ, Савинковъ очень любезно принялъ становаго пристава, явившагося въ экономію для секретнаго дознанія, и за стаканомъ пунша расхвастался.

— Скажите, Петръ Семеновичъ—спрашивалъ его становой:—вотъ это движимое имущество; скирды, пшеницы, гурты рогатаго скота, табуны лошадей и проч. кому принадлежатъ?

— Какъ вамъ сказать?—ломался Савинковъ.—Большая часть этого имущества куплена на мои деньги.

Сказаннаго было достаточно для становаго пристава. Онъ тотчасъ же донесъ обо всемъ исправнику, и на другой же день Савинковъ былъ посаженъ въ острогъ, а все мое движимое имущество секвестровано.

Пріѣхавъ въ Симферополь по поводу этого обстоятельства, я имѣлъ личное объясненіе съ губернаторомъ Жуковскимъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство,—говорилъ я:—что же это губернское правленіе дѣлаетъ со мною? Петръ Семеновичъ Савинковъ, мой управляющій, заявилъ приставу, совершенно голо-

словно, не основываясь ни на какихъ документахъ, будто-бы все мое движимое имущество куплено на его, Савинкова, деньги и принадлежитъ ему. Мнѣ кажется,—продолжалъ я:—въ Крыму не найдется маленькаго ребенка, который бы не зналъ, что пшеница, гурты воловъ, табуны лошадей и прочее движимое имущество куплено у татаръ, переселявшихся въ Турцію, на мои собственныя деньги. Конечно, покупая пшеницу на корню и скотъ у татаръ, я не имѣлъ обыкновенія брать съ нихъ отдѣльныя расписки на каждый купленный предметъ, вслѣдствіе чего, какъ изволите видѣть, я и пострадалъ, но согласитесь, Григорій Васильевичъ, что это такое мелочное обстоятельство, которое никогда и никто не исполнялъ и не исполняетъ, т. е. не беретъ росписку съ продавца за проданную лошадь или за десятину купленной пшеницы.

— Разумѣется, кто же этого не знаетъ,—сказалъ Жуковскій,— что вся операція съ покупкой пшеницы и скота сдѣлана вами, но что же вы хотите, разъ первоначально Савинковъ заявилъ приставу, что движимое имущество куплено на его деньги, полиція обязана была произвести самое точное дознаніе, такъ какъ тутъ пострадалъ казенный интересъ. Покойнымъ братомъ Савинкова размѣненъ фальшивый банковый билетъ въ 9.000. Все это очень грустно, но вамъ слѣдуетъ покориться законнымъ требованіямъ земской полиціи,— добавилъ Жуковскій.

Конечно я покорился, да иначе что-жъ я могъ сдѣлать? Противъ рожна не попрешь,—гласитъ народная пословица. Повѣся голову, я возвратился отъ губернатора ни съ чѣмъ. Былъ уже часъ третій дня. Въ мой номеръ, гдѣ я остановился, вошелъ слуга гостиницы и сообщилъ мнѣ, что какой-то чиновникъ изъ губернскаго правленія желаетъ меня видѣть. Я конечно велѣлъ просить чиновника войти ко мнѣ. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ тщедушный субъектъ среднихъ лѣтъ въ форменномъ фракѣ, очень неуклюже со мной раскланялся и рекомендовался помощникомъ столоначальника губернскаго правленія. Я пригласилъ гостя сѣсть и спросилъ его, что ему отъ меня нужно.

— Есть свѣдѣніе по вашему дѣлу-съ,—отвѣчалъ мнѣ чиновникъ, усаживаясь на кончикѣ кресла,—вашъ управляющій Савинковъ показалъ судебному слѣдователю, что заявленіе его, Савинкова, становому приставу было неправильно и что все движимое имущество куплено на ваши собственныя деньги и что онъ, Савинковъ, лишь исполняетъ должность вашего управляющаго за 50-ти рублевое вознагражденіе ежемѣсячно. Это заявленіе Савинкова судебному слѣдователю получено въ губернскомъ правленіи,—добавилъ чиновникъ.

— Это меня нисколько не удивляетъ,—отвѣчалъ я:—очевидно,

Савинковъ немножко похвасталъ, а потомъ, когда дѣло приняло крутой оборотъ, его, Савинкова, арестовали, а на все движимое имущество былъ наложенъ секвестръ, Савинкова стала мучить совѣсть, онъ потребовалъ къ себѣ судебнаго слѣдователя и объявилъ ему всю истинную правду. Повторяю, я такой исходъ предвидѣлъ,– добавилъ я—но собственно вамъ-то что же отъ меня угодно?

— Я хотѣлъ-съ устроить такъ,—скороговоркой отвѣчалъ чиновникъ:—написать отъ губернскаго правленія предписаніе ѳеодосійскому исправнику о снятіи съ вашего имущества секвестра, вручить вамъ этотъ конвертъ губернскаго правленія и вы бы для скорости сами передали бы конвертъ ѳеодосійскому исправнику.

— Ну-съ зачѣмъ же дѣло стало?—спросилъ я:—до утра можно подождать.

— Да-съ, конечно,—заегозилъ чиновникъ,—но вы мнѣ должны заплатить за труды 200 рублей.

Здѣсь я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, выходившій тогда въ свѣтъ журналъ „Современникъ", гдѣ и я иногда пописывалъ, яростно преслѣдовалъ взяточничество. Недавнія продѣлки Затлера и К° не такъ возбуждали негодованіе тогдашнихъ либераловъ, какъ взятка какого-нибудь квартальнаго или станового пристава въ нѣсколько рублей. Мнѣ, стоящему въ числѣ этихъ благородныхъ либераловъ, преслѣдовавшихъ взяточничество, конечно нельзя было за мое правое дѣло давать взятки. Я съ негодованіемъ вскочилъ съ кресла и вскричалъ:

— Какъ вы смѣете просить у меня взятки за дѣло совершенно правое. Безъ всякаго *хабара* вы обязаны поступать по закону.

— Да-съ, да-съ,—отвѣчалъ мнѣ чиновникъ, вставъ съ кресла и пятясь къ двери:—такъ мы и поступимъ по закону. Но будетъ ли это для васъ легче—это мы посмотримъ,—улыбаясь, добавилъ чиновникъ.—По вашему дѣлу я бы долженъ былъ писать цѣлую ночь, а на утро объѣхать всѣхъ господъ присутствующихъ и просить ихъ подписать бумагу. Извините-съ,—говорилъ чиновникъ:—я для васъ не обязанъ даромъ работать; не угодно вамъ заплатить за труды 200 рублей, ну и не надо; пусть дѣло идетъ формальнымъ путемъ.

— Постойте,—крикнулъ я чиновнику, когда онъ былъ уже въ корридорѣ:—я не только не желаю давать вамъ взятки, но сочту за долгъ доложить о вашемъ вымогательствѣ губернатору.

— Можете-съ, можете-съ,—иронизировалъ чиновникъ—а для васъ даромъ работать я не намѣренъ, такъ и доложите его превосходительству.

Его превосходительству я конечно не доложилъ, и дѣло пошло формальнымъ путемъ. Но, Боже великій, какія печальныя послѣд-

ствія послѣдовали для меня отъ этой формальности. Заявленіе Савинкова судебному слѣдователю, разумѣется, долгое время хранилось подъ сукномъ, а потомъ сверхъ сукна, долго, очень долго ждало своей очереди. Дѣло разсматривалось, само собой разумѣется, въ общемъ присутствіи, которое также не особенно скоро состоялось; затѣмъ пошли разные запросы ѳеодосійскому исправнику, рапорты послѣдняго и т. д. и далѣе безъ конца. Между тѣмъ съ сентября мѣсяца пошли дожди, въ октябрѣ и ноябрѣ погода становилась все холоднѣе и холоднѣе, въ декабрѣ и январѣ пошли большіе морозы, скотъ и лошадей необходимо было кормить сѣномъ, а стога сѣна были описаны; чтобы разобрать одинъ изъ стоговъ сѣна, требовалось разрѣшеніе исправника; послѣдній спрашивалъ это разрѣшеніе отъ губернскаго правленія, которое было въ Симферополѣ, за 100 верстъ отъ Ѳеодосіи. Молотьба пшеницы, разумѣется, была прекращена, всѣ снопы были свезены въ скирды и лишь въ половинѣ марта съ моего движимаго имущества было снято запрещеніе. Результатъ оказался болѣе чѣмъ печальнымъ. Вмѣсто предполагаемыхъ десятковъ тысячъ барыша, я получилъ десятки тысячъ убытка. Достаточно сказать, что изъ одного скирда пшеницы, съ котораго ожидалось получить до 5.000 четвертей, по умолоту оказалось лишь 32 четверти. Когда раскрыли этотъ громадный скирдъ, то поверхность его представляла сплошную черную массу,—это были все мыши; скотъ и лошади большей частью передохли, а нѣкоторые впали въ совершенную негодность.

Такъ кончилась моя злополучная операція,—покупка на корню пшеницы, гуртовъ рогатаго скота и нѣсколькихъ табуновъ. Въ заключеніе я долженъ сказать слово о дальнѣйшей судьбѣ моего бывшаго ключника Ѳедула Андреева, или какъ онъ себя первоначально называлъ, Карпа Николаева.

Разъ поздно ночью въ томъ же году, когда моя коммерческая операція съ пшеницей, гуртами скота и табунами лошадей, по милости болтовни моего управляющаго Савинкова, потерпѣла такое колоссальное фіаско, мнѣ случилось быть въ Симферополѣ и проходить изъ клуба въ гостиницу, гдѣ я остановился. Вдругъ въ концѣ бульвара, по которому я шелъ, передо мной, точно изъ подъ земли выросла фигура моего бывшаго ключника Ѳедула Андреева. Я невольно отшатнулся назадъ и вскричалъ:

— Ты что тутъ дѣлаешь!

— Здравствуйте, баринъ!—отвѣчалъ мнѣ Ѳедулъ Андреевъ, мы тутъ не подалеку занимаемся дѣломъ.

— Какимъ дѣломъ?—спросилъ я.

— Караимскую лавку ломаемъ,—отвѣчалъ Ѳедулъ Андреевъ.

— Ты съ ума сошелъ,—возразилъ я,—вѣрно опять хочешь попасть въ острогъ на казенные хлѣба!

— Ладно,—зарычалъ на меня бывшій каторжникъ,—что же по-вашему надо съ голоду околѣвать?!

— Вздоръ ты мелешь, милый другъ,—возразилъ я,—чѣмъ караимскія-то лавки грабить, лучше займись-ка ты честнымъ трудомъ.

— Какимъ это честнымъ трудомъ? — иронизировалъ Ѳедулъ Андреевъ.

— Наймись куда-нибудь, работай, теперь Крымъ пустъ, всѣ хозяева въ рабочихъ нуждаются—совѣтовалъ я.

— Это стало быть идти въ новую каторгу; ни къ кому я не наймусь, вотъ къ вамъ, другое дѣло, пожалуй я бы поступилъ въ простые рабочіе.

— Ну, и прекрасно—поймалъ я на словѣ Ѳедула Андреева—хочешь поступить ко мнѣ въ объѣзчики!

— Съ превеликимъ удовольствіемъ,—оживился Ѳедулъ Андреевъ.

— Но съ уговоромъ—продолжалъ я.

— На все согласенъ—вскричалъ Ѳедулъ Андреевъ, протягивая мнѣ руку.

— Ладно, вотъ тебѣ три рубля задатку, сейчасъ же бѣги къ товарищамъ и скажи, чтобы они не смѣли грабить купеческихъ лавокъ, а ко мнѣ зайди завтра утромъ, въ „Золотой якорь“.

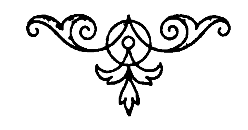
Съ этими словами я отправился въ гостиницу. На другой день, часу въ 10-мъ, ко мнѣ явился Ѳедулъ Андреевъ и былъ мною нанятъ въ имѣніе объѣздчикомъ. Но тамъ судьба его была самая плачевная. Онъ черезчуръ не поладилъ съ сосѣдними татарами и въ темную ночь былъ найденъ въ степи съ смертельной раной въ спинѣ.

Такъ кончилъ жизнь этотъ поистинѣ желѣзный человѣкъ.

Я не могу не добавить нѣсколько словъ по поводу бывшихъ весьма печальныхъ событій въ крымскихъ горахъ. Цѣлый рядъ убійствъ разныхъ лицъ, какъ напр. Ѳедула Андреева, лѣсничаго Свайна, кизильташскаго игумена и многихъ другихъ лицъ наконецъ обратили серьезное вниманіе правительственныхъ лицъ Таврической губерніи. Судебно-медицинское вскрытіе объѣздчика Ѳедула Андреева, а равно и слѣдствіе объ этомъ преступленіи ровно ничего

не раскрыло. Убійство лѣсничаго Свайна было совершено въ Чело-Малыкскомъ лѣсу, близъ Карасубазара. Трупъ Свайна былъ брошенъ въ угольную яму; игумена кизильташскаго монастыря, ѣхавшаго верхомъ изъ Өеодосіи въ монастырь, нашли застрѣленнымъ близъ деревни Кизильташъ. По всѣмъ этимъ тремъ убійствамъ не было найдено явныхъ уликъ, трехъ татаръ арестовали по подозрѣнію и въ 1867-мъ году повѣсили въ Өеодосіи въ Татарской Слободкѣ. Я помню, тогда говорили, что казненные невинны. Однако послѣ этой казни убійства прекратились.

Н. П.

Къ событіямъ въ Варшавѣ въ ноябрѣ 1830 года.

(Изъ письма поручика гвардейской пѣшей артиллеріи А. Борисова изъ Бѣлостока 1 января 1831 года.)

———— ————

„Я не хотѣлъ писать Вамъ ранѣе чѣмъ удостовѣрюсь объ участи брата моего Дмитрія [1]), о которомъ говорили, будто-бы онъ убитъ во время бунта въ Варшавѣ [2]), но какъ я обрадовался, узнавъ, что братъ живъ и возвратился изъ Польши; оказалось, что онъ все время находился у Ф. Б. Г—е [3]), который принялъ его, скрылъ и затѣмъ, отпуская въ дорогу, снабдилъ чѣмъ могъ. Я третьяго дня былъ у брата, но не засталъ его въ той деревнѣ, гдѣ стоитъ штабъ его роты; надѣюсь въ скоромъ времени видѣть брата и разспросить обо всемъ, какъ очевидца событій 17 ноября".

„Намъ на другой день бунта дали знать въ роту [4]), чтобы немедленно прибыть въ Варшаву, и мы сдѣлали этотъ переходъ въ 4 часа (въ 2 часа вышли изъ Гуръ, а въ 6 были въ Варшавѣ); подъ Варшавою уже собраны были всѣ русскіе полки и два поль-

---

[1]) Дмитрій Борисовъ (православнаго вѣроисповѣданія) былъ 1830 году въ числѣ подпрапорщиковъ той школы въ Варшавѣ, которая первая взбунтовалась 17 ноября; впослѣдствіи Д. Борисовъ былъ командиромъ С.-Петербургскаго гренадерскаго (нынѣ гвардейскаго) полка.

[2]) 17 ноября 1830 года.

[3]) Ф. Б. Г—е состоялъ на службѣ при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ въ должности капельмейстера. 17 ноября 1830 года, т. е. въ день возстанія,—въ Варшавскомъ театрѣ давали оперу «Фенелла».—Ф. Б. Г—е былъ въ театрѣ, а на его квартирѣ собралось нѣсколько знакомыхъ, въ числѣ коихъ были: графъ Рачинскій, Адеркасъ (офицеръ л.-г. Волынскаго полка), Гагманъ (артил. офицеръ) и подпрапорщикъ Д. Борисовъ. Поздно вечеромъ вернулся Ф. В. Г—е и сообщилъ о начавшемся мятежѣ; бывшіе у него офицеры тотчасъ поспѣшили въ свои казармы, а подпрапорщикъ Д. Борисовъ, не рѣшавшійся вернуться въ возмутившуюся школу, былъ переодѣтъ въ статское платье и спрятанъ на чердакѣ квартиры Ф. Б. Г—е, гдѣ и пробылъ безотлучно 2 недѣли, а затѣмъ, снабженный нѣкоторою суммою денегъ, успѣлъ пробраться за границу царства и присоединился къ своей части.

[4]) Рота гвардейской пѣшей артиллеріи, квартировавшая въ ноябрѣ 1830 г. въ Гурѣ-Кальваріи.

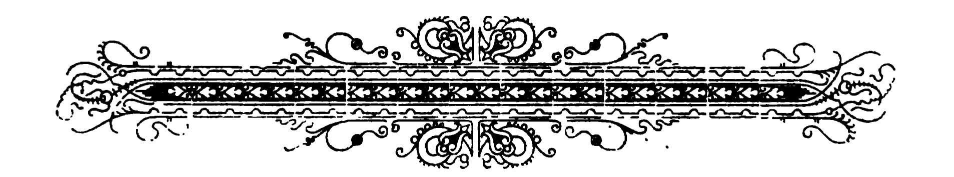
скихъ гвардейскихъ—конные егеря и гренадеры,—оставшіеся вѣрными присягѣ; тамъ простояли мы 3 дня на бивакахъ, а потомъ его высочество цесаревичъ приказалъ ретироваться на мѣстечко Пулавы (извѣстное своимъ садомъ), гдѣ мы переправились черезъ Вислу и затѣмъ взяли направленіе къ пограничному городу Влодавѣ, при чемъ погода благопріятствовала походу; далѣе отъ границы зима сдѣлалась чувствительнѣе и дороги хуже. Изъ Влодавы пришли мы въ Высоко-Литовскъ; простоявъ тамъ недѣлю, прибыли въ м. Брестовицы, гдѣ находится его высочество съ своимъ штабомъ, а войска расположены по окрестнымъ деревнямъ. Пишу изъ Бѣлостока, куда пріѣхалъ за пріемкою, исправляя въ ротѣ [1]) должность адъютанта и квартермистра. Государь императоръ былъ такъ милостивъ, пожаловавъ намъ годовое жалованье не въ зачетъ, и далъ намъ возможность поправиться. Мы оставили всѣ вещи, какъ-то мебель, книги и гардеробъ; никто не могъ предвидѣть такое нечаянное выступленіе; никто не имѣлъ вьюка [2]). Я взялъ нѣсколько бѣлья и мундиръ, а прочія вещи и все мое имущество, накопленное за два года, на другой же день нашего выступленія было разграблено. Мы теперь стоимъ въ м. Брестовицахъ, Бѣлостокской области, и какъ долго будемъ стоять—не знаемъ“.

Сообщилъ Л. Драке.

[1]) По-нынѣшнему—въ батареѣ.

[2]) По разсказамъ моего покойнаго отца, бывшаго въ Варшавѣ въ ноябрѣ 1830 года поручикомъ гвардейской пѣшей артиллеріи и ординарцемъ генерала Герштенцвейга, въ такомъ же положеніи очутились многіе офицеры русскихъ войскъ Варшавскаго гарнизона; отецъ мой (скончавшійся генераломъ-отъ-артиллеріи въ 1883 году) успѣлъ 17 ноября изъ своей квартиры въ городѣ добраться до Бельведерскаго дворца, гдѣ находился его высочество цесаревичъ и куда сосредоточивались русскія войска. *Л. Д.*

Изъ лѣтописи русскаго флота.

I.

Ботикъ Петра Великаго.

динъ изъ судовъ, выстроенныхъ Петромъ Великимъ, до настоящаго времени хранится при Переяславскомъ озерѣ.

Интересна исторія сохраненія этого замѣчательнаго памятника.

Въ 1802 г. 3 іюля владимірскій гражданскій губернаторъ кн. Ив. Долгорукой писалъ статсъ-секретарю Д. Пр. Трощинскому:

„Видя изъ многихъ примѣровъ, колико государь чтитъ и возвышаетъ въ глазахъ подвластнаго ему народа великіе подвиги предковъ своихъ,—зная, сколько и вы, бывъ близкимъ свидѣтелемъ нѣкогда знаменитаго духа Екатерины, благосклонно расположены ко всякому движенію сыновъ россійскихъ, одушевленныхъ восторгомъ славныхъ дѣлъ,—смѣю надѣяться, что удостоите вниманія слѣдующее. Не безызвѣстно вашему высокопревосходительству, что великій преобразитель Россіи Петръ I начало трудамъ своимъ, толико впослѣдствіи временъ отличившимъ флотъ его повсюду, положить благоизволилъ при Переяславскомъ озерѣ. Тамъ устроенный монаршими его руками ботикъ до нынѣ хранится на мысу, называемомъ Гремячій, при деревнѣ Весково, вмѣстѣ съ многими другими остатками устроенныхъ для его временнаго пребыванія покоевъ, коихъ исчезли уже и малѣйшіе признаки. Тамъ хранится доселѣ собственной его руки указъ, Переяславльскимъ воеводамъ данный, краткимъ, но разительнымъ слогомъ повелѣвающій имъ блюсти сіи драгоцѣнные трудовъ его остатки подъ опасеніемъ отвѣта не только съ нихъ, но и съ потомства ихъ. Нынѣ я, по должности моей объѣзжая нѣ-

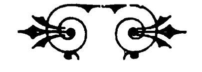
которую часть всемилостивѣйше ввѣренной мнѣ губерніи и бывъ въ Переяславлѣ,—имѣлъ счастіе видѣть столь достопамятные монументы. Но съ какимъ сокрушеніемъ сердца смотрѣлъ я на тотъ ничтожный деревянный амбаръ, въ которомъ безъ всякаго отличія, вывѣски и признака содержится такая знаменитая рѣдкость, подверженная въ означенномъ строеніи по веществу своему всякому вліянію воздуха, времени, наконецъ самой гибели. Съ какимъ душевнымъ состраданіемъ видѣлъ я строки чудотворнаго, можно сказать, создателя политическаго бытія нашего, въ простомъ ящикѣ, деревянномъ же, за восковою печатью, въ уѣздномъ судѣ! Слышалъ я, что иностранные по пути заѣзжаютъ иногда взглянуть тутъ на первыя начала мореплаванія непобѣдимыхъ нашихъ кораблей. Но когда бы молва сія была и несправедлива,—неуничижительно ли собственно для россіянъ видѣть въ такомъ низверженномъ состояніи описываемыя достопамятности? Таковое зрѣлище родило во мнѣ мысль предложить Переяславскому дворянству, не согласится ли оно пожертвовать весьма малою суммою „на сооруженіе каменнаго небольшаго зданія для сохраненія въономъ помянутаго ботика", а для присмотра и сбереженія его навсегда не разсудитъ ли оно посвятить нѣкоторое число денегъ на безпрестанное и долговѣчное содержаніе тутъ до шести человѣкъ престарѣлыхъ и заслуженныхъ матросовъ, какъ людей того званія, которое пріобрѣло Россіи вѣчную славу на водахъ вселенной. Предложеніемъ сего рода желалъ я доставить и дворянству того края честь, сообразную повѣренности, Петромъ великимъ ему сдѣланной; но будучи обязанъ полагать мѣры законныя моимъ предпріятіямъ, не смѣлъ я произвести его въ дѣйство, дабы не подать случая къ ропоту, если бы кому угодно было воззрѣть на сіе, какъ на налогъ, неволею собираемый,—и для того рѣшился, милостивый государь, къ почтеннѣйшей особѣ вашей, непосредственно о всемъ государю доносящей, прибѣгнуть съ изъясненіемъ моихъ мыслей, покорнѣйше и убѣдительно васъ прося: если сіе удостоится вашего благоволенія, донести о томъ государю. Увѣренъ я, что поступокъ мой благоволите вы принять въ цѣнѣ прямого патріотическаго духа, привлекающаго меня съ восхищеніемъ къ славѣ моего отечества; а сіе самое стремленіе не есть ли уже въ подданномъ—знакъ горячнѣйшаго усердія къ помазаннику своему? Благоволите, милостивый государь, удостоить просьбу мою ходатайствомъ вашимъ и заступленіемъ у престола самодержца кроткаго, благодѣющаго, приверженнаго ко всякому дѣлу славному и возвышающему мысли ему подвластныхъ. Я здѣсь не своихъ ищу выгодъ; не личность моя здѣсь движетъ перомъ моимъ, но честь моего отечества,—честь ввѣреннаго мнѣ въ немъ отдѣленія и истинное

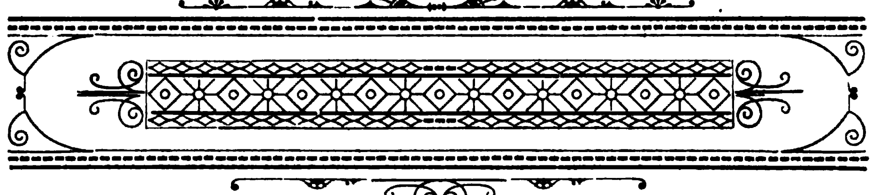
сожалѣніе видѣть, что дѣло Петра Перваго рукъ, въ самой почти срединѣ управлявшагося имъ государства,—дѣло, породившее столько хвалы отъ всѣхъ иноплеменныхъ державъ его народу, остается какъ-бы въ глухомъ и ничтожномъ забвеніи тамъ, гдѣ и самое обычаемъ данное тому мѣсту названіе „Гремячъ" долженствовало бы возбудить, по одному своему смыслу, къ воздвигнутію достойнаго памятника Счастливымъ себя почту, если удостоится цѣль моя успѣха, что управляя Владимирскою губерніею по волѣ кротчайшаго монарха, имѣлъ случай, чрезъ просвѣщеннѣйшаго изъ его министровъ, принесть жертву моего благоговѣнія памяти того мудраго обладателя Россіи, которому предки мои, ревностно служа, пролили въ кровь мою тотъ же жаръ вѣрноподданническаго усердія къ праправнуку Петрову".

10-го іюля на имя губернатора послѣдовалъ высочайшій рескриптъ:

„Господинъ дѣйствительный стат. совѣтникъ гражданскій губернаторъ князь Долгорукой. Одобряя предположеніе ваше о сооруженіи приличнаго зданія для сохраненія ботика Петра Великаго при Переяславскомъ озерѣ, утверждаю намѣреніе ваше предложить дворянству переяславскому о добровольной складкѣ на сіе построеніе, конечно къ чести ихъ послужить мугущее. Но при семъ я желаю, чтобы складка сія никакъ не имѣла вида принужденія, а тѣмъ менѣе еще чтобъ она составлена была изъ новаго какого-либо налогу на крестьянъ. Все, что единственно отъ избытковъ своихъ дворянство сдѣлать на сіе разсудитъ, приму я доказательствомъ благонамѣренности его и усердія къ чести отечества".

Сообщ. Д. Успенскій.

Губернаторъ добраго стараго времени.

Воспоминанія старожила.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ военнымъ губернаторомъ въ Казани былъ генералъ-лейтенантъ Иванъ Григорьевичъ Жевановъ, человѣкъ пожилой, до фанатизма религіозный, святой честности, безпристрастно правдивый и до безпредѣльности кроткій; онъ неизмѣнно держался домашней семейной жизни и чуждался общества, оффиціальныя поздравленія въ торжественные дни принималъ обыкновенно въ церкви, куда постоянно являлся очень рано, а у себя принималъ только лицъ, являвшихся къ нему по дѣламъ службы или съ прошеніями. День у него начинался очень поздно, а оканчивался очень рано, начинались сумерки и занимаемый губернаторомъ старинный ханскій дворецъ уже дремалъ во мракѣ.—Супруга его Марья Петровна, сравнительно молодая особа, имѣвшая двухъ малолѣтнихъ сыновей, еще принимала кой-кого изъ дамъ высшаго казанскаго общества, но пріемы эти были рѣдки и кратковременны.

Единственнымъ приближеннымъ и довѣреннымъ лицемъ губернатора былъ его личный адъютантъ Александръ Карловичъ Оливей,

крайнѣ вкрадчивый, хитрый и беззастѣнчивый,—онъ ловко пользовался своимъ вполнѣ благопріятнымъ положеніемъ и, прибывъ въ Казань налегкѣ, черезъ шесть лѣтъ уѣхалъ оттуда въ изящномъ, тучно нагруженномъ тарантасѣ, которыми Казань тогда славилась; Оливей оставилъ Казань человѣкомъ обезпеченнымъ.

Казань и въ то время уже была большимъ многолюднымъ городомъ, но изъ многочисленнаго казанскаго дворянства тамъ проживали очень немногіе, кромѣ тѣхъ, которые тамъ служили. Царившая въ Казани утомительная скука не манила помѣщиковъ въ губернскій городъ, изъ которыхъ нѣкоторые жили въ Москвѣ или Петербургѣ, а большая часть прозябала въ своихъ помѣстьяхъ, изъ коихъ иныя были очень комфортабельныя.

Общество Казани было чрезвычайно разнохарактерное и до крайности разъединенное; оно состояло изъ безчисленнаго множества отдѣльныхъ кружковъ; карты и вакханалія составляли главное ихъ развлеченіе, а у помѣщиковъ, не говоря о повсемѣстной шумной охотѣ по порошѣ и лѣтомъ, затѣвались буйныя охоты на одичавшихъ свиней, во множествѣ водившихся въ обширныхъ тогда казенныхъ дубовыхъ рощахъ, да еще катанье на самодѣльныхъ большихъ лодкахъ по Волгѣ, но преимущественно по не менѣе просторной Камѣ. Лодки эти въ кормовой части устилались коврами, на которыхъ неизмѣнно дымилась постоянная спутница катающихся жженка, а на носу былъ фальконетъ либо мортирка; дюжина хмѣльныхъ гребцовъ не складно во все горло ревѣла разныя пѣсни, а господа наслаждались.—На скромнаго зрителя это производило удручающее впечатлѣніе, но нѣкоторые помѣщики какъ-бы поощряли такое развлеченіе. Въ 80 верстахъ отъ Казани по оренбургскому тракту есть село Шуранъ, въ которомъ тогда на крутизнахъ надъ Камою живописно красовался хорошо сохранившійся древній готическій замокъ, обнесенный зубчатою стѣною съ амбразурами, изъ которыхъ торчало нѣсколько старыхъ чугунныхъ пушекъ. Катающіеся на лодкахъ имѣли обычай, проходя мимо помѣщичьихъ имѣній, палить, и лишь до обитателей замка доходилъ грохотъ этой пальбы, какъ со стѣнки раздавались отвѣтные салюты, что̀ особенно казалось для иныхъ страннымъ потому, что̀ владѣлецъ Шурана былъ уже человѣкъ пожилой, заслуженный, богатый, скромный, образованный и отецъ многочисленнаго прекраснѣйшаго семейства, это былъ Григорій Петровичъ Дембровскій, пользовавшійся въ губерніи всеобщимъ уваженіемъ.—А когда катающіеся поднимались по Камѣ выше села Шурана и достигали села Шумбутъ, тоже высоко расположеннаго на

горѣ, и опять палили, то владѣлецъ того села и вмѣстѣ съ тѣмъ винокуренный заводчикъ, постоянно на лѣто пріѣзжавшій въ это имѣніе, камергеръ Николай Ѳедоровичъ Кандолинцевъ, человѣкъ богатый и холостой, слыша грохотъ пушки катающихся, звалъ своего дворецкаго Парунова и говорилъ ему: „Николай, спусти подъ гору ведро водки, чтобы пѣсельники промочили свои глотки“, и эта шумящая разнузданная орава такую посылку принимала не только безъ застѣнчивости, но даже съ радостію и благодарностію.

Лѣто у помѣщиковъ проходило такъ себѣ, кое-какъ, но на продолжительную суровую казанскую зиму нѣкоторые изъ болѣе состоятельныхъ старались привлекать къ себѣ въ усадьбы разный пролетаріатъ безъ особо строгаго выбора, чѣмъ особенно выдавались владѣлецъ села Елани бездѣтный генералъ-отъ-инфантеріи Владиміръ Ѳедоровичъ Желтухинъ. Самъ по себѣ это была сущая креатура знаменитаго Аракчеева, но онъ былъ богатъ, любилъ играть въ карты, вѣчно проигрывалъ, велъ жизнь роскошную, и пролетаріи, снося его тяжелый характеръ, на зиму были жизнію обезпечены. Но главною приманкою его гостепріимства была въ высшей степени симпатичная его супруга Татьяна Петровна, умѣвшая сразу всѣхъ приковывать къ себѣ.

Подробно Желтухину гостями на зиму запасалась помѣщица кавалерственная дама Марья Ѳедотовна Донаурова, но составъ ея гостей исключительно былъ изъ женскаго персонала, она была очень богата и жизнь проводила свѣтло.

Были и другіе помѣщики, запасавшіеся на зиму гостями, но ихъ число и число ими приглашаемыхъ было такъ ничтожно, что и вспоминать объ нихъ не стоитъ.

Наводившій на всѣхъ тоску и уныніе казанскій военный губернаторъ Жевановъ въ 1832 г. скончался, и на мѣсто его назначенъ былъ совершенный ему контрастъ генералъ-лейтенантъ Степанъ Степановичъ Стрекаловъ; онъ изъ рода знатныхъ дворянъ Черниговской губерніи, предки котораго въ очень отдаленное время выселились туда изъ бывшей Запорожской Сѣчи. Отъ природы нѣжный и ласковый, онъ съ ранняго дѣтства получилъ изящное домашнее воспитаніе, оконченное имъ въ Пажескомъ корпусѣ. Въ юности бывалъ нерѣдко приглашаемъ къ великому князю Александру Павловичу, съ которымъ былъ почти ровесникомъ, и къ нему крайне была милостива великая княгиня Марія Ѳеодоровна, которая, узнавъ, что онъ круглый сирота, принимала въ немъ самое живое участіе,

каковое потомъ распространилось на Стрекалова и со стороны всѣхъ лицъ царствующаго дома.

Отецъ Стрекалова, дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Ѳедоровичъ былъ просвѣщенный дѣятель царствованія Екатерины II-й. Онъ былъ землякомъ и усерднымъ сотрудникомъ геніальнаго государственнаго канцлера свѣтлѣйшаго Александра Андреевича Безбородко, обезсмертившаго свое и безъ того славное имя заключеніемъ въ 1791 г. замѣчательнаго Ясскаго мирнаго договора и пользовавшагося дружбою императора Павла I-го.

Какъ богатый и паркетный молодой человѣкъ, онъ служилъ въ тогдашней блестящей гвардіи, а потому имѣлъ возможность часто бывать при высочайшемъ дворѣ, отъ котораго удостоился приглашенія являться безъ обычныхъ гофмаршальскихъ извѣщеній и начальствующихъ назначеній (нарядовъ). Это была весьма высокая и рѣдкая честь, которою пользовались очень немногіе избранные. Съ особеннымъ чувствомъ высокаго благоговѣнія всегда отзывался Стрекаловъ объ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, благосклонно разрѣшившей ему представляться къ ея величеству безъ существовавшихъ тогда формальностей.

При вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, Стрекаловъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и въ слѣдъ за симъ, по приглашенію, искренне къ нему расположеннаго, генералъ-фельдмаршала графа Паскевича, назначеннаго кавказскимъ главнокомандующимъ, онъ отправился туда, гдѣ и занялъ постъ отряднаго командира, въ каковомъ званіи и совершилъ нѣсколько экспедицій безъ особыхъ послѣдствій, но въ 1831 году десятитысячный отрядъ Стрекалова почти весь былъ вырѣзанъ горцами, и онъ съ небольшою партіею спасшихся и своимъ штабомъ огорченный предсталъ съ повинною передъ главнокомандующимъ, принявшимъ всю вину несчастія на себя.

Паскевичъ ходатайствовалъ у императора, прося пятидесятилѣтнему старику Стрекалову дать спокойное назначеніе. Въ это самое время, какъ разъ оказался вакантный постъ казанскаго военнаго губернатора, каковой постъ и занялъ Стрекаловъ, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты и съ сохраненіемъ въ его новомъ положеніи бывшаго при немъ штаба, по званію кавказскаго отряднаго командира.

Постъ этотъ въ то время считался весьма почетнымъ потому, что бывшее тогда многочисленное щепетильное казанское дворянство въ средѣ своей имѣло большое число значительныхъ лицъ, которыя по личному своему положенію могли съ уваженіемъ относиться только

къ такому губернатору, въ которомъ бы они видѣли лицо заслуженное, высокопоставленное, лицо съ вѣсомъ, каковое настроеніе казанскаго дворянства было хорошо извѣстно въ высшихъ сферахъ, гдѣ и признавалось подлежащимъ удовлетворенію.

Стрекаловъ былъ семейный, во время его нахожденія на Кавказѣ семейство его жило въ Москвѣ, гдѣ и вело свѣтскую жизнь; въ Казань онъ пріѣхалъ вдовцемъ съ тремя взрослыми дочерьми, изъ которыхъ одна была фрейлиною, и съ сыномъ камеръ-юнкеромъ. Стрекаловъ была личность вполнѣ свѣтская, имѣя только пятьдесятъ лѣтъ, онъ былъ полонъ жизни, любилъ общество и, какъ человѣкъ богатый, былъ очень радушный хозяинъ. Вообще это былъ баринъ широкой руки.

Съ самаго своего пріѣзда въ Казань Стрекаловъ умѣлъ соединить тамошнее разрозненное общество, частыми, блестящими и радушными пріемами, онъ сблизилъ отдѣльные кружки, своею изящною деликатностью Стрекаловъ положилъ конецъ оргіямъ и буйнымъ развлеченіямъ, ввелъ оффиціальные балы тезоименитства императора и рожденія наслѣдника, на эти собранія онъ являлся въ полной парадной формѣ во всѣхъ своихъ регаліяхъ и окруженный своимъ блестящимъ штабомъ, что̀ крайне нравилось и веселило все казанское общество.

Стрекаловъ сильно способствовалъ устройству театра, для котораго исходатайствовалъ субсидію съ правомъ называться императорскимъ театромъ, гдѣ и была царская ложа, а прислуга состояла изъ капельдинеровъ въ придворной ливреѣ, короче сказать, Стрекаловъ оживилъ, пересоздалъ Казань до того, что даже именитые татары добивались абонемента на ложи, получивъ каковые, отдѣлывали ихъ по-своему и у зрительныхъ отверстій устраивали изящныя рѣшетки и иныя драпировки, подъ защитою которыхъ никто бы не могъ видѣть ихъ женъ.

Стрекаловъ, узнавъ, что среди студентовъ тамошняго университета есть нѣсколько любителей музыки, которыми между собою сформированъ оркестръ, то Степанъ Степановичъ чрезъ своихъ приближенныхъ склонилъ студентовъ дать концертъ въ пользу ихъ недостаточныхъ товарищей, каковой и состоялся въ конференцъ-залѣ университета, при участіи губернатора. Всѣ билеты были быстро разобраны и концертъ имѣлъ колоссальный, нравственный и матеріальный успѣхъ; по окончаніи концерта Стрекаловъ лично благодарилъ всѣхъ участниковъ и пригласилъ ихъ всѣхъ къ себѣ обѣдать. Въ это время одинъ изъ участниковъ, студентъ, подойдя къ губернатору, очень наивно объявилъ ему, что онъ мусульманинъ и обѣ-

дать у него не можетъ, но Стрекаловъ замѣтилъ среди публики татарскаго городского голову Апакова и просилъ его пригласить на обѣдъ вышеозначеннаго студента.

Въ то время въ Казани были двѣ городскія думы: русская и татарская, а потому и два городскихъ головы. По окончаніи концерта студенты, бывшіе въ числѣ публики, почтительно просили Стрекалова, сѣсть на кресло, и онъ уважилъ ихъ желаніе, моментально кресло было поднято и студенты бережно донесли Стрекалова до его кареты.

За городомъ, верстахъ въ трехъ отъ Казани существуетъ живописная мѣстность, называемая Швейцарія, которая въ вѣковѣчныя времена находилась въ первобытномъ состояніи. Услыша о семъ, Стрекаловъ оживилъ этотъ пустынный уголокъ, гдѣ и устроилось любимое казанцами загородное гулянье.

Съ самаго своего прибытія въ Казань Степанъ Степановичъ пріобрѣлъ всеобщее искреннее уваженіе, что̀ рѣшительно всѣми сословіями и засвидѣтельствовано было въ 1836 г. при посѣщеніи наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, который тогда же въ многочисленномъ собраніи мѣстной знати соизволилъ торжественно лично отъ имени его императорскаго величества вручить генералъ-лейтенанту Стрекалову генералъ-адъютантскій шифръ и эксельбанты, поздравивъ почтеннаго ветерана съ особою монаршею милостію.

Будучи во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ превосходнѣйшею личностью, Стрекаловъ въ то же время вовсе не былъ администраторомъ и по отзыву многихъ казанская губернія управлялась тремя приближенными къ нему лицами, а именно: правителемъ канцеляріи, опытнымъ, дѣльнымъ и настойчивымъ Алашѣевымъ, полицеймейстеромъ Полемъ, находившимъ наслажденіе во всякаго рода экзекуціяхъ, и губернскимъ архитекторомъ Петонди, страстно любившимъ производить всякаго рода постройки и ремонтировки, на что будто бы Стрекаловъ смотрѣлъ на распашку, беззаботно, даже вовсе не обращалъ никакого вниманія. Для уясненія продолженія сего разсказа, считаю необходимымъ пояснить, что Стрекаловъ имѣлъ двѣ неизмѣнныя привычки, первая—что онъ безпрестанно крутилъ лѣвый усъ и потомъ, чтобы онъ ни начиналъ говорить, непремѣнно прежде произносилъ слово тово,—шло или нѣтъ оно къ дѣлу.

Въ 1840 году у Стрекалова былъ очень многочисленный именинный обѣдъ. Занявъ свое обычное мѣсто, онъ, снявъ съ салфетки подаренное ему въ тотъ день изящное кольцо, готовился развернуть оную, какъ оттуда прямо на тарелку выпала бумажка, нѣсколько болѣе осьмушки обыкновеннаго писчаго листа. Имениникъ,

надѣвъ лорнетъ, сталъ разсматривать ту бумажку, физіономія его приняла веселое выраженіе и онъ громко произнесъ: „сегодня отъ дѣтей и друзей своихъ я много получилъ прелестнѣйшихъ подарковъ, но вотъ этотъ лучше всѣхъ, крайне сожалѣю, что не знаю, кого именно мнѣ благодарить и отдарить, полюбуйтесь, дорогіе гости“ И онъ передалъ бумажку сосѣду, которая потомъ и обошла всѣхъ; то была на пергаментѣ картинка акварелью: на переднемъ планѣ стоитъ коза съ золотыми рогами, которую обѣими руками держитъ за рога, видимо съ напряженнымъ усиліемъ—Алашѣевъ, коза клонитъ голову внизъ, чтобъ бодаться; съ противоположной стороны у хвоста стоитъ полицеймейстеръ Петръ Ивановичъ Поль, въ правой рукѣ его длинный тростникъ, которымъ онъ хлещетъ брыкающуюся козу, бока и спина которой испещрены кровавыми ранами и въ воздухѣ, на голубомъ фонѣ, туча хлопьевъ козьей шерсти; внизу подъ козой растянувшись лежитъ жирный Петонди и обѣими руками доитъ козу; вмѣсто подойника мѣшокъ, а взамѣнъ молока текутъ струи золота; вдали на пригоркѣ стоитъ Стрекаловъ въ сюртукѣ на распашку, безъ галстуха и жилета, въ правой рукѣ его лорнетъ, лѣвою онъ крутитъ усъ и изъ устъ его вылетаетъ слово: „тово“. Вся картинка исполнена до малѣйшей подробности съ видимымъ тщаніемъ и искусствомъ и всѣ физіономіи поразительно схожи.

Въ это время, въ Казани, проживала жена разжалованнаго изъ статскихъ совѣтниковъ въ матросы за буйство, госпожа Брандорфъ, личность чрезвычайно привлекательная, которая и понравилась вдовцу Стрекалову. Въ 1840 году мужъ ея умеръ, и Степанъ Степановичъ рѣшился на ней жениться, а по званію генералъ-адъютанта, онъ обязанъ былъ испросить на то разрѣшенія императора, то Стрекаловъ почелъ предварительно съ кѣмъ-то списаться въ Петербургѣ, и получивъ отвѣтъ, что надежды на разрѣшеніе очень мало, Стрекаловъ рискнулъ обвѣнчаться безъ разрѣшенія, о чемъ и донесъ самъ въ тотъ же день императору, послѣдствіемъ чего было, что онъ переименованъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ въ Москву.

Постъ казанскаго военнаго губернатора занялъ генералъ-адъютантъ Сергѣй Павловичъ Шиповъ; женатенъ, но бездѣтенъ, лѣтъ 60-ти. Онъ велъ жизнь замкнутую, и этотъ постъ занималъ не долго, онъ тоже получилъ назначеніе присутствовать въ Московскомъ Сенатѣ.

Степанъ Степановичъ, сдѣлавъ на Пасхѣ прощальные визиты, предполагалъ, по вскрытіи Волги, уѣхать, но много прощальныхъ обѣдовъ и баловъ задержали его; именитые татары не отстали и дали роскошный благодарственный ему праздникъ на прощанье.

Казань въ концѣ мая 1841 года съ ранняго утра рѣшительно вся была на ногахъ, это былъ день, когда всѣ собрались, чтобы проститься и проводить бывшаго добрѣйшаго военнаго губернатора Степана Степановича Стрекалова, и тутъ въ эти послѣднія минуты всѣми особенно было глубоко прочувствовано, съ кѣмъ пришлось разстаться. Отъ Казани до Волги семь верстъ, и это длинное пространство все было запружено всякаго рода людомъ, собравшимся низко поклониться отъѣзжавшему начальнику. Громадный паромъ, на которомъ слѣдовало переправляться на другую сторону Волги, устланъ былъ великолѣпными коврами, перила украшены были живыми цвѣтами, а на серединѣ стояло золоченое кресло для отъѣзжающаго. Паромъ почти тонулъ отъ массы мѣстной аристократіи, собравшейся на проводы. Два обширныхъ баркаса съ хорами музыкантовъ помѣщиковъ Толстого и Нейкова сопровождали паромъ, на слишкомъ четырехверстной переправѣ; очень много сказано было истинно задушевнаго прости и не мало горячихъ слезъ пролито было сирыми, которыхъ не забывалъ Стрекаловъ.

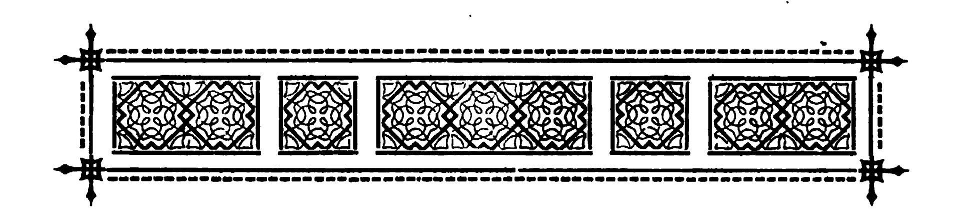
Тріумфъ при его отъѣздѣ былъ таковъ, каковаго ни ранѣе, ни позже въ Казани не бывало. Память о симпатичномъ Стрекаловѣ несмотря на отдаленность времени и по сихъ поръ еще жива между старожилами, искреннее уваженіе и расположеніе неоднократно выражалось тѣмъ, что кому изъ нихъ случалось бывать въ Москвѣ, то они считали непремѣнною и пріятною обязанностію навѣстить дорогаго старика.

Въ первый же годъ по его отъѣздѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ на обыкновенномъ ежедневномъ вечерѣ въ дворянскомъ собраніи, какъ-то случайно бывшемъ многочисленнымъ, кто-то вспомнилъ, что это день Ангела обожаемаго Степана Степановича. Вѣсть эта мгновенно разнеслась по всѣмъ заламъ, и раздались громкія требованія шампанскаго. Было уже далеко за полночь и веселый ужинъ шелъ, изобильно сопровождаемый тостами за отсутствующаго дорогаго именинника и его изящную семью. Наконецъ тосты смолкли и большая часть присутствующихъ встали изъ-за столовъ, чтобы расходиться, какъ въ это время поднялся съ своего мѣста правитель канцеляріи тогдашняго губернатора Шипова, Гарткевичъ и громко произнесъ: „господа, позвольте мнѣ предложить тостъ за настоящаго военнаго губернатора глубокоуважаемаго Сергѣя Павловича Шипова", и потребовалъ шампанскаго, но черезъ минуту явившійся всѣми любимый экономъ дворянскаго собранія Иванъ Ивановичъ Гедлеръ объявилъ, что шампанскаго въ буфетѣ нѣтъ, и за позднимъ временемъ достать онаго нельзя, а осталась только шиповка, на что кто-то изъ присутствующихъ возгласилъ: „за здоровье Шипова можно выпить и

шиповки", многіе разсмѣялись, но эту неудобную остроту кое-какъ постарались замять и поторопились разъѣхаться, не выпивъ за здоровье Шипова, надъ чѣмъ въ Казани нѣсколько дней отъ души смѣялись.

Въ настоящее время родъ Стрекаловыхъ прекратился, потому что остающійся въ живыхъ престарѣлый сынъ его—бездѣтенъ.

Матеріалы по исторіи масонства въ прежней русской арміи [1]).

СПИСОКЪ

Г.г. военнымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ, кои принадлежали къ Масонскимъ ложамъ и, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, отказались отъ оныхъ данными подписками.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
	Полковники:		
63	Шицъ 1-й.	Комендантъ въ Гроднѣ.	Золотаго кольца, въ Бѣлостокѣ.
64	Оде-де-Сіонъ.	Въ Пажескомъ корпусѣ, инспект. классовъ.	Велик. ложѣ Астреѣ, и Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
65	Винспіеръ.	10-й артиллерійской бригады, почетный членъ военно-ученаго комитета.	Сѣвернаго щита, въ Варшавѣ, и св. Георгія, въ Мобежѣ.

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. іюнь.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
66	Гельманъ.	Состоитъ по кавалеріи.	L'étoile de Roufontaine, въ г. Ліежѣ.
67	Берхманъ.	Командиръ гренадерскаго Его Величества короля Прусскаго полка.	Елизавета, въ С.-Петербургѣ.
68	Кнаппъ.	Командиръ учебнаго кавалерійскаго эскадрона.	Александръ къ коронованному Пеликану, въ С.Петербургѣ.
69	Степановъ 2-й.	Командиръ 2 Морского полка.	Къ ложѣ, бывшей въ Минскѣ.
70	Баронъ-Патонъ Де-Мейранъ.	Состоитъ по кавалеріи.	Трехъ мартиръ въ Піемонтѣ, въ городѣ Казалѣ.
71	Силинъ.	Состоитъ по кавалеріи, комендантъ въ Одессѣ.	Озирисъ звѣзды пламенистой, въ Каменецъ-Подольскѣ.
72	Баронмъ 3-й.	Былъ командиромъ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи, и уволенъ отъ службы 1 марта 1823 г.	Пеликанъ, въ С.-Петербургѣ.
73	БоритъсЛевенштернъ.	Состоялъ по кавалеріи и уволенъ отъ сужбы 30-го апрѣля 1823 г.	Св. Побѣдоносца Георгія, во Франціи, въ городѣ Мобежѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
74	Михайловскій-Данилевскій.	Флигель-адъютантъ, считается въ Гвардейскомъ Генеральномъ Штабѣ и при начальникѣ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества.	Св. Іоанна Іерусалимскаго въ Парижѣ и Избраннаго Михаила, въ С.-Петербургѣ.
75	Сиверсъ 4-й.	Командиръ Татарскаго уланскаго полка	Принадлежалъ къ Несвижской ложѣ.
76	Мандерштернъ.	Гвардейскаго Генеральн. Штаба, оберъ-квартирмейст. гвардейскаго корпуса.	Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ.
77	Баронъ Остенъ-Сакенъ.	Командиръ Астраханскаго кирасирскаго полка.	Въ походной ложѣ Гвардейскаго корпуса.
78	Воропановъ.	Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка.	Елизаветы къ добродѣтели въ С.-Петерб.
79	Баронъ Унгернъ-Штернбергъ 2.	Александрійскаго гусарскаго полка.	Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ.
80	Бринкенъ.	Командиръ Тверскаго драгунск. полка.	Alexander a Pelicano coronato, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
81	Де Витте.	Инженеръ, бригадный командиръ Московской военно-рабочей бригады.	Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ.
82	Краузе.	Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части.	Минерва, въ Бупневцахъ Подольской губерніи.
83	Глазенапъ 1-й.	Командиръ Польскаго уланскаго полка	Елезисъ, въ Варшавѣ.
84	Ланской.	Командиръ Иркутскаго гусарск. полка.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
85	Стюрлеръ.	Командиръ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка.	Надежда, въ Швейцаріи, въ Бернѣ.
86	Девель.	Командиръ Бобруйскаго артиллерійскаго гарнизона.	Slaves réunis, въ Кіевѣ.
87	Герштенцвейгъ.	Бригадный командиръ гвардейской артиллеріи и гренадерскихъ ротъ батарейной № 1-го и легкой № 2-го отдѣльнаго Литовскаго корпуса.	Щита Сѣвернаго, въ Варшавѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
88	Беклемишевъ.	2-й Гренадерской артиллерійской бригады, командиръ 3-й легкой роты.	Трехъ мечей, въ Дрезденѣ.
89	Шульманъ 2-й.	18-й артиллерійской бригады, командиръ батарейной роты № 1-го.	Александръ къ коронованному Пеликану.
90	Эриксъ 1-й.	Командиръ запасовъ въ крѣпости Замостье и гарнизонной роты № 51.	Элезисъ въ Варшавѣ и Едность въ крѣп. Замостье.
91	Симанскій.	Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка.	Трехъ Свѣтилъ, въ С.-Петербургѣ.
92	Буйвитъ.	Командиръ 1-го гренадерскаго полка Литовскаго корпуса.	Золотаго кольца Россійскихъ ложъ № 21-го, въ Бѣлостокѣ.
93	Нарышкинъ.	Состоялъ по арміи, и уволенъ отъ службы 26 іюня 1823 г.	Россійской Военной ложѣ Георгія Побѣдоносца, въ Мобежѣ.
94	Гартонгъ.	Состоитъ по арміи, въ С.-Петербургѣ плацъ-маіоръ.	Александра тройственнаго спасенія, въ Москвѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
95	Бестужевъ.	Командиръ Московскаго драгунск. полка.	Ключъ къ добродѣтели, въ Симбирскѣ.
96	Плохово.	Командиръ Екатеринославскаго кирасирскаго полка.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
97	Базилевскій.	Рижскаго драгунскаго полка командиръ.	Избраннаго Михаила, въ С.-Петербургѣ.
98	Митьковъ 1-й.	Лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
99	Пинабель.	Командиръ Брестскаго пѣхотнаго п.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ и къ Литовской, въ Вильнѣ.
100	Глинка 1-й.	Состоитъ по арміи.	Избраннаго Михаила, въ С.-Петербургѣ.
101	Габбе 1-й.	Командиръ Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка.	Петра къ истинѣ въ С.-Петербургѣ, и почетнымъ членомъ ложи Halle zur Bestendigkeit, въ Варшавѣ.
102	Габбе 2-й.	Того же полка.	С. Іоанна, въ Валансьеннѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
103	Аничковъ.	Лейбъ-гвардіи Московскаго полка.	Принадлежалъ къ числу братьевъ масоновъ, въ г. Офенбахъ.
104	Баронъ Армсъ-Гофенъ.	Состоитъ по кавалеріи.	Петра, въ С.-Петербургѣ.
105	Гардеръ.	Лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады и адъютантъ Его Императорскаго Высочества Михаила Павловича.	Александръ къ коронованному Пеликану, въ С.-Петебургѣ.
106	Соломко.	Лейбъ-гвардіи конной артиллер., оберъ-вагенмейстеръ главнаго штаба Его Величества.	Избраннаго Михаила, въ С.-Петербургѣ.
107	Линденъ.	Лейбъ-гвардіи Волынскаго полка.	Совершенства, въ г. Полоцкѣ.
08	Офенбергъ.	Командиръ Павлоградскаго гусарскаго полка.	Александръ, въ Москвѣ.
109	Дитмаръ.	Командиръ Углицкаго пѣхотнаго п.	Alexander zum dreifachen Segen, въ Москвѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
110	Графъ Апраксинъ 3-й.	Флиг. - адъютантъ, лейбъ - гвардіи кавалергардскаго полка.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
111	Графъ Ворцель.	Лейбъ-гвардіи Подольскаго кирасирскаго полка.	Принятъ былъ въ масоны во Франціи и принадлежалъ потомъ къ С.-Петербургской ложѣ Блага.
112	Князь Гагаринъ.	Командиръ Гродненскаго Гусарскаго полка.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
113	Баронъ фонъ-Денъ-Бринкенъ.	Гусарскаго принца Оранскаго полка командиръ.	Петра къ правдѣ, въ С.-Петербургѣ.
114	Лаптевъ 4-й.	Состоитъ по кавалеріи.	Великой Провинц. въ С.-Петербургѣ.
115	Баронъ Остенъ.	Углицкаго пѣхотнаго полка.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
116	Вадковскій.	Костромскаго пѣхотнаго полка.	Принадлежалъ въ С.-Петербургѣ къ одной ложѣ, коей званія не помнитъ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
117	Родзянко.	Командиръ Лубенскаго гусарскаго п.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
118	Башмаковъ.	Кавалергардск. п.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
119	Бибиковъ.	Лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, старшій адъютантъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ, и въ Полтавѣ, но званія сей ложи не помнитъ.
120	Баронъ Офенбергъ.	Командиръ Ямбургскаго уланскаго п.	Пламенная звѣзда, въ С.-Петербургѣ.
121	Князь Лобановъ Ростовскій 2-й.	Лейбъ-гвардіи гусарскаго полка и флигель-адъютантъ.	Велик. ложѣ Астреѣ, въ С.-Петербургѣ и былъ почетнымъ членомъ многихъ Россійскихъ и иностранныхъ ложъ.
122	Ваксмутъ.	1-й гвардейск. артиллерійской бригады, а находится командиромъ учебной артиллерійской бригады и 1-й батарейной роты.	Избраннаго Михаила, въ Петербургѣ.
123	Сумароковъ.	Лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады, командиръ 4-й батарейной роты.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
124	Баронъ Дризенъ 2-й.	Лейбъ-гвардіи Подольскаго кирасирскаго полка.	Храма постоянства, въ Варшавѣ.
125	Карповъ 3-й.	Командиръ Сумскаго гусарскаго полка.	Любовь къ Истинѣ, въ Полтавѣ.
126	Мансуровъ.	Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, флигель-адъютантъ.	Орфей, въ С.-Петербургѣ.
127	Мирковичъ I-й.	Состоитъ по кавалеріи.	Военной вѣрности, составленной во время похода 1812-го года при лейбъ-гвардіи конномъ полку.
128	Князь Трубецкой 2-й.	Состоялъ по артиллеріи и уволенъ отъ службы 27 января 1828 года.	Соединенныхъ славянъ, въ Кіевѣ.
129	Правдзицъ-Залѣскій.	Лейбъ-гвард. уланскаго полка.	Бѣлый орелъ, въ С.-Петербургѣ.
130	Перовской.	Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, адъютантъ Его Высочества Николая Павловича.	Кенонгетъ Кильвинингъ, въ г. Эдинбургѣ, въ Шотландіи.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
131	Князь Голицынъ 4-й.	Лейбъ-гвардіи коннаго полка, флигель-адъютантъ.	Бывшей въ 1812 г. при лейбъ-гвардіи конномъ полку походной, подъ названіемъ военной вѣрности; Соединенныхъ друзей и Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
132	Панютинъ.	Сѣвскаго пѣхотнаго полка.	Елизаветы къ добродѣтели, въ С.-Петербургѣ.
133	Кругликовъ.	Лейбъ - гвардіи гусарскаго полка.	Орфей, въ С.-Петербургѣ.
134	Поповъ.	Командиръ Херсонскаго гренадерскаго полка.	Les amis réunis, въ С.-Петербургѣ.
135	Адлербергъ.	Лейбъ-гвардіи Московскаго полка, адъютантъ Его Высочества Николая Павловича.	Вѣрность, въ Офенбахѣ.
136	Кулеваевъ.	Состоитъ по кавалеріи.	Les amis réunis, въ С.-Петербургѣ.
137	Бибиковъ.	Лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, адъютантъ Его Высочества генералъ-фельдцейхмейстера.	Александръ тройственное благословеніе, въ Москвѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
138	Норовъ.	По артиллеріи.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
139	Статковскій.	1-й гвардейской артиллерійской бригады командиръ 1-й легкой роты.	Трехъ Свѣтилъ, въ С.-Петербургѣ.
140	Зассъ 5-й.	23-й артиллерійской бригады, командиръ 3-й легкой роты.	Пламенѣющей звѣзды, въ С.-Петербургѣ.
141	Орловъ.	Былъ лейбъ-гвардіи въ уланскомъ полку и уволенъ отъ службы 1 мар. 823 г.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
142	Глинка.	8-й конно-артиллерійской роты, командиръ и бригадный командиръ конной бригады при 4-й драгунской дивизіи.	Любовь къ истинѣ, на Востокѣ въ Полтавѣ.
143	Зыбинъ.	Былъ въ Кинбургскомъ драгунскомъ полку и уволенъ отъ службы 22-го января 1823 года.	Соединенныхъ бр., въ С.-Петербургѣ.
144	Дескуръ.	Былъ командиромъ 2-го гренадерскаго полка Литовскаго корпуса и отставленъ отъ службы 17-го іюля 1823 года.	Городъ Люръ въ Франціи.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
145	Гурко 2-й.	Командиръ 3-го егерскаго полка.	Избранный Михаилъ, въ С.-Петербургѣ.
146	Прянишниковъ.	Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.	Избранный Михаилъ, въ С.-Петербургѣ.
147	Кохановъ 2-й.	Квартирмейстерск. части, оберъ-квартирмейстеръ гренадерскаго корпуса.	Петра за правду, въ С.-Петербургѣ.
148	Князь Бебутовъ.	Командиръ Мингрельскаго пѣхотнаго полка.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
149	Баронъ Мейендорфъ 1-й.	Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, находится при Его Королевскомъ Высочествѣ Герцогѣ Александрѣ Виртембергскомъ.	Къ ложѣ, бывшей въ Познани, коей званія не помнитъ.
150	Лутковскій.	Командиръ Нейшлотскаго пѣхотнаго полка.	Принадлежалъ къ ложѣ, состоящей въ г. Торно.
151	Князь Голицынъ 1-й.	Гвардейскаго ген. штаба, оберъ-квартирмейстеръ 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
152	Тимротъ 2-й.	Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.	Луиза, въ Тильзитѣ.
153	Клеммеръ.	Командиръ Малороссійскаго гренадерскаго полка.	Zum vaterländischen Verein, въ Кельнѣ.
154	Пестель.	Командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
155	Князь Трубецкой 1-й.	Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, старшій адъютантъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
156	Фромандіеръ.	Лейбъ-гвардіи Московскаго полка.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
157	Баронъ Большвингъ 1-й.	Лейбъ-гвард. уланскаго полка Его Императорскаго Высочества Цесаревича.	Храма постоянства, въ Варшавѣ.
158	Гедихинъ.	Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части.	Пламенѣющая звѣзда, въ Каменецъ-Подольскѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
159	Рененкампфъ 3.	Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, оберъ-квартирмейстеръ 2-го пѣхотнаго корпуса.	Петра къ вѣрности, въ С.-Петербургѣ.
160	Шембель.	Лейбъ-гвардіи драгунскаго полка.	Избраннаго Михаила, въ С.-Петербургѣ.
161	Чертковъ.	Былъ лейбъ-гвардіи въ конномъ полку и уволенъ отъ службы 18 ноября 1822 года.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
162	Баронъ Ренне.	Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи легкой батареи № 3.	Фридрихъ увѣнчанный надеждою, въ Копенгагенѣ.
163	Тимашевъ.	Состоитъ по кавалеріи и управляетъ Оренбургскимъ казачьимъ войскомъ.	Ключъ къ добродѣтели, въ Симбирскѣ.
164	Синельниковъ.	1-й гвардейской артиллерійской бригады, командиръ 2-й батарейной роты.	Св. Георгія, въ крѣпости Мобежѣ, во Франіи.
165	Хвощинскій.	Лейбъ-гвардіи Московскаго полка.	Россійской орелъ, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
	Подполковники:		
166	Облеуховъ.	Командиръ Одесскаго артиллерійскаго гарнизона.	Эвксинской, въ Одессѣ.
167	Зассъ 4-й.	Состоитъ по кавалеріи, а находится при Его Импер. Высочествѣ Цесаревичѣ.	Якорей и короны въ Англіи, трехъ мировыхъ шаровъ въ Митавѣ, Св. Іоанна Іерусалимскаго во Франціи, въ городѣ Нанси, и св. Георгія Побѣдоносца на востокѣ, въ Мебежѣ.
168	Хотяинцовъ.	Командиръ Витебскаго пѣхотнаго полка.	Іордань, въ Ѳеодосіи.
169	Бергеръ.	Командиръ 6 егерскаго полка.	L'Aménité, во Франціи въ городѣ Авенѣ.
170	Бароцци.	Состоитъ по арміи.	Георгія Побѣдоносца, бывшей при отдѣльномъ корпусѣ во Франціи.
171	Баронъ Левенштернъ 3.	Гусарскаго Принца Оранскаго полка.	Изисъ, въ Ревелѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
172	Гротенгельмъ 2.	Нарвскаго драгунскаго полка.	Friedrich zum goldenen Zechter, въ Бреславлѣ.
173	Кюрто.	Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка, комендантъ въ Акерманѣ.	Озириса къ пламенѣющей звѣздѣ, въ Каменецъ-Подольскѣ.
174	Евреиновъ.	Командующій 8-мъ піонернымъ батальономъ.	Орла Россійскаго въ С.-Петербургѣ и zur Einigkeit, въ Данцигѣ.
175	Тепловъ 1-й.	Елисаветградскаго гусарскаго полка.	Алттетише, въ Данцигѣ.
176	Робенфельдъ 1.	Нарвскаго пѣхотнаго полка.	Grand Chapitre, des amis fidèles, въ Парижѣ.
177	Фалкенбергъ.	Командиръ 7 конно-артиллерійской роты.	Св. Георгія, въ крѣпости Мобежѣ, во Франціи.
178	Эйзенъ фонъ-Шварценбергъ.	4-й артиллерійской бригады 1-й батарейной роты.	Соединенныхъ славянъ, въ Кіевѣ.
179	Шиллингъ 1-й.	Елисаветградскаго гусарскаго полка.	Peter zur Wahrheit, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
180	Дубельтъ.	Командиръ Старо-скольскаго пѣхотнаго полка.	Емануель, въ Гамбургѣ, Астреи въ С.-Петербургѣ, соединенныхъ Славянъ, въ Кіевѣ, и золотаго кольца, въ Бѣлостокѣ.
181	Филимоновъ.	Волынскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
182	Кошкаровъ.	Бородинскаго пѣхотнаго полка.	Михаилъ, въ С.-Петербургѣ.
183	Барановскій 1.	Татарскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Несвижской ложѣ.
184	Арцышевскій.	Литовскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Масонской ложѣ, которой названіе не помнитъ.
185	Ентальцевъ.	Командиръ конно-артиллерійской роты № 2-го.	Елизаветы и трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
186	Окуневъ.	Командиръ 1 егерскаго полка.	Трехъ коронованныхъ шпагъ, въ Митавѣ.
187	Корчевскій 1.	Командиръ Апшеронскаго пѣхотнаго полка.	De l'Aménité, въ крѣпости Авенѣ (во Франціи).

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
188	Гирсъ.	Гродненскаго гусарскаго полка.	Пріятель человѣчеству, въ Гродно.
189	Муравьевъ-Апостолъ 2-й.	Черниговскаго пѣхотнаго полка.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
190	Графъ Симоничъ.	Грузинскаго гренадерскаго полка.	L'heureuse journée du 20 mais—1811, въ г. Туринѣ во Франціи.
191	Вальцъ 2-й.	1 Гренадерской артиллерійской бригады, командиръ 2-й батарейной роты.	Трехъ Свѣтилъ, въ С.-Петербургѣ.
192	Вальцъ 1-й.	17 артиллерійской бригады командиръ 3-й легкой роты.	Сѣверныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ, и Озириса къ пламенѣющей звѣздѣ, въ Каменецъ-Подольскѣ.
193	Высоцкій 1-й.	1-го гренадерскаго полка Литовскаго корпуса.	Золотаго кольца Россійскихъ ложъ № 21, въ Бѣлостокѣ.
194	Квитницкій.	1-го гренадерскаго полка Литовскаго корпуса.	Золотаго кольца Россійскихъ ложъ № 21, въ Бѣлостокѣ.
195	Рихтеръ 4-й.	Свиты Его Величества по квартирмейстерской части.	Пламенѣющей звѣзды, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
196	Баронъ Седлеръ.	Квартирмейстерск. части, дивизіонный квартирмейстеръ 2-й гренадерской дивизіи.	Принадлежалъ къ ложѣ, коей званія не помнитъ.
197	Хомутовъ.	Свиты Его Величества квартирмейстерской части, дивизіонный квартирмейстеръ 1-й пѣхотной дивизіи.	Славянскаго орла, въ Вильнѣ.

Сообщила Тира Соколовская.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

обрѣзывали отложные воротники" и т. д. —„Усердная не по разуму полиція, подъ видомъ желанія угодить новому императору, дѣлала и отъ себя странныя распоряженія; такъ напр., запрещено было употребленіе словъ: „курносый" и „Машка". Императоръ не догадывался, что режимъ произвола, который онъ устанавливалъ, долженъ былъ развращающимъ образомъ дѣйствовать, прежде всего, на ближайшихъ исполнителей его воли. Для сотрудниковъ имп. было выгодно поддерживать въ немъ нервное настроеніе духа, его боязнь заговоровъ противъ его особы, чтобы доказать свое усердіе и направлять его волю сообразно личнымъ своимъ выгодамъ. Каждое неосторожное слово раздувалось въ государственное преступленіе, каждому доносу придавалось значеніе. Между тѣмъ, Павелъ по природѣ склоненъ былъ къ великодушію. Тому приводятся авторомъ факты. Затѣмъ все, что напоминало или могло напомнить о революціонныхъ идеяхъ вообще, подвергалось строгому преслѣдованію императора даже въ мелочахъ; такъ указомъ отъ 5 мая 1798 г. запрещено было фабрикантамъ выдѣлывать трехцвѣтныя ленты, а купцамъ торговать ими. Иногда совершенно невинныя замѣчанія или неудачныя выраженія даже приближенныхъ къ государю лицъ приводили его въ дурное настроеніе духа, если вызывали въ немъ мысль о „моральной язвѣ" революціонныхъ ученій. Во время путешествія Павла Петровича въ Казань статсъ-секретарь его, Нелединскій, сидѣвшій съ нимъ въ каретѣ, сказалъ государю, проѣзжая чрезъ какіе-то обширные лѣса: „Вотъ первые *представители* лѣсовъ, которые далеко простираются за Уралъ".— „Очень поэтически сказано", возразилъ съ гнѣвомъ императоръ, „но совершенно неумѣстно: извольте сейчасъ выйти вонъ изъ коляски".

При такомъ нервномъ настроеніи государя неудивительно, что иногда самаго мельчайшаго случая было достаточно, чтобы навлечь на многихъ подозрѣніе въ „пагубномъ вольномысліи". Многіе посажены были въ крѣпость или отданы подъ надзоръ полиціи по самымъ ничтожнымъ поводамъ.—При дворѣ также не было спокойно. Павелъ боялся образованія партіи императрицы и удалилъ изъ Петербурга всѣхъ, кто уже извѣстенъ былъ въ качествѣ ея сторонниковъ; такой же участи подверглись, одинъ за другими, и всѣ лица, пользовавшіяся дружбою великаго князя Александра Павловича.—Обстоятельства конца царствованія, въ теченіе долгаго времени составлявшія оффиціальную тайну, теперь, разсказанныя Шильдеромъ (въ „Ист. Алекс. I") и Панчулидзевымъ (въ „Ист. Кавалергардовъ" т. II), болѣе или менѣе извѣстны. Недавно по этому предмету вышли въ русской печати записки современниковъ и книга Брикнера.

Въ концѣ книги приложенъ цѣнный документъ—проектъ основныхъ законовъ графа Никиты Панина.

Къ числу недостатковъ работы мы полагаемъ можно отнести слѣдующее: не объяснены отношенія царя къ великимъ князьямъ и мало замѣтенъ переходъ великодушнаго, живого цесаревича въ мрачнаго, подозрительнаго государя, хотя на это и обращено авторомъ нѣкоторое вниманіе. Въ изложеніи же встрѣчаются иногда непонятныя повторенія, напр. мѣры Павла относительно сословій подробно и почти дословно повторяются во II-ой и III-ьей главахъ 2-ой половины сочиненія. Въ заключеніе скажемъ, что книга написана интересно и вызываетъ сильное желаніе познакомиться съ печатаемой Е. С. Шумигорскимъ большой, двухтомной „Исторіи Императора Павла I", въ коей авторъ обѣщаетъ болѣе подробное изложеніе событій этого царствованія, а равно и критическій анализъ матеріаловъ; XVIII вѣкъ очень и очень въ этомъ нуждается—пока у него еще нѣтъ Забѣлиныхъ и Платоновыхъ. Но цѣль автора, сдѣлать свой трудъ доступнымъ для публики, достигнута. Явленія сгруппированы, историческихъ выводовъ подождемъ до слѣдующаго, полнаго изданія.

Вас. Я.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVIII-й. АВГУСТЪ. 1907 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Надежда», Морская, 65.

1907.

Библіографическій листокъ.

С. Горяиновъ. Босфоръ и Дарданеллы. Изслѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ Государственномъ и С.-Петербургскомъ Главномъ Архивахъ. Съ десятью портретами. Спб. 1907.

Со времени завоеванія Россіею сѣвернаго берега Чернаго моря вопросъ о правѣ Турціи распоряжаться судоходствомъ въ проливахъ Босфорскомъ и Дарданелльскомъ возбуждалъ постоянные споры, какъ только политическія событія выдвигали для державъ необходимость ограничивать это право или, наоборотъ, расширить. Въ послѣдній разъ острота этого вопроса почувствовалась нами въ разгаръ русско-японской войны, когда относящіяся сюда постановленія оцѣнивались и обсуживались по разнообразнымъ основаніямъ.—Авторъ изслѣдованія С. Горяиновъ обратился къ источникамъ, къ изученію всей дипломатической переписки о проливахъ и приводитъ въ своемъ трудѣ подлинныя письменныя доказательства въ пользу своего вывода о безусловной обязательности международныхъ постановленій не только для России, но и для всѣхъ державъ, ихъ подписавшихъ, при чемъ отвѣтственность сторонъ за соблюденіе этихъ постановленій должна быть признана круговой. Припомнимъ, что Берлинскій конгрессъ относительно принципа закрытія проливовъ не оставилъ окончательнаго мнѣнія; Англія утверждала, что единственнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ является султанъ—Россія же высказывалась въ томъ смыслѣ, что военныя суда договаривающихся державъ, даже съ разрѣшенія султана, не имѣютъ права проходить черезъ проливы.

При Петрѣ первый русскій чрезвычайный посланникъ думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ получилъ рѣшеніе Порты—„никогда никому ни для чего иныхъ государствъ кораблямъ по Черному морю плаваніе позволено не будетъ, и то де у салтанова величества и у всей Порты постановлено съ великимъ подкрѣпленіемъ, а то де Черное море называетца у нихъ чистая, непорочная дѣвица, потому что никому неоткровенно и плаваніе кораблямъ не позволено“ (1700 г.).

Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ 1774 г. удовлетворилъ лишь экономическіе наши интересы; Россія добилась признанія Портою ограниченнаго торговаго судоходства на такихъ корабляхъ, „каковы другія государства употребляютъ“; относительно военныхъ судовъ подразумѣвалось только, что они по аналогіи съ англійскими и французскими могли изъ Средиземнаго моря доходить до Константинополя и лишены были права проходить Босфоръ. Во времена Павла I Турція обратилась въ союзницу Россіи. Съ цѣлью дѣйствовать противъ предпринятой Наполеономъ египетской экспедиціи русскій флотъ былъ посланъ въ Константинополь и былъ подписанъ въ 1798 г. союзный договоръ на 8 лѣтъ; Турція открыла русскимъ судамъ свободное плаваніе изъ Чернаго моря въ Средиземное и обратно. Въ 1805 г. былъ заключенъ новый трактатъ, самый выгодный для Россіи изъ всѣхъ существовавшихъ до и послѣ. Черное море признавалось въ общемъ владѣніи обоихъ государствъ, равно какъ и защита входа въ него была общею; проливы оставались въ рукахъ султана, но Порта всѣми мѣрами обязывалась способствовать проходу русскихъ судовъ. Однако благодаря блестящимъ побѣдамъ Наполеона такое положеніе продолжалось весьма недолго; французская дипломатія добивалась неисполненія Портою самыхъ существенныхъ условій договора, что вызвало даже открытыя военныя дѣйствія между Россіей и Турціей. Тильзитскій миръ привелъ къ окончанію войны, но преимущество, предоставленное русскому военному флоту въ 1805 году, уже не вошло въ новое соглашеніе въ гор. Яссахъ. Въ 1809 г. съ Портой сблизилась Англія и подкрѣпила свое вліяніе договоромъ о предоставленіи ей разныхъ торговыхъ преимуществъ; въ XI ст. его Турція настояла на своемъ исключительномъ правѣ на проливы, при этомъ выраженіе „древнее правило от-

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Отъ Редакціи.

Симъ доводится до свѣдѣнія г.г. подписчиковъ и всѣхъ лицъ имѣющихъ къ редакціи какія-либо дѣловыя отношенія, что съ 20-го Іюля сего 1907 г. она перемѣнила квартиру, а потому теперь слѣдуетъ обращаться по новому адресу: С.-Петербургъ, Фонтанка, д. № 18, кв. 4.

...арскаго, Никитина, Золотарева, графа Головкина, Каразина и др.
По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты ...ающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.
...налъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по ... съ экземпляра.
Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

Библіографическій листокъ.

С. Горяиновъ. Босфоръ и Дарданеллы. Изслѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ Государственномъ и С.-Петербургскомъ Главномъ Архивахъ. Съ десятью портретами. Спб. 1907.

Со времени завоеванія Россіею сѣвернаго берега Чернаго моря вопросъ о правѣ Турціи распоряжаться судоходствомъ въ проливахъ Босфорскомъ и Дарданелльскомъ возбуждалъ постоянные споры, какъ только политическія событія [illegible]

[illegible] валась способствовать проходу русскихъ судовъ. Однако благодаря блестящимъ побѣдамъ Наполеона такое положеніе продолжалось весьма недолго; французская дипломатія добивалась неисполненія Портою самыхъ существенныхъ условій договора, что вызвало даже открытыя военныя дѣйствія между Россіей и Турціей. Тильзитскій миръ привелъ къ окончанію войны, но преимущество, предоставленное русскому военному флоту въ 1805 году, уже не вошло въ новое соглашеніе въ гор. Яссахъ. Въ 1809 г. съ Портой сблизилась Англія и подкрѣпила свое вліяніе договоромъ о предоставленіи ей разныхъ торговыхъ преимуществъ; въ XI ст. его Турція настояла на своемъ исключительномъ правѣ на проливы, при этомъ выраженіе „древнее правило от-

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1907 годъ.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъдокументовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, насколько они доступны для частнаго человѣка, конечно имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, и матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простого обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА", имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

„РУССКАЯ СТАРИНА", вступая въ 1907 году на тридцать восьмой годъ своего существованія, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду измѣнившіяся условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала. Сохраняя своихъ прежнихъ, многочисленныхъ, сотрудниковъ, редакція получила согласіе на помѣщеніе въ журналѣ трудовъ слѣдующихъ лицъ: П. Я. Дашкова, П. А. Ефремова, А. Ѳ. Кони, С. Ф. Платонова, М. А. Поліевктова, В. И. Саитова и С. М. Середонина.

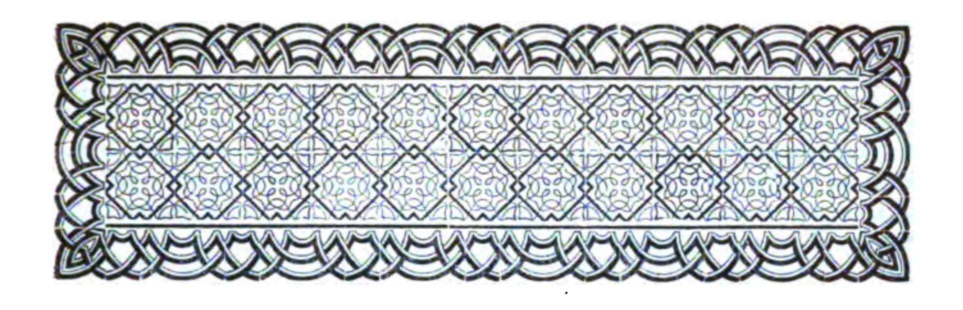
Въ 1907 году будутъ напечатаны: изъ автобіографическихъ воспоминаній графа Л. Н. Толстого, записки генерала Зотова, записки основателя „Русской Старины" М. И. Семевскаго, де-Санглена, Тургенева, Петрушевскаго, Инсарскаго, Никитина, Золотарева, графа Головкина, Каразина и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

Пріѣздъ генералъ-адъютанта Наполеона I графа Нарбонна въ Вильну въ маѣ 1812 года.

Исполнилось двадцать пять лѣтъ дѣятельности нашего стараго сотрудника Константина Адамовича Военскаго. Съ юношескаго возраста, отчасти можетъ быть подъ добрымъ вліяніемъ своего лицейскаго профессора, извѣстнаго Е. А. Бѣлова, живо интересуясь всѣмъ относящимся къ прошлому русской жизни, К. А. трудился въ теченіе многихъ лѣтъ на поприщѣ историколитературномъ и далъ цѣлый рядъ работъ въ этой области. „Русской Старинѣ" близка эта дѣятельность, такъ какъ Военскій помѣстилъ значительную часть своихъ статей именно въ книгахъ нашего журнала. К. А. родился въ 1860 году. Окончивъ Императ. Александр. Лицей, вскорѣ былъ назначенъ состоящимъ при дипломатической миссіи нашей въ Японіи; находясь здѣсь до 1885 года, изучилъ японскій языкъ и исторію, въ результатѣ чего появилось изслѣдованіе—„Русское посольство въ Японіи въ началѣ XIX вѣкѣ". По возвращеніи въ Россію К. А. былъ на нѣкоторое время командированъ въ наше посольство въ Римѣ, послѣ чего продолжалъ свою первоначальную службу въ азіатскомъ департаментѣ. Въ девяностыхъ годахъ перешелъ въ министерство внутрен. дѣлъ, состоя при курляндскомъ губернаторѣ, а затѣмъ совѣтникомъ курляндскаго губ. правленія; въ итогѣ—„Систематическая роспись актамъ и документамъ Курляндскаго Герцогскаго Архива въ Митавѣ" (издана отдѣльно), „Очерки Курляндской Старины" и нѣсколько другихъ журнальныхъ статей. Послѣ Японіи и Прибалтійскаго края судьба приводитъ К. А. на службу въ главное управленіе по дѣламъ печати, гдѣ около 10 лѣтъ онъ исполняетъ обязанности помощника правителя дѣлъ. Въ послѣднее время состоитъ откомандированнымъ въ распоряженіе Е. И. В. великаго князя Михаила Александровича, по порученію котораго занимается разработкой историческихъ матеріаловъ по бытовой и дипломатической сторонѣ отечественной войны, изготовляемыхъ къ столѣтнему юбилею. Эта работа всецѣло занимаетъ теперь К. А., и можно быть увѣреннымъ, что онъ выполнитъ ее съ присущимъ ему талантомъ, въ полной мѣрѣ своихъ

способностей. Уже появился рядъ статей по эпохѣ 1812 года въ „Военномъ Сборникѣ".

Въ немногихъ строкахъ нельзя перечислить всѣ труды и множество замѣтокъ, разбросанныхъ по историческимъ журналамъ и иногда помѣщаемыхъ въ газетахъ; главнѣйшіе изъ напечатанныхъ, кромѣ указанныхъ выше—„Императоръ Николай I и Польша въ 1830 г.", „Записки Н. А. Саблукова о временахъ императора Павла", „Отечественная война въ русской журналистикѣ".

Редакція шлетъ К. А. Военскому добрыя пожеланія довести занятія по исторіи 1812 года до желаемаго конца и многіе годы продолжать свою полезную дѣятельность.

Ред.

(Неизданные документы).

«La vraie misson de M. de Narbonne est toute confidentielle; c'est la continuation de celle de M. de Czernicheff».
Fain. Manuscrit de 1812.

Пріѣздъ генералъ-адъютанта Наполеона I, графа Нарбонна въ началѣ мая 1812 года въ Вильну и трехдневное пребываніе его въ этомъ городѣ, въ которомъ въ то время находился императоръ Александръ I, является одной изъ любопытныхъ и до сихъ поръ мало изслѣдованныхъ страницъ въ исторіи сношеній обоихъ монарховъ передъ Отечественной войной, положившей предѣлъ могуществу великаго корсиканца. Какова была истинная цѣль миссіи гр. Нарбонна, посланнаго изъ Дрездена Наполеономъ къ русскому императору, немедленно принявшему французскаго генерала по прибытіи его въ Вильну и трижды бесѣдовавшаго съ нимъ во время его краткаго пріѣзда,—остается покрытымъ тайной и по настоящее время. Можно только предположить, что поѣздка французскаго генералъ-адъютанта, будучи оффиціально послѣдней попыткой со стороны Наполеона добиться миролюбиваго соглашенія съ императоромъ Александромъ, имѣла и иную цѣль—собрать на мѣстѣ свѣдѣнія о расположеніи русскихъ войскъ, а также разузнать настроеніе мѣстнаго польскаго общества и степень его симпатій къ русскому правительству. Послѣднее предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе при чтеніи печатаемыхъ нынѣ впервые документовъ, касающихся пребыванія Нарбонна въ Вильнѣ. Изъ нихъ видно, что къ графу приходили тайно нѣкоторые знатные поляки (Коссаковскій, графъ Тышкевичъ и др.), его посѣщали французскіе эмигранты, имѣвшіе несомнѣнныя связи въ высшемъ виленскомъ обществѣ (графъ Шуазель, аббатъ Лотрекъ); бывшіе въ свитѣ Нарбонна офецеры, Себастіани и Роганъ-Шабо,

повидимому, владѣли польскимъ языкомъ; наконецъ, изъ Вильны Нарбоннъ проѣхалъ черезъ Бѣлостокъ по направленію къ Варшавѣ, гдѣ онъ долженъ былъ свидѣться съ командовавшимъ польскими войсками Іосифомъ Понятовскимъ. Всѣ эти данныя, малозначущія каждая въ отдѣльности, въ совокупности даютъ основаніе отнестись съ довѣріемъ къ заключенію агента, наблюдавшаго за Нарбонномъ во время пребыванія его въ Вильнѣ, по словамъ котораго: „онъ (т. е. Нарбоннъ) къ предлогу привезть письмо къ императору россійскому имѣлъ и комиссію освѣдомиться и о духѣ здѣшнихъ поляковъ арміи нашей, числѣ войскъ вообще и для учрежденія связей въ будущемъ".

Печатаемые документы представляютъ интересъ и въ другомъ отношеніи. Они наглядно рисуютъ картину существовавшей въ то время организаціи русской военной полиціи, находившейся подъ вѣдѣніемъ извѣстнаго Я. И. де Санглена [1]), организаціи, которую нельзя не признать искусной. Какъ видно изъ печатаемаго ниже „дневника", учрежденное за Нарбонномъ и его свитою наблюденіе дѣйствовало неусыпно, и усердные агенты директора военной полиціи часъ за часомъ слѣдили за времяпрепровожденіемъ именитыхъ французкихъ путешественниковъ, отмѣчая даже такія подробности, какъ „menu" завтрака Себастіани и Роганъ-Шабо. Для вящаго „присмотра", къ Нарбонну нанимается камердинеръ нѣкій Станкевичъ, очевидно тайный агентъ, а квартальный надзиратель Шуленберъ, „переодѣтый во фракъ", входитъ въ дружбу съ прислугой графа и бесѣдуетъ съ ней по-нѣмецки. Словомъ—ничто, повидимому, не было упущено, дабы собрать возможно подробныя свѣдѣнія о каждомъ шагѣ французскаго посла и его свиты съ самаго вступленія его на русскую территорію.

Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ сообщить краткія біографическія данныя о „держателѣ" таинственной миссіи Наполеона — графѣ Нарбоннѣ, бывшемъ конституціонномъ министрѣ Людовика XVI, затѣмъ ген.-адъют. императора французовъ.

Графъ Луи де-Нарбоннъ (comte Louis de Narbonne Lara), потомокъ одного изъ знатнѣйшихъ испанскихъ родовъ, владѣвшихъ съ XIII вѣка графствомъ Нарбоннъ въ Южной Франціи и носившій гордый фамильный девизъ: „Nous ne descendons pas des rois, mais les rois

---

[1]) Высочайшимъ приказомъ, даннымъ въ апрѣлѣ 1812 года на имя военнаго министра, военный совѣтникъ де-Сангленъ назначенъ директоромъ военной полиціи 1-ой западной арміи, а затѣмъ и дѣйствующей арміи съ подчиненіемъ ему всей полиціи въ губерніяхъ, находящихся въ районѣ военныхъ дѣйствій.

descendent de nous[1])" — родился въ 1755 году и воспитывался при Версальскомъ Дворѣ, гдѣ отецъ и мать его занимали важныя придворныя должности. Получивъ блестящее образованіе, Нарбоннъ, благодаря обширнымъ связямъ и личнымъ дарованіямъ, скоро сдѣлалъ военную карьеру, начавъ службу сначала въ артиллеріи, а затѣмъ былъ назначенъ командиромъ Пьемонтскаго полка, въ каковой должности его застала революція 1789 года. Человѣкъ широко образованный, владѣвшій многими иностранными языками, слушавшій лекціи исторіи и международнаго права у знаменитаго страсбургскаго профессора *Коха*, вращавшійся въ Парижѣ среди ученыхъ и литераторовъ, Нарбоннъ, несмотря на аристократическое происхожденіе и близость ко Двору, явно высказалъ свои симпатіи тому конституціонному теченію, которое охватило Францію въ эпоху созванія Генеральныхъ штатовъ. Прибывъ въ 1790 году въ Безансонъ, гдѣ квартировалъ его полкъ, онъ вскорѣ избранъ былъ начальникомъ всей національной гвардіи Дубскаго департамента (Départament du Doubs) и благодаря своему вліянію на мѣстное населеніе быстро умиротворилъ безпорядки, вспыхнувшіе въ провинціи Franche-Comté. Въ 1791 году онъ прибылъ въ Парижъ и узнавъ, что тетки короля (незамужнія дочери Людовика XV-го) находятся въ опасности, онъ (въ качествѣ бывшаго камеръ-юнкера Madame Adélaide) беретъ ихъ подъ свою защиту, выхлопатываетъ декретъ Конституціоннаго Собранія, разрѣшающій имъ выѣздъ изъ Франціи, и провожаетъ ихъ до Рима. 6 декабря 1791 года Нарбоннъ, въ числѣ другихъ конституціонныхъ министровъ, призванъ въ совѣтъ короля, который поручаетъ ему портфель военнаго министра. Въ этой должности Нарбоннъ организуетъ три арміи подъ начальствомъ *Люкнера*, *Рошамбо* и *Лафайетта* для борьбы съ коалиціей. Скоро отставленный отъ этой должности, благодаря проискамъ придворной партіи, ненавидѣвшей его, какъ человѣка, „новыхъ вѣяній", Нарбоннъ однако вторично былъ назначенъ военнымъ министромъ въ мартѣ 1792 года по требованію собранія и оставался въ этой должности до августовскихъ дней, рѣшившихъ судьбу злополучнаго Людовика XVI. Вызванный королемъ изъ арміи, дѣйствовавшей противъ австрійцевъ, Нарбоннъ прибылъ въ Парижъ за 3 дня до 10 августа и въ это время выказалъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ всегда являлся — самоотверженнымъ защитникомъ своего монарха, котораго однако онъ уже не въ силахъ былъ спасти. Несмотря на свою популярность въ арміи и безупречную репутацію, Нарбоннъ былъ уволенъ отъ должности, и революціонная парижская коммуна потребовала его объявленія

---

[1]) „Не мы отъ королей, а короли отъ насъ происходятъ".

внѣ закона. При содѣйствіи своего друга, извѣстной г-жи *Сталь*, и благодаря преданности молодого иностранца, доктора *Вольмана*, Нарбонну удалось бѣжать въ Англію, откуда однако онъ долженъ былъ выѣхать по требованію Питта, а затѣмъ скитался по Швейцаріи и Германіи. Находясь въ Англіи во время процесса короля, Нарбоннъ проявилъ свое благородство, обратившись къ Конвенту съ просьбою дозволить ему предстать передъ трибуналомъ для защиты короля въ качествѣ бывшаго его министра. Когда Конвентъ отказалъ ему въ этомъ, онъ написалъ оправдательную записку въ защиту Людовика XVI, который велѣлъ горячо благодарить Нарбонна черезъ своего защитника Мальгерба. Записка эта вошла въ число документовъ, напечатанныхъ въ процессѣ Людовика XVI.

Вернувшись во Францію уже въ эпоху консульства Бонапарта, Нарбоннъ, забытый всѣми, проживалъ въ Парижѣ частнымъ человѣкомъ, когда одно случайное обстоятельство сблизило его съ Наполеономъ.

Когда первый консулъ учредилъ орденъ Почетнаго Легіона, въ числѣ первыхъ кавалеровъ его оказался лакей Нарбонна, получившій орденскій знакъ изъ рукъ Наполеона за участіе въ Египетской кампаніи. Узнавъ объ этомъ, Нарбоннъ объявилъ своему слугѣ, что онъ не считаетъ себя въ правѣ поручать лакейскія обязанности человѣку отнынѣ ему равному; при этомъ онъ тутъ же усадилъ новаго кавалера съ собой за столъ, угостилъ виномъ и тотчасъ же предложилъ ему должность лѣсничаго въ одномъ изъ своихъ имѣній, которая не унизитъ его достоинства, какъ кавалера.

Объ этомъ случаѣ узналъ Наполеонъ, который пришелъ въ восторгъ отъ поступка Нарбонна, пожелалъ немедленно съ нимъ познакомиться и вскорѣ назначилъ его своимъ адъютантомъ.

Въ 1809 году Нарбоннъ произведенъ въ дивизіонные генералы, и на него возлагались поочередно военныя и дипломатическія порученія. Послѣ Ваграмской побѣды онъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Раабской крѣпости, по заключеніи мира въ Шёнбруннѣ посланникомъ при баварскомъ королѣ, а вскорѣ послѣ этого Наполеонъ вызвалъ его въ Парижъ и къ немалому удивленію всего двора назначилъ генералъ-адъютантомъ, состоящимъ при его особѣ.

Съ тѣхъ поръ Нарбоннъ пользовался неизмѣннымъ довѣріемъ и уваженіемъ Наполеона, котораго сопровождалъ во время его похода въ Россію въ 1812 году. Онъ умеръ въ ноябрѣ 1813 года, въ должности коменданта крѣпости Торгау, которую мужественно защищалъ во время осады ея союзными войсками.

Библіографическій листокъ.

С. Горяиновъ. Босфоръ и Дарданеллы. Изслѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ Государственномъ и С.-Петербургскомъ Главномъ Архивахъ. Съ десятью портретами. Спб. 1907.

Со времени завоеванія Россіею сѣвернаго берега Чернаго моря вопросъ о правѣ Турціи распоряжаться судоходствомъ въ проливахъ Босфорскомъ и Дарданелльскомъ возбуждалъ постоянные споры, какъ только политическія событія [illegible]

валась способствовать проходу русскихъ судовъ. Однако благодаря блестящимъ побѣдамъ Наполеона такое положеніе продолжалось весьма недолго; французская дипломатія добивалась неисполненія Портою самыхъ существенныхъ условій договора, что вызвало даже открытыя военныя дѣйствія между Россіей и Турціей. Тильзитскій миръ привелъ къ окончанію войны, но преимущество, предоставленное русскому военному флоту въ 1805 году, уже не вошло въ новое соглашеніе въ гор. Яссахъ. Въ 1809 г. съ Портой сблизилась Англія и подкрѣпила свое вліяніе договоромъ о предоставленіи ей разныхъ торговыхъ преимуществъ; въ XI ст. его Турція настоила на своемъ исключительномъ правѣ на проливы, при этомъ выраженіе „древнее правило от-

у него Полиціймѣйстеръ, который, поговоривъ съ нимъ, отправилъ его въ Вильну, куда сопровождалъ его такъ же и заказалъ для него лошадей Виленской полиціи офицеръ *Шулимбергъ*. Не слышно, чтобы онъ отъ Ковно до Вильны съ кѣмъ либо разговаривалъ. Въ Герцогствѣ Варшавскомъ на границѣ почти нѣтъ совсѣмъ войскъ. Драгуны, стоящіе напротивъ Юрбурга,—отправляются къ своему штабу и скоро крестьянѣ будутъ составлять пограничную стражу.— Съ прусской стороны такъ же ничего нѣтъ на границѣ, только велѣно выступить въ Тильзитъ одному Гусарскому полку.

8-го Мая зажжена была Юрбургская таможня, но прежде нежели успѣло что сгореть потушено.

ДНЕВНИКЪ.

Маія 6 дня.

Часы.

9 Прибылъ изъ Берлина Франц. Императора Адъютантъ Дивизіонной Генералъ *Графъ Луи Нарбонъ*. При немъ: капитанъ Фибѣръ *Себастіани*, поручикъ Роганъ *Шаботъ*, Курьеръ *Гаро*, камѣрдинеръ Батистъ *Гранто*, лакеи: Кристіанъ Мере и Франсуа *Пери*.

10 Поѣхалъ генералъ Нарбонъ къ Е. В. во дворецъ и былъ у Канцлера Кочубея.

11 Возвратился въ квартиру.

12 Были всѣ дома.

1 Ходили капит. и порутч. по городу по парадному месту подъ Замковыя ворота и чрезъ Св. Янскую улицу домой пошли.

2 Обѣдали.

3 Спать положился Генералъ. Въ оное время прибылъ къ нимъ Г: Шоазеля камердинеръ.

4—5 Дома и никто у нихъ не былъ.

6½ Выѣхалъ Генералъ съ двумя адъютантами за Троицкія
ворота, вышли изъ кареты, походя передъ воротами спро-
сили у Лонъ лакея, гдѣ то мѣсто, гдѣ публика збирается,
на что отвѣчалъ лакей, что садъ Горской (?) лутчее
7 мѣсто, куда и поехали, гдѣ забавились полъ часа поехали
чрезъ Остробраму за городъ. Съ воротъ какъ вышли изъ
карѣты и пошли чрезъ парадное мѣсто Замковой улицы
8 и Замковые ворота къ Катедральному костелу и осмот-
ревъ оной между тѣмъ взглянули на арсеналъ указавъ
рукой на оной, отъ туда возвратились чрезъ Свенто-Ян-

ской улицы. У Доминиканской улицы встрѣтились съ
9 графами *Шоазелемъ* и *Лотрекомъ*, остановились и болѣе $^1/_4$ часа съ ними говорили. Въ 9 часовъ пришли домой.

$9^1/_2$ Пришелъ къ нимъ *графъ Шоазель* и побылъ у нихъ до 11 час. Тогда и карету отпустили и приказали завтра въ 11 час. ей опять быть.

11 Послалъ Генералъ къ *графу Толстому* во дворецъ съ письмомъ *фактора Беньямина*, которой токмо роспиську въ пріемѣ принялъ.

$11^3/_4$ Легли спать. Между 9 и 10 час.: приходилъ къ нимъ *Косаковской*, но визитъ его не приняли, сказали, что генерала дома нетъ.

Маія 7-го.

$7^3/_4$ Вышли.

8 Взяли изъ трактира две порцыи кофеи.

9 Пришелъ книмъ бывшій службы французской *де-Местръ* и пробылъ до $10^1/_2$ часовъ.

$9^1/_2$ Курьеръ Гадо говорилъ съ здѣшнимъ купцомъ почти $^1/_2$ час. по французки.

$11^1/_2$ Оба офицеры капитанъ *Себастіани* и порутчикъ Роганъ *Шабо* ели фрыштыкъ, два кушаня, котлеты и куропатки и выпили бутылку французскаго вина, взяли у трактирщика.

12 Оба офицеры поехали во дворецъ, а Генералъ остался на квартиры, отъ куда воротился чрѣзъ Доминиканск. и Немецкую, остановился подле своей квартиры. Порутчикъ вышелъ изъ корѣты и остался на квартире, а капитанъ поехалъ въ карете по   вышелъ съ кареты и пошолъ до Гобвахты остановился одъ тудова воротивъ назадъ и зашелъ на квартиру.

$1^3/_4$ Поехалъ Генералъ съ офицерами чрѣзъ Немецкой улицы до квартиры принца Олденбурскаго съ визитою но не былъ принятъ, откуда отдавъ билетъ возвратился на квартиру.

$2^1/_2$ Поѣхали Генералъ съ двумя офицѣрами на обѣдъ, 1-й водворецъ къ Государю Императору, а послѣдніе двое къ

$4^1/_2$ Главно-Командующему, офицеры возвратилися чрезъ бол. Купскую и Домиканскую улицы пешкомъ.

$5^1/_2$ возвратился Генералъ въ карѣты.

7 былъ Генералъ чрезъ фелдьегерскаго офицѣра званъ къ

Его Императорскому Величеству куда пріехавъ бывиндѣ
7½ ½ часа отъ туда паки возвратился домой.
7½ были офицеры въ саду за Острой брамѣ болѣе ½ часа. Офицеры оба пошли въ театеръ и были въ оной болѣе часа, заметно было что оны должны полской языкъ знать ибо при смѣшныхъ разговорахъ актеровъ улыбалися оны мѣжды собою но съ половины пьесы вышли изъ театра и пошли прямо домой.
6 Послано письмо черезъ Станкѣвича къ Шоазелу.
— Подъ вѣчѣръ въ сумѣркахъ приходилъ какой то французъ росту нискаго въ синемъ фракѣ къ
7 Генералу и ¼ часа пробывъ пошолъ со двора, какъ Надзиратѣль Шуленберхъ утверждаетъ что оной французъ
8 изъ дома графа Румянцова, но сіе остается еще въ совѣршенной не извѣстности, а старатся буду сего дня въ ясность привѣсти.
10 Былъ у Генерала Графъ Несельродъ и Шуазель, но не болѣе какъ ¼ часа и вышли оба въ мѣсте Шуазель къ себѣ на квартиру а другой по Домениканской улицы.
12 Отпустили лонъ лакѣевъ и кареты, въ скоре послѣ сего приходилъ черезъ вычайно скоро молодой Тишкѣвичъ и пробывъ не много минутъ побѣжалъ со двора по Троицкой улицы такъ что Шуленберхъ не всостояніи былъ его догнать. Когда приходилъ выше означенный французъ то сказалъ лакѣю доложи что я принесъ бумаги для Г-на Генерала.
12½ Легли спать.

Маія 8-го дня.

7½ Встали, самъ Генералъ выходилъ въ халатѣ и осматривалъ свои экипажи.
8 Послалъ лакея за 2 порціямъ кофии.
8½ Одѣвался.
8¾ Прибылъ флигель-адъетантъ Князь Лапухинъ съ тремя вѣрховыми лошадьми на которыхъ сѣли Генералъ и два офицѣра поехали на Снѣпишки гдѣ смотръ Гранадерскимъ полкамъ былъ.
10 Возвратился въ квартиру со своими офицѣрами гдѣ тоть-
11 часъ по прибытіи ихъ и Графъ Шоазѣль книмъ пришелъ и пробылъ более часа.
12 Самъ одинъ Генералъ пошелъ пѣшкомъ по Троицкой улицы гдѣ встрѣтивъ простаго ворея которому далъ 10 ко-

пѣекъ дабы показалъ квартиру Графа Кочубѣю гдѣ пробылъ болѣе полъ часа, оттуда пошелъ по немецкой улицы, по Контону заулку, около квартиры здѣшнаго Коменданта и не заходя ни куда возвратился домой.

1 данта и не заходя ни куда возвратился домой.

2 3/4 Пришелъ къ нему Графъ Шуазель и въ мѣсте обѣдали.

3 1/4 Кушанья было шесть блюдъ, но вина не брали изъ трактира но пили съвое.

4 1/2 былъ Графъ Несельродъ но вскоре вышелъ.

5 Пили кофій.

5 1/4 Пришли почтовыи лошади.

6 Послано чѣрезъ лакея Станкѣвича къ Графу Неселроду писмо.

6 1/4 Отъ Генерала Уварова принесъ лакей писмо и отдалъ оное писмо самому Генералу Нарбону въ руки.

6 ч. 33 м. Сѣлъ въ карету и выехалъ изъ города. При выѣздѣ замѣтилъ я что въ томъ же дворѣ на балконѣ стояли Графъ Тизенгаузъ, Графъ Косаковскій и Графъ Пржесдецкій и множество дамъ которыхъ я не могъ узнать.

ЗАПИСКА

о проѣздѣ французскаго Генерала Графа Нарбона отъ Вильни чрезъ Гродно, Бѣлостокъ до Тыкочинской пограничной рогатки.

Графъ Нарбонъ выѣхавъ изъ Вильны 8 Мая вечеромъ въ 6 час., четыре станціи не выходилъ изъ кареты и ни съ кѣмъ не разговаривалъ кромѣ фельд-егеря — за Лидою на станціи Радзиволишки вышедши изъ кареты, велѣлъ подать для четырехъ персонъ кофе и пилъ оной вмѣстѣ съ фельд-егеремъ пока лошадей запрягли и ни съ кѣмъ ни говорилъ.

На станціи въ мѣстѣчкѣ Щучинѣ осматривая вокругъ карету разговаривалъ только съ своими адъютантами и фельд-егеремъ.

На станціи Милковщизна вошедъ въ комнату къ писарю гдѣ никого не было приказалъ себѣ дать холоднаго жаркого, ужиналъ и пилъ вино Бургонское вмѣстѣ съ своими адъютантами и фельдъегеремъ, послѣ чего сѣлъ въ карету и поѣхалъ.

9-го числа ночью часу въ 1-мъ проѣхалъ черезъ Гродно не выходя изъ кареты. Миновавъ Гродно, на станціи Кузницѣ выходилъ изъ кареты, торговался съ почт-мѣйстеромъ и заплатилъ только за 8 лошадей бравши 14. Фелдьегерь приказалъ въ комнатѣ писаря, въ которую Нарбонъ вошелъ развѣсти на каминѣ огонь, и онъ

пробывъ здѣсь не много, отправился въ дальнѣйшій путь, не разговаривая ни съ кѣмъ. Въ Бѣлостокѣ остановился возлѣ С.-Петербургскаго трактира и тотчасъ явился къ нему Полиціймѣйстеръ (у котораго онъ спросилъ только кто онъ), и приказалъ скорѣе дать ему лошадей.

Между тѣмъ Нарбонъ приказалъ дать обѣдъ на четыре персоны, обѣдалъ вмѣстѣ съ своими адьютантами и фелдегеремъ, пилъ вино Бургонское. Послѣ чего сѣлъ въ карету и поѣхалъ—на станціи въ мѣстѣчкѣ Книшинѣ послѣдней къ рогаткамъ — вышедъ изъ кареты Нарбонъ приказалъ подать бумагу и чернилъ, написалъ письмо къ графу Несельроду на французскомъ языкѣ и не запѣчатавъ отдалъ фелдегерю для доставленія, сѣлъ въ карету и поѣхалъ къ рогаткѣ татаровска называемой. Тамъ приказалъ фелдегерю прописать паспортъ генерала, который тотъ же часъ былъ выпущенъ за рогатку чрезъ мостъ рѣки Нарвы къ рогаткѣ Тыкочинской, — тутъ остановилась карета, генералъ вышелъ и сталъ у рогатки, тотъ же часъ фелдегерь послалъ его паспортъ къ тамошнему Коменданту Капитану Серебряныхъ гусаровъ Оборскому, Генералъ дожидался возлѣ рогатки 12 минутъ, послѣ чего пришелъ къ рогаткѣ помянутый комендантъ, разговаривалъ съ нимъ по французски, прося извиненія, что такъ долго заставилъ его дожидаться, генералъ отвѣчалъ: „ничего, видно что вы исполняете свою должность хорошо". Послѣ спрашивалъ генералъ у коменданта, можетъ ли онъ быть завтрашняго дня т. е. 11 мая на обѣдѣ въ Варшавѣ у князя Іосифа Понятовскаго? Комендантъ отвѣчалъ, что легко можетъ потомъ отворилъ рогатку и обозъ его отправился къ станціи въ городъ Тыкочинъ, а самъ Генералъ съ Комендантомъ и своею свитою пошелъ на станцію пѣшкомъ впрочемъ въ цѣлой дорогѣ ничего замѣчанія достойнаго не случилось. Г. Нарбонъ выѣхалъ заграницу 10 Мая въ 7 часовъ вечера.

Вильно.

6 Маія 1812.

Въ 9 часу утра пріѣхалъ изъ Ковно французскій Генералъ Графъ Нарбоннъ.

Съ нимъ: Капитанъ де-Фебюръ Себастіани.
Адъютантъ, Роганъ Шабо.
Курьеръ, Гара Франсуа.
Камердинеръ, Батистъ Гренго.

Съ 10 часовъ утра прибылъ еще экипажъ Графа Нарбонна съ двумя людьми: Жюстинъ Моретъ и Пирьё.

Они остановились въ домѣ Мюллера № 143. По показанію людей Графской Секретарь Мане выѣхалъ изъ Берлина чрезъ Ліонъ въ Парижъ.

Мѣры, предпринятыя къ присмотру за оными.

Каммердинеръ жившій у Графа Шуазёля и бывшій съ нимъ въ Парижѣ, нѣкто Станкевичъ, пошелъ къ графу Нарбонну и нанялся быть у него тоже каммердинеромъ.

Факторомъ у нихъ — Мошка.

Наемная карета—отъ кузнеца Барташевича. Квартальной Надзир. Шуленберхъ во фракѣ знакомится съ лакѣями изъ коихъ одинъ говоритъ по нѣмецки.

Баронъ Розенъ засѣлъ супротивъ жилища Графа Нарбонна гдѣ квартируетъ у пріятеля.

Саванъ пошелъ предъявлять документы, что употребляютъ Резидентомъ въ Варшавѣ Биньономъ для развѣдыванія здѣсь; и тѣмъ самымъ побудилъ и ихъ къ откровенности.

Нарбоннъ пріѣхавъ освѣдомился тотчасъ здѣсь ли Канцлеръ и отправилъ потомъ къ нему записку чрезъ фактора.

Былъ у Государя Императора, потомъ у Канцлера и будто у Графа Кочубея.

Возвратясь домой они часа 2, стоя, разговаривали въ троемъ между собой съ большимъ афектомъ, но тихо.

Обѣдали изъ трактира, гдѣ остановились; послѣ обѣда Нарбонъ легъ спать, а капитанъ Себастіани и Адьютантъ Роганъ пошли мимо параднаго мѣста къ Остробрамск: воротамъ отъ туда къ Замковымъ воротамъ и чрезъ Св. Янскую улицу возвратились домой.

Курьеръ Гара замѣчателенъ физіономіей, онъ совсѣмъ на квартирѣ не живетъ, бѣгаетъ по всѣмъ улицамъ но никуда не заходилъ еще.

Въ шесть часовъ послѣ обѣда поѣхали было всѣ трое къ сторонѣ погулять; но капит. и адьют. вскорѣ возвратились пѣшкомъ а потомъ и Нарбонъ пріѣхалъ. Поссорились съ 1-мъ своимъ кучеромъ, который съ своей стороны тоже радъ былъ съ ними разстаться, ибо они много торговались и тутъ отрекомендованъ имъ былъ нынѣшній ихъ кучеръ.

Всѣ трое пошли гулять. Въ 8-мъ часу были около Катедральной Церкви, обошли округъ оной, разговаривая и Нарбонъ указалъ имъ на арсеналъ. Возвращаясь встрѣтились съ Лотрекомъ и Шуазелемъ, поговоря съ полчаса возвратились домой.

Въ 9 часовъ былъ Графъ Нессельродъ и пробылъ съ часъ.

Въ четверть 11 часу прибылъ графъ Шуазель — покуда онъ у

него сидѣлъ писалъ Нарбонъ записку къ Графу Толстому, не получивъ отвѣта, а факторъ принесъ розписку что вручилъ письмо.

Въ четверть 12 часу Шуазель ушелъ домой.

Пріѣзжалъ къ Нарбону Каммерьгеръ Коссаковскій около 9 часовъ вечера; Нарбонъ велѣлъ ему сказать, что его дома нѣтъ.

Въ 12 часовъ все успокоилось. Лонлакей отпущенъ и кучеру велѣно быть нынѣ въ 10 часовъ утра.

Саванъ былъ и Полиція его не усмотрѣла. Курьеръ увидя его спросилъ:—Vous etes français, Monsieur? на отвѣтъ, что онъ изъ Варшавы посадилъ его, препоручилъ объ немъ доложить камердинеру, но Нарбонъ велѣлъ отозваться, что нынѣ ему некогда. Странно, что каммердинеръ сказалъ будто у Нарбона Кикинъ, дежурный Генералъ.

---

7 Маія 1812.

Саванъ по приказанію моему явился къ Нарбону въ 1/2 9 часу, былъ тотчасъ впущенъ. Онъ представилъ прилагаемые при семъ документы, доказывающіе связь его съ Беллефруа и тѣ извѣстія, кои онъ ему доставлялъ. Нарбонъ повѣрилъ списокъ Савановъ съ своей таблицей; у него списокъ по полкамъ, сперьва стоитъ Гренадерскій, и проч:—Разпрашивалъ сколь возможно подробнѣе обо всемъ о числѣ арміи, радовался узнавъ что Молдавская Армія противъ дѣйствовать не можетъ.—Спрашивалъ о духѣ Поляковъ— предполагаетъ, что облагодѣтельствованные нынѣ Императоромъ Россійскимъ Ему на время привержены, но уповаетъ, что прочіе на сторонѣ Наполеона, который желаетъ единственно ихъ щастія.— Просилъ Савана отдать Ему Рапортъ къ Биньону, равно и письмо къ Императору Наполеону, дабы испросить за его приверженность ему награжденіе. Вдругъ кто то *запиской* объ себѣ велѣлъ доложить и Нарбонъ проводя Савана по задней лѣсницѣ велѣлъ ему быть съ извѣстіями и рапортами нынѣ вечеромъ въ 11 часовъ.

7-го Маія.

Всѣ встали въ 1/2 8 часу и каждой изъ нихъ писалъ какія то бумаги. Полиція Савана не усмотрѣла, а смѣнилъ его запиской у Нарбона бывшій французской службы полковникъ Шевалье де Местеръ и пробылъ съ часъ.

Курьеръ Гаро былъ въ италіанской лавкѣ и говорилъ съ хозяиномъ нѣсколько времени по французски.

Въ 11 часовъ утра прислалъ Графъ Шуазель 4 бутылки вина Генералу Нарб.—Въ исходѣ 12-го часу оба Адъютанта поѣхали во дворецъ, а Генералъ сидѣлъ дома и писалъ. Къ 1-му часу возвра-

тились они назадъ, Роганъ пошелъ къ Генералу, а Себастіани прохаживаться.

Въ исходѣ 2-го часу поѣхалъ Нарбонъ въ Домъ Тышкевича для здѣланія визита Принцу Олденбургскому: ему было отказано и онъ оставилъ билетъ.

Въ половинѣ 3-го часу поѣхалъ Нарбонъ и Адъютанты его во дворецъ, онъ пошелъ къ столу Государя Императора, а адъютанты къ Г. военному Министру. Въ исходѣ 5 часа адъютанты пришли домой, а Нарбонъ изъ дворца пошелъ къ воен. Министру, а отъ туда домой въ 6 часовъ и отправилъ письмо къ Шуазелю.

Въ исходѣ 7-го часа Нарбонъ по позыву явился опять къ Государю и возвратился въ 1/2 8 часу.

Адъютанты прогуливались около Ратуши, на Остробрамской улицѣ, поговоря съ встрѣтившимися офицерами между прочимъ княземъ Волконскимъ, пошли въ Театръ. Замѣчательно, что по жестамъ ихъ заключить должно будто знаютъ они по-Польски. Въ половинѣ піесы ушли и возвратились домой.

Приходилъ къ Генералу французъ, имя его теперь узнано, Янъ Лудвигъ Вуатенъ, живетъ 4 года у Древицкаго управит. Огинскаго, не великъ ростомъ, во фракѣ и шляпѣ, пробылъ съ полчаса ушелъ. Кварт: Надзират: Шуленберхъ утверждаетъ, что сей французъ изъ дому Графа Румянцова. Означенный французъ велѣлъ объ себѣ доложить, что онъ имѣетъ къ Генералу Бумаги.

Въ 10 часовъ были у Нарбона Графъ Несельродъ и Шуазель, потомъ, но вышли оба вмѣстѣ. Въ 11 часовъ опустили лонъ лакея и карету. Послѣ 12 часовъ приходилъ молодой Тышкевичъ и пробывъ недолго торопился сбѣжать съ лѣсницы и потомъ на улицѣ пустился изо всей мочи.

Саванъ по приглашенію Нарбона явился въ 11 часовъ вечера такимъ потаеннымъ образомъ какъ и вышелъ по утру отъ него. Нарбонъ уже не былъ такъ веселъ какъ по утру. Принялъ его ласково, радовался что онъ пришелъ, объявилъ что онъ нынѣ послѣ смотра войскъ ѣхать долженъ. Разсмотрѣлъ бумагу написанную къ Биньону, сумнѣвался въ нѣкоторыхъ его показаніяхъ о разставленіи войскъ, утверждая что у него это подробнѣе и кажется вѣрнѣе. Саванъ защищалъ свое. Нарбонъ разговорился о будущемъ. Саванъ увѣрилъ его, что русскіе весьма желаютъ войны и готовы всѣ жертвы принести лишь только имѣть свободную торговлю, ибо безъ оной вся стѣснена. Нарбонъ разпрашивалъ о истиннѣ сихъ слуховъ и вправдули, что Россія безъ торговли существовать не можетъ? Получа удостовѣреніе и разпрося о наборахъ—гдѣ ему Саванъ говоритъ о Патріотизмѣ Русскихъ ненадежности Поляковъ и проч.

онъ изъявилъ Савану свою благодарность и увѣрилъ, что чрезъ нѣсколько дней получитъ отъ него извѣстія, коими онъ вѣрно доволенъ будетъ. Впрочемъ ни денегъ не далъ, ни людей не назвалъ, чрезъ коихъ писать будетъ.

8 Маія.

Въ 6 часовъ утра Нарбонъ всталъ и въ шлафрокѣ ходилъ по двору осматривать свои экипажи. Въ началѣ 9-го часа Нарбонъ поѣхалъ съ своими адъютантами въ сопровожденіи флюг: адъют: Князя Лопухина во дворецъ, а отъ туда для осмотра Полковъ. Отъ туда возвратился сперьва во Дворецъ, а потомъ домой въ 11-мъ часу. Тотчасъ по возвращеніи его пришелъ Графъ Шуазель и пробылъ болѣе часу. Въ 12 часовъ Нарбонъ пошелъ пѣшкомъ по Троицкой улицѣ, встрѣтивъ жида далъ ему 10 копекъ чтобы показалъ ему квартеру Кочебуя. Былъ у него съ полъ часа. Послѣ того прошедши по нѣмецкой улицѣ пошолъ около дому Огинскаго и въ часъ возвратился домой. Въ три четверти третьяго часа пришелъ Графъ Шуазель и говорятъ Сенатской Секретарь Осипъ Васильевичъ Поповъ, которой съ ними отобѣдалъ и ушелъ лишь 10 минутъ до ихъ отъѣзда.

За четверть часа передъ обѣдомъ былъ графъ Нессельродъ.

Обѣдъ начался въ 1/4 четвертаго часа и кончился въ 3/4 пятаго.

Въ 20-ть минутъ 6 часа явились лошади.

Въ 6 часовъ лакей Шуазеля отнесъ письмо къ Графу Нессельроду.

Въ 1/4 7-го часа приходилъ каммердинеръ Генерала Уварова и отдалъ запечатанное письмо Генералу и возвратился домой.

Въ 33-и минуты 7-го часа французы уѣхали!

Въ ознаменованіе французской щедрости фактору своему пожаловали 2 талера прусскихъ!..

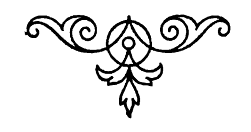
Господа бывшіе у Нарбона, заслуживающіе замѣчанія.

Графъ Шуазель.
Аббатъ Лотрекъ.
Шевалье Деместеръ.
Учитель Вуатенъ.
Тышкевичъ.

Изъ сего неполнаго трехъ дневнаго житія Графа Нарбона въ Вильнѣ, а особливо изъ обращенія съ Саваномъ ясно видѣть можно, что онъ къ предлогу привезть письмо къ Императору Россійскому имѣлъ и коммиссію освѣдомиться о духѣ здѣшнихъ Поляковъ, арміи нашей, числа войскъ вообще и для учрежденія связей для временъ

будущихъ. Это не подвержено сомнѣнію. Старинная дружба фамиліи Шуазель была единственно честной предлогъ; то доказываетъ довольно неискусное и показаніе Шуазелева каммердинера, утверждающаго что баринъ его не отпускалъ, а что онъ самъ безъ позволенія изъ усердія, по старому знакомству служилъ Нарбону.— Чтобы уничтожить засѣянные здѣсь сѣмена; всѣхъ вышеозначенныхъ особъ нужно бы было отправить въ Россійскія Губерніи на жительство, ибо какъ смѣть людямъ, облагодѣтельствованнымъ нашимъ Правительствомъ, безъ дозволенія Его, такъ явно противъ совѣсти посѣщать французского Эммиссара съ пышнымъ тутломъ Дивизіонного Генерала и Адъютанта Ф. И. и въ какіе времена? Самый лучшій предлогъ для отправленія сихъ господъ, коихъ неминуемо кажется нужно сдѣлать безвредными—ибо еще довольно останется Графовъ Тизенгаузеныхъ, Платеровъ и проч.—было бы, что природнымъ французамъ, не ловко здѣсь оставаться въ такое время, гдѣ все походитъ на войну съ сей націей. Да и самому Наполеону не можетъ быть пріятно, что таковые французы, коихъ онъ всѣхъ требовалъ къ себѣ, не явкой своей, доказываютъ приверженность ихъ къ Россіи.

Сообщилъ К. Военскій.

Докладъ графа И. И. Дибича о А. А. Закревскомъ.

(5 августа 1828 г.).

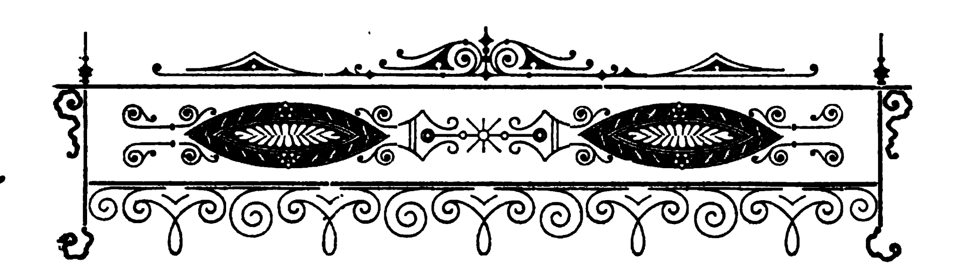
Подноси при семъ на усмотрѣніе вашего императорскаго величества дошедшую ко мнѣ переписку генерала графа Толстого съ г.-ад. Закревскимъ, заключающуюся въ томъ, что послѣдній не принимаетъ никакихъ сношеній съ помощникомъ начальника штаба военныхъ поселеній, такъ какъ онъ по правамъ министра сносится съ одними только главноначальствующими лицами, а не съ подчиненными ихъ, осмѣливаюсь доложить, что если главное управленіе по военнымъ поселеніямъ будетъ и впредь оставлено на обязанности моей, то, по обширности и многосложности занятій моихъ я не могу имѣть ни времени, ни возможности сноситься по части военныхъ поселеній во всѣхъ случаяхъ съ тѣми лицами, съ коими по общему учрежденію министерствъ должны сноситься гг. министры, а потому, для скорѣйшаго теченія дѣлъ и для самой пользы службы, я полагалъ бы—сношенія по главному штабу военныхъ поселеній оставить и на будущее время въ томъ самомъ порядкѣ, каковъ введенъ и продолжался до нынѣ по высочайше утвержденной 23 апрѣля 1819 года запискѣ генерала графа Аракчеева, на основаніи коей сношенія происходятъ и со всѣми прочими министрами.

На докладъ положена собственноручная высочайшая резолюція: „поручить графу Толстому, призвавъ г.-ад. Закревскаго къ себѣ, объявить ему, что Я съ удивленіемъ и съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ странную *прихоть* его и что Я подтверждаю впредь не отступать отъ данныхъ главному штабу правилъ".

Слово прихоть нѣсколько разъ подчеркнуто.

Сообщилъ Михаилъ Соколовскій.

Двѣ статьи Н. И. Надеждина, написанныя по поводу „Философическаго письма“ П. Я. Чаадаева.

Въ ноябрѣ 1836 года, по приказанію императора Николая Павловича, была образована особая комиссія, состоящая изъ гр. А. Х. Бенкендорфа, А. Н. Мордвинова, С. С. Уварова и гр. Н. А. Протасова, для разслѣдованія чаадаевскаго дѣла. Всѣмъ лицамъ, замѣшаннымъ въ дѣлѣ, были предъявлены вопросные пункты. Отвѣчая на нихъ, Надеждинъ, между прочимъ, заявилъ: „Внѣшнихъ побужденій къ напечатанію статьи я не имѣлъ никакихъ другихъ, кромѣ желанія заинтересовать вниманіе публики *и тѣмъ дать ходъ журналу*. Зная извѣстность и вѣсъ автора въ высшемъ обществѣ, я ожидалъ впечатлѣнія отъ самаго имени его, котораго онъ нисколько не думалъ скрывать, хотя и не подписалъ подъ статьею. Отъ г. Андросова (издателя журнала *Московскій Наблюдатель*) слышалъ я, что г. Чаадаевъ, еще до напечатанія статьи, разглашалъ вездѣ, что онъ участвуетъ въ моемъ журналѣ и будетъ помѣщать въ немъ свои сочиненія. Такой авторитетъ для извѣстности и хода журнала, конечно, могъ быть выгоденъ. Что же касается до вредныхъ послѣдствій, то я никакъ не ожидалъ ихъ, *предоставляя себѣ немедленно сдѣлать на эту статью возраженіе и тѣмъ, изгладивъ дурныя впечатлѣнія, поддержать вмѣстѣ занимательность журнала*. Но этому воспрепятствовало рѣшеніе г. попечителя графа Строганова, который приказалъ, чтобы объ этой статьѣ ничего нигдѣ помѣщено не было. Почему я ограничился приготовленіемъ особой статьи: *„О народной гордости“*, которая написана въ томъ же духѣ, какъ и по-

слѣднее мое возраженіе [1]), только безъ всякаго отношенія къ письму. Статья эта, по причинѣ запрещенія журнала, не вышла въ свѣтъ".

Обѣ статьи, упомянутыя Надеждинымъ, найдены нами въ его бумагахъ, по счастливой случайности уцѣлѣвшихъ отъ гибели, и печатаются въ полномъ видѣ по рукописямъ самого автора. Онѣ написаны Надеждинымъ въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ его жизни, когда онъ, почуявшій грозу, которая должна неминуемо разразиться надъ его головою, и сильно потрясенный, растерянный, желая избѣгнуть тяжкой кары, напрягъ всю силу своихъ діалектическихъ способностей и своего краснорѣчія, чтобы создать себѣ апологію. Искренній въ указаніи преимуществъ неограниченной монархической власти, Надеждинъ умышленно сгущалъ краски, рисуя картину полнаго благоденствія и процвѣтанія современной ему Россіи. Въ данномъ случаѣ онъ поступался своими убѣжденіями, подобно Чаадаеву, который, въ присутствіи московскаго оберъ-полицеймейстера, называлъ свои письма „сумасбродными, скверными".

Намѣреваясь впослѣдствіи, въ одной изъ главъ подготовляемаго нами труда о Надеждинѣ, всесторонне изложить чаадаевскую исторію [2]), мы не можемъ не выразить удовольствія, что проф. И. А. Шляпкинъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи документы, могущіе пролить свѣтъ на этотъ печальный эпизодъ въ русской общественной жизни, желаетъ обнародовать ихъ и тѣмъ способствовать безпристрастной оцѣнкѣ дѣйствій всѣхъ лицъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности за появленіе въ печати злополучнаго „Философическаго письма" [3]).

Н. Козминъ.

---

[1]) Т. е. показаніе, данное въ III отдѣленіи.

[2]) Крайне одностороннее и пристрастное изложеніе находимъ въ статьѣ г. Лемке: „Чаадаевъ и Надеждинъ" (*Міръ Божій*, 1905, №№ 9—12).—См. нашъ отзывъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1906, № 7, стр. 158—162.

[3]) *И. А. Шляпкинъ*. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. Спб. 1903, стр. 283.—Приведя письмо К. О. Росетти, гдѣ говорится о Чаадаевѣ, составитель книги пишетъ: „Мы надѣемся обнародовать еще кой-какія данныя о чаадаевской катастрофѣ, по находящимся у насъ бумагамъ Надеждина".

I.

Такъ названное „Философическое письмо“, помѣщенное въ 15 книжкѣ *Телескопа* за нынѣшній годъ, возбудило самое сильное и самое естественное негодованіе. Отрицая съ какимъ-то дикимъ ожесточеніемъ все наше *прошедшее*, говоря, что у насъ *нѣтъ преданій, нѣтъ воспоминаній*, словомъ, нѣтъ *исторіи*, что мы *народъ исключительный*, что мы *явились въ міръ безъ наслѣдства, безъ связи съ другими людьми*, что *мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами, не принимали участія въ ходѣ и движеніяхъ европейскаго просвѣщенія*, это письмо возмутило, оскорбило, привело въ содроганіе народную нашу гордость. Какъ? Мы русскіе никогда не жили, ничего не сдѣлали, ничѣмъ не наполнили исторіи? Этотъ дивный великій народъ, который даровалъ свое имя седьмой части земного шара, который за тысячу лѣтъ озарился божественнымъ свѣтомъ христіанской вѣры, начала всякаго просвѣщенія, и разлилъ ея благодатные лучи на безмѣрномъ, ужасающемъ мысль пространствѣ, отъ подошвы Карпата до хребтовъ Алтая; народъ, который въ одно столѣтіе успѣлъ присвоить себѣ все, что есть лучшаго въ европейской образованности, созданной рядами столѣтій, который въ одинъ годъ, прошедши Европу изъ края въ край съ мечемъ побѣды и оливною вѣтвью мира, начерталъ себѣ такую блистательную страницу во всемірной исторіи человѣчества, какой не можетъ представить ни одинъ изъ древнихъ и новыхъ народовъ свѣта: этотъ-то народъ поставить на самой крайней степени ничтожества? Такое дикое ослѣпленіе мало назвать просто заблужденіемъ: это бредъ, горячка, безуміе! И этимъ безуміемъ оскорбляется сколько здравый смыслъ, видя въ немъ совершеннѣйшее противорѣчіе съ дѣйствительностью, столько или еще болѣе народная русская гордость, поруганная такъ обидно, такъ дерзко и еще такъ несправедливо!

Мы *не имѣемъ прошедшаго, не имѣемъ исторіи, не имѣемъ преданій и воспоминаній!* Но что значитъ тысяча лѣтъ существованія русскаго имени съ тѣхъ поръ, какъ Рюрикъ положилъ первый камень общественнаго благоустройства на отдаленнѣйшемъ сѣверѣ Европы, съ тѣхъ поръ, какъ Олегъ двинулъ этотъ сѣверъ на югъ и прибилъ щитъ русскій на стѣнахъ гордой столицы древняго міра, съ тѣхъ поръ, какъ равноапостольный Владиміръ добылъ этому сѣверу еще юному, но уже могучему и вѣру, и письменность, и искусства, и нравы? Что значатъ эти яркіе проблески героической храбрости, дивнаго мужества, которые, подобно молніямъ, разсѣкаютъ

густой мракъ послѣдующихъ временъ и въ именахъ Мономаховъ и Боголюбскихъ, Александровъ и Димитріевъ увѣковѣчиваютъ славу русскаго имени на берегахъ Днѣпра и Клязьмы, Невы и Дона? Что значитъ грозная, но величественная чета Іоанновъ, которые, менѣе чѣмъ въ столѣтіе, собрали обломки колосса, пятьсотъ лѣтъ дробимаго бурями удѣльныхъ междоусобій, двѣсти лѣтъ подавляемаго тяжкимъ порабощеніемъ, и изъ Москвы, оброчнаго городка кочующихъ варваровъ, создали столицу державы, простирающейся до тундръ Сибири, до степей Татаріи? Что значитъ чудесный, безпримѣрный въ лѣтописяхъ міра 1612 годъ, когда Русь Іоанновъ, осиротѣлая, обезглавленная, потрясенная изъ конца въ конецъ, раздавленная въ самомъ сердцѣ насиліемъ остервенѣлаго врага, вдругъ чувствуетъ въ себѣ исполинское могущество, собираетъ всѣ свои силы, поднимается и сбрасываетъ съ себя чужеземное иго, растаптываетъ въ прахъ своихъ мучителей, и въ полномъ упоеніи своего торжества, въ полномъ сознаніи своего могущества, своихъ силъ, спѣшитъ освятить свои лавры, повергая ихъ къ стопамъ юнаго Михаила, благородной отрасли Владиміровъ и Іоанновъ, благословеннаго корня Петра? Что значатъ, наконецъ, эти два послѣдніе вѣка, прожитые нами подъ благодатнымъ скипетромъ потомковъ Михаила, эти два вѣка непрерывныхъ чудесъ, которыя отдаленнѣйшее потомство сочтетъ баснословною поэмою; эти два вѣка, записанные во всемірную исторію человѣчества пріобщеніемъ къ Европѣ двухъ третей ея и половины Азіи, основаніемъ новаго Царя-града на пустынныхъ берегахъ Финскаго залива, округленіемъ Европейскаго Востока въ одну великую, твердую и могучую державу, избавленіемъ и умиротвореніемъ Европейскаго Запада, водруженіемъ сѣверныхъ орловъ на стѣнахъ Парижа и на хребтахъ Арарата? Это ли не исторія? Это ли не прошедшее? И какой другой народъ, древній или новый можетъ представить воспоминанія болѣе сладостныя, преданія болѣе драгоцѣнныя?

Мы *никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами, не принимали участія въ ходѣ и движеніяхъ европейскаго просвѣщенія!* Но въ чемъ состоятъ признаки и плоды того просвѣщенія, которымъ Европа имѣетъ право гордиться, въ которомъ ей можно и должно завидовать, соревновать? Безъ сомнѣнія, въ развитіи наукъ и искусствъ, промышленности и торговли, этихъ главныхъ условій общественнаго совершенства, главныхъ показателей умственной и гражданской образованности народовъ? Но развѣ у насъ нѣтъ наукъ и искусствъ, развѣ наша промышленность и торговля не возрастаютъ, не цвѣтутъ, не подвигаются впередъ исполинскими шагами, ежегодно, ежедневно, ежеминутно? У насъ нѣтъ наукъ! А безпредѣльное пространство нашего отечества покрыто школами, учили-

щами. Каждое сословіе имѣетъ пріютъ, гдѣ можетъ развивать свои умственныя способности, обогащать ихъ полезными свѣдѣніями, изощрять и благородствовать. Каждая отрасль знанія имѣетъ достойныхъ служителей. Каждый умственный подвигъ находитъ поощреніе, награду, считается государственною заслугою, гражданскою добродѣтелью. Число училищъ, число учащихся растетъ не по днямъ, а по часамъ! У насъ нѣтъ искусствъ! А давно ли картина русскаго художника, несмотря на всѣ усилія зависти, получила первую награду, увѣнчана торжественно въ томъ самомъ городѣ, который считается столицею нынѣшней такъ называемой европейской образованности? И не пріѣзжаютъ ли толпами просвѣщеннѣйшіе европейцы любоваться, дивиться нашему Петербургу, этому великолѣпнѣйшему, изящнѣйшему городу не только въ Европѣ, но и во всемъ свѣтѣ? У насъ нѣтъ промышленности! А между тѣмъ богатая, неистощимая наша природа ежедневно разверзаетъ свои нѣдра и даритъ труду новыя сокровища. Хребты Урала и Алтая кипятъ золотомъ; на берегахъ Крыма, у подошвы Кавказа, виноградъ стелется лѣсами, шелковичный червь прядетъ въ изобиліи свои нити, всѣ нѣжныя произведенія юга расплождаются, пускаютъ корни и дѣлаются русскими. Мерзлыя тундры Камчатки и раскаленные солончаки киргизскихъ степей засѣваются хлѣбомъ, обращаются въ золотистыя нивы. Русскій путешественникъ на утломъ челнокѣ отважно носится по волнамъ двухъ океановъ, не боясь вѣчныхъ *льдинъ* одного и грозной *тишины* другого, преслѣдуетъ кита въ полярныхъ широтахъ Шпицбергена, добываетъ пушистые мѣха на погасшей грядѣ Алеутскихъ и Курильскихъ волкановъ. Всѣ издѣлія пользы, удобства и роскоши не стыдятся уже носить русскій штемпель, свидѣтельство русскаго происхожденія. Москва съ своими окрестными губерніями, Тулой и Ярославлемъ, Калугой и Владиміромъ, быстро превращается въ одну огромную мануфактуру, въ исполинскій Манчестеръ! У насъ нѣтъ торговли! А нашъ Нижній-Новгородъ ежегодно соединяетъ въ себѣ Европу и Азію, приходящія мѣняться своими трудами и выгодами. Купцы московскіе имѣютъ свои конторы въ Кяхтѣ на границахъ Небесной Имперіи. Американская компанія сосѣдничаетъ съ Соединенными Штатами. Въ Петербургъ и Одессу, въ Ригу и Архангельскъ приходятъ корабли изъ Александріи и Калькутты, изъ Нью-Іорка и Ріо-Жанейро. И тогда какъ французы и нѣмцы только-что сбираются воспользоваться важнѣйшимъ изобрѣтеніемъ современной промышленности, богатѣйшимъ пособіемъ торговли, желѣзными дорогами, тогда какъ въ этихъ просвѣщеннѣйшихъ странахъ Европы едва обдѣлано по десяти, по двадцати верстъ, у насъ зрѣетъ уже исполинскій планъ оковать желѣзомъ болѣе чѣмъ тысячу

верстъ разстоянія, связать Петербургъ съ Москвою и Нижнимъ-Новгородомъ, такъ чтобъ это огромное пространство пожиралось въ двое сутокъ! Какъ же мы не идемъ вмѣстѣ съ другими народами, не принимаемъ участія въ ходѣ и движеніяхъ европейскаго просвѣщенія? Нѣтъ! мы бѣжимъ съ нею (ними?) взапуски, и вѣрно перебѣжимъ скоро, если еще не перебѣжали!

Все это такіе факты, которыхъ отрицать нѣтъ никакой возможности, которыхъ дѣйствительность ясна, какъ солнце. И русскому ли не признать ихъ, не чувствовать, не восхищаться и не гордиться ими, тогда какъ въ самыхъ враждебнѣйшихъ иностранцахъ зависть невольно смиряется предъ истиною, и почтительное благоговѣніе смѣняетъ мѣсто прежняго непріязненнаго презрѣнія! Русскому ли осмѣлиться сказать, что народъ русскій до сихъ поръ *ничѣмъ* не былъ, *ничего* не сдѣлалъ?

Но, братья русскіе, будемъ безпристрастны къ себѣ, будемъ правдивы и искренны! Такъ! мы велики, и величіе наше признается всѣми земными народами. Но мы ли создали себѣ это величіе? Плодъ ли оно нашихъ собственныхъ усилій? Сами ли мы возвысили себя такъ внезапно на такую степень совершенства, что, осматриваясь вокругъ, почти не вѣримъ, почти сомнѣваемся: точно ли все это истина, не обольщаемъ ли мы себя сладкою мечтою? Да! благородно гордиться своимъ величіемъ; но еще благороднѣе признать истинный источникъ, истинное начало этого величія, и повергнуться предъ нимъ во прахъ съ благоговѣйнымъ смиреніемъ, исповѣдуя, что мы сами ничто, что мы все только чрезъ ту могучую власть, которая, самодержавно правя нашими судьбами, вела и ведетъ насъ по всѣмъ путямъ совершенствованія безъ нашего вѣдома, часто даже противъ нашей воли, борясь отечески съ свойственною массамъ неподвижностью.

Мы имѣемъ блистательныя страницы исторіи. Но развѣ это исторія наша? Развѣ это исторія русскаго народа? Нѣтъ! это исторія государства Русскаго, это исторія царей русскихъ! Развернемъ наши лѣтописи. За тысячу лѣтъ на берегахъ Ильменя полагается первый камень нашей исторіи. „Земля наша велика и богата“, говорятъ послы новогородскіе князю варяжскому: „но нѣтъ въ ней порядка; приди править нами!“ И на эти слова приходитъ самодержавный князь и утверждаетъ въ великой и богатой землѣ русской порядокъ, краеугольный камень народнаго бытія. Скоро новорожденная Русь озаряется свѣтомъ христіанства и съ тѣмъ вмѣстѣ получаетъ первыя начала умственнаго и нравственнаго образованія. Но здѣсь опять самъ ли народъ русскій дѣйствовалъ своею волею? Нѣтъ! Народъ обагрилъ улицы Кіева кровію первыхъ русскихъ христіанъ.

Спасительная мысль о прогнаніи мрака идолопоклонства съ земли русской образовалась въ умѣ великаго князя и совершена имъ.

Послушный велѣніямъ главы своей, народъ погрузился въ струяхъ Почайны, но все еще втайнѣ болѣзновалъ о Перунѣ, провожалъ далеко сокрушенный кумиръ его и восклицалъ: „выдыбай, выдыбай, боже“! Лѣтописецъ говоритъ, что матери рыдали, отпуская дѣтей своихъ въ школы согласно съ волею равноапостольнаго просвѣтителя земли русской. Что послѣдовало потомъ съ народомъ русскимъ, когда державная власть раздробилась на безчисленное множество удѣловъ и тѣмъ естественно ослабила себя, когда на площадяхъ городовъ раздавался звонъ вѣчевого колокола, котораго не могли заглушить обезсиленные князья? Русскаго народа (какъ-бы) не стало: онъ изчезъ съ страницъ исторіи на цѣлыя пятьсотъ лѣтъ. Русскихъ не было во время нашего такъ называемаго удѣльнаго періода, окончившагося, съ одной стороны, татарскимъ, съ другой—литовскимъ порабощеніемъ. Тогда были новогородцы, кіевляне, суздальцы, рязанцы, которые рѣзались другъ съ другомъ, также какъ съ чудью, съ половцами, съ печенѣгами, забывъ и думать о томъ, что составляютъ одинъ народъ, одно семейство. Горько вспомнить, что въ это несчастное время имя Руси, святое, великое имя, сдѣлалось названіемъ польскаго воеводства, что единственный остатокъ, въ которомъ таилось зерно русской самобытности, не смѣлъ иначе называться какъ московскимъ княжествомъ, и долго, долго послѣ былъ извѣстенъ сосѣдямъ подъ этимъ провинціальнымъ именемъ, подъ именемъ *Московіи*. Кто заставилъ народъ русскій войти въ себя, сознать свое единство, сдѣлаться снова русскою державой? Князь московскій, который, сосредоточивъ снова въ рукахъ своихъ самодержавную власть, принялъ имя *царя всей Русіи*, имя сдѣлавшееся залогомъ возстановленія русской самобытности. Говорить ли о томъ, какъ съ этой поры, съ этой первой буквы настоящей нашей исторіи, развивалось наше существованіе, упрочивалась самобытность, росло величіе? Кто дѣйствовалъ у насъ единственно и исключительно, кто мыслилъ, кто трудился за насъ? Царь! Чтобы ознакомить съ нами Европу, которая все еще продолжала считать насъ жалкою Московіею, надо было русскому царю проѣхать ее изъ края въ край самому своею священною особою. Первый русскій, въ которомъ Европа узнала и научилась чтить имя русское, былъ царь русскій. И когда, какую строку записали мы въ исторію, сами собою, безъ внушенія, безъ велѣнія своего царя? Были точно двѣ великія эпохи, два славные, незабвенные двѣнадцатые года, шесть-сотъ и восемь сотъ двѣнадцатый, когда народъ русскій дѣйствовалъ изъ себя, самъ собою. Но разсмотримъ внимательно эти обѣ эпохи. Въ 1612 году

народъ русскій точно сиротствовалъ, предоставленъ былъ одному себѣ. Но надъ нимъ незримо носилась святая, великая идея царя; всѣ движенія его въ эту незабвенную годину, весь этотъ благородный, высокій энтузіазмъ, которому нѣтъ примѣровъ ни въ чьей другой исторіи, имѣлъ цѣлію наполнить эту опустѣвшую идею, безъ которой нѣтъ существованія, нѣтъ жизни для народа русскаго. Если не лицо, то имя царя было единственнымъ возбудительнымъ началомъ тѣхъ доблестей, той славы, которою облита эта блистательная страница нашей исторіи. Въ другой незабвенный двѣнадцатый годъ подвиги и патріотизмъ русскаго народа были явно только царелюбивымъ отголоскомъ всѣхъ сердецъ на призывъ монарха. Кто первый изъ русскихъ сказалъ, что онъ *не положитъ оружія, пока хотя одинъ врагъ останется на землѣ русской?* Царь русскій. Другіе европейскіе народы развѣ не чувствовали всей тяжести, которою давила ихъ пята, угрожавшая раздавить насъ? Но они безмолвно смирялись, потому что не слышали призыва съ престоловъ, потому что тѣ, которымъ небо ввѣрило предводительствовать ими, сами безмолвно смирялись предъ мощнымъ завоевателемъ. Царь рекъ, и русскій колоссъ всколебался, опрокинулся всею тяжестью своей на всесильнаго врага и сокрушилъ его безпредѣльное могущество. И такъ вся наша исторія не есть исторія *насъ самихъ*, нашей отдѣльной, *народной* жизни, а исторія нашихъ царей, въ которыхъ и которыми мы жили. Нашей исторіи нельзя дѣлить по періодамъ *народной* жизни, какъ европейцы дѣлятъ свою исторію, а по *царствованіямъ*, которыя представляютъ непрерывную лѣствицу благодѣтельной дѣятельности царей и благоговѣйной покорности народа. Пусть всякій русскій положитъ руку себѣ на сердце и скажетъ: была ли, есть ли у насъ другая исторія?

Во всѣхъ отрасляхъ просвѣщенія *мы* равняемся, *мы* обгоняемъ Европу! Такъ! Кто въ этомъ можетъ усумниться? Но спросимъ опять себя: кому мы обязаны этимъ уравненіемъ, этой надеждой (нѣкогда) выпередить Европу? *Мы* ли, собственными усиліями, собственнымъ умомъ, собственною волею, создали и создаемъ себѣ просвѣщеніе? Сознаемся откровенно: до сихъ поръ въ дѣлѣ просвѣщенія *мы* еще не умѣемъ достойно отвѣтствовать волѣ монарховъ, нашихъ единственныхъ просвѣтителей, не научились еще вполнѣ пользоваться всѣми ихъ попеченіями о нашемъ образованіи. Такъ! у насъ процвѣтаютъ науки, размножаются училища, жизнь умственная всюду проявляется. Но кому принадлежитъ честь всего этого движенія? Кто былъ первый нашъ просвѣтитель, наставникъ, учитель? Петръ. Не онъ ли самъ своей державной рукой правилъ корректурный листъ первой русской газеты, писалъ планъ первой русской акаде-

міи? Среди безчисленныхъ царственныхъ трудовъ, онъ составилъ для насъ даже самую азбуку, придумалъ буквы, которыми мы теперь пишемъ. И потомъ какое учебное заведеніе возникло, какой ученый полезный трудъ предпринятъ и совершенъ, безъ повелѣнія, безъ поощренія и награды монарховъ? Чтобы заставить насъ учиться, какихъ средствъ не употребляетъ доселѣ державная власть? Она основываетъ училища, обезпечиваетъ способы и средства образованія, зоветъ, принуждаетъ учиться и осыпаетъ истинно царскими наградами тѣхъ, которые только-что повинуются ей, только-что исполняютъ ея благія велѣнія. Мало того: стоитъ изъявить желаніе, и дѣти наши берутся подъ непосредственный отеческій кровъ монарха, воспитываются на иждивеніи правительства; въ однихъ военныхъ училищахъ такихъ воспитанниковъ царя тысячи. Мало и того: хотимъ ли мы, чтобы дѣти наши воспитывались дома, подъ нашими глазами? Ихъ наставники считаются въ непосредственной службѣ царской, имѣютъ всѣ права государственныхъ чиновниковъ. И такъ умственная наша жизнь не есть дѣло *наше*, а дѣло мудрыхъ, попечительныхъ нашихъ монарховъ! У насъ цвѣтутъ искусства! Но кто ихъ насадитель, покровитель, распространитель? Наши великолѣпнѣйшія зданія воздвигнуты щедротами монаршими. Наша академія художествъ императорская, наши театры императорскіе. Наши лучшіе художники, дивящіе своими произведеніями Италію, отчизну искусствъ—пансіонеры царскіе. Кто лелѣялъ у насъ, на нашей сѣверной почвѣ, первыя нѣжныя сѣмена изящныхъ искусствъ? Екатерина, которая удостоила своимъ царскимъ посѣщеніемъ Ломоносова, чтобы видѣть его мозаическое лѣпленіе! Елисавета, которая своими державными руками украшала ребенка, сдѣлавшагося отцомъ русскаго драматическаго искусства! Николай, который первые дни своего благословеннаго царствованія ознаменовалъ признательностію и уваженіемъ къ мужу, воздвигшему великолѣпнѣйшій памятникъ русскому языку и русской исторіи! Вотъ наши великіе меценаты, наши геніи—вдохновители творческаго генія! У насъ процвѣтаютъ промышленность и торговля! Но отъ *насъ* ли? Нами ли? Не долженъ ли былъ Петръ строить своими руками корабли, ковать желѣзо, чтобы извлечь насъ изъ прежней безпечности. Онъ братался съ русскими бородачами, называлъ *„дядею“* какого-нибудь Сѣрикова, приглашалъ его въ свой кабинетъ и дружелюбно толковалъ, какъ бы завестись своимъ русскимъ сукномъ, чтобъ было и покупателямъ дешево, и производителямъ выгодно. И теперь какое торговое общество, какое обширное промышленное заведеніе образуется безъ пособій, безъ покровительства, безъ наградъ монаршихъ? На-дняхъ еще мы были свидѣтелями умилительнѣйшаго зрѣлища, которое

электрическимъ огнемъ проникло и одушевило всѣ безчисленныя нити нашей промышленности и торговли. Русскій царь ѣздилъ на свой главный рынокъ, первый рынокъ Европы, и тамъ съ отеческой любовью вникалъ во всѣ нужды, потребности и выгоды дѣтей своихъ, тамъ благоволилъ указать новый путь обогащенія своему народу черезъ непроходимые хребты Кавказа до Калькутты. Кто жъ виновникъ настоящаго развитія нашей промышленности и торговли. *Мы* ли? *Народъ* ли? Скажемъ болѣе: даже умягченіемъ нашихъ нравовъ, образованностью обычаевъ, всѣмъ изяществомъ наружнаго, общежительнаго быта, мы обязаны не себѣ, а царямъ нашимъ. Петръ снялъ съ насъ прежнее платье, придававшее намъ азіатскую наружность, и чтобы создать намъ изящную общественную жизнь, царскимъ указомъ и грозою, сбиралъ насъ въ *ассамблеи*, изъ нашихъ уединенныхъ теремовъ, запертыхъ горницъ. А семейная связь, самое первое и святое основаніе общественнаго благоденствія, гдѣ находитъ у насъ теперь высокій, повелительный примѣръ, столь необходимый послѣ того, какъ въ прошломъ столѣтіи, въ просвѣщенныхъ странахъ Европы, общій развратъ угрожалъ ей конечнымъ разрушеніемъ? Французы съ восторгомъ говорятъ о своемъ добромъ Генрихѣ IV, который возилъ на себѣ своего маленькаго сына. Но добрый король устыдился этого отеческаго поступка, сдѣланнаго въ уединеніи кабинета, и извинялъ себя передъ тѣмъ, который случайно сдѣлался его свидѣтелемъ. Мы, напротивъ, недавно видѣли примѣръ родительской нѣжности, совершенный великимъ монархомъ торжественно, въ присутствіи сотней тысячъ восторженнаго народа! И такъ все наше просвѣщеніе, вся образованность принадлежитъ опять не *намъ*, происходитъ не отъ *насъ*, а отъ царей нашихъ. Ихъ самодержавная воля была и есть нашей водительницей на всѣхъ путяхъ совершенствованія.

Значитъ, все, что мы имѣемъ теперь, имѣемъ *не* отъ *себя*, *не* чрезъ *себя*. Значитъ, мы сами по себѣ точно *ничто*! Добрый русскій народъ чувствуетъ это (искони), и вотъ почему всѣ его желанія, всѣ надежды, всѣ обѣты и благословенія, вся жизнь, все бытіе, сосредоточены были всегда въ самодержавной главѣ его. „*Вѣдаетъ Богъ и великій государь*"—вотъ сокращеніе всей его народной мудрости! „*Служу Богу и великому государю*"—вотъ основаніе всей его гражданской дѣятельности! [1]).

---

[1]) Тѣ же мысли высказалъ П. Я. Чаадаевъ въ „Апологіи сумасшедшаго": „Мы дошли съ удивительной быстротой до нѣкоторой степени цивилизаціи, чему справедливо удивляется Европа. Наше могущество устрашаетъ міръ, наша имперія простирается на пятую часть земного шара; но всѣмъ этимъ, надо признаться, мы обязаны только энергичной волѣ нашихъ государей,

Въ такомъ случаѣ мы, дѣйствительно, *народъ исключительный*, не принадлежащій *къ* современному *европейскому семейству*, не принимающій *участія въ его ходѣ и движеніяхъ*! Но неужели это для насъ унизительно? Неужели этимъ должна оскорбляться наша истинная *русская* гордость?

Боже мой! Какъ жалко унизились бы мы въ собственныхъ глазахъ, если бъ стали сокрушаться о томъ, что мы созданы быть народомъ самобытнымъ и самообразнымъ, а не слѣпкомъ, не копіей другихъ народовъ! Неужели нынѣшній европейскій бытъ есть крайняя ступень совершенствованія человѣческаго, окончательная развязка, послѣдній актъ всемірной исторіи? И народъ, который мыслитъ, который чувствуетъ, который живетъ, не какъ нынѣшніе европейцы, уже не имѣетъ никакой надежды спасенія, долженъ повергнуться въ мрачное, безотрадное отчаяніе, хотя бы онъ, какъ мы, состоялъ изъ шестидесяти милліоновъ, наполнялъ собою пространство, въ которомъ умѣстится десятокъ и больше Европъ? Нѣтъ! Не напрасно міродержавный Промыслъ отвелъ намъ въ удѣлъ такую огромную, безпредѣльную ландкарту, держалъ насъ тысячу лѣтъ подъ своимъ особеннымъ попеченіемъ и не далъ намъ утратить ни своего самобытнаго языка, ни своихъ самородныхъ нравовъ, ни своей самообразной физіономіи, однимъ словомъ, ни одного изъ тѣхъ условій, которыми держится народная самостоятельность, тогда какъ другія націи, при малѣйшемъ стеченіи неблагопріятныхъ обстоятельствъ, во сто лѣтъ сглаживались съ лица земли, такъ что теперь не находятъ и слѣдовъ ихъ! Не напрасно во все это время мы отдѣлены были отъ маленькаго уголка, называемаго Европою, не приняли ничего отъ ней въ *наслѣдство*, даже самое христіанство, первое условіе всякаго просвѣщенія, заимствовали не у ней, а у Византіи, которая была тогда въ такомъ жалкомъ, непривлекательномъ положеніи, что мы сами тотчасъ ее презрѣли, бросили, не приняли за образецъ и правило. Не напрасно эти тысяча лѣтъ нашего существованія представляютъ чистый *пробѣлъ въ исторіи*, свитокъ которой европейскіе народы исчертили своими страстями, испачкали заблужденіями, забрызгали кровью! Да! *Мы существуемъ для того, чтобы преподать великій урокъ міру*! Наше назначеніе не быть эхомъ этой дряхлой, издыхающей цивилизаціи, которой, можетъ быть, видимъ мы послѣднія предсмертныя судороги, а развить изъ себя новую, юную и могучую цивилизацію, *цивилизацію собственно*

которой помогали физическія условія нашей страны. Созданные, сформованные, обдѣланные нашими правителями и нашимъ климатомъ, только въ силу повиновенія мы сдѣлались великимъ народомъ" („Апологія". Казань, 1906, стр. 19).

русскую, которая также обновитъ ветхую Европу, какъ нѣкогда эта Европа, еще чистая и дѣвственная, еще не истерзанная бурями, не состарѣвшаяся въ волненіяхъ, обновила ветхую Азію. И вотъ идеалъ этой русской самобытной цивилизаціи!

Народъ русскій до сихъ поръ есть великое, патріархальное семейство, существующее въ тѣхъ чистыхъ первобытныхъ формахъ отеческаго самодержавія и дѣтской покорности, которыя самъ Богъ изрекъ для рода человѣческаго. Жалко и смѣшно ослѣпленіе тѣхъ, которые и теперь еще повторяютъ нелѣпую мечту Руссо о какомъ-то первобытномъ состояніи людей, когда мы, какъ звѣри, ходили будто на четвереренькахъ и пожирали другъ друга, жили настоящей республикой львовъ и тигровъ, и о какомъ-то *общественномъ договорѣ*, на которомъ будто основались всѣ нынѣшнія гражданскія постановленія. Люди никогда не были и не могли быть звѣрьми. Сама природа отличила ихъ отъ безсмысленныхъ животныхъ тѣмъ, что вложила въ ихъ сердца инстинктъ семейности, инстинктъ, не оставляющій ихъ въ самомъ глубочайшемъ варварствѣ и дикости. Гдѣ только находятъ нынѣ людей, людей дикихъ, почти униженныхъ до состоянія звѣрей, вездѣ находятъ ихъ семьями. Семья есть необходимая форма человѣческаго существованія. Но семья по природѣ своей есть монархія, и монархія самодержавная: въ ней отецъ—природный, неограниченный государь; дѣти—природные, безусловные подданные. Всѣ народы начали свою исторію съ этого первоначальнаго, единственно свойственнаго природѣ человѣческой состоянія. Азія, отчизна человѣчества, съ самыхъ первыхъ дней своего бытія, является въ монархическихъ, неограниченно-самодержавныхъ формахъ. Когда Греція, колыбель европейской цивилизаціи, вышла на сцену исторіи въ пѣсняхъ Гомера, она также представляетъ рядъ семействъ, управляемыхъ патріархальными жезлами царей, *пастырей народовъ*. Но въ послѣдствіи времени разгаръ страстей, соблазнъ своеволія, желаніе пожить своимъ умомъ, по своимъ прихотямъ, вкралось въ эти первобытныя семейства и разрушило святыя узы послушанія, которыми держалось ихъ существованіе. Какъ семья рѣзвыхъ, своевольныхъ дѣтей, народы вздумали обойтись безъ патріархальной отеческой власти, пожить сами собою. И что же сдѣлалось съ ними? Они истощили свои силы въ бурныхъ порывахъ, въ кипучихъ страстяхъ и погибли, какъ гибнутъ всѣ несогласныя семьи. Такъ погибла древняя Греція; такъ погибъ древній Римъ. Напрасно, въ послѣднія времена, народъ римскій отказался отъ своей несчастной самобытности, которой доискивался столько вѣковъ, которая стоила ему столькихъ терзаній; напрасно возвратился къ первоначальной формѣ всякаго гражданскаго бытія, повергся подъ

самодержавный скипетръ Цезарей. Было уже поздно! трупъ, истерзанный вѣковыми потрясеніями, не могъ оживиться. При томъ монархія Цезарей не была чистая, естественная, *законная*, а какая-то чудовищная смѣсь неограниченнаго могущества и всегдашней зависимости отъ произвола тѣхъ, которые ей покорялись. Отсутствіе наслѣдственности, необходимаго условія истинной, законной монархіи, было очевиднымъ признакомъ ея неестественности. Горсть солдатъ, интрига евнуховъ, толпа черни раздавала, даже продавала пурпуръ, кому хотѣла, и срывала его опять по своему буйному произволу. Это было причиною, что обѣ Римскія Имперіи, Западная и Восточная, не могли устоять, разрушились, пали. Явилось христіанство, начало новаго міра. Оно скрѣпило опять узы патріархальной покорности въ народахъ, освятило державную власть печатью божественнаго права, объявило царей, отцовъ народа, помазанниками Божіими. И вотъ новая блистательная жизнь заструилась въ жилахъ человѣчества. Европа воскресла и создала себѣ ту великолѣпную цивилизацію, которая дала ей первенство во вселенной. Обратимъ вниманіе на блестящую эпоху такъ называемаго *возрожденія* наукъ и искусствъ, на это прекрасное утро европейскаго просвѣщенія. Оно совершилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ державныхъ властителей народовъ. Кто были первые покровители наукъ и искусствъ въ Италіи? Самодержавные первосвященники Рима, миланскіе Висконти и Сфорцы, флорентинскіе Медичи, феррарскіе Эсты, веронскіе Скалы, сосредоточившіе въ рукахъ своихъ власть державную. Венеція и Генуа (sic), остававшіяся республиками, принимали самое ничтожное участіе въ возрожденіи наукъ и искусствъ: онѣ только покупали манускрипты и другіе остатки древности для державныхъ меценатовъ. Да и въ другихъ государствахъ Европы, какъ называются *золотые вѣка* просвѣщенія? По именамъ государей, которые были ихъ главными зиждителями: *вѣкомъ Франциска I*, *вѣкомъ Елисаветы*, *вѣкомъ Людовика XIV!* Но Европа также не захотѣла остаться при тѣхъ условіяхъ, которыя были причиной ея возрожденія: она вздумала посвоевольничать, пожить сама собою; она пародировала древнюю Грецію и древній Римъ; объявила войну своему родному, кровному прошедшему, опрокинула его, смочила кровью, для того, чтобы передразнить заблужденія и страсти древнихъ народовъ, забывъ, что они погибли отъ этихъ страстей и заблужденій. И ее постигнетъ та же судьба, и надъ ней свиститъ уже бичъ Немезиды, подъ ударами котораго сокрушился Римъ, сокрушилась Греція.

Благодаря Промыслу, народъ русскій не принималъ никакого участія въ движеніяхъ Европы. Онъ остается до сихъ поръ чистой,

дѣвственной *семьею дѣтей*, безусловно покорныхъ своему державному *отцу*. И это наше высокое, неоцѣненное преимущество, это особенная благодать Божія, которою мы русскіе имѣемъ полное право гордиться предъ всѣмъ свѣтомъ. Мы *дѣти*, и это *дѣтство* есть наше счастье. Съ нашей простой, дѣвственной, младенческой природой, не исчерченной никакими предубѣжденіями, не засѣянной никакими враждебными воспоминаніями и преданіями, можно сдѣлать все безъ труда, безъ насилія; изъ насъ, какъ изъ чистаго, мягкаго воска, можно вылѣпить всѣ формы истиннаго совершенства. О! какой невообразимый верхъ даетъ намъ предъ европейцами это святое, блаженное *дѣтство*! У нихъ есть длинная, тысячелѣтняя *исторія*; но чего она имъ стоитъ? Въ этой исторіи воспоминанія и преданія, накопленныя вѣками, представляютъ борьбу разнороднѣйшихъ, враждебнѣйшихъ *стихій*; и эта борьба оставляетъ ихъ въ вѣчномъ колебаніи, въ вѣчномъ раздорѣ, въ вѣчныхъ мукахъ болѣзненнаго разрушенія. Эта исторія ихъ гибель: она завѣщала имъ неизгладимую ненависть сословій другъ къ другу, безчисленныя неисполнимыя притязанія, химерическія требованія, мечтательныя нужды. Благо намъ, что у насъ нѣтъ такого прошедшаго, что мы не имѣли и не имѣемъ этихъ враждебныхъ *стихій*, борьба которыхъ составляетъ исторію Европы! У насъ не было ихъ, нѣтъ и дай Богъ, чтобъ никогда не было, и дастъ Богъ, никогда не будетъ. У насъ *одна* вѣчная, неизмѣнная *стихія*: царь! Одно *начало* всей народной жизни: *святая любовь къ Царю*! Наша исторія была доселѣ великою поэмою, въ которой *одинъ* герой, *одно* дѣйствующее лицо. Это-то единство было причиною, что мы такъ быстро сравнялись съ европейцами относительно просвѣщенія. Что они придумали въ продолженіе вѣковъ, то мы схватили въ одно столѣтіе. Будь дѣйствователями *сами* мы, предоставь насъ Промыслъ *собственному* уму, *собственной* волѣ, не пошли онъ намъ самодержавной адамантовой воли Петра,—мы бы до сихъ поръ оставались, въ нашихъ бревенчатыхъ избахъ, добычей лѣни, невѣжества и бѣдности. Вотъ отличительный, самобытный характеръ нашего *прошедшаго*! Онъ показываетъ намъ и наше *будущее* великое назначеніе. Да! Присвоивъ себѣ всѣ благіе плоды просвѣщенія, безъ тѣхъ волненій, безъ тѣхъ мукъ, безъ тѣхъ ужасныхъ потрясеній, которыя изнурили Европу и убили въ ней духовное начало жизни до того, что она уже отчаивается теперь въ своемъ будущемъ, мы напротивъ станемъ юными, бодрыми, могучими, на чредѣ міра, и явимъ великій, блистательный примѣръ, какъ изъ святого единства *самодержавія* должно возникать образцовое высочайшее *народное* просвѣщеніе, величіе и счастье. Этому просвѣщенію, этому величію, этому сча-

стію будетъ завидовать Европа. Но что я сказалъ? Она и теперь уже завидуетъ. Вотъ что говоритъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ мужей ея, знаменитый *Раумеръ*, краса и слава германской учености [1]). „Русскіе теперь *счастливѣе* многихъ народовъ Европы; они имѣютъ именно такую конституцію, какая имъ нужна. У нихъ есть (что требуется въ политикѣ, точно такъ же, какъ и въ математикѣ) свой центръ, и этотъ центръ ихъ императоръ. Формы другихъ государствъ для нихъ непримѣнимы. Чтобы связать такое великое цѣлое, какъ Россія, необходимъ *одинъ мужъ*, и этотъ мужъ является въ полномъ смыслѣ этого слова по тѣлу и духу въ особѣ царствующаго императора. Въ немъ соединены всѣ великія государственныя способности, повелительная и въ то же время привлекательная наружность, удивительная дѣятельность, дивная сила воли и непреодолимое мужество. Конституція императора Николая такова, что я готовъ взять акцію скорѣе на нее, нежели на жизненность другихъ бумажныхъ конституцій“ [2]).

И такъ вотъ гдѣ наше истинное достоинство, истинная *гордость*! Пусть другіе европейскіе народы, дряхлые, изможденные стараются утѣшать себя въ преждевременной старости безразсудными возгласами: „за то мы пожили, за то мы сдѣлали“. Русскій великій народъ находитъ свою гордость въ другомъ, болѣе высокомъ, болѣе утѣшительномъ чувствѣ: „я ничего себѣ не приписываю, за меня дѣйствуетъ моя глава; я только слушаюсь ея, повинуюсь ей, съ довѣренностью и любовью; и за то я такъ свѣжъ и могучъ, прекрасенъ и величественъ“! Въ этомъ чувствѣ нѣтъ никакого униженія: напротивъ, оно гораздо согласнѣе съ истиннымъ достоинствомъ человѣческой разумно-нравственной природы, чѣмъ хвастовство буйнаго своевольства. Прибѣгнемъ къ собственному нашему здравому смыслу. Какіе минералы, какія растенія, какихъ животныхъ считаемъ мы единогласно благороднѣйшими, совершеннѣйшими? Не тѣ ли, которые допускаютъ искусству обработывать себя во всѣ изящныя формы, которые повинуются мысли, соображаются съ ней, воплощаютъ ее въ себѣ, отрекаясь отъ того дикаго, грубаго, безсмысленнаго и безцѣльнаго состоянія, въ которомъ находятся они въ нѣдрахъ природы? Когда золото является во всемъ своемъ блескѣ, алмазъ во всей прелести своей лучезарной игры? Тогда какъ грубый кусокъ руды пройдетъ чрезъ очистительный горнъ, темный

[1]) Историкъ Фридрихъ Раумеръ (1781—1873), авторъ извѣстнаго труда: „Исторія Гогенштауфеновъ“, въ 1836 году выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «England im Jahre 1835»; въ этой, «любопытной», съ точки зрѣнія Надеждина, книгѣ высказано „мнѣніе о русскомъ правленіи“.

[2]) *Телескопъ*, 1836, книжка 15, стр. 385—386.

безцвѣтный кремень покорится рѣзцу художника! Отчего колосъ пшеницы, лоза винограда предпочитаются и могучему дубу, и стройной пальмѣ, и величественному кипарису? отчего они называются благодатнѣйшими дарами растительной природы? Оттого, что они безусловно покорны рукѣ, ихъ воздѣлывающей; оттого, что, по манію этой руки, одинъ разсыпается питающими зернами, другая струится оживляющимъ, веселящимъ сердце сокомъ. Когда, въ какія минуты левъ, царь звѣрей, является намъ во всемъ своемъ царственномъ величіи, рождаетъ истинно высокое чувство? Тогда ли, какъ въ бѣшенствѣ непреодолимой силы, разметавъ гриву, сверкая кровавыми глазами, съ дикимъ ревомъ, терзаетъ своихъ менѣе сильныхъ братьевъ, или, при недостаткѣ добычи, истощаетъ свою ярость на самомъ себѣ? Нѣтъ! Но когда это дивное, могучее животное, покоряя свою силу чувству признательности, лижетъ добродушно руку своего попечителя, слабаго безпомощнаго человѣка, играетъ съ нимъ, дозволяетъ ему перебирать его косматую гриву, гладитъ его грозное чело! Орелъ, другой царь животныхъ, левъ пернатыхъ, нигдѣ такъ не является величественнымъ, какъ въ прекрасной баснѣ древнихъ грековъ, гдѣ онъ, съ покорностію голубя, носитъ молніи и громъ міродержца Зевеса! Вотъ тайна истиннаго *величія* всего сотвореннаго, всего, что̀ существуетъ во вселенной! Это величіе находится только тамъ, гдѣ *сила добровольно покоряется мысли*, *чувству*. И чѣмъ *сила* выше, тѣмъ *покорность* благороднѣе, *величіе* блистательнѣе. Таково именно величіе русскаго народа! Этотъ дивный колоссъ, который однимъ легкимъ потрясеніемъ своихъ исполинскихъ мышцъ можетъ всколебать, опрокинуть вселенную, этотъ колоссъ повинуется одному отческому слову, одному державному мановенію и повинуется *добровольно*, съ преданностію и съ любовью. И вотъ чѣмъ славна, велика его исторія! Она наполнена дивными чертами этого *добровольнаго повиновенія силы*, въ которомъ заключается истинное *величіе народовъ*. Гдѣ, въ какой исторіи, найдете вы сцену, подобную той, которая открываетъ собой лѣтописи земли русской?

Вездѣ, у всѣхъ народовъ власть утверждалась завоеваніемъ, порядокъ былъ сладкимъ плодомъ горькаго насилія. Первый властелинъ, о которомъ упоминаютъ лѣтописи міра, Священное Писаніе, былъ *мужъ силенъ ловецъ предъ Господомъ*; онъ самъ себя сдѣлалъ царемъ, самъ далъ себѣ право владычества. Только одинъ избранный народъ Божій, народъ еврейскій, имѣлъ мудрость испросить самъ себѣ земную главу у небесной главы своей; но этотъ народъ просвѣщенъ былъ откровеніемъ свыше. А народъ русскій, еще во тьмѣ язычества, при совершенномъ отсутствіи всѣхъ внѣш-

нихъ возбужденій, по одному внушенію добраго свѣтлаго чувства, которое принадлежало только одному ему, самъ преклонилъ колѣна, смирилъ свои могучія силы и предалъ свою *великую и богатую землю* спасительной власти *единодержавія*, да воцарится въ ней *порядокъ*! Какой мудрый отвѣтъ дала дружина и дума княжеская, представительница мысли и силы народной, когда Владиміръ, по тщательномъ испытаніи, рѣшился завоевать своей землѣ христіанство? Она сослалась на державный примѣръ Ольги, *мудрѣйшей изъ женъ*, и съ безусловною преданностію повиновалась волѣ Равноапостольнаго. Тутъ не нужно было ни грозныхъ указовъ Өеодосія, ни насильственныхъ драгонадъ Людовика XIV, ни крестовыхъ походовъ, столько разъ провозглашаемыхъ папами для обращенія язычниковъ. Все исполнилось единодушною, безусловною покорностію народа. А то непоколебимое постоянство, съ которымъ народъ русскій вынесъ бури междоусобій и ярмо чужеземнаго рабства, не измѣняя себѣ, не утративъ своихъ добрыхъ качествъ, своей любви къ Богу и царю! А то героическое терпѣніе, съ которымъ онъ прошелъ сквозь очистительный огнь укрѣпляющагося самодержавія, подъ грозою Іоанна! А второе, еще болѣе славное, еще болѣе торжественное покореніе подъ спасительную власть *единодержавія* послѣ блистательнѣйшихъ подвиговъ, которые упоили бы всякій другой народъ справедливою гордостью, справедливою довѣренностію къ самому себѣ! Гласъ безоружнаго старца, изъ уединенной тиши монастырской кельи, раздается по всѣмъ концамъ Руси и приводитъ ее въ электрическое содроганіе; сынъ народа, нижегородскій простолюдинъ, становится вождемъ многочисленнаго воинства; мечъ благороднаго князя, побѣдителя враговъ, освободителя Москвы, любимца Руси, уже касается святого вѣнца Мономаховъ; и чѣмъ же оканчивается вся эта высокая драма, гдѣ каждое сословіе народа явилось во всемъ блескѣ, во всей силѣ? Единодушнымъ покореніемъ всѣхъ воль, преданіемъ всѣхъ силъ юному Михаилу! А то послушное увлеченіе, съ какимъ, послѣ свойственнаго дѣтскому возрасту упорства, народъ русскій потекъ по пути, указанному ему великимъ преобразователемъ! Но зачѣмъ искать примѣровъ далеко? Давно ли въ тяжкую годину искушенія, посѣщавшаго насъ губительною язвою, одного слова царя достаточно было, чтобы подавить невольное отчаяніе въ сердцѣ бѣдствующаго народа, повергнуть его на колѣна и заставить вознести пламенныя мольбы къ единому Цѣлителю всѣхъ недуговъ, Врачу всѣхъ страданій. Европа не могла скрыть своего благоговѣйнаго изумленія при такомъ величественномъ зрѣлищѣ, какому немного подобныхъ представятъ лѣтописи міра, которое кажется вырваннымъ изъ поэтическихъ преданій о золотомъ вѣкѣ человѣчества.

И такое *послушаніе* при такой безмѣрной массѣ *силъ*, при такомъ обиліи всѣхъ *даровъ*, украшающихъ человѣческую природу! Да! въ этой покорной семьѣ, которая называется *православнымъ русскимъ народомъ*, лежатъ дивныя сокровища ума, характера и чувства. Они развертываются безпрестанно, со дня на день, съ часу на часъ, къ изумленію міра, къ славѣ русскаго имени, къ утѣшенію русскаго царя. Скажемъ съ новою гордостію: мы достойны своихъ мудрыхъ великихъ монарховъ, которые создали намъ такое блистательное настоящее, создадутъ еще блистательнѣйшее будущее. Отъ недостатковъ дѣтскихъ мы исправляемся ежедневно подъ ихъ руководствомъ; добродѣтели дѣтскія сохранимъ всегда къ ихъ радости и славѣ. Русскій царь можетъ гордиться своимъ народомъ, который въ немъ одномъ полагаетъ все свое величіе, блаженство и *гордость*.

Заключимъ словами великаго поэта:

О, Россъ! о, родъ великодушный!
О, твердокаменная грудь!
О, исполинъ царю послушный!
Когда и гдѣ ты досягнуть
Не могъ тебя достойной славы! [1]).

И ты будешь досягать ея всегда, добрый, великій народъ! Будешь—только памятуй съ благоговѣйнымъ смиреніемъ и благородною гордостію, что вся твоя жизнь, все твое бытіе сосредоточено въ священной главѣ твоей. Безъ нея—ты рядъ *нулей;* съ этой державной единицей нули дѣлаютъ *билліонъ*!

II.

Въ чемъ состоитъ народная гордость?

Изъ письма къ NN.

Насъ упрекаютъ въ недостаткѣ благородной національной гордости, въ добровольномъ униженіи себя въ собственныхъ глазахъ. Это отчасти правда. Мы еще не научились уважать себя, гордиться именемъ Русскихъ. Но что̀ этому причиною?

Я всегда думалъ и всегда говорилъ, что основаніе фальшиваго положенія, въ которомъ мы находимся относительно самихъ себя, заключается единственно въ томъ дѣтскомъ, легкомысленномъ сравненіи, которое мы дѣлаемъ между собою и Европою, не разсуждая, что Европа старше насъ тысячелѣтіями на пути образованія, что

---

[1]) Изъ оды Г. Р. Державина: „На взятіе Измаила“ (1790).

она имѣетъ совсѣмъ другія условія существованія, намъ не свойственныя, и что потому между ею и нами не можетъ быть никакой параллели. Европейцы живутъ своею жизнью, которая уже успѣла состарѣться; мы должны жить своею, которая только-что начинается. Между тѣмъ, большая часть нашихъ соотечественниковъ, ознакомившихся съ европейскимъ просвѣщеніемъ, видя, что мы русскіе не имѣемъ тѣхъ формъ, которыя тамъ выработаны вѣками, говорятъ съ презрѣніемъ: „да къ чему русскій человѣкъ способенъ, что̀ изъ него можно сдѣлать?“

Это, конечно, должно оскорблять народную гордость.

Но должно ли, для противодѣйствія этому убійственному презрѣнію уклоняться въ другую противоположную крайность? Народная гордость должна ли превращаться въ самообольщеніе, закрывающее глаза отъ своихъ недостатковъ?

Не думаю.

Будемъ безпристрастны къ себѣ и разсмотримъ внимательно настоящее положеніе нашей народности.

Народъ русскій великъ не только своею физическою силою, въ чемъ не сомнѣваются даже самые враги наши, но и патріархальными добродѣтелями, которыя созидаютъ и держатъ его колоссальное существованіе. Но, къ сожалѣнію, эти добродѣтели изчезаютъ, какъ скоро касается ихъ наше ввозное, чужеземное просвѣщеніе. Это просвѣщеніе, вмѣсто скромнаго смиренія и тихаго шествованія къ совершенству, которое одно намъ прилично, въ однихъ вселяя оскорбительное презрѣніе ко всему русскому, другимъ внушаетъ хвастливую притязательность, не менѣе вредную въ своихъ послѣдствіяхъ. Эти послѣдніе думаютъ, что мы уже стоимъ на точкѣ, съ которой легко можемъ сразу достигнуть идеала совершенства; а этотъ идеалъ составляютъ для нихъ обольстительныя формы европейскаго быта.

Говорю, что такой образъ мыслей и вреденъ, и ложенъ. Вреденъ, потому что мутитъ наши идеи, искажаетъ нашу дѣятельность. Ложенъ, потому что находится въ явномъ противорѣчіи съ фактами и показываетъ совершенное незнаніе русской самобытной и самообразной народности.

Я ограничусь здѣсь показаніемъ только той запутанности, которую этотъ образъ мыслей производитъ въ нашихъ идеяхъ, въ нашей умственной жизни. Первое и главное заблужденіе, происходящее отсюда, есть обольщеніе, въ которомъ находимся мы относительно нашего историческаго бытія. Начитавшись европейскихъ историческихъ сочиненій, въ которыхъ представляется вѣковое развитіе народовъ, мы втѣсняемъ наше прошедшее въ тѣ же рамы или лучше растягиваемъ его насильственно, чтобы оно наполнило

эти огромныя рамы. Въ исторіи нашей мы ищемъ тѣхъ же періодовъ, которые проходили европейскіе народы, тѣхъ же элементовъ, которые развивались въ ихъ жизни, и выводимъ или ожидаемъ отъ нихъ тѣхъ же результатовъ. Заблужденіе самое ложное! Конечно, прошло уже тысяча лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ явилось имя русское на востокѣ Европы. Но эти тысяча лѣтъ развѣ исторія въ собственномъ смыслѣ этого слова? Это лѣтописи существованія почти только этнографическаго. Народъ русскій въ продолженіе семи сотъ лѣтъ только-что растягивался физически, наполнялъ свою ландкарту, составлялъ себѣ ту огромную географію, которая теперь изумляетъ вселенную. Съ пятнадцатаго вѣка начинаетъ въ немъ вырабатываться политическая организація подъ сѣнію единодержавія царей московскихъ; тутъ начало собственно русской исторіи. Но это начало, какъ и вездѣ, смутно, дико, безобразно. Хаосъ установился только всемощнымъ „да будетъ" Петра; слѣдовательно, исторія наша, въ собственномъ смыслѣ, продолжается только одно столѣтіе. Какъ же тянуться намъ до другихъ европейскихъ народовъ, изъ которыхъ самые младшіе живутъ по нѣскольку сотъ лѣтъ? Сто лѣтъ въ жизни народа—минута; и вотъ почему можно и должно сказать, что „у насъ нѣтъ исторіи" [1]).

Но не есть ли это самый жестокій ударъ народной гордости? Не унижаетъ ли это насъ самымъ оскорбительнымъ образомъ? По-моему, нѣтъ! Сказать младенцу, что̀ онъ младенецъ, юношѣ, что̀ онъ юноша, а не мужъ, не старикъ—что тутъ унизительнаго, что обиднаго? Я даже держусь такого мнѣнія, что это отсутствіе исторіи есть одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ, которымъ мы можемъ гордиться предъ прочими европейскими народами. Посмотрите на настоящее состояніе Европы: какіе тамъ бури, потрясенія, ужасы! А отчего все это? Оттого, что дѣйствительность находится въ безпрестанной борьбѣ съ исторіей, которая въ теченіе вѣковъ родила столько преданій и укоренила ихъ въ духѣ и характерѣ народовъ. Эти преданія иногда не совмѣстны съ настоящимъ; и вотъ ломка, разрушеніе! Мы, напротивъ, какъ младенцы, сохраняемъ чистую дѣвственность душъ, на которой стоитъ только мудрой рукѣ сѣять сѣмена истины и блага; никакія плевелы не могутъ подавить ихъ, потому что некогда и не откуда было запасть имъ, потому что у насъ не было еще исторіи, которая засѣяла бы насъ страстями, предразсудками и ложными взглядами. Все, что̀ есть теперь въ насъ, такъ ново, что еще не пустило глубокихъ корней; вырывать насильственно ничего не надо.

---

[1]) Т. е. нѣтъ „исторіи насъ самихъ, нашей отдѣльной, народной жизни", есть лишь „исторія нашихъ царей".

Къ сожалѣнію, эта пустота нашего прежняго существованія имѣла и невыгодныя слѣдствія. Продолжаясь слишкомъ долго, почти тысячу лѣтъ, она произвела въ нашемъ умѣ затвердѣлость и упорство, въ нашемъ характерѣ лѣность и безпечность, въ которыхъ, не безъ основанія, упрекаютъ народъ русскій. Такъ земля, остающаяся долго безъ воздѣлыванія, черствѣетъ и каменѣетъ. Мы должны сознаться, что эта затвердѣлость, эта лѣность суть наши важнѣйшіе недостатки, съ которыми трудно бороться. Сто лѣтъ нашей исторіи служатъ тому яснымъ доказательствомъ. Какія усилія должно было употребить великому Петру, чтобы провесть первыя борозды на этой одичалой почвѣ? До сихъ поръ мудрое, попечительное правительство принуждено прибѣгать къ столькимъ принудительнымъ мѣрамъ, чтобы заставить насъ итти впередъ, соотвѣтственно его благимъ намѣреніямъ. Оно манитъ насъ, какъ дѣтей, наградами, чтобы мы только учились; преслѣдуетъ невѣжество заслуженнымъ презрѣніемъ, чтобы заставить насъ презирать его. А мы какъ отвѣчаемъ на его призваніе? Большую часть изъ насъ до сихъ поръ ничѣмъ не заманишь въ школу; большая часть тѣхъ, которые, наконецъ, сѣли за азбуку, учатся только, чтобы сказать, что они учились. Мысль вовсе не развивается, умъ коснѣетъ въ прежней недѣятельности. Мы не видѣли еще до сихъ поръ русскаго ума въ самобытной формѣ, русской мысли въ самообразномъ развитіи. Все только наружный, выписной лакъ. Немногія исключенія, если они есть, ничего не значатъ въ массѣ; ихъ никто и не примѣчаетъ.

Вотъ это должно жестоко оскорблять нашу народную гордость! Но должно ли молчать объ этомъ, должно ли это скрывать, затаивать во глубинѣ души?

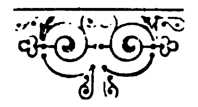
Нѣтъ! это была бы ложная щекотливость, вредная деликатность. Щадить себя намъ нечего. Лучше откровенно сознаться въ нашей грубости, дикости, закоренѣлости, чѣмъ обольщать себя, притворяться предъ самими собою. Это будетъ черта благородная, которой можно гордиться; и эта гордость будетъ истинная, достойная великаго народа, который сознаетъ себя младенцемъ, для того, чтобы сдѣлаться возмужалымъ.

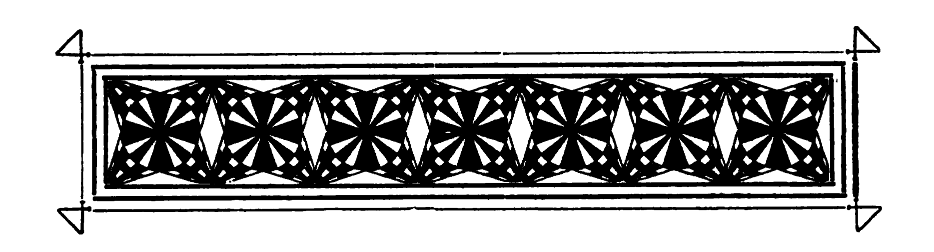
Мы ничего не имѣемъ, чѣмъ могутъ хвалиться возмужалые народы; что̀ нужды? Будемъ имѣть, когда придетъ время. За то, при нашихъ дѣтскихъ недостаткахъ, мы имѣемъ и тѣ качества, которыя въ дѣтяхъ служатъ залогомъ ихъ совершенствованія: мы имѣемъ дѣтскую довѣрчивость, дѣтскую покорность и дѣтскую преданность. Изъ насъ можно сдѣлать все со временемъ.

Точка отправленія всей человѣческой жизни есть чувство. Въ немъ источникъ всего великаго, святого, божественнаго. У насъ чувство

доселѣ оставалось безъ призора, безъ воздѣлыванія; а оно имѣетъ въ немъ столько же нужды, сколько умъ и характеръ. Чувство народа питается его вѣрованіями: вѣрованія рождаютъ въ немъ религію, патріотизмъ, уваженіе къ самому себѣ. Человѣкъ русскій имѣетъ въ себѣ глубокое расположеніе къ вѣрѣ; но эта святая искра не горитъ полнымъ пламенемъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ образованія, она тлѣетъ въ пеплѣ грубости; тамъ, гдѣ есть образованіе, чужеземные вѣтры угрожаютъ задуть ее. Оживленіе вѣры есть первое необходимое условіе нашего совершенствованія. Это чувствуютъ и въ Европѣ. Но тамъ все уже перегорѣло; тамъ надобно вновь искать огня. А у насъ нужно только благодатное дуновеніе!

Мысль моя та: намъ нечѣмъ еще пока гордиться, кромѣ развѣ благороднымъ сознаніемъ своего младенческаго состоянія; нечего тянуться до другихъ европейскихъ народовъ, съ которыми мы были всегда разобщены, и познакомились тогда, когда не осталось межъ нами и ими никакихъ почти точекъ соприкосновенія; нечего, слѣдовательно, равнять себя съ ними ни въ хорошую, ни въ дурную сторону. Они сами по себѣ, мы сами по себѣ. У нихъ есть прошедшее, котораго у насъ нѣтъ; но за то у насъ есть будущее, въ которомъ они отчаиваются. Это будущее заключается въ нашей безусловной довѣренности и преданности державной волѣ, которая правитъ нами, ведетъ насъ, печется о нашемъ совершенствованіи, и которая создаетъ для насъ самую блистательную исторію, такую исторію, которой мы будемъ имѣть полное право гордиться и за которую должны будемъ благословлять судьбу, что мы родились Русскими!...

Изъ неизданныхъ стихотвореній Н. Ѳ. Щербины [1].

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Erklärung.

Близокъ былъ сумрачный вечеръ;
Шумно валы бушевали;
Сѣлъ я на берегѣ моря,
Глядя на пляску валовъ...
Грудь моя тоже вздымалась, какъ море.
Стало мнѣ грустно:
Я захотѣлъ возвратиться въ отчизну,
Я захотѣлъ возвратиться къ тебѣ,
Образъ прекрасный!.. Вездѣ ты со мною,
Слышу вездѣ я твой голосъ:
Въ ропотѣ бурнаго моря,
Въ воющемъ вѣтрѣ, во вздохахъ моихъ...

Я начертилъ на пескѣ
Тонкою тростью:
„Агнеса, я люблю тебя!“

Волны завистливо смыли
Это признаніе сердца.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1906 г., декабрь, стр. 685—698, и 1907 г., апрѣль, стр. 189—208.

Быстроплывущія волны,
Ломкій тростникъ и зыбучій песокъ!
Больше я вамъ не повѣрю...
Небо мрачнѣй становится:
Чувствуетъ сердце сильнѣй, что оно одиноко;
Вырву высокую ель въ скандинавскихъ дубровахъ,
Въ нѣдра горящія Этны ее погружу
И напишу я на небѣ ночномъ
Этимъ огнистымъ перомъ-великаномъ:
„Агнеса, я люблю тебя!“

Въ выси небесной тогда
Каждую ночь засіяютъ
Вѣчно-блестящія буквы, и наши потомки
Съ чувствомъ восторга прочтутъ
Эти слова неземныя:
„Агнеса, я люблю тебя!“

Изъ 2-ой тетради бумагъ Щербины, хранящихся въ Имп. Публичной Библіотекѣ, стр. 19—21.—Переводъ Щербины близокъ къ подлиннику; онъ гораздо изящнѣе перевода П. И. Вейнберга („Полное собраніе сочиненій Г. Гейне“, изд. А. Ф. Маркса, т. V, Спб., 1904 г., стр. 138—139).

А. Я. М. ***

Я гораздо болѣе жалѣю о благополучіи человѣка, чѣмъ о его несчастіи.
Эсхилъ въ трагедіи „Агамемнонъ“.

Я не могу желать вамъ счастья,
Что всѣмъ въ обычаѣ желать:
Какъ я, подобное участье
И вы способны презирать;
Я счастья вамъ того желаю,
Что выше разума толпы,
Что не всегда я понимаю,
Предъ чѣмъ не ползаютъ рабы,
Что не блеститъ мишурнымъ свѣтомъ,
Что не замѣтно никогда,
Что въ сердцѣ, мыслію согрѣтомъ,
Мгновенно вспыхнетъ иногда...
Оно страданіемъ повито,

Душевнымъ жаромъ зажжено
И страстью тягостно сокрытой
И мыслью вольной рождено;
Оно полно такимъ блаженствомъ,
Что на челѣ пѣвца горитъ,
Какъ онъ, въ сознаньѣ совершенства,
На трудъ свой конченный глядитъ.
Оно чѣмъ выше, тѣмъ мгновеннѣй—
Дитя страдальческихъ часовъ;
Оно чѣмъ кратче—совершеннѣй,
Оно—не счастіе глупцовъ...

Хоть платой горя вѣкового
Дается краткій сей удѣлъ,
Но счастія для васъ другого
Я пожелать бы не хотѣлъ.

17 мая (1846).

Изъ 3-ей тетради („Уѣздныя вдохновенія“), стр. 18—19.

ПОДРАЖАНІЕ.

Когда души горячей изліянье,
Что молится за счастіе другой,
Достойны Горняго вниманья,—
Съ моею пламенной мольбой
Дойдетъ твое невинное страданье
До слуха благости святой...
Но что слова и стоны и моленья!—
Преступника предсмертная слеза,
Облившая потухшіе глаза,
Не выскажетъ ужасное мученье,
Которое, понятно всѣмъ равно,
Въ одномъ *прощай* заключено...
Прощай! Мои уста безъ слова,
Нѣтъ капли слезъ въ моихъ глазахъ,
Но грудь полна мученія нѣмова,
Которое не скажется въ слезахъ.
Моя душа не смѣетъ и не можетъ
Излиться въ жалобѣ своей,
Хотя ее томленье тайно гложетъ,—

Послѣдній плодъ задавленныхъ страстей.
Я пережилъ утрату за утратой,
Грядущее въ быломъ похоронилъ
И знаю лишь одно: что я любилъ когда-то,
И только чувствую, что я не разлюбилъ.

Изъ той же тетради, стр. 22—23. — Вспоминая о своей любви, Щербина писалъ впослѣдствіи: „Съ болью, съ кровью отрываю любимое существо отъ себя и, видя невозможность нашей любви, ея безцѣльность, безнадежность, хороню ее насильственно въ гробѣ разсудка и времени“... („Заря“ 1870 г., № 5, стр. 88).

БІОГРАФИЧЕСКІЯ ЧЕРТЫ.

(На А. Н. М.)

Онъ въ „Арлекинѣ“ воспѣвалъ
Намъ Третье Отдѣленье;
Бѣлье такъ рѣдко онъ мѣнялъ,
Но часто убѣжденье.

Изъ 6-ой тетради.—См. эпиграммы Щербины на то же лицо въ „Русск. Стар.“ 1907 г., апрѣль, стр. 205—206. Въ „Полн. собр. сочин. Щ.“, изд. 1873 г., стр. 439, гдѣ упоминается объ этой эпиграммѣ, она отнесена къ 1854 г.

ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

Значенье недорослямъ придалъ
И дѣтскимъ мыслямъ торжество
Онъ—офицеровъ всякихъ идолъ
И гимназистовъ божество.
Всей глубиною отрицаній
Онъ даже „Искру“ превзошелъ
И желчью доблестной писаній
Доходъ и славу пріобрѣлъ.
Излишне съ эпиграммой дерзкой
Идти гиганту на задоръ...
Вѣдь, что кумиръ онъ офицерскій—
Ему послѣдній приговоръ.

9 апрѣля 1862 г.

Изъ 8-ой тетради, л. 106; упоминается въ „Полн. собр. сочин. Щ.", изд. 1873 г., стр. 439.—Развитый лишь односторонне-эстетически, совершенно необразованный въ общественномъ смыслѣ и желчный Щербина съ забавною злостью нападалъ на Н. Г. Чернышевскаго и П. Л. Лаврова (см. „Историч. Вѣстн." 1891 г., январь, 53, 63), проявляя добросовѣстное усердіе и искреннее непониманіе всего, что совершалось передъ нимъ. Эти злобныя выходки не вплетаютъ лавровъ въ его поэтическій вѣнецъ, но онѣ интересны для характеристики литературныхъ нравовъ и общественныхъ отношеній шестидесятыхъ годовъ.

МИНИСТРЪ.

На Руси на все есть мода,
Только здравыхъ нѣтъ идей:
Къ просвѣщенію народа
Тамъ приставленъ Квазимодо,
Чтобы было почуднѣй.

8 мая 1864 г.

Изъ 8-ой тетради, л. 145; упоминается въ „Полн. собр. сочин. Щ.", изд. 1873 г., стр. 439.—А. В. Головнинъ, назначенный въ декабрѣ 1861 г. министромъ народнаго просвѣщенія, пробылъ въ этой должности до апрѣля 1866 г. Наружностью Головнинъ былъ очень непривлекателенъ. А. В. Никитенко въ своихъ извѣстныхъ запискахъ (2-ое изданіе, т. II, стр. 80, 91, 109, 112) отмѣчаетъ въ немъ „исканіе популярности"; разсказываетъ, что онъ проводилъ свое время въ „гимнастикѣ интригъ", а вліяніе его считаетъ „развращающимъ", сообщаетъ о его „неслыханной неспособности и недобросовѣстности":—„онъ рѣшительно не приходитъ ни къ какому опредѣленному результату, а все вертится на одномъ мѣстѣ". Но этому министру нужно поставить въ заслугу университетскій уставъ 1863 г. и законъ 1865 г. объ освобожденіи русской печати отъ предварительной цензуры. Мнѣнія далеко не либеральнаго, хотя и честнаго, Никитенки и желчнаго и несправедливаго Щербины далеки отъ исторической правды.

МАДРИГАЛЪ.

Идеи съ формой сочетанье
Явилось стройно и вполнѣ,
Какъ въ артистическомъ созданьѣ,
Въ уродливомъ Головнинѣ.
Терситомъ, Яго, Квазимодо—
Ну, какъ его ты бъ ни назвалъ,
Въ твоей сатирѣ на урода
Ему все выйдетъ мадригалъ.

12 января 1865 г.

Изъ той же тетради, л. 146; упоминается въ „Полн. собр. соч. Щ.“, изд. 1873 г., стр. 439.

***

О, Головнинъ! Твоихъ уставовъ гимназисты
Откроютъ на Руси свободы новый рай
И выйдутъ всѣ такіе прогрессисты,
Что хоть сейчасъ на каторгу ссылай.

28 сентября 1864 г.

Изъ той же тетради, л. 146; упоминается въ „Полн. собр. сочин. Щ.“, изд. 1873 г., стр. 439.

***

Онъ доказалъ при возвышеньѣ быстромъ,
При дружбѣ со значительнымъ лицомъ,
Что можно быть бездарнѣйшимъ министромъ
И даровитымъ подлецомъ.

24 января (1865 г.).

Изъ той же тетради, л. 152—153; упоминается въ „Полн. собр. сочин. Щ.“, изд. 1873 г., стр. 439.

ѲЕОКТИСТОВУ.

Не сердись, пришлося къ слову,
И тебя я упрекну:
При сочувствіи къ Каткову
Служишь ты Головнину.
Для такого жъ человѣчка
Казнь народная строга,
Говорятъ: „онъ Богу свѣчка,
Да и чорту кочерга".

21 января 1865 г.

Изъ той же тетради, л. 153; упоминается въ „Полн. собр. сочин. Щ.", изд. 1873 г., стр. 439.—Е. М. Ѳеоктистовъ, въ послѣдствіи начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, участвовалъ въ комиссіи, занимавшейся реформою законодательства о печати.

Н. Лернеръ.

Письмо М. Д. Скобелева Д. А. Скалону[1]).

Д. Брестовецъ.
27/x 77 г. 8 час. утра.

Уважаемый Дмитрій Антоновичъ.

Препровождаю къ Вамъ Турецкое знамя, взятое еще при Ловчѣ, какъ мы условились съ Вами. Сдѣлайте такъ, чтобы Его Высочество не остался бы недоволенъ такою позднею присылкою.

Хорунжій Харановъ[2]), который Вамъ передастъ знамя, съ начала дѣлъ при Ловчѣ состоитъ при мнѣ; это образцовый, по толковитости и храбрости, боевой офицеръ.

За всѣ дѣла, въ которыхъ онъ со мною участвовалъ, я даже рѣшился его представить къ Владиміру; представленіе уже удостоилось утвержденія Начальника Западнаго отряда.

Не найдете ли возможнымъ удостоить этого *разумнаго молодца* вниманіемъ Августѣйшаго Главнокомандующаго.

Казаки также *всѣ*[3]) представлены къ именнымъ крестамъ мною и ихъ заслуживаютъ.

Васъ уважающій
М. Скобелевъ.

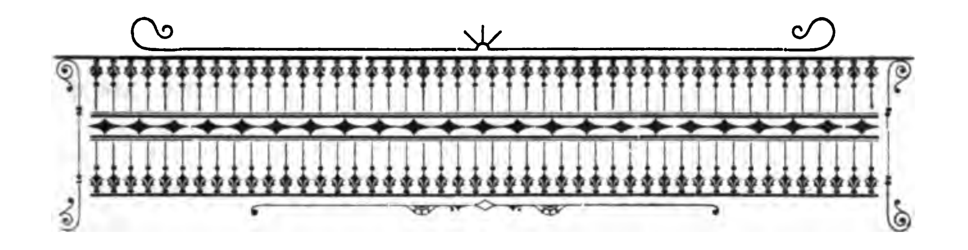

---

[1]) Адьютанту Е. И. В. Главнокомандующаго. *Ред.*

[2]) Одинъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ Кавказской казачей бригады, состоявшій ординарцемъ при Скобелевѣ. *Ред.*

[3]) Письмо это отчетливо выясняетъ какъ энергично ходатайствуетъ Скобелевъ о награжденіи боевыхъ заслугъ своихъ подчиненныхъ. Эти постоянныя и настойчивыя ходатайства имѣли большое вліяніе на популярность Скобелева среди войскъ. Каждый изъ его подчиненныхъ зналъ и несокрушимо вѣрилъ, что его дѣйствительныя заслуги никогда не пройдутъ безслѣдно. *Ред.*

Марина Мнишекъ и второй самозванецъ [1]).

X.

Гордость Марины.—Ея положеніе съ каждымъ днемъ ухудшается.—Происки сторонниковъ Димитрія.—„Бунтъ“ донцовъ.—Марина въ Дмитровѣ.—Ея отъѣздъ въ Калугу.—Волненіе въ Тушинскомъ лагерѣ.—Поляки уходятъ изъ Москвы.

Сигизмундъ еще до отправленія пословъ въ Тушино сдѣлалъ попытку войти въ сношеніе съ Мариной; по всей вѣроятности онъ хотѣлъ убѣдить ее, чтобы она разошлась съ самозванцемъ и вернулась въ Польшу. По его же порученію писалъ ей въ исходѣ октября 1609 г. Станиславъ Стадницкій, извѣщалъ ее о томъ, что король находится подъ Смоленскомъ и давалъ ей соотвѣтственные совѣты.

Гордый отвѣтъ, полученный имъ на это письмо, убѣдилъ Стадницкаго въ томъ, что всякіе переговоры съ Мариною не приведутъ ни къ чему: „Возлагаю всѣ свои надежды на Господа Бога“, писала царица, „защитника угнетенныхъ и покровителя правыхъ; Онъ покараетъ измѣнниковъ и враговъ нашихъ и не допуститъ, чтобы они до конца тѣшились надъ нами. Счастье бываетъ измѣнчиво, оно не всегда сопутствуетъ тѣмъ, кому благоволитъ вначалѣ; все зависитъ отъ того, какъ его направитъ Господь Богъ“.

Въ концѣ письма Марина приписала собственноручно: „Кого Богъ осѣнитъ своей благодатью, тотъ будетъ блистать. Солнце не теряетъ блеска отъ того, что его заволакиваютъ черныя тучи“. Но

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1907 г.

дальнѣйшія событія приняли вскорѣ столь неблагопріятный для нея оборотъ, что ей пришлось смирить свою гордость.

Какъ мы знаемъ, Димитрій бѣжалъ 6 января въ Калугу, послѣ чего польскіе войска и бояре, находившіеся въ Тушинѣ, передались на сторону Сигизмунда. Удача сопутствовала Скопину-Шуйскому. Въ исходѣ ноября 1609 г. онъ успѣлъ соединиться съ Шереметевымъ. Это значительно ухудшило положеніе поляковъ, осаждавшихъ Троице-Сергіевскую Лавру. Скопинъ дѣйствовалъ какъ всегда очень осмотрительно, уклонялся отъ сраженія въ открытомъ полѣ, но приказалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соорудить укрѣпленія и поставить въ нихъ гарнизонъ. Эти укрѣпленьица крайне затрудняли полякамъ доставку съѣстныхъ припасовъ.

Положеніе Марины становилось въ виду этого день ото дня болѣе отчаяннымъ. „Господь Богъ", писала она отцу 13 января, „послалъ мнѣ страшное испытаніе, я не знаю, что дѣлать далѣе и на что надѣяться. Послѣ отъѣзда царскаго, въ войскѣ нѣтъ болѣе согласія: одни хотятъ быть съ царемъ, другіе съ королемъ. Мнѣ угрожаетъ великая опасность, я не имѣю мѣста, гдѣ бы я могла жить спокойно и безопасно, не заботясь о своемъ имуществѣ. Надо мною тяготѣетъ гнѣвъ Господень, мнѣ ни откуда нѣтъ ни добраго совѣта, ни помощи; я поручаю себя Всевышнему и ожидаю Его приговора; столь великая печаль вгонитъ меня въ могилу; я бы хотѣла скорѣе сойти въ нее, нежели видѣть, какъ свѣтъ торжествуетъ, видя мои несчастья. Поэтому всенижайше прошу милостиваго государя моего батюшку позаботиться и подумать обо мнѣ, покорной слугѣ вашей, чтобы черезъ меня дому нашему не приключилось еще большей печали".

Увидавъ себя въ столь безвыходномъ положеніи, царица вознамѣрилась немедленно ѣхать къ Димитрію въ Калугу, но затѣмъ передумала и рѣшила послать своихъ пословъ въ польскій лагерь подъ Смоленскъ, „ища покровительства короля и поручая себя его защитѣ".

15 января она писала Сигизмунду, что, видя его постоянное благоволеніе и милости къ ея семейству, она рѣшила прибѣгнуть въ „своемъ сиротствѣ" къ его покровительству. Поздравляя его со вступленіемъ въ предѣлы Московскаго государства и желая ему полнаго успѣха въ его предпріятіи, Марина вспоминала между прочимъ о томъ, что начало ея благополучію и счастію было положено королемъ, и просила его и впредь не отказать ей въ своемъ покровительствѣ.

Самымъ чувствительнымъ ударомъ для Марины былъ бы, разумѣется, переходъ конфедератовъ на сторону короля; но такъ какъ

ихъ переговоры съ Сигизмундомъ затянулись, то нѣсколько времени спустя многіе изъ нихъ перешли снова на сторону Димитрія; чѣмъ Марина и ея друзья поспѣшили воспользоваться.

Въ исходѣ января конфедераты отправили въ Смоленскъ вторично своихъ посланныхъ; но такъ какъ они предъявили королю такія требованія, на кои онъ не могъ согласиться, то онъ ограничился обѣщаніемъ прислать въ Тушино для выясненія этого вопроса брацлавскаго воеводу, давъ ему большія полномочія.

Пока тянулись эти переговоры, многіе принялись „сожалѣть о томъ“, пишетъ Мархоцкій, „что они согласились заключить договоръ съ Сигизмундомъ; большая часть хотѣла вернуть Димитрія и помочь ему въ его предпріятіи. Чтобы сговориться съ нимъ, эти лица послали въ Калугу Яна Тышкевича и поручили ему предъявить самозванцу рядъ требованій, составленный конфедератами.

Тышкевичъ былъ принятъ въ Калугѣ весьма милостиво и отправился вскорѣ обратно въ Тушино. Въ посланномъ съ нимъ отвѣтѣ самозванецъ жаловался на дѣйствія Сигизмунда, въ особенности на поступокъ Рожинскаго, Салтыкова и другихъ поляковъ. Онъ обѣщалъ, какъ только „войско доставитъ царицу въ Калугу“, тотчасъ уплатить всѣмъ жалованье по 30 злотыхъ на человѣка и торжественно подтвердить всѣ свои прежнія обѣщанія. Кромѣ того Димитрій требовалъ, чтобы Рожинскій и всѣ предъ нимъ провинившіеся были наказаны, чтобы ихъ, по крайней мѣрѣ, выслали за границу Московскаго государства. Кромѣ того онъ далъ слово не предпринимать военныхъ дѣйствій, не посовѣтовавшись предварительно „съ рыцарствомъ“.

Отвѣтъ самозванца и его письмо къ начальствующимъ лицамъ, написанное въ томъ же духѣ, произвели огромное впечатлѣніе; еще сильнѣе подѣйствовали на „рыцарство“ убѣжденія Марины. „Эта женщина рѣдкаго ума“, писалъ Кобержицкій, „она обошла ряды польскаго войска, умоляла, обѣщала щедрыя награды, посылала въ дальніе отряды довѣренныхъ ей людей и всѣми этими способами, которые не всегда были удобны для молодой женщины, такъ сумѣла повліять на настроеніе войска, что отвлекла его отъ короля и утвердила въ вѣрности Димитрію“.

Сторонники Димитрія убѣдили донскихъ казаковъ и татаръ, служившихъ самозванцу, покинуть Тушинскій лагерь и отправиться къ нему въ Калугу; они доказывали, что если бы Рожинскій вздумалъ помѣшать этому, то они могли бы напасть на него съ тыла и разбить его.

Поддавшись этимъ уговорамъ, донцы вышли средь бѣлаго дня изъ лагеря съ развѣвавшимися знаменами. Но ихъ атаманъ За-

руцкій не пошелъ съ ними, а увѣдомилъ объ ихъ замыслѣ Рожинскаго; и по его приказанію всѣ оставшіяся съ нимъ войска пустились въ погоню за донцами; въ происшедшей при этомъ битвѣ однихъ казаковъ было изрублено, по увѣренію Мархоцкаго, „двѣ тысячи“. Часть казаковъ вернулась въ лагерь, тѣ же, коимъ удалось удрать, были разбиты на голову Млоцкимъ, по пути въ Калугу.

Это событіе снова ухудшило положеніе Марины, такъ какъ въ Тушинѣ бунтъ донскихъ казаковъ приписали „проискамъ царицы“. Приверженцы короля во всеуслышаніе осуждали ея поведеніе, не щадя бранныхъ словъ и не скрывая своего озлобленія. Марина боялась даже, чтобы Рожинскій не приказалъ увезти ее силою и не отправилъ ее въ королевскій обозъ подъ Смоленскомъ. Ей такъ же, какъ и Димитрію, ничего не оставалось какъ только искать спасенія въ бѣгствѣ. Она поспѣшила войти въ сношеніе съ Димитріемъ. Посредникомъ между ними явился полякъ, пріѣхавшій въ Тушино „яко бы для продажи капусты“.

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ лагеря, Марина написала письмо „къ рыцарству“, въ которомъ горько жаловалась на Рожинскаго и вообще на всѣхъ сторонниковъ короля. „Я не могу“, писала Марина, „далѣе быть такъ жестокосердна, чтобы заглушить въ себѣ все, положиться на судьбу и не заботиться о томъ, что люди, которые дорожатъ честью, ставятъ превыше всего“. Она жаловалась далѣе на то, что ей приходилось бояться тѣхъ именно людей, которые должны бы быть ея защитниками и покровителями; не имѣя въ Тушинѣ ни родителей, ни родственниковъ, ни друзей, она должна ѣхать къ мужу, чтобы соблюсти свой брачный обѣтъ, ибо „бывши властительницей народовъ, московской царицей, она не хочетъ и не можетъ быть снова чьей-нибудь подданной, стать вновь польской шляхтянкой“.

Условившись съ Димитріемъ, Марина рѣшила бѣжать изъ Тушина въ ночь съ 23 на 24 февраля. Самозванецъ послалъ ей на встрѣчу 3.000 казаковъ, но „людей, посланныхъ ея супругомъ, Бобовскій и Млоцкій разбили на голову и отослали ихъ знамена королю“.

Побѣгъ Марины также былъ неудаченъ. „Переодѣвшись въ гусарскій мундиръ, она тайно выѣхала изъ обоза въ ночь на 24 февраля, верхомъ, съ одной служанкой и со слугою“, подъ охраною нѣсколькихъ донцовъ. Не имѣя хорошаго проводника, они попали вмѣсто Калужской дороги на дорогу, ведшую въ Дмитровъ. Тутъ они натолкнулись случайно на „стражу Сапѣги“, которая задержала ихъ и доставила въ его лагерь. Надобно сказать, что Сапѣга, не будучи въ состояніи долѣе держаться подъ Троицей, отступилъ въ исходѣ января къ Дмитрову.

Марина была встрѣчена Сапѣгой съ почетомъ. 24 февраля, онъ собралъ коло и сообщилъ „рыцарству“ о пріѣздѣ царицы. Коло немедленно послало къ ней депутацію, чтобы выразить ей свое удовольствіе по поводу ея пріѣзда.

Марина сумѣла воспользоваться этимъ какъ нельзя лучше. Она „вошла въ рыцарское коло въ томъ же гусарскомъ костюмѣ, въ какомъ пріѣхала, и своимъ лицомъ и печальною рѣчью взбунтовала (взволновала) весьма многихъ изъ товарищества Сапѣги“.

Несмотря на доброжелательный пріемъ, который былъ оказанъ ей Сапѣгою, Маринѣ угрожала большая опасность: въ это время на Сапѣгу наступалъ Скопинъ-Шуйскій со своей многочисленной арміей. Сапѣга очутился въ критическомъ положеніи, такъ какъ онъ только-что передъ тѣмъ выслалъ довольно значительный отрядъ за Волгу за съѣстными припасами. Ободренный этимъ, Скопинъ приказалъ подъ самымъ Дмитровомъ возвести укрѣпленіе. Попытка Сапѣги напасть на него и прогнать оказалась неудачной; два дня спустя Скопинъ, увидавъ, что войско Сапѣги не было въ состояніи оказать ему энергичнаго сопротивленія, атаковалъ его съ превосходными силами и повелъ дѣло такъ искусно, что загналъ вышедшихъ было изъ укрѣпленія поляковъ обратно въ крѣпостцу и разгромилъ лагерь донскихъ казаковъ, расположившихся подлѣ города.

Во время этой битвы Марина выказала свою неженскую отвагу. „Увидавъ, что поляки заколебались, а москвичи и нѣмцы готовы были идти на приступъ, она вышла изъ своего помѣщенія, появилась на окопахъ и кричала громко:

— Что вы дѣлаете, солдаты? Я женщипа, но не знаю страха, не дрожу и не колеблюсь, какъ вы!.

Ея примѣръ воодушевилъ солдатъ, и они отстояли укрѣпленіе.

На слѣдующій день, 2 марта, часть московскаго войска осталась подъ Дмитровомъ, а прочіе вмѣстѣ со Скопинымъ вернулись къ Троицѣ.

3 марта Сапѣга ушелъ изъ Дмитрова, приказавъ предварительно сжечь крѣпостцу и подбить три орудія, которыхъ онъ не могъ съ собою увезти. Наканунѣ вечеромъ уѣхала Марина съ людьми, взятыми ею для охраны. Она ѣхала часть дороги въ саняхъ и часть верхомъ, одѣтая въ мужской костюмъ.

По пути, въ Осиповѣ, она встрѣтилась со своимъ братомъ Станиславомъ, который, выѣхавъ изъ Тушипа вмѣстѣ съ ея женской прислугой, ѣхалъ въ королевскій лагерь подъ Смоленскъ. Повидимому, онъ убѣждалъ сестру бросить самозванца и узналъ тутъ отъ нея впервые, что она „обвѣнчалась съ тѣмъ франтомъ, который присвоилъ себѣ имя Димитрія“.

Всѣ его убѣжденія были напрасны. Они вскорѣ разстались; Мнишекъ отправился въ Смоленскъ, а Марина, „взявъ съ собою старуху Казанову“, поѣхала въ Калугу. Тутъ несчастная царица нашла на короткое время „спокойствіе и отдыхъ“, на отсутствіе которыхъ она такъ горько жаловалась въ Тушинѣ.

Послѣ отъѣзда Марины, волненіе, охватившее Тушинскій лагерь, еще болѣе усилилось. Друзья Димитрія громко обвиняли Рожинскаго въ томъ, что онъ своимъ поведеніемъ заставилъ царицу уѣхать изъ лагеря. Нѣкоторые обвиняли его даже въ томъ, что онъ „или съ умысломъ погубилъ ее или отправилъ въ какую-нибудь пограничную крѣпость“.

Вскорѣ собралось коло для обсужденія вопроса о томъ, что дѣлать далѣе: поддерживать ли Димитрія или передаться на сторону короля. Это вызвало жаркій споръ, перешедшій въ рукопашную и окончившійся тѣмъ, что сторонники самозванца оставили лагерь и, составивъ въ полѣ новое коло, рѣшили немедленно отправиться въ Калугу. Начальствующія лица поняли, что выполненіе этого намѣренія могло имѣть для обѣихъ сторонъ самыя прискорбныя послѣдствія и что никакъ нельзя было допустить, чтобы войско, на глазахъ у непріятеля раскололось на двѣ части; благодаря ихъ старанію было рѣшено остаться еще нѣкоторое время въ Тушинѣ, „а если бы, говоритъ Мархоцкій, условія, предложенныя королемъ, не были нами приняты и намъ все-таки пришлось бы разойтись въ разныя стороны, то мы рѣшили уйти изъ столицы всѣ вмѣстѣ и только пройдя нѣсколько десятковъ миль разойтись, кто куда пожелаетъ—въ этомъ на генеральномъ коло мы дали другъ другу шляхетское слово“.

Главной причиной волненія среди солдатъ было опасеніе, что они не получатъ выслуженнаго ими жалованія. Рожинскій, вполнѣ понимая это, писалъ Сигизмунду 27 февраля, что надобно какъ можно скорѣе „удовлетворить рыцарство“. То же писалъ и Сапѣга; 25 марта онъ отправился въ Смоленскъ съ намѣреніемъ лично переговорить съ королемъ.

Но упрямый и нерѣшительный Сигизмундъ все время колебался.

Когда посланные конфедератами вернулись въ Тушинскій лагерь съ неутѣшительнымъ отвѣтомъ, то войско заволновалось. Послѣ долгихъ споровъ было рѣшено, что всѣ пойдутъ одновременно до Волоколамска, а оттуда кто куда захочетъ.

16 марта, поджегши лагерь и взявъ съ собою орудія, поляки выступили изъ Тушина. Вмѣстѣ съ польскимъ войскомъ уѣхали бояре, державшіе сторону самозванца, съ митрополитомъ Филаретомъ во главѣ.

Хотя всѣ согласились итти вмѣстѣ до Волоколамска, однако Хрусинскій и Янковскій отдѣлились отъ отряда и пошли къ Калугѣ. За свое неповиновеніе они понесли заслуженное наказаніе: по дорогѣ они были дважды разбиты, а подъ Можайскомъ московское войско отняло у нихъ всѣ военные снаряды и все имущество.

18 марта поляки прибыли въ Волоколамскъ, но такъ какъ это оказалось неудобнымъ лагернымъ мѣстомъ, то они ушли оттуда черезъ недѣлю и стали обозомъ у Осипова монастыря, куда привезли орудія, взятыя изъ Тушина.

Между тѣмъ конфедераты отправили еще разъ своихъ уполномоченныхъ къ королю, подъ Смоленскъ. Сигизмундъ и этотъ разъ цѣлыхъ десять дней продержалъ посланныхъ, не давая имъ никакого отвѣта, а въ концѣ концовъ, отвѣтилъ такъ же уклончиво, какъ прежде.

Димитрій и его сторонники съумѣли какъ нельзя лучше воспользоваться нерѣшительностью Сигизмунда. Уже Марина во время своего пребыванія въ Дмитровѣ „взбунтовала, какъ мы знаемъ, товарищество Сапѣги", самозванецъ со своей стороны разослалъ письма, въ коихъ онъ обѣщалъ уплатить полякамъ, если они возвратятся подъ его знамена, „за двѣ четверти по 40 злотыхъ съ коня", тотчасъ по прибытіи ихъ въ Калугу. Эти обѣщанія возымѣли свое дѣйствіе. Станиславъ Мнишекъ, прибывъ 20 марта въ Смоленскъ, говорилъ, что въ началѣ этого мѣсяца „многіе изъ служившихъ въ полку Сапѣги сговорившись уѣхали къ Димитрію". Нѣсколько времени спустя и остальное „товарищество", „сбунтовавшись", послало къ самозванцу гонцовъ, предлагая ему свои услуги; вскорѣ всѣ его сторонники сговорились и, избравъ себѣ въ начальники Каменскаго и Быховца, выступили въ Калугу.

На эти отряды король, такимъ образомъ, не могъ уже разсчитывать; его положеніе осложнилось тѣмъ, что Смоленскъ, „все еще продолжалъ упорствовать",—какъ выражаются въ своихъ письмахъ поляки; даже эпидемическія болѣзни, развившіяся среди гарнизона, не заставили его сдаться. Въ половинѣ марта осаждающимъ угрожала армія Скопина-Шуйскаго, который вмѣстѣ съ шведскимъ войскомъ шелъ на помощь осажденнымъ.

Это заставило предводителей королевской арміи призадуматься.

Въ исходѣ февраля брацлавскому воеводѣ Яну Потоцкому повелѣно было идти на поддержку тушинскаго войска. Но воевода не спѣшилъ выполнить королевскій приказъ. Сначала онъ отговаривался болѣзнью, потомъ донесъ, что онъ не могъ выступить по причинѣ глубокихъ снѣговъ и, наконецъ, найдя, что двухъ тысячъ солдатъ для похода недостаточно, сталъ торговаться о томъ, сколько людей взять съ собою; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался выторговать

какъ можно больше денегъ для себя и для солдатъ. Рѣшить этотъ вопросъ въ желательномъ смыслѣ было особенно трудно, такъ какъ казна была совершенно пуста.

XI.

Попытки Сигизмунда выйти изъ затруднительнаго положенія. — Популярность Скопина-Шуйскаго.—Его скоропостижная смерть.—Сигизмундъ дѣлаетъ попытку сговориться съ Димитріемъ.—Янъ-Петръ Сапѣга предлагаетъ Димитрію свои услуги.—Клушинская битва.—Претенденты на московскій престолъ.—Низложеніе Василія Шуйскаго.

Въ исходѣ апрѣля польскіе сенаторы послали къ думнымъ боярамъ съ предложеніемъ „посовѣтовавшись между собой войти съ ними въ соглашеніе и дѣйствовать совмѣстно, чтобы водворить спокойствіе въ предѣлахъ Московскаго государства“. При этомъ они старались возстановить ихъ противъ Василія Шуйскаго, указывая на тѣ притѣсненія, отъ которыхъ всѣмъ приходилось страдать отъ него. Когда гонецъ, посланный съ этимъ письмомъ, подъѣзжалъ къ Можайску, то бывшіе въ этомъ городѣ съ небольшимъ отрядомъ князья Андрей Голицынъ и Данила Мезецкій послали сказать ему, „чтобы онъ не ѣздилъ въ Можайскъ—ибо государь не желаетъ принять никакихъ пословъ отъ короля польскаго и говорить съ ними“.

Въ то же время Сигизмундъ пытался войти въ переговоры со Скопинымъ-Шуйскимъ, на котораго въ Москвѣ возлагали большія надежды, какъ на искуснаго и энергичнаго предводителя войска. Чѣмъ больше возстановлялъ противъ себя народъ Василій Шуйскій, тѣмъ больше возрастало въ немъ уваженіе и любовь къ Скопину-Шуйскому. По словамъ современниковъ, жители столицы не скрывали своихъ чувствъ и говорили открыто:

— Князь молодецъ, онъ достоинъ царствовать. Онъ избавилъ насъ отъ католиковъ, а Москву отъ голода и осады.

Когда же Скопинъ прибылъ, въ ноябрѣ 1609 г., въ Александровскую слободу, то къ нему явилось посольство, которое торжественно предложило ему корону. Скопинъ тотчасъ приказалъ арестовать этихъ пословъ.

Вѣсть о случившемся произвела при царскомъ дворѣ не малый переполохъ; съ тѣхъ поръ пошелъ слухъ „о непріятностяхъ и скрытой враждѣ“, возникшей между Василіемъ и Михаиломъ Шуйскими. Донося объ этомъ королю, Рожинскій писалъ ему 27 февраля, что „не мѣшало бы сговориться со Скопинымъ и снестись съ нимъ письменно“.

Сигизмундъ внялъ этому совѣту. 13 марта имъ было послано

Скопину длинное письмо, въ которомъ онъ убѣждалъ его идти къ Смоленску и соединиться съ войскомъ короля, чтобы водворить совмѣстно съ нимъ въ странѣ спокойствіе и утвердить въ ней православную вѣру, ради чего король готовъ былъ бы даже посадить на московскій престолъ своего сына.

„Мы не будемъ противиться, писалъ король, избранію сына нашего на московскій престолъ, ежели на то будетъ воля Всемогущаго Бога и согласіе всей земли и ежели ты, князь Михаилъ Васильевичъ Шуйскій, будешь на то согласенъ со всѣми боярами, окольничьими, думными дьяками, дворянами и дѣтьми боярскими“, за что король обѣщалъ ему свое благоволеніе и такую награду, „какую онъ самъ пожелаетъ“.

Кажется, Сигизмундъ не получилъ на это письмо никакого отвѣта, но содержаніе его стало извѣстно Василію Шуйскому и усилило его опасенія и недовѣріе къ Скопину.

Послѣднему сильно завидовалъ одинъ изъ братьевъ царя, Дмитрій Шуйскій, неудачный и неумѣлый главнокомандующій московскаго войска, и современники, почти единогласно приписывали ему послѣдовавшую въ это время скоропостижную смерть Михаила Скопина-Шуйскаго.

Разсказывали, будто на пиршествѣ у князя Ивана Воротынскаго, жена Дмитрія Шуйскаго поднесла ему чашу вина, осушивъ которую, Скопинъ почувствовалъ себя сразу такъ дурно, что его съ трудомъ могли перенести въ сосѣдній монастырь, гдѣ у него пошла кровь носомъ и горломъ и гдѣ онъ скончался два дня спустя, въ ночь съ 23 на 24 апрѣля ст. ст.

Авторъ цитируемаго нами сочиненія не раздѣляетъ этого мнѣнія, на томъ основаніи, что современная токсикологія не знаетъ ядовъ, которые бы дѣйствовали подобнымъ образомъ.

Жители Москвы горькими слезами оплакивали смерть своего любимца, Скопина-Шуйскаго, какъ бы предчувствуя, что съ его кончиною имъ предстояли новыя испытанія.

Василій Шуйскій увеличилъ свои силы, и его войско, ободренное успѣхомъ, овладѣло въ концѣ апрѣля нѣсколькими городами и, занявъ безъ боя Волоколамскъ, подошло къ Осипову монастырю; но тутъ по недостатку съѣстныхъ припасовъ поляки не могли осадить московитовъ; въ то время какъ они отступали отъ Осипова, русскіе неожиданно напали на нихъ и разбили, захвативъ большое число плѣнныхъ; между прочимъ нѣсколько знатныхъ бояръ и патріарха Филарета Никитича.

Не успѣвъ завязать переговоровъ съ Шуйскимъ, Сигизмундъ рѣшилъ войти въ сношеніе съ Димитріемъ.

Согласно списку, который получили поляки въ лагерѣ подъ Смоленскомъ, самозванецъ собралъ въ Калугѣ „пять тысячъ московскихъ людей и двадцать тысячъ донцовъ“. Кромѣ того въ исходѣ апрѣля подъ его знамена вернулась значительная часть польскихъ войскъ, которыя въ послѣднее время стояли въ Тушинѣ и подъ Троицей. Но эти полки не пошли въ Калугу, а остановились лагеремъ на р. Угрѣ и тутъ стали домогаться уплаты жалованья.

Переговоры тянулись долго. Самъ Димитрій нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ польскій лагерь; наконецъ, 5 іюля, поляки, получивъ пятьдесятъ тысячъ злотыхъ, согласились поступить обратно къ нему на службу.

Это имѣло для Димитрія конечно большое значеніе, тѣмъ болѣе, что въ маѣ мѣсяцѣ Янъ-Петръ Сапѣга снова рѣшилъ предложить ему свои услуги и прибылъ въ іюнѣ мѣсяцѣ съ тысячью казаками въ лагерь подъ Угрой. Онъ дѣйствовалъ несомнѣнно съ вѣдома и согласія Сигизмунда, такъ какъ онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ королевскимъ обозомъ, а 25 марта пріѣзжалъ даже подъ Смоленскъ, вѣроятно для того, чтобы переговорить съ королемъ о текущихъ событіяхъ. Онъ и впослѣдствіи находился постоянно въ перепискѣ съ Сигизмундомъ и Жолкевскимъ. Объ ихъ тайныхъ переговорахъ знали нѣкоторые поляки.

Участіе Сапѣги въ послѣдующихъ событіяхъ имѣло огромное значеніе, такъ какъ онъ сталъ вскорѣ во главѣ арміи самозванца.

Вѣсть о его переходѣ на сторону Димитрія вызвала въ Калугѣ всеобщую радость. Марина собственноручно въ весьма лестномъ письмѣ благодарила его за это, выразивъ надежду, что „хотя ихъ дѣла были очень плохи“, но его пріѣздъ навѣрно обезпечитъ имъ побѣду.

Самозванецъ также выразилъ ему свое благоволеніе и обѣщалъ „въ свое время щедро вознаградить его за службу“. Димитрій и его жена не подозрѣвали, что Сапѣга предложилъ имъ свои услуги не изъ расположенія къ нимъ, а по совершенно инымъ побужденіямъ.

Они сдѣлались жертвою политики, преслѣдовавшей цѣли, не имѣвшія ничего общаго съ ихъ собственными планами и съ ихъ личнымъ благополучіемъ.

21 апрѣля староста саноцкій Станиславъ Мнишекъ былъ извѣщенъ о томъ, что Димитрій хотѣлъ бы заручиться покровительствомъ короля и повидаться съ нимъ, но ему хотѣлось, чтобы король первый послалъ къ нему своихъ пословъ. Въ польскомъ обозѣ на это желаніе поспѣшили откликнуться и четыре дня послѣ полученія этого извѣстія въ Калугу былъ посланъ самъ Станиславъ Мнишекъ; онъ провелъ тамъ двѣ недѣли, но не успѣлъ уговорить самозванца

отправить пословъ подъ Смоленскъ. Вскорѣ въ Калугу прибылъ еще одинъ посредникъ — Валевскій.

Однимъ изъ главныхъ поводовъ неудовольствія Димитрія было вторженіе запорожскихъ казаковъ въ Сѣверскую землю. Поэтому Валевскому было поручено прежде всего увѣрить его въ томъ, что казаки дѣйствовали вопреки желанію короля и что имъ даже было „послано строгое приказаніе вернуться по домамъ“. Кромѣ того Валевскому было наказано убѣждать Димитрія въ необходимости дѣйствовать совмѣстно съ Сигизмундомъ и „не раздражать самозванца“. Ему рекомендовалось вести дѣло такъ, чтобы „не лишиться довѣрія Димитрія“, какъ это случилось съ старостой саноцкимъ. „Этого можно было достигнуть“, — такъ говорилось въ инструкціи, данной Валевскому, „если бы думные бояре отъ себя написали членамъ королевскаго Совѣта, которые, получивъ отъ нихъ письмо, могли взять на себя роль посредниковъ между Димитріемъ и королемъ“; „тогда Димитрію нечего было бы бояться, что онъ уронитъ свое достоинство“.

Валевскій пріѣхалъ въ Калугу въ половинѣ іюня. Тогда же, приблизительно, пріѣхалъ въ лагерь самозванца и Сапѣга и съ своей стороны сталъ убѣждать „царя“ войти въ соглашеніе съ Сигизмундомъ. Послѣ долгихъ и безплодныхъ разговоровъ имъ удалось наконецъ уломать Димитрія, который рѣшилъ даже заключить съ королемъ тѣсный союзъ.

Но въ то время какъ онъ на это рѣшился, дѣла приняли оборотъ, столь благопріятный для Сигизмунда, что онъ уже болѣе не нуждался въ его помощи и союзѣ.

По занятіи Осипова, Валуевъ подошелъ къ Царево-Займищу и окопался, въ то время какъ другой отрядъ русско-шведскаго войска подъ командою Горна и князя Барятинскаго обложилъ Бѣлы. По свѣдѣніямъ, которыя были получены въ польскомъ обозѣ, въ этомъ войскѣ было „нѣсколько тысячъ московитовъ, двѣ тысячи нѣмецкой конницы и двѣ тысячи иноземной пѣхоты“.

Александръ Госѣевскій, командовавшій гарнизономъ въ Бѣлахъ, вышелъ русскимъ навстрѣчу и хотя въ происшедшихъ между обоими войсками стычкахъ побѣда осталась на его сторонѣ, и на мѣстѣ „полегло человѣкъ полтораста нѣмцевъ“, но, въ виду значительнаго превосходства непріятельскихъ силъ, онъ немедленно послалъ въ королевскій обозъ съ просьбою о помощи.

Услыхавъ о томъ, что московское войско подходило къ Смоленску и что Дмитрій Шуйскій сосредоточивалъ значительныя силы подъ Можайскомъ, Сигизмундъ рѣшилъ, не теряя времени, послать ему навстрѣчу большое войско.

Согласно точнымъ свѣдѣніямъ, заключающимся въ дневникахъ современниковъ, въ польскомъ войскѣ было 1.800 чел.

Дмитрій Шуйскій намѣревался вести войну такимъ же точно образомъ, какимъ ее велъ съ такимъ успѣхомъ Скопинъ, а именно, онъ рѣшилъ избѣгать по мѣрѣ возможности битвы въ открытомъ полѣ, воздвигать укрѣпленія, тѣснить поляковъ со всѣхъ сторонъ и такимъ образомъ вынуждать ихъ къ отступленію, затрудняя имъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ.

Выполняя этотъ планъ, онъ велѣлъ соорудить около Царева-Займища „острожекъ", но командовавшій польскимъ войскомъ гетманъ Жолкевскій, узнавъ о томъ, двинулся поспѣшно къ Царево-Займищу, чтобы не дать ему укрѣпиться въ этомъ мѣстѣ.

24 іюня, передъ разсвѣтомъ, польское войско подошло къ городу; на слѣдующій день къ нему присоединился полкъ Зборовскаго; тѣмъ не менѣе Жолкевскій не рѣшился брать городокъ штурмомъ, такъ какъ онъ былъ отлично укрѣпленъ; рѣшивъ вынудить гарнизонъ къ сдачѣ голодомъ, онъ отошелъ на Можайскую дорогу. Начальникъ гарнизона, очутившись въ безвыходномъ положеніи, то и дѣло посылалъ гонцовъ въ Можайскъ; посланцы, крадучись ночью лѣсомъ, пробирались въ лагерь Дмитрія Шуйскаго и умоляли его о присылкѣ гарнизону помощи.

Тѣмъ временемъ подъ командою Шуйскаго собралось многочисленное войско: однихъ чужеземцевъ: шведовъ, нѣмцевъ, французовъ и англичанъ, коими предводительствовали Делагарди и Горнъ, было до 8.000; а всего же у него было 40.000 войска. Жолкевскій зорко слѣдилъ за всѣми движеніями этой арміи, о которыхъ получалъ свѣдѣнія отъ шпіоновъ.

3-го іюля возвратился въ польскій обозъ посланный на развѣдки разъѣздъ, взявшій въ плѣнъ нѣсколькихъ боярскихъ дѣтей. Съ ихъ словъ и изъ разсказовъ перебѣжиковъ французовъ и нѣмцевъ, поляки узнали, что непріятельскія войска успѣли соединиться и что „князь Дмитрій выступилъ изъ Можайска и остановился подлѣ с. Клушина".

Жолкевскій рѣшилъ напасть на него врасплохъ; оставивъ подъ Царевомъ-Займищемъ казаковъ и пѣхоту и часть конницы, онъ пошелъ поздно вечеромъ навстрѣчу несравненно сильнѣйшему непріятелю всего съ 5.000 чел. отрядомъ и передъ разсвѣтомъ подошелъ къ лагерю Шуйскаго. Московиты спали и, зная малочисленность польскаго войска, не приняли никакихъ мѣръ предосторожности; разбуженные пожаромъ близъ лежащихъ двухъ деревень, русскіе и шведы скоро были опрокинуты польскою конницею и оттѣснены къ Цареву-Займищу. Увидавъ, что побѣда клонилась на сторону поля-

ковъ, нѣмцы и французы перешли на ихъ сторону, Шуйскій обратился въ бѣгство, оставивъ имъ свой богатый станъ.

Часть польскаго войска преслѣдовала непріятеля и устлала дорогу ихъ трупами; большинство поляковъ и иноземцы, перешедшіе на ихъ сторону, бросились грабить русскій лагерь; въ ихъ руки досталась огромная добыча: однихъ соболей и суконъ было въ лагерѣ на 20.000 р.; поляки взяли 11 фальконетовъ, множество знаменъ, между прочимъ знамя самого Шуйскаго, его карету, саблю, шишакъ и булаву.

„Идя на непріятеля, пишетъ Жолкевскій, мы везли съ собою только орудія и одну карету для гетмана. На обратномъ пути у насъ было возовъ и каретъ чуть не столько, сколько насъ самихъ; захваченные въ московскомъ станѣ экипажи были нагружены награбленнымъ добромъ".

Въ этомъ сраженіи „русскихъ легло десять тысячъ, а во время преслѣдованія еще пять тысячъ", изъ знатныхъ лицъ были взяты въ плѣнъ Василій Бутурлинъ и „разрядный дьякъ Яковъ Демидовъ", только-что пріѣхавшій изъ Москвы съ деньгами и вышеозначенными товарами, которые были предназначены для уплаты войску вмѣсто денегъ". Въ этомъ сраженіи убитъ Яковъ Барятинскій и тяжело раненъ Андрей Голицынъ. „Дмитрій Шуйскій ускакалъ во всю прыть, хотя за нимъ особенно не гнались. Въ болотѣ, по которому ему пришлось ѣхать, онъ потерялъ своего коня и сапоги, и прискакалъ въ монастырь подъ Можайскомъ босый, на плохенькой клячѣ; наши ему дали лошадь и обувь". Онъ такъ упалъ духомъ, что, уѣзжая въ Москву, заказывалъ можайцамъ и не думать объ оборонѣ и только просить у побѣдителя милосердія и пощады".

4 іюля Жолкевскій возвратился къ Царево-Займищу. Все это совершилось такъ быстро, что осажденные въ городкѣ даже не знали о томъ, что онъ уходилъ съ войскомъ и уже вернулся обратно. Польская пѣхота, ночью, съ шанцевъ извѣстила осажденныхъ о происшедшей битвѣ, но они ихъ словамъ не повѣрили; на утро гетманъ велѣлъ показать имъ взятые знаменя и плѣнныхъ, но Валуевъ повѣрилъ этому только тогда, когда увидѣлъ въ польскомъ обозѣ тѣхъ самыхъ чужеземцевъ, которые недавно еще находились на русской службѣ.

Несмотря на это, гарнизонъ рѣшилъ не сдаваться.

Извѣстіе о побѣдѣ, одержанной поляками подъ Клушинымъ, быстро облетѣло всю окрестность; подъ этимъ впечатлѣніемъ многіе укрѣпленія и города перешли на сторону короля. 6 іюля пріѣхалъ въ Царево-Займище съ челобитной можайскій воевода; нѣсколько дней

спустя сдались Погорѣлое Городище, Дмитрово, Борисово, Зубцово, Ржевъ, Осипово и многія другія крѣпости; гетманъ Жолкевскій рѣшилъ, не теряя времени, идти къ Москвѣ. Кромѣ польскаго войска, онъ взялъ съ собою тѣхъ три тысячи иноземцевъ, которые передались ему подъ Клушинымъ.

16 іюля Жолкевскій прибылъ въ Можайскъ. Ему былъ устроенъ торжественный пріемъ; навстрѣчу ему „согласно обычаю вышло духовенство съ образами и хлѣбомъ-солью". Онъ простоялъ тутъ двѣ недѣли, но это время не было имъ потеряно даромъ; онъ воспользовался имъ, чтобы тайно разослать въ Москву множество писемъ и воззваній съ цѣлью очернить Василія Шуйскаго въ глазахъ населенія; въ этихъ воззваніяхъ указывалось на то, что въ его царствованіе въ Московскомъ государствѣ все шло худо, что „изъ-за него и ради него" безпрерывно лилась христіанская кровь. Эти воззванія разбрасывались на улицахъ; кромѣ того Жолкевскимъ были разосланы письма, съ разными обѣщаніями. Подобныя же письма разсылали Иванъ Салтыковъ, Григорій Валуевъ и нѣкоторые польскіе паны.

Эти подметныя письма произвели большое впечатлѣніе на умы, тѣмъ болѣе, что москвичи боялись, что имъ придется снова выдержать осаду, которая была для нихъ очень тягостна. Два поляка, проживавшіе въ то время въ Москвѣ, разсказывали, что извѣстіе о Клушинской битвѣ вызвало въ Москвѣ, огромную тревогу. Шуйскій не смѣлъ выйти изъ Кремля и показаться публично; подойдя къ окну, онъ обратился къ народу съ рѣчью, стараясь успокоить его, но его слова не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія. Чернь кричала:

— Ты намъ больше не государь!

Клушинскимъ пораженіемъ поспѣшилъ воспользоваться и самозванецъ. 10 іюля онъ оставилъ свой обозъ на берегу Угры и черезъ три дня былъ подъ Боровскомъ, послѣ двухневной осады взялъ приступомъ монастырь св. Пафнутія и двинулся къ Москвѣ.

Услыхавъ о приближеніи Димитрія, царь собралъ небольшое войско и вмѣстѣ съ татарами, пришедшими ему на помощь, послалъ его навстрѣчу непріятелю. Но предводители этого войска не хотѣли болѣе сражаться за Шуйскаго, они остались съ московскимъ войскомъ въ Серпуховѣ и послали впередъ однихъ татаръ.

26 іюля подошелъ къ столицѣ Димитрій и сталъ лагеремъ близъ Никольскаго монастыря на Угрежѣ.

Когда, такимъ образомъ, Москвѣ угрожалъ съ одной стороны самозванецъ, а съ другой войска Жолкевскаго, то населеніе еще больше заволновалось; всѣ открыто высказывали свое негодованіе

противъ Василія Шуйскаго и избраніе новаго царя стало неизбѣжно. Открылось широкое поле для самыхъ честолюбивыхъ надеждъ. Изъ бояръ Василій Голицынъ давно уже открыто добивался короны. Митрополитъ ростовскій Филаретъ выставилъ кандидатуру своего сына Михаила; но ни у того, ни у другого не было достаточно сильной поддержки. Тушинцы, со своей стороны, заявляли, что они не будутъ далѣе поддерживать Димитрія и изберутъ царемъ Яна-Петра Сапѣгу.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, насколько онъ принималъ лично участіе въ этомъ дѣлѣ и насколько справедливы были слухи о его честолюбивыхъ замыслахъ.

Сапѣги происходили изъ стариннаго русскаго дворянскаго рода, поселившагося нѣкогда въ Смоленскомъ воеводствѣ. До конца XVI вѣка почти все ихъ семейство было православное и хотя Янъ-Петръ былъ католикъ, но онъ настолько былъ преданъ вѣрѣ своихъ предковъ, что оставилъ по духовному завѣщанію большіе вклады въ церкви, находившіяся въ его помѣстьяхъ, и даже выразилъ желаніе, чтобы его похоронили въ церкви, а не въ костелѣ.

Въ Москву онъ отправился несомнѣнно по совѣту литовскаго канцлера, съ которымъ все время дѣятельно переписывался, также какъ и съ королемъ Сигизмундомъ. Предложивъ въ 1608 г. свои углуги Димитрію, Сапѣга имѣлъ въ виду главнымъ образомъ свои собственные интересы. Онъ не упускалъ случая снискать расположеніе знатнѣйшихъ московскихъ бояръ, а равно предводителей польскаго войска, старался поддержать самыя близкія отношенія съ Рожинскимъ, командовавшимъ арміей самозванца. „23 сентября“ (1607), записалъ Сапѣга въ своемъ дневникѣ, „за обѣдомъ, князь Рожинскій поклялся на саблѣ, что онъ не будетъ ни въ чемъ мѣшать ему“. Два дня спустя Рожинскій снова „предложилъ служить ему всегда, когда понадобится“.

Каковы бы ни были тайные помыслы Сапѣги, онъ убѣдился вскорѣ въ томъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ ни онъ, ни Голицынъ не могли претендовать на корону. Хотя въ Москвѣ никто не желалъ дальнѣйшаго правленія Шуйскаго, но въ то время была очень сильна партія, намѣтившая иного кандидата.

Когда Димитрій подошелъ къ столицѣ, тушинцы вошли втайнѣ въ соглашеніе съ врагами Василія Шуйскаго; обѣ стороны сошлись на томъ, что его слѣдовало свергнуть съ престола, оставить самозванца на произволъ судьбы и избрать съ общаго согласія новаго царя.

27 іюля Шуйскій былъ низложенъ и взятъ подъ стражу вмѣстѣ съ своими братьями Дмитріемъ и Иваномъ.

Послѣ этого Захаръ Ляпуновъ предложилъ было избрать царемъ Василія Голицына, но остальные бояре этому воспротивились и по ихъ настоянію всѣ собравшіеся на совѣщаніе бояре, въ томъ числѣ и самъ Василій Голицынъ, присягнули въ томъ, что они не изберутъ царемъ ни одного изъ московскихъ бояръ.

На другой день бояре и тушинцы собрались у Данилова монастыря. Враги Димитрія говорили:

— Мы свергли своего царя. Свергните своего и вы.

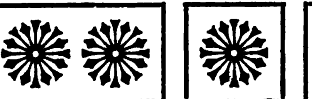
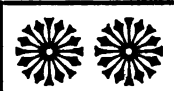
Тушинцы объ этомъ и слышать не хотѣли.

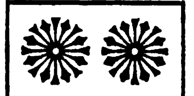
Узнавъ объ этомъ, московскій патріархъ Гермогенъ началъ усиленно стараться о томъ, чтобы вернуть Василію престолъ; самъ Шуйскій, хотя и содержался подъ стражей, тѣмъ не менѣе завелъ сношенія съ преданными ему людьми, хотѣлъ черезъ нихъ подкупить стрѣльцовъ и съ ихъ помощью вернуть свою власть. Тогда бояре послали къ нему Ляпунова, который явился къ Василію вмѣстѣ съ чернецомъ изъ Чудова монастыря. На вопросъ чернеца, хочетъ ли онъ постричься, Шуйскій отвѣтилъ отрицательно. Но Ляпуновъ и другіе крѣпко держали его за руки и приказали остричь, а затѣмъ усадили его въ сани, отвезли въ монастырь и приставили къ нему караулъ.

Послѣ низложенія Шуйскаго неурядица, царствовавшая въ Московскомъ государствѣ, достигла крайнихъ предѣловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи Грузіи [1]).

Знаменитый и высокопочтенный предводитель войскъ блистательной Порты Оттоманской, начальствующій въ Анапѣ Сераскиръ Гусейнъ Паша!

Мой искреннѣйшій благопріятель!

Получивъ письмо Ваше, мой искренній благопріятель, читая оное, очень удивлялся, что вы мнѣ ни одного слова не сказали о томъ, о чемъ я вамъ писалъ; говорите только въ письмѣ, что въ заключенномъ трактатѣ между двумя державами есть статья о семъ народѣ „гдѣ имъ предоставлена вольность"; я вамъ писалъ не о вольности, а писалъ, какъ смѣли закубанцы, какъ подданные блистательной Порты Оттоманской, соединясь съ кабардинцами, войти вооруженною рукою въ предѣлы всесильнаго моего Государя Императора, перебивъ многіе казачьи посты, разоривъ селенія отгономъ скота и угнали сильственно абазинцевъ и нагайцевъ, жившихъ на сторонѣ нашей, разграбили на великую сумму купцовъ, торговавшихъ между ими, и черезъ то нарушаютъ доброе согласіе между двумя сильными государствами, теперь повторяю тоже, присовокупляя въ доказательство назойливости народа закубанскаго и то, что они даже въ присутствіи присланнаго отъ Васъ чиновника, ничуть не разъѣзжаются на спокойствіе, въ которомъ бы ихъ оставить, но еще увеличиваютъ свои партіи, дабы ворваться гдѣ-либо въ границы Россійскія, и ничуть не отлагаютъ своего намѣренія такъ, что нѣсколько разъ разставленныя по границѣ войска перехватывали закубанскія партіи на сторонѣ нашей. Я обо всемъ писалъ моему Всемилостивѣйшему Государю Императору,—полагаю, что и вы писали

[1]) См. „Русская Старина" іюль 1907 г.

*

своему, только пояснили ли о поступкѣ закубанцевъ? и что они сильственно увели абазинцевъ и нагайцевъ, пользуясь моимъ отбытіемъ съ знатною частію войскъ по Высочайшему повелѣнію моего Государя Императора для усмиренія кабардинцевъ. Имѣя Высочайшее моего Государя Императора повелѣніе усмирить закубанцевъ и наказать за ихъ злодѣянія, наносимыя въ границахъ нашихъ, о чемъ васъ, мой искренній благопріятель, предваряю, и полагаю, что усмиреніе сіе, долженствуемое неминуемо оказать народу, привыкшему дѣлать такія наглости безъ всякаго предмета и въ такой землѣ, которая живетъ въ дружественномъ союзѣ съ блистательною Портою, не нанесетъ неудовольствія державѣ Вашего Государя.

Свѣрялъ генералъ-лейтенантъ Глазенапъ.

Сентября 25 дня
1804 года.

Господину генералъ-лейтенанту и кавалеру Глазенапу.

Шефа Казанскаго Мушкетерскаго полка
генералъ-маіора Мейера.

РАПОРТЪ.

Вашему Превосходительству я имѣлъ уже честь доносить, что получа отъ Васъ извѣщеніе о томъ, что происходило на Чегемскомъ собраніи, и какъ послѣ этаго кабардинцы, раздѣлясь на двѣ партіи, одною хотѣли ударить на мой отрядъ, а другою на слободу Солдатскую Малку. По сему Вашему извѣщенію и приказанію я 17 числа сего мѣсяца, снявшись съ лагеря и оставя на ономъ сто триддать пять Донскихъ казаковъ полка войсковаго старшины Персіанова при есаулѣ Денисовѣ, пошелъ за двадцать шесть верстъ внизъ по Малкѣ къ Соленебродскому посту, усиливши сперва по Вашему предписанію Марцевское одною гренадерскою ротою ввѣреннаго мнѣ полка, а Павловское стамя Донскихъ казаками. Шамаха Наврузовъ въ ту ночь ночевалъ насупротивъ меня, на зоревой мой выстрѣлъ и три ракеты, извѣстя его о моемъ прибытіи, уничтожили его предпріятіе. Въ семъ моемъ лагерѣ два часа послѣ моего прибытія, я извѣщенъ былъ, что кабардинцы, ниже Крымовскаго поста переправясь чрезъ Малку, зажгли оставленный мною лагерь, и что есаулъ Денисовъ принужденъ былъ соотвѣтственно даннаго ему отъ меня на таковой случай предписанія ретироваться къ Бѣломечетскому посту; почему тотъ же часъ, оставя мой лагерь при штабсъ-капитанѣ Лихаревѣ, я

безъ малѣйшаго шуму отправился обратно, прибылъ къ прежнему моему лагерю предъ самою зарею, и прогнавши кабардинцевъ за рѣку Малку, занялъ мой лагерь по прежнему. Девятаго на десятое число я опять услышалъ о помыслахъ Шамахи Наврузова или на Солдатское или на Прохладное, и новыми отъ себя отдѣленіями достаточно обезпечилъ всю сію дистанцію.

Въ самый обѣдъ того же числа получилъ я отъ Вашего Превосходительства извѣщеніе, что Шамаха Наврузовъ, возвратясь на Баксань, всѣ владѣльцы вдругъ поднялись къ Малкѣ, и всѣ уже на правый мой флангъ съ тѣмъ, чтобъ въ осьми верстахъ выше моего лагеря при Патрекѣевскомъ постѣ переправясь чрезъ сію рѣку итти или въ Георгіевъ или въ Александрію, и сіе клялись выполнить во что бы то не стало, для чего и всѣ нарядились въ богатѣйшую свою одежду, и чтобъ я тотъ же часъ шелъ имъ на встрѣчу къ Залкѣ, гдѣ должно совершиться сіе ихъ прохожденіе, исполняя препровождаемое ко мнѣ Ваше распоряженіе. Вслѣдствіе сего вашего повелѣнія я отправилъ весь обозъ на Бѣломечетскій постъ, оставилъ на моемъ лагерѣ опять сто казаковъ и поспѣшилъ еще до вечерней зари на Залку, чтобъ также, чего бы то не стоило, отвратить сіе ихъ намѣреніе. Отошедши отъ моего лагеря двѣнадцать верстъ, передовые Донскіе казаки Крюкова 1-го полка открыли непріятеля, который, переправясь на Малкѣ, при упомянутомъ урочищѣ, шелъ на Залку. На моихъ часахъ было тогда двадцать минутъ четвертаго часа. По малосилію моему я тогда построился въ два карея. Волжскихъ казаковъ при хорунжемъ Гусельщиковѣ 2-мъ расположилъ съ правой стороны насупротивъ заднихъ фасовъ; противу задняго же интервала оныхъ поставилъ Донскихъ казаковъ войсковаго старшины Персіанова; въ одной линіи съ задними фасами съ лѣвой стороны Моздокскихъ казаковъ при храбромъ есаулѣ Венеровскомъ, и не взирая на густыя бурьяны продолжалъ путь мой, приказавъ подполковнику Крюкову 1-му атаковать непріятеля и потомъ возвратиться на правый и лѣвый мои фланги. Непріятель въ числѣ болѣе шести тысячъ, подъ предводительствомъ всѣхъ знаменитѣйшихъ богатырей Джамбулата Мисостова, Адиль-Гирея, Шамахи Косая, Давшуки и Атежуки Наврузовыхъ и Асманъ Гирея Атежукина и осьми князей, не зналъ ничего о моемъ выступленіи на Залку, ибо оный только-что перешелъ чрезъ рѣку Малку и направлялся къ Залкѣ.

Онъ тянулся знатными кучами отъ самой Малки къ упомянутому кургану, когда передовые ведетты Донскихъ казаковъ, подъѣзжая къ перекрестку впереди меня дорогѣ, гдѣ оную прорѣзываетъ изложина. Балкъ Кременьчикъ, его, а непріятель ихъ открыли, ибо за густо-

тою бурьяна и непріятель меня прежде видѣть не могъ, и даже казакамъ приказалъ я итти съ наклоненными дротиками.

Подполковникъ Крюковъ 1-й, не взирая на превосходныя силы непріятеля, ударилъ съ рѣдкою неустрашимостью на средину, составленную изъ пяти сотъ панцырьниковъ, но бывши раненъ, урядникъ Упорьниковъ убитъ, кабардинцы его со всѣхъ сторонъ окружили, отъ чего произошла страшная между ними рубка. Я, сіе увидя, приказалъ съ праваго фланга Волжскимъ казакамъ, при хорунжемъ Гусельщиковѣ 2-мъ, ударить на лѣвый флангъ, а есаула Венеровскаго съ Моздокскими казаками отрядилъ противъ праваго фланга стоящихъ позади сихъ пяти сотъ толпищей. Подполковникъ Крюковъ 1-й какъ не былъ раненъ, однакожъ мужественно защищался, и его полка адъютантъ Поздѣевъ и урядники Петрухинъ и Банниковъ, вокругъ его огородивши, почти на своихъ плечахъ вынесли изъ среди непріятеля.—Причемъ полкъ Крюкова потерявши урядника, осьмь казаковъ и осьмь лошадей, ретируясь на меня, нанесъ на мой карей и самого непріятеля. Я тотъ же часъ разсѣилъ стрѣлковъ вокругъ фасовъ, очистилъ предъ собою малое пространство, но успѣлъ только сдѣлать четыре выстрѣла ядрами, ибо въ то же самое время я былъ уже окруженъ со всѣхъ сторонъ, такъ что я можно сказать съ моими двумя двуротными кареями плавалъ въ ихъ толпахъ. Стрѣлковъ моихъ я успѣлъ однакожъ еще оттянуть въ правую и лѣвую стороны, и предводительствующіе ими ввѣреннаго мнѣ полка штабсъ-капитаны Лихаревъ и Башкатовъ, поручики Швецовъ 1-й и 2-й, полковой адъютантъ Комстадіусъ, подпоручикъ Меркуловъ, прапорщики: Ружевскій, Поповъ и Куликовъ, Вологодскаго мушкетерскаго полка подпоручикъ Желябужскій, какъ отчаянные, съ стрѣлками бросились въ ихъ фланги, и я самъ съ моимъ кареемъ, подавая мало по малу первый фасъ назадъ для сгущенія карея, ударилъ на нихъ съ опрометчивостію, что учинилъ и Вологодскаго мушкетерскаго полка храбрый маіоръ Чернецкій съ другимъ кареемъ. И такъ я бросилъ сію кучу съ страшнымъ для нее урономъ. Въ сіе малое время усиленные съ Малки заднія кучи насѣдали на храбраго есаула Венеровскаго, у коего хотя подбили лошадь, но долго еще удерживавшаго сраженіе и хорунжаго Гусельщикова 2-го. Но такъ какъ я кучу князей съ узденями прогналъ съ потерею для кабардинцевъ двухъ владѣльцовъ: причемъ безпримѣрною храбростію отличился фельдфебель Суцковъ, убившій одного ихъ лучшихъ узденей Ашабу Оулу. Я началъ самъ ихъ гнать, а притомъ очистивши мѣсто, доставилъ войсковому старшинѣ Персіанову, находившемуся насупротивъ задняго интервала между кареями, пространство для атаки. Поддерживая стрѣлками Венеровскаго и Гу-

сельщикова 2-го, далъ имъ паки засѣсть на мои фланги и выпустилъ старшину Персіанова, который сомкнутымъ фронтомъ, самъ впереди съ саблею, столь жестоко на непріятеля ударилъ, что весь ихъ строй опрокинулъ, а атаковавшіе вновь въ самое сіе мгновеніе фланги есаулъ Венеровскій и хорунжій Гусельщиковъ, содѣйствуя ему, обратили непріятеля въ совершенное бѣгство. Онъ началъ бѣжать къ Малкѣ, почему я неустрашимаго старшину Персіанова отрядилъ вправо по дорогѣ между Курганомъ и лощиною, къ Малкѣ идущей; самъ съ пѣхотою пошелъ по средней дорогѣ, а есаула Венеровскаго и хорунжаго Гусельщикова 2 послалъ влѣво къ Малкѣ, чтобъ его отрѣзать отъ переправы. Нагнавши его возлѣ Патрекѣевскаго поста, есаулъ Венеровской, хорунжій Гушельщиковъ 2-й, Донскаго Персіанова полка есаулы Купреяновъ 1-й и Денисовъ удерживали непріятеля отъ переправы, но пѣхотѣ же нѣсколько трудно было бѣжать шесть верстъ погонею, а иногда и цѣликами, однакожъ я отрядилъ ввѣреннаго мнѣ полка капитана Маркова и Вологодскаго мушкетерскаго полка капитана Сивкова, которые храбро ударили въ средину ихъ кучи, а между тѣмъ и я самъ подошелъ и началъ ихъ по прежнему тѣснить. Настигшая темнота умножила храбрость кабардинцевъ. Всѣ почти казаки и гренадеры, а многіе и офицеры лично сами подвизались. Чтобъ рѣшить дѣло, я выстроился въ линію, выслалъ полукружіемъ вокругъ себя на флангахъ по Малкѣ стрѣлковъ и приказалъ казакамъ скакать назадъ. Непріятель кинулся въ погоню, но я и стрѣлки окружили его какъ бы неводомъ, тѣснилъ къ берегу, бросилъ въ яръ и гналъ за Малку, при семъ сдѣлано было еще двѣнадцать выстрѣловъ ядрами.

Сраженіе кончилось въ десять часовъ; я, переночевавши на боевомъ мѣстѣ, на другой день возвратился на прежній мой лагерь. Всѣхъ силъ непріятельскихъ было до семи тысячъ, и въ ономъ числѣ нѣсколько закубанцевъ, какъ видно изъ отбитыхъ лошадей, а у меня было только четыре ста казаковъ и три ста шестьдесятъ шесть человѣкъ пѣхоты. Ваше Превосходительство справедливо заключить изволите, что главное ихъ намѣреніе состояло въ томъ, чтобъ отдохнувши въ лощинѣ надъ Залкой, еще предъ разсвѣтомъ быть въ Георгіевскѣ и послѣ успѣха чрезъ Александрію обратиться на Кубань въ тылъ генералъ-маіору Лихачеву. Уронъ со стороны непріятеля состоитъ навѣрное болѣе нежели въ четырехъ стахъ убитыхъ простаго народа, сорока узденяхъ и двухъ владѣльцахъ. Въ числѣ же убитыхъ изъ знаменитыхъ многихъ узденей я почитаю важными Росламбека Мисостова, фаворита Агубекова, его узденя Ашабу Оулу, Омара Куденетова Оулу, Сухохъ Оулу Темрюкова и Дошкуна Оулу, изъ коихъ Омаръ Куденетовъ былъ прежде судьею.

Судя по убитымъ шести лошадямъ, должно быть столько же убитыхъ и мулловъ. Все побоищное мѣсто, на которомъ лежало сто тринадцать кабардинскихъ тѣлъ, исключая бросившихся въ Малку, усѣяно было клочьями мяса, ребрами, стрѣлами съ разноцвѣтными и бѣлыми перьями, и убитыми лошадьми; хотя большая часть драки происходила бѣлымъ оружіемъ, ибо не болѣе выстрѣлено изъ пушекъ, какъ шестнадцать ядеръ, а ружейныхъ выстрѣловъ вообще и съ казачьими до двухъ тысячъ патроновъ. Для меня будетъ весьма лестно есть-ли Ваше Превосходительство свое предписаніе усмотрѣть изволите совершенно выполненнымъ. Уронъ съ нашей стороны состоитъ въ убитыхъ: Донскаго Крюкова 1-го полка въ урядникѣ Упорниковѣ, полковомъ писарѣ и семи казакахъ; Донскаго Персіанова полка двадцати четырехъ казаковъ; Волжскаго казачьяго полка въ убитомъ одномъ казакѣ, и того въ тридцати четырехъ человѣкахъ, ранено: Подполковникъ Крюковъ 1-й въ правую ногу на вылетъ стрѣлою и его полка четыре казака; полка Персіанова урядникъ Плешаковъ и пять казаковъ; подъ есауломъ Венеровскимъ убита лошадь; Волжскаго казачьяго полка два казака; ввѣреннаго мнѣ Казанскаго мушкетерскаго полка шестнадцать и Вологодскаго мушкетерскаго-жъ шесть гренадеръ, всего раненыхъ тридцать пять человѣкъ; безъ вѣсти пропало Донскаго Персіанова полка сотникъ Щуруновъ и шесть казаковъ. Я осмѣливаюсь быть ходатаемъ въ разсужденіи неустрашимости и личныхъ подвиговъ за нижеслѣдующихъ господъ штабъ и оберъ-офицеровъ: Донскихъ полковъ: подполковника Крюкова 1-го, войсковаго старшину маіора Персіанова, есаула Купреянова 1-го, урядниковъ: раненаго Плешакова и Андрея Персіанова; Моздокскаго казачьяго полка есаула Венеровскаго, пятидесятниковъ Дикова и Хрусталева, Волжскаго казачьяго полка хорунжаго Гусельщикова 2-го, ввѣреннаго мнѣ полка капитана Маркова, штабсъ-капитановъ Лихарева и Башкатова 3-го, порутчиковъ: Шефскаго адьютанта Гаврилова, Швецова 1-го и Швецова 2, полковаго адъютанта Комстадіуса, подпорутчика Меркулова, прапорщиковъ Ружевскаго, Попова и Куликова и фелдфебеля Сунцова. Вологодскаго мушкетерскаго полка маіора Чернецкаго, капитана Сивкова, штабсъ-капитана Селезнева, подпорутчика Желябужскаго, прапорщика Дробышевскаго и фелдфебеля Троицкаго. Свиты Его Императорскаго Величества по квартермистрской части подпорутчика Розье и 7 артиллерійскаго полка искуснаго и храбраго подпорутчика Гагаринова, равномѣрно осмѣливаясь рекомендовать Вашему Превосходительству; не могу умолчать предъ Вами, что гренадеръ (бывшій подпоручикомъ Булатовъ), отличившійся уже на Чегемѣ, и въ сей день ознаменовалъ свое усердіе безпримѣрною храбростію.

Убито лошадей подъ есауломъ Венеровскимъ одна и подъ казакомъ одна, въ Волжскомъ полку четыре; въ Донскихъ полкахъ Крюкова десять, Персіанова пять и того двадцать одна лошадь. Растрѣлено патроновъ въ казачьихъ полкахъ Крюкова 290, Персіанова 180, въ Моздокскомъ полку 237, въ Волжскомъ 164, итого всего 1.979 патроновъ, и выпущено шестнадцать ядеръ. О чемъ Вашему Превосходительству честь имѣю донести.

Подписалъ: Генералъ-маіоръ Мейеръ.

№ 1174.

Лагерь при рѣкѣ Малкѣ.

Сентября 20-го дня 1804 года.

Сообщилъ Н. Затворницкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Письмо М. М. Измайлова къ кн. А. Б. Куракину.

Милостивый государь князь Алексѣй Борисовичъ!

Предмѣстникъ вашего сіятельства графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ, отъ 12 ноября прошлаго года, сообщилъ мнѣ Высочайшій именной Его Императорскаго Величества указъ, данный ему въ 11 день того ноября, чтобы конфискованное отставнаго поручика Николая Новикова имѣніе, по тому самому дѣлу, по коему онъ содержался, сколько онаго въ казенномъ вѣдомствѣ состоитъ, ему возвратить. Я получа сіе Высочайшее повелѣніе, тотъ же часъ о исполненіи онаго предписалъ Московскому приказу Общественнаго Призрѣнія. Не успѣлъ приказъ Общественнаго Призрѣнія исполнить ему предписаннаго, какъ получилъ я отъ предмѣстника же вашего сіятельства сообщеніе, съ прописаніемъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, чтобы объявить помянутому г. Новикову, дабы онъ пріѣхалъ въ Петербургъ; куда онъ отъѣздомъ своимъ поспѣшилъ и по нынѣ оттуда въ Москву не возвратился, а за симъ и имѣнія ему не возвращено. Въ разсужденіи таковаго обстоятельства, составившаго медленіе въ исполненіи Высочайшаго Его Императорскаго Величества указа объ отдачѣ г. Новикову имѣнія, понуждаюсь объясненіемъ о семъ утверждать ваше сіятельство, опасаясь, дабы медленность таковая не отнеслась мнѣ въ вину, и покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь! по милостивому вашему ко мнѣ расположенію, преподать мнѣ на сей случай вашъ совѣтъ, который я приму новымъ опытомъ вашихъ ко мнѣ одолженій и пребуду, какъ и есмь, съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію.

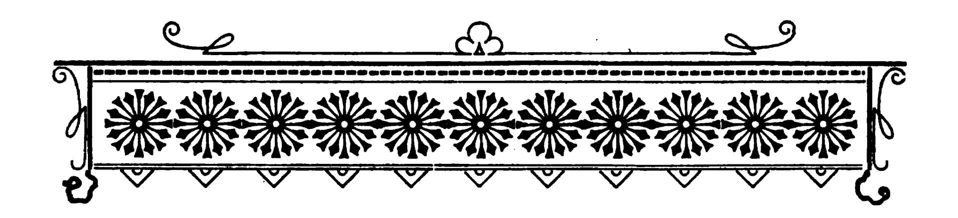
Милостивый государь!
Вашего Сіятельства
Покорнѣйшій слуга
Михаила Измайловъ.

Генваря 28 дня
1797 года.
Москва.

Получено письмо кн. Куракинымъ 5 февраля. На письмѣ имѣется помѣтка: „Сыскавъ г. Новикова, сказать ему, чтобы далъ кому-нибудь довѣренность принять имѣніе его“.

Сообщ. Н. А. Мурзановъ.

По Россіи и Польшѣ въ исходѣ XVIII-го вѣка.

Путевыя впечатлѣнія англичанина.

1779—1785 г.г. [1]).

От Кракова до Варшавы.—Представленіе Станиславу Августу.—Королевскій замокъ.—Загородный дворецъ.—У князя Понятовскаго.—Fête champêtre въ Повонзкахъ.—Бесѣда съ королемъ.—Вторичное посѣщеніе Варшавы.—Стѣсненное матеріальное положеніе короля.—Его подчиненіе Россіи.—Жизнь Станислава-Августа въ Петербургѣ.—Отношеніе къ нему императора Павла.—Кончина короля.

Я никогда не видалъ столь мало интересной мѣстности, какъ отъ Кракова до Варшавы; на всемъ пути нѣтъ ни одного предмета, который могъ бы привлечь вниманіе самаго любознательнаго путешественника. Ровная, лишь мѣстами холмистая мѣстность поросла необозримыми мрачными лѣсами; вездѣ на горизонтѣ виденъ лѣсъ. Сосны и ели перемѣшаны съ буками, березами и мелкимъ дубомъ; въ лѣсныхъ просѣкахъ виднѣются пастбища, и тамъ и сямъ жалкія поля. Всюду царствуетъ безмолвіе; мѣстность пустынна, мало населена и мало культурна. Хотя мы ѣхали отъ Кракова до Варшавы почтовымъ трактомъ, но на протяженіи 258 миль встрѣтили всего двѣ кареты и около двѣнадцати телѣгъ. Эта мѣстность весьма мало населена: изрѣдка, на большомъ разстояніи попадаются деревушки съ деревянными домами, своимъ жалкимъ видомъ вполнѣ гармонирующія съ общимъ характеромъ этой унылой страны. Въ этихъ деревушкахъ путешественникъ можетъ найти пристанище только въ еврейскихъ

---

[1]). Travels in Poland, Russia, Sweden and Denmark by William Coxe. London. 1802.

харчевняхъ, которыя ничѣмъ не обставлены и лишены всякаго удобства. Мы рѣдко могли получить отдѣльную комнату, а обыкновенно помѣщались въ одной комнатѣ со всей семьей; по части провизіи, яйца и молоко были для насъ самой большой роскошью, да и это мы не всегда могли получить; вмѣсто постели мы спали на соломѣ, набросанной прямо на полу, и почитали себя счастливыми, если она была чистая. Даже мы, люди не избалованные, издавна привыкшіе ко всякаго рода неудобствамъ, чувствовали себя несчастными въ этой пустынной странѣ. Въ другихъ странахъ мы прерывали свое путешествіе на ночь, чтобы видѣть все достойное вниманія; но тутъ въ этихъ грязныхъ и зловонныхъ харчевняхъ мы такъ страдали, что предпочитали ѣхать безостановочно. Мѣстные жители крайне бѣдны, принижены и несчастны; они толпились около насъ, когда мы останавливались, и просили милостыню съ самыми отвратительными ужимками.

Дорога содержалась въ самомъ первобытномъ состояніи; мѣстами по ней съ трудомъ можно было проѣхать; въ болотистыхъ мѣстахъ она была завалена палками и вѣтвями и цѣлыми стволами, набросанными поперекъ дороги. Совершивъ утомительное путешествіе, мы подъѣхали наконецъ къ Варшавѣ; такъ какъ дорога была все такой же непроѣзжей, поля также худо обработаны, и предмѣстья города состояли изъ такихъ же лачугъ, какъ деревушки, которыя мы встрѣчали по пути, то мы и не подозрѣвали, что подъѣзжаемъ къ столицѣ Польши до тѣхъ поръ, пока мы не очутились у ея воротъ.

Варшава расположена не особенно красиво; частью на ровномъ мѣстѣ, частью на болѣе высокомъ берегу Вислы. Городъ и его предмѣстья раскинулись на большое пространство; но въ немъ всего на все отъ 60 до 70 тысячъ жителей, въ томъ числѣ много иностранцевъ. Видъ города унылый—вслѣдствіе страшнаго контраста между богатствомъ и бѣдностью, роскошью и убожествомъ. Улицы Варшавы широкія, но плохо вымощены, и еле-еле освѣщены висящимъ кое-гдѣ одинокимъ фонаремъ; церкви и общественныя зданія большія и великолѣпныя; дома магнатовъ роскошны; но большая часть домовъ, въ особенности въ предмѣстьяхъ, походятъ на небольшія убогія хижины.

Такъ какъ англійскій посланникъ Вроутонъ былъ на дачѣ, то мы отнесли наши рекомендательныя письма оберъ-гофмаршалу графу Ржевусскому; онъ принялъ насъ очень вѣжливо и сказалъ, что мы будемъ представлены (королю) въ воскресенье, во время утренняго выхода. Мы отправились къ этому времени ко двору и были введены въ аудіенцъ-зало, украшенное бюстами королевы англійской

Елисаветы, короля французскаго Генриха IV, Яна Собѣсскаго и русской императрицы.

Наконецъ появился король, и мы были ему представлены. Его величество говорилъ съ каждымъ изъ насъ довольно долго и весьма привѣтливо; онъ отзывался съ большой похвалою объ Англіи, упомянулъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ о своемъ пребываніи въ Лондонѣ и въ заключеніе пригласилъ насъ къ ужину, о чемъ мы уже были предупреждены оберъ-гофмаршаломъ.

Станиславъ-Августъ хорошъ собою; у него выразительное, смуглое лицо, римскій носъ, проницательные глаза; онъ очень обходителенъ, привѣтливъ, но держитъ себя съ достоинствомъ. Онъ былъ въ статскомъ платьѣ; я упоминаю объ этомъ потому, что онъ первый изъ польскихъ королей не носилъ національнаго костюма и не брилъ голову по польскому обычаю. Его примѣру нашлись подражатели, и я былъ не мало удивленъ, увидавъ, что весьма немногіе магнаты носятъ національный костюмъ. Поляки, приверженные къ старинѣ, такъ дорожатъ своимъ національнымъ уборомъ, что на послѣднемъ сеймѣ было предложено включить въ Pacta conventa статью, обязывающую короля носить польское платье; но это не было утверждено сеймомъ, и ему было предоставлено руководствоваться личнымъ вкусомъ. Во время коронаціи, вопреки древнему королевскому церемоніалу, король появился въ платьѣ современнаго покроя съ развѣвавшимися по плечамъ волосами.

Оставивъ національный костюмъ, король поступилъ очень не осмотрительно. Онъ очень дорожилъ своей внѣшностью и не хотѣлъ остричь своихъ длинныхъ вьющихся волосъ, поэтому онъ заручился свидѣтельствомъ доктора о томъ, что потеря волосъ отразится на его здоровьѣ. Современный покрой его одежды напоминалъ одежду французскихъ королей; она была бархатная, отдѣланная горностаемъ и вышитая лиліями. Вслѣдствіе отступленія отъ стариннаго національнаго костюма король до нѣкоторой степени утратилъ любовь народа.

По окончаніи выхода мы осмотрѣли королевскій замокъ, построенный Сигизмундомъ III, со времени котораго онъ былъ резиденціей польскихъ королей.

Замокъ стоитъ на высокомъ берегу Вислы, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки; изъ оконъ открывается прекрасный видъ на рѣку и окрестную мѣстность. Подлѣ аудіенцъ-залы находится комната, отдѣланная мраморомъ и, какъ гласитъ надпись, посвященная королемъ памяти его предшественниковъ; Regum Memoriae dicavit Stanislaus Augustus hocce monumentum, 1771. Портреты польскихъ королей расположены въ хронологическомъ порядкѣ: начиная съ Боле-

слава и кончая нынѣ царствующимъ королемъ, портретъ котораго еще не оконченъ. Всѣ эти поясные портреты писаны Бакіарелли и исполнены художественно; портреты болѣе древнихъ королей набросаны по описаніямъ; портреты Владислава II и большинства его преемниковъ представляютъ копіи съ оригинала. Они очень интересны и представляютъ своего рода любопытную генеалогическую таблицу. Въ этой комнатѣ король угощаетъ по четвергамъ обѣдомъ выдающихся ученыхъ и писателей; его величество самъ сидитъ за столомъ и ведетъ бесѣду. Приглашенные читаютъ доклады по исторіи, естественнымъ наукамъ и другимъ предметамъ; такъ какъ въ настоящее время пересматривается сводъ законовъ, который будетъ представленъ на разсмотрѣніе ближайшаго сейма, то на этихъ собраніяхъ обсуждаются его отдѣльныя статьи и вопросы общаго законодательства и польской конституціи. Король поощряетъ всѣ попытки, дѣлаемыя къ разработкѣ польскаго языка, который въ царствованіе двухъ предыдущихъ королей, не говорившихъ по-польски, былъ въ большомъ пренебреженіи. На этихъ собраніяхъ посвящается много времени чтенію поэтическихъ произведеній, такъ какъ король большой любитель поэзіи.

Вечеромъ намъ было милостиво предложено посѣтить загородный королевскій дворецъ, стоящій въ роскошномъ паркѣ, въ окрестностяхъ Варшавы. Онъ состоитъ изъ зала и четырехъ комнатъ, расположенныхъ въ нижнемъ этажѣ, и ванной комнаты, отъ которой онъ получилъ названіе la Maison de Bain; въ верхнемъ этажѣ такое же число комнатъ убрано съ большей роскошью. Король принялъ насъ въ залѣ весьма благосклонно: при пріемѣ присутствовали его братъ, два племянника и нѣсколько магнатовъ обоего пола изъ числа его приближенныхъ. Было разставлено два стола для виста; тѣ, кои не играли въ карты, расхаживали по комнатѣ или стояли; король рѣдко играетъ въ карты; онъ бесѣдовалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ. Въ половинѣ десятаго былъ поданъ ужинъ; мы послѣдовали за королемъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ стоялъ небольшой круглый столъ съ восемью приборами; ужинъ состоялъ изъ одного горячаго блюда и дессерта. Его величество сѣлъ за столъ, но ничего не кушалъ; онъ принималъ живое участіе къ разговорѣ, но не говорилъ одинъ за всѣхъ. Послѣ ужина мы возвратились въ зало; нѣкоторые усѣлись снова за карты, мы же, изъ уваженія къ королю, продолжали стоять до тѣхъ поръ, пока его величество не предложилъ намъ сѣсть, сказавъ, что „намъ будетъ удобнѣе бесѣдовать, размѣстившись вокругъ стола“. Мы усѣлись и продолжали непринужденно бесѣдовать до полуночи, когда король удалился. Уходя, онъ приказалъ одному изъ придворныхъ показать намъ все, что въ Варшавѣ заслуживаетъ вни-

манія иностранца. Эта необычная любезность преисполнила насъ признательности и была только началомъ еще бо̀льшихъ почестей.

5 августа. Мы имѣли честь обѣдать съ его величествомъ въ томъ же загородномъ дворцѣ, и намъ былъ оказанъ столь же милостивый и любезный пріемъ. До этого король говорилъ по-французски, но тутъ онъ сдѣлалъ мнѣ честь заговорить со мною на англійскомъ языкѣ, на которомъ онъ говоритъ совершенно свободно. Онъ отозвался въ самыхъ лестныхъ и сочувственныхъ выраженіяхъ объ англійскомъ народѣ, и удивилъ меня обстоятельнымъ знакомствомъ съ нашей конституціей, законами и исторіей; всѣ его замѣчанія были дѣльны, вѣрны и раціональны. Онъ хорошо знакомъ съ произведеніями нашихъ выдающихся писателей; его восторженное преклоненіе передъ Шекспиромъ было доказательствомъ его основательнаго знакомства съ англійскимъ языкомъ и того, что онъ понимаетъ красоты нашихъ поэтическихъ произведеній. Онъ много разспрашивалъ о состояніи науки и искусства въ Англіи, и говорилъ съ восторгомъ о покровительствѣ, которое нашъ монархъ оказываетъ имъ. Откланявшись, мы посѣтили другіе загородные дворцы, въ которыхъ король проживаетъ временно. Всѣ они построены въ разныхъ стиляхъ, съ большимъ вкусомъ и изяществомъ. Его величество большой любитель архитектуры; онъ самъ составляетъ планы зданій и даже набрасываетъ рисунки внутреннихъ украшеній.

Вечеромъ мы имѣли удовольствіе посѣтить брата е. в., князя Понятовскаго, который пригласилъ насъ на прелестный праздникъ, устроенный имъ въ саду по близости отъ его дворца.

Мы пріѣхали въ садъ около девяти часовъ; послѣ жаркаго, душнаго дня наступилъ восхитительный вечеръ; погулявъ въ паркѣ, мы подошли къ искусственному гроту, по бокамъ котораго журча ниспадалъ въ бассейнъ фонтанъ. Какъ только всѣ съѣхались въ этотъ очаровательный уголокъ, появился король: мы встали навстрѣчу ему; послѣ обычныхъ привѣтствій, мы сопровождали е. в. въ прогулкѣ по парку и, вернувшись въ гротъ, усѣлись на скамьѣ изъ моха. Восшедшая луна придавала много прелести этому зрѣлищу. Мнѣ пришлось случайно сидѣть подлѣ короля (этикета тутъ не соблюдалось), который говорилъ со мною какъ обыкновенно по-англійски объ искусствѣ, наукѣ, литературѣ и исторіи. Во время этой бесѣды я рискнулъ задать вопросъ о польской поэзіи. Е. в. отвѣчалъ: „мы имѣемъ недурныя мелкія стихотворенія и посредственную эпическую поэму; но лучшее поэтическое произведеніе на нашемъ языкѣ—это прекрасный переводъ „Освобожденнаго Іерусалима“ Тасса, которое стоитъ несравненно выше всѣхъ переводовъ этой безподобной поэмы на другихъ языкахъ; нѣкоторые италіанцы, которымъ нельзя отказать во

вкусѣ и въ пониманіи, считаютъ его по слогу не ниже оригинала". Я перевелъ разговоръ на историческія сочиненія; король сказалъ, что у нихъ нѣтъ на своемъ языкѣ хорошей исторіи Польши; онъ считаетъ это большимъ пробѣломъ, но выразилъ надежду, что этотъ пробѣлъ будетъ вскорѣ пополненъ, такъ какъ надъ исторіей Польши работаетъ теперь человѣкъ высоко образованный и большого ума (епископъ смоленскій Нарушевичъ), какъ нельзя болѣе подходящій для этой работы. Когда я выразилъ удивленіе по поводу столь страннаго обстоятельства, то е. в. замѣтилъ: „мы имѣемъ нѣсколько прекрасныхъ историковъ, но всѣ они писали по-латыни; у насъ всѣ знаютъ этотъ языкъ; до царствованія Сигизмунда-Августа законы писались по-латыни; при немъ ихъ стали писать на польскомъ языкѣ; всѣ древніе Pacta conventa написаны по-латыни; при Владиславѣ IV они появились впервые на польскомъ языкѣ". Этотъ интересный разговоръ былъ прерванъ княземъ, предложившимъ пройтись передъ ужиномъ по саду; онъ пошелъ впередъ; всѣ слѣдовали за нимъ, пройдя по длинному, извилистому подземному корридору, тускло освѣщенному лампами, которыя бросали мерцающій свѣтъ; мы подошли къ дверямъ, которыя напоминали входъ въ какую-то лачугу, дверь отворилась, и мы увидѣли великолѣпную ротонду, съ изящнымъ симметричнымъ куполомъ, освѣщенную безчисленными лампами; полукругомъ были расположены четыре ниши, раздѣленныя колоннами изъ искусственнаго мрамора, въ нишахъ стояли диваны, стѣны были расписаны фресками, изображавшими торжество Вакха, Силенуса, Любви и побѣду русской императрицы надъ турками. Въ то время какъ мы осматривали чудную отдѣлку этой ротонды, раздалась восхитительная музыка, исполняемая невидимымъ оркестромъ, и какъ бы по волшебству былъ накрытъ роскошный столъ. Мы усѣлись за ужинъ вмѣстѣ съ королемъ, принцемъ и избраннымъ обществомъ. Мы были въ восторгѣ отъ красоты зала, гостепріимства принца и благосклонности короля, который не только не стѣснялъ общество, но оживлялъ его своимъ веселымъ характеромъ и былъ его душою. Я не запомню такъ пріятно проведеннаго вечера; разговоръ былъ оживленный и остроумный; король могъ бы считаться самымъ пріятнымъ и любезнымъ собесѣдникомъ въ Европѣ даже въ томъ случаѣ, если бы его не осѣнялъ блескъ короны; у него всегда имѣется изумительный запасъ интересныхъ разговоровъ, всякій разъ какъ я имѣлъ честь быть въ его обществѣ, я обогащался свѣдѣніями и уходилъ отъ него въ восторгѣ.

Я неоднократно восторгался изяществомъ и роскошью, съ какой обставлены дома и дачи польскихъ магнатовъ, относительно отдѣлки домовъ и меблировки они затмили англичанъ и французовъ; они

очень изобрѣтательны по части удовольствій, и такъ какъ они не жалѣютъ денегъ и обладаютъ вкусомъ, то имъ удается устраивать очаровательныя празднества.

Намъ приходилось ежедневно пользоваться ихъ гостепріимствомъ и любезностью, но нигдѣ намъ не было предложено столько развлеченій, какъ на fête champêtre у княгини Чарторыйской, который я попытаюсь описать.

Повонзки—загородный дворецъ князя Адама Чарторыйскаго находится въ трехъ миляхъ отъ Варшавы, въ лѣсу; мѣстность почти ровная; только кое-гдѣ встрѣчаются маленькія отлогости, которыя пріятно разнообразятъ ландшафтъ. Паркъ разбитъ въ англійскомъ вкусѣ; великолѣпныя лужайки смѣняются группами деревъ, по лѣсу и по берегу хорошенькой рѣчки проложены дорожки.

Домъ стоитъ на небольшомъ пригоркѣ и похожъ на избу, сложенную изъ бревенъ и крытую соломой: кромѣ главнаго дома есть нѣсколько отдѣльныхъ домовъ для дѣтей и челяди; каждый домъ окруженъ палисадникомъ и заборомъ; они производятъ впечатлѣніе разбросанной деревушки. Въ паркѣ построены бесѣдки, павильоны, навѣсы, руины; конюшни построены въ видѣ полуразрушеннаго амфитеатра. Поэтичные мостики, сдѣланные изъ стволовъ и вѣтокъ, придаютъ много прелести этой сельской картинѣ.

Пріѣхавъ къ княгинѣ, мы отправились въ домъ, гдѣ она уже ожидала насъ. Мы предполагали, что ея домъ убранъ въ родѣ крестьянской избы, и были не мало изумлены роскошью и изяществомъ обстановки и предметами роскоши, которые могъ собрать только человѣкъ богатый и одаренный вкусомъ. Всѣ комнаты отдѣланы самымъ роскошнымъ образомъ; особенно поражаетъ роскошью ванная комната; ея стѣны покрыты маленькими квадратами изъ дрезденскаго фарфора, полъ и потолокъ расписаны великолѣпными гирляндами; отдѣлка этой комнаты стоила неимовѣрныхъ денегъ, ибо каждый квадратикъ фарфора стоитъ въ Дрезденѣ три дуката. Осмотрѣвъ всѣ комнаты, мы прошли въ загороженное мѣсто подлѣ дома, которое было окружено большими кусками гранита и срубленными деревьями, разставленными самымъ живописнымъ образомъ; тутъ мы пили чай на лужайкѣ. Затѣмъ прошли въ домики, гдѣ помѣщаются дѣти княгини; они построены въ разныхъ стиляхъ, но всѣ одинаково изящно.

Гуляя по парку, мы подошли къ роскошной турецкой палаткѣ, стоявшей на лужайкѣ близъ развалинъ амфитеатра. Эта палатка принадлежала нѣкогда великому визирю и была захвачена во время послѣдней русско-турецкой войны: внутри ея стоялъ диванъ; на полу былъ разостланъ коверъ. Тутъ мы бесѣдовали до сумерекъ, когда

княгиня предложила намъ вернуться въ домъ, и провела насъ черезъ всѣ комнаты къ маленькому холмику, гдѣ горѣла роскошная иллюминація. Мостикъ, перекинутый черезъ широкій прудъ, былъ густо усаженъ нѣсколькими тысячами разноцвѣтныхъ лампочекъ, которыя отражались въ водѣ; эффектъ былъ поразительный; казалось, будто въ воздухѣ повисъ какой-то блестящій кругъ. Пока мы любовались этимъ прелестнымъ зрѣлищемъ, стоявшій по близости оркестръ услаждалъ нашъ слухъ своей игрою. Затѣмъ насъ повели по иллюминованному мостику къ навѣсу, который поддерживался колоннами обвитыми гирляндами цвѣтовъ; тутъ была приготовлена холодная закуска, и насъ попросили къ столу заставленному всевозможными яствами, дорогими винами и фруктами. Вечеръ былъ восхитительный, зрѣлище было поэтичное, угощенье самое утонченное; всѣ были весело настроены, да и могло ли быть иначе, когда наша прелестная хозяйка, съ присущимъ ей вкусомъ и изобрѣтательностью, сдѣлала все возможное для увеселенія своихъ гостей?

Поужинавъ, мы встали изъ-за стола, и я думалъ, что пора было разъѣхаться по домамъ; но насъ ожидали новыя развлеченія: внезапно въ саду зажглась иллюминація; мы разбрелись по саду и наслаждались звуками духовой музыки, игравшей въ разныхъ концахъ сада. Затѣмъ мы перешли обратно по мостику и возвратились въ домъ, гдѣ двѣ старшія дочери княгини, въ изящныхъ греческихъ костюмахъ исполнили граціозный польскій и казацкій танецъ. Старшій сынъ княгини, мальчикъ лѣтъ восьми, протанцовалъ съ большимъ увлеченіемъ характерный англійскій и мѣстный польскій танецъ. Былъ уже третій часъ ночи; такъ какъ всему бываетъ конецъ то мы простились съ хозяйкой, поблагодаривъ ее отъ всего сердца за доставленное удовольствіе. Невозможно себѣ представить болѣе восхитительнаго fête champêtre; я увѣренъ, что едва-ли кому-нибудь можетъ выпасть счастье видѣть подобный праздникъ два раза въ жизни.

Наканунѣ нашего отъѣзда мы обѣдали у епископа Плоцкаго, брата короля, въ его Яблоновскомъ имѣніи, въ восьми миляхъ отъ Варшавы на берегу Вислы; домъ, въ которомъ онъ жилъ, построенъ по плану короля и на его счетъ. Одна изъ комнатъ, называемая турецкой залой, замѣчательна по изяществу и оригинальности; продолговатая, очень высокая, она убрана въ восточномъ вкусѣ, посреди бьетъ фонтанъ, окруженный цвѣтникомъ; вдоль стѣнъ разставлены турецкіе диваны. Ароматъ великолѣпныхъ цвѣтовъ всевозможныхъ оттѣнковъ и журчанье прозрачнаго какъ хрусталь фонтана производятъ чарующее впечатлѣніе; все это вмѣстѣ взятое дѣлаютъ эту комнату очаровательнымъ уголкомъ въ жаркіе лѣтніе дни.

Вечеромъ мы отправились съ княземъ Станиславомъ къ его величеству, увѣренные въ томъ, что мы проведемъ время самымъ пріятнымъ образомъ; но намъ отравляла удовольствіе мысль, что это послѣдній вечеръ, который мы проводимъ въ обществѣ этого монарха. Слѣдующій разговоръ свидѣтельствуетъ о его человѣколюбіи: „Вы осматривали тюрьмы, сказалъ онъ, я боюсь, что вы нашли ихъ въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи“.

Говорить обо всѣхъ замѣченныхъ мною недостаткахъ, коль скоро я зналъ, что король не могъ устранить ихъ, было бы съ моей стороны невѣжливо. Поэтому я старался смягчить свой отвѣтъ, замѣтивъ, что въ нѣкоторомъ отношеніяхъ онѣ обставлены лучше, нежели въ Англіи,—что было вполнѣ справедливо. „Меня удивляетъ“, возразилъ король, „что нація, справедливо славящаяся своимъ человѣколюбіемъ, пренебрегаетъ столь важной отраслью администраціи“.

Тогда я рѣшился, со всевозможной осторожностью, указать на одинъ недостатокъ, замѣченный мною въ Варшавскихъ тюрьмахъ, который е. в. могъ бы устранить, а именно, я указалъ на то, что въ тюрьмахъ не было лазаретовъ для арестантовъ; я извинился за сдѣланное мною замѣчаніе, которое было вызвано состраданіемъ къ этимъ несчастнымъ. „Всегда пріятно слышать, когда защищаютъ несчастныхъ“, отвѣчалъ король. Я никогда не забуду этихъ словъ, которыя были сказаны съ такимъ чувствомъ, что они видимо шли отъ чистаго сердца. Разговоръ коснулся новаго свода законовъ, который должны были представить на утвержденіе сейма; король съ видимымъ удовольствіемъ говорилъ о законахъ, которые должны были улучшить судопроизводство и сдѣлать его болѣе безпристрастнымъ. „Счастливые англичане“, воскликнулъ король, „вашъ домъ уже отстроенъ, а постройка моего дома еще только начинается“.

Послѣ ужина, который прошелъ такъ же пріятно, какъ и все остальное время, мы откланялись королю. Е. в. освѣдомился, какимъ путемъ мы поѣдемъ далѣе, и указалъ намъ все, что заслуживало на этомъ пути вниманія.

„Ваше величество не упомянули о фабрикахъ, устроенныхъ по вашему повелѣнію въ Гродно“, осмѣлился я замѣтить. „Для англичанина, видѣвшаго фабрики у себя дома, сказалъ онъ, онѣ не представятъ ни малѣйшаго интереса ни въ какой-либо иной странѣ, тѣмъ болѣе въ Польшѣ, гдѣ люди питаютъ отвращеніе къ торговлѣ. Фабрика, основанная въ Гродно, есть только начало, я смотрю на нее лишь какъ на залогъ осуществленія моихъ намѣреній въ будущемъ“. Я упомянулъ также о новомъ уставѣ Виленскаго университета.

„Васъ вводитъ въ заблужденіе сходство названій, сказалъ онъ. Англійскій университетъ стоитъ настолько же выше подобныхъ учрежденій въ другихъ странахъ, насколько ваша нація стоитъ выше остальныхъ въ литературѣ, наукѣ и искусствѣ. Виленскій университетъ является только прообразомъ того, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ долженъ бы быть, но осмотръ его не можетъ быть особенно интересенъ для путешественника“.

Выразивъ свое сожалѣніе по поводу того, что мы такъ скоро уѣзжаемъ изъ Варшавы, король удалился, пожелавъ намъ счастливаго пути.

Таковы были замѣтки, занесенныя мною въ записную книжку въ Варшавѣ въ 1779 г.; во вторичное посѣщеніе мною этой столицы въ 1785 г. я могъ добавить къ этому весьма немногое“.

Посѣтивъ Варшаву вторично въ 1785 г., В. Коксъ записалъ въ своемъ дневникѣ 29 мая: „Описавъ однажды мое представленіе Станиславу-Августу и оказанный имъ мнѣ пріемъ, я не буду повторять, какихъ знаковъ благоволенія и вниманія я удостоился отъ этого монарха, и какой любезный пріемъ былъ оказанъ мнѣ и этотъ разъ польскими магнатами.

Во время моего перваго пребыванія въ Польшѣ она была какъ бы русской провинціей, управлявшейся намѣстникомъ Екатерины II. Вліяніе короля было такъ ничтожно, что всякій разъ какъ освобождалась какая-нибудь должность, даже во дворцѣ короля, ее замѣщали не иначе какъ съ вѣдома и согласія русскаго посланника. Говоря мнѣ объ этомъ, графъ Штакельбергъ присовокупилъ: „Надняхъ, напр., меня замучили разговорами по поводу смерти одного пажа“.

Другой случай, переданный мнѣ тѣмъ же лицомъ, еще нагляднѣе свидѣтельствуетъ объ огромномъ вліяніи, какое Россія имѣетъ на Польшу, и о крайне зависимомъ положеніи ея короля. Штакельбергу было повелѣно императрицей помочь королю и добиться того, чтобы сеймъ ассигновалъ извѣстную сумму денегъ на уплату его долговъ, доходившихъ до 10.000.000 флориновъ; посланнику было приказано дѣйствовать тайно, и только въ крайнемъ случаѣ заявить о своемъ желаніи открыто. Король хотѣлъ обратиться къ сейму съ просьбою объ ассигнованіи этой суммы, но, убѣдившись въ оппозиціонномъ настроеніи его главныхъ вождей, онъ счелъ благоразумнѣе просить объ ассигнованіи всего 7.000.000 флориновъ. Но всѣ такъ возстали противъ этого, что онъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ. На другой день, рано утромъ, друзья короля сообщили русскому посланнику, что е. в. въ полномъ отчаяніи, и просили его употребить все свое вліяніе на сеймъ, на что онъ согласился и достигъ желаемаго.

По этому поводу я долженъ привести одинъ любопытный анекдотъ, который я не рѣшался разсказать въ то время, когда дѣйствующія въ немъ лица еще были живы, такъ какъ онъ свидѣтельствуетъ о крайней чувствительности короля и показываетъ, до какой степени онъ стѣснялся въ присутствіи русскаго посланника. Когда король показывалъ намъ свой загородный дворецъ, и мы проходили съ нимъ въ сопровожденіи графа Штакельберга по верхнему этажу, я увидѣлъ въ библіотекѣ на столѣ книгу, содержавшую главные акты, касающіеся раздѣла Польши (Recueil des déclarations notes et faits principaux qui ont precedé et accompagné la Diète Confédérée depuis le 18 septembre 1772 jusqu'au 14 mai 1773). Когда я выразилъ желаніе познакомиться съ документами, относящимися къ этому знаменательному событію, и обратился съ этой просьбою къ его величеству на англійскомъ языкѣ, то король прервалъ меня, приложивъ палецъ къ губамъ, какъ будто прося меня замолчать, и прошелъ въ другую комнату. По окончаніи ужина одинъ изъ придворныхъ провелъ меня въ библіотеку. Войдя въ нее, я засталъ короля одного; онъ стоялъ подлѣ стола.

„Я замѣтилъ“, сказалъ онъ, указывая на книгу, „что васъ очень интересуетъ эта книга. Вамъ показалось, быть можетъ, что я нѣсколько рѣзко прервалъ ваши вопросы; но мнѣ не хотѣлось говорить объ этомъ при русскомъ посланникѣ“. Затѣмъ дрогнувшимъ голосомъ въ крайнемъ возбужденіи онъ упомянулъ объ угрозахъ прусскаго, австрійскаго и русскаго дворовъ.

„Если бы я имѣлъ время разсказать вамъ исторію этого богатаго событіями времени, сказалъ онъ, и вы бы знали, какія угрозы дѣлалъ мнѣ русскій посланникъ, и до какой степени я былъ увѣренъ въ томъ, что, отказавшись подписать актъ раздѣла, я погублю свою семью, то это послужило бы мнѣ оправданіемъ въ томъ, что я не выказалъ достаточной твердости, въ чемъ меня обвиняли. Эта книга содержитъ главные акты этого злополучнаго договора; они оправдываютъ мое поведеніе. Вы найдете въ ней декларацію посланниковъ трехъ державъ, отвѣты польскихъ министровъ и четыре рѣчи, произнесенныя мною на сеймѣ, изъ коихъ увидите, что я не скрывалъ своихъ чувствъ и открыто выразилъ свое отвращеніе къ акту раздѣла“. При этомъ онъ повторилъ вступительныя слова рѣчи, произнесенной имъ 10-го мая, и съ особеннымъ удареніемъ произнесъ слова, коими онъ обратился къ народу съ вопросомъ, нарушилъ ли онъ хоть разъ одну изъ статей Pacta Conventa.

Онъ такъ волновался, вспоминая объ этомъ, что у него упалъ голосъ, и по его щекамъ покатились слезы; схвативъ книгу, онъ

далъ ее мнѣ въ руки, присовокупивъ: „это мое единственное оправданіе, прочтите ее и судите мое поведеніе; я счастливъ, что могу подарить ее англичанину, котораго я уважаю". Онъ поклонился, и я вышелъ.

Впечатлѣніе, произведенное на меня этой сценой, никогда не изгладится изъ моей памяти, и я сохраняю эту книгу какъ реликвію на память объ этомъ благородномъ и несчастномъ монархѣ.

(Записано въ дневникѣ Кокса, іюня 1-го 1801 года).

Польши болѣе не существуетъ! Уничтоженіе избирательной монархіи и учрежденіе новой конституціи на основѣ наслѣдственной монархіи, которая подала народу радужныя надежды на освобожденіе отъ иноземнаго вліянія, были кратковременны. Когда Великобританія, заботившаяся объ освобожденіи Польши, прекратила свои вооруженія противъ Россіи и Австрія была вовлечена въ распрю съ Франціей, то Польша была окончательно предоставлена своей судьбѣ. Императрица Екатерина II, продиктовавъ миръ туркамъ, соблазнила короля прусскаго, предложивъ ему Данцигъ и Торнъ, которые поляки не соглашались уступить ему, въ видѣ вознагражденія за гарантіи съ его стороны ихъ новой конституціи. Въ результатѣ Польша была наводнена русскими и прусскими войсками, вынуждена отказаться отъ прежней конституціи и подчиниться новому раздѣлу, который былъ совершенъ въ 1793 г. и лишилъ ее половины ея населенія и доходовъ.

Когда Польша очутилась въ этомъ нелѣпомъ положеніи, безъ арміи, безъ доходовъ и безъ единодушія, то горсточка смѣльчаковъ, подъ предводительствомъ Косцюшки, сдѣлала отчаянное усиліе, чтобы отстоять независимость страны. Но это войско, послѣ кратковременныхъ успѣховъ, было разбито превосходными силами русскихъ и пруссаковъ; король былъ вынужденъ отречься отъ престола, и страна была раздѣлена между Россіей, Пруссіей и Австріей.

Всѣ эти событія слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы стоило повторять ихъ, но интересна судьба доблестнаго монарха, вся жизнь котораго была рядомъ самыхъ необычайныхъ и бѣдственныхъ событій.

Станиславъ, послѣ своего отреченія отъ престола, проживалъ въ Гродно, какъ бы въ качествѣ военно-плѣннаго. Его значительные долги были уплачены, и онъ получалъ ежегодно 200.000 дукатовъ. На выраженное имъ желаніе уѣхать изъ королевства, гдѣ онъ не хотѣлъ жить въ качествѣ подданнаго, императрица предложила ему

дворецъ въ Москвѣ, но онъ просилъ позволенія уѣхать въ Римъ, гдѣ нашли себѣ пріютъ многіе монархи, лишившіеся престола, и гдѣ его любовь къ искусству могла смягчить его горе по поводу утраты короны. Получивъ это позволеніе, онъ уже собирался въ путь, но ему пришлось отказаться отъ этого плана, вслѣдствіе вторженія въ Италію французовъ. Тогда онъ выразилъ желаніе переѣхать въ Митаву, но въ это время скончалась императрица Екатерина II; тогда Станиславъ обратился съ тою же просьбою къ Павлу. Императоръ отвѣтилъ ему собственноручно, приглашая его въ Петербургъ; король счелъ это приглашеніе за приказаніе и не посмѣлъ ослушаться.

Станиславъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ 1797 г. и по повелѣнію императора поселился въ Мраморномъ дворцѣ.

Въ первую зиму императоръ и весь дворъ относились къ нему съ уваженіемъ и предупредительностью, и Станиславъ со свойственнымъ ему добродушіемъ принималъ, видимо съ удовольствіемъ, участіе въ великолѣпныхъ празднествахъ, которыя русскіе дворяне устраивали для столь знатнаго иностранца. Онъ бывалъ запросто у сановниковъ; о его бывшемъ величіи напоминало при этихъ посѣщеніяхъ лишь присутствіе въ передней двухъ пажей, но съ того момента, какъ онъ вступалъ въ комнату, онъ выдѣлялся отъ прочихъ посѣтителей, лишь какъ самый любезный членъ общества, по-прежнему любилъ театръ, и частные спектакли, устраиваемые знатью, доставляли ему, повидимому, большое удовольствіе; онъ даже устроилъ въ Мраморномъ дворцѣ небольшую сцену.

Большое развлеченіе доставляла ему его любовь къ произведеніямъ искусства; ему было разрѣшено составить коллекцію изъ немногихъ произведеній, уцѣлѣвшихъ при всеобщемъ разгромѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей были приняты императоромъ (Павломъ) въ даръ; другія были распредѣлены по разнымъ дворцамъ; двѣ статуи изумительной работы были поставлены въ великолѣпной георгіевской залѣ, какъ подарокъ Станислава, поднесенный въ то время, когда онъ пользовался гостепріимствомъ Павла I.

Когда погода и здоровье позволяли, то король катался по утрамъ верхомъ на своей маленькой любимой лошадкѣ, которая находилась у него уже нѣсколько лѣтъ и, какъ онъ зачастую вспоминалъ съ любовью, служила ему въ самые критическіе моменты его жизни. Въ этихъ прогулкахъ его сопровождалъ адъютантъ, конюшій, пажи, многочисленная свита; жители Петербурга оказывали ему такія же почести, какъ членамъ царской фамиліи. Но онъ соблюдалъ всѣ эти церемоніи, только повинуясь желанію императора, а не потому, чтобы подобный королевскій кортежъ доставлялъ ему какое-либо удовольствіе.

Для лѣтняго пребыванія бывшаго короля польскаго, императоръ назначилъ Каменноостровскій дворецъ, въ которомъ онъ самъ жилъ въ бытность свою великимъ княземъ. Живя въ этомъ дворцѣ, Станиславъ посѣщалъ сосѣднихъ помѣщиковъ, бывалъ при дворѣ въ Гатчино и ѣздилъ на празднества въ Петергофскій дворецъ.

Семейство короля состояло изъ его сестры, вдовы подольскаго воеводы Ивана Замойскаго, ея дочери и зятя, который былъ его гофмаршаломъ, его незаконнаго сына Цихотскаго, бывшаго его адъютантомъ, ксендза француза и двухъ камергеровъ. Эти господа да два—три лица, занимавшія при немъ оффиціальныя должности, обѣдали вмѣстѣ съ королемъ. Прочія лица свиты выросли при немъ и служили ему съ неизмѣнной преданностію, не взирая на всѣ превратности судьбы. Въ числѣ ихъ былъ глухонѣмой, который, изучивъ привычки своего монарха и обладая большимъ умомъ, какъ это бываетъ нерѣдко съ обиженными природою людьми, былъ полезенъ королю, исполняя приказанія, которыя иной, менѣе преданный человѣкъ не могъ бы выполнить.

Подчиняясь мѣстному обычаю, король обѣдалъ въ три часа; иногда онъ давалъ обѣды, на которые съѣзжалось не мало постороннихъ лицъ, но обыкновенно къ его столу приглашалось всего нѣсколько человѣкъ, коихъ онъ допускалъ въ свой интимный кругъ; въ такомъ тѣсномъ кругу онъ былъ самымъ любезнымъ и словоохотливымъ хозяиномъ.

Послѣ обѣда всѣ немедленно удалялись. Король уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ онъ оставался до тѣхъ поръ, пока его камердинеръ не докладывалъ ему о пріѣздѣ посѣтителей; тогда онъ возвращался въ зало. Тотчасъ составлялся кружокъ; всѣ толпились около него, никто не осмѣливался сѣсть; король подходилъ то къ одному, то къ другому, соблюдая какъ бы нѣкоторый придворный этикетъ. По окончаніи этой церемоніи, король, если не предстояло какихъ-нибудь особенныхъ развлеченій, уходилъ снова въ кабинетъ; вечеромъ онъ принималъ близкихъ знакомыхъ и иногда угощалъ ихъ музыкой, которую онъ очень любилъ. Эти часы отдохновенія представляли особенный интересъ для тѣхъ, кои имѣли честь составлять его интимный кружокъ, такъ какъ въ это время дня его бесѣда была болѣе непринужденна и благодаря его любезности, утонченному вкусу и разсказамъ изъ его богатой событіями жизни, оставляла неизгладимое впечатлѣніе.

Его расположеніе къ Англіи оставалось неизмѣннымъ; его особенно интересовалъ нашъ домашній бытъ и практическое примѣненіе тѣхъ конституціонныхъ началъ, съ которыми онъ былъ знакомъ изъ книгъ. Король всегда упоминалъ съ большимъ сочувствіемъ

объ Оксфордскомъ университетѣ, и былъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что онъ былъ имъ удостоенъ ученой степени.

Онъ былъ пораженъ, просматривая экземпляръ университетскаго устава, показаннаго ему однимъ англичаниномъ. „Я былъ изумленъ“, сказалъ онъ, „тѣмъ, что такое ученое общество, какъ Оксфордскій университетъ, имѣетъ такой обветшалый статутъ. Но тутъ происходитъ то же самое, что съ вашей конституціей; хотя въ ней сохранилось много архаическихъ статей, но на практикѣ все идетъ прекрасно. Ничто такъ не говоритъ въ пользу здраваго смысла англійской націи, какъ тотъ фактъ, что вы въ состояніи приложить конституціонную мѣрку ко всему, и что въ то время, какъ ваши законы кажутся иностранцу крайне спутанными, на дѣлѣ изъ нихъ вытекаетъ строгій порядокъ“. Въ дальнѣйшей бесѣдѣ онъ замѣтилъ: „Ваши писанные законы кажутся иностранцу мало обѣщающими; но они поражаютъ его въ примѣненіи на практикѣ. Намъ знакомы съ вами страны, которыя имѣютъ прекрасные писанные законы (онъ намекалъ очевидно на сводъ законовъ Фридриха II и Екатерины II); но при ихъ практическомъ примѣненіи они весьма мало служатъ на пользу подданнымъ“.

Станиславъ тщательно избѣгалъ всякаго намека на свой королевскій санъ и на событія своего злополучнаго царствованія; если ему приходилось случайно вспомнить прошлое, то его охватывало такое волненіе, и онъ видимо такъ скорбѣлъ обо всемъ, что собесѣдники считали долгомъ перемѣнить разговоръ.

Еще болѣе волновали его изъявленія преданности со стороны поляковъ, которые, входя въ комнату, когда у него собирались близкіе, хватали его руку и цѣловали ее съ изъявленіемъ восторженной преданности. Трудно передать, какія горестныя чувства волновали при этомъ каждый разъ низверженнаго съ престола монарха.

Такова была съ внѣшней стороны частная жизнь короля во время его пребыванія въ Петербургѣ. Положеніе его значительно ухудшалось плохимъ состояніемъ его финансовъ и причудливымъ поведеніемъ Павла.

Хотя онъ получалъ аккуратно свою ежегодную пенсію въ размѣрѣ 200.000 дукатовъ, но ему доставляло не мало заботъ, когда кредиторы, ссужавшіе его деньгами въ то время, когда онъ нуждался, требовали уплаты долга; или когда къ нему обращались съ просьбою о помощи или объ уплатѣ жалованья тѣ, кои служили ему вѣрою и правдою и бѣдствовали изъ-за него. Чуть не каждая почта приносила ему письма изъ Польши отъ его приверженцевъ съ просьбами о присылкѣ денегъ, которыхъ онъ не въ состояніи былъ удовлетворить.

Бывшему монарху приходилось терпѣть униженія со стороны своенравнаго русскаго императора, что чрезвычайно огорчало его. Первое время Павелъ осыпалъ его знаками вниманія и уваженія; но какъ только первое впечатлѣніе отъ его появленія въ Петербургѣ улеглось, несчастный монархъ то и дѣло сталъ подвергаться оскорбленіямъ, и хотя это кажется совершенно невѣроятнымъ, но его заставляли показываться въ обществѣ только для того, чтобы оскорблять его.

Онъ былъ вынужденъ присутствовать при коронованіи императора въ Москвѣ и выслушать чтеніе акта, коимъ часть его королевства присоединялась къ Россійской имперіи. Во время этой церемоніи, ослабѣвъ отъ утомленія и волненія чувствъ, онъ осмѣлился прислониться къ своему креслу, но императоръ пріостановилъ чтеніе акта и послалъ своего адъютанта сказать ему, чтобы онъ всталъ. Въ послѣдній годъ его жизни неудовольствіе Павла обрушилось на всѣхъ тѣхъ, кои осмѣливались приблизиться къ нему; поэтому русскіе совсѣмъ перестали являться къ бывшему королю во дворецъ, и его посѣщали почти исключительно одни иностранцы и кое-кто изъ его бывшихъ подданныхъ. Ихъ присутствіе видимо ободряло его, и онъ считалъ каждое ихъ посѣщеніе скорѣе знакомъ расположенія, нежели вниманія.

Казалось, будто король переносилъ суровое обращеніе императора Павла добродушно и хладнокровно; но у себя дома онъ такъ страдалъ, что это нельзя передать словами. Онъ потерялъ сонъ; окружающіе слышали по ночамъ, какъ онъ тяжко стоналъ, рыдалъ, взывалъ къ небу и своими возгласами приводилъ въ ужасъ тѣхъ, кто спалъ въ сосѣдней комнатѣ.

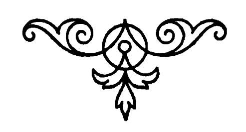
За нѣсколько дней до смерти король какъ бы примирился со всѣмъ и съ видимымъ удовольствіемъ принималъ снова участіе въ развлеченіяхъ маленькаго кружка своихъ приближенныхъ. Въ день смерти онъ всталъ въ обыкновенное время, напился кофе и удалился въ извѣстное мѣсто, гдѣ съ нимъ случился апоплексическій ударъ, и гдѣ онъ пролежалъ довольно долго. Когда его нашли въ такомъ положеніи, медицинская помощь оказалась безполезной; онъ обнаруживалъ лишь слабые признаки жизни и произносилъ только какія-то безсвязныя слова на французскомъ языкѣ, которыя были истолкованы присутствующими, какъ желаніе пригласить духовника. Когда явился ксендзъ и произнесъ молитвы, то король видимо усердно молился, а затѣмъ впалъ въ безпамятство и вскорѣ скончался. Это событіе, пресѣкшее рядъ польскихъ королей, случилось 12 февраля 1798 г.

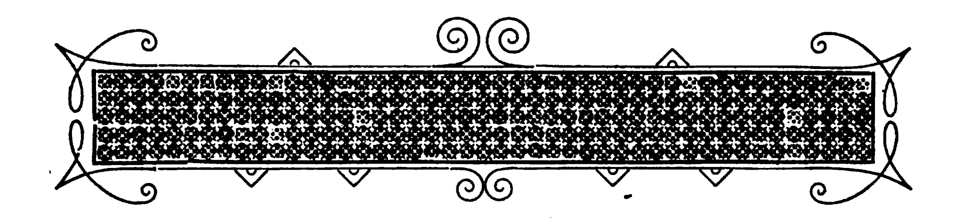
На слѣдующій день тѣло было набальзамировано и положено на

парадномъ одрѣ, а затѣмъ похоронено въ католической церкви съ отданіемъ королевскихъ и военныхъ почестей. Павелъ самъ командовалъ гвардейскими войсками, присутствовавшими на похоронахъ; онъ ожидалъ верхомъ у рѣшетки Мраморнаго дворца и при приближеніи гроба обнажилъ голову и отдалъ покойному честь. Когда печальная процессія прибыла въ костелъ, была отслужена торжественная обѣдня, и исполнена любимая музыка короля, сочиненная по его желанію и никогда еще не исполнявшаяся публично.

Семейство короля уѣхало изъ Петербурга, а изъ его придворныхъ одни были взяты къ большому двору, а другіе получили пожизненныя пенсіи. Его вещи были проданы съ аукціона, даже его одежду постигла эта унизительная процедура. Къ чести русскихъ надобно сказать, что они выказали свое уваженіе къ бывшему королю, собравъ въ память деньги на дѣла благотворительности. Его любимая лошадка была куплена за значительную сумму денегъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ исторіи крѣпостного права.

Однимъ изъ главныхъ тормазовъ русской культуры было крѣпостное право, позорное право человѣка надъ человѣкомъ, право попранія лучшихъ человѣческихъ чувствъ. Мрачной и смрадной полосой проходитъ оно въ нашей исторіи на протяженіи почти трехъ вѣковъ. Много по поводу этого написано, много сдѣлано излѣдованій, но всего этого слишкомъ мало для полной картины ужаснаго права. Каждая мелочь въ этомъ отношеніи достойна вниманія. Сколько тайнъ сохранено въ нѣдрахъ нашихъ помѣщичьихъ усадебъ, сколько ужасныхъ драмъ тамъ разыгралось. Тайны эти ревниво оберегались, но все же мало-по-малу дѣлалась достояніемъ науки и общества.

Счастливый случай время отъ времени приподымалъ таинственную завѣсу, и зритель поражался ужасомъ и безчеловѣчностью скрытыхъ тамъ тайнъ. Одна изъ такихъ драмъ разыгралась въ ночь съ 6-го на 7-е мая 1798 года въ селѣ Басмановѣ Балашовскаго уѣзда Саратовской губерніи въ имѣніи прапорщика Ардабѣева. Вотъ какъ этотъ случай описанъ въ рапортѣ саратовскаго прокурора Заварицкаго на имя генералъ-прокурора князя Куракина [1]):

Его Сіятельству

Высокопревосходительному Господину Дѣйствительному Тайному Совѣтнику, Генералъ Прокурору, департамента удѣловъ Министру, Государственнаго Ассигнаціоннаго Банка Главному директору, Рос-

---

[1]) Въ приводимомъ здѣсь документѣ сохранена всецѣло ореографія подлинника. Дѣло Архива Саратовской Ученой Архивной губернской комиссіи № 3766.

сійскихъ орденовъ кавалеру казначею Государственнаго вспомогательнаго банка, Банка для дворянства Главному Попечителю, дѣйствительному Каммергеру Князь Алексѣю Борисовичу Куракину.

Саратовской Губерніи отъ Прокурора Заварицкаго

РАПОРТЪ.

Сего Маія съ 6-го на 7-е ночью Балашовской округи въ селѣ Басмановѣ Помѣщикъ Прапорщикъ Ардабѣевъ съ женою и малолѣтнимъ сыномъ съ домомъ своимъ сгорѣли.—По извѣщенію о семъ нижній Земскій Судъ на мѣстѣ производилъ слѣдствіе, по которому открылось, что дворовыми Его людьми и крестьянами домъ зазженъ; и что когда помѣщикъ ихъ пробудился и хотѣлъ выбежать въ сѣни, то стоящіе тутъ два человѣка съ дубинами, ударивъ Его повѣргли на земъ и потомъ кинжаломъ лишили жизни; Женажъ Его выбѣжавъ хотя и укрылась было въ плѣтневой клевъ, но одинъ изъ злодѣевъ тѣхъ, увидя вытащилъ за волосы, а другіе присоединясь тутъ же убили и ея до смерти, и въ мѣстѣ съ мужемъ бросили въ огонь; а малолѣтняго ихъ сына хотѣвшаго выскочить изъ сѣней увидѣвъ одна изъ женщинъ толкнула паки въ оные: равнымъ образомъ и дворовую дѣвочку бѣжавшую уже къ баннымъ сѣнямъ одинъ изъ преступниковъ поймавъ бросилъ живую въ огонь, и такъ всѣ четверо кончили тутъ свою жизнь.

Убійцы напослѣдокъ признались и отосланы къ суду, которому съ предложенія моего на истрожайше подтверждено дѣло сіе въ самой скорости на основаніи Законовъ кончить.—Наконецъ когда преступники показали, что они прежде пожара выкрали изъ кладовой лутчее Господское имѣніе, то Нижній Земскій судъ съ собравшимися родственниками убитыхъ и дворянствомъ объискивали въ ихъ домахъ, и когда у однаго изъ нихъ Данилы Тимофѣева часть онаго нашли, то жена его бросилась подъ столъ съ намѣреніемъ ножемъ лишить себя жизни, но была остановлена и здѣланная ею рана оказалась не опасною.

Губернскій Прокуроръ Никифоръ Заварицкій.

№ 264-й.
Маія 22-го дня 1798 года.

Къ сожалѣнію, въ архивѣ сохранился только этотъ одинъ рапортъ, куда дѣвалось остальное дѣло—неизвѣстно, а благодаря этому многое въ этой драмѣ не выяснено. Что дѣлалъ г. Ардабѣевъ съ своими крестьянами, и чѣмъ онъ ихъ довелъ до такаго ужаснаго самосуда?

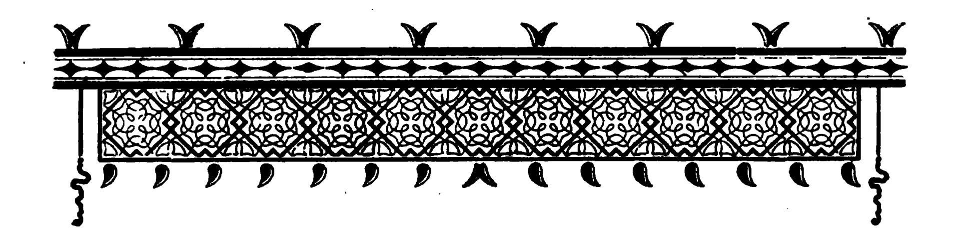
Много должно было накипѣть на многострадальномъ крестьянскомъ сердцѣ раньше, чѣмъ они рѣшились убить такъ безчеловѣчно своихъ помѣщиковъ и сжечь ихъ вмѣстѣ съ крошечнымъ ребенкомъ. Виною всему неумолимое „право". Гдѣ крестьянинъ могъ искать защиты и суда? Нигдѣ! Его и за человѣка-то не считали, и вотъ онъ терпѣлъ да терпѣлъ и наконецъ прорвался.

Родная, но крайне тяжелая картина!!—(На рапортѣ сбоку имѣется чья-то надпись: „Здѣлать записку для доклада Государю".). Рапортъ написанъ на полулистѣ очень плотной сѣрой бумаги съ какими-то водяными знаками внутри.

Гор. Саратовъ.

Сообщ. В. А. Штейнъ.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. [1])

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Событія въ Валахіи.

Теперь я хочу дать описаніе о военныхъ и административныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ Валахіи и въ главной квартирѣ генерала Михельсона, до и во время осады Измаила.

Мы уже видѣли, что въ декабрѣ мѣсяцѣ 1806 года Михельсонъ имѣлъ намѣреніе попытаться атаковать Турно, но затѣмъ, увидѣвъ, что эта маленькая крѣпость гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ это предполагалъ, онъ отказался отъ этого плана, который онъ собирался поручить мнѣ. Взятіе этого пункта было бы очень полезно, если бы мы могли снести крѣпость въ 24 часа, а правильная осада ея потребовала бы много людей, дабы въ то же время имѣть силы отразить всякую помощь осажденнымъ и заставить непріятеля вывести всѣ войска изъ Бухареста; въ противномъ случаѣ положеніе нашихъ войскъ въ Валахіи не было бы выгоднымъ. Природа этой страны и крѣпости, которыя турки имѣли на обоихъ берегахъ Дуная, легко давали имъ возможность не только безпокоить насъ, но и при желаніи они могли бы овладѣть нашими передовыми позиціями. Въ теченіе всей зимы происходили безконечныя стычки, которыя не имѣли никакой важности и кончались только потерями съ обѣихъ сторонъ и утомленіемъ людей и лошадей.

Генералъ Уланіусъ былъ начальникомъ аванпостовъ; его пѣхота была расположена вдоль Кильнешти, а кавалерія между рр. Аржишъ

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г., іюль.

и Ольтой, на разстояніи около 140 верстъ. У него были войска даже въ Обилешти. Графъ Сергѣй Каменскій былъ въ Слободзеѣ и наблюдалъ за Силистріей. Галацъ былъ охраняемъ генераломъ Ушаковымъ съ его Одесскимъ полкомъ. Малая Валахія была почти совсѣмъ еще не занята, а войскъ было очень мало для такой растянутой операціонной линіи. Нужно было сконцентрировать большую часть войскъ около Бухареста для того, чтобы защитить этотъ городъ и всю эту богатую и населенную страну, противъ какихъ бы то ни было дѣйствій изъ Рущука, предпринятыхъ Мустафой Байрактаромъ, смѣлымъ разбойникомъ, могущимъ всегда собрать банду въ 20.000 человѣкъ. На зиму въ окрестностяхъ Браилова осталось такъ мало войскъ, что если бы Назиръ-Ахмедъ зналъ бы нашу слабость, онъ могъ бы ею воспользоваться и произвести набѣги на Фокшаны, на Рымникъ, на Бузео и даже на Бырладъ, завладѣть нашими конвоями, курьерами, развѣдчиками, а такъ какъ зима этотъ годъ была очень теплая, то лошади могли бы находить свой кормъ прямо въ полѣ, гдѣ пастбища были покрыты высокой травой. Когда генералъ Михельсонъ отправилъ генер. Каменскаго въ Слободзею, онъ далъ ему приказаніе овладѣть Каларашемъ, но Каларашъ былъ взятъ и безъ помощи Каменскаго. Одинъ капитанъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка Ольшевскій, имѣвшій съ собой только 70 человѣкъ гусаръ и 25 казаковъ, находился въ Обилешти; Михельсонъ приказалъ ему прогнать турокъ изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, но такъ какъ они были въ десять разъ сильнѣе его, то онъ, развѣдавъ объ ихъ силахъ, не рѣшился на активныя дѣйствія и донесъ объ этомъ Михельсону, прося его отмѣнить приказаніе. Михельсонъ ужасно разсердился и послалъ ему грозное требованіе исполнить его приказаніе. Ольшевскій, который больше боялся Михельсона, чѣмъ турокъ, бросился на нихъ и настигъ ихъ при Ульмени, въ 15 верстахъ отъ Обилешти. Они обратились въ бѣгство и очистили отъ своихъ войскъ Ольтеницу, что передъ Туртукаемъ, и даже Каларашъ, передъ Силистріей,—такъ что графъ Каменскій былъ лишенъ возможности сдѣлать прекрасное и длинное донесеніе.

Мы видимъ, что положеніе Михельсона было не безопасно, но тѣмъ не менѣе серьезной опасности ему не угрожало. Въ продолженіе всей зимы у него было только одно значительное дѣло, которое, впрочемъ, окончилось очень невыгодно для насъ. Въ январѣ мѣсяцѣ, 3.000 человѣкъ турецкой конницы вышли изъ Турно и изъ Ольтеницы съ намѣреніемъ потѣснить наши аванпосты и разграбить богатыя деревни, существовавшія еще въ то время между Кильнешти и Ольтой, на Ведѣ и на р. Кольмарицѣ. Полковникъ Ставровскій командовалъ тогда аванпостами и генералъ Михельсонъ

послалъ къ нему полковника Кикина, флигель-адъютанта государя, и бригадъ-маіора Бухарестскаго корпуса; этотъ послѣдній, молодой еще человѣкъ, храбрый и мужественный, но довольно легкомысленный и безъ военной опытности, а можетъ быть желавшій получить крестикъ (всегдашній предметъ желаній всѣхъ молодыхъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ въ армію изъ Петербурга), склонилъ Ставровскаго сразиться съ непріятелемъ. Это было очень неосторожно со стороны Ставровскаго, не имѣвшаго пѣхоты, такъ какъ регулярная кавалерія, окруженная своими фланкерами, не всегда можетъ безопасно дѣйствовать. Ставровскій собралъ 3 эскадрона своего полка, 2 эскадрона Кинбурнскихъ драгунъ, два чугуевскихъ, нѣсколько казаковъ, двѣ пушки донской артиллеріи и напалъ на турокъ около Магуры. Онъ былъ совершенно разбитъ, потерялъ одно орудіе, болѣе 300 человѣкъ у него было убито или взято въ плѣнъ (между прочимъ цѣлый эскадронъ Кинбурнцевъ) и, наконецъ, онъ былъ принужденъ отступить, что̀ было весьма похоже на бѣгство. Турки раззорили нѣсколько деревень и возвратились къ себѣ.

Кикинъ самъ отправился съ донесеніемъ объ этомъ пораженіи къ Михельсону; при этомъ ни однимъ словомъ не обмолвился о своемъ въ немъ участіи, и весь гнѣвъ Михельсона обрушился на бѣднаго Ставровскаго, очень храбраго и умнаго офицера, имѣвшаго только слабость не посмѣть противиться флигель-адъютанту государя.

Но если зима не была особенно богата военными событіями въ Валахіи, то была очень богата интригами. Бухарестъ всегда былъ и будетъ для нихъ распространеннымъ мѣстомъ. Бояре Валахіи, даже среди фанаріотовъ и среди жителей двухъ провинцій, прослыли за самыхъ безнравственныхъ и алчныхъ интригановъ. Въ моихъ описаніяхъ этой страны и ея жителей, еще полудикихъ, и въ картинахъ, которыя я начертилъ, я довольно ясно объяснилъ причины, заставляющія ихъ предпочитать ярмо турокъ владычеству русскихъ. Въ Молдавіи бояре болѣе цивилизованны, чѣмъ въ Валахіи, они не давали такой воли своимъ чувствамъ; по крайней мѣрѣ не препятствовали намъ въ нашихъ операціяхъ, но въ Валахіи, гдѣ встрѣчается масса грековъ, господствуетъ фанарскій духъ, и всѣ интриги тамъ почти открыто направлены противъ русскихъ. Въ Бухарестѣ былъ только небольшой кружокъ бояръ, расположенныхъ къ князю Ипсиланти и къ русской партіи. Во главѣ этой партіи стоялъ Варлаамъ, который, въ войну 1769 г., служилъ офицеромъ въ Апшеронскомъ полку, а затѣмъ долгое время былъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Это былъ человѣкъ искренне преданный русскимъ, но по своей слабохарактерности часто поддающійся вліянію недостойныхъ своихъ союзниковъ и неумѣло дѣйствовавшій въ своихъ сношеніяхъ,

хотя самъ по себѣ онъ былъ очень честенъ, на сколько можетъ имъ быть валахъ. Князь Ипсиланти, покидая Валахію, сдѣлалъ его каймакамомъ, т. е. вице-президентомъ страны. Варлаамъ съ мужествомъ и успѣхомъ продолжалъ дѣло, начатое княземъ, т. е. постройку нашихъ магазиновъ. Благодаря его усердію и заботамъ наша армія получала прекрасную провизію, не дѣлая никакого ущерба казнѣ.

Когда знаешь, какъ трудно въ Валахіи скрывать подобныя дѣла, какъ много Ипсиланти и Варлаамъ насчитывали враговъ среди своихъ соотечественниковъ, какъ легко Варлаамъ могъ своими дѣйствіями возбудить подозрѣнія турокъ, которыя всегда легко могли зародиться, и которыхъ было вполнѣ достаточно, чтобъ головы виновныхъ или невинныхъ скатились бы съ ихъ плечъ, когда знаешь все это, то поймешь, какого восхищенія заслуживаетъ мужество этихъ двухъ людей, особенно послѣдняго, который даже послѣ отъѣзда Ипсиланти остался въ Бухарестѣ, а Россія вѣчно должна чувствовать себя имъ обязанной. Варлаамъ, въ нашихъ глазахъ, имѣлъ еще большую заслугу, такъ какъ онъ дѣйствовалъ только или по приказанію или изъ расположенія къ намъ, а не по тѣмъ политическимъ причинамъ, которыми руководился Ипсиланти. Но за всѣ свои труды, онъ не получилъ никакой награды.

Михельсонъ былъ только солдатомъ и, какъ я уже говорилъ, не имѣлъ понятія ни о политикѣ, ни объ администраціи. Воспитанный такъ, чтобы служить только въ низшихъ чинахъ, онъ, благодаря счастливымъ и необыкновенно сложившимся обстоятельствамъ; достигъ такой должности, которая своимъ высокимъ положеніемъ не соотвѣтствовала его посредственности.

Какъ я уже говорилъ, онъ былъ очень ограниченный и дрожалъ передъ дворомъ и всѣми, кто только, какъ онъ подозрѣвалъ, были тамъ въ милости. Увѣренный, что Милорадовичъ пользовался этой милостію, такъ какъ этотъ послѣдній много самъ говорилъ о ней и ему вѣрили на слово, Михельсонъ совершенно подпалъ подъ его вліяніе и силу.

Милорадовичъ, который зналъ науку управленія не лучше Михельсона, имѣлъ больше смѣлости, гордости и упрямства, плѣнился дочерью одного изъ первыхъ бояръ Валахіи по имени Филипеско, хотя она и не была красавицей, но ему она очень нравилась и онъ не разбиралъ, кому она принадлежитъ, нашимъ друзьямъ, или врагамъ, а вскорѣ ея отецъ завладѣлъ всей администраціей. Константинъ Филипеско наибольшій врагъ русскихъ [1]), главный агентъ

[1]) Кутузовъ, будучи въ Константинополѣ, въ посольствѣ, получилъ отъ двора полный списокъ враговъ Россіи, въ Валахіи, во главѣ ихъ былъ Филипеско.

Александра Сутца, начальника французской партіи въ Константинополѣ, будучи самымъ скрытнымъ и вѣроломнымъ изъ всѣхъ валаховъ, воспользовался этой непростительной слабостью Милорадовича и, продавъ ему свою дочь [1]), овладѣлъ его довѣріемъ, а черезъ него и довѣріемъ Михельсона. Ему удалось бросить подозрѣніе въ измѣнѣ на Ипсиланти и удалить его; поссорить съ нимъ Михельсона, который также смѣнилъ съ должности Варлаама и началъ преслѣдовать, какъ его, такъ и всѣхъ сторонниковъ Россіи, которые по своимъ дѣламъ никакъ не заслуживали такой неблагодарности. Изъ-за этого—многіе сторонники Россіи, возмущенные такимъ недовѣріемъ, перешли на сторону нашихъ враговъ. Всѣ мѣста были розданы смертельнѣйшимъ врагамъ Россіи и извѣстнѣйшимъ шпіонамъ изъ французовъ и турокъ.

Съ этихъ поръ можно было предвидѣть и неуспѣхъ войны и раззореніе страны, производимое Филипеско и его сообщниками съ дерзостью и быстротой, свойственными только подобнымъ администраторамъ.

Всѣ тѣ потери и неудачи, которыя мы понесли вслѣдствіе измѣнническихъ дѣйствій Филипеско, недостатокъ жизненныхъ припасовъ, который мы скоро начали чувствовать, болѣзни, происшедшія изъ-за этого раззоренія государственной казны, недостатокъ средствъ, получаемыхъ со страны, которая могла бы прокормить и содержать всѣ войска и даже пополнить нѣсколько казну—все это произошло вслѣдствіе опрометчивости и безумствъ Милорадовича. О всѣхъ этихъ интригахъ я болѣе подробно буду говорить въ журналѣ кампаніи 1809 г.

Вмѣстѣ съ Михельсономъ пріѣхалъ также нѣкто Родофинаки, дѣйствительный статскій совѣтникъ и членъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ былъ грекъ, очень умный и хитрый, посвященный во всю мусульманскую политику и фанарскія интриги. Онъ отлично все видѣлъ и понималъ, но ему ничего не удалось сдѣлать кромѣ какъ поссориться съ Милорадовичемъ и поэтому, конечно, съ Михельсономъ. Онъ исполнялъ должность дипломата и администратора княжества; ему была поручена вся корреспонденція и охраненіе Дивана Молдавіи и Валахіи. Онъ не ошибся въ своихъ подозрѣніяхъ, относительно цѣли всѣхъ интригъ Филипеско, но онъ также подпалъ подъ вліяніе Милорадовича, подъ которымъ уже находился Михельсонъ

---

[1]) Эта молодая дѣвушка, по своимъ хорошимъ качествамъ, не заслуживала быть жертвою безчеловѣчныхъ разсчетовъ своего отца, но она, по своей молодости и неопытности понадѣялась на обѣщаніе Милорадовича жениться на ней—обѣщаніе, которое онъ забылъ, уже выѣзжая изъ Бухареста.

Вскорѣ онъ былъ удаленъ отъ всѣхъ должностей, а затѣмъ отправленъ въ Сербію, какъ агентъ Россіи при Георгіи Черномъ. Черезъ годъ на его мѣсто назначили Лошкарева, армянина, человѣка очень маленькаго роста, всего четырехъ футъ вышины; онъ имѣлъ, кажется, только одно хорошее качество, а именно: превосходно зналъ всѣ восточные языки, это и заставило его въ 1791 году, на Ясскомъ конгрессѣ, сдѣлаться переводчикомъ. Онъ очень недолго оставался въ нашей арміи.

Князь Ипсиланти, собиравшійся нѣсколько времени назадъ казнить Филипеско, какъ турецкаго шпіона, и, къ сожалѣнію, не сдѣлавшій этого, былъ ужасно удивленъ и возмущенъ, увидѣвъ его во главѣ управленія въ Валахіи.

Раздоръ между Михельсономъ и Ипсиланти дошелъ до послѣдней степени. Утомленные постоянными спорами, они продолжали свою ссору и въ письмахъ, по-французски. Письма Ипсиланти были написаны г-нъ Сенъ-Олифомъ, обладавшимъ краснорѣчіемъ и ядовитостію, тогда какъ письма Михельсона составлялись Соколовымъ, изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и были настолько же безсмысленны, насколько и нелитературны. Донесенія, сдѣланныя Михельсономъ двору, имѣли больше успѣха, нежели его письма. Нашъ министръ, начинавшій уже раскаиваться въ этой начатой роковой войнѣ, на которую его сильно склонялъ Ипсиланти, перенесъ на него всю тяжесть затрудненій, которую она ему причиняла, а также и свое неудовольствіе. Кончилось тѣмъ, что Ипсиланти потерялъ оба княжества и уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ и поселился, какъ частное лицо. Передъ этимъ онъ побывалъ въ Петербургѣ, гдѣ сначала былъ принятъ очень хорошо, а затѣмъ всѣ къ нему какъ-то перемѣнились и стали относиться очень дурно. Сенъ-Олифъ, посланный въ маѣ мѣсяцѣ въ Польшу, въ императорскую главную квартиру, благодаря своему уму, сумѣлъ объяснить Будбергу все положеніе дѣлъ въ Валахіи и всѣ тѣ ложныя мѣры, которыя тамъ принимались. Вслѣдствіе его разъясненій, рѣшили, что Михельсонъ будетъ отозванъ обратно, и на его мѣсто назначенъ генералъ-лейтенантъ графъ Петръ Толстой. Но въ это самое время Ипсиланти, всегда непослѣдовательный и легкомысленный, сдѣлалъ большую ошибку, пріѣхавъ въ лагерь Михельсона (передъ Измаиломъ) и, помирившись съ нимъ, они оба стали согласно писать двору. Михельсонъ остался на своемъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что перемиріе обѣщало будущій миръ съ турками; а Толстой былъ назначенъ посланникомъ въ Парижъ.

Если Ипсиланти сталъ жертвой своего честолюбія и ошибокъ русскихъ генераловъ, то несчастный отецъ его еще болѣе пострадалъ отъ честолюбія своего сына. Вотъ какіе слухи ходили тогда, какъ

достовѣрность, относительно несчастнаго конца этого семидесятилѣтняго старика. Извѣстно, что въ 1789 г. онъ былъ княземъ въ Молдавіи, что онъ былъ захваченъ въ Яссахъ австрійцами и долго жилъ въ Брюнѣ, въ Моравіи. Во время мира онъ возвратился въ Константинополь, гдѣ и зажилъ совершенно скромно и покойно, насколько это возможно въ такой ужасной, деспотической странѣ, гдѣ ни одинъ принципъ нравственности, или правосудія не останавливаетъ министра-варвара отъ исполненія капризовъ или жестокостей своего слабоумнаго и большею частію обманутаго повелителя. Ипсиланти жилъ бѣдно, но считался богатымъ,—непростительное преступленіе въ Турціи. Когда его сынъ такъ открыто объявился противъ турокъ, старику предложили выѣхать въ Одессу.

Онъ воспротивился этому, подъ предлогомъ, будто бы онъ будетъ раскрывать интриги своего сына въ Константинополѣ, но на самомъ дѣлѣ причиной этого было желаніе спасти и скрыть свои богатства. Его оставили, но министры Селима приговорили его къ казни. Въ теченіе 29 дней онъ, а также и его зять Мано, были подвергнуты мученью самыми ужасными пытками (нѣтъ другаго народа болѣе искуснаго въ этихъ жестокостяхъ, какъ турки), но все-таки ни въ чемъ не признались. Его выдалъ одинъ изъ его секретарей, не выдержавшій всѣхъ мученій и открывшій мѣсто, гдѣ его патронъ скрылъ 300.000 піастровъ. Эти деньги были найдены и взяты, а стараго князя и Мано все еще продолжали пытать.

Наконецъ, видя, что и Мано стоитъ на своемъ и не открываетъ имъ ничего, они отпустили ихъ. Страданія и мученія были слишкомъ велики, и онъ вскорѣ послѣ своего освобожденія умеръ. Удивляются еще, какъ онъ, при своей дряхлости и болѣзни, пережилъ всѣ эти пытки, возобновляемыя каждое утро въ продолженіе 4 часовъ. Предполагаютъ, что онъ, вѣроятно, не имѣя силъ больше терпѣть ихъ, началъ обвинять и проклинать Магомета, султана и всѣхъ его палачей, какъ-будто приглашая своихъ мучителей ускорить его конецъ. Но его пытки не такъ бы скоро окончились, если бы въ это время англійскій посланникъ Арбутнотъ не попросилъ бы аудіенціи у великаго визиря. Султанъ думалъ, что предметомъ разговора будетъ испрошеніе милостей для Ипсиланти, дабы даровать ему жизнь, поспѣшилъ приказать его казнить. Враги французскаго посланника Себастіани обвинили его въ участіи въ пыткахъ Ипсиланти и даже приписали ихъ его вліянію. Я способенъ вѣрить [1]) этому, потому

[1]) (1827 г.). Г-нъ Франкини, теперь драгоманъ русской миссіи, а тогда французской, увѣрялъ меня, что ихъ посланникъ не принималъ никакого участія въ несчастіи Ипсиланти, напротивъ, онъ даже просилъ за него султана, но тотъ отказалъ ему въ какой бы то ни было милости для

что дѣйствія Себастіани въ этомъ родѣ весьма возможны и не должны никого удивлять.

Это ужасное событіе произошло во времена Селима, одного изъ самыхъ человѣчныхъ и интеллигентныхъ султановъ, которые когда-либо занимали тронъ. Поэтому можно судить, что происходило во время правленія другихъ султановъ, что такое они были сами и кто были турки!

Въ концѣ февраля, Михельсонъ, чтобы помѣшать Мустафѣ Байрактару послать помощь въ Измаилъ и, въ то же время, чтобы сжечь и разрушить богатыя деревни Каю и Журжево, гдѣ турки стояли по квартирамъ, и откуда они черпали свое продовольствіе, выступилъ къ Измаилу.

Онъ взялъ съ собой генераловъ Милорадовича, Исаева, Уланіуса, Бахметьева, Кутузова, Ребиндера, князя Владиміра Долгорукова и полки: Сибирскій, Апшеронскій, Орловскій, Бѣлорусскій гусарскій, Кинбурнскій, Житомірскій драгунскій, Чугуевскій уланскій, баталіонъ Олонецкаго полка, казаковъ и 40 пушекъ, въ общемъ всего онъ взялъ около 10.000 человѣкъ.

Въ Бухарестѣ онъ оставилъ генерала Мильшутина съ двумя баталіонами Олонецкаго полка. Собравъ свои силы въ Копачени, онъ затѣмъ двинулся черезъ Калугарени къ Даю. Погода стояла чудная, но 3-го марта, когда они были уже около Дая, ихъ вдругъ застигъ ураганъ подобный тому, какъ мы испытали передъ Измаиломъ. Много солдатъ погибло отъ мороза, растерялись экипажи, дороги были занесены снѣгомъ. Михельсонъ не могъ уже больше продолжать свой походъ, а 4-го марта было уже невозможно предпринять что-либо, такъ какъ люди и лошади страдали отъ мороза и не могли больше двигаться по дурнымъ дорогамъ.

5-го марта, спускаясь съ возвышенности Дая, онъ раздѣлилъ свой корпусъ на два отряда: Генералы Исаевъ и Уланіусъ отправились налѣво, вмѣстѣ съ егерями, уланами и нѣсколькими казаками, и атаковали деревню Чадиръ-Ошу, гдѣ находилось около 800 турокъ, подъ начальствомъ Махмута-Тирана, о которомъ я уже писалъ

Ипсиланти. Но все-таки г-нъ Франкини не увѣрилъ меня въ истинѣ своихъ словъ. Я предлагаю читателю просмотрѣть въ журналѣ кампаніи 1790 г. то, что я писалъ про европейскихъ драгомановъ въ Константинополѣ. Франкини былъ самый безнравственный изъ всѣхъ этихъ ужасныхъ интригановъ.

Г-нъ Франкини также сообщилъ мнѣ, что всѣ богатства князя Ипсиланти были довѣрены г-ну Петру Фонтону, и что они-то стали основаніемъ гигантскаго богатства этого невѣрнаго человѣка. Въ этомъ случаѣ, я думаю, что г-нъ Франкини сказалъ правду.

въ журналѣ 1806 года. Это нападеніе было для него совершенно неожиданнымъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ храбро сражался вмѣстѣ съ своей конницей. Въ концѣ концовъ онъ принужденъ былъ скрыться въ укрѣпленномъ строеніи, родъ блокгауза, окруженнаго кустарникомъ, гдѣ и защищался съ ожесточеніемъ. Его никакъ не могли заставить сдаться и принуждены были перейти къ блокадѣ. Ему уже не оставалось никакой надежды на спасеніе, но меня увѣряли, что Уланіусъ, бывши старше Исаева, считалъ для себя большимъ оскорбленіемъ быть подъ его начальствомъ, послѣ того, какъ онъ уже всю зиму командовалъ авангардомъ, поссорился съ Исаевымъ и, вмѣсто того, чтобы принимать необходимыя совмѣстныя дѣйствія противъ турокъ и Махмута, они были заняты своими взаимными распрями. Въ это время, Махмутъ съ отрядомъ турокъ, выбравъ удобный моментъ, ночью бѣжалъ; они спаслись черезъ озеро, охраняемое только однимъ пикетомъ, такъ какъ по правдѣ сказать нельзя было предполагать, чтобы они рѣшились на подобную переправу. Махмутъ заставилъ сдаться пикетъ и хотя потерялъ много людей, но за то открылъ себѣ возможность спастись въ Журжево. Русская кавалерія преслѣдовала его, нанеся ему много потерь. Въ общемъ онъ потерялъ 500 человѣкъ, а у Уланіуса выбыло изъ строя 10 офицеровъ и 140 солдатъ. Въ это время Михельсонъ атаковалъ Турбатъ, Киратъ и всѣ деревни Каи. Турки вышли изъ своего лагеря числомъ около 5.000 человѣкъ и атаковали нашу кавалерію. Кутузовъ съ своими гусарами дѣйствовалъ прекрасно, чего нельзя сказать про Житомірскихъ драгунъ; они вызвали страшный гнѣвъ Михельсона, который, болѣе солдатъ, чѣмъ генералъ, съ саблею въ рукахъ ходилъ въ атаку, въ то время когда ему было уже 72 г. Турецкая конница была оттѣснена, часть ихъ пѣхоты укрылась въ каменномъ строеніи, которое было взято приступомъ стрѣлками Сибирскаго и Орловскаго полковъ. Защищавшіе его турки ни за что не хотѣли сдаться, они спрятались въ погребъ, и тамъ всѣ были взорваны.

На другой день, т. е. 6-го марта, Михельсонъ, соединившись съ Уланіусомъ, въ боевомъ порядкѣ, подошелъ къ предмѣстью Журжево; турки вышли оттуда, но лихими дѣйствіями Уланіуса, командовавшаго лѣвымъ флангомъ, были отброшены; при чемъ, Уланіусъ былъ контуженъ въ плечо осколкомъ бомбы. Въ центрѣ и на правомъ флангѣ турецкая конница была также отбита. Михельсонъ опять принималъ личное участіе въ атакѣ вмѣстѣ съ гусарами. Старшій сынъ генерала Исаева (тотъ самый, который былъ прикомандированъ къ моей колоннѣ въ Аустерлицѣ) былъ убитъ. Послѣ довольно продолжительнаго сраженія турки возвратились въ свои

укрѣпленія, которыя Михельсонъ не рѣшился атаковать, ограничившись только обстрѣливаніемъ ихъ. Турки также отвѣчали ему сильнымъ огнемъ. Вотъ все, что было въ сраженіи при Турбатѣ, во время котораго погибло болѣе 1.000 человѣкъ со стороны турокъ и около 300 человѣкъ русскихъ. Объ этомъ сраженіи Михельсонъ говорилъ какъ о Кагульской битвѣ и за это дѣло Милорадовичъ, всегда имъ покровительствуемый, получилъ орденъ Св. Владиміра 2-ой степени, а всѣ офицеры и генералы также были награждены.

Собственно говоря, это не было такимъ большимъ подвигомъ, такъ какъ съ 9-ю или 10-ю тысячами русскихъ и 40 пушками нетрудно было прогнать 5 тысячъ турокъ, не имѣвшихъ у себя пушекъ. 7-го марта Михельсонъ размѣстилъ свои войска по деревнямъ вокругъ Журжево и оставался тамъ шесть недѣль. За это время произошло нѣсколько стычекъ, но ни одного интереснаго дѣла не было. Наконецъ, Михельсонъ велѣлъ раззорить всѣ деревни, уничтожилъ всѣ запасы и возвратился въ Бухарестъ.

Если онъ не могъ взять Журжево, то онъ могъ бы занять менѣе укрѣпленный пунктъ около Слободзеи, построеннаго въ 5-ти верстахъ отъ этого города, обладаніе которымъ было бы для него очень полезно. Корпусъ генерала Милорадовича былъ снова расположенъ около Аржиша и Кильнича. Графъ Каменскій былъ посланъ въ Браиловъ, а князь Владиміръ Долгорукій въ деревню Слободзею. Въ началѣ мая, какъ мы уже видѣли, Михельсонъ прибылъ въ Измаилъ, въ Бухарестѣ онъ оставилъ Милорадовича, Исаевъ же, съ нѣкоторыми войсками, былъ посланъ въ Малую Валахію.

Графъ Сергѣй Каменскій, подъ начальствомъ котораго были полки: Фанагорійскій, Ново-Ингерманландскій, Орловскій пѣхотные, Тверской драгунскій и нѣсколько эскадроновъ кинбурнцевъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, отправился изъ Слободзеи, черезъ Одою и Каю въ Браиловъ, откуда вышелъ корпусъ турецкихъ войскъ подъ начальствомъ Пегливана (не того, который былъ въ Измаилѣ). Каменскій заставилъ ихъ отступить, Пегливанъ былъ убитъ, а 60 человѣкъ турокъ взяты въ плѣнъ.

Послѣ дѣла при Турбатѣ, Михельсонъ приказалъ Каменскому сжечь всѣ турецкія деревни въ окрестностяхъ Браилова и Бузео; онъ исполнилъ это приказаніе и расположился лагеремъ около Бузео. Но по непростительному заблужденію, которое рѣшительно ничѣмъ нельзя было объяснить, Каменскій расположился на лѣвомъ берегу этого потока, страшно разливающагося послѣ дождей, такъ что черезъ него даже невозможно перейти; этотъ потокъ раздѣлялъ его тогда отъ князя Долгорукаго, бывшаго въ Слободзеѣ.

Князь Ипсиланти не могъ больше оставаться въ Бухарестѣ, гдѣ

Милорадовичъ и Филипеско слишкомъ открыто высказывали ему свою ненависть и послѣ отъѣзда генерала Михельсона, онъ рѣшилъ покинуть Валахію, гдѣ всегда исполнялъ должность князя, но гдѣ теперь у него не было ни могущества, ни кредита и отправился въ Яссы, вмѣстѣ съ г-мъ Радофинаки. Филипеско, узнавъ объ отъѣздѣ, довелъ свою подлость до того, что сообщилъ объ этомъ Браиловскому назиру. Какъ бы то ни было, назиръ, освѣдомленный о днѣ отъѣзда Ипсиланти, рѣшилъ схватить его и поручилъ эту операцію молодому Чалану-Оглы [1]).

Бузео находится въ болѣе чѣмъ 100 верстахъ отъ Браилова, Чаланъ прошелъ это пространство съ 3-мя тысячами человѣкъ конницы и пропустилъ Ипсиланти только на одинъ часъ. Онъ бы схватилъ его безъ совѣта Радофинаки, который, будучи умнѣе и тоньше самого князя и болѣе его безпокоющійся относительно того, въ чемъ можетъ выразиться ненависть его враговъ, заставилъ его пройти Бузео, хотя этотъ потокъ былъ тогда очень быстръ и въ переходѣ его заключалась большая опасность. Чаланъ захватилъ сначала нѣкоторые экипажи Ипсиланти, перерѣзалъ горло несчастнымъ жителямъ Бузео и сжегъ городъ, который тогда былъ очень важенъ. Все это онъ продѣлалъ на глазахъ Каменскаго, который не могъ ни атаковать Чаланъ-Оглы, ни спасти городъ. Потокъ же сдѣлался непроходимымъ.

Князь Долгорукій хотя и прибылъ изъ Слободзеи, но слишкомъ поздно. Эти два генерала прошлись, ничего не встрѣчая и взаимно обвиняя другъ друга въ этой неудачѣ. Оба они были неправы, но Каменскій былъ болѣе виноватъ.

Чаланъ-Оглы возвратился въ Браиловъ такъ же быстро, какъ онъ и ушелъ оттуда, произведя самое смѣлое предпріятіе въ теченіе всей войны [2]). Онъ прошелъ между двухъ непріятельскихъ корпусовъ и если пропустилъ Ипсиланти, то причиной этому была только случайность. Онъ рисковалъ многимъ, но вѣроятно онъ также хорошо зналъ таланты и дарованія тѣхъ, съ которыми имѣлъ дѣло. Каменскій послѣдовалъ за нимъ и дошелъ до стѣнъ Браилова, гдѣ

---

[1]) Въ продолженіе четырехъ лѣтъ мы видимъ этого Чалана играющимъ прекрасную роль въ концѣ этой войны. Въ 1807 году, имѣя отъ роду 21 годъ, онъ получилъ званіе трехбунчужнаго паши; онъ былъ любимымъ сыномъ стараго Чалана, фамилія котораго владѣла въ Малой Азіи значительной частью земель и считалась тамъ такой могущественной, что на членовъ ея смотрѣли скорѣе, какъ на ленныхъ владѣтелей султана, чѣмъ какъ на подвластныхъ ему.

[2]) Молодой Чаланъ прибылъ съ многочисленной конницей, чтобы подкрѣпить Браиловскій гарнизонъ.

5-го и 6-го іюня онъ имѣлъ дѣло съ гарнизонной конницей этого города. Это дѣло, также какъ и всѣ дѣла съ турками въ открытомъ полѣ, произошло въ видѣ продолжительной стычки: при чемъ турки потеряли 300 человѣкъ, а Каменскій 150. Я былъ свидѣтелемъ гнѣва Михельсона, когда онъ узналъ о походѣ Чалана-Оглы. Его неудовольствіе выразилось въ страшномъ приступѣ ярости, которая удвоилась, когда онъ получилъ отъ Каменскаго реляцію объ его сраженіи передъ Браиловымъ на восьми страницахъ (реляціи графа Каменскаго составляли большой талантъ его.). Михельсонъ отвѣтилъ ему грознымъ приказаніемъ, начинавшимся такъ: „По Вашему длинному и краснорѣчивому письму и по Вашимъ высокимъ дѣйствіямъ, я вижу, что Вы скорѣе великій ораторъ, нежели великій полководецъ". Бѣдный графъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, это доказывала его реляція, но тѣмъ не менѣе онъ былъ награжденъ такъ же, какъ и всѣ офицеры его отряда. Онъ получилъ Владимірскую ленту. Михельсонъ написалъ очень непріятныя вещи, а въ то же время, при дворѣ, расточалъ ему похвалы. Когда Браиловскій назиръ узналъ, что Каменскій получилъ награду за это дѣло, онъ шутливо замѣтилъ; „Я не зналъ, что въ Россіи существуетъ обычай награждать тѣхъ генераловъ, которымъ нужно было бы отрубить голову".

Послѣ сраженія 6-го іюня, Каменскій возвратился въ Бузео и оттуда направился въ Максимени на Серетѣ. Передъ Браиловымъ турки наконецъ собрали что-то вродѣ арміи изъ янычаръ и анатолійцевъ, изъ гарнизоновъ крѣпостей Болгаріи и нѣсколькихъ праздношатающихся и доставили великому визирю Мустафѣ-Челибею корпусъ, силою въ 25 или 30 тысячъ человѣкъ. Движеніе этой арміи было очень хорошо направлено; въ этомъ можно было узнать совѣты и проекты французовъ и особенно генералъ-адъютанта Маріажа, посланнаго Себастіани въ турецкую армію для того, чтобы руководить операціями; но мало было только указать туркамъ, что имъ дѣлать, нужно было еще заставить ихъ исполнить всѣ указанія и конечно Мустафа-Челибей, какъ царедворецъ, очень любезный (какъ и гласитъ самое его насмѣшливое прозвище Челибей) [1]), но безъ всякаго военнаго опыта не былъ человѣкомъ, который могъ бы исполнить тѣ предпріятія, въ которыхъ требовалась бы дѣятельность, энергія и привычка къ войнѣ. Въ концѣ мая онъ прибылъ въ Силистрію, перешелъ тамъ Дунай, расположился лагеремъ на о-вѣ,

---

[1]) Челибей—турецкое выраженіе, которое по переводу на французскій языкъ означаетъ petit-maitre. Понятно, что un petit maître, иначе—странная личность.

который образуетъ Борецъ, занялъ Каларашъ, на лѣвомъ берегу этой рѣки и укрѣпился тамъ.

Вмѣсто того, чтобы укрѣпляться, ему слѣдовало бы поспѣшить къ Слободзеѣ и Бузео (что конечно сдѣлалъ бы Ахметъ, браиловскій назиръ, если бы онъ командовалъ арміей), приказавъ въ то же время Муставѣ-Байрактару двигаться на Бухарестъ, какъ было сказано въ планѣ, данномъ и тому и другому французами. Назиръ Браилова долженъ былъ въ это время атаковать графа Каменскаго, который бы навѣрно отступилъ и очень далеко. Милорадовичъ конечно никуда не могъ спастись иначе какъ въ Австрійскую Трансильванію. Осада Измаила была бы снята, и русскіе принуждены были бы отступить до Серета, а можетъ быть и дальше. Исаевъ, отрѣзанный совершенно въ Малой Валахіи, ничего другого не могъ бы сдѣлать, какъ тоже отдаться австрійцамъ или углубиться въ Сербію. Вотъ до чего довелъ бы насъ слишкомъ обширный планъ кампаніи, составленный нами, на операціонной линіи въ 800 верстъ. Планъ составленъ противъ всѣхъ правилъ военнаго искусства и, въ то же время имѣлъ полный успѣхъ, если бы (какъ мы уже видѣли) Мейндорфъ согласился бы взять Измаилъ.

Въ Бухарестѣ распространилась паника, которая тогда дѣйствительно имѣла свои основанія. Милорадовичъ наскоро отправилъ артиллерійскіе парки, одежду, больныхъ, женъ офицерскихъ и солдатскихъ, которыхъ тогда много было въ русской арміи. Все это разбѣжалось въ Бузео, въ Фокшаны и проч. Бояре Бухареста (Филипеско во главѣ ихъ) бѣжали въ Трансильванію, а Милорадовичъ получилъ приказаніе отъ Михельсона возратиться на Серетъ. Этотъ молодой генералъ, обыкновенно такъ разсѣянный и внушавшій опасеніе вслѣдствіе своей неопытности въ военныхъ операціяхъ и часто смѣшной въ своихъ личныхъ дѣлахъ, выказалъ дѣятельность, рѣшительность и разсудительность, которыя сдѣлали бы честь и болѣе старымъ генераламъ. Онъ оказалъ своему отечеству большую услугу, но въ то же время это была единственная, которую онъ оказалъ во всю свою военную жизнь.

Я знаю, общее мнѣніе арміи и жителей Валахіи, что Милорадовичъ только слѣдовалъ совѣтамъ Уланіуса, который и составилъ планъ всей этой экспедиціи. Вѣрно, что Уланіусъ очень заносчивъ и страшно хвастался этимъ, но Милорадовичъ никакъ не могъ заставить его замолчать [1]), но если даже планъ этотъ и былъ составленъ

---

[1]) Когда Милорадовичъ въ награду за это блестящее и счастливое Обилештинское дѣло, которое я опишу ниже, получилъ золотую шпагу, украшенную бриллiантами съ надписью: „за храбрость и спасеніе Бухареста“,

Уланіусомъ, Милорадовичъ все-таки имѣлъ большую заслугу, такъ хорошо и точно исполнивъ его.

По плану, составленному французомъ Маріажомъ и турками, Мустафа-Байрактаръ вышелъ изъ Журжева съ 16-тью тысячами человѣкъ и подошелъ къ Бухаресту, но великій визирь вмѣсто того, чтобы самому идти на Бузео, удовлетворился тѣмъ, что послалъ слабый корпусъ въ 4 или 5.000 человѣкъ съ 5-тью пушками на Обилешти, куда онъ могъ отправиться самъ, что было бы гораздо лучше, чѣмъ двигаться на Бузео. Эти 5.000 человѣкъ должны были двигаться въ Бухарестъ, отъ котораго Обилешти находится всего въ 50 верстахъ.

31-го мая Милорадовичъ собралъ весь корпусъ въ Бухарестѣ, выставивъ аванпосты изъ регулярныхъ и иррегулярныхъ казаковъ на рѣкѣ Сабарѣ, чтобы обмануть турокъ. Сильный отрядъ отправилъ въ Урцичени для охраны вагенбурга. Затѣмъ онъ приказалъ сломать всѣ мосты на Аржишѣ въ Калагуренѣ, въ Фалаштокѣ и въ Капачени. Къ счастію дожди такъ подняли рѣки, что всѣ мѣста, обыкновенно проходимыя въ бродъ, стали непроходимы. Вмѣсто того, чтобы идти въ Бузео, оставивъ Бухарестъ, какъ это ему было приказано, и что сдѣлать было очень легко, Милорадовичъ двинулся на Обилешти въ надеждѣ, что если удастся ему разбить непріятельскій корпусъ, двигавшійся на Бухарестъ, онъ могъ бы еще спасти городъ.—Онъ такъ и сдѣлалъ; выступивъ двумя колоннами: первая подъ командой Уланіуса, состояла изъ 4.000 волонтеровъ, подъ начальствомъ серба Никича, 400 казаковъ, одного эскадрона уланъ, двухъ эскадроновъ гусаръ, оной сотни казаковъ Ипсиланти, двухъ эскадроновъ драгунъ, трехъ баталіоновъ своего полка, 6-го егерскаго, двухъ Апшеронскаго полка, шести 12-ти фунтовыхъ пушекъ, шести орудій конной артиллеріи и одной Донской. Вторая колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бахметьева, состояла изъ трехъ батальоновъ Сибирскаго полка, одного батальона Олонецкаго, трехъ эскадроновъ гусаръ, трехъ уланъ, 400 казаковъ и десяти 12-ти фунтовыхъ пушекъ.

Въ тотъ же день, 31-го мая, въ 11 часовъ вечера эти двѣ колонны вышли изъ Бухареста, а 2-го іюня въ 6 часовъ утра подошли

онъ, съ своимъ обычнымъ хвастовствомъ, поставилъ эту шпагу въ свою залу въ шкафъ со стеклянными витринами. Къ нему приходили всѣ его приближенные бухарестскіе зѣваки, чтобы полюбоваться на нее. Уланіусъ, также какъ и другіе, отправился туда и, находясь передъ шкафомъ, когда въ залѣ было много народу, сталъ долго и внимательно осматривать шпагу. Кто-то спросилъ его: на что онъ смотритъ? „Я смотрю на мою шпагу, отвѣчалъ онъ, она очень хороша!“..

къ Обилешти. Турки, увѣдомленные объ этомъ движеніи, уже ожидали Милорадовича по Бухарестской дорогѣ по правому берегу болотистаго ручья, образующаго далѣе прудъ, на лѣвомъ берегу котораго и расположено Обилешти. Этотъ прудъ оканчивается большой плотиной, по которой и проходитъ дорога изъ Бухареста въ Силистрію, но Милорадовичъ, оставивъ ручей вправо, пошелъ по его лѣвой сторонѣ, откуда турки его никакимъ образомъ не ждали. Но какъ только они его замѣтили, они вышли изъ своего лагеря, расположеннаго по обѣимъ сторонамъ пруда, и двинулись на русскихъ. Милорадовичъ тотчасъ же отдалъ диспозицію, по которой вся колонна была построена въ пять каре, а кавалерія за ними, во второй линіи, и продолжалъ свое движеніе по гладкой равнинѣ, гдѣ ничто не препятствовало ему, и которая представляла всѣ преимущества, какія можно только желать противъ турокъ. Турки, по своему обыкновенію, бросились на каре и опрокинули лѣвый флангъ Милорадовича, но генералъ-маіоръ графъ Петръ Паленъ, храбрый и рѣшительный офицеръ, будучи во главѣ трехъ эскадроновъ гусаръ, атаковалъ ихъ съ такой смѣлостью, что хотя и былъ моментъ, когда они окружили его, но онъ отбросилъ ихъ и турки разбѣжались. Успѣхомъ этого дня мы обязаны только ему, и атака, которую онъ произвелъ, была самымъ выдающимся, хотя и единственнымъ событіемъ. Во время этой атаки каре двинулись впередъ.

Турки атаковали и правый флангъ, гдѣ Уланіусъ встрѣтилъ ихъ очень живымъ огнемъ картечи, соединеннымъ съ огнемъ егерей, размѣщенныхъ у оврага, около праваго фланга. Когда непріятель былъ нѣсколько разстроенъ нашимъ огнемъ, кавалерія праваго фланга, подъ командой генерала Ребиндера, также атаковала ихъ и, соединившись въ центрѣ вмѣстѣ съ кавалеріей графа Палена, принудила турокъ обратиться въ бѣгство. Они еще пытались защищаться за оврагомъ, гдѣ находился ихъ лагерь, около новой деревни Обилешти, но двинутая на нихъ вся наша линія войскъ заставила ихъ въ страшномъ безпорядкѣ бѣжать на Силистрійскую дорогу. Въ своемъ бѣгствѣ они потеряли одну пушку, два зарядныхъ ящика и пять знаменъ. Наша кавалерія преслѣдовала ихъ нѣсколько верстъ, а пѣхота заняла позицію около Обилешти.

Если Милорадовичъ выказалъ смѣлость и рѣшительность въ атакѣ турокъ у Обилешти, то не менѣе выказалъ онъ энергіи и предусмотрительности, прекратя преслѣдованіе, и въ тотъ же вечеръ форсированнымъ маршемъ возвратился въ Бухарестъ, куда онъ прибылъ 3-го, вмѣстѣ съ своей кавалеріей.

Мустафа-Байрактаръ, испуганный его пріѣздомъ и не имѣвшій возможности никакъ предотвратить отъ себя все происшедшее, по-

терявъ много времени при переходѣ р. Сабара и при постройкѣ мостовъ, удалился въ Журжево.

Итакъ, менѣе чѣмъ въ четыре дня Милорадовичъ сдѣлалъ 104 версты, разбилъ одинъ турецкій корпусъ, а другой обратилъ въ поспѣшное бѣгство. Совершенно лишнее было ему раздувать этотъ успѣхъ безполезной болтовней, ради тщеславія; сами факты говорили довольно за себя. Никакой необходимости также не было писать въ своей реляціи, что турокъ было 12.000 ч., когда, на самомъ дѣлѣ, сражавшихся было только 5.000 чел., и они имѣли съ собой только 5 пушекъ. У Милорадовича было такое же число людей и 37 пушекъ. Въ Бухарестѣ все то немногое число жителей, которое тамъ оставалось, встрѣтило его съ большимъ тріумфомъ. Онъ приказалъ выгравировать свой портретъ съ подписью, которую онъ самъ продиктовалъ; вотъ она: „*Милорадовичъ—спаситель Бухареста*“. Хотя онъ дѣйствительно былъ имъ, но все же лучше было бы предоставить говорить объ этомъ другимъ. Въ сраженіи при Обилешти у него было убито 30 человѣкъ, а у турокъ около 200 человѣкъ. Въ своей реляціи число убитыхъ турокъ онъ увеличилъ до 3.000 ч., тѣмъ болѣе, что это ничего не стоило ему. Они потеряли только одну пушку и 29 плѣнниковъ, но вѣдь дѣло отъ этого не становится менѣе важнымъ.

Великій визирь былъ ужасно перепуганъ этимъ пораженіемъ и послѣ него не дѣлалъ никакого движенія. Онъ чуть не умиралъ отъ страха въ Каларашскихъ укрѣпленіяхъ. Мустафа-Байрактаръ тоже не двигался изъ Журжева. Оба они имѣли вооруженныхъ болѣе 50.000 человѣкъ, а у Милорадовича ихъ было только 6.000 ч. Я еще разъ повторяю, что вести войну съ турками очень удобно, и я самъ испыталъ это, находясь, два года спустя, почти въ такихъ же обстоятельствахъ, какъ Милорадовичъ, и изъ которыхъ я вышелъ такъ же счастливо, какъ и онъ.

Послѣ этого дѣла, Милорадовичъ оставилъ баталіонъ Олонецкаго полка въ Обилешти и отправилъ другой баталіонъ этого же полка, два эскадрона драгунъ и 300 казаковъ, подъ начальствомъ генерала Мичурина, въ Слободзею для того, чтобы занять этотъ постъ, бывшій только въ 40 верстахъ отъ турецкой арміи. Этотъ отрядъ подвергался большой опасности.

Въ тотъ же день, какъ Милорадовичъ отправился въ Слободзею, онъ встрѣтилъ на дорогѣ незначительный турецкій отрядъ, который онъ и прогналъ; но лишь только онъ прибылъ къ мѣсту назначенія, онъ тотчасъ же получилъ извѣщеніе, что другой турецкій отрядъ хочетъ атаковать вагенбургъ въ Урцишени. Мичуринъ, у котораго тамъ оставались выздоравливающіе и офицерская прислуга, отпра-

вился защищать его и совершенно позабылъ о своихъ шести солдатахъ и офицерѣ, посланныхъ для того, чтобы разрушить одно турецкое судно и въ то же время выпить не много вина въ монастырѣ. Эти семь человѣкъ хотѣли догнать свой баталіонъ, но у нихъ не хватило для этого времени. Турецкій отрядъ окружилъ деревню, офицеръ былъ убитъ, а одинъ солдатъ спасся. Мичуринъ думалъ, что остальные солдаты пропали, но эти пять героевъ не только спаслись, но имъ даже удалось еще обратить въ бѣгство около 400 турокъ, на которыхъ они нападали въ продолженіе 24 часовъ. Произошло это такъ: Слободзейскій монастырь окруженъ крѣпкими и толстыми стѣнами, на которыя не возможно было взобраться, тамъ были только одни ворота изъ крѣпкаго дуба съ желѣзными запорами, которые они, желая защищаться, закрыли и баррикадировали. Одинъ капралъ, какъ старшій, провозгласилъ себя губернаторомъ крѣпости и сталъ распоряжаться, два солдата остались около двери, а другіе два съ комендантомъ поднялись на башенку и, соединившись съ четырьмя вооруженными болгарами, которые тоже находились въ монастырѣ, открыли очень сильный огонь изъ оконъ башни и изъ дыръ въ стѣнахъ. Турки, не будучи съ состояніи принудить сдаться этотъ гарнизонъ, хотѣли сжечь дверь. Болгары, не имѣя у себя достаточно воды, тушили огонь виномъ. Въ продолженіе цѣлой ночи длилась перестрѣлка, а на разсвѣтѣ турки, предполагая, вѣроятно, что туда въ скоромъ времени прибудетъ помощь, отступили, оставивъ на мѣстѣ 30 убитыхъ и въ числѣ ихъ знаменщика вмѣстѣ съ знаменемъ.

Эти храбрые девять человѣкъ убили и ранили болѣе 100 ч. турокъ, а изъ нихъ ни одинъ ни былъ раненъ. Капралъ по фамиліи Дьяконовъ былъ повышенъ въ чинѣ унтеръ-офицера и такъ же, какъ и другіе четыре солдата, получилъ Георгіевскій крестъ, который, безъ сомнѣнія, они заслужили. Мичуринъ возвратился въ Слободзею и, для того, чтобы упрочить свое положеніе, велѣлъ выстроить редутъ въ верстѣ отъ лѣваго берега Яламицы, чтобы скрыться тамъ въ случаѣ новой атаки.

Отступленіе Мустафы-Байрактара къ Рущуку и необыкновенно осторожное поведеніе великаго визиря на нѣкоторое время освободили Валахію отъ опаснаго движенія и отъ постоянно возрождающихся страховъ и опасеній. Купцы и бояре возвратились въ Бухарестъ, вмѣстѣ съ ними вернулся также и Филипеско, очень огорченный, въ глубинѣ сердца, о неуспѣхѣ турокъ. Исаевъ былъ очень слабъ въ Малой Валахіи, и если бы Мулла, видинскій паша, вмѣсто того, чтобы заниматься сербами, вошелъ бы въ Малую Валахію, русскій генералъ не могъ бы ему въ этомъ препятствовать, хотя

этотъ паша и былъ прекрасно освѣдомленъ о недостаткѣ силъ у своего противника (ему сообщили объ этомъ бояре страны, расположенные къ намъ не лучше бояръ Большой Валахіи). У Исаева былъ только одинъ баталіонъ Олонецкаго полка, подъ командою капитана Рогачева, 6 пушекъ Донской артиллеріи, подъ начальствомъ полковника Карпова, полкъ казаковъ и бандуры этой страны.

Съ такой горстью людей онъ не только сумѣлъ оградить всю страну отъ набѣговъ, но также сдѣлалъ одно блестящее и полезное нападеніе въ Сербіи.

Сербы, тѣснимые Муллой, обратились за помощью къ Исаеву; Исаевъ отправился къ нимъ, взявъ съ собой баталіонъ Олонецкаго полка, 4 пушки Донской артиллеріи, 350 хорватовъ и 1.000 бандуровъ.

17 мая, съ этимъ отрядомъ онъ уже побилъ и разсѣялъ у Извора и Аибе, въ 2 верстахъ отъ лѣваго берега Дуная, турецкій отрядъ въ 600 человѣкъ и взялъ 7 знаменъ. 23-го мая онъ захватилъ на Дунаѣ пять богато нагруженныхъ судовъ. Добыча была такъ велика, что на долю каждаго офицера пришлось 200 или 300 дукатовъ, а говорятъ, Исаевъ взялъ себѣ ихъ нѣсколько тысячъ.

17-го іюня, на лодкахъ, взятыхъ имъ у турокъ, онъ переправился черезъ Дунай и соединился съ 5.000 сербовъ, подъ командою самого Георгія Чернаго и Меленко Стуаковича. Георгій Черный, котораго увѣрили, что у Исаева были большія силы, не могъ выдержать, чтобы не выразить ему свое удивленіе и недовольство, увидя его съ такимъ небольшимъ количествомъ войскъ. Исаевъ, задѣтый этимъ замѣчаніемъ, отвѣчалъ, что ему не нужно больше войскъ для того, чтобы атаковать и разбить бывшихъ противъ него турокъ, и что если онъ не захочетъ слѣдовать за нимъ, онъ, Исаевъ, пойдетъ одинъ. И онъ тотчасъ же двинулся въ путь.

29 іюня онъ былъ уже въ Маланицѣ въ 25 верстахъ отъ Дуная, гдѣ нашелъ 4 или 5.000 турокъ, расположенныхъ въ девяти редутахъ и ретраншаментахъ, взаимно поддерживающихъ другъ друга.

Турецкая конница вышла изъ Маланицы, но ее такъ хорошо встрѣтили артиллеріей и казаками, что она была принуждена возвратиться въ редуты, которые Олонецкій баталіонъ, по приказанію Исаева, храбро и смѣло атаковывалъ. Турки бѣжали въ Виддинъ, оставивъ на мѣстѣ 4 пушки, мортиру, 13 знаменъ и болѣе тысячи убитыхъ. У Исаева не было и 50 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Добыча досталась намъ огромная; они взяли всѣ вещи Муллы-паши, который наканунѣ дѣла очень предусмотрительно отправился въ Виддинъ своей персоной, но оставилъ все свое имущество.

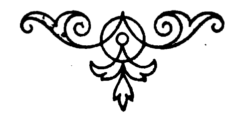
Среди его бумагъ нашли письмо Себастіани, гдѣ онъ сообщаетъ

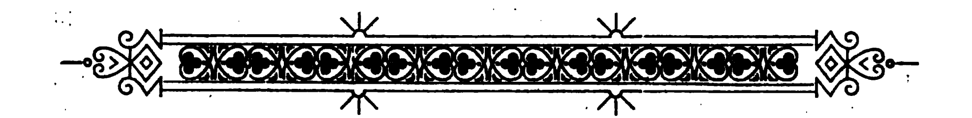
о мѣрахъ, которыя онъ заставилъ принять турокъ, чтобы прогнать русскихъ изъ Валахіи; хотя эти мѣры и были очень хорошо разсчитаны, но все-таки онѣ не имѣли никакого успѣха. Это сраженіе при Маланицѣ конечно было самое смѣлое и блестящее во всей войнѣ; оно заставило сербовъ проникнуться восхищеніемъ къ русскимъ и подняло ихъ мужество.

Послѣ этого дѣла Исаевъ блокировалъ Неготинскую крѣпость около Дуная, передъ которой былъ турецкій лагерь и гдѣ каждый день происходили стычки. Виддинскій паша не сдѣлалъ никакого движенія, чтобы выручить крѣпость, которая никакимъ образомъ не устояла, если бы въ это время не совершилось перемиріе. Исаевъ получилъ объ этомъ извѣстіе 2-го августа и возвратился въ лагерь въ Малую Валахію.

Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Показанія плѣнныхъ французовъ и поляковъ, взятыхъ въ плѣнъ генералъ-маіоромъ Дороховымъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1812 г.

Янъ Врублевскій, краковскій уроженецъ.

4-го года взятъ въ службу въ 9-й Уланскій полкъ; шефъ у нихъ Божаръ, генералъ французскій; полкъ ихъ состоитъ изъ 8-ми компаній, по 150-ти человѣкъ въ каждой; двѣ компаніи составляютъ одинъ эскадронъ; полкъ состоитъ въ арміи Наполеона; въ ней полковъ конныхъ 20-ть, а о прочихъ онъ не знаетъ; онъ былъ въ конвоѣ Наполеона; намѣреніе его есть возстановить Польшу, а послѣ истребить англичанъ; послѣ шермиціи въ Вильно, онъ съ полкомъ пошелъ вправо и подъ Осянами взятъ въ плѣнъ.

Въ Вильнѣ французы взяли подъ арестъ много жителей за то, что они побросали въ воду много оружія, которое потомъ французы доставали, собравъ до 500 мужиковъ.

Изъ ихъ полка погибло на войнѣ: подъ Вильно, убито—четыре и одинъ капитанъ взятъ въ плѣнъ; подъ Осянами, убито—офицеръ одинъ, рядовыхъ четыре и два взято въ плѣнъ.

Хлѣба у солдатъ нѣтъ, а берутъ его грабежомъ и реквизиціею; люди часто терпятъ голодъ, лошади довольствуются подножнымъ кормомъ, овса вовсе нѣтъ, они жнутъ вообще весь зеленый хлѣбъ и тѣмъ кормятъ лошадей; лошади худы до того, что едва ходятъ; отъ обывателей ничѣмъ французы не пользуются, оттого что на всей дорогѣ, гдѣ они за ними проходили, жителей нигдѣ почти нѣтъ, что вездѣ забрано все русскими и что они нигдѣ ничего не достаютъ.

Армію ихъ полагаютъ до 80 тысячъ; она у Нѣмана переправлялась (чрезъ) трое сутокъ, день и ночь.

Прусскаго войска у французовъ 24 тысячи, польской кавалеріи 24 (тысячи) и пѣхоты 24 (тысячи), да австрійскихъ, если даютъ до 24 тысячъ.

Поляки ненавидятъ французовъ, оттого что ихъ теперь держатъ почти подъ арестомъ, что имъ ничего не вѣрятъ и что ихъ раскассировали между французами, такъ что въ польскихъ полкахъ поляки стоятъ черезъ рядъ съ французами; французы боятся, чтобъ поляки не перебѣжали къ русскимъ, отчего всѣ польскіе полки поручены французскимъ генераламъ, а польскимъ даны прусскіе, которые составляютъ кордъ д'арме арміи; перемѣна сія послѣдовала при переходѣ чрезъ Нѣманъ.

Въ Познани былъ большой наборъ въ рекруты; тамъ остались одни только калѣки и малолѣтніе; лошади у обывателей всѣ забраны и употреблены для войска; теперешняя французская армія составлена почти вся изъ рекрутъ и очень дурна.

Магазиновъ большихъ нигдѣ нѣтъ, кромѣ Варшавы и Познани.

Укрѣпленій также нѣтъ, а въ Вильнѣ, по всѣмъ высотамъ, поставлено болѣе 100 пушекъ.

Янъ Балицъ. Служитъ въ 9-мъ уланскомъ полку; показалъ то же, прибавляя, что вообще получаютъ запасы изъ Пруссіи и Польши; теперешнее жъ продовольствіе получали въ Вильнѣ реквизиціей. Генералъ Божаръ командуетъ авангардомъ, идущимъ чрезъ Волковыскъ. У него 9-й уланскій и 3-й конноегерскій полки; они всѣ имѣютъ ровное число эскадроновъ и людей.

Жалованья имъ не даютъ съ тѣхъ поръ, какъ они пошли въ походъ.

Поляки раздѣлены между французами, оттого что у нихъ пронесся слухъ, что поляки хотятъ перебѣжать къ русскимъ, чтобы вмѣстѣ съ ними драться противъ французовъ; поляковъ держатъ очень строго и однихъ никуда не посылаютъ. Они весьма недовольны и готовы разбѣжаться при первомъ случаѣ, ежели только позволитъ имъ возможность.

Медемъ. Находится въ плѣну 15 дней; 1-го корпуса; шефъ у нихъ Сенъ-Маркъ, бригадный командиръ—Бардегуль и онъ командуетъ аванпостами; у него въ командѣ три конноегерскихъ полка и одинъ уланскій. Въ дивизіи двѣ бригады; дивизіонный командиръ пѣхоты Фраянъ, онъ же самъ коннаго полка 2 дивизіи. Корпусный командиръ—фельдмаршалъ Даву; 40 тысячъ въ его корпусѣ; въ эскадронѣ 200 человѣкъ, въ полку—4 эскадрона; одинъ изъ нихъ французскій, а другой—польскій. Въ то время, какъ былъ въ Вильнѣ, былъ тогда императоръ Наполеонъ и съ нимъ принцъ Мюратъ и Даву; хлѣба очень мало; овса вовсе нѣтъ; кавалерія изнурена.

Ленгонъ. 1-го корпуса, подъ главнымъ начальствомъ фельдмаршала Даву, 9-го кирасирскаго полка, 1-й дивизіи; дивизіонный командиръ Сенжермэ, корпусный—Нансути; онъ командуетъ 16-ю пол-

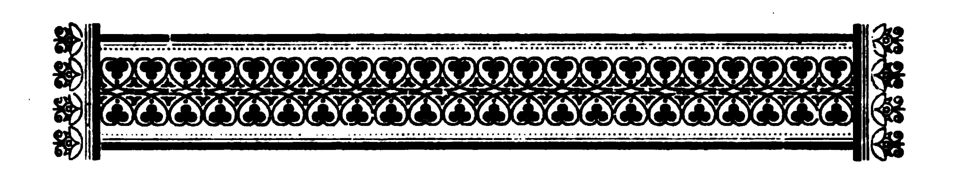
ками тяжелыми и 6-ю легкими. Хлѣба съ собой и сухарей очень мало имѣютъ, а берутъ отъ обывателей что найдутъ, большею частію всегда грабежомъ. Овса нѣтъ, только немного получили въ Вильнѣ, отчего кавалерія въ весьма дурномъ положеніи; у нихъ говорятъ, что для того война съ русскими, чтобы занять всѣ порты и не пускать англичанъ въ русскіе. У поляковъ войска въ дурномъ положеніи и мало регулярства, но пѣхота немного лучше кавалеріи. Имѣетъ своихъ родныхъ около Петербурга, куда проситъ и его отпустить. Знаетъ ремесло коновала. Французы всѣ почти недовольны этою войною, и большой ропотъ въ арміи, но генералы ихъ уговариваютъ, чтобы хорошо дрались съ русскими.

Гуле. 2-го конноегерскаго полка, 3-й дивизіи, дивизіонный командиръ отъ кавалеріи—Пажоль, шефъ—полковникъ Матисъ; уже тому три недѣли, какъ вышли изъ Вильны, но куда пойдутъ далѣе французскія войска, неизвѣстно ему. Хлѣба съ собою очень мало, а берутъ грабежомъ отъ жителей и то по большей части мукою; водки очень мало получаютъ, а мяса довольно. Овса нѣтъ. Кавалерія изнурена. Полкъ довольно комплектный и рекрутъ въ немъ 150 человѣкъ; изъ конскрипціи ихъ полкъ послѣдній въ 1-мъ корпусѣ и подъ главною командою Даву. Пушекъ при этомъ полку нѣтъ. Артиллерія въ резервѣ.

Ване. 3-го конноегерскаго полка; шефъ полковникъ Маташъ, бригадный командиръ Пажоль въ 1-мъ корпусѣ подъ главною командою Даву; рекрутъ въ этомъ полку 200 человѣкъ. Хлѣба и сухарей съ собою нѣтъ, а даютъ муку, и то очень мало, каждому солдату, изъ чего сами пекутъ хлѣбъ. Овса нѣтъ; лошадей кормятъ зеленымъ хлѣбомъ, и кавалерія въ весьма дурномъ положеніи. Въ арміи ропотъ большой и не хотятъ драться съ русскими. Видѣлъ нашихъ въ плѣну: пять драгунъ и человѣкъ пять или шесть казаковъ.

Сообщилъ Михаилъ Соколовскій.

Къ біографіи Петра Яковлевича Чаадаева.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

П. Я. Чаадаевъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей Николаевской эпохи, извѣстный своимъ оригинальнымъ взглядомъ на русскую исторію. Но несмотря на это и на исполнившееся 50-лѣтіе со дня его кончины (14 апрѣля 1906 года), къ которому, кажется, должно бы было появиться много цѣнныхъ трудовъ о П. Я. Ч., еще и до сихъ поръ существуетъ очень много пробѣловъ, какъ во внѣшней, такъ и во внутренней его біографіи. На пополненіе нѣкоторыхъ изъ этихъ пробѣловъ и является настоящая замѣтка.

Такъ еще до сихъ поръ неизвѣстно опредѣленно года рожденія П. Я. Чаадаева [1]). Нѣкоторый болѣе или менѣе опредѣленный свѣтъ на эту дату проливаетъ слѣдующая, добытая нами изъ Московской Духовной Консисторіи за № 13194, метрическая справка о смерти П. Я. Ч-ва. Здѣсь писано: „Въ метрической книгѣ Московской Петро-Павловской, въ Новой Басманной, церкви тысяча восемьсотъ пятьдесятъ шестаго года, № 6, писано: Апрѣля четырнадцатаго числа умеръ Отставной Ротмистръ Петръ Яковлевъ Чаадаевъ, въ домѣ Иностранца Шульцъ, *62 лѣтъ*, отъ воспаленія, исповѣдывалъ и

---

[1]) Въ литературѣ относительно этого существуетъ любопытное явленіе. Такъ—всѣ біографы, съ одной стороны, согласны, что П. Я. Ч-въ родился 27-го мая, но какого года?—ни одинъ изъ нихъ не даетъ тождественнаго отвѣта. Такъ: Жихаревъ указываетъ *1796* г. (Вѣст. Европы, 1871 г, IV т, стр. 175): Свербеевъ говоритъ неопредѣленно: „въ первыхъ годахъ послѣдняго десятилѣтія (XVIII вѣка) (Р. Арх. 1868 г., 6, стр. 977).; Лонгиновъ указываетъ *1793* г. (Р. Вѣст. 1862 г. XI кн., стр. 119); Гершензонъ въ 1905 году (Научн. Слово—05 г., кн. 97, стр. 85)—*1794* г., а въ 1906 г. (Вѣстн. Европы, апрѣль 1906 г.)—уже *1796* г.

пріобщалъ Приходскій Священникъ Николай Сергіевскій, онъ же и погребеніе совершалъ съ причтомъ, погребенъ 18-го числа въ Донскомъ монастырѣ".

Въ этой справкѣ, какъ видимъ, указано, что П. Я. Ч. умеръ 62 лѣтъ; вычтя т. о. изъ 1855 г.—62, мы получилъ 1793 г., т. е. дату, выставленную Лонгиновымъ. Эту дату и надо считать самой точной, тѣмъ болѣе что М. Н. Лонгиновъ „былъ самъ близкій человѣкъ Ч. и его современникъ" (Русск. Вѣст. н. с. стр. 155). Эту дату принимаетъ и Лемке (Міръ Божій 1905 г. 9 кн., стр. 2).

Неизвѣстно, далѣе, въ біографіи П. Я. Чаадаева и точнаго года поступленія его въ Московскій Университетъ въ число студентовъ. Въ литературѣ только одинъ М. О. Гершензонъ высказалъ предположительно, что П. Я. поступилъ въ Университетъ „около 1809 г." [1]), всѣ же остальные его біографы ограничивались однѣми общими фразами: „послѣ домашняго воспитанія поступилъ въ Университетъ". Намъ же въ этомъ отношеніи посчастливилось найти точный годъ его поступленія. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" ранѣе печатались списки всѣхъ студентовъ: и старыхъ и вновь поступившихъ. И вотъ въ № 54 „Московскихъ Вѣдомостей" за *1808 годъ* на стр. 1389 читаемъ слѣдующее [2]):

„Москва, Іюля 4. Во исполненіе § 57-го Высочайше утвержденнаго Устава, Императорскій Московскій Университетъ, послѣ испытанія воспитанниковъ, имѣлъ протекшаго Іюня 30-го дня торжественное собраніе... Господиномъ Инспекторомъ казенныхъ учениковъ и Студентовъ, Надворнымъ Совѣтникомъ и Профессоромъ Публ. Орд. Рейнгардомъ, представлены были произведенные въ Студенты и публично награждены шпагами... Имена, по надлежащему испытанію принятыхъ въ Университетъ и произведенныхъ въ студенты, слѣдующія:

1) . . . .

23 } Михайла } Чаадаевы" [3])
24 } Петръ }

Такимъ образомъ теперь должно быть точно извѣстнымъ, принявъ во вниманіе еще, что новый учебный годъ начинался съ сен-

---

[1]) Научное Слово 1905, кн. VI, стр. 86.

[2]) Мы хотѣли было найти объ этомъ справку въ Архивѣ Московскаго Университета, но намъ отвѣтили письменно: „Архивъ Университета имѣетъ дѣла только съ 1813 г.; дѣла же болѣе ранняго времени были уничтожены во время пожара въ 1812 году".

[3]) Москов. Вѣд. 1808. Въ Румян. Музеѣ подъ А 194/1, 1808 г., к. 2-я.

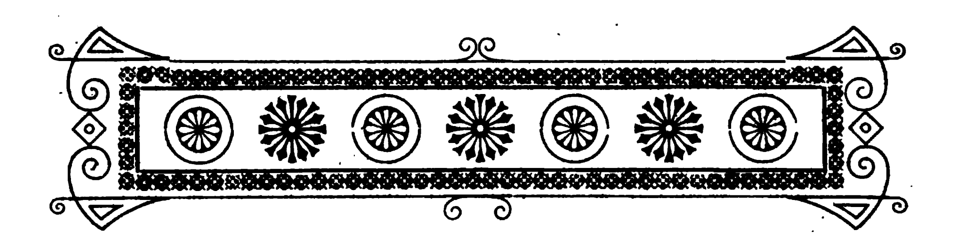
тября мѣсяца, что Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ поступилъ въ Университетъ въ *1808 году*, а не „около 1809 года".

Вотъ этими двумя поправками, посильными, пока и ограничивается наше желаніе: восполнить пробѣлы во внѣшней біографіи П. Я. Ч. Выражаемъ увѣренность, что русскіе мыслители, дорожащіе памятью своихъ выдающихся представителей, не замедлятъ и здѣсь явиться съ своими цѣнными трудами.

Василій Чистяковъ..

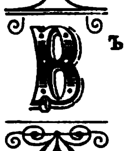
Сергіевъ Посадъ.
11 февраля 1907 года.

Пережитое [1].

(Отрывочныя воспоминанія за 25 лѣтъ службы).

Въ сентябрѣ 1862 года рѣшено было 2 пѣхотную дивизію съ ея артиллеріею, снова передвинуть въ Сѣверо-Западный край и штабъ-квартирою Либавскому полку назначенъ былъ городъ Бѣлостокъ.

Насталъ походъ, на этотъ разъ не продолжительный и 14 октября полкъ прибылъ въ названный городъ.

Штабъ дивизіи перешелъ въ Гродну, но спустя нѣсколько мѣсяцевъ также прибылъ въ Бѣлостокъ.

Первоначально, въ этомъ городѣ квартировали только части Либавскаго полка и С.-Петербургскій уланскій полкъ (4-хъ эскадроннаго состава), бывшій подъ командою, хотя и сѣдого какъ лунь полковника Добровольскаго, но лихого на конѣ.

Начальникъ дивизіоннаго штаба полковникъ Звѣревъ получилъ должность въ Петербургѣ и вмѣсто него временно назначенъ былъ генер. штаба капитанъ Гейнсъ, впослѣдствіи утвержденный въ должности начальника штаба дивизіи, съ производствомъ въ подполковники.

Роты Либавскаго полка разошлись на зимнія квартиры, при чемъ штабъ съ тремя стрѣлковыми ротами остался въ Бѣлостокѣ, одинъ баталіонъ направленъ былъ въ мм. Кнышинъ, Гоніондзъ и Суражъ, а остальные два размѣстились въ мм. Супрасль, Хорощъ (близъ Бѣлостока) и другихъ [2].

---

[1]) См. «Русск. Ст.» 1907 г. іюль.

[2]) Добавлю небольшую курьезную частность.—Офицеры въ Плоцкѣ и Бѣлостокѣ ежемѣсячно получали за подписомъ полкового квартермистра ассигновки на дрова и свѣчи, и я припоминаю случаи „уплаты“ нѣкоторыми офицерами „особамъ легкаго поведенія“ подобными ассигновками (ибо это были тѣ же деньги за небольшою скидкою.).

Въ силу тогдашнихъ порядковъ большая часть роты разведена была въ окрестныя деревни, по широкимъ квартирамъ на приварокъ отъ жителей, при чемъ случалось, что на одну деревню приходилось иногда только отъ 8 до 10 нижнихъ чиновъ и удивительно, что подобное, крайне разбросанное, размѣщеніе людей практиковалось даже въ такое тревожное время, когда мятежъ былъ уже почти на носу и губерніи Царства Польскаго на военномъ положеніи. Прямо таки непостижимая и непростительная слѣпота подлежащихъ властей. При ротныхъ дворахъ оставалось только небольшое число нижнихъ чиновъ и преимущественно мастеровыхъ.

Для полноты характеристики подобнаго положенія большей части ротъ Либавскаго полка добавлю еще, что нижніе чины отправились на жилье по деревнямъ въ полной походной аммуниціи, но комплектъ патроновъ былъ оставленъ въ цейхгаузахъ при ротныхъ дворахъ. Кстати также замѣчу, что нижніе чины полка уже перевооруженнаго 6 линейными винтовками, имѣли въ числѣ предметовъ снаряженія нагрудные патронташи и головнымъ уборомъ—не киверъ, а кепи [1]; лишь вооруженіе офицеровъ не измѣнилось—у нихъ была та же безобидная полусабля („селедка") въ кожанныхъ ножнахъ на поясномъ ремнѣ съ бляхою и лишь кой у кого были револьверы системы Лефоше, большинство же имѣло одноствольные и двуствольные пистолеты, но иногда такіе, что представляли серьезную опасность при стрѣльбѣ изъ нихъ только для самого стрѣлка, а не непріятеля.

Въ Бѣлостокѣ я поселился съ полковымъ адъютантомъ штабсъ-капитаномъ Тризна и порученною мнѣ полковою библіотекою въ трехъ комнатахъ нижняго этажа дома, отведеннаго подъ штабъ полка, а верхній этажъ занялъ командиръ полка полковникъ Сурковъ. Довольно просторная комната, гдѣ находились библіотечные шкафы и столъ съ газетами и журналами, служила мѣстомъ обычнаго сбора офицеровъ и какъ-бы клубомъ ихъ; съ началомъ возстанія, въ этой же комнатѣ обыкновенно ночевали прямо на полу, на соломѣ, офицеры дежурной роты, люди коей помѣщались въ сараѣ на дворѣ того же дома.

Въ городѣ было относительно спокойно; манифестацій и пѣнія въ костелахъ не было, что отчасти объяснялось составомъ городского населенія, такъ какъ кромѣ небольшаго числа русскихъ (т. е. православныхъ) населеніе состояло изъ католиковъ, значительнаго числа евреевъ и, наконецъ, нѣмцевъ, работавшихъ на суконныхъ фабрикахъ въ Супраслѣ и Хорощѣ, собственно почти пригородахъ Бѣлостока.

---

[1] Даны были въ апрѣлѣ 1862 года, при чемъ для парадной формы полагался небольшой черный волосяной султанъ.

Настала какъ-будто мирная жизнь, но это было лишь затишьемъ передъ бурею.

Городскихъ знакомствъ у офицеровъ не было; изрѣдка они проводили вечера у женатыхъ товарищей. Командиръ полка также жилъ на холостомъ положеніи, такъ какъ семья его находилась въ Ригѣ [1]).

Постройка желѣзной дороги отъ Динабурга до Варшавы была закончена и по ней открыто движеніе пассажирскихъ поѣздовъ, и это было пожалуй единственною важною мѣрою, выполненною дѣйствительно во-время.

Приведу теперь небольшую характерную частность.

Въ концѣ 1862 года въ Бѣлостокѣ почему-то ощущался большой недостатокъ въ размѣнной монетѣ и, дабы помочь горю, окрестными суконными и шерстяными фабриками выпущены были въ обращеніе самодѣльные денежные знаки изъ кусочковъ драпа, прямоугольнаго вида, длиною въ 1½ и шириною въ 1 дюймъ, съ выбитыми на нихъ желтою краскою названіемъ фабрики и суммы денегъ (на нѣмецкомъ языкѣ); кусочки драпа были въ 15, 30 и 60 копѣекъ. Кромѣ этихъ такъ сказать „суконныхъ" денегъ, были еще въ обращеніи особые „бумажные" денежные знаки, то-есть небольшіе куски бумаги, размѣромъ съ визитную карточку, на коихъ было напечатано, напр.: „за рѣзку гуся 50 к.", „за рѣзку поросенка 60 коп." и т. д. Иногда размѣнною монетою служили и почтовыя марки [2]). Такимъ образомъ, въ портмоне получалась самая разнообразная,—не предусмотрѣнная нумизматами, коллекція денежныхъ размѣнныхъ знаковъ, а именно на-ряду съ кредитными билетами, двугривенными и прочею мелочью, были рублевыя бумажки польскаго банка (нѣсколько меньшаго размѣра и съ польскимъ текстомъ), бумажки съ надписью, напр. „за рѣзку поросенка", почтовыя марки, кусочки драпа разной цѣнности, „десёнтки" (польскія монетки изъ никкеля въ 10 грошей), мѣдныя „трехгрошувки" (3 гроша, равныхъ 1½ копѣйкамъ). По истинѣ рѣдкая коллекція, и я сожалѣю, что не сохранилъ ее на память.

Настала зима или, правильнѣе, слякоть и грязь на улицахъ города, не отличавшагося вообще чистотою. Въ концѣ декабря 1862 г. пронесся слухъ, что поляки будто бы что-то затѣваютъ, но потолковали объ этомъ и успокоились, не придавъ значенія слухамъ, хотя евреи, всегда служившіе еще въ Наполеоновскія и позднѣйшія войны и „нашимъ" и „вашимъ", несомнѣнно, благодаря своей „пантофле-

---

[1]) Супруга командира полка, будучи католичкою, сочувствовала мятежникамъ и, какъ говорили, это было причиною вынужденнаго ея отъѣзда на жительство въ Ригу, то есть временной высылки туда.

[2]) Почтовыя марки, какъ мелкая размѣнная монета, были въ большомъ ходу и въ Вильнѣ въ 1860—1861 годахъ.

вой почтѣ“, кое-что знали, а начальствующія лица не дали даже себѣ труда провѣрить степень правдивости циркулировавшихъ слуховъ и если бы они это во время сдѣлали, припрятавъ хотя временно свою непогрѣшимость, олимпійское величіе и слѣпую увѣренность въ мирномъ исходѣ, многое случившееся, начиная съ злополучной ночи съ 10 на 11 января, вѣроятно было бы предотвращено или во всякомъ случаѣ значительно ослаблено въ послѣдствіяхъ.

Замѣчу кстати, что знаменъ въ полку было три, по числу баталіоновъ, и напр. знамя 2-го баталіона находилось въ м. Кнышинѣ, гдѣ квартировали штабъ этого баталіона съ одною ротою и помѣщалось въ одноэтажномъ деревянномъ еврейскомъ домѣ подъ охраною лишь небольшаго караула; это привелось мнѣ видѣть лично при служебной командировкѣ въ Кнышинъ за нѣсколько дней до начала мятежа („рухавки“).

10 января 1863 года, вечеромъ, нѣсколько офицеровъ и въ числѣ ихъ я, были у командира полка; когда мы сидѣли за чайнымъ столомъ, вошелъ ординарецъ унтеръ-офицеръ съ докладомъ о приходѣ еврея съ важнымъ извѣстіемъ. Полковникъ Сурковъ вышелъ съ нами въ переднюю, гдѣ находился въ затасканномъ лапсердакѣ еврей, сообщившій довольно безсвязно, что на м. Суражъ,—гдѣ былъ ротный дворъ 7 линейной роты,—идетъ толпа поляковъ, „хмàра на двѣ віòрсты“ (т. е. туча на 2 версты), какъ выразился еврей; его поблагодарили какъ слѣдуетъ и отпустили. Командиръ полка хотя и отнесся съ невольнымъ сомнѣніемъ къ этому извѣстію, тѣмъ не менѣе, въ виду тревожнаго вообще положенія, тотчасъ приказалъ отправить нарочныхъ въ м. Суражъ и въ ближайшія роты съ приказаніемъ быть настороже и въ готовности, но дальнѣйшія событія доказали, что мѣра эта принята была съ большимъ опозданіемъ. Разошлись мы по домамъ. На слѣдующій день утромъ, явился къ командиру полка юный юнкеръ 7 роты Аршеневскій, доложившій, что въ ночь съ 10 на 11 января, толпа поляковъ со стороны Царства Польскаго дѣйствительно произвела нападеніе на м. Суражъ, что собранная тамъ нàскоро часть людей 7 роты отбилась и отошла къ своему баталіонному штабу въ м. Кнышинъ; самъ же юнкеръ [1]), окольными путями, съ разными приключеніями, успѣлъ благополучно добраться до Бѣлостока.

Изъ дальнѣйшихъ сообщеній объ этомъ и полученнаго вскорѣ подробнаго донесенія командира 7 роты капитана Малюги, оказалось слѣдующее: за нѣсколько дней до злополучной ночи (съ 10 на 11 января) онъ былъ предупрежденъ евреями о готовящемся нападеніи

---

[1]) Нынѣ полковникъ въ отставкѣ.

на м. Суражъ. Усомнившись въ справедливости этого, названный офицеръ все же не отнесся къ нему пассивно и отправилъ нарочныхъ по окрестнымъ деревнямъ съ приказаніемъ расквартированнымъ въ нихъ нижнимъ чинамъ роты немедленно прибыть къ ротному двору въ Суражъ и, благодаря этой мѣрѣ, къ вечеру 10 января тамъ уже было собрано до 60 человѣкъ [1]); остальные люди, за отдаленностью ихъ жилья отъ ротнаго двора, частью прибыли поздно вечеромъ, частью только на другой день присоединились къ ротѣ, уже на пути слѣдованія ея въ м. Кнышинъ. Около полуночи, высланными патрулями капитанъ Малюга,—отличавшійся вообще хладнокровіемъ и распорядительностью, — былъ извѣщенъ о приближеніи къ мѣстечку Суражу, пограничному съ Царствомъ Польскимъ, большой толпы частью пѣшкомъ, частью на подводахъ. Пославъ донесеніе въ Кнышинъ командиру 2 баталіона, онъ приказалъ ударить тревогу и, собравъ наличныхъ людей роты, выстроилъ ихъ по сю сторону моста черезъ р. Наревъ, приказавъ зарядить ружья. Съ шумомъ приближалась толпа мятежниковъ къ мосту, вооруженная большею частью насаженными на древки косами; даны были съ ея стороны нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ; ротные барабанщики ходили между тѣмъ по мѣстечку, продолжая бить тревогу, дабы собрать запоздавшихъ почему-либо людей роты. Когда толпа, состоявшая до $1^1/_2$ тысячи или нѣсколько болѣе, достаточно приблизилась къ переправѣ, данъ былъ по ней залпъ, но онъ не остановилъ толпу, бросившуюся къ мосту. Ротный командиръ, не рѣшаясь вступить въ неравный бой, приказалъ дать по толпѣ еще залпъ и затѣмъ, отстрѣливаясь, отвелъ роту черезъ мѣстечко по дорогѣ на Заблудово къ м. Кнышинъ.

По слухамъ, мятежники много потеряли убитыми и ранеными, а изъ состава 7 роты два рядовыхъ взяты были въ плѣнъ, нѣсколько ранено и трое убиты, въ томъ числѣ и одинъ барабанщикъ, барабанъ коего потомъ нашли спрятаннымъ на чердакѣ костела, за что привлеченъ былъ къ отвѣтственности мѣстный ксендзъ, спустя нѣсколько дней арестованный и доставленный въ Бѣлостокъ; убитые нижніе чины привезены были туда же изъ Кнышина и съ военными почестями похоронены на мѣстномъ кладбищѣ [2]).

---

[1]) На ротномъ дворѣ 7 роты въ м. Суражѣ было только 20 нижнихъ чиновъ, а остальные люди роты по окрестнымъ деревнямъ (изъ сохранившагося письма моего изъ Бѣлостока 13 января 1863 года, то есть спустя 2 дня послѣ нападенія повстанцевъ на мѣстечко).

[2]) По сохранившемуся письму моему 13 января 1863 года,—убитый барабанщикъ 7 роты былъ изувѣченъ повстанцами звѣрски—ему отрѣзаны были носъ, уши, языкъ, дѣтородный членъ и нанесено 18 ранъ. Солдатскія и офицерскія вещи въ Суражѣ были разграблены; остальные 2 убитыхъ рядовыхъ также изувѣчены.

Такъ начался мятежъ („рухавка"), въ сущности заставшій мѣстныя власти и войска врасплохъ. Одновременно,—по слухамъ и газетнымъ извѣстіямъ, — произведены были нападенія на войска въ различныхъ пунктахъ Царства Польскаго и почти всюду они имѣли характеръ внезапности, хотя конечно внѣ сомнѣнія, что также почти всюду власти предупреждались тѣмъ или инымъ путемъ о готовившихся нападеніяхъ, но—относились къ слухамъ и сообщеніямъ съ непростительнымъ недовѣріемъ.

Выше сказано, что возстаніе застало нашихъ офицеровъ съ весьма жалкимъ вооруженіемъ, въ виду чего немедленно на полковыя суммы были выписаны для желающихъ Златоустовскіе клинки къ полусаблямъ и револьверы тогдашнихъ двухъ системъ—Лефоше и Адамсъ-Кольта,—съ комплектомъ патроновъ къ нимъ [1]). Неудобныя для похода поясныя офицерскія портупеи большинствомъ замѣнены были ременными плечевыми, хотя установленной формы на это и не было. Длинныхъ сапогъ тогда не носили и тотчасъ началось усиленное шитье ихъ.

Спустя нѣкоторое время получены были извѣстія о появленіи бандъ мятежниковъ въ Бѣлостокскомъ, Бѣльскомъ и Высоко-Литовскомъ уѣздахъ. Въ первое время мятежа инсургентскія банды, хотя и на скорую руку организованныя, были дѣйствительно смѣлы въ своихъ передвиженіяхъ и набѣгахъ, но конечно потомъ дѣло пошло иначе, когда наши власти осмотрѣлись, намѣтили планъ дѣйствій и сгруппировали гдѣ нужно войсковыя части. Сначала развѣдокъ о повстанцахъ почти не производилось, а это только придавало имъ смѣлости, тѣмъ болѣе, что въ шпіонахъ оии недостатка во все время возстанія никогда не встрѣчали, агенты у нихъ были всюду и по преимуществу евреи. Такъ напр. въ началѣ февраля получено было запоздалое извѣстіе, что небольшая банда повстанцевъ прибыла въ имѣніе г-жи Руммель, всего въ 8—10 верстахъ отъ Бѣлостока и за отказъ въ уплатѣ контрибуціи повѣсила владѣлицу имѣнія на люстрѣ, въ ея же усадьбѣ и этотъ звѣрскій поступокъ прошелъ вполнѣ безнаказанно, такъ какъ о немъ узнали лишь спустя нѣсколько дней, когда банда уже исчезла и погоня за ней была бы напрасна. Съ началомъ возстанія роты Либавскаго полка сосредоточились къ своимъ баталіоннымъ штабамъ и въ Бѣлостокъ прибыло еще нѣсколько ротъ въ добавокъ къ ранѣе квартировавшимъ тамъ, при чемъ было установлено, чтобы дежурный ½ взводъ въ каждой ротѣ находился въ полной готовности—въ какомъ-либо помѣщеніи въ центрѣ занимаемыхъ ротою квартиръ.

---

[1]) 13 февраля партія выписанныхъ револьверовъ системы Лефоше была получена въ штабѣ Либавскаго полка.

Все же никакихъ особыхъ сторожевыхъ мѣръ въ январѣ принято еще не было и даже не указано, гдѣ собираться ротамъ Либавскаго полка въ случаѣ тревоги. Короче, мѣры принимались неувѣренно и съ неумѣстною боязливостью.

Начались такъ называемыя экспедиціи, то есть отправки отрядовъ разнаго состава, но при этомъ топографическихъ картъ въ полку не было. Давались лишь общія указанія по направленію высылаемыхъ отрядовъ или напр. указывался конечный пунктъ, до котораго данному отряду слѣдовало дойти. Естественно, разъ не было картъ, приходилось искать проводниковъ („языковъ") въ попутныхъ мѣстечкахъ и деревняхъ, неохотно бравшихся за это дѣло изъ боязни мщенія со стороны инсургентовъ, нанимать въ проводники лѣсниковъ, ибо большинство экспедицій были, такъ сказать, „лѣсными" и наконецъ обращаться къ тѣмъ же евреямъ, при чемъ случалось, что подобные проводники и особенно евреи, уговорившись вести отрядъ конечно за вознагражденіе, тотчасъ же разными способами предупреждали повстанцевъ о времени выступленія отряда, его составѣ и направленіи движенія. Другими словами, отряды зачастую бродили, особенно по лѣснымъ дорогамъ, какъ съ завязанными глазами и, проблродивъ иногда нѣсколько сутокъ, возвращались на свои стоянки, не встрѣтивъ ни одного инсургента. Тяжелое было положеніе, благодаря непростительной небрежности въ своевременномъ снабженіи войскъ картами и только, когда Либавскій полкъ былъ уже снова въ царствѣ Польскомъ, въ м. Островѣ (Остроленскаго уѣзда), то есть спустя 6—7 мѣсяцевъ послѣ начала мятежа, экземпляры 3-хъ-верстной топографической карты были наконецъ высланы. Добавлю, что банды инсургентовъ имѣли топографическія карты; ихъ находили у плѣнныхъ и въ отбитыхъ у повстанцевъ обозахъ.

Л. Д.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Излишнее рвеніе новаго начальника.

(Къ біографіи графа Е. Ѳ. Комаровскаго).

При вступленіи генерала-отъ-инфантеріи Капцевича въ командованіе отдѣльнымъ корпусомъ внутренней стражи, имъ былъ отданъ 6 декабря 1828 г., за № 259, нижеслѣдующій приказъ: „сего числа вступилъ я въ командованіе корпусомъ внутренней стражи; о чемъ извѣщая гг. окружныхъ, бригадныхъ, полковыхъ и баталіонныхъ командировъ, прошу ихъ, прежде всего и паче всего, употребить прилежную дѣятельность и усиленное вниманіе въ исполненіи своихъ обязанностей, дабы тѣмъ, заслуживъ лучшее о себѣ мнѣніе правительства, измѣнить непріятное заключеніе общества, чего не трудно достигнуть, ежели гг. начальники всегда и вездѣ будутъ блюсти судъ и правду и служить Государю вѣрно".

Приказъ вызвалъ нижеслѣдующее всеподданнѣйшее отъ 12 декабря 1828 г. письмо генералъ-адъютанта гр. Комаровскаго, бывшаго командира означеннаго корпуса.

Всемилостивѣйшій Государь.

Скорбя въ душѣ моей, дерзаю прибѣгнуть къ священной особѣ Вашего Императорскаго Величества.

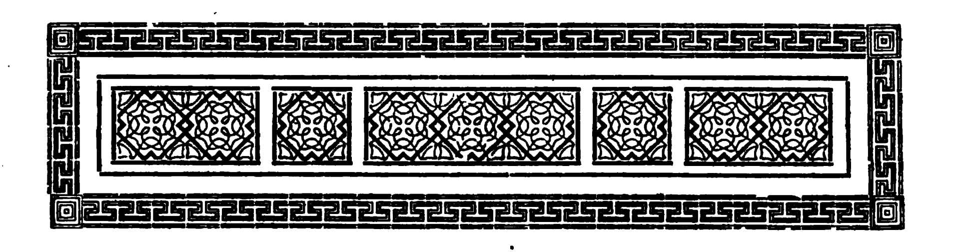
Генералъ Капцевичъ, при вступленіи своемъ въ командованіе отдѣльнымъ корпусомъ внутренней стражи, отдалъ приказъ, въ коемъ проситъ окружныхъ генераловъ, бригадныхъ и баталіонныхъ командировъ стараться заслужить лучшее мнѣніе правительства и измѣнить непріятное заключеніе общества, присовокупляя, что до сего легко достигнуть, если начальники будутъ блюсти судъ и правду и служить Государю вѣрно. Я не могу отнесть сего приказа на счетъ свой, потому что мой преемникъ, конечно, не принялъ бы на себя судить о семнадцатилѣтнемъ моемъ командованіи, во время коего я имѣлъ счастіе получить особые знаки Монаршаго благоволенія какъ Вашего Императорскаго Величества, такъ и почивающаго въ Бозѣ Государя Императора, но столь общее дурное заключеніе о всѣхъ безъ изъятія бывшихъ подчиненныхъ моихъ за время службы ихъ подъ моимъ начальствомъ не можетъ мнѣ быть не прискорбно. Не

стану оспаривать, что въ многочисленномъ составѣ корпуса, въ который часто переводились офицеры изъ арміи съ болѣзнями не только тѣлесными, но и нравственными, есть люди, имѣющіе значительные недостатки. Я не умолчалъ сего предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, когда бралъ смѣлость писать о трудности соблюдать въ корпусѣ желаемый порядокъ, но, всемилостивѣйшій Государь, Вашему Императорскому Величеству извѣстно, что за проступки всегда было взыскиваемо строго, что всѣ преступленія были обслѣдованы и наказаны; начальники, служащіе въ корпусѣ, никогда не нарушили правды, корпусъ всегда былъ Государю своему вѣренъ; многіе не только доказали вѣрность свою пролитіемъ крови на полѣ брани, но и, служа въ корпусѣ, удостоены были награжденія чинами, знаками отличія, объявленіемъ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества благоволенія; честь ихъ мнѣ дорога, и я принимаю смѣлость одинъ печатный экземпляръ приказа генерала Капцевича при семъ повергнуть.

На прошеніе послѣдовала резолюція: „Высочайше повелѣно принять къ свѣдѣнію, а генералу Капцевичу замѣтить, что не слѣдовало бы отдавать приказъ въ столь неблаговидныхъ выраженіяхъ, что и исполнить. 16 декабря“.

Сообщилъ Михаилъ Соколовскій.

Исторія карелъ.

I.

Современные карелы.

Количество и распредѣленіе карелъ въ настоящее время.

По переписи 1897 года въ Россіи насчитывается 208.101 карелъ, къ которымъ нужно прибавить еще около 20 тысячъ карелъ Финляндіи. Въ отношеніи Финляндіи нужно имѣть въ виду, что здѣсь слово „карелъ“ употребляется въ двухъ значеніяхъ: географическомъ и этнографическомъ, т. е. карелами называютъ себя въ Финляндіи и тѣ финны, которые живутъ въ области прежней Кареліи, какъ саволастами называютъ себя финны, живущіе въ Саволаксѣ, ямелястами—финны, живущіе въ Ямеляндѣ и т. д. Въ этнографическомъ же отношеніи карелами слѣдуетъ называть лишь тѣхъ православныхъ карелъ Салминскаго уѣзда Выборгской губерніи, которые въ количествѣ 20 тыс. человѣкъ еще не офиннены и мало чѣмъ отличаются отъ карелъ Олонецкой губерніи. Что же касается потомковъ карелъ въ Куопіоской губерніи и другихъ уѣздовъ Выборгской губерніи, кромѣ Салминскаго, то они уже вполнѣ офиннились, несмотря на то, что до 20 тысячъ ихъ пока еще формально исповѣдуетъ православіе, вѣроятно, до обнародованія въ Финляндіи закона о свободѣ вѣроисповѣданія. Слѣдовательно, въ общей сложности число карелъ въ настоящее время доходитъ до 230 тысячъ человѣкъ, которые по губерніямъ распредѣляются такъ: Тверская губернія—117.679 человѣкъ, (уѣзды: Бѣжецкій, Весьегонскій, Вышневолоцкій, Новоторжскій), Оло-

нецкая—59.413 (уѣзды: Повѣнецкій и Олонецкій), Выборгская около 20 тысячъ, Архангельская—19.542 (уѣздъ: Кемскій), Новгородская—9.980, Петербугская—835 человѣкъ, остальные разбросаны десятками и единицами по остальнымъ губерніямъ Россіи.

Устойчивы ли карелы, какъ отдѣльная народность.

Вслѣдствіе своей сравнительно не высокой культурности карелы въ Финляндіи, которыхъ мы указали выше, офинниваются, въ Имперіи же русѣютъ, въ чемъ можно убѣдиться хотя бы изъ сопоставленія количества карелъ по губерніямъ, даваемаго Кеппеномъ въ 1853 г., и переписью 1897 года. Въ Новгородской губерніи въ 1853 г. по Кеппену было—27.076 карелъ, въ 1897 году—8.980; въ Петербургской—въ 1853 г.—9.660, въ 1897 г.—835, въ томъ числѣ лишь 286 женщинъ; въ Ярославской въ 1853 году 1.283 человѣка, въ 1897 году—23, въ томъ числѣ лишь 5 женщинъ. Такимъ образомъ въ этихъ трехъ губерніяхъ обрусѣніе карелъ идетъ быстрыми шагами: карелы Петербургской губерніи и Ярославской даже роднымъ языкомъ своимъ показали русскій языкъ. Но и въ остальныхъ трехъ губерніяхъ, гдѣ за послѣднюю половину истекшаго столѣтія количество карелъ возрасло: Архангельская—съ 11.228 до 19.517, Олонецкая—съ 43.810 до 59.414, Тверская—съ 84.638 до 117.679 человѣкъ,—обрусѣніе шло въ поступательномъ направленіи. Объ этомъ обрусѣніи одинаково говорятъ какъ русскіе, такъ и финскіе изслѣдователи. Такъ объ обрусѣніи карелъ говорится въ „Россіи", полномъ географическомъ описаніи нашего отечества. Подъ общимъ руководствомъ Семенова, т. I, стр. 98; въ „Suomen maakunnat. Pohjois ja Stakarjala" стр. 97; въ „Muistelmia matkalta Venâjân karjalassa" стр. 25, 43, 44, 58, 148, 191, 195, 201, 202, и др. О степени обрусѣнія карелъ лучше всего можно судить по финляндскимъ кареламъ потому, что здѣсь имѣется полная возможность сопоставленія ихъ съ соплеменными имъ финнами и выясненія этимъ путемъ степени обрусѣнія карелъ. Православіе, принятое карелами отъ русскихъ, внесло съ собою въ жизнь карела обряды и обычаи русскаго народа, какъ напр. похоронные, свадебные;—обряды и обычаи, связанные съ празднованіями православныхъ русскихъ народныхъ праздниковъ. Примѣты, повѣрья, фамиліи, способъ постройки жилищъ, одежда: все это заимствовано кареломъ отъ русскаго и вліяло на выработку того же міровоззрѣнія у карела, что и у русскаго мужичка. Серьозное поэтому имѣется основаніе и у финляндскаго карела, не говоримъ уже про живущихъ въ предѣлахъ Имперіи, называть себя русскимъ для отличія себя отъ соплеменнаго ему

финна, съ которымъ связываетъ его однако еще языкъ, отличающій въ свою очередь въ предѣлахъ Имперіи карела отъ русскаго. Впрочемъ и самый языкъ карела подвергся сильному вліянію русскаго какъ со стороны своего звукового состава, такъ и со стороны строя рѣчи и состава словъ. Для примѣра приведемъ начало и конецъ изъ карельской пѣсни, помѣщенной въ книгѣ „Голосъ карела" Мирона Смирнова.

Зеленая винушка
Погосталъ кабакушка!
Пяата юлэнъ, кивистіяа,
Деньгаа эй энямбяэ олэ...
Вотъ, брихатъ, оли айгу!
Олинъ миняги *молодчу*!
Нюгой *горя* пайнаа,
Иче иткэ и *тужи*!

Слова, заимствованныя изъ русскаго языка, нами подчеркнуты. Во всей пѣснѣ русскія слова составляютъ 27%; слова, общія съ современнымъ финскимъ языкомъ,—64%; 9% составляютъ слова собственно карельскія. Такимъ образомъ все увеличивающееся внѣдреніе русскихъ словъ въ языкъ карела облегчаетъ усвоеніе русскаго языка кареломъ, что и завершитъ полное превращеніе карела въ русскаго.

Карелы въ антропологическомъ отношеніи.

Полному усвоенію русскаго языка содѣйствовало и содѣйствуютъ какъ сношенія карелъ съ русскими, такъ и смѣшанные браки, значительно измѣнившіе и самый типъ карела. Елисѣевъ, подробно разбирая въ своей статьѣ „Антропологическіе признаки собственно финновъ и карелъ", говоритъ, что карелы—„смѣшанный типъ, финны не чистой крови" [1]). Березинъ въ книжкѣ „Пѣшкомъ къ карельскимъ водопадамъ" распредѣляетъ карелъ на три типа: два свѣтлыхъ и одинъ темный. „Изъ свѣтлыхъ одинъ таковъ: высокій ростъ, часто массивное сложеніе, лицо съ правильнымъ оваломъ и моделировкою, съ нѣсколько горбатымъ носомъ, глазами водянисто бѣлыми, волосы различныхъ оттѣнковъ, иногда съ рыжимъ оттѣнкомъ и порою паклеобразны. Второй свѣтлый типъ—низкій ростъ, костляво-корявое сложеніе, съ угловатымъ, широкимъ, плоскимъ лицомъ, которое сильно уродуютъ широкій вдавленный носъ и выступающія скулы. Темный типъ, встрѣчающійся рѣже, напоминаетъ нѣсколько зырянъ

---

[1]) Стр. 469 въ XX т. Импер. Моск. общ. любит. естествозн.

или мордву; особенностью его является высокій ростъ при массивномъ сложеніи, темные прямые волосы и каріе глаза"... (стр. 167) Отдѣльныя указанія на существованіе этихъ типовъ среди карелъ встрѣчаются и у другихъ русскихъ и финляндскихъ изслѣдователей карельскаго племени.

Въ отношеніи психическихъ свойствъ карелъ всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что они значительно живѣе финновъ, богато одарены поэтическими способностями по сравненію съ другими финскими племенами и отличаются большими наклонностями къ торговлѣ [1]). Финская газета „Karjala", издаваемая въ г. Выборгѣ, въ № 20 отъ 25 января 1905 года, въ статьѣ „Вѣжливость или раболѣпство" называетъ карелъ за Калевалу „духовнымъ дворянствомъ Финляндіи". „Руны Калевалы зиждутся главнымъ образомъ на варіантахъ русской Кареліи. Если ихъ сравнить съ варіантами финской кареліи, то будетъ ясно, насколько эти послѣднія короче, менѣе скомпанованы и вообще проще, говоритъ Карлъ Кронъ въ своемъ изслѣдованіи „Kalevalan runojen historia. I sampo", стр. 21. Къ своему изслѣдованію Кронъ прилагаетъ карту съ обозначеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ собраны руны Калевалы. Всѣ эти мѣстности находятся какъ разъ въ той полосѣ, которая тянется съ сѣвера на югъ, начинаясь отъ Кемскаго уѣзда Архангельской губерніи и кончаясь приладожскими мѣстностями Выборгской губерніи, и которая заселена исключительно карелами.

Принимая во вниманіе вышеприведенные типы карелъ, ихъ психическія особенности по сравненію съ финнами, мы должны придти къ тому заключенію, что современныя физическія и психическія особенности карелъ должны были образоваться не только подъ вліяніемъ смѣшенія съ славянами, но также и подъ вліяніемъ тѣхъ географическихъ и экономическихъ условій, при которыхъ карелы жили еще до времени своего появленія въ исторіи. Въ противномъ случаѣ одною лишь примѣсью славянской крови невозможно объяснить психическихъ особенностей карелъ, столѣтіями жившихъ въ историческомъ періодѣ въ одних и тѣхъ же географическихъ и экономическихъ условіяхъ, что и ихъ соплеменники финны.

---

[1]) Елисѣевъ «Антроп. замѣтки о финнахъ»; Тихоновъ «Карелы въ Финляндіи» во „Всемірномъ трудѣ" за 1867 г. Верещагина! „Очерки Арханг. губерніи". S. Krohn „Suomen suku. Maantieteellisiä Kuvaelmia".

II.

Біармія-Карелія доисторическихъ временъ.

Лѣтописецъ Несторъ ни въ перечнѣ финскихъ племенъ, бывшихъ сосѣдями славянъ или платившихъ имъ дань, ни въ разсказѣ о призваніи варяговъ не упоминаетъ карелъ, чего не могло бы быть, если бы карелы въ это время представляли собою племя, давно уже осѣвшее по сѣвернымъ и западнымъ берегамъ Ладожскаго озера. Этого тѣмъ болѣе не могло быть, если принять во вниманіе послѣдующую самую тѣсную связь карелъ съ новгородцами. Если бы карелы осѣли на берегахъ Ладожскаго озера ранѣе прибытія сюда славянъ, то они, вѣроятно, не заимствовали бы отъ славянъ названія озера „Лаадоганъ мери". Славяне же позаимствовали это названіе съ перестановкою звуковъ отъ норманновъ: Альдога—отъ слова alda—волна-озеро, грозное своими бурями [1]). Отъ норманскаго alda—волна заимствовали между прочимъ и финны слово aleto, между тѣмъ какъ карелы обозначаютъ волну словомъ „кари". Географическія названія, связанныя съ именемъ лапландцевъ и очень часто встрѣчающіяся по сѣвернымъ и западнымъ берегамъ Ладожскаго озера, въ родѣ Lapinsuo—лапское болото, Lapinlinna—лапкое укрѣпленіе, Lapinlahti—лапскій заливъ, Lapinsaari—лапскій островъ, равно какъ и сохранившіяся среди карелъ преданія о лапландцахъ, какъ прежнихъ обитателяхъ сѣв.-зап. прибрежій Ладожскаго озера [2]), также противорѣчатъ предположенію нѣкоторыхъ, будто сѣверо-западныя прибрежья Ладожскаго озера были первоначальною родиною карелъ. Напротивъ, изученіе географическихъ названій сѣвера Россіи указываетъ намъ на южные берега Бѣлаго моря и на мѣстности по нижнему теченію Сѣв. Двины, какъ на первоначальную родину карелъ. Веске въ „Славянофинскихъ культурныхъ отношеніяхъ по даннымъ языка", изслѣдуя географическія названія сѣвера Россіи и выдѣляя западнофинскія слова и формы отъ восточно-финскихъ, приходитъ къ тому заключенію, что граница между западными и восточными финнами шла приблизительно отъ рѣки Пинеги (Піэниеги—маленькая рѣка) къ рѣкѣ Вагѣ и по рѣкѣ Вагѣ. Изъ западныхъ же финновъ берега Бѣлаго моря и устья Двины и были заняты карелами, такъ какъ „многія географическія названія здѣсь могутъ быть объяснены лишь карельскимъ языкомъ: Мучъ-островъ (мучей-

---

[1]) „Филологическія розысканія Я. Грота" т. I. Матеріалы для словаря граммат. и исторіи русскаго языка, стр. 273.

[2]) „Kansantaruja Saatokan luoteis-rannikolta, kesällä 1879 konnut Theodor Schvindt".

жена, по-фински vaimo), Кондъ-островъ (кондей—медвѣдь, по-фински karhu) и пр. Наконецъ имя Віхна (Двина), подъ которымъ скандинавамъ была извѣстна большая рѣка біармовъ, еще и теперь въ разговорномъ языкѣ русскихъ карелъ служитъ обычнымъ названіемъ для тѣхъ самыхъ мѣстностей“ [1]). Сами двинскіе карелы еще въ XVI вѣкѣ были извѣстны у скандинавовъ подъ именемъ біармовъ. „Олаусъ Магни, который самъ посѣтилъ въ 1519 году сѣверъ, живо изображаетъ то большое движеніе, которое было на ярмаркѣ въ Торнео. Туда собираются финны (т. е. жители нынѣшней юго-западной Финляндіи), сѣверяне (т. е. жители прибрежной сѣверо-западной Финляндіи), ямелясты, лапландцы, „біармы“ (двинскіе карелы), русскіе, шведы, норвержцы“ [2]). Поэтому-то и Линдеквистъ, выпускающій въ настоящее время отдѣльными выпусками исторію Финляндіи согласно съ тѣми данными, которыя добыты по настоящее время, приходитъ къ опредѣленному выводу о населеніи Біармійскаго царства. „Жители Біармійскаго государства, по крайней мѣрѣ, въ большей своей части были карельскаго происхожденія“ [3]).

Преданія норманновъ о карелахъ-біармахъ.

Свѣдѣнія о Біармійскомъ государствѣ, образованномъ карелами, почерпаются главнымъ образомъ изъ преданій о немъ норманновъ. Норманнъ Отеръ разсказываетъ англійскому королю Альфреду († 900 г.) о своемъ путешествіи въ устье Двины. „По берегамъ этой рѣки земля была густо заселена, почему мы не рѣшились подняться вверхъ по рѣкѣ, повернувъ обратно на родину“. Отеръ вступалъ въ сношенія съ жителями страны, которыхъ онъ называлъ „Беорматъ“. Они дали ему разнообразныя свѣдѣнія какъ о своей странѣ, такъ и о странахъ, находящихся за ними. По мнѣнію Отера, языкъ беормовъ—почти тотъ же, что и у лапландцевъ его страны. Въ 1026 году норманны: Карлъ Халогаланъ и Тореръ Хундъ отправились на двухъ судахъ съ товарами въ устье Двины, походы куда то ради торговаго обмѣна, то ради грабежа предпринимались нерѣдко послѣ Отера. Норманны приплыли къ тому берегу, гдѣ производилась торговля, и начали обмѣнъ. Тореръ и Карлъ выменяли много бѣличьихъ, бобровыхъ и собольихъ шкуръ. Послѣ обмѣна они вошли въ рѣку, и Тореръ спросилъ своихъ товарищей, не хотятъ ли они, сойдя на берегъ, получить большую добычу, однако

---

[1]) „Kertomuksia Suomen historiasta“ Krohn. I (стр. 10).
[2]) Kuvallinen Suomen historia. II. стр. 725.
[3]) Suomen Historia. Lindequist. 1905. стр. 36.

вмѣстѣ съ этимъ онъ предупреждалъ, что можно быть и убитыми. Всѣ выразили согласіе. Тореръ тогда объяснилъ, что „въ этой землѣ существуетъ обычай дѣлить послѣ смерти кого-либо наслѣдство между покойникомъ и наслѣдниками. Долю покойнаго—часто половину, часто ¹/₃ часть или и того меньшую—зарывали на кладбищѣ. Тамъ-то и можно было заполучить много богатствъ“. Съ наступленіемъ вечера норманны пошли—сперва по открытому мѣсту, потомъ по лѣсу. Въ лѣсу „наконецъ открылось обширное, очищенное отъ лѣсу мѣсто. Посрединѣ былъ виденъ обнесенный высокою изгородью дворъ, ворота въ который были замкнуты. Дворъ охранялся шестью біармами, изъ которыхъ два по очереди были на стражѣ ночью“. Норманны удачно проникли во дворъ, о которомъ Тореръ сказалъ, что „на этомъ дворѣ есть холмъ, въ которомъ хранится и хламъ и золото, его и надо найти. Здѣсь также и богъ біармовъ, по имени Jomale“. Холмъ нашли и расхитили золото. Всѣ направились прочь, но Тореръ остался; тогда къ нему вернулся Карлъ и засталъ Торера грабящимъ изображеніе Jomale. „Онъ снялъ съ колѣнъ идола серебряную чашу, полную серебряныхъ денегъ... На шеѣ идола была дорогая толстая золотая цѣпь“. Ударомъ топора Тореръ разсѣкъ веревку, соединявшую концы цѣпи. Отъ шума проснулись сторожа, затрубили въ трубы, и норманны едва спаслись. „Жители этой земли были очень мужественны и хвалились кромѣ того, какъ очень знающіе колдуны. Поэтому грабители часто получали въ возмездіе смерть“. Біармійцы съ своей стороны иногда предпринимали съ устьевъ Двины походы въ отмщеніе за набѣги норманновъ, и разоряли и грабили находившуюся подъ норвежскою властью Рую“. Норманскія преданія упоминаютъ о королѣ біармовъ, но тамъ, вѣроятно, были лишь незначительные князьки [1]).

Отраженіе историческихъ чертъ изъ жизни карелъ-біармовъ въ современныхъ карельскихъ сказкахъ; бирки.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о біармійцахъ можно извлечь и изъ современныхъ карельскихъ сказокъ, изданныхъ Арвидомъ Генетцомъ въ его „Tutkimus Venäjän Karjolan Kielesto Hels. 1880“. Въ сказкахъ сохранились еще указанія на способъ веденія біармійцами морской торговли. Суда біармійцевъ плыли на парусахъ вдоль берега до какого-либо поворотнаго пункта на берегу, гдѣ оно ожидало новаго попутнаго вѣтра потому, что прежній, приведшій сюда судно вѣ-

[1]) Разсказы Отера и Торера Хуяда нами переданы по Крону: Kertomuksia Suomen historiasta“.

теръ, изъ-за перемѣны въ направленіи пути, уже болѣе не могъ быть попутнымъ. Чтобы скорѣе задулъ желаемый попутный вѣтеръ, біармійцы приносили жертвы, часто человѣческія, богу морей. Экипажи судовъ, конечно, незначительные, состояли главнымъ образомъ изъ рабовъ, что облегчало вопросъ о выборѣ человѣческой жертвы. При появленіи у какого-либо населеннаго пункта какъ прибывшіе, такъ и жители селенія выказывали большую осторожность: купцы опасались разбойничьяго нападенія на свои товары, жители боялись прибывшихъ, предполагая въ нихъ морскихъ разбойниковъ. Когда подозрѣнія относительно другъ друга разсѣивались, купцы приставали къ берегу, приносили даръ правителю мѣстности и раскладывали товаръ для торга по доскамъ—лаута, откуда, вѣроятно, наше слово лавка. Торгъ производился очень долгое время, необходимое для увѣдомленія окрестныхъ селеній, ожиданія покупателей изъ нихъ. На это время купецъ нанималъ себѣ жену изъ мѣстныхъ женщинъ. Иногда у пришлыхъ купцовъ бывалъ необыкновенный, по нашимъ понятіямъ, расходъ: убытки, причиненные мѣстному населенію вѣтромъ, приведшимъ торговое судно въ извѣстное селеніе, должны были быть возмѣщаемы этимъ судномъ потому, что по вѣрованію карелъ царь морской поднималъ такой вѣтеръ не иначе, какъ по просьбѣ и моленіямъ хозяина пришедшаго судна.

Какъ народъ, занимавшійся торговлею, карелы-біармы прибѣгали и къ продажѣ и покупкѣ въ долгъ, слѣды чего сохранились по настоящее время какъ у карелъ, такъ и у ихъ сосѣдей въ такъ называемыхъ биркахъ. Теперь бирка—выстроганная изъ дерева тонкая пластинка, діагональнымъ разрѣзомъ раздѣленная на двѣ соотвѣтствующія части. При заключеніи торговой сдѣлки въ долгъ, единицы долга обозначаютъ на пластинкѣ поперечными надрѣзами, послѣ чего кредиторъ и должникъ берутъ по половинкѣ пластинки. При уплатѣ кредиторъ и должникъ видятъ единицы долга и избѣгаютъ несправедливости. Существовалъ ли при этомъ ростъ долга въ видѣ процентовъ, неизвѣстно. Быть можетъ, наше слово—кабала, кабальный позаимствовано отъ карельскаго кабалотъ, кабалойя, означающаго пеленать, опутывать.

Предметы торговаго обмѣна.

Торговали карелы-біармійцы главнымъ образомъ шкурами пушныхъ звѣрей. Особенно много было бѣличьихъ шкурокъ, которыя замѣняли собою въ торговомъ обращеніи нынѣшнюю мелкую монету и назывались raha. Это слово, при появленіи потомъ въ обращеніи металлической монеты, перешло на нее и стало обозначать деньги

вообще. Употреблялось для обозначенія такой денежной единицы и другое слово naha—шкурка, которое было заимствовано и русскими славянами, напр. въ Словѣ о полку Игоревѣ: „была бы чампо ногатѣ"...

Торговля рабами и особенно рабынями приносила кареламъ-біармійцамъ выгоды, уступавшія лишь выгодамъ, получаемымъ отъ продажи шкуръ пушныхъ звѣрей. „Во времена язычества финны, повидимому, похищали, покупали и продавали рабовъ. Одна пѣсня разсказываетъ о провозѣ рабынь на ярмарку, другая о похищеніи дѣвушекъ... Постановленіе короля Биргера въ 1316 году имѣло въ виду помѣшать похищенію и продажѣ карельскихъ дѣвушекъ. Такія мѣстныя названія, какъ Orjaulahti (заливъ рабовъ), Orjansaari (островъ рабовъ) въ Кареліи суть воспоминанія о мѣстѣ торговли рабами" [1]). Торговля шкурами пушныхъ звѣрей и рабынями была для карелъ-біармійцевъ тѣмъ выгоднѣе, что сами они добывали эти предметы торговли безъ уплаты за нихъ чего-либо съ своей стороны. Обширныя внутреннія пространства между Ботническимъ и Финскимъ заливами съ одной стороны, Бѣлымъ моремъ, Онежскимъ и Ладожскимъ озерами съ другой—были заняты лапландцами, чтò подтверждается какъ прямыми лѣтописными указаніями, такъ и цѣлымъ рядомъ географическихъ названій, связанныхъ съ именемъ лапландцевъ, на всемъ этомъ пространствѣ. Такъ въ добавленіе къ приведеннымъ выше географическимъ названіямъ, связаннымъ съ именемъ лапландцевъ по берегамъ Ладожскаго озера, укажемъ здѣсь на финское названіе г. Вильманстранда—Lappeuran Лапскій берегъ, Lapinniemi, Lapinsalo, Lapinlahti—внутри Финляндіи; Лапскіе погосты нашихъ памятниковъ: Линдозерскій, Селецкой, Падинской, Топозорской, Револьской, Шуерпцкой, Орезерской. Вся эта тогдашняя лапландская глушь пересѣкается двумя великими водными путями: однимъ съ востока на западъ—рѣками Кемью съ притоками и Улео съ притоками, отдѣляющимися лишь небольшимъ волокомъ; другимъ съ сѣвера на югъ—верхніе притоки рѣки Улео сближаются съ притоками Піэлисъярви—озера, составляющаго сѣверную часть Сайменскаго бассейна, изъ котораго двумя путями выходили въ Ладожское: или Вуоксою или изъ озера Пюхярви на притоки сѣверной части Ладожскаго озера. Пользуясь этими двумя путями, карелы-біармійцы и собирали дань съ лапландцевъ шкурами пушныхъ звѣрей, и если находили нужнымъ, то забирали и самихъ лапландцевъ, въ качествѣ рабовъ.

---

[1]) „Suomen asukaat pakanuuden aikona. Aspelin. Ness. 1885", стр. 66.

Соль, повидимому, также служила товаромъ, развозимымъ біармійцами. О существованіи солеваренъ на берегу Бѣлаго моря упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ уже подъ 1137 годомъ. Очевидно, новгородцы получили солеварни въ наслѣдство отъ карелъ-біармійцевъ.

Не было недостатка у карелъ-біармійцевъ и въ предметахъ обработывающей промышленности. „Изъ привозимыхъ изъ другихъ странъ грубыхъ матеріаловъ: нечистаго серебра и бронзы, финскіе художники, среди которыхъ карелы были, повидимому, наиболѣе выдающимися, плавкою, паяніемъ, чеканкою изготовляли разнообразныя серебряныя и мѣдныя издѣлія... круглыя и продолговатыя пряжки, различные браслеты и кольца, шейные и поясные ремни, шейныя и грудныя цѣпи, наконечники для ножей и ноженъ, различныя шпильки, сережки, нашивки на одежду и безчисленныя другія побрякушки и украшенія... Славное воспоминаніе о прежнихъ карельскихъ мастерахъ. Швиндтъ нашелъ при раскопкѣ одного кладбища „Серебряныя и мѣдныя вещи были въ другой Кекомякской могилѣ, въ которой, вѣроятно, былъ погребенъ подобный ревнитель искусства. Въ могилѣ былъ маленькій молотокъ съ ручкою, украшенною мѣдными гвоздиками, другое еще меньшее молотообразное оружіе, толчея изъ карельской березы, гвоздеобразное желѣзо, составлявшее, вѣроятно, часть какого-либо оружія, маленькіе желѣзные щипцы, много желѣзныхъ мелкихъ предметовъ, изъ которыхъ многіе имѣли рукоятки, другіе были, вѣроятно, рѣзцами, точильный камень, два бруска, и длинный тонкій кусокъ бронзы, отрѣзанной отъ увѣсистаго листа бронзы. Находившіеся въ могилѣ поясная пряжка, пластинки, ременные дѣлители, пряжка отъ плаща, оправа отъ ноженъ были, повидимому, издѣліями того же человѣка“ [1]).

Мѣста торговаго обмѣна и торговые пути.

Главнымъ мѣстомъ для торга въ карельско-біармійскомъ государствѣ служило селеніе, а можетъ быть и нѣсколько, въ устьѣ Сѣв.-Двины. Сюда прибывали для торга скандинавы съ запада, съ востока болгарскіе купцы. „Воспоминаніемъ о болгарской торговлѣ можетъ быть служитъ лапландское слово buolvar, означающее купца,

---

[1]) „Kuvauksia Suomen Kansan esihistoriasta. I. Väino Vallin. 1894 juvaskylä“ (стр. 154, 187, 188).

приходящаго; съ торгомъ въ опредѣленное время" [1]). Здѣсь, т. е. въ устьяхъ Двины, вѣроятно опредѣлялась стоимость товаровъ, въ зависимости отъ чего продавались товары и въ другихъ мѣстностяхъ. Отсюда, по всей вѣроятности, произошло, съ легкой руки скандинавовъ и самое названіе „Біармія", которое представляетъ собою не что иное, какъ карельскія слова ріа-агvо-mua—главная оцѣночная земля или земля главныхъ оцѣнокъ (ріа или иногда реа—голова, агvо—оцѣнка, mua—земля). При удареніи, дѣлаемомъ на первомъ слогѣ и меньшей ясности произношенія остальныхъ слоговъ, скандинавы и восприняли это названіе въ формѣ то Beorma, то Biarma.

Отъ устьевъ Сѣв.-Двины торговые пути карелъ-біармійцевъ шли въ трехъ направленіяхъ: на западъ, югъ и юго-востокъ, при чемъ западный торговый путь въ верховьяхъ Улео, какъ выше было указано, раздваивался, продолжаясь съ одной стороны по Улео на западъ и поворачивая съ другой стороны къ бассейну Сайменскаго озера на югъ. Южный путь шелъ по Онегѣ, юго-восточный по Сѣв.-Двинѣ. Сообразно съ этимъ карелы-біармійцы имѣли четыре главныхъ конечныхъ пункта торговыхъ своихъ операцій: 1) въ устьѣ рѣки Улео, 2) при нынѣшнемъ Выборгскомъ заливѣ, 3) на Бѣлоозерѣ и 4) въ Великихъ Болгарахъ. Но на Бѣлоозерѣ и въ Великихъ Болгарахъ карелы были лишь торговцами, между тѣмъ какъ въ устьяхъ Улео и при Выборгскомъ заливѣ они были, кромѣ того, и колонизаторами.

Торговый обмѣнъ по Сѣв.-Двинѣ съ болгарами производился карелами до самаго начала XIII вѣка. Въ началѣ XIII вѣка русскіе заложили городъ Устюгъ и закрыли торговый путь карелъ-біармовъ. Въ 1219 году болгары успѣли было отнять у русскихъ городъ Устюгъ, но не надолго: русскіе снова заняли городъ и положили конецъ сношеніямъ карелъ-біармовъ съ болгарами, что было тѣмъ легче сдѣлать потому, что эти сношенія уже были, какъ увидимъ ниже, послѣдними издыханіями торговли карелъ-біармовъ. Они даже и не помышляли объ отнятіи Устюга у русскихъ, предоставивъ попытку на это болгарамъ.

Значительно раньше потерялъ свое значеніе южный торговый путь. На Бѣлоозерѣ былъ главный городъ Веси, куда пріѣзжали и біармійскіе и болгарскіе купцы для обмѣна товаровъ, изъ-за чего онъ былъ извѣстенъ даже арабскимъ лѣтописцамъ. Значеніе этого города подтверждается и тѣмъ фактомъ, что нашъ лѣтописный раз-

---

[1]) „Suomen asuhaat pakonunden aikana. Aspelin. Hels. 1885. стр. 81.

сказъ о призваніи князей помѣщаетъ Синеуса на Бѣлоозерѣ [1]). Занявъ Бѣлоозеро, славяне тѣмъ самымъ отвлекли область Веси отъ восточной біармо-болгарской торговли и ввели въ западную новгородскую.

Колонизація карелами-біармами тогдашней лапландской глуши.

Главнымъ поставщикомъ мѣховъ для біармовъ была лапландская глушь. Ведя бродячій образъ жизни изъ-за занятія охотою и оленеводствомъ, лапландцы въ силу этого должны были жить отдѣльными семьями. Разсѣянные по лѣсной глуши, они не могли дать отпора являвшимся къ нимъ за данью кареламъ-біармамъ, которые въ сущности являлись господами ихъ жизни и собственности. Карелы-біармы съ теченіемъ времени перестали ограничиваться однимъ только сборомъ дани, но и начали селиться среди лапландцевъ. Первыя колоніи карелъ возникли въ устьяхъ рѣки Улео и по берегамъ Ботническаго залива, прилегающимъ къ устью Улео, какъ мѣстностяхъ, гдѣ при обиліи рыбы въ рѣкѣ было болѣе густое населеніе лапландцевъ. Карелы, поселившіеся здѣсь, стали называться кайнуластами, или квенами по-скандинавски. Появленіе этой карельской колоніи въ устьяхъ Улео произошло, вѣроятно, задолго до IX вѣка; по крайней мѣрѣ въ IX вѣкѣ колонія находилась уже во враждѣ съ метрополіею изъ-за права сбора дани съ лапландцевъ. Предпринимались даже походы другъ на друга кайнуластовъ и біармовъ. Въ одно и то же время кайнуластамъ приходилось вести борьбу и съ скандинавами: въ 1060 году сынъ шведскаго короля Алундъ съ отрядомъ своей дружины прибылъ въ страну кайнуластовъ и погибъ въ борьбѣ съ ними. Поставленные въ необходимость вести борьбу на два фронта, кайнуласты были побѣждены біармами, должны были принять новыхъ поселенцевъ изъ Біарміи и отказаться отъ стремленій къ независимости [2]).

Карельскія колоніи на перешейкѣ между Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ возникли уже значительно позже колоній въ устьѣ Улео. Такъ какъ появленіе карелъ на этомъ перешейкѣ означаетъ начало новаго періода въ исторіи карельскаго племени, то мы прежде, чѣмъ перейти къ нему, еще разъ напомнимъ объ указанныхъ вначалѣ психическихъ чертахъ карелъ для того, чтобы изъ изложенныхъ выше условій жизни біармовъ читатель уже вынесъ

---

[1]) „Kuvauksia Suomen Kansan esihistoriasta. Vâino Vallin“ стр. 51.

[2]) „Kuvallinen Suomen historia II, 174—175“ и „Suomen asukaat pakanuuden aihana, 62“.

себѣ объясненіе возникновенія въ карелѣ этихъ чертъ: бо́льшей живости въ характерѣ, большихъ поэтическихъ дарованій сравнительно съ другими финскими племенами, наклонности къ торговлѣ. Торговыя сношенія біармовъ дѣлаютъ понятными и предположенія Карла Крона о заимствованіяхъ карелами матеріала для рунъ Калевалы отчасти изъ широко распространенныхъ разсказовъ индоевропейскихъ и семитохамитскихъ народовъ о мировомъ яйцѣ [1]). Затѣмъ, прежде чѣмъ перейти къ новому періоду исторіи карелъ, мы дадимъ свѣдѣнія о домашнемъ бытѣ, религіи, общественномъ устройствѣ карелъ-біармовъ на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя можно почерпнуть изъ данныхъ современнаго финновѣдѣнія.

Общественная и частная жизнь карелъ-біармовъ.

Изслѣдованіе словъ, заимствованныхъ западными финнами изъ литовскаго и готскаго языковъ, даетъ возможность опредѣлить очень давнее соприкосновеніе финновъ съ литовцами, бывшее еще въ то время, когда западные финны не вполнѣ отдѣлились отъ приволжскихъ финновъ. Доказательствомъ этому служитъ, во-первыхъ, наличность заимствованныхъ изъ литовскаго языка словъ, имѣющихся, какъ въ западно-финскихъ языкахъ, такъ и въ приволжско-финскихъ; во-вторыхъ, перемѣна звуковъ sz, z литовскихъ словъ на h въ финскихъ (лит. слова—laszis, zambas, szeima при заимствованіи финнами обратились въ lohi—лосось, hammos – зубъ, heimo—племя); перемѣна звука t литовскихъ словъ на s въ финскихъ (marti обратилось въ morsian—невѣста). Въ другихъ заимствованныхъ словахъ подобнаго измѣненія уже не встрѣчается, какъ, напр., въ словахъ, заимствованныхъ у готовъ и скандинавовъ, которыхъ къ тому же нѣтъ и въ языкахъ приволжскихъ финновъ. Готскія и скандинавскія слова заимствованы западными финнами около времени перевода библіи епископомъ Ульфилою и даже немного ранѣе, т. е. въ началѣ IV вѣка. Слѣдовательно, заимствованія изъ литовскаго языка относятся къ болѣе раннему времени [2]).

Такимъ образомъ карелы явились на берега Бѣлаго моря, по отдѣленіи своемъ отъ приволжскихъ финновъ, обогащенными уже, по крайней мѣрѣ, культурными заимствованіями отъ литовцевъ. Поэтому-то карелы строятъ себѣ здѣсь уже не kot'ы, т. е. кону-

---

[1]) „Kalevalan runojen historia. I. Sampo. Kaarle Krohn, 130".
[2]) Kuvauksia Suomen Kansan esihistoriasta. Väino Vallin. 45, 46.

сообразные шалаши изъ жердей, покрываемые зимою шкурами звѣрей, а перти (pertti), т. е. четырехугольныя бревенчатыя жилища съ досчатымъ поломъ, окнами, дымовымъ отверстіемъ въ крышѣ и очагомъ, сложеннымъ изъ камня въ видѣ печи. Перти служило одновременно и жилищемъ, и банею, и овиномъ. (Еще и теперь въ глухихъ деревняхъ Кареліи, карелы, натопивъ хорошенько печь, полагаютъ туда соломы, берутъ немного воды и вѣникъ и влѣзаютъ въ печь такъ, что только наружу остается одна голова. Затѣмъ взятою водою поливаютъ горячіе кирпичи печки и хлещутся вѣникомъ въ пару).

Въ устьѣ Сѣв.-Двины, по свидѣтельству норманна Отера, населеніе было густое, такъ что здѣсь, вѣроятно, были и укрѣпленныя селенія-линна (linna) и неукрѣпленныя селенія-кюля (Kylä). Въ дали отъ устья Двины карелы селились отдѣльными дворами на возвышенностяхъ, которые и назывались переварами (perhe—семья, vaara—возвышенность). Величина жилища, или перти, въ такой переварѣ должна была быть значительною, потому что карельская семья столь долгое время жила въ одной перти, что черезъ нѣсколько поколѣній такой совмѣстной жизни мужчина одного угла женился на дѣвушкѣ изъ другого угла. Еще въ концѣ истекшаго столѣтія въ Кареліи встрѣчались такіе дома, гдѣ помѣщалось до 70 душъ населенія. Во избѣжаніе излишней тѣсноты иногда къ старой перти пристраивали новую.

Занявшись на берегахъ Бѣлаго моря исключительно торговлею, охотою, собираніемъ даней съ лапландцевъ, карелы, по всей вѣроятности, сократили свои занятія скотоводствомъ, сравнительно съ тою степенью, въ которой оно было у нихъ до отдѣленія отъ приволжскихъ финновъ, такъ что слово „ижянду", означавшее первоначально распоряжающагося самцами, получило значеніе хозяина, слово „эмянду", означавшее первоначально распоряжающуюся самками, получило значеніе хозяйки. Собака на новомъ мѣстѣ получила особенно важное значеніе потому, что, кромѣ охоты, она служила и вьючнымъ животнымъ, какъ это видно изъ финскаго слова penin kulma, которое теперь означаетъ милю и происходитъ отъ слова peni—собака и kulma—уголъ, конецъ, т. е. путь, который собака могла безъ отдыха везти. Слово койра—собака считается позднѣйшимъ по происхожденію [1]).

Сухимъ путемъ товары перевозились лишь зимою. При отсутствіи искусственныхъ путей сообщенія, при глубокихъ зимнихъ снѣгахъ, для перевозки товаровъ сухимъ путемъ и можно было поль-

---

[1]) Suomen, Historia. Lindequist 1905 г., стр. 20.

зоваться лишь собаками да своею собственною силою: карелы, привязавъ къ поясу маленькія лопарскія санки съ товаромъ, тащили ихъ за собою, катясь на лыжахъ. При этихъ условіяхъ примѣненіе лошади, какъ вьючнаго животнаго, теряло всякое значеніе. Это однако не уронило ея цѣны въ глазахъ карелъ, скорѣе подняло потому, что она теперь стала священнымъ животнымъ, такимъ животнымъ, принесеніе котораго въ жертву было наиболѣе угодно богамъ. Это, конечно, могло лишь улучшить уходъ за лошадью. Коровы держались ради мяса и молока, при чемъ молоко, вѣроятно, считалось лакомствомъ и въ цѣльномъ видѣ не потреблялось. По крайней мѣрѣ, кое-гдѣ по глухимъ деревнямъ современной Кареліи считается грѣхомъ употреблять молоко въ пищу безъ разбавленія его водою, да и количество молока, даваемаго карельскими коровами, очень невелико. При такихъ условіяхъ, врядъ ли бывало болѣе одной коровы и одной лошади при карельскомъ дворѣ—перти, какъ бы многочисленно ни было его населеніе, тѣмъ болѣе, что особыхъ помѣщеній для скота не было. И теперь во многихъ мѣстахъ Кареліи коровы безъ всякаго наздора пасутся теплое время года въ лѣсу, не приходя домой иногда по нѣсколько дней. На тѣ же мѣсяцы, когда чрезмѣрный холодъ и глубокій снѣгъ не позволялъ скоту добывать себѣ въ лѣсу кормъ, заготовляли ивовыхъ листьевъ и травы, собирая послѣднюю по берегамъ рѣкъ и озеръ. Земледѣліе было, конечно, знакомо кареламъ-біармамъ, но въ самой первоначальной его формѣ: выжигали участокъ лѣса и на немъ сѣяли рѣпу, не прибѣгая къ какому-либо разрыхленію земли, что̀ практикуется еще и по сихъ поръ въ Кареліи. И лишь при посѣвѣ ячменя требовалось, чтобы зерно зарывалось пепломъ: для этого ударяли палкою по пню дерева, корни котораго содрогались и встряхивали прилегающій къ нимъ слой земли. Зерно благодаря этому зарывалось въ пепелъ. Потомъ начали разрыхлять землю на такомъ выжженномъ отъ лѣса участкѣ деревяннымъ крюкомъ (кюнзи—ноґоть, откуда кюндаа—пахать).

Руководство работами въ многочисленной карельской семьѣ, распредѣленіе добычи принадлежало старшему въ семьѣ. Въ періодъ язычества браки между членами такой семьи, хотя бы между ними и не было уже кровнаго родства, считались преступными, вслѣдствіе чего браки заключались лишь между членами отдѣльно жившихъ семействъ. Семья жениха обыкновенно платила семьѣ невѣсты подарки, которые, вѣроятно, и назывались кихлатъ (kihlat). По крайней мѣрѣ въ эстонскомъ языкѣ слово kihl, въ лапландскомъ kihle означаютъ тотъ даръ, который женихъ или сватъ платили невѣстѣ. Отсюда у карелъ ґруппа семействъ, связанныхъ между

собою брачными отношеніями, образовывала кихлакунду (kihlakunta) [1]. Кихлакунды составляли въ свою очередь земли, области—маакунды (maakunta), какъ напр: земля кайнуластовъ, земля саволастовъ. Во главѣ земли стоялъ старшій въ племени, имѣвшій званіе кунингаса (kuningas—князь), но не имѣвшій однако единоличной власти при рѣшеніи дѣлъ земли, такъ что званіе кунингаса иногда означало просто болѣе значительнаго, вліятельнаго человѣка [2]. Обсужденіе и рѣшеніе вопросовъ касательно преступленій, споровъ и пр. происходило на собраніяхъ всѣхъ взрослыхъ, независимыхъ членовъ кихлакунды или маакунды. Собранія (каряятъ—собранія) происходили на опредѣленныхъ мѣстахъ: на вершинѣ какой-либо возвышенности, гдѣ были поставлены въ кругъ камни, немного болѣе фута въ діаметрѣ каждый. Въ серединѣ круга находились также камни такого же размѣра. На камняхъ, расположенныхъ въ кругъ, во время собранія сидѣли старѣйшіе представители семей или родовъ; камни, находившіеся въ серединѣ, предназначались для подсудимыхъ.

Кромѣ родственныхъ отношеній, связывавшихъ семейныя группы въ кихлакунды, связью между ними служили и религіозные обряды. Семейныя группы, вмѣстѣ отправлявшія языческія жертвоприношенія, составляли „пидая“ (pitaja). Такія пидаи иногда, вѣроятно, совпадали съ кихлакундами, иногда не совпадали [3].

Видя въ каждомъ явленіи природы проявленіе особаго бога, карелы, какъ и всѣ другіе народы той же степени развитія, чтили многихъ боговъ, но выше и сильнѣе всѣхъ боговъ былъ богъ неба и воздушныхъ явленій—Укко. „Собственнымъ именемъ его прежде было слово Юмала, первоначальное значеніе котораго намекаетъ на небо, т. е. мѣсто грома „jumu“. Затѣмъ слово Юмала сдѣлалось нарицательнымъ, а Укко стало означать верховнаго бога“, во власти котораго были вѣтеръ [4]), дождь, гроза и проч. Супругою его, богинею земли, была Акка. Воспоминаніемъ о нихъ въ настоящее время осталось выраженіе: „Укко юризоо, акку сяризоо“, т. е. мужъ гремитъ, жена дрожитъ, при чемъ первая половина выраженія, въ отдѣльности взятая, всегда употребляется для означенія понятія: „громъ гремитъ“. Богъ водъ назывался Ахто и представлялся воображенію карела съ травяною бородою, въ плащѣ изъ пѣны. Ахто жилъ на днѣ морскомъ, во дворцѣ съ несчетными богатствами; его жена на-

---

[1]) Suomalaisten heimojen yhteiskunta-järjes-tyksestä pakanuuden loppu-aikana. Srjö—koskinen. 124, 125.

[2]) Kuvauksia Suomen kansan esihistoriasta, стр. 115.

[3]) Suomen asukaat pakanuuhen aikana. 91.

[4]) Kertomuksia Suomen historiasta. Krohn. III. 3.

зывалась Велламо. Лѣсами владѣлъ Тапіо, бывшій хозяиномъ также и всѣхъ звѣрей и животныхъ, жившихъ въ лѣсу.

Для обозначенія понятія „чортъ“, злой духъ, въ настоящее время карелы употребляютъ слова: „лембой“, „кехно“ и „пергеле“; послѣднее слово сохранилось отъ временъ соприкосновенія съ литовцами, богъ которыхъ Перкунъ и перешелъ къ финнамъ въ качествѣ злого духа Перкеле. Финское же „Piru“ чортъ, происходящее отъ нашего славянскаго Перуна, у карелъ не встрѣчается, что̀ указываетъ на болѣе позднее сравнительно съ ямью соприкосновеніе карелъ съ русскими: карелы вошли въ непосредственныя сношенія съ русскими, когда русскіе уже отказались отъ Перуна. Имена этихъ, равно какъ и другихъ боговъ, въ родѣ Вейнемейнена—бога тихихъ водъ, Ильмаринена—бога воздуха, сохранялись у карелъ въ заклинаніяхъ, пословицахъ, обрядовыхъ обычаяхъ и пр. и приблизительно до XV, XVI вѣковъ, когда проникшія къ кареламъ христіанскія легенды дали возможность карельскимъ народнымъ пѣвцамъ ввести въ содержаніе переработавшихся въ устной передачѣ христіанскихъ легендъ имена своихъ языческихъ боговъ, на мѣсто христіанскихъ именъ дѣйствующихъ лицъ, и тѣмъ вызвали къ XIX вѣку образованіе пѣсенъ Калевалы.

Храмовъ у карелъ не было, богослуженія же, заключавшіяся въ приношеніи жертвъ, совершались подъ открытымъ небомъ въ священныхъ мѣстахъ: въ рощахъ, на вершинахъ горъ, гдѣ помѣщались идолы—пень, съ верхушкою, обрубленною на подобіе головы, или особой формы камень. Такія священныя мѣста были огорожены для того, чтобы хищные звѣри не похищали жертвъ. Роль жрецовъ исполняли колдуны—арбуи, бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ предсказателями и врачами. Почитались священными также и отдѣльные деревья, источники, камни. „Разсказываютъ, что у карелъ въ лѣсу были обширныя жертвенныя поляны, посреди которыхъ находились большіе камни. Когда карелъ приближался къ камню, онъ обнажалъ голову, падалъ на колѣни, въ безмолвіи подползалъ къ камню и полагалъ на него жертву: рога и кости оленя или лося. Въ большой бѣдѣ онъ приносилъ въ жертву овецъ, кошекъ, пѣтуховъ и мазалъ ихъ кровью идола... лошадь особенно считалась пригодною для жертвъ“ [1]). По преданію, извѣстный конь—камень на островѣ Ладожскаго озера Коневцѣ и былъ однимъ изъ тѣхъ камней, къ которому язычники-карелы приводили лошадей въ жертву духу, обитавшему въ камнѣ.

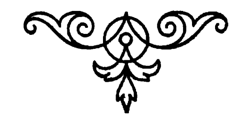

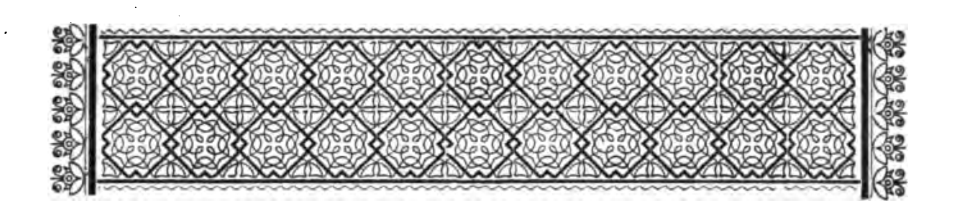
[1]) Suomen asukaat pakanuuden aikana. Aspelin, 94.

Вотъ данныя, которыя можно извлечь о карелахъ-біармахъ, государство которыхъ процвѣтало до X вѣка. По крайней мѣрѣ, норманнъ Отеръ характеризуетъ страну біармовъ въ IX вѣкѣ, какъ густо заселенную, и не рѣшается плыть вверхъ по Сѣв. Двинѣ; въ началѣ же XI вѣка норманны уже смѣло нападаютъ на священныя мѣста біармовъ. Очевидно, въ X вѣкѣ въ жизни біармовъ произошли событія, измѣнившія могущество и значеніе Біармійскаго государства.

Сообщилъ В. Крохинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія

О Харьковскомъ университетѣ.

1823—1829 годы.

Въ ранней молодости поступилъ я на службу врачемъ въ военное вѣдомство; почти все время долговременной службы провелъ въ полевыхъ, дѣйствующихъ войскахъ. Назначеніе полевыхъ войскъ, ихъ занятіе, прежде существовавшая система частыхъ передвиженій войскъ дѣйствующей арміи, доставили мнѣ возможность побывать въ разныхъ мѣстахъ обширной русской земли, совершать походы и внѣ ея предѣловъ. Такой родъ службы близко ознакомилъ меня съ военнымъ сословіемъ, доставилъ возможность познакомиться съ положеніемъ полевыхъ войскъ, какъ въ мирное, такъ и военное время; вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ представилось много случаевъ встрѣтиться съ тѣмъ ненормальнымъ положеніемъ войскъ, въ какое походная жизнь и военныя дѣйствія ихъ ставятъ. На мою долю досталось участвовать въ нѣскольких войнахъ, а по обязанности врача я не могъ не познакомиться съ тѣми бѣдствіями, которыя сопутствуютъ войнамъ и часто истребляютъ арміи скорѣе, нежели непріятельскія пули и бомбы.

Собственная воля, или прихотливая судьба удерживали меня въ военной службѣ; я въ ней состарѣлся и такъ заслужился, что, упустивъ изъ виду послѣдовавшее постановленіе, которымъ назначенъ предѣлъ военнымъ врачамъ, далѣе котораго они, по собственной волѣ, въ военной службѣ оставаться не могутъ, чуть чуть не дослужился до удовольствія прочесть въ приказахъ,—„уволенъ отъ

службы за преклонностію лѣтъ". Нѣкоторыя обстоятельства лишили меня этого утѣшенія; я уволенъ отъ службы по болѣзни [1]).

Доживая свой вѣкъ на покоѣ, въ тиши, почти въ уединеніи, мнѣ часто случалось читать, иногда слушать разсказы врачей и не врачей о разныхъ перемѣнахъ, вводимыхъ въ военномъ вѣдомствѣ, о разныхъ улучшеніяхъ, послѣдовавшихъ въ военно-медицинскомъ мірѣ. Все это меня, сроднившагося въ бытомъ военнаго сословія, не могло не интересовать; особенно утѣшали меня тѣ нововведенія, которыя могутъ послужить къ устраненію тѣхъ неудобствъ и бѣдствій, которымъ больные и раненые въ военное время подвергаются. Международные трактаты о нейтральности врачей и раненыхъ въ военное время; филантропическія стремленія и дѣйствія частныхъ обществъ, направленныя къ устраненію неизбѣжныхъ бѣдствій войны, не могутъ не радовать каждаго. Далеко не то было прежде, много неутѣшительныхъ событій, мною встрѣченныхъ, приходитъ мнѣ на память.

Но принимая во вниманіе тѣхъ неизбѣжныхъ спутниковъ войны, тѣ непредвидимыя, непредотвратимыя случайности военнаго времени, которыя и врачей и не врачей ставятъ въ весьма затруднительное положеніе; припоминая прошлое, съ прискорбіемъ долженъ буду сказать, что не все предполагаемое и предусматриваемое во время войны можетъ быть приведено въ исполненіе. Война навсегда останется народнымъ бѣдствіемъ. Въ недавнее время врачи и не врачи изображали мрачными красками бѣдствія, сопутствовавшія нашу Восточную войну, краснорѣчиво описывая страданія больныхъ и раненыхъ въ Крыму, пришли къ тому убѣжденію, что ее нельзя сравнить ни съ какою другою. Я остаюсь при томъ убѣжденіи, что это вовсе не новость; что и въ прежнія войны было то же самое, если еще не худшее.

Въ молодости обыкновенно мы увлекаемся современнымъ, а еще болѣе насъ очаровываютъ надежды и ожиданія въ будущемъ; когда же кровь станетъ медленнѣе обращаться въ нашихъ жилахъ, когда

[1]) Въ 1863 году я получилъ отъ корпуснаго доктора на бумагѣ запросъ: вѣрно ли въ моемъ формулярномъ спискѣ и спискахъ врачей мнѣ подчиненныхъ означены лѣта отъ роду?—Это напомнило мнѣ о существованіи постановленія, которымъ назначенъ предѣлъ, далѣе котораго врачи, по собственной волѣ, въ службѣ оставаться не могутъ. Я потребовалъ изъ Консисторіи метрическое свидѣтельство, изъ котораго увидѣлъ, что мнѣ можно служить еще три года. Нѣкоторыя грудныя болѣзни давали себя чувствовать; а тутъ открылась кампанія, конецъ которой не предвидѣлся. Опять я долженъ былъ выступить въ походъ. Чтобы отставка не застигла меня гдѣ-нибудь вдали, я рѣшился остаться на мѣстѣ и подалъ прошеніе объ увольненіи меня отъ службы.

опытъ и лѣта притупятъ юношескую воспріимчивость, а будущность и вовсе ничего утѣшительнаго намъ не обѣщаетъ, тогда намъ, старикамъ, остается одна отрада въ воспоминаніяхъ нашего прошедшаго, пережитаго.

Благо, наши органы мышленія, или душевныя способности, такъ созданы, что все случившееся въ лѣта молодости, особенно сколько-нибудь выходившее изъ круга обыкновеннаго житейскаго быта, глубоко взрѣзывается въ нашей памяти и никогда не забывается. Не рѣдко съ трудомъ припоминая недавнія происшествія, мы ясно возстановляемъ въ памяти давно минувшія событія; часто со всею подробностію рисуются въ нашемъ воображеніи мѣста и сцены, гдѣ мы были дѣятелями или зрителями; живо представляются лица, съ которыми встрѣчались, служили, дружились, дѣлили радости и печали.

Воспоминанія своего прошлаго, часто не представляя ничего интереснаго для другихъ, всегда заманчивы для стариковъ. Возвращаясь къ той счастливой порѣ жизни, когда труды мало утомляли, когда встрѣченныя невзгоды вызывали въ насъ болѣе энергіи, мы и въ преклонныхъ лѣтахъ какъ будто молодѣемъ, на время забываемъ свою старость и ея докучливыхъ спутниковъ. Мнѣ кажется, не одно ясное время нашей жизни, но и ненастные дни, нами пережитые, вызываютъ отрадныя ощущенія. Въ послѣднемъ случаѣ сознаніе собственной твердости, упругости, иногда самоотверженія пріятно щекочетъ нервы стариковъ.

Кромѣ того, при томъ обиліи свободнаго времени, которымъ послѣ не совсѣмъ праздной жизни, мы можемъ располагать, перенесеніе на бумагу воспоминаній о событіяхъ, на пройденномъ нами служебномъ пути встрѣченныхъ, доставляетъ легкое и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное занятіе, сокращаетъ время, гонитъ скуку, въ одинокой жизни неизбѣжную.

Откровенно, кажется, я высказался о тѣхъ побужденіяхъ, которыя вызвали меня на составленіе записокъ; остается сказать о ихъ содержаніи.

Я нисколько не имѣю претензіи составить полное описаніе тѣхъ происшествій, въ которыхъ мнѣ приходилось участвовать; не имѣю въ виду разбирать дѣйствія лицъ, въ мирное и военное время поставленныхъ во главѣ управленій. Я буду припоминать только то, въ чемъ самъ принималъ участіе; о своихъ сослуживцахъ и современникахъ скажу только то, что лично мнѣ извѣстно. Такимъ образомъ предметомъ моихъ воспоминаній послужатъ однѣ частности. Не задаваясь напередъ никакими вопросами, не имѣя намѣренія пополнять пропуски въ существующихъ уже описаніяхъ тѣхъ событій, въ которыхъ я былъ участникомь, а тѣмъ менѣе принимая на

себя право разыскивать причины и разъяснять послѣдствія тѣхъ ненормальныхъ событій, о которыхъ мнѣ придется упоминать, я разскажу только, что видѣлъ, и какъ было прежде. Опять повторяю: мое исключительное намѣреніе заключается въ томъ, чтобы на закатѣ дней доставить себѣ занятіе и развлеченіе.

Быть можетъ, между случайными читателями моихъ сказаній еще найдутся участники описываемыхъ мною происшествій, они припомнятъ со мной былыя времена; быть можетъ, найдется старый военный врачъ, хотя не участвовавшій въ описываемыхъ мною событіяхъ, но по случайностямъ войны находившійся въ одинаковомъ со мною положеніи;—онъ вспомнитъ свое прошлое, повѣритъ мое сказаніе, раздѣлитъ нѣкоторыя мои убѣжденія.

Знаю, что, по неумѣнью красно выражаться, мои сказанія о быломъ не привлекутъ много читателей; но если найдется любопытный, прошу его, принявъ во вниманіе главныя причины, вызвавшія меня на составленіе записокъ, а также, не оставляя безъ уваженія еще того обстоятельства, что половину службы я провелъ въ походахъ, лагеряхъ и на бивуакахъ, гдѣ литературою неудобно заниматься,—прошу моего читателя не быть взыскательнымъ къ литературнымъ недостаткамъ моего правдиваго сказанія. Ежели мой разсказъ не красенъ словами, не интересенъ, за то, могу увѣрить, онъ списанъ съ дѣйствительности. Упоминаемые въ немъ факты вѣрны.

Въ заключеніе долженъ сознаться въ одномъ недостаткѣ моихъ записокъ, непосредственно и созиательно отъ меня происходящемъ: припоминая разныя случайности, на пути моего военно-медицинскаго поприща встрѣченныя, я иногда вдавался въ размышленія, высказывалъ свое мнѣніе и свое убѣжденіе. Мои убѣжденія по нѣкоторымъ предметамъ, особенно до практической медицины относящіяся, не всегда согласныя съ установившимися понятіями и теоріями, могутъ показаться странными.

Что дѣлать! Каждый въ правѣ имѣть свои убѣжденія. Быть можетъ, мои выработались жизнію и опытомъ. Для другихъ пусть онѣ останутся мечтою, пожалуй, заблужденіемъ. Мнѣ одному онѣ дороги.

I.

Воспоминанія свои я предполагалъ начать съ 1829 года, когда, во время турецкой войны, вступилъ на службу въ дѣйствующую армію; но, возвратясь къ такому отдаленному времени, къ той эпохѣ моей жизни, когда встрѣтилъ много заботъ и невзгодъ, я не могъ не припомнить и лучшіе годы жизни, тому времени предшествовавшіе:—время пребыванія моего въ университетѣ.

Я теперь живу прошедшимъ, развлекаю себя воспоминаніями о минувшемъ, пережитомъ, а потому отрадно привести на память годы молодости, когда я только еще началъ знакомиться съ жизнію болѣе самостоятельною, когда мнѣ представилось много разнородныхъ прежде вовсе не извѣстныхъ предметовъ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ, началъ пользоваться свободою, могъ располагать своимъ временемъ и родомъ своихъ занятій.

Пятьдесятъ лѣтъ миновало съ того времени, когда я оставилъ Харьковскій университетъ.

Много послѣдовало перемѣнъ въ устройствѣ университетовъ. Не одинъ разъ мѣнялись ихъ уставы. Прежніе порядки уступили мѣсто новымъ. Много произошло перемѣнъ въ Харьковскомъ университетѣ. Изъ профессоровъ того университета, гдѣ я воспитывался, никого уже не осталовь въ живыхъ, да и товарищей моихъ по университету осталось не много; но время пребыванія въ университетѣ, существовавшіе въ немъ обычаи, мои наставники и товарищи и теперь живо представляются въ моей памяти.

Я поступилъ въ Харьковскій университетъ въ 1823 году, а кончилъ курсъ наукъ по медицинскому факультету въ 1828-мъ; воспитывался на собственномъ иждивеніи.

О состояніи университета, относительно его устройства и состава въ немъ преподавателей во время, предшествовавшее моему вступленію, мало что мнѣ извѣстно. Упомяну только, что открытію университета въ Харьковѣ въ 1805 году много способствовало дворянство губерніи и харьковское купечество крупными пожертвованіями, а своимъ просвѣщеннымъ вліяніемъ и мощнымъ содѣйствіемъ харьковскій помѣщикъ Василій Назаровичъ Каразинъ, въ то время состоявшій на государственной службѣ, колебавшееся предположеніе, объ открытіи университета:—въ Екатеринославлѣ, Кіевѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ—окончательно склонилъ въ пользу Харькова. Честь и благодарность за открытіе въ Харьковѣ университета должны быть

отнесены по преимуществу В. Н. Каразину. Съ чувствомъ глубокаго уваженія къ памяти Каразина, теперь припоминаю личность Василія Назаровича, котораго не разъ случалось мнѣ видѣть въ университетѣ. Въ 1827 году В. Н. Каразинъ присутствовалъ на публичномъ экзаменѣ студентовъ юридическаго факультета. Онъ тогда былъ довольно старъ, сѣдой; но съ живостію, свойственной молодости слѣдилъ за отвѣтами студентовъ; самъ даже нѣкоторымъ предлагалъ вопросы. Помню студенту Владиміру Ольденборгеру В. Н. наговорилъ много любезностей за отвѣтъ на его вопросъ изъ статистики. Въ мое время еще существовало преданіе, что университетъ первоначально предполагали построить за городомъ, на землѣ, пожертвованной городскимъ купечествомъ, гдѣ нынѣ разбитъ университетскій садъ, и устроено ветеринарное училище; но составленный проектъ постройки университетскихъ зданій превышалъ средства, а потому было рѣшено занять для университета домъ, выстроенный для пріема Императрицы Екатерины II-й, при проѣздѣ Ея Величества въ Новороссійскій край [1]). Домъ этотъ, и нынѣ существующій, послужилъ зерномъ основанія университета въ центрѣ города, а на земляхъ, пожертвованныхъ городомъ, разбитъ ботаническій садъ. Около того Екатерининскаго дома въ мое время были построены два корпуса, для помѣщенія въ нихъ аудиторій и казенно-коштныхъ студентовъ. Противъ тѣхъ домовъ, чрезъ улицу, построены: церковь, библіотека и актовая зала. Надъ послѣднимъ строеніемъ предполагалось устроить астрономическую обсерваторію и была уже воздвигнута башня, но она осенью обрушилась; тѣмъ окончилось предположеніе объ устройствѣ при университетѣ обсерваторіи.

Возвращаюсь къ припоминанію тѣхъ порядковъ и тѣхъ обычаевъ, которые существовали въ университетѣ во время моего тамъ пребыванія. Мнѣ пришлось пережить въ университетѣ двѣ совершенно разныя эпохи. Не буду говорить, въ какое время было лучше, и въ какое хуже, припомню только время студенческой жизни до 1826 года и послѣ того года.

Вообще, до двадцать шестого года, кажется, всѣ университеты, въ томъ числѣ и Харьковскій, составляли отдѣльныя корпораціи, студенты не были подчинены градской полиціи; казенные воспитанники жили въ казенныхъ домахъ, имѣли общій столъ; какъ за казенно-коштными, такъ и своекоштными студентами университетское начальство, чрезъ своего экзекутора, обыкновенно называвшагося

---

[1]) Не совсѣмъ вѣрно: домъ этотъ былъ выстроенъ для генералъ-губернаторовъ; такъ и назывался *генералъ-губернаторскимъ*. А тотъ, гдѣ теперь церковь и актовая зала, строился для собраній депутатовъ отъ земства, о которыхъ Екатерина мечтала.

полиціймейстеромъ, имѣло собственное наблюденіе; студентъ, какъ въ зданіи университета, такъ и въ своей квартирѣ, состоялъ въ непосредственномъ вѣдѣніи университетскаго начальства. Затѣмъ, положеніе студента въ университетѣ мало чѣмъ разнилось отъ нынѣшняго. Студенты были предоставлены самимъ себѣ и пользовались полною свободою, на ихъ занятія науками, исправное посѣщеніе лекцій, отлучки изъ города никто не обращалъ вниманія; равнымъ образомъ никто изъ начальствующихъ не заботился: держалъ ли студентъ экзаменъ, по истеченіи извѣстнаго срока, выдержалъ ли экзаменъ удовлетворительно, или нѣтъ? Въ тѣ времена студенты оставались въ университетѣ по десяти и болѣе лѣтъ; они посѣщали всѣ факультеты и курсы, а чаще вовсе не ходили на лекціи. Такіе ветераны обыкновенно пристраивались въ домахъ зажиточныхъ людей, занимались воспитаніемъ дѣтей въ тѣхъ домахъ. Эти студенты отличались солидностію и хорошею нравственностію, но отъ привольной жизни въ богатыхъ домахъ становились лѣнивыми и рѣдко оканчивали курсъ наукъ; нѣкоторые оставляли университетъ безъ экзамена; иногда же приходилось имъ выдерживать экзаменъ на ученую степень съ своими домашними воспитанниками.

При такой свободѣ, за студентами водились шалости, даже очень крупныя; а за крупныя шалости полагались и наказанія не мелкія: иногда студентовъ посылали на службу въ войска солдатами, или выключали изъ университета, съ лишеніемъ права, до исправленія въ родительскомъ домѣ, вступать въ службу.

Студенты, особенно казенно-коштные, плохо занимались науками; честолюбіе и желаніе казеннаго воспитанника далѣе званія дѣйствительнаго студента и должности учителя уѣзднаго училища не простирались; институтъ казенно-коштныхъ воспитанниковъ, въ тѣ времена, служилъ сборнымъ мѣстомъ всякихъ гадостей; благовоспитанному молодому человѣку, пріѣхавшему изъ родительскаго дома, было возмутительно туда зайдти.

Такъ было до 1826 года; а съ этого года въ университетѣ послѣдовалъ крутой поворотъ; настали другіе порядки, приняты другія мѣры, для наблюденія за студентами. Начальство стало зорко смотрѣть за поведеніемъ студентовъ, образомъ ихъ мыслей, исправнымъ посѣщеніемъ лекцій, не оставляло мѣръ къ понужденію къ занятіямъ. Такой строгій надзоръ равно былъ примѣняемъ, какъ къ казенно-коштнымъ, такъ и своекоштнымъ студентамъ.

Главнымъ блюстителемъ за исправнымъ посѣщеніемъ лекцій, за нравственностію и прилежаніемъ студентовъ былъ инспекторъ, назначенный высшею властію, а не по выбору университетскаго Совѣта, какъ происходило прежде.

Инспекція, первоначально сформированная, отличалась своею дѣятельностью. Назначенный инспекторомъ экстраординарный профессоръ М. А. Байковъ обладалъ удивительными для порученной ему должности способностями. Въ вѣдѣніе инспектора назначены новые чины, которыхъ прежде не существовало; ихъ было четыре: чины эти назывались надзирателями, или педелями. Вновь назначенные чиновники были нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ субъ-инспекторовъ, но ихъ обязанность была далеко не та, какая возлагается на нынѣшнихъ субъ-инспекторовъ. Одинъ изъ надзирателей, или педелей имѣлъ постоянное пребываніе въ домѣ казенныхъ студентовъ, и ему былъ порученъ исключительный надзоръ за казенными воспитанниками; между остальными тремя городъ былъ раздѣленъ для наблюденія за студентами своекоштными. Обязанность педеля, наблюдавшаго за своекоштными студентами, состояла въ томъ, что онъ долженъ былъ два раза въ недѣлю посѣтить квартиру каждаго студента, жившаго въ его участкѣ, и присутствовать на всѣхъ публичныхъ гуляньяхъ. Во время визита педель на выданномъ ему печатномъ бланкѣ отмѣчалъ: нашелъ ли онъ студента въ квартирѣ одного, или у него были посторонніе? Въ послѣднемъ случаѣ, сколько было гостей, и кто именно? Чѣмъ занимался студентъ? при этомъ обозначался педелемъ предметъ занятій и поименовывалась книга; затѣмъ отмѣчалъ, чисто ли въ комнатѣ, не замѣтилъ ли педель непозволительныхъ вещей, въ родѣ игральныхъ картъ, или бутылокъ? Было еще указано на бланкѣ нѣсколько и другихъ предметовъ, на которые педель обязанъ былъ обращать вниманіе въ квартирѣ студента. Каждый педель ежедневно представлялъ инспектору донесенія о своихъ осмотрахъ, а инспекторъ по мѣрѣ замѣченныхъ безпорядковъ, или отступленія отъ правилъ, или матрикула, дѣлалъ выговоръ, посылалъ студента въ карцеръ, или докладывалъ ректору.

Кромѣ частыхъ визитовъ педеля, самъ инспекторъ, по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ, посѣщалъ квартиру каждаго студента; во время своего посѣщенія инспекторъ производилъ строгую ревизію; особенное вниманіе обращалъ на книги, тетради; нужно было раскрыть комоды, сундуки, чемоданы, отъ всего передать ему ключи. При этомъ я долженъ сказать, что подобныя ревизіи производились очень вѣжливо, какъ будто шутя; случалось даже слышать отъ инспектора комплименты за найденный въ комнатѣ и въ учебныхъ принадлежностяхъ порядокъ.

Студентамъ строго было воспрещено ходить въ трактиры, собираться въ одной квартирѣ болѣе четырехъ человѣкъ, ходить большими партіями по улицамъ и посѣщать театръ.

Съ 1826 года введена для студентовъ мундирная одежда: мун-

диръ синяго сукна, съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, безъ галуновъ и петлицъ; такой же сюртукъ, а шинель сѣраго сукна, съ чернымъ стоячимъ воротникомъ. Хотя давно съ открытіемъ университета, студентамъ были дарованы мундиръ, шпага и трехъугольная шляпа, но этими вещами рѣдкій изъ студентовъ заводился; фракъ и партикулярное платье, часто мѣняемое по требованію моды и нерѣдко по прихоти студента, составляли обыкновенную одежду студентовъ; а съ 1826 года другого платья, кромѣ мундирнаго, нигдѣ студентамъ носить не дозволялось. Профессорамъ также усвоены синіе съ бархатнымъ воротникомъ фраки.

Казенно-коштные студенты содержались строже, нежели своекоштные; за ними смотрѣли чуть ли не строже, немели за институтками. Жившій въ казенномъ домѣ педель бдительно смотрѣлъ за аккуратнымъ посѣщеніемъ студентами лекцій, своевременнымъ ихъ возвращеніемъ въ свои камеры. Казенный воспитанникъ могъ отлучаться только къ близкимъ своимъ родственникамъ, или лицамъ, хорошо извѣстнымъ инспектору, и то не болѣе ста разъ въ годъ. Для отлучекъ изъ института каждому студенту въ началѣ года выдавался билетъ со ста нумерами; за каждую отлучку одинъ нумеръ зачеркивался, а за просрочку зачеркивались два нумера и болѣе, смотря по времени просрочки.

Пройти въ камеры казенно-коштныхъ студентовъ никому, даже товарищамъ, рѣшительно воспрещалось. Кто имѣлъ надобность видѣться съ казеннымъ воспитанникомъ, долженъ былъ адресоваться къ педелю, который приглашалъ желаемую особу въ аудіенцъ-залу, самъ присутствовалъ при свиданіи. Разговоры на иностранномъ языкѣ, педелю неизвѣстномъ, при свиданіяхъ воспрещались.

Для повѣрки исправнаго посѣщенія студентами лекцій, въ началѣ года каждому профессору выдавался изъ факультета печатный списокъ студентовъ, обязанныхъ слушать его предметъ. профессоръ по временамъ дѣлалъ перекличку, объ отсутствовавшихъ доносилъ инспектору. Каждый профессоръ нѣсколько разъ въ годъ производилъ репитиціи. Во время лекцій, въ каждую аудиторію являлся дежурный педель съ особымъ журналомъ, въ которомъ профессоръ собственноручно отмѣчалъ: все ли въ аудиторіи въ порядкѣ. Послѣднее нововведеніе служило, кажется, для повѣрки бытности профессора въ опредѣленный часъ на лекціи.

Такія нововведенія не нравились многимъ, особенно пожилымъ, профессорамъ, а о студентахъ и говорить нечего. Дѣйствительно, настали времена тяжелыя.

Много жалобъ и нареканій можно было слышать отъ казенно-коштныхъ воспитанниковъ на свое заключеніе; нѣкоторые воспитанники были

очень не молоды, нѣкоторые ужъ пользовались прежде полною свободою и самостоятельною жизнію, занимая мѣста учителей въ уѣздныхъ училищахъ. Но при всемъ томъ не могу не сказать, что со введеніемъ новыхъ порядковъ замѣтны были нѣкоторыя хорошія послѣдствія. Шалости и проказы студенческія рѣже случались; охота отличиться молодечествомъ или эксцентричною выходкою прошла; казенно-коштные воспитанники волей-неволей усердно занимались своими предметами; изъ числа казенно-коштныхъ стали появляться руководители въ кабинетахъ: минералогическомъ, зоологическомъ, физическомъ и проч., чего прежде не бывало. Нѣкоторые изъ казенныхъ воспитанниковъ того времени впослѣдствіи заняли профессорскія каѳедры въ университетахъ, какъ-то: Иноземцовъ, Филомаѳицкій—въ Московскомъ, Леоновъ, Дьяченко—въ Кіевскомъ, Котельниковъ—въ Казанскомъ.

II.

Харьковскій университетъ, сколько мнѣ извѣстно, въ двадцатыхъ годахъ не славился учеными знаменитостями. Времена блистательнаго состоянія университета, когда многія каѳедры занимали профессоры, извѣстные своими учеными трудами, миновали; о Стойковичѣ, Осиповскомъ, Рижскомъ, Шадѣ оставались одни преданія, да учебныя руководства, ими изданныя. Въ двадцатыхъ годахъ былъ замѣтенъ недостатокъ въ профессорахъ, особенно въ медицинскомъ факультетѣ; нѣкоторыя каѳедры вовсе не были заняты; на нѣкоторыхъ профессоровъ была возложена обязанность преподавать нѣсколько разнородныхъ предметовъ.

Въ то время одинъ профессоръ И. Я. Кронебергъ былъ извѣстенъ своими печатными сочиненіями. Онъ тогда издалъ грамматику латинскаго языка и невышедшій еще и теперь изъ употребленія латинско-русскій лексиконъ; писалъ брошюры по части классической древности. Другіе профессоры, конечно, обладали обширными познаніями и усердно трудились на занимаемыхъ ими каѳедрахъ, но ничего не издавали. Адъюнктъ-профессоръ А. В. Склабовскій издавалъ „Украинскій Вѣстникъ“, но и тотъ, занявъ мѣсто секретаря при попечителѣ университета графѣ Перовскомъ, прекратилъ изданіе журнала и скоро вовсе оставилъ университетъ.

Весьма немногіе изъ профессоровъ сами составляли записки своихъ лекцій; чаще указывали только для руководства печатные учебники, обыкновенно сами студенты составляли записки во время лекцій.

Ректоромъ университета, въ первые годы моего тамъ пребыва-

нія, до 1826 года, былъ профессоръ греческой литературы и агрономіи В. Я. Джунковскій. Со введеніемъ въ университетѣ новыхъ порядковъ онъ оставилъ должность ректора и въ томъ же 1826 г. умеръ; мѣсто его занялъ И. Я. Кронебергъ.

Изъ множества профессоровъ и адъюнктовъ того времени я назову тѣхъ, у которыхъ мнѣ приходилось слушать лекціи, и тѣхъ, которые болѣе были извѣстны.

Ординарный профессоръ К. П. Пауловичъ, до 1826 года бывшій инспекторомъ университета, читалъ римское право; преподавалъ свой предметъ на латинскомъ языкѣ,—отличался кротостію и очень снисходительнымъ обращеніемъ со студентами.

Профессоръ В. С. Комлишинскій преподавалъ физику, онъ давалъ свои записки, слѣдовалъ Біоту, или Біо; кажется, записки его состояли изъ перевода французскаго автора: „Руководство къ физикѣ Біо". Профессоръ читалъ физику для медиковъ и математиковъ въ одно время, но записки его болѣе были приспособлены для математиковъ, наполнены математическими выкладками и исчисленіями. Профессоръ отличался строгостію, любилъ иногда отпускать остроты, не щадилъ студентовъ, хромавшихъ по части математическихъ выкладокъ, на репетиціяхъ чаще вызывалъ къ доскѣ медиковъ: объяснить движеніе маятника, дѣйствіе параллельныхъ и другихъ силъ, движеніе тѣлъ и проч. Разсказывали, что онъ однажды, изъ любви къ остротамъ, озадачилъ одну важную особу, спросившую профессора: зачѣмъ утверждаютъ астрономы, что солнце стоитъ, а земля вокругъ него движется, когда Іисусъ Навинъ сказалъ: стой, солнце, и недвижься?—Дѣйствительно, в. п-во, такъ было, отвѣтилъ профессоръ, во времена Іисуса Навина, но когда онъ остановилъ солнце, оно стало, а земля начала двигаться вокругъ солнца.

Быть можетъ, такое преданіе было не болѣе, какъ анекдотъ, но судя по наклонности профессора къ остротамъ, такого экспромпта можно было ожидать отъ Василія Сергѣевича. В. С. Комлишинскій въ мое время былъ деканомъ математическаго факультета, участвовалъ въ разныхъ, по постройкѣ университетскихъ зданій, комитетахъ и частенько пропускалъ лекціи. Впослѣдствіи, еще при мнѣ, для медиковъ физику сталъ отдѣльно преподавать адъюнктъ Правицкій, приспособляя ее болѣе къ медицинскимъ предметамъ.

Химію преподавалъ профессоръ Иванъ Ивановичъ Сухомлиновъ. Онъ воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ, много занимался химіею практически въ лабораторіи, подъ руководствомъ бывшаго профессора Гизе, что́ даже имѣло вліяніе на его здоровье. Сухомлиновъ отличался кротостію, простотою и общительностію. Въ преподаваніи слѣдовалъ своему наставнику Гизе, перешедшему, кажется,

въ Дерптскій университетъ, но оставившему хорошее, по времени, руководство химіи. Профессоръ Сухомлиновъ излагалъ свой предметъ чрезвычайно послѣдовательно, а потому лекціи химіи, несмотря на ихъ спеціальность, требующую употребленія множества техническихъ словъ, казались намъ ни мало не скучными и до того удобовоспринимаемыми, что не разъ мой товарищъ Сысоевъ, со мною квартировавшій, возвращаясь на пески, повторялъ наизусть лекціи химіи. Манера чтенія у Сухомлинова тоже была особенная: онъ никогда не садился на каѳедру; у него не было ни книги, ни тетрадки, а обыкновенно онъ ходилъ по залѣ, заложивъ руки въ карманы, иногда останавливался передъ самою скамьею, облокачивался на нее; велъ себя, какъ дома, или какъ въ обществѣ своихъ знакомыхъ.

Изъ профессоровъ другихъ факультетовъ, которыхъ случалось мнѣ иногда слушать, припомню П. П. Гулакъ-Артемовскаго, преподававшаго русскую исторію, и А. И. Дудровича, читавшаго философію.

Даръ слова Гулакъ-Артемовскаго, интересъ преподаваемаго имъ предмета постоянно привлекали въ его аудиторію множество слушателей, между которыми бывало много постороннихъ посѣтителей, даже дамы иногда дѣлали честь профессору посѣщеніемъ его лекцій. Посѣтительницы бывали изъ высшаго круга; онѣ садились рядомъ съ профессоромъ, визави съ студентами.

Изъ философскихъ предметовъ Дудровичъ преподавалъ только логику, этику и исторію философіи; преподаваніе другихъ отдѣловъ этой науки, какъ-то: психологіи и естественнаго права, въ то время было воспрещено. Оставалось въ университетѣ преданіе о превосходныхъ лекціяхъ, по предметамъ философіи, профессора Шада, котораго при мнѣ ужъ не было; но, полагаю, Дудровичъ мало уступалъ своему предмѣстнику. Не совсѣмъ правильная дикція, относительно произношенія и ударенія нѣкоторыхъ словъ, Дудровича (онъ былъ сербъ или чехъ) вознаграждалась чрезвычайнымъ воодушевленіемъ: рѣчь его текла тихимъ ровнымъ ручьемъ, а иногда превращалась въ бурный съ каскадами потокъ; прекрасная, чрезвычайно подвижная, физіономія профессора выражала степень сочувствія его проводимымъ идеямъ.

Одно только обстоятельство меня удивляло: не взирая на превосходныя лекціи Дудровича, между студентами существовало какое-то къ нему предубѣжденіе. Говорили, что къ исторіи удаленія изъ Россіи профессора Шада и непонятному случаю отобранія отъ г. Остроградскаго диплома на степень студента математическихъ наукъ былъ причастенъ Дудровичъ.

Надо полагать, что идеи, проводимыя тогда Е. Магницкимъ въ Казанскомъ университетѣ, отразились и въ Харьковскомъ. Духовно-

религіозное настроеніе тогдашняго попечителя Харьковскаго округа З. Я. Карнѣева способствовало такимъ дѣйствіямъ.

Извѣстно, что при попечителѣ З. Я. Карнѣевѣ существовало въ университетѣ духовно-религіозное общество; члены общества подъ предсѣдательствомъ попечителя часто собирались, трактовали и писали брошюры о предметахъ религіозныхъ. Въ мое время была извѣстна брошюрка, написанная попечителемъ З. Я. Карнѣевымъ: „Мысли, излившіяся при чтеніи молитвы Отче нашъ". Дѣятельное участіе принимали въ обществѣ профессоры: Дудровичъ и Гулакъ-Артемовскій; но Шадъ и нѣкоторые профессора, какъ-то: Стойковичъ и Осиповскій, не сочувствовали обществу; а студентъ Остроградскій оставшійся при университетѣ для полученія званія кандидата, своимъ длиннымъ темно-зеленаго сукна сюртукомъ, квакерскою шляпою, огромною суковатою палкою и эксцентрическими поступками, въ родѣ разбрасыванія на бульварѣ конфектъ мальчишкамъ на драку, навелъ на себя подозрѣніе въ вольнодумствѣ. Шаду велѣно выѣхать изъ Россіи, а отъ Остроградскаго отобрали студентскій аттестатъ. Онъ также уѣхалъ за границу русскимъ дворяниномъ безъ ученой степени; но возвратился оттуда извѣстнымъ педагогомъ, скоро потомъ сталъ знаменитымъ академикомъ.

Припомню еще нѣсколькихъ профессоровъ того времени, которыхъ я только зналъ, но лекцій ихъ не слушалъ. Въ математическомъ факультетѣ чистую математику преподавалъ М. А. Байковъ, аналитику—А. Ѳ. Павловскій, астрономію—Затеплинскій, оптику и механику—Архангельскій, архитектуру—Васильевъ. Въ юридическомъ факультетѣ гражданское и уголовное право читалъ Н. Т. Спасскій, политическую экономію—Рейтъ; римское право упоминаемый выше К. П. Пауловичъ; географію и статистику Куницкій. Въ факультетѣ словесномъ латинскую и нѣмецкую литературу преподавалъ Кронебергъ; французскую Паки де-Савиньи, русскую словесность Склабовскій, эстетику Борзенко, всеобщую исторію Е. М. Филомаѳицкій.

Было еще много, по разнымъ предметамъ, адъюнктовъ и лекторовъ, исчислять которыхъ не буду.

Въ то время въ университетѣ преподавались военныя науки, какъ-то: артиллерія, фортификація и тактика. Профессоромъ военныхъ наукъ былъ Робушъ. Кромѣ того, для всѣхъ факультетовъ преподавались изящныя искусства, какъ-то: рисованіе, музыка и танцы. Учителемъ музыки состоялъ, извѣстный тогда въ Харьковѣ, виртуозъ на скрипкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ богатый торговецъ, Н. М. Витковскій (cum labio leporino), а танцовать училъ нѣмецъ, подагрикъ, Беккеръ. Классы музыки и танцевъ для студентовъ вообще, а для казенно-коштныхъ въ особенности, составляли только пріятное

препровожденіе времени. Для танцъ-класса студенты иногда приглашали очень хорошій, въ то время, оркестръ генерала Шевича.

Зала наполнялась охотниками поплясать и порѣзвиться. Учитель танцевъ, нѣмецъ Беккеръ, оставался зрителемъ; танцовать самъ, по причинѣ подагры, не могъ, а въ урокахъ его никто не нуждался: всѣ выучились прежде въ пансіонахъ и гимназіяхъ. Виктовскій обыкновенно управлялъ оркестромъ, составлявшимся изъ студентовъ, хорошо игравшихъ, преимущественно на скрипкахъ; самъ иногда игралъ въ квартетахъ. Элементарные уроки музыки давалъ нѣкто Лозинскій. Два раза въ недѣлю, отъ пяти до семи часовъ вечера, можно сказать, для студентовъ въ университетѣ устраивались безплатные музыкальные и танцовальные вечера. На этихъ вечерахъ казенные воспитанники развлекали свою уединенную затворническую жизнь.

Припоминая университетскихъ наставниковъ двадцатыхъ годовъ, не могу не сказать нѣсколько словъ о настоящихъ иностранцахъ, ни слова не говорившихъ по-русски, державшихъ себя особнякомъ отъ прочихъ профессоровъ. Иностранцы составляли тогда меньшинство, не имѣвшее никакого на дѣла вліянія. Ихъ было всего четыре: Делявинь, Рейтъ, Таубертъ и Паки де-Савиньи. Три изъ нихъ при мнѣ померли, остался только Паки де-Савиньи, за то одинъ изъ оригинальнѣйшихъ иностранцевъ. Эта маленькая группа, можно сказать, составляла дряхлый обломокъ той многочисленной корпораціи иностранцевъ, которую сформировалъ при основаніи университета, первый его попечитель графъ С. О. Потоцкій; но какъ ни малочисленъ былъ этотъ остатокъ, онъ достаточно еще свидѣтельствовалъ о качествѣ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ былъ составленъ первоначальный персоналъ педагоговъ университета при его открытіи.

Первые чужеземные профессоры преподавали свои предметы на латинскомъ языкѣ; журналы и протоколы своихъ засѣданій въ Совѣтѣ и факультетахъ писали по-латыни. Ежели прежде, при открытіи, поступали въ университетъ русскіе профессоры, то иностранцы не имѣли съ нимъ никакого общенія, а тѣмъ менѣе послѣдніе сближались съ русскими студентами. Харьковскій университетъ въ первое время своего существованія представлялъ нѣмецко-французскую колонію. Очень долго при университетѣ не было православной церкви; между тѣмъ нѣмецкая кирка искони тамъ существовала; она была устроена въ зданіи университета между аудиторіями. Еще въ мое время, на лекціяхъ часто можно было слышать звуки органа, если въ ожиданіи прихода студентовъ въ физическій кабинетъ, помѣщавшійся рядомъ съ нѣмецкою киркою, старику Питрѣ приходила

охота на досугѣ упражняться въ пѣніи псалмовъ, съ акомпаниментомъ органа. Почтенный старикъ Питра служилъ лаборантомъ при физическомъ кабинетѣ и какую-то должность исполнялъ при киркѣ.

Только въ 1828 году была устроена Православная церковь, въ одномъ зданіи съ Университетскою библіотекою и актовою залою, но не была еще освящена. Впослѣдствіи, въ началѣ 30-хъ годовъ, Университетская церковь освящена во имя Александра Невскаго. Въ мое время составъ русскихъ профессоровъ далеко уже превышалъ, по числу, профессоровъ иноземныхъ. Бывшіе въ то время профессора-иностранцы не отличались такими дѣйствіями, какъ въ былыя времена ихъ земляки, о коихъ существовало въ университетѣ преданіе.

Изъ бывшихъ при мнѣ иностранцевъ припомню почтеннѣйшаго, всѣми уважаемаго, старика Делявиня. Онъ преподавалъ зоологію и ботанику, по обыкновенію, на латинскомъ языкѣ. Говорили, что еще во Франціи Делявинь занимался естественными науками, служилъ въ Парижѣ при ботаническомъ садѣ; во время революціи выѣхалъ изъ Франціи; нѣкоторое время проживалъ въ Германіи, слушалъ лекціи у знаменитаго Блюмменбаха; по открытіи въ Харьковѣ университета, переѣхалъ въ Россію, занялъ въ университетѣ каѳедры зоологіи и ботаники, а жена его вскорѣ за тѣмъ открыла женскій пансіонъ, который, къ слову прибавлю, считался лучшимъ въ Харьковѣ. Делявинь при мнѣ былъ ужъ очень старъ, но свойственная французу живость отъ лѣтъ не ослабѣла; онъ аккуратно посѣщалъ университетъ; несмотря ни на какую погоду, своихъ часовъ не пропускалъ; онъ былъ далеко не бѣденъ, а всегда ходилъ пѣшкомъ, никогда на немъ я не видѣлъ шубы; одѣвался всегда щеголевато; мнѣ и теперь представляется почтенная его физіономія,— стариковски румяное лицо, длинные, назадъ зачесанные, желтоватобѣлые волосы и пышное, безукоризненной бѣлизны, жабо. Онъ давалъ краткія записки своихъ лекцій; по предмету зоологіи слѣдовалъ Блюмменбаху, а по ботаникѣ Вильденову. Оба эти руководства тогда были переведены на русскій языкъ. Мнѣ пришлось слушать Делявиня одинъ только годъ, но и теперь помнится его французсколатинская, нараспѣвъ, дикція. Описывая нравы животныхъ, профессоръ жестами, измѣненіемъ свой физіономіи, старался выразить ихъ суровость, угрюмость, или веселый, лукавый характеръ. Профессоръ располагалъ къ себѣ студентовъ своею общительностію и привѣтливостію, часто водилъ насъ въ зоологическій кабинетъ, любилъ, когда его разспрашивали студенты о собранныхъ тамъ рѣдкостяхъ; особенно нравилось ему когда обращались къ нему на французскомъ языкѣ; къ такимъ любимцамъ профессора принадлежалъ, къ слову прибавить, Василій

Каразинъ, бойко объяснявшійся по-французски, тогдашній студентъ математическаго факультета. По-русски профессоръ ни слова не зналъ, называлъ только по-русски животныхъ и то читая по складамъ, по тетрадкѣ. Прочитавши по-русски мудреное, или длинное названіе животнаго, въ родѣ: Lepus cumientus, rossice Табарганчикъ, Земляной зайчикъ, Тушканчикъ, или бабукъ,—профессоръ самъ улыбался.

Студенты, часто ходившіе къ профессору съ гербаріями въ домъ, для опредѣленія названій собранныхъ ими растеній, всегда находили его окруженнымъ роемъ своихъ воспитанницъ, коихъ онъ или училъ, или разсказывалъ разныя исторіи, иногда шутилъ. Однажды и въ послѣдній разъ Делявинь изумилъ юныхъ воспитанницъ шуткою:— сидя между ними, онъ тихо уснулъ на вѣки. Говорили послѣ, что профессоръ любилъ природу и цвѣты и на вѣки хотѣлъ остаться въ своемъ живомъ цвѣтникѣ.

Профессора Тауберта, по предмету минералогіи, я слушалъ очень не долго, онъ умеръ прежде Делявиня. Помню, его угрюмый видъ, красное лицо, рыжій парикъ и оригинальная латынь не располагали къ нему слушателей.

Профессора Рейта слушать мнѣ не приходилось; не имѣлъ желанія изучать политическую экономію.

Случалось изрѣдка заходить въ аудиторію профессора Паки де-Савиньи, который преподавалъ французскую литературу. Объ этомъ профессорѣ много кой-чего осталось въ моей памяти. Не знаю, на сколько были вѣрны разборы и оцѣнки профессора французскихъ авторовъ, но самъ профессоръ бывалъ на лекціи очень интересенъ. Наичаще онъ читалъ и разбиралъ Вольтера, декламировалъ монологи изъ его трагедій и приходилъ въ экстазъ. Въ это время его высокая, тощая фигура становилась интересною; его жесты, кривлянья, прищуриванья, вскрикиванья, уморительныя гримасы возбуждали у слушателей невольныя улыбки, переходившія иногда въ общій хохотъ. Профессоръ оживленіе слушателей сначала приписывалъ своей декламаціи, но когда взрывъ общаго хохота не прекращался, онъ выходилъ самъ изъ терпѣнія, измѣнялъ свою торжественную позу, метался по залѣ, становился еще забавнѣй. Послѣ тщетныхъ усилій возстановить въ залѣ порядокъ, Савиньи нерѣдко отправлялся въ правленіе университета съ жалобою на своихъ слушателей. Студенты не могли не сознавать своей неумѣстной рѣзвости; послѣ подобнаго скандала, подъ предводительствомъ студента М. В. Селецкаго, хорошо владѣвшаго французскимъ языкомъ, отправлялась къ профессору депутація для испрошенія амнистіи. Профессоръ былъ добръ, прощалъ виновныхъ, но самъ не оставлялъ своихъ причудъ.

Припоминаю объ этомъ обстоятельствѣ не потому, чтобы я оправдывалъ поступки студентовъ, а чтобы сказать, какія оригинальныя личности въ былое время пріѣзжали изъ-за границы въ наши учебныя заведенія. Въ архивахъ университета, полагаю, можно найти указанія даже на предосудительныя дѣйствія иностранныхъ наставниковъ.

Преданіе гласило, что Паки де-Савиньи прежде былъ аббатъ, одинъ изъ той многочисленной во Франціи корпораціи ученыхъ, которая до революціи отличалась любезностію и умомъ въ Парижскихъ гостиныхъ.

Не знаю, насколько было вѣрно преданіе о прежней профессіи Паки де-Савиньи (у Савиньи была жена), вѣрно только то, что профессоръ Харьковскаго университета не отличался ни свѣтскостію, ни любезностію; скорѣе можно было его принять за ученаго чудака. Изданная имъ философская грамматика французскаго языка, наполненная, въ видѣ примѣровъ, мечтами о величіи Петра Перваго, о будущности Россіи, которыя какой-то геній нашептывалъ профессору, какъ самъ говорилъ, когда онъ уснулъ въ бесѣдкѣ университетскаго сада, свидѣтельствовали о причудливости профессора. Хожденіе на ходуляхъ во время грязи, за неимѣніемъ лошадей, по грязнымъ тогдашнимъ харьковскимъ улицамъ, пока такой способъ передвиженія не былъ формально воспрещенъ профессору, какъ ни казалось раціональнымъ, ученымъ, или хоть искуснымъ дѣйствіемъ, смѣшило только народъ православный. Отдаленіе Савиньи отъ общества, знакомство его исключительно съ одними иностранцами, пріѣзжими артистами, въ родѣ мосье Гибаль, учившаго студентовъ свистать, давали поводъ къ осужденію профессора.

Пренебреженіе къ мѣстнымъ обычаямъ, пристрастіе къ стародавнимъ модамъ, костюмамъ, давно вышедшимъ изъ употребленія, обращали вниманіе общества: свѣтло-оливковаго цвѣта фракъ, покроя временъ Людовика XV, съ бахрамой на клапанахъ, узенькія штиблеты, чулки, башмаки, наконецъ, самое лицо профессора, часто судорожно подергиваемое, губы, постоянно двигавшіяся, какъ будто онъ что-то шепталъ про себя, всегда привлекали къ нему толпу зѣвакъ, на общественныхъ гуляньяхъ, въ саду.

Если профессоръ, сколько было извѣстно, не ознаменовалъ себя предосудительными поступками, то при такихъ его странностяхъ не могъ онъ пользоваться, необходимымъ для наставника, авторитетомъ. Теперь меньше и меньше представляется необходимости приглашать профессоровъ иностранцевъ; ихъ уже мало встрѣчается въ учебныхъ заведеніяхъ. Нынѣшнее поколѣніе учащейся молодежи не

повѣритъ, быть можетъ, моему разсказу. Вольно вѣрить, вольно нѣтъ, я припомнилъ то, чему былъ свидѣтелемъ.

Осиротѣвшую, послѣ смерти Делявиня, каѳедру естественныхъ наукъ, занялъ профессоръ Василій Матвѣевичъ Черняевъ, еще при жизни Делявиня, возвратившійся изъ-за границы. Въ надгробной рѣчи онъ указалъ на заслуги Делявиня, со слезами выразилъ свою признательность къ своему умершему наставнику; припомнилъ вниманіе къ себѣ не только профессора, но его родныхъ, къ которымъ Делявинъ адресовалъ Черняева, когда тотъ отправлялся за границу, у коихъ Черняевъ жилъ, находясь въ южной Франціи; преданностію наукѣ, усердіемъ къ принятой на себя обязанности Черняевъ обѣщалъ отблагодарить своего наставника за оказанное ему вниманіе.

Намъ тогда казалось страннымъ, видѣть на похоронахъ проповѣдника во фракѣ, но непритворное чувство скорби по усопшемъ, выраженное Василіемъ Матвѣевичемъ, его слезы у гроба своего наставника, произвели глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ при похоронахъ и достаточно оправдали его поступокъ, казавшійся тогда необыкновеннымъ, теперь же нерѣдко повторяющійся.

Занявъ каѳедру ботаники, Черняевъ принялъ иной методъ преподаванія, нежели какой былъ усвоенъ Делявинемъ. Василій Матвѣевичъ училъ насъ ботаникѣ на живыхъ растеніяхъ; подробно ботаническою терминологіею нашей памяти не обременялъ; группировалъ и дѣлилъ растительное царство на семейства по натуральной системѣ Жюсье и Декандоля, а не по исскуственной—Линнея.

Черняевъ бывалъ очень интересенъ въ полѣ, на ботаническихъ экскурсіяхъ, которыя онъ съ ранней весны предпринималъ очень часто; въ полѣ на живыхъ растеніяхъ онъ насъ училъ терминологіи, физіологіи и систематикѣ. Черняевъ обладалъ завидною способностію объяснять сложные, научные предметы разговорнымъ языкомъ, подтверждая свои объясненія опытами: разрѣзами и микроскопомъ. Онъ былъ воспитанникъ Харьковскаго университета и пользовался большою популярностію между студентами; его всѣ любили какъ близкаго своего роднаго, онъ всѣмъ равно былъ доступенъ, сообщителенъ, живого, даже можно сказать, не по лѣтамъ веселаго характера. Любилъ свой предметъ и зналъ его въ совершенствѣ. Онъ значительно улучшилъ ботаническій садъ и оранжереи; мечталъ устроить садъ великолѣпно, по образцу заграничныхъ ботаническихъ садовъ; но, какъ говорили, университетское начальство, въ виду предстоявшихъ большихъ расходовъ, для приведенія въ исполненіе составленнаго Черняевымъ проекта, на такія капитальныя улучшенія не изъявило согласія.

При мнѣ Черняевъ началъ издавать мѣстную флору съ приложеніемъ къ ней сухихъ растеній, въ видѣ центурій.

Каѳедру минералогіи послѣ Тауберта занялъ, присланный изъ Виленскаго университета, адъюнктъ Криницкій, человѣкъ, какъ казалось, мрачнаго настроенія, всегда угрюмый, хотя еще очень не старый. Съ перваго года ему было вмѣнено въ обязанность читать свой предметъ на русскомъ языкѣ. Это, кажется, затрудняло профессора, а для насъ русскій его языкъ, на половину перемѣшанный съ польскимъ, казался хуже Таубертовской латыни.

Припоминая близкій и болѣе мнѣ знакомый медицинскій факультетъ, съ прискорбіемъ долженъ сознаться, что онъ въ двадцатыхъ годахъ былъ далекъ отъ совершенства, оставалось многаго желать. Личный составъ профессоровъ, даже отъ другихъ факультетовъ, отличался ограниченною численностію. Профессора были обременены преподаваніемъ множества предметовъ; клиники не отличались удобствомъ помѣщенія и числомъ больныхъ: они помѣщались въ частномъ домѣ, за рѣкою Лопанью, совершенно не приспособленномъ данному назначенію; тамъ же былъ устроенъ анатомическій театръ, очень тѣсный, въ бывшей прежде при частномъ домѣ кухнѣ; въ томъ же домѣ находилась единственная аудиторія для чтенія всѣхъ медицинскихъ предметовъ. Кабинетъ физіологической и патологической анатоміи былъ очень бѣденъ препаратами; онъ помѣщался въ двухъ, трехъ шкафахъ, тутъ же стоявшихъ въ аудиторіи.

Но чѣмъ меньше представлялось средствъ къ преподаванію медицины, тѣмъ болѣе профессоры прилагали свое усердіе пополнить существовавшіе недостатки, а студенты не упускали случая съ полной охотой воспользоваться и вмалѣ предоставленными имъ средствами.

Студентовъ на медицинскомъ факультетѣ въ тѣ годы бывало около семидесяти человѣкъ, а на послѣднемъ курсѣ отъ десяти до пятнадцати; на такое число студентовъ клиники, состоявшія изъ пятнадцати больныхъ въ каждой, то есть, терапевтической и хирургической, казались достаточными, у каждаго четверто-курснаго студента (тогда было четыре курса) перебывало на рукахъ по нѣсколь ку больныхъ въ продолженіе года.

Профессоровъ въ медицинскомъ факультетѣ, ординарныхъ и экстраординарныхъ, состояло четыре, да три адъюнкта.

Деканъ факультета Иванъ Дмитріевичъ Книгинъ занималъ каѳедры: физіологіи, патологіи, терапіи, судебной медицины, медицинской полиціи и завѣдывалъ терапевтическою клиникою. При Книгинѣ состоялъ адъюнктъ, нѣкто Иванъ Николаевичъ Рейпольскій,

служившій прежде врачемъ въ военномъ вѣдомствѣ (въ 48-мъ Егерскомъ полку); онъ читалъ отдѣлъ терапіи—о хроническихъ болѣзняхъ.

Профессоръ Яковъ Никитичъ Громовъ преподавалъ фармакологію и фармацію.

Профессоръ Николай Ивановичъ Еллинскій читалъ теоретическую и оперативную хирургію, вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывалъ хирургическою клиникою. Профессоръ Богородицкій преподавалъ акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни; онъ скоро умеръ, а его мѣсто занялъ прибывшій изъ Дерпта профессоръ Блюменталь.

Адъюнктъ-профессоръ Александръ Саввичъ Венедиктовъ читалъ анатомію,—а адъюнктъ Христіанъ Адольфовичъ Эккебладъ преподавалъ ветеринарную науку. Вотъ весь персоналъ педагоговъ медицинскаго факультета. Я не включаю сюда преподавателей естественныхъ наукъ, о которыхъ упоминалъ; они принадлежали собственно математическому факультету.

Когда я оканчивалъ курсъ, въ 1828 году, пріѣхалъ въ Харьковскій университетъ изъ-за границы иностранецъ Брандгейсъ, приглашенный тогдашнимъ попечителемъ графомъ А. А. Перовскимъ. Онъ занялъ каѳедру терапіи, а также принялъ въ свое вѣдѣніе терапевтическую клинику. Профессоръ Брандгейсъ пріѣхалъ въ 1828 году лѣтомъ; потому мнѣ не пришлось почти слушать его лекцій, и я не могу считать его своимъ профессоромъ; но въ 1829-мъ году, проживая въ Харьковѣ, я постоянно посѣщалъ клинику, и мнѣ удалось довольно познакомиться съ клиническими лекціями Брандгейса, приглядѣться къ методамъ его лѣченія, познакомиться съ тѣми теоріями и системами, которымъ онъ слѣдовалъ. Къ тому жъ Брандгейсъ, ломкою всего стараго, своими нововведеніями, а болѣе крикливымъ латинскимъ краснорѣчіемъ и самоувѣренными поступками, на время произвелъ такой эффектъ, что не могу не перенести на бумагу воспоминаній объ этой иностранной диковинкѣ, появившейся, подобно метеору, на учебномъ Харьковскомъ горизонтѣ и быстро исчезнувшей.

Въ 1828 году Брандгейсъ занялся устройствомъ клиникъ въ отдѣльномъ обширномъ казенномъ корпусѣ, гдѣ до того жилъ ректоръ, и помѣщалась типографія; надо сказать, онъ устроилъ ихъ отлично. Имѣя за собой мощнаго протектора, въ лицѣ попечителя, новый профессоръ настоятельно требовалъ на устройство клиникъ порядочныхъ денегъ и сыпалъ ихъ щедрою рукою: явились желѣзныя кровати, отличные матрацы, лакированная мебель, нѣмецкое платье, чепчики для женщинъ. Впослѣдствіи больные, деревенскіе мужики и бабы, переодѣтые въ больничные нѣмецкіе костюмы, окруженные

богатою обстановкою, фарфоровою и хрустальною посудою, недоумѣвали, что хотѣли съ ними дѣлать. Женская прислуга въ клиникѣ, состоявшая преимущественно изъ нѣмокъ, плохо объяснявшихся по-русски, но смѣло обращавшихся съ мущинами, еще болѣе приводила больныхъ въ замѣшательство. Впрочемъ, относительно устройства клиникъ по наружности, кажется, ничего лучшаго нельзя было желать. Я видѣлъ клиники Виленскаго и Кіевскаго университетовъ и могу сказать, что послѣднія уступали Харьковской 1829 года. Что же касается лѣченія, это другой вопросъ.

Профессоръ исключительно усвоилъ себѣ входившую тогда въ большую моду, теорію Бруса,—дѣйствовалъ самоувѣренно и рѣшительно, не щадилъ человѣческой крови, во всѣхъ болѣзняхъ находилъ воспаленіе, быстрымъ потокомъ своего краснорѣчія, на эластичномъ латинскомъ языкѣ, онъ омывалъ свои грѣхи, повидимому, ясно доказывалъ правильность своихъ дѣйствій. Всѣ студенты отъ Брандгейса были въ восторгѣ, сочувствовали ему во всѣхъ его идеяхъ, вѣрили отзывамъ его и нерѣдко отпускаемымъ сарказмамъ объ отсталости другихъ врачей, даже профессоровъ, его товарищей, сознавали полную неосновательность прежнихъ теорій. Молодежь всегда впечатлительна, увлекается новостію, самоувѣренностію, рѣзкостію сужденій и дѣйствій профессора, а если къ этому прибавить ловкія манеры, такъ называемое французами savoir faire, на которое иностранцы большіе мастера, то становится понятнымъ, какое профессоръ производилъ обаяніе на своихъ слушателей.

Въ 1829 году, когда, бывши уже лѣкаремъ, я посѣщалъ университетскія клиники, слава Брандгейса стала нѣсколько померкать; объ учености, искусствѣ Брандгейса говорили разно; старые профессоры съ недовѣріемъ посматривали на юнаго своего товарища, смѣльчаки даже подмѣтили въ немъ что-то похожее на шарлатанство; больные, сначала осадившіе новаго практика со всѣхъ сторонъ, мало по малу начали отступать отъ него и обращаться къ старымъ своимъ врачамъ, но довѣріе студентовъ къ профессору, восторгъ отъ его клиническихъ лекцій нисколько не ослабѣли. Ординаторомъ клиникъ въ 1829 году состоялъ, кончившій со мною курсъ, нѣкто лѣкарь Кригеръ, впослѣдствіи, кажется, занявшій каѳедру; онъ былъ большой почитатель Брандгейса, указывалъ мнѣ на глубокія познанія, на всѣ тонкости и прозорливость профессора, я также не могъ не увлекаться его краснорѣчіемъ, но меня не могли не удивлять самоувѣренность профессора, смѣлость его дѣйствій и непоколебимое умрямство оставаться при своемъ разъ высказанномъ мнѣніи, хотя бы послѣ того представилось нѣсколько доказательствъ его ошибочности. Припомню двухъ больныхъ, при мнѣ поступив-

шихъ въ клинику, для указанія, какъ профессоръ умѣлъ пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы доказать превосходство своей теоріи и непогрѣшимость своихъ убѣжденій.

Одинъ изъ этихъ больныхъ поступилъ въ клинику на 7-й или 8-й день болѣзни, изъ частнаго дома, гдѣ до того времени лѣчилъ его профессоръ Книгинъ, и назвалъ болѣзнь нервною горячкою. Больной былъ доставленъ въ клинику въ безсознательномъ состояніи, на вопросы не отвѣчалъ. Брандгейсъ по судорожнымъ движеніямъ, замѣченнымъ въ лицѣ больнаго, при нажиманіи его живота, опредѣлилъ, что больной страдаетъ воспаленіемъ кишекъ, или брюшины. Вслѣдствіе такого опредѣленія больному было приставлено около сотни піявокъ, дано касторовое масло; затѣмъ вышло много глистовъ, больной пришелъ въ себя, сталъ говорить и выздоровѣлъ. Помню, въ какой восторгъ на другой день, при визитаціи, пришелъ Брандгейсъ. Ex vobis febris nervosa medicorum Charcoviensium! воскликнулъ онъ въ восторгѣ и пустился безцеремонно указывать на отсталость и невѣжество харьковскихъ врачей, не щадя заслуженныхъ своихъ товарищей. Объ этой рекламѣ гдѣ-то, въ военно-медицинскомъ журналѣ, упомянулъ тогдашній студентъ, впослѣдствіи военный врачъ, Константиновичъ, въ доказательство учености и прозорливости Брандгейса. Да неужели не пришло на мысль профессору, что у больныхъ нервною горячкою глисты составляютъ, такъ называемую, компликацію болѣзни, часто измѣняютъ ходъ главной острой болѣзни? Да почему онъ, профессоръ, не сказалъ прямо, что болѣзнь и безчувственное состояніе больного зависѣли отъ присутствія глистовъ, почему не назвалъ онъ болѣзни helmenthiasis? Къ чему были нужны пьявки? Все это для профессора было не нужно, ему только нужно было произвести эффектъ, и онъ достигъ цѣли; въ клиникѣ его реклама произвела огромное впечатлѣніе на слушателей и удвоила довѣріе. Другой больной, о которомъ хочу сказать, былъ доставленъ въ клинику въ первые дни болѣзни; его прежде никто не лѣчилъ. Профессоръ въ первый день нашелъ у больного воспаленіе грудной плевы, пустилъ ему кровь, приставилъ пьявки; на другой день профессоръ еще добавилъ къ діагностикѣ болѣзни воспаленіе легкихъ; лѣченіе то же, облегченія не было; затѣмъ въ слѣдующіе дни воспаленіе профессоромъ было распространено на сердце, около сердечной сумки, наконецъ онъ убѣдился въ присутствіи у больного воспаленія печени и селезенки. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней больному пять или шесть разъ была пущена кровь, поставлена сотня, или больше, къ разнымъ мѣстамъ пьявокъ; въ числѣ множества разныхъ противоспалительныхъ средствъ дана синильная кислота. Больной отъ такого множества вос-

паленій скоро сгорѣлъ, или отъ такихъ могущественныхъ медицинскихъ батарей скончался. Не менѣе интересна была демонстрація профессора о патологическихъ измѣненіяхъ внутренностей, найденныхъ при вскрытіи умершаго. При трупоразнятіи одна только селезенка оказалась дряблою, рыхлою, въ объемѣ увеличенною; другія внутренности, кромѣ малокровія, ничего особеннаго не представляли; быть можетъ, при болѣе тщательномъ изслѣдованіи можно было бы открыть въ легкихъ присутствіе бугорковъ, но это не входило въ разсчетъ профессора. Брандгейсъ, нисколько не смущаясь и не улыбаясь, серіозно доказывалъ, что энергическимъ своимъ лѣченіемъ онъ успѣлъ разрѣшить воспаленіе вездѣ, гдѣ оно развилось, или предполагалось, не могъ только преодолѣть, вѣроятно за смертію,—воспаленія въ селезенкѣ. Студенты подъ обаяніемъ учености и краснорѣчія профессора, вѣрили. Блаженъ, кто вѣруетъ; а было ли такъ въ дѣйствительности? Конечно, такія неудачи случались рѣдко. Святая благодѣтельная природа иногда поправляетъ ошибки врача, больные часто выздоравливаютъ при разныхъ методахъ лѣченія. По тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя на меня произвелъ Брандгейсъ, скажу: „Онъ отличный, рѣдкій латинистъ, отчаянный бруссеистъ, большой крикунъ и до неприличія строптивъ и самохвалъ“ [1]).

Профессоръ, кажется, не долго оставался въ Харьковѣ. Его строптивость, шероховатое, а иногда жесткое обращеніе съ больными, рѣшительный, какъ называютъ, героическій методъ лѣченія, наконецъ такса докторскихъ гонораровъ, имъ объявленная, совершенно отдалили отъ него больныхъ; за славою же онъ не гонялся и скоро оставилъ Харьковъ. Въ доказательство денежной положительности профессора, приведу одинъ поступокъ его, сдѣлавшійся тогда извѣстнымъ въ Харьковѣ. Брандгейсъ лѣчилъ одного изъ членовъ семейства извѣстнаго тогда въ Харьковѣ богача, откупщика Кузина. Во время болѣзни, Кузинъ счелъ нужнымъ пригласить другого врача, а Брандгейсу забылъ какъ-то заплатить за два или за три визита. Чрезъ нѣсколько дней Брандгейсъ, подъѣхавъ къ воротамъ Кузина, послалъ кучера потребовать отъ хозяина слѣдуемый ему гонораръ. Кузинъ послалъ человѣка, или самъ вышелъ просить профессора пожаловать въ комнату; на приглашеніе профессоръ отвѣчалъ, что докторъ Брандгейсъ можетъ получать деньги и на улицѣ. Кузину ничего

---

[1]) Онъ одинъ разъ въ комнатѣ больного моего товарища лѣкаря Максимовича, лежавшаго въ клиникѣ, въ присутствіи студентовъ перебилъ всю посуду за то, что больной позволилъ себѣ, безъ спросу, напиться кофею.

больше не оставалось сдѣлать, какъ выслать причитающіяся по таксѣ доктору деньги.—Быть можетъ, въ Германіи такъ всегда поступаютъ врачи, но въ Россіи, въ тѣ времена, такой поступокъ профессора показался слишкомъ оригинальнымъ и, разумѣется, легко могъ уронить профессорскій авторитетъ.

Поступки Брандгейса, какъ врача-практика, не мнѣ одному тогда казались странными. Слишкомъ искусственныя его дѣйствія, какъ профессора, тѣмъ болѣе меня удивляли, что наши русскіе профессора далеко ровнѣе и солиднѣе вели дѣла, какъ въ частной жизни, такъ и на учебномъ поприщѣ; за эффектами не гонялись, съ студентами были откровенны. Я упомянулъ о Брандгейсѣ только мимоходомъ, не считая себя его ученикомъ.

Въ двадцатыхъ годамъ лучшихъ наставникомъ и руководителемъ студентовъ медицинскаго факультета былъ Николай Ивановичъ Еллинскій, одинъ изъ талантливѣйшихъ и усерднѣйшихъ профессоровъ того времени, всецѣло преданный наукѣ и своему призванію. Уроженецъ Воронежской губерніи, онъ воспитывался въ Харьковѣ, начавъ свое образованіе въ тамошней гимназіи, кончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ; одинъ годъ слушалъ хирургію въ Петербургской медицинской академіи у профессора Буша, за границу не ѣздилъ. Это былъ чистый, безъ всякой иностранной примѣси, русскій самородокъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ врачей и хирурговъ. По возвращеніи изъ Петербурга, занявъ каѳедру хирургіи послѣ профессора Колюмна-Вигура, Еллинскій со всею пылкостію молодости отдался своему призванію и неусыпно слѣдилъ за наукою; кажется, ничто изъ современныхъ открытій не ускользнуло отъ любознательности его, а что всего важнѣе,—онъ всячески старался передавать своимъ ученикамъ разнородныя свои познанія. Красивая наружность, даръ слова профессора увлекали слушателей, затѣмъ откровенное, почти товарищеское обращеніе, внѣ лекцій, привязывали къ нему студентовъ. Могу сказать, всѣ уважали, любили Николая Ивановича, но боялись какъ профессора. На лекціяхъ онъ бывалъ серіозенъ, въ клиникѣ взыскателенъ, за всякое упущеніе, небрежность, серіозно сердился и дѣлалъ строгіе выговоры, требовалъ, чтобы студенты сами дѣлали всѣ маленькія операціи и перевязку; зналъ онъ нѣкоторыхъ бѣлоручекъ и брюзгливыхъ, имъ-то не въ очередь и поручалъ больныхъ съ нечистыми язвами, требовавшими частой перевязки. Никто изъ студентовъ не хотѣлъ навлекать на себя неудовольствіе Н. Ивановича; мы помогали другъ другу и незамѣтно привыкали къ чернымъ госпитальнымъ работамъ. Самъ профессоръ подавалъ примѣръ. Случалось иногда, что онъ, засучивши рукава своей батистовой рубахи, будучи ужъ очень богатымъ по-

мѣщикомъ, производилъ весьма неделикатныя изслѣдованія и рукодѣйствія. По окончаніи занятій въ клиникѣ, когда профессоръ переходилъ въ ординаторскую комнату, куда собирались и студенты четвертаго курса, онъ становился товарищемъ, но не менѣе того оставался и наставникомъ. Студенты съ полною откровенностію обращались къ нему съ разными вопросами, не по одной хирургіи, но и по другимъ предметамъ, къ медицинѣ относящимся, высказывали свои недоразумѣнія, даже иногда полное незнаніе, просили его разъяснить. Николай Ивановичъ не тяготился такими вопросами, объяснялъ, указывалъ авторовъ, гдѣ можно прочитать объ интересующемъ студентовъ предметѣ. Еллинскій продолжалъ быть наставникомъ, только не такимъ серіознымъ, какъ на лекціи; разсказы свои разнообразилъ шутками, касался разныхъ предметовъ, иногда возвращался въ клинику, посѣщалъ терапевтическое ея отдѣленіе, если студенты просили. Въ немъ была видна охота и желаніе пополнить тѣ пропуски, которые другіе профессора, по многосложности ихъ занятій, могли допустить.

Какъ руководство, для изученія хирургіи, была указана хирургія Буша; но Еллинскій преподавалъ свой предметъ въ болѣе обширномъ объемѣ, противъ указаннаго руководства. По обширности предмета преподаваніе какъ теоретической, такъ и оперативной хирургіи, онъ раздѣлялъ на два года; науку о повязкахъ, вывихахъ и переломахъ студенты оканчивали во второмъ курсѣ, на третьемъ и четвертомъ слушали другіе отдѣлы хирургіи. Въ то время въ медицинскомъ факультетѣ полный курсъ оканчивался въ четыре года, но студенты большею частію оставались добровольно на пятый годъ, хотя на третьемъ и четвертомъ посѣщали клинику и получали больныхъ. Мнѣ кажется, не только четырехъ, но и пяти лѣтъ, для окончанія курса медицинскихъ наукъ, слишкомъ было недостаточно; студенты и профессора, по малочисленности послѣднихъ, слишкомъ были обременены занятіями; но что было дѣлать, существовало такое положеніе. Дорожа временемъ, Еллинскій не дѣлалъ форменныхъ репетицій, читалъ лекціи иногда и по праздникамъ. Такъ какъ студенты третьяго и четвертаго курса должны были посѣщать клинику во время праздниковъ, то онъ просилъ ихъ, послѣ обхода клиники, собраться въ аудиторію и прослушать лекцію.

Въ свободные отъ лекцій часы, иногда въ ординаторской комнатѣ, профессоръ назначалъ репетиціи, какъ говорилъ онъ, для исправленія нашихъ записокъ. На репетиціяхъ, никого не вызывая, онъ обыкновенно предлагалъ: кому угодно отвѣчать о такомъ-то предметѣ? Кто на себя больше надѣялся, тотъ и отвѣчалъ. Профессоръ, за-

мѣчая въ разсказѣ студента пропуски или ошибки, предлагалъ тутъ же исправить ихъ въ своихъ запискахъ.

Совершенно инымъ путемъ профессоръ производилъ испытаніе студентовъ. Чтеніе исторіи болѣзни выбывшаго изъ клиники больного составляло экзаменъ и нѣкоторымъ образомъ кризисъ, рѣшавшій во мнѣніи профессора степень познаній и развитости студента. Во время чтенія исторіи профессоръ требовалъ объясненій, касавшихся не одной хирургіи, но терапіи, патологіи, фармакологіи и проч.; какъ говорится, прощупывалъ кругомъ, повѣрялъ познанія студентовъ по всѣмъ медицинскимъ предметамъ.

Когда въ 1827 году Еллинскій женился [1]), сдѣлался очень богатымъ помѣщикомъ и вмѣсто дрожекъ началъ ѣздить въ каретѣ, студенты сокрушались, предполагая, что онъ оставитъ университетъ. Къ счастію, опасенія ихъ не сбылись. Еллинскій только оставилъ частную практику, но остался такимъ же, какъ былъ, дѣятельнымъ профессоромъ, самъ началъ составлять записки хирургіи, которыя до того студенты общими силами писали во время лекцій. Кажется, Еллинскій предполагалъ издать полный курсъ хирургіи, начавъ его изданіемъ отдѣла о повязкахъ.

Въ концѣ триддатыхъ годовъ Еллинскій былъ избранъ ректоромъ университета, занятія его вмѣстѣ съ тѣмъ усложнились, а вскорѣ онъ вовсе оставилъ университетъ. Такое стеченіе обстоятельствъ вѣроятно остановило его предпріятіе—издать полный курсъ хирургіи.

Имѣю нѣкоторое основаніе полагать, что хирургія Еллинскаго въ то время могла быть лучшимъ руководствомъ для врачей, по слѣдующему обстоятельству. Въ 1836 году была напечатана въ военно-медицинскомъ журналѣ пробная лекція профессора Иноземцова: „обзоръ операцій, предпринимаемыхъ въ каменной болѣзни“, прочитанная имъ въ Петербургской академіи наукъ. Прочитавъ въ журналѣ лекцію Иноземцова и заглянувъ въ записки Еллинскаго, я убѣдился, что Иноземцовъ, посѣтивъ иностранные университеты и послушавъ разныхъ знаменитостей, ничего новаго не прибавилъ къ тому, что было сказано въ запискахъ Еллинскаго. Такъ записки его были полны и современны.

Вспомнивъ Иноземцова, я нисколько не убавлю той славы, которою Ѳедоръ Ивановичъ пользовался при жизни, какъ профессоръ, какъ врачъ, какъ человѣкъ, если скажу, что Иноземцовъ многимъ и многимъ былъ обязанъ своему товарищу и наставнику Еллинскому. Слова нѣтъ, что хорошая почва даетъ лучшіе плоды; но нельзя не отнести нѣкоторой доли участія въ производительности почвы

[1]) На дочери помѣщика Шагарова, которую онъ магнетизировалъ.

тому, кто улучшилъ почву. Еллинскій, почти сверстникъ Иноземцова, товарищъ его по гимназіи и по университету, по разнымъ только, вначалѣ, факультетамъ. Когда Еллинскій сдѣлался профессоромъ, то вызвалъ Иноземцова отъ учительства, кажется изъ Льговскаго, или Обоянскаго уѣзднаго училища, куда онъ, по волѣ начальства, былъ назначенъ, заставилъ его опять учиться, доставлялъ ему всѣ возможныя средства, а впослѣдствіи своимъ вліяніемъ способствовалъ отправленію его, еще неокончившаго курсъ, за границу въ числѣ другихъ, по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія, тогда отправленныхъ въ чужіе края.

Иноземцовъ оправдалъ надежды Еллинскаго, хотя сначала неохотно принялся за анатомію и, какъ помню, неохотно поѣхалъ за границу. Сколько мнѣ извѣстно, Иноземцовъ въ методѣ преподаванія, въ манерѣ обращенія съ студентами, слѣдовалъ своему наставнику.

Въ тридцатыхъ годахъ, какъ я упомянулъ, Н. И. Еллинскій оставилъ университетъ, поселился въ своемъ имѣніи, въ Сумскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, и давно, еще во цвѣтѣ лѣтъ, умеръ.

Миръ праху твоему, незабвенный наставникъ!

Другой изъ главныхъ дѣятелей и вліятельныхъ профессоровъ медицинскаго факультета былъ Иванъ Дмитріевичъ Книгинъ. Его идеи, его теоріи, системы послужили основаніемъ медицинскому образованію студентовъ того времени. Въ молодости Книгинъ много путешествовалъ, долго жилъ въ Германіи, питалъ нѣкоторую слабость къ нѣмцамъ, профессорствовалъ въ Петербургѣ и Москвѣ, а подъ старость, по слабому здоровью, переѣхалъ въ Харьковъ; сначала занялъ каѳедру анатоміи и физіологіи, а потомъ, по стеченію обстоятельствъ, на него было возложено преподаваніе множества предметовъ.

При мнѣ Книгинъ былъ ужъ очень не молодъ, преподавалъ много предметовъ; къ сожалѣнію, по множеству занятій, не всегда могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ; записокъ своихъ онъ не давалъ, указывалъ для руководства авторовъ, и записки бывшаго до него профессора терапіи Дрейсича, но самъ имъ не слѣдовалъ; критиковалъ ихъ, указывалъ недостатки и ошибки. Обремененный лѣтами и занятіями, надо полагать, Книгинъ не всегда готовился къ лекціямъ, не всѣ его лекціи отличались полнотою; но иногда, по какому-то вдохновенію, лекціи представляли верхъ совершенства; казалось, нельзя было ничего больше желать; въ его лекціяхъ видны были и обширная начитанность, и неистощимое богатство опытности. Такія лекціи случались и въ аудиторіи, и въ клиникѣ, но къ сожалѣнію подобныя лекціи можно было слышать не часто:

нужно было ловить минуту. Мнѣ и теперь представляется, украшенный сѣдинами, почтенный старикъ, когда онъ въ клиникѣ, усѣвшись около больного, читывалъ намъ длинныя поучительныя лекціи,— тихо, ровно, безъ всякихъ жестикуляцій, обыкновенно съ закрытыми глазами, систематически излагалъ болѣзнь, высказывалъ мнѣнія авторовъ, иногда цитировалъ ихъ, а чаще припоминалъ множество своихъ собственныхъ наблюденій. Двухъ лѣтъ, опредѣленныхъ для слушанія Книгина, было слишкомъ недостаточно: его нужно было слушать четыре, шесть лѣтъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ студенты послѣдовательно формировали записки и ими по наслѣдству руководствовались.

На экзаменахъ, когда срѣзавшійся студентъ обращался къ Книгину, какъ декану, съ просьбою, переэкзаменовать его, онъ обыкновенно утѣшалъ огорченнаго неудачею, словами: „не тревожься, мой миленькій, поучись, я самъ долго учился".

Профессоръ Я. Н. Громовъ отличался строгостію, если даже не суровостію. Это былъ настоящій классикъ; аккуратно, въ опредѣленное время, являлся на лекцію; иногда приходилъ въ залу, когда еще другой профессоръ, ему предшествовавшій, не окончилъ лекціи. Онъ отличался точностію во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, строгостію къ себѣ и другимъ; до женитьбы былъ извѣстенъ своею замкнутою, уединенною жизнію; читалъ свой предметъ отчетливо по запискамъ, имъ же составленнымъ, которыхъ во все мое время не измѣнялъ; записки были написаны на латинскомъ языкѣ. При этомъ скажу, система расположенія врачебныхъ средствъ, принятая Громовымъ въ своихъ запискахъ, казалась чрезвычайно удобною для изученія фармакологіи. Врачебныя вещества животнаго и растительнаго царства были сгруппированы по ихъ вліянію на животный организмъ, начиная съ самыхъ близкихъ къ нему и имъ удобовоспринимаемыхъ, т. е. питательныхъ, и оканчивая самыми непріязненными, производящими не обыкновенныя на животную экономію впечатлѣнія, т. е. ядами; вещества же неорганическаго царства, какъ-то соли, кислоты и металлическія вещества, располагалъ по ихъ химическому составу.

На лекціяхъ профессоръ не иначе объяснялся какъ по-латыни, того жъ требовалъ отъ студентовъ на репетиціяхъ и экзаменахъ; мало къ чему снисходительный, по пристрастію своему къ латинскому языку, Яковъ Никитичъ былъ неумолимъ. Студентамъ, плохо объяснявшимся по-латыни, Громовъ совѣтовалъ перемѣнить факультетъ. Бывали примѣры, что послѣ серіознаго замѣчанія профессора: „стало быть, откровенно вамъ скажу, вы лѣкаремъ никогда не будете", студентъ съ третьяго курса переходилъ на другой факуль-

тетъ. Странное дѣло! послѣ женитьбы Яковъ Никитичъ измѣнилъ свой образъ жизни: изъ строгаго Сенеки превратился въ общительнаго семьянина, посѣщалъ общество и у себя принималъ гостей; не говорилъ ужъ студентамъ, являвшимся иногда къ нему съ поздравленіями: „Вы бы лучше сидѣли дома и читали, а не разъѣзжали съ визитами; стало быть, мнѣ ваши визиты не нужны". Иногда на лекціяхъ упоминалъ о своей женѣ Катенькѣ и сынѣ Викторѣ, по случаю ихъ болѣзней.

Адъюнктъ-профессоръ А. С. Венедиктовъ преподавалъ анатомію, по тогдашнему времени, съ большими добавленіями къ тому руководству, которое было для лекцій назначено (анатомія профессора Загорскаго). Венедиктовъ знакомилъ насъ съ общею анатоміею Биша и Меккеля. Онъ былъ очень трудолюбивъ; быть можетъ, по ограниченности тогдашняго жалованья, онъ оставлялъ за собою должность прозектора, руководилъ студентовъ въ занятіяхъ ихъ на трупахъ. Александръ Саввичъ не отличался общительностію, всегда далеко держалъ себя отъ студентовъ. При большомъ трудолюбіи, онъ много времени посвящалъ на лекціи объ общихъ и частныхъ системахъ тканей; объ аппаратахъ человѣческаго тѣла, по общей анатоміи Биша; поэтому не всѣ отдѣлы частной анатоміи проходилъ по Загорскому.

Акушерству мнѣ пришлось учиться у трехъ профессоровъ. Я началъ слушать эту науку у профессора Богородицкаго, но онъ скоро умеръ; около полгода послѣ Богородицкаго преподавалъ акушерство Еллинскій, мнѣ у него пришлось прослушать почти весь курсъ акушерства; наконецъ, Еллинскаго смѣнилъ прибывшій изъ Дерпта профессоръ Блюменталь, сталъ преподавать акушерство по-латыни. Акушерской клиники при университетѣ въ мое время не существовало. Женщины съ разными болѣзнями, но не родильницы, поступали въ общую клинику.

Остается сказать нѣсколько словъ о молодомъ, только-что выпущенномъ изъ Петербургской академіи, адъюнктѣ Х. А. Эккебладѣ. Предметъ его преподаванія былъ ветеринарная наука.

Кажется, самъ профессоръ недолюбливалъ преподаваемую науку. Не взирая на компактный объемъ, въ какомъ предназначалась къ преподаванію ветеринарная наука для врачей не ветеринаровъ, профессоръ всѣ ея отдѣлы проходилъ очень бѣгло. По рисункамъ Х. А. знакомилъ насъ съ сравнительною анатоміею. Едва студенты упросили профессора показать четвероместный желудокъ въ натурѣ и только тогда, когда нѣкто студентъ Ковалевъ самъ позаботился принести на лекцію требуху. Профессоръ кратко излагалъ эпизоотическія болѣзни, едва упоминалъ объ экстерьерѣ.

Весь почти учебный годъ Христіанъ Адольфовичъ посвящалъ преподаванію умозрительной физики и физіологіи, знакомилъ студентовъ съ бывшею тогда въ большой модѣ философіею Шеллинга.

Тяжелы бывали для насъ лекціи Эккеблада, да къ тому еще нужно сказать, лекціи по расписанію были назначены послѣ обѣда отъ трехъ до пяти часовъ, два раза въ недѣлю. Мало кто изъ студентовъ понималъ умозрительныя объясненія природы, многіе откровенно сознавались профессору, что рѣшительно ничего не понимаютъ. Профессоръ на такую откровенность обыкновенно отвѣчалъ: „Имѣяй уши слышати да слышитъ, равный понимается только равнымъ, нужно понять начало или причину всѣхъ причинъ, тогда умъ вашъ просвѣтится свѣтомъ истины; свѣтъ истины отразится въ васъ, какъ солнце отражается въ каплѣ утренней росы".

Долго ли Х. А. увлекался бы своими идеями, не знаю. Помню, что на другой годъ пребыванія своего въ Харьковѣ, онъ заболѣлъ тифомъ. Домашняя обстановка его тогда была очень не богата, а между тѣмъ съ женою и дитятей, при одной служанкѣ, соединявшей въ своей особѣ и кухарку, и прачку, и горничную, даже кажется и парикмахера, потому что Х. А. всегда являлся на лекціи завитымъ, больной былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Студенты согласились замѣнить у больного профессора сидѣлокъ: во все время его болѣзни дежурили. Профессоръ послѣ болѣзни освободилъ насъ отъ тяжелыхъ умозрительныхъ лекцій. Прійдя по выздоровленіи въ аудиторію, поблагодаривъ студентовъ за ихъ вниманіе къ нему во время болѣзни, съ сожалѣніемъ высказался, что Богу, вѣрно, не угодно, чтобы онъ продолжалъ свои умозрительныя, требующія большого умственнаго напряженія, объясненія природы. Затѣмъ приступилъ къ окончанію неинтереснаго для него курса ветеринарной науки.

Кажется, Эккебладъ скоро вовсе оставилъ университетъ и профессорство, онъ получилъ мѣсто директора Нѣжинскаго лицея князя Безбородко.

Х. А. Эккебладъ у насъ былъ представителемъ многочисленныхъ тогдашнихъ послѣдователей натуральной философіи и умозрительной физіологіи. Въ тѣ времена, кромѣ натуральной философіи, былъ въ большомъ ходу месмеризмъ, или животный магнетизмъ.

Въ Петербургѣ умозрительную физику и физіологію, а также теорію животнаго магнетизма съ каѳедры, проповѣдывалъ профессоръ Д. М. Велланскій; у насъ ему слѣдовалъ ученикъ Велланскаго, Эккебладъ. Въ тѣ времена многіе изъ ученыхъ занимались изученіемъ животнаго магнетизма, а нѣкоторые изъ не ученыхъ имъ бредили.

Были врачи и даже дамы, которые практически занимались животнымъ магнетизмомъ; посредствомъ извѣстныхъ манипуляцій старались привести своихъ паціентовъ въ состояніе ясновидѣнія. Въ Харьковѣ, кромѣ нѣкоторыхъ врачей (Парпура), магнетизированіемъ занималась княгиня Шахматова. Много разсказывали чудесъ, замѣченныхъ у субъектовъ, приведенныхъ въ состояніе ясновидѣнія; много было вѣрующихъ въ это таинственное явленіе, не меньше было и опровергающихъ; между послѣдними встрѣчались оригиналы, которые называли магнетизированіе шарлатанствомъ (профессоръ физики Комлишенскій былъ порядочный толстякъ и предлагалъ свою особу привести въ состояніе ясновидѣнія. Если магнетизеры этого достигнутъ, обѣщался имъ повѣрить). Давно я живу на свѣтѣ, много встрѣчалъ магнетизеровъ на своемъ вѣку, но самаго акта ясновидѣнія, въ точномъ научномъ смыслѣ, наблюдать не случилось; приходилось видѣть магнетизеровъ и магнетизируемыхъ, которые показывали свое искусство за деньги.

III.

Вспомнивъ о профессорахъ Харьковскаго университета, не могу не отдаться воспоминаніямъ о студентахъ того времени, не сказать нѣсколько словъ о тогдашнихъ обычаяхъ, отношеніяхъ студентовъ къ профессорамъ и между собою.

Харьковскій учебный округъ тогда состоялъ изъ новороссійскихъ и малороссійскихъ губерній; изъ великороссійскихъ въ него входили Воронежская и Курская губерніи, да земли войска Донскаго.

Студентовъ на всѣхъ четырехъ факультетахъ числилось около четырехъ сотъ; большая половина студентовъ состояла изъ уроженцевъ малороссійскихъ губерній, поляковъ было очень мало,—всего три-четыре человѣка, а евреевъ почти не было. За все время пребыванія моего въ университетѣ, помню только двухъ евреевъ—Маргуліеса и Трахтенберга; первый, зять извѣстнаго полтавскаго богача Зеленскаго, не утаивалъ своего происхожденія, послѣдній скрывалъ свою національность и называлъ себя Иваномъ Ивановичемъ; но это не могло никого обмануть. При одноплеменности учащихся, не взирая на разность ихъ состоянія, отношенія студентовъ между собою были товарищескія, если даже не дружескія. Всѣ студенты были между собою знакомы. Знакомство и сближеніе начинались, если не съ гимназій, то съ перваго курса въ университетѣ, когда всѣ вмѣстѣ слушали богословіе, по тогдашнему росписанію учебныхъ часовъ, въ семь часовъ утра, четыре раза въ недѣлю.

Преподаватель богословія, духовный нашъ отецъ, о. Аѳанасій Могилевскій имѣлъ обыкновеніе частенько дѣлать перекличку и производить репетиціи. Имя, фамилія и физіономія каждаго студента чрезъ то скоро становились всѣмъ извѣстными.

Кромѣ того бульваръ у самаго университета, открытая галлерея, прежде при университетѣ существовавшіе, нынѣ застроенные типографіею, рекреаціонныя залы, нарочно отведенныя, для прогулки студентовъ въ свободные между лекціями часы, служили мѣстомъ общенія; наконецъ, жительство студентовъ группами, или у профессоровъ и адъюнктовъ, или у пожилыхъ, степенныхъ, окончившихъ курсъ студентовъ, которые нанимали дома и принимали къ себѣ нахлѣбниковъ, еще болѣе сближало студентовъ.

Извѣстно, что въ давнія времена въ Россіи въ сужденія о политикѣ не вдавались, а тѣмъ менѣе занимались ею студенты; газетъ издавалось мало, да и тѣхъ студенты вовсе не читали. О какихъ-либо ассоціаціяхъ, съ извѣстною цѣлію, о манифестаціяхъ, злостныхъ, или радостныхъ, студенты въ двадцатыхъ годахъ не имѣли понятія; вмѣшиваться въ дѣйствія начальствовавшихъ лицъ имъ въ голову не приходило; верховенства въ дѣлахъ университета они не добивались. Правда, не многіе усердно занимались науками; желаніе у большей части изъ нихъ ограничивалось полученіемъ аттестата, для пріобрѣтенія правъ на службѣ.

Если у студентовъ не преобладало духовно-религіозное настроеніе, которое въ тѣ времена высшее управленіе народнаго просвѣщеніе старалось развить въ учебныхъ заведеніяхъ, то не существовало въ нашемъ университетѣ между студентами и броженія умовъ, вольнодумства, особенно вредныхъ для общества и учащихся. Преобладалъ индифферентизмъ, быть можетъ, вслѣдствіе огромнаго, въ первыя времена, наплыва иностранныхъ элементовъ; кромѣ того у студентовъ, замѣтна была наклонность казаться старѣе своихъ лѣтъ, не исчезала также свойственная русскому народу черта—наклонность къ кутежамъ и оригинальнымъ поступкамъ.

До 1826 года нѣкоторые студенты носили длинные, широчайшіе, безъ рукавовъ плащи, одну полу которыхъ забрасывали на плечо, на подобіе римскихъ тогъ: хотѣли казаться древними римлянами. Въ модѣ были шляпы съ широчайшими полями и низенькими тульями, сюртуки съ пуговицами до нижнихъ краевъ полъ съ маленькою пелеринкою около воротника; многіе разыгрывали роль квакеровъ; огромная палка съ топоромъ, или молоткомъ, вмѣсто набалдашника, составляла неотъемлемую принадлежность такого костюма. Многіе не догадывались, что молотокъ указывалъ не на римлянина и квакера, а на масона; кажется, носили такія палки

ради оригинальности и моды. Случались между студентами шалости; особенно студенты любили шумѣть въ театрѣ и ссориться съ полиціей; но къ такимъ дѣйствіямъ давали поводъ тѣ условія, въ которыхъ до 1826 года студенты находились.

Университеты, какъ извѣстно, составляли отдѣльныя корпораціи, студенты не были подчинены градской полиціи; у нихъ полагалась собственная полиція въ лицѣ университетскаго экзекутора. У насъ въ то время былъ экзекуторомъ Яковъ Юрьевичъ Анадольскій. Онъ всегда бывалъ въ университетскомъ мундирѣ, при саблѣ, со шпорами, ѣздилъ обыкновенно верхомъ, нерѣдко въ одноколкѣ; естественно, что всѣ отношенія полиціи студенты устраняли отъ себя. По принципу, студенты считали себя цѣнителями драматическаго искусства. Вмѣшиваться въ театральныя дѣла они считали себя какъ бы обязанными; кромѣ того, къ очень рѣзкимъ одобреніямъ или осужденіямъ игры артистовъ, очень часто подвигали студентовъ сами артисты. Интриги актеровъ, особенно актрисъ, между собою, заставляли послѣднихъ прибѣгать къ рѣзвой молодежи, для достиженія своей цѣли и выполненія домашнихъ своихъ продѣлокъ. Актрисы и актеры говорили, что ихъ можетъ только оцѣнить образованная университетская молодежь.

Мнѣ приходитъ на память очень рѣзкая шалость студентовъ въ театрѣ, случившаяся осенью въ 1823 году. Эта исторія имѣла для нѣсколькихъ молодыхъ людей очень прискорбныя послѣдствія, а для всѣхъ студентовъ то неудобство, что имъ, послѣ той исторіи, было воспрещено вовсе посѣщать театръ.

Теперь на старости лѣтъ, припоминая прежнее время, мнѣ приходится только сожалѣть, что молодежь, предоставленная самой себѣ, часто, повидимому, по маловажнымъ поступкамъ можетъ навсегда испортить свою карьеру. У меня нѣтъ желаній подробно разсказывать исторію шалости студентовъ, происходившей въ Харьковскомъ театрѣ, скажу только, что соглашеніе студентовъ объ изгнаніи со сцены одного изъ актеровъ состоялось заблаговременно. Съ утра того дня весь городъ зналъ о предстоявшей вечеромъ траги-комедіи; всѣ почти мѣста въ партерѣ были куплены студентами, нашлось также много любопытныхъ между посторонними; театръ былъ полонъ; ложи снизу до верху были биткомъ набиты; пріѣхалъ даже попечитель университета Е. В. Карнѣевъ. Полиція на всякій случай также подготовилась. Помню, во время перваго дѣйствія (играли комедію „Завтракъ холостыхъ") шумъ въ театрѣ произошелъ страшный, сотня гнилыхъ яблокъ вдругъ полетѣла на сцену на актера Новицкаго; послышались: ай, охъ; много дамъ впало въ обморокъ, ихъ унесли; занавѣсъ опустился; скоро прискакалъ верхомъ къ

*

театру взводъ жандармовъ; явилась внутренняя стража съ ружьями, въ партерѣ появилась полиція, на сценѣ была слышна трескотня, а на площади произошла схватка. Полиція семерыхъ студентовъ взяла и посадила подъ стражу въ полицейскомъ домѣ; тамъ арестованные ночевали. На другой день студенты, на томъ основаніи, что полиція якобы не имѣла права сама брать студентовъ[1]), огромною толпою отправились въ полицію, насильно освободили заключенныхъ своихъ товарищей и при депутаціи препроводили ихъ къ ректору.

Ректоръ освобожденныхъ изъ полиціи, вмѣстѣ съ депутатами, отправилъ въ карцеръ. Началось формальное слѣдствіе; всѣхъ насъ опрашивали; бывшимъ въ театрѣ дали запросные пункты; слѣдствіе длилось очень долго; болѣе виновныхъ судъ приговорилъ къ выключкѣ изъ университета, съ лишеніемъ права, до исправленія, вступить въ службу.

Прежній попечитель, при которомъ произошла исторія, Е. В. Карнѣевъ вышелъ въ отставку, а новый, графъ А. А. Перовскій, исходатайствовалъ у Государя Императора, жившаго тогда въ Таганрогѣ, прощеніе виновнымъ. Благодаря Бога, при всей свободѣ, которою пользовались студенты до 1826 года, подобныхъ шалостей въ Харьковскомъ университетѣ болѣе не случалось; ничего подобнаго, о чемъ приходится теперь иногда слышать, у насъ не происходило. Я прихожу къ тому убѣжденію, если нравственность студентовъ въ наше время не была глубоко испорчена, если шалости ихъ не выходили изъ границъ увлеченій, свойственныхъ молодому возрасту, не имѣли отдаленныхъ, преднамѣренныхъ цѣлей, то это нужно приписать тому обстоятельству, что студенты тогда жили у профессоровъ и учителей гимназіи, а менѣе состоятельные пристраивались къ пожилымъ оканчивавшимъ, или окончившимъ, курсъ студентамъ. Это было въ нѣкоторомъ родѣ туторство. Если не всѣ студенты, жившіе у профессоровъ, брали у нихъ домашніе уроки, и жительство у профессоровъ мало оказывало вліянія на умственное образованіе, то одно пребываніе у нихъ имѣло вліяніе на ихъ нравственность. Если студенты, принимавшіе къ себѣ нахлѣбниковъ, не присваивали себѣ права руководить своихъ сожителей, а тѣмъ менѣе вмѣняли себѣ власть слѣдить за ихъ поступками, то не менѣе того, какъ товарищи, не могли иногда не подавать совѣтовъ; да самая застѣн-

[1]) Къ тому же утромъ къ толпѣ студентовъ, собравшихся на парадномъ крыльцѣ университета, студентъ нѣкто О... подбѣжалъ, запыхавшись, и разсказывалъ, что онъ, проходя мимо полиціи, видѣлъ актера Новицкаго, изъ-за котораго произошелъ шумъ въ театрѣ, который, подавая мелкую монету выглядывавшимъ изъ оконъ арестантамъ, сказалъ имъ: раздѣлите подаяніе со студентами.

чивость и стыдъ удерживали молодого въ присутствіи степеннаго товарища отъ предосудительныхъ поступковъ.

Послѣдовавшія въ 1826 году нововведенія и болѣе строгій надзоръ за студентами, кажется, еще болѣе послужили къ улучшенію благосостоянія университета.

Рѣзкій переходъ отъ свободы къ безусловной зависимости не могъ не остаться въ моей памяти; особенно мнѣ памятно время ректорства И. Я. Кронеберга.

Не берусь объяснять, почему при Кронебергѣ дѣла въ университетѣ пошли удовлетворительнѣе, нежели при его предмѣстникѣ Джунковскомъ? Авторитетъ ли Кронеберга, ровный, строгій, но полный достоинства образъ его дѣйствій возвысилъ въ общемъ мнѣніи университетъ и вызвалъ въ обществѣ должное къ высшему учебному заведенію уваженіе, или принятіе общихъ мѣръ, для наблюденія за поведеніемъ и занятіями студентовъ, возстановили къ университету довѣріе? Знаю только, что при Кронебергѣ сами студенты сознательно поднялись духомъ, стали болѣе солидными, да и общество перестало смотрѣть на нихъ, какъ на авантюристовъ, искателей приключеній.

Мундирная одежда ограждала студентовъ отъ привязчивости полицейскихъ чиновъ, мундиръ вездѣ открывалъ студенту свободный входъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ удерживалъ его отъ вмѣшательства въ какія-нибудь пестренькія общества. Студентъ вездѣ былъ виденъ, и не трудно было рѣшить, гдѣ ему быть прилично, а гдѣ нѣтъ.

Правда, Кронебергъ былъ гордъ, серіозенъ, холоденъ, какъ классикъ, но всегда ровенъ, сдержанъ, приличенъ. Не стѣснялся онъ дѣлать замѣчанія и профессорамъ, а между студентами не искалъ популярности, смотрѣлъ на нихъ какъ на взрослыхъ дѣтей, пріѣхавшихъ въ университетъ учиться, а не учить; за проступки всегда взыскивалъ; сначала убѣждалъ въ виновности, а потомъ опредѣлялъ наказаніе, но тѣмъ не уменьшалъ къ себѣ уваженія. Рѣдко у него срывалось съ языка слово карцеръ, за то эта послѣдняя мѣра наказанія имѣла полное свое значеніе. При Джунковскомъ, который за всякій проступокъ, по жалобѣ каждаго квартальнаго надзирателя, всенепремѣнно посылалъ студента въ карцеръ,—посидѣть въ карцерѣ не болѣе значило, какъ провести ночь внѣ своей квартиры, у своего товарища, гдѣ представлялись всѣ удобства, тѣмъ болѣе, что въ карцеръ супруга ректора М. И. по ходатайству сынка, Сашеньки, тоже студента, частенько присылала заключеннымъ чай и ужинъ. При Кронебергѣ же получить выговоръ, который, смотря по важности проступка, онъ производилъ или въ правленіи, или въ общемъ собраніи студентовъ, считалось большимъ наказаніемъ, а

попасть въ карцеръ, кромѣ поношенія, значило посидѣть сутки, или болѣе въ совершенномъ уединеніи, подъ замкомъ, на хлѣбѣ и водѣ. При всемъ томъ Кронебергъ ни прежде, ни будучи ректоромъ, не чуждался студентовъ; у него всегда жили на квартирѣ студенты, нѣкоторые брали у него частные уроки; за нравственностію жильцовъ своихъ онъ строго наблюдалъ. Говорили, что Кронебергъ, въ день извѣстнаго шума въ театрѣ, одного изъ своихъ жильцовъ,—Селецкаго, принимавшаго дѣятельное участіе въ приготовленіи студентовъ къ освистанію актера и раздавшаго множество билетовъ несостоятельнымъ студентамъ, заперъ въ комнатѣ на замокъ и тѣмъ лишилъ главнаго зачинщика участвовать въ затѣѣ. Въ опредѣленные дни у Кронеберга собирались студенты филологическаго факультета для бесѣдъ. Несмотря на серіозность Кронеберга, многіе отъ домашнаго его обращенія были въ восторгѣ.

Помню, что и мы, студенты медицинскаго факультета, не были лишены его вниманія. При клиникѣ находился порядочный садикъ; по стародавнему преданію, въ учебныхъ заведеніяхъ существовавшему, одни только студенты медицинскаго факультета, въ маѣ мѣсяцѣ, въ саду устраивали, такъ называемыя, рекреаціи, то есть гулянья съ музыкой; приглашали своихъ, и другихъ факультетовъ, почтенныхъ профессоровъ; къ ректору отправлялась депутація для испрошенія разрѣшенія и приглашенія на гулянье. Кронебергъ никогда не отказывалъ, самъ нѣсколько часовъ проводилъ въ нашемъ саду; между профессорами шли бесѣды и диспуты, а студенты группами расходились и развлекались разными увеселеніями: кеглями, качелями, танцами. Кронебергъ оставлялъ профессорскіе диспуты, частенько присоединялся къ студенческимъ кружкамъ, вступалъ въ разговоры о медицинскихъ и не медицинскихъ предметахъ,—становился обыкновеннымъ человѣкомъ.

Да, были хорошія времена! жаль, что для меня стали они невозвратными. Одни воспоминанія меня утѣшаютъ. Могу сказать, лучшимъ воспоминаніемъ моимъ всегда останется время моей жизни, проведенное въ университетѣ.

IV.

Во все время странствованій моихъ съ войсками мнѣ не удалось побывать въ Харьковѣ; только въ 1856 году, на возвратномъ пути изъ Крыма, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, мнѣ случилось по пути туда заѣхать; но и такое позднее посѣщеніе доставило мнѣ много отрадныхъ часовъ.

Много тамъ произошло перемѣнъ въ двадцать семь лѣтъ, многое, разумѣется, измѣнилось тамъ къ лучшему. Гдѣ при мнѣ были непроходимая грязь и пустопорожнія мѣста, тамъ появились мостовыя и возвышались огромные дома; университетскія строенія, прежде бывшія лучшими въ городѣ зданіями, едва были замѣтны между капитальными, вновь воздвигнутыми, постройками. Любовался я чистенькимъ Харьковомъ, а всего интереснѣе для меня было посѣтить то гнѣздышко, гдѣ развивались и крѣпли мои физическія и нравственныя силы. Я обошелъ всѣ уголки въ университетѣ; побывалъ въ церкви, кабинетахъ, институтѣ казенно-коштныхъ студентовъ. Вездѣ нашелъ я много перемѣнъ, много встрѣтилъ совершенно новаго: кабинеты, особенно анатомическій, были гораздо богаче, нежели въ мое время; въ послѣднемъ я замѣтилъ слѣды микроскопическихъ занятій, какъ мнѣ сказали, профессора Ильинскаго. Лабораторіи, анатомическій театръ которыхъ при мнѣ не существовалъ, были устроены въ отличномъ видѣ; къ сожалѣнію, по случаю каникулярнаго времени, клиники были закрыты.

Посѣтилъ я ботаническій садъ, мѣсто прежнихъ частыхъ моихъ прогулокъ; тамъ кромѣ увеличенія оранжерей мало было перемѣнъ, только деревья роскошнѣе разрослись. Осмотрѣлъ я ветеринарное училище, устроенное спустя долгое время послѣ выхода моего изъ университета. Нельзя было не любоваться богатымъ кабинетомъ, для изученія сравнительной анатоміи, при училищѣ устроеннымъ.

Изъ бывшихъ моихъ наставниковъ я никого не нашелъ. Говорили, что былъ еще живъ В. М. Черняевъ, но его въ Харьковѣ не было. Встрѣтилъ я только одного своего товарища по университету, вмѣстѣ со мною кончившаго курсъ, Ивана Осиповича Калиниченко. Онъ былъ профессоромъ и кажется уже заслуженнымъ, а въ добавокъ очень богатымъ помѣщикомъ. Всѣ эти преимущества не помѣшали К. встрѣтить меня, какъ товарища юности.

Нѣсколько дней съ удовольствіемъ прожилъ я въ Харьковѣ, въ эти дни по нѣскольку часовъ проводилъ я съ Иваномъ Осиповичемъ въ отрадныхъ воспоминаніяхъ о нашихъ бывшихъ профессорахъ, о нашей студенческой жизни. Наше тогдашнее, въ 1856 году, намъ современное, нашъ взаимный бытъ тогда далеко расходились. Иванъ Осиповичъ, какъ профессоръ, мнѣ толковалъ о мудреномъ предметѣ „холестеаринѣ“, о которомъ онъ написалъ или готовился писать диссертацію къ предстоявшему публичному университетскому акту; я ему разсказывалъ о бивуакахъ, сраженіяхъ, осадѣ Севастополя. Плохо понимали мы другъ друга: отъ ученыхъ тонкостей, мудреныхъ кованныхъ латинскихъ медицинскихъ терминовъ я поотсталъ, поэзіи бивуачной жизни, сильныхъ ощущеній въ сраженіяхъ, при бомбар-

дировкахъ испытываемыхъ, Иванъ Осиповичъ не постигалъ. Естественно, мы чаще возвращались къ прошедшему, обоимъ намъ одинаково знакомому.

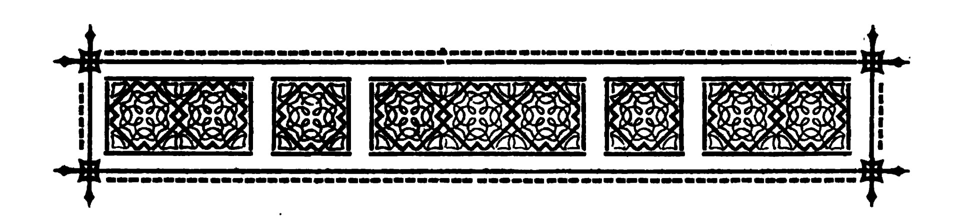
Не разъ вспоминали мы уважаемаго Николая Ивановича Еллинскаго.—Къ такимъ воспоминаніямъ подавалъ поводъ самый домъ, гдѣ тогда жилъ мой товарищъ профессоръ Калиниченко. Домъ тотъ прежде принадлежалъ помѣщнку Шагарову, тестю Еллинскаго. Въ немъ Еллинскій жилъ, когда былъ профессоромъ. Тамъ мы, будучи студентами, по очереди писывали записки хирургіи, по диктовкѣ Николая Ивановича. Домъ и во владѣніи К. оставался въ томъ видѣ, какъ былъ при Еллинскомъ: въ домѣ оставался тотъ же кабинетъ, а въ кабинетѣ находилась та же дверь съ зеркаломъ. Припоминали мы и нѣкоторыя, памятныя намъ, мелочи; зеркальная дверь напомнила намъ супругу уважаемаго профессора Софію Апполинаріевну, чрезъ которую она частенько входила въ кабинетъ, когда мы тамъ писывали, то за ножикомъ, то за перомъ; вспомнили, какъ иногда она, какъ любезная хозяйка, пренаивно обращалась къ студентамъ съ вопросомъ: „не прикажете ли къ чаю подать рому?“. На такое предложеніе обыкновенно профессоръ отвѣчалъ самъ; студентъ затруднялся, что сказать на это внимательной хозяйкѣ. Припоминали мы, что въ занятіяхъ студентовъ иногда принимала участіе Софія Апполинаріевна:—если студентъ запаздывалъ, профессорша занимала его мѣсто, писала записки хирургіи; въ общей тетради попадалась не одна страница, писанная ея рукою.

Вспомнили мы съ И. О. и то блаженное время, когда съ дипломомъ въ рукахъ мы строили воздушные замки о предстоявшей намъ жизни и службѣ: кто думалъ о мѣстѣ уѣзднаго врача, а кто мечталъ о поѣздкѣ въ Москву, чтобы еще немного поучиться, или предполагалъ остаться вольнымъ практикомъ.

Судьба, какъ оказалось, каждаго изъ насъ пристроила по-своему. Иванъ Осиповичъ въ 1829 году съ богатымъ семействомъ уѣхалъ за границу; тамъ онъ имѣлъ возможность посѣщать университеты; по возвращеніи былъ приглашенъ въ Харьковскій университетъ и занялъ тамъ каѳедру. Ему предстала мирная, тихая жизнь профессора. Я тоже чрезъ годъ уѣхалъ за границу, но въ варварскую Турцію; тамъ мои познанія не обогатились, а кажется, еще пошатнулись. Для меня настала тревожная, скитальческая жизнь военнаго врача.

Л. Ничпаевскій.

Челобитная

Вогуличей Чердынскаго уѣзда конца XVII ст. и данная имъ по той (1689 года) челобитной царская Грамота.

Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу и Великой Государынѣ Благовѣрной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ.

Бьютъ челомъ нищіе бѣдные сироты Ваши Чердынскаго уѣзда Вишерскіе и Верхъ-Печерскіе ясашные вогуличишки: сотникъ Ивашко Туйковъ, десятникъ Самсикъ Леньковъ, Терешка Рычковъ и во всѣхъ Вишерскихъ и Верхъ-Печерскихъ Вогуличь мѣсто.

Въ прошлыхъ, Государи, давныхъ годахъ по указу блаженныя памяти прежнихъ Великихъ Государей писцы пожаловали Чердынскаго уѣзда на прежнихъ Вишерскихъ и Верхъ-Печерскихъ Вогуличь платить соболинаго ясаку по четыре срока по семи соболей на годъ. А въ тѣхъ, Государи, годѣхъ въ ясашныхъ угодьяхъ на Вишерѣ и на Печерѣ рѣкахъ Вогуличь было больше, и звѣрей и рыбы много и звѣриная и рыбиая ловля у нихъ была большая и русскіе люди въ звѣриной и рыбной ловлѣ ихъ не обижали и тою, Государи, звѣриною и рыбною ловлею тѣ Вогуличи кормились и соболиный ясакъ платить имъ было вмочи. А сходило, Государи, съ тѣхъ прежнихъ Вогуличь соболинаго ясаку только по 5 соболей и меньше съ лука на годъ, и прошлыхъ же, Государи, годѣхъ какъ на Чердынскихъ Вогульскихъ ясашныхъ угодьяхъ звѣрей, и рыбы стало меньше и сверхъ того въ тѣ ясашные угодья Русскіе люди усилились ходить для звѣриной добычи за Кваркушъ [1]) и за

---

[1]) Назв. горнаго кряжа, отрога Западнаго Урала въ Черд. у.; Березовый камень—гора въ верховьяхъ р. Вишеры.

Березовый камень и для рыбной ловли отъ Морчану [1]) по Вишерѣ рѣкѣ до вершины. И въ тѣхъ ясашныхъ угодьяхъ почали по вся годы въ лѣсахъ соболи и всякихъ звѣрей и отъ Морчану вверхъ по рѣкѣ Вишерѣ рыбу вылавливаютъ большими неводами до послѣдняго рыбнаго малаго зароду.

И отъ тѣхъ, Государи, неводовъ вверхъ въ рѣкѣ Вишерѣ стало безрыбно, и мы сироты отъ Русскихъ людей въ томъ стали изобижены и голодны.

А при прежнихъ, Государи, Вогуличахъ въ тѣ ясашные угодья Русскіе люди не вступались; только отъ Морчану по Вишерѣ рѣкѣ для рыбной ловли Русскіе люди ходили до Писаннаго камени и рыбу ловили сырпами, а не большими неводами; а вверхъ по рѣкѣ Вишерѣ рыбы не ловили и Вогуличъ не голодили. А въ писцовыхъ, Государи, книгахъ Кайсарова съ товарищи (1623 — 24 гг.), рыбная ловля чердынцовъ и волостныхъ крестьянъ на оброкѣ записана,— въ рѣкѣ Вишерѣ до Морчану, и отъ того, Государи, Морчану вверхъ въ р. Вишерѣ въ ясашныхъ вогульскихъ угодьяхъ Русскіе люди рыбу ловятъ и насъ сиротъ голодятъ чрезъ (вопреки) писцовыя книги.

И отъ того, Государи, полову мы сироты Ваши оскудали и Русскимъ людямъ и Сибирскимъ Вогуличамъ задолжали большими неокупными долгами. А иные Вогуличи отъ скудости сбрели въ Сибирскія невѣдомыя урочища на кормовыя мѣста, а у иныхъ Вогуличъ и промышленныя наши сиротъ многія собаки померли и промышлять стало безъ собакъ соболей и иныхъ звѣрей добыть стало нечѣмъ. И отъ того, Государи, голоду остальные сироты наши, боясь голодной смерти, зимою выходимъ съ Вишеры для кормленія съ женишками и дѣтишками къ Чердыни и къ погостамъ къ Русскимъ людямъ и скитаемся по-міру межъ дворы и кормимся Русскимъ палымъ скотомъ, потому, Государи, что мы сироты самыя худыя: пашенъ, хлѣба и скота и дворишекъ и никакого заводу не имѣемъ.

А съ сошлыхъ (ушедшихъ), Государи, и ушедшихъ Вогуличъ на соболиный ясакъ въ прошлыхъ годѣхъ и до нынѣшняго 197 [2]) (1689 г.) году имали на насъ остальныхъ бѣдныхъ сиротахъ потому, Государи, что, послѣ писцовъ насъ сиротъ Вашихъ перепищики вновь переписывать и пустоты нашей досматривать никто не бывалъ и прежняго оклада на ушлыхъ и умершихъ Вогуличъ дани затѣмъ и по сіе время не сбавлены. А сходитъ, Государи, того ясаку съ насъ сиротъ, при прежнихъ го-

---

[1]) Морганы—дер. на берегу р. Вишеры, населенная русскими, Черд. у.; въ низовьяхъ рѣки.

[2]) 7197—5508=1689 г.

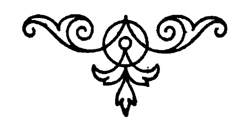
дѣхъ съ прибавкою со всякаго лука соболей по 7 и больше на годъ, потому что, Государи, насъ сиротъ стало при прежнемъ меньше, а соболиныя, Государи, и иныя звѣриныя и рыбныя ловли стали у насъ сиротъ меньше; потому, что, Государи, въ нашихъ сиротъ ясашныхъ угодьяхъ Русскіе люди промышляютъ на себя, и въ прежнихъ, Государи, годѣхъ соболиной ловъ у насъ сиротъ лучше былъ осенью по малу снѣгу по которыхъ мѣстъ пѣшихъ безъ лыжъ съ собаками ходить бываетъ можно; а послѣ того того, Государи, времени по многіе годы и въ нынѣшнемъ 197 (1689 г.) году въ ясашныхъ угодьяхъ осенью выпадали на талую землю снѣги великіе и послѣ того были оттепели и затѣмъ, Государи великіе, Вишера и Печора рѣки и иныя рѣчки и болота не померзли долгое время, и намъ въ лѣсахъ пѣшимъ съ собаками и на лыжахъ ходить и соболей и иныхъ звѣрей ловить было нельзя многое число. И мы сироты оттого стали нищи и голодны, и безъ платья и безъ промыслу и въ вашемъ Великихъ Государей ясаку у насъ сиротъ учинился недоборъ; только, Государи, добыли изнемогаючи съ великою нуждою и въ Вашу, Великихъ Государей, казну въ Чердынѣ въ приказную избу въ нынѣшній 197 годъ 50 соболей уплатили, а остальныхъ, Государи, соболей добыть нынѣ не могли и остались въ доимкѣ (т. е. недоимкѣ). А въ прошлыхъ, Государи, годѣхъ какъ ясашныхъ угодьяхъ Русскіе люди звѣрей и рыбы не ловили; и въ осенній ловъ было по малу снѣгу, и намъ сиротамъ звѣрная и рыбная ловля удавалась и мы сироты Вашъ Велик. Государей ясакъ выплачивали сполна и тою добычею кормились, и у Русскихъ людей на соболи и на звѣриныя кожи и на рыбу хлѣбъ и иные припасы вымѣняли, и Русскіе люди, видя добычу, намъ сиротамъ вѣрили въ долгъ, хлѣба и запасовъ давали. Изъ-за тѣхъ, Государи, запасовъ мы сироты на платежъ соболинаго ясаку и себѣ на кормленіе и Русскимъ людямъ на расплату соболь и всякаго звѣря и рыбу давали. А какъ, Государи, въ ясашныхъ угодьяхъ Русскіе люди почали всякихъ звѣрей и рыбу ловить и тѣмъ насъ сиротъ изобижати, и у насъ сиротъ при прежнемъ ловли почало быть гораздо мало.

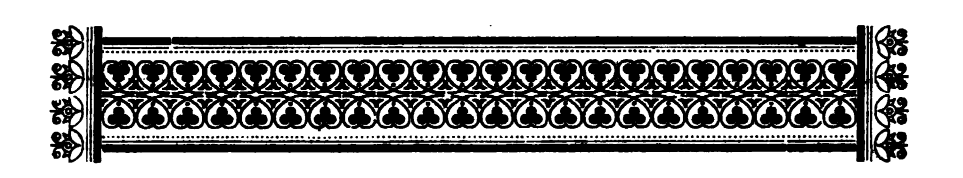
Самимъ кормиться и Вашъ, Велик. Государей, ясакъ платить своихъ долей и за сошлыхъ и за умершихъ Вогуличъ стало не въ мочь. И отъ того, Государи, мы сироты въ конецъ обнищали и вовсе раззорились. И буде, Государи, впредь Русскіе люди въ Чердынскія ясашныя угодья, въ которыхъ они при прежнихъ Вогуличахъ для ловли не бывали, учнутъ соболей и иныхъ звѣрей и рыбу ловить и намъ сиротамъ будетъ всѣмъ и достальнымъ съ голоду разбрестись въ разныя, въ Ваши-жъ Великихъ Государей Сибирскія

кормовыя мѣста. Итакъ Вашъ Великихъ Государей ясакъ учинится въ доимкѣ и взять будетъ не на комъ.

Милосердые Великіе Государи и цари и Великіе князья Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ и Великая Государыня Благовѣрная царица и Великая княжна Софія Алексѣевна, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы, пожалуйте насъ бѣдныхъ остальныхъ сиротъ своихъ для нашихъ сиротъ великихъ бѣдностей и большаго непосильнаго ясашнаго платежу; велите, Государи, чердынцомъ посадскимъ и волостнымъ и инымъ Русскимъ людямъ заказъ учинити, чтобъ они Русскіе люди впредь сверхъ вышеписанныхъ писцовыхъ книгъ и оброчныхъ своихъ водъ въ Чердынскія ясашныя Вогульскія угодья отъ Морчану вверхъ Вишеры рѣки для рыбной ловли и за Кваркушъ и за Березовской каменья для соболиной и звѣриной добычи не ходили; потому, что, Государи, тѣ угодья изстари Вогульскія ясашныя и буде, Государи, Русскимъ людямъ къ Вишерѣ рѣкѣ сверхъ оброчнаго мѣста рыбная ловля надобна и имъ велите, Государи, отъ Морчану вверхъ въ той Вишерѣ рѣки рыболовить въ Вогульскомъ ясашномъ угодьѣ рыбу вылавливать и насъ сиротъ голодить, чтобъ намъ сиротамъ отъ обидъ съ голоду всѣмъ не разбрестись и Вашего Великихъ Государей ясаку не отстать и въ доимкѣ-бъ не учинитися. Великіе Государи, смилуйтеся.

Сообщ. Converted Сонинъ.

Матеріалы по исторіи масонства въ прежней русской арміи [1]).

СПИСОКЪ

Г.г. военнымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ, кои принадлежали къ Масонскимъ ложамъ и, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, отказались отъ оныхъ данными подписками.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
198	Гинцель 1-й.	12-й Артиллерійской бригады, резервной Батарейной роты № 5 командиръ.	Совершенство Царства Польскаго, въ Полоцкѣ.
199	Колошинъ 1-й.	Свиты Его Величества по квартирмейстерской части.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
200	Протасовъ 2-й.	6-го Карабинернаго полка.	Amis réunis, въ С.-Петербургѣ.
201	фонъ-Тегеръ.	Командиръ Бакинской инженерной команды.	Георгія Побѣдоносца, въ С.-Петербургѣ.
202	Якобій.	Каргопольск. драгунскаго полка.	Ключъ къ добродѣтели, въ С.-Петербургѣ.

[1]) См. Русская Старина 1907 г. іюль.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
203	Лингенъ.	1-й Гренадерской Артиллерійской бригады, командиръ 3-й легкой роты.	Александръ коронованный Пеликанъ, въ С.-Петербургѣ.
204	Щулепниковъ.	Рижскаго драгунскаго полка, дежурный штабъ-офицеръ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи.	Ищущихъ манны, въ Москвѣ.
205	Грабаричъ.	Состоитъ по кавалеріи, комендантъ въ Тифлисѣ.	Коронованный Пеликанъ, въ С.-Петербургѣ.
206	Гвоздевъ.	Свиты Его Величества квартирмейстерской части, дивизіонный квартирмейстеръ 4-й драгунской дивизіи.	Былъ принятъ въ сообщество масоновъ заграницей въ походѣ; но ни къ какой ложѣ собственно не принадлежалъ.
207	Пошманъ.	Той-же части, находится при штабѣ корпуса военныхъ поселеній.	Умирающаго Сфинкса, въ С.-Петербургѣ.
208	Беберъ.	Въ Пажескомъ корпусѣ.	Пламенной звѣзды, въ С.-Петербургѣ.
209	Леманъ.	Лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка, дежурный штабъ-офицеръ въ отдѣльномъ Сибирскомъ корпусѣ.	Золотаго Вѣка, въ Парижѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
210	Коцебу 1-й.	Свиты Его Величества квартирмейстерской части, оберъ-квартирмейстеръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.	Halle der Beständigkeit, въ Варшавѣ.
211	Звѣревъ.	4-го Морскаго полк.	Озирисъ звѣзды пламенистой.
212	Гамалѣй 2-й.	1-го Морскаго полк.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
	Маіоры:		
213	Унковскій.	Житомирскаго Внутренняго Гарнизоннаго баталіона, дежурный штабъ-офицеръ 12 округа внутренней стражи.	Добраго пастыря, въ Вильнѣ.
214	Петкевичъ.	19-го Егерскаго полка.	Св. Іоанна и Св. Людовика благотворящаго, въ гор. Шалонѣ.
215	Шамшевъ.	Ольвіопольск. Гусарскаго полка.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
216	Протасовъ 1-й.	Тамбовскаго пѣхотнаго полка.	Сверкающей звѣзды, въ Каменецъ-Подольскѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
217	Максимовичъ.	32-го Егерскаго полка.	Золотаго шара, въ Гамбургѣ.
218	Ревуцкій.	Командиръ 2-го баталіона Нижегородскаго пѣхотнаго полк.	Св. Іоанна, въ городѣ Нанси, во Франціи.
219	Фрей 1-й.	Тарутинскаго пѣхотнаго полка, командиръ поселеннаго баталіона.	Нептуна, въ Москвѣ.
220	Хвостовъ.	Состоялъ по кавалеріи и уволенъ отъ службы 14 октября 1822 года.	Сѣверныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
221	Бабетъ.	Казанскаго драгунскаго полка.	Петра, въ С.-Петербургѣ.
222	Шиллингъ.	Смотритель Кронштадтскаго военно-сиротскаго отдѣленія.	Александра коронованнаго Пеликана, въ С.-Петербургѣ.
223	Лебедевъ 3-й.	Старшій адъютантъ въ главномъ штабѣ 1-й арміи.	Соединенныхъ славянъ, въ Кіевѣ.
224	Баронъ фонъ-Больвенталь.	Состоитъ по арміи въ Губерлинской крѣпости комендантомъ.	Друзья правды, въ г. Мангеймѣ въ Германіи.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
225	Мандерштернъ 3.	Полиціймейст. въ городѣ Одессѣ.	Александра, въ С.-Петербургѣ.
226	Войткевичъ.	Командиръ 1-го баталіона Литовской фуртшатской бригад.	Золотаго кольца, въ Бѣлостокѣ.
227	Каверинъ.	Былъ въ Павлоградскомъ гусарскомъ полку и уволенъ отъ службы 14-го февраля 1823 г.	Августа Золотаго Цыркуля, въ Геттенгенѣ.
228	Заборовскій.	Волынскаго Уланскаго полка.	Принадлежалъ къ ложамъ Новогрудской и Несвижской.
229	Чеховскій.	Волынскаго Уланскаго полка.	Принадлежалъ къ ложамъ Новогрудской и Несвижской.
230	Тольковскій.	Волынскаго Уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Несвижской ложѣ.
231	Королевскій.	Виленскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона.	Золотой шаръ, въ Гамбургѣ.
232	Хавринъ.	Былъ въ Иркутскомъ гусарскомъ полку и уволенъ отъ службы 15-го марта 1823 года.	Михаила, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
233	Полторацкой 3-й.	Арзамаскаго конно-егерскаго полка.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
234	Баронъ Ренне.	Состоитъ по кавалеріи.	Пламенной звѣзды, въ С.-Петербургѣ.
235	Муравьевъ-Апостолъ 1-й.	Былъ въ Полтавскомъ пѣхотномъ полку и уволенъ отъ службы 21-го генваря 1823 года.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
236	Вындинъ 2-й.	Симбирскаго пѣхотнаго полка.	Великой провинціальной ложи, Сѣверныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
237	Эйзендекеръ.	Оберъ Берейторъ гвардейской Берейторской школы.	Фридрихъ къ бѣлой лошади, въ Гановерѣ.
238	Кршивицкій.	1-го Гренадерскаго полка Литовскаго корпуса.	Золотаго кольца Россійскихъ ложъ № 21, въ Бѣлостокѣ.
239	Нарышкинъ.	Бѣлевскаго пѣхотнаго полка.	Орфея, въ С.-Петербургѣ.
240	Гофманъ 2-й.	Херсонскаго гренадерскаго полка.	St. Jean, въ г. Авенѣ.
241	Фрейманъ.	Псковскаго кирасирскаго полка.	Іозефъ цуръ Эйнихкейтъ, въ Нюренбергѣ

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
242	Триттофъ.	Орденскаго кирасирскаго полка.	Александровской, въ С.-Петербургѣ.
243	Бѣлецкій - Носенко.	Былъ въ жандармскомъ полку и уволенъ отъ службы 22-го генваря 1823 г.	Золотаго кольца, въ Бѣлостокѣ.
244	Геевскій.	Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка.	Alexander, въ Москвѣ.
245	Ламбертъ.	Былъ въ Крымскомъ пѣхотномъ полку и уволенъ отъ службы 7 февраля 1823 года.	Этуаль де-Шофонтенъ, въ Льежѣ въ Голландіи.
246	Ляссотовичъ.	Оренбургск. Уланскаго полка.	Россійской Орелъ, въ С.-Петербургѣ.
247	Вергунъ.	Польскаго Уланскаго полка.	Походки полночной, въ Минскѣ.
248	Голоушевъ.	Учебнаго Карабинернаго полка.	Россійскаго Орла, въ С.-Петербургѣ.
249	Оде-де-Сіонъ.	Брестскаго пѣхотнаго полка, адъютантъ генералъ-лейтенанта Довре.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
250	Парадовскій.	Литовскаго Уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
251	Ходыкевичъ.	1-го Гренадерскаго полка въ Литовскомъ корпусѣ.	Принадлежалъ къ Бѣлостокской ложѣ.
252	Ульгицкій.	Состоитъ по арміи и находится смотрителемъ дивизіоннаго госпиталя при 25 пѣхотной дивизіи.	Соединенныхъ славянъ, въ Кіевѣ.
253	Алексѣевъ.	Командиръ 2-го фурштатскаго баталіона 3-й бригады.	Соединенныхъ славянъ, въ Кіевѣ.
254	Писемскій.	45-го Егерскаго полка.	Елизаветы добродѣтели, въ С.-Петербургѣ.
255	Алексіано.	Днѣпровскаго пѣхотнаго полка.	Блистающей звѣзды, въ Каменецъ-Подольскѣ.
256	Вальцъ.	Ряжскаго пѣхотнаго полка.	Св. Іоанна, въ Авенѣ во Франціи.
	Ротмистры:		
257	Поливановъ.	Кавалергардскаго полка.	Елизаветы добродѣтели, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
258	Бакунинъ.	Того-жъ полка адъютантъ, генерала отъ кавалеріи князя Голицына.	Орла Россійскаго, въ С.-Петербургѣ.
259	Анрепъ.	Кавалергардскаго полка, адъютантъ начальника главнаго штаба 1-й арміи.	Сѣверныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
260	Баронъ Корфъ.	Лейбъ-гвардіи Уланскаго полка.	Соединенныхъ др., въ С.-Петербургѣ.
261	Дмитріевъ-Мамоновъ.	Лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, адъютантъ начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества	Елизаветы добродѣтели, трехъ добродѣтелей и Орфея, въ С.-Петербургѣ, и ищущихъ манны, въ Москвѣ.
262	Князь Лобановъ-Ростовскій 3-й.	Того-жъ полка флигель-адъютантъ.	Георгія Побѣдоносца, зависѣвшей отъ С.-Петербургскаго востока и бывшей во Франціи, въ гор. Мобежѣ.
263	Барановъ 1-й.	Лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, адъютантъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
264	Штеричъ.	Лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка.	Друзья братьевъ Сѣвера, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
265	Вейсъ 1-й.	Лейбъ - гвардіи Уланскаго полка Его Императорскаго Высочества Цесаревича и адъютантъ Его Высочества.	Храма постоянства, въ Варшавѣ.
266	Князь Воронецкій.	Того-жъ полка.	Бѣлаго Орла, въ С.-Петербургѣ.
267	Витте.	Того-жъ полка.	Храма постоянства, въ Варшавѣ.
268	Франковскій.	Того-жъ полка.	Храма постоянства, въ Варшавѣ.
269	Киль.	Лейбъ-гвардіи Подольскаго кирасирскаго полка, адъютантъ Его Высочества Цесаревича.	Фениксъ, въ Парижѣ.
270	Кмомпфель.	Того-жъ полка.	Храма постоянства, въ Варшавѣ.
271	Баронъ Франкъ 1-й.	Того-жъ полка.	Храма постоянства, въ Варшавѣ.
272	Левенбергъ.	Былъ въ Лейбъ-Кирасирскомъ Ея Императорскаго Величества полку и уволенъ отъ службы 1-го марта 1823 года.	Александръ Пеликанусъ, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
273	Модрахъ.	Глуховскаго кирасирскаго полка.	Reunion des etrangers, въ Парижѣ.
274	Стоббе 1-й.	Псковскаго кирасирскаго полка.	Іозефъ Цуръ Эйнихкейтъ, въ Ниренбергѣ.
275	Ребиндеръ.	Польскаго Уланскаго полка, старшій адъютантъ въ штабѣ Литовской Уланской дивизіи.	Елизаветы добродѣтели, въ С.-Петербургѣ.
276	Кельпшъ.	Татарскаго Уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Несвижской ложѣ.
277	Дучинскій.	Того-жъ полка.	Принадлежалъ къ Несвижской ложѣ.
278	Торнезіо 1-й.	Литовскаго Уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Несвижской и Слуцкой ложамъ.
279	Венцкевскій.	Литовскаго Уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Слуцкой ложѣ.
280	Неймановскій.	Того-жъ полка.	Принадлежалъ къ Люблинской ложѣ.
281	Сляскій.	Волынскаго Уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Рафаловской и Новогрудской ложамъ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
282	Ожаровскій.	Того-жъ полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской и Несвижской ложамъ.
283	Бергъ 1-й.	Александрійскаго Гусарскаго полка.	Петра къ Правдѣ, въ С.-Петербургѣ.
284	Рихтеръ.	Сумскаго Гусарскаго полка.	Славянскаго Орла, въ Вильнѣ.
285	Миллеръ.	Ольвіопольскаго Гусарскаго полка.	Славянскаго Орла, въ Вильнѣ.
286	Гохгаузенъ.	Гродненскаго Гусарскаго полка.	Большой капитулъ св. Александра Шотландскаго, въ Парижѣ.
	Капитаны:		
287	Троицкій.	Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, въ С.-Петербургѣ плацъ-адъютантъ.	Трехъ Свѣтилъ, въ С.-Петербургѣ.
288	Муратовъ.	Того-жъ полка, старшій адъютантъ въ отдѣльномъ Оренбургскомъ корпусѣ.	Трехъ Свѣтилъ, Великаго провинціальнаго союза, въ С.-Петербургѣ.
289	Юдинъ.	Того-жъ полка.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
290	Долгополовъ.	Лейбъ-грардіи Измайловскаго полка.	Трехъ свѣтилъ, въ С.-Петербургѣ, и ищущихъ манны, въ Москвѣ.
291	Гагинъ.	Лейбъ-гвардіи Егерскаго полка.	Орфей, въ С.-Петербургѣ.
292	фонъ-Моллеръ.	Лейбъ-гвардіи Московскаго полка.	Пламенѣющей звѣзды, въ С.-Петербургѣ.
293	Вайковъ.	Того-жъ полка.	Трехъ свѣтилъ, въ С.-Петербургѣ.
294	Буссе.	Лейбъ-гвард. финляндскаго полка.	Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ.
295	Каппель.	Лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона.	Пламенѣющей звѣзды, въ С.-Петербургѣ.
296	Князь Трубецкой.	Лейбъ-гвардіи гренадерскаго п., адъютантъ генералъ-маіора князя Сибирскаго.	Въ С.-Петербургѣ.
297	Горяиновъ.	Лейбъ-гвардіи Павловскаго полка.	Соединенныхъ друзей и трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
298	Рындинъ.	Гвардіи инженеръ.	Россійской орелъ, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
299	Владыкинъ.	Лейбъ-гвардіи Литовскаго пол., адъютантъ командира гренадерской бригады Литовскаго корпуса.	Золотаго перстня, въ Бѣлостокѣ.
300	Симборскій.	Лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады.	Трехъ свѣтилъ, въ С.-Петербургѣ.
301	Пушкинъ.	Лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
302	Шульманъ.	Той-же бригады.	Александръ къ коронованному Пеликану, въ С.-Петербургѣ.
303	Тургеневъ.	Лейбъ-гвардіи драгунскаго полка, старшій адъютантъ главнаго штаба Его Величества.	Объявилъ, что масонство было ему сообщено по правиламъ, но ни къ которой изъ существовавшихъ въ Россіи ложъ ордена онъ не принадлежалъ.
304	Дмитріевъ.	Лейбъ-гвардіи драгунскаго пол., адъютантъ главно-командующаго 1-ю арміею.	Mont Thabor, въ Парижѣ.
305	Алексѣевъ.	Лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка.	Соединенные братья, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
306	Вегелинъ.	Того-жъ пол., адъютантъ графа Ланжерона.	Эвксинскаго понта, въ Одессѣ.
307	Князь Тенишевъ.	Лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
308	Селецкій.	Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи.	Любовь къ истинѣ, въ Полтавѣ.
309	Шуингъ.	Квартирмейстерск. части.	Св. Георгія, въ Мобежѣ.
310	Занденъ.	Той-же части.	Славянскаго Орла, въ Вильнѣ.
311	Гецель.	Квартирмейстерск. части.	Славянскаго Орла, въ Вильнѣ.
312	Баронъ Ренненкампфъ 4-й.	Гвардейскаго генеральнаго штаба.	Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ.
313	Князь Голицынъ 2-й.	Того-же штаба.	Соединенныхъ братьевъ, въ С.-Петербургѣ.
314	Анжу.	Въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.	Въ Орлеанѣ, въ ложѣ Бюзе.
315	Алабовъ.	1-го кадетскаго корпуса директор. царскосельск. пансіона.	Избраннаго Михаила, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
316	Ламке.	2-го кадетскаго корпуса.	Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ.
317	Яцковскій.	Гренадерскаго Его Величества короля Прусскаго полка.	Св. Петра, въ С.-Петербургѣ.
318	Транзе.	5-го піонернаго баталіона.	Zusenden 3 Ro, въ Гамбургѣ.
319	Вишневскій.	Команд. 4-го фурштатскаго баталіона.	Принадлежалъ къ Новогрудской и Несвижской ложамъ.
320	Посвисневъ.	Конно-артиллерійской роты № 29-го.	Узла единомыслія, въ Новогрудѣ.
321	Званцовъ 1-й.	Командиръ конно-артиллерійской роты № 30-го.	Принадлежалъ къ Слуцкой ложѣ.
322	Торнезіо.	6 Піонернаго баталіона.	Георгія Побѣдоносца, въ Мобежѣ.
323	Сербутовскій.	17 артиллерійской бригады.	Соединенныхъ славянъ, въ Кіевѣ.
324	Брукендаль.	11-й полев. артиллерійской бригады.	Св. Георгія, въ крѣпости Мобежѣ, во Франціи.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
325	Левшинъ.	Командиръ конно-артиллерійской роты № 17-го.	Соединенныхъ французовъ и поляковъ, въ Познани, и къ тайному обществу иллюминатовъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ.
326	Бибиковъ.	4-го Морскаго полка.	Сѣверныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
327	Баронъ Венкштернъ.	Эстляндскаго пѣхотнаго полка.	Des frères réunis, въ С.-Петербургѣ.
328	Рачинскій.	Нижегородск. пѣхотнаго полка, адъютантъ генералъ-маіора Лисаневича.	Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, въ Мобежѣ.
329	Колокольцовъ.	Дивизіонный адъютантъ 7-й пѣхотной дивизіи, состоитъ въ Низовскомъ пѣхотномъ полку.	Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, въ Мобежѣ.
330	Казарскій.	Сѣвскаго пѣхотнаго полка.	Трехъ королей, въ Кельнѣ.
331	Арсеньевъ.	Тарутинскаго пѣхотнаго полка.	Орфея, въ С.-Петербургѣ.
332	Подлуцкій.	Рязанскаго пѣхотнаго полка.	Трехъ свѣтилъ, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
333	Бергъ.	Казанскаго драгунскаго полка.	Городъ Провансъ, состоящій во Франціи.
334	Прелатъ.	Тверскаго драгунскаго полка.	Къ Нерегулярной ложѣ братьевъ масоновъ, въ г. Вузьеръ (во Франціи).
335	Золотаревъ.	Командиръ жандармскаго эскадрона въ 2-й арміи.	Св. Іоанна Іерусалимскаго, въ Нанси.
336	Тидеманъ.	Харьковскаго драгунскаго полка.	Drei vereinigten Herzen, въ г. Викъ (во Франціи).
337	Тавастшернъ.	Курляндскаго драгунскаго полка.	Сантъ-Андрей, въ гор. Кальштатѣ.
338	Залусской.	Былъ въ Смоленскомъ драгунскомъ полку и уволенъ отъ службы 5-го марта 1823 года.	Чистосердечія, въ г. Реймсѣ, во Франціи.
339	Гусевъ.	Томскаго пѣхотнаго полка.	Озирисъ къ пламенной звѣздѣ, въ Каменецъ-Подольскѣ.
340	Метлеркампфъ.	Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка.	Краснаго Орла, въ Гамбургѣ.
341	Бодиско.	1-го Морскаго пол.	Трехъ свѣтилъ, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
342	Петерсъ.	Состоитъ по кавалеріи, комендантъ въ Телавской крѣпости.	Пилгеръ, въ Лондонѣ.
343	Климовичъ 1-й.	1-го гренадерскаго полка Литовскаго корпуса.	Золотаго кольца Россійскихъ ложъ №21.
344	Климовичъ 2-й.	Того-жъ полка.	Золотаго кольца Россійскихъ ложъ № 21, въ Бѣлостокѣ.
345	Реслингъ.	Тамбовскаго пѣхотнаго полка оберъ гевальдигеръ 3-го пѣхотнаго корпуса.	Соединенныхъ славянъ, въ Кіевѣ.
346	Щержецкій.	29-го егерскаго полка, плацъ адъютантъ въ Москвѣ.	Св. Іоанна Іерусалимскаго во Франціи, въ г. Нанси.
	Шт.-Ротмистры:		
347	Баронъ Фитингофъ.	Лейбъ-гвардіи кавалергардскаго полка.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
348	Графъ Шуазель-Гуфье.	Лейбъ-гвардіи гусарскаго полка.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
349	Гротъ 1-й.	Того-жъ полка.	Петра къ правдѣ, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
350	Шиндлеръ.	Лейбъ - гвардіи уланскаго Его Императорскаго Высочества Цесаревича полка.	Храма постоянства, въ Варшавѣ.
351	Семеновъ.	Гродненскаго гусарскаго полка.	Избраннаго Михаила, въ С.-Петербургѣ.
352	Баронъ Ферзенъ.	Гродненскаго гусарскаго полка.	Трехъ молотковъ, въ Ревелѣ.
353	Беттигеръ.	Былъ въ Гродненскомъ гусарскомъ пол. и уволенъ отъ службы 15 марта 1823 года.	Палестины, въ С.-Петербургѣ.
354	Комаевскій.	Литовскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Несвижской ложѣ.
355	Ратомскій Кмитъ	Того-жъ полка.	Къ Слуцкой.
356	Зелевъ.	Волынскаго уланскаго полка.	Къ Новогрудской.
	Шт.-Капитаны:		
357	Загряжскій.	Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, адъютантъ генералъ-адъютанта барона Розена I-го.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
358	Князь Херасулидзевъ.	Того-жъ полка.	Россійскій Орелъ, въ С.-Петербургѣ.
359	Лореръ.	Лейбъ-гвардіи Московскаго полка.	Принадлежалъ въ братству масоновъ, въ гор. Офенбахѣ.
360	Барковъ.	Былъ лейбъ-гвардіи въ егерскомъ полку и уволенъ отъ службы 26 генваря 1823 года.	Избраннаго Михаила, въ С.-Петербургѣ.
361	Батуринъ.	Лейбъ-гвард. егерскаго полка.	Орфей, въ С.-Петербургѣ.
362	Ханыковъ.	Былъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскомъ полку и уволенъ отъ службы 26 генваря 1823 года.	Елизаветы добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
363	Наумовъ.	Лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
364	Ломоносовъ 1-й.	Того-жъ полка.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
365	Поченцовъ.	Лейбъ-гвардіи Павловскаго полка.	Трехъ свѣтилъ, въ С.-Петербургѣ.
366	Кондзеровской.	Того-жъ полка.	Избраннаго Михаила, въ Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
367	Шлодгауеръ.	Того-жъ п., адъютантъ генералъ-адъютанта Гельфрейха.	Des amis réunis, въ С.-Петербургѣ.
368	Коломѣйцовъ.	Лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, адъютантъ ген.-лейт. Куруты.	Минерва, въ Варшавѣ.
369	Трейлебенъ.	Лейбъ-гвардіи драгунскаго полка.	Сіяющая звѣзда, въ С.-Петербургѣ.
370	Маршъ.	Того-жъ полка.	Александръ къ коронованному Пеликану, въ С.-Петербургѣ.
371	Мейеръ.	Лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка, адъютантъ графа Ланжерона.	Эвксинскаго Понта, въ Одессѣ.
372	Борщовъ.	Того-жъ полка.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
373	Князь Волконской.	Былъ лейбъ-гвардіи въ конно-егерскомъ полку и уволенъ отъ службы 18 ноября 1822 г.	Понтъ - Эвксинъ, въ Одессѣ.
374	Князь Долгорукой.	Лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
375	Баронъ Медемъ.	Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи.	Пламенѣющей звѣзды, въ С.-Петербургѣ.
376	Ризенкампфъ 1.	Гвардейскаго генеральнаго штаба.	Богини Элевзисъ, въ Варшавѣ.
377	Бахметевъ.	Былъ въ квартирмейстерской части и уволенъ отъ службы 7 марта 1823 года.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
378	Шенихъ.	Квартирмейстерск. части.	Соединенныхъ друзей, Шотландской ложѣ Сфинкса и былъ Великимъ чиновникомъ директоріальной ложи Астреи, въ С.-Петербургѣ.
379	Горскій.	Той-же части.	Великой Россійской, Св. Георгія Побѣдоносца, въ Мобежѣ.
380	Балакиревъ.	Той-же части.	Россійской Военной ложѣ Св. Георгія Побѣдоносца, въ Мобежѣ.
381	Геллеръ.	Той-же части.	La simérité, въ г. Реймсѣ, во Франціи.
382	Бырдинъ.	Той-же части.	Славянскаго Орла, въ Вильнѣ.
383	Свѣтловскій.	Дворянскаго полка.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
384	Шафранскій.	Карабинернаго пол. Литовскаго корпуса.	Св. Іоанна Іерусалимскаго, въ г. Нанси, во Франціи.
385	Дембицкій.	1-го гренадерскаго полка Литовскаго корпуса.	Золотаго кольца Россійскихъ ложъ № 21, въ Бѣлостокѣ.
386	Баронъ фонъ-Дальвицъ.	При Динабургской инженерной командѣ.	Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ.
387	Кузьминъ.	Тарутинскаго пѣхотнаго полка, плацъ адъютантъ въ Москвѣ.	Нептунъ, въ Москвѣ.
388	Подкатовъ.	Тарутинскаго пѣхотнаго полка.	Нептунъ, въ Москвѣ.
389	Микулинъ.	Того-жъ полка, бригадный адъютантъ 14 пѣхотной дивизіи.	Нептунъ, въ Москвѣ.
390	Саксъ.	Состоитъ по кавалеріи.	Die Beständigkeit, въ Варшавѣ.
391	Медвѣдевъ.	Кизильскаго гарнизоннаго баталіона.	Нептунъ, въ Москвѣ.
392	Франкъ.	Георгіевск. артиллерійскаго гарнизона.	Трехъ розъ, въ Гамбургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
393	Карабицынъ.	2-го Морскаго полка.	Къ ложѣ, въ Минскѣ.
394	Баронъ фонъ-Баркъ.	Смоленскаго пѣхотнаго полка.	Георгія Побѣдоносца, въ Мобежѣ.
395	Шафранскій.	24-го Егерскаго полка.	Къ ложѣ, въ Кіевѣ.
396	Жилинскій.	Нашебурскаго пѣхотнаго полка, адъютантъ генералъ-маіора Удома.	De l'Aménite, въ гор. Авенѣ (во Франціи).
397	Домeницiусъ.	Конно-артиллерійской роты № 21-го.	Александра тройственнаго благословенія, въ Москвѣ.
398	фонъ-Дрентельнъ.	18-й Артиллерійской бригады.	Соединенныхъ славянъ, въ Кіевѣ.
399	Кроль.	Кронштадтской инженерной команды.	Россійскаго Орла, въ С.-Петербургѣ.
400	Баронъ Штакельбергъ.	1-го Морскаго пол.	Пылающая звѣзда, въ С.-Петербургѣ.
401	Игельстромъ.	Піонернаго баталіона въ отдѣльномъ Литовскомъ корпусѣ.	L'union de la charité, въ Новогрудкѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
402	фонъ-Бушенъ.	12 Конно-артиллерійской роты.	Св. Георгія, въ крѣпости Мобежѣ, во Франціи.
403	Масловъ 1-й.	Тарутинскаго пѣхотнаго полка.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
	Поручики:		
404	Зиловъ.	Былъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскомъ полку и уволенъ отъ службы 26-го генваря 1823 г.	Елизаветы добродѣтели, въ С.-Петербургѣ.
405	Титовъ 2-й.	Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.	Елизаветы добродѣтели, въ С.-Петербургѣ.
406	Баронъ Корфъ.	Лейбъ-гвардіи саперпаго баталіона.	Пламенѣющая звѣзда, въ С.-Петербургѣ.
407	Булатовъ.	Лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
408	Графъ Толстой.	Лейбъ-гвардіи Московскаго пол., адъютантъ командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса.	Астрея, въ Симбирскѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
409	Чиляевъ.	Лейбъ-гвардіи финляндскаго полка.	Умирающій Сфинксъ, въ С.-Петербургѣ.
410	Князь Грузинскій.	Лейбъ-гвардіи коннаго полка.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
411	Князь Гагаринъ.	Того-жъ полка.	Россійской Орелъ, въ С.-Петербургѣ.
412	Риземанъ.	Лейбъ-гвардіи драгунскаго полка.	Принадлежалъ къ ложѣ братьевъ масоновъ въ Ревелѣ.
413	Мельгуновъ.	Того-жъ пол., старшій адъютантъ Сибирскаго отдѣльнаго корпуса.	Св. Іоанна Іерусалимскаго, въ Нанси (во Франціи).
414	Фокъ 1-й.	Лейбъ-гвард. уланскаго полка.	Россійской Орелъ, въ С.-Петербургѣ.
415	Синельниковъ.	Того-жъ полка.	Россійской Орелъ, въ С.-Петербургѣ.
416	Пфеллеръ.	Лейбъ-гвард. уланскаго полка.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
417	Казнаковъ.	Лейбъ-гвардіи гусарскаго полка.	Чистосердечіе, во Франціи, въ городѣ Реймсѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
418	Графъ Завадовской.	Былъ лейбъ-гвардіи въ гусарскомъ полку и уволенъ отъ службы 18 ноября 1822 года.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
419	Баронъ Корфъ.	Былъ лейбъ-гвардіи въ егерскомъ полку и уволенъ отъ службы 26 генваря 1823 года.	Пламенѣющая звѣзда, въ С.-Петербургѣ.
420	Князь Трубецкой.	Адъютантъ начальника главнаго штаба 2-й арміи, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка.	Озирисъ пламенѣющей звѣзды, въ С.-Петербургѣ.
421	Слѣпцовъ.	Лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, адъютантъ дивизіоннаго начальника легкой гвардейской кавалерійской дивизіи генералъ - адъютанта Чернышева.	Орфей, въ С.-Петербургѣ.
422	Воронковской.	Лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка, адъютантъ генералъ-адъютанта графа Комаровскаго.	Mars et les arts, въ Парижѣ.
423	Здеховскій.	Лейбъ-гвардіи Подольскаго кирасирскаго полка.	Славянская, въ Парижѣ.

Сообщила Тира Соколовская.

(Окончаніе слѣдуетъ).

томанской имперіи" встрѣчается впервые въ международномъ актѣ. Безъ сомнѣнія, говоритъ С. Горяиновъ, договоръ 1809 г. касался однѣхъ сторонъ его заключившихъ; для третьей державы онъ не могъ имѣть юридическаго значенія. Однако Порта обязалась этимъ договоромъ соблюдать начало закрытія проливовъ въ отношеніи всѣхъ другихъ государствъ кромѣ Англіи.—Въ дальнѣйшемъ ни Бухарестскій миръ 1812 г., ни Андріанопольскій миръ 1829 г. не упоминали о правѣ русскихъ судовъ на проходъ, но имѣлись статьи, подтверждавшія силу прежнихъ и неотмѣненныхъ соглашеній, слѣдовательно, и акта 1805 г. Возстаніе Мегемета-Али и вмѣшательство Россіи въ турецкія дѣла вызвали заключеніе Ункіаръ-Искелесскаго договора, по смыслу коего Порта обязывалась закрывать Дарданеллы въ случаѣ войны Россіи съ западными державами, а проходъ русскихъ судовъ оставался свободнымъ. Договоръ этотъ вызвалъ сильнѣйшее безпокойство европейскихъ дипломатовъ, вслѣдствіе чего, послѣ вторичнаго возстанія египетскаго паши, явилась Лондонская конвенція 1841 г., устанавливавшая полное закрытіе проливовъ. Одной изъ многихъ причинъ крымской войны была и эта „конвенція о проливахъ“, т. к. Россія, призвавъ въ ней западныя державы къ совмѣстному съ нею охраненію Оттоманской имперіи, постепенно вызвала ихъ коалицію противъ себя. Парижскій миръ 1856 г. само собою не могъ улучшить для насъ положенія о проливахъ, т. к. самая дѣятельность нашего флота была сведена лишь къ береговой службѣ и при томъ судовъ незначительной силы. Въ слѣдующія десятилѣтія Россія сама освобождается отъ тѣхъ постановленій, которыя препятствовали развитію ея морскихъ силъ въ Черномъ морѣ. События 1870 г. дали русскому правительству возможность потребовать пересмотра Парижскаго трактата и по Лондонскому договору 1871 г. Россія освободилась отъ стѣснительныхъ условій; вопросъ о проливахъ былъ утвержденъ на прежнихъ основаніяхъ; закрытіе ихъ оказало намъ хорошую службу, охранивъ берега Кавказа. Въ отношеніи разсматриваемой темы Берлинскій конгрессъ не далъ ничего новаго, подтвердивъ старые договоры. Вопреки заявленіямъ Англіи, имѣвшимъ въ виду нанести ударъ солидарной отвѣтственности всѣхъ державъ за соблюденіе начала закрытія проливовъ—отвѣтственность эта, при сохраненіи въ силѣ прежнихъ постановленій, пережила конгрессъ и осталась неприкосновенной до настоящаго времени.

Книга С. Горяинова даетъ цѣлый рядъ относящихся до вопроса документальныхъ данныхъ; она, безспорно, явится необходимымъ пособіемъ для изучающихъ, да интересна и сама по себѣ. *Вас. Я.*

К. Военскій. Франко-русскія гасконады въ 1812 году. Спб. 1907 годъ.

Извѣстенъ эффектный разсказъ о непосредственной встрѣчѣ графа Милорадовича съ Мюратомъ на аванпостахъ. Происхожденіе ихъ „исторической бесѣды“ разоблачено, и К. А. Военскій приводитъ подробныя свѣдѣнія объ этой шуткѣ, авторомъ которой былъ А. Я. Булгаковъ, сочинившій для Ростопчина, подъ вліяніемъ слышанныхъ разговоровъ, цѣлую бесѣду, примѣнительно къ свойствамъ характеровъ обоихъ генераловъ. Мимолетная выдумка превратилась въ историческій фактъ и была даже введена иностранными учеными въ лѣтопись войны 12 года. Много лѣтъ спустя Булгаковъ совершенно случайно началъ читать исторію француза Капфига, въ коей приводился придуманный имъ разсказъ и, устыдившись, напечаталъ въ погодинскомъ „Москвитянинѣ“ разъясненіе. А вотъ что писалъ онъ въ письмѣ своему брату 2-го іюня 1831 года: „Смѣшнѣе всего то, что Милорадовичъ обѣдалъ послѣ, два года спустя, у Ростопчина, который при мнѣ нарочно спросилъ его: справедливъ ли этотъ разговоръ. И Милорадовичъ отвѣчалъ: à la lettre!“ Какъ замѣчаетъ К. А. Военскій — анекдотъ чрезвычайно характерный для своего времени. *В. В.*

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVIII-й. СЕНТЯБРЬ. 1907 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія:

1) Портретъ: **И. А. Шляпкина**.

2) Рисунки: а) Памятникъ Императору Александру II въ Софіи; б) Музей Императора Александра II въ Плевнѣ.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1907 года.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Надежда», Морская, 65.

1907.

Библіографическій листокъ.

К. Военскій. Отечественная война въ русской журналистикѣ. Спб. 1906 г.

Съ каждымъ годомъ потребность въ библіографическихъ работахъ все увеличивается. Историку и бытописателю приходится съ огромной затратой времени и труда разыскивать самыя мелкія статьи и замѣтки, разсѣянныя по журналамъ и сборникамъ, дабы установить, не былъ ли данный документъ гдѣ-либо напечатанъ. Въ особенности это относится къ крупнымъ моментамъ въ исторіи народовъ, наиболѣе привлекающихъ къ себѣ вниманіе архивныхъ работниковъ. Такова эпоха 1812 года. Если еще нѣтъ полной, удовлетворяющей всѣмъ требованіямъ современной науки, исторіи ея, то матеріаловъ за столѣтіе накопилось, конечно, въ достаточномъ количествѣ. Незамѣнимымъ справочнымъ пособіемъ для лицъ, изучающихъ отечественную войну, является настоящій сборникъ К. А. Военскаго. Это подробный списокъ статей по 1812 году, напечатанныхъ въ историческихъ журналахъ: „Русская Старина" (1870—1905 гг.), „Древняя и Новая Россія" (1875—1881 гг.) и „Историческій Вѣстникъ" (1880—1905 гг.)—три изданія, въ которыхъ отдѣлъ по эпохѣ 1812 года наиболѣе обширенъ. Въ слѣдующій сборникъ авторъ предполагаетъ помѣстить „Русскій Архивъ", „Военный Сборникъ", „Чтенія", „Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общества" и др., а въ третій выпускъ остальные русскіе журналы, въ которыхъ въ разное время были напечатаны относящіяся сюда статьи. Система сборника такова, что въ немъ въ алфавитномъ порядкѣ расположены имена авторовъ съ указаніемъ года, тома, книжки и страницы изданія съ краткимъ изложеніемъ содержанія каждой статьи и нѣкоторыми добавленіями библіографическаго характера. Въ концѣ помѣщены алфавитные указатели: 1) личныхъ именъ, 2) предметный и войсковыхъ частей, 3) географическій и 4) портретовъ дѣятелей 1812 года. Пожелаемъ К. А. Военскому успѣшнаго окончанія его добросовѣстнаго и, скажемъ, настоятельно необходимаго труда, въ особенности въ виду предстоящаго юбилея. *В. В.*

К. Военскій. Бонапартъ и русскіе плѣнные. Спб. 1907 годъ.

Въ этой замѣткѣ авторъ разсказываетъ интересный эпизодъ—попытку Наполеона къ сближенію съ русскимъ правительствомъ Императора Павла. По окончаніи итальянскаго похода 1799 года Павелъ I и слышать не хотѣлъ о какихъ-либо сношеніяхъ съ Франціей. Это создало весьма странное положеніе для русскихъ плѣнныхъ и судьба ихъ оказалась въ рукахъ случая, такъ какъ для обмѣна ихъ у Россіи не было плѣнныхъ французовъ, которыхъ во время войны отправляли въ Австрію. Между тѣмъ содержаніе плѣнныхъ ложилось значительной тяжестью на бюджетъ республики. Англія и Австрія наотрѣзъ отказались отъ обмѣна русскихъ на своихъ французскихъ. Тогда у Перваго Консула явилась удачная идея возвратить плѣнныхъ Императору Павлу безъ всякихъ условій и использовать этотъ инцидентъ въ интересахъ сближенія. Сношенія по этому поводу съ приведеніемъ любопытныхъ документовъ и описаны въ упомянутой статьѣ. *В. В.*

Александръ Крель. Другъ дѣтей. Очерки изъ жизни профессора Николая Ивановича Быстрова. С.-Петербургъ. 1907 г. Весь сборъ отъ продажи этого изданія поступитъ въ пользу фонда на постройку дѣтскаго барака имени проф. Н. И. Б.

Эти, тепло и живенно написанные, біографическіе эпизоды, знакомятъ съ выдающейся и привлекательною личностью покойнаго ученаго, знаменитаго врача по дѣтскимъ болѣзнямъ. Составитель брошюры постарался обрисовать профессора только, какъ человѣка и практическаго дѣятеля; какъ ученаго онъ не могъ описать его, не будучи самъ ни медикомъ, ни естественникомъ и оставляя это на обязанности учениковъ и врачей-товарищей умершаго.

Хорошее, свѣтлое впечатлѣніе сохраняешь въ душѣ, читая эти

И. Шляпкинъ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

и

Историческая библіотека.

...рическихъ сочиненій, какъ ...ствъ, появляв- ...совершенно не- ...тельные ученые ...всюду европей- ...ныхъ языкахъ, ...ванныхъ лицъ. ...торической ли- ...дутъ издаваться ...тарыхъ, такъ и ...въ. Нынѣ гото- ...кой революціи; ...скаго конгресса ...Европа и фран-

...волюціи 1789 г., ...і публики, пере- ...усковъ. Первый ...контору „Русской ...ю полученіи де- ...и т. д., послѣд-

...ся уступкою: под- ...пискѣ вносятъ за ...мма уплачивается ...мъ; послѣдній же

ноября ... **ащается и цѣна** ...го тома будетъ ... и 3 р. ... **лкой.**

...ся при конторѣ журнала „Р. Старина“, Фонтанка, 18, кв. ... главномъ складѣ—Фонтанка, 145, кв. 3.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

и

Историческая библіотека.

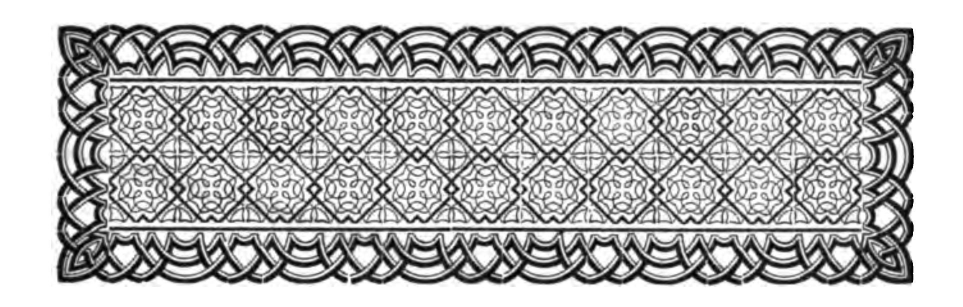
До послѣдняго времени множество историческихъ сочиненій, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, полныхъ научныхъ достоинствъ, появлявшихся въ западной Европѣ въ разное время, были совершенно недоступны для русской интеллигенціи. Наиболѣе замѣчательные ученые труды иностранныхъ историковъ, пользующихся повсюду европейскою извѣстностью, даже въ оригиналѣ, на иностранныхъ языкахъ, допускались только для немногихъ привилегированныхъ лицъ. Нынѣ, для пополненія этого важнаго пробѣла въ исторической литературѣ, при редакціи журнала „Русская Старина“ будутъ издаваться историческія сочиненія извѣстныхъ авторовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, въ полномъ ихъ объемѣ и безъ пропусковъ. Нынѣ готовится къ печати соч. Луи Блана—Исторія французской революціи; Дебидура—Дипломатическая исторія Европы отъ Вѣнскаго конгресса 1814 г. до Берлинскаго 1878 г.; Альберъ Сорель—Европа и французская революція и др.

Сочиненіе Л. Блана, — Исторія французской революціи 1789 г., бывшее съ 1848 года подъ запретомъ для русской публики, переведена полностью безъ какихъ бы то ни было выпусковъ. Первый томъ разосланъ подписчикамъ, приславшимъ въ контору „Русской Старины“ подписныя деньги за первые два тома; по полученіи денегъ за третій томъ будетъ высланъ второй томъ и т. д., послѣдній томъ посылается безъ высылки денегъ.

Подписчики журнала „Русская Старина“ пользуются уступкою: подписавшіеся на Историческую библіотеку при подпискѣ вносятъ за первые два тома, вмѣсто 6 р., пять, а остальная сумма уплачивается по 2 р. 50 к. впередъ за каждый послѣдующій томъ; послѣдній же томъ высылается безплатно.

1 ноября 1907 г. льготная подписка прекращается и цѣна каждаго тома будетъ 3 р. и 3 р. 50 съ пересылкой.

Подписка на сочиненіе Л. Блана принимается при конторѣ журнала „Р. Старина“, Фонтанка, 18, кв. 4 и при главномъ складѣ—Фонтанка, 145, кв. 3.

Россія и Болгарія.

(ОЧЕРКЪ).

Вмѣсто предисловія [1])

5-го іюля 1879-го года было сформировано первое министерство княжества Болгарскаго, „освободительной" войной призваннаго къ самостоятельному государственному существованію [2]) и министерскій совѣтъ, т. е. кабинетъ, опубликовалъ обращеніе къ народу, посланіе, въ подражаніе Западу названное „декларацiей", съ изложеніемъ правительственной программы. Одновременно съ этимъ посланіемъ, въ оффиціальномъ органѣ „Държавенъ Вѣстникъ" появилась статья, служившая комментаріемъ къ деклараціи кабинета.

Появленіе министерскаго посланія произвело цѣлую бурю въ оппозиціонной, либеральной партіи, да и было изъ-за чего волноваться, такъ какъ въ немъ, рядомъ съ фразой: «Имѣя постоянно въ виду конституцію, основной законъ княжества....»,—было сдѣлано *четыре* нарушенія этого основного закона.—Я не хотѣлъ подписывать, предложилъ свою отставку, но мои коллеги обратились за помощью къ представителю Россіи, нашему дипломатическому агенту А. П. Давыдову, и я, обязанный, въ то время, съ его взглядами сообразоваться, желая къ тому же избѣжать министерскаго скандала—уступилъ и подписалъ декларацію.

Упомянутая выше оффиціальная статья „Държавнаго Вѣстника" надѣлала тоже много шума, но уже въ другой средѣ—въ русскомъ консульствѣ. Въ статьѣ высказана была мысль о „громадной" работѣ, о „коренныхъ" реформахъ, которыя предстоятъ министерству; подразумѣвалось,—вслѣдствіе неудовлетворительности работы прежнихъ дѣятелей, т. е. русскаго гражданскаго управленія. Конечно, деликатность должна была бы указать моимъ коллегамъ на необходимость соблюсти извѣстныя формы по отношенію къ

---

[1]) Въ этотъ очеркъ включены нѣкоторые отрывки изъ печатающейся книги: „Изъ Прошлаго". Ч. IV. „Въ Болгаріи". П. Паренсова.

[2]) Предсѣдатель кабинета, министръ внутреннихъ дѣлъ и, временно, просвѣщенія—Өедоръ Бурмовъ; иностранныхъ дѣлъ и исповѣданій—Марко Балабановъ; военный—г. м. Петръ Паренсовъ; юстиціи—Димитрій Грековъ; финансовъ—Григорій Начовичъ.

сотрудникамъ Императорскаго комиссара, князя Дондукова-Корсакова, но можно ли было толковать объ этикѣ, когда на первое мѣсто выступилъ шкурный вопросъ: провалится министерство при предстоявшемъ, въ октябрѣ, Народномъ Собраніи или устоитъ? Для меня было ясно, что провалится, коллеги же мои думали иначе; они допускали мысль сильнаго противодѣйствія оппозиціи и въ результатѣ надѣялись на распущеніе Собранія, даже допускали переворотъ, но не вѣрили въ собственное свое паденіе.

Какъ бы то ни было, русское дипломатическое агентство обидѣлось: обидѣлось оно въ особенности тѣмъ, что высказано все это было представителями партіи, поддерживаемой нашимъ дипломатическимъ агентомъ, его ставленниками. Тутъ, кажется, впервые было оффиціально сказано слово „неблагодарность", слово, столь много и столь часто употреблявшееся впослѣдствіи, слово, къ которому я еще разъ вернусь, такъ какъ *никогда не признавалъ его справедливости и теперь не признаю.*

Еще во время войны, медленно, но постепенно и упорно совершался въ арміи, а изъ нея передавался и Россіи психологическій поворотъ въ воззрѣніяхъ на цѣль „освободительной" войны, на ея причины, на „угнетенныхъ братьевъ — болгаръ, стонущихъ подъ мусульманскимъ игомъ и на угнетателей—турокъ. Роскошныя поля и пастбища Болгаріи, богатая производительность почвы, обиліе скота, а также обиліе плодовъ, произраставшихъ подъ солнцемъ юга, неизвѣстныхъ русскому крестьянину и недоступныхъ даже среднему классу жителей сѣвернаго колосса, наводили на мысль: да гдѣ же это бѣдствіе одноплеменнаго и единовѣрнаго намъ народа, гдѣ же угнетеніе, гдѣ страданіе? Это говорилось въ войскахъ; сопоставляли то, что было воочію съ тѣмъ, что оставлено на родинѣ. Присовокупляли также, что въ Турціи христіане (читай—болгары) „отъ рекрутчины освобождены". Какое же тутъ страданіе? И *никто, никто* этимъ вопросомъ не занялся... Никому не пришло въ голову объяснить сомнѣвавшимся, что весь этотъ достатокъ только фикція, такъ какъ не только любой паша, но первый вліятельный турокъ всегда могъ отнять не одно имущество, но и жену, дочь и самую жизнь хозяина, при томъ безъ всякой аппеляціи. Только потомъ, понемногу, трупы болгаръ, ихъ женъ и дѣтей, зарѣзанныхъ въ Эски-Загрѣ, Ени-Загрѣ, Казанлыкѣ и т. д., да видъ нашихъ солдатъ, раненыхъ и добитыхъ турками подъ Плевной, въ Телишѣ... содѣйствовали просвѣтленію массъ...

Еще фактъ, дѣйствовавшій на психологію. Въ началѣ нашего тріумфальнаго шествія,—торжественныя встрѣчи съ хоругвями и образами, букеты цвѣтовъ, буквальное закидываніе цвѣтами, мясо, овощи, фрукты, вино—и все въ изобиліи, все даромъ...; а потомъ,

послѣ нашихъ неудачныхъ экспериментовъ, налетовъ, „впередъ, впередъ“, послѣ рѣзни за Балканами, въ Ловчѣ, Плевнѣ, при нашемъ вторичномъ пришествіи на тѣ же мѣста: заколоченныя ставни, запертые, пустые дома, невозможность за деньги достать хоть какой-нибудь провизіи... Я это испыталъ лично, когда во второй разъ, 22 августа, взяли Ловчу.

„Знакомый съ Ловчей, я взялся отыскать квартиру для князя Имеретинскаго съ Скобелевымъ, для чего вернулся (съ позиціи) въ городъ; но, увы, я не узналъ ни его, ни его обитателей. Много домовъ было разрушено, можетъ быть, нашими снарядами; другіе же заперты или заколочены, и никто изнутри не отзывался на мои стуки и крики. Встрѣчавшіеся болгары не здоровались радостно, какъ прежде; шли молча, не глядя на насъ, отвѣчали неохотно, не слышно было привычнаго намъ, во времена оны: „добре дошли“, а наоборотъ, смотрѣли хмуро, торопились проходить мимо, а одинъ болгаринъ, котораго я отлично узналъ, будучи остановленъ мною и спрошенъ, не узнаетъ ли меня, хотя и снялъ феску, но угрюмо отвѣтилъ: „Не, не вѣмъ“. Все это совершенно естественно, понятно и въ порядкѣ вещей. Мы жали то, что посѣяли.

Въ конакѣ или на телеграфной станціи, не помню именно гдѣ, нашли, написанное по-турецки, воззваніе Шейхъ-уль-Ислама къ болгарамъ; писано оно было уже послѣ переправы нашей черезъ Дунай, когда мы неудержимо стремились: «впередъ, впередъ и впередъ!» [1]) Въ этомъ воззваніи обращало на себя вниманіе слѣдующее мѣсто: „помните, что вода съ береговъ сбѣгаетъ, а песокъ остается“. Болгары многихъ мѣстностей испытали на себѣ справедливость этого цвѣтистаго изреченія главы мусульманскаго духовенства, они видѣли, какъ мы приходили, а потомъ уходили, турки же оставались и понятно, что, испытавъ это, не встрѣчали насъ съ восторгомъ“ [2]).

Понятно, что на требованіе провизіи, даже за деньги, получался отвѣтъ: „Нема, нема; турци дошли, всички забили, всички убили“... И такъ, съ одной стороны, видимое глазу довольство порождало скептицизмъ, ставило вопросъ: гдѣ бѣднота, гнетъ, и другой, истекавшій изъ перваго: зачѣмъ же эта война, а съ другой—нѣчто уже болѣе рѣзкое, даже злобное: „какъ; я пришелъ тебя освобождать, терплю муку, за тебя кровь проливаю, а ты передо мной дверь затворяешь... Неблагодарный“!

Слово было произнесено, распространилось, утвердилось,—даже до сего дня.

И не одна „сѣрая“ масса, въ своемъ естественномъ и даже законномъ невѣдѣніи, подчинилась этому внѣшнему впечатлѣнію; къ стыду нашему, и то, что называется интеллигенціей, мало освѣдомленная, не очень охочая добиваться корня, на что требуется нѣко-

---

[1]) Слова генерала Левицкаго на военномъ совѣтѣ, послѣ переправы.

[2]) „Изъ прошлаго“. Ч. 1-я. „На войнѣ“. Стр. 425. П. Паренсова.

торая работа мысли, повѣрила внѣшности; слово „неблагодарность" пустило корни и при томъ настолько, что даже одно высокопоставленное въ русской арміи лицо спросило рущукскаго митрополита Григорія, пріѣхавшаго въ 1878 году въ Санъ-Стефано: „Скажите, ваше высокопреосвященство, неужели болгары окажутся впослѣдствіи такими же неблагодарными относительно насъ, какими выказали себя румыны и сербы"? Очень умный и очень хитрый митрополитъ, никакой особой любви къ Россіи не питавшій, да въ сущности, никого кромѣ себя не любившій, большой политикъ, не безъ ехидства отвѣтилъ: „болгары будутъ относительно васъ тѣмъ, чѣмъ вы сами ихъ сдѣлаете".

И вотъ становится передъ нами страшной величины вопросъ: дѣлали ли *мы*, начиная съ С.-Стефанскаго мирнаго договора и по сей день, т. е. на протяженіи почти 30 лѣтъ, то, что отняло бы даже самую возможность повторенія разговоровъ, подобныхъ только-что приведенному выше?

Отвѣтить обстоятельно на это въ журнальной статьѣ—немыслимо. Много подробностей, освѣщающихъ поставленный мною „страшный" вопросъ, изложено въ имѣющей выйти, надѣюсь скоро, моей книгѣ „въ Болгаріи" [1]). Здѣсь же могу только привести нѣкоторые штрихи, сдѣлавъ очеркъ и предоставивъ читателю дѣлать выводы.

Проводниками политики государства, не обладающаго большой экономической, коммерческой и финансовой силой, являются только оффиціальныя лица, представители этого государства, посылаемые съ политической цѣлью въ другія страны. Нашими представителями въ Болгаріи были: А. П. Давыдовъ, котораго я, въ моихъ воспоминаніяхъ, характеризую такъ:

„Представитель державы освободительницы, человѣкъ безспорно умный, только смотрѣвшій на Болгарію черезъ очки предвзятаго нерасположенія, Давыдовъ естественно долженъ быть имѣть, и имѣлъ вначалѣ, большое вліяніе на князя (Александра Батенбергскаго); несомнѣнно, что ему Болгарія, въ значительной степени, обязана сформированіемъ перваго консервативнаго министерста [2]). Болгарію вообще онъ не любилъ, постоянно повторяя фразу: „Хотя бы меня отсюда убрали". Мнѣ придется еще неоднократно, въ теченіе моего разсказа, вернуться къ Давыдову и его дѣятельности, теперь же закончу, высказавъ мое глубокое убѣжденіе, что, будучи человѣкомъ хорошимъ, образованнымъ и честнымъ, Давыдовъ, благодаря своимъ взглядамъ на болгаръ и своему къ нимъ отношенію, сдѣлался, конечно не желая того, злымъ геніемъ, положившимъ начало колебанію хорошихъ отношеній Россіи къ

---

[1]) „Изъ прошлаго" ч. IV.

[2]) Консерватизмъ этого министерства заключался лишь въ томъ, чтобы удержаться у власти; „консервировать" себя самихъ. *П. П.*

Болгаріи и особенно Болгаріи къ Россіи, а что еще хуже, такъ это то, что, увлекаясь своей партійностью [1]), Давыдовъ, самъ не замѣчая того, игралъ въ руку иностранной дипломатіи, къ особенной радости представителя Австро-Венгріи, блистательнаго графа Кёвенгюллера" [2]).

Противовѣсомъ Давыдову былъ, состоявшій при князѣ Александрѣ нашъ полковникъ, флигель-адъютантъ Шепелевъ, замѣчательная личность, пользовавшійся всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ болгаръ. Но онъ не былъ оффиціальнымъ представителемъ Россіи, да и не долго оставался въ Болгаріи. Преемникомъ Давыдова былъ Кумани, выдающійся человѣкъ, знатокъ Востока и славянскихъ земель, поступавшій совершенно противоположно Давыдову, снискавшій себѣ уваженіе всѣхъ выдающихся болгарскихъ патріотовъ; оставался недолго [3]). Въ антрактахъ между Давыдовымъ и Кумани, Кумани и Хитрово, должность представителя Россіи исправлялъ Лишинъ, слѣпое орудіе гр. Кёвенгюллера; онъ, на свой страхъ, содѣйствовалъ перевороту 1881 года, неодобряемому Россіей. Когда, къ великому сюрпризу Петербурга и Россіи, князь Александръ совершилъ свой переворотъ 27 апрѣля 1881 года уничтоживъ констнтуцію и принялъ на себя бразды правленія, то естественно никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы этотъ coup d'état могъ быть произведенъ безъ вѣдома, согласія и одобренія державы освободительницы; да и какъ было этому не вѣрить, когда во главѣ переворота былъ русскій генералъ Эрнротъ, дѣйствовавшій открыто, гласно, а Лишинъ—неоткрыто, негласно, но, тѣмъ не менѣе, для всѣхъ вѣдомо. Слухъ о сочувствіи Россіи этому событію поддерживался естественно австрійскимъ консульствомъ. Неучастію Россіи въ этомъ дѣлѣ не вѣрили даже у насъ; тѣмъ болѣе не вѣрили этому въ Болгаріи. Къ довершенію несчастія, Россія, вынужденная примириться съ совершившимся фактомъ, поставлена была въ необходимость идти и дальше по этому пути, а именно: вновь назначенному дипломатическому агенту, М. А. Хитрово, находившемуся во время переворота еще въ Вѣнѣ, по дорогѣ въ Болгарію, и имѣвшему въ своемъ портфелѣ инструкцію поддерживать существующій въ Болгаріи порядокъ, т. е. Тырновскую конституцію, и удерживать князя на конституціонномъ пути, по по-

---

[1]) Давыдовъ ненавидѣлъ Каравелова, сильнаго вождя сильной партіи народниковъ, ненавидѣлъ и народниковъ, видя въ нихъ не только либераловъ, но и радикаловъ. Онъ вертѣлся въ заколдованномъ кругѣ Стоилова, Грекова и Начовича, видя въ нихъ европейцевъ; но на бѣду, у которыхъ не было никакой „партіи".

[2]) „Изъ прошлаго" Ч. IV. „Въ Болгаріи". Стр. 82 и 84.

[3]) Кумани не гнушался не только «нечесаннаго», по выраженію Давыдова, Каравелова, но и Славейкова, любимаго народнаго поэта, хотя Славейковъ не признавалъ ни галстуха, ни крахмаленнаго бѣлья.

лученіи извѣстія о совершившемся переворотѣ, предписано было „признать“ таковой и „поддерживать князя въ его стремленіяхъ, направленныхъ ко благу народа“. Мало того, князь задумалъ послѣ переворота объѣздъ страны и выпросилъ согласіе нашего правительства, чтобы Хитрово сопровождалъ его въ этомъ торжественномъ шествіи, побѣдномъ для Австріи, Кёвенгюллера, всѣхъ враговъ Россіи и славянства. Что же могъ думать болгарскій народъ, видя князя, совершившаго „преврат“, рядомъ съ представителемъ русскаго государя? Да еще какимъ представителемъ, — М. А. Хитрово, столь извѣстнымъ и популярнымъ среди балканскихъ славянъ. Для болгаръ очевидно и несомнѣнно было, что Россія того хотѣла, и что ставленникъ русскій, „момче“ [1]) царя Александра, сдѣлалъ только то, что было угодно повелителю Россіи, покровителю Болгаріи. Либералы должны были притихнуть, а главари ихъ скрыться: Каравеловъ бѣжалъ въ Филиппополь и сдѣлался тамъ издателемъ газеты „Независимость“, полной самыхъ рѣзкихъ нападокъ на Россію. Цанковъ (Драганъ) тоже скрылся изъ Софіи, пославъ нашему дипломатическому агенту открытое письмо, въ которомъ, между прочимъ, заявилъ, что Болгаріи не нужно „ни русскаго меда, ни русскаго жала“ [2]).

Мой преемникъ генералъ Эрнротъ, отличный боевой генералъ и умный человѣкъ, былъ большимъ патріотомъ — финляндскимъ, что̀ и доказалъ во время бытности своей министромъ статсъ-секретаремъ по финлядскимъ дѣламъ, при томъ доказалъ настолько блистательно, что былъ уволенъ отъ службы, при императорѣ Александрѣ III, „по прошенію“.—Въ вопросѣ русско-болгарскихъ отношеній Эрнротъ исповѣдывалъ два тезиса: „историческоеп ризваніе Австріи — господствовать на Балканскомъ полуостровѣ, а противодѣйствіе этому призванію — абсурдъ“ и-„вся бѣда Россіи въ томъ, что она занимается славянскими дѣлами; ей нужно заняться своими внутренними дѣлами, а о славянахъ, особенно южныхъ — забыть. Западные же славяне — внѣ вліянія Россіи“.

На свое же положеніе въ Болгаріи смотрѣлъ, какъ на веселенькій актъ Оффенбаховской оперетки, что̀ и высказалъ въ Систовѣ, во время переворота, почтенному и любимому болгарами полковнику Ѳедору Николаевичу Боборыкину, выписанному мною изъ Россіи и командовавшему войсками въ Варнѣ.

---

[1]) Мальчикъ, воспитанникъ; можно такъ сказать и про сына.
П. П.

[2]) Дѣйствительная характеристика этихъ двухъ выдающихся дѣятелей Болгаріи, *безусловныхъ* сторонниковъ Россіи, будетъ приведена ниже.
П. П.

Эрнротъ смѣнилъ меня, поклонника Аксакова, Хомякова, Кирѣевскаго, очевидно, по ошибкѣ и во вредъ моему отечеству, тяготѣющаго къ славянству, считающаго себя славяниномъ, исповѣдующаго: я славянинъ и ничто славянское мнѣ не чуждо.

Въ Болгаріи Хитрово былъ замѣненъ Каянусомъ, а потомъ Бахметьевымъ. Въ Румеліи талантливаго, популярнаго, уважаемаго князя Цертелева, пользовавшагося огромнымъ авторитетомъ среди болгаръ, смѣнилъ Кребель... [1]).

. . . .

Выводовъ дѣлать не буду; на сей разъ довольно сказано.

Оставивъ Россію, обратимся къ Болгаріи и болгарамъ.

21-го октября 1879 года, открылось первое Народное Собраніе княжества. Въ длинной тронной рѣчи князя [2]) обращаетъ на себя вниманіе то, что о Россіи ни разу не упомянуто. Сильно подчерки-

---

[1]) Я далекъ отъ хуленія нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, какъ людей, но только спрашиваю: могъ ли, весьма почтенный вѣроятно, балтіецъ Кребель, быть представителемъ славянской Россіи среди славянской Румеліи (Өракіи), да еще въ такое смутное время борьбы?

А какъ относятся болгары къ русскимъ полезнымъ дѣятелямъ въ Болгаріи, видно изъ сообщенія газеты „Свѣтъ" 1898 г., № 140, въ которомъ описывается, какъ маленькій болгарскій городъ Ломъ-Паланка, черезъ 20 лѣтъ, благодарилъ тоже маленькаго работника на большомъ дѣлѣ, бывшаго уѣзднымъ ломъ-паланскимъ начальникомъ, русскаго офицера Павла Дмитріевича Нечаева, который, „оставивъ другимъ раздумывать патріотическія думы, обсуждать благія намѣренія, взялся самымъ энергичнымъ образомъ за живое дѣло благоустроенія города и приступилъ къ прокладыванію правильныхъ улицъ, устройству мостовыхъ, воздвиженію общественныхъ зданій: городской думы, больницы, школы, городского сада и проч. и проч. Исчисливъ затѣмъ подробно всѣ славныя и полезныя для Лома дѣла Павла Дмитріевича, которыя украшаютъ городъ и по сіе время, Ломская городская дума, въ полномъ составѣ всѣхъ гласныхъ, съ городскимъ кметомъ (городской голова) во главѣ, единогласно свидѣтельствуетъ, что за всѣ эти благодѣянія священный долгъ обязываетъ ихъ выразить своему „великому добродѣю" глубочайшую благодарность при жизни и даже по его смерти въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ. А потому дума постановила: послать П. Д. Нечаеву на память, въ знакъ благодарности, альбомъ, со всѣми видами улицъ, мостовъ и зданій, имъ проложенныхъ и воздвигнутыхъ, назвавъ главнѣйшую, имъ проложенную, улицу, а также и нѣкоторыя зданія именемъ „Нечаева" и, наконецъ, провозгласить его почетнымъ гражданиномъ Лома и о всемъ томъ ему сообщить".

Вотъ если бы всѣ наши дѣятели въ Болгаріи, оставивъ „благія намѣренія", которыми, какъ извѣстно, вымощевъ адъ, работали на живомъ дѣлѣ, какое кому досталось,—то было бы хорошо и разговоровъ о „неблагодарности" пожалуй бы и не было.

[2]) Въ отдѣльномъ изданіи „Изъ Прошлаго". Ч. IV, приведена полностью. *П. П.*

вается благодарность государю, говорится о „просвѣщенной Европѣ“, но о Россіи, хотя бы и „не просвѣщенной“, но все же „освободительницѣ“ — ни слова. Я обращаю на этотъ пропускъ вниманіе, потому что такая забывчивость не случайная; игнорированіе Россіи производилось систематично, начиная съ телеграммы, посланной княземъ государю изъ Плевны, во время торжественнаго слѣдованія его въ Софію. „Неблагодарные“ болгары, въ лицѣ своихъ избранниковъ, членовъ 1-го Народнаго Собранія 1879 года, отвѣчая на тронную рѣчь адресомъ, въ самомъ началѣ его помѣстили слѣдующее:

„...Мы высказываемъ глубокую признательность и благодарность вашей свѣтлости за то посѣщеніе, которое вы, свѣтлѣйшій князь, послѣ избранія вашего царствующимъ болгарскимъ княземъ, поспѣшили сдѣлать нашему Царю Освободителю, чтобы поблагодарить его съ своей стороны и отъ лица болгарскаго народа, за безчисленныя благодѣянія, сдѣланныя имъ *и его народомъ* [1]) для нашего освобожденія. Народное Собраніе, имѣя въ виду, что всѣ блага, которыми нынѣ наслаждается наше отечество, суть плоды *великихъ дѣлъ нашихъ освободителей* [1]), въ одномъ изъ своихъ засѣданій рѣшило: при открытіи *каждой сессіи* выражать черезъ вашу свѣтлость свою искреннюю любовь и признательность великому русскому монарху, Его Императорскому Величеству Александру II и *его народу* [1]), дабы, узы соединяющія *два братскіе народа* [1]), съ каждымъ днемъ дѣлались болѣе тѣсными и крѣпкими“.

Думается мнѣ, что все сейчасъ приведенное мною не можетъ быть признано указаніемъ на „неблагодарность“... Надо прибавить, что такъ какъ большинство собранія состояло изъ оппозиціи, либераловъ, даже радикаловъ, съ Каравеловымъ во главѣ, а слѣдовательно, по мнѣнію „нѣкоторыхъ“, состояло изъ враговъ Россіи, то если такъ писали „враги“... Какъ же писали бы „друзья“?...

Адресъ долженъ былъ быть поднесенъ 16 ноября, а 17 ноября флигель-адъютантъ полковникъ Шепелевъ телеграфировалъ шифромъ изъ Софіи въ Петербургъ, военному министру графу Милютину:

„Кризисъ продолжается. Каравелову поручено составить смѣшанный кабинетъ. Князь сталъ сговорчивѣе, но подстрекаемый дипломатами, отказывается принять адресъ палаты, пока не измѣнятъ титула на „Высочество“ *и не вычеркнутъ рѣшеніе Собранія поручать князю, при каждомъ сборѣ камеры, благодарить Государя.* Убѣждаю измѣнить редакцію адреса.

„Дипломаты“ и еще „нѣкоторые“ одолѣли; собраніе было распущено. „Нѣкоторые“ приписывали это внушеніямъ Россіи; винили и меня какъ члена кабинета. Что касается меня, то въ книгѣ моей я докажу документами, напечатавъ ихъ fac simile, что я, военный министръ, членъ кабинета, узналъ о роспускѣ Собранія, *послѣ* совершенія этого акта, не будучи преднамѣренно приглашаемъ въ тѣ

---

[1]) Курсивъ мой. *П. П.*

засѣданія министерскаго совѣта, на которыхъ этотъ роспускъ обсуждался и былъ рѣшенъ [1]). Что же касается до участія въ этомъ роспускѣ Россіи, то вотъ документы:

Телеграмма графа Д. А. Милютина флигель-адъютанту полковнику Шепелеву, въ отвѣтъ на его письмо отъ 4-го ноября и телеграмму отъ 13 ноября.

Софія. Флигель-адъютанту полковнику Шепелеву. 15 ноября.

„Письмо ваше 4-го ноября получено только вчера одновременно съ двумя телеграммами 13-го и 14-го ноября. Высказываемыя вами соображенія согласуются съ Высочайшею волею. *Давыдову сообщено повелѣніе совѣтовать князю не прибѣгать къ роспуску Собранія до послѣдней крайности, испытавъ сперва всѣ средства къ образованію новаго кабинета* [2]).

Что же такое писалъ Шепелевъ, что согласовалось „съ Высочайшею волею"? Статья моя такъ разрослась, что я вынужденъ съузить ея размѣры, а потому долженъ быть краткокъ. Въ концѣ телеграммы Шепелева отъ 13-го ноября сказано:

„Вѣроятно завтра кабинетъ подастъ въ отставку. Если составленіе смѣшаннаго мининистерства не удастся, то князь рѣшится скорѣе распустить Собраніе, чѣмъ призвать исключительно либераловъ. Полагаю, что этимъ дѣла ухудшатся".

Что касается до письма Шепелева отъ 4-го ноября то, помѣщая его полностью въ моей книгѣ, я здѣсь приведу одну только небольшую выдержку той основной мысли, которая „согласуется съ Высочайшею волею":

„Прежде всего князь долженъ рѣшить принципіальный вопросъ: распустить ли Собраніе, или составить новый кабинетъ? Я откровенно высказываюсь въ пользу послѣдняго, видя въ немъ единственный спокойный исходъ изъ нынѣшнихъ затрудненій".

---

[1]) Мнѣ приходилось слышать замѣчаніе, что въ виду такого нанесеннаго мнѣ афронта, слѣдовало уйти. Отвѣчаю: если бы я это тогда сдѣлалъ, то въ виду крайняго напряженія страстей, чрезвычайнаго возбужденія массъ, мой уходъ могъ бы быть той каплей, которая переполнила бы чашу негодованія противъ князя. Мой уходъ могъ бы быть искрой большого пожара, который пожралъ бы зачатки неустановившагося еще новаго строя. Недаромъ же князь, по поводу одного событія, случившагося позже, говорилъ своимъ близкимъ: „Когда генералъ Паренсовъ мною доволенъ, армія называетъ меня „Высочество", а когда недоволенъ, что̀ случается чаще, то „Свѣтлостью". Говорилось еще многое, что здѣсь помѣщать считаю неудобнымъ. Все это безусловная клевета; интрига, раздувавшаяся моимъ принципіальнымъ врагомъ, однимъ изъ дипломатическихъ представителей запада. Я же всегда стоялъ неуклонно на почвѣ основного закона, имѣлъ въ виду интересы Болгаріи,—да и съ Россіей связей не порывалъ. *П. П.*

[2]) Напечатанное курсивомъ въ телеграммѣ зашифровано. *П. П.*

А нѣсколько выше:

„Положеніе дѣлъ въ настоящую минуту слѣдующее: Народное Собраніе, почти полнымъ своимъ составомъ принадлежитъ къ конституціонной партіи, т. е. оппозиціи; по личному мнѣ заявленію одного изъ министровъ, приверженцы ихъ, бывшіе въ числѣ 40 человѣкъ, также перешли въ противный лагерь, за исключеніемъ какихъ-нибудь 5—8 лицъ.—Можно положительно сказать, что дни министерства Вурмова—Балабанова уже сочтены; это фактъ, игнорировать который было бы неблагоразумно. По парламентскимъ обычаямъ, будущій кабинетъ долженъ принадлежать нынѣшней оппозиціи, и она въ правѣ была бы настаивать на томъ, чтобы всѣ портфели были розданы исключительно ея приверженцамъ".

Письмо Шепелева кончается такъ:

„Я былъ бы счастливъ получить отъ вашего сіятельства указаніе о томъ, въ какой мѣрѣ мой взглядъ на совершающіяся здѣсь событія и образъ дѣйствій отвѣчаютъ волѣ Августѣйшаго Государя."

Отвѣтомъ было, какъ мы видѣли выше, то, что изложено въ депешѣ графа Д. А. Милютина отъ 15 ноября.

Но... Все, излагаемое мною теперь, является на свѣтъ Божій впервые, а тогда это было подъ спудомъ. И роспускъ Народнаго Собранія 1879 года и особенно переворотъ 1881 года были, по тогдашней видимости, дѣломъ рукъ Россіи. Эту видимость неустанно поддерживали враги Россіи, враги Болгаріи, враги славянства. Немудрено, что этому вѣрили въ Болгаріи; вѣрили и возмущались. Мало того, чѣмъ болѣе болгаринъ былъ патріотомъ, чѣмъ ближе были ему судьбы родины — тѣмъ возмущался онъ сильнѣе и яростно негодовалъ на, по тогдашней версіи—очевиднаго разрушителя болгарской самобытности. Повторю еще разъ, что это негодованіе, этотъ пылъ самымъ тщательнымъ и искуснымъ образомъ раздувался всѣми тѣми, кому славянское единеніе было не на руку, для кого славянское разъединеніе было задачей дѣятельности и даже существованія. Извѣстно, что въ подобныхъ осложненіяхъ, слѣпыхъ орудій, іезуитски веденной интриги—сколько угодно.—Къ тому же, тутъ—якобы несомнѣнная и якобы очевидная видимость.—Не мудрено, что пылкій и въ то время,—крайне несдержанный Каравеловъ, видя торжество враговъ его родины, гибель его идеи, принужденный бѣжать въ Румелію, сталъ во главѣ враждебнаго Россіи печатнаго органа „Независимости", а другой, болѣе сдержанный, чѣмъ Каравеловъ, но не менѣе пламенный патріотъ—Драганъ Цанковъ, писалъ о „медѣ" и о „жалѣ". Оба эти популярные дѣятели были во главѣ партій, имѣли массу приверженцевъ.—Послѣдствія понятны; армія „неблагодарныхъ"—выросла.

А чѣмъ были въ дѣйствительности, по отношенію къ Россіи,

оба эти лица, видно изъ слѣдующаго. — Отрывокъ письма ко мнѣ Драгана Цанкова отъ 20 февраля 1895 года.

„Однако я твердо уповаю, какъ я вчера сказалъ графу Н. П. Игнатьеву, привѣтствуя его по телеграфу по случаю годовщины Санъ-Стефанскаго договора, что пройдетъ временное умопомраченіе и заживетъ Болгарія братской русской любовью. Если Стамбуловъ не могъ задушить своими драконовскими мѣрами вѣру и любовь нашего народа къ Россіи, это еще меньше удастся X и Z [1]), особенно послѣ столькихъ лѣтъ испытаній".

Отрывокъ изъ письма ко мнѣ П. Каравелова отъ 21 февраля 1895 года.

„...Я искренно могу вамъ сказать, что между честными болгарами никто не вѣритъ въ желаніе Россіи обратить Болгарію въ свою провинцію, да это не было бы въ интересахъ не только Россіи, но и всего славянства. Лично я глубоко убѣжденъ и этого нисколько не стѣсняюсь открыто разглашать, что Россія въ правѣ требовать—и Болгарія должна признать этотъ нравственный и политическій долгъ,—чтобы, въ случаѣ нужды, болгарскіе солдаты сражались рядомъ съ русскимъ воинствомъ, ихъ освободителями и учителями. Это диктуетъ намъ не только долгъ признательности за освобожденіе, но и пониманіе существенныхъ интересовъ страны, самая мудрая политика. А нужно знать, что безъ особенно большихъ жертвъ со стороны народа Болгарія, въ случаѣ войны, можетъ выставить отъ 3—4 корпусовъ хорошаго, стойкаго войска. Сѣмена, брошенныя русскими инструкторами, при всѣхъ испытаніяхъ страны, не упали на безплодную почву, и будущее, дастъ Богъ, покажетъ это.

Все это заставляетъ меня твердо вѣрить, что Россія, въ отношеніи къ намъ, болгарамъ, не можетъ руководиться такой плохой политикой и несообразнымъ намѣреніемъ—превращать Болгарію въ русскую провинцію, когда она при мало-мальскомъ нормальномъ положеніи дѣлъ въ Болгаріи, смѣло можетъ разсчитывать имѣть съ собой, въ случаѣ нужды, болгарскія военныя силы, безъ всякихъ затратъ и какихъ-либо заботъ съ своей стороны.

Есть еще вопросъ, для меня безусловно ясный, и я бы желалъ, чтобы и въ Россіи смотрѣли на него надлежащимъ образомъ: между болгарами Россія пользуется искренной симпатіей *въ массѣ народа* [2]); для этого нужно стараться всѣми силами, чтобы эта масса—имѣла вліяніе на управленіе страны, въ противовѣсъ австрійскому домогательству—лишать народъ и надѣлять имъ князей. Общеизвѣстно правило Австріи покровительствовать коронованнымъ особамъ и держать въ тискахъ народы—то же самое, въ широкихъ размѣрахъ, она прилагаетъ въ своей политикѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Это не переставало быть для меня яснымъ со дня существованія освобожденнаго, много-

---

[1]) Въ письмѣ оба лица, мнѣ хорошо знакомыя, названы; одинъ изъ нихъ уже умеръ. Но я не считаю себя въ правѣ ихъ открыть. Письмо Др. Цанкова писано вскорѣ послѣ Стамбуловскаго террора—„краснаго", вначалѣ и временно замѣненнаго другимъ, „бѣлымъ". *П. П.*

[2]) Курсивъ автора письма. *П. П.*

страдальнаго нашего отечества, и на борьбу эту я не жалѣлъ и не пожалѣю силъ и способностей, пока ихъ у меня хватитъ.

А борьба предстоитъ упорная“ [1]).

Такъ писалъ либералъ, радикалъ, *а слѣдовательно*, по мнѣнію „нѣкоторыхъ“—„врагъ Россіи“.

Я очень жалѣю, что не могу привести здѣсь письменнаго отзыва другого великаго болгарскаго патріота, тырновскаго митрополита Климента, бывшаго въ мое время министромъ просвѣщенія и, за выѣздомъ князя въ Россію, регентомъ княжества. Др. Цанковъ писалъ мнѣ слѣдующее:

„Высокочтимый іерархъ—нашъ общій другъ—поручилъ моему зятю (Людсканову), послѣ полученія Вашего письма, передать Вамъ его благодарность за Вашъ сердечный привѣтъ. Митрополитъ Климентъ получилъ Ваше письмо, но въ виду непріязненнаго отношенія нынѣшнихъ нашихъ управителей къ нему, онъ счелъ благоразумнѣе не довѣрять болгарской почтѣ свой отвѣтъ Вамъ, а подождать, пока не представится болѣе надежный каналъ для переписки“.

Митрополитъ Климентъ былъ посаженъ Стамбуловымъ въ Тырновскую тюрьму и послѣ освобожденія изъ нея, отъ перенесенныхъ во время этого заточенія огорченій и страданій, скончался.

Мнѣ пришлось упомянуть имя Стамбулова, имя, которое противники моихъ взглядовъ могутъ выставить въ подтвержденіе ихъ ошибочности. Стамбулова я зналъ лично, когда онъ, не имѣя возрастнаго ценза, недостигши 30 лѣтъ, благодаря подчисткѣ документовъ, попалъ въ первое Народное Собраніе. Мнѣ пришлось даже имѣть съ нимъ дѣло при слѣдующихъ обстоятельствахъ [2]). Въ отвѣтномъ адресѣ Народнаго Собранія было, между прочимъ, сказано слѣдующее:

„Государь! Народное войско всегда было для освобожденнаго народа предметомъ его гордости и особыхъ попеченій. Мы желаемъ, чтобы всеобщая воинская повинность, согласно конституціи, сдѣлалась обязательной для всѣхъ гражданъ княжества [3]). Выражая особенное удо-

---

[1]) Каравеловъ былъ русскій воспитанникъ, кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и служилъ у насъ по вѣдомству просвѣщенія. Во времена диктаторства Стамбулова въ Болгаріи, былъ посаженъ въ тюрьму „Черная Джамія“ какъ государственный преступникъ, подвергся тамъ пыткѣ. Послѣ убійства Стамбулова выпущенъ. До конца своей жизни былъ ревностнымъ и сознательнымъ сторонникомъ Россіи.

[2]) Помѣщаемый далѣе эпизодъ позаимствованъ изъ IV-й части книги моей „Изъ Прошлаго“ „въ Болгаріи“.

[3]) По конституціи воинская повинность была общеобязательная, но управленіе Императорскаго комиссара, въ краткій срокъ своего существованія и по смутному состоянію страны, бывшей театромъ военныхъ дѣйствій, не успѣло выработать общаго военнаго закона отбыванія воинской повинности христіанами и мусульманами. Первое болгарское военное мини-

вольствіе относительно того, что для вооруженныхъ силъ княжества положены прочныя основы, считаемъ своимъ долгомъ заявить, что было бы желательно улучшить способы продовольствія войскъ и обратить нужное вниманіе также и на сохраненіе здоровья солдатъ".

Прочитавъ отвѣтный адресъ и то, что было въ немъ сказано о войскѣ, я не нашелъ ничего для себя непріятнаго и чѣмъ я могъ бы обидѣться. Даже наоборотъ; я былъ доволенъ, что Собраніе высказало желаніе улучшенія содержанія войска. Это давало мнѣ поводъ пойти навстрѣчу Собранію и сообщить ему, что это улучшеніе, въ извѣстной степени, зависитъ отъ самой палаты. Для улучшенія положенія войска нужны были мѣропріятія съ двухъ сторонъ: съ одной стороны — добросовѣстное и умѣлое руководство войскомъ, — это сфера моей дѣятельности, и денежныя средства — сфера дѣятельности Собранія. Недочеты въ жизни войска были извѣстны прежде всего мнѣ, а затѣмъ, вообще, это было такое большое шило, котораго ни въ какомъ мѣшкѣ не утаишь.

Я имѣлъ въ виду представить мой отчетъ Собранію и доложить ему все, не скрывая ничего. Эти мысли я не только не скрывалъ, но говорилъ всѣмъ открыто, начиная съ моихъ коллегъ, которые первые находили, что я долженъ обидѣться, а затѣмъ высказалъ все и князю, который, вначалѣ, со мной согласился. Но вдругъ поднялась буря и поднялъ ее Давыдовъ. Онъ находилъ, что высказанное въ адресѣ желаніе объ улучшеніи содержанія войска есть оскорбленіе Россіи, Императорскому комиссару и мнѣ. Давыдовъ былъ всегда человѣкомъ прямымъ и не скрывалъ своихъ взглядовъ, а потому естественно, что взгляды эти скоро распространились въ Софіи, дошли до депутатовъ, и вотъ что случилось.

Однажды мнѣ доложили, что во дворъ временного дома, въ которомъ я жилъ, вошла толпа народа; выглянувъ въ окно, я увидѣлъ массу депутатовъ Народнаго Собранія и во главѣ ихъ Стамбулова. Я принялъ ихъ всѣхъ въ кабинетѣ и уже по первымъ привѣтствіямъ увидѣлъ, что толпа эта не только вполнѣ миролюбиво настроена, но даже, по отношенію ко мнѣ, дружелюбно.

Отъ лица всѣхъ заговорилъ Стамбуловъ. Сущность сказаннаго имъ заключалось въ томъ, что до нихъ дошли слухи о томъ, будто

стерство занялось этимъ вопросомъ, но существуя только съ іюля, не могло выработать къ октябрю, времени созыва Народнаго Собранія, общій законъ, тѣмъ болѣе, что по уходѣ русскихъ оккупаціонныхъ войскъ, въ восточной части княжества и южной вспыхнуло серьезное возстаніе мусульманъ. Въ отчетѣ военнаго министерства, представленномъ въ Народное Собраніе, обо всемъ этомъ было упомянуто, и заявленіе, сдѣланное въ отвѣтномъ адресѣ, было даже на руку военному министерству, заранѣе обезпечивая проектируемый имъ военный законъ. *П. П.*

бы я оскорбленъ словами адреса о войскѣ и что они пришли ко мнѣ, уполномоченные всѣмъ Народнымъ Собраніемъ заявить, что у нихъ не только не было мысли оскорблять меня или выражать недовѣріе, но что, наоборотъ, они вполнѣ довольны мною и моими дѣйствіями, желаютъ, чтобы я прожилъ въ Болгаріи дольше и продолжалъ бы работать по-прежнему. Въ разговорѣ съ ними я высказалъ сначала, какъ и подобало, благодарность за довѣріе, а затѣмъ высказалъ много даже непріятнаго, можетъ быть, такъ называемымъ радикаламъ; высказалъ мой взглядъ на войско, мои стремленія, просилъ не мѣшать неумѣстными, пустяшными вопросами моей трудной работѣ; въ то же время заявилъ, что самъ знаю о существованіи въ войскѣ недостатковъ, но что армія не создается въ нѣсколько мѣсяцевъ, что на это надо много времени и много трудовъ. Въ заключеніе я прибавилъ, что готовъ отвѣчать Собранію въ случаѣ запроса. Покончивъ оффиціальные разговоры и видя, что депутаты остались моими объясненіями довольны, я пошелъ дальше, и въ частномъ разговорѣ заговорилъ о представляемомъ мною новомъ бюджетѣ. Въ концѣ этой частной бесѣды, мнѣ было заявлено, что Собраніе дастъ мнѣ не 12 милліоновъ (франковъ), какъ я прошу, но 15-ть (вмѣсто 8-и прежнихъ), лишь бы я велъ дѣло чисто и въ дѣйствіяхъ моихъ не выходилъ изъ рамокъ конституціи.

Разстались мы вполнѣ довольные другъ другомъ.

Что большинство депутатовъ, въ числѣ коихъ было много селяковъ (крестьянъ), говорило искренно, я нисколько не сомнѣваюсь; насколько же былъ искрененъ самъ Стамбуловъ, конечно, не знаю; думаю однако, что въ то время онъ говорилъ искренно. Во-первыхъ, онъ тогда еще не оперился, а во-вторыхъ, вспоминая слова митрополита Григорія, приведенныя мною выше, я глубоко убѣжденъ, что многихъ изъ нашихъ враговъ въ Болгаріи, да и другихъ мѣстахъ, создали мы сами; создали ихъ главнымъ образомъ наши представители на мѣстѣ, гражданскіе и военные, не всегда удачно выбираемые, о чемъ мною сказано выше.

. . . .

Слухъ о депутаціи, ко мнѣ пришедшей, понятно, скоро распространился. Поднялась новая буря и опять-таки поднялъ ее Давыдовъ, который находилъ, что я не долженъ былъ принимать депутатовъ, да еще мирно бесѣдовать съ ними въ то время, когда въ министерской партіи и во дворцѣ были недовольны Собраніемъ и даже созрѣвалъ планъ распущенія палаты, я же находилъ невозможнымъ не принять представителей народа, депутатовъ Собранія, которому я, по закону, обязанъ дать отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ. Да, наконецъ, если стать на практическую точку зрѣнія, исходить

только изъ государственной пользы, что было лучше: если бы я уклонился отъ бесѣды, даже, скажемъ,—выгналъ бы депутатовъ [1]), и слѣдовательно возстановилъ бы противъ себя Собраніе и провалилъ бы бюджетъ и все, задуманное мною по войску—или тотъ способъ, который принялъ я, и который кончился полнымъ торжествомъ представляемаго мною дѣла.

. . . .

Не лишено интереса то обстоятельство, что выше изложенное мнѣніе о неправильности моего поведенія сильно поддерживалось двумя лицами, которыя, по историческому ходу событій вообще, казалось бы, должны находиться въ разногласіи: австрійскимъ агентомъ, графомъ Кёвенгюллеромъ и русскимъ—д. с. с. Давыдовымъ. Что Кёвенгюллеръ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы идти противъ меня—это понятно и съ его точки зрѣнія—резонно, послѣдовательно; на то онъ и австрійскій чиновникъ; но Давыдовъ?...

Чтобы кончить съ разсказомъ о роспускѣ перваго Народнаго Собранія, привожу еще одну шифрованную телеграмму полковника Шепелева графу Милютину отъ 26-го ноября, изъ Софіи.

„Считаю своею обязанностью вновь убѣдительно просить дать князю Александру совѣтъ не распускать теперь Собраніе и въ крайности согласиться на либеральный кабинетъ. Утверждаю по совѣсти, радикаловъ здѣсь нѣтъ. Ради пользы страны и князя ему нужно быть умѣреннымъ и сдержаннымъ, не отталкивать либераловъ, а напротивъ, давъ имъ войти въ кабинетъ, держать ихъ этимъ въ рукахъ и привлечь къ себѣ. Если князь уступитъ пристрастнымъ совѣтамъ и распуститъ Собраніе, то странѣ угрожаютъ бѣдствія. Князю нужно стать сперва популярнымъ, и затѣмъ уже думать о переворотѣ. Не могу высказать всего въ телеграммѣ или письмѣ, но убѣжденъ, что изложенное имѣніе основано на вѣрной оцѣнкѣ обстоятельствъ. Хотя въ адресѣ выражено желаніе улучшить содержаніе войскъ, но я и генералъ Паренсовъ не видимъ въ этомъ обвиненія, тѣмъ болѣе, что камера заявила, что недовѣріе къ министерству не касается Паренсова. Палата раздражена слухомъ, что Давыдовъ настаиваетъ на распущеніи. Жалѣю, что не могу лично доложить обо всемъ".

По поводу этого документа и другихъ, аналогичныхъ, приведенныхъ мною выше и многихъ другихъ, помѣщенныхъ въ моей книгѣ, замѣчу слѣдующее: они появляются на свѣтъ и становятся достояніемъ общества русскаго, а можетъ быть и болгарскаго, только теперь, черезъ 30 лѣтъ послѣ описываемыхъ событій; а дѣятельность Давыдова, и съ нимъ согласныхъ, была видна всей Софіи, слышна всей Болгаріи и притомъ своевременно. Не особенно удачный способъ пріобрѣтенія сочувствія, расположенія и „благодарности".

---

[1]) Какъ тогда выражались хулители моего образа дѣйствій. *П. П.*

Возвращусь къ Стамбулову, этому врагу Россіи. Что онъ изъ себя изображалъ въ дѣйствительности? Сынъ турчанки, полуболгаринъ—полутурокъ, недоучившійся семинаристъ Одесской семинаріи, изгнанный оттуда за нигилизмъ, въ то время расцвѣтшій въ Россіи, Стамбуловъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ „болгаринъ“, а еще менѣе какъ представитель болгаръ, въ собирательномъ смыслѣ, по которому можно судить о болгарахъ. Непомѣрнаго честолюбія и властолюбія, совершенно безъ всякихъ принциповъ, жестокій и сластолюбивый, очень умный и до крайности рѣшительный, пламенный и краснорѣчивый ораторъ толпы, Стамбуловъ могъ бы, во времена оны, съ успѣхомъ фигурировать въ роли какого-нибудь прославленнаго желѣзною волею и злобою, бандита или пирата, вообще такого дѣятеля, котораго выдвигаютъ на верхъ вóлны бушующаго моря смуты въ обществѣ или государствѣ. Микроскопическій, жестокій Дантонъ съ примѣсью женолюбиваго Бара, Стамбуловъ взялъ палку и сдѣлался капраломъ только потому, что Болгарія того времени, очутившаяся на свободѣ послѣ 500 лѣтняго ига, въ зачаточномъ подобіи государства, послѣ неудачныхъ экспериментовъ разныхъ формъ правленія, сбитая съ толку всевозможными „давленіями“, представляла изъ себя легкую добычу для того, кто, будучи хорошо одаренъ отъ природы, не стѣснялся ничѣмъ: ни религіей, ни совѣстью и честью, ни, и говорю это утвердительно—ни патріотизмомъ. Идеаломъ, къ которому стремился Стамбуловъ, было удовлетвореніе его личныхъ страстей: властолюбія, честолюбія и сладострастія, а средствомъ къ достиженію такого блаженства—палки, пытки и казни [1]). Кто шелъ противъ него, или даже могъ бы пойти противъ него—убивался, устранялся, такъ или иначе. Россія, благожелательная къ Болгаріи, стремившаяся содѣйствовать насажденію въ ней порядка, мира, тишины, благоденствія и процвѣтанія, естественно и очевидно, должна была быть противникомъ не какого-то недоучившагося семинариста Степана Стамбулова, а всѣхъ тѣхъ принциповъ (скорѣе: безъ принциповъ), которые въ немъ воплощались и служили исключительно ко вреду самой Болгаріи, страны, только-что освобожденной отъ другого ига, страны, призванной къ извѣстной роли среди славянскихъ земель.—Но Россію устранить совсѣмъ изъ списка существующихъ—нельзя, можно только ее игнорировать, опираясь на ея „внѣшнихъ“ враговъ, идя съ ними рука объ руку. Повторяю: на Стамбулова нельзя смотрѣть какъ на представителя, какъ на воплощеніе болгаръ, Болгаріи, также какъ нельзя считать Дантона и Марата—воплощеніемъ Франціи. Поэтому и политику Стамбулова, по отно-

---

[1]) Палочная система и палочники на выборахъ.

шенію къ Россіи, нельзя признавать за политику *Болгаріи*; изъ этого же слѣдуетъ, что страница исторіи Болгаріи, временъ тиранніи Стамбулова, не можетъ быть разсматриваема какъ „неблагодарная" страница изъ жизни Болгаріи по отношенію къ державѣ „освободительницѣ". Стамбуловъ былъ особнякъ, выродокъ, и время его диктаторства было несчастнымъ, кровавымъ эпизодомъ жизни юнаго государства, прежде всѣхъ и больше всѣхъ стонавшаго подъ игомъ доморощеннаго тиранна.

О дальнѣйшемъ отношеніи къ Россіи людей, въ Болгаріи у власти бывшихъ, я по нѣкоторымъ соображеніямъ пока умолчу. Замѣчу только слѣдующее: во времена турецкаго владычества болгарское юношество, имѣвшее возможность и желаніе получить высшее образованіе, поневолѣ получало его частью въ Россіи, а также и за границей, въ разныхъ мѣстахъ, и понятно, что, пробывъ долго въ Германіи, Франціи или Англіи, да получивъ можетъ быть предварительное образованіе въ извѣстномъ константинопольскомъ „Робертъ-Колледжѣ", оно возвращалось домой съ рѣзкимъ отпечаткомъ облика той страны, гдѣ протекли его лучшіе, молодые годы, легко воспринимающіе впечатлѣнія среды. Такое положеніе, за неимѣніемъ вначалѣ высшихъ учебныхъ заведеній въ самой Болгаріи, продолжалось нѣкоторое время и по освобожденіи ея [1]). Понятно, что, заполняя собою разныя административныя должности, становясь „правительствомъ", все, усвоенное раньше, прикладывалось къ дѣлу, воплощалось. А гдѣ же, за границей, на Западѣ, можно получить славянскія воззрѣнія? Развѣ только въ Прагѣ? Выдающимся образцомъ сказаннаго мною былъ Стоиловъ. Бывали впрочемъ и счастливыя исключенія, къ числу каковыхъ отнесу г. Данева. Но, о томъ, что близко, мы лучше умолчимъ.

Перехожу къ теперешнему времени.

30-го августа текущаго года, въ Софіи, состоится торжественное открытіе памятника Царю—Освободителю Александру II.

Прошло 30 лѣтъ со времени освобожденія Болгаріи, и свободный болгарскій народъ увѣковѣчиваетъ свою „признательность" и „благодарность" Россіи. 15 лѣтъ тому назадъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей эпохи освобожденія страны, Стоянъ Заимовъ, предложилъ воздвигнуть рядъ историческихъ памятниковъ войны 1877-78 гг. Посѣтивъ лично всѣ достопримѣчательныя, по военнымъ событіямъ, мѣста сѣверной и южной Болгаріи, г. Заимовъ энергично принялся за работу. Князь Фердинандъ горячо отозвался на задуманное дѣло;

---

[1]) Можетъ быть, продолжается, хотя отчасти, и теперь.

съ разрѣшенія его высочества и при его содѣйствіи, въ княжествѣ, въ 1900 году, былъ основанъ комитетъ „Царь—Освободитель Александръ II“ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ князя и въ составѣ: предсѣдатель—Стоянъ Заимовъ, члены: генералъ С. Г. Паприковъ [1]), генералъ Р. Димитріевъ, русскій военный агентъ, бывшій министръ Д. К. Поповъ, профессоръ Агура, художники Митовъ и Мрыквичекъ, бывшій министръ А. Людскановъ, инженеръ Сарафовъ и капитанъ Ганчевъ. Въ помощь комитету командированы были капитанъ артиллеріи Никола Р. Михлюзовъ, отъ минист. путей сообщеній П. Дѣяновъ и отъ минист. земледѣлія и торговли Д. Гюеметовъ. Князь болгарскій, письмами къ Государю Императору, великимъ князьямъ и военному министру, просилъ разрѣшенія на полученіе нѣкоторыхъ предметовъ для музеевъ, что́ и было исполнено.

По настоящее время комитетомъ сооружено:

1) Въ Софіи, противъ зданія Народнаго Собранія, памятникъ императору Александру II, по проекту итальянскаго скульптора Арнальда Цакони, тщательно изучившаго изображенія Царя Освободителя, исторію освободительной войны и получившаго первую премію на конкурсѣ.

2) Въ Плевнѣ, мавзолей въ память русскихъ воиновъ, павшихъ за освобожденіе Болгаріи, и музей императора Александра II, устроенный въ томъ домѣ, гдѣ Онъ принялъ саблю плѣненнаго Османа-Паши.

3) Скобелевскіе редуты обращены въ паркъ; возстановленъ въ первоначальномъ видѣ Скобелевскій редутъ № 1.

4) Въ г. Бѣла, домъ, въ которомъ жилъ императоръ Александръ II и наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ, обращенъ въ музей имени „Александра III“.

5) Въ с. Пордимъ (Порадимъ), тоже музей, имени великаго князя Николая Николаевича, бывшаго главнокомандующаго, а въ Горнемъ-Студнѣ—имени в. кн. Владиміра Александровича. Въ этомъ же селѣ устроена братская могила—курганъ, внутри пустая, гдѣ будутъ помѣщены кости павшихъ воиновъ и иконы съ неугасимыми лампадами.

6) Вблизи Плевны, гдѣ былъ раненъ и окончательно разбитъ Османъ-Паша, насыпанъ большой курганъ, на вершинѣ котораго поставлено девяти-фунтовое русское орудіе съ соотвѣтствующею надписью.

Около всѣхъ этихъ историческихъ памятниковъ разбиты роскошные скверы и цвѣтники, которые имѣютъ видъ очертанія фортовъ.

---

[1]) Бывшій военный министръ, нынѣ представитель Болгаріи въ Россіи.

Памятникъ Императору Александру II въ Софіи.

Музей Императора Александра II въ Плевнѣ.

Въ нихъ разставлены орудія, бывшія на войнѣ, а ворота скверовъ устроены изъ турецкихъ орудій, украшены разнымъ холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ эпохи войны, ограда же музея Александра II вся изъ турецкихъ орудій.—Въ музеяхъ помѣщены образцы русскаго вооруженія того времени, портреты героевъ войны, модели судовъ, снимки со знаменъ участвовавшихъ въ освобожденіи полковъ и манекены солдатъ. Болгары очень горячо отнеслись къ работамъ комитета. Князь Фердинандъ внесъ крупное денежное пожертвованіе, Народное Собраніе, съ своей стороны ассигновало около 900.000 франковъ, да частныхъ пожертвованій поступило болѣе 100.000 фр. [1]).

Болгарское правительство не осталось позади и оказало возможное содѣйствіе. Оно выкупило у частныхъ лицъ всѣ дома, подъ перечисленные памятники съ окружающею землею; военный министръ назначилъ цѣлые баталіоны солдатъ для возстановленія Скобелевскаго редута и для устройства садовъ; министръ путей сообщенія разрѣшилъ безплатную перевозку по Болгаріи всѣхъ, относящихся къ этому дѣлу, предметовъ. Древесные питомники Варненскій, Софійскій и принадлежащій министерству земледѣлія, пожертвовали 80.000 деревцовъ для парковъ, а князь разрѣшилъ выдачу цвѣтовъ изъ своихъ садовъ [2]).

Во многихъ газетахъ болгарскихъ и русскихъ помѣщены описанія этихъ памятниковъ и музеевъ. Чрезвычайно картинна и интересна статья г. Т. П. Старозагорскаго въ болгарской газетѣ „Дневникъ“, подъ заглавіемъ: „Прѣди и Сега“ 1881 — 1901 г. „Посѣщеніе на ония кутове въ България, градове и села, въ които освободителя на България, руския царь Александръ II-й бѣ прѣживѣлъ по нѣколко мѣсеца прѣзъ врѣмето на освободителната война 1877 года“. Т. е. „Прежде и теперь“; остальное понятно безъ перевода. Въ нѣсколькихъ номерахъ большой газеты описано интересное путешествіе автора по всѣмъ этимъ мѣстамъ, сдѣлавшимся народной святыней, его впечатлѣнія, разсказы старожиловъ, свидѣтелей этой памятной эпохи. Въ статьѣ 15-ой краснорѣчивый авторъ, описывая Бѣлу, говоритъ:

„Бывшій когда-то гаремъ Мехмедъ-бея [3]), обращенный теперь въ музей, во вѣки вѣковъ да свидѣтельствуетъ передъ поколѣніями ближайшаго и отдаленнаго будущаго, что великодушный русскій народъ,

---

[1]) И это въ маленькой Болгаріи, не очень еще богатой деньгами, при чрезвычайной бережливости и разсчетливости народнаго характера. *П. П.*

[2]) Изложенныя здѣсь подробности взяты изъ статьи Н. Р. Михлюзова. „Развѣдчикъ“ № 873.

[3]) Домъ, гдѣ жилъ императоръ Александръ II.

во главѣ съ Царемъ Освободителемъ, совершилъ великое христіанское и славянское дѣло—безкорыстно освободилъ болгарское племя отъ 500 лѣтняго турецкаго ига. Та народная святыня въ Бѣлѣ да будетъ на вѣчныя времена свидѣтелемъ передъ всѣмъ человѣчествомъ, что болгарскій народъ черезъ комитетъ „Царь—Освободитель Александръ II" потрудился увѣковѣчить реальнымъ образомъ глубокую благодарность и признательность ему и его сподвижникамъ, которые дали новую жизнь болгарскому народу. Поклонъ великой памяти великаго Царя-Освободителя. Миръ его душѣ".

Послѣ всего сейчасъ описаннаго, думается мнѣ, что эти памятники, музеи, 15-ти лѣтняя работа г. Заимова и его сотрудниковъ по комитету, газетныя статьи, образчикомъ которыхъ можетъ служить статья г. Т. П. Старозагорскаго, сочувствіе правительства, общества и частныхъ лицъ,—все служитъ доказательствомъ существованія „благодарности", а не отсутствія ея. Думаю также, что всѣ тѣ, которые увидятъ эти памятники, не только 30-го августа, но и въ „поколѣніяхъ ближайшаго и отдаленнаго будущаго", вспоминая великій подвигъ „освободителей" и преклоняясь передъ его безкорыстіемъ, поймутъ, почувствуютъ великую силу „благодарности" „освобожденныхъ" и воздадутъ ей умиленный почетъ...

Не перо мое писало все изложенное; писала душа моя... Принявъ довольно продолжительное участіе въ войнѣ за освобожденіе, мнѣ пришлось достаточно поработать въ свободной уже Болгаріи и не только по одному военному дѣлу, а и по другимъ вопросамъ устроенія юнаго государства.—Послѣднее, мирное служеніе принесло мнѣ много горя и много терзаній; но я утѣшался, видя ростъ и упроченіе военныхъ силъ княжества. Вступивъ въ должность военнаго министра, я принялъ „милицію", „Болгарское *Земское* войско", а уходя, прощался съ регулярной „Болгарской *арміей*", получившей, стараніями моими и моихъ достойныхъ сотрудниковъ, а также милостью Государя Императора Александра II, на всю армію новѣйшіе, по тогдашнему времени, ружья, патроны, пушки, новое обмундированіе, снаряженіе, бѣлье для нижнихъ чиновъ. Вся организація и система комплектованія были измѣнены согласно требованіямъ „арміи", замѣнившей „милицію", „земское" войско, и т. д. Узнавая о дальнѣйшемъ успѣхѣ болгорской арміи, я радовался, имѣя смѣлость сознавать, что въ этомъ успѣхѣ молодой арміи есть, хоть и малая лепта, но все же есть и моя. Не мудрено, что труды, терзанія, а иногда и успѣхъ, сопровождавшій эти труды, породили во мнѣ особую привязанность къ болгарскому войску и Болгаріи, привязанность, не заглохшую и по сей день.—А вдобавокъ ко всему

этому, во всемъ происшедшемъ со дня переправы нашей арміи черезъ Дунай, въ теченіе 30 истекшихъ лѣтъ, я видѣлъ ростъ „славянства“.

Сказавъ это послѣднее слово, я не могу кончить моего „очерка“, не упомянувъ имя великаго русскаго писателя, обладавшаго даромъ необычайнаго проникновенія въ область человѣческаго духа, Θ. М. Достоевскаго. Въ концѣ вдохновенной пророческой статьи своей о славянахъ [1]) онъ говоритъ:

„... выказавъ полнѣйшее безкорыстіе, тѣмъ самымъ Россія и побѣдитъ и привлечетъ, наконецъ, къ себѣ славянъ; сначала въ бѣдѣ будутъ прибѣгать къ ней, а потомъ когда-нибудь воротятся къ ней и *прильнутъ* [2]) къ ней всѣ уже съ полной, съ дѣтской довѣрчивостью. Всѣ воротятся въ родное гнѣздо“.

Затѣмъ, указавъ на обязанность Россіи „безпрерывно дѣломъ и великимъ примѣромъ“ объяснять славянамъ необходимость единенія „въ братствѣ и согласіи“, Θ. М. Достоевскій говоритъ, что такая работа самой Россіи нужна:

„для того, чтобы жить высшею жизнью, великою жизнью, свѣтить міру великой безкорыстной и чистой идеей, воплотить и создать въ концѣ концовъ великій и мощный организмъ братскаго союза племенъ, создать этотъ организмъ не политическимъ насиліемъ, не мечемъ, а убѣжденіемъ, примѣромъ, любовью, безкорыстіемъ, свѣтомъ“...

„Если націи не будутъ жить высшими цѣлями служенія человѣчеству, а только будутъ служить однимъ своимъ „интересамъ“, то погибнутъ эти націи несомнѣнно, окоченѣютъ, обезсилѣютъ и умрутъ. А выше цѣлей нѣтъ, какъ тѣ, которыя поставитъ передъ собой Россія, служа славянамъ безкорыстно и не требуя отъ нихъ благодарности, служа ихъ нравственному (не политическому лишь) возсоединенію въ великое цѣлое. Тогда только скажетъ всеславянство свое новое и рѣшительное слово человѣчеству“...

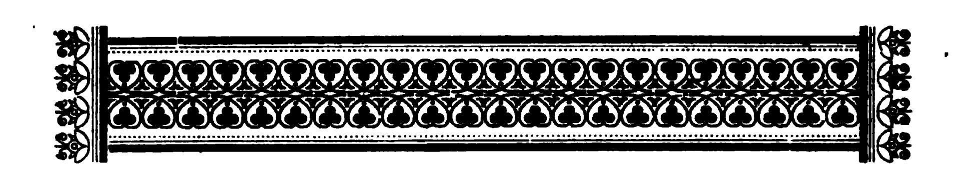
А я, остановившись *на этомъ*, кончу однимъ любимымъ, вдохновеннымъ словомъ того же великаго писателя—сердцевѣдца: „*Буди! буди!*“.

П. Паренсовъ.

[1]) „Одно совсѣмъ особое словцо о славянахъ, которое мнѣ давно хотѣлось сказать“. „Дневникъ писателя“ за 1877 г. Глава вторая.

[2]) Курсивъ Θ. М. Достоевскаго.

25 лѣтъ ученой дѣятельности проф. И. А. Шляпкина.

23-го апрѣля нынѣшняго года чествовали профессора Спб. университета, историка русской литературы и театра Илью Александровича Шляпкина. Было четверть вѣка его ученой и учебной работы, которая не можетъ пройти незамѣченной для русскаго общества. Выдающійся знатокъ стараго русскаго театра, имѣющаго такъ мало самостоятельныхъ изслѣдователей, авторъ крупныхъ трудовъ по нашей, главнымъ образомъ древней, литературѣ, древней письменности, библіофилъ и горячій коллекціонеръ, И. А. хорошо знакомъ всѣмъ имѣющимъ отношеніе къ соотвѣтственнымъ отраслямъ знанія и нуждающимся въ руководствѣ и поддержкѣ опытнаго ученаго и сердечнаго человѣка. По желанію редакціи „Русской Старины", помѣстившей портретъ своего стараго, уважаемаго сотрудника, приводимъ небольшія біографическія свѣдѣнія.

И. А. Шляпкинъ родился въ 1858 г. въ с. Александровкѣ, близъ Бѣлоострова, Петербургской губерніи. Окончивъ въ 1877 году III-ью Спб. гимназію вмѣстѣ съ будущимъ профессоромъ-историкомъ Н. М. Бубновымъ, поступилъ въ Петербургскій же университетъ, въ коемъ послѣ четырехлѣтняго пребыванія на филологическомъ факультетѣ былъ оставленъ при каѳедрѣ русскаго языка и словесности покойнымъ О. Ѳ. Миллеромъ (съ 1881 года). Вся дальнѣйшая дѣятельность его протекаетъ въ непрерывномъ преподаваніи въ гимназіяхъ мужскихъ и женскихъ, Александровскомъ лицеѣ, Павловскомъ училищѣ, Николаевскомъ корпусѣ и т. д.—Съ 1886 года сдѣлался, выдержавъ магистерскій экзаменъ, приватъ-доцентомъ Спб. университета. Въ 1891 г. защитилъ магистерскую диссертацію, съ 1900 г. профессорствуетъ въ томъ же университетѣ и читаетъ лекціи на Высшихъ Женскихъ курсахъ, въ Имп. Археологическомъ институтѣ,

Военно-Юридической академіи и Женскомъ Педагогическомъ институтѣ. Сколько молодежи прослушало его живыя, содержательныя лекціи, согрѣтыя любовью къ родному: не часто встрѣчаются люди съ такимъ полнымъ, глубокимъ чувствомъ къ своей родинѣ, съ вѣрой въ ея будущее. Излагающій эту замѣтку, бывшій ученикъ И. А., сохранилъ самыя теплыя воспоминанія о часахъ, проведенныхъ въ научной бесѣдѣ съ любимымъ профессоромъ. Особенно ярко выдѣлялись тогда его симпатичныя черты—вниманіе къ мнѣніямъ своихъ слушателей, хотя бы и самымъ дѣтскимъ, и полная готовность разъяснить каждое недоумѣніе.

Научная жизнь И. А. Шляпкина представляется въ такомъ видѣ. Болѣе важными трудами его считаются изслѣдованія и изданія: „Царевна Наталія Алексѣевна и театръ ея времени", „Св. Димитрій Ростовскій", „Слово Даніила Заточника", „Сочиненія Грибоѣдова", „Шестодневъ Георгія Писидійскаго", „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина", „Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ", „Ужасная измѣна сластолюбиваго житія", „Древніе русскіе кресты". Общее количество работъ профессора доходитъ до сотни; онѣ полны разнообразнаго научнаго интереса, а значительная часть ихъ затрогиваетъ и даетъ новое и неизслѣдованное [1]).

И. А. началъ свои работы главнымъ образомъ въ Имп. Общ. Любителей древней письменности, гдѣ еще съ 1879 г. состоитъ членомъ-корреспондентомъ; печатался въ „Русской Старинѣ", „Журналѣ М. Н. П". и пр. Былъ членомъ Спб. театрально-литературнаго комитета и работаетъ въ качествѣ члена въ Ученомъ комитетѣ М. Н. П. Къ 25-лѣтію Харьковскій университетъ поднесъ юбиляру дипломъ на званіе доктора русской словесности honoris causa.

Будучи по склонностямъ антикваромъ, И. А. собралъ въ своемъ „пустынномъ уголкѣ" въ Бѣлоостровѣ коллекцію картинъ, гравюръ, русскихъ древностей и библіотеку, имѣющую въ нынѣшнемъ 1907 г. свыше 10.000 названій книгъ, до 200 рукописей XII—XVIII в. и большое собраніе автографовъ.

Ради знакомства съ древностями И. А. объѣздилъ рядъ городовъ Великороссіи, особенно долго изучалъ grafitti Новгородскаго Софійскаго собора. Посвящая себя изученію также и византійскихъ древностей и искусства, посѣщалъ съ этою цѣлью Константинополь, Равенну, Венецію, Падую и т. д.; въ послѣдніе годы предался занятіямъ по древнему нашему искусству. Внимательно, любовно ищетъ, съ радостью находитъ онъ красоту въ старинныхъ русскихъ памят-

---

[1]) Перечень работамъ И. А. Шляпкина составленъ А. А. Громовымъ и напечатанъ въ нынѣшнемъ году [(2 нен.+16+1 нен.) in 8°+съ портретомъ].

никахъ, въ нашемъ древнемъ творчествѣ, а по правдивому слову поэта:

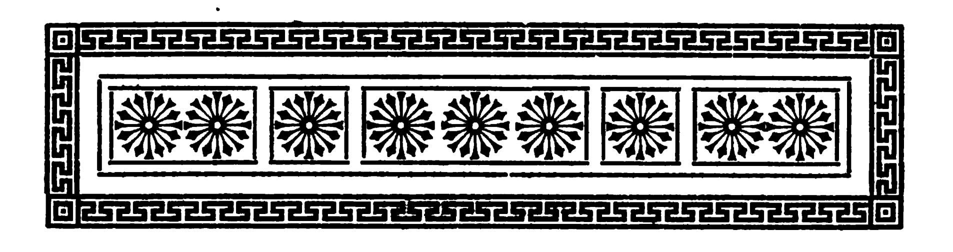
Только художникъ на всемъ чуетъ прекраснаго слѣдъ.

Въ лекціяхъ же своихъ постоянно стремится вдохнуть начало жизни въ мертвые остатки прошлаго.

Мы присоединяемъ свое сердечное привѣтствіе нашему ученому съ пожеланіемъ во вторую четверть вѣка жизненныхъ силъ и бодрости для продолженія многополезной дѣятельности.

Вас. Я.

Къ исторіи 1812-го года.

При преслѣдованіи въ 1812 году французовъ, во время отступленія ихъ изъ Москвы, русскими были захвачены не лишенные интереса различные документы. Это—письма вождей великой арміи къ своимъ друзьямъ и близкимъ людямъ, а также и служебная переписка. Но какъ тѣ, такъ и другая группируются, главнымъ образомъ, около октябрьскихъ и ноябрьскихъ событій, характеризуя жизнь французовъ въ это критическое для нихъ время. Всѣ они отражаютъ въ себѣ состояніе духа сыгравшаго свою роль побѣдоноснаго воинства и свидѣтельствуютъ о томъ бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находилась тогда армія Наполеона. Здѣсь имѣются письма Наполеона, короля Неаполитанскаго, принца Невшательскаго, маршала Жюно, принца Эмилія Гессенъ-Дармштадтскаго, маршала Виконта, Дюрока, Д'Альбиньяка и друг.

Всѣ названные документы предлагаются въ опредѣленномъ порядкѣ, въ основаніе дѣленія котораго положены не имена авторовъ писемъ, а то общее, что заключается въ самихъ этихъ письмахъ, образуя какъ бы центръ, вокругъ котораго группируются однородныя мысли. Этимъ достигается совершенно опредѣленная цѣль—освѣтить, насколько возможно, событія, направивъ весь заключающійся въ этихъ источникахъ свѣтъ на одну опредѣленную точку.

Выше упомянуто, что всѣ документы характеризуютъ дѣйствительное положеніе французовъ, относящееся, главнымъ образомъ, къ выступленію изъ Москвы, Малоярославцевскому дѣлу, Смоленску и ужасамъ во время пути отъ Москвы до Березинской катастрофы.

Затворницкій.

I.

Документы, относящіеся къ выступленію французовъ изъ Москвы.

11 октября 1812 года Государю Императору были представлены полученные изъ арміи документы при слѣдующей запискѣ:

№ 1. „Спѣшу представить Вашему Величеству шесть писемъ Императора Наполеона къ герцогу де-Басано и одно отъ этого Государя къ г-ну Огендорпу. Всѣ они касаются военныхъ дѣйствій и содержатъ свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ. Можно было бы предположить, что они написаны нарочно и для того, чтобы быть перехваченными, но я не нахожу въ нихъ ничего, могущаго придать правдоподобіе этому подозрѣнію. Предложеніе преувеличивать всѣ подкрѣпленія, присылаемыя союзными державами, не заключаетъ въ себѣ, какъ мнѣ кажется, подобнаго смысла. 11-го октября 1812 года“.

(Подписи на подлинной нѣтъ).

Je me hâte de transmettre à votre Majesté six lettres de l'Empereur Napoléon au Duc Bassano et une de la part de ce Souverain à Monsieur d'Ogendorp, toutes relatives aux opérations de la Guerre et qui fournissent des données qui partent de source; il serait possible de supposer que toutes ces lettres ayent été écrites à decision et afin qu'elles fussent interceptées, mais je n'y trouve rien qui puisse donner crédit à ce soupçon; l'invitation de faire exagérer tous les renforts qu'envoyaient les Puissances Confédérées ne me parais pas être dans ce sens. Le 11 Octobre 1812.

Вторая и третья записки представляютъ результатъ изслѣдованія переданныхъ Государемъ Аракчееву писемъ и излагаютъ весьма важный вопросъ о движеніи арміи на Калугу, который рѣшается преимущественно въ томъ смыслѣ, что Наполеонъ имѣлъ намѣреніе обойти Кутузова по Ново-Калужской дорогѣ и, отбросивъ его къ югу, открыть себѣ путь отъ Калуги на Смоленскъ. Въ томъ же смыслѣ высказываются и авторы приводимыхъ цитатъ. Но изъ другихъ писемъ можно видѣть, что это движеніе должно было носить характеръ демонстраціи, съ цѣлью замаскировать отступленіе на Смоленскъ.

№ 2. „Изъ числа ввѣреннымъ мнѣ Вашимъ Величествомъ писемъ, я прочелъ самъ нѣсколько. Большинство таковыхъ, помѣченныя 3/15 октября, возвѣщаютъ, что французская армія собирается покинуть Москву, не опредѣляя, по какому она пойдетъ направленію. И только въ одномъ изъ нихъ говорится объ этомъ слѣдующимъ образомъ и потому оно мнѣ кажется достойнымъ вниманія Вашего

Величества: „Остается еще нѣсколько плитокъ бульону и небольшое число, окороковъ и ты понимаешь, что съ этимъ можно еще пройти 150 миль въ томъ или другомъ направленіи. Мы вѣроятно узнаемъ дня черезъ два, чего намъ держаться; очень возможно, что наше движеніе будетъ столь сложнымъ и столь страннымъ, что въ теченіе нѣсколько дней мы не будемъ имѣть возможности ни получать, ни отправлять эстафеты; зная умную твою головку, я предваряю тебя объ этомъ, не желая, чтобы ты тревожилась; мы будемъ въ очень милой и многочисленной компаніи, а потому не безпокойся и не удивляйся нашему молчанію; я напишу тебѣ, какъ только представится къ тому возможность, и вѣроятно мы будемъ гораздо ближе другъ къ другу; пока что, пейте за наше здоровье, но безъ нетерпѣнія. Все это портитъ кровь и совершенно напрасно".

„Письмо это, Ваше Величество, адресовано нѣкой графинѣ д'Альбъ (d'Albe); на конвертѣ надписано „Топографическій отдѣлъ Его Величества", а отправлено оно изъ Кремля. Къ письму этому, или лучше къ выпискѣ изъ онаго, я присоединяю копіи нѣсколькихъ другихъ, имѣющихъ большое значеніе при настоящемъ положеніи дѣлъ. Они указываютъ на отступленіе непріятельской арміи къ Смоленску. Я нашелъ, что для пользы службы Вашего Величества необходимо довести ихъ немедленно до свѣдѣнія Вашего Величества. Составленіе выписокъ изъ сей переписки продолжается. Я видѣлъ, кромѣ того, письмо Императора Наполеона къ вдовѣ г-ла Гюдена съ увѣдомленіемъ о смерти сего храбраго воина [1]). Копія съ писемъ, препровождаемая мною Вашему Величеству, кажется мнѣ весьма важною. Не пожелаете ли Вы, Государь, извлечь изъ оныхъ пользу и приказать предупредить кого слѣдуетъ. Долженъ сказать Вашему Величеству, что копія сія снята съ тѣхъ изъ писемъ, которыя не были распечатаны лицами, перехватившими и доставившими ихъ сюда. 11 октября 1812 года".

Parmi les lettres, Sire, que Votre Majesté m'a confié j'en ai lues quelques unes moi-même, la majeure partie en date du. 3/15 Octobre annencent que l'armée Française va quitter Moscou sans pouvoir déterminer quelle direction elle prendra; une seule en parle de la manière qui suit et à cause de cela me parait digne de vous être citée, Sire, „il reste encore quelques tablettes de bouillons, avec quelques jambons; tu vois qu'avec tout cela on peut faire *150 lieues* dans un sens ou dans l'autre. Nous saurons probablement à quoi nous en tenir dans *deux jours*. Il est *très possible* que notre mouvement soit tellement combiné et si *singulier* que nous serons pendant quelques jours sans *recevoir* ni sans *envoyer* d'estafettes; connaissant *ta bonne tête* je dois te prévenir de cela parce que jeune veux pas que tu battes la campagne, nous serons

---

[1]) Гр. Гюденъ, французскій дивизіонный генералъ (1768—1812), смертельно раненъ ядромъ въ бою при Валутинской горѣ.

en bonne et nombreuse compagnie, ainsi sois sans inquiétude et ne t'etonne pas de notre silence, aussitôt que je le pourrai, j'écrirai et probablement nous serons *plus voisins*. Buvez à notre santé en attendant sans impatience tout cela fait du mauvais sang et il n'y a pas raison d'en avoir".

Cette lettre, Sire, est à l'adresse d'une Comtesse d'Albe, sur l'enveloppe il est écrit: Bureau Topographique de Sa Majesté et la date est du Kremlin; à cette lettre, Sire, ou plutôt à son extrait j'ajoute le copie de quelques autres, d'un plus grand poids en pareilles circonstances, qui concourent à indiquer une retraite de l'armée ennemie sur Smolensk; j'ai pensé, Sire, qu'il j'était du bien de Votre Service, que sans retard Votre Majesté en ait connaissance; on continue l'extrait de toute la correspondance; j'ai vu aussi une lettre de l'Empereur Napoléon à la veuve du général Gudin sur la mort de ce brave militaire. La copie des lettres que je transmets à Votre Majesté me parait bien importante. Ne voudriez vous pas, Sire, en tirer parti et faire avertir qui il convient; je dois dire à Votre Majesté que cette copie est prise sur celles des lettres qui n'avaient pas été ouvertes par les personnes qui s'en sont saisies et les ont transmises ici. Le 11 Octobre 1812.

№ 3. „Препровождаю Вашему Величеству работу, выполненную г-номъ Бюйсомъ по разбору голландскихъ писемъ. Этимъ заканчивается первая посылка. Нѣтъ никакихъ основаній къ тому, чтобы Ваше Величество немедленно посвятили Ваше вниманіе этимъ письмамъ. Вотъ довольно любопытная записочка, оказавшаяся въ числѣ только-что перехваченныхъ писемъ; она находилась въ письмѣ нѣкоего г-на Ятака къ г-ну Колинкампу, начальнику Императорской почты въ Толочинѣ".

„Его Величество въ добромъ здоровьѣ; пользовался всегда превосходнымъ здоровьемъ; полученъ приказъ—быть ежеминутно наготовѣ отправиться; часть экипажей Его Величества уже отправилась по Калужской дорогѣ". „Ждутъ возвращенія курьера, отправленнаго въ С.-Петербургъ съ мирными предложеніями; если они откажутъ, то придется очистить Москву и уничтожить всѣ запасы муки, вина, фуража и прочіе, которые нельзя будетъ увезти съ собой, дабы не оставить никакихъ рессурсовъ остающимся тамъ жителямъ. Армейскому корпусу раздаютъ водку на три мѣсяца и придется раздать муку всѣмъ, у кого найдутся транспортныя средства. Войско страшно изнурено и желаетъ мира, а между тѣмъ придется выдержать еще бой, прежде чѣмъ занять Калугу, ибо мы туда еще не вошли и думаютъ, что бой этотъ будетъ очень сильнымъ, потому что Его Величество производилъ смотръ всей своей гвардіи и повидимому ей придется принять этотъ бой; впрочемъ, она не должна быть утомлена, потому что ни разу еще не сражалась. Одни только стрѣлки участвовали въ дѣлѣ 7-го числа. Прочтите и немедленно сожгите". Къ сей запискѣ, которую я переписалъ, прилагаю цѣлый рядъ паролей и лозунговъ; можетъ быть *полезно будетъ* знать ихъ. Сей

печатный листокъ, безъ препроводительнаго письма, былъ въ конвертѣ, адресованномъ маршалу герцогу де-Беллюнъ въ Смоленскѣ.

Въ настоящее время занимаются составленіемъ выписокъ изъ всей переписки, и работа подвигается. Если Ваше Величество найдете нужнымъ пріобщить туда же и копіи съ 7 писемъ Наполеона, переданныхъ Вамъ мною вчера, то благоволите возвратить мнѣ оныя.

Je transmets à Votre Majesté le travail qu'a fait Monsieur de Buyo sur les lettres Hollandaises, cela complette le premier envoy. Rien n'invite Votre Majesté à donner à ces lettres une prompte attention, voici, Sire, un petit billet assez remarquable qui se trouve dans la correspondance nouvellement saisie, il était enfermé dans une lettre d'un Monsieur Jataka à Monsieur Colincamf, Directeur de l'Estafette de l'Empereur à Tolotzyn.

„Sa Majesté se porte fort bien, a toujours été d'une excellente santé; on a ordre de se tenir prêt à partir au 1-er moment; une partie des équipages de S. M. est déjàpartie sur la route de Kalouga".

„On attend le retour d'un courier qui a été expédié à Pétersbourg au sujet de la Paix, pour la proposer. s'ils refusent on doit évacuer Moscou et détruire toutes les provisions en farines, vins, fourages et autres que l'on ne pourra pas emporter, afin de ne laisser aucune ressource aux habitants qui resteront; l'on distribue au corps d'armée de l'eau de vie pour trois mois, l'on doit, donner de la farine à tous ceux qui auront moyens de transport. Le militaire est furieusement fatigué, désire la paix fortement, cependant il doit y avoir encore une affaire avant d'entrer à Calouga car nous n'y sommes pas et l'on présume qu'elle sera très forte, car S. M. a passé toute sa garde en revûe et il parait même, qu'elle sera forcée de donner au reste elle ne doit pas être fatiguée car elle n'a pas encore donné une seule fois, il n'y a que les carabiniers qui ont donnés à l'affaire du 7. *Lisez et brûlez de suite*".

A ce billet, Sire, que j'ai transcris, j'ajoute une série de mots d'ordre et de ralliement, peut être est il important de les connaitre; cet imprimé sans lettre d'accompagnement était sous une enveloppe à l'adresse du Maréchal Duc de Bellune à Smolensk.

L'on travaille, Sire, à l'extrait de toute la correspondance et l'ouvrage avance. Si Votre Majesté juge qu'il faut que la copie des 7 lettres de l'Empereur Napoléon que je lui ai transmis hier en fassent partie je La supplie de me les restituer. Le 12 Octobre 1812.

Письмо шталмейстера Наполеона, графа Оденарда, къ кригсъ-комиссару:

№ 4. „Г-ну Ліантей, кригсъ-комиссару.

Мы выступили изъ Москвы 18-го съ цѣлью нападенія на позицію при Малоярославцѣ для того, чтобы замаскировать наше отступательное движеніе на Смоленскъ, движеніе, являющееся жизненною необходимостью".

à M-r Lyantay Commissaire ordonnateur.

De Moscou nous sommes partis le 18 pr aller attaquer la position de Maloiaroslavetz afin de masquer notre mouvement de retraite sur Smolensk, mouvement qui est nécessaire pour vivre.

То же самое говоритъ и маршалъ Дюрокъ въ письмѣ отъ 10-го ноября къ Шампаньи.

„№ 5. Я получилъ письмо Вашего Превосходительства отъ 24-го октября, въ которомъ вы сообщаете подробности событія, происшедшаго наканунѣ того дня въ Парижѣ. Сіи подробности были очень любопытны. Я сдѣлалъ изъ нихъ употребленіе, которое Ваше Превосходительство можете легко представить себѣ.

Громадное разстояніе, отдѣлявшее Его Величество во время пребыванія его въ Москвѣ отъ различныхъ корпусовъ арміи и отъ Имперіи, навело его на мысль о переходѣ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и о приближеніи къ Литвѣ. А потому армія, передъ выступленіемъ на Смоленскую дорогу, пошла на непріятеля, бывшаго на Калужской дорогѣ, въ Калугу и, овладѣвъ его позиціями и разбивъ его самого, двинулась по намѣченной заранѣе дорогѣ.

Императоръ прибылъ вчера въ Смоленскъ. Его Величество совершенно здоровъ; часть арміи прибыла уже туда, а остальная идетъ. Погода, бывшая вначалѣ довольно хорошею, благопріятствовала движенію, но за послѣдніе дни она испортилась; морозы и снѣгъ испортили дороги. Армія нашла въ Смоленскѣ большое количество запасовъ и приближается къ странѣ, которая доставитъ ей таковыхъ въ изобиліи. Ожидаются событія въ корпусахъ слѣва, состоящихъ подъ начальствомъ маршаловъ: герцога Реджіо и Беллюнъ. На правомъ же флангѣ кн. Шварценбергу, получившему подкрѣпленіе, пришлось отразить непріятельскій корпусъ, приблизившійся къ Бугу".

Lettre de Duroc à Champagny le 10 Nov-re.

J'ai reçu la lettre que V. E. m'a fait l'honneur de m'écrire le 24 Octobre par laquelle elle veut bien me donner des détails sur l'évènement arrivé la veille à Paris. Ces détails étaient fort intéressants, j'en ai fait l'usage que V. E. s'imaginera facilement.

Le grand éloignement auquel S. M. était à Moscou, se trouvait des différents corps de son armée et de Son Empire lui a fait penser à reprendre l'offensive et à se rapprocher de la Lithouanie. En conséquence, l'armée avant de prendre la route de Smolensk s'est portée contre l'ennemi sur celle de Kalouga et après lui avoir enlevé ses positions et l'avoir battu, elle a pris la route projetée.

L'Emp-r est arrivé hier à Smolensk. S. M. jouit d'une parfaite santé, une partie de l'armé y est arrivée, l'autre y arrive. Le tems qui a d'abord été fort beau a beaucoup favorisé la marche, mais dans les derniers jours il s'est gâté: il y a eu de la gélée et de la neige qui ont rendu les routes difficiles. L'armée trouva à Smolensk beaucoup de ressources et elle se rapproche d'un pays qui lui en fournira abondamment. On s'attend à des évènements aux corps de Gauche commandés par les maréchaux Ducs de Reggio et de Bellune. Sur la droite, le P-ce Schwarzenberg qui a reçu des renforts, a dû repousser le corps ennemi qui s'était avancé sur le Bug.

Мнѣніе Дюрока (gerard Christophe-Michel-Duroc) [1]), какъ одного изъ ближайшихъ друзей Наполеона, безъ сомнѣнія, имѣетъ большое значеніе. Онъ всюду сопровождалъ Наполеона; участвовалъ въ качествѣ адъютанта генерала Бонапарте въ итальянскомъ и египетскомъ походахъ. Послѣ 18 брюмера исполнялъ различныя дипломатическія порученія. Въ сраженіи при Аустерлицѣ командовалъ дивизіей гренадеръ. Убитъ ядромъ у Вуршена (1813), на другой день послѣ бауценскаго сраженія.

Часть арміи Наполеона выступила изъ Москвы еще 18/6 октября, въ день тарутинскаго боя, по направленію въ Калугѣ; кадры линейныхъ и легкихъ полковъ, согласно предписанію герцога Невшательскаго отъ $\frac{\text{11 октября}}{\text{29 сентября}}$ были направлены прямо на Майнцъ и 6-й армейскій корпусъ, укомплектованный баварскими войсками, 17/5 октября выступилъ въ Вильну. Главная квартира покинула Москву 19/7 октября, а вслѣдъ за ней вышелъ съ молодой гвардіей и генералъ Мортье [2]), бывшій губернаторъ Москвы, взорвавъ часть Кремля.

Слѣдующіе документы рисуютъ картину „Бѣлокаменной“, по оставленіи ея французами.

Инспекторъ артиллеріи пишетъ главному секретарю военнаго депо Лепину въ Данцигъ:

№ 6. „Передъ выѣздомъ изъ Москвы я распорядился уничтожить имѣвшіеся тамъ порохъ и селитру, а послѣ нашего выступленія, во время эвакуаціи Кремля, приказано было взорвать большой складъ при арсеналѣ, гдѣ собраны были порохъ и патроны, оказавшіеся въ различныхъ складахъ внѣ крѣпости“.

Le 1-er Inspecteur de l'Artillerie au G-al Lepin à Dantzig.

Avant de quitter Moscou j'ai fait détruire la poudre et le salpêtre qui s'y trouvaient et après notre départ lors de l'évacuation du Kremlin on a fait sauter le g-d magasin de l'arsénal où l'on avait ressemblé les poudres et cartouches trouvés dans divers magasins extérieurs de la place.

---

[1]) Герцогъ Фріульскій, великій маршалъ Наполеона I (1772—1813).

[2]) Мортье, Эдуардъ-Адольфъ-Казимиръ-Жозефъ (1768—1835), маршалъ и пэръ Франціи, герцогъ Тревизскій. Во время похода въ Россію стоялъ во главѣ молодой гвардіи; по занятіи Москвы былъ назначенъ ея губернаторомъ, а при оставленіи взорвалъ, по приказанію Наполеона, часть Кремля; во время отступленія войска его участвовали только въ сраженіи подъ Краснымъ. Въ 1813 году былъ въ сраженіяхъ при Люценѣ, Ваученѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Гонау; при Фершампенгаузенѣ (1814) разбитъ союзными войсками; защищалъ Парижъ и послѣ его сдачи принялъ сторону Бурбоновъ. Въ 1832 году назначенъ военнымъ министромъ, а въ 1835 г. во время парада убитъ адской машиной, предназначавшейся для короля Людовика-Филиппа и принцевъ. *Н. З.*

Вотъ лаконическое сообщеніе г. Жирарде своей супругѣ о томъ же:

№ 7. „Не имѣя возможности оставаться долѣе въ Москвѣ, за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, мы взорвали все остальное и даже царскій дворецъ".

Mr. Girardet à sa femme.

Ne pouvant plus rester à Moscou par défaut de vivres, nous avons fait sauter tout le reste, même le palais des Czars.

Вотъ болѣе обстоятельная жалоба на обстоятельства состоящаго при топографическомъ отдѣлѣ г-на Теріота:

№ 8. „Г-ну Лепину, главному секретарю военнаго депо.

Существуютъ весьма важныя причины, которыя заставили насъ перейти въ отступленіе; я могъ бы ихъ легко объяснить, но о которыхъ вынужденъ помалкивать. Не скрою отъ васъ, однако, несчастья, случившагося въ нашемъ топографическомъ отдѣлѣ. Всѣ экипажи этого отдѣла, не исключая и моего крытаго шарабана, запряженнаго тремя лошадьми, вмѣстѣ съ моимъ полякомъ кучеромъ, а равно и повозокъ нашихъ, чертежниковъ со всѣмъ ихъ имуществомъ, достались казакамъ въ числѣ громаднаго обоза, захваченнаго ими на разстояніи одной мили отъ Императорской главной квартиры... Сія пріятная оказія произошла по пути отъ Боровска къ Малоярославцу; что касается до меня, то я лишился большей части своихъ пожитковъ. Главная квартира выступила изъ Москвы 19-го числа прошлаго мѣсяца. Молодая гвардія ушла двумя днями позже, предварительно взорвавъ Кремль, разрушивъ всѣ правительственныя учрежденія и предавъ огню всѣ зданія, которыя уцѣлѣли послѣ пожара, устроеннаго русскими".

M-r Thériotte attaché au Bureau Topographique à M-r Lepine Secrt-e G-al du Depôt de la Guerre.

Il y a eu des raisons majeures de notre marche rétrograde que je puis aisément expliquer et sur lesquelles je suis obligé de rester bouche close. Je ne vous tairai pourtant pas le malheur arrivé à notre Service Topographique Tous les équipages de ce service, sans en excepter mon charaban couvert, attelé de trois bons chevaux et conduit par mon domestique polonais, ainsi que l'equipage de nos dessinateurs chargé de tous leurs effets ont été pris par les Cosaques au milieu d'un convoi considérable et à une lieu du quartier Imp-l. Cette belle equipée à eu lieu entre Borovsk et Maloiaroslavetz, pour mon compte je me trouve dépourvu d'une grande partie de mes effets. Le Quartier G-al a évacué Moscou le 19 du mois dernier. La jeune garde n'eut à quitter que deux jours plus tard après avoir fait sauter le Kreml, détruit tous les établissements du Gouvernement et brulé ce qui restait des habitations échappées à l'incendie russe.

И вотъ, наконецъ, полная картина развалинъ Москвы, начерченная въ нѣсколькихъ словахъ казначеемъ арміи Пюйрюсселемъ:

№ 9. „Г-ну Леру, биржевому маклеру въ Парижѣ.

Вы читали въ газетахъ, что мы ушли изъ Москвы 19/7-го октября. Она представляла сплошную груду дымящихся развалинъ. Передъ выступленіемъ взорвали царскій дворецъ и подожгли всѣ зданія, уцѣлѣвшія послѣ пожара. Мы практикуемъ по отношенію къ этимъ варварамъ справедливое возмездіе".

M-r Payrussel payeur de l'armée à M-r le Roux agent de change à Paris.

Vous avez vu par les jouraux que nous avons quitté Moscou le 19 Octobre. Ce n'était plus qu'un amas de ruines fumantes. En quittant on a fait sauter le Chateau Imp-l et mis le feu aux édifices que les flammes avaient respectés. Nous usons avec ces barbares de justes represailles.

Всѣ эти лица играли весьма важную роль во время нашей отечественной войны.

Вертье, Александръ,—князь и герцогъ Невшательскій, князь Ваграмскій (1767—1815). Молодымъ офицеромъ сражался подъ начальствомъ Лафайета за независимость американскихъ англійскихъ колоній. Во время итальянскаго похода сблизился съ Наполеономъ; въ 1798 году сдѣланъ главнокомандующимъ въ Италіи, 13-го ноября вступилъ въ Римъ и провозгласилъ тамъ республику. Египетскую экспедицію совершилъ въ званіи начальника штаба; принималъ выдающееся участіе въ переходѣ черезъ Санъ-Готардъ. При провозглашеніи Наполеона императоромъ возведенъ въ маршалы; въ 1807 году назначенъ владѣтелемъ отнятаго у Пруссіи княжества Невшательскаго и возведенъ въ достоинство вице-констабеля Франціи и Имперскаго принца. Въ продолженіи войнъ 1812—14 гг. исправлялъ прежнюю должность начальника штаба при Наполеонѣ. По низложеніи Наполеона присягнулъ Вурбонамъ, а когда тотъ возвратился съ острова Эльбы, онъ, не зная на что рѣшиться, уѣхалъ къ своему тестю, въ Вамбергъ, гдѣ впалъ въ умопомѣшательство, и 1 іюня 1815 года, встревоженный проходомъ русскихъ войскъ черезъ городъ, бросился съ балкона и убился.

Маршалъ Гувіонъ-Сенъ-Сиръ (1764—1830) въ юношествѣ занимался живописью и давалъ въ Парижѣ уроки рисованія; но революція вызвала его на военное поприще. Въ 1792 году, въ чинѣ капитана національной гвардіи, онъ оставилъ Парижъ, а въ 1794—уже въ званіи дивизіоннаго генерала,—распоряжался приступомъ при осадѣ Манпуи и въ 1796—участвовалъ въ знаменитомъ 40 дневномъ отступленіи Моро вверхъ по Дунаю, черезъ Шварцвальдскіе проходы къ Рейну. Въ 1798 году смѣнилъ въ Римѣ генерала Массену, армія котораго взбунтовалась и прогнала своего главнокомандующаго; въ 1804—былъ посломъ при Мадридскомъ дворѣ; въ 1808—командовалъ 7 армейскимъ корпусомъ въ Испаніи, а при выступленіи въ 1812 году въ походъ въ Россію принялъ 6 корпусъ, состоявшій изъ баварскихъ войскъ; съ успѣхомъ сражался 5 и 6 августа при Полоцкѣ, а послѣ того какъ былъ раненъ маршалъ Удино, принялъ командованіе и 2 корпусомъ. За это дѣло онъ получилъ маршальскій жезлъ. Впослѣдствіи былъ военнымъ министромъ во Франціи, гдѣ ввелъ много улучшеній, особенно въ технику наборовъ и формированіе резервовъ. Отличался обширнымъ образованіемъ и былъ хорошимъ стратегомъ.

Вреде, Карлъ-Филиппъ, князь баварскій, фельдмаршалъ (1767—1839). Въ 1812 году командовалъ баварскими войсками въ корпусѣ Сенъ-Сира, а въ 1813—когда политика Мюнхенскаго двора перемѣнилась, онъ, принявъ начальство надъ баварско-австрійской арміей, двинулся съ нею къ Майну, съ цѣлью преградить путь отступленія французамъ; но при Ганау войска его были разбиты, а самъ тяжело раненъ. Въ 1814 году участвовалъ во многихъ сраженіяхъ вмѣстѣ съ союзными войсками противъ французовъ. На Вѣнскомъ конгрессѣ показалъ себя отличнымъ дипломатомъ; съ 1822 года былъ генералиссимусомъ баварскихъ войскъ. *Н. З.*

„№ 10“. Отъ герцога Невшательскаго маршалу Гувіонъ-Сенъ-Сиръ.

Я препроводилъ вамъ, г-нъ маршалъ, предписаніе, чтобы кадры нѣсколькихъ ротъ 4-го или 7-го баталіоновъ II-го легкаго, 26-го легкаго и 37-го линейнаго полковъ отдали въ свои баталіоны всѣхъ имѣющихся въ ихъ распоряженіи свободныхъ людей и чтобы сами они были укомплектованы и готовы къ выступленію во Францію; императоръ желаетъ, чтобы вы теперь же распорядились выступленіемъ кадровъ, назначенныхъ къ отправкѣ во Францію и перечисленныхъ мною въ письмѣ отъ 7-го сего мѣсяца.

Распорядитесь, слѣдовательно, чтобы они собрались въ Глубокомъ для того, чтобы двинуться оттуда одной колонной подъ начальствомъ назначеннаго вами офицера къ Майнцу, слѣдуя по приложенному при семъ маршруту. Извѣстите меня о выступленіи ихъ къ мѣсту назначенія, препроводивъ мнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подробную вѣдомость ихъ личнаго состава, и предупредите обо всемъ этомъ военнаго министра. Москва $\frac{\text{11 октября.}}{\text{29 сентября.}}$

Герцогъ Невштательскій.

Du P-ce de Neuchatel au M-al Gouvion St. Cyr.

Je vous ai adressé des ordres, M-r le Maréchal, pour que les cadres de plusieurs compagnies des 4-e ou 6-e bat-ons des 11-e léger, 26-e léger, 2-e et 37-e Rg-ts de ligne versent dans leurs bataillons tous les hommes qu'ils peuvent avoir de disponibles et pour qu'ils soyent complettés et tenus prêts à partir pr la France. L'intention de l'Empereur est que Vous fassiez dès ce moment, mettre en marche ces cadres que je vous ai désignés dans ma lettre du 7 de ce mois pour se rendre en France.

Faites les en conséquence réunir à Ghlouboukoe pour marcher en une seule Colonne sous le Commandement d'un officier que vous désignerez et se rendre à Mayence en suivant l'itinéraire ci-joint. Instruisez moi de leur départ pour cette destination en m'adressant l'Etat détaillé de leur composition et prévenez en le Ministre de la Guerre. Le P-ce de Neuchatel.

Moscou le 11 Octobre.

Le commandant de cette colonne la fera marcher bien réunie et en bon ordré, il veillera à ce que personne ne s'écarte et ne reste en arrière et maintiendra une exacte discipline en route. Moscou le H. Octobre 1812.

Le P-ce de Neuchatel.

„№ 11. Отъ князя Невшательскаго маршалу Гувіонъ-Сенъ-Сиру. Москва. 17/5 октября 1812 года.

Препровождаю вамъ при семъ, г-нъ маршалъ, письмо, адресованное мною генералу Вреде. Перешлите ему оное, познакомившись предварительно съ его содержаніемъ:

Г-ну генералу Вреде, начальнику 6-го армейскаго корпуса.

Я представилъ Императору письмо, коимъ вы увѣдомляете меня объ отправленіи Его Величествомъ королемъ Баварскимъ подкрѣпленій въ количествѣ 11 тысячъ человѣкъ, выступающихъ изъ Байрейта тремя колоннами 8-го, 14-го и 23-го сего мѣсяца.

Его Величество отнесся одобрительно къ просьбѣ вашей—о разрѣшеніи направить эти войска черезъ Калишъ, Варшаву, Гродно и Вильну, вмѣсто отправленія черезъ Познань, Торнъ, Кенигсбергъ и Ковно; а посему я далъ соотвѣтствующія предписанія г-ну маршалу герцогу де-Кастильоне, французскому посланнику въ Дрезденѣ, генералу командующему въ Глогау, генералу Дютальи въ Варшавѣ и генералу Гогендорпу въ Вильнѣ; прилагаю при семъ копію съ даннаго имъ маршрута. Я предложилъ генералу Гогендорпу увѣдомить васъ о ихъ движеніи, какъ только онъ получитъ о томъ извѣстіе. Очень важно, чтобы колонны эти были подъ начальствомъ хорошихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, дабы онѣ двигались въ порядкѣ и прибыли къ арміи въ хорошемъ состояніи и полномъ комплектѣ.

Императоръ одобрилъ и устройство вами въ Бальверчискахъ, на лѣвомъ берегу Нѣмана, вещевого склада и госпиталя для тѣхъ изъ больныхъ и раненыхъ баварскаго корпуса, выздоровленіе которыхъ оказалось бы медленнымъ.

Я увѣдомляю о семъ генерала Гогендорпа, литовскаго генералъ-губернатора и маршала герцога де-Беллюнъ; кромѣ того я предписываю имъ настоятельнѣйшимъ образомъ снова дать опредѣленныя приказанія привести въ Полоцкъ всѣ отдѣльные и проч. военные отряды баварскихъ войскъ, кои могутъ оказаться или быть задерживаемыми подъ какимъ-либо предлогомъ въ различныхъ пунктахъ подвѣдомственнаго имъ района.

Герцогъ Невшательскій".

Du P-ce Neuchatel au M-al Gouvion de S-d Cyr. Moscou le 17 Octobre 1812.

Je Vous envoye, M-r le Maréchal, la lettre que j'adresse à M-r le G-al de Wrede remettez la lui après en avoir pris connaissance.

A M-r le G-al Wrede commandant le 6-e Corps d'Armée. J'ai mis sous les yeux de l'Empereur la lettre par laquelle vous m'annoncez que S. M. le Roi

de Bavière envoye un renfort de 11 mille hommes partant de Bayreuth en trois colonnes les 8, 14 et 20 de ce mois.

S. M. a approuvé la demande que vous avez faite de diriger ces troupes par Kalisch, Varsovie, Grodno et Vilna, au lieu de leur faire suivre la route de Posen, Thorn, Koenigsberg et Kowno je donne des ordres en conséquence á M-r le M-l Duc de Catiglione, au Ministre de France à Dresde, au G-l commandant à Glogau, au G-al Dutaillis à Varsovie et au G-al Hogendorp à Vilna, je joins ici une copie de l'Itinéraire qu'elles suivront, j'ai recommandé au G-al Hogendorp de vous instruire de leur marche aussitôt qu'il en aura connaissance. Il est bien important que ces colonnes soyent conduites par de bons officiers et sous-officiers, afin qu'elles marchent en bon ordre et qu'elles arrivent bien entières et en bon état à l'armée.

L'Empereur a approuvé aussi l'établissement que vous fermez à Balwierzisky sur la rive gauche du Niemen, d'un dépôt d'habillement et d'un hopital pour les malades et blessés du corps Bavarois susceptibles d'une convalescence de longue durée. J'en previens le G-al Hogendorp Gouv-r G-al de la Lithouanie et M-r le M-al Duc de-Bellune; je leur prescris en même tems, de la manière la plus expresse, de donner de nouveau des ordres très précis pour faire rejoindre à Polotsk tous les détachements militaires isolés etc, de troupes Bavaroises, qui peuvent se trouver ou avoir été retenus sous quelque prétexte que ce soit sur les différens points de leur commandement. Le P-ce de Neuchatel.

II.

Документы, относящіеся къ дѣлу подъ Малоярославцемъ 12—14 октября 1812 года.

Бюллетень великой арміи, составленный въ Вереѣ 27/15 октября 1812 года, трактуетъ о сраженіи подъ Малоярославцемъ. Весьма любопытно видѣть оцѣнку этого дѣла со стороны самихъ французовъ, которые несомнѣнно рисуютъ обстоятельства дѣла въ весьма розовомъ цвѣтѣ. Дѣйствительно, здѣсь происходило жестокое кровопролитное сраженіе, и всѣ историки отдаютъ должную дань напрягшему послѣднія усилія мужеству французовъ. Съ обѣихъ сторонъ было выставлено значительное количество войскъ. Городъ 8 разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и въ концѣ концовъ былъ уступленъ французамъ. Прилагаемый документъ особенно подчеркиваетъ отличное дѣйствіе вице-короля и 4 армейскаго корпуса. Но съ неменьшимъ мужествомъ боролась итальянская дивизія Пино, первый разъ во всю кампанію пущенная въ дѣло; была пущена въ дѣло и королевская гвардія, которую русскіе офицеры называли „парижскими франтами" (Muscadins de Paris).

Характерно упоминаніе о томъ, что на полѣ битвы изъ 1.400 человѣкъ русскихъ найдено было 1.100 рекрутъ, одѣтыхъ въ сѣрыя куртки, служившихъ не болѣе 2 мѣсяцевъ, откуда сдѣлано весьма

любопытное и довольно правильное заключеніе, что въ русской пѣхотѣ только первый рядъ состоитъ изъ солдатъ, а второй и третій— уже изъ рекрутъ и ополченцевъ.

Главные герои сраженія подъ Малоярославцемъ, упоминаемые въ бюллетенѣ, были слѣдующіе:

Богарне, Евгеній (извѣстный подъ именемъ „вице-короля"), до 1814 года вице-король итальянскій, потомъ герцогъ Лейхтенбергскій и принцъ Эйхштадтскій (1781—1824). Сынъ императрицы Жозефины отъ перваго брака съ виконтомъ Александромъ Богарне; пасынокъ Наполеона, котораго сопровождалъ съ 1796 года въ итальянскомъ походѣ и въ походѣ въ Египетъ. Когда Наполеонъ провозглашенъ былъ императоромъ, сдѣланъ государственнымъ канцлеромъ и принцемъ Французской имперіи, а съ образованіемъ Итальянскаго королевства назначенъ вице-королемъ. Въ 1812 году командовалъ 4 корпусомъ „большой арміи": сражался при Островнѣ, Смоленскѣ, Бородинѣ, Малоярославцѣ, Вязьмѣ и Красномъ. По отъѣздѣ Наполеона принялъ начальство надъ остатками арміи, которую и отвелъ въ Магдебургъ. Послѣ Люцена оборонялъ Италію отъ австрійцевъ, гдѣ своимъ мужествомъ заслужилъ общее удивленіе, и только измѣна Мюрата помѣшала ему одержать рѣшительный перевѣсъ надъ противникомъ. Послѣ реставраціи получилъ отъ своего тестя, баварскаго короля, герцогства Лейхтенбергское и Эйхштадтское и съ тѣхъ поръ уже не принималъ никакого участія въ политическихъ дѣлахъ.

Даву (Davoust), Людовикъ-Николай, маршалъ Франціи, кн. Экмюльскій (1770—1823); изъ всѣхъ маршаловъ Наполеона отличался особой суровостью, доходившей до жестокости; учился вмѣстѣ съ Наполеономъ въ Бріенской школѣ. Служилъ въ сѣверной арміи Дюмурье, въ чинѣ бригаднаго командира; участвовалъ въ походахъ 1793—95 гг., въ чинѣ бригаднаго генерала, въ мозельской и рейнской арміяхъ; въ египетской экспедиціи Бонапарте много содѣйствовалъ абукирской побѣдѣ. Въ званіи маршала Франціи, принималъ участіе въ походѣ 1805 года, въ ульмской операціи, въ сраженіи при Аустерлицѣ; 1806 г., съ корпусомъ въ 26 т., одержалъ полную побѣду надъ арміей (50—60 т.) герцога Брауншвейгскаго при Ауэрштедтѣ, за которую награжденъ титуломъ герцога Ауэрштедтскаго, а 1809 г., за экмюльскую побѣду—князя Экмюльскаго, и болѣе всѣхъ содѣйствовалъ ваграмской побѣдѣ. 1812 г. отбилъ при Салтановкѣ нападеніе корпуса Раевскаго, но не успѣлъ помѣшать соединенію арміи Багратіона съ арміей Барклая-де-Толли подъ Смоленскомъ и былъ раненъ въ бородинскомъ сраженіи. Въ войну 1813 года командовалъ французскими войсками на нижней Эльбѣ. Послѣ Лейпцигской битвы заперся въ Гамбургѣ, гдѣ блистательно выдержалъ осаду и сдалъ Гамбургъ лишь послѣ низложенія Наполеона. Во время реставраціи находился не у дѣлъ. По возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы былъ военнымъ министромъ, командовалъ войсками подъ Парижемъ, который сдалъ союзникамъ послѣ Ватерлоо (3 іюля 1815 г.). 1818 г. получилъ доступъ ко двору Людовика XVIII, а 1819 возведенъ въ достоинство пэра Франціи.

Графъ Пино, Доминикъ (1760—1826), австрійскій фельдмаршалъ-лейтенантъ. Съ 1797 года командовалъ полкомъ французскихъ гренадеровъ.

Былъ уличенъ въ участіи въ заговорѣ для освобожденія Италіи отъ австрійцевъ и отъ власти директоріи, вслѣдствіе чего былъ долженъ бѣжать, но потомъ снова поступилъ рядовымъ подъ начальство генерала Монье. Въ 1801—02 гг. служилъ въ Тосканѣ, подъ начальствомъ Міоллиса. Въ 1804 году назначенъ итальянскимъ военнымъ министромъ. а черезъ годъ командиромъ итальянской дивизіи, съ которой участвовалъ во всѣхъ Наполеоновскихъ войнахъ. Съ особымъ мужествомъ сражался подъ Малоярославцемъ; въ 1813 году отличился подъ начальствомъ вице-короля Евгенія при Адельсбергѣ, Фіумѣ и у Болоньи. Когда въ 1814 года Миланскій сенатъ хотѣлъ просить союзныхъ монарховъ сдѣлать Евгенія ихъ королемъ, Пино, въ то время начальникъ Миланскаго гарнизона, протестовалъ противъ этого намѣренія. Послѣ того участвовалъ въ возстаніи 20 апрѣля, былъ членомъ временнаго правительства и главнокомандующимъ арміею, а по водвореніи австрійцевъ, уволенъ въ отставку съ чиномъ фельдмаршалъ-лейтенанта.

Раппъ (Жанъ, графъ Варр), дивизіонный генералъ и 1-й адъютантъ Наполеона (1772—1821). Участвовалъ почти во всѣхъ революціонныхъ и Наполеоновскихъ войнахъ. Съ 1807 по 1809 годъ былъ губернаторомъ Данцига. Въ сраженіи при Асипернѣ (1809) отличился какъ руководитель атаки въ штыки. На парадѣ въ Шенбургѣ (23 октября) арестовалъ извѣстнаго Штабса, намѣревавшагося убить Наполеона. Во время бородинской битвы, когда былъ раненъ генералъ Компанъ, принялъ его дивизію и самъ получилъ четыре раны. При Малоярославцѣ сражался во главѣ коннаго конвоя, отразившаго внезапную атаку казаковъ. Въ 1813 году храбро защищалъ Данцигъ. При вторичномъ появленіи во Франціи Наполеона (1815) ему было поручено начальство надъ 1-ю арміею, предназначенной для дѣйствія противъ Наполеона; сдавъ ему свою армію, командовалъ рейнскою арміею, но былъ оттѣсненъ австрійцами къ Страсбургу и, заключивъ здѣсь перемиріе, склонился на сторону Людовика XVIII. Въ войскахъ это возбудило неудовольствіе, обратившееся въ открытый мятежъ: солдаты арестовали Раппа, отрѣшили офицеровъ, принудили гражданъ выплатить имъ деньги и разошлись по домамъ. Раппъ удалился въ свою деревню, въ Швейцарію, но въ 1817 году снова прибылъ въ Парижъ, былъ благосклонно принятъ королемъ, вступилъ опять на службу и пожалованъ перомъ и оберъ-гофмаршаломъ Франціи. *Н. З.*

№ 1. „29-й бюллетень великой арміи. Верея, 27—15 октября 1812 года.

$\frac{\text{22-го}}{10}$ числа князь Понятовскій [1]), двинулся къ Вереѣ. 23-го

---

[1]) Кн. Іосифъ-Антонъ Понятовскій (1762—1813) въ 1894 году сражался противъ русскихъ подъ начальствомъ Косцюшки. Въ первый періодъ Наполеоновскихъ войнъ занялся организаціей вооруженныхъ силъ Польши, число которыхъ довелъ до 10 тысячъ. Изъ нихъ около одной трети въ 1812 году вошли въ составъ 6 корпуса и подъ его начальствомъ приняли участіе въ сраженіяхъ при Смоленскѣ, Бородинѣ и Вязьмѣ. Въ 1813 году за Лейпцигское дѣло получилъ отъ Наполеона маршальскій жезлъ. 7 ноября

армія собиралась уже послѣдовать за нимъ, какъ вдругъ послѣ полудня получено было извѣстіе о томъ, что непріятель оставилъ свой укрѣпленный лагерь и направился къ городку Малоярославцу. Сочтено было необходимымъ двинуться на него, чтобы вытѣснить его оттуда.

Вице-король получилъ приказаніе отправиться туда. Дивизія Дельзони прибыла $\frac{23\text{-го}}{11}$,въ 6 часовъ вечера, на лѣвый берегъ, овладѣла мостомъ и приняла мѣры къ возстановленію онаго. Въ ночь съ 23/11-го на 24/12-е двѣ русскихъ дивизіи вступили въ городъ и заняли очень удобныя высоты на правомъ берегу.

24/12-го на разсвѣтѣ завязался бой. Къ этому времени явилась вся непріятельская армія и заняла позицію за городомъ. Дивизіи Дельзони, Брусье (Broussier), Пино и итальянская гвардія вступали въ бой поочередно. Сраженіе это дѣлаетъ величайшую честь вице-королю и 4-му армейскому корпусу. Непріятель двинулъ въ бой двѣ трети своей арміи для того, чтобы удержать позицію. Но вотще. Какъ городъ, такъ и высоты были взяты. Отступленіе непріятеля было столь поспѣшнымъ, что онъ былъ вынужденъ побросать въ рѣку двадцать штукъ орудій. Подъ вечеръ маршалъ принцъ Экмюльскій выступилъ со своимъ корпусомъ, и вся армія расположилась въ боевомъ порядкѣ, вмѣстѣ со своей артиллеріей, 25-го числа, на той самой позиціи, которую непріятель занималъ наканунѣ.

Императоръ перенесъ свою главную квартиру 24/12-го числа въ 7 часовъ вечера въ деревню Городню. 6.000 казаковъ, пробравшихся въ лѣсъ, атаковали съ крикомъ ура тылъ позиціи и овладѣли 6 орудіями, стоявшими паркомъ. Герцогъ Истрійскій [1]) помчался туда галопомъ со всею конною гвардіею. Вся эта орда была изрублена, отброшена и опрокинута въ рѣку. Отъ нея отняли захваченную ею артиллерію и нѣсколько штукъ собственныхъ ея по-

---

Наполеонъ поручилъ Понятовскому оборону южнаго предмѣстья Лейпцига для прикрытія отступленія арміи. Удерживая свою позицію до послѣдней крайности, онъ сталъ отступать только тогда, когда союзныя войска ворвались въ городъ; въ эту минуту послѣдовалъ преждевременный взрывъ моста черезъ Эльстеръ. Тяжело раненый Понятовскій бросился въ рѣку, чтобы переплыть ее, но это дѣло, однако, ему не удалось, и онъ утонулъ въ волнахъ крутобережнаго Эльстера.

[1]) Бесьеръ, Жанъ-Батистъ, герцогъ Истрійскій (1768—1813); во время похода въ Россію командовалъ гвардіею и сильнымъ кавалерійскимъ корпусомъ; при отступленіи обнаружилъ замѣчательное хладнокровіе и осмотрительность; при началѣ кампаніи 1813 г. былъ главнокомандующимъ всей французской арміи; убитъ 1 мая 1813 года во время сраженія подъ Рипахомъ въ то время, какъ онъ направлялъ своихъ стрѣлковъ противъ русскихъ войскъ Винценгероде. *Н. З.*

возокъ. 600 человѣкъ этихъ казаковъ были убиты, ранены, а трое взяты въ плѣнъ. 30 человѣкъ гвардейцевъ были ранены, а трое убиты. У дивизіоннаго генерала графа Рапша была убита бывшая подъ нимъ лошадь. Мужество, доказанное столь много разъ этимъ генераломъ, проявляется при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ началѣ атаки казацкіе офицеры, узнавшіе гвардію, называли ее „парижскими франтами" (Muscadins de Paris). Драгунскій маіоръ Лёторъ отличился. Къ 8 часамъ порядокъ былъ возстановленъ.

Императоръ отправился въ Малоярославецъ, произвелъ рекогносцировку позиціи непріятеля и назначилъ атаку на слѣдующій день; однако, ночью непріятель отступилъ. Маршалъ принцъ Экмюльскій преслѣдовалъ его на протяженіи 6 миль. Императоръ не препятствовалъ ему и приказалъ двинуться на Верею.

26/14-го главная квартира находилась въ Боровскѣ, а 27/15-го въ Вереѣ. Принцъ Экмюльскій находится сегодня вечеромъ въ Боровскѣ. Маршалъ герцогъ Эльхингенъ [1]) въ Можайскѣ. Погода превосходная, дороги въ наилучшемъ состояніи; теперь конецъ осени. Такая погода продержится еще въ теченіе недѣли, а къ этому времени мы будемъ уже на своихъ новыхъ позиціяхъ. Въ бою подъ Малоярославцемъ отличалась итальянская гвардія. Она овладѣла позиціею и удержалась на ней. Генералъ баронъ Дельзони, заслуженный офицеръ, былъ убитъ тремя пулями. Наши потери составляютъ 1.500 человѣкъ убитыми или ранеными. Непріятель же потерялъ отъ 6 до 7 тысячъ человѣкъ. На полѣ битвы оказались 1.400 человѣкъ русскихъ, въ числѣ коихъ было 1.100 человѣкъ рекрутовъ, одѣтыхъ въ сѣрыя куртки и проч., служившихъ врядъ ли болѣе двухъ мѣсяцевъ. Старинная русская пѣхота уничтожена. Русская армія держится только сильными подкрѣпленіями изъ казачьихъ войскъ, только-что прибывшихъ съ Дона. Свѣдущіе люди увѣряютъ, что въ русской пѣхотѣ только первый рядъ состоитъ изъ солдатъ, второй же и третій ряды—изъ рекрутовъ и ополченцевъ, записанныхъ въ полки вопреки данному имъ обѣщанію. Русскіе потеряли убитыми трехъ генераловъ. Генералъ графъ Пино легко раненъ".

27-me Bulletin de la Grande Armée.

Vereia, le 27 octobre. 1812.

Le 22, le Prince Poniatovsky se porta sur Vereia. Le 23, l'armée allait suivre ce mouvement lorsque dans l'après midi, on apprit que l'ennemi avait quitté son camps retranché et se portait sur la petite ville de Maloiaroslavets On jugea nécessaire de marcher à lui pour l'en chasser.

Le Vice-Roi reçut l'ordre de s'y porter. La devision Delzoni arriva le 23,

---

[1]) Ней, Мишель, герцогъ Эльхингенскій, князь Московскій (1769—1815), въ 1812 году командовалъ 3-мъ корпусомъ. *Н. З.*

à 6 heures du soir sur la rive gauche; s'empara du pont et le fis rétablir. Dans la nuit de 23 au 24, deux divisions russes arrivèrent dans la ville et s'emparèrent des hauteurs sur la rive droite, qui sont extrêmement favorables.

Le 24, à la pointe des jour, le combat s'engagea. Pendant ce tems l'armée ennemie parut toute entière, et vint prendre position derrière la ville. Les divisions Delzoni, Broussier et Pino et la garde italienne furent successivement engagiés. Ce combat fait le plus grand honneur au Vice-Roi et au 4-me corps d'armée. L'ennemi engagea les $^2/_3$ de son armée pour soutenir la position. Ce fut en vain. La ville fut enlevée ainsi que les hauteurs. La retraite de l'ennemi fut si précipitée qu'il fut obligé de jeter vingt pièces de Canon dans la rivière.

Vers le soir le M-al Prince d'Eckmühl déboucha avec son corps et toute l'armée se trouva en bataille avec son artillerie le 25 sur la position que l'ennemi occupait la veille.

L'Empereur porta son quartier g-al le 24 au village de Ghorodnia. A 7 heures du matin, 6000 cosaques qui s'etaient glissés dans les bois firent un houra général sur les derriéres de la position, et enlevèrent six pièces de Canon qui étaient parquèes. Le Duc d'Istrie se porta au galop avec toute la garde à cheval. Cette horde fut sabrée, ramenée et jetée dans la rivière. On lui reprit l'artillerie qu'elle avait prise, et plusieurs voitures qui lui appartenaient. Six cents de ces cosaques furent tués, blessés eu pris. Trente hommes de la garde ont été blessés et trois tués. Le G-al de division C-te Rapp a eu un cheval tué sous lui. L'intrépidité dont ce général a donnétant de preuves se montre dans toutes les occasions. Au commencement de la charge, les officiers de cosaques appelaient la garde qu'ils reconnaissaient: *Muscadins de Paris* Le major des dragons Letort s'est fait remarquer. A huit heures l'ordre était rétabli.

L'Empereur se porta à Maloiaroslavetz, reconnut la position de l'ennemi et ordonna l'attaque pour le lendemain; mais dans la nuit l'ennemi a battu en retraite. Le Prince d'Eckmühl l'a poursuivi pendant six lieues. L'Empereur le laissa aller et ordonna le mouvement sur Vereia.

Le 26, le quartier g-al était à Borowsk et le 27 à Vereia. Le Prince d'Eckmühl est ce soir à Borowsk; le m-al Duc d'Elchingen à Mojaïsk. Le temps est superbe; les chemins sont beaux. C'est le reste de l'automne. Ce tems durera encore huit jours et à cette époque nous serons rendus dans nos nouvelles positions.

Dans le combat de Maloiaroslavetz, la garde italienne s'est distinguée. Elle a pris la position et s'y est maintenue. Le général Baron Delzoni officier distingué, a été tué de trois balles. Notre perte est de 1500 hommes tués ou blessés. Celle de l'ennemi est de 6 à 7 mille. On a trouvé sur le champs de bataille 1700 russes parmi lesquels 1100 recrues babillés de vestes grises, ayant à peine deux mois de service. L'ancienne infanterie russe est détruite. L'armée Russe n'a quelque consistance que par les nombreux renforts de cosaques récemment arriveé du Don. Des gens instruits assurent qu'il n'y a dans l'infanterie Russe que le premier rang de coldats et que les 2-d et 3-me rangs sont remplis par des recrues et des milices que, malgré la parole qu'on leur avait donnée, on y a incorporés. Les Russes ont eu trois généraux tués. Le Général Comte Pino a été légérement blessé.

Донесеніе герцога Эмилія Гессенъ-Дармштадтскаго изъ Смоленска и письмо Бильотти тоже упоминаютъ о сраженіи подъ Мало-

ярославцемъ. Въ первомъ также высказано предположеніе, что движеніе на Калугу было только стратегическою демонстраціею. Но главное вниманіе этихъ писемъ сосредоточено на томъ печальномъ положеніи, въ которомъ находилась великая армія на обратномъ пути изъ Москвы.

„№ 2. Донесеніе герцога Эмилія Гессенъ-Дармштадтскаго царствующему герцогу. Смоленскъ 10/29 ноября 1812 года.

19/17-го октября армія отступила изъ Москвы по Калужской дорогѣ, потомъ свернула вправо на Каменское, откуда отправилась снова по Калужской дорогѣ и 24/12-го встрѣтилась съ русскими подъ Малоярославцемъ. Сраженіе, которое тамъ произошло, и которое длилось полтора дня съ величайшимъ ожесточеніемъ, окончилось наконецъ въ пользу нашей арміи, которой удалось заставить непріятеля покинуть почти непреодолимую позицію. Послѣ сего армія отступила въ Боровскъ, можетъ быть потому, что императоръ отказался отъ намѣренія идти въ Калугу, или же потому, что все движеніе это было только стратегическою демонстраціею; потомъ она направилась черезъ Можайскъ опять по Смоленской дорогѣ и послѣдовала по оной, перенося величайшія лишенія и преодолѣвая невѣроятныя трудности. Не знаю еще, проведемъ ли мы здѣсь зиму, или же станемъ зимними квартирами еще далѣе въ тылъ.

30/18-го октября по прибытіи моемъ въ Гжатскъ императоръ приказалъ мнѣ собрать 3 пѣхотныхъ полка Великаго Герцогства въ одну бригаду и принять начальствованіе надъ нею. Она должна войти въ составъ дивизіи Лаборда, изъ молодой гвардіи. Вслѣдствіе этого распоряженія я собралъ сіи полки въ Вязьмѣ и послѣдовалъ за 1-ю дивизіею молодой гвардіи. Трудность этихъ переходовъ была выше всякаго описанія. Солдатамъ приходилось дѣлать невѣроятныя, сверхчеловѣческія усилія; многіе изъ нихъ погибли. Люди, лошади и обозы остались позади въ большомъ количествѣ, и къ величайшему моему сожалѣнію я не знаю, въ состояніи ли будутъ явиться пушки гвардейскаго полка и обозъ главнаго штаба.

Не представилъ моего донесенія раньше за полнымъ отсутствіемъ почты и какихъ бы то ни было способовъ сношеній.

Герцогъ Эмиль Гессенъ-Дармштадтскій, генералъ-маіоръ."

Rapport du Prince Emil de Hesse-Darmstadt au G-d Duc Régnant Smolensk le 10 Novembre 1812.

La 19 Octobre l'armée se retira de Moscou par la route de Kalouga, se porta ensuite à droite sur Kamenskoi et de la poursuivit la route de Kalouga et se trouva en présence des Russes le 24 à Maloiaroslavetz. Le combat qui y eut lieu et qui se prolongea penqant un jour et demie avec le plus grand acharnement se décida à la fin en faveur de notre armée, qui vint à bout de

forcer l'ennemi à quitter une position presque inexpugnable. Soit qu'à la suite de cette affaire l'Empereur eut renoncé au projet d'aller à Kalouga ou soit que tout ce mouvement n'ait été qu'une demonstration stratégique. L'armée se retira à Borowsk, reprit par Mojaisk la route de Smolensk et la suivit ayant à supporter les plus grandes fatigues et les difficultés les plus insurmontables. J'ignore si nous passerons l'hiver ici ou si nos cantonnements seront encore plus en arrière.

Le 30 Octobre à mon arrivée à Gjatsk l'Emp-r m'ordonna de réunir sous mes ordres les 8 rég-ts d'infanterie du G-d Duché en une brigade sous mes ordres. Elle doit faire partie de la D-n de Laborde, des jeunes gardes. En suite de cet ordre je réunis les reg-ts à Wiasma et ai suivi la direction de la 1-e D-on de jeunes gardes. Ces marches étaient d'une difficulté impossible à décrir. Les soldats dûrent employer les plus grands efforts dont les forces humaines soient capables, beaucoup y succombèrent. Les hommes, les chevaux et les bagages restèrent en arrière en g-de quantité et à mon g-d regret j'ignore absolument si les canons du reg-t du corps et les équipages de l'Etat Major pourront arriver.

Je n'ai pas fait mon rapport plutôt, parce que la Poste et tous moyens de Correspondance nous ont absolument manqué.

Le Prince Emil Hesse Gen-l Major.

3 № „Билліотти къ женѣ, изъ Вязьмы 1-го ноября.

Мы выступили изъ Москвы нѣсколько дней тому назадъ, ночью, поспѣшно направляясь по дорогѣ въ Калугу. Пройдя около 30 миль, ежедневно болѣе или менѣе тревожимые казаками, и послѣ небольшого сраженія, въ коемъ начальствовалъ король Неаполитанскій, и которое окончилось съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ можно было ожидать, мы внезапно поворотили назадъ и пошли форсированными маршами, днемъ и ночью, къ Можайску. И вотъ мы добрались до Вязьмы, миляхъ въ 40 отъ Смоленска, куда мы разсчитываемъ двинуться черезъ нѣсколько дней. Мы терпимъ тѣ же невзгоды отъ голода и усталости, что и по пути сюда, съ добавленіемъ сильнаго холода, хотя и при ясной погодѣ, и большей осторожности и нерѣшительности, изъ-за близости непріятельскихъ партизановъ и мародеровъ. Тѣ, у кого нѣтъ достаточно хорошихъ лошадей, чтобы поспѣвать за арміей, вынуждены терять свои пожитки. Многіе изъ моихъ сослуживцевъ (между прочимъ г-нъ де-Флери) лишились всѣхъ своихъ вещей и сами пожгли свои экипажи, когда пришлось побросать ихъ, или же онѣ были уничтожаемы аріергардомъ. Наше шествіе не совсѣмъ походитъ на шествіе побѣдителей; больныхъ везутъ въ экипажахъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ за недостаткомъ транспортныхъ средствъ. Мнѣ досталось везти солдата, страдающаго лихорадкой. Впрочемъ, мы не безпокоимся, въ виду того, что императоръ совершенно здоровъ и лично руководитъ всѣми движеніями арміи; а посему, нѣтъ сомнѣнія, что результаты этого похода будутъ именно тѣ, на которые можно заранѣе разсчитывать

въ силу обычныхъ его осторожности, удачи и основательныхъ разсчетовъ. Всѣ довольны и исполнены довѣрія и никто не жалуется на недостатокъ во всемъ."

M-r de Bigliotti à sa femme, de Wiasma le 1-er Navembre.

Nous sommes partis pendant la nuit de Moscou il y a quelques jours nous dirigeant en toute hate sur Kalouga, après avoir fait une trentaine de lieues, étant tous les jours plus ou moins harcelés par les cosaques, après une petite affaire que dirigeait le Roi de Naples et qui n'a pas eu tout le succès qu'on pouvait espérer; l'armée a sur le champ rebroussé chemin à marches forcées de nuit et de jour sur Mojaisk et nous voici arrivés à Wiasma à 40 lieues environ de Smolensk où nous esperons aller dans quelques jours. Nous sommes assaillis de mêmes misères que la disette et la fatigue nous faisait éprouver en allant, y joint un froid très vif quoique beau et une plus grande reserve et hésitation causée par la présence des maraudeurs ou partisans ennemis. Ceux qui n'ont pas d'assez bons chevaux pour suivre la marche sont forcés de perdre leurs effets. Plusieurs de mes collègues (dont M-r de Fleury) ont perdu tous leurs bagages,—et leurs voitures ont été brûlées par eux-mêmes en les abandonnant, ou détruites par l'arrière-garde.

Nous n'avons pas tout à fait l'air de marcher en conquérans, on fait emporter les malades sur les voitures des particuliers vu le manque de moyens de transport suffisants, je porte pour mon compte un soldat malade de la fièvre. Du reste on est sans inquiétude attendu que l'Emp-r se porte à merveille et que dirigeant lui-même tous les mouvements de l'armée sa marche aura sans aucun doute les résultats que sa prudence ordinaire, son bonheur et ses profondes combinaisons ont calculé d'avance. Tout le monde est content et plein de confiance et personne ne se plaint du manque de tout.

Спокойный и самоувѣренный тонъ Бильотти, очевидно, обожавшаго Наполеона, не понравился кому-то изъ русскихъ вельможъ (невозможно опредѣлить, чьей рукой), и онъ сдѣлалъ къ нему слѣдующую приписку:

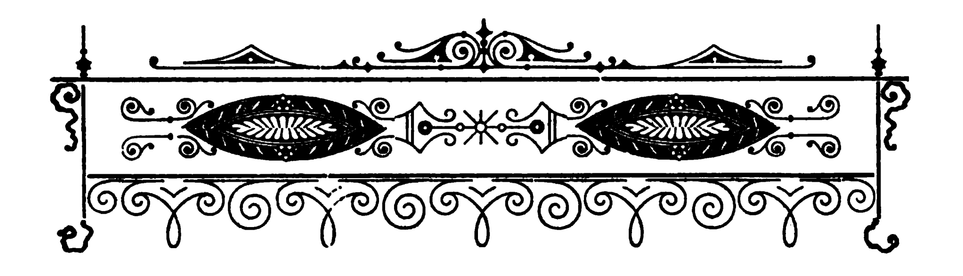
„Выраженія, достойныя наиболѣе тщательно составленнаго французскаго бюллетеня. Остается узнать, какимъ образомъ самое безстыдное „бахвальство" ухитрилось бы согласить все это съ дѣйствительными фактами, и какимъ способомъ можно было доказать, что состояніе деморализаціи французской арміи является результатомъ глубокихъ соображеній, обычной осмотрительности и удачи Наполеона."

pour celle de Bigliotti.

Expressions dignes du bulletin français le mieux soigné. Reste à savoir comment la forfanterie la plus dehontée s'en tirerait pour faire coincider tout cela avec les faits, et comment on pourrait prouver que cet état de dissolution dans lequel se trouve l'armée française est le résultat des profondes combinaisons, de la prudence ordinaire et du bonheur de Napoléon.

Сообщилъ Н. Затворницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русскій дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія.

(Записки князя Адама Чарторыйскаго (¹).

ГЛАВА IX.

Дѣятельность тайнаго совѣта. — Графъ Строгановъ-отецъ.—Братья Воронцовы.—Сенатъ и коллегіи. Реформы. — Учрежденіе министерствъ. — Первые министры. — Министерство народнаго просвѣщенія. — Округа.—Графъ Завадовскій.

По возвращеніи государя изъ Пруссіи совѣщанія наши снова продолжались, и тайный совѣтъ получилъ особое значеніе, благодаря участію въ дѣлахъ государственныхъ трехъ нашихъ членовъ, особенно же Кочубея и Новосильцева. Пріемная послѣдняго стала наполняться людьми новаго образа мыслей, желавшими получить служебныя назначенія. Множество дѣлъ проходило черезъ его руки, и государь нашелъ въ немъ человѣка, сумѣвшаго придать національный характеръ западно-европейскимъ идеямъ, проводимымъ въ русскую жизнь.

Партія „молодыхъ людей“ пользовалась также поддержкой нѣкоторыхъ старыхъ сановниковъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ графъ Строгановъ, отецъ графа Павла. Старый графъ провелъ большую часть жизни въ Парижѣ, въ эпоху Людовика XV, посѣщалъ извѣстные парижскіе салоны, въ которыхъ представители высшей французской аристократіи встрѣчались со знаменитыми писателями того времени; былъ знакомъ съ Гримомъ, Гольбахомъ, Д'Аланберомъ и другими энциклопедистами. Самъ графъ являлъ собою странный типъ, въ которомъ удивительнымъ образомъ сочетались: энциклопедистъ

---

¹) См. „Русская Старина“, 1906 г. сентябрь.

XVIII вѣка со старымъ русскимъ бояриномъ. Онъ соединялъ остроуміе француза съ нравомъ и привычками чисто русскаго человѣка; имѣлъ большое состояніе и множество долговъ; владѣлъ обширнымъ, прекрасно обставленнымъ домомъ и весьма цѣнной картинной галлереей, описаніе которой самъ составилъ; множество слугъ, среди которыхъ были и иностранцы, наполняли его домъ; всѣ они усердно обкрадывали графа, который самъ надъ этимъ смѣялся. Роскошный столъ его былъ всегда къ услугамъ его многочисленныхъ гостей, собиравшихся въ опредѣленные дни. Въ этомъ отношеніи домъ графа Строганова отличался отъ дома оберъ-шталмейстера *Нарышкина*, у котораго общество было менѣе разнообразно, но въ немъ преобладали ученые и художники.

Несмотря на либеральный образъ мыслей, Строгановъ былъ въ душѣ царедворцемъ, для котораго положеніе и милостивый пріемъ при дворѣ представляли насущную потребность. Холодный пріемъ или малѣйшее неудовольствіе монарха дѣлали его несчастнымъ, измѣняли настроеніе духа, отымали покой. Онъ пользовался неизмѣннымъ благоволеніемъ императрицы Екатерины, Павла I, вдовствующей государыни Маріи Ѳеодоровны и особенно императора Александра. Послѣдній былъ искренно расположенъ къ его сыну,—чрезвычайно любилъ общество молодой графини, которая имѣла на него вліяніе, благодаря прекраснымъ качествамъ своего характера. Государь также любилъ общество стараго графа, который собиралъ у себя лицъ, наиболѣе ему симпатичныхъ по ихъ образу мыслей и склонности къ новымъ, либеральнымъ идеямъ, которыми все еще увлекался Александръ.

Не менѣе важную поддержку имѣла молодая партія въ лицѣ графа *Александра Воронцова* [1]), который пользовался репутаціей выдающагося государственнаго дѣятеля. Воронцовъ и графъ Завадовскій считались друзьями *Безбородки*, котораго они постоянно навѣщали вдвоемъ и вели съ нимъ продолжительныя политическія бесѣды. Злые языки говорили, что послѣ ихъ ухода Безбородко приказывалъ отворять настежъ окна и двери и, тяжело дыша и отдуваясь, быстрыми шагами ходилъ по комнатѣ, приговаривая въ полъ-голоса: „Слава Богу! Наконецъ-то ушли мои наставники“. Дѣло въ томъ, что Воронцовъ и Завадовскій нерѣдко упрекали Безбородку въ безпечности, благодаря которой онъ пренебрегалъ дѣлами въ то время, какъ его вмѣшательство въ нѣкоторые вопросы могло, по ихъ мнѣнію, принести несомнѣнную пользу дѣлу. Тѣмъ не менѣе

---

[1]) Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, род. 1741, † 1805. Впослѣдствіи государственный канцлеръ.

тотъ и другой являлись весьма цѣнными союзниками для нашей партіи.

Мнѣ не извѣстны причины, заставившія графа *Александра Воронцова* удалиться отъ дѣлъ въ царствованіе Екатерины. При Павлѣ I онъ благоразумно держался въ сторонѣ, несмотря на то, что императоръ былъ расположенъ къ семьѣ Воронцовыхъ, ввиду весьма благосклоннаго отношенія покойнаго отца его Петра III къ одной изъ сестеръ графа [1]). Только со вступленіемъ на престолъ Императора Александра графъ снова появился въ Петербургѣ, окруженный ореоломъ блестящаго вѣка Екатерины и съ репутаціей опытнаго государственнаго дѣятеля. Къ партіи старыхъ министровъ, большинство которыхъ, по знанію дѣла, стояло значительно ниже его, онъ не примкнулъ, предпочитая играть болѣе видную роль посредника между государемъ, стремившимся проводить свои новыя идеи, и представителями старой правительственной рутины. Онъ быстро сошелся съ партіей „молодыхъ людей".

Братъ его, графъ *Семенъ Воронцовъ* прибылъ въ Петербургъ также послѣ долгаго отсутствія. Это былъ человѣкъ твердыхъ убѣжденій, прямой, слѣпо преданный однажды усвоенной идеѣ — натура цѣльная, устойчивая. Во время переворота, предшествовавшаго вступленію на престолъ Екатерины, онъ открыто заявилъ себя сторонникомъ злополучнаго Петра III, что̀ не помѣшало однако императрицѣ назначить его вскорѣ посломъ въ Лондонъ. Эта же преданность графа *Семена Воронцова Петру III побудила Павла I* вызвать его изъ Лондона въ Петербургъ, и предложить ему на выборъ нѣсколько высшихъ должностей въ Имперіи, отъ которыхъ онъ однако отказался и просилъ оставить его въ Лондонѣ. Въ Англіи, благодаря своему благородному, положительному и открытому характеру, графъ Семенъ Романовичъ пріобрѣлъ много друзей. Онъ, что называется, сроднился съ Англіей, полюбилъ ее такою, какою она была въ тѣ времена, полюбилъ сильнѣе, чѣмъ любой завзятый торій, преклоненіе его передъ Питтомъ доходило до такой степени, что все, походившее не только на критику, но на малѣйшее обсужденіе или сомнѣніе въ политическихъ пріемахъ этого министра, считалось имъ за безсмыслицу или за непростительное заблужденіе ума и сердца. Рядомъ съ этимъ чувствомъ въ его сердцѣ жила давнишняя и горячая любовь къ старшему брату, котораго онъ считалъ

---

[1]) Извѣстная Елизавета Романовна Воронцова, родная сестра Екатерины Романовны Дашковой, сподвижницы Екатерины II въ эпоху переворота 1762 г., впослѣдствіи президента академіи наукъ и автора „Записки". К. В.

самымъ выдающимся и честнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи. Къ каждому слову брата онъ прислушивался, какъ къ заповѣди, къ каждому рѣшенію, какъ къ рѣчи оракула. Его покорность, уваженіе и преданность брату были поистинѣ трогательны, такъ какъ исходили отъ сердца и были вполнѣ безкорыстны. Дружба братьевъ была такъ прочна, что они не раздѣлили даже своего наслѣдства; графъ Александръ, управлявшій ихъ общимъ состояніемъ, высылалъ брату все, что ему слѣдовало безъ малѣйшаго спора, и никому въ голову не приходило, чтобы отсутствующій братъ могъ быть имъ обиженъ.

Новосильцевъ часто посѣщалъ, въ бытность свою въ Англіи, въ царствованіе императора Павла, домъ графа Семена Воронцова, къ которому его направилъ старикъ Строгановъ; онъ сумѣлъ пріобрѣсти дружбу графа и сдѣлался своимъ, близкимъ человѣкомъ въ домѣ. Онъ служилъ какъ бы звеномъ, соединявшимъ графа Александра съ окружавшей его молодежью. Новосильцевъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ стараго графа Воронцова и бесѣдовалъ съ нимъ всегда совершенно откровенно. Возвращеніе графа Семена сблизило ихъ еще болѣе. Графъ Семенъ Воронцовъ, со своими убѣжденіями торія, долженъ былъ казаться въ Россіи крайнимъ либераломъ, что̀, несомнѣнно, не осталось безъ вліянія на его брата, въ смыслѣ поворота его къ идеямъ, назрѣвавшимъ въ головѣ императора Александра, тѣмъ болѣе, что графъ Александръ самъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ либеральныхъ стремленій. Въ немъ еще оставались слѣды тѣхъ воззрѣній старинной русской аристократіи, которыя особенно ярко сказались въ желаніи ограничить верховную власть при вступленіи на престолъ императрицы Анны. Онъ самъ мнѣ разсказывалъ, что во время своей юности, проѣздомъ въ Европу, онъ посѣтилъ Варшаву въ эпоху Августа III-го и уѣхалъ оттуда большимъ поклонникомъ польской аристократіи, считая ее образцомъ, завиднымъ во всѣхъ отношеніяхъ для Россіи. Русскій аристократизмъ одного изъ братьевъ Воронцовыхъ и торизмъ другого нашли себѣ примѣненіе въ предполагаемыхъ реформахъ Сената. Это высшее государственное учрежденіе являлось въ глазахъ ихъ всеобщей панацеей и главнымъ источникомъ всѣхъ правительственныхъ реформъ.

Государь по-прежнему собиралъ наши тайныя совѣщанія, обсуждалъ различные проекты, но по-прежнему держался выжидательной системы и не торопился проводить ихъ въ жизнь. Оба Воронцовы, недовольные такимъ положеніемъ дѣла, рѣшили прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ чтобы вывести, наконецъ, Государя изъ его нерѣшительности.

Каменноостровскій дворецъ, въ которомъ въ то время жилъ Александръ, отдѣлялся отъ дачи Строганова Невой и мостомъ. Государь и императрица поѣхали однажды на обѣдъ къ графу Строганову, гдѣ находились и братья Воронцовы; послѣ обѣда, вставъ изъ-за стола, государь прошелся по саду и вошелъ въ одинъ изъ павильоновъ, который занималъ Новосильцовъ. Мы всѣ послѣдовали за нимъ, и вскорѣ завязалась бесѣда. Графъ Семенъ Воронцовъ, по уговору, выступилъ при этомъ случаѣ ораторомъ, въ надеждѣ, что слова его произведутъ особенное впечатлѣніе, какъ человѣка, только-что пріѣхавшаго изъ Англіи и вскорѣ вновь возвращающагося туда, слѣдовательно чуждаго тому, что происходитъ въ Петербургѣ, и вполнѣ безпристрастнаго, имѣющаго болѣе другихъ право откровенно изложить свой образъ мыслей и быть выслушаннымъ. Рѣчь его не была однако столь краснорѣчива и убѣдительна, какъ мы этого ожидали. Государь, обладавшій особенной способностью дѣлать удачныя возраженія, нѣсколько разъ ставилъ втупикъ графа Семена и его брата. Ораторъ старался доказать государю необходимость болѣе рѣшительныхъ дѣйствій, убѣдить его въ томъ, что новое царствованіе вызвало въ обществѣ надежды на улучшенія, на реформы, которыхъ ждетъ отъ него не только Россія, но и Европа. Но все это были общія фразы, и когда государь обратился съ вопросомъ, въ какой области должны главнымъ образомъ произойти эти реформы и какъ слѣдуетъ къ нимъ приступить, графъ Семенъ и его братъ были увѣрены, что они превозмогли всѣ затрудненія, указавъ на необходимость поднять, прежде всего, утраченное съ теченіемъ времени значеніе и авторитетъ Сената.

Это высшее государственное учрежденіе, облеченное, по мысли законодателя, высшею въ государствѣ властью, заключало въ себѣ, по ихъ мнѣнію, всѣ гарантіи и всѣ необходимыя средства къ проведенію намѣченныхъ реформъ. Каждая фраза графа Семена Воронцова начиналась и заканчивалась Сенатомъ, на который онъ ссылался въ каждомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ. Онъ говорилъ о немъ такъ много, что мы всѣ рѣшили, что въ эту ночь въ ушахъ государя будутъ все время раздаваться голоса, напоминающіе ему о Сенатѣ.

Несомнѣнно, что Сенатъ, со времени учрежденія его Петромъ I-мъ, значительно видоизмѣнился, и та роль, которую онъ игралъ въ ближайшія послѣ Петра царствованія, была имъ давно утрачена. Правда, что и теперь, во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ всегда обращались къ Сенату, но это было лишь одно названіе, одинъ звукъ, который по-прежнему повторялся обществомъ, искавшимъ въ этомъ

учрежденіи той опоры, которой Сенатъ не былъ уже въ силахъ ему дать. Имѣя въ своей средѣ людей, въ большинствѣ случаевъ непригодныхъ къ службѣ, лишенныхъ энергіи, попавшихъ туда не по заслугамъ, Сенатъ не могъ, въ качествѣ высшаго государственнаго учрежденія, отвѣчать на тѣ запросы, которые предъявляла къ нему та или другая партія, или выступить въ роли ихъ руководителя.

Такое положеніе Сената послужило поводомъ къ выходу перваго манифеста, которымъ императоръ хотѣлъ возстановить и возвысить авторитетъ и достоинство этого главнѣйшаго изъ государственныхъ учрежденій. Это была, такъ сказать, осторожная подготовка умовъ къ воспринятію задуманныхъ реформъ. Желаніе поднять престижъ Сената было понятно всѣмъ и льстило русскому дворянству, такъ какъ Сенатъ былъ уже для Россіи высшей судебной властью и высшимъ государственнымъ учрежденіемъ. Хотя каждое, какое бы то ни было, слово императора, какъ слово самодержавнаго государя, имѣло силу закона и требовало безпрекословнаго повиновенія, тѣмъ не менѣе установился порядокъ, чтобы всѣ приказанія, всѣ желанія императора, въ особенности касающіяся общихъ установленій, гражданскихъ или уголовныхъ законовъ, препровождались въ Сенатъ, который ихъ опубликовывалъ и слѣдилъ за ихъ выполненіемъ.

Различнымъ департаментамъ Сената вмѣнено было въ обязанность быть не только высшей инстанціей гражданскаго и уголовнаго суда, но и карать за нарушенія правительственныхъ распоряженій. Сенатъ имѣлъ право, на основаніи императорскихъ рескриптовъ, издавать свои собственные указы, разъяснявшіе и дополнявшіе ихъ, смотря по мѣрѣ надобности. Доклады его поступали къ государю на одобреніе. Губернаторы и губернскія финансовыя учрежденія находились въ непосредственномъ вѣдѣніи Сената и обязаны были присылать ему оффиціальные доклады для представленія ихъ на благоусмотрѣніе государя. Поэтому это государственное учрежденіе и носило названіе Правительствующаго Сената. Такое объединеніе въ немъ власти, какъ судебной, такъ и исполнительной, своей сложностью замедляло и тормозило ходъ всего внутренняго управленія и не согласовалось съ новыми идеями; но не было никакой возможности тронуть это устарѣлое учрежденіе, вѣдавшее дѣла всей имперіи, не подвергая послѣднія еще большей путаницѣ, такъ велика была рутина въ ходѣ русскаго государственнаго механизма. За Сенатомъ сохранялось его административное значеніе, въ надеждѣ, что уже и наблюдалось, что оно мало по малу потеряетъ свою силу. По мысли графа Воронцова, всѣ обязанности, вся власть Сената утверждались

за нимъ, кромѣ того ему присвоивалось право дѣлать свои представленія на указы императора и одновременно устанавливалось правило, чтобы отчеты, представляемые всѣми министрами государю, отсылались затѣмъ въ Сенатъ, имѣвшій право высказать по этому поводу свое мнѣніе.

Многіе льстили себя надеждой, что это первый шагъ къ народному представительству, такъ какъ въ программу реформъ входило прежде всего лишеніе Сената исполнительной власти и оставленіе за нимъ только значенія высшаго судилища. Затѣмъ предполагалось постепенное видоизмѣненіе Сената въ нѣчто въ родѣ Верхней Палаты, гдѣ со временемъ избранные изъ дворянскаго сословія депутаты, совмѣстно съ монархомъ, приняли бы участіе въ совѣщаніяхъ, посвященныхъ обсужденію дѣйствій министровъ въ дѣлахъ управленія и разсмотрѣнія законовъ и общихъ установленій, какъ дѣйствующихъ, такъ и проектируемыхъ. Ничего подобнаго не случилось, и дѣло приняло, какъ мы увидимъ ниже, совсѣмъ другой оборотъ.

За границей не на шутку вообразили, что Петербургскій Сенатъ имѣетъ намѣреніе стать вершителемъ судебъ Россіи и, конечно, сильно ошиблись. Это доказываетъ только, что тамъ не знаютъ Россіи и не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что въ ней происходитъ.

Согласно существующему канцелярскому порядку, всѣ рѣшенія и постановленія Сената излагаются всегда въ такой растянутой и скучной формѣ, какъ нигдѣ въ мірѣ; каждое дѣло представляетъ изъ себя объемистый томъ, и надо имѣть много храбрости, чтобы рѣшиться его прочитать. О нѣкоторыхъ сенаторахъ, читающихъ отъ строки до строки все, что они подписываютъ, говорятъ съ удивленіемъ какъ о примѣрѣ исключительнаго героизма, которому не слѣдуютъ остальные. Большинство пасуетъ передъ грандіозностью такого труда и считаетъ себя въ правѣ подписывать дѣла, не читая ихъ. Можно судить по этому, способно ли государственное учрежденіе, находящееся въ такомъ положеніи, предпринимать и проводить какія-либо реформы въ Имперіи. Но такъ какъ въ Россіи нѣтъ другого государственнаго учрежденія, подобнаго ему, поэтому слово Сенатъ у всѣхъ на устахъ и по необходимости повторяется при всякомъ случаѣ.

Появленіемъ указа о Сенатѣ первая стрѣла была пущена— государь началъ задуманное имъ дѣло. Сенатъ былъ поставленъ въ новое положеніе, что принесло бы хорошіе плоды, если бы онъ имѣлъ другой составъ. Заложивъ первый камень для будущаго зда-

нія правильной, законодательной власти и прививъ самодержавной власти зародышъ ограниченія, который могъ бы иногда служить регуляторомъ ея часто необузданнаго всемогущества, императоръ долженъ былъ заняться благоустройствомъ внутренняго управленія, чтобы придать ходу его болѣе правильности, методичности и ясности. Управленію страны не доставало именно этихъ качествъ: порядокъ отсутствовалъ, механизмъ шелъ толчками, вся администрація представляла собою полнѣйшій хаосъ, гдѣ ничто не было упорядочено и ясно опредѣлено.

Въ сущности, Россія знала только Правительствующій Сенатъ и коллегіи: военную, морскую и иностранныхъ дѣлъ, которыя занимали слѣдующую послѣ Сената ступень на правительственной іерархической лѣстницѣ. Можно было со стороны подумать, что Россія управляется совѣщательными учрежденіями, а между тѣмъ ничего подобнаго не было. Каждая коллегія черезъ одного изъ своихъ членовъ, обыкновенно черезъ предсѣдателя, входила въ сношенія съ государемъ; онъ представлялъ императору доклады коллегіи, объявлялъ ей о монаршемъ рѣшеніи. Въ Сенатѣ такого представителя, въ настоящемъ смыслѣ слова, не было, и главный прокуроръ, наблюдавшій и рѣшавшій все, что тамъ происходило, представлялъ, такъ сказать, своей особой министерства: внутреннихъ дѣлъ, полиціи, финансовъ и юстиціи. Кромѣ этого, государи учреждали иногда отдѣльныя вѣдомства и приказывали доклады, напр., коммерческаго суда, дѣлать черезъ спеціальное лицо, предсѣдательствовавшее въ этомъ судѣ. Императрица Екатерина также часто исключала изъ вѣдѣнія Сената управленіе покоренными провинціями и предоставляла его на время кому-либо изъ наиболѣе приближенныхъ къ ней лицъ, какъ напр., Потемкину, Зубову, которые правили ими непосредственно, совѣтуясь только съ императрицею.

Кромѣ того, государи имѣли при себѣ государственныхъ секретарей, черезъ которыхъ множество дѣлъ поступало непосредственно къ монархамъ и рѣшенія ихъ посылались въ Сенатъ уже въ формѣ указовъ — для приведенія ихъ въ исполненіе. Нерѣдко доклады сената и коллегіи, представленные монарху министрами или чиновниками, уполномоченными на это, вмѣсто немедленнаго утвержденія ихъ, откладывались въ сторону и затѣмъ, послѣ ознакомленія съ ихъ содержаніемъ одного изъ секретарей, представленное постановленіе отмѣнялось, или измѣнялось, или же заканчивалось рѣшеніемъ, совершенно противоположнымъ представленному. Ясно, насколько такой способъ правленія благопріятствовалъ самому полному произволу и какъ онъ поощрялъ всевозможныя выдумки, которыми защищалось самодержавіе.

Императоръ Павелъ, воображавшій себя знатокомъ военнаго дѣла и ревниво не признававшій другой власти надъ арміей, кромѣ своей, выдѣлилъ изъ дѣлъ военнаго министерства все, что касалось личнаго состава, и присвоилъ одному изъ своихъ адъютантовъ, пользовавшемуся наибольшимъ его довѣріемъ, право сообщать военному министру волю императора. Повышенія, назначенія, донесенія военнаго суда и доклады военнаго министерства представлялись на усмотрѣніе государя этимъ же самымъ адъютантомъ. Другой адъютантъ имѣлъ такія же полномочія по морскому министерству.

Иностранныя дѣла велись особеннымъ образомъ. Они были довѣрены коллегіи, обыкновенно состоявшей изъ трехъ членовъ; каждый изъ нихъ совѣщался съ государемъ отдѣльно и каждому поручалось веденіе какого-либо секретнаго дѣла или корреспонденціи, остававшихся тайной для остальныхъ членовъ. Естественно, что всѣ изъ кожи вонъ лѣзли, чтобы заслужить такое довѣріе. Екатерининскіе фавориты любили вмѣшиваться въ эту область правленія, доставлявшую имъ богатые подарки со стороны сильныхъ міра. Для веденія переговоровъ, поручаемыхъ имъ императрицей, они избирали одного изъ членовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, любезность котораго щедро вознаграждалась. Такой именно случай былъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины съ княземъ Зубовымъ и графомъ Морковымъ, которые были главными иниціаторами двухъ послѣднихъ раздѣловъ Польши. Графъ Остерманъ и графъ Безбородко въ совѣтѣ, созванномъ по этомъ поводу, подали свои голоса противъ раздѣла и уничтоженія Польши.

Во времена Павла адъютанты зачастую руководили и иностранными дѣлами. Вице-канцлеръ или самый старшій изъ членовъ коллегіи вѣдалъ только административную и финансовую части и велъ текущую корреспонденцію. Весьма понятно, что такая умная голова, какою была императрица Екатерина, находила удовольствіе въ такомъ способѣ веденія дѣлъ, такъ какъ могла, несмотря на множество затрудненій и на полное отсутствіе вокругъ нея единодушія, дать своимъ послѣднимъ рѣшительнымъ словомъ правильный ходъ государственной машинѣ. Императоръ Павелъ, несмотря на неровности его характера и на безпрестанныя, внезапныя перемѣны настроеній, тѣмъ не менѣе обладалъ твердой, непреклонной волей, которой всѣ колеса государственнаго механизма немедленно повиновались. Но если представить себѣ государя, какихъ такъ много, со слабымъ, нерѣшительнымъ характеромъ, то придется признаться, что въ этомъ случаѣ такой способъ правленія долженъ порождать много очень важныхъ затрудненій. Такой государь безпрестанно впадалъ бы въ

ошибки, не былъ бы въ состояніи схватить всю суть дѣла и всесторонне разсмотрѣть каждый вопросъ. Онъ дѣйствовалъ бы, какъ въ потемкахъ, теряясь въ хаосѣ различныхъ взглядовъ и мнѣній, часто неискреннихъ, и никогда не былъ бы въ состояніи достичь намѣченной цѣли.

Во всякомъ случаѣ Россія должна быть благодарна императору Александру и тѣмъ, которые въ то время посовѣтовали ему сдѣлать попытку внести болѣе порядка и системы въ государственное управленіе.

Цѣлью реформъ было принятое въ большой части европейскихъ государствъ раздѣленіе министерствъ, точное опредѣленіе границъ ихъ вѣдомствъ, сосредоточеніе въ каждомъ министерствѣ дѣлъ одного и того же рода, т. е. централизація управленія ими, и увеличеніе черезъ это отвѣтственности высшихъ должностныхъ лицъ въ Имперіи. Надѣялись, что, кромѣ другихъ благихъ результатовъ, мѣры эти послужатъ дѣйствительнымъ средствомъ для ограниченія злоупотребленія властью, взяточничества и безчисленныхъ хищеній, составлявшихъ язву русскаго государства, такъ какъ никакое другое средство не въ силахъ было прекратить ихъ.

Императоръ учредилъ еще не бывалыя въ Россіи министерство внутреннихъ дѣлъ и полиціи, министерство финансовъ и министерство юстиціи, которыя до сихъ поръ были соединены въ лицѣ генералъ-прокурора Сената; затѣмъ возникло министерство народнаго просвѣщенія, бывшаго до сихъ поръ въ самомъ запущенномъ, плохомъ состояніи; наконецъ министерства: торговли, иностранныхъ дѣлъ, морское и военное. Въ отношеніи послѣднихъ Александръ, пропитанный правилами своего отца, не захотѣлъ измѣнить установленнаго имъ порядка и сохранилъ права своихъ личныхъ адъютантовъ; все, что касалось арміи, до самаго малѣйшаго назначенія, должно было исходить непосредственно отъ императора, чтобы армія знала его. Это было святое святыхъ, касаться котораго никто не имѣлъ права, ничье вмѣшательство не терпѣлось въ этой области, гдѣ все рѣшалось по приказу и при непосредственномъ участіи императора.

Съ теченіемъ времени званіе такого адъютанта видоизмѣнилось въ званіе начальника штаба его императорскаго величества. Это доказываетъ, что Россія все время считала себя на военномъ положеніи и ежеминутно готова была начать войну. Манифестъ, вводившій всѣ эти перемѣны въ государственномъ управленіи, наконецъ появился. Кромѣ созданія и раздѣленія министерствъ, манифестъ этотъ устанавливалъ новое положеніе, въ силу коего всѣ указы

императора должны были предварительно подписываться однимъ изъ министровъ,—это была новая попытка, которою надѣялись водворить въ Россіи отвѣтственность высшихъ чиновъ. Министры должны были собираться въ комитетѣ, куда направлялись наиболѣе важныя дѣла, затрогивавшія интересы всей Имперіи и касавшіяся нѣсколькихъ министерствъ.

Сенатъ оставался при своихъ прежнихъ функціяхъ съ присоединеніемъ еще новыхъ, весьма важныхъ; тѣ же, которыя касались собственно управленія, естественно утратили свое значеніе и вскорѣ превратились въ одну форму. То же самое произошло и со старымъ Государственнымъ Совѣтомъ, пока еще не упраздненнымъ, въ которомъ засѣдало нѣсколько важныхъ сановниковъ, большая часть которыхъ не играла никакой роли во вновь учрежденныхъ установленіяхъ. Государь продолжалъ еще отъ времени до времени посылать нѣкоторыя, особенно непріятныя или запущенныя, дѣла на разсмотрѣніе этого Совѣта. Но мало по малу по безполезности, значеніе его все болѣе и болѣе падало, пока, наконецъ, Александръ не нашелъ нужнымъ создать новый Государственный Совѣтъ по совершенно новому и болѣе обширному плану.

Всѣ эти реформы, сами по себѣ естественныя и элементарныя во всякой другой странѣ, для Россіи являлись дѣломъ новымъ и чрезвычайнымъ. Манифестъ надѣлалъ много шуму въ государствѣ и въ особенности въ петербургскихъ и московскихъ салонахъ. Снисходительность государя поощряла критическое отношеніе общества къ вводимымъ новшествамъ, насколько вообще такое отношеніе возможно въ Россіи; кромѣ того критика нашла себѣ поддержку въ лицѣ императрицы-матери, безсознательно недовольной, что сынъ ея не совѣщается съ нею о дѣлахъ, и она не имѣетъ уже вліянія на его рѣшенія. Вдовствующая императрица во всѣхъ этихъ нововведеніяхъ видѣла зародышъ либерализма, дальнѣйшее развитіе котораго ее пугало; поэтому пріемная ея сдѣлалась центромъ оппозиціи, собиравшейся здѣсь для выраженія своего недовольства существующимъ положеніемъ дѣлъ.

Вмѣстѣ съ пресловутымъ манифестомъ появились и новыя наименованія созданныхъ должностей и мѣстъ; эту часть реформы нелегко было наладить.

Во главѣ управленія всталъ *графъ Александръ Воронцовъ*, получившій, кромѣ портфеля министра иностранныхъ дѣлъ, еще званіе канцлера, льстившее его честолюбію, такъ какъ этого титула давно уже никто не удостоивался. *Графъ Кочубей* безъ тѣни сожалѣнія, скорѣе даже съ удовольствіемъ оставилъ министерство, въ

которомъ, по его мнѣнію, нечего было дѣлать, благодаря системѣ безразличія, которую онъ считалъ самою удобною для Россіи и наиболѣе соотвѣтствующей характеру, взглядамъ и желаніямъ императора. Онъ съ увлеченіемъ устремился по новому пути, открывшемуся передъ нимъ, съ созданіемъ министерства *внутреннихъ дѣлъ*, портфель котораго былъ ему ввѣренъ.

Чрезвычайно важныя полицейскія и административныя функціи, лежавшія въ основѣ этого министерства, прежде тонули въ общей массѣ обязанностей Сената, генералъ-прокурора и нѣсколькихъ секретарей, назначаемыхъ государемъ. Графу Кочубею нашлось не мало дѣла въ вѣдомствѣ, бывшемъ такъ долго въ полномъ забвеніи, гдѣ дѣйствія должностныхъ лицъ отдаленныхъ отъ столицы губерній оставались безъ всякаго контроля и наблюденія; дѣла велись безъ опредѣленнаго направленія, такъ какъ централизаціи ихъ не существовало; словомъ, все зависѣло отъ произвола невѣжественныхъ и алчныхъ чиновниковъ. Упорядочить это вѣдомство, двинуть его по новому пути было большимъ и смѣлымъ дѣломъ и если графу Кочубею и не удалось осуществить всего того, что онъ задумалъ, то, конечно, не по недостатку доброй воли и любви къ дѣлу. Онъ началъ съ устройства канцелярій и раздѣлилъ ихъ на нѣсколько отдѣленій, изъ которыхъ каждое вѣдало одну изъ отраслей этого обширнаго министерства. Онъ постарался привлечь къ себѣ самыхъ ловкихъ и испытанныхъ въ дѣлахъ такого рода людей, какихъ только могъ найти. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы поднять значеніе провинціальныхъ губернаторовъ, и назначалъ на эти посты людей, характеръ и положеніе которыхъ являлись порукой ихъ безкорыстія и которые подавали надежду, что если они и являются новичками въ этомъ дѣлѣ, то опытъ и личное желаніе помогутъ имъ достичь многаго.

До сихъ поръ въ Россіи не существовало министерства *финансовъ*. Теперь оно было создано и вручено графу *Васильеву*, человѣку способному и опытному, бывшему заправилой финансовыхъ дѣлъ у князя Вяземскаго—единственнаго генералъ-прокурора временъ императрицы Екатерины, о которомъ вспоминали съ похвалой.

Всѣ отрасли государственныхъ доходовъ, винные откупа, банки и т. п. составили предметъ вѣдѣнія этого министерства; сюда же присоединили и горный департаментъ, рамки котораго были значительно расширены.

Обязанности министра юстиціи были соединены съ обязанностями главнаго прокурора Сената. Генералъ Беклешовъ, лишенный большей

части своихъ прерогативъ, благодаря появленію министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, не захотѣлъ оставить за собой министерство *юстиціи* и вмѣсто него назначили *Державина*; это былъ личный выборъ государя, сдѣланный имъ совершенно безъ нашего воздѣйствія. Съ нѣкоторыми лицами, которыхъ государь самъ вводилъ въ наши собранія, онъ находился въ особенныхъ, непосредственныхъ отношеніяхъ, ему хотѣлось сдѣлать участниками новаго государственнаго управленія своихъ молодыхъ друзей, на которыхъ онъ возлагалъ большія надежды, вѣря, что они ревностно будутъ продолжать начатое дѣло и слѣдить за проведеніемъ дорогихъ сердцу императора реформъ. Графъ Кочубей уже получилъ назначеніе, но куда было дѣвать всѣхъ остальныхъ? Дать имъ министерскіе портфели—слишкомъ много, и вотъ рѣшено было создать мѣста товарищей министровъ. Такимъ образомъ „молодые люди“ могли въ одно и то же время поддерживать своихъ начальниковъ въ направленіи, соотвѣтствующемъ взглядамъ императора, а ему помогать быть въ курсѣ дѣла.

Графъ Павелъ Строгановъ просилъ назначить его товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы раздѣлить трудъ съ графомъ Кочубеемъ. Новосильцевъ сталъ товарищемъ министра юстиціи, оставаясь въ то же время секретаремъ императора. Его мѣсто и его назначеніе считались самыми важными. Онъ долженъ былъ стать въ рукахъ Императора инструментомъ, съ помощью котораго Александръ собирался начать реформу законовъ и судопроизводства.

Въ это время въ Россіи не было человѣка, равнаго Новосильцеву по знанію управленія государственнымъ механизмомъ, насколько можно было вообще изучить этотъ предметъ по французскимъ и англійскимъ источникамъ. Практическій складъ ума не давалъ ему увлекаться несбыточными теоріями и всегда удерживалъ его на границѣ возможнаго. Онъ былъ ловкимъ дѣльцомъ, умѣвшимъ обходиться не только съ отдѣльными личностями, но вообще съ русскимъ народомъ, который онъ отлично изучилъ. Это были его положительныя качества, отрицательныя—пока еще не обнаружились. Онъ всегда поддерживалъ стремленіе Александра къ улучшенію положенія крестьянъ, и его перу принадлежитъ первый вышедшій по этому поводу указъ. Но къ этому еще вернемся.

Новосильцевъ возстановилъ комиссію для составленія новаго уложенія. Императрица Екатерина уже дѣлала попытку заняться этимъ важнымъ вопросомъ, что̀ вызвало такія похвалы по ея адресу со стороны Вольтера и Дидро; но работа ея въ этой области ограни-

чилась опубликованіемъ наставленія, филантропическо-философскаго характера, обращеннаго Екатериной къ законодательной комиссіи, которая вскорѣ была уничтожена и трудамъ ея не суждено было увидѣть свѣтъ. По желанію государя, Новосильцевъ вернулъ къ жизни это забытое учрежденіе, со времени упраздненія котораго прошло уже болѣе 20-ти лѣтъ. Съ помощью барона Розенкампфа, нѣмецкаго юриста, Новосильцевъ организовалъ законодательную комиссію по болѣе широкому и хорошо задуманному плану и сумѣлъ дать правильное направленіе ея трудамъ. Задача состояла въ томъ, чтобы собрать всѣ указы, всѣ постановленія, всѣ существующіе русскіе законы, и распредѣлить ихъ по содержанію, по частямъ, по главамъ и т. д. Такимъ образомъ получился бы сводъ законовъ гражданскихъ, уголовныхъ, торговыхъ, административнаго судопроизводства и т. д.

Кромѣ чисто русскаго свода законовъ, такая же работа была посвящена отдѣльно собранію узаконеній для окраинъ, въ родѣ Литвы, Эстляндіи, Курляндіи и польскихъ губерній въ Малороссіи, которыя всѣ имѣли особые законы, обычаи и языкъ.

Этотъ грандіозный трудъ, правильно начатый и дѣятельно подвигаемый впередъ, занялъ не мало времени. Министры предоставили его своему товарищу, и Новосильцевъ весь отдался исключительно этой работѣ. Систематическое оглавленіе было сдѣлано барономъ Розенкампфомъ. Пока эти двое были на своихъ мѣстахъ, работа двигалась впередъ, тѣмъ не менѣе она не дала ожидаемыхъ результатовъ. Это бываетъ въ Россіи каждый разъ, когда происходятъ перемѣны лицъ, руководящихъ работой, въ то время, какъ она еще не закончена и результаты ея не выяснены.

Изъ всѣхъ „молодыхъ людей“, окружавшихъ императора, я одинъ не получилъ еще никакого назначенія. Александръ предложилъ мнѣ мѣсто товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Графъ Воронцовъ былъ согласенъ на это; всѣ мои тогдашніе друзья и, въ особенности, императоръ уговаривали меня принять это назначеніе. Я долго отказывался и ставилъ на видъ, что русская національная партія будетъ крайне удивлена и недовольна моимъ назначеніемъ на этотъ постъ. Императоръ доказывалъ, что за время моей миссіи у короля Сардиніи я отлично зарекомендовалъ себя, какъ моими донесеніями, такъ и моимъ поведеніемъ, и что мое назначеніе не удивитъ никого; что, наконецъ, графъ Воронцовъ,—единственный человѣкъ, имѣющій право голоса въ этомъ случаѣ—согласенъ принять меня своимъ помощникомъ. Наконецъ, я сталъ соглашаться, скрѣпя сердце, такъ какъ съ принятіемъ этого назначенія меня ожидалъ новый путь,

полный терній и удерживавшій меня въ Петербургѣ, гдѣ я всегда чувствовалъ себя, какъ тропическое растеніе, не могущее акклиматизироваться; я только и жилъ мечтой о возвращеніи домой, къ своимъ, вдали отъ которыхъ жизнь меня не радовала.

Высокое назначеніе не сдѣлало меня ни прозорливѣе, ни глубокомысленнѣе. Принимая это мѣсто, я рѣшилъ не дѣлать ничего, что могло бы оказать дурное вліяніе на будущую судьбу моей родины, но у меня не было ни опредѣленнаго плана, ни достаточно яснаго понятія о тѣхъ услугахъ, которыя я могъ бы оказать Польшѣ въ моемъ новомъ положеніи. И вотъ, какъ бы въ награду за мою уступку желаніямъ государя, мнѣ сдѣлали заманчивое предложеніе. Императоръ поручилъ мнѣ руководство народнымъ образованіемъ въ восьми польскихъ губерніяхъ, т. е. въ той части Польши, которая была ему подвластна.

Созданіе министерства народнаго просвѣщенія было для Россіи замѣчательнымъ нововведеніемъ, принесшимъ здоровые и обильные плоды, точно оцѣнить которые я не берусь. Каково бы ни было это министерство, потомство обязано благодарностью какъ ему, такъ и императору Александру, а кстати и „молодымъ людямъ“, часто осуждаемымъ, которые поддерживали государя въ его похвальныхъ начинаніяхъ и провели ихъ въ жизнь, раздѣливъ на различныя вѣдомства безпорядочный хаосъ предыдущаго государственнаго управленія. Нельзя себѣ представить ничего болѣе заброшеннаго, болѣе жалкаго, чѣмъ положеніе народнаго образованія до императора Александра. Въ Петербургской академіи наукъ, если и были кое-какія извѣстныя въ ученомъ мірѣ имена, то всѣ они принадлежали иностранцамъ, которыхъ правительству удалось привлечь въ Россію. Олера пригласили, напримѣръ, уже на закатѣ его дней, незадолго до смерти. Академія эта, мемуары которой велись большею частью на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ, не имѣла никакого отношенія къ самой странѣ и нисколько не заботилась о томъ, чтобы повліять на ея успѣхи въ наукахъ. Въ Москвѣ былъ университетъ, стоявшій также въ сторонѣ отъ народа и посѣщаемый только какою-нибудь сотнею молодежи, содержимою за счетъ правительства. Своекоштные учащіеся случались очень рѣдко.

Кромѣ этихъ двухъ учрежденій, являвшихся цвѣтомъ русской науки и литературы, въ Россіи существовали только низшія школы, называемыя народными. Въ нихъ преподавались, при томъ весьма плохо, самыя элементарныя, свѣдѣнія; наблюденіе за этими школами было поручено жалкимъ воспитателямъ, спившимся отъ скуки и праздности, такъ какъ никто почти не посылалъ своихъ дѣтей въ

эти школы, о которыхъ никто и не вспоминалъ. Съ возникновеніемъ министерства народнаго просвѣщенія физіономія Россіи должна была измѣниться. На болѣе основательное устройство трехъ уже существовавшихъ университетовъ, въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ, были отпущены средства и, кромѣ того, основаны новые,—въ Петербургѣ, въ Харьковѣ и въ Казани. Каждый изъ нихъ являлся научнымъ центромъ опредѣленной части Имперіи, о просвѣщеніи которой онъ долженъ былъ заботиться; такимъ образомъ возникли, такъ называемые, учебные округа. Виленскій университетъ, чисто польскій, открытъ былъ исключительно для польскихъ губерній. Хотя объ немъ я еще буду говорить ниже, тѣмъ не менѣе не могу здѣсь не замѣтить, что въ послѣдующіе годы вся *Польша покрылась сѣтью школъ, гдѣ свободно развивалось и крѣпло чувство любви поляковъ къ своей родинѣ.*

Университетъ, куда я пригласилъ самыхъ выдающихся въ странѣ ученыхъ—и нѣсколькихъ знаменитыхъ профессоровъ изъ-за границы, дѣятельно и умѣло руководилъ этимъ движеніемъ въ Польшѣ, не оставляя желать ничего лучшаго въ этомъ отношеніи. Онъ ни отъ кого не скрывалъ своихъ дѣйствій, и прямыя ихъ послѣдствія, на которыя въ Россіи позднѣе такъ жаловались, въ то время естественно вытекали изъ великодушнаго замысла государя.

Казанскій университетъ получилъ задачу заняться просвѣщеніемъ татаръ и населенія Сибири.

Въ каждомъ университетѣ былъ свой попечитель. Всѣ попечители вмѣстѣ составляли совѣтъ народнаго просвѣщенія съ министромъ во главѣ; государь назначилъ попечителей, чтобы они не давали дѣлу народнаго образованія оставаться только на бумагѣ, но старательно и возможно успѣшнѣе проводили бы его въ жизнь.

Въ Дерптѣ попечителемъ былъ назначенъ генералъ *Клингеръ*, начальникъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ, человѣкъ воспитанный, извѣстный нѣмецкій писатель, слегка болтливый, либералъ до мозга костей, весь отдавшійся службѣ самой деспотической странѣ, въ общемъ, весьма благонамѣренный и полный рвенія къ движенію впередъ науки и образованія.

Высказываемыя имъ эксцентричныя и мало примѣнимыя къ жизни ѳеоріи, облекаемыя всегда въ рѣзкую и грубоватую форму, создали ему репутацію откровеннаго и энергичнаго человѣка, что и доставило ему благоволеніе Александра.

Графъ Северинъ Потоцкій былъ назначенъ попечителемъ Харьковскаго университета. Край этотъ прилегалъ къ Польшѣ, и

жители ея жаждали получить средства къ образованію. Графъ Потоцкій, какъ полякъ, обратилъ на себя вниманіе великаго князя Александра и былъ принятъ имъ въ свой близкій кружокъ. Потоцкій восторгался личностью великаго князя и смотрѣлъ на него, какъ на идеалъ человѣка. Кромѣ назначенія его попечителемъ, онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ третьяго департамента Правительствующаго Сената, гдѣ разсматривались дѣла польскихъ провинцій. Въ качествѣ сенатора графъ Северинъ сталъ знаменитостью въ Россіи, но объ этомъ я упомяну ниже. Какъ попечитель, онъ всегда ревностно занимался дѣлами подчиненнаго ему университета, пригласилъ туда выдающихся ученыхъ и часто посѣщалъ ввѣренную ему губернію.

Виленскій и Дерптскій университеты работали успѣшнѣе другихъ; за ними слѣдовалъ Харьковскій. Литовское, Эстляндское и Курляндское дворянство высказалось противъ Дерптскаго университета, объявившаго себя защитникомъ крестьянъ и средняго сословія. Одинъ изъ профессоровъ этого университета, *Парротъ*, большой чудакъ, выказывалъ безграничную привязанность къ императору Александру и часто доказывалъ это своей чрезмѣрной заботливостью о здоровьи государя. Я помню, между прочимъ, какъ г-жа Парротъ послала императору жилетъ собственнаго издѣлія, умоляя государя непремѣнно носить его, такъ какъ, по ея словамъ, жилетъ этотъ обладалъ свойствомъ поддерживать жизнь человѣческую. Выраженіемъ такой безграничной любви Парротъ съумѣлъ пріобрѣсти расположеніе государя, чему способствовали и его частыя поѣздки въ Петербургъ для личныхъ совѣщаній съ императоромъ.

Попечителемъ Московскаго университета былъ назначенъ *Муравьевъ*, бывшій воспитатель великаго князя и его секретарь, человѣкъ достойный, но крайне робкій и нерѣшительный. Императоръ назначилъ его товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, чтобы въ обществѣ не говорили, что только „молодые люди“ проходятъ въ товарищи министровъ и что эти мѣста были спеціально созданы для нихъ. *Новосильцева* назначили попечителемъ въ Петербургѣ. Такъ какъ въ столицѣ уже существовала медицинская академія, состоявшая въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, а юридическій факультетъ не могъ быть открытъ прежде, чѣмъ законодательная комиссія не окончитъ своихъ трудовъ, то Новосильцевъ ограничился учрежденіемъ нормальной школы или философскаго факультета съ цѣлью подготовки профессоровъ точныхъ и административныхъ наукъ, а также и словесности.

Новое учебное заведеніе блестяще начало свою дѣятельность; ученики его подавали въ началѣ большія надежды, что, впрочемъ,

длилось не долго, такъ какъ они не оправдали этихъ надеждъ, и высшая школа закрылась, не принеся замѣтной пользы.

Университеты, съ присвоенными имъ привилегіями, были учрежденіями, болѣе прочными, что̀ и доказали Московскій и Харьковскій университеты, которые, хотя и съ трудомъ, продержались въ теченіе долгаго времени, среди полнаго нерадѣнія и забвенія о нихъ.

Графъ Завадовскій былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ служилъ секретаремъ у графа Румянцева въ одно время съ Безбородко, своимъ закадычнымъ другомъ. Графъ Румянцевъ представилъ ихъ обоихъ, какъ секретарей, императрицѣ Екатеринѣ, что̀ и положило начало ихъ блестящей карьерѣ. Безбородко выдвинулся вскорѣ своею работоспособностью и сообразительностью; онъ пользовался неизмѣннымъ довѣріемъ государыни и достигъ высшихъ должностей въ Имперіи. Сознавая свое собственное достоинство, онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, не кадившимъ фаворитамъ и державшимся на высотѣ, благодаря личнымъ заслугамъ. Завадовскій добился того же, но другимъ путемъ. Онъ сталъ фаворитомъ Екатерины и привязался къ ней до такой степени, что̀ лишившись черезъ полгода ея расположенія, почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ. Его друзья, Воронцовъ и Безбородко, совѣтовали ему философски отнестись къ своему положенію. Въ утѣшеніе онъ получилъ отъ императрицы подарки, на которые она не скупилась для своихъ бывшихъ фаворитовъ. На этотъ разъ подарки ея были особенно значительны, такъ какъ, помимо своего личнаго расположенія, она многимъ была обязана Завадовскому. Впослѣдствіи онъ женился, но продолжалъ быть въ милости при дворѣ. Въ министерство народнаго просвѣщенія онъ былъ приглашенъ благодаря своему другу, графу Воронцову, а также и потому, что между старыми вельможами онъ прослылъ за знатока русскаго правописанія, и многіе манифесты временъ Екатерины принадлежали его перу. Это знаніе создало ему положеніе и репутацію ученаго.

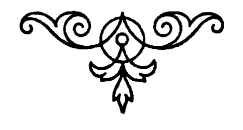
Завадовскій былъ добрымъ и справедливымъ человѣкомъ, тяжеловѣснымъ и неповоротливымъ, какъ по уму, такъ и по̀ внѣшнему виду, не отличался быстротой соображенія и не умѣлъ схватывать оттѣнковъ дѣла; между своими современниками, не желавшими ничему учиться и ничего забыть, онъ выдѣлялся, въ ущербъ самолюбію, своимъ сочувствіемъ и притязаніемъ на пониманіе новыхъ идей и вводимыхъ улучшеній. Это не мѣшало ему въ высшей степени обладать отличительною чертою каждаго русскаго администратора: безграничною преданностью и полнымъ подчиненіемъ всему, что исходитъ свыше. Онъ приходилъ въ восторгъ отъ чтенія классическихъ авторовъ и съ удовольствіемъ цитировалъ отрывки изъ

нихъ, удержавшіеся въ памяти. Русская литература его тоже сильно интересовала. По странной случайности онъ получилъ образованіе и изучилъ латинскій языкъ въ польской іезуитской коллегіи. Онъ не забывалъ польскаго языка и рисовался этимъ, говоря съ восхищеніемъ о нашемъ старинномъ поэтѣ Янѣ Кохановскомъ, изъ сочиненій котораго онъ зналъ нѣсколько отрывковъ наизусть. Благодаря этому, онъ питалъ особую любовь ко всему польскому, выражавшуюся даже въ мелочахъ, хотя бы въ томъ, напримѣръ, что на его обѣдахъ всегда подавались польскія кушанья.

Въ то время, какъ другіе попечители часто встрѣчали сопротивленіе своимъ дѣйствіямъ со стороны министровъ, не всегда расположенныхъ уступать новымъ вѣяніямъ реформы и прогресса, я, со своей стороны, не могу ни на что пожаловаться, такъ какъ пользовался полнымъ довѣріемъ графа Завадовскаго. Достаточно было съ моей стороны малѣйшаго предположенія, чтобы онъ тотчасъ же поддержалъ меня съ полной готовностью. Я ему крайне обязанъ за его снисходительность, откровенность и дружбу, которыми онъ меня постоянно дарилъ.

Сообщилъ К. Военскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

кевскаго можно было заключить, что гетманъ былъ готовъ помочь лишь въ томъ случаѣ, если „на престолъ будетъ избранъ королевичъ“. Бояре чувствовали, что имъ угрожаетъ опасность съ двухъ сторонъ и что необходимо войти въ соглашеніе либо съ Жолкевскимъ, либо съ самозванцемъ; рѣшеніе вопроса съ точки зрѣнія внѣшней и внутренней политики было для нихъ совершенно ясно. Въ составъ боярской думы входили главнымъ образомъ потомки старинныхъ княжескихъ родовъ, больше всего заботившіеся о томъ, чтобы сохранить свое вліятельное положеніе въ странѣ; они скорѣй могли ожидать, что ихъ права будутъ ограждены шляхетной Рѣчью Посполитой, нежели Димитріемъ, который опирался главнымъ образомъ на казаковъ, на менѣе вліятельныхъ московскихъ бояръ и отчасти на столичную чернь. Руководствуясь такими соображеніями, Мстиславскій рѣшилъ войти въ сношеніе съ Жолкевскимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, желая удержать самозванца отъ дальнѣйшихъ непріязненныхъ дѣйствій, онъ подалъ ему надежду на то, что онъ вступитъ съ нимъ вскорѣ въ переговоры.

„27 іюля, читаемъ въ дневникѣ Сапѣги, царь послалъ въ Москву письмо, въ которомъ просилъ „бояръ и весь честный народъ“ сжалиться, прекратить кровопролитіе и передаться, ему, Димитрію. Подъ вечеръ царь и гетманъ (т. е. Сапѣга) подъѣхали къ столицѣ; изъ крѣпости вышло два думныхъ боярина: Масальскій и Салтыковъ; они сказали полякамъ, что Шуйскій низложенъ, и что бояре и весь міръ возложили на нихъ обязанность заботиться о благѣ государства. „Когда наши подъѣхали къ самымъ воротамъ города, пишетъ Сапѣга, русскіе обошлись съ ними ласково, не приказали стрѣлять въ нихъ, и звали ихъ къ себѣ вечеромъ, обѣщая завтра приступить къ переговорамъ“.

На другой день переговоры начаты не были, но когда, два дня спустя, прибылъ въ Москву Лазовскій, посланный польскимъ войскомъ съ письмомъ подобнаго же содержанія, то бояре выразили готовность приступить къ переговорамъ, извиняясь, что они „не могутъ начать ихъ тотчасъ, такъ какъ это былъ праздникъ—Ильинъ день; многіе бояре были пьяны и не могли ничего дѣлать“.

Бояре водили такимъ образомъ Лазовскаго за носъ еще двое сутокъ; наконецъ, 2 августа, когда онъ снова „поѣхалъ въ Москву за отвѣтомъ, ему дали записку, въ которой говорилось, что поляки слишкомъ замѣшкались въ русской землѣ, пора бы имъ уйти въ Литву“.

Получивъ такой отвѣтъ, Димитрій рѣшилъ не медля начать переговоры съ Сигизмундомъ и съ этой цѣлью на другой же день отправилъ торжественное посольство въ Смоленскъ.

Прибывъ въ королевскій обозъ, его послы „изложили письменно условія, на коихъ самозванецъ предлагалъ королю заключить тѣсный союзъ“.

Въ вознагражденіе за помощь, которой онъ просилъ у Сигизмунда, Димитрій предлагалъ ему въ теченіе десяти лѣтъ „вносить ежегодно въ казну Рѣчи Посполитой 300.000 злотыхъ“, выдавать королевичу ежегодно 100.000 злотыхъ, „всѣ инфлядскія земли возвратить Польшѣ“, „помочь Сигизмунду завоевать обратно Шведское королевство и вести войну съ прочими его врагами“.

Послы съ трудомъ добились аудіенціи у короля, который, выслушавъ ихъ, приказалъ имъ обратиться за отвѣтомъ къ браплавскому воеводѣ; Потоцкій же разбранилъ ихъ за то, что они осмѣлились прибыть отъ имени самозванца, и совѣтовалъ имъ бросить его и служить королю и отечеству.

Тѣмъ временемъ подъ Москвою совершились важныя событія.

5 августа бояре, сговорившись съ Жолкевскимъ, собрались на большой дорогѣ, подъ Дѣвичьимъ монастыремъ на совѣщаніе: со стороны русскихъ тутъ были князь Иванъ Троекуровъ съ тремя товарищами, со стороны поляковъ Александръ Балабанъ и Станиславъ Домарадскій, подстолій львовскій. Переговоры не привели ни къ чему. Посланцы Мстиславскаго домогались, чтобы королевичъ, вступивъ на престолъ, принялъ православіе, на что̀ поляки конечно не могли согласиться; было рѣшено, что Жолкевскій самъ встрѣтится и переговоритъ съ боярами.

Жители столицы, какъ оказалось, были не прочь видѣть на престолѣ Владислава; въ то время какъ происходили переговоры, „изъ столицы выѣхало человѣкъ двадцать бояръ, которые, стоя въ сторонкѣ, не вмѣшивались въ переговоры съ уполномоченными, но потомъ подъѣхали къ полякамъ, привѣтствовали ихъ и высказали надежду, что для Россіи настанетъ золотой вѣкъ, когда на престолѣ будетъ королевичъ“.

Недѣлю спустя, 12 августа, въ томъ же мѣстѣ съѣхался съ боярами гетманъ. „Думные бояре“, пишетъ Жолкевскій въ своемъ дневникѣ, „назначили день для переговоровъ съ гетманомъ. Противъ Дѣвичьяго монастыря былъ раскинутъ шатеръ. Съ обѣихъ сторонъ съѣхалось ровное число уполномоченныхъ. Обмѣнявшись привѣтствіями, они сошли съ коней и поздоровались. Съ гетманомъ пріѣхали полковники и ротмистры. Изъ столицы пріѣхалъ самъ князь Ѳедоръ Мстиславскій, Василій Голицынъ, Ѳедоръ Шереметевъ, Данило Мезецкій и два думныхъ дьяка: Василій Телепневъ и Томило Луговскій. Усѣвшись въ палаткѣ, онъ объявилъ отъ имени народа, что они хотятъ имѣть царемъ королевича Владислава,

но требуютъ, чтобы гетманъ далъ присягу въ томъ, что королевичъ, вступивъ на престолъ, будетъ строго держаться „нѣкоторыхъ пунктовъ, которые были перечислены въ длинномъ свиткѣ, прочитанномъ Василіемъ Телепневымъ“.

Выслушавъ эти пункты, Жолкевскій очутился въ затруднительномъ положеніи.

Онъ давно ожидалъ этихъ переговоровъ и поэтому, тотчасъ послѣ Клушинской битвы, просилъ короля прислать ему на этотъ случай инструкціи, но Сигизмундъ, по обыкновенію относившійся ко всему небрежно, и этотъ разъ не сдѣлалъ того, что у него просили. Положеніе гетмана было трудное, такъ какъ вопросъ не терпѣлъ отлагательства.

Не получивъ никакой инструкціи отъ короля, онъ тѣмъ не менѣе заявилъ, что готовъ скрѣпить крестнымъ цѣлованіемъ тѣ статьи, которыя были обсуждены и приняты Салтыковымъ и прочими боярами подъ Смоленскомъ совмѣстно съ сенаторами; прочихъ пунктовъ, которые ими не обсуждались, онъ не согласился утвердить.

Въ этихъ пунктахъ выражалось требованіе, чтобы Владиславъ женился на православной, чтобы, вступивъ на престолъ, онъ не поддерживалъ съ папою никакихъ сношеній, чтобы онъ повелѣлъ предавать смертной казни всѣхъ, кто вздумалъ бы перейти изъ православной вѣры въ католическую. Бояре требовали еще, чтобы по пріѣздѣ въ Москву онъ не допускалъ къ себѣ поляковъ, и чтобы его свита состояла не болѣе какъ изъ 300 человѣкъ.

Но эти вопросы пришлось обсуждать не долго, такъ какъ въ это самое время самозванецъ подступилъ снова къ Москвѣ. Убѣдясь въ томъ, что столица не хочетъ добровольно сдаться ему, Димитрій велѣлъ поджечь окрестныя села и хотѣлъ силою вынудить ее къ сдачѣ.

„Началась перестрѣлка, пишетъ Жолкевскій, всѣ поспѣшили къ князю Мстиславскому, чтобы дать ему знать о томъ, что происходитъ; бояре бросили переговоры и поспѣшили къ войску, а гетманъ былъ очень радъ, что переговоры прервались, въ надеждѣ, что тѣмъ временемъ будутъ получены инструкціи отъ короля“.

Онъ и послѣ того всячески затягивалъ переговоры; когда же бояре и народъ приступили къ нему, а солдаты заявили рѣшительно, что они не хотятъ болѣе служить безъ денегъ, то обѣ стороны подписали наконецъ договоръ, принявъ въ основаніе его тѣ пункты, кои были утверждены въ февралѣ мѣсяцѣ подъ Смоленскомъ. Были выработаны также инструкціи для посольства, которое предполагалось отправить къ Сигизмунду.

27 августа договоръ былъ подписанъ обѣими сторонами, при самой торжественной обстановкѣ.

„На полдорогѣ отъ обоза до столицы“ было разбито два шатра; въ каждомъ изъ нихъ поставленъ алтарь, на которомъ кромѣ креста стояли образа въ богатыхъ ризахъ; около палатки стояла тысячная толпа. Въ этихъ палаткахъ московскіе бояре, а за ними Жолкевскій, полковники и ротмистры и прочія важнѣйшія лица польскаго войска присягнули на подданство королевичу Владиславу. Затѣмъ, въ теченіе семи недѣль приводили къ присягѣ населеніе, и такимъ образомъ королевичу присягнуло почти все Московское государство, за исключеніемъ Смоленска, Новгорода, Пскова и нѣкоторыхъ крѣпостей.

Два дня спустя послѣ заключенія договора, Жолкевскій дождался, наконецъ, инструкціи отъ Сигизмунда; король требовалъ, чтобы русскіе присягали не королевичу, а ему. Нѣсколько дней спустя пріѣхалъ Александръ Госѣевскій съ письмомъ отъ короля, въ которомъ онъ подтверждалъ то же. Но уже было поздно; къ тому же гетманъ, зная, какъ русскіе ненавидѣли короля, боялся, что если онъ будетъ настаивать на этомъ, то они снова перейдутъ на сторону самозванца или кого-либо иного.

Заключеніе договора было отпраздновано въ Москвѣ весьма торжественно. „29 августа, гетманъ пригласилъ къ себѣ московскихъ бояръ и не только отмѣнно угостилъ ихъ, но и обдарилъ каждаго“. Нѣсколько дней спустя гетманъ былъ приглашенъ къ князю Мстиславскому. „Я также былъ у него, пишетъ Маскевичъ, вмѣстѣ съ гетманомъ; насъ угощали въ трехъ комнатахъ. Все было приготовлено на московскій ладъ, но мнѣ ни одно блюдо не пришлось по вкусу кромѣ печеній, походившихъ на французскія! Мстиславскій подарилъ гетману сорокъ соболей, кречета и пса для охоты на медвѣдя“.

По договору, заключенному 27 августа, Жолкевскій обязался между прочимъ „отвлечь отъ Димитрія Сапѣгу и тѣхъ поляковъ и литовцевъ, кои служили ему“.

На другой же день по заключеніи договора онъ прислалъ въ обозъ самозванца двухъ польскихъ ротмистровъ, которые, собравъ „рыцарское коло, стали убѣждать поляковъ, служившихъ самозванцу, уйти и „не мѣшать далѣе королю и Рѣчи Посполитой“; гетманъ требовалъ отъ нихъ, чтобы они „либо добромъ уговорили самозванца войти въ соглашеніе съ королемъ“, либо выдали его, или, по крайней мѣрѣ, добровольно ушли отъ него.

Сапѣга цѣлыхъ два дня „совѣщался съ полковниками, ротмистрами и поручиками“ о томъ, какой отвѣтъ дать посланнымъ, и,

наконецъ, далъ имъ письмо къ Жолкевскому, въ которомъ сторонники самозванца говорили, что „хотя они довольны тѣмъ, что столица передалась королю“, но, „радѣя о благѣ народа“, они не хотятъ отказаться отъ царя и царицы и заключать какой бы то ни было договоръ безъ его согласія и поэтому не думаютъ уйти изъ подъ столицы.

Несмотря на столь смѣлый и рѣшительный отвѣтъ, въ польскомъ войскѣ обнаружилось два теченія. 4-го августа на частномъ совѣщаніи у гетмана (т. е. у Сапѣги) и на полковыхъ коло обсуждался вопросъ о томъ, что было бы лучше—сблизить короля съ самозванцемъ или же, оставшись съ Димитріемъ, не щадя здоровья и жизни, сражаться даже со своими братьями (поляками).

Вопросъ этотъ хотѣли предложить на другой день на обсужденіе генеральнаго коло, но въ это время произошли событія, круто измѣнившія положеніе самозванца. Видя, что всѣ его доводы и убѣжденія не ведутъ ни къ чему, Жолкевскій вошелъ въ соглашеніе съ думными боярами и, занявъ карауломъ броды, „дабы о чинимыхъ имъ приготовленіяхъ не провѣдали сторонники Димитрія“, онъ выступилъ изъ лагеря, въ ночь съ 4 на 5 авуста и на разсвѣтѣ подошелъ къ обозу самозванца. На подмогу ему бояре со своей стороны вывели въ поле до 15 тысячъ войска.

Получивъ извѣстіе о приближеніи королевской арміи, Сапѣга приготовился къ бою. Московскіе бояре хотѣли тотчасъ атаковать его, но Жолкевскій не допустилъ этого, такъ какъ онъ не хотѣлъ сражаться, а хотѣлъ только, какъ онъ говорилъ, „попугать Сапѣгу“. Между тѣмъ изъ обоза самозванца прискакалъ Побѣдинскій съ пятью ротмистрами и „униженно сталъ просилъ гетмана, чтобы онъ не велъ войска въ атаку“. Жолкевскій охотно согласился на это; тѣмъ болѣе, что онъ еще до его прiѣзда послалъ Сапѣгѣ „письмецо“, въ которомъ писалъ, что онъ не хотѣлъ бы проливать кровь и прибылъ только для того, чтобы переговорить съ нимъ лично, а не черезъ посланныхъ.

Когда Сапѣга отправился на другой день къ Жолкевскому, послѣдній выѣхалъ ему навстрѣчу; поздоровавшись, они стали бесѣдовать, не сходя съ лошади. Къ нимъ присоединились маршалокъ Чарнецкій, Госѣевскій и многіе полковники.

Въ тотъ же день Жолкевскій прислалъ Сапѣгѣ письменное извѣщеніе о томъ, что, если царь войдетъ въ соглашеніе съ его императорскимъ величествомъ и не будетъ мѣшать ему, то король дастъ ему въ вознагражденіе Самборъ или Гродно, на что онъ надѣется получить на предстоящемъ сеймѣ согласіе представителей сословій.

6 августа въ обозѣ самозванца состоялось генеральное коло, на

которомъ былъ одобренъ договоръ, заключенный между Сапѣгой и Жолкевскимъ.

Димитрій находился въ это время „у своей жены“ въ Никольскомъ монастырѣ на Угрѣ, въ двухъ миляхъ отъ обоза. Къ нему были посланы Буховецъ и Побѣдинскій, которые стали убѣждать его, что такъ какъ не было ни малѣйшей надежды на то, что онъ могъ „утвердиться на престолѣ“, то ему слѣдовало войти въ договоръ съ королемъ; и что онъ могъ бы въ такомъ случаѣ разсчитывать на хорошее вознагражденіе.

Всѣ ихъ доводы были напрасны. Послѣ сверженія Шуйскаго самозванецъ льстилъ себя надеждою, что ему удастся воцариться въ Москвѣ, ибо у него были сторонники не только въ столицѣ, но ему передались снова нѣкоторые города и крѣпости; на его сторону перешелъ также съ донскими казаками Заруцкій. Все это предвѣщало, по его мнѣнію, благопріятный для него оборотъ дѣла, и это несомнѣнно было причиною того, что самозванецъ гордо отвѣтилъ на предложеніе посланныхъ, что „онъ не думаетъ и не намѣренъ заключать никакихъ договоровъ“.

— Я согласился бы скорѣй „служить какому-нибудь холопу и такимъ образомъ добывать себѣ хлѣбъ, нежели смотрѣть изъ рукъ е. к. в.“, сказалъ онъ.

Еще болѣе недружелюбно приняла посланныхъ Марина; она воскликнула:

— Пускай е. к. в. уступитъ царю Краковъ; а царь отдастъ ему Варшаву!

Узнавъ о томъ, Жолкевскій рѣшилъ „захватить этого бездѣльника и заточить въ монастырь“; онъ условился обо всемъ съ боярами. „Мы двинулись въ путь“, писалъ онъ королю, „въ первомъ часу ночи. Я вышелъ съ войскомъ и казаками на дорогу, ведшую къ Никольскому монастырю. Бояре насъ уже поджидали. Въ то время какъ я совѣщался съ ними о томъ, какъ обложить монастырь, къ намъ прискакалъ отъ самозванца Пушкинъ и сообщилъ, что Димитрій бѣжалъ съ нѣсколькими стами человѣкъ свиты, посадивъ на коней свою жену и прочихъ женщинъ, ее не покидавшихъ.

„Остановивъ войско, я поспѣшилъ къ Сапѣгѣ, который выѣхалъ мнѣ навстрѣчу изъ своего обоза. Онъ подтвердилъ мнѣ полученное нами извѣстіе; о чемъ онъ узналъ отъ Валавскаго, который былъ у самозванца „въ ту минуту, когда онъ тронулся въ путь“.

Димитрія давно уже тревожили переговоры, которые велись королемъ съ польскимъ войскомъ, находившимся у него на службѣ, поэтому какъ только онъ узналъ о пріѣздѣ посланныхъ гетманомъ, онъ тотчасъ началъ въ тайнѣ готовиться къ отѣзду. Но объ этомъ

узнали окружающіе, и на другой день „въ его обозѣ было большое волненіе“, такъ какъ нѣкоторые бояре и татары также собрались уѣзжать. Но Сапѣгѣ удалось успокоить ихъ и удержать отъ этого намѣренія. Когда на 6 сентября одинъ „предатель“ предупредилъ самозванца о готовившейся ему бѣдѣ, онъ тотчасъ рѣшилъ выполнить свое намѣреніе. Съ нимъ вмѣстѣ, кромѣ Марины и ея женской прислуги, уѣхалъ изъ лагеря Заруцкій съ пятью сотнями донскихъ казаковъ.

Жолкевскій хотѣлъ послать за нимъ погоню, но рѣшилъ, что Димитрій вѣроятно уже такъ далеко, что его не догнать.

Самозванецъ бѣжалъ въ Калугу. Это имѣло для него крайне неблагопріятныя послѣдствія. За нимъ послѣдовали только казаки, да нѣсколько боярскихъ сыновей; всѣ прочіе остались въ обозѣ и цѣловали крестъ королевичу, даже тѣ города, которые присылали недавно самозванцу „челобитныя“, почти всѣ передались Владиславу. Послѣ этого Димитрій окончательно утратилъ всякое вліяніе, и хотя онъ все еще не отказывался отъ мысли „сѣсть на престолъ“, но его счастливая звѣзда съ этого момента закатилась окончательно.

XIII.

Бояре отправляютъ посольство къ Сигизмунду.—Роль Василія Голицына.—Недовольство столицы. — Отъѣздъ Жолкевскаго. — Госѣевскій сурово наказываетъ польскихъ солдатъ. — Враги Сигизмунда договариваются съ самозванцемъ. — Уразъ-Мухаммедъ. — Смерть второго Димитрія. — Волненіе въ Калугѣ.

Заключая 27 августа договоръ съ боярами, Жолкевскій условился съ ними относительно посылки большого посольства въ королевскій обозъ подъ Смоленскъ, съ цѣлью предложить Владиславу корону и условиться съ Сигизмундомъ относительно нѣкоторыхъ требованій, не оговоренныхъ въ трактатахъ.

Успѣхъ предстоявшихъ переговоровъ зависѣлъ въ значительной степени отъ выбора пословъ; гетманъ усиленно старался о томъ, чтобы во главѣ посольства стоялъ человѣкъ искренно преданный королевичу.

Среди московскихъ бояръ особенно выдавался въ ту пору своимъ умомъ честолюбивый и хитрый Василій Голицынъ. „Неспокойная голова“, говорили о немъ современники, онъ „былъ бы не прочь самъ возсѣсть на престолъ“. Онъ такъ ловко съумѣлъ повести дѣло, что хотя онъ только-что передъ тѣмъ открыто добивался короны, но Жолкевскій вполнѣ довѣрялъ ему и даже старался о томъ, чтобы онъ былъ посланъ къ Сигизмунду; впослѣдствіи оказалось,

что благородный Жолкевскій жестоко ошибся довѣряя Голицыну.

Съ согласія гетмана во главѣ посольства сталъ также Филаретъ Романовъ, митрополитъ ростовскій. Хотя Жолкевскій и пишетъ въ своемъ дневникѣ, что онъ настаивалъ на посылкѣ Голицына и Филарета лишь съ тою цѣлью, чтобы король могъ быть увѣреннымъ, что первый изъ нихъ не будетъ добиваться короны для себя лично, а второй для своего сына Михаила, но письмо гетмана къ королю рисуетъ вѣрнѣе его тогдашніе виды, нежели дневникъ, написанный съ цѣлью самооправданія, что Жолкевскій дѣйствительно довѣрялъ въ то время Голицыну, видно изъ того, что гетманъ согласился,—какъ онъ и самъ о томъ упоминаетъ,—„чтобы Голицынъ выбралъ прочихъ членовъ посольства по своему собственному усмотрѣнію". Въ числѣ его спутниковъ были: князь Данило Мизецкій, Василій Сунинъ и думный дьякъ Томило Луговской.

Посольство, прибывъ въ Смоленскъ 17 октября, было принято весьма торжественно. Такъ какъ оно было многочисленно,—въ составъ его вмѣстѣ съ конвоемъ входило 776 чел.—то оно было размѣщено въ палаткахъ противъ королевскаго обоза, по другую сторону Днѣпра, подъ Троицкимъ монастыремъ. Для надзора было приставлено, ввидѣ почетной стражи, 600 чел. пѣхоты.

Переговоры тянулись два мѣсяца. Послы на засѣданіяхъ добивались совершенно невозможнаго, а именно чтобы Владиславъ перешелъ въ лоно восточной церкви, женился на православной; чтобы, вступивъ на престолъ, онъ не поддерживалъ съ папою никакихъ сношеній по дѣламъ религіи; чтобы въ его свитѣ было ограниченное число поляковъ, и чтобы онъ никого изъ нихъ не назначалъ на оффиціальныя должности. Они требовали кромѣ того, чтобы русскимъ были возвращены всѣ взятыя за послѣднее время крѣпости; чтобы король снялъ осаду Смоленска—и чтобы заключенный между ними договоръ былъ утвержденъ сеймомъ и сенатомъ. Наконецъ они просили, чтобы Владиславъ пріѣхалъ въ Москву какъ можно скорѣе.

Договориться обѣимъ сторонамъ было очень трудно, тѣмъ болѣе, что король и сенаторы, которые были съ нимъ подъ Смоленскомъ, не одобряли договора, заключеннаго Жолкевскимъ. Сигизмундъ, какъ извѣстно, самъ хотѣлъ вступить на Московскій престолъ. Два Потоцкихъ, изъ зависти къ гетману, склоняли къ этому короля; желая угодить Сигизмунду, и нѣкоторые сенаторы, какъ, напр., Щенсный Крыскій, поддерживали его въ этомъ намѣреніи, но противъ этого энергично возсталъ Левъ Сапѣга вѣроятно потому, что въ случаѣ заключенія подобнаго договора, польскому войску пришлось бы отступить отъ Смоленска, ему не удалось бы тогда вернуть

тѣхъ обширныхъ имѣній, какими владѣли нѣкогда его предки въ смоленскомъ воеводствѣ. Такимъ образомъ несговорчивость Сигизмунда, зависть и личные замыслы его совѣтниковъ—все было противъ договора, заключеннаго гетманомъ.

Короля поддержали сенаторы, къ которымъ онъ разослалъ гонцовъ съ письмами, желая узнать ихъ мнѣніе. По словамъ Кобержицкаго, немногіе изъ нихъ совѣтовали послать въ Москву Владислава: одни были за то, чтобы отложить рѣшеніе вопроса до ближайшаго сейма, другіе —совѣтовали отвѣтить отказомъ, ссылаясь на то, что королевичъ слишкомъ молодъ, что его опасно посылать въ то время, когда въ Московскомъ государствѣ царствуетъ такая смута; между прочимъ они упоминали о торжественномъ заявленіи Сигизмунда, что онъ принимаетъ участіе въ этомъ дѣлѣ не изъ корыстныхъ цѣлей, а изъ желанія добра Рѣчи Посполитой.

При такомъ разногласіи трудно было придти къ соглашенію. Правда, послы соглашались отложить обсужденіе нѣкоторыхъ статей договора до сейма, но они настоятельно требовали, чтобы королевичъ ѣхалъ какъ можно скорѣе въ Москву; сенаторы же, не давая на это никакого отвѣта, требовали со своей стороны немедленной сдачи Смоленска.

Такое отношеніе къ дѣлу Сигизмунда и сенаторовъ до того возмутило пословъ, что многіе уже въ началѣ ноября уѣхали обратно въ Москву; когда тамъ узнали, съ ихъ словъ, о томъ, какъ поступаетъ король, это возбудило страшное неудовольствіе и ропотъ, тѣмъ болѣе, что въ самой столицѣ было достаточно поводовъ къ недовольству поляками. 18 сентября, пишетъ одинъ очевидецъ, въ Москвѣ былъ пущенъ слухъ, что Сапѣга уходитъ въ Переяславль; бояре тотчасъ заперли городскія ворота и приставили къ нимъ стражу. Человѣкъ двадцать поляковъ, ѣхавшихъ въ городъ, увидавъ, что ворота заперты, дали знать польскому войску, что русскіе измѣнили, и казаки начали грабить русскихъ, пріѣхавшихъ въ ихъ обозъ съ товарами. Поднялся страшный шумъ, который Сапѣгѣ едва удалось усмирить. На большой дорогѣ оказалось до трехсотъ убитыхъ и раненыхъ лошадей.

На другой день къ гетману пріѣхали бояре жаловаться на самоволіе войска. Сапѣга изъявилъ готовность казнить зачинщиковъ безпорядка и удовлетворить русскихъ за убитыхъ лошадей.

Между тѣмъ подъѣхалъ Сапѣга съ нѣсколькими товарищами. Бояре, которые немного подвыпили, напали на него за то, что онъ допустилъ подобное своеволіе; Ляпуновъ кинулся на него съ саблей, говоря:

— Ты хочешь насъ выдать царьку!—Гетману пришлось разнимать ихъ.

Сапѣгѣ удалось въ концѣ концовъ убѣдить войско, идти въ Сѣверскую землю, куда они и выступили 24 числа, но волненіе не улеглось.

Послѣ ухода Сапѣги, бояре, видя, что народъ продолжаетъ волноваться, совѣтовали гетману ввести войско въ столицу, на что̀ онъ согласился; когда же въ Москву явились уполномоченные для расквартированія офицеровъ и солдатъ, то какой-то чернецъ сталъ бить въ набатъ, крича, что поляки вступаютъ въ городъ. Это было сдѣлано по подстрекательству Шуйскихъ и патріарха.

Бояре были сильно перепуганы и отправились къ гетману, прося его повременить дня два.

Это вызвало такое негодованіе въ польскомъ войскѣ, что ихъ чуть не убили; они были обязаны своимъ спасеніемъ только Жолкевскому, который отослалъ ихъ обратно въ Москву; Василія Шуйскаго отправилъ подъ стражею въ Осиповъ монастырь, а Димитрія и Ивана Шуйскихъ—въ Бѣлы.

Но и по высылкѣ Шуйскихъ „патріархъ не переставъ мутить народъ". 10 октября онъ собралъ большое число дворянъ и служилыхъ людей, которые совѣщались съ нимъ о томъ, можно ли нарушить крестное цѣлованіе. Патріархъ дважды посылалъ за боярами, приглашая ихъ къ себѣ. Они отговаривались тѣмъ, что заняты дѣлами службы. Въ третій разъ онъ послалъ сказать имъ, что если они не придутъ къ нему, то онъ самъ придетъ къ нимъ съ народомъ. Наконецъ бояре явились и должны были выслушать не мало „мятежныхъ рѣчей отъ самого гетмана и отъ рыцарства". Болѣе всего укоряли гетмана за то, что Жолкевскій не послалъ никого изъ полковниковъ и ротмистровъ противъ самозванца въ Калугу. Уѣзжая, бояре сказали патріарху, „чтобы онъ лучше занимался церковными дѣлами, а не мѣшался въ земскія дѣла, ибо никогда не бывало, чтобы попы занимались государственными дѣлами".

Когда бояре пріѣхали на другой день къ Жолкевскому, онъ во всемъ съумѣлъ оправдаться и, сговорившись съ ними, ввелъ часть войска въ столицу.

Въ Москвѣ было въ то время 18.000 стрѣлковъ. Бояре опасались, чтобы, въ случаѣ какихъ-либо безпорядковъ, они не стали дѣйствовать заодно съ чернью. Поэтому Жолкевскій отправилъ значительную часть ихъ подъ командою Ивана Салтыкова противъ шведовъ (послѣ низложенія Шуйскаго, шведы начали войну съ русскими и взяли Ладожскую крѣпость).

Онъ старался какъ-нибудь поладить и съ патріархомъ, „который

очень не благоволилъ къ полякамъ, какъ къ католикамъ"; сначала онъ сносился съ нимъ черезъ посланныхъ, а затѣмъ самъ побывалъ у него. Гермогенъ держалъ себя такъ, что гетману казалось, будто онъ его „обошелъ" и онъ даже подружился съ нимъ, но вскорѣ оказалось, что относительно патріарха ошибся онъ точно такъже, какъ относительно Голицына.

Устроивъ дѣла въ Москвѣ, гетманъ рѣшилъ отправиться въ королевскій обозъ подъ Смоленскъ, съ намѣреніемъ убѣдить Сигизмунда въ томъ, что если бы обнаружилось его желаніе вступить на московскій престолъ, то это могло возбудить всеобщее волненіе. Онъ не открылъ боярамъ истинной цѣли своей поѣздки, сказавъ только, что онъ ѣхалъ доложить обо всемъ королю и рѣшить вмѣстѣ съ нимъ, какимъ образомъ можно было бы устранить самозванца, засѣвшаго въ Калугѣ.

Передъ самымъ отъѣздомъ гетмана изъ Москвы пріѣхалъ къ нему Мстиславскій съ боярами. Они стали просить его о двухъ вещахъ: во-первыхъ, чтобы онъ не уѣзжалъ, такъ какъ „при немъ все спокойно, если же онъ уѣдетъ, то его своевольное войско можетъ затѣять какую-нибудь ссору съ русскими"; во-вторыхъ, они выразили желаніе, чтобы вмѣстѣ съ королевичемъ, который по молодости лѣтъ не умѣлъ еще управлять государствомъ, пріѣхалъ бы самъ король.

Князь Мстиславскій и знатнѣйшіе бояре проводили гетмана за нѣсколько верстъ отъ города; когда онъ проѣзжалъ по улицамъ, чернь бѣжала вокругъ его кареты, прощалась съ нимъ и благословляла его.

9 ноября Жолкевскій былъ уже въ королевскомъ обозѣ, гдѣ ему выѣхали навстрѣчу всѣ сенаторы, шляхтичи и часть войска. Вслѣдъ за нимъ привезли въ Смоленскъ Шуйскихъ. На другой день онъ получилъ аудіенцію у короля. Моментъ былъ торжественный: когда Жолкевскій, какъ побѣдитель, передалъ королю плѣннаго московскаго царя и его братьевъ.

На слѣдующій день, на частной аудіенціи онъ убѣждалъ Сигизмунда въ необходимости строго выполнить всѣ условія договора, ради блага династіи и Рѣчи Посполитой, но его убѣжденія были тщетны, ибо, по выраженію гетмана, „уши короля были глухи ко всѣмъ его убѣжденіямъ".

Между тѣмъ въ Москвѣ, благодаря энергіи Госѣевскаго, которому гетманъ ввѣрилъ временно начальство надъ войскомъ, установились дружественныя отношенія между польскимъ гарнизономъ и мѣстными жителями. Правда, со стороны поляковъ были попытки къ своеволію, но это не нарушило спокойствія, такъ какъ за эти

попытки они были строго наказаны. Такъ, напр., „нѣкій Блинскій, напившись допьяна, выстрѣлилъ нѣсколько разъ въ образъ Божіей Матери, написанный надъ Никольскими воротами. Когда бояре пожаловались на это Госѣевскому, то коло приговорило его къ смерти; передъ воротами былъ сложенъ костеръ, на которомъ его сожгли". По приказу Госѣевскаго на всѣхъ городскихъ воротахъ было расклеено послѣ этого объявленіе, гласившее, что всѣ тѣ, кои будутъ уличены въ подобномъ святатотствѣ, подвергнутся столь же суровому наказанію. Другой разъ случилось, что одинъ изъ челядниковъ похитилъ боярскую дочку въ то время, какъ она возвращалась съ родителями изъ бани. Родители не знали, кому жаловаться. По прошествіи двухъ недѣль дочка возвратилась домой. Тогда нашли и виновнаго; коло приговорило его, по польскимъ законамъ, къ смертной казни, но приговоръ былъ отмѣненъ и его наказали кнутомъ. „Онъ былъ радъ радешенекъ, что остался живъ; русскіе успокоились".

Еще строже поступили съ четырьмя гайдуками, которые подрались въ Кремлѣ, близъ соборовъ; это было сочтено оскорбленіемъ святыни; въ ту же ночь двое поляковъ украли нѣсколько яблокъ и орѣховъ у одного купца въ Китай-городѣ. Всѣ шестеро были приговорены къ смертной казни. Ихъ вывели на лобное мѣсто, и они были бы казнены, если бы не заступился патріархъ; впрочемъ, ихъ поступокъ не остался безнаказаннымъ, такъ какъ ихъ вывели, по московскому обычаю, на площадь и наказали кнутомъ.

Несмотря на справедливость и строгость, которую проявляли польскіе начальники, между поляками и русскими не было взаимнаго довѣрія. „Мы соблюдали, пишетъ Маскевичъ, величайшую осторожность; у всѣхъ воротъ и на перекресткахъ день и ночь стояла стража. Такъ прожили мы нѣсколько недѣль; приглашали другъ друга на обѣды, но на умѣ у насъ было совсѣмъ иное; по русской пословицѣ „у насъ была улыбка на устахъ, но мы держали камень за пазухой".

Самозванецъ не замедлилъ этимъ воспользоваться. „Франтъ, сидящій въ Калугѣ, не дремлетъ, писалъ одинъ современникъ, а всячески старается приманить и расположить къ себѣ всѣхъ и каждаго. Чуть не каждый день полякамъ удавалось захватить нѣсколько шпіоновъ, подосланныхъ Димитріемъ".

Жолкевскій, стараясь войти съ нимъ въ соглашеніе, разрѣшилъ своему ближайшему другу и совѣтнику Валавскому отправиться въ Калугу и „подать самозванцу надежду на милостивое расположеніе короля". Съ этой же цѣлью Янъ-Петръ Сапѣга поддерживалъ постоянно переписку съ нимъ и съ Мариной, но и ему также не удалось установить согласія между ними и королемъ.

Самозванецъ не особенно былъ склоненъ идти на уступки, такъ какъ онъ получилъ въ это время благопріятныя вѣсти изъ столицы. Въ октябрѣ мѣсяцѣ его сторонники составили заговоръ съ цѣлью вызвать возстаніе въ Москвѣ, вырѣзать польскій гарнизонъ и посадить на престолъ Димитрія. Но заговоръ былъ вскорѣ обнаруженъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда Жолкевскаго, разъѣздъ, высланный въ окрестности Серпухова, захватилъ двухъ донскихъ казаковъ, служившихъ въ войскѣ самозванца, изъ коихъ одинъ добровольно сознался въ томъ, что изъ Москвы отправились представители сословій съ письмами къ самозванцу, въ коихъ ему предлагали престолъ. Онъ же показалъ, что сторонники Димитрія замышляли при помощи какой-нибудь хитрости уничтожить королевское войско, перебить всѣхъ, а „князя Мстиславскаго, ограбивъ, въ одной рубашкѣ привезти къ вору (т. е. къ самозванцу)“.

Во главѣ заговора, въ которомъ принимали участіе стрѣльцы и масса черни, стояли Иванъ Воротынскій, Александръ Засѣкинъ и князь Андрей Голицынъ, братъ Василія. Послѣдній долженъ былъ обо всемъ условиться съ самозванцемъ. Главныхъ виновныхъ, т. е. Андрея Голицына и Воротынскаго, немедленно арестовали, о чемъ Госѣевскій донесъ королю; вскорѣ послѣ этого, 26 ноября, пріѣхалъ подъ Смоленскъ князь Масальскій, посланный боярами къ королю съ донесеніемъ о заговорѣ.

Это показало Сигизмунду, что Димитрій былъ все еще опаснымъ противникомъ; поэтому король рѣшилъ прервать съ нимъ всякіе переговоры и либо захватить его въ плѣнъ, либо такъ или иначе отдѣлаться отъ него. Съ этой цѣлью была обнародована 3 декабря королевская грамота, коей жителей Калуги убѣждали отказаться отъ самозванца, арестовать его, отослать въ королевскій обозъ и служить вѣрою и правдою королю и его сыну. Одновременно съ этимъ король рѣшилъ ускорить переговоры съ Сапѣгой и убѣдить его въ необходимости дѣйствовать противъ Димитрія.

Узнавъ о переговорахъ, начатыхъ Сапѣгою съ Сигизмундомъ, самозванецъ былъ этимъ до того взволнованъ, что рѣшилъ уйти на Донъ въ Воронежъ. Желая укрыться въ этомъ городѣ, самозванецъ укрѣпилъ его и снабдилъ всѣмъ необходимымъ. Но ему не пришлось воспользоваться этимъ убѣжищемъ, такъ какъ онъ ускорилъ своимъ собственнымъ поведеніемъ свою гибель.

Однимъ изъ его сторонниковъ былъ издавна касимовскій царь Уразъ-Мухаммедъ, перешедшій на сторону Димитрія, какъ только тотъ подступилъ къ Москвѣ; когда же самозванецъ бѣжалъ въ Калугу, Мухаммедъ сталъ открыто на сторону Сигизмунда.

— Я вамъ удивляюсь, люди добрые—говорилъ онъ полякамъ, служившимъ въ войскѣ самозванца,—что вы помогаете не королю, своему монарху, и не своему отечеству, а какому-то неизвѣстному человѣку, безъ рода и племени.

Въ это время прибылъ въ Тушино персидскій посолъ. Онъ долго колебался, къ кому ему обратиться: къ Димитрію, къ Шуйскому или къ королю польскому. Уразъ-Мухаммедъ посовѣтовалъ ему ѣхать къ Сигизмунду, присовокупивъ:

— Вотъ и я также ѣду къ нему на поклонъ.—И дѣйствительно, онъ пріѣхалъ въ королевскій обозъ подъ Смоленскъ въ началѣ апрѣля 1610 г. „цѣловалъ руку королю, просилъ принять его на службу Рѣчи Посполитой и, давъ ему войско, послать его противъ враговъ короля".

Два мѣсяца спустя Уразъ-Мухаммедъ выступилъ вмѣстѣ съ Жолкевскимъ навстрѣчу Димитрію Шуйскому и все время былъ вѣренъ и преданъ Сигизмунду.

Между тѣмъ въ Калугѣ находились его сынъ, жена и мать. Соскучившись по нимъ, царь касимовскій въ сентябрѣ мѣсяцѣ тайно отправился въ Калугу; но дорожа благоволеніемъ Сигизмунда и сочувствіемъ, которое онъ встрѣтилъ со стороны рыцарства и гетмана, онъ рѣшилъ не оставаться въ этомъ городѣ и уѣхать обратно, взявъ съ собою сына; но послѣдній не только не повиновался ему, но даже предупредилъ о томъ самозванца. Тогда Димитрій рѣшилъ отомстить Уразъ-Мухаммеду и приказалъ его убить, а потомъ бросить его въ воду; а для того чтобы не возстановить этимъ поступкомъ противъ себя народъ, онъ распустилъ слухъ, будто Уразъ бѣжалъ изъ Калуги.

„Многіе, пишетъ Жолкевскій, въ особенности татары, очень сожалѣли касимовскаго царя. Въ числѣ этихъ лицъ былъ князь Петръ Урусовъ, человѣкъ смѣлый, рѣшительный, который изъ мести рѣшилъ покончить съ Димитріемъ. Впрочемъ, онъ имѣлъ и личную злобу на него за то, что когда онъ, Урусовъ, сталъ осуждать убійство Уразъ-Мухаммеда, то самозванецъ велѣлъ наказать его кнутомъ и заключить въ тюрьму, откуда онъ былъ освобожденъ только по заступничеству Марины. Выпущенный на свободу, онъ принялъ участіе въ стычкѣ, которую войско самозванца имѣло съ польскимъ отрядомъ Чаплинскаго, который былъ имъ разбитъ, при чемъ въ Калугу доставлено не малое число плѣнныхъ.

Эта маленькая побѣда очень обрадовала самозванца; по этому поводу за обѣдомъ 22 декабря онъ былъ очень веселъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе на радостяхъ кататься. Такъ и въ этотъ день, „подвыпивъ, онъ приказалъ послѣ обѣда запречь сани и отправился прокатиться по большой дорогѣ, ведшей въ столицу". За нимъ ѣхало

300 человѣкъ татаръ, надъ коими старшимъ былъ Петръ Урусовъ, человѣкъ двадцать бояръ и десять человѣкъ свиты. На другихъ саняхъ везли разные напитки, медъ, водку, коими самозванецъ угощалъ въ полѣ бояръ и болѣе важныхъ татаръ".

Димитрій былъ въ отличномъ расположеніи духа; его свита загоняла зайцевъ и пьянствовала. Урусовъ воспользовался удобнымъ моментомъ, чтобы выполнить свой замыселъ; пользуясь общей сумятицей, онъ приказалъ нѣсколькимъ человѣкамъ татаръ окружить бояръ, сопровождавшихъ Димитрія, а самъ бросился съ остальными на самозванца. Остановивъ лошадей и схвативъ кучера, онъ убилъ самозванца, сидѣвшаго въ саняхъ, выстрѣливъ въ него изъ пистолета, а потомъ отсѣкъ ему голову и руки. Прочіе татары, соскочивъ съ коней, жестоко изрубили его и убили и ранили нѣсколько человѣкъ; самъ же Урусовъ и татары, бывшіе съ нимъ въ заговорѣ спаслись бѣгствомъ.

Такъ покончилъ свою жизнь второй самозванецъ, къ которому кромѣ Марины никто не чувствовалъ расположенія, и котораго никто не пожалѣлъ. Необразованный, грубый, пьяница, любившій сквернословить, не имѣвшій никакого авторитета и никакихъ личныхъ качествъ, онъ былъ совершенно непригоденъ къ той роли, которую онъ взялъ на себя. Очень скоро послѣ его появленія почти всѣ стали считать его самозванцемъ. Его не любили даже тѣ, кои защищали его и считались его сторонниками; подъ конецъ онъ всѣхъ оттолкнулъ отъ себя своимъ самовластіемъ и неблагоразумнымъ поведеніемъ.

Когда вѣсть объ его убійствѣ разнеслась въ Калугѣ, въ церкви ударили въ набатъ и народъ толпами устремился за городъ, чтобы видѣть трупъ Димитрія. Вскорѣ узнала о несчастьи и Марина. Хотя она была въ то время беременна, но „она выбѣжала изъ крѣпости, съ отчаяніемъ рвала на себѣ волосы, не хотѣла жить безъ него и кричала, чтобы и ее убили". Она даже покушалась на свою жизнь, но раны, которыя она нанесла себѣ, не были смертельны.

Между тѣмъ народъ отправился за тѣломъ самозванца, которое долго лежало въ полѣ на саняхъ; его привезли въ городъ и въ присутствіи царицы внесли въ крѣпость.

Въ городѣ было страшное волненіе. Донскіе казаки, въ отмщеніе за смерть Димитрія, перебили всѣхъ татаръ. Чернь готова была кинуться на поляковъ и навѣрно всѣхъ ихъ перебила бы, если бы князь Шаховской энергично не подавилъ волненія и не защитилъ ихъ.

Послѣ убійства Димитрія, который былъ погребенъ два дня спустя въ крѣпостной церкви, среди его сторонниковъ началась полнѣй-

шая анархія. Даже Заруцкій хотѣлъ уйти изъ Калуги, но „народъ не выпустилъ его изъ тюрьмы". Донскіе казаки заявили о своей готовности защищать царицу, но боярамъ удалось захватить власть въ свои руки; они немедленно рѣшили перейти на сторону Владислава и, чтобы не допустить интригъ со стороны Марины, держали подъ строгимъ карауломъ ее и находившихся при ней поляковъ.

Узнавъ о смерти самозванца, Сапѣга пошелъ къ Калугѣ, съ намѣреніемъ взять крѣпость и городъ. 26 декабря онъ остановился близъ Спасова монастыря, откуда послалъ съ Латовскимъ письма къ „царицѣ, боярамъ и народу", предлагая имъ заключить съ нимъ договоръ. На слѣдующій день съ подобными же предложеніями были посланы Будзило и Тышкевичъ. Переговоры длились нѣсколько дней, и хотя калужане выразили готовность передаться королевичу, „которому Москва уже цѣловала крестъ", однако когда 30 числа „Сапѣга прислалъ своихъ уполномоченныхъ для веденія переговоровъ, они даже не допустили ихъ въ городъ и, вступивъ въ бой съ поляками, перестрѣливались съ ними до вечера".

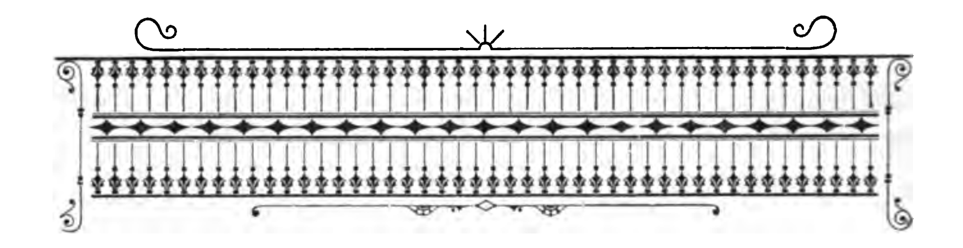
Видя такое настроеніе жителей и не имѣя достаточныхъ силъ, чтобы подчинить ихъ силою, Сапѣга долженъ былъ отступить; онъ отошелъ къ Перемышлю, который добровольно передался Владиславу.

Марину все это время держали подъ строгимъ карауломъ. Когда Сапѣга подошелъ 30 декабря къ Калугѣ, къ нему явился человѣкъ съ письмомъ отъ Марины, въ которомъ она умоляла его освободить ее и вернуть ей свободу.

Такъ печально закончился второй, полный тревогъ и приключеній, періодъ жизни этой гордой и честолюбивой женщины.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Д. А. Скалонъ.

Въ 1840 году 27-го октября въ зданіи главнаго штаба, что подъ аркой, я увидѣлъ свѣтъ Божій. Матушку Ольгу Григорьевну, рожденную баронесу Криденеръ, я не помню. Мнѣ было два года, когда она скончалась. Послѣ родовъ младшаго брата, Данилы, по назначенію доктора ей была пущена кровь. Фельдшеръ прорѣзалъ жилу, а можетъ быть, и заразилъ ланцетомъ, только матушка скончалась черезъ нѣсколько дней, и мы осиротѣли.

У батюшки Антона Антоновича насъ осталось шесть человѣкъ: четыре сестры и два брата.

Въ памяти моей отчетливо сохранилось прощаніе съ матушкой. Ясно вижу лицо пастора Фромана, красный свѣтъ свѣчъ; матушку въ гробу, сестеръ, себя на рукахъ старушки няни; затѣмъ вижу, какъ отецъ меня взялъ на руки и поднесъ къ матушкѣ прощаться...

Сознаніе своего маленькаго я проявляется уже на другой квартирѣ, въ четвертомъ этажѣ, подлѣ той же арки главнаго штаба. Вижу себя на окнѣ и гляжу на проходящіе подъ арку полки пѣхоты и кавалеріи. Въ пѣхотѣ должно быть меня поразили кивера съ высокими султанами, въ кавалеріи—шапки, эполеты и барабаны у конно-гренадеръ, потому что и теперь я особенно ясно себѣ ихъ представляю.

Ходила за мной старая няня Авдотья Ивановна. Старушка была умная и развила во мнѣ любовь къ порядку. Въ моихъ игрушкахъ всегда сохранялся образцовый порядокъ. „Поигралъ, батюшка, и прибери“—говорила старушка, и я всегда прибиралъ свои игрушки

въ шкафъ. Съ тѣхъ поръ привычка эта такъ укоренилась, что я, что бы ни дѣлалъ, по окончаніи всегда за собою прибираю, а благодаря этому мнѣ въ жизни рѣдко, когда приходилось терять время въ розыскахъ.

Сестры меня очень любили, въ особенности сестра Софія Антоновна. Съ младшей сестрой Ольгой я охотно и дружно игралъ.

Батюшка очень былъ занятъ службой, и мы видѣли его только къ обѣду. Въ домѣ было царство гувернантокъ. Сестры любили хорошенькую француженку Тунъ, не сжились съ англичанкой миссъ Доссонъ и ненавидѣли маленькую, желчную и властолюбивую нѣмку фрейленъ Цвейдлеръ. Француженка вышла замужъ за товарища отца по службѣ полковника Искрицкаго. Свадьба эта вскружила головы остальнымъ гувернанткамъ и отразилась нескончаемыми капризами и сценами между ними и бѣдными сестрами. Въ особенности тяжело было старшей сестрѣ Каролинѣ Антоновнѣ, оставшейся послѣ матушки 16-ти лѣтъ. Сестру Эмилію Антоновну и брата Александра мало помню, должно быть, потому, что между нами была не столь большая разница въ возрастѣ.

Изъ людей вспоминаю: Бота, или, какъ его иначе звали,—Фильку. Онъ былъ ловокъ и услужливъ; но затѣмъ попалъ въ шайку воровъ и выкралъ у батюшки всѣ драгоцѣнныя вещи матушки. Покража была большая и не нашлась; помню повара, съ которымъ, должно быть, дружила няня, но онъ представляется мнѣ больше подъ видомъ картинки „Котъ и Поваръ“ изъ басенъ Крылова; дѣвушекъ Грушу и Дашу. Рябая Груша была добрая, ласковая дѣвушка,—я ее очень любилъ; она вышла замужъ за фельдфебеля и уже, будучи офицеромъ, я ходилъ иногда къ ней пить кофе.

У отца былъ чудный бѣлый пудель, Дудка, общій любимецъ. Само собой разумѣется, что онъ входилъ въ число моихъ друзей: неразлучной куклы Ваньки, дѣтской сабли и барабана. Дудка былъ необыкновенно уменъ и привязанъ къ отцу. Однажды батюшка уѣхалъ въ свои имѣнія. Было это зимою. Дудку заперли на сутки, а когда выпустили, то вскорѣ хватились, гдѣ Дудка? Дудка изчезъ. Между тѣмъ батюшка ѣхалъ по Московскому тракту; на третьи сутки, во время перекладки лошадей, въ открытую ямщикомъ дверь вдругъ, какъ пуля, влетѣлъ Дудка и бросился ласкаться къ отцу. Какимъ образомъ онъ нашелъ слѣдъ и нагналъ батюшку въ такомъ значительномъ разстояніи отъ дома, трудно понять.

До пяти лѣтъ воспоминанія мои очень ограничены. Жилось мнѣ хорошо. Какъ младшаго—всѣ меня любили, а папа называлъ меня „маменькины сливки“,—потому что матушка кормила меня до кончины или почти два года.

Лѣтомъ мы выѣзжали на дачу. Первыя впечатлѣнія весны и лѣта относятся, должно быть, къ четыремъ годамъ. Жили мы на Карповкѣ, и я смутно помню садъ и павильонъ, въ которомъ стояла модель корабля, и жилъ самъ хозяинъ, угощавшій меня и сестру Ольгу пирожками.

На пятомъ году, зимою, пріѣхалъ изъ Казани нашъ родственникъ, докторъ Христіанъ Андреевичъ Нордштремъ, полный жизни, веселый—онъ замѣтно оживилъ нашъ домъ.

Красавица сестра Эмилія Антоновна простудилась и заболѣла воспаленіемъ легкихъ. Пользовали ее лучшіе врачи того времени: Арндъ и Шольцъ. Христіанъ Андреевичъ исполнялъ предписанія докторовъ. Больной становилось все хуже и, наконецъ, доктора дошли до предписанія мошуса. Отецъ былъ очень удрученъ, уже потерялъ всякую надежду и, видя, какъ сестра задыхалась, всталъ на колѣни и началъ молиться. Христіанъ Андреевичъ подошелъ къ нему и отодвинулъ со словами: „Еще не все потеряно, молиться успѣете потомъ, а теперь надо дѣйствовать“. Съ этими словами онъ подошелъ къ окну, отворилъ форточку. Живительная струя воздуха заставила сестру открыть глаза. Это такъ подѣйствовало на отца, что онъ сталъ безпрекословно исполнять приказанія Христіана Андреевича. Принесли ванну, больную посадили на минуту въ холодную воду, затѣмъ завернули въ простыни, терли и мѣняли ихъ нѣсколько разъ, пока не вызвали реакцію. Дыханіе освободилось. Сестра стала оживать. На утро пріѣхали доктора и очень удивились видимому улучшенію. Отецъ поблагодарилъ ихъ и передалъ дальнѣйшее леченіе Христіану Андреевичу. Сестра стала поправляться. Христіанъ Андреевичъ приказалъ купить козу и поилъ сестру парнымъ молокомъ. Коза очень меня занимала и изъ всего разсказаннаго со словъ отца вспоминаю только пребываніе козы въ нашемъ домѣ.

Въ началѣ апрѣля Христіанъ Андреевичъ перевезъ сестру на дачу въ Лѣсной и держалъ весь день на воздухѣ. Въ маѣ и мы переѣхали. Здѣсь воспоминанія мои становятся довольно ясными и разнообразными. Прогулки въ окрестныхъ паркахъ; посѣщенія семьи директора Лѣсного института Егора Карловича Швенгельма, жена котораго, наша родственница, была урожденная баронесса Криденеръ, дочь управляющаго дворомъ великаго князя Михаила Павловича, барона Карла Антоновича Криденеръ. Стали пополняться и мои зоологическія познанія. Къ пуделю Дудкѣ и козѣ присоединилось болѣе близкое знакомство съ лошадьми, коровами, курами, бабочками, жуками и кузнечиками. Къ этому же времени относится и первое

чувство красоты природы и безсознательное влеченіе къ прекрасной половинѣ человѣчества.

Должно быть, сильно было впечатлѣніе, которое врѣзалось такими неизгладимыми чертами въ моей памяти. Еще и теперь, когда мысль безотчетно витаетъ въ далекомъ прошломъ, мнѣ представляется картина великолѣпнаго солнечнаго заката, и я, пораженный его невиданною красотою, обращаюсь за объясненіемъ къ миловидной дѣвушкѣ, которая меня ведетъ за руку и привѣтливо улыбаясь объясняетъ, что это солнце, скрываясь на ночь, золотитъ и румянитъ небосклонъ. Дѣвушка эта была наша сосѣдка—Бетси Нувель. Она рано скончалась, при жизни мнѣ не доводилось съ ней встрѣчаться, но съ того вечера меня къ ней влекло, и я теперь еще, почитая ея память, ежегодно навѣщаю ея могилу.

Мнѣ было по шестому году. Сестра матушки Агнеса Григорьевна Михаелисъ уговорила батюшку отпустить старушку няню и замѣнить ее нѣмкой. Это была красивая и хорошая особа, я съ ней дружилъ, но дичился и по утрамъ, просыпаясь въ ея отсутствіе, запиралъ двери и одѣвался одинъ. Къ такой самостоятельности пріучила меня старушка няня.—„Самъ, батюшка, дѣлай", бывало приговаривала она—„пріучайся обходиться безъ людей. Такъ-то лучше будетъ жить: отъ другихъ не зависишь".

Зимою сестеръ обучали танцамъ. Я очень любилъ смотрѣть, какъ ихъ учительница, госпожа Цель, слегка приподымая обѣими руками юбки, отчетливо выдѣлывала разныя па. Сестра Софи очень успѣвала въ музыкѣ, и я, слушая ее, любилъ взбираться на фортепіано, причемъ однажды, слишкомъ наклонившись надъ пюпитромъ, обжегъ себѣ ухо и клокъ волосъ.

Когда у насъ въ собирались гости, отецъ иногда выносилъ меня къ нимъ видѣ автомата съ барабаномъ, покрытаго газомъ. Батюшка дѣлалъ видъ, будто заводитъ меня, затѣмъ снималъ газъ, и я, барабаня, поворачивалъ голову и кланялся на всѣ стороны.

Весною насъ пригласила къ себѣ въ имѣніе графиня Эмилія Павловна Сиверсъ, вдова сподвижника императора Александра Павловича и перваго директора инженернаго училища. Имѣніе графини „Георгіевское" находилось въ Ямбургскомъ уѣздѣ. Мы ѣхали по Нарвскому тракту до станціи Черковицы, а затѣмъ сворачивали проселкомъ до Георгіевска. Въ жизни нашей поѣздка эта составила событіе и важный переворотъ. Ѣхали въ старинныхъ экипажахъ, въ которыхъ при жизни матушки все семейство ѣздило за границу.

Среди насъ выдающееся значеніе пріобрѣла сестра Эмилія Антоновна. Она была чрезвычайно красива и богато одарена талантами. Мало по малу она стала руководительницей всѣхъ нашихъ дѣй-

ствій. Ея тонкія черты лица отличались правильностью, большіе синіе глаза—съ строгимъ взглядомъ, которому по временамъ только противорѣчили миловидныя ямочки на щекахъ. Милочка, какъ мы ее звали, объяснила намъ двумъ съ сестрою Ольгою, какъ себя держать въ чужомъ домѣ. Наставленія эти связывали нашу свободу и немного страшили. Но дорога разсѣяла насъ и отвлекла наше вниманіе на окружающую мѣстность. Все было ново, все насъ занимало. Ямщики, кони, встрѣчные дилижансы съ кондукторами, игравшими на трубахъ, большіе каменные станціонные дома, выстроенные по одному образцу квадратомъ, причемъ передній фасъ занимала гостиница для пріѣзжающихъ и царскія комнаты. Чисто выбѣленныя стѣны были украшены цвѣтными англійскими гравюрами. Потомъ мы часто ѣздили этимъ трактомъ, и всѣ эти гравюры съ амурами, нимфами и прекрасно исполненными сюжетами изъ шекспировскихъ сценъ, вмѣстѣ съ сторожилами изъ прислуги, вошли въ число нашихъ излюбленныхъ предметовъ и друзей дѣтства. Весною мы ихъ радостно привѣтствовали въ предвидѣніи каникулъ и деревенской свободы,—осенью, возвращаясь въ городъ, съ грустью разставались и прощались съ ними до будущей весны.

Было за полночь, когда стали подъѣзжать наши рыдваны къ усадьбѣ. Вотъ показались: перекрестокъ въ полѣ съ одинокимъ дубомъ, сельскій лазаретъ у опушки парка, лужайка съ кузницею, кусты сирени и за ними неожиданно выступившій боковой фасадъ деревяннаго дома, на высокомъ каменномъ фундаментѣ съ двумя окнами, глядѣвшими, какъ бы, глазами исподлобья скошенной крыши. Еще нѣсколько шаговъ, и мы остановились у крыльца съ стеклянною галлереею, выступившею изъ длиннаго фасада съ двадцатью четырьмя окнами и мезониномъ надъ серединою дома.

Въ одномъ изъ оконъ отворилась форточка, и показалось красивое продолговатое лицо молодой графини Юліи Егоровны. Увидавъ насъ, она выбѣжала на крыльцо и, ласково привѣтствуя, расцѣловала меня и сестеръ. Утромъ, несмотря на утомленіе отъ дороги и множества новыхъ впечатлѣній, мы рано проснулись и съ любопытствомъ оглядывали наше помѣщеніе и видъ изъ оконъ на зеленую лужайку съ одинокой липой, окруженной куртинами кустарныхъ растеній. Въ глубинѣ, противъ дома, былъ фруктовый садъ и длинное одноэтажное каменное зданіе съ оранжереею и квартирами семейныхъ дворовыхъ. Въ 8 часовъ утра всѣ собрались къ утреннему чаю. Столовая была полна родныхъ, которыхъ мы видѣли въ первый разъ. Юлія Егоровна подвела насъ къ матушкѣ графинѣ Эмиліи Павловнѣ, которая погладила меня по головкѣ и что-то сказала, чего я не понялъ. Все общество говорило по-нѣмецки, а для насъ

это былъ совершенно чуждый языкъ,—помню, что я ничего не понималъ и затѣмъ помню, что уже среди лѣта я самъ говорилъ по-нѣмецки.

Какъ ребенка, меня всѣ ласкали и жалѣли, какъ сироту, оставшагося двухъ лѣтъ безъ материнскаго призора. Особенно я привязался къ графинѣ Аннѣ Егоровнѣ. Черты ея неземной красоты всѣмъ извѣстны, всѣ ихъ знаютъ, кто только любовался знаменитымъ „Ангеломъ съ кадиломъ"—Нефа. Нефъ былъ въ родствѣ съ графинею Эмиліею Павловною, но только съ лѣвой стороны и написалъ этотъ прекрасный образъ графини Анны съ ея дочери. Ни одинъ портретъ Нефа не былъ столь удаченъ по сходству, какъ это произведеніе.

Среди лѣта пріѣхалъ батюшка. Мы бѣгали вокругъ дома и въ паркѣ съ его прудами. Въ теплые дни насъ съ сестрою Ольгой пускали босикомъ. Однажды подошла къ намъ Анна Егоровна и, взявъ за руки, повела въ паркъ, который былъ за фруктовымъ садомъ. Въ одной изъ прилегавшихъ аллей стоялъ батюшка, обнявши правой рукой графиню Юлію Егоровну. Ихъ окружали Эмилія Павловна и мои сестры съ братомъ Александромъ.—„Я вамъ беру маму, дѣти"—обратился къ намъ батюшка,—„любите ее и она будетъ васъ любить". Свадьба была осенью. Вѣнчалъ пасторъ изъ Нарвы, въ большомъ залѣ. Съѣхалось много родныхъ. Я стоялъ подлѣ графини Анны Егоровны и крѣпко держалъ ее за руку. Во мнѣ было уже сознаніе, что наступила перемѣна въ нашей жизни. Старшія сестры вѣроятно обсуждали вслухъ наше новое положеніе, и слово „мачеха" меня невольно страшило.

Съ этого времени мы начали звать графиню Эмилію Павловну—бабушкой, а Юлію Егоровну—мама.

По совѣсти долженъ сказать, что, при большомъ умѣ, она была, вообще говоря, хорошая мачеха. Въ отношеніяхъ мачехи и дѣтей перваго брака—главное тактъ и въ обращеніи ровность. Иногда доставалось сестрамъ,—мнѣ же и младшей сестрѣ Ольгѣ жилось лучше. Сестра Милочка подружилась съ Анной Егоровной, да и по своему *царственному* характеру она сохранила полную независимость. Тяжело было сестрѣ Каролинѣ Антоновнѣ, такъ какъ ей было шестнадцать лѣтъ, и она переносила все въ себѣ. Брата Александра тотчасъ же отправили въ Лифляндію, въ какой-то дворянскій пансіонъ „Парцемойзъ", изъ котораго онъ бѣжалъ. Матушкѣ было трудно съ нимъ ладить, и она нерѣдко плакала. Тогда братъ, по необыкновенно доброму своему сердцу, подчинялся, но не надолго. Его отдали въ пансіонъ Шакѣева, гдѣ онъ очень лѣнился, а жаль, потому что былъ съ хорошими способностями и отлично могъ

учиться, когда хотѣлъ. Съ годами, въ особенности, когда мы подросли, у насъ установились наилучшія отношенія, и всѣ мы полюбили и относились съ большимъ уваженіемъ къ матушкѣ Юліи Егоровнѣ.

Собственно говоря, замѣткою этою я унесся далеко впередъ и погрѣшилъ противъ изложенія въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ.

Бабушка, графиня Эмилія Павловна, была замѣчательная женщина. Она въ полномъ смыслѣ слова отвѣчала понятію châtelaine. Всегда ровная, какъ въ движеніяхъ, исполненныхъ прирожденнаго достоинства, такъ и въ расположеніи духа, она никогда не возвышала голоса. Высшее ея замѣчаніе было: „не дѣлай этого“. До конца дней она сохранила красивыя черты лица и необыкновенную свѣжесть кожи. Ручка у нея была маленькая, пухленькая и если бывало она начнетъ ею гладить больное мѣсто, то удивительно успокаивала всякую боль.

Она вышла замужъ за графа Егора Карловича Сиверса, который былъ директоромъ Николаевскаго инженернаго училища и уже въ лѣтахъ. Она рано овдовѣла и осталась съ пятью малолѣтними дѣтьми и большимъ разстроеннымъ состояніемъ. Опекуны совѣтовали ей ликвидировать имѣнія; она не согласилась, заперлась съ дѣтьми въ купленномъ незадолго до смерти мужа имѣніи и стала хозяйничать съ такимъ успѣхомъ, что ко времени моего разсказа Георгіевскъ представлялъ изъ себя огромное благоустроенное имѣніе съ полной чашей всего, что только требовала тогдашняя помѣщичья жизнь. Кромѣ того, было большое имѣніе Оттенхофъ въ Лифляндіи и въ Петербургѣ каменный домъ на Почтамтской. Вся обстановка отличалась зажиточностью. Превосходныя каменныя, хозяйственныя постройки, образцовый порядокъ въ домѣ, въ саду, въ паркѣ, въ поляхъ, на скотномъ дворѣ и въ конюшнѣ. До четырнадцати лѣтъ я проводилъ каникулы у бабушки и ко всему приглядѣлся. Это былъ домъ—полная чаша во всемъ и гостепріимно открытый для многихъ родныхъ. Въ первые годы, кромѣ нашей семьи изъ семивосьми человѣкъ, гостили: сестра бабушки Анна Павловна Криденеръ съ дочерью и сыномъ, другая сестра Александра Павловна, жена брата Николая Павловича [1]) съ семействомъ изъ трехъ дѣтей, въ числѣ которыхъ старшій баронъ Ѳедоръ Николаевичъ былъ моимъ лучшимъ другомъ и преданнымъ товарищемъ дѣтства; семейство сенатора Цеймерна изъ шести человѣкъ и наѣздомъ се-

---

[1]) Бывшій командиръ 9 корпуса и помощникъ командующаго войсками Варшавскаго округа.

мейство младшей дочери бабушки Шарлотты Егоровны Бергъ и пр. и пр. За столъ садилось не менѣе тридцати человѣкъ. Жилось намъ очень весело. Молодежь проводила свободное время въ играхъ и прогулкахъ. По вечерамъ всѣ мы заслушивались игрою въ четыре руки сестеръ Анны и Марьи Егоровны. Благодаря имъ я сроднился съ хорошею музыкою, часто слушая произведенія лучшихъ мастеровъ, какъ Бетховена, Моцарта, Гайдна, Шуберта и др.

Бабушка иногда пѣла, акомпанируя себѣ на гитарѣ. Это было для насъ особымъ праздникомъ. Она пѣла въ полголоса, но слышна была артистка. У Эмиліи Владиміровны, дочери Анны Павловны, былъ превосходный голосъ soprano, но мало обработанный, и пѣніе ея меня мало восхищало.

Усадьба, или, какъ она называлась въ Ингерманландіи, „мыза" Георгіевская, лежала въ центрѣ трехъ деревень, расположенныхъ полукругомъ, верстахъ въ трехъ отъ нея; названія ихъ: Рудилово, Войносоло и Пиллово указывало на ихъ финское происхожденіе, но населеніе въ Рудиловѣ и Войносолѣ было по преимуществу русское. Зато Пиллово среди женщинъ и дѣтей даже не знало русскаго языка.

Дворовыхъ, до 60 душъ, мы всѣхъ знали; у насъ съ Өедей Криденеромъ среди мальчиковъ были даже большіе пріятели. Крестьянъ видѣли только на барщинѣ, или когда дѣвушки и парни въ большіе праздники приходили поздравить бабушку и получали угощеніе и подарки за работы въ саду и паркѣ. Мы это очень любили. Для насъ были весельемъ и праздникомъ сѣнокосъ и жатва. На дальній сѣнокосъ у полумызка, за Рудиловымъ, ѣздили пикникомъ съ провизіей и водкой для рабочихъ. На ближнихъ сѣнокосахъ мы съ Өедей, какъ я звалъ своего друга Өедора Николаевича Криденера, проводили цѣлые дни. Однажды не хватило водки, насъ послали домой, и мы принесли большую бутыль. На обратномъ пути искусились, попробовали и опьянѣли, за что̀ получили хорошую трепку.

По дорогѣ въ Пиллово, въ верстѣ отъ мызы, была винокурня со скотнымъ дворомъ для быковъ, которыхъ откармливали бардой, и гдѣ жилъ управляющій Эйхельманъ. Мы его ненавидѣли. Это былъ честный, но грубый нѣмецъ, который въ строгости держалъ крестьянъ. Посѣщая для купанья винокурню, не разъ доводилось слышать крики на скотномъ дворѣ, гдѣ онъ подвергалъ тѣлеснымъ наказаніямъ провинившихся мужиковъ и бабъ. Съ годами, начитавшись объ американскихъ плантаторахъ, я ихъ представлялъ въ воображеніи не иначе, какъ въ видѣ смуглыхъ, рыжихъ Эйхельмановъ. Когда онъ говорилъ, то необыкновенно раздувалъ ноздри и закидывалъ голову назадъ,—

казалось, изъ него такъ и выходила злоба, а между тѣмъ онъ былъ недурной человѣкъ, отличный семьянинъ, и крестьяне его уважали за справедливость.

Время было такое: били людей по убѣжденію, а не изъ злобы. Даже царственныя лица не были отъ этого изъяты. Императоръ Николай Павловичъ съ братомъ Михаиломъ Павловичемъ много претерпѣли отъ своего воспитателя Ламздорфа. Я это знаю изъ разсказовъ моего великаго князя, который самъ нѣсколько разъ подвергался жестокимъ наказаніямъ—розгами. Мы, молодежь, ужасно возмущались и возставали противъ сѣченія, и намъ не разъ удавалось заступаться за тѣхъ, которымъ Эйхельманъ угрожалъ. Бабушка этого не любила и не позволяла наказывать безъ своего утвержденія; отъ нея доставалось пьяницамъ или буянамъ, на которыхъ жаловались семейные. Но Эйхельманъ не очень этимъ стѣснялся и поколачивалъ безъ разрѣшенія.

Лѣтомъ я по большей части пользовался полною свободою, и только непогода удерживала насъ дома. Христіанъ Андреевичъ, заставлявшій насъ круглый годъ обтираться съ головы до ногъ мокрымъ полотенцемъ, приказывалъ лѣтомъ бѣгать босикомъ и проводить день на воздухѣ, что̀ и исполнялось къ нашему великому удовольствію. Спасибо ему. Въ особенности мы любили ночныя поѣздки на пильную мельницу, которая была построена на запрудѣ небольшого ручья. Запруда эта образовала озерцо въ крутыхъ берегахъ, поросшихъ высокимъ лѣсомъ. Насъ собиралось человѣкъ двадцать молодежи и дѣтей. Охотники до рыбной ловли, изъ дворовыхъ, обыкновенно брались съ собою; они забрасывали и тянули неводъ и вытаскивали окуней, плотву, щукъ и карасей; на берегу разводился костеръ, варилась уха и истреблялась взятая провизія. Теплая лѣтняя ночь, мерцанье звѣздъ, таинственный свѣтъ луны, красный отблескъ костровъ, все это настраивало воображеніе, и въ душѣ пробуждались впечатлѣнія еще не извѣданныхъ чаръ природы. Иногда ѣздили въ каменистый оврагъ за Рудиловымъ, гдѣ стояла водяная мельница на два постава. Въ долинѣ водились змѣи, которыхъ наши лѣсники ловили, находя ихъ свернувшимися подъ плитняками. Хватая рукою за хвостъ, ихъ быстро крутили и затѣмъ клали въ пасть никотинъ изъ трубки. Мѣдянка шалѣла и свернутая клубкомъ укладывалась въ ягдташъ.

Въ окрестныхъ лѣсахъ собирали грибы, ягоды и орѣхи. На рѣкѣ Суммѣ ловили раковъ. Въ дни рожденія бабушки, мамаши, тетушекъ—столовая, галлерея, или балконъ убирались гирляндами изъ дубовыхъ вѣтокъ и полевыхъ цвѣтовъ. Крендель, окруженный подарками, украшался восковыми свѣчами по числу прожитыхъ лѣтъ.

Цвѣты собирались и гирлянды плелись на зарѣ и съ восходомъ солнца, къ 8 часамъ утра, все было готово. Занятія эти наполняли дни, которые незамѣтно подходили къ осени.

На конюшнѣ у бабушки было до двадцати лошадей, въ сараяхъ стояли экипажи всевозможныхъ фасоновъ: тутъ были высокія дорожныя кареты съ важами, брички на стоячихъ рессорахъ, тарантасики, дрожки, кибитки, сани, дроги для прогулокъ, такъ называемыя „колбасы“, на которыя мы нанизывались гуськомъ человѣкъ по шести,—наконецъ дроги особаго фасона, на которыхъ размѣщалось до восьми, а съ дѣтьми до десяти человѣкъ.

Въ числѣ лошадей была пара великолѣпныхъ караковыхъ рысаковъ: „Корягинъ“ и „Красавчикъ“, которыми правилъ кучеръ Нестифоръ. Ихъ прислалъ въ подарокъ изъ Малороссіи старшій братъ бабушки Павелъ Павловичъ Криденеръ, командовавшій Кирасирскимъ, великой княгини Маріи Николаевны, полкомъ. Лошади были горячія и дѣтей до ихъ экипажа не допускали. Насъ возилъ добродушный, кривой на одинъ глазъ кучеръ Христіанъ, котораго мы особенно любили, такъ какъ его появленіе въ Петербургъ обыкновенно совпадало съ поѣздкою въ деревню на долгихъ.

До Георгіевска сто двадцать верстъ; мы ѣздили двое сутокъ, останавливаясь на ночь въ Ѳедоровскомъ, имѣніи старшей дочери бабушки Марьи Егоровны Вейссъ. Она вышла замужъ за Вейсса и прожила съ нимъ около трехъ лѣтъ. Заболѣвъ тифомъ, она лишилась мужа, который заразился у ея постели и не выдержалъ болѣзни. Отъ Марьи Егоровны это скрыли и сказали о смерти мужа послѣ благополучнаго кризиса. Ее это такъ поразило, что она попросила всѣхъ родныхъ никогда при ней не говорить о мужѣ. Это свято исполнялось всѣмъ семействомъ. Выздоровѣвши, она отправилась въ Ѳедоровское и тамъ переживала первое время тяжелаго горя, запираясь цѣлыми часами въ кабинетѣ мужа; кабинетъ былъ всегда запертъ и сохранялся въ томъ видѣ, какъ былъ при покойномъ мужѣ. Затѣмъ Марья Егоровна проживала или у бабушки со всѣми нами, или большей частью у своей сестры Шарлоты Егоровны Бергъ въ Зангницѣ, родовомъ имѣніи фельдмаршала графа Ѳедора Ѳедоровича Берга. Шарлота Егоровна была замужемъ за Октавомъ Ѳедоровичемъ, братомъ фельдмаршала, дѣти котораго были потомъ имъ усыновлены.

Почти оставленный и необитаемый Ѳедоровскъ съ огромнымъ, мрачнымъ, двухъ-этажнымъ каменнымъ домомъ, пріобрѣлъ славу дома, въ которомъ водятся привидѣнія. Главнымъ фасадомъ онъ былъ обращенъ на Нарвское шоссе, и ходили разсказы, что проѣзжающіе мимо въ глухую полночь не разъ видѣли, какъ мелькаетъ

огонекъ и быстро проносится вслѣдъ за нимъ бѣлый неопредѣленный образъ, исчезая въ крайнихъ двухъ окнахъ, гдѣ находился кабинетъ.

Въ 1848 году, во время холеры, отецъ въ началѣ лѣта помѣстилъ насъ въ Ораніенбаумѣ, гдѣ не было холерныхъ заболѣваній. Мы жили на маленькихъ дачахъ у воротъ. Купались, гуляли и не могли дождаться поѣздки въ Георгіевскъ, куда насъ отправили только въ концѣ іюля съ приказаніемъ Христіана Андреевича—пить парное молоко прямо изъ подъ коровы и кушать сколько угодно ягодъ и яблоковъ. Мы это въ точности исполняли.

Черезъ сорокъ лѣтъ, во время послѣдней холерной эпидеміи, мнѣ пришлось читать, что по изслѣдованіямъ бактеріологовъ фруктовыя кислоты убиваютъ холерныхъ бациллъ. Христіанъ Андреевичъ многихъ спасалъ съ помощью энергичныхъ укутываній въ мокрыя простыни и растираній до возбужденія реакціи, затѣмъ согрѣвающими компрессами.

На станціи Кипѣнь, провожая насъ въ Георгіевскъ, батюшка узналъ, что одинъ ямщикъ заболѣлъ холерою, и съ помощью названныхъ пріемовъ ему удалось остановить судороги и спасти ямщика.

Сообщилъ Д. А. Скалонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Выдержки изъ офицерскаго формулярнаго списка за 1845 годъ [1]).

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ

о службѣ и достоинствѣ 14 полевой артиллерійской бригады подпоручика NN, переведеннаго изъ оной въ 6 артиллерійскую бригаду въ легкую № 6 батарею.

За 1845 годъ.

На 1 страницѣ:

Поступилъ кадетомъ на дѣйствительную службу въ Польскій Калишскій кадетскій корпусъ	29 Августа 1824 г.
Подпрапорщикомъ въ чинѣ фейерверкера 4 класса	5 Августа 1828 „
Фейерверкеромъ 3 класса	15 Августа 1830 „
Фейерверкеромъ 2 класса въ ракетную пѣшую полуроту польскихъ войскъ.	1 Ноября 1830 „
Произведенъ мятежническимъ правительствомъ въ подпоручики съ переводомъ въ пѣшую артиллерію.	6 Декабря 1830 „
Тѣмъ же правительствомъ произведенъ въ поручики съ переводомъ въ конно-артиллерійскую роту польскихъ войскъ	7 Августа 1831 „
Переименованъ канониромъ съ назначеніемъ въ гарнизонной артиллерійской бригады Кинбургскаго гарнизона въ роту № 1. . .	6 Іюня 1833 „
Бомбардиромъ.	30 Іюня 1835 „
Фейерверкеромъ 4 класса той же роты . . .	2 Іюля 1836 „
Фейерверкеромъ 3 класса.	3 Іюня 1837 „

[1]) Офицеръ этотъ происходилъ изъ дворянъ Краковскаго воеводства, былъ кальвинскаго вѣроисповѣданія, участвовалъ въ 1844 году въ цѣломъ рядѣ сраженій съ горцами на Кавказѣ, съ венгерцами въ 1849 году и въ войну 1853-56 г.г. — въ сраженіи 4 августа на Ѳедюхиныхъ высотахъ; вышелъ въ отставку въ 1857 году съ чиномъ полковника и въ 1880 году скончался.

Л. Д.

По Высочайшему приказу произведенъ прапорщикомъ въ 14 полевую артиллерійскую бригаду, въ легкую № 3 батарею. . . .	30 Августа 1837 г.
Подпоручикомъ на вакансію	28 Іюня 1840 „

На предпослѣдней страницѣ формулярнаго списка по заголовку: „Россійской грамотѣ читать и писать и другія какія науки знаетъ-ли? — сказано: *„Россійской, польской, французской и нѣмецкой грамотѣ читать и писать умѣетъ, математику и алгебру, артиллерію, ариѳметику и фортификацію знаетъ“.*

На послѣдней страницѣ сказано:

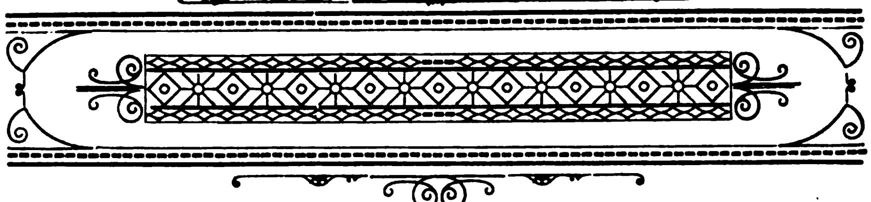
„1828 года, сентября 9-го, при осмотрѣ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ кадетскаго польскаго корпуса, за примѣрное и усердное стараніе въ окончаніи наукъ награжденъ серебрянымъ темлякомъ“.

На той же страницѣ:

„1830 года, августа 13 дня, при осмотрѣ Его Высочествомъ Артиллерійской школы за отличное усердіе къ фронтовой службѣ и хорошее знаніе наукъ награжденъ подпрапорщикомъ и на погоны гасиками“.

Сообщилъ Л. Д.

Россія и Англія въ началѣ царствованія императора Николая I.

(По донесеніямъ англійскаго посла лорда Странгфорда).

I.

Восшествіе на престолъ императора Николая I.—Его отношеніе къ событіямъ 14 декабря 1825 г.—Взглядъ Императора на Восточный вопросъ.

27 ноября (9 декабря) 1825 года въ пятницу фельдъегерь, прибывшій изъ Таганрога, привезъ извѣстіе [1]) въ Петербургъ о смерти императора Александра I, послѣдовавшей 19 ноября (1 декабря) въ Таганрогѣ. Нотою того же дня (27 ноября—9 декабря) управляющій министерствомъ иностр. дѣлъ ст.-секретарь графъ Нессельроде увѣдомилъ о происшедшемъ и дипломатическихъ представителей иностранныхъ державъ, аккредитованныхъ при русскомъ дворѣ. Въ концѣ ея также упоминалось, что по полученіи извѣстія о кончинѣ государя „августѣйшіе члены императорской семьи, министры и Государственный Совѣтъ собрались во дворцѣ, гдѣ первый его высочество великій князь Николай, а вслѣдъ за нимъ и всѣ присутствовавшіе сановники, равно какъ и всѣ полки императорской гвардіи принесли присягу на вѣрность подданства е. в. императору Констан-

[1]) См. письма отъ князя Волконскаго и генералъ-адъютанта Дибича къ императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ. Заслуживаетъ вниманія, что Дибичъ въ концѣ письма, касаясь будущаго преемника покойнаго императора, выражался такъ: „съ покорностью ожидаю повелѣнія отъ новаго нашего законнаго государя, императора Константина Павловича“. Письма напечатаны у Шильдера, Императоръ Николай I т. I (П. 1903), 617, 618.

тину". Какого-либо указанія на будущую политику русскаго кабинета въ этомъ спѣшномъ увѣдомленіи не было. Дальнѣйшій ходъ событій извѣстенъ. Утромъ 13 декабря Нессельроде узналъ отъ Николая Павловича о его рѣшеніи положить конецъ междуцарствію и позднимъ вечеромъ того же дня въ секретномъ засѣданіи [1]) Государственнаго Совѣта въ присутствіи будущаго императора заслушанъ былъ манифестъ о восшествіи на престолъ императора Николая I и отреченіи Константина Павловича, при чемъ начало царствованія повелѣно было считать съ 19 ноября 1825 года. Мятежъ, вспыхнувшій на слѣдующій день, хотя и быстро былъ подавленъ, оставилъ въ душѣ молодого монарха тяжелыя воспоминанія на всю жизнь и сдѣлалъ его рѣшительнымъ противникомъ всякаго освободительнаго движенія, гдѣ бы оно ни проявлялось. Эти печальныя событія возвышали сами собою въ глазахъ Николая I охранительныя тенденціи Вѣнскаго и послѣдующихъ конгрессовъ, и началъ Священнаго союза, основаннаго императоромъ Александромъ I, слѣдуя которымъ Россія не только жертвовала своими собственными интересами, но возстановляла противъ себя общественное мнѣніе западно-европейскихъ государствъ, которое съ распространеніемъ въ Европѣ конституціонныхъ учрежденій стало оказывать огромное вліяніе и на ходъ внѣшней политики европейскихъ державъ. Этимъ объясняется сложность и важность Восточнаго вопроса: для западныхъ державъ это не былъ только вопросъ о судьбѣ грековъ, славянъ и будущемъ Турецкой имперіи, но лишь одинъ изъ фазисовъ борьбы народовъ съ правительствами, пробуждающихся новыхъ національныхъ стремленій съ отживающими традиціями Священнаго союза. Этимъ объясняется, почему русское правительство, желая доказать лойяльность своей политики, иногда шло на компромиссъ съ европейскими державами и старалось оправдывать свой образъ дѣйствій [2]).

Въ тотъ же достопамятный день 14 декабря графъ Нессельроде успѣлъ оповѣстить иностранныхъ дипломатическихъ представителей

---

[1]) Подробное описаніе этого замѣчательнаго собранія Госуд. Совѣта см. въ изданіи Госуд. канцеляріи Государственный Совѣтъ, 1801—1901; С. П. 1901, стр. 47—52.

[2]) Замѣтимъ, между прочимъ, что въ иностр. архивахъ хранятся не только отчетъ слѣдств. ком. по дѣлу о декабристахъ (подъ загл. Rapport de la Commission d'Enquête... p. 1—138; см. въ Лонд. Гос. Арх. P. R. Off. Russia № 274), но даже сообщенія гр. Нессельроде объ арестахъ отдѣльныхъ лицъ (см. прил. отъ 29 янв.; 29 февр.; 4 марта 1826 г. (ст. ст.) въ св. № 279). На рукоп. описаніи событій 14 дек. на сенат. площади сдѣланы какія-то поправки, очевидно, какъ дополненія къ оффиц. сообщенію.

въ Петербургѣ о восшествіи на престолъ императора Николая. Текстъ ноты къ англійскому послу — Странгфорду гласилъ слѣдующее:

„Нижеподписавшійся, статсъ-секретарь, управляющій и. министерствомъ иностр. дѣлъ, нотою отъ 27 минувшаго ноября довелъ до свѣдѣнія его превосходительства виконта Странгфорда о тяжкой утратѣ, понесенной Россіей. Нынѣ ему поручено оффиціально увѣдомить г. виконта Странгфорда обо всѣхъ обстоятельствахъ, слѣдовавшихъ за симъ прискорбнымъ (déplorable) событіемъ, и съ этой цѣлью онъ имѣетъ честь сообщить при семъ приложенный манифестъ по особому повелѣнію новаго Государя, вступившаго на престолъ Россіи, Польши и Финляндіи. Какъ наслѣдникъ государствъ императора Александра I (Applé à l'heritage des Etats de l'Empereur Alexandre) императоръ Николай унаслѣдовалъ также тѣ принципы, которые руководили политикой его августѣйшаго предшественника и его и. в. повелѣлъ предписать всѣмъ своимъ посламъ, министрамъ и агентамъ при иностранныхъ державахъ, дабы они объявили, что онъ, всѣми силами слѣдуя по стопамъ оплакиваемаго имъ государя— будетъ исповѣдывать ту же вѣрность принятымъ на себя обязательствамъ, то же уваженіе ко всѣмъ правамъ, санкціонируемымъ существующими трактатами, ту же привязанность къ охранительнымъ началамъ (aux maximes conservatrices) всеобщаго мира и связей, существующихъ между всѣми державами. Въ отвѣтъ на это, Императоръ надѣется встрѣтить и съ ихъ стороны то же расположеніе поддерживать эти отношенія тѣсной дружбы и взаимнаго довѣрія, которыя, (еще) установленныя и поддерживаемыя при императорѣ Александрѣ I, доставили Европѣ десять лѣтъ спокойствія“ [1]).

Здѣсь уже болѣе опредѣленно выступаютъ начала той охранительной политики, которой намѣренъ былъ слѣдовать преемникъ императора Александра I въ сношеніяхъ съ европейскими державами. Нѣсколько дней спустя дипломатическіе представители имѣли случай услышать уже отъ самого императора, какъ онъ относился къ недавно пережитымъ событіямъ, и какъ онъ намѣренъ былъ дѣйствовать въ будущемъ. Въ день новаго года (1-го янв. 1826—20 дек. 1825) дипломатическій корпусъ былъ приглашенъ на общую, хотя и частную аудіенцію, во дворецъ. Здѣсь присутствовали послы Австріи и Великобританіи—гр. Лебцельтернъ и лордъ Странгфордъ, датскій посланникъ Бломе, сардинскій гр. де-Саль, баварскій—баронъ Гизе, французскій посолъ Ля-Ферроне, пользовавшійся особымъ

[1]) Publ. Rec. Off. Russia № 271.

расположеніемъ Николая Павловича за свои симпатіи къ Россіи (right—headed man, mais diablement russe—такъ говорили англичане о Ля-Ферроне). Эту достопамятную для многихъ дипломатовъ аудіенцію англійскій посолъ описалъ въ депешѣ [1]) къ великобританскому министру иностр. дѣлъ Георгу Каннингу, помѣченной $\frac{\text{4 января 1826}}{\text{23 декабря 1825}}$ года. „Я имѣлъ честь—сообщаетъ виконтъ Страгфордъ—въ минувшее воскресенье быть допущеннымъ къ частной аудіенціи и былъ принятъ е. в. Императоромъ весьма милостиво. Императору угодно было показать мнѣ свое желаніе и намѣреніе продолжать ко мнѣ то довѣріе, которое выказывалъ ко мнѣ его предшественникъ; онъ былъ доволенъ моимъ назначеніемъ при этомъ дворѣ [2]), но болѣе всего онъ выражалъ искренное и горячее желаніе заслужить и поддерживать дружбу, съ его величествомъ, о личной любезности котораго къ нему во время своего пребыванія въ Англіи Императоръ вспомнилъ съ чувствомъ глубокой признательности. Онъ неоднократно выражалъ мнѣ желаніе и увѣренія, что онъ не забылъ и никогда не забудетъ вниманія, оказаннаго ему королемъ (Англіи)... Затѣмъ Императоръ перешелъ въ другую комнату, гдѣ собрались заранѣе приглашенные всѣ иностранные министры здѣсь аккредитованные. Императоръ въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ (въ чемъ я не могу не отдать ему справедливости) благодарилъ насъ за участіе къ нему, проявленное нами въ знаменательный день его восшествія на престолъ. Онъ приглашалъ насъ всѣхъ и каждаго передать своимъ государямъ его настойчивое желаніе заслужить довѣріе, хотя, какъ онъ признавался, онъ еще не пріобрѣлъ на то права. Онъ будетъ избѣгать основательныхъ поводовъ къ неудовольствіямъ, хотя бы таковые и были въ началѣ его поприща, на которое онъ вступилъ молодымъ человѣкомъ, всего 29 лѣтъ, неожиданно, призванный нести наиболѣе тяжелыя обязанности безъ достаточной подготовки, опыта, и не будучи въ состояніи дать какія-либо гарантіи относительно будущаго своего образа

---

[1]) Ibid. Russia № 279.

[2]) Smythe Percy Clinton Sydney siksth viscount Strangford (1780—1855) рано началъ диплом. карьеру, въ 1802 г. б. уже секретаремъ посольства въ Лиссабонѣ, затѣмъ полном. министромъ тамъ же; съ іюля 1807 б. посломъ въ Швеціи (въ 1808 служилъ въ Бразиліи); въ нач. авг. 1820 аккредитованъ въ Турціи, гдѣ дѣйствовалъ согласно съ Австріей, на аудіенціи у султана 18 мая 1821 высказывалъ мысли о *цѣлости* Тур. имперіи les aveux qu'Elle (sa Majesté le Roi) ne cesse de faire... pour la prosperité, repos, l'*integrité* de l'Empire Otoman), въ нач. 1825 б. аккредитованъ въ С.-Петербургѣ, но въ Россіи оставался недолго; отличался связями, богатствомъ.

дѣйствій кромѣ чистоты (purity) своихъ намѣреній и непреклонной рѣшимости слѣдовать во всемъ по стопамъ своего предшественника.

Засимъ Его Величество въ выраженіяхъ, въ высшей степени достойныхъ его какъ государя и человѣка, перешелъ къ злополучнымъ событіямъ прошлаго понедѣльника. Онъ описывалъ ихъ въ выраженіяхъ, трогавшихъ сердце каждаго, кто ихъ слышалъ, съ чувствомъ скорби, съ какой онъ счелъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ, столь не отвѣчающимъ его настроенію. Онъ гордился и восторгался поведеніемъ народа вообще и отдѣльными случаями героизма, самопожертвованія, чему онъ лично былъ свидѣтелемъ. Онъ говорилъ съ искренней печалью, что банда злоумышленниковъ и заговорщиковъ эксплоатировала лучшія чувства его народа, ввела въ заблужденіе его привязанность къ Императорскому Дому, и эти самыя чувства (привязанности) сдѣлала своимъ орудіемъ, дабы ниспровергнуть монархію и сдѣлать эту обширную Имперію сценой общаго разгрома. Онъ съ огорченіемъ упоминалъ имена князя Трубецкаго [1]) и князя Оболенскаго, какъ лицъ, принимавшихъ наиболѣе дѣятельное и наиболѣе преступное участіе въ этихъ событіяхъ. При этомъ Императоръ прибавилъ, что заговоръ—давняго происхожденія, онъ возникъ около 1815 года, и покойный Императоръ вполнѣ былъ освѣдомленъ (tully avare of its existence) о его существованіи и, хотя мудрыми и подозрительными мѣрами, онъ сдерживалъ заговорщиковъ много лѣтъ и противодѣйствовалъ всѣмъ ихъ планамъ (all their schemes)—лишь въ послѣдніе моменты (своей жизни) онъ проникся горестнымъ сознаніемъ, что ихъ замыслы все еще продолжались, и что въ какой-либо день они могутъ поставить страну и правительство въ очень опасное положеніе". „Затѣмъ

---

[1]) Объ арестѣ кн. Сергѣя Трубецкаго франц. посолъ Ля-Ферроне сообщалъ слѣд. Кн. Т. былъ зятемъ гр. Лаваля и шуриномъ г-жи Лебцельтернъ, жены посла Австріи. Вечеромъ 14 дек. онъ съ женою пришелъ переночевать къ гр. Лебцельтерну, и былъ уже въ постели, когда гр. Нессельроде велѣлъ доложить о себѣ гр. Лебцельтерну и объявилъ ему, что онъ (Нессельроде) съ величайшимъ сожалѣніемъ долженъ исполнить приказаніе Императора, и что необходимо кн. Трубецкому тотчасъ же послѣдовать за флиг.-адъют. кн. Голицынымъ, которому поручено безъ замедленія привести его къ Его Величеству. Лебцельтернъ не протестовалъ. Кн. Трубецкой одѣлся, сошелъ внизъ въ мундирѣ и при шпагѣ. Кн. Голицынъ спросилъ у него шпагу и объявилъ, что онъ арестованъ, и, обезоруживъ, повелъ его во дворецъ. Затѣмъ подъ конвоемъ шести кирасиръ Трубецкого отвезли въ крѣпость. Воцареніе императора Николая, С. Татищева въ «Рус. Вѣст.» 1893, мартъ, стр. 168.

Императоръ простился съ дипломатическимъ корпусомъ и еще разъ съ одушевленіемъ обратился къ намъ, какъ къ джентельменамъ и людямъ честнымъ—приглашая отдать должную справедливость его чувствамъ и намѣреніямъ и довести о нихъ до свѣдѣнія нашихъ правительствъ въ такой формѣ, чтобы положить основаніе взаимному довѣрію между Императоромъ и ими, каковое установить и поддерживать являлось первымъ желаніемъ его сердца“ [1]).

Послѣ этого Императоръ пригласилъ съ собой въ кабинетъ французскаго посла гр. Ля-Ферроне и, заливаясь горькими слезами, оправдывалъ передъ нимъ [2]), какъ человѣкъ, свой образъ дѣйствій. „Я начинаю царствовать—говорилъ онъ—подъ грустнымъ предзнаменованіемъ и съ страшными обязанностями..... съ вожаками, съ зачинщиками заговора будетъ поступлено безъ жалости, безъ пощады... Я буду непреклоненъ; я обязанъ дать этотъ урокъ Россіи и Европѣ“.

Такимъ образомъ основные контуры русской, какъ внѣшней, такъ и внутренней политики были намѣчены; реакція, вызванная несчастной внутренней смутой, привела къ тому, что борьба противъ всякихъ проявленій освободительнаго движенія возводилась въ принципъ, и оставалось ждать послѣдствій, къ какимъ могла привести Россію эта система.

Гдѣ же, спрашивается, искать руководящихъ началъ для этой охранительной политики? Естественно руководящіе принципы диктовалъ тотъ Священный Союзъ [3]), который основанъ былъ императоромъ Александромъ I, и тотъ „концертъ“ европейскихъ державъ, сложившійся подъ вліяніемъ борьбы съ Наполеономъ, котораго европейскія державы отправили на скалы св. Елены не за то только, что онъ передѣлалъ карту Европы, но главнымъ образомъ за то, что онъ вносилъ смуту и революцію и въ ихъ собственныя государства [4]). Эта система внѣшней политики Россіи уже къ концу царствованія Александра I обнаруживала и свои грустныя стороны: она отвлекала Россію отъ внутреннихъ реформъ, она лишала ея политику должной само-

---

[1]) Publ. Rec. Off. Pussia № 279.

[2]) К. Гревилль слышалъ разсказъ объ этомъ отъ Ля-Ферроне, когда онъ былъ уже посломъ въ Римѣ (24 мая 1830) и передаетъ его такъ (Memoirs I, 381): on dismissing them (т. е. дипл. корпусъ) he had taken hiw into his closet, when he burst into tears and said. You have just seen me act the part of Emperor; you must now witness the feelings of the man Y speak to you as tomy best friend, from whem Y conceal nething.

[3]) Рѣшительный протестъ противъ идей Свящ. союза выразили лишь Сѣв.-Ам. Соед. Штаты, см. мою брошюру: „Внѣшняя политики Сѣв.-Амер. С. Шт. и ученіе Монроэ“. С.-Петербургъ 1903.

[4]) См. мою брошюру: „Наполеонъ I и Англія“, Варшава 1906.

стоятельности, твердости и послѣдовательности и даже прямо-таки роняла престижъ Россіи (греки, боровшіеся за свою независимость, искали посредничества и покровительства у державъ—глубоко Россіи враждебныхъ: Англіи и Австріи)...

Между тѣмъ вѣра въ прочность консервативнаго союза европейскихъ державъ у императора Николая I сложилась сама собою подъ впечатлѣніемъ 14 декабря, она крѣпла подъ вліяніемъ и дальнѣйшихъ проявленій революціоннаго движенія въ Европѣ (въ 1830—31 г.), и поддерживалась искусной тактикой Меттерниха.

Съ первыхъ дней новаго царствованія Англія внимательно слѣдитъ за будущимъ курсомъ русской внѣшней политики и ее ближайшимъ образомъ интересовали два главныхъ вопроса: во-первыхъ, какое положеніе займетъ Россія въ отношеніи Греціи, т. е. въ восточномъ вопросѣ и, во-вторыхъ, будетъ ли она дѣйствовать самостоятельно, или солидарно съ другими европейскими державами.

На первый вопросъ лордъ Странгфордъ послалъ (5/17 янв. 1826) въ Англію Георгу Каннингу кратенькую записку на франц. языкѣ, въ коей императоръ Николай I высказывался о восточныхъ дѣлахъ французскому представителю Ля-Ферроне. Николай I указывалъ, что покойный императоръ оставилъ ему „великое дѣло“ [1]), которое нужно порѣшить скоро и окончательно. Къ этому обязывалъ его долгъ передъ Россіей и уваженіе къ памяти его брата. Если возможно будетъ дѣйствовать съ союзниками—тѣмъ лучше; если же нѣтъ—Императоръ будетъ дѣйствовать самостоятельно.

Въ депешѣ отъ $\frac{\text{24 января}}{\text{5 февраля}}$ 1826 года лордъ Странгфордъ передаетъ взгляды Николая I на отношенія къ европейскимъ державамъ. Императоръ вѣрилъ, что союзъ (? Священный), основанный Александромъ I, еще существуетъ и держится согласіемъ всѣхъ его членовъ(?) Nour sommes cinq (говорилъ онъ послу 28 января) je dèsire que nous puissions tous toujours marcher sur une même ligne. Cependant s'il un de cinq vient à troncher, je regarderai notre systeme comme entierement fini et notre égalité de marche comme absolument rompue et alors je ne prendrai conseil qu'à moi. Je compte pourtant sur la stabilité de l'Alliance—et certes ce ne sera pas moi qui serai le premier à en douter.

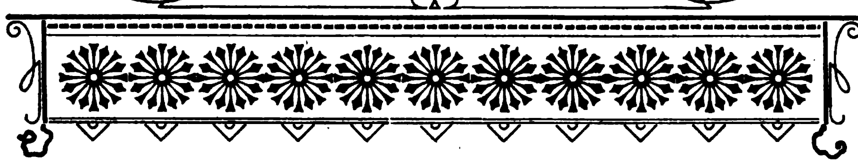
[1]) „Je ne veux pas (говорилъ императоръ Николай I) vous parler politique. Vous savez cependant qu'il y a une grande affaire que nous avons sur les bras. Il faut qu'elle se termine promptement et complettement. Je vous le repète d'une manière ou autre il faut qu'elle se termine. Je le dois à la Russie, et à la mémoire de mon Frère. Si cela peut se faire *avec* mes Alliés tant mieux. C'est que je désire ardemment. Dans l'autre hypothèse je ferai de moi-même ce qu'il faut pour la finir—et je sais ce qu'il faudra alors“.

Лордъ Странгфордъ полагалъ, что императоръ воспользуется первымъ предлогомъ, чтобы отдѣлиться отъ союза европейскихъ державъ, и будетъ дѣйствовать самостоятельно, а что Австрійскій кабинетъ наоборотъ будетъ поддерживать эту зависимость Россіи отъ европейскаго концерта, доказывая, что это необходимо въ интересахъ безопасности императора и будущности его короны и что однимъ словомъ внѣ „охраняющаго щита этого союза нѣтъ спасенія отъ заговорщиковъ и карбонаріевъ“ [1]).

Проф. В. Александренко.

[1]) His safety and preservation of His Crown depend upon His connecting Himself yet more closely with the Alliance,—and that, in short, except under its protecting shield there is no salvation from conspirators and carbonari.

Пережитое [1].

(Отрывочныя воспоминанія за 25 лѣтъ службы).

Весь край былъ объявленъ на военномъ положеніи и въ февралѣ прибыли въ Бѣлостокъ 2 стрѣлковый баталіонъ, два баталіона Калужскаго и Софійскаго полковъ, двѣ батареи 2 артиллерійской бригады и 2 или 3 сотни Донскихъ казаковъ. Общимъ начальникомъ всѣхъ войскъ въ Бѣлостокѣ и его уѣздѣ былъ начальникъ 2 пѣхотной дивизіи генералъ Манюкинъ; его отрядный штабъ усилился двумя прибывшими капитанами генеральнаго штаба Тугенгольдомъ [2]) и Комаровымъ [3]) и ординарцемъ — штабсъ-ротмистромъ Сумскаго гусарскаго полка Бялымъ.

Вся пѣхота и конница стали по тѣснымъ (въ буквальномъ смыслѣ) квартирамъ въ городѣ, а батареи на окраинѣ его, около желѣзнодорожнаго вокзала, имѣя паркъ на ближайшемъ выгонѣ. Штабъ отряда помѣстился въ той же небольшой квартирѣ, которую занималъ генералъ Манюкинъ, помощникомъ коего былъ тогда генералъ Эггеръ.

Въ концѣ января, по какой-то служебной надобности, посѣтилъ Бѣлостокъ генералъ Веселитскій, лишенный правой руки, потерянной однако не въ сраженіи, обладавшій типичною солдатскою физіономіею, слывшій первокласснымъ „дантистомъ“ и извѣстный по неудачному

---

[1]) См. „Русская Старина“, августъ 1907 г.

[2]) Впослѣдствіи генералъ, состоявшій подъ конецъ службы въ корпусѣ Пограничной стражи.

[3]) Бывшій во время Турецко-Сербской войны начальникомъ штаба Тимокско-Моравской арміи, нынѣ полковникъ въ отставкѣ и редакторъ газеты „Свѣтъ“.

командованію войсками въ 1853 году во время ночного штурма укрѣпленія Арабъ-Табіе, при осадѣ Силистріи [1]).

Донесенія о появленіи бандъ повстанцевъ то тамъ, то сямъ участились; погода испортилась и начались оттепели. Частыя экспедиціи сильно отозвались на обуви офицеровъ и нижнихъ чиновъ и этой бѣдѣ разъ помогли, выславъ по мѣсту нахожденія отряда нѣсколько полковыхъ телѣгъ съ сапогами [2]).

Такъ какъ отрядамъ приходилось бо́льшею частью дѣйствовать въ лѣсахъ, то экспедиціи производились обыкновенно мелкими отрядами изъ 3—4 ротъ съ сотнею казаковъ или эскадрономъ уланъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ придавалась артиллерія.

Въ концѣ января получены были извѣстія о сосредоточеніи въ м. Семятичи, Бѣльскаго уѣзда, весьма значительной банды инсургентовъ подъ командою нѣкоего „Замѣчека", силою, какъ говорили, до 6 тысячъ человѣкъ. Для дѣйствій противъ этой банды сформированъ былъ въ Бѣлостокѣ особый отрядъ, въ составъ коего вошли три стрѣлковыя роты Либавскаго полка, 1 и 3 роты 2-го стрѣлковаго баталіона, 5 и 2 стрѣлковыя роты 5-го пѣхотнаго Калужскаго полка, 4 орудія нарѣзной легкой № 3 батареи 2 артиллерійской бригады и сотня Донскихъ казаковъ; при отрядѣ былъ обозъ, состоявшій преимущественно изъ вольно-наемныхъ обывательскихъ подводъ; это послѣднее упоминаю потому, что часть возницъ при первыхъ выстрѣлахъ побросала повозки и убѣжала; ихъ пришлось замѣнить нижними чинами изъ строя.

Общее командованіе отрядомъ принялъ на себя генералъ Манюкинъ, а начальникомъ отряднаго штаба назначенъ былъ генеральнаго штаба капитанъ Гейнсъ; полковой адъютантъ Либавскаго полка также былъ въ составѣ отряда, и мнѣ поручено было временно исправлять его должность.

---

[1]) Въ Бѣлостокѣ мнѣ пришлось тогда случайно узнать о печальной участи, постигшей товарища по училищу, подпоручика 27 Витебскаго полка Ж—скаго. Служа въ Ченстоховѣ, онъ влюбился въ какую-то панéнку; та поставила условіемъ (вѣроятно брака), чтобы онъ бѣжалъ „до лясу" къ повстанцамъ и, будучи „заядлою полькою", вѣроятно сдѣлала это по наущенію своего духовнаго отца-ксендза (а это тогда бывало). Ж—скій (русскаго происхожденія и православный) бѣжалъ и, по разсказу, участвовалъ въ нападеніи банды инсургентовъ на гор. Ново-Радомскъ; спустя нѣкоторое время, желая скрыться за границу, Ж—скій былъ пойманъ передъ отходомъ поѣзда на дебаркадерѣ Ченстоховскаго вокзала, судимъ военно-полевымъ судомъ и разстрѣлянъ.

[2]) Въ первыхъ числахъ марта были доставлены въ Бѣлостокскую тюрьму взятые въ плѣнъ во время одной стычки въ Мозырскомъ уѣздѣ предводитель банды Рачинскій съ своимъ адъютантомъ Голіано.

Въ день выступленія, раннимъ утромъ, части войскъ отряда выстроились на той улицѣ, гдѣ былъ штабъ Либавскаго полка. Строй имѣлъ довольно пестрый видъ, такъ какъ часть нижнихъ чиновъ была въ короткихъ полушубкахъ, имѣя скатанныя шинели черезъ плечо.

Прибылъ верхомъ генералъ Манюкинъ съ штабомъ, объѣхалъ войска отряда, сказалъ имъ короткую энергическую рѣчь и, вызвавъ пѣсельниковъ, приказалъ двигаться въ направленіи къ м. Рудки (принадлежавшее, кажется, графу Оссолинскому), гдѣ былъ назначенъ первый ночлегъ.

Временнымъ начальникомъ войскъ Бѣлостокскаго гарнизона остался генералъ Эггеръ.

Я не остановлюсь на подробностяхъ боя подъ Семятичами, такъ какъ они мнѣ извѣстны исключительно изъ устныхъ разсказовъ офицеровъ—участниковъ этого боя, а отчасти изъ современныхъ донесеній; приведу лишь нѣсколько частностей.

Первые дни изъ отряда не было получаемо извѣстій, но на 5 или 6 день привезли въ Бѣлостокъ на подводѣ подполковника Филимонова, командовавшаго стрѣлковыми ротами Либавскаго полка, тяжело раненаго пулею въ лѣвую часть живота во время ночной атаки кладбища м. Семятичи; его тотчасъ отправили въ мѣстный госпиталь.

Опуская все извѣстное мнѣ изъ разсказовъ объ этомъ боѣ, скажу лишь, что результатомъ его былъ полный разгромъ банды „Замечека“ и совершенное ея разсѣяніе, при чемъ мѣстечко Семятичи, съ находившимся тамъ замкомъ камергера Феншау,—сожжено [1]).

По возвращеніи отряда въ Бѣлостокъ, раненныхъ нижнихъ чиновъ и повстанцевъ помѣстили въ лазареты и городскую больницу, убитыхъ солдатъ съ военными почестями похоронили, а плѣнныхъ отправили въ тюремный замокъ. Всѣ плѣнные, раздѣленные на категоріи (т. е. взятые съ оружіемъ въ рукахъ или безъ оружія, бывшіе начальствующими лицами въ бандѣ и пр.), допрашиваемы были въ слѣдственной комиссіи и затѣмъ, по конфирмаціи заключеній ея, отправляемы кто рядовымъ на Кавказъ или въ Оренбург-

---

[1]) Вечеромъ 25 января началось дѣло и когда наступленіе мятежниковъ было отбито, отрядъ въ виду сильной темноты отошелъ на ночлегъ къ д. Чертоево—въ 4 верстахъ отъ м. Семятичи; съ утра 26 числа бой начался снова, завершившійся штурмомъ мѣстечка.—Артиллеріею выпущено было 98 выстрѣловъ, при чемъ, когда позднимъ вечеромъ мятежники перешли въ наступленіе, батарея дала два залпа картечью на весьма близкомъ разстояніи, заставивъ толпы повернуть и бѣжать къ мѣстечку.

скій край, а кто и подальше—въ Сибирь. Одну изъ такихъ партій конфирмованныхъ мятежниковъ. 9 іюня поручено было мнѣ отвезти въ Петербургъ, гдѣ и сдать въ пересыльную тюрьму; въ конвой назначенъ былъ одинъ 1/2 взводъ Либавскаго полка. Партія состояла изъ 22 инсургентовъ, взятыхъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, и составъ ея былъ вполнѣ разношерстный, а именно: помѣщики, арендаторы, фабричные мастеровые, крестьяне и даже маркеръ одной изъ Бѣлостокскихъ гостинницъ. Всѣ они осуждены были на 20 лѣтнюю службу рядовыми. Партія доѣхала благополучно до Петербурга, гдѣ и сдана, какъ было указано, а я съ конвоемъ, спустя сутки, вернулся въ Бѣлостокъ.

Экспедиціи противъ инсургентовъ между тѣмъ продолжались и банды ихъ появлялись иногда близъ Бѣлостока. Во время экспедицій находили иногда на лѣсныхъ дорогахъ и у усадебъ повѣшенныхъ, съ прикрѣпленнымъ къ груди листкомъ бумаги и надписью на ней: „здрайца ойчизны“ (т. е. измѣнникъ отечеству); такъ звѣрски мстили повстанцы за малѣйшую услугу нашимъ экспедиціоннымъ отрядамъ.

Изъ сохранившагося письма моего отъ 3 мая 1863 года видно, что „съ конца апрѣля всѣ войска Бѣлостокскаго гарнизона выведены были въ лагери, расположенные у пяти городскихъ заставъ; того же числа (то есть 3 мая) рано утромъ отправился въ недалекую экспедицію отрядъ въ составѣ 3-хъ ротъ Либавскаго полка съ 2 орудіями, сотнею казаковъ, и 1/2 эскадрономъ уланъ, а 1 мая банда инсургентовъ произвела около станціи Чижево нападеніе на пассажирскій поѣздъ; находившійся вблизи отрядъ изъ двухъ ротъ того же полка съ сотнею казаковъ, атаковалъ мятежниковъ, разбилъ ихъ и разсѣялъ; изъ состава отряда 2 рядовыхъ было убито и 13 ранено, при чемъ трое тяжело и особенно одинъ казакъ, получившій 8 пулевыхъ ранъ. Потери инсургентовъ были значительны. Нашихъ убитыхъ и раненныхъ 2 мая привезли въ Бѣлостокъ, гдѣ первыхъ съ военными почестями похоронили, а послѣднихъ помѣстили въ госпиталь“.

Независимо разъѣздовъ, высылавшихся изъ Бѣлостока на развѣдки, войска охранялись еще и цѣпями аванпостовъ; сверхъ сего, выставлены были небольшіе охранительные отряды у моста черезъ р. Супрасль, въ м. Хорощѣ и еще въ нѣсколькихъ пунктахъ. Ежедневно, кромѣ дежурныхъ и рундовъ, назначался еще дежурный по всѣмъ войскамъ гарнизона штабъ-офицеръ, въ обязанность коего входила и повѣрка службы на аванпостахъ.

Приведу позорный случай бѣгства изъ Бѣлостока къ повстанцамъ 12 апрѣля двухъ офицеровъ Либавскаго полка штабсъ-капитана

Эйтмановича 2 [1]) и подпоручика Брандта, а спустя нѣсколько дней и третьяго—поручика Ландсберга.

Произошло это такъ. Штабсъ-капитанъ Эйтмановичъ 2, будучи дежурнымъ по карауламъ (его 2 стрѣлковая рота была на аванпостахъ), вечеромъ 11 апрѣля пришелъ въ помѣщеніе полковой библіотеки съ подпоручикомъ Брандтомъ, бывшимъ въ тотъ же день рундомъ.

Кромѣ меня, въ библіотечной комнатѣ было еще 2—3 офицера дежурной роты, ночевавшей на полковомъ дворѣ. Чтобы скоротать время, занялись мы сначала чаепитіемъ, а потомъ сѣли играть въ какую-то безобидную игру въ карты. Около 2 часовъ утра Эйтмановичъ и Брандтъ ушли, сказавъ, что „идутъ повѣрять посты аванпостной цѣпи, а затѣмъ домой, такъ какъ, вѣроятно, никакой тревоги не будетъ". Все было ими сказано такъ естественно, что никому изъ насъ и въ голову не могло придти, что они рѣшили бѣжать къ повстанцамъ („до лясу"). Утромъ, часовъ около восьми, получено было извѣстіе о побѣгѣ ихъ и вице-унтеръ-офицера 2 стрѣлковой роты Лауба. Немедленно отправленъ былъ въ погоню отрядъ казаковъ, скоро однако возвратившійся, такъ какъ повстанцевъ уже и слѣдъ простылъ. Спустя дня два дѣло выяснилось, ибо неожиданно вернулся названный унтеръ-офицеръ, одѣтый въ поношенный статскій костюмъ; при опросѣ его, оказалось слѣдующее: Эйтмановичъ и Брандтъ, подъ предлогомъ стрѣльбы въ цѣль изъ винтовки, приказали взять Лаубѣ круглую офицерскую мишень и свою винтовку съ патронами и слѣдовать за ними. Подойдя къ аванпостной цѣпи, Эйтмановичъ, знавшій „отзывъ" и „пропускъ", отвѣтилъ на окликъ часоваго на посту и въ сопровожденіи Брандта и Лаубы направился за цѣпь; когда они приблизились къ опушкѣ лѣса, тамъ уже оказалась банда повстанцевъ, очевидно ихъ поджидавшая. Оба офицера тотчасъ переодѣлись въ приготовленное тамъ статское платье и, подъ угрозою, приказали унтеръ-офицеру Лауба сдѣлать то же самое, при чемъ объявили его фельдфебелемъ банды, которая тотчасъ же и направилась въ глубь лѣса. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, Лауба, подъ предлогомъ повѣрки выставленныхъ бандою часовыхъ, вышелъ къ лѣсной опушкѣ и, ударомъ приклада сваливъ замертво ближайшаго часоваго, бросился бѣжать по направленію нашихъ аванпостовъ, а затѣмъ прибылъ въ Бѣлостокъ. Этотъ правдивый и безхитростный разсказъ я лично слышалъ при до-

---

[1]) Командовавшаго 2 стрѣлковою ротою, участвовавшаго съ нею въ дѣлѣ подъ Семятичами и награжденнаго за это дѣло орденомъ св. Анны 3 степени съ мечами и бантомъ.

просѣ названнаго унтеръ-офицера; по сдѣланному представленію онъ былъ награжденъ медалью „за усердіе“, произведенъ въ старшіе унтеръ-офицеры и получилъ наградныхъ 25 рублей. Что сталось съ Эйтмановичемъ и Брандтомъ—точно не было извѣстно, но, повидимому, спустя нѣкоторое время, первый въ одной изъ стычекъ былъ убитъ, а второй—Брандтъ—былъ „народо́вымъ ржондомъ“, назначенъ „начальникомъ Августовскаго воеводства“ (фактически не существовавшаго), и это случайно узнали изъ одного приказа по „воеводству“, найденнаго у плѣннаго инсургента,—подписаннаго Брандтомъ,—признавъ его почеркъ.

Спустя нѣкоторое время, кромѣ упомянутыхъ двухъ офицеровъ, бѣжали изъ полка къ повстанцамъ еще 3 офицера (въ числѣ ихъ одинъ ротный командиръ) и юнкеръ. Приведу выдержку изъ сохранившагося письма моего изъ Бѣлостока отъ 20 апрѣля 1863 года о стычкѣ, въ которой, въ качествѣ начальника банды, участвовалъ упомянутый выше штабсъ-капитанъ Эйтмановичъ 2.

„Въ 40—45 верстахъ отъ Бѣлостока сформирована была бѣжавшими офицерами банда въ 700—800 человѣкъ; по полученіи свѣдѣній о пребываніи этой банды въ лѣсу, у дер. Королевъ-Мостъ, 16 апрѣля направлены были для поимки ея 6 отрядовъ (изъ Бѣлостока, Гродны, Соколокъ и царства Польскаго), при чемъ отрядъ, высланный изъ Бѣлостока, состоялъ подъ начальствомъ полковника Пригоровскаго изъ трехъ ротъ 2 стрѣлковаго баталіона съ 2 орудіями и эскадрона уланъ, а отрядъ, высланный изъ Гродны—изъ 2 ротъ Калужскаго полка, эскадрона Курляндскихъ уланъ и 1/2 сотни казаковъ. 17 апрѣля Бѣлостокскій отрядъ, войдя по пути въ одну деревню, нашелъ крестьянина, возившаго повстанцамъ провіантъ и, при опросѣ, показавшаго, что банда ихъ находится въ глубинѣ ближайшаго къ деревнѣ лѣса; ему приказали вести отрядъ туда; по пути кое-гдѣ встрѣчались повѣшенные на деревьяхъ и на одномъ деревѣ висѣло даже три трупа. Когда отрядъ дошелъ до лѣсного перекрестка, было на столько болотисто, что орудія приходилось зачастую вытаскивать изъ топи руками солдатъ. Отрядъ пріостановился, выдѣливъ по одной изъ болотистыхъ дорогъ двѣ роты съ 1/2 эскадрономъ уланъ; эта часть отряда, пройдя около 2—2 1/2 верстъ почти по трясинѣ, внезапно встрѣчена была огнемъ цѣпи мятежниковъ съ разстоянія въ 100 шаговъ. Было 3 1/2 часа по полудни. Послѣ ожесточенной перестрѣлки, повстанцы начали перестраиваться въ колонны для атаки и одною изъ нихъ лично командовалъ Эйтмановичъ, бывшій въ польскомъ костюмѣ и въ конфедераткѣ; къ счастью, подоспѣла еще одна рота, и пѣхота пошла въ штыки. Въ это же время къ флангу позиціи инсургентовъ подходили пере-

довыя части Гродненскаго отряда полковника Пенхержевскаго. Повстанцы не выдержали и бросились бѣжать въ разсыпную; преслѣдованіе ихъ по болоту было весьма затруднительно, и бой окончился въ 6-мъ часу. Кромѣ раненныхъ, убито было около 200 повстанцевъ (въ числѣ ихъ бѣжавшіе офицеры Либавскаго полка), и взято въ плѣнъ 27 человѣкъ; захваченъ значительный обозъ, много ружей и 19 лошадей, частью раненныхъ. Съ нашей стороны—въ одной только 2 ротѣ стрѣлковаго баталіона было 3 рядовыхъ убито и 11 ранено; затѣмъ убитъ одинъ уланъ и ранено—5 нижнихъ чиновъ въ третьей ротѣ стрѣл. баталіона и 4—въ ротахъ Калужскаго полка. Между прочимъ, у всѣхъ повѣшенныхъ повстанцами въ лѣсу, къ груди прикрѣплена была бумага, съ указаніемъ въ ней причины казни".

Еще за мѣсяцъ или болѣе до этого случая, въ полку получено было оффиціальнымъ путемъ предложеніе желающимъ офицерамъ католикамъ и уроженцамъ царства Польскаго перевестись въ пѣхотные полки, расположенные во внутреннихъ губерніяхъ съ отпускомъ даже прогонныхъ денегъ, но этимъ вполнѣ гуманнымъ предложеніемъ воспользовались весьма немногіе [1]).

Упомяну также, что офицерами, фамиліи коихъ оканчивались на „скій" или „вичъ", иногда по почтѣ получались письма изъ Варшавы, съ вложеніемъ печатныхъ прокламацій „народоваго ржонда"; въ этихъ прокламаціяхъ безъ подписи, но съ синею печатью и надписью на ней „ржондъ народовый, тымъ часовый" (то есть временное народное правительство), предлагалось оставить ряды арміи и перейти на сторону повстанцевъ, при чемъ добавлялось, что не исполнившіе этого поляки - офицеры „будутъ лишены политическихъ и гражданскихъ правъ въ будущей свободной Польшѣ" [2]).

По сохранившемуся письму моему 24 марта 1863 года, привожу ниже краткое описаніе дѣйствій противъ инсургентовъ экспедиціонныхъ отрядовъ, направленныхъ во второй половинѣ марта изъ Бѣлостока и Соколки.

---

[1]) Въ Варшавѣ издавался тогда генераломъ Меньковымъ „журналъ военныхъ дѣйствій", составлявшійся по оффиціальнымъ источникамъ и реляціямъ. Повстанцы имѣли подобный же журналъ" Wiadomosti z pola bitwy (т. е. вѣдомости съ поля битвы), печатавшійся въ подпольной типографіи въ Варшавѣ. Иногда экземпляры этого журнала высылались неизвѣстно кѣмъ почтою на имя нѣкоторыхъ офицеровъ Либавскаго полка, носившихъ польскія фамиліи.

[2]) Въ этихъ прокламаціяхъ, въ началѣ или концѣ текста еще были слова: „рувносць, вольносць, неподлеглосць" (т. е. равенство, свобода и независимость).

Отрядъ генерала Зайцева, разбивъ банду инсургентовъ недалеко отъ Ломжи, преслѣдовалъ ее въ направленіи къ Тикоцину и Гоніондзу. Для поимки банды направлены были два отряда—одинъ подъ начальствомъ полковника Пригоровскаго изъ Бѣлостока,—въ составѣ 3 ротъ Либавскаго полка и двухъ 2 стрѣлк. баталіона, съ эскадрономъ Петербургскихъ уланъ, сотнею казаковъ и 2-я орудіями и другой—подъ командою полковника Вернера изъ Соколки, въ составѣ 4 ротъ Калужскаго полка съ 2 орудіями. Бандою инсургентовъ командовалъ нѣкій Путятицкій. Бѣлостокскій отрядъ, переночевавъ въ Тикоцинѣ, направился къ Кнышину двумя дорогами: по одной—эскадронъ съ казачьею сотнею и по другой—остальныя войска отряда подъ личнымъ начальствомъ полковника Пригоровскаго; когда эта послѣдняя колонна подходила къ опушкѣ лѣса, встрѣченъ былъ крестьянинъ, кричавшій „ратуйте, ратуйте“, (т. е. спасите) и показавшій, что банда инсургентовъ только-что вошла въ лѣсъ; въ то же время по близости замѣченъ былъ и обозъ повстанцевъ подъ прикрытіемъ 40 человѣкъ на коняхъ. Тотчасъ же отрядъ перестроился въ боевой порядокъ, выславъ 1 и 7 роты Либавскаго полка въ цѣпь, двинувшуюся бѣгомъ къ лѣсу. Инсургенты были настигнуты въ лѣсу, разбиты и разсѣяны, понеся большія потери убитыми и раненными; съ нашей стороны потерь вовсе не было. Одновременно захваченъ былъ и весь инсургентскій обозъ, а изъ состава его конвоя 14 человѣкъ переколото и 10 взято въ плѣнъ. Въ обозѣ захвачено было между прочимъ: 13 верховыхъ лошадей, 2 бочки съ соленымъ мясомъ, 2 пуда пороха, до 100 ружей и 200 косъ, 4 пищеварныхъ котла, переписка, до 300 рубахъ (тутъ же расхватанныхъ солдатами), много сабель, пистолетовъ и нѣкоторое количество сала. При преслѣдованіи бѣжавшихъ повстанцевъ, ими утеряна была часть конфедератокъ, украшенныхъ революціонными кокардами и султанами изъ перьевъ. 23 марта, днемъ, отрядъ полковника Пригоровскаго вступилъ обратно въ Бѣлостокъ съ пѣснями, при чемъ въ головѣ отряда ѣхала часть уланъ въ захваченныхъ конфедераткахъ, лихо надѣтыхъ по-улански — на бекрень.

Побѣги нижнихъ чиновъ къ инсургентамъ были весьма рѣдки. Такъ, бѣжавшій юнкеръ Либавскаго полка въ одной изъ стычекъ взятъ былъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ; его судили полевымъ судомъ и разстрѣляли въ Бѣлостокѣ. Мнѣ пришлось присутствовать при его казни. Осужденный былъ еще совсѣмъ юноша; когда его вели, подъ конвоемъ, на мѣсто казни, онъ до послѣдней минуты глупо бравировалъ, куря сигару и не обращая вниманія на слова шедшаго рядомъ съ нимъ ксендза, сказавшаго: „прôше жутить си-

га̀ру, тѐрразъ не та̀кій часъ, жѐбы па̀лить", а во время чтенія приговора, сь осужденнаго пришлось насильно снять шапку.

Что творилось въ это время въ Царствѣ Польскомъ, узнавалось изъ газетъ и частью изъ разсказовъ офицеровъ, ѣздившихъ въ Варшаву [1]). Тамъ произведено было покушеніе на жизнь намѣстника великаго князя Константина Николаевича, когда его высочество съ графомъ Велепольскимъ подъѣзжали въ экипажѣ къ зданію Большого театра. Великій князь былъ раненъ, а виновный—Ярошинскій—схваченъ и, кажется на слѣдующій же день, повѣшенъ на городской площади. Было покушеніе и на жизнь генералъ-полиціймейстера Трепова (впослѣдствіи с.-петербургскаго градоначальника) въ Саксонскомъ саду, при чемъ генералъ былъ раненъ топорикомъ, насаженнымъ на палку.

Доходили извѣстія и про Виленскія событія; тамъ съ мятежниками поступали круто. Въ то время генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края былъ генералъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ [2]), а войсками собственно въ Виленской губерніи командовалъ начальникъ 3 пѣхотной дивизіи генералъ Ганецкій (впослѣдствіи командиръ гренадерскаго корпуса, отличившійся 28 ноября 1877 года подъ Плевною), и отрядомъ подъ его начальствомъ была разбита на голову крупная банда повстанцевъ Сѣраковскаго, бывшаго офицера генеральнаго штаба, взятаго въ плѣнъ и, по приговору полевого суда, повѣшеннаго въ Вильнѣ. Ходили слухи и про не совсѣмъ удачное для нашихъ войскъ дѣло у м. Попеляны, въ Ковенской губерніи, гдѣ повстанцами командовалъ ксендзъ Мацкевичъ.

---

[1]) Тогда въ Варшавѣ Саксонская гостинница (Hôtel Sáski) была излюбленною офицерствомъ съ малыми достатками, какъ по сравнительной дешевизнѣ нумеровъ и центральному своему положенію въ наиболѣе оживленной части Краковскаго предмѣстья, такъ и потому, что тамъ можно было сытно и весьма дешево пообѣдать, а именно за 22½ коп. (1 злотъ и 15 грошей польскихъ) давали пять (!) блюдъ: „зупа" (супъ), „штука мѐнса" (кусокъ вар. мяса съ приправою), „яжѝна" (зелень), „печѝсте" (жаркое) и „легомѝна" (пирожное).—Нынѣ цѣнъ такихъ нѣтъ.—Изъ „цукерень" (кондитерскихъ) славилась Лурса—на углу Европейской гостинницы, а спеціально гвардейскимъ рестораномъ былъ ресторанъ Франсуа, гдѣ „во время оно" просаживались изрядныя суммы на наличныя и въ кредитъ. Офицерами арміи этотъ ресторанъ рѣдко посѣщался.

[2]) Про трехъ генералъ-губернаторовъ края—Муравьева, Кауфмана и Баранова, мнѣ пришлось какъ-то впослѣдствіи слышать въ Вильнѣ про ихъ дѣятельность такую характерную поговорку: Муравьевъ мало говорилъ и много дѣлалъ, Кауфманъ много говорилъ и мало дѣлалъ, а Барановъ ничего не говорилъ и ничего не дѣлалъ. Въ правдивости подобной характеристики не ручаюсь и передаю, что слышалъ.

Приведу прискорбный случай, извѣстный мнѣ изъ разсказовъ очевидцевъ и частью изъ слѣдственнаго дѣла, порученнаго подполковнику Либавскаго полка Веревкину; одинъ изъ экспедиціонныхъ отрядовъ подъ командою генерала графа Ностица, преслѣдуя банду мятежниковъ и потерявъ ее какъ-то изъ виду, напалъ по пути на имѣніе г-на Снитко (русскаго и православнаго), недалеко отъ Высоко-Литовска, раззорилъ и частью сжегъ имѣніе, при чемъ самъ Снитко былъ убитъ; разсказывали при этомъ, что сынъ его спасся бѣгствомъ въ Гродну, гдѣ и подалъ мѣстному предводителю дворянства графу Скаржинскому жалобу, послужившую поводомъ къ назначенію слѣдствія. Дѣло это однако, кажется, замяли, хотя кое-кто изъ виновныхъ и получилъ должное возмездіе.

Выше упомянуто было о бѣгствѣ „до лясу" поручика Ландсберга; это случилось спустя дня два-три послѣ бѣгства Эйтмановича и Брандта; черезъ нѣсколько дней Ландсбергъ вернулся въ Бѣлостокъ, сознался въ побѣгѣ, и мнѣ поручено было его арестовать и отвести на гауптвахту. Вскорѣ этотъ офицеръ былъ отправленъ въ Вильну, тамъ судимъ и сосланъ въ Сибирь на поселеніе [1]).

Нѣкоторые изъ тогдашнихъ начальниковъ, особенно изъ числа штабъ-офицеровъ, знакомы были съ тактикою развѣ только по наслышкѣ, не рѣдко игнорировали самыми элементарными тактическими пріемами, и познаиія ихъ въ военномъ дѣлѣ зачастую не шли далѣе строевого устава [2]). Къ счастью, отряды инсургентовъ, особенно въ Западномъ краѣ, были плохо организованы, почти не обучены и кое-какъ вооружены по преимуществу кóсами, насаженными на древки (такіе инсургенты назывались косиньерами) и малогодными одностволками, и, въ добавокъ, руководились, мало свѣдущими въ военномъ дѣлѣ помѣщиками или ксендзами. Рѣдкое исключеніе представляли такіе „довудцы", какъ Лангевичъ, Чаховскій, Тачановскій, Подлевскій

[1]) Въ февралѣ гарнизонъ Бѣлостока усиленъ былъ двумя баталіонами Софійскаго и Копорскаго полковъ.

[2]) Напримѣръ, съ почтеннымъ маіоромъ Либавскаго полка Б—омъ былъ слѣдующій случай какъ-то въ началѣ лѣта 1863 года. Будучи дежурнымъ по войскамъ гарнизона, онъ, — въ сумеркахъ, — усѣвшись на „извощика" отправился „повѣрять аванпосты" въ сопровожденіи казачьяго конвоя. Генералъ Манюкинъ, стоявшій на балконѣ своей квартиры, замѣтилъ этотъ оригинальный кортежъ и спросилъ проѣзжавшаго маіора: „куда это, маіоръ!"—тотъ отвѣтилъ: „ѣду повѣрять аванпосты, ваше п-во!" — на это генералъ сказалъ: „это на извощикѣ-то! эхъ вы резервная маіорина! отправляйтесь и вернувшись доложите командиру полка".—Я былъ личнымъ свидѣтелемъ этого.

(бывшій офицеръ артиллеристъ), Мацкевичъ и Сѣраковскій — съ ними приходилось серьезно считаться.

Войска, въ первые мѣсяцы мятежа топографическихъ картъ не имѣли, но у инсургентовъ онѣ были. Такъ, въ дѣлѣ подъ Пенскомъ (Бѣлостокскаго уѣзда) были отбиты, въ числѣ прочаго имущества, очень хорошія топографическія карты. Между прочимъ дѣло это, невозможно раздутое въ реляціи, было болѣе чѣмъ мелко, такъ какъ отряду изъ четырехъ ротъ Калужскаго полка съ эскадрономъ Петербургскихъ уланъ, подъ командою командира названнаго полка полковника Вернера (впослѣдствіи начальника 29 пѣхотной дивизіи) пришлось имѣть стычку только съ слабымъ конвоемъ, прикрывавшимъ обозъ повстанцевъ. Конвой, конечно, разнесли и отбили большой обозъ съ различнымъ имуществомъ, состоявшимъ изъ бѣлья, предметовъ обмундированія и продовольствія, топографическихъ картъ и значительнаго количества разнообразнаго оружія, собственно говоря представлявшаго собою совершенный ломъ. Для пересчета и разбора забраннаго оружія назначена была сортировочная комиссія, въ числѣ членовъ коей былъ и я. Порядочнаго и годнаго оружія было мало, но за то масса прикрѣпленныхъ къ древкамъ косъ, старыхъ, — частью покрытыхъ ржавчиною,—одностволокъ и двустволокъ („дубельтувокъ"), изъ коихъ нѣкоторыя мѣстами скрѣплены были даже бичевкою. Вообще, повторяю, реляцію объ этомъ дѣлѣ сильно преувеличили, видимо не пожалѣвъ чернилъ. Конечно, пожалованы были за это „дѣло" и боевыя награды отличившимся, при чемъ какой-то орденъ съ мечами получилъ генеральнаго штаба капитанъ Тугенгольдъ, и я лично присутствовалъ въ штабѣ дивизіи, когда этотъ орденъ ему пришпиливалъ къ мундиру генералъ Манюкинъ, очевидно продѣлавшій это нарочно, такъ какъ прекрасно зналъ цѣну стычки подъ Пенскомъ, но при фабрикаціи тогда нѣкоторыхъ реляцій руководились поговоркою „жарь во всю и куй желѣзо, пока горячо", ну и выковывали героевъ дешевой марки. Прискорбное дѣло въ Жиржинскомъ лѣсу (Люблинской губерніи) упоминается какъ отрицательный примѣръ въ курсахъ тактики, и оно слишкомъ извѣстно, чтобы о немъ здѣсь упоминать [1]); я однако приведу почти аналогичный

---

[1]) По разсказамъ, припоминаю нѣсколько частностей этого печальнаго дѣла. Направлялась такъ называемая „оказія" изъ Ивангорода въ Люблинъ; конвойный отрядъ состоялъ изъ двухъ ротъ Брестъ-Литовскаго крѣпостного полка, при чемъ нижніе чины будто бы имѣли только по 7 патроновъ на человѣка. Къ „оказіи" пристроились коммиссаріатскій чиновникъ съ крупною суммою казенныхъ денегъ, нѣсколько вновь произведенныхъ офицеровъ, слѣдовавшихъ въ свои части, и партія арестантовъ.

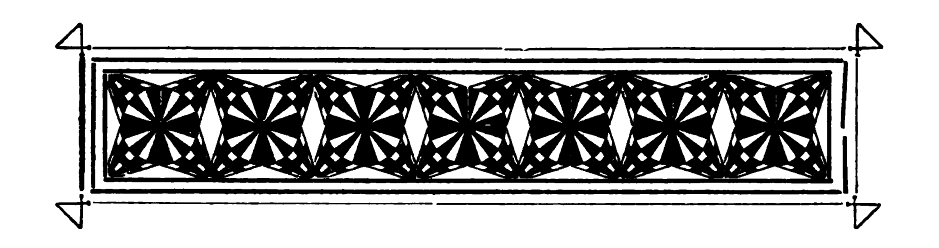
примѣръ, къ счастью не имѣвшій такихъ тяжелыхъ послѣдствій. Въ раіонѣ дѣйствій собственно Либавскаго полка отряды ходили, иногда сильно растянувшись по лѣснымъ дорогамъ и зачастую безъ бокового охраненія; все сходило благополучно при такомъ халатномъ исполненіи походнаго движенія, но одинъ случай заставилъ нѣсколько очнуться. Направленному изъ Бѣлостока экспедиціонному отряду изъ нѣсколькихъ ротъ съ эскадрономъ Петербургскихъ уланъ пришлось по пути проходить по широкой грунтовой дорогѣ, пролегавшей черезъ густой лѣсъ. По обыкновенію колонна шла растянувшись, безъ бокового охраненія, имѣя лишь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ авангарда въ передовомъ отрядѣ взводъ уланъ, впереди коего, въ свою очередь, слѣдовалъ головной разъѣздъ изъ 5 — 6 уланъ и съ этимъ разъѣздомъ ѣхалъ генеральнаго штаба полковникъ Гейнсъ съ младшимъ лекаремъ Либавскаго полка. Все было, повидимому, благополучно, но вдругъ, неожиданно, съ опушки почти въ упоръ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, коими два улана были ранены и упали съ лошадей. Сейчасъ же часть передоваго отряда спѣшилась и бросилась въ лѣсъ, но, проплутавъ въ немъ нѣкоторое время и никого не найдя, вернулась на дорогу. Такимъ образомъ, отрядъ, дойдя до назначеннаго конечнаго пункта, ни одного повстанца не встрѣтилъ, но потерялъ ранеными двухъ уланъ, коихъ и привезли въ Бѣлостокъ на подводѣ.

Л. Д.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Когда колонна, не имѣвшая бокового охраненія, втянулась въ густой лѣсъ (Жиржинскій), внезапно напали съ обѣихъ опушекъ повстанцы, вооруженные преимущественно косами, и началась форменная бойня. Результатъ извѣстенъ. Отрядъ потерпѣлъ большой уронъ убитыми, ранеными и плѣнными; спаслось немного. Особенную храбрость и неустрашимость выказалъ саперный поручикъ Лявданскій, пробившійся съ группою нижнихъ чиновъ и арестантовъ, вооружившихся ружьями убитыхъ солдатъ.

Къ исторіи Грузіи [1]).

(Окончаніе).

Его Императорскому Величеству.

Инспектора кавалеріи Кавказской инспекціи генералъ-лейтенанта Глазенапа.

РАПОРТЪ.

Высочайшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества отъ 21-го числа прошедшаго мѣсяца налагаетъ на меня долгъ подвергнуть къ освященнымъ стопамъ Вашимъ мое обозрѣніе всѣхъ обстоятельствъ и положенія Кавказской линіи и вселяетъ въ меня смѣлость надѣяться, что Ваше Императорское Величество, со стороны моихъ распоряженій не найдя никакихъ упущеній, Всемилостивѣйше удостоите ихъ Высочайшаго Вашего воззрѣнія.—Ваше Императорское Величество изъ онаго изволите усмотрѣть, что малочисленность на линіи войскъ, не взирая на стеченіе многихъ еще стороннихъ и огорчительныхъ обстоятельствъ, противоборствуя доселѣ всѣмъ усиліямъ возставшихъ повсюду, и, такъ сказать, почти воедино слившихся горскихъ и другихъ всѣхъ сорока семи народовъ, начиная отъ чеченцовъ и до предѣловъ Анапскихъ, содержитъ однако жъ—еще линію во всей сохранности. — Не касаясь политическихъ внушеній (хотя во многомъ я ихъ и полагаю причиною таковому общественному и упорному отъ сопредѣльныхъ всѣхъ народовъ противу линіи союзу, и можетъ быть либо отъ Персіянъ, либо отъ Порты возжигаемому), я сію связь разсматриваю только яко имѣющую свою колыбель отчасти въ пустомъ неудовольствіи противу насъ по двумъ причинамъ, о которыхъ упомяну ниже; причи-

[1]) См. „Русская Старина" августъ 1907 г.

намъ внушеннымъ имъ со стороны яко достаточный предлогъ къ начатію своей вражды противу насъ, а отчасти въ духовныхъ между народовъ разглашеніяхъ. „Будто всякій магометанинъ, обитающій съ христіанами, или на земли христіанской, по алкорану ихъ долженъ быть проклятымъ“. О таковыхъ разглашеніяхъ, побудившихъ большую часть абазинцевъ и нагайцевъ оставить свои жилища, я совершенно извѣстенъ; и возмутитель Адиль-Гирей, раздраженный сверхъ того смертію убитаго при Чегемѣ сына своего Ислама-Гирея, почитается между горцами, кабардинцами и закубанцами мужемъ святымъ и пророкомъ.—Два раза на Чегемѣ заключалъ я миръ съ кабардинцами и возвращался за Бажань и два раза сей возмутитель, потаеннымъ образомъ пробираяся чрезъ горы, возвращался въ Большую Кабарду и вновь возмущалъ оную.

Онъ съ другими еще хаджіями и муллами разъѣзжая отъ одного народа къ другому, и обольщая ихъ суровою своею жизнію, безпрестанно ихъ въ семъ мнѣніи утверждаетъ и подвизаетъ ихъ къ упорнѣйшимъ битвамъ, возмущеніямъ и къ изведенію отъ насъ и остальной части нагайцевъ.—Касательно же внушенія того или другого изъ мусульманскихъ дворовъ, въ томъ убѣждаетъ меня изобиліе въ Кабардѣ и между закубанцами денегъ, ибо самъ горскій возмутитель Дударука, ласкаемый грузинскимъ царевичемъ Александромъ, платя всѣмъ золотомъ и серебромъ, чрезъ сіе единственно и усиливается наемными изъ нихъ войсками. При семъ случаѣ я поставляю себѣ долгомъ донести Вашему Императорскому Величеству, что знавши вліяніе и оборотливость сего Дударука, я уже тысячу рублей обѣщалъ тому, кто намъ его доставитъ живого въ руки. Построеніе Кисловодскаго укрѣпленія и намѣреніе вывесть къ намъ дзюгорцевъ суть тѣ причины, о которыхъ я имѣлъ честь упомянуть выше.

Если бы я съ самаго начала могъ проникнуть всѣ политическія соглашенія, о коихъ я ни откуда извѣщенъ не былъ, то я бы уже тотчасъ послѣ Чегемскаго сраженія не преминулъ притворное кабардинцовъ раскаяніе признать за обнаруживающееся теперь ихъ лицемѣріе, стремившееся только къ удаленію нашихъ войскъ, къ выигранію времени, расплодить и утвердить свои связи и дождаться своихъ союзниковъ, и начала въ горахъ своихъ успѣховъ. Связь персидскаго владѣльца Бабы-Хана съ царевичемъ Александромъ, сего съ Дударукою, а сего послѣдняго со всѣми кабардинскими народами чрезъ Адиль-Гирея, полковника Расламбека Мисостова и Шамаху Наврузова Вашему Императорскому Величеству должна быть извѣстна. И такъ подвергши вамъ какъ-бы предварительно и вкратцѣ извѣстное мнѣ изъ политическихъ отношеній касательно

вліянія оныхъ на здѣшніе народы, безъ всякой нравственности, и не имѣющіе ни понятія о мирѣ, ни предмета жизни, я дерзаю коснуться теперь воинскаго на линіи положенія.

Оное съ перваго взгляда можетъ быть конечно не изображаетъ собою той опасности, которая по всей истинѣ его сопровождаетъ.

Взглянувши съ одной стороны отъ самаго Кизляра до Екатеринограда и Кисловодскаго укрѣпленія и оттуда внизъ по Кубани до устья сей рѣки, а при томъ на цѣлое пространство отъ Моздока и до Казбека, стрегомые шестью мушкетерскими ротами Казанскаго полка, до половины по необходимости къ своимъ крѣпостямъ какъ-бы пригвожденными и въ мѣстахъ, коихъ промежутки безъ связи и перерѣзаны вѣроломными народами; и потомъ разсматривая, какими заставлено силами все сіе пространство? Нельзя не замѣтить, что защита онаго подвержена крайнему затрудненію, равно какъ и успѣваніе повсюду, чтобъ то и дѣло отражать нападенія многочисленныхъ рѣшительныхъ толпищъ, съ дерзостію даже сквозь фронтъ прорывающихся, между тѣмъ, какъ въ промежуткахъ оныхъ прокрадываясь другія толпы потаенно производятъ разбойническіе свои наѣзды.—Защита сія одна уже занимаетъ горсть войска, составленнаго изъ Вологодскаго мушкетерскаго полка, въ коемъ недостаетъ девяти сотъ семи человѣкъ, хотя и растянутъ отъ Моздока до Кизляра; Казанскаго Гранодерскаго баталіона, коего двѣ роты должны ограждать Георгіевскъ; одного егерскаго полка, защищающаго Кисловодское укрѣпленіе, Константиногорскъ, и разные посты по Кубани вплоть до Темнолѣскаго ретраншамента, Суздальскаго мушкетерскаго полка также на знатномъ разстояніи по рѣкѣ Кубани растянутаго и четырехъ драгунскихъ полковъ, отъ безпрестанныхъ переходовъ въ большое изнуреніе уже пришедшихъ и изъ коихъ по причинѣ малолюдства *Борисоглѣбскій драгунской полкъ* едва можетъ ли входить въ счетъ съ ними.

Удерживая линію въ переходахъ съ одного мѣста на другое съ сею горстью, теряя всѣ способы пожертвовать ревнію моему и храбрости воиновъ предпріятіемъ рѣшительнаго и необходимо нужнаго движенія за рѣку Малку, а особливо за Кубань. Не достаетъ только одного егерскаго и еще бы одного мушкетерскаго полка, и только Вашему Императорскому Величеству возможно наградить сей недостатокъ, и хотя бы изъ Екатеринодара, яко самаго ближняго мѣста перевесть сюда на время стоящій тамъ 12-й Егерскій полкъ и нѣсколько Запорожскихъ казаковъ. Имѣвши у себя, какъ я уже имѣлъ счастіе сказать выше, хотя одинъ еще регулярный полкъ съ Запорожскими казаками, я бы при помощи ожидаемыхъ мною шести новыхъ Донскихъ полковъ, изъ коихъ два уже прибыли и отравлены

отъ меня одинъ къ отряду генералъ-маіора Лихачева къ Баталь-Пашинской переправѣ, а другой къ генералъ-маіору Мейеру, стоящему близъ Бѣломечетскаго поста при рѣкѣ Малкѣ, могъ бы въ скорости укротить всѣ возмущенія чеченцовъ, горцовъ, кабардинцовъ и закубанцовъ къ славѣ Вашего Императорскаго Величества. — Я уже сіи народы не называю мятежниками, но отнюдь не называю ихъ таковыми по моему убѣжденію; а не примѣчая въ нихъ одни только потаенныя движенія, но большія скопища явно нападающія, вижу уже въ нихъ отважныхъ и открытыхъ непріятелей.—Сдѣлавши по моему долгу предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ таковое изображеніе, я сіе не дѣлаю однакожъ отъ каковой-либо смущенности моего духа, не взирая на то, что на той сторонѣ рѣки Кубани стоитъ при Расламбекѣ Мисостовѣ двадцать тысячъ непріятелей, изъ коихъ большая партія, ежедневно переправляясь на сію сторону, сбиваетъ посты и опять возвращается на свой берегъ, какъ еще и перваго числа сего мѣсяца сбили они посты Бѣломечетскій и Усть-Невинскій и сожгли казачьи строенія, хотя и были опять прогнаны приспѣвшимъ туда генералъ-маіоромъ Лихачевымъ, прикрывающимъ по сей рѣкѣ три брода; не взирая, что въ таковомъ же количествѣ скитаются толпища отъ Татартупа до Кисловодскаго укрѣпленія, изъ коихъ до тысячи человѣкъ при Шамахѣ Наврузовѣ и трехъ Адиль-Гиреяхъ сдѣлали 30-го числа прошедшаго мѣсяца нападеніе на Солдатскую слободу; что многочисленная же толпа чеченцевъ и кабардинцевъ Малой Кабарды пробѣгаетъ пространство между Моздокомъ и Елизаветинскимъ редутомъ; что меня самого при всѣхъ моихъ выѣздахъ для обозрѣнія постовъ стерегутъ непріятельскія партіи; и что по рапорту изъ Владикавказской крѣпости, подполковника Максимова отъ 27-го числа прошедшаго мѣсяца и Казбекъ занятъ же Дударукою. — И такъ доношу сіе Вашему Императорскому Величеству не отъ упадка въ духѣ. — Единая слава быть въ службѣ Вашего Императорскаго Величества; храбрость, оказанная Россійскими войсками въ большомъ сраженіи при Чегемѣ, ознаменованная при переходѣ генералъ-маіора Дехтерева за рѣку Урухъ; подвигъ Борисоглѣбскаго драгунскаго полка полковника Давыдова противу абазинцевъ и кабардинцевъ, при чемъ захваченъ былъ въ плѣнъ братъ Султана Менгли-Гирея, Султанъ Бахты-Гирей съ пятью князьями и девятнадцатью его подданными; неустрашимый переходъ на Кубань генералъ-маіора Лихачева, дравшагося черезъ четыре дня съ многочисленнымъ непріятелемъ; не допущеніе генералъ-маіоромъ Мейеромъ знатнаго толпища черезъ рѣку Малку, покушавшагося 31-го числа прошедшаго мѣсяца въ осьми верстахъ выше Бѣломечетскаго поста прорваться къ Марьинской для содѣланія злодѣяній, и удержаніе по

сіе время всей линіи суть довольныя подпоры для моего духа, исполненнаго сверхъ того всѣмъ жаромъ воинскаго усердія; со всѣмъ тѣмъ, и при всѣхъ таковыхъ неблагопріятныхъ видахъ я однако жъ надѣюсь не только ее и впредь удержать, но можетъ быть съ помощью Бога и наказать всѣхъ непріятелей. Сверхъ того я осмѣлился писать къ войсковому атаману полковнику Бурсаку, дабы онъ съ своими Черноморцами сдѣлалъ бы за Кубань диверсію противу Закубанскихъ народовъ, для того единственно, чтобъ отклонить ихъ силы, въ одинъ пунктъ границъ Кавказской линіи стекшіяся, и отъ котораго вчерашняго числа получилъ увѣдомленіе, что онъ безъ особливаго отъ вышняго начальства повелѣнія диверсіи за Кубань сдѣлать не смѣетъ; писалъ къ Анапскому пашѣ, объясняя наглости противъ Россіи Закубанскаго народа, подъ покровительствомъ Порты живущаго; изготовилъ въ Владикавказѣ по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію для открытія коммуникаціи съ Грузіею при генералъ-маіорѣ Несвѣтаевѣ шесть мушкетерскихъ ротъ Казанскаго мушкетерскаго полка при шести легкихъ орудіяхъ полевой артиллеріи, и казачій Донской полкъ Рышкина; сверхъ того далъ восемьдесятъ рекрутъ для дѣланія по Тереку мостовъ и, чтобъ ввесть по-прежнему въ Ларсъ одну роту съ двумѣсячнымъ провіантомъ и однимъ орудіемъ. Сей отрядъ начнетъ свое дѣйствіе съ 1-го сентября. Генералъ-маіора Лихачева противу поставилъ я двадцати тысячамъ закубанцевъ съ союзниками, расположившимися за Кубанью насупротивъ Бѣломечетскаго поста съ шестью ротами егерей, однимъ баталіономъ Суздальскаго мушкетерскаго полка, двѣнадцатью эскадронами драгунъ при генералъ-маіорахъ Леццано и Дегтеревѣ, новопришедшимъ Донскимъ полкомъ Грекова, Волгскими, Моздокскими и Хоперскими казаками и десятью орудіями, расположа его отъ Баталъ-Пашинской переправы и до Невиннаго мыса полукружіемъ, такъ, чтобъ дать въ тетивѣ онаго проходъ непріятелю и тогда со всѣхъ сторонъ его атаковать; генералъ-маіора Мейера на рѣкѣ Малкѣ близъ тамошняго Бѣломечетскаго поста съ четырью гранодерскими ротами Казанскаго и Вологодскаго мушкетерскихъ полковъ, четырью орудіями, новымъ Донскимъ полкомъ Крюкова, и полутораста Волгскихъ и Моздокскихъ казаковъ, насупротивъ многочисленныхъ кабардинцевъ при Шамахъ Наврузовѣ и Адилгиреевѣ, и пріуготовивъ ввѣренный мнѣ драгунскій полкъ на его подкрѣпленіе по востребованію. Затѣмъ остается въ Прохладномъ Вологодская мушкетерская рота при орудіи, въ Солдатской рота же при одномъ орудіи, въ Георгіевскѣ двѣ Кавказскія гранодерскія роты, въ Екатериноградѣ одна Вологодская мушкетерская, два Нижегородскіе эскадрона, въ Константиногорскѣ

двѣ и въ Кисловодскомъ укрѣпленіи три егерскія роты, и промежутки заняты Донскими полками Кутейникова и Кошкина. Имѣя нужду въ генералахъ, а особливо таковыхъ, каковъ Лихачевъ и Мейеръ, я принужденнымъ нашелся открытіе коммуникаціи въ горахъ препоручить генералъ-маіору Несвѣтаеву.

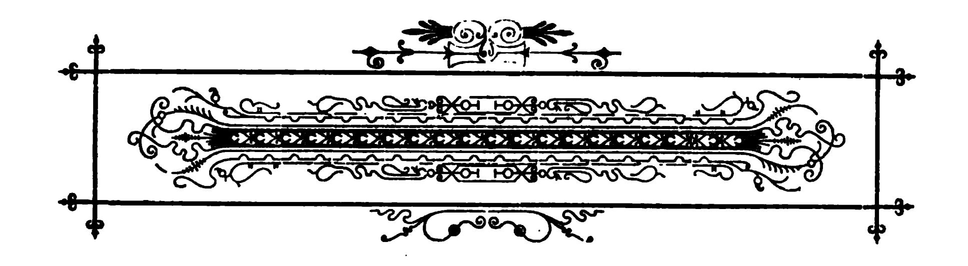
Генералъ-маіоръ султанъ Менгли-Гирей съ тремя стами вооруженныхъ нагайцевъ присоединился также къ генералъ-маіору Лихачеву. По прибытіи шести Донскихъ полковъ, я намѣренъ и старые полки удержать здѣсь на линіи, и не прежде ихъ смѣнить, какъ уже при совершенномъ успокоеніи линіи. На сихъ дняхъ я надѣюсь, хотя отъ части укомплектовать полки рекрутами, за оставленіемъ того числа, которое нужно для укомплектованія полковъ въ Грузіи. О чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше осмѣливаюсь симъ донести. Подлинный подписалъ генералъ-лейтенантъ Глазенапъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: подписалъ статскій совѣтникъ Паглиновскій.

Въ благополучномъ Георгіевскѣ, Кавказской губерніи, Августа 16 дня 1804 года.

Сообщилъ Н. Затворницкій.

Извѣстіе

о пребываніи въ Римѣ, въ 1774 или 1775 годахъ, неизвѣстной принцессы Елисаветы, именовавшей себя дочерью россійской императрицы Елисаветы Петровны.

(Почерпнуто изъ оставшихся о ней свѣдѣній въ Архивѣ Италіанскаго департамента бывшаго Польскаго королевства.

Неизвѣстная принцесса Елисавета, именовавшая себя дочерью россійской императрицы Елисаветы Петровны, сколько можно было узнать, появилась въ италіанскихъ городахъ прежде всего въ Венеціи, въ сопровожденіи виленскаго воеводы князя Радзивилла, и отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ Рагузу, дабы проѣхать потомъ въ Константинополь. Князь и вся свита обходились съ нею почтительно. Она хранила строжайшее инкогнито предъ частными людьми, но главное намѣреніе ея состояло въ достиженіи Всероссійскаго престола, на который она тайно объявила свои требованія при Рагузскомъ сенатѣ. Сенатъ заблагоразсудилъ отнестись въ Петербургъ къ своему повѣренному, который обо всемъ сообщилъ графу Панину, а сей поручилъ ему отписать въ Рагузу, что нѣтъ нужды обращать вниманія на сію побродяжку (aventuriera). Между тѣмъ наступившій миръ между Россіею и Портою воспрепятствовалъ ей продолжать путь въ Константинополь. Князь Радзивиллъ разстался съ нею и поѣхалъ въ Венецію, а принцесса отправилась въ Римъ, въ сопровожденіи трехъ польскихъ дворянъ, перешедшихъ въ ея службу отъ Радзивилла.—Поведеніе ея въ Римѣ было непонятно и покрыто

тайною. Она не была ни въ чьемъ домѣ, никто также и ее къ себѣ не принималъ кромѣ нѣкоторыхъ поляковъ; она содержала себя съ довольнымъ великолѣпіемъ и прикрывала настоящее свое происхожденіе съ такимъ искусствомъ, что публика подозрѣвала нѣчто великое, сокрытое въ ея лицѣ, и дѣлала на часть ея множество разныхъ заключеній.—О ней писано 3 января 1775 года изъ Рима слѣдующимъ образомъ: „Иностранная дама, родомъ изъ Польши, живущая въ домѣ г-на Жуани на Марсовомъ полѣ, прибыла сюда въ сопровожденіи одного польскаго экс-іезуита, двухъ другихъ поляковъ и одной горничной служанки. Она платитъ за квартиру по 50 цехиновъ въ мѣсяцъ и 35 за карету [1]); ни съ кѣмъ не имѣетъ знакомства и ѣздитъ прогуливаться въ каретѣ съ закрытыми стеклами. На квартирѣ ея экс-іезуитъ даетъ аудіенцію приходящимъ. Теперь онъ ищетъ для нея двухъ или трехъ тысячъ цехиновъ".

Многіе начали ее считать обманщицею по причинѣ ея скрытности и безпрестаннаго набиранія долговъ, коихъ не уплачивала.—Она истощала всевозможныя средства и хитрости въ Римѣ и внѣ Рима къ полученію денегъ, и дабы имѣть большій кредитъ, говорила, что имѣетъ за границею великія богатства и много земель въ Германіи, именно же въ Оберштейнѣ, принадлежавшихъ яко бы предъ симъ пресѣкшейся фамиліи графовъ Линажскихъ, а нынѣ пожалованныхъ ей владѣтельнымъ курфирстомъ Трирскимъ.

Такова была ея домашняя жизнь; приступимъ нынѣ къ поведенію политическому. Расчисливъ, что можно ожидать пособія со стороны Польши, она тотчасъ по прибытіи своемъ въ Римъ обратилась къ кардиналу Албани, декану Священной коллегіи и протектору Польскаго королевства и просила назначить ей время для свиданія, но такъ, чтобы о томъ публика не была извѣстна.—Она посылала къ нему письма чрезъ поляка Станишевскаго и чрезъ упоминаемаго выше капеллана своего (Канецкаго), требуя дозволенія видѣться съ кардиналомъ въ конклавѣ. Напрасно ее увѣряли, что и самыя почетнѣйшія дамы не могутъ приближаться даже и къ внѣшнему окну конклава; она не переставала упорствовать въ своемъ желаніи; въ послѣдствіи времени хотѣла даже переодѣться и едва можно было отклонить ее отъ сего намѣренія. Не находя средствъ

---

[1]) Цехинъ около 3 рублей сер.; слѣдов., за квартиру около 150 р. и за карету около 105 р. въ мѣсяцъ.

переговорить съ нимъ лично, она удовольствовалась перепискою и, вскорѣ познакомившись съ аббатомъ Рокотани, доставляла письма первому по большей части чрезъ сего послѣдняго.—Въ письмѣ отъ 14 января она слѣдующимъ образомъ обнаруживаетъ свои планы: „Наконецъ я рѣшилась объявить себя со стороны Польши и отправиться въ Кіевъ; войска наши въ 50 миляхъ оттуда. Прежде сего я было долго колебалась; мнѣ казалось лучше отправиться чрезъ Неаполитанскія владѣнія до Тарента, переѣхать въ Албанію, а потомъ сухимъ путемъ въ Константинополь; ибо нынѣ вся Европа обратила взоры свои на Порту, но съ другой стороны я вижу, сколь нужно пособить Польшѣ". При семъ письмѣ препроводила она къ нему собственноручную выписку изъ оставленнаго якобы покойною императрицею духовнаго завѣщанія, о коемъ не безполезно будетъ упомянуть здѣсь подробнѣе.

Завѣщаніе сіе состояло въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Всероссійскій престолъ оставляется принцессѣ Елизаветѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе. 2) Во время малолѣтства ея поручается самодержавное управленіе Голштинскому герцогу Петру съ обязанностію воспитывать ее приличнымъ образомъ. 3) Ему же предоставляется право имѣть и носить императорскій титулъ по смерть; будущій же супругъ Елизаветы исключается изъ сего права и не прежде можетъ воспріять таковый титулъ, какъ по смерти Петра. 4) Елизавета будетъ имѣть право назначать членовъ своего совѣта. 5) Возстановляются прежнія права при ея вступленіи на тронъ; въ войскѣ же она можетъ дѣлать такія учрежденія, какія ей заблагоразсудится. 6) Всѣ гражданскія и военныя присутственныя мѣста должны ей давать отчеты всякіе три года. 7) Каждую недѣлю будетъ происходить публичная аудіенція; прошенія будутъ подаваемы въ присутствіи императрицы, на которыя она одна только будетъ дѣлать рѣшенія, и ей же предоставляется право перемѣнять законы. 8) Въ совѣтѣ рѣшаются дѣла по большинству голосовъ и мнѣнія онаго утверждаются императрицею. 9) Народъ русскій долженъ стараться пребывать въ мирѣ съ сосѣдственными землями. Императрица отправитъ посланниковъ по всѣмъ дворамъ и будетъ смѣнять ихъ каждые три года. 10) Никто изъ иностранцевъ и иновѣрцевъ не можетъ получать важныхъ государственныхъ должностей. 11) Совѣтъ будетъ назначать ревизоровъ для осмотра отдаленныхъ областей. 12) Правители отдаленныхъ областей, какъ-то Сибири и проч., будутъ отъ времени до времени доставлять отчеты въ управленіи своемъ; если же учинятъ тамъ какое-либо важное открытіе, то сообщаетъ о семъ особому департаменту въ столицѣ, изъ котораго сіе поступитъ, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, на рѣшеніе импе-

ратрицы во время публичной аудіенціи, и потомъ будетъ объявляемо въ продолженіе девяти дней при звукѣ бубновъ на перекресткахъ улицъ. 13) Въ Азіатской Россіи должно подѣлать разныя учрежденія, для споспѣшествованія торговлѣ и земледѣлію, и завести колоніи при совершенной вѣротерпимости, но при томъ подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ. 14) Въ разныхъ мѣстахъ будутъ поселены разнаго рода художники и ремесленники, кои будутъ состоять подъ непосредственною властію императрицы. 15) Всякое новое изобрѣтеніе и открытіе будетъ ободряемо и награждаемо. 16) Въ каждомъ городѣ учредятся на казенномъ иждевеніи народныя училища. 17) Училища сіи будутъ осматриваемы духовенствомъ. 18) Всѣ церкви будутъ содержаться на иждивеніи правительства. 19) Въ каждомъ уѣздѣ будетъ дѣлано ежегодное исчисленіе жителей и каждые три года будутъ посылаемы особые чиновники для собранія сихъ списковъ. 20) Учредятся двѣ академіи, гражданская и военная; оныя будутъ одна отъ другой отдѣлены и назначены для воспитанія сыновей гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ. 21) Для подкидышей и незаконнорожденныхъ дѣтей учредятся особыя заведенія, въ коихъ они будутъ воспитываемы и потомъ отдаваемы въ службу, смотря по способностямъ; отличившихся же императрица можетъ причислить къ законнорожденнымъ съ предоставленіемъ права носить желтую кокарду съ черными краями. 22) Наконецъ подтверждается всѣмъ вѣрноподданнымъ признавать ее настоящею императрицею и проч.

Въ письмахъ своихъ къ кардиналу Албани Елизавета объявила требованія свои на Всероссійскій престолъ, говоря, что небо назначило ей вѣнецъ для благосостоянія церкви и счастія народовъ.— Албани ей отвѣчалъ, что онъ благодаритъ ее за довѣренность, что она можетъ во всемъ положиться на аббата Рокатани, что истина требованій ея не подлежитъ сомнѣнію и что онъ желаетъ ей возможныхъ успѣховъ. —Тогда Елизавета объяснила ему всѣ свои планы; она писала между прочимъ: „Мы имѣемъ преимущество; всѣ народы за насъ; но все бы погибло, ежели бы можно было проникнуть въ наши виды.—Я намѣревалась проѣхать въ Константинополь чрезъ Рагузу.—На что мнѣ было рѣшиться въ критическихъ обстоятельствахъ? я могла лишиться жизни и чести.—Надлежало вооружиться мужествомъ и избрать другую дорогу.—Всѣ способы истощились; письма мои перехватывали; одно только Провидѣніе укрѣпляло насъ своею силою.—Но возвращаясь къ главному предмету, ежели я буду только имѣть счастіе побѣдить непріятелей, то не примину заключить договоръ съ римскимъ дворомъ, и употреблю всѣ возможныя средства, чтобы народъ призналъ власть римской церкви. Все

сіе никому иному неизвѣстно, и я заклинаю васъ хранить тайну". — Далѣе она говоритъ, что будетъ содѣйствовать кардиналу Албани къ достиженію папскаго престола, и наконецъ проситъ не опасаться, чтобы полъ ея измѣнилъ твердости ея намѣреній.

Въ то же время принцесса сія обращалась къ польскому министру маркизу Античи и искала случая съ нимъ объясниться лично, но обстоятельства заставляли его не обращать на то вниманія. Принцесса писала къ нему письма, изъ коихъ въ послѣднемъ увѣдомляла, что ей должно поговорить объ дѣлахъ, касающихся до польскаго короля, и министръ согласился.

Въ личномъ свиданіи съ Античи принцесса сказывала о себѣ что она дочь императрицы россійской Елизаветы, рожденная отъ тайнаго брака ея съ княземъ Разумовскимъ, гетманомъ казацкимъ; что воспитана въ Персіи при одномъ изъ родственниковъ сего князя, что персидскими деньгами возбудила въ Россіи народное волненіе въ свою пользу, что имѣетъ всѣ средства къ доставленію себѣ успѣха, и что по сей причинѣ желаетъ отправиться прежде въ Берлинъ, а потомъ въ Варшаву для личнаго свиданія съ королемъ, коему намѣрена сообщить многіе планы, могущіе послужить къ собственной его и Рѣчи Посполитой пользѣ, и посему требовала она Античи совѣта и преподанія средствъ къ свиданію.

Античи усмотрѣлъ хитрости ея разговора; ему казалось, что она должна быть воспитана въ Германіи, ибо она говорила хорошо по-французски, играла на арфѣ, прекрасно рисовала и показывала большія свѣдѣнія въ архитектурѣ.

Принцесса сія имѣла прекрасный видъ и станъ, прекрасную грудь, бѣлое тѣло, румянецъ на лицѣ, лѣвый глазъ немного косой,— имѣла много ума, большія познанія, глубокія свѣдѣнія тогдашнихъ политическихъ системъ, о состояніи Дворовъ и въ особенности Польши и Сѣвера, прекрасно изъяснялась на французскомъ языкѣ и притомъ, съ такимъ искусствомъ и ловкимъ изложеніемъ мыслей, что могла привести въ замѣшательство всякаго, не очень осторожнаго.

Вскорѣ Античи уразумѣлъ, что всѣ ея намѣренія клонились къ полученію денегъ, коими она надѣялась поддерживать кредитъ свой для достиженія главной цѣли своей; она не щадила никакихъ учтивостей и выдумокъ. — Въ письмѣ отъ 17-го января она изъясняла: „Въ собесѣдованіи моемъ съ Вами я нашла въ Васъ столько благородности, ума и добродѣтелей, что даже и по сіе время нахожусь

въ океанѣ размышленій и удивленія... вчера ввечеру я получила множество писемъ, адресованныхъ ко мнѣ въ Рагузу; въ то же время получила я извѣстіе, что миръ будетъ ратификованъ. — Невозможно изобразить смятеній, царствующихъ теперь при Портѣ". — Потомъ она объясняетъ, что намѣрена обратиться къ Польшѣ, и что отправитъ курьера въ Берлинъ, — и продолжаетъ: „Я ничего для себя не желаю, но хочу только имѣть славу возстановленія Польши; я имѣю къ тому средства, не замедлю доставить королю нужныя суммы денегъ изъ Персіи для веденія войны, съ нимъ соединится и нашъ народъ; что же касается до короля Прусскаго, я это принимаю на себя, и потому должно о семъ подумать особо! Курьеръ, котораго мы отправимъ въ Константинополь, будетъ имѣть депеши и въ Персію.—Увидѣвшись съ королемъ, отправлюсь въ Польскую украйну (Cosaquie appartenante à la Pologne), а ѣдучи въ Польшу, повидаюсь также и съ королемъ Прусскимъ; на пути же отсюда въ Берлинъ будетъ мнѣ довольно времени надуматься о депешахъ, кои онъ получилъ съ нашимъ курьеромъ; никто сего не будетъ подозрѣвать, ибо всѣ думаютъ, что я отправляюсь въ Германію въ Имперскія земли. Какой бы ни приняли оборотъ дѣла наши, я всегда найду средство воспрепятствовать злу.—Небо, поборающее намъ, доставитъ намъ успѣхъ, ежели станутъ намъ помогать; въ противномъ случаѣ я оставляю всѣхъ и устрою для себя пріятное убѣжище".—Письмо сіе заключаетъ она испрашиваніемъ совѣта у Античи и увѣреніемъ, что благодарность ея будетъ вѣчна.

Античи отвѣчалъ 19 января, что онъ не знаетъ лучше соотвѣтствовать ея довѣренности, какъ чистосердечнымъ совѣтомъ:—„И такъ позвольте, чтобы я Вамъ предложилъ избрать то самое намѣреніе, которое я усматриваю въ Вашемъ письмѣ, то есть, чтобы, оставя всякіе планы, удалиться въ пріятное уединеніе.—Всякое иное намѣреніе покажется для благомыслящихъ людей опаснымъ, и даже противнымъ долгу и гласу совѣсти; оно можетъ даже показаться химерическимъ, или по крайней мѣрѣ источникомъ бѣдствій".

5 февраля Елисавета благодарила его за совѣтъ, хвалила его благоразуміе, проницательность, просила извинить въ причиненномъ ею безпокойствѣ и обѣщала удалиться въ Германію. Античи поздравилъ ее вѣжливо съ предпринятымъ намѣреніемъ.

Изъ оставшихся писемъ, касательно пребыванія ея въ Римѣ, явствуетъ, что она не щадила разсказовъ для поддержанія высокаго о себѣ мнѣнія.—Она говорила, напримѣръ, что имѣетъ на Архипелагѣ въ распоряженіи своемъ цѣлый флотъ, что можетъ жаловать кавалерскій Голштинскій орденъ съ инвеститурою богатыхъ коман-

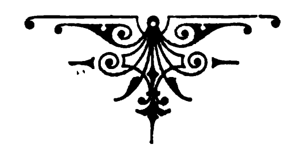
дарствъ, что первый министръ Трирскій есть ея великій другъ и предлагаетъ ей свои услуги въ заключеніи трактата о сочетаніи ея бракомъ съ герцогомъ Голштинскимъ, но при семъ надлежало бы ей согласиться перемѣнить религію и отказаться отъ правъ на Всероссійскій престолъ.—Говоря о своихъ планахъ, она хвастала, что можетъ доставить блаженство Польшѣ, что оставитъ для Екатерины Петербургъ и уголокъ Лифляндіи, что короля прусскаго постарается усыпить, и что ничего не опасается со стороны австрійцевъ.—Въ письмѣ къ графу Орлову изъясняла между прочимъ, что Разумовскій предводительствуетъ частію ея народа подъ именемъ Пугачева и пользуется особенною любовію народною, каковою одушевлены всѣ русскіе къ законнымъ наслѣдникамъ престола.

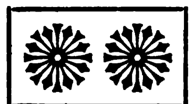
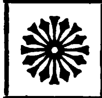
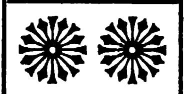
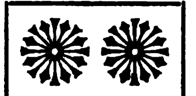
Достойны также замѣчанія нѣкоторыя изъ разныхъ о ней заключеній.—По словамъ Чіадсея, происхожденіе ея знатно; онъ говорилъ, что помнитъ, какъ видѣлъ ее неоднократно въ императорскомъ дворцѣ въ Петербургѣ, гдѣ онъ служилъ въ военной службѣ, и слышалъ тогда, что она была обручена сыну дяди Петра III-го, который былъ внукомъ Георгія, герцога Голштинскаго.—Онъ присовокупляетъ, что принцесса сія, по смерти мужа и тестя, бывшаго ревельскимъ губернаторомъ, уѣхала въ Петербургъ и пребывала въ Кенигсбергѣ, куда принуждена была удалиться по причинѣ перемѣны правительства. Другой современникъ, Г. Лескарисъ, увѣрялъ, что она дочь императора турецкаго. Многіе почитали ее также знатною польскою уроженкою.

Между тѣмъ прибылъ въ Римъ русской службы маіоръ Христіанецкій, одинъ изъ свиты находившагося въ Ливорно графа Орлова, и пріѣздомъ своимъ привелъ принцессу въ великое опасеніе.—Вскорѣ замѣчено, что недовѣрчивость ихъ обратилась во взаимную пріязнь, и что русскій чиновникъ сталъ ее навѣщать очень часто. Потомъ графъ Орловъ освѣдомлялся о ней чрезъ одного англичанина и въ случаѣ нужды поручилъ ему снабдить ее деньгами на дорогу. Сначала она было отвергнула предложеніе сіе съ негодованіемъ, но послѣ, вслѣдствіе личнаго свиданія съ англичаниномъ, приняла оное и, уплативъ долги свои, выѣхала неожиданно изъ Рима по утру 11 числа февраля.

Что съ нею послѣдовало потомъ, неизвѣстно; но 20 марта писано изъ Пизы о ея пребываніи въ семъ городѣ.—Въ семъ письмѣ сказано, что графъ Орловъ нанималъ для нея квартиру, ѣздилъ съ нею на прогулку и въ театръ и обходился съ нею почтительно.—Никто изъ русскихъ чиновниковъ не садился въ ея присутствіи; если же кто говорилъ съ нею, то, казалось, стоялъ на колѣнахъ.—Замѣчено

также, что госпожа Демидова (Давыдова), до того времени не разлучная съ графомъ, уже нигдѣ болѣе съ нимъ не являлась.— Изъ Пизы отправился онъ съ принцессою въ Ливорно, а оттуда, какъ сказывали, въ Бордо, гдѣ, по словамъ нѣкоторыхъ, она была взята подъ стражу контръ-адмираломъ Грейсомъ, а въ Пизѣ велѣно забрать оставшуюся ея свиту.—Наконецъ, пронесся тамъ слухъ, что Елисавета и сопутникъ ея лишились жизни въ Бордо.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. [1]

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Кампанія 1808 года.

Главнокомандующій южной арміей князь Прозоровскій расположилъ свои войска по зимнимъ квартирамъ въ Бессарабіи, Молдавіи и въ обѣихъ Валахіяхъ слѣдующимъ образомъ:

1) Въ Малой Валахіи отрядъ генералъ-маіора Исаева 1-го:

Штабъ квартирка въ Краіовѣ,

6 баталіоновъ пѣхоты,

4—12-ти фунтовыхъ пушки,

6 орудій казачей донской артиллеріи,

2) Корпусъ генералъ-лейтенанта Милорадовича.

Штабъ квартира-Бухарестъ,

12 баталіоновъ пѣхоты,

20 эскадроновъ конницы,

8—12-ти фунтовыхъ пушекъ,

12 конно-артиллерійскихъ орудій.

Понтонный полубаталіонъ,

1 баталіонъ піонеровъ,

3 полка казаковъ.

Отрядъ генерала Исаева находился въ подчиненіи генерала Милорадовича, а авангардомъ его корпуса командовалъ генералъ-маіоръ Уланіусъ.

3) Авангардъ арміи подъ командой генерала Платова.

Штабъ-квартира—Бузео.

6 баталіоновъ пѣхоты,

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г., августъ.

12 орудій конной артиллеріи,

6 полковъ казаковъ.

4) Корпусъ графа Сергѣя Каменскаго.

Штабъ-квартира—Фокшаны.

(Галацкій отрядъ генералъ-маіора Колюбакина былъ также подчиненъ графу Каменскому).

12 баталіоновъ пѣхоты (изъ нихъ одинъ былъ составленъ изъ Кіевскаго ополченія).

20 эскадроновъ конницы,

12—12-ти фунтовыхъ пушекъ,

1 понтонный полубаталіонъ,

1 казачій полкъ.

5) Отрядъ генералъ-лейтенанта Засса.

Штабъ-квартира—Каларашъ на Прутѣ. Отрядъ, расположенный въ Рени подъ командой генералъ-маіора Ловейко, былъ подчиненъ генер.-лейт. Зассу.

7 баталіоновъ пѣхоты,

10 эскадроновъ конницы,

10 донскихъ орудій,

2 сотни казаковъ.

6) Отрядъ генер.-лейтенанта графа Ланжерона.

Штабъ-квартира—Формоза.

12 баталіоновъ, изъ нихъ 2 изъ Кіевскаго ополченія,

12—12-ти фунт. пушекъ,

8 полковъ казаковъ.

7) Отрядъ генер.-лейтенанта Рота.

Штабъ-квартира—Килія,

9 баталіоновъ пѣхоты, изъ которыхъ 1 гарнизонный,

1 баталіонъ піонеровъ,

5 эскадроновъ конницы,

1 казачій полкъ.

8) Отрядъ генер.-лейтенанта князя Гика.

Штабъ-квартира—Яссы.

7 баталіононъ пѣхоты,

12 донскихъ орудій,

6 полковъ казаковъ.

9) Резервный корпусъ ген.-лейт. Ртищева.

Штабъ-квартира—Кишеневъ.

6 баталіоновъ пѣхоты,

12 донскихъ конно-артиллерійскихъ орудій,

6 полковъ казаковъ,

1 понтонный баталіонъ.

10) Гарнизоны:

1 баталіонъ въ Хотинѣ,

1 баталіонъ въ Бендерахъ,

3 баталіона Полтавскаго ополченія въ окрестностяхъ Бендеръ.

Итого:

80 эскадроновъ,

82 батальона (изъ которыхъ 9 ополченскихъ и гарнизонныхъ),

48—12-ти фунтовыхъ пушекъ,

48 конно-артиллерійскихъ орудій, изъ которыхъ 24 Донской артиллеріи 110 полковыхъ пушекъ,

2 понтонныхъ баталіона,

2 піонерныхъ баталіона,

27 казачьихъ полковъ.

Всего 80.000 человѣкъ.

Князь Прозоровскій провелъ зиму въ Яссахъ, гдѣ былъ расположенъ и его штабъ. Роскошь, богатство и порядокъ, господствовавшіе въ главной квартирѣ, выказывали въ главнокомандующемъ барина, достойнаго представителя Россіи; онъ три раза въ день приглашалъ къ себѣ за столъ болѣе 100 человѣкъ. Несмотря на преклонные годы кн. Прозоровскаго, его дѣятельность была необыкновенна. Онъ не имѣлъ ни минуты покоя, который былъ ему такъ необходимъ.

Его умственная дѣятельность, связанная съ неусыпной любовью къ работѣ, входила во всѣ подробности жизни войскъ его арміи; магазины, канцелярія, транспорты, почта—все было устроено имъ въ полномъ порядкѣ, а служба во всѣхъ частяхъ была такъ хорошо организована, что и при преемникахъ его, менѣе свѣдущихъ, сохранился его духъ. Его ревность къ службѣ, иногда даже чрезмѣрная, его лѣта, чинъ и представительность, которой онъ себя окружалъ, все внушало къ нему уваженіе. Его желаніе славы своему отечеству и государю, его патріотизмъ и глубокая честность заставляли относиться къ нему съ уваженіемъ даже тѣхъ, которые имѣли дѣло съ его строгостью. Тѣмъ не менѣе, онъ со всѣми нами обращался какъ съ дѣтьми, не имѣвшими никакого понятія о войнѣ и о службѣ. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ генералу Аракчееву, которому было 52 года, и генералу Кутузову 64-хъ лѣтъ, что они были слишкомъ молоды, чтобы знать то, о чемъ онъ имъ говорилъ. Прозоровскій привезъ съ собой своихъ клевретовъ, но его выборъ былъ рѣдко удаченъ.

М. Кушниковъ былъ прежде его адъютантомъ, а впослѣдствіи адъютантомъ у Суворова въ Италіянской кампаніи, потомъ вице-губернаторомъ въ Москвѣ, губернаторомъ въ Петербургѣ и сенаторомъ.

Прозоровскій назначилъ его предсѣдателемъ совѣта въ Валахіи и въ Молдавіи. Это былъ человѣкъ умный, исполнительный, привѣтливый и хорошаго общества, знающій дѣло и строгій.

Говорили, что онъ съумѣлъ воспользоваться выгодами, представлявшимися въ этихъ двухъ деморализованныхъ областяхъ, которыми онъ управлялъ, гдѣ раньше не знали, что можно обойтись и безъ подкуповъ. Я думаю, что на него клеветали и что ему приписывали вины его подчиненныхъ, которые, какъ и всѣ служащіе въ Россіи, были не безъ грѣха. Кушниковъ былъ особенно виноватъ, приблизивъ къ себѣ человѣка низкаго происхожденія, по фамиліи Крупинскаго, молодого, умнаго, ловкаго, но страшно испорченнаго и безнравственнаго, который продавалъ мѣста и негласно дѣлился взятками съ сенаторомъ; но все это не доказано, а потому я и не могу это утверждать. Кушниковъ никогда не былъ тѣмъ, чѣмъ его считали; онъ всегда былъ честнымъ человѣкомъ.

Нужно отдать ему справедливость, что онъ вручилъ гражданское управленіе Молдавіи такимъ людямъ, которые дѣйствительно заслуживали отличія, и что эта область была во время войны настолько хорошо управляема, насколько это возможно въ странѣ, гдѣ нѣтъ законовъ, правосудія и нравственности. Старый Георгій Большій, принадлежавшій къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій страны, былъ казначеемъ и, фактически, первымъ министромъ и оставался имъ до самой смерти. Преемникъ его Козатъ Разнованъ сохранилъ за собой это мѣсто, вопреки господствующаго обычая страны ежегодно смѣнять чиновниковъ; онъ былъ человѣкъ большого ума, но совершеннѣйшей коректурой Большаго.

Остальные члены Дивана были также хорошо выбраны. Но если Кушниковъ дѣлалъ удачный выборъ служащихъ въ Молдавіи, то въ Валахіи онъ не проявилъ ни прозорливости, ни твердости или вѣрнѣе онъ уступилъ вліянію Милорадовича, съ которымъ былъ друженъ еще съ Италіянской кампаніи. Въ чемъ дѣйствительно можно было упрекать Кушникова, такъ это въ дѣлѣ Роя—Ротина. Когда турки назначили туда пашу и учредили округъ подъ названіемъ Роя (такой же какъ и Браиловъ въ Аргіевѣ и другихъ крѣпостяхъ), какъ содержаніе паши, они взяли для этой цѣли земли молдавскихъ бояръ, давъ имъ за это солидное вознагражденіе. Когда же мы заняли области, то бояре эти потребовали обратно свои земли, на которыя они уже не имѣли никакихъ правъ. Кушниковъ приказалъ возвратить имъ эти земли, несмотря на большой доходъ, который онѣ приносили странѣ; это странное распоряженіе вызвало разговоры, что Кушниковъ получилъ не малый кушъ за свое благодѣяніе.

Князь Прозоровскій поручилъ свою канцелярію нѣмцу Безаку, человѣку, обладавшему необычайной памятью, прекрасно владѣвшему русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками, свѣдущимъ въ дѣлѣ, однимъ словомъ, соединявшимъ въ себѣ всѣ качества, чтобы законно пользоваться довѣріемъ своего начальника; но при всемъ этомъ, онъ былъ человѣкъ крайне безнравственный. Государь зналъ его, но нисколько не уважалъ и съ неудовольствіемъ видѣлъ, что Прозоровскій пользуется его услугами. Безакъ и раньше служилъ въ нѣсколькихъ канцеляріяхъ, но былъ уволенъ оттуда безъ права поступленія куда-либо. Несмотря на этотъ приказъ, Прозоровскій все-таки принялъ его и приблизилъ къ себѣ. Какъ и всѣ самолюбивые люди, старикъ былъ увѣренъ, что Безакъ, будучи подъ его начальствомъ и направленіемъ, не позволитъ себѣ ничего несвойственнаго его положенію; однако говорятъ, что онъ ошибся, и въ подтвержденіе этихъ слуховъ перечисляютъ нѣсколько фактовъ, которые заставляютъ вѣрить... но во всякомъ случаѣ я ничего не могу утверждать; впрочемъ, я поговорю еще объ этомъ подробнѣе въ журналѣ кампаніи 1809 года. Князь Прозоровскій привелъ также съ собой много волонтеровъ изъ Москвы и Петербурга. Они состояли, главнымъ образомъ, изъ сановниковъ, камеръ-юнкеровъ, камергеровъ, адъютантовъ свиты государя и гвардейскихъ офицеровъ, содѣйствовавшихъ блеску и величію главной квартиры.

Въ 1806 году, во время войны съ французами, въ Россіи было собрано ополченіе въ 400.000 человѣкъ, снаряженіе и содержаніе котораго, а равно и пожертвованія народа, дѣлало честь патріотизму и энергіи русскихъ и устрашило Наполеона.

Это ополченіе было раздѣлено по губерніямъ и ввѣрялось старымъ отставнымъ чинамъ, въ числѣ которыхъ были лучшія русскія фамиліи какъ-то: графъ Орловъ, князь Сергѣй Голицынъ и др. Князь Прозоровскій имѣлъ удивительную слабость къ этимъ новымъ ополченіямъ, такъ что даже послѣ роспуска ополченцевъ онъ принялъ всѣхъ офицеровъ, служившихъ тамъ, въ канцеляріи, коммиссаріаты, склады и почты. Многіе изъ нихъ по своимъ способностямъ были гораздо ниже занимаемыхъ должностей, но такъ какъ все равно должности эти должны были быть замѣщены офицерами изъ строя, что конечно ослабило бы армію, то приходилось мириться съ этимъ недостаткомъ. Мало того, кн. Прозоровскій выхлопоталъ зачисленіе всѣхъ этихъ офицеровъ въ полки, тѣми же чинами, которые они занимали въ ополченіи. Большинство этихъ новыхъ офицеровъ никогда не служившихъ въ арміи, а вышедшихъ изъ чиновниковъ губернскихъ канцелярій, не только не оправдали сдѣланнаго имъ

довѣрія, но скорѣе, по своимъ неудовлетворительнымъ качествамъ, составляли бремя учрежденія, гдѣ они служили.

Вслѣдствіе такого наплыва новыхъ офицеровъ, служившіе въ войскахъ унтеръ-офицеры изъ дворянъ потеряли всякую надежду на скорое производство въ офицерскій чинъ.

Если такъ много было сдѣлано для ополченскихъ офицеровъ, то совершенно иначе поступили съ нижними чинами ополченій, которые были собраны только для войны съ французами и по окончаніи оной должны были быть уволены по домамъ. Однако же изъ этихъ ополченцевъ было взято насильно болѣе 100.000 человѣкъ, которыми и была укомплектована армія. Служили они плохо, многіе изъ нихъ бѣжали и были даже случаи возмущенія цѣлыхъ баталіоновъ, но всѣ они силою наказаній были приведены къ послушанію.

Главнокомандующій кн. Прозоровскій распредѣлилъ всѣ ополченія по разнымъ полкамъ, что̀ можно поставить ему въ заслугу; этимъ и слѣдовало бы ограничиться, но онъ обращался съ виновными безчеловѣчно. Бѣглые солдаты и крестьяне, попавшіе въ ополченцы, были возвращены первые—въ свои полки, а вторые—своимъ господамъ; это было мѣрою благоразумной строгости. Но бродяги эти были арестованы, закованы и долгое время содержались въ Яссахъ, гдѣ они въ цѣпяхъ бродили по улицамъ и подъ конвоемъ полицейскихъ просили милостыню. Впослѣдствіи они были отправлены въ Кавказскую армію, бывшую противъ турокъ; отсюда многіе бѣжали и были очень полезны персамъ. Жалованья ополченцамъ за прошлое время заплачено не было и даже ихъ командиры и офицеры не получили ни провіантскихъ, ни фуражныхъ денегъ. Въ этомъ отношеніи кн. Прозоровскій ничего не сдѣлалъ.

Въ концѣ 1807 года прибыла 16-ая дивизія; она была только-что сформирована изъ пограничныхъ Сибирскихъ и Оренбургскихъ линейныхъ полковъ. Это были лучшіе солдаты въ Россіи, но офицеры, переведенные большею частью изъ гарнизонныхъ войскъ или поступившіе изъ уволенныхъ въ отставку, были только посредственны. Исключеніе составляли только офицеры Новгородскаго и Камчатскаго полковъ и произведенные изъ кадетъ и пажей.

Дивизія состояла:

Пѣхота:

Новгородскій полкъ (этотъ полкъ былъ прежде въ 12-ой дивизіи)... Шефъ г.-м. Репнинскій
Нейшлотскій . . . . полк. Баллъ.
Мингрельскій . . . . г.-м. Унгернстернбергъ.
Камчатскій . . . . г.-м. Тучковъ.

Охотскій . . . . г.-м. Лидерсъ.
29-ый Егерскій . . . . полк. Карамонишевъ

Драгуны.

Дерптскій . . . . г.-м. графъ Паленъ.
Тираспольскій . . . . г.-м. Войновичъ, а послѣ его смерти г.-м. Репнинскій.

Гусары.

Ольвіопольскій полкъ . . . . г.-м. Потоновъ, а послѣ его смерти г.-м. Дегтеревъ.

Вскорѣ начальникомъ дивизіи былъ назначенъ г.-л. Николай Ртищевъ. Это былъ болѣе канцелярскій, кабинетный дѣятель, чѣмъ военный человѣкъ. Генералъ - отъ - кавалеріи Степанъ Апраксинъ, сформировавшій эту дивизію, былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ и богатыхъ сановниковъ въ Россіи, и черезъ это занималъ высокое общественное положеніе въ Москвѣ; но онъ не былъ хорошимъ военнымъ. Князь Прозоровскій не любилъ его и, будучи крайне недовольнымъ его назначеніемъ, скоро избавился отъ него, доложивъ государю, что ввиду старости и дряхлости Апраксина и большого числа незнакомыхъ ему, Прозоровскому, генераловъ въ его арміи, онъ нуждается въ помощникѣ, которому бы онъ могъ больше довѣрять, и просилъ о назначеніи Кутузова.

Прозоровскій страшно ошибся въ своемъ выборѣ и нѣкоторое время спустя ему пришлось очень раскаяться въ своемъ избраніи.

Это назначеніе не было очень лестнымъ для Кутузова, который уже командовалъ русскими и австрійскими арміями въ войнѣ съ Наполеономъ, здѣсь же, въ войнѣ съ турками, онъ уже являлся вторымъ, но, въ силу своего характера, онъ легко подчинялся всякимъ требованіямъ и поэтому согласился на предложеніе Прозоровскаго. Онъ могъ бы быть даже полезнымъ князю, если бы не его обычная слабость къ вину и интригамъ [1]).

Кутузовъ, будучи очень умнымъ, былъ въ то же время страшно слабохарактерный и соединялъ въ себѣ ловкость, хитрость и дѣйствительные таланты съ поразительной безнравственностью. Необыкновенная память, серьезное образованіе, любезное обращеніе, разговоръ полный интереса и добродушіе (на самомъ дѣлѣ немного поддѣльное, но пріятное для довѣрчивыхъ людей)—вотъ симпатичныя стороны Кутузова; но за то его жестокость, грубость, когда онъ горячился или имѣлъ дѣло съ людьми, которыхъ нечего бояться и въ то же время его угодливость, доходящая до раболѣпства по отношенію къ высокостоящимъ, непреодолимая лѣнь, простирающаяся на

[1]) Не совсѣмъ справедливая и односторонняя характеристика Кутузова которому Ланжеронъ оставилъ только умъ и счастье. *Ред.*

все, апатія, эгоизмъ, вольнодумство и неделикатное отношеніе въ денежныхъ дѣлахъ, составляли противоположныя стороны этого человѣка.

Кутузовъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и получилъ уже настолько опыта, что свободно могъ судить какъ о планѣ кампаніи, такъ и объ отдаваемыхъ ему приказаніяхъ. Ему легко было различить достойнаго начальника отъ несоотвѣтствующаго и рѣшить дѣло въ затруднительномъ положеніи, но всѣ эти качества были парализованы въ немъ нерѣшительностью и лѣнью физической и нравственной, которая часто и была помѣхой въ его дѣйствіяхъ.

Однажды, въ битвѣ, стоя на мѣстѣ, онъ услыхалъ издалека свистъ летящаго снаряда; онъ настолько растерялся, что, вмѣсто того, чтобы что-нибудь предпринять, даже не сошелъ съ своего мѣста, а остался неподвиженъ, творя надъ собой крестное знаменіе. Самъ онъ не только никогда не производилъ рекогносцировки мѣстности и непріятельской позиціи, но даже не осматривалъ стоянку своихъ войскъ, и я помню, какъ онъ, пробывъ какъ-то около четырехъ мѣсяцевъ въ лагерѣ, ничего не зналъ кромѣ своей палатки.

Слишкомъ полный и даже тяжеловѣсный, онъ не могъ долго сидѣть на лошади; усталость настолько вліяла на него, что послѣ часового ученья, которое для него казалось цѣлымъ вѣкомъ, онъ уже не годился больше ни для какого дѣла.

Эта же лѣнь его простиралась и на кабинетныя дѣла и для него было ужасно трудно заставить себя взяться за перо. Его помощники, адъютанты и секретари дѣлали изъ него все, что имъ было угодно, и несмотря на то, что Кутузовъ безъ сомнѣнія былъ умнѣе и болѣе знающій, чѣмъ они, онъ не ставилъ себѣ въ трудъ провѣрять ихъ работу, а тѣмъ болѣе поправлять ее. Онъ подписывалъ все, что ему ни подавали, только бы поскорѣе освободиться отъ дѣлъ, которымъ онъ и такъ-то отдавалъ всего нѣсколько минутъ въ день, возлагая ихъ главнымъ образомъ на дежурныхъ генераловъ арміи.

Вставалъ онъ очень поздно, ѣлъ много, спалъ 8 часа послѣ обѣда, а затѣмъ ему нужно было еще два часа, чтобы придти въ сознаніе.

Кутузовъ ужасно легко подчинялся женскому вліянію, и женщины, какія бы онѣ ни были, господствовали надъ нимъ самымъ неограниченнымъ образомъ.

Это вліяніе женщинъ на толстаго, одноглазаго старика прямо было смѣшно въ обществѣ, но то же время и опасно, если страдающій такой слабостью назначался во главѣ войскъ. Онъ ничего не скрывалъ отъ своихъ повелительницъ и ни въ чемъ имъ не отка-

зывалъ, а вслѣдствіе этого возникала конечно масса неудобствъ. Но этотъ же Кутузовъ, такой безнравственный въ своемъ поведеніи и въ своихъ принципахъ и такой посредственный, какъ начальникъ арміи, обладалъ качествомъ, которое кардиналъ Мазарини требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ: онъ былъ счастливъ. Исключая Аустерлица, гдѣ его нельзя упрекать за бѣдствія, потому что онъ былъ только номинальнымъ начальникомъ, фортуна вездѣ благопріятствовала ему, а эта удивительная кампанія 1812 года возвысила его счастье и славу до высочайшей степени.

Кутузовъ былъ раненъ нѣсколько разъ, изъ нихъ одна рана, между прочимъ, очень оригинальная: въ Крыму, во время атаки одного редута, онъ былъ раненъ въ голову, между висками [1]), и его спасеніе тѣмъ болѣе чудесно, что онъ даже не потерялъ зрѣнія и продолжалъ видѣть такъ же хорошо, какъ и прежде, но въ 60 лѣтъ онъ потерялъ одинъ глазъ и теперь опасался потерять и другой [2]).

Молдаване тотчасъ же воспользовались пріѣздомъ Кутузова, чтобы за деньги купить мѣста въ таможняхъ, которыя Прозоровскій имѣлъ слабость имъ уступить...

Прозоровскій смѣстилъ дежурнаго генерала Цицерева, замѣнивъ его генераломъ Тучковымъ; но выборъ этотъ не былъ удаченъ. Хотя Тучковъ и обладалъ умомъ и знаніями, а въ войнѣ былъ предпріимчивъ и талантливъ, но онъ былъ, въ то же время, лѣнивъ, неспособенъ и корыстолюбивъ; при немъ творились неслыханныя грабительства.

Генералъ-лейтенантъ *Платовъ*, атаманъ Донскихъ казаковъ, тоже прибылъ съ нѣсколькими полками казаковъ, воевавшими въ Пруссіи. Платову было уже около 60 лѣтъ; сначала онъ былъ простымъ казакомъ, затѣмъ офицеромъ, командиромъ полка и всегда во всѣхъ чинахъ онъ былъ самымъ храбрымъ, самымъ блестящимъ казакомъ въ арміи. Покровительствуемый княземъ Потемкинымъ, онъ не разъ отличался, служа подъ его начальствомъ. Въ царствованіе Павла онъ былъ лишенъ всѣхъ милостей и заключенъ въ крѣпость на 8 лѣтъ, а затѣмъ благодаря непостоянству рѣшеній и

---

[1]) Онъ мнѣ разсказывалъ, что во время своего путешествія въ Голландію, онъ узналъ, что одинъ знаменитый профессоръ хирургіи и анатоміи долженъ былъ защищать диссертацію относительно ранъ и доказать, что рана, которую будто бы, какъ говорили, получилъ Кутузовъ, есть не что иное, какъ сказка, потому что съ такой раной трудно остаться въ живыхъ и уже совершенно невозможно сохранить зрѣніе. Кутузовъ отправился его слушать и, послѣ лекціи профессора, онъ всталъ и сказалъ ему передъ всей аудиторіей: „Г-нъ профессоръ, вотъ я здѣсь и я васъ вижу“.

[2]) (1827). Кутузовъ умеръ 68 лѣтъ въ 1813 г. въ Бунцлау, въ Силезіи.

противоположностей этого государя, составлявшихъ главную основу его характера, онъ наконецъ получилъ свободу и былъ назначенъ Донскимъ атаманомъ, что считалось важнымъ и завиднымъ постомъ.

Павелъ хотѣлъ его послать въ Индію съ 40.000 казаками, чтобы уничтожить тамъ могущество англичанъ, и Платовъ уже былъ въ дорогѣ, когда Павелъ скончался.

Платовъ, хотя еще по-прежнему храбрый, не былъ уже такъ дѣятеленъ, какъ раньше. Состарившійся и утомленный продолжительной опалой и тремя годами крѣпостнаго заключенія, онъ уже не имѣлъ прежняго усердія и свѣжести ума, но все-таки сохранилъ еще всѣ наклонности казака.

Это былъ человѣкъ корыстолюбивый, не особенно щепетильный въ способахъ пріобрѣтенія денегъ, которыя онъ, вмѣстѣ со скопленными имъ на Дону богатствами, помѣщалъ чуть не по всѣмъ банкирскимъ конторамъ въ Петербургѣ. Наконецъ, будучи безъ всякаго образованія, онъ былъ совершенно неспособенъ командовать регулярными войсками, къ которымъ питалъ глубочайшее презрѣніе; къ тому же онъ былъ нелюбимъ и казаками за свою двуличность царедворца, которую особенно явно проявилъ при князѣ Потемкинѣ.

Платовъ и его казаки вошли въ моду въ Петербургѣ, гдѣ всегда ко всякимъ событіямъ относятся уже слишкомъ пристрастно. Правда, казаки хорошо послужили въ Прусскую кампанію, но ихъ успѣхи уже слишкомъ превозносили. Взятіе нѣсколькихъ обозовъ, нѣсколькихъ французскихъ генераловъ и пораженіе нѣсколькихъ эскадроновъ, уже разбитыхъ кавалеріей, не составляли еще особенно гигантскихъ подвиговъ, чтобы оправдать тѣ чины и кресты, которыми такъ усердно награждали казаковъ, и Георгіевскій крестъ 2-ой степени, такъ легко доставшійся Платову.

Мы были очень удивлены поведеніемъ Прозоровскаго, такъ ненавидящаго всегда всѣхъ фаворитовъ и сторонниковъ Потемкина, не только раздѣляющаго пристрастіе послѣдняго къ Платову, но изъ всѣхъ силъ покровительствующаго ему [1]).

Съ Платовымъ прибыли также: генералъ Денисовъ, человѣкъ весьма посредственный; Николай Иловайскій, храбрый казакъ, но ничего больше и Павелъ Иловайскій. Послѣдній былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ, способный не только командовать своими казаками на аванпостахъ, но и быть начальникомъ регулярныхъ войскъ и отдѣльныхъ корпусовъ. Онъ былъ очень хорошо воспитанъ и, обладая достойными качествами, какъ человѣкъ и какъ служака, пользовался всеобщимъ уваженіемъ.

---

[1]) Также далеко не беспристрастна характеристика Платова. *Ред.*

Прибытіе всѣхъ этихъ войскъ и генераловъ не предвѣщало мира, мы даже вскорѣ убѣдились, что его и не ждали особенно, такъ какъ еще весной и зимой прибыли еще три дивизіи, изъ которыхъ двѣ участвовали въ Прусской войнѣ; а одна только-что возвратилась съ Іоническихъ острововъ. Эти три дивизіи были 8-ая и 22-ая, прибывшая изъ Польши, и 15-ая изъ Корфу. Составъ ихъ былъ слѣдующій:

8-ая дивизія.

Начальникъ дивизіи—генер.-лейтенантъ Пуръ-Эссенъ 3-й.

П ѣ х о т а.

Полки:

Архангелогородскій . . .	Графъ Николай Каменскій и полковникъ Эссенъ.
Шлиссельбургскій . . .	Полковникъ Керенъ.
Староингерманландскій . .	Ген.-маіоръ Энгельгардъ.
Воронежскій	Полковникъ Сутковъ.
7-ой Егерскій	Генералъ Мюллеръ, а послѣ его отставки, полковникъ Лаптевъ.

Д р а г у н ы.

Петербургскій	Генер.-маіоръ графъ Мантейфель.
Ливонскій	Генер.-маіоръ Ильинскій.
Волынскіе уланы . . .	Полковникъ графъ Д'Орурк.

22-ая дивизія.

Начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ графъ Макаръ Олсуфьевъ.

П ѣ х о т а.

Полки:

Выборгскій	Ген.-лейт. Олсуфьевъ. Полковникъ Емельяновъ.
Вятскій	Полковникъ Санти, а потомъ полковникъ Бертизеевъ.
Олонецкій	Полковникъ Турчаниновъ. Этотъ полкъ впослѣдствіи былъ переведенъ въ Молдавію въ дивизію Милорадовича.
Пензенскій	Полковникъ Шеншинъ (убитъ въ 1808 г.).
Старооскольскій	Полковникъ Шкапскій, а послѣ него полковникъ Желтухинъ.

29-ый Егерскій	Полковникъ Каламоничевъ. Сначала этотъ полкъ входилъ въ составъ 16-ой дивизіи, но потомъ его замѣнили 27-мъ, которымъ командовалъ полк. Гримгаммеръ.

Кирасиры Ея Величества,—этотъ полкъ возвратился въ Россію и не вернулся оттуда.

Переяславскіе драгуны . .	Генералъ-лейтенантъ Зассъ.
Чугуевскіе уланы	Генералъ-маіоръ Лисаневичъ.

15-ая дивизія.

Начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Евгеній Марковъ.

Пѣхота.

Полки:

Козловскій	Полковникъ Радецкій.
Куринскій	Генер.-маіоръ Назимовъ.
Витебскій	Генер.-маіоръ Степановъ.
Колыванскій	Генер.-маіоръ Попандопулло.
13-й Егерскій	Ген.-маіоръ Стеллеръ.
14-й Егерскій	Князь Борисъ Вяземскій.

Драгуны.

Смоленскій	Ген.-маіоръ Гамперъ.
Житомірскій	Ген.-маіоръ Ребиндеръ.

Генералъ-лейтенантъ Зассъ, несмотря на то, что былъ гораздо старше Олсуфьева, находился все-таки въ его дивизіи. Государю было извѣстно все происшедшее въ Киліи, и онъ не любилъ и не уважалъ Засса. Подобное отношеніе должно было бы заставить Засса уйти со службы, но онъ не сдѣлалъ этого, а только открыто жаловался всѣмъ. Прозоровскій, зная его военныя доблести и считая его однимъ изъ лучшихъ генераловъ арміи, доложилъ государю, что Зассъ былъ обойденъ по службѣ, вслѣдствіе чего, его назначили начальникомъ дивизіи, формировавшейся въ Москвѣ; но Прозоровскій задержалъ его и далъ ему 16-ю дивизію, а Ртищева, отъ котораго хотѣли избавиться, отправили въ Москву [1]).

[1]) Затѣмъ Ртищевъ былъ посланъ на Кавказъ, гдѣ онъ и командовалъ нѣсколько времени. Онъ прекрасно послужилъ своему Отечеству, всегда высказывая умъ, осторожность и энергію. Ему удалось удачно окончить войну съ персами и поддержать мирныя сношенія съ воинственными и враждебными Россіи племенами, которыя со всѣхъ сторонъ окружали наши владѣнія. Собственно говоря, онъ заслуживалъ гораздо больше наградъ, чѣмъ онъ получилъ. Ему была пожалована лента св. Александра и онъ былъ произведенъ въ полные генералы.

Всѣ эти новыя дивизіи были превосходны и поражали выправкой и обученіемъ, послѣ тяжелой и кровопролитной войны съ французами, когда цѣлые полки бывали много разъ разбиты. Можно было думать, что видишь передъ собой войска, въ теченіе долгаго времени, не покидавшія своихъ стоянокъ. Это доказываетъ, какъ хороши элементы, составляющіе русскую армію, и что въ короткое время изъ нихъ можно образовать прекрасныя войска. Достаточно того, чтобы въ полку оставалось немного офицеровъ и старыхъ солдатъ и, черезъ годъ, такой полкъ былъ бы наравнѣ съ лучшими. Вообще легкость, съ которой можно сформировать, въ короткое время, хорошія войска, большое счастье для Россіи, гдѣ матеріалъ для воинской повинности огромный.

Графъ Аракчеевъ, тогда военный министръ, совсѣмъ не государственный человѣкъ, не политикъ, и чрезвычайно мелочной, вздумалъ обнародовать ежегодную убыль въ полкахъ; эти вычисленія ужаснули насъ; въ полгода, безъ войнъ, убыль равнялась 24.000 солдатамъ, умершихъ и бѣжавшихъ! Слѣдовательно, ежегодную убыль можно считать въ 48.000 человѣкъ, т. е. равную 6-ой части существующей тогда регулярной арміи. Я не думаю, чтобы въ какой-нибудь другой арміи потери пропорціонально приближались бы даже и къ половинѣ нашихъ.

Особенно много умираетъ и дезертируетъ рекрутовъ, несмотря на заботы, которыми ихъ окружаютъ со временъ Павла I. Большая часть ихъ очень молоды и имъ ужасно трудно переносить разставаніе съ родной деревней; горе, которое они испытываютъ при этомъ, настолько сильно, что вгоняетъ ихъ въ чахотку и другія болѣзни, отъ которыхъ они и умираютъ. Затѣмъ, чтобы прибыть въ свои полки, они должны дѣлать огромные переходы, отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ верстъ, и при тяжеломъ снаряженіи русскаго солдата (всего онъ несетъ 60 русскихъ фунтовъ) для мальчика 16-ти, 18-ти лѣтъ, какими обыкновенно бываютъ рекруты, слишкомъ непосильный трудъ. Нужно было бы установить законъ, воспрещающій принимать на службу моложе 20-ти лѣтъ.

8-ая дивизія особенно отличалась прекраснымъ составомъ и порядкомъ. Архангелогородскій полкъ считался лучшимъ въ арміи, и въ этой войнѣ онъ поддержалъ свою репутацію. Другіе полки были также хороши. С.-Петербургскій драгунскій полкъ прославился въ Прусской войнѣ, гдѣ онъ участвовалъ подъ начальствомъ полковника Дехтерева. Ливонскій полкъ былъ превосходенъ, а графъ Д' Орурхъ былъ отличнымъ офицеромъ.

Генералъ-лейтенантъ Эссенъ 3-й былъ изъ гатчинцевъ, но онъ довольно равнодушно относился къ чести принадлежать къ такой

дивизіи. Это былъ человѣкъ весьма уважаемый, неутомимый работникъ и храбрый солдатъ; онъ хорошо зналъ службу. Единственно, чего ему не хватало, такъ это образованія. Онъ не могъ скрывать этого недостатка и дѣлался ужасно нерѣшительнымъ, стоя во главѣ, но въ то же время онъ былъ незамѣнимъ, какъ лицо второстепенное, соединяя въ себѣ хладнокровіе, мужество и привычку командовать частями всѣхъ родовъ оружія.

15-ая дивизія вся состояла только изъ старыхъ служакъ, которые пробыли 7, 8 лѣтъ въ Корфу и блестяще дѣйствовали въ Эпирѣ; о чемъ къ несчастью мало кому было извѣстно. Эта дивизія, въ лицѣ Попандопуло, имѣла своимъ начальникомъ одного изъ самыхъ интеллигентныхъ генераловъ арміи. Старый Стеллеръ былъ также изъ лучшихъ генераловъ; но князь Василій Вяземскій, хотя и образованный, не имѣлъ никакихъ военныхъ талантовъ. Что же касается Степанова и Назимова, то они были ниже всякой посредственности, а ихъ начальникъ Марковъ былъ еще ничтожнѣе ихъ.

Въ составъ 22-ой дивизіи входили очень хорошіе полки. Начальникомъ этой дивизіи былъ Олсуфьевъ, человѣкъ храбрый, честный, но чрезвычайно слабый, не достаточно образованный и не получившій военнаго опыта, необходимаго при его чинѣ.

Офицеры 8-ой и 22-ой дивизіи, гордые войной съ Пруссіей, относились къ намъ свысока, презирая насъ за то, что мы не участвовали ни въ одной кампаніи. На турокъ они смотрѣли какъ на стадо барановъ, которое должно было бы быть прогнано бичемъ и что для того, чтобы прогнать ихъ, вполнѣ достаточно однихъ казаковъ. Но эти бараны не такъ легко подчинялись и фанфаронство этихъ двухъ дивизій было жестоко наказано, такъ какъ онѣ больше всѣхъ пострадали въ этой войнѣ.

Прибытіе этихъ трехъ дивизій пополнило нашу армію до 6-ти полныхъ дивизій, которыя, съ 11-ю баталіонами 13-ой дивизіи, состоявшей подъ моимъ начальствомъ, и 3 баталіонами 9-ой дивизіи, составляли, въ общемъ итогѣ 122 баталіона, 200 эскадроновъ, 17 казачьихъ полковъ и многочисленную артиллерію; всего было болѣе 100.000 вооруженныхъ людей. Конечно, такія силы не были собраны исключительно для веденія переговоровъ, поэтому никто уже болѣе не вѣрилъ въ миръ, который долженъ былъ быть заключенъ въ Парижѣ.

Графъ Петръ Толстой, нашъ посолъ во Франціи, долженъ былъ вести переговоры, и Наполеонъ, который, благодаря своей геніальности, предвидѣлъ, во что обойдется союзникамъ эта война, веденная при данныхъ обстоятельствахъ, не долженъ былъ, согласно

своимъ планамъ, ни совѣтовать, ни помогать имъ. Цѣлыхъ 18 мѣсяцевъ тянулись переговоры и обмѣнъ мнѣній.

Только въ зиму съ 1808 на 1809 годъ было рѣшено (что будетъ видно ниже), что мира не будетъ, потому что Франція его не желала.

Все было спокойно въ продолженіе зимы, которую я проводилъ въ Формозѣ, въ Бессарабіи и въ Фальгахъ на Прутѣ, гдѣ я и заболѣлъ сильнымъ нервнымъ разстройствомъ. Отрядъ, которымъ я командовалъ, былъ расположенъ по р. Пруту по очень хорошимъ деревнямъ.

Главный квартирмейстеръ арміи, полковникъ Хоментовскій, человѣкъ очень не самостоятельный и настолько скупой, что даже не держалъ ни экипажа, ни лошадей, не умѣлъ распорядиться подчиненными ему офицерами и даже не подумалъ въ теченіе шести кампаній о необходимости имѣть точный планъ мѣстности, занятой нашими войсками [1]), а вполнѣ довольствовался старыми и мало точными картами, на которыхъ много покинутыхъ и разрушенныхъ деревень были показаны существующими. Я уже говорилъ, что въ Бессарабіи татарскія деревни были въ 1807 году покинуты своими жителями, а ихъ дома были такъ быстро уничтожены, что черезъ шесть мѣсяцевъ съ трудомъ можно было найти даже расположеніе этихъ деревень, но на картахъ онѣ все еще значились. Еще въ 1771 году генераломъ Бауеромъ были точно нанесены на планы долины, горы и рѣки, но деревни кочевниковъ Бессарабіи еще не были обозначены, а также и пути движенія войскъ; впрочемъ, постоянное движеніе войскъ въ то время настолько разорило обитателей деревень и даже городовъ, расположенныхъ на большихъ дорогахъ (Фокшаны, Рымникъ, Бузео) и заставило жителей укрыться въ горахъ, что совершенно измѣнило страну, и при такихъ условіяхъ уже никакая карта не могла служить указаніемъ для расположенія войскъ по квартирамъ. Нашему квартирмистру пришлось приложить много энергіи и знаній, чтобы вновь исправить всѣ карты; напр., на Прутѣ значился городъ Троянъ, когда-то очень значительный и многолюдный, но въ 1808 г. въ немъ было всего три дома; между тѣмъ Хоментовскій поставилъ туда цѣлый полкъ. Нижегородскій полкъ былъ размѣщенъ въ трехъ деревняхъ, въ которыхъ, въ 1807 году, значилось отъ 500 до 600 домовъ, но гдѣ, въ 1808 г., уже не существовало ни одного дома.

---

[1]) Точный планъ мѣстности, гдѣ мы вели сраженія, былъ исполненъ офицерами главнаго штаба, прикомандированными къ различнымъ отрядамъ, согласно приказанію частныхъ начальниковъ.

Доложивъ о семъ Прозоровскому и указавъ, что во время перемирія нѣтъ надобности оставлять полкъ противъ Измаила, я все-таки не получилъ разрѣшенія перевести его; вслѣдствіе чего и былъ принужденъ построить для полка землянки, которыя, будучи выстроены въ началѣ зимы, были такъ сыры, что въ полку развился скорбутъ и изъ цѣлаго полка осталось только 180 человѣкъ. Перевести ихъ въ Бендеры я получилъ разрѣшеніе только черезъ четыре мѣсяца.

Прозоровскій прямо ненавидѣлъ командира этого полка, генерала Хитрово, за грабительства, которыя онъ позволялъ себѣ и о чемъ было извѣстно Прозоровскому. Онъ самъ видѣлъ, какъ полковыя лошади и повозки, нагруженныя казеннымъ лѣсомъ и хлѣбомъ, отправлялись черезъ Одессу въ имѣнія командира, и его справедливое негодованіе на командира несправедливо падало и на полкъ.

Когда Прозоровскій узналъ о томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ находился этотъ несчастный полкъ, онъ отправилъ генерала Ртищева, меня и одного доктора изъ штаба арміи для производства строжайшаго разслѣдованія. Мы сговорились всѣ донести, что единственная причина болѣзни—сырость землянокъ и что отношеніе Хитрово къ своимъ больнымъ было самое теплое и заботливое (это было такъ на самомъ дѣлѣ), но Прозоровскій не положился на наше заключеніе и, вслѣдствіе его упрямства, этотъ прекрасный полкъ, такъ много стоившій мнѣ хлопотъ во время суровой и снѣжной зимы, когда еще совсѣмъ не было проложено дорогъ, совершенно погибъ.

Отрядъ Ротова, расположенный въ Киліи, тоже въ землянкахъ по берегу Кочегульскаго озера, не былъ счастливѣе, такъ какъ оба его полка: Бутырскій и Нарвскій были истреблены. Эта зима стоила двумъ нашимъ отрядамъ 4.000 человѣкъ, несмотря на заботы, труды и издержки начальниковъ.

Такое расположеніе войскъ было совершенно безполезно, но Прозоровскій воображалъ, что мы продолжаемъ вести войну съ турками, поэтому приказалъ мнѣ установить сигнальные посты, совершенно излишніе и очень утомительные.

1-го апрѣля Пегливанъ сообщилъ мнѣ о томъ, что перемиріе кончается и что, если, благодаря переговорамъ, мы получимъ Измаилъ, то онъ будетъ защищать его и противъ насъ и противъ турокъ, такъ какъ желаетъ оставить его за собой. Я отвѣтилъ ему, что мнѣ было извѣстно о заключеніи мира и что я не имѣю приказаній возобновлять войну.

Князь Прозоровскій, которому я сообщилъ о нашей перепискѣ, предположивъ, что Пегливанъ хочетъ атаковать насъ и, опасаясь,

чтобы онъ не овладѣлъ нашими 6-ю знаменами и 6-ю пушками Нижегородскаго полка, остававшимися безъ защиты, приказалъ мнѣ поспѣшно собрать 6 баталіоновъ 11-го Егерскаго и Нашебургскаго полковъ и отправилъ меня съ ними въ землянки, гдѣ я и провелъ очень неудобно и совершенно безполезно цѣлый мѣсяцъ.

Въ маѣ 1808 года, вернулся во Францію французскій посолъ въ Константинополѣ и нашъ злѣйшій врагъ Себастіани... Онъ проѣхалъ черезъ Шумлу, Рущукъ, Бухарестъ и Яссы, и вездѣ ему были оказаны большія почести. Отовсюду для сопровожденія его были высылаемы эскадроны, а охрана его была точно такая же, какъ и для нашего главнокомандующаго. Послѣдній же, по слабости ли, изъ желанія ли угодить своему двору, или изъ страха, который внушалъ тогда Наполеонъ, забылъ о своихъ лѣтахъ, чинѣ и достоинствѣ и былъ уже слишкомъ привѣтливъ къ французскому послу. Себастіани замѣтилъ эту слабость и воспользовался ею, чтобы узнать все, что ему было нужно. Онъ былъ однако очень любезенъ къ князю и, между прочими любезностями, обращенными къ князю, онъ выразилъ свое удовольствіе, чествуя Нестора генераловъ. Этотъ комплиментъ былъ не особенно удаченъ, но Прозоровскій нашелъ его очень лестнымъ.

Впрочемъ, Себастіани, который зналъ, чего держаться во время этой войны, повѣдалъ ему съ большей откровенностью, чего отъ него можно было ожидать, что мы должны приготовиться испытать большія затрудненія въ этой войнѣ и что онъ, прекрасно зная турокъ и ихъ способы вести войну, самъ посовѣтовалъ имъ укрѣпляться до послѣдней деревушки и уже тамъ ожидать насъ, но ни въ какомъ случаѣ не давать сраженія въ открытомъ полѣ. Князь Прозоровскій уже зналъ объ этомъ отъ генералъ-адъютанта Маріяжи, который, уѣхавъ отъ Мустафы-Байрактара, проѣхалъ Яссы раньше Себастіани. Совѣты, которые этотъ посланникъ далъ туркамъ, были такъ хороши, что они ихъ исполнили въ точности.

Въ маѣ мѣсяцѣ князь Прозоровскій вмѣстѣ съ своими войсками расположился лагеремъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что мы все еще находимся на боевыхъ позиціяхъ. Такое размѣщеніе было совершенно безполезно. Было бы безъ сомнѣнія лучше, если бы онъ поставилъ свои войска по деревнямъ, расположеннымъ въ горахъ, которыя граничатъ съ Трансильваніей, Буковиной и проч.; тогда, быть можетъ, онъ сохранилъ бы около 12.000 человѣкъ, погибшихъ въ лагеряхъ отъ болѣзни.

Исаевъ расположился около Краіова, а Милорадовичъ—около Бухареста, въ Капачени, и здѣсь постоянная безпечность, недостатокъ заботливости по отношенію къ своимъ войскамъ, а также пло-

хой провіантъ, который поставляли его друзья валахи, стоило жизни почти четвертой части несчастныхъ солдатъ, состоящихъ подъ его начальствомъ. Самъ онъ оставался въ Бухарестѣ, въ домѣ Филипеско, и только изрѣдка посѣщалъ лагерь. 15-ая дивизія, которая прибыла значительно позднѣе, расположилась около Фокшанъ. Князь Прозоровскій и генералъ Кутузовъ вмѣстѣ съ 8-ой и 22-ой дивизіями, а также и частью 12-ой и 16-ой провели лѣто въ большомъ Кальяновскомъ лагерѣ.

С. Кальяни расположено около Сербонешти, между Серетомъ и Потурно,—въ 25 верстахъ отъ Фокшанъ и въ 20 верстахъ отъ Текучъ. Здѣсь, въ 1789 году, останавливался фельдмаршалъ Суворовъ. Это была великолѣпная оборонительная позиція, и намъ только не доставало непріятеля.

Генералъ Кутузовъ покинулъ Яссы только для того, чтобы посѣтить Кальяни; онъ скоро вернулся обратно въ Яссы, не выходя никуда изъ своей комнаты или изъ кареты.

Князь Прозоровскій издалъ приказъ, по которому всѣ женщины должны были быть изгнаны изъ лагеря. Военный министръ графъ Аракчеевъ подтвердилъ этотъ приказъ, но это ни къ чему не привело, и я никогда не видалъ въ лагеряхъ такого множества женскаго персонала, какъ тогда. Кутузовъ не могъ существовать безъ ихъ общества, и онѣ окружали его толпами. Прозоровскій не зналъ объ этомъ или дѣлалъ видъ, что не знаетъ, но только Кальяновскій лагерь былъ переполненъ всевозможными интригами.

Князь Прозоровскій, всегда дѣятельный и желавшій все видѣть самъ, безпрестанно наѣзжалъ въ Хотинъ, Болтини (навстрѣчу 15-ой дивизіи), Бухарестъ и въ Бессарабію.

Я расположился въ с. Табакъ, а Ротовъ въ Татарбунарѣ. Князь Прозоровскій издалъ диспозицію общую для всей арміи. Для всѣхъ этихъ поѣздокъ онъ велѣлъ выставлять черезъ каждыя 15 верстъ по 80 полковыхъ лошадей и на каждомъ изъ этихъ этаповъ были расположены баталіоны егерей, эскадроны кавалеріи и казаки для его конвоированія; онъ все воображалъ, что турки непремѣнно что-нибудь противъ него предпринимаютъ.

На одной станціи, около Табака, въ ожиданіи лошадей, онъ вмѣстѣ со мной и генераломъ Гартингомъ, сопровождавшимъ его въ этомъ путешествіи, прошелъ съ полъ-версты впередъ. Навстрѣчу намъ шли наметомъ возвращавшіеся съ разъѣзда 50 казаковъ. Прозоровскій, вообразивъ, что это турки, пустился бѣжать, насколько ему позволяли его 80 лѣтъ, а намъ съ Гартингомъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ бѣжать за нимъ, чтобы его остановить;

мы это и сдѣлали; но это бѣгство трехъ генераловъ дѣйствительно было комично.

Въ Татарбунарѣ у князя Прозоровскаго произошли неудовольствія противъ генерала Ротова за то, что тотъ приказалъ снять часовыхъ лагеря и охрану постовъ и собраться къ своимъ полкамъ, которые должны были продефилировать мимо князя. Нѣкоторое время спустя пришелъ и мой чередъ попасть въ немилость изъ-за той же причины. Нашъ старый фельдмаршалъ былъ чрезвычайно точенъ во времени, и его строгость, вѣрнѣе сказать, педантичность, доходила прямо до необычайности; въ этомъ отношеніи онъ раздѣлялъ мнѣніе фельдмаршала Румянцева, подъ начальствомъ котораго и служилъ. Улучшенія, которыя ввелъ князь Потемкинъ въ солдатской жизни, одеждѣ и службѣ, казались ему оскорбленіемъ порядка, а невниманіе къ какимъ-нибудь мелочамъ—преступленіемъ.

Онъ самъ назначалъ число карауловъ, которое должно было имѣть въ лагеряхъ; число ихъ было такъ велико, что оно равнялось почти четверти всѣхъ находящихся подъ ружьемъ. Было двѣ цѣпи часовыхъ, дотого сжатыхъ, что издали ихъ принимали за линейныя войска.

Это страшно утомляло войска, что при жаркомъ климатѣ Молдавіи и Валахіи и при употребленіи не зрѣлыхъ плодовъ, поѣдавшихся солдатами безъ всякихъ предосторожностей, а также и при недостаткѣ вниманія, вслѣдствіе чего они ужасно страдали въ холодныя ночи—все это было причиной многихъ заболѣваній, развившихся въ лагерѣ. Въ одномъ Кальяновскомъ лагерѣ, въ госпиталѣ, было болѣе 4.000 человѣкъ, а ежедневно умирало отъ 20-ти, до 30-ти человѣкъ. Число дезертировавшихъ солдатъ, устраивавшихъ свое бѣгство съ помощью жителей, дошло до невѣроятной цифры. Жалѣя солдатъ болѣе, чѣмъ Прозоровскій, и зная хорошо по опыту климатъ береговъ Дуная, я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы часовые на день снимались и требовалъ, чтобы солдаты одѣвались теплѣе, а ночью покрывались бы шинелями, запретилъ употребленіе въ пищу плодовъ и даже арбузовъ, разрѣшенныхъ прежде, такъ какъ солдаты съѣдали даже и корки арбузовъ. Этими предосторожностями я достигъ, что лихорадки прекратились и, въ моей дивизіи, въ каждомъ полку было не болѣе какъ по 50 человѣкъ больныхъ. Это служитъ доказательствомъ, что заботами и хорошимъ питаніемъ можно ослабить эпидемію, уносившую такъ много жертвъ изъ нашей Молдавской арміи.

Одинъ солдатъ, бѣжавшій изъ лагеря, былъ пойманъ и приведенъ къ главнокомандующему, который всегда самъ опрашивалъ дезертировъ. Солдатъ сознался, что онъ убѣжалъ, когда цѣпь часо-

выхъ была снята (конечно, такое сообщеніе было для меня очень непріятно). Показаніе солдата привело въ ярость князя Прозоровскаго, и онъ послалъ мнѣ слѣдующее собственноручное письмо:

„По тому способу дѣйствій, какъ Вы исполняете приказанія Вашихъ начальниковъ, я вижу, что Вы начали службу въ Россіи во времена князя Потемкина, когда служба была совершенно испорчена. Я долженъ Вамъ сказать, Ваше Превосходительство, что модная филантропія не пригодна къ военному дѣлу и что главная обязанность подчиненнаго генерала состоитъ въ точномъ и слѣпомъ послушаніи своего начальника. Почтеніе и уваженіе, которое я къ Вамъ питаю, составляютъ единственную причину, по которой я не рѣшаюсь придать этотъ упрекъ гласности“.

Я думалъ, что этимъ дѣло и кончится, но это письмо не помѣшало нашему почтенному старцу сдѣлать мнѣ публичный выговоръ въ приказѣ по арміи. Мнѣ служило утѣшеніемъ все-таки, что я спасъ жизнь не одной тысячѣ человѣкъ!

Тѣмъ не менѣе, по окончаніи кампаніи, суровый, но справедливый князь Прозоровскій не могъ не отдать мнѣ благодарности въ приказѣ (въ противоположность предъидущему) за мои заботы объ арміи и за сохраненіе жизни солдатъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ кн. Прозоровскій, зная, что Пегливанъ укрѣпился въ Измаилѣ, сталъ опасаться за Бессарабію (гдѣ, собственно говоря, онъ ничего не могъ потерять кромѣ выжженной солнцемъ травы) и заставилъ меня перейти изъ с. Табакъ къ озеру Котлибухъ, гдѣ я и расположился въ 25 верстахъ отъ Измаила. Передвиженіе это было совершенно безполезно.

Прошло болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, какъ мой отрядъ соединился съ отрядомъ генерала Ротта, передвинутымъ изъ Татарбунара, гдѣ было оставлено 2 баталіона совершенно больныхъ солдатъ. Въ Киліи же остались маленькій гарнизонъ и флотилія.

Въ продолженіе всего лѣта я поддерживалъ очень дѣятельную и крайне дружескую переписку съ Пегливаномъ, который, повидимому, не хотѣлъ ничего предпринимать противъ меня.

Онъ предупредилъ меня о готовящихся мятежахъ 19-го мая и 16-го іюля, низвергнувшихъ съ престола султановъ Селима и Мустафу и возведшихъ на кровавый престолъ султана Махмуда. Ниже, (въ объяснительной запискѣ) я изложу историческія подробности этихъ событій.

Эта вторая революція, когда Мустафа-Байрактаръ, рущукскій ага, смѣнилъ великаго визиря, дала Пегливану большія надежды на будущее благосостояніе.

Мустафа, также какъ и Пегливанъ, были разбойники, связанные

между собой общими интересами, но третья революція 2-го ноября, стоившая жизни новому великому визирю, разрушила всѣ радужныя надежды Пегливана. Обезпокоенный своей судьбой, онъ былъ такъ неосторожен, что открылъ мнѣ всѣ свои планы.

Въ положеніи Пегливана необходимо было имѣть деньги, а такъ какъ Пегливанъ зналъ, что таковыя имѣются у бабадагскаго аги, то онъ рѣшилъ поѣхать туда и преслѣдовать его различными угрозами до тѣхъ поръ, пока тотъ не согласится дать ему средства для Измаильскаго гарнизона.

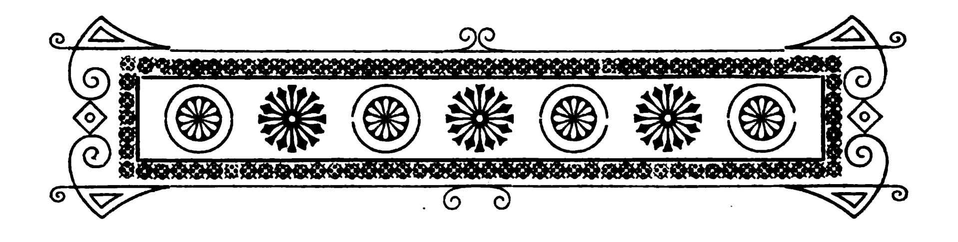
Отсюда видно, какъ одинъ паша грабитъ у другого награбленное же имущество. Какая нація! Какое управленіе!

Прежній великій визирь Мустафа Челибей, сверженный съ престола и смѣненный Мустафой, былъ совсѣмъ ограбленъ, лишенъ всѣхъ своихъ имѣній и отправленъ въ Измаилъ, гдѣ онъ и его приближенные и оставались, находясь подъ постояннымъ страхомъ потерять свою жизнь, въ ожиданіи приказанія Пегливана.

Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Исторія карелъ[1]).

III.

Переселеніе карель-біармовъ отъ береговъ Бѣлаго моря на перешеекъ между Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ.

Могущество и значеніе Біармійскаго государства основывалось на томъ торговомъ движеніи, которое въ VII, VIII отчасти въ IX вѣкѣ шло отъ устьевъ Волги, отъ хозаръ, къ среднему теченію ея, къ болгарамъ, затѣмъ къ устью Сѣв. Двины, біармамъ, получавшимъ себѣ наиболѣе цѣнные продукты для участія въ этомъ торговомъ движеніи отъ лапландцевъ. Во вторую половину IX вѣка въ нынѣшней южной Россіи появляются печенѣги и другіе кочевники, пошатнувшіе могущество хозарской державы и тѣмъ сильно сократившіе торговое движеніе по Волгѣ. Въ то же самое время по берегамъ Нѣмецкаго моря и юго-западнымъ берегамъ Балтійскаго моря сформировывались германскими племенами новыя государства, вызвавшія мореходство на этихъ моряхъ, слѣдствіемъ чего было возникновеніе новаго торговаго пути отъ восточныхъ береговъ Балтійскаго моря на западъ. Продукты, которыми была богата тогдашняя лапландская глушь, могли найти себѣ столь же хорошій сбытъ и на новомъ западномъ пути. Но въ отношеніи къ этому новому западному торговому движенію карелы-біармы оказывались въ крайне невыгодныхъ условіяхъ: они были теперь не между источникомъ полученія продуктовъ обмѣна съ одной стороны и мѣстностями сбы-

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. августъ.

та ихъ съ другой, какъ то было во времена процвѣтанія восточнаго торговаго движенія, а на такой окраинѣ новаго торговаго движенія, положеніе на которой грозило имъ голодною смертію. Хорошее знакомство съ лапландскою глушью указало кареламъ на выходъ изъ такого положенія: нужно было занять и въ этомъ новомъ западномъ торговомъ движеніи то же положеніе посредниковъ между лапландскою глушью съ одной стороны и мѣстами сбыта продуктовъ лапландской глуши на западѣ съ другой стороны. А такое положеніе они могли занять, лишь переселившись на извѣстный уже имъ перешеекъ между Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ, который былъ занятъ ихъ же данниками лапландцами. Большая часть карелъ-біармовъ, по всей вѣроятности, и переселилась сюда въ теченіе X вѣка. Переселеніе, очевидно, шло тѣмъ самымъ путемъ, которымъ карелы и прежде пересѣкали лапландскую глушь по направленію съ сѣвера на югъ, т. е. съ рѣки Кеми на верховье рѣки Улео, отсюда на озера Сайменскаго бассейна: Піэлисъ-ярви, Оривеси, Пюхяярви. Пюхяярви же отдѣляется лишь волокомъ въ 2 мили шириною отъ рѣкъ, впадающихъ въ Ладожское озеро.

Первое время при торговомъ обмѣнѣ карелъ съ западомъ происходитъ у нихъ смѣшеніе принесенныхъ ими съ собою арабскихъ монетъ и вообще украшеній востока съ западными, при чемъ послѣднія скоро вытѣснили монеты и украшенія востока. По поводу этого смѣшенія монетъ и украшеній мы читаемъ въ „Kuvauksia Suomen Kansan esihistoriasta“ слѣдующее: „Постепенное измѣненіе стараго на новое видно изъ появленія западныхъ монетъ въ ряду арабскихъ во многихъ находкахъ Швеціи. Имѣется въ виду главнымъ образомъ островъ Готтландъ, бывшій за все время язычества и особенно за время восточной торговли центромъ восточной Скандинавіи. Объ измѣненіи пишетъ X. Хильдебрандъ: въ началѣ западные элементы ничтожны сравнительно съ восточными, потомъ они дѣлаются равными, и наконецъ—встрѣчаются лишь отдѣльныя арабскія монеты среди сотенъ монетъ земель Западной Европы... Что касается времени этихъ западныхъ сношеній, могу лишь дать намеки: за начало можно считать время правленія Оттона Великаго (936—973), наиболѣе же юныя англійскія деньги отчеканены Вильгельмомъ Завоевателемъ, такъ что онѣ послѣ 1066 года...

„Наибольшіе клады англосаксонскихъ монетъ земля въ Финляндіи и Кареліи скрыла въ Ускела, Райсіо, Ноусіайненъ, Пялькяне, Ностола, Куркіоки и пр., и деньги относятся главнымъ образомъ къ англійскому государю Этельреду II (978—1016) и датскому—Кнуту Великому (1016—1035)“. (Стр. 198, 199).

Большая часть карелъ осѣла по сѣверо-западнымъ берегамъ Ладожскаго озера и нижнему теченію рѣки Вуоксы; часть ихъ прошла отсюда въ нижнее теченіе рѣки Невы и сдѣлалась извѣстною подъ именемъ ижоръ. Лапландцы, жившіе по сѣверо-западнымъ берегамъ Ладожскаго озера, или погибли въ неравной борьбѣ или подчинились кареламъ, слившись скоро съ ними. Вожане, населявшіе мѣстности по нижнему теченію Невы, были оттѣснены къ западу. Меньшая часть карелъ пошла по восточному берегу Ладожскаго озера и послѣ борьбы съ вепсами осѣла около нынѣшняго города Олонца. О борьбѣ карелъ съ вепсами говорятъ преданія, сохранившіяся среди олонецкихъ карелъ, показывающихъ могилы, гдѣ похоронена погибшая чудь [1]). Часть карелъ осталась въ мѣстностяхъ при устьѣ Улео, осталась часть и въ мѣстностяхъ при устьѣ Сѣв. Двины и по южнымъ берегамъ Бѣлаго моря. Несмотря на разселеніе, сношенія между карелами то мирныя—торговыя, то враждебныя не прекратились. „Въ 1887 году земля открыла свое сокровище въ Халике, на участкѣ Маяланкроувской торпы Іоэнсуйскаго помѣстья. Была найдена спрятанною въ глиняной посудинѣ группа очень замѣчательныхъ серебряныхъ предметовъ: 36 большихъ и маленькихъ, искусно украшенныхъ жемчужинъ, входившихъ въ красивую шейную или грудную цѣпь; крестъ Распятаго, золоченый, украшенный изображеніями и вырѣзанными именами святыхъ, а также два крестообразныхъ, открывающихся ящичка для храненія мощей—оба украшенные различно вырѣзанными изображеніями Христа и святыхъ и кольцами. Всѣ три креста были на серебряной цѣпочкѣ каждый. Эти серебряныя вещи относятся къ раннимъ среднимъ вѣкамъ; украшенія же ихъ такія, которыя употреблялись въ Западной Европѣ и Скандинавіи около 1000—1100 годовъ...“ [2]). Очевидно, эти серебряныя вещи попали сюда во время пути отъ приладожскихъ карелъ къ приботническимъ или наоборотъ. Между же приботническими и прибѣломорскими карелами часто велись войны, начиная съ IX вѣка, кончившіяся пораженіемъ приботническихъ и переселеніемъ въ нижнее теченіе Улео новой толпы прибѣломорскихъ [3]).

---

[1]) Борьба Новгорода со шведами и финнами по народнымъ сказаніямъ Елисѣева. (Древняя и Новая Россія 1880, кн. X).

[2]) Kuvauksia Suomen Kansan esihistoriasta, стр. 259.

[3]) Suomen asukaat pakanuuden aikana, стр. 64.

Вѣтви карельскаго племени по переселенію значительной ихъ части къ берегамъ Ладожскаго озера.

Несмотря однако на эти сношенія, каждая изъ вѣтвей карельскаго племени съ момента разселенія имѣла свою исторію, при чемъ наибольшую извѣстность въ исторіи получили приладожскіе карелы, поселившіеся на перешейкѣ между Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ. Для ознакомленія съ географическими условіями этого перешейка, оказавшими вліяніе на занятія поселившихся здѣсь карелъ, мы воспользуемся трудомъ Руута — Viipurin Kaupungin Historia 1904. Viipuri (Исторія города Выборга). Изъ этого труда мы узнаемъ, что въ прежнія времена рѣка Вуокса изливала часть своихъ водъ прямо въ Финскій заливъ въ мѣстѣ нынѣшняго Выборга посредствомъ рукава, который, отдѣлившись отъ Вуоксы у Хейньоки, вливался въ Финскій заливъ черезъ Юливези, представлявшее тогда большое озеро. Происходящее столѣтіями поднятіе почвы понемногу сдѣлало этотъ рукавъ труднопроходимымъ и наконецъ совершенно отдѣлило его отъ Вуоксы. Однако въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, когда водные пути были единственными средствами сообщенія, этотъ путь былъ на-ряду съ Невою, соединительнымъ путемъ между Финскимъ заливомъ и Ладожскимъ озеромъ. Еще въ XVI вѣкѣ пользовались имъ, хотя въ это время на немъ уже было до 8 волоковъ, нѣкоторые въ $^{1}/_{6}$ мили длиною, такъ что большія и тяжело нагруженныя лодки не могли быть отправляемы по этому пути. Несмотря на такія неудобства, этотъ путь былъ важенъ для новгородцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда путь по Невѣ бывалъ кѣмъ-либо изъ враговъ Новгорода закрытъ для торговаго движенія, что̀ бывало довольно часто—вначалѣ со стороны викинговъ — скандинавовъ, или морскихъ разбойниковъ, потомъ со со стороны ганзейскихъ купцовъ, ливонскихъ рыцарей и пр. Для самихъ карелъ этотъ водный путь былъ важенъ не только въ торговомъ отношеніи, но и въ отношеніи рыболовства и охоты. Берега Финскаго залива были богаты рыбою, мѣстныя озера близъ морскихъ береговъ привлекали къ себѣ бобрами, поселиться же по берегамъ Финскаго залива было опасно изъ-за нападеній проходившихъ мимо викинговъ и морскихъ разбойниковъ. Поэтому карелы ежегодно направлялись по этому пути съ береговъ Ладожскаго озера и рѣки Вуоксы на ловлю рыбы по прибрежнымъ островамъ Финскаго залива и ловлю бобровъ по лѣснымъ озерамъ близъ морскихъ береговъ. Находясь на рыбной ловлѣ по островамъ Финскаго залива, карелы вступали при случаѣ въ торговыя сношенія съ купцами,

направлявшимися къ устьямъ Невы и дѣлавшими обыкновенно продолжительную остановку въ Койвистскомъ (Бьеркскомъ) проливѣ. Но такъ какъ встрѣчи съ купцами были случайными и небезопасными въ виду возможныхъ нападеній разбойниковъ, что не позволяло купцамъ свободно разложить для торговли всѣ свои товары, то Новгородъ и получилъ для карелъ значеніе рынка, гдѣ во всякое время могъ быть произведенъ обмѣнъ продуктовъ. При этихъ условіяхъ и карелы и новгородцы нуждались другъ въ другѣ и въ силу этого сдѣлались союзниками. Для карелъ, поселившихся на перешейкѣ между Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ, союзъ съ Новгородомъ былъ необходимъ и въ виду той вражды, которая возгорѣлась у нихъ съ ихъ западными сосѣдями ямелястами изъ-за притязаній на лапландскую глушь. Въ интересахъ новгородцевъ было помочь кареламъ овладѣть по возможности большимъ пространствомъ лапландской глуши, такъ какъ тѣмъ болѣе тогда карелы привозили въ Новгородъ шкурокъ пушного звѣря. Враждебныя же отношенія къ кареламъ были неудобны и въ томъ отношеніи, что могли отвлечь карелъ отъ Новгорода и вызвать появленіе торговаго города въ Койвистскомъ проливѣ. Поэтому-то вплоть до XIV вѣка карелы, жившіе между Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ, состоя въ тѣсномъ союзѣ съ Новгородомъ, въ то же время были независимы отъ него. Независимость карелъ подтверждается соглашеніемъ Новгорода съ княземъ Ярославомъ Ярославовичемъ въ 1264 году, въ которомъ перечисляются владѣнія Новгорода, но не говорится о Кареліи. Та же самая независимость карелъ обнаруживается и въ договорѣ Новгорода съ готландскими и нѣмецкими купцами 1270 года. По этому договору новгородскій князь отвѣчаетъ за убытки иноземныхъ купцовъ, понесенные ими въ новгородскихъ владѣніяхъ. „Но если готландцы и нѣмцы будутъ въ пути въ Кареліи и если съ ними что случится тамъ, то новгородцы къ этому не имѣютъ никакого отношенія“ [1]).

Древнѣйшіе города приладожскихъ карелъ: Олонецъ, Тиверскъ, Корела.

Нѣсколько иныя отношенія къ Новгороду были у карелъ Олонца. Поселившись въ странѣ враждебныхъ вепсовъ и имѣя въ Новгородѣ единственный для себя рынокъ, они съ самаго начала стали въ подчиненное положеніе къ Новгороду, безъ попытокъ даже противодѣйствовать ему. Неудивительно, поэтому, читать въ

[1]) Suomen Keskiajan historia. Forsström, 508, 509.

уставѣ новгородскаго князя Святослава отъ 1134 года о повинности олончанъ платить новгородскому владыкѣ 3 гривны. Это—первое упоминаніе Олонца въ памятникахъ. Происхожденіе названія Олонецъ Эрвасти объясняетъ такъ: „хотя и трудно объяснить, какъ произошло русское названіе Олонецъ, или какъ оно произносится—Алонецъ, все же вѣрно, что это названіе есть видоизмѣненіе первоначальной финской формы. Быть можетъ, первоначально слово это по-фински звучало Alannus, откуда по-русски получилось Алонецъ, а по-карельски—съ выпаденіемъ ради сокращенія звука а Alnos и съ перемѣною l на u Aunus. Мѣстность около Олонца есть бросающаяся постороннему человѣку въ глаза низменность (по-фински—aloako)“ [1]). „Олоньсь—Alannus, какъ городъ, впервые въ лѣтописи упоминается въ 1228 году.

По другую отъ Олонца сторону Ладожскаго озера наибольшее значеніе имѣлъ при поселеніи здѣсь карелъ городъ Тиверскъ. Слѣды его сохранились до настоящаго времени при прежнемъ руслѣ рѣки Вуоксы, въ разстояніи одной мили отъ Ряйсяльской кирки по дорогѣ къ Кивиніэми. Островъ, на которомъ была крѣпость, простирается на 225 метровъ въ длину и отъ 44 до 60 метровъ въ ширину. Тотъ фактъ, что ни въ одномъ изъ изслѣдованныхъ основаній бывшихъ здѣсь построекъ не найдено ни кирпича, ни известковаго цемента, равно какъ и старинные предметы, найденные въ развалинахъ этой крѣпости, говорятъ за существованіе этого города уже во времена язычества. „Двѣ арабскія монеты, найденныя въ развалинахъ, могутъ служить руководствомъ при опредѣленіи возраста крѣпости. Одна изъ монетъ отчеканена въ промежутокъ времени между 894 и 902 годомъ, вѣроятно, въ Самаркандѣ или Ташкентѣ; другая отъ 976 года. Вѣроятно, деньги прибыли въ Карелію въ XI или въ XII вѣкѣ, переходя во время продолжительнаго пути изъ Средней Азіи изъ рукъ въ руки. Весь кладъ зарытъ въ землю, можетъ быть, въ срединѣ или концѣ XII вѣка“ [2]). Тиверскій городъ существовалъ до 1411 года, когда его разрушили шведы. Впрочемъ, задолго уже до XV вѣка Тиверскъ потерялъ свое торговое и военное значеніе, уступивъ его городу Корелѣ, или какъ называли его шведы—Кексгольму. На скалѣ при устьѣ Вуоксы, по предположенію Т. Швиндта [3]), въ XII вѣкѣ, а вѣроятно, и ранѣе, карелами было построено укрѣпленіе такое же, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ западныхъ береговъ Ладожскаго озера. Существованіе въ

[1]) Ervasti Väkiluvunseikoista Venäjän Karjalassa, 294.

[2]) Suomen Keskiajan historia. Forström, 512.

[3]) Kakisalmen pesälinnan ja entisen linnoitetun Kaupungin rakennushistorian aineksia. T. Schvindt.

XI вѣкѣ торговыхъ городковъ въ другихъ пунктахъ сѣверо-западныхъ береговъ Ладожскаго озера подтверждается показаніями археологіи. „На Линнавуори въ Куркіоки, находящейся на южномъ берегу Хямескаго залива, найдено очень много старинныхъ предметовъ и въ ихъ числѣ: двѣ нѣмецкихъ серебряныхъ монеты XI вѣка и одна чеканенная арабская дирхема IX вѣка“ [1]). Въ этихъ и другихъ подобныхъ имъ находкахъ мы имѣемъ доказательство существовавшаго торговаго движеиія по Ладожскому озеру и по рѣкѣ Вуоксѣ уже въ XI вѣкѣ.

Морскіе набѣги карелъ.

Къ сожалѣнію лишь, ни карелы, ни новгородцы не обратили въ свое время должнаго вниманія на укрѣпленіе западнаго конечнаго пункта того воднаго пути, который шелъ по Вуоксѣ изъ Ладожскаго озера въ Финскій заливъ. Мы имѣемъ въ виду нынѣшній Выборгскій заливъ, который, хотя и былъ въ сторонѣ отъ тогдашняго торговаго пути къ устью Невы, однако представлялъ собою удобный выходъ въ море. Отсюда карелы съ торговыми цѣлями направлялись въ Койвисто, отсюда же предпринимали и свои морскіе набѣги на своихъ соплеменниковъ—ямь и на шведовъ. Такъ въ 1143 году карелы предприняли морской набѣгъ на ямь, но неудачно: имъ пришлось бѣжать, при чемъ два ихъ корабля потерпѣли крушеніе. Наиболѣе замѣчательнымъ ихъ морскимъ набѣгомъ былъ набѣгъ на Швецію въ 1187 году. Этотъ набѣгъ былъ вызванъ желаніемъ отомстить викингамъ за ихъ девятилѣтнія постоянныя враждебныя дѣйствія противъ карелъ и русскихъ подъ начальствомъ ярла Іона. Появившись съ хорошимъ флотомъ у береговъ Швеціи, карелы по обычаю пробрались въ озеро Меларъ, предварительно сжегши епископское имѣніе Альмарстекъ и убивъ проживавшаго тамъ упсальскаго архіепископа Іоанна. Карелы напали на старый городъ Сигтуну, „самый сильный и богатый торговый городъ Швеціи, въ которомъ одновременно правило 4 бургомистра, и обойти который по валамъ можно было не менѣе, чѣмъ въ 6 часовъ“ [2]). Городъ былъ разграбленъ и сожженъ такъ, что снова подняться онъ уже не могъ. Чтобы заградить на будущее время входъ въ озеро Меларъ, шведы построили при входѣ въ Меларъ городъ Стокгольмъ, къ которому и перешло значеніе города Сигтуны. Ярлъ Іонъ палъ въ битвѣ съ карелами, чтó и доставило радость Кареліи и Россіи [3]). „Карелы на

---

[1]) Kuvauksia Suomen Kansan esihistoriasta, 208.
[2]) Suomen asukaat pakanuuden aikana, стр. 87, 83.
[3]) Kuvauksia Viipurin historiasta. G. Lagus, стр. 5.

память увезли съ собою мѣдныя двери отъ церкви, которыя показываютъ еще и теперь въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ... Карелы продолжали свои опустошительные набѣги. Прошло около 100 лѣтъ со времени разрушенія Сигтуни, какъ одна папская булла убѣждаетъ предпринять крестовый походъ противъ карелъ за все еще продолжающіяся ихъ опустошенія“ [1]). Вообще походы съ одной стороны карелъ и новгородцевъ на финновъ и шведовъ и съ другой финновъ и шведовъ на карелъ и новгородцевъ были довольно частымъ явленіемъ въ XII и XIII вѣкахъ. Такъ въ 1142, 1149, 1164, 1228, 1292 годы финны и шведы дѣлаютъ набѣги на карелъ и новгородцевъ, въ 1178, 1176, 1191, 1198, 1227, 1292 карелы и новгородцы дѣлаютъ набѣги на финновъ и шведовъ. О характерѣ этихъ набѣговъ можно судить по буллѣ папы Александра IV въ 1256 году: „Враги Христа, которыхъ обыкновенно зовутъ карелами, убивали много христіанъ, проливали много крови, сжигали много деревень и опустошали много полей, оскверняли священныя мѣста, предназначенныя для богослуженія, похищали многихъ крещеныхъ дѣтей, которыхъ они забирали для того, чтобы вырастить ихъ въ язычествѣ и держать въъ жесточайшемъ рабствѣ“ [2]).

Западныя и южныя границы карельской земли.

Вражда между карелами и ямью постоянно поддерживалась изъза лапландской глуши, которая привлекала къ себѣ и тѣхъ и другихъ какъ рыбными богатствами своихъ озеръ и обиліемъ пушного звѣря въ лѣсахъ, такъ и возможностью собрать дань съ лапландцевъ. Поводы для столкновеній стали въ особенности частыми, когда карельскіе колонисты появились не только по юго-восточнымъ берегамъ Сайменскаго озера, но и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ямью въ такъ называемой области Саво (между нынѣшними С.-Михелемъ и Нейшлотомъ). Одновременно съ этимъ, т. е. въ XI вѣкѣ, карелы занимаютъ берегъ Финскаго залива около нынѣшняго Выборга и Койвисто и, какъ выше было указано, устья Невы. Очевидно, карельское населеніе здѣсь быстро увеличилось въ числѣ такъ, что образовалось много новыхъ кихлакундъ, составившихъ нѣсколько маакундъ со старѣйшинами во главѣ, величавшимися званіемъ кунингасовъ (князей). Такъ ижоры составляли маакунду, имѣвшую во главѣ такого кунингаса. Наша лѣтопись подъ 1240 годомъ говоритъ о такомъ кунингасѣ Пемцѣ или Пемцшѣ. Въ его

[1]) Suomon asukaat pakanuuden aikana, стр. 87, 88.
[2]) Suomen keskiajan historia, стр. 135.

владѣніяхъ было торговое селеніе въ устьѣ Невы, гдѣ при проходѣ ганзейскихъ купцовъ въ Новгородъ происходилъ торгъ ихъ съ ижорами. Правитель ижоръ бралъ подъ свою защиту иноземные корабли на пространствѣ отъ Койвисто до Невы.

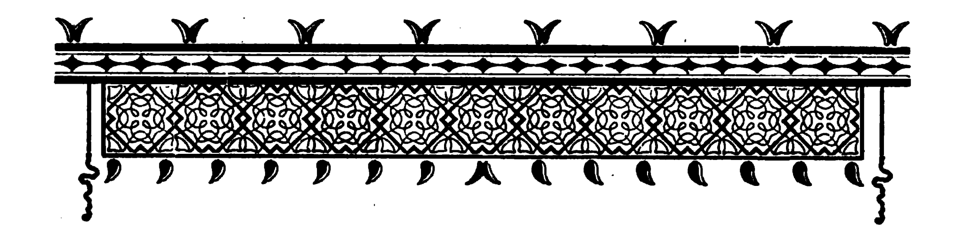
Карелы сѣверныхъ береговъ Ладожскаго озера присвоили себѣ право на лѣсную глушь сѣверныхъ частей Сайменскаго озера, при чемъ ихъ область охоты и рыболовства соприкасалась съ областью охоты и рыболовства карелъ бассейна рѣки Улео.

Взаимные споры карелъ и ямелястовъ о правѣ охоты и рыбной ловли въ лапландской глуши, равно и о правѣ собирать дань съ лапландцевъ, уже съ незапамятныхъ временъ приблизительно опредѣлили границу между карельскою лапландскою глушью и глушью ямелястовъ. Все находившееся къ сѣверу, сѣверо-востоку и востоку отъ рѣки Пюхяйоки и водъ Кейтеле, принадлежало кареламъ, т. е. кареламъ принадлежали почти цѣликомъ нынѣшнія губерніи: Улеоборгская, Куопіоская, Михельская и Выборгская. Карелы, жившіе на всемъ пространствѣ этихъ нынѣшнихъ губерній, были до начала XIV вѣка независимы, состоя лишь въ союзѣ съ новгородцами.

Сообщилъ В. Крохинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ финляндскому „вопросу“.

Мнѣнія Н. А. Манассеина и Э. В. Фриша по проекту финляндской кодификаціонной комиссіи 1885—1887 гг.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, финляндскимъ сенатомъ составленъ проектъ особой формы правленія для Финляндіи, закрѣпляющій за этою окраиной, пользующейся въ мѣстныхъ своихъ дѣлахъ извѣстною внутреннею автономіею, положеніе не провинціи, но совершенно особаго государства, связаннаго съ Россіею единственно только въ лицѣ общаго надъ обѣими Монарха.

Такъ какъ съ дальнѣйшимъ движеніемъ означеннаго проекта такъ называемый „финляндскій вопросъ“ неминуемо долженъ будетъ подвергнуться снова публичному обсужденію, то мнѣнія по этому сложному дѣлу выдающихся русскихъ государственныхъ людей безспорно должны привлечь всеобщее вниманіе. Въ виду этого считаемъ долгомъ своимъ познакомить читателей съ заключеніемъ такихъ извѣстныхъ русскихъ законовѣдовъ, какъ нынѣ покойные: бывшій Министръ Юстиціи Н. А. Манассеинъ и недавно скончавшійся предсѣдатель Государственнаго Совѣта [1]) Э. В. Фришъ. Заключенія эти высказаны были семнадцать лѣтъ тому назадъ и, слѣдовательно, въ настоящее время уже пріобрѣли характеръ историческихъ документовъ; но интересъ приведенныхъ въ нихъ соображеній сохранилъ и понынѣ все свое значеніе, такъ какъ характеръ домогательствъ финляндскихъ нисколько не измѣнился: теперь они только стали увѣреннѣе и откровеннѣе.

Во время шведскаго владычества Финляндія была обыкновенною шведскою провинціей, управлявшейся на основаніи общихъ шведскихъ законовъ. Къ моменту окончательнаго ея покоренія русскимъ оружіемъ она дѣлилась на шесть губерній, не имѣвшихъ никакого общаго мѣстнаго управленія и зависѣвшихъ непосредственно отъ центральныхъ государственныхъ учрежденій и властей въ Стокгольмѣ. Прежде существовавшая (въ XVII и частью XVIII столѣтіи) должность финляндскаго генералъ-губернатора была совершенно упразднена и Форма Правленія 1772 г. (§ 33), даже запретила учрежденіе впредь такой должности „внутри государства“. Общее собирательное названіе „Великое Княжество Финляндское“, пожалованное Финляндіи въ 1581 году, продолжало иногда появляться въ швед-

[1]) Въ то время бывшій Главноуправляющимъ Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ.

скихъ государственныхъ актахъ, хотя употребленіе прежняго титула шведскихъ королей „Великій князь Финляндскій", начиная съ Карла XII-го, вовсе прекратилось.

Такое положеніе занимала шведская Финляндія, когда по завоеваніи ея въ 1808 г. русскими войсками, она Высочайшимъ Манифестомъ 20-го Марта того-же года объявлена была навсегда присоединенной къ Россійской Имперіи и отъ обывателей ея повелѣно было принять присягу на вѣрноподданство. Объ этомъ присоединеніи были вслѣдъ затѣмъ оффиціально оповѣщены русскимъ правительствомъ всѣ иностранныя державы. О намѣреніи Императора Александра I сохранить въ этомъ краѣ, и по присоединеніи его къ Россіи, прежніе шведскіе законы, было возвѣщено „*обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи*" еще 5-го іюля того-же года, въ особомъ Манифестѣ, вмѣстѣ съ указаніемъ на присягу, принесенную ими „*на вѣрное и вѣчное къ скипетру Россійскому подданство*" и на включеніе ихъ „*въ чреду народовъ, скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ*". Объ указанномъ намѣреніи было возвѣщено и еще раньше въ прокламаціяхъ русскаго главнокомандующаго, а затѣмъ подтверждено прибывшей въ Петербургъ послѣ присяги особой финляндской депутаціи. Тогда-же рѣшено было учредить для Финляндіи особое Главное Управленіе, изъ мѣстныхъ жителей, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Губернатора, назначеніе котораго и состоялось въ декабрѣ 1808 года. Очевидно, такое рѣшеніе вызвано было вовсе не требованіями „основныхъ законовъ" (какъ толкуютъ финляндскіе юристы), а просто явилось, какъ естественный результатъ неудобства управлять изъ центральныхъ государственныхъ учрежденій Петербурга финляндскими губерніями при условіи дарованнаго особенною милостью Побѣдителя сохраненія въ нихъ прежнихъ шведскихъ законовъ. Для представленія мнѣній о наилучшей организаціи этого Совѣта, и о нѣкоторыхъ другихъ дѣлахъ, созваны были въ 1809 году въ Борго представители четырехъ сословій на земскій сеймъ (ландтагъ), при чемъ, такъ какъ въ Швеціи такихъ ландтаговъ не созывалось, руководствовались правилами для созыва шведскихъ риксдаговъ. Боргоскій Сеймъ былъ открытъ лично Императоромъ Александромъ, который пожелалъ еще разъ („вновь") подтвердить сословіямъ данное имъ ранѣе обѣщаніе о сохраненіи дѣйствовавшихъ въ краѣ шведскихъ законовъ, послѣ котораго сословные представители вторично принесли Ему вѣрноподданническую присягу. Финляндцы приравниваютъ это обѣщаніе (такъ называемую Высочайшую Грамоту отъ 15-го Марта 1809 года), къ присягѣ шведскихъ королей на вѣрность конституціи, въ отвѣтъ на которую присягали королю шведскіе государственные чины. Послѣдній разъ для финляндцевъ такая присяга приносилась шведскимъ риксдагомъ въ 1800 г. при коронаціи Короля Густава IV Адольфа и ея формою воспользовались для составленія текста присяги земскимъ чинамъ Боргоскаго Сейма. При этомъ, однако, сдѣлано было весьма существенное измѣненіе, ясно указывающее на то, въ какихъ именно предѣлахъ понималось въ то время сохраненіе Финляндіи шведскихъ законовъ. Въ присягѣ чиновъ шведскаго риксдага перечислены основные государственные законы шведскаго королевства [1]): въ присягѣ сословій

[1]) Стокгольмское соглашеніе о престолонаслѣдіи 1742 г., Весторосское соглашеніе о престолонаслѣдіи 1544 г., Норчёпингское рѣшеніе 1604 г. (о томъ-же), Форма Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Охраненія 1789 г. Эти-же законы дѣйствовали въ Швеціи и въ Мартѣ 1809 года.

Боргоскаго сейма *ни одного изъ нихъ не упомянуто* [1]). Очевидно, что въ Финляндіи, изъ части шведскаго королевства сдѣлавшейся частью же Россійской Имперіи [2]), законы эти, какъ установлявшіе порядокъ престолонаслѣдія, основы государственнаго устройства и высшаго управленія независимаго государства, въ большей и важнѣйшей своей части (касательно войны, мира, союза съ иностранными державами, центральныхъ государственныхъ учрежденій, королевскаго двора и принцевъ королевскаго дома, нераздѣльности королевства, избранія новой династіи и т. п.) въ силу самаго факта выхода Финляндіи изъ-подъ власти Швеціи теряли всякое значеніе. Баронъ Маннергеймъ, одинъ изъ выдающихся финляндскихъ дѣятелей того времени, членъ финляндской депутаціи, предсѣдатель финансовой комиссіи на Боргосскомъ сеймѣ, а впослѣдствіи членъ Правительствующаго Совѣта (позднѣе—Императорскаго Финляндскаго Сената) въ своихъ запискахъ (цитированныхъ финляндскимъ историкомъ Робертомъ Кастреномъ) [3]) писалъ, что на этомъ сеймѣ питали лишь „*надежду* найти удобный случай, при болѣе спокойныхъ обстоятельствахъ, во время слѣдующаго сейма *составить и утвердить конституцію Финляндіи*", надежду, которая, по словамъ того-же Маннергейма, къ концу царствованія Александра I-го, стала „несбыточной мечтой".

Осуществленія именно этой мечты, въ формѣ созданія для Финляндіи положенія совершенно отдѣльнаго государства, независимаго отъ Россійской Имперіи и связаннаго съ нею только въ Лицѣ Монарха, Императора въ Россіи и Великаго Князя въ Финляндіи, при полномъ и коренномъ различіи правъ того и другого—финляндцы упорно добивались и продолжають добиваться вотъ уже около ста лѣтъ. Употребленіе въ обращеніяхъ и государственныхъ актахъ временъ окончательнаго присоединенія Финляндіи выраженій общаго характера давало отчасти свободу этимъ домогательствамъ.

Тотъ же историкъ Кастре́нъ сообщаетъ, что еще въ 1819 году предсѣдатель Финляндской Комиссіи баронъ Ребиндеръ (позднѣе финляндскій министръ-статсъ-секретарь) предложилъ этой комиссіи составить проектъ „государственной организаціи и управленія" Финляндіею, т. е. иначе говоря, проектъ особой финляндской конституціи, съ тѣмъ, чтобы передать этотъ проектъ на обсужденіе сейма; но проекты эти были отвергнуты. Въ 1865 г. при Императорѣ Александрѣ II-мъ образована была по Высочайшему повелѣнію особая комиссія изъ финляндцевъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Норденстама, которой поручена была кодификація мѣстныхъ финляндскихъ законовъ. Для руководства ей дана была особая Высочайше утвержденная программа, на первомъ мѣстѣ которой опредѣленно было выражено, что „Великое Княжество Финляндское, составляющее *часть* Россійской Имперіи, *нераздѣльно* соединено съ нею". Тѣмъ не менѣе Комиссія, вмѣсто кодификаціи, составила проектъ „Формы правленія для Великаго

---

[1]) Сказано только, что чины Сейма обязываются соблюдать „основные законы и установленія сего края таковыми, каковыми они существуютъ и находятся въ дѣйствіи".

[2]) По ст. IV Фридрихсгамскаго мирнаго договора „губерніи сіи" (а не „Финляндія" и не „Великое Княжество") перешли „въ собственность и державное обладаніе *Имперіи* Россійской", а не только Ея Императора.

[3]) На стр. 229 его книги „Skildringar ur Finlands nyaste Historia". (Очерки новѣйшей исторіи Финляндіи).

Княжества Финляндскаго", въ русскомъ переводѣ названный болѣе скромно „Уложеніемъ". Проектъ этотъ не удостоился Высочайшаго одобренія.

Съ тѣхъ поръ вопросъ о примѣнимости къ Финляндіи шведскихъ основныхъ законовъ оставался въ прежнемъ положеніи около двадцати лѣтъ. Въ 1884 году состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особаго временного комитета [1]) изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ *съ порученіемъ сему комитету составить систематическій сводъ всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній, относящихся къ государственному праву Финляндіи, съ присовокупленіемъ примѣчаній о томъ, что въ практикѣ права стало дѣйствовать взамѣнъ непримѣнимыхъ нынѣ или неполныхъ основныхъ законоположеній.* Комитетъ этотъ точно также составилъ особый проектъ „Формы правленія", при чемъ одинъ изъ его членовъ, профессоръ государственнаго права въ Гельсингфорскомъ Александровскомъ университетѣ г. Робертъ *Германсонъ* составилъ свой отдѣльный проэктъ. По этимъ именно проектамъ и высказаны были печатаемыя ниже заключенія. Проекты эти постигла та же участь, что и всѣ предшествующіе: они были отвергнуты, а кодификація финляндскихъ мѣстныхъ законовъ препоручена была Финляндскому Сенату, который въ 1891 году составилъ такой же проектъ (подъ заглавіемъ „Сводъ дѣйствующихъ основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго"), являющійся ничѣмъ инымъ, какъ экстрактомъ изъ первыхъ двухъ проектовъ, только-что неудостоенныхъ Высочайшаго одобренія. И этотъ проектъ не былъ одобренъ.

Дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ направленіи, до нашихъ дней, когда, какъ сказано выше, нынѣшнимъ составомъ Финляндскаго Сената, подъ предлогомъ недавняго переизданія Сеймоваго Устава, разработана была и новая „Форма Правленія"—не было. Но домогательства, опредѣленно выраженныя въ проектахъ 1884—1891 годовъ, послужили въ свою очередь поводомъ къ учрежденію въ 1893 году особаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ д. т. сов. Н. Х. Бунге, выдвинувшаго вопросъ объ общегосударственныхъ законахъ, т. е. равно необходимыхъ для всей Имперіи, со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго. Законы этого рода издавались и ранѣе, но не единообразно, то въ формѣ манифестовъ, то указовъ, то Высочайшихъ повелѣній. Имѣвшіяся правила касались только порядка изданія мѣстныхъ финляндскихъ законовъ; для составленія-же, внесенія, разсмотрѣнія и утвержденія общегосударственныхъ узаконеній никакихъ правилъ не было. Совѣщаніе Н. Х. Бунге признало, что проекты общегосударственныхъ законовъ подлежатъ окончательному разсмотрѣнію въ Государственномъ Совѣтѣ. За смертью Императора Александра III работы Совѣщанія не получили дальнѣйшаго движенія, но уже черезъ пять лѣтъ (въ 1898 году), силою обстоятельствъ, вопросъ былъ снова поднятъ на очередь. Образовано было Особое Совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта Великаго Князя Михаила Николаевича, „для начертанія законодательнаго акта о порядкѣ изданія общегосударственныхъ законовъ, касающихся Имперіи и Финляндіи".

Совѣщаніе усмотрѣло, что Финляндскій край состоитъ въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской. Особый порядокъ внутренняго управленія и Всемилостивѣйшее удостовѣреніе о сохраненіи за нимъ его правъ и преимуществъ и особаго церковнаго устройства край этотъ

---

[1]) Подъ предсѣдательствомъ прокурора Императорскаго Финляндскаго Сената *Вейссенберга.*

получилъ по волѣ Россійскихъ монарховъ; законы края не только сохраняютъ свое дѣйствіе, но получили во многихъ частяхъ своихъ дальнѣйшее развитіе, въ соотвѣтствіи потребностямъ населенія Финляндіи. Такимъ образомъ единеніе ея съ Россіею не препятствовало свободному развитію мѣстныхъ учрежденій, а достигнутое Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ благосостояніе свидѣтельствуетъ о соотвѣтствіи такого единенія собственнымъ его выгодамъ. Тѣмъ не менѣе взаимныя отношенія Имперіи и Великаго Княжества оказались недостаточно опредѣленными. Великое Княжество Финляндское, управляемое подъ Верховною властью Всероссійскаго Императора, на основаніи особенныхъ учрежденій, составляетъ нераздѣльную часть Россійскаго Государства. Поэтому, независимо отъ условій быта финляндскаго края и его нуждъ, нѣкоторые предметы, требующіе законодательнаго опредѣленія для этого края, имѣютъ столь тѣсную связь съ общегосударственными потребностями цѣлой Имперіи, что было бы несовмѣстно со строемъ общеимперскаго законодательства разрѣшать этого рода вопросы исключительнымъ дѣйствіемъ органовъ Великаго Княжества Финляндскаго. Очевидно, что предначертанные въ разрѣшеніе такихъ вопросовъ законопроекты, пройдя въ установленномъ порядкѣ чрезъ Финляндскій сеймъ, подлежатъ, на общемъ основаніи, соображенію въ законодательномъ учрежденіи Государства Россійскаго, откуда уже должны восходить на окончательное утвержденіе Верховною властью Монарха. Въ этомъ только случаѣ могутъ быть, по всей справедливости, обезпечены, безъ ущерба мѣстнымъ интересамъ Финляндіи, пользы населенія Имперіи.

Труды этого Совѣщанія удостоились Высочайшаго утвержденія и при манифестѣ 3 февраля 1899 г. опубликованы были „Основныя Положенія" объ изданіи общегосударственныхъ законовъ. Ими установлено, чтобы каждый законъ, издаваемый для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, а также законъ, примѣняемый въ предѣлахъ Великаго Княжества, но касающійся общегосударственныхъ интересовъ, или связанный съ законодательствомъ Имперіи, восходилъ съ заключеніями сената и сейма на разрѣшеніе Государственнаго Совѣта, при участіи въ немъ съ правомъ голоса генералъ-губернатора, министра статсъ-секретаря и не менѣе двухъ финляндскихъ сенаторовъ.

Финляндія, управляясь по особому порядку, въ то же время входитъ въ составъ Россійскаго Государства. Особый ея порядокъ можетъ касаться законодательнаго и административнаго управленія только по предметамъ, не затрогивающимъ интересовъ Имперіи. Поэтому компетенція сейма закономъ 3 февраля 1899 года нисколько не была умалена. Въ вопросахъ общегосударственныхъ сеймъ можетъ, очевидно, имѣть значеніе органа только совѣщательнаго. До сего времени не было, да и не могло быть закона, въ силу котораго финляндскія учрежденія, сенатъ или сеймъ, были бы призваны окончательно рѣшать вопросы, касающіеся всего Государства Россійскаго.

Изданіемъ манифеста 3 февраля 1899 года разрѣшенъ былъ коренной вопросъ въ финляндскомъ дѣлѣ. Мѣстное финляндское законодательство отдѣлялось отъ общеимперскаго и при томъ такъ, что первое предоставлялось вполнѣ разработкѣ самихъ финляндцевъ, а по второму—требовалось только ихъ участіе, ихъ мнѣніе. Въ Россіи это воззрѣніе встрѣчено было сочувственно и въ финляндскій вопросъ внесена была значительная ясность и опредѣленность.

Съ учрежденіемъ Государственной Думы порядокъ общегосударственнаго законодательства долженъ былъ подвергнуться коренному измѣненію. Въ манифестѣ 6-го августа 1905 года было всенародно провозглашено, что о порядкѣ участія въ Государственной Думѣ выборныхъ отъ Великаго Княжества Финляндскаго по вопросамъ общимъ для Имперіи и сего края узаконеній будетъ указано особо.

Но, послѣ изданія 22 октября 1905 г. Высочайшаго Манифеста, пріостановившаго [1]) дѣйствіе основныхъ положеній 3 февраля 1899 г. и совершенно отмѣнившаго цѣлый рядъ узаконеній объединительнаго характера, въ русскомъ обществѣ и печати укоренилось воззрѣніе, что Финляндія получила самостоятельность, что ей создано новое государственно-политическое положеніе и что унія ея съ Россіей окончательно закрѣплена. На самомъ дѣлѣ помянутый Манифестъ отмѣнилъ лишь узаконенія послѣднихъ лѣтъ, коими имѣлось въ виду установить болѣе тѣсную связь Великаго Княжества съ остальными частями Имперіи; но сама Финляндія, какъ была, такъ и остается, окраиной и частью Имперіи. Никакой новой политической самостоятельности ей не было предоставлено; главные акты, установившіе правовое положеніе Финляндіи въ составѣ Россійской Имперіи, остались въ своей силѣ. Какъ до манифеста 22 октября, такъ и послѣ него [2]), Финляндія осталась въ державномъ обладаніи Имперіи Россійской и составляетъ нераздѣльную ея часть, какъ выражено въ ст. 2 нашихъ Основныхъ Государственныхъ Законовъ 1906 года.

Н. А. Т.

---

[1]) Но не *отмѣнившаго*.

[2]) Изданіе 20 іюля 1906 г. новаго сеймоваго устава также ни въ чемъ не измѣнило политическаго положенія Финляндіи, такъ какъ уставъ этотъ ввелъ лишь новый распорядокъ сеймовой дѣятельности, принявъ однопалатную систему и расширивъ избирательное право, до распространенія его на женщинъ включительно.

МИНИСТЕРСТВО
ЮСТИЦІИ.

Первый Департаментъ.

Отдѣленіе Законодательное.

11 Октября 1890 года

№ 27263.

С.-Петербургъ.

По проекту кодификаціи дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законоположеній и сословныхъ привилегій.

Господину Финляндскому Генералъ-Губернатору.

При отношеніи отъ 15/27 Декабря 1889 г. за № 2120, Ваше Сіятельство, по Высочайшему повелѣнію, препроводили на мое заключеніе проекты кодификаціи дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законоположеній и сословныхъ привилегій, составленные въ 1885—1887 г.г. Высочайше учрежденнымъ временнымъ финляндскимъ кодификаціоннымъ комитетомъ.

Вслѣдствіе сего, по тщательномъ разсмотрѣніи трудовъ помянутаго комитета, имѣю честь сообщить Вамъ, Милостивый Государь, нижеслѣдующія мои по онымъ соображенія:

Изъ составленныхъ финляндскимъ комитетомъ двухъ законопроектовъ преимущественное вниманіе, съ точки зрѣнія русскихъ государственныхъ интересовъ, обращаетъ на себя проектъ такъ называемой „Формы правленія для Великаго Княжества Финляндскаго", такъ какъ въ ней опредѣляются политическое положеніе помянутаго края относительно Имперіи, права Верховной Императорской Власти въ Княжествѣ и полномочія учрежденнаго въ ономъ земскаго представительства.

Не говоря уже о наименованіи сего проекта „Формой правленія"—названіи, примѣнявшемся обыкновенно къ основнымъ государственнымъ законамъ самостоятельнаго Шведскаго королевства, точный смыслъ многихъ статей проектированнаго узаконенія и соображенія финляндскаго комитета, изложенныя въ мотивахъ къ Формѣ правленія, несомнѣнно удостовѣряютъ, что, по мысли составителей помянутаго законопроекта, Финляндія является не составною, нераздѣльною, частью единой Россійской Имперіи, но особою, самостоятельною страною—Финляндскимъ государствомъ [1]) (finska staten), соединеннымъ съ Имперіею лишь въ лицѣ Монарха, который, будучи Императоромъ Всероссійскимъ, въ то же время занимаетъ и „престолъ Великаго Княжества Финляндскаго" (§ 1). Изъ всѣхъ законовъ, установленныхъ для Имперіи, въ Финляндіи дѣй-

[1]) Мотивы къ проекту большинства комитета, стр. 21, 22, 43 и друг.

ствуютъ, по смыслу § 1 проекта, лишь постановленія о порядкѣ престолонаслѣдія [1]); во всемъ же остальномъ Великое Княжество управляется согласно съ проектированною Формою правленія и прочими законами Финляндіи. Никакая часть Великаго Княжества не можетъ быть отъ него отдѣлена, провинціи его всегда безъ уменьшенія должны оставаться соединенными вмѣстѣ (§ 4) [2]). Публичная (т. е. господствующая) религія страны евангелическо-лютеранская (§ 5). Послѣдователи другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, за исключеніемъ греко-россійской вѣры, не могутъ имѣть въ странѣ монаховъ или устраивать процессіи и церемоніи въ публичныхъ мѣстахъ [3]), но вмѣстѣ съ тѣмъ и греко-россійская церковь не можетъ учреждать въ странѣ новыхъ монастырей, а также заниматься миссіонерскою дѣятельностью съ цѣлью обращенія лютеранъ въ православіе (§ 6). Всѣ должности и служебныя мѣста въ странѣ должны быть замѣщаемы только урожденными финскими людьми (§ 43), за исключеніемъ лишь должности Генералъ-Губернатора [4]), назначаемаго Императоромъ и Великимъ Княземъ изъ финскихъ или русскихъ людей (§ 23). Кромѣ права назначенія по непосредственному усмотрѣнію на означенную выше должность и на мѣста сенаторовъ и статсъ-секретаря, а также на должности, начиная съ ранга полковника и выше (§ 40), но не иначе, какъ изъ кандидатовъ, представляемыхъ Сенатомъ [5]) (§ 41), Верховной Власти проектомъ Формы правленія присвояется право помилованія (§ 13) [6]), право начинать войну и заключать миръ и союзъ съ иностранными державами (§ 12) и вообще вступать съ оными во всякіе договоры, подъ

---

[1]) Въ современномъ проектѣ п. 1 § 2 изложенъ такъ: „Россійскій Императоръ есть Великій Князь Финляндскій“, а согласно п. 3 § 2 къ постановленіямъ этого рода добавлено еще, что „политическія отношенія Финляндіи къ иностраннымъ государствамъ зависятъ отъ отношеній къ нимъ Имперіи и одинаковы съ сими послѣдними“. *Т.*

[2]) Въ современномъ проектѣ этому соотвѣтствуетъ § 7, въ которомъ еще опредѣленнѣе указано, что „границы Финляндіи... могутъ быть измѣнены не иначе, какъ по совокупному рѣшенію Государя Императора и Великаго Князя и Сейма“. *Т.*

[3]) Такого ограниченія уже нѣтъ въ современномъ проектѣ, который, наоборотъ, въ особомъ параграфѣ (94-мъ) предупредительно распространяетъ право свободнаго отправленія вѣры и образованія самостоятельныхъ приходовъ „также на послѣдователей Моисеева закона“. *Т.*

[4]) Въ современномъ проектѣ къ этому добавлены должности по технической части, преподавателей и нѣкоторыя должности „при Статсъ-Секретаріатѣ и Канцеляріи Финляндскаго генералъ-губернатора, какъ то будетъ установлено особомъ закономъ“ (§ 77). *Т.*

[5]) Примѣрно также проектировано и теперь (§§ 12 и 79). *Т.*

[6]) Въ современномъ проектѣ тоже (§ 13). *Т.*

условіемъ, однако, чтобы содержаніе послѣднихъ не противорѣчило законамъ, явившимся при содѣйствіи земскихъ чиновъ [1]) (мотивы, стр. 26). Затѣмъ Монарху принадлежитъ Верховная Власть надъ военными силами Финляндіи [2]), которыя учиняютъ присягу на вѣрность Императору и странѣ (§ 47). Верховная власть имѣетъ также право возводить въ финское дворянское достоинство тѣхъ, кто оказалъ заслуги Императору и Великому Князю и странѣ [3]), однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ дворянство можетъ и отказать въ пріемѣ возведенныхъ въ сіе достоинство (§ 14). Непосредственная единоличная законодательная власть Монарха ограничивается изданіемъ постановленій, касающихся общественнаго хозяйства страны [4]) (§ 64). Эта область экономическаго (административнаго) законодательства, какъ можно видѣть изъ соображеній кодификаціоннаго комитета къ § 64 проекта, представляется крайне неопредѣленною и измѣняющеюся въ своемъ объемѣ, сообразно развитію общества. По утвержденію комитета, основные законы Финляндіи не знаютъ и никогда не знали такого постановленія, которое обязывало бы Монарха къ тому, чтобы завѣдывать одному экономическимъ законодательствомъ. Онъ имѣетъ право на это, но можетъ также, если найдетъ нужнымъ, предоставить представительству совокупно съ нимъ рѣшать то или другое экономическое дѣло; такимъ своимъ правомъ Верховная Власть пользовалась „въ безчисленныхъ случаяхъ", но при этомъ впослѣдствіи Монархъ не имѣетъ уже власти одинъ отмѣнять или измѣнять появившіяся при содѣйствіи земскихъ чиновъ экономическія постановленія. Поэтому „многое, что раньше безспорно составляло часть административнаго законодательства, въ настоящее время вслѣдствіе болѣе развитыхъ общественныхъ отношеній, должно быть отнесено къ области общаго закона". Отсюда вытекаетъ, по мнѣнію комитета, „въ качествѣ необходимаго и признаннаго послѣдствія, что въ случаѣ если подвержено сомнѣнію къ какой вѣтви

---

[1]) Этому соотвѣтствуетъ указаніе п. 3 § 59 современнаго проекта, обязывающее Государя Императора требовать заключенія Финляндскаго Сената, всякій разъ, какъ заключается международный договоръ, касающійся Финляндіи, дабы выяснить, являются ли опредѣленія, которыя имѣется въ виду включить въ договоръ, по содержанію своему такими, что они могутъ быть изданы безъ согласія сейма; въ утвердительномъ случаѣ, составляется проектъ сеймоваго предложенія. Такимъ образомъ могутъ быть случаи, когда и международные акты всей Имперіи окажутся въ зависимости отъ „согласія" земскихъ представителей одной изъ ея окраинъ. *Т.*

[2]) Въ современномъ проектѣ—§ 15. Финскія войска, какъ извѣстно, упразднены согласно Высочайшаго Манифеста 29 Іюня 1901 года. *Т.*

[3]) Тамъ же § 14. *Т.*

[4]) Тамъ же § 11. *Т.*

законодательства отнести вновь возникающій вопросъ, слѣдуетъ примѣнять общее основное положеніе государственнаго права Финляндіи: „никакого новаго закона безъ согласія земскихъ чиновъ" (мотивы стр. 83 и 84). Кромѣ означенной экономической отрасли законодательства, долженствующей все болѣе и болѣе уменьшаться въ своемъ объемѣ, законодательная власть по всѣмъ остальнымъ вопросамъ принадлежитъ Монарху лишь сообща съ земскими чинами Финляндіи. Ни одинъ законъ поэтому не можетъ быть изданъ, измѣненъ или поясненъ безъ согласія послѣднихъ [1]) (§ 63), также точно какъ безъ ихъ согласія и одобренія нельзя установлять новые или увеличенные противъ прежняго всякаго рода налоги, или заключать займы (кромѣ военнаго времени, § 68), или установлять чрезвычайную подать, при чемъ земскіе чины имѣютъ неоспоримое право совѣщаться, уговариваться, отказываться и входить въ соглашеніе съ Императоромъ и Великимъ Княземъ о томъ, что можетъ быть признано нужнымъ для содержанія страны (§ 69) [2]). Императору и Великому Князю надлежитъ быть для всего финскаго народа неизмѣнно вѣрнымъ Монархомъ, который ни въ чемъ не поступаетъ вопреки сему закону (т. е. Формѣ правленія), и своимъ обѣщаніямъ (§ 93); при вступленіи въ управленіе Финляндіею онъ собственноручно подписываетъ удостовѣреніе [3]) сохранять твердо и ненарушимо въ полной силѣ религію страны и основные законы, а также тѣ привилегіи и права, коими каждое сословіе въ особенности и всѣ жители вообще какъ высшіе, такъ и низшіе, пользуются согласно конституціи Финляндіи (§ 3). Въ согласіи съ нею и финляндскій народъ, сообразно своей присягѣ, долженъ оказывать Монарху надлежащее повиновеніе и слѣдовать Его повелѣніямъ во всемъ, что Ему повелѣвать, а подданнымъ исполнять приличествуетъ предъ Богомъ и людьми [4]) (§ 93).

Изложенными постановленіями проекта Формы правленія для Великаго Княжества Финляндскаго, долженствующей быть „непоколебимымъ основнымъ закономъ для финляндскаго Монарха и народа" [5]) (§ 93), въ главнѣйшихъ чертахъ опредѣляются политическое

---

[1]) Тамъ же § 52. *Т.*

[2]) Въ современномъ проектѣ подробнѣе въ гл. VII („Государственное хозяйство"). *Т.*

[3]) Замѣнившее собою присягу шведскихъ королей.

[4]) То же самое, но болѣе кратко, включено и въ современный проектъ (§§ 1 и 3). *Т.*

[5]) Въ современномъ проектѣ этому соотвѣтствуетъ § 99, въ которомъ даже добавлено, что „правило §§ 1 и 2 остаются въ силѣ, хотя-бы прочія опредѣленія формы правленія были измѣнены или отмѣнены". *Т.*

положеніе Финляндіи, права въ оной Верховной Императорской Власти и полномочія мѣстнаго земскаго представительства. Постановленія эти, по утвержденію финляндскаго кодификаціоннаго комитета точно сообразованы съ дѣйствующими въ краѣ основными законами, изъ коихъ комитетъ преимущественно ссылается на манифестъ Императора Александра I жителямъ Финляндіи 15 (27) Марта 1809 г., Форму правленія Шведскаго королевства 1772 г., Отдѣлъ о королѣ въ земскомъ уложеніи 1442 г. и на Актъ соединенія и охраненія 1789 года.

Не входя въ обсужденіе вопроса о томъ, на сколько постановленія отдѣльныхъ статей помянутыхъ выше древнихъ основныхъ законовъ Шведскаго королевства могутъ быть нынѣ примѣняемы по существу къ Великому Княжеству Финляндскому, а также не касаясь и разсмотрѣнія правильности сдѣланныхъ комитетомъ выводовъ изъ сихъ законодательныхъ источниковъ, съ кодификаціонной точки зрѣнія, такъ какъ вопросы эти подробно разработаны въ сообщенномъ для моего свѣдѣнія отзывѣ Главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ [1]), считаю нужнымъ, съ своей стороны, остановиться лишь на слѣдующихъ общихъ соображеніяхъ.

Губерніи, образующія нынѣ Великое Княжество Финляндское, не одновременно вошли въ составъ Россійской Имперіи, а постепенно завоевывались русскимъ оружіемъ рядомъ кровопролитныхъ войнъ съ Шведскимъ королевствомъ.

Такъ, Ништадтскимъ мирнымъ договоромъ, завершившимъ въ 1721 г. Великую Сѣверную войну „въ совершенное, непрекословное вѣчное владѣніе и собственность“ Россійскаго государства перешли въ Финляндіи и крѣпости Выборгъ и Кексгольмъ со всѣми принадлежащими къ округамъ названныхъ крѣпостей городами и поселеніями. По Абоскому миру въ 1743 г. Россія пріобрѣла провинцію Кюменегоръ и Нейшлотскій дистриктъ, отодвинувъ свою границу отъ Выборга до рѣки Кюмени. Въ мирномъ договорѣ этомъ, между прочимъ, Россійское Правительство удостовѣрило сохраненіе за всѣми жителями вновь пріобрѣтенной провинціи и крѣпости Нейшлотъ съ дистриктомъ „всѣхъ имѣвшихся подъ Свѣйскимъ правленіемъ привилегій, обыкновеній, правъ и справедливостей“, что̀ тѣмъ не менѣе не послужило препятствіемъ къ образованію изъ этихъ округовъ, а также изъ пріобрѣтенныхъ по Ништадтскому миру мѣстностей Финляндіи, не получившихъ подобнаго удостовѣ-

---

[1]) Отзывъ этотъ будетъ напечатанъ въ слѣдующей книжкѣ „Русской Старины“. *Т.*

ренія, одной губерніи Выборгской (переименованной затѣмъ въ Финляндскую), подчиненію ея на общемъ основаніи Правительствующему Сенату и введенію въ ней въ 1784 г. Императрицею Екатериною II общеимперскаго намѣстническаго управленія. Взглядъ Императрицы Екатерины Великой на необходимость объединенія въ порядкѣ управленія окраинъ съ прочими частями государства опредѣленно высказался, между прочимъ, въ секретномъ наставленіи князю Вяземскому, при назначеніи его на должность генералъ-прокурора. „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія", говорится въ помянутомъ наставленіи, „суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями и нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бы было; однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупость [1])". Такая ошибка не была допущена и въ 1809 г., когда, по Фридрихсгамскому мирному трактату съ Швеціею, шведскій король за себя и за преемниковъ престола и королевства Шведскаго отказался „неотмѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора Всероссійскаго и пріемниковъ Его престола и Россійской Имперіи отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній" на всѣ остальныя мѣстности, входящія нынѣ въ составъ Великаго Княжества Финляндскаго. Мѣстности эти, какъ сказано въ ст. IV сего трактата, „со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями, островами, а равно ихъ принадлежностями, правами и выгодами будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются". Еще ранѣе заключенія сего договора, Высочайшимъ манифестомъ 20 Марта 1808 г. было всенародно возвѣщено о покореніи шведской Финляндіи: „Страну сію, оружіемъ Нашимъ такимъ образомъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи и вслѣдствіе того Повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство [2])". Затѣмъ, въ другомъ манифестѣ 5 Іюня того же 1808 г., обращеннымъ къ обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи, сказано: „По непреложнымъ судьбамъ Вышняго, благословляющаго оружіе Наше, присоединивъ навсегда Финляндію къ Россіи, съ удовольствіемъ Мы зрѣли торжественные обѣты, обывателями сего края принесенные, на вѣрное и вѣчное ихъ Скипетру Россійскому подданство. Вмѣстѣ

---

[1]) Секретнѣйшее наставленіе кн. Александру Вяземскому п. 10 (Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1858 г., кн. 1).

[2]) П. С. З. № 22911.

съ симъ восприяли Мы на себя священную обязанность хранить сіе достояніе, Промысломъ Намъ врученное, во всей его незыблемости и въ непремѣняемомъ и вѣчномъ съ Россіею единствѣ. Въ чредѣ народовъ, Скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени восприяли навсегда свое мѣсто. Отъ сего великаго состава противу воли и предопредѣленій Вышняго ничто отторгнуть ихъ не можетъ. То же самое Провидѣніе, которое споспѣшествовало храброму воинству Нашему въ обладаніи сія страны, будетъ покровительствовать Намъ въ неразрывномъ ея соблюденіи. Обыватели Финляндіи! Да напечатлѣются истины сіи неизгладимо въ сердцахъ вашихъ. Подъ сѣнью Престола Нашего покоятся многочисленные народы; судьбы ихъ равно сердцу Нашему драгоцѣнны; вступивъ въ составъ Имперіи Нашей, вы пріобрѣли тѣмъ самымъ равныя права съ ними... Будьте тверды и непоколебимы въ преданности вашей къ Россіи. Слово Наше о сохраненіи васъ въ единствѣ (съ Россіею) есть непреложно".

Изъ приведенныхъ законодательныхъ актовъ слѣдуетъ придти къ несомнѣнному заключенію, что особаго финляндскаго государства подъ Верховною Властью Россійскаго Императора установлено не было, что губерніи, образующія нынѣ Великое княжество Финляндское, поступили въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской, а обыватели ихъ принесли присягу на вѣчное подданство Россійскому Скипетру.

Непремѣняемое вѣчное единство съ Россіею покоренной русскими войсками Финляндіи очевидно не было нарушено ни устройствомъ для послѣдней, по волѣ Императорской Власти, особаго порядка управленія, ни сохраненіемъ за обывателями шведской Финляндіи особыхъ правъ и преимуществъ, коими они прежде по конституціямъ ихъ пользовались, тѣмъ болѣе, что преимущества эти манифестомъ Императора Александра I отъ 15 Марта 1809 г. были дарованы Финляндіи до присоединенія къ Улеаборгской губерніи Вестерботніи съ городомъ Торнео (2 Ноября 1809 г.), а также до соединенія старой русской Финляндіи съ новой шведской въ одно гражданское управленіе (Высочайшій манифестъ 11 Декабря 1811 г. и Именной Указъ отъ того же года и числа Святѣйшему Синоду, П. С. З. №№ 24907 и 24909). Кромѣ того, привилегіи эти въ существѣ своемъ ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ правъ и преимуществъ, кои ранѣе были дарованы русской Финляндіи, Лифляндіи, острову Эзелю и вообще всѣмъ провинціямъ, отторгнутымъ въ разное время отъ Шведскаго королевства. Единственное различіе редакціи Высочайшаго манифеста 15 Марта

1809 г., сравнительно съ текстомъ Высочайшихъ конфирмацій правъ и привилегій жителей прочихъ провинцій, состоитъ въ томъ, что въ первомъ упомянуто о сохраненіи въ шведской Финляндіи, между прочимъ, и коренныхъ законовъ. Подъ этимъ выраженіемъ финляндскій кодификаціонный комитетъ разумѣетъ основные законы Шведскаго королевства и, основываясь на такомъ словотолкованіи, утверждаетъ, что Императоромъ Александромъ I, а затѣмъ и послѣдующими Россійскими Государями удостовѣрялось сохраненіе въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ дѣйствія Формы правленія 1772 г. и другихъ шведскихъ законоположеній, ограничивающихъ въ странѣ Самодержавную Власть Монарха.

Неправильность такого толкованія помянутаго Высочайшаго манифеста (15 Марта 1809 г.), по мнѣнію моему, можетъ быть доказана однимъ сопоставленіемъ сего манифеста съ ст. VI Фридрихсгамскаго мирнаго договора [5 (17) Сентября 1809 г.]. Если бы дѣйствительно Императоръ Александръ I подъ утвержденными для Финляндіи коренными законами разумѣлъ шведскую конституцію, ограничивающую въ краѣ полномочія Верховной Власти, то, не говоря уже о томъ, что такое важное и исключительное преимущество присоединенныхъ къ Имперіи губерній несомнѣнно получило бы вполнѣ ясное выраженіе въ переизданіи по Высочайшему повелѣнію шведской Формы правленія (какъ то было сдѣлано съ шведскимъ уложеніемъ 1734 г.); во всякомъ случаѣ указаніе на утвержденіе для Финляндіи шведской конституціи не могло бы быть опущено въ ст. VI Фридрихсгамскаго мирнаго договора, въ коей однако упомянуто лишь о обезпеченіи за жителями пріобрѣтенныхъ Россіею областей, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго соизволенія Императора Всероссійскаго, свободнаго отправленія вѣры (слѣдовательно, обезпеченіе вѣротерпимости, а не признаніе евангелическо-лютеранскаго вѣроисповѣданія господствующимъ), правъ собственности и преимуществъ (П. С. З. № 23883). Самое указаніе на обезпеченіе за жителями края свободнаго отправленія вѣры и правъ собственности свидѣтельствуетъ уже о сохраненіи въ странѣ во всей неприкосновенности Самодержавныхъ правъ Монарха, такъ какъ иначе, при оставленіи въ дѣйствіи основныхъ государственныхъ законовъ Швеціи, это разумѣлось бы само собою.

Но, независимо отъ сего соображенія, неправильность, допущенная финляндскимъ кодификаціоннымъ комитетомъ въ толкованіи Высочайшаго манифеста 15 Марта 1809 г. въ смыслѣ утвержденія Императоромъ Александромъ I шведской Формы правленія 1772 г. и другихъ основныхъ государственныхъ законовъ Швеціи, доказы-

вается, по мнѣнію моему, еще тѣмъ несомнѣннымъ историческимъ фактомъ, что даже въ самое первое время по образованіи Великаго Княжества Финляндскаго ни одно правительственное мѣропріятіе по отношенію къ сему краю, ни одинъ законодательный актъ не были основаны на какомъ-либо положеніи шведскихъ коренныхъ государственныхъ законовъ. Такъ, первый сеймъ земскихъ чиновъ Финляндіи въ Борго былъ созванъ не потому, что сеймы должны быть созываемы въ Великомъ княжествѣ на основаніи Формы правленія 1772 г., а единственно по Державной волѣ Монарха и сначала съ тою исключительно цѣлью, чтобы представители всѣхъ сословій покоренной земли вновь принесли, въ личномъ присутствіи Всероссійскаго Императора, торжественную вѣрноподданническую присягу и тѣмъ самымъ упрочили бы въ сердцахъ народа возвѣщенное ему Высочайшими манифестами непремѣняемое единство съ Россіею. Затѣмъ, когда Императорскимъ правительствомъ было признано полезнымъ освѣдомиться о мнѣніи обывателей Финляндіи относительно предпринятаго тогда Правительствомъ устройства управленія въ завоеванномъ краѣ, рѣшено было предоставить сейму высказать свои мнѣнія (avis) и соображенія по поводу предположенныхъ мѣропріятій. При этомъ первый финляндскій сеймъ имѣлъ вполнѣ совѣщательный характеръ, что видно, между прочимъ, изъ того, что весьма многія мнѣнія, заявленныя сеймомъ, не были приняты во вниманіе Правительствомъ при послѣдовавшемъ затѣмъ изданіи регламента для финляндскаго Правительствующаго Совѣта и другихъ законоположеній, проекты коихъ были вносимы на обсужденіе земскихъ чиновъ, собранныхъ въ Борго. Наконецъ, послѣ 1809 г. во все продолженіе царствованій Императоровъ Александра I и Николая I и до 1863 г. сеймы вовсе не созывались; между тѣмъ въ это время были изданы дѣйствующія и до нынѣ учрежденія Генералъ-Губернаторства, Статсъ-Секретаріата, разнаго рода главныхъ управленій и судебныхъ мѣстъ, законы межевые, финансовые, лѣсные, гражданскіе, уголовные и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ ни въ одномъ изъ этихъ законодательныхъ актовъ Самодержавной Власти даже не упоминалось о Формѣ правленія 1772 г. и о другихъ государственныхъ законахъ Швеціи, несмотря на то, что издаваемыя узаконенія по существу своему во многомъ противорѣчили постановленіямъ шведскихъ законовъ.

Изложенное, казалось бы, должно привести къ заключенію, что въ теченіе болѣе полувѣка со времени образованія Великаго Княжества Финляндіи не только никакое ограниченіе Верховной Императорской Власти по отношенію къ сему краю Россійскимъ Правительствомъ не признавалось, но кромѣ того во всѣхъ правитель-

ственныхъ распоряженіяхъ относительно Финляндіи съ неуклонною послѣдовательностью и ясностью проводился принципъ Самодержавія, вслѣдствіе чего очевидно, что ограниченіе правъ Верховной Власти не подразумѣвалось и въ Высочайшемъ манифестѣ 15 Марта 1809 г.

Съ 1861 г., однако, характеръ правительственныхъ мѣропріятій по отношенію къ Финляндіи существенно уклонился отъ вышеуказаннаго направленія. Въ оффиціальныхъ актахъ начинаютъ встрѣчаться указанія на существованіе будто бы въ Финляндіи особыхъ основныхъ законовъ, по смыслу коихъ нѣкоторыя законодательныя мѣры не могутъ быть приняты безъ содѣйствія сейма. Въ Высочайшемъ манифестѣ 29 Марта 1861 г. о составленіи комиссіи изъ выборныхъ отъ четырехъ сословій Финляндскаго Княжества [1]), уже прямо было заявлено о намѣреніи Правительства созвать въ ближайшемъ будущемъ финляндскій сеймъ. Въ скоромъ времени онъ былъ дѣйствительно созванъ и 18 Сентября 1863 г. открытъ въ Гельсингфорсѣ въ личномъ присутствіи Императора Александра II. Въ рѣчи, произнесенной при этомъ въ Бозѣ почившимъ Монархомъ представителямъ Великаго Княжества, было изъяснено, между прочимъ, что они созваны „для соучастія" въ дѣлѣ разсмотрѣнія нѣкоторыхъ проектовъ законовъ и административныхъ мѣръ и для выслушанія отчета о положеніи финансовъ, о доходахъ и расходахъ Княжества и заключенныхъ займахъ, при чемъ Императоромъ было выражено желаніе, чтобы впредь ни одинъ заемъ не былъ заключаемъ безъ участія сейма, исключая только внезапнаго нашествія враговъ или другого непредвидѣннаго общественнаго бѣдствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Высочайшей рѣчи было сдѣлано вновь указаніе на существованіе въ Княжествѣ коренныхъ законовъ и въ виду несовмѣстности многихъ изъ нихъ съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія Финляндіи къ Имперіи, а также недостатка въ нихъ ясности и опредѣлительности, было заявлено о намѣреніи Государя предложить на разсмотрѣніе послѣдующаго сейма имѣющій быть составленнымъ проектъ сихъ законовъ, въ коемъ были бы исправлены недостатки прежнихъ постановленій и сдѣланы надлежащія къ онымъ поясненія и дополненія, съ оставленіемъ однако „въ неприкосновенности принципа конституціонной монархіи, вошедшаго въ нравы финляндскаго народа и запечатлѣвшаго всѣ законы его и учрежденія". Высочайшая рѣчь заключалась слѣдующими словами: „Вамъ извѣстны мои чувства, вы знаете, какъ желаю Я счастія и благоденствія народовъ, ввѣренныхъ Моему попеченію. Съ Моей стороны не было

[1]) Сборн. постан. Велик. Княж. Финл. 1861 г., № 9.

сдѣлано ничего, что могло бы нарушить согласіе, которое должно существовать между Государемъ и народомъ. Я желаю, чтобы это согласіе послужило и впредь залогомъ благопріятныхъ отношеній, установившихся между Мною и честнымъ и вѣрнымъ финляндскимъ народомъ. Оно будетъ могущественно содѣйствовать благосостоянію края, столь близкаго Моему сердцу, и послужитъ для Меня новымъ побужденіемъ созывать васъ въ опредѣленные сроки. Вамъ, представители Великаго Княжества, предстоитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ при сужденіяхъ, что въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать заодно съ Государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и спокойствія" [1]). Приведенная Высочайшая рѣчь, такимъ образомъ, какъ бы узаконила по отношенію къ Финляндіи новый принципъ *конституціонной монархіи*, выразившійся въ періодическомъ созывѣ сеймовъ Княжества для участія въ дѣлѣ мѣстнаго законодательства и существенно измѣнившій поэтому съ 1863 г. порядокъ разсмотрѣнія многихъ законодательныхъ предположеній Правительства, касающихся Финляндіи. Тѣмъ не менѣе ни точнымъ смысломъ этой Высочайшей рѣчи, ни какимъ-либо инымъ законодательнымъ актомъ, отъ Императорской Власти исходящимъ, существо и объемъ Державныхъ правъ Россійскаго Монарха въ обладаніи и управленіи помянутымъ краемъ не подверглись никакому противъ прежняго измѣненію. Созывъ сеймовъ, предложеніе на ихъ обсужденіе тѣхъ или другихъ изъ предположенныхъ правительствомъ мѣропріятій или приведеніе ихъ въ исполненіе безъ всякаго участія земскаго представительства — какъ прежде, такъ и теперь, всецѣло зависѣли отъ благоусмотрѣнія Величества. Существованіе въ Финляндіи нѣкоторыхъ коренныхъ законовъ неясныхъ, неопредѣлительныхъ и несовмѣстныхъ съ фактомъ присоединенія сего края къ Имперіи, не могло, конечно, до приведенія сихъ постановленій въ ясность и удобопримѣнимость, стѣснять или въ чемъ-либо ограничивать исконную Самодержавную Власть Русскаго Государя. Вслѣдствіе этого, рядомъ съ встрѣчающимся въ законодательныхъ актахъ прошлаго царствованія признаніемъ за шведскими основными законами силы дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній [2]), постановленія тѣхъ же законовъ Швеціи не были при-

---

[1]) Сборн. постан. Велик. Княж. Финл. 1863 г., № 33.

[2]) Напр. по вопросу о томъ, что законодательныя предположенія Правительства относительно печати не подлежатъ сужденію земскихъ чиновъ. (Высочайшій рескриптъ земскимъ сословіямъ 15 (27) Марта 1872 года. Онъ приведенъ въ выноскѣ ниже). *Т.*

няты во вниманіе при изданіи Высочайшаго повелѣнія 15 Февраля 1864 г. [1]), состоявшагося безъ вѣдома и участія сейма, о присоединеніи части Выборгской губерніи къ Петербургской, не смотря на то, что эта мѣра (по утвержденію современныхъ финляндскихъ законовѣдовъ) нарушаетъ основныя положенія государственнаго права Финляндіи о недѣлимости территоріи Шведскаго королевства. Наконецъ, права Верховной Власти послѣ 1863 г. не подверглись ограниченію еще и потому, что никакимъ закономъ не были расширены и полномочія земскихъ чиновъ Княжества, сравнительно съ тѣми, кои были предоставлены имъ на первомъ финляндскомъ сеймѣ въ Борго. Самое оффиціальное именованіе сейма 1863 года вторымъ [2]) ясно устанавливаетъ преемственную связь между этими двумя сеймами и равноправное ихъ положеніе въ качествѣ органа мѣстнаго представительства *съ совѣщательнымъ голосомъ* при Самодержавной законодательной Власти Всероссійскаго Государя.

Такой совѣщательный характеръ во всей его чистотѣ, учрежденіе земскихъ чиновъ Финляндіи сохранило, однако, не долго, а именно до изданія Высочайше утвержденнаго, 3 (15) Апрѣля 1869 г., сеймоваго устава для Великаго Княжества Финляндскаго, измѣненнаго и дополненнаго законами 8 (20) Марта 1879 г. и 13 (25) Іюня 1886 г. Уставъ этотъ, составленный особо учрежденнымъ для сего мѣстнымъ комитетомъ и разсмотрѣнный сословными представителями на третьемъ финляндскомъ сеймѣ въ 1867 г., былъ редактированъ ими по образцу древнихъ шведскихъ государственныхъ законовъ, въ формѣ договора между сеймомъ и Монархомъ, вслѣдствіе чего, быть можетъ, и получилъ несвойственное другимъ, хотя бы и основнымъ законоположеніямъ, значеніе закона, ненарушимаго для самаго Монарха до измѣненія или отмѣны сего закона совокупнымъ съ земскими чинами рѣшеніемъ (§ 83). Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе утвержденія Высочайшею Властью за сеймовымъ уставомъ указаннаго значенія, слѣдуетъ признать, что, на основаніи ст. 2 сего закона, созывъ сейма въ Гельсингфорсѣ по крайней мѣрѣ каждый пятый годъ обязателенъ для Монарха, также какъ не могутъ подлежать измѣненію по единоличному Его усмотрѣнію и всѣ остальныя постановленія устава, касающіяся собранія и засѣданія земскихъ чиновъ и порядка разсмотрѣнія ими законодательныхъ вопросовъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на изъясненное ограниченіе сеймовымъ уставомъ правъ Верховной Власти,

---

[1]) Сборн. постан. Велик. Княж. Финл. 1864 г., № 5.

[2]) Сборн. пост. Велик. Княж. Финл. 1864 г., № 4.

финляндскій сеймъ по всѣмъ остальнымъ законопроектамъ, не касающимся отмѣны или измѣненія постановленій устава, остался по-прежнему учрежденіемъ совѣщательнымъ. Хотя ссылка на § 71 сеймоваго устава, какъ на одинъ изъ источниковъ § 63 проекта Формы правленія, и показываетъ, что финляндскій кодификаціонный комитетъ держится иного взгляда на этотъ вопросъ, придавая § 71 устава значеніе постановленія, обусловливающаго право Монарха относительно изданія, измѣненія, поясненія или отмѣны всякаго основнаго закона согласіемъ на то всѣхъ сословій, но такое толкованіе смысла помянутаго параграфа представляется неправильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Прежде всего необходимо замѣтить, что приданіе § 71 указаннаго значенія дѣлало бы совершенно излишнимъ постановленіе § 83 о ненарушимости сеймоваго устава для Монарха до измѣненія или отмѣны сего закона совокупнымъ рѣшеніемъ съ земскими чинами, такъ какъ порядокъ измѣненія сеймоваго устава, въ качествѣ основнаго закона, прямо устанавливался бы § 71 и не требовалъ бы затѣмъ новаго самостоятельнаго въ семъ смыслѣ опредѣленія. Но кромѣ сего довода, по мнѣнію моему, заслуживаетъ полнаго вниманія и то соображеніе, что сеймовый уставъ содержитъ въ себѣ правила касательно собраній и засѣданій земскихъ чиновъ, т. е. порядка созыва и составленія сейма, а также обсужденія симъ послѣднимъ порученныхъ ему дѣлъ, а потому не можетъ заключать въ себѣ постановленій, опредѣляющихъ порядокъ дѣйствія Верховной Власти при окончательномъ рѣшеніи вопроса объ изданіи того или иного узаконенія, если только такое значеніе сего постановленія не выражено точно и несомнѣнно въ самомъ законѣ (какъ напр. § 51 сейм. уст. по закону 1886 г.). Между тѣмъ для уразумѣнія истиннаго смысла содержащагося въ § 71 сеймоваго устава правила слѣдуетъ лишь сопоставить помянутый параграфъ съ §§ 72, 73 и 74 того же устава и съ Высочайшимъ рескриптомъ земскимъ сословіямъ Великаго Княжества Финляндскаго отъ 15 (27) Марта 1872 г. Изъ разсмотрѣнія указанныхъ постановленій сеймоваго устава видно, что они опредѣляютъ условія, при которыхъ заявленныя земскими чинами мнѣнія по какому-либо вопросу считаются сеймовыми рѣшеніями. Такимъ условіемъ для всѣхъ дѣлъ, кромѣ упомянутыхъ въ §§ 71 и 72, является согласное заключеніе трехъ сословій (§ 73) или большинства голосовъ усиленной комиссіи (§ 74); по вопросамъ же, касающимся сословныхъ привилегій (§§ 71 и 72) или изданія, измѣненія, поясненія или отмѣны основныхъ законовъ (§ 71), рѣшеніе земскихъ чиновъ должно быть постановлено съ согласія всѣхъ сословій, такъ какъ только за со-

гласнымъ заключеніемъ четырехъ сословій признается по этимъ вопросамъ сила сеймоваго рѣшенія [1]).

Такой казалось бы вполнѣ ясный и согласованный съ характеромъ всѣхъ постановленій сеймоваго устава смыслъ § 71, дѣйствительно, нѣсколько затемняется помѣщеннымъ въ параграфѣ этомъ указаніемъ на необходимость предложенія Государя Императора для постановленія сеймомъ рѣшеній по дѣламъ, касающимся основныхъ законовъ, тѣмъ болѣе, что указаніе это можетъ представиться излишнимъ въ виду того, что до закона 13 (25) Іюня 1886 г. земскіе чины не пользовались правомъ предложенія, которое ввиду сего и по общему правилу принадлежало Верховной Власти. Тѣмъ не менѣе содержащееся въ § 71 помянутое выше указаніе представляется вполнѣ цѣлесоотвѣтственнымъ, такъ какъ и при отсутствіи права предложенія сословные представители Великаго Княжества пользовались правомъ всеподданнѣйшихъ петицій, но петиціи эти, до измѣненія въ 1886 г. § 51 сеймоваго устава, не могли касаться вопросовъ объ изданіи или измѣненіи основныхъ законовъ, „время и способъ возбужденія" каковыхъ вопросовъ, какъ то изъяснено въ Высочайшемъ рескриптѣ 15 (27) Марта 1872 г., зависѣли исключительно отъ Высочайшаго благоусмотрѣнія [2]). Это именно правило нашло себѣ выраженіе въ § 71 сеймоваго устава, который поэтому и не можетъ служить основаніемъ къ признанію за финляндскимъ сеймомъ инаго харак-

---

[1]) Въ настоящее время дѣйствуетъ новый Сеймовый Уставъ, Высочайше утвержденный 20-го іюля 1906 года, въ которомъ имѣются лишь правила относительно условій подсчета голосовъ при опредѣленіи Сеймовыхъ рѣшеній (§§ 60 и 61). §-же 75-й (соотв. прежнему 71) такъ измѣненъ, что изъ него можно вывести только косвенное указаніе на то, что не безусловно всѣ, а только нѣкоторые законы требуютъ непремѣнно согласнаго рѣшенія Верховной власти и сейма. *Т.*

[2]) „Напоминаемъ при этомъ земскимъ сословіямъ, что ежели Мы признали возможнымъ обезпечить послѣдовательность политической дѣятельности народныхъ представителей Финляндіи дарованіемъ періодическихъ собраній и права подавать на Наше воззрѣніе петиціи на основаніи утвержденнаго Нами сеймоваго устава, то этимъ вящимъ знакомъ Монаршаго довѣрія, какъ и изъяснено въ помянутомъ уставѣ, ни въ чемъ не измѣняется единственно Намъ принадлежащее право иниціативы по вопросамъ, касающимся основныхъ законовъ края, а посему *„время и способъ возбужденія такихъ вопросовъ зависитъ исключительно отъ Нашего благоусмотрѣнія"* (Высочайшій Его Императорскаго Величества рескриптъ земскимъ сословіямъ Великаго Княжества Финляндскаго 15 (27) Марта 1872 г. Сборн. постан. Велик. Княж. Финл. 1872 г. № 12).

Съ этимъ, однако, видимо вовсе не считался нынѣшній составъ финляндскаго сената, составившій свой проектъ Формы правленія по собственной иниціативѣ. *Т.*

тера, кромѣ совѣщательнаго, по всѣмъ законодательнымъ вопросамъ, кои не касаются того или другаго измѣненія сеймоваго устава. Правильности такого вывода отнюдь не противорѣчатъ и заключительныя слова Высочайшаго манифеста 3 (15) Апрѣля 1869 г. объ изданіи сеймоваго устава. Манифестомъ этимъ впервые присвоено было Формѣ правленія 1772 г. и Акту соединенія и охраненія 1789 г. значеніе законоположеній, сохраняющихъ еще силу для Великаго Княжества Финляндскаго, но при томъ только въ смыслѣ сохраненія всѣхъ правъ Верховной Власти, установленныхъ этими изданными шведскимъ правительствомъ узаконеніями, поскольку они не измѣнены точными словами сеймоваго устава. Между тѣмъ Актъ соединенія и охраненія 1789 г. (какъ то, между прочимъ, видно изъ замѣчанія Статсъ-Секретаря Фриша къ королевскому отдѣлу земскаго уложенія 1442 г. и къ ст. 40 Формы правленія 1772 г.) ясно и положительно отмѣнилъ всѣ прежнія ограниченія королевской власти, вошедшія въ Форму правленія 1772 г., какъ послѣдствіе періода сословной вольницы (1719—1772 г.г.), и предоставилъ королю верховное право законодательства по всѣмъ дѣламъ государственнаго управленія. Въ такомъ фазисѣ развитія королевской власти застало Финляндію покореніе ея Россіею, и, слѣдовательно, даже съ точки зрѣнія шведскаго государственнаго права Россійскій Императоръ долженъ пользоваться въ краѣ Самодержавною Властью, насколько она не ограничена точными словами сеймоваго устава для Великаго Княжества Финляндскаго.

Независимо отъ сихъ соображеній, совѣщательный характеръ учрежденія земскаго представительства Финляндіи несомнѣнно доказывается закономъ 13 (25) Іюня 1886 г. объ измѣненіи § 51 сеймоваго устава. Закономъ этимъ, кромѣ дарованія сословіямъ права вносить на сеймъ предложенія объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ общихъ узаконеній [1]), а также права приносить всеподданнѣйшія петиціи объ измѣненіи основныхъ законовъ, установлено новое ограниченіе Верховной Власти, заключающееся въ томъ, что если земскіе чины, воспользовавшись Высочайше дарованнымъ имъ правомъ предложенія, представятъ Государю Императору проектъ новаго закона или измѣненія или отмѣны стараго, и если проектъ этотъ не можетъ быть одобренъ Верховною Властью въ неизмѣненномъ видѣ, то оный считается въ цѣлости оставленнымъ безъ послѣдствій, а слѣдовательно, не можетъ уже быть измѣненъ Госу-

---

[1]) За исключеніемъ законовъ о печати и объ организаціи сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ.

даремъ и получить за тѣмъ силу закона. Но такое ограниченіе верховныхъ законодательныхъ правъ Монарха, установленное лишь для законопроектовъ, составленныхъ на сеймѣ по предложенію сословій, служитъ прямымъ доказательствомъ того, что означеннаго ограниченія Императорской Власти не существуетъ по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, кои были предложены на обсужденіе сейма самимъ Правительствомъ (кромѣ предложеній объ измѣненіи или отмѣнѣ сеймоваго устава).

Если же въ финляндской законодательной практикѣ съ 1863 г. почти не встрѣчается случаевъ утвержденія Правительствомъ какого-либо законопроекта вопреки отзыву и замѣчаніямъ сословій, то такая практика существуетъ въ краѣ единственно вслѣдствіе соизволенія на то Его Императорскаго Величества.

Въ виду всѣхъ изложенныхъ въ настоящемъ отзывѣ соображеній, слѣдуетъ, по мнѣнію моему, придти къ заключенію, что по точному смыслу дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законоположеній:

1) Великое Княжество Финляндіи составляетъ нераздѣльную часть единой Россійской Имперіи.

2) Евангелическо-лютеранское вѣроученіе, на основаніи законовъ Имперіи вообще, въ силу п. VI Фридрихсгамскаго мирнаго договора съ Швеціею и Высочайшихъ манифестовъ, пользуется въ краѣ полною свободою исповѣданія; права же господствующей религіи въ Финляндіи, также какъ и въ прочихъ губерніяхъ и областяхъ Имперіи, принадлежатъ православному греко-русскому вѣроисповѣданію.

3) Въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи установлено, на основаніи Высочайше утвержденнаго 3 (15) Апрѣля 1869 г. сеймоваго устава (съ изм. 1879 и 1886 г.г.), земское представительство для участія въ дѣлѣ внутренняго законодательства края.

4) Органомъ земскаго представительства въ Финляндіи является сеймъ земскихъ чиновъ, имѣющій характеръ и значеніе учрежденія совѣщательнаго.

5) Рѣшающій голосъ принадлежитъ земскимъ чинамъ Княжества лишь: а) при разсмотрѣніи вопросовъ объ измѣненіи или отмѣнѣ сеймоваго устава (§ 83 онаго) и б) при обсужденіи законопроектовъ, составленныхъ на сеймѣ по предложенію сословій (§ 51 сейм. уст.); въ сихъ двухъ случаяхъ помянутые законопроекты могутъ получить силу закона не иначе, какъ съ согласія на то земскихъ чиновъ Княжества.

Принимая во вниманіе, что составленные особымъ финляндскимъ

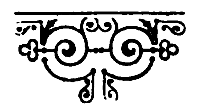
кодификаціоннымъ комитетомъ проекты кодификаціи основныхъ законовъ и сословныхъ привилегій прямо противорѣчатъ изложеннымъ выше основнымъ положеніямъ дѣйствующаго въ губерніяхъ Финляндскаго края законодательства, я полагаю, что проекты эти не подлежали бы законодательному утвержденію.

О таковомъ моемъ мнѣніи имѣю честь увѣдомить Ваше Сіятельство, въ отвѣтъ на отношеніе за № 2120.

Министръ Юстиціи Сенаторъ (подписалъ) Манасеинъ.

Сообщилъ Н. А. Т.

(Окончаніе слѣдуетъ).

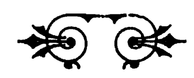

Доѣзжая память [1]).

Лѣта 7171 [2]) Іюля въ 13 день по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца Указу и по Грамотѣ, Московскіе стрѣльцы Полковника и головы Семенова приказу Полтева, Ивашко Михайловъ сынъ Блиновъ съ товарищи четыре человѣка; ѣздили изъ Чердыни съ рудознатцемъ Сарапульскаго уѣзда, Троецкаго села съ Березовки съ Максимомъ Семеновымъ сыномъ Токаревымъ за камень за Поманенную гору, къ Варгину озеру серебренной руды искать. И мы Ивашко съ товарищи серебренной руды не сыскали, а сыскали мѣдную руду за камнемъ на Сибирскихъ видахъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ и взяли тое руды для опыту пуда съ полтретья (1½), и ту мѣдную руду привезли въ Чердынь; а съ нами же изъ Чердыни посыланъ былъ для плавки руды Чердынецъ серебреникъ Андрюшка Вятчанинъ, и тотъ Андрюшка и иные Чердынскіе не умѣютъ, и тое мѣдную руду повезли мы Ивашко съ товарищи для вѣдома и опыту къ В. Г. къ Москвѣ.—А какъ тое руду нашли и въ которомъ мѣстѣ, и въ то время были Чердынцы Посадскіе люди Мокѣйко Свирѣповъ, Андрюшка Коростинъ, Сенька Корелачковъ, Данилко Кайдаловъ, Ивашко Поздѣевъ, Гришка Ваньковъ. Доѣздъ писалъ Чердынецъ Ивашко Калачниковъ.

А позади доѣзжей памяти пишетъ: къ сему доѣзду по велѣнію Стрѣльцовъ Ивана Михайлова сына Блинова съ товарищи четырехъ человѣкъ, за рудознатца Максима Токарева, что они сказались грамотѣ не умѣютъ, Никишка Гавриловъ руку приложилъ.

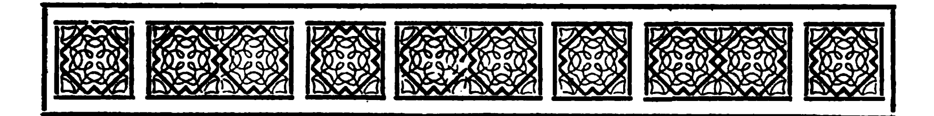
Сообщилъ Санинъ.

[1]) Слово „память" на прежнемъ, старинномъ канцелярскомъ языкѣ соотвѣтствовало нынѣшнему слову отношеніе; „доѣзжая память"—сообщеніе объ исполненіи.

Отписка—отвѣтное донесеніе.

[2]) 7171 — 5508 = 1663 г. по Р. X.

По Россіи и Польшѣ въ исходѣ XVIII-го вѣка.

Путевыя впечатлѣнія англичанина.

1779—1785 г.г. [1]

III.

Дворецъ въ Вилляновѣ.—Янъ Собѣсскій.—Интриги королевы.—Раздоры и интриги въ его семьѣ.—Осмотръ достопримѣчательностей Варшавы.—У графини Браницкой.—Гродно.—Ботаническій садъ.—Осмотръ фабрикъ.—Обѣдъ и вечеръ въ кругу польскихъ избирателей.

6 августа 1779 г. Мы провели весь день въ Вилляновѣ, гдѣ обѣдали у князя Чарторыйскаго, дяди короля. Это почтенный человѣкъ лѣтъ около сорока, строго придерживающійся правилъ стариннаго гостепріимства: его постоянно сопровождаетъ собственная стража; я упоминаю объ этомъ не потому, что это составляло его особое преимущество, какъ человѣка, занимавшаго высшія должности въ государствѣ; я хочу замѣтить кстати, что каждый польскій дворянинъ имѣетъ право держать столько человѣкъ стражи, сколько онъ въ состояніи прокормить. Князь Чарторыйскій держитъ открытый столъ, за который рѣдко садится меньше двадцати или тридцати человѣкъ. Онъ имѣетъ около 100.000 ф. ст. годового дохода, и его образъ жизни вполнѣ соотвѣтствуетъ этому огромному состоянію. Вилляновъ построенъ Яномъ Собѣсскимъ, побѣдителемъ турокъ, и былъ любимой резиденціей этого великаго монарха, гдѣ онъ жилъ, отдыхая отъ походовъ, и гдѣ скончался. Дворецъ, проданный послѣ его смерти, перешелъ къ семейству Чарторыйскихъ и былъ предоставленъ временно въ распоряженіе Августа II, который значительно увеличилъ его. Фасадъ украшенъ барельефами, изображающими главныя побѣды Собѣсскаго и исполненными вѣроятно по повелѣнію Августа II; ибо Собѣсскій былъ слишкомъ скроменъ, чтобы воздвигать себѣ памятники.

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г., августъ.

Славное, само по себѣ, царствованіе Яна Собѣсскаго пріобрѣтаетъ еще болѣе блеска, если сравнить его съ мрачной эпохой предъидущаго и послѣдующаго царствованій, которыя были потрясены внутренними смутами; какъ человѣкъ выдающагося ума, онъ сумѣлъ побѣдить духъ мятежа и анархіи, и подъ его управленіемъ Польша освободилась отъ бѣдствій, которыя такъ долго угнетали ее, и обрѣла вновь прежній блескъ: таково вліяніе великаго и возвышеннаго ума. Нѣтъ надобности распространяться о его воинской доблести, достаточно вспомнить побѣду, одержанную имъ подъ Хотиномъ, завоеваніе Украйны, неоднократное пораженіе, нанесенное туркамъ и татарамъ, и освобожденіе Вѣны отъ власти турокъ. Въ то же время его уваженіе къ законамъ и конституціи страны, врожденное краснорѣчіе, любовь къ литературѣ, знакомство съ иностранными языками, привѣтливость, умѣренность и хладнокровіе вызывали всеобщій восторгъ. Но монархъ, сумѣвшій успокоить народное волненіе, не былъ въ состояніи водворить миръ въ своей собственной семьѣ; онъ держалъ въ страхѣ самыхъ грозныхъ враговъ, но самъ совершенно подпалъ подъ вліяніе своей супруги, француженки [1]), женщины чрезвычайно красивой и изящной, но страшной интриганки, которая была скупа и безгранично честолюбива. Эта безнравственная женщина поселила между его дѣтьми духъ зависти и раздора; она поддерживала систему управленія, которую называли въ насмѣшку еврейской юнтой, и ввела въ управленіе королевскимъ домомъ такую строгую экономію, которая совершенно не соотвѣтствовала достоинству могущественнаго монарха, однимъ словомъ, цѣлымъ рядомъ самыхъ злополучныхъ мѣръ она лишила своего супруга любви его подданныхъ, и Собѣсскій подъ конецъ своего славнаго, нѣкогда, царствованія былъ ими ненавидимъ въ такой же степени, какъ онъ былъ прежде любимъ.

Послѣдніе дни жизни Собѣскаго были омрачены печалью. Онъ былъ тяжело боленъ (у него были подагра, каменная болѣзнь, астма и подъ конецъ водянка) и вмѣсто того, чтобы находить утѣшеніе въ окружающихъ, видѣлъ много горя вслѣдствіе постоянныхъ распрей между его дѣтьми и интригъ своей супруги. Утрата имъ любви окружающихъ и недостойныя интриги, которыя велись при выборѣ ему преемника, не мало огорчали человѣка столь чувствительнаго, какимъ былъ Собѣсскій. Но его подданные вмѣсто того, чтобы

---

[1]) Marie da le Grange, дочь Henry de la Granga'а капитана гвардіи Филиппа Орлеанскаго Fransois'ы ditla Chartre была фрейлиной королевы Луизы, супруги Владислава IV. Она была сперва замужемъ за кн. Радзивилломъ и мѣсяцъ спустя послѣ его смерти обвѣнчалась съ Яномъ Собѣсскимъ, которому принесла въ приданое большое состояніе и милостивое расположеніе монарха.

оплакивать его потерю, видимо ей радовались. Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы мы осмотрѣли разныя достопримѣчательности, которыя обыкновенно показываютъ иностранцамъ. Во дворцѣ мы видѣли монеты и медали, имѣющія отношеніе къ исторіи Польши. Большая часть этой коллекціи пріобрѣтена графомъ Мазинскимъ, незаконнымъ сыномъ Августа III, который подарилъ ее королю.

Самая старинная монета выбита въ 999 г., въ царствованіе Болеслава I, вскорѣ послѣ того какъ въ Польшѣ начали чеканить монеты. На ней нѣтъ изображенія монарха, но съ одной стороны изображенъ польскій орелъ, а съ другой—корона. Собраніе монетъ, вплоть до царствованія Сигизмунда I, весьма неполно, но далѣе имѣются монеты съ изображеніемъ всѣхъ королей за исключеніемъ Генриха Валуа, въ кратковременное царствованіе котораго въ Польшѣ не чеканилось монетъ; очень любопытна монета прусскаго герцога Альберта Бранденбургскаго.—Поверхъ прусскаго орла изображена буква С. въ доказательство того, что онъ былъ подвластенъ Сигизмунду. Хороша медаль, выбитая въ честь Яна Собѣсскаго, какъ освободителя Вѣны, со странной надписью: „Urbem servastis et orbem“. Мнѣ бросилась также въ глаза медаль съ изображеніемъ новаго царствующаго монарха (Станислава-Августа), выбитая въ послѣдніе, тревожные годы его царствованія; съ одной стороны—весьма схожее изображеніе короля, съ другой—эмблема гражданской междоусобицы,—судно среди бурнаго моря съ надписью Ne cede malis (не уступай злымъ).

Мы осмотрѣли также публичную библіотеку. Это книгохранилище основано на личныя средства двухъ епископовъ изъ семейства Залусскихъ, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись надъ дверьми: „Civium usui perpetuo Zalusicorum par illustre dicavit 1714“. Съ теченіемъ времени оно значительно увеличилось пожертвованіями частныхъ лицъ и заключаетъ 200.000 томовъ и богатую коллекцію книгъ и рукописей по исторіи Польши.

Передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Варшавы мы удостоились со стороны короля знака весьма милостиваго вниманія: намъ передали собственноручное его письмо къ завѣдующему почтою въ Гродно, коимъ ему повелѣвалось оказать намъ всевозможное содѣйствіе и дать намъ разрѣшеніе осмотрѣть тамошнія фабрики и все заслуживающее вниманія.

Мы выѣхали изъ Варшавы 10 августа, черезъ Пражское предмѣстье. Въ разстояніи приблизительно одной англійской мили отъ Варшавы начинается лѣсъ, который тянется безъ перерыва на 18 миль. Въ Венгровѣ мы видѣли великолѣпный отрядъ русскаго войска, расквартированный въ деревнѣ. Во многихъ мѣстечкахъ, черезъ

которыя мы проѣзжали, несмотря на всю ихъ убогость, имѣлось полицейское управленіе и судебное учрежденіе, которыя помѣщались въ избахъ, крытыхъ большею частью соломой, а иногда тесомъ и въ рѣдкихъ случаяхъ черепицей.

Вплоть до берега Буга, черезъ который мы переѣхали у Грана (Gran), мѣстность была песчаная и низменная, въ этомъ мѣстѣ Бугъ широкъ, но не глубокъ. Противуположный берегъ былъ болѣе высокій, почва лучше и мѣстность болѣе разнообразна. Дорога стала красивѣе и шла полями, засѣянными рожью, льномъ и коноплею; на горизонтѣ все время виднѣлся лѣсъ. Въ многихъ мѣстахъ я замѣтилъ, что лѣсъ врѣзывался въ поля, и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ничѣмъ не засѣвались, уже появилась молодая заросль.

Самый большой городъ, который мы видѣли на этомъ пути— Бѣльскъ, главный городъ Подляхіи, гдѣ происходили засѣданія сеймика; онъ немногимъ лучше плохенькой деревушки, хотя въ географическихъ описаніяхъ Польши упоминается какъ большой городъ. Недалеко отъ Бѣльска у насъ чуть не загорѣлась ось; когда мы остановились въ какой-то деревушкѣ, чтобы смазать колесо, я полюбопытствовалъ зайти въ нѣкоторыя избы, которыя оказались беднѣе всѣхъ видѣнныхъ мною въ этой странѣ жилищъ; въ нихъ были однѣ голыя стѣны.

Мѣстность, по которой мы ѣхали отъ Варшавы до Бѣлостока, была очень песчаная, но вездѣ была и земля годная для обработки; но мы замѣтили, что урожай былъ посредственный даже въ наиболѣе плодородныхъ на видъ мѣстахъ; это зависитъ конечно отъ обработки полей.

Поздно вечеромъ мы пріѣхали въ Бѣлостокъ, опрятный и хорошо отстроенный городъ. Улицы въ немъ широкія, дома, по большей части штукатуренные, стоятъ не скученно, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Бѣлостокъ обязанъ своей красивой внѣшностью семейству Браницкихъ; ихъ дворецъ находится подлѣ самаго города, и они много содѣйствовали украшенію своего постояннаго мѣстопребыванія. Городъ принадлежитъ графинѣ Браницкой, сестрѣ нынѣ царствующаго короля и вдовы извѣстнаго покойнаго генерала Браницкаго, который несмотря на свое родство съ королемъ, горячо протестовалъ противъ избранія своего зятя на престолъ.

На слѣдующее утро, графиня, къ которой мы имѣли рекомендательное письмо отъ князя Станислава Понятовскаго, сдѣлала намъ честь пригласить насъ къ обѣду и прислала за нами карету, въ которой мы отправились въ ея дворецъ. Мы были приняты любезной хозяйкой весьма привѣтливо, ея вѣжливое, любезное обхожденіе

и оживленная бесѣда убѣдили насъ въ томъ, что умъ и привѣтливость составляютъ прирожденныя качества семейства Понятовскихъ.

У графини собралось къ обѣду большое общество; подавались самыя тонкія, изысканныя кушанья. Разговоръ коснулся, между прочимъ, способа нашего путешествія по столь бѣдной странѣ, гдѣ нельзя было встрѣтить никакихъ удобствъ.

— Я полагаю, сказалъ одинъ польскій магнатъ, что вы возите съ собою кровати,—на что мы отвѣчали отрицательно.

— Такъ какъ же вы спите?

— На соломѣ, когда намъ удается достать ее; а то на полу, на лавкѣ, на столѣ.

— Вы берете съ собою провизію?—вновь спросилъ полякъ.

— Очень рѣдко.

— Такъ какъ же вы питаетесь?

— Тѣмъ, что мы можемъ достать; одинъ изъ нашихъ слугъ ѣдетъ впередъ, и ему удается обыкновенно достать что-нибудь съѣстное, чтобы утолить голодъ; у насъ апетитъ дорожныхъ людей, мы не разборчивы.

— Во всякомъ случаѣ вы имѣете съ собой ножи, вилки, ложки; вѣдь наши крестьяне не знакомы съ такой роскошью.

— У каждаго изъ насъ имѣется складной ножъ; намъ часто удается достать деревянную ложку, а съ отсутствіемъ вилокъ мы миримся.

Наша любезная хозяйка предложила снабдить насъ ножами, вилками и ложками и дать намъ съ собою вина и съѣстныхъ припасовъ; когда мы отъ всего отказались, то она замѣтила шутя:

— Быть можетъ, вы считаете унизительнымъ принять это; я знаю, англичане очень горды; не хотите ли купить эти вещи?

Мы отвѣчали, что не побоялись быть обязанными особѣ столь любезной и великодушной, но такъ какъ цѣль нашего путешествія скорѣе удовлетвореніе любознательности, нежели апетита, то мы полагаемъ, что можно лучше познакомиться съ образомъ жизни крестьянъ, раздѣляя съ ними ихъ помѣщеніе и покупая у нихъ все необходимое.

Отказавшись отъ всего намъ предложеннаго, но не желая быть невѣжливыми, мы взяли нѣсколько бутылокъ вина.

Графиня провела насъ по всѣмъ комнатамъ своего дворца; это обширное зданіе построено въ итальянскомъ вкусѣ и по своему великолѣпію называется обыкновенно польскимъ „Версалемъ“. Въ прежнее время это былъ не болѣе какъ охотничій домъ; Янъ Казиміръ пожаловалъ его вмѣстѣ съ Бѣлостокомъ и другими землями

генералу Чарнецкому, прославившемуся побѣдами надъ шведами въ то время, когда Польша была унижена ея врагами. Среди достопримѣчательностей, хранящихся во дворцѣ, находится золотой кубокъ, который Чарнецкій носилъ обыкновенно на поясѣ и вышитый поясъ, взятый съ военной добычей послѣ пораженія Карла X, который принадлежалъ, какъ полагаютъ, этому монарху. Чарнецкій оставилъ дочь, вышедшую замужъ за Браницкаго, отца покойнаго генерала, которому она принесла въ приданое это имѣніе. Одна комната, въ которой останавливался Августъ III проѣздомъ на сеймъ въ Гродно, сохраняется изъ уваженія къ его памяти, въ томъ самомъ видѣ, какъ она была при немъ. Въ другой комнатѣ виситъ прекрасный портретъ Августа III въ королевской мантіи, съ бритой по польскому обычаю головою, какъ онъ появился въ день коронаціи. Послѣ обѣда мы катались по парку и саду, разбитому въ англійскомъ вкусѣ. Этотъ пріятный день закончился ужиномъ во дворцѣ, и мы съ сожалѣніемъ простились съ любезной хозяйкой дома.

13 августа. Мы выѣхали изъ Бѣлостока рано утромъ; проѣхавъ довольно большой лѣсъ, мы выѣхали на открытое мѣсто; потянулись поля и луга; мѣстечки и села, черезъ которыя мы тутъ проѣзжали, были растянуты въ одну линію, и дома въ нихъ стояли безпорядочно; всѣ дома и церкви были деревянныя, нашу карету часто окружали толпы нищихъ; появилось множество евреевъ. Въ четыре часа по полудни проѣхавъ какое-то жалкое предмѣстье, населенное евреями, и переправившись черезъ Нѣманъ, который тутъ широкъ, чистъ, но неглубокъ, мы поднялись на крутой берегъ рѣки и въѣхали въ Гродно, стоящій надъ рѣкою. Хотя столица Литвы Вильно, но Гродно считается болѣе значительнымъ городомъ.

Онъ очень раскинутъ; населеніе его состоитъ изъ 3.000 христіанъ, принадлежащихъ почти исключительно къ промышленному классу, и 1.000 евреевъ. Онъ производитъ впечатлѣніе города, пришедшаго въ упадокъ; въ немъ встрѣчаются жалкія лачуги, полуразвалившіеся дома и разоренные дворцы съ великолѣпными воротами, остатками былого величія. Нѣсколько домовъ, содержащихся въ полномъ порядкѣ, еще болѣе подчеркиваютъ этотъ контрастъ.

Старинный дворецъ, въ которомъ жили польскіе короли во время сеймовъ, стоялъ на песчаномъ холмѣ, круто подымающемся отъ самаго берега рѣки и составляющемъ часть этого берега: остатки стѣнъ этого дворца уцѣлѣли до сихъ поръ. Напротивъ этого холма стоитъ новый дворецъ, построенный Августомъ III, въ которомъ онъ никогда не жилъ; въ немъ находится помѣщеніе, въ которомъ происходятъ или, лучше сказать, будутъ происходить собранія сейма, ежели онъ когда-либо будетъ созванъ въ Гродно.

Первоначально депутаты Польши и Литвы должны были съѣзжаться въ Люблинѣ или какомъ-либо другомъ городѣ по обоюдному выбору; но договоромъ объ уніи было установлено, что представители обѣихъ націй должны собираться на сеймъ въ Варшавѣ. Въ 1673 г., было объявлено, что третій сеймъ соберется въ Гродно, гдѣ, во исполненіе закона, и было созвано національное собраніе въ 1678 г. при Янѣ Собѣсскомъ. Но когда сеймъ вторично долженъ былъ собраться въ Гродно, этотъ монархъ повелѣлъ ему быть въ Варшавѣ; литовцы возстали противъ подобнаго нарушенія своихъ правъ, и ихъ депутаты, вмѣсто того чтобы отправиться въ Варшаву, гдѣ находились король, сенатъ и польскіе нунціи, отправились въ Гродно и открыли отдѣльный сеймъ. Начались переговоры; наконецъ было рѣшено, что сеймъ соберется въ Варшавѣ, но будетъ называться Гродненскимъ, и что маршаломъ его будетъ избранъ одинъ изъ литовскихъ нунціевъ. Съ тѣхъ поръ сеймы созывались иногда въ Гродно, но со вступленія на престолъ нынѣ царствующаго короля (Станислава-Августа), они собирались исключительно въ Варшавѣ; литовцы болѣе не протестовали противъ этого, какъ по причинѣ отдаленности Гродно отъ резиденціи короля, такъ и по причинѣ смутъ, волновавшихъ въ то время страну.

Мы передали данное намъ королемъ рекомендательное письмо г. Gillibert'у, даровитому французскому натуралисту, завѣдывавшему академіей и ботаническимъ садомъ. Польскій король основалъ въ Гродно Литовскую медицинскую академію, въ которой десять человѣкъ обучаются медицинѣ, а двадцать – хирургіи. Всѣ они содержатся и обучаются на счетъ короля. Ботаническій садъ, существовавшій менѣе двухъ лѣтъ, благодаря заботливости и попеченію г. Жиллиберта, имѣлъ очень приличный видъ, въ 1778 г., когда я былъ проѣздомъ въ Гродно. Въ немъ было 1.500 экзотическихъ растеній и нѣсколько нѣжныхъ американскихъ растеній, съ успѣхомъ произраставшихъ на открытомъ воздухѣ. Г. Жиллибертъ говорилъ мнѣ, что онъ нашелъ въ Литвѣ 200 видовъ растеній, которыя считались до сихъ поръ свойственными только Сибири, Татаріи и Швеціи, и что во всемъ литовскомъ княжествѣ онъ наблюдалъ 980 видовъ растеній, рѣдко встрѣчающихся въ большей части европейскихъ странъ.

Онъ составилъ недавно небольшую коллекцію, преимущественно изъ произведеній Литвы, и подготовляетъ матеріалы для естественной исторіи этого княжества, предполагая начать изданіе съ литовской флоры, и затѣмъ перейти къ обзору минераловъ, насѣкомыхъ, четвероногихъ и птицъ. Принимая во вниманіе зачаточное состояніе естественноисторическихъ знаній въ этой стра-

нѣ, можно сказать навѣрно, что эта работа потребуетъ много времени и настойчиваго труда.

На слѣдующій день мы осматривали фабрики, основанныя въ Гродно по повелѣнію короля въ 1776 г. Онѣ помѣщаются въ деревянныхъ сараяхъ, предназначавшихся первоначально для конюшенъ, которыя были впослѣдствіи приспособлены для мастерскихъ и жилищъ рабочихъ. Въ скоромъ времени эти фабрики предполагаютъ перевести въ окрестности Гродно, гдѣ уже почти окончены постройкою подходящія для этого зданія, сооружаемыя на счетъ казны. Главные предметы производства на этихъ фабрикахъ суть: сукно, камлотъ, полотна, бумажныя и шелковыя матеріи, вышивки, шелковые чулки, шляпы, кружева, огнестрѣльное оружіе, иголки, карты, бѣлый воскъ и экипажи. Шерсть, ленъ, конопля и воскъ, нужные для этихъ производствъ—мѣстнаго происхожденія; шелкъ, бумага, желѣзо, краски, золото и серебро для вышивокъ и тонкія нитки для кружевъ привозятся изъ-за границы.

На этихъ фабрикахъ работаетъ 3.000 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и тѣхъ, которые работаютъ по домамъ въ окрестныхъ деревняхъ, гдѣ они ткутъ холстъ и шерстяныя матеріи. Разными отраслями производства завѣдуютъ 70 мастеровъ-иностранцевъ; всѣ остальные рабочіе изъ числа мѣстныхъ жителей. Въ ученики берутъ на фабрику дѣтей польскихъ крестьянъ; ихъ кормятъ, одѣваютъ, и они получаютъ маленькое жалованье. Завѣдующіе жалуются на то, что они не проявляютъ никакого соревнованія и что хотя ихъ одѣваютъ и кормятъ лучше, нежели остальныхъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе ихъ можно только силою заставить работать на фабрикѣ. Это неудивительно; ибо эти люди все же не свободные и неувѣренные въ томъ, что заработанныя ими деньги будутъ принадлежать имъ; не рѣдко случалось, что съ нихъ удерживали часть этихъ денегъ въ уплату за оброкъ, не уплаченный ихъ родителями. Одна изъ работницъ, побойчѣе другихъ, сказала однажды завѣдующему, когда онъ поощрялъ ее работать усерднѣе: „Какая же мнѣ будетъ польза, если я послушаю васъ? какъ бы я искусно ни работала, трудиться буду я, а доходъ будетъ получать хозяинъ“. Большинство дѣвушекъ имѣло грустный видъ; очевидно, онѣ работали по принужденію, а не изъ любви къ дѣлу. Ввидѣ поощренія, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ хотѣли отпускать на волю тѣхъ, которыя будутъ работать усерднѣе другихъ или окажутся смышленѣе и искуснѣе. Но это предложеніе было отвергнуто на томъ основаніи, что, получивъ волю, рабочіе не стали бы работать на фабрикѣ, которая лишилась бы такимъ образомъ самыхъ искусныхъ рабочихъ и работницъ. Это возможно, но съ другой стороны подоб-

ная мѣра, возбудивъ соревнованіе, могла бы создать цѣлый кадръ искусныхъ работницъ.

Эти фабрики находятся еще въ зачаточномъ состояніи; но ихъ учрежденіе дѣлаетъ честь королю, тѣмъ болѣе, что онъ продолжалъ интересоваться ими и во время тѣхъ внутреннихъ смутъ, которыя угрожали послѣднее время его престолу.

Въ самый день нашего пріѣзда въ Гродно, одинъ польскій шляхтичъ, съ которымъ насъ познакомилъ г. Жиллибертъ, радушно пригласилъ насъ отужинать у него. Побесѣдовавъ съ нами около часа, онъ поручилъ своей женѣ занимать насъ, а самъ удалился и болѣе весь вечеръ не показывался. Это кажущееся пренебреженіе, столь не соотвѣтствовавшее его любезному приглашенію, нѣсколько озадачило насъ; но впослѣдствіи мы убѣдились, что имъ руководила и въ этомъ случаѣ величайшая любезность. Пригласивъ еще до нашего пріѣзда на ужинъ нѣсколько польскихъ шляхтичей, которые не говорили по-французски, но были большіе любители выпить, онъ совершенно справедливо подумалъ, что мы проведемъ вечеръ пріятнѣе въ обществѣ дамъ. Мы ужинали въ небольшой, веселой и и пріятной компаніи; поляки народъ очень веселый, а ихъ дамы очень любезны и хорошо воспитаны.

На слѣдующій день мы обѣдали съ литовскимъ вице-канцлеромъ, графомъ Тизенгаузеномъ; это былъ обѣдъ, устроенный для избирателей передъ предстоявшимъ сеймикомъ. За столомъ сидѣло 80 человѣкъ; почти всѣ безъ исключенія были въ національныхъ польскихъ костюмахъ, съ обстриженными волосами по польскому обычаю. Передъ обѣдомъ они почтительно здоровались съ графомъ; при чемъ одни цѣловали край его платья, другіе нагибались и цѣловали ему ноги.

Вечеромъ графъ далъ балъ, закончившійся прекраснымъ ужиномъ. Танцовали польскій и англійскую кадриль. Польскій танецъ очень простой, однако не лишенъ граціи; музыка довольно красивая: танцующіе становятся въ пары; стоящій въ первой парѣ ведетъ свою даму вокругъ комнаты въ родѣ какъ бы въ менуетѣ, затѣмъ оставляетъ ея руку, дѣлаетъ полуоборотъ, снова беретъ ее за руку и продѣлываетъ то же самое до конца танца. Вторая пара вступаетъ, какъ только первая отойдетъ нѣсколько шаговъ, за нею слѣдуютъ всѣ остальные; такимъ образомъ всѣ танцующіе движутся пара за парой одновременно. Поляки очень любятъ этотъ танецъ: хотя онъ довольно однообразенъ, но они танцовали полчаса, безъ перерыва и въ теченіе вечера повторяли его нѣсколько разъ. Въ промежуткахъ танцовали англійскую кадриль, которую они танцуютъ также очень ловко и видимо съ такимъ же удовольствіемъ.

Прекрасный ужинъ, къ которому были приглашены одни избранные, пріятно закончилъ день.

Графъ любезно приглашалъ насъ остаться нѣкоторое время въ Гродно и поселиться въ его домѣ, но такъ какъ намъ хотѣлось добраться въ Петербургъ до начала зимы, то мы отказались отъ этого приглашенія, которое въ противномъ случаѣ приняли бы съ удовольствіемъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ тутъ господъ хотѣли задержать насъ, сказавъ каретному мастеру, которому мы отдали въ починку нашъ экипажъ, чтобы онъ съ починкою не спѣшилъ. Когда мы случайно узнали объ этомъ, то намъ пришлось прибѣгнуть къ угрозамъ, чтобы заставить его поспѣшить. Чтобы избавить нашихъ новыхъ знакомыхъ отъ труда упрашивать насъ напрасно, а себя отъ непріятности отказываться отъ ихъ любезныхъ приглашеній, мы сочли необходимымъ въ тотъ же день вечеромъ уѣхать, не сказавъ никому объ этомъ ни слова.

Мы намѣревались побывать въ Вильно, но такъ какъ это было время выборовъ, то станціонный смотритель предупредилъ насъ, что за неимѣніемъ лошадей насъ могутъ задержать въ какой-нибудь жалкой деревушкѣ; мы волей неволей должны были измѣнить свой маршрутъ и, къ величайшему нашему разочарованію, не могли посѣтить, какъ мы того желали, столицу Литвы.

IV.

Продолженіе путешествія по Литвѣ.—Множество евреевъ.—Плохое состояніе дорогъ; отсутствіе всякихъ удобствъ.—Закрытіе сеймика въ Минскѣ.—Оригинальный способъ запряжки.—Въ еврейской корчмѣ.—Беззпечность евреевъ.—Бѣдность жителей Литвы.—Сравненіе крестьянъ въ Швейцаріи и Польшѣ.

Проѣзжая по Литвѣ, мы были поражены изумительнымъ количествомъ евреевъ; живя въ Польшѣ повсемѣстно, они какъ-будто избрали Литву своимъ мѣстопребываніемъ по преимуществу. Если вы потребуете переводчика, вамъ приводятъ еврея; пріѣхавъ на постоялый дворъ, вы видите хозяина еврея; если вамъ нужны почтовыя лошади, вамъ доставитъ ихъ еврей; еврей же повезетъ васъ; если вамъ нужно что-нибудь купить, является факторъ еврей, и эта быть можетъ единственная страна въ мірѣ, гдѣ евреи обрабатываютъ землю; мы не разъ видѣли, что они сѣяли, жали, косили и исполняли иныя полевыя работы.

Дороги въ Литвѣ находятся въ самомъ первобытномъ состояніи; онѣ немногимъ лучше проселочныхъ дорогъ, извивающихся по лѣсу; также совершенно незамѣтно, чтобы имъ старались придать опре-

дѣленное направленіе; онѣ зачастую такъ узки, что карета съ трудомъ можетъ проѣхать; то и дѣло попадаются пни и корни отъ деревьевъ, которые мѣшаютъ ѣхать; мѣстами дорога была такъ песчана, что насъ съ трудомъ могла вывезти восьмерка лошадей. Почтальоновъ часто замѣняли десяти и двѣнадцатилѣтніе здоровенные мальчики, которые могли проскакать двадцать и тридцать англійскихъ миль безъ сѣдла, одѣтые совсѣмъ налегкѣ, въ одной рубашкѣ и холщевыхъ подштанникахъ. Мосты, перекинутые черезъ рѣчки, сооружены такъ плохо и такъ ветхи, что казалось, они подломятся подъ тяжестью нашей кареты, и мы почитали себя счастливыми, проѣхавъ по нимъ благополучно.

Многіе путешественники разсказываютъ, что въ литовскихъ лѣсахъ деревья часто загораются отъ молній и другихъ естественныхъ причинъ и горятъ иногда довольно долго. Мы думали сначала, что эти разсказы справедливы, такъ какъ мы видѣли во многихъ мѣстахъ слѣды лѣсныхъ пожаровъ. Но изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей узнали, что крестьяне, обязанные доставлять своимъ владѣльцамъ ежегодно извѣстное количество скипидара, поджигаютъ сосны, когда онѣ еще стоятъ на корню, и собираютъ скипидаръ. Мы видѣли въ лѣсу много обуглившихся деревьевъ; нѣкоторыя были совсѣмъ черныя и обгорѣлыя, другія обгорали на половину; иныя, хотя и были опалены, но продолжали кое-какъ расти.

15 августа. Мы ѣхали двадцать часовъ безъостановочно и добрались вечеромъ до Бѣлицъ въ девятнадцати миляхъ отъ Гродно; и до разсвѣта отправились далѣе, желая попасть въ Минскъ 17-го числа утромъ, когда тамъ долженъ былъ собраться сеймикъ для избранія нунціевъ. По пути мы остановились на короткое время въ Новгородѣ, гдѣ всѣ зданія построены изъ дерева, за исключеніемъ двухъ-трехъ пришедшихъ въ ветхость каменныхъ домовъ, іезуитскаго монастыря и развалинъ каменныхъ стѣнъ, окружающихъ небольшой холмъ, увѣнчанный развалинами крѣпостцы. Близъ Новгорода мы видѣли нѣсколько насыпей, которыя крестьяне называли шведскими могилами. Тутъ почва была менѣе песчаная и болѣе плодородна, и мѣстность стала нѣсколько разнообразнѣе и холмистѣе: пустынные лѣса чаще прерывались деревнями и лугами, на которыхъ паслись большія стада скота.

Доѣхавъ до небольшой деревушки „Міръ", мы убѣдились въ томъ, что наше намѣреніе быть на другой день въ Минскѣ неосуществимо, хотя бы мы ѣхали всю ночь. До города оставалось 60 или 70 миль, ночь была очень темная и дорога плохая; насъ предупредили, что намъ придется переѣхать нѣсколько мостовъ, по которымъ и днемъ надобно ѣхать не иначе, какъ съ величайшею

осторожностью. Это заставило насъ отказаться отъ намѣренія присутствовать на выборахъ; мы пожертвовали любопытствомъ ради нашей собственной безопасности, но конечно не ради тѣхъ прелестей, какія сулило намъ пребываніе въ селеніи „Міръ“, гдѣ мы остановились на ночь; жители этой деревушки были такъ бѣдны, что мы не могли достать самыхъ обыкновенныхъ съѣстныхъ припасовъ; единствено, что мы выиграли, остановившись тутъ на ночь,—то, что мы избѣжали опасной дороги и отдохнули отъ усталости.

Намъ было такъ плохо въ Мірѣ, что когда мы пріѣхали 17 числа вечеромъ въ Минскъ, то онъ намъ показался самымъ красивымъ и роскошнымъ городомъ. Насъ ожидалъ тутъ давно не виданный комфортъ; хорошенкая комната съ чистыми выбѣленными стѣнами и каменнымъ поломъ, отсутствіе блохъ и мухъ, обиліе чистой соломы, хорошій хлѣбъ и свѣжее мясо. Переночевавъ, мы отправились на другое утро въ трапезу іезуитскаго монастыря, гдѣ происходило наканунѣ избраніе нунціевъ. Сначала насъ не хотѣли впустить, послѣ долгихъ переговоровъ къ намъ подошелъ наконецъ какой-то господинъ и освѣдомился на нѣмецкомъ языкѣ, откуда мы пріѣхали и что намъ нужно. Когда мы отвѣтили, что мы англичане и желаемъ видѣть все заслуживающее вниманіе, то онъ выразилъ большое удивленіе по поводу того, что мы такъ просто одѣты и что при насъ нѣтъ сабель.

„Въ Польшѣ“, сказалъ онъ, „всякій шляхтичъ носитъ при себѣ саблю, какъ знакъ своего дворянскаго происхожденія и никогда не появляется безъ нея въ обществѣ; совѣтую вамъ соблюдать этотъ обычай, пока вы находитесь въ этой странѣ, если вы хотите, чтобы васъ принимали за джентльменовъ“.

Поблагодаривъ его за совѣтъ, мы послѣдовали за нимъ въ трапезную, гдѣ застали еще большую часть членовъ сеймика, хотя они занимались уже не государственными дѣлами, а по-просту сидѣли и пили—что составляетъ повидимому такую же необходимую принадлежность выборовъ въ Польшѣ, какъ и въ Великобританіи. Одинъ человѣкъ, къ которому всѣ относились съ видимымъ почтеніемъ, то и дѣло подносилъ наполненные стаканы избирателямъ, которые стояли группами; при этомъ соблюдалась цѣлая церемонія: взявъ стаканъ, всякій прикладывалъ руку къ сердцу, кланялся до земли и затѣмъ торжественно пилъ за здоровье нунціевъ и присутствующихъ. Нѣкоторые изъ поляковъ говорили со мною по-польски; отъ нихъ я узналъ, что каждое воеводство раздѣляется на нѣсколько округовъ, и каждый округъ выбираетъ двухъ нунціевъ — я освѣдомился, были ли при выборахъ по г. Минску какія-либо разногласія; они отвѣчали, что явилось три

кандидата. Тогда я спросилъ, принадлежали ли избранные нунціи къ партіи короля?

„Мы сообразовались въ этомъ случаѣ съ желаніемъ его величества",—отвѣчали они.

— Вы поступили, очень благоразумно, онъ хорошій монархъ, не правда ли? спросилъ я.—„Хорошій монархъ! о да, возразили поляки, лучшій изъ всѣхъ когда-либо царствовавшихъ монарховъ".

Минскъ большой городъ: двѣ церкви и іезуитскій монастырь, построенные изъ кирпича; остальные дома деревянные и по архитектурѣ красивѣе большинства домовъ, видѣнныхъ нами въ этой странѣ. Вернувшись въ гостиницу, мы получили отъ одного польскаго графа приглашеніе на обѣдъ; но такъ какъ погода была благопріятная, карета была намъ уже подана и все было готово къ немедленному отъѣзду, то мы рѣшили пожертвовать случаемъ провести время въ пріятномъ обществѣ и уѣхали.

18 августа. Отъ Минска до Смолевича — не болѣе 30 миль — но этотъ переѣздъ показался намъ очень утомительнымъ, такъ какъ по причинѣ крайне плохой дороги и неожиданныхъ задержекъ мы ѣхали эти 30 миль около двѣнадцати часовъ. Погода была холодная и дождливая, дулъ сильный вѣтеръ, дорога была хуже обыкновеннаго и было очень темно. Мы уже отчаявались прибыть къ ночи на станцію; какъ вдругъ скрыпъ растворявшихся воротъ и стукъ колесъ о девевянную мостовую возвѣстили намъ, что мы пріѣхали, но такъ какъ кожаныя занавѣски экипажа были плотно связаны, чтобы защитить насъ отъ вѣтра и дождя, то мы не могли рѣшить въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, куда насъ привезли. Выйдя изъ экипажа, мы увидѣли, что находимся въ огромномъ сараѣ или подъ навѣсомъ, на противуположномъ концѣ котораго пылалъ очагъ безъ дымовой трубы; на немъ лежали двѣ большія сосны, съ необрубленными вѣтвями; вокругъ очага стояло нѣсколько человѣкъ въ длиннополыхъ черныхъ одѣяніяхъ съ длинными бородами, которые что-то размѣшивали въ большомъ котлѣ, подвѣшенномъ надъ пламенемъ. Если бы мы вѣрили въ колдовство или хоть бы чуточку были суевѣрны, то легко приняли бы этихъ людей за колдуновъ, исполнявшихъ какой-то таинственный обрядъ; вглядѣвшись внимательно, мы узнали нашихъ старыхъ друзей-евреевъ, которые готовили ужинъ себѣ и намъ.

Не имѣя ни малѣйшаго желанія оставаться лишней минуты въ этихъ лачугахъ, кишѣвшихъ насѣкомыхъ и въ которыхъ ютились грязь и нищета, мы, по обыкновенію, поѣхали далѣе на разсвѣтѣ. Близъ Борисова мы переправились черезъ Березину и по ту сто-

рону города видѣли огромный отрядъ русскаго войска, шедшаго къ Варшавѣ.

Въ Борисовѣ евреи достали для насъ десять лошадей и впрягли ихъ въ два ряда: шесть лошадей къ экипажу и четверку на выносъ [1]). Надобно было большое искусство, чтобы припречь ихъ такимъ образомъ. Двѣ среднія лошади задняго ряда были припряжены, какъ обыкновенно, къ штель-вагѣ, двѣ слѣдующія—къ привязной вагѣ, выдававшейся далеко въ стороны за переднія колеса, а двѣ крайнія, при помощи длинныхъ веревокъ, были такимъ же образомъ припряжены къ задней вагѣ; четыре выносныя лошади были припряжены къ дышлу и къ штель-вагѣ, прикрѣпленной къ дышлу.

Мы были увѣрены, что для шестерки лошадей, припряженныхъ такимъ первобытнымъ способомъ, нужна болѣе широкая дорога, нежели та, по какой намъ приходилось ѣхать въ Польшѣ, и убѣждали ямщиковъ запречь ихъ парами, но они были до того упрямы или непонятливы, что намъ не удалось убѣдить ихъ. Все же мы отвязали двухъ лошадей задняго ряда, но были вынуждены согласиться на то, чтобы остальныя восемь лошадей остались такъ, какъ онѣ были припряжены. Такимъ образомъ мы двинулись въ путь; но и съ четверкой лошадей мѣстами очень трудно было проѣхать сквозь заросли; въ иномъ мѣстѣ дорога такъ заросла кустарникомъ, что едва оставалось мѣста для кареты, и намъ приходилось отпрягать то двухъ, то четырехъ лошадей, иной разъ приходилось выйти изъ кареты и помогать ямщику убрать съ дороги повалившіяся деревья, провести лошадей по извилистымъ дорожкамъ или разыскать дорогу въ заросли.

Проѣзжая лѣсомъ, мы видѣли кое-гдѣ придѣланныя къ деревьямъ полукруглыя доски на разстояніи 12 футъ отъ земли и трехъ футъ отъ ствола. Во время охоты, къ этимъ площадкамъ приставляютъ лѣстницы, и охотники, когда ихъ настигаетъ медвѣдь, быстро поднимаются по лѣстницѣ и втягиваютъ ее за собой: хотя медвѣдь отлично умѣетъ лазить, но ему мѣшаютъ вскарабкаться на дерево выступающіе края доски.

Мы были очень рады добраться наконецъ до Наицы, хотя намъ пришлось тутъ остановиться въ одной изъ самыхъ жалкихъ лачугъ, какія мы видѣли въ Литвѣ. Единственною мебелью въ ней былъ небольшой столъ, и единственной посудой—разбитый глиняный горшокъ, въ которомъ намъ приготовили ѣду и который замѣнилъ

---

[1]) Обыкновенный способъ запряжки состоялъ въ томъ, что четыре лошади запрягались врядъ, а двѣ на выносъ.

намъ тарелки и блюдо. Мы усѣлись за нашу скудную трапезу при свѣтѣ длинной смолистой лучины, которая была воткнута въ стѣну и свѣшивалась надъ столомъ; она же служила намъ свѣчкой, такъ какъ настоящей свѣчки нельзя было достать въ деревнѣ ни за какія деньги. Надобно удивляться, что при той небрежности, съ какою обращаются тутъ съ этими лучинами, рѣдко бываютъ пожары; съ ними ходятъ по всему дому, не соблюдая ни малѣйшей осторожности, и намъ нерѣдко случалось видѣть, что искры летѣли изъ нея на солому, приготовленную для нашихъ постелей; хотя евреи прекрасно видѣли какъ это насъ пугало, но это ничуть не заставляло быть осторожнѣе съ огнемъ. Первое время по пріѣздѣ въ Польшу мы бросались со страхомъ тушить эти искры, но, такова сила привычки, что мы наконецъ совершенно перестали обращать на это вниманіе и сдѣлались, въ этомъ отношеніи, столь же безпечны, какъ и мѣстные жители. Однажды, я даже до того забылся, что держалъ зажженную лучину надъ соломой и не спѣша разыскивалъ въ ней что-то. Развившаяся во мнѣ такимъ образомъ безпечность убѣдила меня въ томъ (если эти вещи вообще сравнимы), что я могъ бы подобно италіанцамъ жить у подошвы Везувія, не боясь изверженія, или жить безпечно въ Константинополѣ, не думая о чумѣ.

Трудно себѣ представить, до чего ограничены потребности литовскихъ крестьянъ! Они скрѣпляютъ свои телѣги желѣзомъ; плетутъ уздечки и постромки изъ древесной коры или скручиваютъ ихъ изъ древесныхъ вѣтвей. При постройкѣ домовъ и сооруженіи домашней утвари и телѣгъ они обходятся однимъ топоромъ. Ихъ одежда состоитъ изъ грубой холщевой рубашки и такихъ же панталонъ, длинной грубой драгетовой верхней одежды или тулупа, круглой черной войлочной шляпы, подбитой шерстью, и лаптей изъ древесной коры. Дома сложены у нихъ изъ толстыхъ бревенъ и походятъ на полѣнницы дровъ съ крышей въ родѣ навѣса. Какъ это мало походитъ на Швейцарскіе дома, построенные также изъ дерева. Такая же поразительная разница существуетъ въ наружномъ видѣ крестьянъ швейцарцевъ и поляковъ и въ ихъ манерѣ держать себя. Это служитъ нагляднымъ доказательствомъ той огромной разницы, какая существуетъ въ образѣ правленія этихъ двухъ странъ. Швейцарецъ человѣкъ открытый, искренній, нѣсколько грубоватый, но готовый услужить вамъ; встрѣчаясь съ вами, онъ киваетъ вамъ головой или слегка приподнимаетъ шляпу, но ожидаетъ такой же вѣжливости и съ вашей стороны; его возмущаетъ малѣйшая грубость, и онъ не позволитъ оскорбить себя безнаказанно. Польскіе крестьяне, напротивъ, раболѣпны и подобострастны: желая выразить намъ свое

уваженіе, они кланялись намъ до земли и, снявъ шляпу или шапку, держали ее въ рукахъ до тѣхъ поръ, пока они не теряли насъ изъ вида; едва завидѣвъ нашу карету, они тотчасъ останавливали свои телѣги; словомъ, все ихъ поведеніе свидѣтельствовало о самомъ презрѣнномъ рабствѣ; между тѣмъ въ Польшѣ говорятъ о свободныхъ учрежденіяхъ не меньше, чѣмъ въ Швейцаріи. Но какъ различно они отразились на нравахъ этихъ двухъ странъ! Въ одной изъ нихъ свобода распространяется равномѣрно на всѣхъ гражданъ, служа источникомъ ихъ довольства и счастья, тогда какъ въ другой она распространяется лишь на немногихъ, являясь худшимъ изъ видовъ деспотизма.

Во время нашего путешествія по Польшѣ мы видѣли нѣсколько человѣкъ со всклокоченными волосами, которые страдали такъ называемой Plica Polonica (колтунъ), болѣзнью, названной такъ потому, что ее считаютъ болѣе всего свойственной Польшѣ, хотя она встрѣчается также въ Венгріи, Татаріи и нѣкоторыхъ другихъ сосѣднихъ странахъ [1]).

По наблюденіямъ швейцарскаго доктора Vicat, долгое время жившаго въ Польшѣ и написавшаго объ этой болѣзни обстоятельное изслѣдованіе (Mémoire sur la Plique polonaise), происхожденіе этой болѣзни вызвано главнымъ образомъ тремя причинами: во-первыхъ, многочисленными лѣсами и болотами, вслѣдствіе чего воздухъ слишкомъ сыръ и не особенно здоровъ; кромѣ того среди лѣта тутъ дуетъ иногда очень рѣзкій холодный вѣтеръ вслѣдствіе близости Карпатскихъ горъ: въ другихъ странахъ южные и юго-восточные вѣтры бываютъ обыкновенно теплые, тутъ же они охлаждаются, проносясь надъ снѣжными вершинами Карпатъ. Вторая причина—недоброкачественность воды: хотя въ Польшѣ достаточно хорошихъ источниковъ, но простой народъ пьетъ обыкновенно, не разбирая, воду изъ рѣкъ, озеръ и даже изъ стоячихъ прудовъ. Третья причина—крайняя нечистоплотность мѣстнаго населенія; опытъ показываетъ, что тѣ, кои болѣе заботятся о чистотѣ жилища и своего тѣла, менѣе подвержены заболѣванію колтуномъ. Люди привилегированнаго класса болѣютъ имъ менѣе, чѣмъ простой народъ, и жители большихъ городовъ менѣе, чѣмъ жители деревень, наконецъ жители Польши менѣе, нежели литовцы. Словомъ, эта болѣзнь, подобно проказѣ, свирѣпствуетъ среди людей мало свѣдущихъ въ медицинѣ и не заботящихся о томъ, чтобы пресѣчь ея распространеніе, и почти неизвѣстна въ странахъ, гдѣ противъ нея принимаютъ соотвѣтствующія мѣры.

---

[1]) Мы опускаемъ самое описаніе этой извѣстной у насъ болѣзни.

Болѣзнь эта не распространяется среди русскихъ вѣроятно благодаря тому, что они часто парятся въ банѣ.

V.

Переѣздъ черезъ границу Россіи.—Дешевизна почты.—Путь въ Смоленскъ.—Богослуженіе въ соборѣ.—Посѣщеніе епископа.—Обѣдъ у судьи.—Дальнѣйшій путь на Москву.—Крестьяне, ихъ одежда, избы пища и проч.

Мы въѣхали въ Россію 20 августа близъ небольшой деревушки Толицыно, которая принадлежала въ 1772 г. Польшѣ; но по надѣлу отошла къ Россіи.

Мы были крайне удивлены дешевизною тутъ почтовыхъ лошадей; когда слуга подалъ намъ счетъ и мы увидѣли, что онъ заплатилъ всего по двѣ копѣйки съ версты за лошадь, то если бы мы не знали характера русскихъ, которые не такъ-то легко дадутъ себя обмануть иностранцамъ, мы могли бы подумать, что онъ надулъ станціоннаго смотрителя. Впослѣдствіи мы узнали, что, взявъ отъ русскаго посланника въ Варшавѣ подорожную, мы могли платить вдвое дешевле.

Отъ Толицына, по новой Могилевской губерніи, шла прекрасная, довольно широкая дорога, обсаженная деревьями, съ канавами для стока воды. Миновавъ нѣсколько жалкихъ деревушекъ, мы переправились черезъ Днѣпръ у Орши и прибыли подъ вечеръ въ Лады. Отъ самаго Толицына началась холмистая мѣстность, богатая лѣсами; на поляхъ росла рожь, прсо, конопля, ленъ. Въ большихъ селахъ мы видали школы и другія казенныя постройки, также церкви съ колокольнями, для диссидентовъ.

Лады, Смоленской губерніи, до послѣдняго раздѣла было пограничнымъ русскимъ городомъ; мы остановились на почтовой станціи, гдѣ намъ отвели весьма приличную комнату. Станціонные дома на большихъ дорогахъ какъ нельзя лучше приспособлены для путешественниковъ: это обширныя квадратныя деревянныя строенія, съ большимъ дворомъ по серединѣ; въ главномъ флигелѣ отведено посреди нѣсколько комнатъ для путешественниковъ съ выходомъ во дворъ; остальная часть главнаго флигеля занята помѣщеніемъ станціоннаго смотрителя и его слугъ; въ остальномъ зданіи устроены конюшни и сараи для экипажей и сѣновалы. Мы были пріятно удивлены, встрѣтивъ въ этомъ захолустьи англійское пиво и еще болѣе, когда намъ подали ужинъ на посудѣ фабрики Wedgewood' а. Немалое удовольствіе было растянуться на совершенно чистой соломѣ, которой набили намъ постель.

Потребовавъ на утро счетъ, мы нашли, что онъ былъ написанъ такъ же добросовѣстно, какъ добросовѣстно было все остальное. Удовольствіе, которое мы выразили по этому поводу письмоводителю (самого станціоннаго смотрителя не было дома), дало ему видимо поводъ думать, что насъ легко можно надуть. До слѣдующей станціи было 10 миль, а онъ потребовалъ съ насъ втрое больше установленной таксы подъ предлогомъ, что у насъ нѣтъ подорожной. Когда мы выразили удивленіе по поводу столь высокой платы, то на наше замѣчаніе, сказанное въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, онъ отвѣчалъ грубо и высокомѣрно, приказалъ отвести лошадей обратно въ конюшню и заявилъ рѣшительно, что мы не уѣдемъ до тѣхъ поръ, пока не уплатимъ требуемой суммы. Хотя мы заплатили бы все, что онъ хотѣлъ, если бы онъ только былъ маломальски вѣжливъ, но тутъ мы рѣшили проучить его за дерзость и отправились къ директору таможни; на наше счастье оказалось, что онъ говорилъ по-нѣмецки; выслушавъ насъ, онъ заявилъ, что письмоводитель требовалъ съ насъ втрое больше, чѣмъ слѣдовало; что это сейчасъ будетъ выяснено, и письмоводитель будетъ наказанъ. Пославъ сторожа, которому онъ что-то шепнулъ на ухо, онъ попросилъ насъ обождать и предложилъ намъ кофе. Пока мы пили его, онъ сообщилъ намъ разныя свѣдѣнія о русской почтѣ и далъ намъ кое-какія указанія, которыя намъ впослѣдствіи очень пригодились; между прочимъ посовѣтовалъ намъ запастить у смоленскаго губернатора подорожной. Въ это время, къ воротамъ подъѣхалъ экипажъ; оказалось, что это была наша дорожная карета, и въ ней уже были уложены всѣ наши вещи: въ ту же минуту вышелъ письмоводитель и сталъ въ почтительной позѣ; мы просили директора не наказывать его, и онъ обѣщалъ намъ ограничиться выговоромъ. Поблагодаривъ его за любезность, мы простились и продолжали нашъ путь, но были весьма огорчены, увидавъ, что прекрасное новое шоссе шло только до Лады. Мѣстность была холмистая; не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Смоленска, начался густой лѣсъ, который тянется до самаго города; проѣзжая этимъ лѣсомъ, мы не видѣли ни одной деревушки и почти никакого жилья.

Смоленскъ, принадлежавшій нѣкогда русскимъ, былъ осажденъ въ 1463 г. и взятъ Витольдомъ и присоединенъ вмѣстѣ со всей округой къ Литвѣ. Во время долголѣтней вражды, существовавшей между русскими и поляками, эта крѣпость играла видную роль; хотя всѣ ея укрѣпленія состояли только изъ земляныхъ валовъ и рвовъ, небольшой деревянной стѣны и деревянной же крѣпостцы, но этихъ укрѣпленій было вполнѣ достаточно, чтобы отражать нападенія недисциплинированныхъ войскъ; русскіе безуспѣшно осаждали

ее нѣсколько разъ; наконецъ, въ XVI вѣкѣ великій князь Василій Ивановичъ овладѣлъ Смоленскомъ, подкупивъ гарнизонъ. Болѣе ста лѣтъ укрѣпленія Смоленска оставались въ такомъ же первобытномъ состояніи. Наконецъ, важное значеніе этой крѣпости, стоявшей у самой границы Польши, и успѣхи, сдѣланные въ военномъ дѣлѣ, побудили Бориса Годунова обнести его каменной стѣной и укрѣпить: онъ самъ отправился въ Смоленскъ, гдѣ подъ его личнымъ наблюденіемъ была набросана профиль укрѣпленій, которыя были достроены въ его царствованіе. Въ 1611 г. Смоленскъ былъ взятъ польскимъ королемъ Сигизмундомъ III и достался Польшѣ по Деулинскому миру. Въ 1654 г. онъ былъ завоеванъ обратно Асексѣемъ Михайловичемъ и уступленъ окончательно Россіи по мирному договору, заключенному въ 1686 г.

Смоленскъ отнюдь не самый красивый, но несомнѣнно самый оргинальный изъ видѣнныхъ мною когда-либо городовъ. Онъ расположенъ на берегу Днѣпра на двухъ холмахъ и въ лежащей между ними долинѣ и обнесенъ стѣнами, высотою въ 30 и шириною въ 15 футъ; нижняя часть ихъ каменная, верхняя кирпичная; эти стѣны слѣдуютъ рельефу холмовъ и тянутся въ общей сложности на семь верстъ; на каждомъ углу, образуемомъ ими, стоитъ круглая или четыреугольная башня въ два или три этажа, шире наверху, нежели внизу, и покрытая круглой деревянной крышей. Въ промежуткахъ находятся башни меньшихъ размѣровъ; съ наружной стороны стѣна окружена широкимъ и глубокимъ рвомъ, траверсами и глассисами, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва повышается, возведены редуты по всѣмъ правиламъ современной науки. Посреди города, на холмѣ, стоитъ соборъ; оттуда открывается живописный видъ на городъ, обнесенный стѣнами съ посадами, рощицами, лугами и полями.

Зданія въ Смоленскѣ по большей части деревянныя, одноэтажныя; изрѣдка попадется какой-нибудь помѣщичій домъ; но есть нѣсколько каменныхъ, оштукатуренныхъ церквей. Вдоль всего города идетъ прямая, широкая, мощеная улица; прочія улицы расходятся отъ нея по разнымъ направленіямъ и замощены досками. Городскія стѣны, которыя тянутся по склонамъ холмовъ къ берегу Днѣпра, ихъ старинная архитектура и уморительныя башни, колокольни церквей, торчащія изъ-за деревьевъ, кокорыхъ такъ много, что за ними почти не видно зданій; тутъ же рядомъ луга и воздѣланныя поля—все это вмѣстѣ взятое представляетъ самое оригинальное и разнообразное зрѣлище. По ту сторону рѣки тянется предмѣстье съ деревянными домами, соединенное съ городомъ деревяннымъ мостомъ. Насколько я могъ узнать изъ разспросовъ, въ Смоленскѣ 4 т. жителей; въ городѣ нѣтъ заводовъ, но онъ ведетъ торговлю съ

Украйной, Данцигомъ и Ригой. Главные предметы вывоза составляютъ: ленъ, пенька, медъ, воскъ, кожи, свиная щетина, мачтовый лѣсъ, доски и сибирскіе мѣха.

Желая получить паспортъ и подорожную, мы отправились къ губернатору вмѣстѣ съ однимъ русскимъ студентомъ, который говорилъ по-латыни и согласился быть нашимъ переводчикомъ. Такъ какъ губернаторъ былъ въ церкви, то мы отправились въ соборъ и обождали конца службы. Соборъ—красивое зданіе, построенное на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ нѣкогда дворецъ смоленскихъ князей.

Богослуженіе совершалъ епископъ смоленскій, почтенный старецъ съ длинными сѣдыми волосами и бородою.

Подъ конецъ службы, мы представились губернатору, который, къ нашему удивленію, отнеся къ намъ очень холодно, и это произвело на нашего переводчика такое сильное впечатлѣніе, что онъ не могъ произнести ни слова. Наконецъ, кто-то изъ лицъ, бывшихъ съ губернаторомъ, обратился къ намъ по-французски и спросилъ, что намъ надо. Когда мы отвѣчали, что мы англійскіе дворяне и желаемъ получить паспортъ и подорожную, то онъ замѣтилъ съ улыбкой, что по простотѣ нашей одежды насъ приняли за купцовъ, но онъ знаетъ, что англичане рѣдко носятъ въ дорогѣ кружева и шпаги. Затѣмъ онъ что-то шепнулъ губернатору, который съ самымъ любезнымъ видомъ выразилъ готовность удовлетворить нашу просьбу.

Когда это было улажено, къ намъ подошелъ епископъ, успѣвшій уже разоблачиться. Онъ обратился къ намъ на латинскомъ языкѣ и пригласилъ насъ къ себѣ. Онъ пошелъ впередъ, а мы послѣдовали за нимъ въ просторный деревянный домъ, стоявшій подлѣ собора. Войдя въ домъ, губернаторъ и прочіе русскіе почтительно поцѣловали епископу руку. Пригласивъ всѣхъ сѣсть, онъ оказалъ намъ особые знаки вниманія и любезно замѣтилъ, что наше посѣщеніе доставляетъ ему большое удовольствіе, такъ какъ со времени его пребыванія въ Смоленскѣ его не посѣтилъ еще ни одинъ англичанинъ, а онъ очень уважаетъ англійскую націю. Въ то время какъ мы бесѣдовали, слуга накрылъ скатертью небольшой столикъ и поставилъ на него тарелку съ хлѣбомъ и солью и цвѣты; другой слуга внесъ подносъ съ рюмками, въ которыхъ была налита какая-то прозрачная жидкость. Епископъ торжественно благословилъ хлѣбъ и подносъ и взялъ стаканъ; мы приняли это сначала за религіозный обрядъ и были удивлены, когда слуга поднесъ хлѣбъ и подносъ намъ и всѣмъ остальнымъ. Когда всѣхъ обнесли, епископъ выпилъ за здоровье присутствовавшихъ, на что̀ всѣ отвѣчали поклономъ и немед-

ленно осушили свои стаканы; мы послѣдовали ихъ примѣру; напитокъ оказался вишневой наливкой.

Когда эта церемонія окончилась, мы продолжали бесѣдовать съ епископомъ и предложили ему нѣсколько вопросовъ касательно исторіи Смоленска. Онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы чрезвычайно охотно; сдѣлалъ краткій очеркъ состоянія города при смоленскихъ князьяхъ, разсказалъ намъ, что соборъ стоитъ на мѣстѣ ихъ дворца; недавно перестроенъ и отдѣланъ. Побесѣдовавъ съ полчаса, мы простились, весьма довольные любезностью епископа.

Нашъ проводникъ повелъ насъ въ духовную семинарію, гдѣ преподаются языки: латинскій, греческій, нѣмецкій и польскій; священникъ, показывавшій намъ библіотеку, говорилъ по-латыни; онъ пригласилъ насъ въ свою комнату и согласно правиламъ русскаго гостепріимства угостилъ насъ печеньемъ и медомъ.

Послѣ полудня насъ посѣтилъ тотъ господинъ, который вывелъ насъ изъ затрудненія, когда мы представлялись губернатору, и пригласилъ насъ отобѣдать у него на слѣдующій день. Мы приняли приглашеніе и явились къ нему къ двумъ часамъ,—обычный у русскихъ часъ обѣда; это былъ судья и жилъ въ казенномъ деревянномъ домѣ; комнаты у него были небольшія, но хорошо убранныя. За столъ сѣлъ судья, его жена и сестра; всѣ они говорили по-французски; дамы были одѣты по французской модѣ и очень нарумянены; онѣ не дѣлали реверанса, но низко кланялись. Передъ обѣдомъ была подана водка; дамы выпили по маленькой рюмочкѣ и совѣтовали намъ сдѣлать то же для пищеваренія. Столъ былъ сервированъ прекрасно, обѣдъ былъ превосходный и поданъ на англійскомъ сервизѣ молочнаго цвѣта. Кромѣ жаренаго кускомъ мяса и вареной говядины было подано нѣсколько чисто русскихъ блюдъ, между прочимъ грибной салатъ съ лукомъ. Передъ тѣмъ какъ встать изъ-за стола, нашъ хозяинъ приказалъ подать большой кубокъ, налилъ его шампанскимъ, отпилъ изъ него и предложилъ намъ выпить въ круговую. „Это старинный обычай", сказалъ онъ, „и считается знакомъ почета; теперь все дѣлается изысканнѣе, и широкое гостепріимство стѣсняется церемоннымъ обхожденіемъ, но я человѣкъ стараго закала и не могу отказаться отъ обычая, который соблюдался въ дни моей молодости".

Послѣ обѣда мы перешли въ другую комнату и сыграли два или три роббера въ вистъ. Намъ подавали чай, кофе и лакомства. Въ шесть часовъ мы простились съ нашимъ гостепріимнымъ хозяиномъ и возвратились въ гостиницу, если только наше помѣщеніе достойно этого названія. Эта гостиница—единственная въ городѣ, представляла изъ себя деревянное полуразвалившееся зданіе, когда-

то выкрашенное снаружи. Комната, которую мы занимали, была когда-то оклеена обоями, остатки которыхъ виднѣлись еще кое-гдѣ на стѣнахъ. Вся меблировка состояла изъ двухъ скамеекъ и столькихъ же стульевъ, изъ коихъ одинъ былъ безъ сидѣнья, а другой безъ спинки; столомъ служилъ намъ ящикъ изъ-подъ товара. Можно было подумать, что воздухъ и свѣтъ обложены тутъ огромной пошлиной, такъ какъ всѣ окна были забиты досками, за исключеніемъ одного, которое не было возможности открыть и черезъ которое едва проникалъ свѣтъ, такъ какъ оно было густо покрыто грязью. Я забылъ упомянуть о кушеткѣ, на которой я спалъ: на ней было такъ много заплатъ, что трудно было рѣшить, чѣмъ она была первоначально обита. Можетъ показаться страннымъ, что въ такомъ городѣ, какъ Смоленскъ, нѣтъ сносной гостиницы: въ сущности это неудивительно, такъ какъ туда пріѣзжаетъ весьма мало иностранцевъ, русскіе же возятъ обыкновенно съ собою ѣду и либо ѣдутъ, не останавливаясь, ночью, либо останавливаются въ частныхъ домахъ.

25 августа. Оставивъ Смоленскъ, мы переѣхали по деревянному мосту на другую сторону рѣки; дорога шла далѣе по красивой равнинѣ, орошаемой Днѣпромъ и поросшей кустарниками; мѣстность становилась холмистѣе, но болѣе или менѣе высокихъ холмовъ не было видно. Близъ слободы,—большого села, гдѣ мы остановились на нѣсколько часовъ до разсвѣта, мы снова переправились черезъ Днѣпръ на паромѣ, сколоченномъ изъ бревенъ, который былъ настолько узокъ, что наша карета едва помѣстилась на немъ, при чемъ онъ погрузился подъ ея тяжестью на нѣсколько дюймовъ въ воду; этотъ паромъ отталкивали отъ берега баграми до тѣхъ поръ, пока онъ не подошелъ къ другому, такому же парому или плоту, на который наши лошади перебрались съ трудомъ; разстояніе между обоими паромами было столь значительно, что карета едва не попала въ воду.

Ближайшей почтовой станціей послѣ этого первобытнаго парома былъ Дорогобужъ, стоящій подобно Смоленску на холмѣ, хотя не столь высокомъ; онъ представляетъ также собраніе церквей, домовъ, лачугъ, полей и луговъ; нѣкоторые каменные и отштукатуренные дома, построенные недавно на счетъ казны, походили на дворцы по сравненію съ окружавшими ихъ убогими строеніями. Это была въ прежнее время сильная крѣпость, неоднократно подвергавшаяся осадѣ во время войнъ Россіи съ Польшей. Со стѣнъ старинной крѣпости предъ нами открылся обширный видъ на окрестную равнину, орошаемую извивающимся по ней Днѣпромъ и холмами на горизонтѣ. Проѣхавъ отъ Дорогобужа 24 мили, мы переночевали

въ маленькой деревушкѣ и были очень счастливы, что намъ удалось найти приличную избу, гдѣ намъ дали комнату отдѣльную отъ общей горницы, гдѣ помѣщалась вся семья—удобство, которое здѣсь рѣдко встрѣчается. Наша хозяйка совсѣмъ походила на азіатку: на ней была надѣта синяя безрукавка, доходившая до колѣнъ и подпоясанная красивымъ кушакомъ; на головѣ былъ намотанъ кусокъ бѣлой матеріи въ родѣ чалмы; серьги и ожерелье были изъ бусъ; что-то въ родѣ туфель было привязано къ ногамъ синяго цвѣта завязками; такими же завязками поддерживались грубыя холщевыя тряпки, замѣнявшія ей чулки.

27 августа. Дальнѣйшій нашъ путь до Вязьмы шелъ лѣсомъ, изрѣдка прерываемымъ полями и лугами. Вспомнивъ, что мы находились подъ 55⁰ с. ш., мы были удивлены, что жатва была уже собрана, что рожь и ячмень были уже сняты; и что уже шла уборка овса и проса. Съ нашего отъѣзда изъ Смоленска стало очень холодно; дулъ такой холодный вѣтеръ, какъ въ ноябрѣ: всѣ крестьяне были въ тулупахъ.

Подъѣзжая къ Вязьмѣ, мы переѣхали рѣчку того же названія, впадающую въ Днѣпръ, по которой можно только сплавлять плоты, и поднявшись въ гору, увидѣли передъ собою городъ съ его колокольнями и куполами церквей, которые торчали изъ-за деревьевъ. Вязьма раскинулась на большое пространство; большая часть городскихъ зданій —деревянныя; только за послѣднее время построено нѣсколько каменныхъ домовъ на деньги, ассигнованныя императрицею. Мостовая на главныхъ улицахъ бревенчатая; на нѣкоторыхъ улицахъ вмѣсто тротуаровъ сдѣланы мостки. Въ Вязьмѣ болѣе двадцати церквей; это очень много для столь мало населеннаго города. Церкви во всѣхъ маленькихъ городахъ и селахъ украшены нѣсколькими главами или куполами; стѣны ихъ снаружи либо выбѣлены, либо выкрашены красной краской, а купола по большей части зеленые. Подъѣзжая къ какому-нибудь городу и завидѣвъ большое число колоколенъ и куполовъ, торчащихъ надъ деревьями, путешественникъ, незнакомый съ этой страною, думаетъ увидѣть большой городъ, на самомъ дѣлѣ находитъ нѣсколько деревянныхъ лачугъ.

Въ Вязьмѣ былъ заключенъ въ 1634 г. вѣчный миръ между королемъ польскимъ Владиславомъ IV и царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, коимъ Михаилъ подтвердилъ права Польши на владѣніе Смоленскомъ и Черниговомъ, уступленными ей по Деулинскому договору, а Владиславъ отказался отъ царскаго титула и призналъ права Михаила Ѳеодоровича на престолъ. Такимъ образомъ оба монарха отказались отъ того, что имъ не принадлежало, и благо-

разумно пожертвовали мнимыми преимуществами для обезпеченія насущныхъ благъ мира.

Русскіе крестьяне народъ довольно грубый, но, повидимому, выносливый и обладающій большой физической силой [1]). Ихъ дома построены на подобіе литовскихъ, но болѣе просторны, и въ нихъ больше мебели и домашней утвари. Они бываютъ иногда двухъэтажные; въ такомъ случаѣ внизу помѣщается кладовая, а жилыя комнаты устраиваются наверху, внутренней лѣстницы по большей части нѣтъ, ее замѣняетъ приставная лѣстница. Впрочемъ, чаще встрѣчаются одноэтажныя избы, изрѣдка о двухъ комнатахъ, чаще въ одну комнату. Когда приходилось ночевать въ такой избѣ, то нерѣдко случалось, что меня будили цыплята, клевавшія зерна въ соломѣ, на которой я лежалъ; иногда появлялись и менѣе безвредныя животныя. Въ деревушкѣ, гдѣ мы ночевали 27 числа, меня разбудили свиньи, хрюкавшія у самыхъ моихъ ушей. Не особенно довольный столь раннимъ посѣщеніемъ, я закричалъ своему слугѣ: „Іосифъ, прогони этихъ господъ и запри дверь".

— Тутъ ни одна дверь не запирается,—преравнодушно отвѣчалъ Іосифъ, — мы всячески старались припереть ее, но все было напрасно; свиней мы также прогоняли нѣсколько разъ, но онѣ возвращаются.

Во время этого разговора я окончательно проснулся и рѣшилъ предоставить моимъ раннимъ посѣтителямъ свое ложе; поднявшись, я сталъ, при свѣтѣ пробивавшагося въ щели дня, разсматривать окружавшую меня обстановку. Мои два спутника лежали на той же охапкѣ соломы, съ которой я только-что всталъ; немного поодаль, на сѣнѣ лежали наши слуги; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ на голомъ полу растянулись на спинѣ три длиннобородыхъ русскихъ крестьянина въ своихъ грубыхъ холщевыхъ рубашкахъ и панталонахъ; на противоположномъ краю избы, на длинной лавкѣ, дремали три женщины, также въ дневномъ одѣяніи; на печкѣ лежала тоже одѣтая женщина, а подлѣ нея валялось четверо полунагихъ ребятишекъ.

Крестьяне очень жадны до денегъ; они почти всегда требовали съ насъ уплаты впередъ за каждый пустякъ и очень часто воровали. Въ Польшѣ не было надобности быть всегда насторожѣ; мы нерѣдко оставляли карету на ночь безъ присмотра; но въ Россіи приходилось оставлять на ночь въ каретѣ слугу, иначе у насъ исчезли бы вскорѣ всѣ вещи, и все-таки, несмотря на бдительность

---

[1]) Опускаемъ подробное описаніе всѣмъ извѣстной одежды русскаго крестьянина.

нашего аргуса, русскіе изловчались чѣмъ-нибудь попользоваться, и каждое утро оказывалось, что за ночь у насъ что-нибудь да пропало.

Крестьяне были обязаны давать намъ на каждой станціи лошадей по извѣстной довольно умѣренной таксѣ; поэтому они еле шевелились и такъ какъ нашимъ единственнымъ переводчикомъ былъ прислуживавшій намъ цыганъ, съ трудомъ объяснявшійся по-русски, то они не спѣшили исполнять его приказанія, и намъ приходилось ожидать на станціяхъ лошадей по нѣсколько часовъ. Крестьяне же исполняли обязанность ямщиковъ и почтальономъ; они обыкновенно запрягали четверку лошадей въ рядъ; припрягали къ нашей каретѣ по восьми и по десяти лошадей, такъ какъ отъ станціи до станціи было обыкновенно верстъ 20 или 30 и дороги были очень плохія. Ямщики рѣдко были обуты въ сапоги, у нихъ обыкновенно не было ни сѣдла, ни стремянъ; послѣднія замѣняла веревка, перекинутая у лошади по спинѣ. На каждую лошадь надѣвали узду, но рѣдко вкладывали ее въ ротъ; большею частью она висѣла свободно. Мы никогда не ѣхали ровнымъ шагомъ, а всегда вскачь, не обращая вниманія на то, по какой дорогѣ приходилось ѣхать; крестьяне рѣдко пускали лошадей рысью; то гнали ихъ вскачь по самой отчаянной дорогѣ, то вдругъ задерживали ихъ и заставляли идти шагомъ по самой ровной дорогѣ. Самый обыкновенный кусокъ веревки замѣнялъ имъ кнутъ, но они рѣдко пускали его въ ходъ и погоняли лошадей, обыкновенно только покрикивая на нихъ, да посвистывая.

Въ промежутокъ между этими выкрикиваніями они распѣвали, по русскому обыкновенію, пѣсни, о чемъ упоминаетъ большая часть путешественниковъ, посѣтившихъ эту страну. Вслѣдствіе плохого состоянія упряжи, которая то и дѣло обрывалась и требовала починки, плохого состоянія дорогъ и безконечной задержки на почтовыхъ станціяхъ, въ ожиданіи лошадей и разныхъ другихъ случайностей, мы рѣдко могли проѣхать въ день болѣе сорока или пятидесяти миль; хотя и пускались въ путь до восхода солнца и ѣхали до тѣхъ поръ, пока не стемнѣетъ.

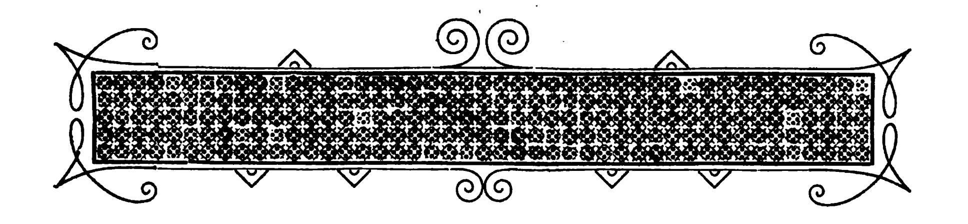
28 августа мы пріѣхали подъ вечеръ въ деревню Гретчево и имѣли неосторожность поѣхать далѣе до слѣдующей станціи, до которой оставалось всего 18 миль; было очень темно, холодно, шелъ дождь; дорога была очень плоха; мы то и дѣло боялись вывернуться. Но о самой главной опасности, угрожавшей намъ на этомъ пути, мы узнали, только доѣхавъ до станціи: наши слуги разсказали намъ, что мы переѣхали черезъ широкій прудъ, по деревянному мосту, безъ перилъ, который былъ такъ ветхъ, что онъ

трещалъ подъ нашей каретой и до того узокъ, что одно изъ заднихъ колесъ висѣло нѣкоторое время надъ водою. Но счастье, по обыкновенію благопріятствовавшее намъ, не покинуло насъ и этотъ разъ, и мы прибыли цѣлы и невредимы, въ первомъ часу ночи, въ Можайскъ, гдѣ въ одномъ изъ домовъ насъ ожидало превосходное рагу съ лукомъ, приготовленное нашимъ вѣрнымъ слугою, который всегда ѣхалъ впередъ и приготовлялъ намъ ужинъ и помѣщеніе. Я мало могъ сказать о Можайскѣ, такъ какъ мы пріѣхали туда очень поздно и уѣхали на слѣдующій день на разсвѣтѣ. Смѣнивъ лошадей въ одномъ селѣ мы прибыли засвѣтло въ Малую Вязьму, лежащую въ лѣсу на берегу небольшого озера въ 24 миляхъ отъ Москвы, куда мы горѣли нетерпѣніемъ пріѣхать какъ можно скорѣй; тѣмъ не менѣе мы благоразумно отложили дальнѣйшій путь до другого дня, такъ какъ намъ не хотѣлось еще разъ подвергаться опасности путешествовать ночью по незнакомой мѣстности.

До Малой Вязьмы и отъ Вязьмы до Москвы дорога шла по широкой лѣсной просѣкѣ. Въ этомъ обширномъ лѣсу, насажденномъ самой природою, росли въ перемѣжку дубы, буки, рябина, тополя, ели и сосны. Разные оттѣнки земли и богатая осенняя окраска деревьевъ были несказанно красивы; великолѣпная, но нѣсколько однообразная лѣсная картина прерывалась иногда лугами и обработанными полями.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Матеріалы по исторіи масонства въ прежней русской арміи [1]).

СПИСОКЪ

Г.г. военнымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ, кои принадлежали къ Масонскимъ ложамъ и, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, отказались отъ оныхъ данными подписками.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
424	Марковичъ	Лейбъ-гвард. уланскаго Его Императорскаго Высочества Цесаревича полка.	Единства Славянскаго, въ Варшавѣ.
425	Ненадкевичъ.	Лейбъ-гвард. уланскаго Его Императорскаго Высочества Цесаревича полка.	Славянской, въ Варшавѣ.
426	Врубель.	Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи легкой батареи № 3-го.	Золотого перстня, въ Бѣлостокѣ.
427	Новосильцовъ.	Лейбъ-кирасирскаго полка, адъютантъ Московскаго военнаго генералъ-губернатор.	Избраннаго Михаила, въ С.-Петербургѣ.

[1]) См. „Русская Старина" 1907 г. августъ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
428	фонъ Ментель.	Лейбъ - кирасирск. Его Императорскаго Величества полка.	Александръ Пеликанусъ, въ С.-Петербургѣ.
429	Скалонъ 1-й.	Гвардейскаго генеральнаго штаба.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
430	Стефанъ.	Свиты Его Величества по квартирмейстерской части.	Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ.
431	Райзеліонъ Сошальской.	Той же части.	Озирисъ пламенѣющей звѣзды, въ С.-Петербургѣ.
432	Барраковъ.	Въ Пажескомъ корпусѣ гувернеръ.	Zum goldenum Schiff, въ Берлинѣ.
433	Біорно.	Инженеръ, находится при чертежной Его Императорскаго Высочества генералъ-инспектора по инженерной части.	Franche amitié, въ Савойнѣ, въ городѣ Апеси.
434	Баронъ Корфъ 2-й.	Учебнаго сапернаго баталіона.	Пламенной звѣзды, въ С.-Петербургѣ
435	Оливіо.	Выборгскаго пѣхотнаго полка.	Россійской орелъ, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
436	Игельштромъ.	Волынскаго уланскаго полка, адъютантъ генералъ-маіора Владека.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
437	Орловскій.	Былъ въ Волынскомъ уланскомъ п., адъютантомъ у генералъ-маіора Игельштрома 2 и уволенъ отъ службы 28 генваря 1823 года.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
438	Доброчинскій.	Волынскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Виленской и Новогрудской ложамъ.
439	Хельмицкій.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
440	Богдановъ 1-й.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
441	Гриневичъ.	Волынскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
442	Маркевичъ.	Татарскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Слуцкой ложѣ.
443	Трушинскій.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Несвижской ложѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
444	Ястрембскій.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Несвижской ложѣ.
445	Петкевичъ.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Несвижской ложѣ.
446	Саецкій.	Литовскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ ложѣ Конина и Слуцкой.
447	Угричъ - Требинскій.	Былъ въ 4-мъ Украинскомъ уланскомъ полку и отставленъ отъ службы 28 октября 1822 года.	St. Jean de l'aménité, въ г. Авенѣ.
448	Тарасевичъ.	Литовскаго пѣхотнаго полка.	Славянской Орелъ, въ Вильнѣ.
449	Коняевъ.	Гарнизонной артиллерійской роты № 51.	Едность, въ крѣпости Замостье.
450	Рикгофъ.	Конно-артиллерійской роты № 29.	Узла единомыслія, въ Новогрудкѣ.
451	Гедгоновъ.	Былъ въ 18 артиллерійской бригадѣ и уволенъ отъ службы 11 ноября 1822 года.	Jean de l'aménité, во Франціи въ городѣ Авенѣ.
452	Рыпинскій.	10 артиллерійской бригады.	Соединенныхъ славянъ, въ Кіевѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
453	Шпилевскій.	8 конно - артиллерійской роты.	Св. Георгія, въ крѣпости Мобежѣ во Франціи.
454	Ржевскій.	13 егерскаго полка.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
455	Жуковъ.	Кременчугскаго пѣхотнаго полка.	Озирисъ, въ Каменецъ-Подольскѣ.
456	Рейнеке.	Кіевскаго драгунскаго полка.	Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ.
457	Вильмансъ.	Смоленскаго пѣхотнаго полка.	Гранъ Оріанъ, въ Парижѣ.
458	Карцовъ.	Лубенскаго гусарскаго полка.	Александръ тройственнаго благословенія, въ Москвѣ.
459	Телепневъ.	Былъ въ Бутырскомъ пѣхотномъ п., и уволенъ отъ службы 24 генваря 1823 г.	Соломоново Созиданіе, въ Вильнѣ.
460	Градовскій.	Екатеринославскаго кирасирскаго полка.	Ищущихъ манны, въ Москвѣ.
461	фонъ-Фишбахъ 2.	Тверскаго драгунскаго полка.	Георгія Побѣдоносца, въ Мобежѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
	Подпоручики:		
462	Чернышевъ.	Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
463	Графъ Ивеличъ.	Лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
464	Купріяновъ.	Лейбъ-гвардіи Московскаго полка.	Россійской Орелъ, въ С.-Петербургѣ.
465	Лешернъ фонъ-Герцфельдъ.	Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи легкой батареи № 3-го.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
466	Роппъ.	Лейбъ-гвардіи конно-артиллеріи легкой батареи № 3-го.	Постоянства, въ Варшавѣ.
467	Гильденштрубе 1.	Лейбъ-гвардіи Волынскаго полка.	Свѣтящая звѣзда, въ С.-Петербургѣ.
468	фонъ-Цеймернъ.	Квартирмейстерск. части.	Александръ тройственнаго благословенія, въ Москвѣ.
469	Завацкій.	1-го Гренадерскаго полка въ Литовскомъ корпусѣ.	Золотаго кольца Россійскихъ ложъ № 21, въ Бѣлостокѣ.
470	Шноръ.	1-го Морскаго полк.	Петръ къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ.
471	Горденинъ 1.	Конно-артиллерійской роты № 29.	С-го Егеллы, въ Слуцкѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
472	Войналовичъ.	Конно-артиллерійской роты № 30.	Принадлежалъ къ Слуцкой ложѣ.
473	Майеръ.	Конно-артиллерійской роты № 14.	Соединенныхъ славянъ, въ Кіевѣ.
474	Польманъ.	19-й артиллерійской бригады.	Соединенныхъ славянъ, въ Кіевѣ.
475	Дордетъ.	17-й полевой артиллерійской бригады.	Къ ложѣ, состоявшей Каменецъ - Подольской губерніи въ м. Буцневцахъ.
476	Мейеръ.	18-й полевой артиллерійской бригады.	Минерва, Подольской губ. въ Буцневцахъ.
477	Земешкевичъ-Закревскій.	7-й конно-артиллерійской роты.	Sincérité, въ Реймсѣ во Франціи.
478	Гебель.	45 егерскаго полка.	Les amis réunis, въ С.-Петербургѣ.
479	Энгельбахъ.	Конно-артиллерійской роты № 6.	Св. Іоанна благосклонности, въ г. Авенѣ (во Франціи).
480	Бриммеръ.	Кавказской гренадерской артиллерійской бригады.	Св. Георгія, при отдѣльномъ французскомъ корпусѣ.
481	Масловъ 2.	Тарутинскаго пѣхотнаго полка.	Нептуна, въ Москвѣ.
482	Масловъ 3.	Того жъ полка.	Нептуна, въ Москвѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
	Корнеты:		
483	Бертье.	Лейбъ - гвардіи уланскаго полка Его Императорскаго Высочества Цесаревича полка.	Соединенныхъ друзей.
484	Раммъ.		Храма постоянства, въ Варшавѣ.
485	Каменскій.	Лейбъ-гвардіи Подольскаго кирасирскаго полка.	Принадлежалъ къ Слуцкой ложѣ.
486	Готовскій.	Литовскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Слуцкой ложѣ.
487	Герловичъ.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Минской ложѣ.
488	Володьзко.	Волынскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской и Несвижской ложамъ.
489	Петринскій.	Былъ въ Волынскомъ полку и уволенъ отъ службы 25 генваря 1823.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
490	Косаржевскій.	Былъ въ Волынскомъ уланскомъ п. и уволенъ отъ службы 25 генвар. 1823 г.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
491	Санчайло.	Волынскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
492	Ратынскій.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Новгородской ложѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
493	Могильницкій.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
494	Лукашевичъ.	Гусарскаго Принца Оранскаго полка.	Св. Іоанна, въ С.-Петербургѣ.
495	Канатовъ.	Того жъ полка.	Св. Іоанна, въ С.-Петербургѣ.
	Прапорщики:		
496	Князь Голицынъ.	Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
497	Гленъ	Былъ лейбъ-гвардіи въ конной артиллеріи и уволенъ отъ службы 7 февраля 1823 года.	Кеннонгентъ Кельвининъ, въ Эдинбургѣ.
498	Лачиновъ.	Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
499	Каменскій.	Той же артиллеріи легкой батареи № 3.	Владиславъ Ягелло, въ Луцкѣ.
500	Скоморовскій.	Лейбъ-гвардіи пѣшей артиллерійской батарейной роты № 5.	Казиміра Великаго, въ Варшавѣ.
501	Голенищевъ-Кутузовъ.	Гвардейскаго генеральнаго штаба.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
502	Володзко.	Конно-артиллерійской № 30 роты.	Узла единомыслія, въ Новогрудкѣ.
503	Болотовъ.	Квартирмейстерск. части.	Ищущихъ манны, въ Москвѣ.
504	Чиляевъ.	Нижегородск. драгунскаго полка.	Умирающій Сфинксъ, въ С.-Петербургѣ.
	Портупей - прапорщики и юнкера:		
505	Портупей - прапорщикъ Флуки.	Крымскаго пѣхотнаго полка.	Эвксинскаго Понта, въ Одессѣ.
506	Юнкеръ Громыкинъ.	Литовскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Гродненской и Новогрудской ложамъ.
507	Юнкеръ Оскѣрка.	Конно-артиллерійской роты № 30.	Владислава Ягеллы, въ Слуцкѣ.
508	Юнкеръ Скавронской.	Лейбъ-гвардіи Волынскаго полка.	Минервы.
509	Юнк. Довгардъ.	Ольвіопольск. гусарскаго полка.	Трехъ Глобусовъ, въ Тильзитѣ.
510	Юнкеръ Руссо.	Лейбъ-гвардіи Подольскаго кирасирскаго полка.	Принадлежалъ къ ложамъ въ Парижѣ и Седанѣ, но званія оныхъ не помнитъ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
511	Юнкеръ графъ Тишкевичъ.	Гродненскаго гусарскаго полка.	Въ Новогрудкѣ.
	Унтеръ-офицеры:		
512	Загоровскій.	Подольскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Минской ложѣ.
513	Лопесъ.	Былъ въ Елисаветградскомъ гусарскомъ полку и уволенъ отъ службы 5-го декабря 1822 года.	Палестины, въ С.-Петербургѣ.
	Лейтенанты:		
514	Черкасовъ.	Гвардейскаго экипажа.	Избраннаго Михаила, въ С.-Петербургѣ.
515	Римскій-Корсаковъ.	Того жъ экипажа.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
516	Мусинъ-Пушкинъ.	Того жъ экипажа.	Россійской Орелъ, въ С.-Петербургѣ.
517	Давыдовъ.	Того жъ экипажа.	Александръ тройственнаго поклоненія, въ Москвѣ.

(Окончаніе).

Сообщила Тира Соколовская.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1907 г.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и воспоминанія.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

Библіографическій листокъ.

Приложенія.

Посланіе шведскаго полковника Александра Десли къ царю Михаилу Ѳедоровичу изъ Нарвы о новоучрежденномъ рыцарскомъ польскомъ орденѣ въ 1638-мъ году. Приготовилъ къ печати проф. Е. Ѳ. Будде.

Памятникъ этотъ найденъ въ имѣніи Назаровѣ, Рузскаго уѣзда, Московской губерніи, въ рукописи, принадлежащей А. Ѳ. Мейенъ. Онъ раскрываетъ русско-польскія политическія отношенія на почвѣ религіозныхъ вопросовъ и свидѣтельствуетъ о переводѣ на русскій языкъ произведеній польской юридической и политической литературы. Языкъ памятника простой русскій съ нѣкоторою примѣсью польскихъ словъ.

А. Бѣломоръ. Памятка для моряковъ.

Извѣстный писатель по морскимъ вопросамъ доступнымъ для простыхъ людей языкомъ излагаетъ участіе балтійскаго флота въ русско-японской войнѣ. Картина Цусимскаго боя представлена по разсказамъ и донесеніямъ очевидцевъ. Встаютъ ряды славныхъ подвиговъ нашихъ моряковъ, неизвѣстные или забытые русскимъ обществомъ, вслѣдствіе грѣха Небогатовской исторіи.

Сюда же присоединены подвиги крейсера „Рюрика" и миноносца „Стерегущаго". Къ книжкѣ приложены фотографическіе снимки судовъ.

Исторія полка Военнаго Ордена. Составилъ **А. И. Григоровичъ.** СПб. 1907.

Извѣстный знатокъ военно-архивнаго дѣла А. И. Григоровичъ выпустилъ въ свѣтъ 1-ый томъ „Исторіи полка Военнаго Ордена". Томъ обнимаетъ первое столѣтіе существованія полка 1709—1809 гг. Сформированіе полка теряется въ далекомъ прошломъ, и документовъ этой эпохи сохранилось сравнительно мало, почему и разработать этотъ вопросъ чрезвычайно трудно, но авторъ, путемъ сличенія „сказокъ", блестяще разрѣшилъ эту задачу. Весь трудъ основанъ исключительно на первоисточникахъ, а потому и является заслуживающимъ полнаго довѣрія. Характерной особенностью въ трудѣ А. Григоровича является еще искусная связь дѣятельности полка въ общемъ ходѣ событій, которыя кратко, но весьма понятно изложены. Масса фактовъ, имѣющихъ интересъ съ общеисторической точки зрѣнія, дѣлаютъ чтеніе этой книги интереснымъ и не для спеціалистовъ. Наружная сторона изданія не оставляетъ желать лучшаго. Остается пожелать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ продолженія этого прекраснаго, во всѣхъ отношеніяхъ, труда. *М. П.*

Лейбъ-егери подъ командою Николая Павловича; составлено офицерами л.-г. егерскаго полка. С.-Петербургъ. 1907 г.

Эта небольшая по объему книжка весьма рельефно, интересно и поучительно излагаетъ описаніе почти семилѣтняго командованія (1818—1825) великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ 2-й бригадой 1-й гвардейской пѣхотной дивизіей (полки л.-г. Измайловскій и Егерскій). За это продолжительное время великій князь лишь изрѣдка и временно командовалъ дивизіей. По словамъ авторовъ великій князь Николай Павловичъ „былъ начальникъ строгій, требовательный. Онъ не оставлялъ безъ взысканія ни одного поступка, въ то же время выражая заботу о подчиненныхъ. Онъ строго и ревниво охранялъ порядокъ несенія караульной службы. Онъ строго и ревниво боролся съ отступленіями отъ формы и одежды. Онъ строго и ревниво относился къ полному исполненію уставныхъ тонкостей, развода и правилъ маршировки, требуя дѣйствительнаго проведенія въ жизнь высочайшаго повелѣнія, чтобы пѣхотные офицеры непремѣнно маршировали солдатскимъ шагомъ, т. е. какъ хорошо выученный солдатъ маршируетъ". Подчиняясь духу времени, великій князь ставилъ высоко разводъ и парадъ, но строго различалъ генераловъ боевыхъ отъ плацъ-парадныхъ. Про одного изъ нихъ онъ высказалъ слѣдующее мнѣніе: „онъ можетъ быть хорошій военный человѣкъ, а не для мирнаго времени; я ихъ различаю и хотя предпочитаю военнаго генерала мирному, но

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1907 г.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»,** Фонтанка, д. № 18, кв. № 4.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1906 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, В. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

3 2044 099 714 537